

АНГИНА

Крепость в
Лихолесье

Фанфик по мотивам книги Дж. Р.Р.Толкина "Властелин Колец".

2850-ый год Третьей Эпохи. Над Лихолесьем сгущается Тьма, и Гэндальф Серый принимает решение тайно пробраться в Дол Гулдур и выяснить, что за черные дела творятся во вновь восставшей из руин таинственной Крепости. Вот только эта отчаянная затея грозит закончиться для старого мага далеко не лучшим образом, да и компанию ему составляет урук-подросток...

---

1. Незнакомец

К вечеру похолодало. Позади, в Дунланде, была уже середина марта; здесь, среди горных вершин, власть захватил суровый беспросветный февраль — и уступать свой холодный трон какой-то там резвящейся в долинах глупой весне отнюдь не намеревался.

Тучи, чреватые пудами, тысячами пудов тяжелого липкого снега, тянулись и тянулись с Ледяного моря, бесконечные, как полотно Вайрэ. Несомненно, любой здравомыслящий человек, желающий попасть из Дунланда в Изенгард, воспользовался бы вполне удобным торговым трактом, проходящим через Врата Рохана и огибающим южную оконечность Метхедраса — но Гэндальф Серый был не из тех, кто ищет легких путей, и начавшийся после полудня снегопад застал волшебника на пустынной каменистой тропе, проложенной по горам по долам дунландскими охотниками и пастухами коз. Увы! Надежда срезать пару десятков миль короткой дорогой оправдывала себя слабо, карабкаться по обледенелым склонам сквозь колючую снежную хмарь оказалось для путника куда более утомительным и отвратительным делом, нежели представлялось накануне в теплой придорожной корчме. Волшебник брел, низко надвинув на глаза потрепанную шляпу и мрачно преодолевая напитанное беспорядочно сыплющимся снегом пространство, и вел в поводу мохнатого, с ног до головы обросшего инеем ослика, который вскоре замерз и устал не меньше Гэндальфа и всем своим видом отчаянно показывал, что вот именно на него какая-то сволочь безжалостно взвалила самую грубую и непосильную ношу. Хотя ноша эта представляла собой лишь наполовину похудевшую вязанку хвороста да переметную суму, в которой имелось немного зерна, разбухшего от влаги, кусок овечьего сыра, пара ржаных сухарей и старое заплатанное одеяло.

На исходе дня снегопад поутих. Сквозь проточину в пелене сизых туч неожиданно прорвался ясный луч закатного солнца — и лоскуты голубого, алого, розового, огненно-рыжего цвета, возлегшие на снеговые вершины гор, превратили угрюмый сумеречный пейзаж в пеструю легкомысленную картинку: как будто суровый воин решил на мгновение сбросить извечную маску хмурой озабоченности и явить миру свою истинную натуру, не чуждую жизнерадостности и любви к прекрасному. Некоторое время Гэндальф стоял неподвижно, опираясь на посох, отдыхая и любуясь открывшейся его взору вызывающе-яркой живописностью гор; ободряюще положил ладонь на холку приунывшего ослика.

— Поэзия, застывшая в камне... просто дух захватывает. Верно, ушастый?

Ослик к красотам природы остался равнодушен, только дернул хвостом, качнул головой и длинно, уныло вздохнул, намекая, что вообще-то не мешало бы и отдохнуть.

— Что ж, ты прав, видимо, пора подыскивать местечко и для ночлега... раз уж до Изенгарда нам сегодня добраться не суждено... — волшебник умолк. В стоящей вокруг предвечерней тишине ему послышался раздавшийся неподалеку странный и неуместный звук.

Это был не то вздох, не то сдавленное рыдание, не то негромкий прерывистый стон... Гэндальф замер и прислушался; ладонь его невольно метнулась к рукояти меча, висевшего на поясе. Вокруг все было тихо; вряд ли в столь неблагоприятное время года по горам могли рыскать шайки разбойников, да и гоблины в такую погоду обычно не рисковали высовывать нос из своих нор — но бдительности терять определенно не следовало. Волшебник внимательно осмотрелся...

Ничего подозрительного и угрожающего вокруг как будто не обнаруживалось. Где-то далеко, на пределе слышимости, грохотал сходень, да тоненько посвистывал в ближайшем ущелье ветер; облака над головой тревожно слоились, собирались рыхлой ватной кучей, вновь сулили ночью добрый густой снегопад. Гэндальф вздохнул; он уже совсем было уверился в мысли, что вокруг все спокойно, и чье-то соседство поблизости ему просто невзначай примерещилось — но тут звук, так настороживший и напугавший его, повторился вновь.

Теперь волшебник хорошо расслышал его — это действительно был короткий стон, сопровождаемый хриплым покашливанием и негромким поскрипыванием снега. Вдоль тропы тянулся глубокий котлован с крутыми, почти отвесными обледенелыми склонами — и, приглядевшись, Гэндальф обнаружил скорчившуюся на его дне человеческую фигуру... а может, и *нечеловеческую*, но навскидку обличить расовую принадлежность полузасыпанного снегом, закутанного не то в одеяло, не то в темный бесформенный балахон полузамерзшего бедолаги было довольно трудно. Кто это был — какой-нибудь шальной горемыка-горец, неведомым образом заплутавший среди скал, или сбившийся с дороги путник из Дунланда, или ненароком угодивший в овраг неуклюжий гном? Гэндальф воткнул в снег тяжелый посох, разломал хрупкие сосульки вокруг губ, в которые благополучно превратились на морозе его усы, и, приложив руки ко рту, гаркнул так громко, как только мог:

— Хей! Любезный! Поднимайтесь! Вставайте сейчас же, нельзя лежать на снегу!

Метнулось вдоль ущелья насмешливое эхо, где-то чуть поодаль прошелестела скатившаяся по склону порция снега... Незнакомец на дне ямы не шелохнулся, ничем не выдал того, что расслышал слова волшебника — неужели тот стон и короткое движение, которые и приковали к себе внимание Гэндальфа, были для бедолаги последними? Волшебник закрипел зубами от досады.

— Эгей! Вставай, дурень! Поднимайся, слышишь! — он изловчился и ударом посоха обрушил тяжелую снежную шапку, нависавшую над краем котлована. Снежный ком, скатившийся к ногам незнакомца, как будто вывел того из оцепенения: фигура на дне ямы дрогнула, шевельнулась и как-то неуверенно, не стряхивая с себя снега, приподнялась, устремив взгляд в сторону Гэндальфа. Бесформенное одеяло сползло с плеч незнакомца, но голова его по-прежнему утопала в глубоком капюшоне меховой куртки — и волшебник не сумел разглядеть его лица.

— Эй, слушай! — крикнул Гэндальф, стараясь как можно громче и четче выговаривать каждое слово. — Я сейчас брошу тебе веревку... слышишь?.. Брошу тебе веревку, ты обвяжешься ею, и я вытащу тебя наверх... вытащу тебя из ямы, понятно?

Незнакомец молчал. Медленно выпрямился, кое-как поднялся, цепляясь за обледенелые склоны ямы, сделал несколько спотыкающихся шагов, пошатываясь, словно пьяный, и тяжело привалился плечом к стене. Волшебник снял притороченную к седлу прочную пеньковую веревку и, обвязав ею ближайший валун, сбросил свободный конец в котлован.

— Хей! Обвяжись веревкой и держись крепче, я попробую вытащить тебя наверх! Слышишь? Обвяжись веревкой!..

Ему пришлось еще два раза повторить эту фразу, прежде чем она наконец в полной мере внедрилась в затуманенное сознание незнакомца, и тот медленно кивнул. Потом непослушными негнущимися пальцами принялся обвязывать веревку вокруг пояса — он по-прежнему двигался неуверенно и неуклюже, точно во сне, его качало и шатало, как последнего пропойцу. Наконец он кое-как завершил своё сверхсложное дело, и Гэндальф,

собравшись с силами, принялся аккуратно выбирать веревку, стараясь не делать резких движений. К некоторому удивлению мага, ноша оказалась вовсе не так тяжела, как ему поначалу представлялось, и минуту спустя голова незнакомца показалась над краем ямы: он судорожно цеплялся руками за выбоины и уступы на каменных склонах котлована, пытаясь как-то пособить своему спасителю, но, кажется, этим только больше мешал, нежели помогал. Вытягивая обессиленного бедолагу на скользкую кромку обрыва, Гэндальф мельком заглянул под низко свисавшие края капюшона — и почти не удивился, встретившись взглядом с измученными зеленоватыми глазами молодого орка.

Это был урук. Причем даже не взрослый орк — так, мальчишка, подросток лет четырнадцати-пятнадцати.

Усилием воли Гэндальф подавил мимолетное недостойное желание разжать руки и выпустить веревку.

Но встреча, что ни говори, была странная. И довольно-таки неприятная: видеть уруков, крупных горных орков, в такой непосредственной близости от Изенгарда волшебнику до сих пор не доводилось; впрочем, в этих местах маг не бывал уже лет двадцать, а за это время обстановка, что ни говори, могла в корне измениться. Орки — народ кочевой, и, если какое-то из горных племен перебралось ближе к югу в поисках лучшего места для житья-бытья, ничего удивительного в этом не было. Разве что теперь следовало быть вдвойне осторожным, чтобы ненароком не напороться поблизости на сородичей спасенного: закаленные суровыми жизненными условиями, уруки холода и непогоды не особенно боятся, и рыскать по горам по долам в поисках поживы мороз, ветер и снегопад им обычно ни капельки не мешают. К тому же скоро стемнеет...

Впрочем, у извлеченного из ямы орка оружия не было — а если и было, то наверняка осталось внизу, на дне котлована.

Интересно... Как этот мальчишка оказался на дне ущелья — один? Или сами соплеменники оставили его там — в наказание за какой-то проступок? Гэндальф знал, что среди орков, в общем-то, подобные расправы вполне в порядке вещей.

Маг искоса окинул незнакомца настороженным взглядом. И вновь мимоходом подивился... Одевание у парня явно было примечательное, совсем не по-орочьи чистое и добротное: никакого грубо сшитого рубища из козьих шкур, грязных кожаных опорок и кишашего вшами бесформенного тряпья. На мальчишке была надета расшитая полосками кожи короткая меховая куртка и такие же теплые штаны мехом внутрь — одежда, какую в холодную пору года предпочитают носить горцы, — на ногах имелись ладные, с коротким голенищем сапоги на мягкой подошве, а на шее (что и поразило Гэндальфа больше всего) — вязаный затейливым узором широкий шарф, творение явно не когтистых орочьих рук. Что это за невидаль — какой-нибудь былой грабительский трофей, разбойничья пожива, добыча из разоренной дунландской деревеньки? Волшебник решил, что сейчас не лучшее время это выяснять.

На всякий случай он вновь внимательно огляделся. Вокруг все по-прежнему было спокойно и мирно, и никакой угрозы ни в чем как будто не таилось... Никто не бросался на мага из-за угла, размахивая кривым скимитаром, никто не пытался покуситься на его скромные пожитки, никто не тщился воткнуть в него копьё, стрелу или боевой топор — окружающие горы казались вымершими и абсолютно безжизненными, и до волшебника и спасенного им горемычного мальчишки-орка дела никому не было... Вот и хорошо, вот и ладненько, мрачно сказал себе Гэндальф.

Торопливо сворачивая веревку и вновь приторочивая её к луке седла, волшебник вполглаза наблюдал за спасенным. Выбравшись из ямы, мальчишка тут же повалился в ближайший сугроб — ноги, по-видимому, его уже не держали — и скорчился на снегу, полузакрыв глаза и судорожно хватая ртом воздух; что-то невнятно, едва слышно пробормотал.

— Что, что? — не понял Гэндальф.

Мальчишка захрипел:

— Я... я-я... с-сп-п... спс...

— Ладно, ладно, не за что. Вставай, что ты тут расположился... вставай, вставай, нельзя сидеть на снегу. Как ты угодил в эту яму? Отбился от своих, что ли? Где твоё племя?

Но орк явно не был расположен к разговорам: его трясла такая сильная произвольная дрожь, что зубы судорожно стучали и клацали, а язык напрочь вышел из повиновения. Самостоятельно идти он не мог. Предоставить бедолагу-урука самому себе Гэндальфу (увы!) не позволяла совесть, да маг и не имел времени на раздумья: с запада наплзала, наплзала седая ночная мгла, обнимала холодом, кружила в воздухе пока ещё редкие пылинки первого снега. Конечно, Гэндальфу было не впервой ночевать в сугробе, и такая вероятность его не слишком пугала... но и не становилась от этого приятнее, да и с полузамерзшим орком надо было что-то делать. Секунду поколебавшись — он все же не был уверен, что поступает благоразумно — Гэндальф наклонился, пособил мальчишке встать и подвел его к своему ослику, чтобы помочь уместиться в седле. Ослик воспринял эту затею без особенного воодушевления, испуганно фыркнул, прижал уши и шарахнулся в сторону, и, чтобы унять его страх и инстинктивное, на уровне подсознания недоверие к оркам, волшебнику пришлось возложить руку ему на холку и пробормотать нечто ободряюще-успокаивающее... К счастью, совсем неподалеку в склоне горы Гэндальф заметил небольшую пещерку, узкую расщелину в толще камня, которой, видимо, пользовались в качестве временного приюта горцы и местные охотники. Пещерка была не особенно глубокая, но достаточно сухая и без сквозняков, что делало её вполне подходящим убежищем от холода и мрака подступающей ночи.

Мальчишка обессиленно повалился на одеяло, расстеленное на вязанке хвороста. Волшебник развел костер, растопил в котелке горсть снега и, добавив в горячую воду немного крепкого вина из баклажки, бережно хранимой за пазухой, дал орку выпить этот живительный эликсир. К его некоторому изумлению, это незатейливое зелье, кажется, и вправду подействовало; во всяком случае, мальчишка перестал дрожать и стучать зубами и более-менее пришел в себя, взгляд его прояснился и кожа из бледно-синюшной приобрела нормальный (по крайней мере, для орков) цвет. Он смиренно лежал на одеяле возле костра, свернувшись калачиком и, казалось, пребывал в расслабленной полудреме; но все же, ухаживая за осликом и готовя простецкий походный ужин, волшебник старался не спускать с него глаз.

Многое, что ни говори, в мальчишке казалось странным, приметным, каким-то совершенно не свойственным для обычных обитателей горных пещер... Цвет кожи у парня был тёмный, серовато-коричневый, характерный для уруков Туманных гор, как и правильные черты лица, к которым прилагались широкие скулы, короткий прямой нос с низкой переносицей и уши с заостренными кончиками. На спину спускалась грива густых и черных, глубокого цвета сажи волос, и часть их, убранная со лба, была закреплена на затылке широким кожаным шнурком; но, в отличие от повсеместных орочьих обычаев, у мальчишки

не имелось ни разорванных ушей, ни вывернутых ноздрей, ни нанесенных ритуальным ножом шрамов, ни прочих опознавательных знаков клана и рода, какими обычно обозначают себя истинные обитатели горных подземелий. Отсутствовали также и столь любимые орками украшения, как серьги и кольца, продетые в мочки ушей или крылья носа, когти на руках мальчишки были коротко обрезаны и подпилены, на открытых участках тела не обнаруживалось укусов блох, а одежда отличалась прямо-таки невероятной для пещерного жителя опрятностью, аккуратностью и относительной чистотой.

Наконец яростно запыхтела в котелке постная овсяная каша. Волшебник достал из своей торбы две роговых ложки, обтер их чистой тряпицей и, секунду поколебавшись, предложил одну из них орку. Тот взглянул на мага недоверчиво... но все-таки не стал тушеваться, смущаться, отнекиваться и отползать в тень, приподнялся, завернувшись в одеяло, и, придвинувшись поближе к огню, принялся за еду. Он явно изголодался, ел торопливо и жадно, хотя, несомненно, пытался обуздать свой голод и вести себя как можно сдержаннее и аккуратнее. Хотя под изучающим взглядом волшебника ему определенно было не по себе, он поёживался и старался не поднимать головы, глядя на дно стремительно пустеющего котелка — пресная и жидкая овсяная размазня явно не делала кулинарному искусству Гэндальфа никакой чести, но не чайный едок оказался невзыскателен.

Через несколько минут он отодвинул от себя опустевший котелок. Поднял на мага глаза — прозрачно-зеленые, как крыжовник, ярко контрастирующие с его темной обветренной кожей. Пробормотал едва слышно:

— С-с... спасибо, сударь. За... за все, что вы для меня сделали. За то, что вытащили меня из той ямы... — он зябко поежился и несмело улыбнулся — вполне дружелюбно, но как-то неуверенно, даже застенчиво, словно сомневался в том, что Гэндальфу вообще нужна его благодарность.

Волшебник кивнул, задумчиво глядя на пляшущие язычки пламени.

— Я не знал, что ты — орк, — помолчав, неохотно признался он. — Одевание на тебе было совсем не орочье.

Парень, облизнув губы, слегка натянуто усмехнулся.

— А если бы знали, что там, под одеянием — прошли бы мимо?

Действительно — прошел бы? — спросил себя Гэндальф. От необходимости отвечать (в том числе и самому себе) мага избавила сырая ветка, громко лопнувшая в огне; волшебник поправил рассыпавшиеся головешки и, набив котелок снегом, вновь поставил его на огонь. Достал из переметной сумы мешочек с песком, чтобы вымыть посуду... Негромко потрескивал костер, в углу уютно похрустывал зерном ослик, время от времени пофыркивая и переступая с ноги на ногу, и в его тугом ослином брюхе при этом что-то сердито урчало. Предоставив орку сомнительное удовольствие отдраивать песком обгоревшие стенки котелка, Гэндальф устроился возле костра поудобнее, снял сапоги, чтобы просушить над огнем обмотки, достал кисет и неторопливо раскурил трубку. Не забывая при этом искоса поглядывать на загадочного попутчика.

— Ты откуда взялся? — задумчиво спросил он вполголоса, адресуясь скорей самому себе, нежели орку. Но тот все же услышал — и, не прекращая отскабливать тряпицей с песком закоптелый жестяной котелок, исподлобья посмотрел на волшебника:

— Что?

— Где твои сородичи? И где твоя... — маг запнулся, подбирая подходящее слово: «пещера»? «дом»? «логово»? — Где твое убежище? — договорил он наконец.

— Убежище? — в глазах мальчишки что-то странно блеснуло, как будто вопрос волшебника показался ему забавным. — Тут, в одной долине неподалёку, — и он сделал жест рукой, такой широкий, что он охватывал по меньшей мере половину Туманных гор.

— А как ты оказался в той яме? Отбился от своих, что ли?

Орк пожал плечами. На вестроне — Всеобщем языке — он изъяснялся совершенно свободно, без малейшего затруднения.

— Да нет, я случайно туда попал. Я ходил по горам, собирал образцы пород и нечаянно поскользнулся... Склоны там были очень скользкие, а я сломал свой нож и не мог выбраться. А потом я з-з... замерз. — Он поёжился, видимо, вспоминая свои неприятные приключения, потом, глядя в землю, добавил отрывисто: — Спасибо вам еще раз, сударь. Если бы не вы...

— Я лишь сделал то, что сделал бы на моем месте любой другой прохожий — помог попавшему в беду, — сдержанно отозвался Гэндальф: как-то непривычно было выслушивать благодарности от урука. Интересно, спросил он себя, что это за «образцы пород» могли внезапно понадобиться какому-то дикому неотесанному зверенышу? И — для чего?

— Не любой, — помолчав, негромко сказал мальчишка. Он выплеснул из котелка грязную воду с ошметками каши, оставил чистую посудину в сторону, обтер о штаны мокрые руки и, запустив лапу в карман куртки, извлек маленькую деревянную баночку с какой-то темной и на редкость остро пахнущей мазью. Протянул её Гэндальфу. — Вот, возьмите. Может, это вам когда-нибудь пригодится... Это такая мазь... согревающая, чтобы руки не замерзали. Я сам её состряпал! — вдруг добавил он, и при этом в его негромком хрипловатом голосе явственно зазвучали горделивые нотки.

— О! Вот как! — сказал Гэндальф. Он просто не представлял, что еще тут можно сказать.

— Правда, — извиняющимся тоном добавил орк, — мне самому лишь несколько раз доводилось испытывать её в деле, и согревающее действие у неё не особенно сильное. Но, во всяком случае, хочется надеяться, что она не вызовет у вас чесотки на коже, как та мазь, которую я приготовил в прошлый раз.

— Ага. Мне тоже очень хочется на это надеяться, — честно признался Гэндальф. Он неохотно говорил себе, что все больше и больше дивится манерам и поведению своего странного знакомого. Про себя маг до сих пор гадал, откуда тот мог взяться, но задавать этот вопрос орку в глаза больше не желал, догадываясь, что прямого ответа все равно не получит.

Мальчишка меж тем поднялся, отряхиваясь, неловко потоптался на месте. Помыл в руке кончик своего примечательного вязаного шарфа. Вопросительно взглянул на волшебника.

— Ну что ж, — он как-то нерешительно улыбнулся. — Наверно, мне пора?

Гэндальф невозмутимо выпустил в воздух колечко дыма.

— Я думаю, тебе лучше задержаться здесь до утра.

— Почему?

— Ночью в горах может быть опасно. Всегда существует малозаманчивая вероятность вновь угодить впотьмах в ледяную яму... или ещё в какую-нибудь досадную неприятность.

Я говорю это орку? — мрачно спросил он себя.

Мальчишка медлил. Смотрел на Гэндальфа искоса, исподлобья. Лицо у него было спокойное, и руки расслабленно висели вдоль тела, но волшебник все же как-то напрягся. Внутренне собрался, готовый ко всему...

— Хорошо. — Орк, видимо, понял, что маг радуется не столько о его безопасности,

сколько о своей собственной, и благоразумно решил уступить. — Как скажете, сударь. Я останусь. — Он отступил и вновь опустился на лежавшую возле стены вязанку хвороста, завозился на ней, устраиваясь поудобнее. Завернулся в свою куцую куртейку. И вскоре затих — то ли уснул, то ли просто притворился спящим... Прикрыв глаза, волшебник, оставшийся сидеть возле костра, лениво наблюдал за спутником из-под полуопущенных век.

Маг подозревал, что, несмотря на усталость, в эту ночь спать ему вряд ли придется. Леший знает, откуда взялся этот мальчишка, и что на самом деле у него на уме... Ни злобным, ни опасным он как будто не представлялся, но излишняя бдительность еще никому вреда не нанесла, в отличие от легкомыслия, беспечности и махрового ротозейства. Позволь этому парнишке сейчас беспрепятственно уйти — и один Илуватар ведает, куда он пойдет и кого вздумает привести сюда через час-другой. Поэтому лучше не спать в компании странного малознакомого орка, не расслабляться и не смыкать глаз... необходимо быть готовым ко всему и держаться настороже... да-да, держаться настороже и не спать... не спать ни в коем случае... не спать... не с-с-с...

...Волшебник проснулся внезапно, словно от толчка — от того, что сработало брошенное им на выход из пещеры легкое сторожевое заклинание. Леший возьми, он все-таки уснул! Привалившись спиной к стене и уткнувшись лицом во встрепанную бороду, как последний деревенский тюфяк...

Костер догорел, превратившись в груды засыпанных пеплом головешек — но в пещеру просачивались мутные серые лучи: над горами рассветало, новый день, зарождающийся над мрачными скалистыми вершинами, уже робко заявлял о себе. Все немудрящие пожитки мага были целы и на своих местах, а ослик, живой и невредимый, мирно пофыркивал в своем углу, помахивая хвостом, вот только странного орка в пещере не оказалось... Гэндальф выглянул наружу — ночью все-таки прошел снег и припорошил тропу; следы беглеца тянулись дальше на юг и терялись на ближайшем каменистом участке, по которому горный ветер сердито гонял колкую крупитчатую поземку. Мальчишка предпочел уйти, не прощаясь... Куда?

Впрочем, особенных причин разыскивать сбежавшего орка у Гэндальфа не было, кроме разве что простого любопытства — а волшебник уже давненько выучился держать этот беспокойный порок в узде. Тем не менее следовало поторопиться; на ходу жуя кусок сухаря и подгоняя ленивого ослика, маг, не мешкая, собрался в дорогу и пустился в дальнейший путь — и вскоре, борясь с ветром и с чем-то, что к этому времени уже густо валило с неба (то ли это был снег, изображающий дождь, то ли дождь, пытающийся выдать себя за снег, Гэндальф так и не сумел для себя решить), — в общем, вскоре волшебник и вовсе позабыл об этой случайной встрече: в его глазах она совершенно не стоила того, чтобы придавать ей какое-то особенное значение.

2. Изенгард

Когда Гэндальф наконец подошел к Кругу Изенгарда, уже вечерело.

Магу повезло — решетки ворот были еще не опущены, хотя привратники уже хлопотали возле подъёмников; Гэндальфа они пропустили без возражений, и, миновав пробитый в толще камня тоннель под скалой, волшебник вступил в окруженную горами крепость. Справа воинственно клокотал Изен, пополненный талыми водами ледников; слева, мерцая за нагими ветвями парковых деревьев, виднелись огни в жилищах изенгардцев, откуда вкусно тянуло дымком топящихся очагов и ароматом свежеспеченного хлеба. Вперед уходила мощеная каменными плитами дорога, прямая и гладкая, точно раскатанная рубелем, и упиралась в подножие Ортханка, который возвышался впереди мрачно и внушительно; подножие башни было погружено во тьму, лишь выше, в узких стрельчатых окнах меж мощными контрфорсами там и тут трепетали слабые огоньки — то ли колеблющееся пламя свечей, то ли отблески каминов... Гэндальфа, судя по всему, не ждали.

Он хмыкнул. Устроил своего утомленного ослика на ночлег в ближайшей конюшне и, не мешкая, поднялся в башню. Одетый в темное неприметное одеяние слуга встретил мага на пороге и принял из его рук обындевшее барахлишко — плащ и шляпу; почтенного вида мажордом, украдкой позёвывающий, но все равно невероятно представительный, без промедления провел гостя в небольшую комнату, освещенную красноватым светом горящего очага.

Саруман, разумеется, был на посту: сидел в кресле возле камина, закутавшись в серый плед с меховой оторочкой и изучая неохватных размеров древний фолиант, возлежавший у него на коленях. В длинных седых волосах Белого мага мягко поблескивали искорки-серебрянки — отблески неяркого света мерцающих свечей; на войлочном коврикe у его ног свет и тени мешались причудливым узором. Неподалеку, на невысоком резном столике, тускло посверкивала пузатая бутылка в ивовой оплетке, а рядом стояли деревянные кубки, мед, корзиночка с пряностями и все прочее, необходимое для приготовления горячего питья.

Саруман, несомненно, прекрасно слышал тихие шаги вошедшего гостя — но даже не повернул головы в его сторону.

— А, Гэндальф, ну наконец-то! — ворчливо заметил он таким тоном, словно Гэндальф не отсутствовал в его поле зрения долгие годы, а всего лишь выходил из комнаты на минутку-другую, чтобы разыскать книгу или пару свечей. — Признаться, я уж отчаялся дожидаться тебя нынешним вечером. — По-прежнему не глядя на гостя, он аккуратно перевернул страницу, такую хрупкую и истершуюся от времени, что на ней почти невозможно было ничего прочитать.

— Как ты узнал? — спросил Гэндальф. Он до последнего баловал себя надеждой, что его появление в кои-то веки застанет Белого мага врасплох, но — увы!

— Узнал о чем?

— О том, что я сегодня буду в Ортханке.

— Для гостя ты чересчур нахален — задаешь слишком много вопросов. — Саруман с усмешкой пощипывал бороду. — Разве тебе не известно, насколько искусно я способен прозревать пространство, дружище? Как только мой всепроникающий взор пронизал толщу вод, земель и небес...

— Не морочь мне голову. Как ты узнал?

— У меня свои каналы осведомления, Гэндальф, так что ты зря полагаешь, будто можешь что-то от меня скрыть. По крайней мере, я знал, что тебя следует ожидать не сегодня вечером, так завтра поутру, и успел смириться с этим, гм, прискорбным фактом. Ну проходи, раз уж явился... надеюсь, ты не желаешь глоточек подогретого вина?

— Ну, раз уж ты так настаиваешь, от чарки-другой, пожалуй, не отказался бы.

— В таком случае, не обессудь, тебе придется приготовить новую порцию — все необходимое найдется аккуратно на столе. Да подбрось в камин пару поленьев посуше... Ортханк за последние месяцы промерз до самого последнего камешка, никакого топлива не хватило бы, чтобы как следует его прогреть. Зима в этом году выдалась просто мерзостной, ты не находишь? — И Саруман улыбнулся так многозначительно и так горделиво, точно видел в этом исключительно собственную заслугу. — Лет сто я уже не припомню в Рохане таких холодов.

Ингредиенты для глентвейна требовалось смешивать в глубокой медной посудине с ручками в виде виноградных лоз. На помощь волшебнику из темного угла явился Гарх, прошелся туда-сюда по столу, остановился возле бутылки с вином и, склонив голову к плечу, очень внимательно просмотрел на свет её содержимое. Видимо, ворону так часто доводилось быть свидетелем подобной стряпни, что он уже мнил себя изрядным знатоком в этой тонкой области.

— Здравствуй, Гарх, — с улыбкой приветствовал его Гэндальф, и ворон церемонно кивнул в ответ, словно чинный градоначальник, принимающий дары от явившегося с поклоном дружественного посольства. — Как поживаешь? Рад видеть тебя пребывающим в трезвой памяти и здоровом уме.

Гарх был явно польщен вниманием гостя, хоть и постарался этого не показать.

— Отрадно сознавать, — сдержанно прокаркал он, — что хоть кто-то считает меня пребывающим в трезвой памяти и здоровом уме. Но на самом-то деле я уже далеко не тот, что прежде: лысоват, слеповат... глуповат, эхехе. Кстати говоря, — он просверлил чашу в руках волшебника внимательным взглядом, — раз уж ты взялся за стряпню, добавь-ка для аромата крохотную щепотку черного перца. Право, ничто так не греет душу на исходе зимы, как добрый глоток подогретого винца, благоухающего бодрящим перцовым духом...

— Ишь ты, любитель перцовки! — процедил из своего угла Саруман. — А мне до сих пор казалось, что ты ратуешь за безусловно трезвый и высоконравственный образ жизни.

— Одно другому не мешает, — ледяным тоном отрезал Гарх. — И, во всяком случае, я никогда не ратовал за необузданные пьяные оргии, которые...

— Кстати, — вполголоса перебил Гэндальф. — Пьяные оргии меня пока не интересуют, но чем-нибудь самую малость перекусить, по-моему, было бы весьма неплохо. Как повашему, а?

Саруман сделал задумчивое лицо. Белый маг и глава Ордена Истари никогда не был особенно гостеприимным, да, собственно говоря, и не старался таковым казаться.

— И чем же мне тебя попотчевать, дружище? Сдается мне, ломоть чёрного хлеба и простецкий шмат сала — как раз то, что требуется усталому путнику на исходе утомительного дня, дабы восстановить утраченные силы...

— Сало и хлеб? Гм. А что, подвалы Ортханка оскудели сочной жирной ветчиной и пшеничными калачами?

— Видимо, оскудеют, — проворчал Саруман, — если ты удержишься тут подольше...

— Смею надеяться, — бодро заметил Гэндальф, — что ты переживешь эту страшную

потерю с присущим тебе неугасимым жизнелюбием и верой в лучшее.

— Мои скромные запасы жизнелюбия вовсе не безграничны, — буркнул Белый маг, — в отличие, по-видимому, от твоих неиссякаемых залежей нахальства. — Он сердито нахохлился в своем деревянном кресле, будто сын, упустивший из-под носа особенно жирную мышь. Позвал, чуть повысив голос: — Гэдж! Будь так добр, поди-ка сюда!

Чуть скрипнув, приотворилась створа высокой двери в дальнем, темном углу помещения. В горницу скользнула невысокая плотная фигура и остановилась неподалеку от камина, в полутьме, на границе света и тени.

Гэндальфа вдруг одолели смутные подозрения — фигура показалась ему странно знакомой, хотя сегодня ни вязаного шерстяного шарфа, ни меховой куртки с капюшоном, ни неуклюжего застенчивого смущения при ней не имелось. Волшебник внимательно присмотрелся...

— Ты меня звал, Саруман? — негромким хриловатым голосом спросил вошедший в комнату орк. Потом, поколебавшись мгновение, повернулся в сторону Гэндальфа и отвесил гостю слегка неловкий поклон. — Здравствуйте, мастер Гэндальф.

— Ну здравствуй... Гэдж. Теперь я, по крайней мере, знаю, как тебя зовут, — пробормотал маг, — а то ведь вчера, старый дурень, и не догадался спросить. Да и с твоей стороны было как-то невежливо бесследно исчезать, не сказав мне на прощание ни единого слова, ты не находишь?

— Ладно, не приставай к парню, — посмеиваясь, встрял Саруман, — если бы ты увидел себя со стороны, Серый, то, полагаю, ничуть не удивился бы его намерению — весьма разумному — держаться от тебя как можно дальше. Ползучий лишай, знаешь ли, очень плохо поддается лечению, да и песчаных блох за неделю не выведешь... Ну да Творец с тобой, старым бродягой! Вот что, Гэдж, — деловито обратился он к орку, — ступай-ка на кухню, собери там чего-нибудь съестного, что осталось от ужина, да прихвати кувшин вина в кладовой, думаю, лишним он тут не станет.

— Надо же... — пробормотал Гэндальф, провожая Гэджа задумчивым взглядом — выслушав поручение, тот коротко кивнул и выскользнул из комнаты бесшумно, как тень. — Я только хотел спросить тебя насчет орков, среди бела дня разгуливающих вокруг Изенгарда как у себя дома, но теперь, вижу, нужда в этом явно отпала. Теперь-то ясно, откуда тебе стало известно о моем визите...

— Ты встретил Гэджа в горах вчера вечером? — перебил Саруман.

— Именно. И будь я проклят, если уже тогда не заподозрил в его поведении нечто совершенно несвойственное для орков! Откуда он взялся? И что, интересно, делает у тебя в Ортханке?

Белый маг смотрел на собеседника искоса, по-прежнему чуть заметно улыбаясь в усы.

— Ты опять задаешь вопросы, Серый.

— Неужели только я один?

— К сожалению, нет. Впрочем, это давняя история... а также довольно нудная, долгая и запутанная.

— Если ты заметил, я только что пришел, Саруман — и готов задержаться столько, сколько потребуется, чтобы выслушать тебя до конца, — посмеиваясь, заметил Гэндальф. — А хорошая история, как и доброе вино, от многолетней выдержки становится только вкуснее.

Но Саруман его тона не поддержал:

— Я не думаю, что это была хорошая история, Гэндальф. Я бы даже сказал, что это была очень *нехорошая* история. Этого звереныша принес мне Бальдор... мой одноглазый сотник, ты его не помнишь, конечно... так вот. Его дружинники обнаружили неподалеку от Изенгарда ватагу орков — каких-то не то беженцев, не то переселенцев, не то просто бродяг, Моргот их разберет. Разумеется, местность пришлось... *зачистить* во избежание дальнейших неприятностей, тем более что в те времена в округе и без того было неспокойно.

— Но этот звереныш уцелел? Почему?

Саруман хрипло усмехнулся.

— Потому что его мамашу не доби́ли сразу... а Бальдору отчего-то пришло в голову, что, умирая, она в припадке отчаяния доверила ему своего беззащитного детеныша и слезно просила о нем позаботиться.*

— Эм.

— Впрочем, это еще не все. При нем нашлась одна странная вещица...

— Какая вещица?

Саруман не ответил. Вновь тихонько скрипнула дверь — своей неизменной бесшумной поступью в горницу скользнул Гэдж, принес большой, многообещающе побулькивающий глиняный кувшин, а также начищенное до блеска медное блюдо с капустными пирогами, холодными ломтями вареной говядины и тарелкой мясного супа — снедью простой и непритязательной, но равно уважаемой как в скромной хижине крестьянина, так и в роскошном королевском дворце.

Саруман расслабленно откинулся на спинку кресла.

— Составишь нам компанию, Гэдж? — лениво спросил он у орка. — Впрочем, не советую, потому что наш незваный гость явно горит желанием задать тебе парочку глупых, бестактных и неуместных вопросов... Ведь так, Гэндальф?

— Ты забыл добавить, что у меня к этому дар, — сухо заметил волшебник.

— Несомненно.

— Пожалуй, я лучше пойду, — поспешно пробормотал Гэдж. Поставив поднос на столик, он подался к выходу и уже взялся за дверную ручку, но, прежде чем выйти, на секунду остановился на пороге. — Саруман...

— Да?

— Та рукопись... ну, о которой я тебе говорил...

— «Воспоминания Румила»? Я её отыскал. Она на столе в библиотеке.

— Ага. Спасибо.

— Не засиживайся допоздна, Гэдж... следует беречь свечи, знаешь ли.

— Ты сам-то много сберег за последнюю неделю? — улыбаясь, спросил орк.

— Да уж побольше тебя. Будь так любезен, прикрой наконец дверь... Дует.

Гэдж ушел. Гэндальфу показалось, что он прикрыл за собой дверь вовсе не так плотно, как требовалось бы — но волшебник решил, что этот факт не стоит какого-то особенного внимания.

Грея руки над огнем камина, Серый маг оглядывался по сторонам с истинным удовольствием. Ему не доводилось бывать в Ортханке уже лет двадцать, но сейчас его не покидало ощущение, что он и впрямь ушел отсюда только вчера — за прошедшие годы ничто здесь не изменилось ни на йоту, все оставалось таким же узнаваемым и привычным, как и два десятка лет назад, таким же неизменным, как и всегда: та же строгая и простецкая обстановка безвсяких излишеств, та же прочная и незатейливая деревянная мебель, те же

бронзовые канделябры по обеим сторонам двери, та же горка сосновых поленьев возле очага, та же пыль, бережно копившаяся на стыках стен в течение полувека, те же бесформенные пятнышки, прожженные в будничном одеянии Сарумана не то загадочными химикалиями, не то свечным воском... Да и сам Белый маг был все тот же: хитрый, сильный, с лукавой усмешкой на устах, твердо стоящий обеими ногами на земле и бесконечно самоуверенный... Глядя на Гэндальфа поверх кубка со светлым, пахнущими яблоками домашним вином, он небрежно спросил:

— Скажи-ка, Гэндальф, а где именно ты вчера встретил Гэджа? Далеко от Изенгарда?

Гэндальф проглотил то, что было у него во рту.

— На Дунландской тропе, милях в шести к северо-западу отсюда. Для тебя это важно?

— Еще бы! Я запретил ему уходить от дома дальше, чем на две мили.

— Ум-м...

— Вот паршивец! Неудивительно, что его не могли найти... Хорошо еще, что его занесло в Дунланд, а не к Роханским степям! — морщась, Саруман залпом осушил свой кубок с остатками вина, поставил его на стол перед собой, провел пальцем по узору, вырезанному на ножке. — Гэндальф, — помолчав, как-то неохотно добавил он, — я очень признателен тебе за то, что ты сделал для Гэджа, ибо, честно скажу, мне было бы совсем не весело узнать о том, что он сгинул где-то в горах... потерять его после стольких лет хлопот и трудов. — Он бросил на собеседника быстрый взгляд. — Теперь-то, я надеюсь, тебе уже не надо говорить о том, кто он такой, не так ли? Он — мой воспитанник и ученик, как, быть может, для тебя ни странно такое слышать.

— Твой воспитанник? Ты не шутишь, Саруман?

— А тебе смешно, Гэндальф?

Гэндальф промолчал — вопрос, к счастью, был не из тех, которые нуждаются в непременно ответе. Белый маг тоже долго молчал, рассеянно следил за стружкой расплавленного воска, скользнувшей вниз по оплившей свече; протянув руку, поймал её кончиком подставленного пальца. Рассмотрел эту теплую желтоватую капельку у себя на ладони так тщательно и внимательно, точно видел перед собой неведомую заморскую диковину.

— Да, да... Хочешь верь, хочешь нет, но мне пришлось принимать участие в жизни этого звереныша с той поры, как ему минуло месяца три-четыре — и, как бы там ни было, теперь уже слишком поздно раскаиваться в содеянном... — Он поднял глаза на Гэндальфа. — Ну, что же ты молчишь, Серый?

— А что я должен говорить, Саруман?

— Желательно то, что думаешь.

В огне камина потрескивали, шевелясь, будто чьи-то длинные черные пальцы, обгоревшие сосновые сучья. Взяв кочергу, Гэндальф наклонился и рассеянно расколол ею ярко-алую раскаленную головешку.

— Ну, изволь. Это весьма... странный поступок, я бы, пожалуй, сказал — неожиданный, из ряда вон выходящий, даже, гм, с твоей стороны, если ты понимаешь, о чем я. В общем, если ты задался целью всерьез меня поразить и даже ошеломить — ну, могу поздравить тебя с полнейшим успехом.

— Я не задавался целью тебя поразить, Грейхем. Уж не такой ценой, по крайней мере.

— Тогда *какой* целью ты задавался?

Саруман задумчиво мямл в руке сощипнутый со свечи кусочек воска.

— Трудно сказать... Видишь ли, тогда, пятнадцать лет назад этот вопрос не озвучивал мне только глухонемой. В Изенгарде меня осуждали — негласно, разумеется — решительно все, начиная от начальника гарнизона и заканчивая старым валенком Гархом. Если бы ты знал, сколько мне пришлось выслушать пламенных речей о том, что орки — грязное и проклятое племя, что им не место среди честных людей, что никакого добра от этого звереныша ждать нельзя... Но я все-таки решил не отступаться, и вырастить из этого гаденыша человека... не орка, а именно *человека* — поставить, знаешь ли, этакий любопытный опыт. Ну вот теперь ты и сам видишь, что из этого получилось...

Гэндальф отодвинул от себя пустую тарелку. Самое время было блаженно вытянуться в кресле и раскурить трубочку — но трубка и кисет остались в котомке, брошенной под лавку, и волшебнику не хотелось выуживать её оттуда, потрошить содержимое, доставать остатки табака, делать множество прочих утомительных телодвижений...

— И что? — помолчав, спросил он. — Опыт, по-твоему, удался? Или тебя за него по-прежнему осуждают?

Саруман пренебрежительно фыркнул.

— Даже если осуждают, мне, собственно говоря, наплевать. Видишь ли, я полагаю, что зачатки светлых чувств изначально присутствуют в каждом мыслящем существе, иначе я вряд ли решился бы взяться за воспитание этого звереныша. А сейчас мне порой мнится, что эти полтора десятка лет я все же потратил не даром, сумев взрастить и взлелеять в Гэдже нечто разумное, доброе и вечное. В нем присутствуют, конечно, своеобразные особенности орочьей натуры, но, поскольку все это время он рос не в среде своих сородичей, а под моим бдительным и неусыпным надзором, я тешу себя мыслью, что мне удалось-таки их надежно убаюкать. Он оказался довольно покладист, любознателен и восприимчив к учению, особенно в областях, касающихся естественных наук... Можешь себе такое представить?

— С трудом. Хотя... постой-ка. — Гэндальф запустил руку в карман и извлек деревянную баночку с темной вонючей мазью, которую накануне в качестве благодарности вручил ему Гэдж. Подал её Белому магу. — Что ты скажешь вот об этом?

— А-а... мазь для защиты от обморожения, насколько я понимаю? — Саруман мельком взглянул на содержимое баночки. — Ну, не советую тебе ею пользоваться, Гэндальф, она вызывает нестерпимую чесотку на коже... Должно быть, при её приготовлении парнишка слегка переборщил с вытяжкой из корней чесоточницы.

— Нет-нет, если верить твоему Гэджу, это совершенно новое, переработанное и улучшенное снадобье, — со смехом возразил Гэндальф, — о своем прошлом неудавшемся опыте он меня честно предупредил. Хотя, откровенно говоря, я и вовсе не ждал никакой награды от орка... Мне казалось, что уруки обычно вообще чужды и благодарности, и признательности.

Саруман покачал головой.

— Ты ошибаешься, Гэндальф. Орки не забывают зла, это верно... но и добра они не забывают тоже. Просто поводы для проявления благодарности у них случаются не так часто... И потом, я склонен полагать, что Гэдж все же не чистокровный.

— Наполовину человек?

— Скорее — на четверть. Вероятно, мать его была полуоркой... Хотя кто теперь, спустя пятнадцать лет, будет ворошить старые кости? Да и зачем? — Саруман глубоко вздохнул, широким, слегка нетвердым жестом протянул руку, опрокинул в свой кубок остатки вина из кувшина. — Ну, а ты, — после недолгой паузы он исподлобья устремил взгляд на Гэндальфа,

и в его черных глазах мелькнуло что-то вроде осторожного сдержанного интереса, — ты с какой целью пожаловал ко мне на этот раз, Серый, может быть, просветишь меня наконец?

3. Тьма над Лихолесьем

...Громко лопнула в камине смолистая сосновая шишка. Снаружи, за стенами башни, торжественно взревел ворвавшийся в крепость ветер, с дребезгом сорвал с крыши подвернувшегося сарая жестяной флюгерок и швырнул добычу куда-то под ближайшую стену. Гэндальф придвинул свое кресло поближе к камину и вытянул ноги к огню; его насквозь промокшие походные сапоги тотчас же деятельно закурились, окутались парком, точно лысые вершины стылых северных холмов.

— Ты меня удивляешь, Саруман. Разве я не могу навестить тебя, моего старого соратника и друга, просто так, совершенно без всякой цели? Ненадолго озарить, так сказать, своим присутствием эту угрюмую каменную башню? Право, я нисколько не сомневался, что ты станешь приветствовать нашу встречу с таким же восторгом, нетерпением и пылом, с каким (особенно в последние несколько часов) собирался приветствовать её я.

— Ну-ну, — проворчал Саруман, — я уверен, что свой пыл, восторги и нетерпение ты мог бы приберечь для какого-нибудь более подходящего случая, Гэндальф. В чем же все-таки дело?

Гэндальф потер друг о друга вспотевшие ладони.

— Откровенно говоря, мне нужен твой совет.

— Уже теплее...

— Тебе, конечно, известна история Траина, короля Эребора, Одинокой Горы? Этот гном пропал несколько лет назад.

— Пропал? — Саруман споро изобразил заинтересованность. — Да-да, что-то такое я слышал... Но Эребор, Подгорное царство, было разорено драконом Смаугом еще в прошлом веке.

— То-то и оно. Трору и его сыну Траину тогда удалось спастись, и долгие годы они скитались по Сумеречным землям, пока наконец не нашли пристанище в отрогах Эред Луина — но это так, присказка... сказка-то, собственно говоря, еще впереди. Старик Трор вскоре погиб, а Траину не давала покоя мысль о сокровищах, оставшихся в Одинокой Горе под властью дракона, и с полдюжины лет назад, собрав отряд единомышленников, он решил-таки рискнуть и вернуться в многострадальный Эребор. Впрочем, до Одинокой Горы этот бедолага так и не дошел.

— Что значит — не дошел? Он умер?

— Нет, не умер... во всяком случае, мертвым его никто не видел. Его вообще больше никто не видел — он просто пропал, бесследно исчез, сгинул без вести. Однажды темной осенней ночью гномы брели долиной Андуина, и проливной дождь вынудил их искать прибежища под кронами Лихолесья — а наутро Траин исчез. Вот просто — исчез, испарился, не оставив ни малейших следов, будто провалился сквозь землю. Спутники несколько дней искали его, но, так и не найдя, решили вернуться домой... Эту историю я слышал из их собственных уст, Саруман, когда минувшей осенью побывал в Эред Луине — и, поскольку у меня не было никаких причин им не верить, я решил...

— Отправиться искать пропавшего Траина по всем Диким Землям?

— Да.

— А почему, любопытно, тебя так интересует судьба этого гнома... только потому, что он королевских кровей?

— Я склонен полагать, что у него находилось одно из волшебных Колец — одно из Семи... да-да, из тех самых, о которых не к ночи пристало упоминать. Именно поэтому-то он и исчез.

Саруман и бровью не повел.

— Ты что же, полагаешь...

— Именно так. Я полагаю, что в Лихолесье Траин был похищен — тем, кому требовалось завладеть хранящимся у него Кольцом. С некоторых пор над Лихолесьем сгущается Тьма, и там творятся поистине темные, необъяснимые дела, как будто некая злая сила нашла прибежище в его буреломных чащобах и непроходимых болотах, и поэтому...

Гэндальф внезапно оборвал себя на полуслове; взял щипцы, лежавшие на каминной полке, и принялся аккуратно снимать нагар со свечей, которые мерцали на маленьком столике, разделяющем собеседников. Саруман порывисто подался вперед, наклонился ближе к волшебнику.

— И потому *что?* — спросил он вполголоса.

Гэндальф оглянулся через плечо.

— Я надеюсь, здесь мы можем разговаривать без опаски?

— Разумеется В Ортханке, поверь, нет посторонних ушей... В чем дело?

— А твой... орк? Ему можно доверять?

— Вполне. Он ничего не смыслит в таких делах.

— Что ж, тем лучше для него. Ты, конечно, знаешь, что с недавнего времени полуразрушенный замок, стоящий на юго-западной окраине Лихолесья — его называют Дол Гулдуром — был полностью восстановлен и, по всей видимости, обрел нового хозяина... Ну-ка скажи, тебе что-нибудь известно об этом славном парне?

— О хозяине Дол Гулдура?

— Да.

— Ты полагаешь, что источник всех этих, гм, нездоровых явлений, наполнивших Лихолесье, находится в Замке?

— Похоже, что так. Ну так что ты все-таки о нем знаешь, дружище?

Саруман задумчиво поднял брови.

— Да, собственно говоря, вовсе не так много, как тебе хотелось бы, Гэндальф. Эта лесная крепость — темная штучка... Места там глухие, на многие мили вокруг — безлюдье и бездорожье, леса и чащобы, непроходимые болота и топи. Впрочем, если обитатель Замка жаждет уединения, не боится обособленности и болотного гнуса и притом желает скрыть от докучных зевак все следы своей деятельности, какая бы она ни была — лучшего места для тайного логовища ему не найти. В общем, если тебя действительно интересует мое мнение, я склонен полагать, что заправляет в Замке один из назгулов — один из тех Девяти, что некогда подчинились Саурону и заслужили прозвание Призраков Кольца.

— Понятно. — Гэндальф закусил губу. — Значит, ты тоже считаешь, что это может быть один из назгулов, так?

— А у тебя существует иная идея на этот счет?

— Пожалуй, да. Конечно, назгулы — тоже не очень-то симпатичная публика, что и говорить, но я боюсь, как бы в действительности дела не обстояли намного хуже.

— Но ты же не допускаешь мысли, что хозяин Замка — сам... Темный Властелин, Гэндальф?

— Отчего бы мне этого и не допустить, Саруман?

Повисла тишина — такая полная, плотная и звенящая, что стал слышен застенчивый мышинный шорох где-то в углу под грудями старого хлама. Саруман, чуть помедлив, поднял на собеседника глаза: черные, бездонные, холодно поблескивающие колкими золотистыми огоньками... Гэндальф тут же убедил себя, что эти странные мерцающие огоньки, исходящие из мрачной глубины сарумановых очей — всего-навсего отражения язычков пламени, пляшущих в камине.

— Это невозможно, Серый, — негромким, мягким, спокойным тоном, каким говорят с душевнобольными людьми, произнес Белый маг. — Саурон не мог возвратиться в мир... Как это там писано в «Акаллабет»: «...и пали зловещие стены Барад-Дура, и сгнуло Единое Кольцо, и телесная оболочка Владыки Мрака развоплотилась...»

— И дальше: «...но дух его остался витать над бескрайними просторами Средиземья...» и, может статься, именно сейчас набрал достаточно сил для того, чтобы вновь обрести зримый облик. Разве не так? — Гэндальф взволнованно стиснул подлокотники кресла. — В общем, я бы дорого дал за то, чтобы узнать, кто они такие, эти загадочные обитатели Замка... и что *на самом деле* происходит там, на холме в глубине болот...

— Понимаю. Но это, видимо, тоже только лишь присказка... К чему ты клонишь?

— К тому, что в самое ближайшее время некто, скажем так, имярек должен скрытно пробраться в Дол Гулдуур и выяснить, что же, собственно, за лиходейщина там творится.

— Смело.

— Это единственный способ разрешить все наши вопросы и понять, с чем мы имеем дело.

— И, видимо, мне предлагается исходить из весьма неожиданного предположения, что этот таинственный «некто имярек» — ты.

— Я этого не говорил.

— Силы небесные, Гэндальф! Уж со мной-то ты мог бы быть откровенным!

— Ну, хорошо. — Волшебник неохотно кивнул. — В конце концов, почему бы и нет? Я думаю, мне это вполне по силам.

— Ты выдаешь желаемое за действительное.

— Надеюсь, нет.

Саруман с сожалением покачал головой.

— Эх, Серый, Серый... Право, слишком уж далеко ты ищешь недругов и супостатов, хотя по-настоящему-то главный твой враг — ты сам. — Водрузив локти на подлокотники и положив подбородок на переплетенные пальцы, он смотрел на Гэндальфа печально и устало, с терпеливой снисходительностью человека, привыкшего довольствоваться обществом непроходимых болванов. — Не хочу наступать на горло твоей и без того неуклюжей песне, но, единственно из чувства долга, вынужден заметить: затеваемая тобой авантюра грозит в итоге обернуться предприятием глупым, безрассудным и небезопасным.

— Небезопасным — может быть, но отчего же глупым и безрассудным? — Гэндальф насупился. — Помнится мне, Берену некогда довелось проникнуть в Ангбанд и выйти оттуда живым... Дол-Гулдуур — это совсем не Ангбанд.

— Но и ты — совсем не Берен, мой дорогой, сравнение тут совершенно неуместно... Да и где, собственно, твоя Лютиэн? Кроме того, мне, например, помнится, что Берен оставил в Ангбанде свою правую руку.

— Пусть так. Но, приходится признать, выбор-то у нас невелик... Или у тебя на примете есть другие добровольцы, более... подходящие?

Саруман устало вздохнул.

— Не буди лиха, пока оно тихо... Твоя затея — палка о двух концах, Гэндальф! Возможно, человек, не наделенный Силой, действительно мог бы пробраться в Крепость незамеченным — но *ты*... Если тебя схватят как шпиона...

— Да с какой стати меня должны схватить? — сердито проворчал Гэндальф.

— С такой, — холодно отозвался Белый маг, — что изо всех возможных вариантов развития событий я, как правило, стараюсь выбирать наихудший... дабы не терять присутствия духа и душевный покой в том случае, буде ситуация все-таки выйдет из-под контроля. На чем, собственно, вообще основаны твои страхи, касающиеся Черного Замка... ну, помимо исчезновения в окрестностях пьянчуги Траина?

Гэндальф, полуприкрыв глаза, рассеянно смотрел, как, рожденные светом очага, пляшут под сводами комнаты черные, постоянно меняющие очертания тени — будто сонм корчащихся и извивающихся в причудливом танце таинственных призраков.

— Тревожащих свидетельств, уж поверь, более чем достаточно... В Дол Гулдуре определено что-то происходит. Радагаст — он живет в Росгобеле, на окраине Лихолесья — уже не раз говорил мне о всплесках странной темной мощи, исходящей со стороны болот, и магия эта представляется ему более чем сомнительного свойства. В Замке свила гнездо некая недобрая Сила, от которой стараются держаться подальше и звери лесные, и гады земные, и птицы небесные. Орки хозяйничают в Лихолесье как у себя дома, с топей приходят по ночам какие-то странные твари, рыщут по лесу вокруг болот... В общем, Радагаст определенно встревожен.

— Радагаст! — Саруман презрительно фыркнул. — Этот простофиля, твой дружок, и тараканью возню за печкой способен принять за происки темных сил. Полагаю, он слишком склонен доверять пустым слухам.

— Дыма без огня не бывает, разве не так? — сдержанно заметил Гэндальф.

— Что ж... меня всегда поражала твоя способность раздувать полымя буквально из ничего, — процедил Саруман.

— Отсутствие признаков хворобы — вовсе не свидетельство безукоризненного здоровья, — возразил Гэндальф. — Даже самая болезнетворная опухоль поначалу никоим образом себя не проявляет, не так ли?

— Хорошо. — Саруман выплеснул осадок из своего кубка в камин, и огонь в очаге весело взметнулся, благосклонно приняв щедрое жертвоприношение. — И каким же образом ты намерен это свое мутное желание осуществить и «тайно пробраться» в Замок? У тебя уже есть какие-то конкретные соображения и намётки на этот счет? Тактика и стратегия? Замысел и расчёт? Детально разработанный план?

— К чему эта насмешка? — Гэндальф очень внимательно разглядывал носки своих многострадальных сапог: темные, потертые, окаймленные оборками подсохшей уже грязи. — Не буду скрывать, у меня, разумеется, существует на этот счет пара идей и занятных мыслишек. Видишь ли... Радагаст нашел мне надежного проводника.

— Надежного? Да ну, вот правда *надежного*? Ты видел его верительные грамоты?

— Я вполне полагаюсь на слова Радагаста.

— Зря. — Белый маг непринужденно сплюнул в камин. — Твой дружок не умеет, никогда не умел и сомнительно, что когда-нибудь научится разбираться в людях.

— Ты плохо его знаешь, — вяло возразил Гэндальф.

— Вполне достаточно, чтобы иметь о нем определенное суждение. Впрочем, бог с ним,

с этим простаком, любителем цветов, бабочек и зверюшек... Чего ты хочешь от *меня*? Чем я, старый и больной, могу тебе пособить?

— Хотя бы советом, раз уж ни на что большее ты не годишься.

— Может быть, тебе нужны деньги? Золото?

— По-твоему, я попрошайничать сюда приехал?

Саруман склонил голову к плечу.

— Ты ведь уже все для себя решил, верно? Так что тебе все мои советы — так, чепуха, ничего не значащие слова, пустое завывание ветра, бессмысленное шуршание старой палой листвы...

— А ты не допускаешь мысли, что мне действительно было важно услышать твое мнение... мнение главы Светлого Совета и нашего Ордена?

— Что ж, ты его услышал. Вижу, оно тебя не особенно вдохновило.

— Да, пожалуй, я рассчитывал на более плодотворную беседу... Но, возможно, ты еще изменишь свою точку зрения, дружище.

— Возможно. Но, во всяком случае, не сегодня. — Саруман решительно поднялся и вынул из подсвечника свечу подлиннее: ясно было, что он желает пресечь этот неудобный, явно досаждающий ему неприятный разговор. — Уже поздно, я сыт, пьян и отправляюсь на боковую. Чего и тебе весьма настоятельно рекомендую, Гэндальф.

— Последний вопрос, Саруман.

— Да?

— Ты действительно так уверен, что те пять сотен миль, которые отделяют Вестфольд от Дол Гулдура, могут послужить для Изенгарда достаточным залогом безопасности?

Саруман, уже стоявший в дверях, на мгновение обернулся.

— Ты говоришь так, Серый, точно весь просвещенный мир уже находится на пороге войны.

— Боюсь, — с горечью отозвался Гэндальф, — этот «просвещенный мир» еще недостаточно просвещен для того, чтобы можно было с уверенностью говорить об обратном.

— Хорошо. Я подумаю над твоими словами, Гэндальф. К сожалению, это всё, что я могу для тебя сделать.

— Спасибо и на том, друг мой, — серьёзно отозвался волшебник. — Это большая уступка с твоей стороны... Доброй ночи.

— Доброй ночи, Гэндальф, — эхом отозвался Саруман. И, чуть помедлив, мимоходом добавил: — Да, кстати. Постель для тебя готова... Кувшин и лохань для умывания найдешь в алькове у восточной стены. Согрей воду возле камина, коли в этом возникнет необходимость.

Он приглушенно зашипел сквозь зубы: расплавленный воск со свечи капал ему на ладонь — и вышел из горницы. Дверь за ним закрылась, и удаляющиеся шаги через секунду затихли на лестнице.

4. Письмо

Впрочем, на следующее утро Саруман исчез из Изенгарда — так же необъяснимо, как Траин — прежде, чем Гэндальф успел переброситься с ним хоть парой слов, так что продолжить не законченный накануне разговор волшебникам не удалось.

— Старик уехал в Эдорас, — неохотно сообщил Гарх после того, как Гэндальф загнал его в угол — в прямом смысле в *угол*: в узкую щель между стоявшей возле окна конторкой и книжным шкафом. — Последние годы он навевается туда время от времени, раз в две-три недели.

— В Эдорас? Зачем?

— А-а, ты не знаешь? — Ворон нервно почесал лапой клюв. — Он курирует местный госпиталь, который сам же и основал несколько лет назад.

— Что еще за госпиталь?

— Ну, больничку. Лазарет. Палаты врачевания. Чертоги целительства. Оплот милосердия и медицины. Так понятнее?

Гэндальфу было ничего не понятно, но он счел за лучшее в этом не сознаваться.

— Он что, теперь интересуется медициной?

— Он много чем интересуется, Гэндальф. — Ворон отвел взор, и глаза его как-то смущенно и виновато забегали по сторонам. — Такая вот... многогранная натура, знаешь ли.

— Он там лекарем подвизался, что ли?

— Да что-то вроде того... Попутно ищет матерьяльчик для своих опытов.

— Каких опытов?

— Уж об этом тебе лучше спросить у него самого...

— И когда он вернется?

— А кто его знает? Может быть, через пару дней. Может, через месяц.

— А ты почему с ним не поехал? Он ныне не берет тебя в разъезды?

— Староват я стал для разъездов, — сердито проворчал Гарх. — Да и потом... мне велено присматривать за Гэджем, знаешь ли.

Гэндальфа не оставляло ощущение, что присматривать ворону на этот раз велено не столько за орком, сколько за ним, Гэндальфом, но он решил оставить эти соображения при себе. Тем более что Гэдж тоже явно не жаждал, чтобы за ним «присматривали». Он либо, если позволяла погода, в одиночестве бродил где-то по окрестностям Изенгарда, либо сидел в большой, мрачной комнате, которая называлась «лабораторией», среди каких-то вонючих зелий и снадобий, что Гарха откровенно не радовало: должно быть, в отсутствие Сарумана Гэджу воспрещалось туда заходить. Но ни возмущенные вопли ворона, ни настойчивые увещания «не маяться блажью», ни даже страшные угрозы рассказать обо всем учителю ни малейшего впечатления на орка не производили, он отвечал только одно:

— Брось кудахтать, Гарх! Не мешай, я провожу важный опыт... А ты квохчешь и квохчешь у меня над ухом с утра до ночи! Яйцо снес?

Уязвить самолюбивого ворона сильнее было невозможно.

— «Кудахтать»! Да за кого он меня принимает? За старую клушу? — Это злосчастное словечко больше всего раздражало ворона, услышав его, он прямо-таки начинал бурлить от негодования и брызгать во все стороны кипятком, точно стоящий на огне переполненный чайник. — Глупый звереныш! Алхимиком себя мнит, скажите пожалуйста! «Опыт» он,

видите ли, проводит, чтоб ему лопнуть вместе со всеми бредовыми опытами! И откуда только в нем эта неистребимая жажда дурацких «опытов», а?

— Откуда? Да все оттуда, надо полагать, — посмеиваясь, отвечал Гэндальф, — или ты склонен грешить на какой-то иной источник? Если ученик стремится по мере сил подражать учителю — значит, он действительно считает наставника достойным уважения, так что ничего плохого я в этом не вижу. Это говорит о том, что Саруман сумел по-настоящему увлечь его своими интересами, вот и все.

— Ну да, еще бы! — возмущенно хрипел Гарх. — Дурной пример заразителен, кто бы сомневался!

— Ну отчего же сразу «дурной»? Если Гэджу не чужда жажда знаний...

— Значит, он ненормальный, тебе это всякий скажет! Хотя трудно, конечно, сохранить здравый рассудок, находясь столько времени в обществе сумасшедшего старика... Ладно, про Сарумана я уж молчу, его могила исправит — но мальчишке-то к чему забивать голову всякой дурью?

— Какой дурью?

— Говорю же — всякой! Математикой, и алхимией, и естествознанием, и астрономией, и еще пёс знает чем... Вот зачем вся эта заумь орку, а, скажите на милость? Два плюс два умеет сложить — и будет!

— Знания еще никому не навредили, Гарх.

— Значит, Гэдж будет первым. — Гарх смотрел на Гэндальфа надменно, одним глазом, железно убежденный в своей правоте. — Саруман и без того прослыл на все Средиземье чудачком и оригиналом, если не сказать хуже... но то — Саруман, волшебник, ему позволено быть странным, чудесатым и сумасбродным, на всех недругов и недоброжелателей ему сто раз наплевать прямехонько с верхушки Ортханка. А кто такой Гэдж — никто. Вернее, хуже, чем никто — орк!

— И что? Человека судят по его делам, а не по его расовой принадлежности — разве не так, Гарх?

— Человека — может, и так. А если *судят* орка, то дело никогда не заканчивается оправдательным приговором, Гэндальф.

— Что ж, время покажет, — отвечал Гэндальф, которому не хотелось продолжать этот бездоказательный спор, тем более что в глубине души волшебник не мог не признавать, что старый ворчливый ворон во многом прав...

Весна в Изенгарде наступила как-то разом, внезапно. Еще вчера на склонах гор монументально лежали сугробы и громоздились причудливые ледяные глыбы, а уже сегодня снега постыдно отступили, низины Нан-Курунира оказались по колено затоплены водой, а окрестные дороги превратились в грязное и непроходимое месиво... Распутица надежно заперла Гэндальфа в Изенгарде недели на полторы, и, ожидая возвращения Сарумана, волшебник коротал дни в библиотеке, кропотливо собранной Белым магом из многих редких и ценных рукописных книг. Тут были труды по алхимии, медицине, механике, астрономии (многие — правленные на полях рукой Сарумана, с пояснениями, заметками и небрежными рисунками черной тушью), тщательные переводы с древних, давно позабытых языков, бесконечные, изобилующими красочными эпитетами «Поэмы Востока», полуистлевшие от древности хроники Долгих войн, некоторые раритетные, баснословной стоимости манускрипты нуменорских времен, знаменитые шестистрочные «Философии» восточных мудрецов и даже — обрывками — пресловутые «Записки помойной кошки», принадлежащие

перу некоего полумифического Гаэрта, балагура и пьяницы, чьи сочинения, исполненные язвительной и мрачной сатиры, не то чтобы открыто преследовались королевской цензурой, но почитались излишне «вольнодумными» и «вызывающими нездоровое брожение в умах». Впрочем, Гэндальфа не оставляло ощущение, что в своеобразии и хладнокровно-безжалостной иронии «Записок» тоже чувствуется беспардонная рука Сарумана — решительная рука, так сказать, целителя, смачно выпускающего гной из нарывов на неумытом теле общества — хотя в авторстве этого сомнительного опуса сам Белый маг наверняка не сознался бы и на дыбе...

Через пару дней весна окончательно перешла в решительное наступление. Утром из лощин поднималась сырая мгла, днем южная стена крепости медленно поджаривалась под лучами солнца, вечерами над землей висела туманная сизая дымка теплых испарений. По оврагам еще прятались, будто остатки разгромленной армии, последние клочья истаявших, изгрызенных солнцем сугробов, а на кустах вербы уже набухли почки, и на пригорках пробивалась первая травка, и у подножия башни бойко распускались первоцветы, яркие и желтые, точно кошачьи глаза. Гэджа теперь невозможно было застать в Ортханке, да и Гэндальф предпочитал не сидеть в четырех мрачных, пахнущих прелью стенах, проводя дни на берегу Изена — и однажды, вернувшись в башню с наступлением сумерек, обнаружил просачивающуюся под дверь библиотеки тоненькую полоску света.

Свет исходил от огня, зажженного в камине, обычно холодного и покрытого слоем сухой и желтоватой книжной пыли. В кресле рядом с камином — наконец-то! — обнаружился и сам Саруман, облаченный в серый дорожный плащ, заляпанный вдоль подола грязью: волшебник сидел и разбирал почту, которой за время его отсутствия накопилось изрядно. Некоторые письма он бросал в огонь, едва распечатав и пробежав глазами несколько строк; другие откладывал в сторону — видимо, те, которые намеревался удостоить ответом. На вошедшего Гэндальфа он обратил внимания ровно столько, чтобы тут же про него позабыть.

— А, Серый... Приветствую. Ты еще здесь? Собственно говоря, я уже не надеялся тебя тут увидеть.

— Ты надеялся меня тут уже не увидеть. Понимаю, — посмеиваясь, заметил Гэндальф: Саруман явно рассчитывал, что к моменту его возвращения собрат по Ордену позаботится убраться из Изенгарда восвояси, и нисколько не считал нужным этого скрывать. — Как дела в Эдорасе?

— Тебя что, это вправду интересует? Где Гэдж?

— Понятия не имею. Я не видел его с полудня, — присаживаясь на лавку по другую сторону камина, Гэндальф лениво потер ладонями колени. — Хочешь сказать мне что-нибудь новенькое?

— Всё, что я *хотел* тебе сказать, я сказал.

— Правда всё?

— Ну, опустил некоторые эпитеты... — Саруман небрежно просматривал очередное письмо. Выскользнув из его рук, оно белой неуклюжей птицей порхнуло в огонь. На письме стоял герб королевского дома Анориенов.

— Эге. Деша от наместника Белектора? — Гэндальф даже слегка удивился. — Не слишком ли непочтительно ты относишься к посланиям таких влиятельных особ, м-м?

— Я отношусь к ним именно так, как они того заслуживают, ничуть не хуже, — процедил Саруман, не поднимая головы; то ли с дороги, то ли по какой иной необъяснимой

причине он пребывал далеко не в лучшем расположении духа, а в такие моменты послания от «влиятельных особ» в Изенгард явно приходиться были не должны. — Как ты думаешь, о чем там речь, в этой наиважнейшей «королевской депеше», будь она трижды неладна? Вероятно, о важных государственных и хозяйственных вопросах, о недороде в Анфаласе, о повальной нищете и безграмотности в Каленардоне, о напряженной военной обстановке в Умбаре? О мире во всем мире, быть может, о судьбах Арды и населяющих её народов, о светлом и безоблачном будущем для всего человечества? Как бы не так! В письме всё совершенно обычно — сплошное нытье, жалобы и хандра. Этот вселенский пуп, наместник Белектор, хранитель Короны Элендила, правитель всея Гондора и Западного Предела, кавалер Ордена Белого Древа и кто он там еще — короче, этот старый пень в очередной раз шлет мне приказание тотчас же — вот прямо сию минуту! — прибыть в Минас-Тирит, ко дворцу его светлейшей милости, дабы немедленно развеять овладевшую им сезонную скуку... а также занять пустующий стул в тронном зале, развлечь его последними сплетнями из жизни Рохана и мимоходом пользоваться от желудочных колик! Которые конечно же не после очередной разгульной пирушки дали о себе знать, а приключились в результате заговора врагов и завистников, коварно подсуетившихся и напустивших на беднягу злые чары в виде безудержного несварения желудка... Старый жирный енот! Если он чем по-настоящему и страдает, так это запущенной формой празднолюбия... Чего ради я должен все бросить и мчаться за тридевять земель в Гондор — ради сомнительного удовольствия битый месяц с сочувственной физиономией выслушивать высочайшие жалобы на жизнь? Да пропади она пропадом, такая королевская почта! — Саруман мрачно усмехнулся. Решительно поднялся, шагнул к конторке, подтянул к себе чистый лист бумаги и принялся сердито черкать по нему пером, отрывисто повторяя каждую написанную фразу вслух:

— «Дражайший мой господин Белектор! С величайшим прискорбием вынужден отклонить ваше любезное приглашение нанести визит в Гондор единственно из убеждения, что причиной всех ваших многообразных и многочисленных недугов следует считать следующие вещи, а именно: неумеренное обжорство, пьянство и лень, а также некоторые другие пороки, о которых я даже говорить не хочу... Меньше надо жрать, Ваша милость, меньше жрать и больше работать — и тогда все ваши хвори и немочи как рукой снимет! Искренне ваш...»

Гэндалф хмыкнул.

— Эх ты неучтив ко власть предержащим! По-твоему, стоит подвергать высочайшее терпение, и без того невеликое, подобному испытанию? Вряд ли Белектору достанет такта и вкуса должным образом оценить подобную эпистолярную крамолу.

— Ну, разумеется, — грубо оборвал Саруман. — Тебе доставило бы куда большее удовольствие видеть меня прыгающим перед этим напыщенным снобом на задних лапках и приносящим ему в зубах домашние тапочки!

— Не в тапочках дело. Как-никак, Изенгард — *гондорская* крепость... и ты здесь не хозяин, ты всего-навсего хранитель Ортханка. С твоей стороны было бы крайне неразумно ссориться с наместником Гондора.

— «Всего-навсего, — презрительно кривя губы, процедил Саруман, — хранитель Ортханка». Именно поэтому Белектор и шлет мне свои послания, что знает, что я не смею ими пренебрегать. — Он хрипло засмеялся. — Нет-нет, не думаю, что он в кои-то веки решил бы со мной на открытый конфликт, скорее подстроил бы исподтишка какую-нибудь досадную пакость: наложил бы, к примеру, вето на прямые поставки с Анориенской

винодельни... Мелочь, а неприятно.

— Почему бы тебе не ответить ему *вежливым* отказом?

Саруман пожал плечами.

— Уж поверь, я так и сделаю. Напишу, что в ближайшие месяцы буду исключительно занят в... м-м... скажем, в замке князя Аглахада в Дол Амроте. Но, разумеется, постараюсь изыскать время и для визита в Минас-Тирит... особенно если эти мои старания будут оценены Его дражайшей милостью в должной мере. Ну, допустим, в размере трех сотен золотых.

— Верный способ отпугнуть самого взыскательного страдальца...

Саруман яростно потер ладони.

— Я *могу* ставить условия, Гэндальф.

— Правда? — пробормотал волшебник. — Ты сумел создать себе настолько веское положение в свете?

— Представь себе, да. Запросы у меня весьма скромные, дружище, но все-таки требуют некоторых вложений. В эдорасской-то больничке сплошь одна голытьба: ремесленники да крестьяне, которые и золотого в жизни своей ни разу не видели — с задачей обобрать их до нитки местные власти вполне успешно справляются и без моего вмешательства. А Белектор, надо полагать, раскошелится, по миру не пойдет... — С крайне холодной, неприятной усмешкой Саруман понизил голос до шепота: — Они с князем Дол Амрота терпеть друг друга не могут, поэтому наместник наверняка развяжет мошну, чтобы переманить меня к себе и таким образом утереть ненавистному сопернику нос. Это вопрос не жизненной необходимости, вовсе нет — скорее престижа... все-таки придворное чванство — исключительно полезная штука, запиши это себе в назидание, Гэндальф, не приведи Творец пригодится.

Все еще мрачно посмеиваясь в бороду, он скомкал недописанное письмо и, швырнув его в камин, вновь опустился в кресло. Гэндальф мимоходом бросил взгляд на верхнее послание из стопки, отложенной Саруманом для ответа:

«...безусловно спорный. Но зато метод лечения упорного малокровия посредством печеночной диеты показал себя отличным образом, вплоть до полного выздоровления больных в течение полутора-двух месяцев после начала применения. Правда, не все благополучно переносят употребление сырой телячьей печени в пищу, у некоторых она вызывает устойчивое расстройство пищеварения. Поэтому, в силу всего вышесказанного, я предполагаю готовить из этого сырья лечебный экстракт сообразно с...»

Дверь в дальнем конце библиотеки с едва слышным скрипом распахнулась. С лестницы ворвался порыв холодного воздуха, и вслед за ним в горницу вошел — вернее было бы сказать *вбежал* — Гэдж: взволнованный, запыхавшийся, пышущий терпкой вечерней прохладой.

— Саруман! Наконец-то ты приехал! Гарх мне сказал, что ты здесь, и я тотчас примчался... — Он, видимо, только сейчас заметил Гэндальфа, сидевшего в темном углу, и разом как-то запнулся, сник, смущенно затоптался перед камином. — Здравствуйте, мастер Гэндальф.

— Будь здоров, Гэдж, — негромко отозвался волшебник; Саруман лениво промычал нечто небрежно-приветственное, глядя в камин, но Гэндальфу показалось, что под напускным равнодушием Белый маг пытается спрятать невольную улыбку. Гэдж, тоже как-то глупо («по-щенячьи», подумалось Гэндальфу) улыбаясь, плюхнулся на скамью рядом с

волшебником, уронил к ногам холщовую заплечную суму, пытаясь перевести дух — видимо, сообщение Гарха настигло его на порядочном расстоянии от Ортханка, и всю дорогу до дома орк миновал бегом.

— Ну, как всё прошло? Как дела в Эдорасе, Саруман? Было что-нибудь «любопытное», а?

— Совершенно ничего. Как мне и доложили, обычная рутина: пара сломанных костей, два-три нарыва, свищи, грыжи, гнилые зубы... Никаких интересных случаев. Я просто ждал, пока просохнут дороги. — Саруман по-прежнему задумчиво смотрел на огонь в камине, кроша в пальцах мягкий комочек сажи. Небрежно оглянулся на Гэджа. — Ну, а у тебя как дела, дружище? Как житьё-бытьё, что подельывал на досуге?

— Сейчас расскажу. Верней, покажу. — Орк, должно быть, с нетерпением ждал этого вопроса. Явно волнуясь — то был трепет ученика, ожидающего от учителя оценки за самостоятельно выполненную работу, — он запустил руку в сумку, лежащую у его ног и, выудив маленький стеклянный флакончик с широким горлышком, вручил посудинку Саруману. Волшебник, приподняв брови, аккуратно снял плотно прилаженную крышку, заглянул внутрь.

— Гм. Мазь для лечения воспаленных суставов, надо полагать?

— Ага, она самая. — Орк так усердно старался напустить на себя безучастный вид, что только слепой бы не заметил, как важно для него услышать мнение учителя о состряпанном снадобье. — Ты как-то сказал, что у тебя этой мази осталось совсем немного, вот я и решил, ну... пополнить запас.

— Понятно. — Саруман внимательно рассмотрел содержимое флакончика на свет: оно было темное, зеленоватого оттенка, с отчетливым гляцевым блеском, — растер немного мази на пальце, потом поднял глаза на ученика. Гэндальф не заметил в лице Белого мага каких-либо значительных изменений, но радостное ожидание, в котором до сих пор пребывал Гэдж, явно покинуло орка, он как-то обеспокоенно прикусил губу.

— И много ты настряпал этой мази, дружище? — спокойно поинтересовался Саруман.

— Ну... вообще-то целый котелок. Что-то не так?

— Ты все сделал по рецепту?

— Конечно.

— Но при этом добавил в состав карролановое масло.

— Ну... да.

— Любопытная задумка. А зачем?

— Чтобы смесь не обжигала кожу... Ты же сам говорил, что карролан обладает смягчающим действием, и его наносят на воспаленный сустав перед тем, как использовать мазь...

— Верно, так оно и есть. Но карролан никогда не добавляют непосредственно при приготовлении смеси... видишь ли, это масло обладает отвратительной способностью вступать в медленную реакцию с муравьиным спиртом, в результате чего постепенно сворачивается, как прокисающее молоко. Посмотри — уже сейчас мазь выглядит неоднородной и крупитчатой, а через неделю, боюсь, и вовсе станет похожа на высохший творог.

— Понятно. — Орк, не поднимая головы, яростно ковырял ссадину на пальце. На его темной коже это было не слишком заметно, но Гэндальф мог бы поклясться, что его щеки и кончики ушей залились краской. — Значит, эту смесь я... того... ну, загубил? Не надо было

мне лезть со своими дурацкими идеями...

Саруман щелкнул пальцами.

— Никогда не ошибаются только трупы и необратимые парализованные. В них, видишь ли, просто не просыпается изыскательский интерес.

— Я хотел, как лучше.

— Отрицательный результат — это тоже результат.

— Угу.

— Пустое, Гэдж, не бери в голову... лучше поведай мне о другом.

— О чем поведать?

— О том, где ты пропал сегодня весь день — вот о чем. Ты опять выходил из долины в степь, верно?

— Я... из долины... с чего ты взял? — Проницательность учителя явно застала Гэджа врасплох. По-прежнему разглядывая свои руки, он небрежно пожал плечами, но все-таки *недостаточно небрежно*: Гэндальф заметил, как он вздрогнул. — Я просто, ну... бродил по окрестностям...

— На твоих сапогах желтая глина — такая встречается на берегах Изена только возле выхода из долины, — негромко оборвал его Саруман. — Гэдж! Я все равно так или иначе тебя уличу, поэтому не пытайся лишний раз солгать... по крайней мере, *мне*.

— Угу. А другим? — буркнул Гэдж. Он говорил совсем тихо, в нос, но Саруман все же услышал его.

— Другим? Я не запрещаю тебе лгать другим — но запомни: если человек обретает репутацию лжеца, он может считать, что онемел, ибо люди не прислушиваются к завыванию ветра... Итак, попробуем еще раз: ты сегодня выходил из Нан-Курунир?

Орк, пристыженный, неохотно разлепил губы:

— Я только хотел...

Белый маг устало улыбнулся:

— Несмотря на то, что я запретил тебе приближаться к Роханским степям? По-твоему, я из простого самодурства запрещаю тебе выходить из долины Изенгарда, а, Гэдж?

Гэдж по-прежнему не поднимал головы. Щеки его и шея стали совсем пунцовыми, а пальцы, наоборот, побелели — так крепко и судорожно он стиснул в руках горловину злосчастной сумки.

— Да там никого не было, — едва слышно пробормотал он, явно адресуясь к своим ладоням, — кроме стада коров.

— Очень этому рад, — сухо откликнулся Саруман. — Возможно, именно поэтому я и вижу тебя сейчас живым, целым и невредимым.

— Да что со мной может случиться? Я не делаю ничего дурного.

— Ты — орк.

— Это плохо?

— С точки зрения жителей Рохана — да. Люди, видишь ли, не любят таких, как ты... очень не любят, я говорил тебе об этом не один раз. И я не хочу, чтобы ты влип в какую-нибудь скверную историю, Гэдж. Я не хочу, чтобы с тобой случилось что-нибудь... дурное. Поэтому, я думаю, тебе лучше не покидать стен крепости...

— Всю жизнь? — сдавленным голосом спросил Гэдж, глядя в сторону.

— Не покидать стен крепости *без меня* — вот что я хотел сказать. И еще: достаточно много людей живет в Изенгарде, и что-то я ни разу не слышал от них сетований на свою

жизнь... а еще больше людей заплатили бы большую цену только за то, чтобы иметь возможность здесь поселиться, так что я не думаю, что тебе стоит очень уж жаловаться на судьбу, мой мальчик.

— Я и не жалуясь, — буркнул Гэдж, — просто...

— Что? Тебе здесь тоскливо, наверное? Нечем заняться? Не хватает впечатлений? Надоел докучный зануда Саруман со своими глупыми поучениями?

— Ты же прекрасно знаешь, что нет.

— Тогда в чем дело?

— Ни в чем. — Орк поднялся, не глядя на учителя, подхватил с пола свою сумку. — Пойду... вымою сапоги.

— Не стоит сердиться на старого вздорного дурака за то, что он всего лишь беспокоится о тебе, Гэдж.

Орк сделал вид, что не расслышал; дверь за ним закрылась беззвучно. И контраст между *тем* Гэджем, радостным и оживленным, нетерпеливо вбежавшим в библиотеку, и *этим*, ушедшим в мрачной задумчивости, был настолько разителен, что Гэндальф не удержался:

— Право, не нужно тревожиться, Саруман... Он — орк, а орки, сам знаешь, народ кочевой, так что нет ничего удивительного в том, что по весне им овладевает, так сказать, жажда бродяжничества. В конце концов, это замешано у него в крови...

Белый маг резко обернулся — и Гэндальф прикусил язык.

— «Жажда бродяжничества»? Всему виной его проклятое любопытство, вот что! Желание узнать, что «там, за краем земли»! Когда-нибудь оно доведет его до беды... — Очередное письмо захрустело в руке Сарумана, точно прихваченный морозцем снег: волшебник яростно скомкал его в кулаке. — Кто знает, что может случиться... с орком! Мало, что ли, болванов среди людей в роханских степях? Страх перед орками у них врожденный, наследственный — страх жертвы перед хищным зверем: такой страх рождает злобу и ненависть, желание уничтожить, стереть объект страха с лица земли. Раздавить паучка, который всего лишь тихо и мирно ползет по своим делам — догнать его и убить, только чтобы не было на свете такой мерзкой твари... Чтоб не жила! Ведь никто не станет смотреть на то, что Гэдж просто копается в земле, да собирает камешки и травки, а я не желаю, чтобы ему проломили голову мотыгой только потому, что он — нечеловек! — Он отбросил скомканное письмо, резко поднялся и принялся мерить шагами несколько футов пространства перед камином; затем остановился, видимо, припомнив о существовании Гэндальфа, и обернулся к нему: — Когда ты надумал собираться в путь, Серый?

Гэндальф поднял голову — он не ожидал такого вопроса.

— А по-твоему, я здесь слишком уж засиделся?

— По-моему — да!

— Что ж, я не стану особенно докучать тебе своим обществом, не тревожься... отправлюсь в дорогу, когда ночи станут немного теплее.

— Отлично. А сейчас, сделай одолжение, оставь меня наконец в покое — я и так сегодня устал, как собака, так еще этот строптивый дуралей Гэдж не слушается папочку. Расстроил меня почему зря... Что такое? Кто там? Гэдж? — Саруман метнул быстрый настороженный взгляд в сторону двери, которая, потревоженная не то сквозняком, не то чьей-то осторожной рукой, в этот момент с едва слышным скрипом приотворилась. — Ты еще здесь?

Ответа не последовало.

5. На вершине Ортханка

— Я уйду завтра, — объявил Гэндальф. — Рано утром.

— Очень рад, — сухо отозвался Саруман. Они разговаривали на лестнице: разыскивая собрата по Ордену, Гэндальф спустился в «лабораторию», где после возвращения из Эдораса Белый маг проводил дни напролет, но Саруман не позволил ему войти внутрь: сам вышел навстречу волшебнику и плотно прикрыл за собой дверь. — Между нами говоря, я надеялся услышать от тебя эти слова еще несколько дней назад. Кстати, ты так и не передумал насчет своих планов... касающихся Дол Гулдура, я имею в виду?

— Да нет, не передумал, с чего бы?

— Каким путем ты намереваешься туда добираться? Через Дунланд и перевал Багряного Рога?

— Нет. Через Фангорн, а потом — вверх по течению Андуйна.

— До Лориэна, надо полагать?

— Да. Потолкую там с Владыкой Келеборном, возможно, *он* сочтет нужным мне что-нибудь посоветовать.

— Угу, заодно в очередной раз полюбишься с безопасного расстояния золотыми локонами Владычицы. Ладно, ладно, не криви физиономию, я в твои нелепые шальные интрижки не лезу... Подумай, что тебе понадобится в дороге; я распоряджусь, чтобы тебе подготовили все необходимое.

Это было и всё, чем Саруман позволил себе напутствовать собрата по Ордену. После чего ушел обратно в «лабораторию» и вновь решительно захлопнул дверь.

Вечером, покончив со сборами, Гэндальф поднялся на вершину Ортханка, на смотровую площадку, чтобы на прощание окинуть взглядом Изенгард и окрестности. Здесь, на высоте трехсот футов над поверхностью земли, было ветрено и свежо, ледяные потоки горного воздуха с окрестных пиков дышали зимой, пронимая холодом до костей — но волшебник долго стоял, наблюдая за тем, как неторопливо заходит солнце, прячась за скалистый, нарезанный ущельями западный отрог Метхедраса, как, крадучись, незаметно наползают на Изенгард серые тени, поглощая последние красноватые отблески заката, как на темнеющем небе загораются крохотные искорки первых звезд. Наконец совершенно смерклось, и подножие Ортханка утонуло во мраке, словно в огромной чернильной луже. Из караульного помещения, находящегося возле ворот, выползла ленивая искра света — фонарщик с факелом в руке — и неторопливо двинулась вдоль стены; через каждую сотню шагов искра замирала, на секунду взмывала ввысь, тускнела — и раздваивалась. Большой огонь двигался дальше, а маленький, оставленный среди темноты, медленно разгорался, отвоевывая у мрака крохотный рваный островочек пространства...

— Любуетесь звездами, мастер Гэндальф?

Волшебник, вырванный из своих раздумий, стремительно обернулся.

Орк стоял в тени одного из каменных рогов, ограждавших площадку. Откуда, леший возьми, он тут взялся, Гэндальф вновь совершенно не услышал его бесшумной кошачьей поступи... Неприятно пораженный, волшебник спросил себя: не слишком ли он, старый глухарь, привык в последнее время полагаться на чуткость своего слуха?

— Гэдж? Вот так неожиданность! Что ты здесь делаешь?

— То же, что и вы... Поднялся подышать свежим воздухом.

Ну да, ну да, конечно, мрачно подумал Гэндальф. А кроме этого?

— Простите, если я вас напугал. — Орк, переступая с ноги на ногу, неуклюже улыбнулся. — Я просто не хотел вас беспокоить, вы так глубоко задумались... Саруман, я знаю, не любит, если я отрываю его от каких-то размышлений.

— Понятно.

Вновь повисла тишина — какая-то напряженная и неловкая, начиненная стеснением и тревожной недоговоренностью. Орк явно хотел что-то сказать, что-то, адресованное именно ему, Гэндальфу, но, по-видимому, ему требовалось время, чтобы собраться для этого с силами и достаточной решимостью.

Чтобы объяснить возникшую в разговоре тягостную паузу, он поднял глаза и сделал вид, будто внимательно разглядывает раскинувшуюся над головой сказочную картину звездных просторов. Гэндальф тоже взглянул на небо: здесь, на вершине Ортханка, не заслоненное ни крышами домов, ни ветвями деревьев, оно казалось близким, необъятным и величественным, как никогда.

— Изумительно... Правда, Гэдж? Головокружительное мрачное безграничье... Никакие самые роскошные своды королевских чертогов не сравнятся великолепием с этим черным, прекрасным, неразгаданным и властно зовущим к себе бескрайним привольем. Свободная, безбрежная, неподвластная разуму и захватывающая дух загадочная звездная бездна...

— Да уж, от одного этого слова мороз по коже, — зябко поёжившись, добавил орк. — Бездна — без дна... Там можно утонуть.

Гэндальф хмыкнул.

— Знаешь какие-нибудь созвездия? Вот там, прямо над нашими головами — Соронумэ, «Орел»... А чуть левее Вильварин — «Бабочка».

— Угу. Вон «Лебедь»... Хвост у него почти над крышей караулки.

— Вон та яркая белая точка над горизонтом — Ледяная звезда, самая большая звезда Севера. А Боргил красен, как капля крови... Чуть правее — Валакирка, «Серп Валар» или «Корона Дарина». Это созвездие было помещено на небо Вардой как вечное напоминание Морготу о могуществе Валар, знаешь об этом?

— Ну, слышал... А вы правда в это верите, мастер Гэндальф?

— Во что?

— Ну... в то, что это именно Варда так постаралась? Со звездами?

— А ты — не веришь, Гэдж?

Орк пожал плечами.

— Не знаю... В «Айнулиндале» говорится, что звезды создала Королева Мира «музыкой творения» или чего-то в этом роде. Поэтому я и представлял себе звезды множеством таких крохотных сверкающих бриллиантов, рассыпанных по небесной сфере... Ну как-то так.

— А теперь, значит, ты так не представляешь?

Гэдж замялся.

— А что, если звезды вовсе не такие маленькие, как нам кажется, просто они очень далеки от нас, и поэтому с земли представляются такими крохотными?

Где-то внизу, у подножия Ортханка, прогрохотала по каменным дорожным плитам телега, заскрипели деревянные ворота, зафыркала и нетерпеливо застучала копытами лошадь. «А ну стой, пр-роклтая!» — с чувством сказал кто-то внизу, и легкий ветерок, подхватив голос говорившего, донес эту фразу до верхушки башни почти без потери мрачной и сочной выразительности.

— Ты сам до этого дошёл или... Саруман тебе подсказал? — помолчав, осторожно поинтересовался Гэндальф. — У твоего учителя существует своя собственная точка зрения касательно любого вопроса, но кто возьмет на себя смелость утверждать, что именно она — единственно правильная, верная и неоспоримая? А вообще тайны Эа настолько безграничны...

— Что я даже могу не соваться в них со своим скудным умишком? — Гэдж нервно усмехнулся. — Знаете, у Сарумана есть такое устройство, он его привез откуда-то с юга... большая полая труба со вставленными внутрь выпуклыми линзами... так вот, если посмотреть через эту трубу на какой-то отдаленный предмет, он, этот предмет, становится виден совершенно отчетливо, как будто находится совсем близко. И это устройство показывает, что на самом деле звезд на небе куда больше, чем это можно увидеть простым глазом. Так что Варде, видимо, на заре времен пришлось изрядно попотеть с их созданием... да и зачем, собственно, ей вообще понадобилось создавать столько звёзд, если их все равно никто не способен разглядеть? Ну хотя у неё-то, само собой, время на все это баловство было не ограничено... Да хотите сами взглянуть, мастер Гэндальф?

— Э-э... да, пожалуй, не отказался бы.

Покинув смотровую площадку, они спустились по нескольким дощатым ступенькам на лестницу, спиралью пронизывающую Ортханк сверху донизу, и остановились возле маленькой двери, ведущей в комнатку, находящуюся под самой кровлей башни. «Вот здесь», — с затаенным волнением сказал Гэдж, снял засов и толкнул тяжелую створу плечом... но, против его ожиданий, дверца не поддалась — очевидно, помимо засова она была заперта еще и на замок. Орка это открытие явно привело в замешательство.

— Странно... дверь заперта! Но Саруман раньше никогда не закрывал её, я мог приходить сюда и глядеть в это «тайное око» сколько вздумается, хоть целую ночь. Зачем он её запер, не понимаю... — Он растерянно оглянулся на волшебника. — Пойду и спрошу у него ключ.

Гэндальф невесело улыбнулся. Чего-то подобного он и ожидал.

— Не стоит, Гэдж. Право, никакой нужды в этом нет. Раз он её запер, значит, имел на то свои причины... и, думается мне, одна из них как раз стоит перед тобой.

— Вы?

— Да, я.

— Но зачем...

— Не знаю. Вероятно, он не хотел, чтобы я лишний раз совал нос в его дела, как он склонен это расценивать.

Гэдж как будто удивился.

— Но ведь вы тоже волшебник, правда?

— И что? Поверь, это вовсе не значит, что у нас с ним во всем одинаковые взгляды, скорее наоборот.

— Досадно! — Орк помрачнел. — А я надеялся вам показать кое-что интересное... пусть не на звездах, но хотя бы на Луне.

— Что же, Гэдж? — Гэндальф устало вздохнул. — Человечка?

— Ну, например, то, что Луна не очень похожа на налитый светом хрустальный сосуд, как о том говорится в эльфийских книгах.

Громко затрещал, рассыпая искры, факел на стене. Заметалась по высокому потолку длинная тень — испуганно, беспорядочно и суматошно, точно пойманная в ловушку.

— А она должна быть похожа? — пробормотал Гэндальф. Эта странная беседа о необъяснимом мироустройстве Арды все больше и больше приводила его в замешательство. — Может быть, именно в этом и состоял замысел Варды, ты об этом не думал?

— В чем? — хмуро спросил Гэдж. — В том, чтобы создать хрустальный сосуд, который совсем не похож на хрустальный сосуд? Это для меня слишком сложно.

— М-м, видишь ли... — Гэндальф замялся. — Ты — орк.

— И что?

— Возможно, ты просто видишь вещи немного не так, как... как эльфы. Вернее, эльфы видят мир немного не так, как представители иных рас.

— А-а. То есть никто, кроме эльфов, не способен узреть величие творений Валар и истинную красоту созданного ими мира, так, что ли? Они что, действительно видят на месте Луны светящийся хрустальный сосуд? Или просто пишут в своих книгах заведомую ложь?

— Не нужно воспринимать древние красивые легенды и предания как «заведомую ложь», друг мой. Просто эльфийские книги отражают действительность немного... по-эльфийски.

— Правда? — пробормотал Гэдж. — Тогда тем более не понимаю я этих эльфов... Создали для себя какую-то неземную возвышенную сказку и сами в неё верят? Правильно Саруман не воспринимает эти эльфийские сочинения всерьёз...

— С Саруманом я сам поговорю, — буркнул Гэндальф. Продолжать этот разговор ему решительно расхотелось.

Но Гэдж не уходил — стоял, прислонившись спиной к двери и прижав к ней потные ладони, исподлобья поглядывая на собеседника. Какой-то так и не произнесенный вопрос по-прежнему не давал ему покоя, жег его изнутри, как горящая лампада.

— Мастер Гэндальф, — он облизнул губы, — а ведь я сразу догадался, что вы — волшебник, едва только увидел вас... там, на Дунландской тропе, где вы вытащили меня из ямы, помните? Вы выглядели именно так, как Саруман мне про вас рассказывал, у вас был посох и эта смешная шляпа... Я тогда подумал, что это, наверно, вы и есть, только не решился спросить.

— Понятно. — Гэндальф рассеянно пригладил бороду. — А что еще Саруман рассказывал тебе обо мне помимо того, как опознать меня при встрече? Впрочем, я даже не уверен, что действительно хочу это услышать...

— Ну, много чего... Он говорил, что вы постоянно странствуете, мастер Гэндальф, и бываете в разных далеких и причудливых землях. Я... я слышал, что вы завтра уходите из Изенгарда, верно?

— Ты что-то хотел у меня спросить, Гэдж?

— Ну, вообще-то да, хотел. — Опустив голову, орк внимательно разглядывал свои пальцы — грубоватые, сильные, заканчивающиеся коротко подпиленными черными когтями. — Скажите, Серые горы... это очень далеко?

— Да. Почти полторы тысячи миль к северу отсюда.

— Но ведь туда можно попасть, если идти вверх по течению Андуина?

— Андуин берет начало в этих горах. А зачем тебе Серые горы, Гэдж?

— Да так... просто. — Орк смешался. Наверно, тон Гэндальфа прозвучал очень уж недоверчиво и подозрительно, и решимость Гэджа, до сей поры тщательно собранная по круплицам, бесследно улетучилась в одночасье. — Ни за чем, собственно, я только подумал...

В общем, спасибо за сведения.

Он попятился боком и сделал неуклюжую попытку проскочить мимо Гэндальфа к лестнице, но волшебник остановил его, поймав за плечо.

— Нет уж, постой. Кажется, как раз подошло время для бестактных, излишних и неуместных вопросов... Зачем тебе понадобились Серые горы, скажи на милость?

Гэдж как-то странно не то вздрогнул, не то дернул плечом. Его зеленые глаза лихорадочно поблескивали во мраке, собирая и отражая свет факела.

— Ну... говорят, там богатые залежи алмазов. И изумрудов. И вообще всяких драгоценных камней.

— Да ну? Ты хочешь сбежать из Изенгарда на поиски сокровищ, что ли?

— Да не собираюсь я никуда сбегать! — проворчал орк. Он по-прежнему стоял в темноте, и волшебник не мог разглядеть его лица. — Просто... ну, я не знаю. Я в жизни своей нигде не бывал, кроме Изенгарда и Эдораса... и, наверное, никогда не буду. Старик твердо уверен, что мне всадят стрелу в затылок, стоит мне только высунуть нос из крепости! Я только, ну... подумал, что, может быть, вы могли бы с ним поговорить... как-то убедить его наконец спустить меня с поводка и дать мне бóльшую свободу. Я вообще-то уже не маленький!

— Не маленький для чего? — устало спросил Гэндальф. — Чтобы самому найти себе очередную ледяную яму?

Орк разочарованно втянул воздух сквозь зубы.

— Ну да. Я так и думал... Не станете вы с ним говорить.

Маг едва удержался от того, чтобы не рассмеяться: так наивна и трогательна была вера Гэджа в его, Гэндальфа, способность договориться с Саруманом.

— Боюсь, я для него не советчик, Гэдж... Да и потом, ты уверен, что в этом вопросе твой учитель так уж неправ?

Гэдж не успел ответить: откуда-то снизу донесся торопливый топот шагов, встревоженные голоса, хлопанье дверей. Бороду Гэндальфа растрепал взметнувшийся вверх по лестнице порыв сквозняка, по стенам суматошно заплясали всполохи света — кто-то нес по лестнице пылающий факел. Голос Сарумана нетерпеливо крикнул:

— Гэдж! Где потерялся этот мальчишка... Гэдж, иди сюда, живо!

Проскользнув мимо Гэндальфа, орк пустился бегом вниз по лестнице, преодолевая одним прыжком несколько ступенек, и волшебник, не торопясь, но и стараясь особенно не отставать, направился за ним следом. Саруман обнаружился в «лаборатории», Гэндальф успел заглянуть туда прежде, чем его выставили: это была просторная, достаточно светлая (по крайней мере, днем) комната — её высокие стрельчатые окна выходили на юг и восток. Северную стену сплошь занимали стеллажи, нашпигованные всякой всячиной, на длинных столах поблескивали бутылки зеленого стекла, колбы, реторты, перегонные кубы в хитросплетении змеевиков, там и сям виднелись полуразрушенные башенки книг. «О свойствах человеческой крови, содержании её и методах познания оного» — не снискавший признания в учёных кругах труд Бессона Харлондского, имевшийся у немногих ценителей в единичных рукописных копиях, лежал на краю стола; Гэндальф и рад был бы его не увидеть, но заглавие, вытисненное серебром на черной коже, прямо-таки бросалось в глаза...

Саруман был проглочен разверстой пастью огромного стенного шкафа. Он позвякивал внутри какими-то склянками, складывал в стоявшую на полу сумку пузырьки и блестящие, изуверского вида изогнутые металлические инструменты, напоминающие арсенал палача.

На пороге комнаты топтался, отдуваясь, Эльвер, ученик гарнизонного лекаря — долговязый, прыщавый парень в неряшливо зашнурованных башмаках и длиннополом кафтане, надетом, показалось Гэндальфу, прямо поверх ночной рубахи — видимо, какое-то чрезвычайное происшествие вытряхнуло беднягу из теплой постели и заставило сломя голову мчаться за помощью в Ортханк. По-прежнему потроша шкаф, Саруман с раздражением пояснил:

— Один дуралей спяну взялся колоть дровишки, неудачно взмахнул топором, промахнулся, разрубил себе ногу, теперь истекает кровью, ничего неожиданного... У этого бедолаги, Брана, есть в Изенгарде какие-нибудь кровные родичи? — спросил он у запыхавшегося посланца. — Сестра, брат, может быть, кто-то из родителей?

Голова Эльвера мотнулась на тонкой шее, словно глиняный горшок, надетый на длинный шест.

— Откуда? Он сам-то не здешний, не то из Энедвейта, не то с Минхириата... какие у него тут могут быть родичи? Так, разве какие знакомые...

— Ладно, — проворчал Саруман, — пусть будут знакомые. Гэдж, возьми фартук и повязки, мне понадобится твоя помощь. — Он уложил в сумку нечто, напоминающее начищенный до блеска медный цилиндр. Скользнул мимолетным взглядом по Гэндальфу. — Ошибся дверью, Серый? Твоя берлога двумя этажами выше.

Гэндальф не смутился.

— Если я могу быть тебе чем-то полезен...

— Не можешь. И было бы очень мило, если бы впредь ты не трудился докучать мне своим назойливым любопытством. Вы, двое, — он кивнул Гэджу и Эльверу, — идемте!

* * *

Дожидаясь окончания этой истории, Гэндальф задремал в уголке библиотеки.

Саруман явился вскоре после полуночи — усталый, но, кажется, вполне довольный, во всяком случае, постное выражение, присущее в последнее время его лицу, сегодня покинуло его; глаза его блестели, на высоких, четко очерченных скулах алел румянец, словно после нескольких чаш доброй изенгардской наливки. Присев в любимое резное кресло возле камина, он несколько секунд сидел неподвижно, закрыв глаза и опустив голову на грудь, но тут же вздрогнул, услышав в углу слабый шорох, и схватил стоявший на столе тяжелый медный подсвечник. Сощурился, разглядев в полумраке сероватый силуэт Гэндальфа.

— А, это опять ты... Я уж подумал — крыса. Почему ты еще не у себя?

— Я и не подозревал, что для гостей в Ортханке установлен комендантский час, — небрежно заметил Гэндальф.

— Я полагал, ты любишь уединение, — буркнул Белый маг.

— Я ждал тебя, дружище. Ну, как все прошло?

— Пожалуй, лучше, чем я ожидал. — Чуть помедлив, Саруман — с явным сожалением, показалось Гэндальфу — опустил подсвечник обратно на стол. — Этому парню, Брану, топор воткнулся чуть ниже колена, разрубил голень... ну, я, кажется, об этом уже говорил.

— Паршивая рана.

— Не столько сама рана — её, в конце концов, промыли и зашили — сколько потеря крови. Этой животворной благословенной субстанции, питательных соков организма, исполненных жизненным духом — так, кажется, говорится в медицинских трактатах... Потеря более четырех пинт крови грозит человеку неминуемой смертью.

— Да. И разве эту потерю можно восполнить извне?

— Разумеется. Если знать, как это делать.

— А ты... знаешь?

— Знаю. — Саруман говорил глухо, сквозь зубы, и тон его явно не приветствовал дальнейших расспросов. — Это несложно. Берешь кровь у одного человека и впрыскиваешь в вену другому. Вот и... и все.

Гэндальф пошевелил бровями. Все это было как-то неожиданно.

— А тебе что, приходилось и раньше это делать?

— Я достаточно много раз ставил подобные опыты. На животных.

— А на людях?

Белый маг долго молчал, прежде чем ответить. Наконец неохотно разжал губы:

— Была пара случаев. В Эдорасе.

— В этой твоей... больничке?

— Да. И что ты на меня так уставился?

Гэндальф поёжился.

— Ты так просто и небрежно об этом говоришь... Взять кровь у одного, перелить другому... Звучит, как описание жуткой извращенной пытки в подземельях Тангородрима.

— Ну-ну, — процедил Саруман. — Давай еще скажи, что это рукодействие противоестественно и богопротивно, и такую священную субстанцию, как кровь, переливать от одного существа другому решительно неугодно Валар, пусть лучше скорбный телом подохнет — в хлам обескровленный, но зато не оскверненный мерзким прикосновением хирурга...

— Не нужно утрировать, Саруман, и тем более приплетать сюда Валар. Хотя, наверное, в Валиноре сочли бы...

— В Валиноре! — Саруман с такой силой опустил на стол сжатый кулак, что несчастный подсвечник испуганно подпрыгнул. — Мы — не в Валиноре, Гэндальф! Не в этой твоей *Благословенной Земле*, чума тебя порази! Что они там, в Валиноре, вообще могут знать о Средиземье, если давно устранились из этого мира? Эти, светлоокие и многомудрые, не считают нужным принимать участия в происходящем здесь, так что нам теперь предстоит как-то самим барахтаться во всем местном дерьме! Причинять добро направо и налево, улаживать межрасовые распри, продвигать науки, развивать медицину, судорожно насаждать на каждом углу разумное, доброе и вечное! Иной раз в прямом смысле через кровь, пот и прочие органические жидкости, Серый! И, ей-богу, она, эта *серость* твоего мышления, меня прямо-таки убивает! Как можно, столько лет прожив в Средиземье, до сих пор мыслить по убогим валинорским меркам!

— Я не мыслю по валинорским меркам, Белый, тем более убогим. — Гэндальф уязвленно поджал губы. — И, может статься, именно на фоне моей *серости* твои идеи и блистают такой исключительной и белоснежной новизной, ты никогда об этом не думал?

— Оба переливания, которые я проводил в Эдорасе, закончились успешно, Гэндальф! Они выздоровели... те люди, которым я переливал кровь. И умерли бы, если бы я этого не сделал. Как и Бран. Ясно?

— Ага. Так Бран, значит, выживет?

— Да, выживет! Во всяком случае, когда мы уходили, он был уже не таким снулым и мертвенно-белым, как перед нашим приходом.

— Что ж, рад это слышать. А кто, э-э... кто дал ему свою кровь для переливания?

Саруман тяжело дышал, пытаясь справиться с собой и взять себя в руки. Наверное, он уже жалел о своей нечаянной и неуместной яростной вспышке — сказала усталость и нервное напряжение; выудил из-под стола бутылку темного стекла, плеснул её содержимое в деревянный кубок, осушил его залпом. Провел рукой по лицу. Усилием воли укротил обуревающее его нездоровое раздражение — и голос его, когда он заговорил, вновь зазвучал сдержанно и спокойно, почти бесстрастно:

— В таких случаях, конечно, лучше всего подходят кровные родичи, но родичей у Брана в Изенгарде не оказалось... Вызвался Эстор, один из его приятелей. Здоровяк, каких поискать, потерю нескольких унций крови его дюжий организм перенесет без труда. Ему, конечно, не слишком понравилось, что переливание делал Гэдж, но...

— Гэдж?! — прохрипел Гэндальф.

— Да! — Саруман резко вскинул голову. — А почему нет? Я уж полагал, что с *твоей* стороны не придется ждать дурацкого предубеждения, Серый!

— Просто... извини... ты не перестаешь меня удивлять, — пробормотал Гэндальф.

Белый маг вновь чуть помолчал. Постарался смягчить жесткость тона:

— Это рукодействие элементарно, я уже говорил. А парню, как ни крути, нужна практика. И он... хорошо справился, Гэндальф. Почти отлично, да. Под моим наблюдением, разумеется.

Румянец Сарумана стал ярче, и Гэндальф внезапно понял: ни холодный ветер, ни гнев, ни даже винные пары тут ни при чем, это простое проявление гордости и торжества — гордости за ученика, оправдавшего возлагавшиеся на него надежды, и торжества успешного, в полной мере удавшегося замысла. Белый маг был пьян собственным успехом...

Гэндальф порывисто подался вперед и коснулся его плеча. Спросил негромко:

— Значит, твой опыт, начатый пятнадцать лет назад, действительно... удался?

В глазах Сарумана блеснул странный теплый свет.

— Полагаю, да. Ты удивлен?

— Ну, немного.

— А я — нет... Наш замечательный Моргот не был способен сотворить ничего *истинно живого*; первых орков он создал из пленных эльфов, извращая черной магией их душу и внутреннюю сущность — фэа. Я хотел выяснить, насколько в действительности эта фэа искажена, и возможно ли её... пробудить при должном воспитании и отношении.

— Ты использовал магию?

— Доброта и участие и сами по себе способны творить чудеса, Гэндальф, — Саруман едва заметно усмехался уголком губ. — Опыт еще полностью не закончен, но кое-что я могу сказать определенно: орки явно способны к обучению и открыты многим полезным качествам — если с рождения держать их подальше от грязи и не позволять... замараться.

Гэндальф задумчиво смотрел на колеблющийся огонек свечи.

— Скажи, чего ты добиваешься, дружище?

— От Гэджа? Всего лишь хочу вывести его в люди, вот и все.

— Что ж, это уже немало.

— Я знаю. — В голосе Сарумана открыто прозвучала враждебность. — К чему этот разговор, Серый? Я устал... Может быть, мы перенесем эту занимательную беседу на другое время?

— Боюсь, это «другое время» наступит еще нескоро, — мягко возразил Гэндальф. — А я тебя надолго не задержу.

— Ну?

— Какую будущность ты готовишь Гэджу? Хочешь, чтобы он стал... лекарем? Костоправом? Врачевателем, так?

— А ты видишь к этому какие-то препоны? Искусные и знающие лекари всегда востребованы и всегда в почете... Это — наилучший вариант.

— Угу. Весьма вероятно. Вот только пожелает ли кто-нибудь доверить свое здоровье... орку, а?

Саруман смотрел мрачно.

— А уж это, я полагаю, будет зависеть только от самого Гэджа. Я дам ему навыки, умения и знания — так сказать, начальный капитал — а уж как он им распорядится, разбазарит или приумножит — будет, повторяю, зависеть только от него самого. Разве не так?

— Еще и от тех представлений о мире, которые ты сочтешь нужным ему передать.

— Ну, разумеется, я об этом уже упоминал...

— Тебе никогда не приходило в голову, что некоторые знания могут быть опасны, Саруман?

— Опасны? Знания? О чем ты?

Гэндальф разглядывал свой ноготь на большом пальце — плоский, как крохотная лопатка, серовато-розовый, неровно обломанный с левого края.

— Несколько дней назад мы с Гархом поспорили на эту тему, и сейчас я с каждым днем все больше и больше убеждаюсь в том, что старый комок перьев был во многом прав... Некоторые области знаний, опирающиеся на недоказанные и недоказуемые явления, не без оснований имеют право считаться спорными, смутными и даже запретными.

— Что случилось, Серый?

— Гэдж говорил мне, что ты рассказывал ему о некоторых... неизведанных тайнах вселенной.

— И что?

Гэндальф изучающе посмотрел на собеседника. Тон Сарумана был нарочито небрежен, но от волшебника не укрылось, что Белый маг при этом напрягся и насторожился, точно зверь, почуявший возле своего логова ловкого и хитрого, вооруженного до зубов опытного охотника.

— Зачем ты это сделал, Саруман? Ты допустил его к изучению эльфийских книг, ладно... но для чего ты ставишь под сомнение и высмеиваешь изложенные в них древние истины? Излишнее свободомыслие и вольнодумие вряд ли способны довести твоего ученика до добра.

— Так тебя *это* встревожило, Грейхем? — Саруман коротко усмехнулся, но глаза его при этом оставались холодными, настороженными, внимательными. — Что ж, мне, право, льстит, что ты сходу не счел все это «вольнодумие» бессвязным и бессмысленным бредом умалишенного.

— Наверное, дело в том, что я привык доверять тебе... и твоему жизненному опыту, — сухо зато откликнулся Гэндальф.

— Но?

— Но порой, на мой взгляд, ты слишком слепо и беззастенчиво позволяешь себе заходить за грани дозволенного.

— «Заходить за грани дозволенного», — медленно, с удовольствием перекатывая на

языке, словно леденец, каждое слово, повторил Саруман. — Да. Видишь ли, в чем дело. Гэндальф: я в любом случае стремлюсь познавать неизведанное и открывать для себя новые знания, какими бы странными и необычными они, эти знания, не представлялись погрязшим в косности невежественным умам. Да и не такие уж они «новые», эти знания...

— Ты привозишь их с Востока, из Кханда и Харада.

— Может, и так. Я много странствовал на востоке, и нахожу некоторые учения тамошних мудрецов весьма дельными, практичными и остроумными.

— Боюсь, ты слишком много смотришь в сторону Востока, дружище, и слишком мало — в сторону Запада.

— Вряд ли ты можешь диктовать мне, куда мне следует смотреть, а куда — нет.

Гэндальф прикрыл глаза.

— Я не собираюсь ничего тебе диктовать, Валар упаси! Я вообще здесь всего лишь гость...

— Рад, — холодно произнес Саруман, — что ты наконец об этом вспомнил. А теперь, будь так любезен, давай наконец заткнись — или ты хочешь, чтобы мы с тобой вновь поссорились?

— Нет, — волшебник невольно рассмеялся, — нет, не хочу, друг мой. И ни в чем тебя не обвиняю, Творец избавь, я просто предостерегаю тебя, чтобы впредь ты был осторожнее: совсем не дело, что подобные знания стали достоянием...

— Какого-то тупого вшивого орка? — с вызовом процедил Саруман.

— Я этого не говорил.

— Да это у тебя на лбу написано.

— Я только имел в виду, что для него это может быть опасным, вот и все. Люди не любят орков; орков, выделяющихся из толпы, грамотных и *инакомыслящих* они будут не любить втройне... С твоей стороны было крайне неразумно посвящать Гэджа в материи, постижение которых с трудом дается и куда более просвещенным умам.

— Что ж, — буркнул Саруман, — значит, это еще одна из причин, по которым Гэджу не стоит покидать Изенгард... ты со мной согласен, Гэндальф?

— О да, еще бы! — сердито проворчал Гэндальф. — А *ты* со мной согласен, дружище?

Саруман не ответил.

— Мы здесь для того, чтобы хранить этот мир в Целостности и Равновесии, а не для того, чтобы расшатывать это Равновесие всеми мыслимыми и немыслимыми способами, — со вздохом заметил Гэндальф. — А ты бываешь очень уж... смел, безудержен и напорист в своих изысканиях.

— Может, и так. — Саруман устало опустил веки. — Но я всегда знаю, когда нужно остановиться, Гэндальф.

— Рад слышать. Но в таком случае тем более не могу понять, почему именно Гэдж...

— Ты много чего не можешь понять, Грейхем. Спокойной ночи.

Это была жирная и решительная точка, поставленная прямо посреди разговора, и ледяной тон Белого мага являлся ясным тому подтверждением: продолжать скользкую и неприятную для него беседу Саруман был ни в коем случае не намерен. Спорить и возражать было бессмысленно, так что Гэндальф счел за лучшее молча подняться, взять жестяную коптилку, заправленную чадным лампадным маслом, и, сдержанно кивнув Саруману на прощание, направиться восвояси, в свою каморку. Продолжать яростные и горячие прения с собеседником ему теперь оставалось лишь мысленно, увы...

Длинная высокая лестница была мрачна и пуста, тусклое пятно света прыгало перед магом по каменным ступеням. На подоконнике в глубокой оконной нише сидел Гэдж, обхватив руками колени и глядя на звезды; заслышав шаги волшебника, он живо поднялся ему навстречу.

— Мастер Гэндальф! Ну... что?

Волшебник старался держать коптилку подальше от себя — так, чтобы его лицо оставалось в тени.

— Что «что»?

— Вы ведь говорили с учителем, правда? И... что он сказал?

«Что тебе ни при каких обстоятельствах лучше не покидать Изенгарда, друг мой». Волшебник секунду-другую молчал, прежде чем ответить.

— Извини. Речь шла не о тебе.

— А-а... э... ну... понятно. — Орк был так страшно разочарован, что даже не сумел сразу подобрать нужных слов. — Ну... ладно. Все ясно. Я, собственно, ничего другого не ожидал. — Гэндальфу показалось, что он расслышал прошелестевший в темноте тихий вздох. — Ну что ж, раз так... доброй ночи.

6. Гонцы

Рассвет над Изенгардом поднялся сырой и серый. Над рекой клубился туман, где-то хриплым лаем перегавкивались сторожевые псы, лениво фыркали лошади в конюшнях, на западной стене звонко протрубил рожок, знаменуя смену караула. Сидя на ступенях Ортханка и завтракая прихваченной на кухне пшеничной лепешкой, Гэндальф, подпернув подол плаща, разглядывал свои изношенные, изрядно побитые жизнью сапоги, которые, по совести говоря, уже давно просились на отдых — да волшебнику все было как-то жаль с ними расстаться...

В затылок мага уперся чей-то взгляд — холодный и острый, словно укол. Гэндальф обернулся: на верхней ступени лестницы, кутаясь в старый, темно-бирюзового цвета плащ, стоял Саруман.

Гэндальф слегка удивился, он не ожидал увидеть собрата по Ордену нынешним утром.

— Ого. Хорошая зоря, дружище. Вышел проводить... то есть, гм, спроводить неудобного гостя? Так сказать, воочию убедиться в моем скорейшем отбытии, м-м?

Белый маг взглянул на Гэндальфа сверху вниз, с высоты лестницы — так, что волшебнику разом захотелось оставить шуточный тон. Лицо Сарумана было серым.

— Что случилось? — пробормотал Гэндальф.

Белый маг безо всякого выражения смотрел поверх его головы.

— Бран умер два часа назад.

— Бран? Умер? Ты же говорил, что он выживет!

— Он не выжил. — Саруман явно скупился на объяснения, и Гэндальфу показалось, что это не просто так.

— Скажи — это случилось из-за...

— Нет. Гэдж тут ни при чем. Он все сделал правильно, так, как и следовало. Но... переливание вызвало неожиданные осложнения.

— Какие осложнения?

— Сердцебиение, одышку, жар, боли в мышцах... Да без разницы, какие, главное — несовместимые с жизнью! Кровь Эстора почему-то не подошла Брану, вот и все.

— Почему не подошла?

— Не знаю. — Саруман, какой-то нестерпимо прямой, словно сосна, зашагал вниз по лестнице, поравнялся с волшебником и, крепко взяв Гэндальфа под локоть, чуть ли не силой увлек за собой. — Пойдем-ка, Серый, я хочу сказать тебе пару слов.

Быстро светало. Где-то у северной стены, возле хозяйственных построек, сипло и как-то неуверенно, точно пробуя голос, пропел петух. Парк лежал, погруженный в рассветную дремоту, чашечки цветков были еще закрыты, на траве прозрачно посверкивали недолговечные капли росы, на берегу пруда, вяло побрякивая, сонно сгрудились утки. Саруман решительно шагал вперед твердой размашистой походкой, по-прежнему крепко держа Гэндальфа под локоть, но не произносил ни слова, погруженный в себя — и, лишь когда Ортханк остался далеко позади, наконец заговорил: бесстрастно и отрывисто, точно спеша поскорее покончить с обязательным и крайне неприятным для него делом:

— Вот что, Серый. Вероятно, бесполезно в очередной раз спрашивать тебя, не передумал ли ты относительно своих намерений, касающихся Черного Замка?

— Бесполезно, Саруман.

— Хорошо. — Белый маг остановился. Они уже почти подошли к воротам, возле которых хлопотали стражники, готовясь открывать тяжелые створы. Саруман запустил руку в поясную сумку и извлёк маленький кожаный кошелёчек. Внутри, завернутый в плотную ткань, обнаружился миниатюрный черный (совиный?) коготь, на кончике которого имел место крохотный, чуть желтоватый стеклянный шарик. — Вот, — Саруман вложил кошелёчек спутнику в руку, — прими-ка от меня небольшой подарочек, Грейхем. Да смотри не разбей ненароком стеклянную колбочку: на кончике когтя — яд, который убивает быстро и практически безболезненно. Надеюсь, конечно, что эта прелестная вещица тебе никогда не понадобится, но, если все же что-то случится... если ты попадешь в руки орков, назгулов или кто там еще управляет в Замке... Согласись, мгновенная смерть — все же лучше, чем долгие мучения и пытки.

— Э-э... что ж, спасибо и на том, друг мой.

— Не нужно благодарности, Гэндальф. Я, видишь ли, не о тебе забочусь. — Белый маг смотрел, как медленно, с натужным скрипом приотворяются приведенные в движение подъемным механизмом створы ворот, как дюйм за дюймом ползет вверх, грохоча, подвешенная на стальных цепях решетка. — По мне, пусть тебя запытают хоть до смерти... но ты посвящен в некоторые важные и тайные знания, которые, не сомневаюсь, будут весьма интересны хозяевам Крепости, особенно если им станет известно о твоей принадлежности к Ордену. А я не желаю, чтобы пытками из тебя выжали то, что может навредить не только всему Средиземью в целом, но и лично мне в частности.

— Вон оно как, — пробормотал Гэндальф. — Следует полагать, именно поэтому ты и не одобряешь моего замысла?

— Отчасти и поэтому.

— Ты во мне сомневаешься, Белый?

Саруман пожал плечами.

— Человеку, знаешь ли, свойственно сомневаться, Гэндальф. Это во-первых. А во-вторых... я допускаю мысль, что для *таких, как ты*, в Замке могут существовать *особые* методы допроса, так что твоя стойкость или не-стойкость особой роли здесь не сыграет. — Впервые с тех пор, как они отошли от башни, он повернулся и посмотрел волшебнику прямо в глаза; лицо его было скрыто тенью, падающей от стены. — Вот, собственно, и все, что я хотел тебе сказать. А теперь — иди, и да пребудет с тобой удача, Грейхем. Она, боюсь, тебе понадобится в изрядных количествах.

И Гэндальф счел за лучшее в ответ только коротко кивнуть...

* * *

В «лаборатории» стоял острый, густой запах плавящегося воска — как будто здесь только что затушили большую свечу.

Гэдж сидел на подоконнике одного из высоких стрельчатых окон, прижавшись лбом к толстому, покрытому вековым наслоением пыли витражному стеклу, и смотрел вниз, на вымощенную темной брусчаткой площадку перед башней, на веер разбегающихся от крыльца садовых дорожек, на пруд, притихший в обрамлении плакучих ив, на тонкую серую ленту дороги, тянущуюся через поля и исчезающую вдаль в облаках белого утреннего тумана... Орк не обернулся, заслышав за спиной мягкие, неторопливые шаги учителя.

— Ушел? — глухо спросил он, будто сам только что не провожал Гэндальфа глазами,

спрятавшись за створкой полуоткрытой ставни. Саруман негромко отозвался:

— Ушел. — Он бросил плащ на лавку возле стены и присел в резное кресло возле стола.

— Куда? — спросил Гэдж без интереса.

— В Лориэн. Это эльфийская страна в долине Черноречья, кажется, я тебе о ней говорил...

— Судя по карте, это далекий путь.

— Ну, такому заядлому бродяге, как Гэндалф, не привыкать к дальним странствиям. Для него это вовсе не сопряженный с тяготами утомительный поход, так — легкая увеселительная прогулка. — Саруман задумчиво разглядывал лежащий перед ним на столе незаконченный рисунок, копию среза пораженной опухолью печени. Образец, недавно присланный доверенным человеком из Альдбурга, помещался тут же, в большой бутылки, залитый крепким вином тройной перегонки. — Завидуешь ему, Гэдж?

Орк сторбился, обхватив плечи руками: учитель, как всегда, прочитал его чувства и мысли, будто открытую книгу.

— Я? Завидую? Чему?

— Хотя бы тому, что он свободен, как птица... и волен держать путь на все четыре стороны света. И при этом даже может не обращать внимания на все мои дурацкие советы, запреты и предостережения.

— Да ну, глупости, — хрипло пробормотал Гэдж. — С чего ты взял, что все это... имеет какое-то отношение ко мне?

— По-твоему, так уж трудно догадаться, что тебя гложет? Я же вижу, как ты здесь... томишься, Гэдж. — Саруман рассеянно передвигал с места на место склянки и жестянки с красками, шеренгой выстроившиеся на краю стола: здесь была киноварь, синопия, золотистая желть («мышьяк да сера»), сочная ярь-медянка, лазурь — в крохотной шкатулочке величиной с наперсток. — А ведь тебе тоже охота выпорхнуть наконец из гнезда и, отчаянно трепеща крылышками, устремиться навстречу небесам, ветру и солнцу... мир посмотреть и себя показать, верно?

Орк сосредоточенно соскабливал пальцем грязь с ближайшего голубого стеклышка — одного из многочисленных фрагментов в затейливом узоре витража.

— Ну... можно сказать и так.

— Понимаю.

В голосе учителя Гэджу почудилась усмешка, он резко обернулся — но нет, Саруман даже не улыбался. Его темные внимательные глаза смотрели на орка пристально и серьезно, слегка печально; повертев в пальцах мягкий графитовый стержень в берестяной оплетке, волшебник решительно отложил его в сторону.

— На следующей неделе, — отрывисто сказал он, — я вновь намереваюсь побывать в Эдорасе, и был бы рад, если бы на этот раз ты поехал со мной. Король Арвейн как раз намеревался устроить смотр войск, состязания копейщиков и ярмарку в честь Праздника Весны... Я думаю, тебе будет любопытно на это взглянуть.

— На Праздник Весны? — Гэдж на секунду не поверил своим ушам. — Ну, еще бы!

Смотр войск! Состязания копейщиков! Широкое, по-весеннему цветущее степное приволье, стройные ряды всадников в сияющих доспехах, их торжественный строй, где каждый конник по-своему прекрасен и в то же время является деталью в механизме великолепно отлаженной смертоносной машины... состязания мечников, наездников и копейщиков, азарт и шум, вопли разгоряченной толпы, подбадривающей своих любимцев,

пьянящий запах пыли и степного ветра... вечером — празднество на площади, пляски и кулачные бои, ярмарка в Эдорасе, торговые ряды, наполненные всякой всячиной, от оружия и расписных глиняных кувшинов до старинных рукописей и разноцветных леденцов... До сей поры Гэджу довелось побывать на эдорасской ярмарке лишь однажды, лет пять назад, а уж о том, чтобы полюбоваться на состязания роханских всадников и воинов Марки, он и мечтать особо не смел. До сегодняшнего дня... Губы его как-то сами собой расползлись в улыбку, несмотря на отчаянные усилия сохранить вид серьезный, чопорный и вообще хладнокровно-бесстрастный. Если бы не саднящая червоточина, поселившаяся с недавнего времени в его душе, Гэдж, пожалуй, почувствовал бы себя сейчас вполне счастливым.

— Как ты думаешь, — он плотнул: слова давались ему непросто, — этот раненый, Бран, он... ну, от чего он умер? Это... я что-то сделал неправильно, да?

Саруман задумчиво сложил пальцы «домиком».

— Нет, дело, полагаю, не в этом. Видимо, что-то было «неправильно» в самом составе крови. Кровь Эстора по каким-то причинам оказалась, гм, не подходящей для организма Брана... вот как-то так.

— По каким причинам?

— Если бы я знал, Гэдж! Я пару раз проводил подобные рукодействия в Эдорасе, и оба они завершились успехом. В первый раз я брал кровь для переливания у родного брата умирающей, а в другом — в общем-то, у совершенно случайного человека... Одно могу сказать тебе твердо, дружище, если тебя это утешит — если бы мы не влили в жилы Брана чужую кровь, он бы умер наверняка. А в этом случае у него все-таки был шанс.

— Только паршиво, что напрасный.

Саруман медленно кивнул.

— Да. Паршиво. Но ты не должен постоянно об этом думать. Лик смерти страшен и отвратителен... но тебе необходимо научиться взирать на него без страха, без смущения и без... посторонних чувств вроде жалости к умирающему. Иначе бой будет проигран, даже не начавшись.

Гэдж криво улыбнулся.

— У тебя все сурово, как на войне...

— Увы, дружище. Я знаю, о чем говорю.

Саруман поднялся и подошел к орку, оперся ладонями на подоконник; его лицо, и без того прозрачно-серое от бессонной ночи, отразилось в синем, чуть выпуклом витражном стекле голубоватой грушей. Над Изенгардом рождалось яркое, как картинка, весеннее утро; первые солнечные лучи, разрезанные многоцветием витража, падали на пол горницы большими разноцветными квадратами, что придавало темной комнате причудливый, по-настоящему колдовской колорит. Выплыли из полумрака полки у северной стены, рядом обрисовались контуры кирпичной печки, неярко посверкивали грани стеклянных колб, трубок и змеевиков, обитающих на столах... Внезапно из дальнего угла раздался долгий скрипучий стон, сопровождаемый тоскливым предсмертным хрипом, и Гэдж едва не вздрогнул — но это были всего лишь старые напольные часы с механизмом гномьей работы, в незапамятные времена пожалованные Саруману в дар за какие-то неведомые орку заслуги. Часы собирались пробить утреннюю зорьку, собирались, собирались, но так и не собрались — и маятник, надрывно отхрипев, вновь принялся — тик-так — мерно отсчитывать ускользающие секунды. Гэдж укорил себя за мгновенный испуг — за годы, проведенные в Ортханке, ему бы уже следовало привыкнуть к причудам этого древнего непредсказуемого

чудовища.

Саруман рассеянно провел рукой по трещинке в оконной раме.

— Похоже, в последнее время я слегка увлекся этими опытами с переливанием крови и утратил осторожность... поторопился с выводами... в действительности в этом деле, кажется, все далеко не так ясно и просто, как может показаться на первый взгляд. Но, леший возьми, я не могу понять, в чем допущена ошибка! В Эдорасе дважды — дважды! — все получилось, а здесь, с Браном — почему нет? Или переливать кровь от человека к человеку действительно... неуместно и запрещено самой природой? И кровь какого-нибудь теленка или барашка на самом деле подошла бы Брану куда больше, нежели кровь его приятеля Эстора...

— Неужели кровь животного может соответствовать крови человека больше, чем кровь такого же человека?

— Трудно сказать. Но Аш`Удулла, кхандский анатом и врачеватель, описывал подобные случаи в своей «Медицине». Он, помнится, успешно переливал человеку кровь молодой овцы.

— И он, этот человек...

— Что?

— Не начал после такого вливания, ну...

— Блеть? Да нет, не думаю. Во всяком случае, Аш`Удулла о таком побочном действии в своих записях не упоминал.

— А это было бы забавно. — Гэдж бледно усмехнулся. — Влей в жилы человека кровь овцы — и человек станет трусливым и нерешительным, как овца. Кровь осла может сделать его по-ослиному упрямым, кровь быка — твердолобым и грубым, кровь курицы — глупым и склочным, а кровь свиньи заставит валяться в грязи...

— «Собака смотрит на человека снизу вверх, кошка — сверху вниз, и только свинья — на равных»... слышал про такое, Гэдж? — Саруман беззвучно посмеивался в бороду. — Так что, думаю, кровь свиньи человеку уж никак не способна навредить, люди с этой скотинкой очень близкие родичи, любят валяться в грязи сами и валять других совершенно по-свински. А вообще-то это очень занятная мысль... прямо-таки достойная небольшой поучительной баллады.

— Угу...

Шелестя крыльями, на карниз опустился Гарх, в задумчивости прошелся туда-сюда, цокая по камню когтями, потом постучал клювом в ставню, чтобы заявить о своем присутствии. Вид у него был озадаченный и обеспокоенный; круглые, как бусинки, глаза мрачно посверкивали, черные и гладкие, с глянцевым отливом перья несолидно топорщились на груди и затылке. Впорхнув в распахнутое Гэджем окно, он, подскакивая, неуклюже опустился на стол — и, поудобнее утвердившись среди свитков, колб и прилепленных прямо к столешнице свечных огарков, встряхнулся всем телом, так самозабвенно и энергично, что в воздухе закружилась пара мелких черных пёрышек.

— Ну, — сказал Саруман, — любитель погреть уши и косточки, с чем пожаловал?

Гарх вальяжно надулся и выпятил грудь — видимо, доверенное ему срочное послание прямо-таки распирало его изнутри своей неопишуемой важностью, ценностью и значительностью.

— С добрым утречком, Саруман! Я к тебе от Фарлаха с дозорной башни.

— И это всё?

— Нет. Там... гонцы у ворот, видишь ли.

Белый маг помрачнел.

— Из Гондора, надо полагать? Я так и думал... Надеюсь, Фарлах догадался сообщить им о моем долговременном отсутствии?

— Даже если догадался, — Гарх хрипло хохотнул, — думаешь, эти бравые посланцы с покорностью и смирением отправятся восвояси, а не останутся дожидаться тебя на постоянном дворе, записав все расходы на твой счет? Ты от них просто так теперь не отделаешься, у них королевская грамота.

— Как некстати! — Саруман осторожно выглянул в окно: по берегу пруда на понурых усталых лошадях ехали четверо всадников — посланников Гондора. И всё было при них: и тонконогие гнедые кони благородных кровей, и кожаные куртки с изображением королевской почты, и шерстяные дорожные плащи, и всюду, где только можно — Белое Древо в черном квадрате. — Я так и подозревал, что Белектор не оставит меня в покое... Интересно, эти добры молодцы привезли деньги?

— Греешь руки на чужой беде, Саруман? — с сухим смешком прокаркал ворон, склонив голову к плечу.

— Да вот такое уж я мелкое паскудливое дрянцо, ничего тут не поделаешь, Гарх. Видимо, на какое-то время мне придется уехать...

— Уехать? — с тревогой спросил Гэдж. — Куда? В Гондор?

— Да. Видимо, наместнику Белектору совершенно необходимо мое присутствие, что-то там у него стряслось...

— Может, они... эти посланцы... прибыли просто за советом или каким-нибудь лекарственным снадобьем? Может, тебе вовсе не понадобится самому ехать в Гондор, а?

Саруман покачал головой.

— Наверное, все-таки понадобится, Гэдж. Изенгард принадлежит Гондору, и я не вправе отказать наместнику Белектору в его просьбе, в особенности выраженной так настоятельно.

— И не отправишь же ты обратно три сотни прекрасных и полновесных золотых монет, правда? — мечтательно прокаркал Гарх, видимо, уже прикидывая, не перепадет ли и ему из этого замечательного куша монетка-другая — для пополнения тайной коллекции (в которой помимо блестящих камешков, разноцветных стеклышек и металлических пуговиц имелась и пара серебряных ложек, которых как-то недосчиталась на своей кухне госпожа Норвет, хозяйка «Улитки и свистка», маленького местного паба. И, несмотря на то, что со временем ложки потускнели и утратили лоск, Гарх все равно страшно ими гордился — как неоспоримым свидетельством своей лихой разбойничьей ловкости и воровской удачи).

— А как же... — Гэдж прикусил губу.

— Что?

— Ну... Эдорас, состязания, смотр войск...

Саруман ободряюще положил руку ему на плечо.

— Прости, Гэдж. Боюсь, что никак. Ну да это не последний Праздник Весны и роханской столице, рано или поздно будут и другие.

«Будут, — мрачно подумал Гэдж. — Только я их все одно не увижу».

— Надолго ты уедешь?

— Не знаю. Думаю, на месяц или около того... впрочем, постараюсь обернуться как можно скорее. Гарх!

Ворон, который тем временем, нахохлившись, уже успел немного вздремнуть на краю стола, поспешно всполошился и изобразил почтительное внимание.

— Отправляйся-ка вниз, — велел Саруман, — отыщи Теольда, мажордома, пусть он проводит наших любезных гостей в Мраморный чертог, придется учинить им торжественный прием. — Скрестив руки на груди, он по-прежнему мрачно и задумчиво смотрел в окно, хотя на площадке перед башней уже никого не было. — Передай Теольду, что я сейчас выйду... Ну-с, и где там мой посох завалился?

* * *

Саруман уехал через два часа.

Чтоб ему провалиться в Удун, этому проклятому гондорскому наместнику, яростно твердил себе Гэдж.

Угораздило же старого хрыча Белектора захандрить именно сейчас, как раз накануне Праздника Весны! Наверно, ко всем прочим неприятностям на захворавшего беднягу напала сегодня безудержная икота — так долго, рьяно и основательно Гэдж, в унынии слоняясь возле ворот, перемывал ему косточки. Не удастся Гэджу побывать в Эдорасе, вдохнуть аромат приволья и азарта, погулять по ярмарке, потарашиться на внушительных роханских конников, глупо было на это даже надеяться... Орк заскрежетал зубами от досады, обиды и несчастья. Еще и учителя не будет в Ортханке целый месяц! Без Сарумана башня разом стала мрачной, пустой и какой-то безжизненной — труп, холодное мертвое тело, покинутое душой и средоточием жизни — и её сырые, покрытые дымкой влаги монументальные стены навевали на Гэджа меланхолию, скорбь и дрожь...

Кусая губы, он с тоской смотрел на дорогу, уходящую от ворот крепости через долину Нан-Курунир, к южным отрогам Метхедраса и дальше — к Изенским бродам, к бескрайним роханским степям, к Эдорасу и Гондору, в безграничную голубую даль, поглотившую Сарумана жадно, надолго и бесприветно. Один из стражников, сидевший на пороге караульни и уплетавший ячменную кашу из деревянной миски, беспечно окликнул орка, видимо, заметив его потерянный вид:

— Здорово, звереныш! Старик-то твой куда опять усвистал — дела делать или делишки обдeldывать? А ты чего сегодня такой?

— Какой?

— Да такой... смурной, как в воду опущенный. Случилось чего?

— Ничего, — через силу сказал Гэдж.

Он вернулся в Ортханк.

Поднялся в свою комнатку, присел на край лежанки, окинул взглядом нехитрые владения: крепкий деревянный стол, пару табуреток, платяной шкафчик, полку с книгами и чертежными инструментами, в углу — большую глобулу, когда-то, тысячу лет назад, привезенную по заказу из Минас-Тирита. Из другого угла на орка печально таращился слегка выпуклыми стеклянными глазами боевой конь Вихрь, глядел горько и укоризненно — вот уже много лет он был не у дел, как и завернутый в рогожку доспех, имевшийся по соседству: маленький деревянный меч, копьё, щит, раскрашенный киноварью. Гэдж уже давно собирался отнести это добро куда-нибудь в чулан, да все никак не решался расстаться с добрым верным Вихрем, бессменным товарищем детских игр, свидетелем как ярких побед, так и постыдных поражений, а порой, что уж скрывать — и горьких слез смертельных

обид... Гэдж вздохнул.

Заглянул под лежанку. То, что он искал, обнаружилось сразу: вместительная заплечная сума из плотной рогожи. Вытащив её на свет, орк, поразмыслив, сложил в неё: теплое одеяло, моток веревки, перочинный нож (незаменимая вещь в любом походе), жестяной котелок, огниво, чернильницу, кусок мыла, баночку с мазью для лечения ушибов, кошелечек с медью и серебром (тоже незаменимая вещь) и еще кое-что по мелочам. Бережно вытянул из замшевых ножен красивый обоюдоострый кинжал, полюбовался тонким узором на голубоватом лезвии — пару недель назад Саруман вручил этот подарок ученику на пятнадцатилетие, и, хотя Гэдж не являлся ни знатоком, ни особенным ценителем оружия, но догадывался, что стоит такая изящная, по-настоящему искусно выкованная вещица должна была немало. Поколебавшись мгновение, орк пристегнул кинжал к поясу — было жаль подвергать тяготам походной жизни такой замечательный и, безусловно, весьма ценный предмет, но оружие не только придавало Гэджу значительности в собственных глазах, но и — хех! — позволяло почувствовать себя по-настоящему взрослым.

Наконец со сборами было покончено. Оставалось только заглянуть в кладовую, взять там краюху хлеба, кусок вяленого мяса и пару яблок...

Напоследок Гэдж порылся в ящике стола, где, наряду с прочими сокровищами вроде высушенного панциря морского краба и сланцевой плитки с отпечатком лапы дракона, нашлась пухлая пачка перевязанных тесьмой бумажных листов. Присев на лежанку, Гэдж развязал тесьму и некоторое время перебирал желтоватые листы, покрытые угловатыми каракулями, на первых страницах — совсем детскими, неуверенными и не особенно разборчивыми, на последующих — более ровными и аккуратными. Рукопись была начата пару лет назад и повествовала о похождениях бравого воина Анориэля, совершающего (с до конца не выясненными целями) кругосветное путешествие в компании верных друзей и сподвижников и, разумеется, постоянно приключаящегося по дороге самыми затейливыми, изощренными и немислимыми способами. Орк создавал свой эпос в духе «Героических сказаний», и поэтому каждая глава у него носила замечательное название: «Анориэль и огнедышащий дракон», или «Анориэль в плену у Людоеда», или даже «Анориэль и прекрасная дева» с невероятно свежим и интригующим сюжетом: «Поразив мечом Людоеда в самые кишки, Анориэль ворвался в покои прекрасной девы и увидел там прекрасную деву, которая была поистине прекрасна...» Были здесь и еще какие-то мимолетные зарисовки, сказки и басни, но они не шли ни в какое сравнение с могучими легендами про неунывающего Анориэля. Разумеется, о существовании этих потрясающих воображение шедевров не знал никто, даже вездесущий Гарх, и, стань эта сокровенная тайна достоянием кого-то постороннего, Гэдж мигом провалился бы в Удун от стыда: в иные моменты его любимые творения казались ему действительно достойными похвалы, а в другие (и таких, увы, было куда больше!) он вынужден был признаваться себе, что ничего более глупого, неуклюжего и убогого ему еще видеть на бумаге не приходилось...

Что-то едва слышно прошуршало, царапнуло по двери — там, снаружи, со стороны лестницы. Орк насторожился, поднял голову, прислушался... торопливо всунул хрустящие мятые листы рукописи за пазуху. Тишина. Никакого шума, ни звука, ни шороха, ни малейшего движения. Показалось? Или Гарх опять подслушивает под дверь, старый проныра? Гэдж вскинул котомку на плечо, решительно шагнул к двери и, секунду помедлив, рывком распахнул её.

На лестнице никого не было. Как и во всей башне — только где-то внизу, на кухне или в

кладовой, гремели посудой и пустыми котлами приходящие повара. Щеку Гэджа нежно овеяло прохладным сквознячком, он взглянул наверх — и обнаружил, что дверь на верхней площадке лестницы слегка приоткрыта, и из-за неё тянется сквозь пространство тонкая сияющая спица света, пронизывает окутывающий внутренность башни серый таинственный полумрак. И вроде бы в самом этом факте не было ничего удивительного (велика невидаль — приоткрытая дверь!), если бы Гэдж не знал, что там, за дверью, находится сердце Ортханка, его святая святых — Заклинательный чертог Сарумана, тайный анклав, куда на памяти орка не было хода посторонним. Зловещая эта дверь на верхушке башни всегда была крепко-накрепко заперта, отваживая непрошенных визитеров, да и у Гэджа как-то до сих пор не возникало ни малейшего желания совать туда нос...

Почему сейчас она приоткрылась?

Сквозняк был тому виной? Или некий проникший в башню неведомый супостат? А может быть — сердце Гэджа радостно ёкнуло — Саруман все-таки вернулся? Или, чем леший не шутит — лохматый бродяга Гэндалф вновь заявился за какой-нибудь жутко важной колдовской потеряшкой? Да нет, что за глупости, это исключено...

Ноги Гэджа, невзирая на его слабое сопротивление, сами собой двинулись вверх по лестнице, осторожно, на цыпочках, преодолевая каждую ступеньку. Прижавшись к стене, орк с трепетом вынул из ножен голубоватый кинжал. И на какую-то секунду с упоением почувствовал себя бесстрашным воином Анориэлем в логове Людоеда...

Приоткрытая дверь была прямо перед ним — высокая, массивная, украшенная причудливой резьбой с изображениями невиданных цветов, диковинных геометрических фигур и странных неведомых рун. Несколько секунд орк стоял перед ней, разглядывая эти затейливые узоры и спрашивая себя: благоразумно ли будет очертя голову лезть в покои волшебника, и не поразит ли на месте нарушителя границ какое-нибудь неожиданное, крайне неприятное замысловатое заклятие? И не слишком ли трусливым и малодушным мыслям он тут предается вместо того, чтобы решительно ворваться в чертог, схватить за шиворот возможного вора и вонзить кинжал ему в самые кишки?

Он поднял руку и, ухватившись за отполированное до блеска металлическое кольцо, зажатое в крепких зубах бронзового льва, осторожно потянул его на себя.

7. Заклинательный чертог

Ничего не произошло.

Бронзовый лев не ожил и не вцепился незваному гостю в горло, с потолка не раздался гром и не упала синяя ветвистая молния, дабы поразить наглеца в неразумную головушку. Переведя дух, Гэдж осторожно влился в комнату и прижался к стене, готовый ко всему...

Но Заклинательный чертог был пуст. Лишь ветерок, проникающий сюда из приоткрытого окна, гонял по полу крохотный клочок бумаги... Значит, это все-таки сквозняк приоткрыл дверь? Ну, ничего неожиданного. Во всяком случае, втыкать кинжал в «самые кишки» никому, кажется, не требовалось, и орк вздохнул — скорее с облегчением, нежели с разочарованием. Убрал кинжал в ножны и (пользуясь случаем) с любопытством осмотрелся...

Горница, против его ожиданий, оказалась небольшой и не особенно внушительной. Окна, как и повсюду в башне, были стрельчатые, с частым переплетом, в углу возле двери находился чистенький аккуратный камин, в котором стоял маленький тигель, у восточной стены помещался крепкий длинный стол, скорее не письменный, а рабочий, заваленный, как это всегда водилось у Сарумана, всякой всячиной: чертежами, свитками, небрежно обрезанными листами бумаги, странными инструментами и механизмами, состоящими из причудливого нагромождения осей, шестерен и зубчатых колес. На подвесных полках у стены хранились манускрипты в переплетах из телячьей кожи со скрепами мерзкого вида, склянки с зельями и экстрактами, шкатулки, шкатулочки, ларчики и пузырьки, пучки каких-то трав, коллекции минералов и чьих-то костей. Находящийся в дальнем углу большой несгораемый шкаф, суровый и неприступный, как королевский страж, был заперт на огромный висячий замок.

Возле окна помещалась высокая конторка, на ней стояли пузырьки с красками и цветной тушью, а к покатой столешнице был пришит лоскут пергамента — отлично выделанной телячьей кожи, — аккуратно выложенный пемзой и умягченный мелом. Рисунок, нанесенный на пергамент, был еще не закончен, застыл на стадии наброска тонкими штрихами: обрывистый скалистый берег, изменчиво-неспокойное, мрачное, сердитое море, корабль, уходящий к горизонту под удивленным взглядом зеленовласой морской девы, восседающей на черных, окатываемых брызгами валунах. Видимо, с изумлением подумал Гэдж, это был какой-то заказ: сам для себя Саруман вряд ли стал бы сочинять подобную картинную чушь, хотя кто его знает... Тут же, на полочку конторки были небрежно брошены листы с зарисовками и эскизами: лицо (вернее, лица) морской девы — взволнованное, испуганное, восторженное; несколько различных вариантов заката; изображения бурных штормовых волн: огромные, зловещие валы, в чьей тревожной и дикой пляске, в исхлестанных ветром гребнях угадывались смутные очертания человеческих лиц и звериных морд, голов, запрокинутых словно в нестерпимой муке, дико и странно изогнутых тел — искаженные, причудливые образы Отчаяния, Ужаса, Боли, порожденные не то ночным кошмаром, не то воздействием винных паров, не то нездоровым, перевозбужденным, погруженным в смятение разумом...

Северную стену с пола до потолка занимали полки с книгами. Самыми разными — и старыми, лоснящимися, с пятнами свежих заплат, закрывающими прорехи в истертых переплетах, и новыми, хвастливо посверкивающими позолотой на дорогом сафьяне, книгами

большими и маленькими, книгами, писанными пером на пергаменте, кисточкой на рисовой бумаге или печатанными на деревянных досках, книгами, купленными по случаю с лотка уличного торговца или раздобытыми через неких «подозрительных лиц» путем не- и полузаконных ухищрений. Гэдж прошелся вдоль полок, читая названия на корешках, но, даже те, которые он мог прочесть, они ничего ему не говорили: какие-то таблицы, схемы, формулы и особенности составления зелий, какие-то непонятные знаки и символы, древний ветхий том в деревянной шкатулке, рядом — книга, наглухо закованная в железо, будто в латы, и снабженная двумя крохотными серебряными замочками, еще одна книга — в переплете, словно бы составленном из множества шестигранных и чуть выпуклых чешуек, похожих на кожу крупной ящерицы... или, с замиранием сердца подумал Гэдж, может быть, настоящего дракона?

В центре комнаты высился черный мраморный постамент. На нем возлежало нечто сферообразное, размером с небольшой арбуз, накрытое от нескромных взоров лоскутом плотной черной ткани. Орк осторожно приподнял ткань, и его глазам открылся большой гладкий шар из хрусталя — не прозрачный, а совершенно черный, как агат, едва заметно багровеющий изнутри. В шаре как будто не было ничего особенного или примечательного, но, странное дело — однажды посмотрев на него, Гэдж уже не мог отвести взгляд; ему грезилось, будто там, внутри, в черных хрустальных недрах что-то дрогнуло, замерцало, мягко засветилось. Крохотная алая искра начала наливаться пламенем, вращаясь — сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, все неуловимее для глаза, все более головокружительно, притягательно и завораживающе, а потом...

— Харр! Подбери лапы! Жить надоело?

Это был Гарх: он вырвался (именно вырвался, по-другому не скажешь) из какого-то темного угла и проворно набросил на зловещий шар плотный черный платок, оброненный орком секунду назад. Гэдж отшатнулся: впечатление было такое, словно его ударили дубинкой по лицу. Перед глазами его замелькали разноцветные круги, замельтешили черные точки, он покачнулся и, чтобы не упасть, схватился за край стола, сшиб оттуда какую-то крохотную шкатулочку, она повалилась на пол и что-то со звяканьем выбросила из себя...

Гневливо-нравоучительное карканье Гарха доносилось до Гэджа издали, будто сквозь толщу воды, и оттого казалось стократ более въедливым и мерзким, нежели обычно:

— Побереги шкуру, орчоныш! Волшебные вещи опасны и непредсказуемы, не любят, когда на них таращатся, лапают и без нужды беспокоят. Я достаточно долго прожил в Ортханке, чтобы это усвоить... я бы даже сказал так: я успел вовремя это усвоить, благодаря чему и прожил в Ортханке достаточно долго.

Гэдж тяжело опустился на ближайшую лавку, чтобы окончательно справиться с дурнотой и привести мир в состояние более-менее устойчивого равновесия. Растерянно потер ладонью лоб, надеясь, что от свербящей боли в висках голова его не расколется сей момент, как гнилая тыква.

— Т-ты, Гарх... Откуда ты здесь вз... взялся?

Гарх смотрел на него с раздражением:

— Я-то? Со мной-то как раз все ясно: я всего-навсего намеревался тут немного вздремнуть, уверенный, что уж *здесь-то* меня никто не побеспокоит. А вот кто тебе позволил сюда войти?

— Так это ты здесь... хозяйничаешь? Дверь была приоткрыта... — Орк запнулся. Поднял с пола оброненную со стола шкатулочку и то, что из неё выпало. Это был маленький

неказистый обломок на кожаном шнурке, выкованный из какого-то неведомого Гэджу темного металла с серебристым отливом. На его поверхности с трудом угадывалась полустертая насечка — не то символ, не то затейливая руна... вернее, половинка руны. В первую секунду орк испугался — ему показалось, что амулет разбился только сейчас, при падении — но нет: излом был старый, потускневший от времени, да и второй половинки странного творения поблизости не наблюдалось.

Приходя в себя, Гэдж сидел на лавке, поджав ноги, вертя в пальцах странную вещицу и разглядывая её так и этак.

— Что это? — спросил он вполголоса, адресуясь скорее к самому себе, чем к кому бы то ни было, и не очень-то рассчитывая услышать ответ. Но Гарх, секунду помолчав, все-таки снизошел до краткого пояснения:

— Твое приданое, надо полагать. — Нахохлившись, ворон обеспокоенно изучал собственные лапы, в особенности — коготь, который сломал час назад, безуспешно пытаясь вскрыть в подвале бочонок с солониной.

— Какое... приданое?

— Харр! Эту штуку Бальдор приволок в Изенгард вместе с тобой пятнадцать лет назад, чтобы предъявить Саруману... Разве старик не говорил тебе об этом?

— Нет, никогда не говорил... Наверно, не придавал этому значения? А что это такое, Гарх?

— Ну, наверно, какой-нибудь оберег, который твоя мамаша повесила тебе на шею, чтобы защитить тебя от бед и болезней — у вас, у орков, очень сильны подобные глупые обычаи. Темный народ, что поделаешь!

Гэдж совсем не приветствовал, что его сородичей почитают тёмным народом, но, не желая спорить с Гархом (которого, сказать по секрету от почтенного ворона, самого считал весьма тёмным и недалеким), промолчал. Рука его дрогнула: этот амулет когда-то принадлежал его матери... Гэдж много отдал бы за то, чтобы увидеть и узнать своих настоящих родителей, и втайне (втайне даже от Сарумана!) частенько мечтал встретиться где-нибудь в горах со своими сородичами-орками, ибо, признаться, ему уже порядком надоело быть *не таким, как все* — хотелось, в конце концов, оказаться своим среди своих. Саруман не скрывал от своего воспитанника обстоятельств его появления в Изенгарде, но мало и неохотно рассказывал об орках как таковых, даже как будто старался избегать этой темы, при первой же возможности переводя разговор в другое русло. Единственное, что Гэджу было известно о своем происхождении наверняка — это то, что племя, из которого он родом, обитает где-то севернее, на диких пустошах и в потаенных долинах Туманного хребта, или, возможно, в ещё более далёких и суровых краях, в Серых горах, расположенных у истоков Андуина.

Увы, у людей сородичи Гэджа были явно не в чести. Гэдж не мог не чувствовать этого по брезгливо-натянutoму отношению к себе, по мимолетным косым и неприязненным взглядам, по словечкам, роняемым у него за спиной, по той настойчивости, с которой учитель советовал ему не выходить из долины Нан-Курунир. Он разыскал в библиотеке Ортханка множество книг, прямо или хотя бы косвенно упоминающих об орках, но и в них не нашел ничего утешительного. Авторы, за редчайшим исключением, сходились в одном: орки (а также их «младшие братья» гоблины) грубы, безнравственны, невежественны и неразвиты, по причине чего и враждебны всему остальному миру, а их дикарское, руководствующееся постыдными животными законами общество рано или поздно обречено

на бесславное вымирание. Читать подобные откровения было мучительно, горько и стыдно, а уж принимать их на веру, несмотря на безусловную весомость и надежность источников — и вовсе никак невозможно... Ладно, сказал себе Гэдж, разглядывая амулет, уютно покоящийся у него на ладони, другие могут думать на счёт орков что угодно — ему, Гэджу, это нисколько не мешает верить, что его матушка всё-таки любила его, раз отдала ему эту маленькую и неказистую, но, по её мнению, истинно *волшебную* вещицу, призванную защитить крошечного сына от бед и опасностей огромного, неизведанного и, увы, очень часто враждебно настроенного мира.

— Ты далеко собрался-то, парень?

— Что?..

Оторванный от своих мыслей, Гэдж поднял глаза — и вновь наткнулся на пытливым, изучающим взгляд Гарха. Ворон, склонив голову к плечу, смотрел на орка пристально и настороженно, будто на причудливую шкатулку с секретом, пытаясь угадать, что спрятано внутри. Безмолвие, воцарившееся в горнице, неприятно давило на уши; слышно было, как где-то в кузнице, далеко внизу, гулко и размеренно бьёт молот по наковальне, и в тишине утра отчетливо возносились к небесам звонкие металлические удары.

Как можно более небрежным тоном Гэдж поинтересовался:

— Саруман запретил мне бродить по окрестностям?

Взгляд ворона стал еще более подозрительным:

— К сожалению, не запретил. Он всего лишь *высказал пожелание*, чтобы до его возвращения ты не покидал пределов Изенгарда. Но пожелания учителя для тебя, конечно, ровным счетом ничего не значат... Я прав?

— А ты-то с какой радости так об этом печешься?

— Старик велел мне за тобой приглядывать — по мере сил, разумеется. Рассказать тебе, что ли, старую сказочку про мышонка, улизнувшего из норки и угодившего аккурат в кошкины лапки? — Напустив на себя вид строгий и назидательный, Гарх важно прохаживался по краю стола, время от времени останавливаясь, чтобы чинно покивать головой и мельком полюбоваться на свое отражение в ближайшей стеклянной колбе. — Между прочим, ты можешь сколько угодно бродить по парку, ага?

— Само собой, — буркнул Гэдж. — Если бы ты обращал внимание еще на что-то, кроме себя, Гарх, то уже давно понял бы, что именно это я и намереваюсь сделать. — Поставив шкатулочку обратно на стол, он поднялся, подхватил сумку, валявшуюся на полу, повернулся на пятках и, решив не продолжать бесполезного спора, направился к двери.

— Надо же. Какая похвальная кротость и послушание! — сипло прокаркал Гарх ему вслед.

— Что опять не так, старый кляузник?

— Раз уж ты идешь в парк, то, я полагаю, тебе вовсе не понадобится оружие и котомка с дорожными припасами, верно? Почему бы тебе не оставить все это добро здесь?

Гэдж остановился.

Посмотрел в окно, но там не было ничего примечательного: ясно голубело чистое весеннее небо, да скалился далеко на заднем плане неровными, выщербленными непогодой каменными зубами восточный гребень Метхедраса. Мимо окна туда-сюда шныряла стремительная, обеспокоенная поиском места для гнездования чёрно-белая ласточка.

— Я так или иначе уйду, Гарх, — не оборачиваясь, бросил орк через плечо. — Ты не сможешь меня удержать.

— Куда ты собрался?

— А тебе не все ли равно?

— Мне — все равно. А вот Саруману, сдается мне, нет.

— Я оставлю ему записку. Со мной не стряется ничего страшного.

— Лучше бы ты оставил ему себя...

Орк промолчал, глядя на трещинку в каменном полу, змеящуюся у него под ногами. «Мне бы хотелось, чтобы в мое отсутствие ты не покидал стен Изенгарда, Гэдж, — сказал Саруман ему на прощание, — и дело даже не... в той причине, о которой мы оба знаем. Просто бродить в одиночку по горам само по себе может быть небезопасным. Приближается время схода лавин... Один раз ты уже попал в беду — там, в горах — и тебе повезло, что в тот день на тебя набрел дурень Гэндалф, который и мимо мыши, попавшей в мышеловку, не способен пройти равнодушно. В другой раз подобного везения может и не случиться». Тряхнув головой, словно это могло помочь ему отогнать сомнения, орк решительно взялся за ручку двери — бронзовое кольцо.

Ворон сердито прокаркал ему в спину:

— Ну-ну. Придется мне все-таки разыскать начальника стражи и поставить его в известность касательно твоих неразумных намерений, глупый ты звереныш... Боюсь, что в таком случае тебя просто не выпустят из Изенгарда, уж не обессудь.

— Не утруждайся, — буркнул Гэдж. — С чего ты взял, что для того, чтобы покинуть Изенгард, мне непременно нужно проходить мимо караульни?

— Ну, если ты научился, подобно сквозняку, просачиваться сквозь стены...

— Не научился. Но зато мне известен потайной ход, прорытый под башней — он выведет меня из Ортханка прямехонько за Круг Изенгарда. Всего хорошего, старый ворчун.

И с этими словами, прежде, чем Гарх успел осмыслить и принять сказанное к сведению, орк повернулся, вышел из Заклинательного чертога и плотно, с основательным усилием прикрыл за собой дверь.

* * *

— И давно? — спросил ворон.

— Что давно?

— Давно тебе известен этот потайной ход?

Они с Гэджем сидели на травянистой лужайке на восточном склоне Метхедраса и смотрели вниз, в долину, где виднелись темные, уходящие в необозримые дали за край земли громады Фангорнского леса. Отсюда, со значительной высоты, казалось, будто кто-то расстелил на земле большой и зеленый, слегка побитый молью войлочный коврик.

— Давно, — помолчав, неохотно отозвался Гэдж. — С того дня, как меня укусила змея, помнишь?

— А-а...

— Мне было лет семь или восемь. Старик водил меня на склон Метхедраса изучать горные породы и травы... и в тот день пронес меня напрямиком в Ортханк, минуя стены, ворота и караульню. Он опасался, что в случае промедления просто не успеет в должный срок дать мне лекарство.

— Как это было неосмотрительно с его стороны...

— Наверно, он думал, что я все равно ничего не запомню.

День был в самом разгаре — душный и почти по-летнему жаркий. Скинув безрукавку и закатав выше локтя рукава холщовой рубахи, Гэдж поудобнее примостил за плечами тяжелую котомку и принялся спускаться к темнеющей внизу полосе леса. Гарх, вздыхая и отдуваясь, старался держаться поблизости — или, по крайней мере, не выпускать орка из вида. Порой старый ворон что-то сердито кряхтел под нос и, хотя Гэдж старался особенно не прислушиваться, ему казалось, что в этом невнятном бормотании он различает знакомые слова «чтоб ты провалился» и «всё доведу до сведения».

— Может быть, все-таки пора поворачивать оглобли, орчоныш? Мы и так уже забрели чересчур далеко... только-только поспеем вернуться к закату.

— Возвращайся, Гарх. Разве я просил тебя за мною увязываться?

— А ты? Нечего таскаться тут по горам по долам... Что Саруман велел тебе перед отъездом?

— Разобрать книги в библиотеке.

— Вот-вот.

— Брось, Гарх! Эти книги лежали там не разобранными задолго до моего рождения — полежат и еще немного. Старик просто хотел чем-то меня занять.

Они уже дошли почти до опушки. Лесная полоса начиналась сразу, внезапно — за спиной поднимался пустынный и каменистый горный склон, а впереди высилась стена деревьев — внушительная и мощная, как крепостной бастион. Гэдж остановился, вглядываясь в разлитый под деревьями прохладный тенистый полумрак. В Рохане, он знал, Фангорн почему-то пользовался дурной славой...

Почему — этого Гэдж так до конца и не уяснил. Лес был как лес — дубы, ясени, вязы, чуть поодаль — искривленная причудливым зигзагом сосна, старая замшелая коряга, большой муравейник... Орк присмотрелся.

— Смотри, Гарх — тропа.

Песчаная дорожка уходила в лес — удобная, утоптанная, ныряющая в тенистую прохладу под огромным древним дубом-исполином. А чуть дальше уютно и приветливо журчал прозрачный ручей...

Гэдж, словно зачарованный, шагнул вперед. Жара на солнцепеке стояла нещадная, вода во фляге была отвратительно теплая, а ручей — тут, в двух шагах! — журчал так гостеприимно и звонко, так бесконечно заманчиво и многообещающе...

Гарх с хриплым криком опустил ему на плечо и больно вцепился когтями в кожу.

— Остановись, дурень! В этот лес нельзя заходить!

— Почему нельзя?

— Потому что Фангорн — не простой лес, неужели не понятно? По тропам Фангорна можно *зайти* куда дальше, чем ты даже в состоянии это себе представить... Сюда никто никогда не ходит.

— Что за детские сказочки? Смотри, какая удобная и утоптанная тропа — кто-то же ходит по ней, иначе её бы тут не было, верно? Это, наверно, дровосеки её протоптали?

— Дровосеки? Харр! Тише! — Гарх испуганно всполошился и бросил опасливый взгляд в сторону леса. — Не упоминай о дровосеках, когда стоишь на опушке Фангорна! И никаких словечек вроде «топор», «огонь», «полено», «растопка», пока не отойдешь отсюда на милю-полторы... Они этого не любят.

— Кто «они»?

— Существа, живущие в лесу. Я слышал от Сарумана... мне иногда приходилось его

здесь сопровождать... Впрочем, нет, не стану я тебе этого говорить.

— Почему не станешь?

— Потому что ты слишком туп для того, чтобы прислушиваться к мудрым советам. И следовало бы не потчевать тебя занятными байками, а хорошенько отодрать за уши за то, что ты заставил старую и почтенную птицу таскаться за тобой по такой невыносимой жаре...

Он ворчал и бухтел что-то еще, но орк его не слушал. Фангорн неодолимо притягивал его, манил свежестью и душистой лесной прохладой, обилием пушистого мха на мягкой лесной подстилке, чистой и студеной водой хрустального родника. Лес лучился радушием и дружелюбием, щедро выставил навстречу гостям лучшее угощение — еще не совсем спелую, но ароматную и крупную, как серьги модницы, землянику, — представил на их суд самые красивые и восхитительные лесные пейзажи: поляны, усыпанные нежными лесными цветами, лощины, пронизанные трепещущими солнечными бликами, живописные берега потаенных лесных ручьев. Фангорн был стар и богат, невероятно богат — тишиной и благодатью, грибами, ягодами и орехами, непуганым зверем и жирной рыбой в лесных речушках, дорогим топливом и редкой древесиной ценных пород. Слава «колдовского» и «порченного магией» явно служила этому лесу отличную службу, охраняя его от разора и грабежа лучше самого опытного и радивого лесника, не допуская сюда людей, этих ушлых купцов, торгашей и барышников, которые, будь на то их воля, давно прибрали бы этот дивный лес к рукам, поделили бы его на уголья, передрались бы друг с другом из-за какой-нибудь богатой Сосновой Лощины или рощи особенно ценного дуба... «Почему нельзя заходить в Фангорн? Разве этот лес кому-то принадлежит?» — спросил как-то Гэдж у Сарумана, подразумевая под «владельцем леса» какого-нибудь знатного роханского лорда или даже самого короля, но Белый маг усмехнулся и ответил, как это и подобает волшебнику, туманно и непонятно: «Фангорн может принадлежать только Фангорну, Гэдж».

— Только не говори мне, что эту землянику нельзя есть, — сказал Гэдж Гарху, который, сохраняя вид сердитый и недовольный, все-таки вскоре догнал орка, ушедшего вперед по тропе, и вновь опустился ему на плечо. — Смотри, сколько тут ягод! И почти совсем спелых... — Здесь, в глубине леса, земляника и впрямь была более спелая и крупная, чем на опушке, прямо какая-то ненормально крупная, размером чуть не с наперсток; Гэдж мог собирать её, даже не сходя с тропы, и вскоре накидал целый котелок. — Отнесу-ка я их в «Улитку» госпоже Норвет... то-то она подивится, а?

— Да уж, подивится... — проворчал ворон. — Только, видишь ли, эти ягоды — из Фангорна, Гэдж.

— На них так и написано «Мы из Фангорна», да?

— Написано — для того, кто умеет прочесть. Где еще в окрестностях Изенгарда ты видел спелую землянику в это время года?

— Но ты же сам говорил, что Фангорн — не простой лес. Наверняка в этом замешана местная магия.

— Вот то-то и оно. Нельзя быть таким доверчивым, Гэдж... Поманили тебя конфеткой — ты уж и рад.

— Отравимся мы все этой земляникой, по-твоему?

— Да не в землянике дело... — пробормотал ворон — и умолк, к чему-то прислушиваясь. Орк последовал его примеру — и вдруг понял, что ничего не слышит... то есть вот совсем *ничего*: даже стук дятла, доносившийся откуда-то из лесных недр, внезапно стих, как и окружающий путников щебет птиц, и мирное жужжание насекомых, и беспечный

шелест листвы. Орка и ворона обступила плотная, густая, неприятная тишина. Где-то за спиной Гэджа раздался громкий, протяжный скрип — словно стон — потревоженной ветром сосны, и орк вздрогнул от неожиданности. Вытер о штаны внезапно вспотевшие ладони...

— Вот же засада! Что-то не нравится мне все это... — встревоженно озираясь, прохрипел ворон.

Гэджу тоже стало не по себе, хоть он и старался этого не показывать, радуясь одному — ему хватило ума никуда не сходить с тропы, да и опушка была совсем недалеко, за ближайшим поворотом... Вокруг что-то необычно, зловеще изменилось, в лесу потемнело, словно солнце скрылось за тучу, из подлеска поднималась мутная холодная мгла, и вместе с ней — безотчетный, первобытный, просто звериный какой-то страх. В воздухе ощущалась странная давящая духота; ни малейшего движения ветра не замечалось среди ветвей, но окружавшие тропу деревья как-то странно придвинулись и тихо шелестели листвой над головами путников... даже не шелестели, а, казалось, о чем-то зловеще и заговорщицки шептались — там, у себя в вышине — склоняя друг к другу пышные кроны и переплетая мощные узловатые сучья. Гэдж, охваченный дрожью, оцепенел...

— Бежим отсюда! — гаркнул ворон. — Скорее!

Гэдж повернулся и опрометью бросился обратно, назад по тропе. Храбриться дальше и делать вид, будто ровным счетом ничего необычного не происходит, уже не имело смысла...

В несколько прыжков орк миновал ровный отрезок тропы, по обочинам которой все еще легкомысленно цвела земляника, перескочил через песчаный холмик, завернул за поворот и... остановился.

Тропа исчезла.

Совсем.

Просто оборвалась перед Гэджем, оставив его перед сплошной стеной деревьев и кустов, стоявших густо и кучно, как частокол — словно тут ровным счетом никогда и не было никакой тропы. Но ведь от самой опушки Гэдж шагал по ровной, не имеющей никаких ответвлений лесной дорожке, никуда с неё не сворачивая — куда же она теперь могла подеваться? Куда?! Гэдж обмер от ужаса, тело его враз стало ватным, ноги превратились в безвольный студень...

— Тропа! Гарх, где же тропа?! Силы небесные, куда... куда она подевалась?

Но почтенный ворон был напуган и растерян ничуть не меньше своего спутника... Сипло вскрикнув, он попытался взлететь, но столпившиеся вокруг деревья не желали выпустить его на свободу — ветви их сплелись густо и плотно, не оставляя для ворона ни малейшей щелки, острые сучья так и норовили выколоть глаза или вонзиться в крыло, и, не желая провести остаток жизни обездвиженным калекой, Гарх вынужден был вновь шлепнуться Гэджу на плечо. Орк секунду-другую стоял столбом, вглядываясь во мрак, стусившийся под деревьями; ему казалось, будто там, в неведомой лесной утробе, что-то неторопливо движется, разрастаясь и неумолимо приближаясь, что-то темное, огромное, страшное, словно медведь, но Гэдж знал, что это не медведь, это не мог быть медведь, это было... Силы изменили орку, сердце захолонуло, крик ужаса застрял в горле комом.

— Существа... — Он попятился. — Ты говорил, в лесу живут существа... Кто они, Гарх? Кто?

Ворон не ответил.

За спиной орка громко хрустнула ветка под чьей-то тяжёлой грузной лапой. «Существо»

было не одно! Гэдж стремительно обернулся — и тут же что-то сильно, до искр из глаз ударило его по лицу, сбило с ног, он упал и кубарем покатился в пасть разверзшегося за спиной оврага. Падение оглушило его, он отчаянно, как слепой, тыкался в разные стороны, карабкался на четвереньках сквозь какие-то заросли, натыкался на пеньки и гнилые опавшие сучья, до крови расцарапал о шипы и колючки лицо и руки. Шелест листвы над его головой усиливался, становился всё громче и нетерпимее, теперь Гэджу чудились в нем злобные, негодующие, угрожающие ноты и — смех: негромкий, злорадный, донельзя торжествующий. В совершеннейшем ужасе он скорчился на земле, закрывая голову руками. Что-то громадное, темное и свирепое нависало над ним, со всех сторон к нему тянулись длинные цепкие лапы — ветви? — готовые схватить, разорвать, растерзать в мелкие клочья...

Кинжал!

Подарок Сарумана!

Силы небесные, Гэдж совсем о нем позабыл! А ведь он вовсе не безоружен!

Потной ладонью он нащупал оплетенную кожаными шнурком рукоять, рванул клинок из ножен, взмахнул им перед собой наугад, ничего не видя и не слыша... что-то хрустнуло, отдернулось и тут же резко, словно кнутом, хлестнуло его по лицу. Из глаз его брызнули слезы, рот разом наполнился теплым, соленым и вязким...

— Дуралей! Убери кинжал, живо! — раздался голос. — Ты только пуще их злишь!

Полуослепший, Гэдж вздернул голову и смутно различил перед собой чью-то фигуру — высокую, в сером плаще, с длинным посохом в руках, так странно знакомую... Гэндальф! Волшебник стоял перед Гэджем, заслоня орка от тянущихся к нему ветвистых лапищ, и Гэдж поспешно, дрожащими непослушными руками вложил кинжал — лезвие его мягко серебрилось в окружающем мраке — в замшевые ножны. Гэндальф, воздев посох, что-то повелительно проговорил, обращаясь то ли к окружавшим орка деревьям, то ли к кому-то, невидимому в лесной чаще. Секунду-другую злобная, сердито шепчущая мгла ещё грозно клубилась вокруг, нависая над магом, потом как-то медленно, словно нехотя отступила, отползла дальше в лес, схоронилась где-то там — в глубоких темных оврагах и укромных лощинах... Дышать стало легче, сжимающий сердце холодный страх отступил, и Гэдж, обессиленно вытянувшись на земле, наконец сумел кое-как перевести дух.

8. Решение

Гэндальф обернулся и посмотрел на него.

Гэдж не ответил ему тем же.

Ему было стыдно — нестерпимо стыдно за свою неописуемую глупость, заставившую его войти в Фангорн, за дурацкий страх, за кровь, струйкой текущую из разбитого носа... Какой же он трус, слабак и неумеха! Что теперь Гэндальф может о нем подумать! Да лучше бы волшебник вообще не появлялся, лучше бы Гэдж погиб в битве, как подобает мужчине, а не лежал сейчас, как дурак, у его ног, обливаясь слезами, соплями и кровью. Да уж, не вышло из него бравого воина Анориэля... Орк не мог заставить себя заговорить, и молчание тянулось и тянулось, долгое и тягостное, как холодные зимние сумерки; затем Гэндальф порывисто шагнул вперед и, подав Гэджу руку, не поднял его, а скорее рывком вздернул на ноги.

— Какого лешего, чума тебя порази, ты здесь делаешь?

Но орк по-прежнему не находил в себе сил для ответа... В сумраке у его ног что-то завозилось — Гарх (который до сих пор лежал на куче прелой листвы, задрал лапы и всем своим видом пытаясь внушить возможным недругам, что он уже с неделю как умер) осторожно поднял голову и, убедившись, что опасность миновала, поспешил принять более подходящее для почтенной птицы положение. Он был несказанно рад появлению Гэндальфа, хоть и старался всеми силами этого не показывать. Неуклюже взлетел и опустился магу на плечо, сердито уставился на волшебника одним глазом:

— Что он здесь делает? А ты сам-то как думаешь, Гэндальф? Саруману пришлось спешно уехать из Изенгарда, и, конечно, этот гаденыш тут же решил, что теперь ему все позволено!

Волшебник смотрел мрачно:

— Ах вот оно что, Саруман уехал... Но, я полагал, он говорил тебе, Гэдж, что в Фангорне нельзя заходить по одной лишь прихоти, что этот лес может быть опасен... разве не говорил, а?

Орк по-прежнему не мог поднять головы. Проговорил, запинаясь:

— Г-г... говорил... Только...

— Что?

— Ну... ничего. — Ему хотелось провалиться сквозь землю.

— Все ясно.

Гэдж наконец нерешительно поднял взгляд на волшебника. По тону Гэндальфа невозможно было понять, сердится он или нет — лицо его было сурово, но в серых глазах что-то странно поблескивало, какие-то едва уловимые лукавые огоньки. За спиной орка что-то громко хрупнуло и лопнуло, кто-то тяжело, с протяжным хрипом вздохнул — Гэдж вздрогнул и опасливо оглянулся.

— Не бойся, — буркнул маг, — они больше не нападут, по крайней мере, пока я с тобой. Хотя, надо признать, я подросел как раз вовремя... еще немного — и хьорны встретили бы тебя по-своему.

— Хьорны? К-к... кто это?

— Переродившиеся энты.

— Ага.

— Стражи леса, — посмеиваясь, пояснил Гэндальф. — Странно, что они вообще позволили тебе зайти в Фангорн настолько далеко. Вероятно, их смутило присутствие Гарха... Они признали в нем саруманова ворона, потому и не торопились нападать.

— Они... эти «хьорны»... знают Сарумана?

— Ну, почему бы им его и не знать?

Голос мага был спокоен и будничен — он словно говорил о каких-то глубоко посторонних, отвлеченных, само собой разумеющихся вещах, и не было вокруг ни зловещего темного леса, ни «хьорнов», прячущихся в лесной чащобе, ни прочих загадок колдовского Фангорна, — и Гэдж слегка приободрился, пришел в себя, только ноги его жалко дрожали, тряслись и подгибались по-прежнему. Он утер лицо рукавом:

— Почему... почему они на меня напали, мастер Гэндальф? Разве я чем-то им навредил? Я только собрал немного ягод...

— Дело не в тебе, Гэдж. Они в принципе не любят людей, вот и все.

— И орков, конечно, тоже?

— И орков — тоже. Они, видишь ли, даже с эльфами не очень-то ладят, хотя эльфы — истинно *лесной народ*.

— А... вы?

— Что?

— Вас они не трогают, мастер Гэндальф?

— Одно из важнейших умений волшебника — находить общий язык практически со всеми живыми существами, населяющими Арду. Я, можно сказать, просто знаю для них заветное слово.

— Здóрово быть волшебником! — невольно вырвалось у Гэджа. Сам себя он по-прежнему презирал: донельзя слабый, жалкий, испуганный, весь перепачканный кровью и грязью, прихваченной на дне ближайшей канавы.

— Да ну? Вовсе не так уж и здóрово, — усмехаясь, возразил Гэндальф. — Слишком, знаешь ли, велики обязательства и груз ответственности...

— За таких, как я?

— За малейшее изменение в ткани мира, которое неминуемо влечет за собой любое, как вы любите это называть, "волшебство"... Ладно, не будем об этом. — Маг переложил посох из правой руки в левую и оглянулся, точно что-то ища. — Ага, вот и тропа. — Действительно: за спиной Гэджа, там, где только что щетинились колючками густые заросли ежевичных кустов, теперь обнаружилась удобная, широкая травянистая дорожка, тянущаяся сквозь лесную чащу. — Идем. И постарайся не отставать, лады?

Орку не нужно было говорить об этом дважды.

* * *

— Фангорнским тропам не следует доверять, Гэдж, они не чета обычным лесным тропинкам. Сегодня они ведут не туда, куда вели вчера, а завтра могут и вовсе исчезнуть и появиться в совершенно неожиданном месте... Ну, мне кажется, ты это уже усвоил.

— А вы не боитесь здесь заблудиться, мастер Гэндальф?

— Фангорн вовсе не опасен — для тех, разумеется, кто умеет его понимать. Хотя от всяческих сюрпризов и я не избавлен: к примеру, то, что тропа, по которой я шел, приведет меня прямехонько к вам с Гархом, явилось для меня полнейшей неожиданностью... видимо,

хозяин леса не желал твоей гибели, Гэдж, и дал мне возможность вмешаться.

— Хозяин леса? Кто он такой? Саруман говорил мне, что Фангорн никому не принадлежит.

— Он так и сказал — «никому»? Ну-ка припомни хорошенько... Должно быть, ты просто неправильно его понял.

— Ну... он сказал: «Фангорн может принадлежать только Фангорну» — кажется, так. Разве это не одно и то же?

— Разумеется, нет. Тебе следовало бы относиться к словам учителя с большим вниманием, Гэдж.

— Вы, волшебники, всегда говорите загадками, — проворчал орк: он так и не уразумел, в чём соль гэндальфской шутки (если это была шутка), и никак не мог отделаться от ощущения, что волшебник над ним попросту потешается: уж больно странно, с какой-то подозрительной хитрецей Гэндальф посмеивался в бороду:

— А ты, конечно, хотел бы, чтобы мы говорили отгадками, так? Увы, увы! Вопросов и задач никто не просит — всем подавай готовые ответы, да только ответ без решения, видишь ли, немногого стоит.

Впереди среди деревьев забрезжил слабый просвет, и путники вышли (вернее, их вывела тропа) на небольшую полянку, граничащую с излучиной ручья. Здесь Гэндальф остановился, осмотрелся и, оценив обстановку, признал это уютное местечко вполне пригодным для привала.

— Пойди-ка умойся, — сказал он Гэджу, — а заодно набери хвороста — палого валежника под деревьями, я думаю, найдется более чем достаточно. Только не заходи далеко... а я пока обустроюсь.

После пережитого приключения Гэдж не нуждался в напоминаниях об осторожности. К счастью, сухие сучья действительно имелись на земле в изобилии, и, набрав поблизости от поляны целую охапку, орк поспешил вернуться к волшебнику. Гэндальф тем временем расчистил на земле местечко для очага, обложив его камнями, и, растянув свой плащ на нескольких подходящих для этой цели длинных ветвях, смастерил нечто вроде навеса на случай дождя. Рыхлые серые тучи, к этому времени угрожающе столпившиеся над верхушками леса, и впрямь выглядели мешками, набитыми сырой ватой.

— В чём заключается вся прелесть бродячей жизни, — с усмешкой заметил волшебник, — так это именно в её совершенной непредсказуемости. Ложась спать под чистым, без единого облачка небом, наутро частенько рискуешь проснуться в луже воды и промокшим до нитки.

— Да уж, бывает, — пробормотал орк. — Однажды, когда я немного заплутал в горах, мне пришлось заночевать в каком-то ущелье — так наутро меня чуть не засыпал начавшийся снегопад! Это было в середине лета.

— Гм! Вижу, суровыми лишениями дальних странствий тебя не напугаешь.

— Ну. Вы бы лучше и не пытались...

Они развели костер — маленький, но жадный, поедающий смолистые сосновые сучья с аппетитным похрустыванием. В котелке мирно пытела постная просяная каша; Гарх, сложив лапы под грудью, подремывал неподалеку от костра, время от времени сонно подрагивая и дергая головой; над огнем, нанизанные на прутик, неторопливо поджаривались кусочки ржаного хлеба — темного, душистого, изенгардского. Лес, окружавший поляну, несмотря на сгустившиеся сумерки, уже не казался Гэджу ни

враждебным, ни особенно страшным, разве что таинственным и скрытным, как заправский нелюдим, предпочитающий прятать от окружающих лицо под глубоким капюшоном.

— А все-таки, кто он такой, этот «хозяин леса», мастер Гэндальф? Эльф? Или, быть может, тоже волшебник? И как мне его найти, чтобы... поблагодарить?

— Ну, уж об этом тебе совершенно не стоит беспокоиться, Гэдж. Думаю, если захочет, то он сам тебя непременно найдет.

Гэндальф говорил об этом так спокойно и просто, точно речь шла о чем-то глубоко обыденном и привычном, вроде встречи с добрым соседом, и, наверно, так оно и было — для Гэндальфа. «Но я-то — не волшебник», — уныло думал Гэдж, и эта гипотетическая встреча с «хозяином леса» (который являлся существом определенно не обычным) не могла не вызывать у него неприятного холодка в животе. Магия и все, к таковой относящееся, всегда оставалась для Гэджа тайной за семью печатями, несмотря на то, что он вырос в доме волшебника и всю свою (по крайней мере, сознательную) жизнь провел с магом бок о бок. Саруман никогда не казался Гэджу каким-то особенным, высшим существом (из *этих*, как говорили о нем опасливым полушепотом), и орк не испытывал перед ним ни почтительного трепета, ни благоговения, ни страха. Вероятно, потому, что слишком хорошо его знал; ничуть не менее прочих Саруман был подвержен и голоду, и холоду, и усталости, и перепадам настроения, и недостойным эмоциям, и прочим человеческим слабостям, страстям и порокам; о его причастности к неведомым «тайнам мироустройства» Гэдж имел представление не менее смутное, туманное и неопределенное, чем, к примеру, о некоторых тонкостях мудреного королевского этикета.

Наконец ужин, пыхтящий в котелке, благополучно поспел, и путники подкрепились жидкой, больше смахивающей на похлебку просяной кашей, закусывая варево слегка подгоревшими по краям ржаными сухариками. Покончив с едой, Гэндальф извлек из сумки причудливо искривленный, видимо, найденный где-то в лесу узловатый сучок, очистил его от засохшей земли и прилипших хвоинок, так и этак повертел в руках, словно примериваясь. Достал из кармана на совесть заточенный перочинный нож и, посвистывая сквозь зубы, принялся обстругивать заготовку, вчерне придавая ей нужные, увиденные им внутри пока ещё бесформенного куска дерева очертания. Гэдж смотрел, как ловко и сноровисто сильные пальцы волшебника управляют с ножом, как выползает из-под острого лезвия душистая, завивающаяся спиралью длинная стружка. Руки Гэндальфа были совсем не похожи на изящные и холеные руки Сарумана, руки Гэндальфа казались загрубевшими и обветренными, покрытыми красными «цыпками»; широкие крепкие ладони были как-то по-крестьянски мозолисты, под коротко обрезанными ногтями кое-где виднелись тоненькие черные ободки намертво въевшейся грязи. Это были руки скорее простолюдина и ремесленника, нежели мудреца и волшебника...

— Мастер Гэндальф, — пробормотал Гэдж, — а ведь вы всегда странствуете в одиночку, правда? И ничего не боитесь?

— А чего, по-твоему, я должен бояться, Гэдж?

— Ну, я не знаю... разбойников, например. Волков, драконов...

— Волков бояться — в лес не ходить. Это во-первых.

— А во-вторых?

— А во-вторых, меня почему-то упорно не оставляет ощущение, что ты хочешь напроситься ко мне в попутчики.

Орк смутился.

— Почему «напроситься»? Просто... я подумал, что, возможно, нам с вами и впрямь по пути, мастер Гэндалф.

Волшебник бросил на собеседника быстрый взгляд, полоснул по пальцу оставленным без присмотра ножом и, шепотом ругнувшись, торопливо прижал набегающую кровь краем грязноватого рукава.

— И куда, интересно, ты так рьяно и безоглядно мыслишь направиться? В Серые горы? Гэдж смотрел в сторону.

— А почему бы и нет? Кто может мне это запретить? Вы? Или, может быть, Саруман, а? Он сейчас далеко...

Гэндалф был занят своим пальцем и ответил не сразу. Он аккуратно перевязывал ранку под ногтем извлеченной из кармана холщовой тряпицей.

— Лишь бы твоя совесть тебе это не запретила, Гэдж... совесть и благоразумие, так что спроси совета у них. Ты ведь не просто так рвешься в Серые горы, правда?

Орк облизнул губы.

— Саруман сказал мне, что мое племя родом откуда-то с севера... может быть, и из Серых гор. Вы, конечно, думаете, что я туда не дойду, так?

— Так. Не буду кривить душой и скажу тебе честно — возможно, и не дойдешь. Это глупая и безрассудная затея... и притом достаточно опасная. Для тебя — более опасная, чем для кого бы то ни было.

— Почему? Потому что я — орк?

— Хотя бы и поэтому.

— Да. Вот так уж мне не повезло.

Волшебник медленно покачал головой.

— Мы не выбираем, кем нам рождаться, Гэдж... но зато в нашей воле решить, как нам прожить жизнь и кем умереть. Разве не так?

— Какие красивые слова! — пробурчал Гэдж. — Наверное, сто́ят того, чтобы повесить их над кроватью в серебряной рамочке.

— Я бы на твоём месте повесил в золотой.

Орк сумрачно ковырял острием кинжала ямку в земле.

— Я все равно уйду, мастер Гэндалф... куда-нибудь. Хотя бы до осени. В Изенгарде без Сарумана мне нечего делать.

— Почему? Ты там еще что-то натворил... помимо того, что родился орком?

— Нет, ничего. Если только...

— Что?

— Этот парень, Бран... вы знаете, что он умер?

— Да, Саруман мне сказал — переливание крови вызвало какие-то осложнения...

— А это проклятое переливание делал я!

— И что? Кто-то смеет обвинять тебя в смерти Брана?

— Прилюдно — конечно, нет.

— Если я правильно понял, идея насчет, гм, этого сомнительного опыта целиком и полностью принадлежала Саруману. Если кто-то в чем-то и ошибся — так это именно он, а не ты.

— Да не в этом дело! — пробормотал Гэдж. Под пристальным взглядом волшебника ему почему-то постоянно хотелось поёжиться, словно под порывом не холодного, но пронизывающего и пробирающего до костей сквозняка. — Мне самому... противно. У меня

такое чувство, словно я собственными руками убил этого бедолагу. Мне просто... ну, стыдно, что ли... Никого не хочу видеть.

Он обхватил себя руками. Перед его мысленным взором вдруг возникло лицо Брана — серое, с судорожным зубовым оскалом, с мертвенно-белыми губами, по цвету почти неотличимыми от запавших обесцвеченных щек — такое, каким оно предстало перед глазами Гэджа минувшим вечером. Орк встряхнул головой, чтобы прогнать наваждение — и жуткое обескровленное тело обратилось в старый, лишенный коры ствол поваленного дерева, лежавший на берегу ручья и выгоревший на солнце практически до белизны, бледнеющий в темноте продолговатым пятном.

Гэндальф все еще вертел в руке перочинный нож.

— Вот оно что... Значит, ты твердо намерен уйти? — помолчав, спросил он.

Орк смотрел в землю.

— Да.

— А как же Саруман?

— А что с ним такое?

— Ты не должен покидать Изенгард без его ведома и согласия. А эта твоя затея вряд ли придется ему по нраву.

— Ничего, переживет, — проворчал орк. — У него, похоже, и без меня хватает забот, куда более... насущных.

— Ты, я вижу, за что-то на него сердит?

— Да ну, с чего вы взяли?

— Ну, может быть, я и ошибаюсь... — Гэндальф с сожалением осмотрел свою неоконченную поделку и со вздохом уложил её в сумку: его раненый палец так распух и одеревенел, что о дальнейшем продолжении работы не могло быть и речи. — Какой, однако, любопытный у тебя кинжал, Гэдж... Сразу видно хорошую сталь. Да и старая школа белериандских мастеров недешево ценится... Могу я взглянуть на него поближе?

Волшебник бережно принял из рук орка протянутый ему голубоватый кинжал, с интересом осмотрел его со всех сторон, взвесил на руке. Провел пальцем по лезвию, украшенному затейливым узором из птиц, цветов и переплетенных виноградных лоз.

— Знатная вещица... Подарок Сарумана, надо полагать?

— Нетрудно догадаться, — пробурчал орк.

Гэндальф вернул ему оружие.

— Береги его, Гэдж. Это не простой подарок.

— О чем вы? Кинжал... заколдован?

— Да. Заговорен на удачу, на отвод болезней... ну, и на защиту от черного чародейства, конечно. А ты говоришь — Саруман совсем за тебя не радует.

— Я этого не говорил, — пробормотал Гэдж. Ему вдруг стало жарко, щеки его запылали, как будто кто-то развел там, внутри Гэджа, небольшой костерок. По-прежнему избегая смотреть на волшебника, он вскочил... вновь неуклюже плюхнулся на землю... опять вскочил. Вытер о штаны вспотевшие ладони. — Знаете, что... Я, наверно, пойду.

— Куда? — с едва уловимой усмешкой в голосе поинтересовался Гэндальф. — В Серые горы?

— Спать, — буркнул Гэдж.

Навес чернел в темноте, точно огромное крыло летучей мыши, и Гэддж некоторое время возился под ним на куче палого камыша, устраиваясь поудобнее, потом затих — должно быть, уснул. Гэндальф по-прежнему сидел возле костра, задумчиво вороша прутиком седую золу, прислушиваясь к доносящимся из темноты лесным звукам и шорохам, глядя, как ярко багровеют в очаге раскаленные угли, как сворачиваются алыми колечками сосновые хвоинки, ненароком попадающие в огонь...

Гарх, дремавший невдалеке от костра, на границе света и тени, поднял голову. В глазах его мрачно поблескивали яркие багряные отблески пламени.

— Ну, и что скажешь? — негромко прокаркал он, нарушая хрупкую ночную тишину. — Ведь ты уже принял решение, Гэндальф, я прав?

— Да, — помолчав, отозвался волшебник. — Принял, Гарх.

— И, по-твоему, оно, это решение... правильное и единственно верное?

— Оно — правильное... по-моему.

Бесшумно тянулись к небесам высокие сосны, невдалеке уютно мурлыкал ручей, где-то в глубине лесной чащи тоскливо и с расстановкой подавал голос филин, настойчиво обращаясь к ночной тиши с одним и тем же неизменным вопросом: «Ух-ху?». Гарх, припав к земле и вытянув шею, смотрел на волшебника снизу вверх, искоса, пристально, настороженно.

— И в чем же, интересно узнать, оно заключается? Это твоё *правильное* решение?

— Боюсь, особенного выбора у меня нет, Гарх, ты не находишь?

Ворон хрипло каркнул — будто скрежетнуло заржавленное железо.

— Значит, ты решил потакать капризам мальчишки?

— А по-твоему, мне нужно за ручку отвести его обратно в Изенгард и посадить там под замок — так, что ли?

Гарх поперхнулся:

— Ты спятил? Саруман никогда...

— Саруман поймет, почему я счел нужным так поступить.

— Да ну, неужели?

— Или *не* поймет, — помолчав, добавил Гэндальф. — Впрочем, для меня это не впервой... Во всяком случае, я напишу Саруману письмо, где растолкую существующее положение дел и кое-какие свои соображения на этот счет. Парень рвется повидать мир — ну что ж, по крайней мере, он будет у меня под присмотром... в течение этого месяца. Саруман знает, что я пойду в Лориэн по берегу Андуина, так что либо он сам, либо его доверенный человек всегда могут перехватить нас где-нибудь по дороге, неподалеку от эльфийских владений. Иного выхода из этой ситуации я сейчас просто не вижу...

В темноте едва слышно хрустнул сухой сучок.

— Мастер Гэндальф! — Гэддж стоял чуть поодаль, в полумраке, и красноватый свет костра мягко обтекал его плотную, крепко сбитую коренастую фигуру. — Вы... Я... — голос его дрогнул. — Зачем? Думаете, я без вас пропаду? И ни на грош не способен сам о себе позаботиться, да?

— Гэддж! — Гарх возмущенно подпрыгнул от неожиданности. — Какого лешего? Саруман не удосужился разъяснить тебе, что подслушивать нехорошо?

— Я и не подслушивал, — возразил орк, — я просто... не спал. Может быть, мне, по-твоему, следовало заткнуть уши?

— В иных случаях не мешает и заткнуть, — проворчал ворон.

Гэндальф, пощипывая бороду, невозмутимо поглядывал на них.

— Ну будет вам, будет... Интересно, что тебе опять не по нраву? — спросил он у Гэджа. — Вдвоем странствовать всегда надежнее и безопаснее, нежели в одиночку, ты, кажется, сам час назад пытался мне это довольно невнятно растолковать.

Орк стиснул зубы.

— Но вы тоже считаете, будто со мной нужно нянчиться и все время держать меня «под присмотром»!

Волшебник вздохнул.

— Ты пока ничем не доказал мне обратного, Гэдж. И ты не сможешь выйти из Фангорна без меня, а возвращаться в Изенгард мне сейчас неохота, да уже и не с руки... так что придется тебе, дружище, покамест терпеть мое унылое общество, хочешь ты этого или нет. И, как бы там ни было, но Саруману или его посланнику я должен передать тебя целым и невредимым, раз уж... меня вновь угораздило тебя спасти и взвалить на себя такую ответственность.

Гэдж молчал, изучая взглядом носки своих сапог, судорожно глотая обиду, горечь и негодование, комом вставшие поперек горла. Как-то не так он себе это представлял... Ну, конечно! Не спутником Гэндальф его полагает, не партнером, не *равным себе*, а — так... сущим неразумным младенцем. Или, паче того — обыкновенной бессловесной посылкой, которую следует благополучно доставить по адресу и «передать» Саруману! Ну да, разумеется... ничего удивительного. Ведь бесстрашным и бывалым воином Гэдж себя перед магом и впрямь не показал... да и нелепо было не признавать очевидную истину: через проклятый колдовской Фангорн ему в одиночку, без волшебника, и в самом деле не пройти, об этом даже думать сейчас глупо, не то что с этим спорить...

Но лес не бесконечен. За границей Фангорна перед Гэджем откроются новые, совсем иные *просторы*. А вместе с ними — наверняка и новые возможности, о которых Гэндальфу знать вовсе не обязательно...

Но волшебник как будто прочитал его мысли:

— Увы, мой юный друг. Боюсь, ты на самом деле довольно плохо представляешь себе, во что хочешь ввязаться.

— Да не стану я вам обузой, мастер Гэндальф, не бойтесь. — Гэдж рывком поднял голову. — Я сам умею и стряпать, и костер разводить, и находить всякие съедобные грибы-ягоды, и... и постоять за себя, если вдруг потребуется...

Волшебник устало поморщился.

— Я не это имел в виду. Просто иной раз всякие малоприятные неожиданности, Гэдж, могут подстергать нас не только снаружи, в окружающем мире, но и... внутри нас самих. Знаешь что, — в глазах его вновь что-то лукаво блеснуло, — раз уж нам предстоит провести в обществе друг друга не один день, предлагаю сразу выложить о себе всё начистоту, предъявить во всеуслышание все свои изъяны и недостатки, дабы впоследствии избежать взаимного непонимания. Во-первых, я должен тебя предупредить — я все-таки привык странствовать в одиночестве, и потому порой могу быть угрюмым, замкнутым и довольно-таки нелюдимым медведем. Во-вторых, я не терплю глупых расспросов. В-третьих, я частенько раздражаюсь по пустякам, могу быть мрачным и твердолобым, да и в целом характер у меня далеко не сахарный. В-четвертых, я... ну, в общем, некоторые утверждают, что шуток я не понимаю и шутить не умею, и вообще понятие о смешном и не-смешном у

меня довольно своеобразное. В-пятых... ладно, хватит с тебя, пожалуй. Лучше скажи, чем ты можешь меня порадовать, мой дорогой.

— Я ленивый и упрямый, — поразмыслив, пробурчал Гэдж. — Немного, как говорит Гарх, не от мира сего. Иногда витаю в облаках... Ну и вообще временами могу вести себя как дурак.

— Ну уж этого, боюсь, любому трудно избежать, дружище.

Волшебник смотрел на орка, чуть посмеиваясь, и в голове Гэджа невольно мелькнула мысль: странный он все-таки, этот Гэндальф... Вроде простой и понятный, как полено, и тем не менее есть в нем что-то этакое загадочное, словно потаённое ядрышко под крепкой неказистой скорлупой... нет, не так — словно диковинный «чудик» из шкатулки с секретом: никогда не угадаешь, как и в какой неожиданный момент он выпрыгнет наружу... Впрочем, волшебники — они все такие. *Причастные.*

— Ну ладно, значит, решено — ты идешь со мной... до поры до времени. — Маг решительно хлопнул ладонью по колену — словно поставил в разговоре последнюю точку. — Теперь насчет письма... я напишу его завтра на рассвете. Да и тебе, Гэдж, я думаю, не мешало бы черкнуть своему учителю пару строк.

— Зачем? Наверно, вы и без меня все очень хорошо ему растолкуете, мастер Гэндальф.

— И все же, я полагаю, он будет рад получить весточку именно от тебя... Верно, Гарх?

— Пишите, пишите, — сердито пробурчал ворон. — Только на меня и мои крылышки не рассчитывайте. Староват я стал для того, чтобы таскать почту в Гондор, уж не обессудьте.

— О Гондоре пока речи нет. Отнесешь послание в Изенгард, Бальдору, а уж он сам отправит в Минас-Тирит гонца или почтового голубя — в общем, что сочтет более надежным. Пусть Саруман пришлет мне ответ в... м-м... ну, скажем, трактир «Рыжий бык» в Делле — есть такой городок в Истемнете, на берегу реки Лимлайт... Полагаю, мы с Гэджем окажемся там аккурат через пару недель. Запомнил? Ничего не перепутаешь, я надеюсь? Ну, вот и ладненько...

9. Фангорн

Лесная тропа была покрыта толстым слоем песка, из которого торчали, будто осиные жала, порыжелые опавшие хвоинки. Иногда её пересекали узловатые корни деревьев, иногда — муравьиные стёжки, иной раз она была прямой и удобной, а порой начинала позволять себе какие-то неожиданные вольности, водила путников зигзагами и кругами, внезапно обрывалась где-нибудь на болотистой проплешине, или упиралась в речушку, или заканчивалась в дремучих дебрях колючих безымянных кустов... «М-да, похоже, Фангорн сегодня не в духе», — задумчиво говорил Гэндальф в таких случаях и, покачивая головой, тяжело опирался на верный, до блеска отполированный прикосновениями его рук деревянный посох.

И все же теперь лес не казался Гэджу страшным, мрачным или враждебным, разве что слегка настороженным — как хозяин дома, не знающий, чего ждать от незваных гостей, но все же старающийся быть радушным и дружелюбным. Фангорн был исполнен покоя, умиротворения и тишины — особенной, лесной тишины, шелестящей, душистой, торжественной, нарушать которую казалось чуть ли не кощунством; под эту тишину легко дышалось и думалось, её можно было вдыхать, как воздух, и вдоволь наполняться ею до краев. Даже Гэдж подпал под действие этих благотворных лесных чар, а уж Гэндальф и вовсе чувствовал себя здесь, как дома. Размеренным неторопливым шагом маг брёл по тропе, погруженный в раздумья, хмурясь или улыбаясь каким-то своим мыслям, порой что-то негромко напевая под нос — брел, счастливый в своём одиночестве. Выходки и капризы лесной дороги его несколько не утомляли, скорее забавляли, как шалости озорного, но, в целом, славного мальчишки, и, по милости тропы внезапно оказавшись в глухом овраге или на краю обросшего камышом комариного болотца, он не выказывал ни удивления, ни досады, ни, тем паче, раздражения или недовольства. Порой, замечал Гэдж, проходя мимо какого-нибудь древнего, неохватного, покрытого плетями белесого мха дерева-исполина, Гэндальф приостанавливался и приветливо хлопал ветерана по бурой, поседевшей от времени морщинистой коре, словно радуясь встрече с давним добрым товарищем. В такие моменты волшебник более, чем когда бы то ни было, казался погруженным в себя, и Гэдж не рисковал приставать к нему с расспросами и докучными разговорами, памятуя о том, что Гэндальф не приветствует пустой болтовни: в словах волшебник был так же сдержан, как в еде и одежде, привыкнув довольствоваться лишь самым необходимым.

— Много говорить — вовсе не значит много сказать, Гэдж, — объяснял он спутнику. — И потом я... слушаю. Слушаю Лес. А чтобы слышать других, самому следует помалкивать... Вот так-то, дружище.

Гэдж, глядя на волшебника, тоже пытался «слушать лес» чуть ли не до звона в ушах, но, кроме шелеста листвы под ветром, скрипа старых сосен, жужжания насекомых, да беспечного щебетания птиц в кронах деревьев так и не уловил в загадочной лесной жизни ничего более особенного и значительного. Видимо, сказал он себе, тут следовало быть на короткой ноге с «непостижимыми тайнами Эа» или хотя бы с «великим Равновесием сил» — и благополучно решил больше этим вопросом не заморачиваться.

Ближе к полудню, когда солнце начинало припекать уж очень настойчиво, путники находили невдалеке от тропы какую-нибудь уютную полянку и останавливались на привал. Ожидая, пока закипит вода в котелке, Гэндальф, скрестив ноги, садился на траву возле

костра, доставал из сумки очередную поделку и принимался за работу, и, подвластная неведомой магии резчика, под руками волшебника из невзрачного, искривленного древесного сучка на свет рождались то лошадка, то куколка, то гном в забавном островерхом капюшоне, то мордочка потешного лупоглазого котенка. Но больше всего Гэджу нравились крохотные, величиной не больше перепелиного яйца шкатулочки, которые Гэндальф еще умудрялся как-то украшать простенькой резьбой — без волшебства, наверное, здесь вряд ли обходилось. Крышечка такой шкатулочки скреплялась с нижней частью кусочком коры, оставленным аккурат для этой цели, а положенный внутрь маленький камешек каждый раз оборачивался чем-нибудь удивительным: цветком, или ягодкой земляники, или ярким пятнистым жучком, или радужным гладышем, или бусинкой, или костяной пуговицей... Очаровательное волшебство этих непредсказуемых превращений Гэджа пленяло из раза в раз; Гэндальф, наблюдая за ним, только довольно щурил глаза и беззвучно посмеивался:

— Право, Гэдж! Мне казалось, ты уже вышел из того возраста, в котором обычно доставляет удовольствие игра в бирюльки.

— Ну... ага. Только очень уж занятные штуки эти шкатулочки! Они, конечно, заколдованы, правда?

— Разумеется. Впрочем, и остальные игрушки тоже далеко не такие простые, какими кажутся на первый взгляд.

— Они... вроде моего кинжала, так?

— Да, Гэдж.

Булькало незатейливое варево в котелке, на одной ноте занудливо звенели комары, квакала в ближайшей канаве особенно бойкая лягушка, пахло дымом, пригоревшим просом, травяным чаем, сосновой смолой... После незатейливого обеда, состоящего из неизменной похлебки, сухарей и вяленого мяса, Гэндальф, как правило, заползал под какой-нибудь куст, чтобы вздремнуть там пару часов, пережидая самую жаркую пору дня, и в это время Гэдж был предоставлен самому себе и мог заниматься, чем душе угодно: рыскать неподалеку в поисках ягод и птичьих гнезд, или ловить ящериц, или просто лежать в траве, наблюдая, как муравьи суетятся вокруг дохлой гусеницы, или как басовито гундосит над чашечками цветков трудолюбивый полосатый шмель... Но чаще он устраивался поудобнее возле костра и, грызя горьковатую сосновую веточку, доставал из сумки чернильницу, а из-за пазухи — перевязанную бечевкой пачку бумажных листов. Несмотря на некоторое болезненное падение с высоты своего самомнения, воин Анориэль по-прежнему жил, здравствовал и даже иногда желал приключаться — в своем полном выдуманном опасностей выдуманном мире... «Однажды, — высунув от усердия кончик языка, тщательно выводил Гэдж буквы на хрустящем желтоватом листе, — темным и выюжным вечером Анориэль заблудился в горах. Он шел вперед быстро и бесстрашно, и внезапно...». Тут Гэджа одолевали сомнения: «...и внезапно провалился в ледяную яму сорока локтей в ширину, не заметить которую мог бы только законченный болван»? Это звучало как-то не слишком достойно для такого бывалого воина, как бравый Анориэль, поэтому, поразмыслив, Гэдж милостиво заменял «провалился в яму» на «обнаружил глубокую пещеру, вход в которую был скрыт за грудой камней». Разумеется, после такого многообещающего начала в пещере просто обязан был обитать дракон — жадный, жестокий, хитрый — или какое-нибудь другое, не менее лютое и опасное чудовище: огромный свирепый волколак, или мерзкий скользкий черво-оборотень, или даже бывший эльфийский принц (жертва дворцовых интриг и/или несчастной любви) с разбитым сердцем (а то и затылком), ударившийся в мрачное и постылое, но зато такое неопишимо

гордое одиночество... Или, в конце концов, какое-нибудь страшилище попроще, которых Гэдж силой своего воображения выводил пачками и которые все, как один, отличались обилием зубов/клыков и конечностей/щупалец, а также отменным физическим развитием в ущерб умственному (орк наивно полагал, что нагромождение мускулов совершенно не подразумевает наличия развитого сознания). Вот и сегодня он сидел и размышлял, сколькими когтистыми конечностями следует обеспечить очередное ужасное чудовище — восемью, или все-таки хватит с него шести? — как вдруг явственно почувствовал спиной чей-то пристальный взгляд — взгляд, исходящий из леса.

Гэдж замер. Всего на мгновение.

В следующую секунду он уже лежал на земле, прячась за травянистой кочкой и пытаясь высмотреть среди деревьев странного незнакомца, обладателя такого неприятного сверлящего взгляда — но вокруг все было по-прежнему спокойно, мирно и тихо. Стучал где-то чуть в отдалении дятел, возился в кронах деревьев легкий ветерок, заливалась трелью над головой орка невидимая пичуга... И все-таки неуютное, тревожащее чувство по-прежнему прижимало Гэджа к земле, он был уверен, что из глубины леса за ним наблюдают, изучают его: спокойно, сосредоточенно и внимательно, не враждебно, но пожалуй что и не дружелюбно... Кто-то прятался там, в клубящейся над подлеском полутьме, кто-то большой и неуклюжий, уныло вздыхающий и переминающийся с ноги на ногу: Гэджу казалось, что он различает под деревьями темный силуэт какого-то существа, длиннорукого и большого, слишком огромного даже для медведя. Орку окончательно стало не по себе: минуту-другую он отчаянно презирал себя за трусость и нерешительность, потом подполз по траве к спящему волшебнику и потряс его за плечо:

— Гэндалф! Проснись...

Маг, не открывая глаз, что-то сонно промычал в ответ. Лениво повернул голову.

— Ну? Что?

— Там, в лесу, кто-то есть! Ты ничего... не чувствуешь?

Волшебник со вздохом перекатился на спину и посмотрел в небо, ясное и голубое, обрамленное зеленой рамочкой из кружевных древесных крон.

— Чувствую. Это он. Идет за нами с утра... — Он вдруг заговорщицки подмигнул Гэджу. — Не подавай виду, что заметил его, хорошо?

— Почему?

— Потому что он-то думает, что играет с нами в прятки невероятно искусно... Вовсе незачем выводить старика из этого невинного заблуждения, а?

— Да кто «он»? — прошептал Гэдж.

— Фангорн.

Орк наконец начал кое-что понимать:

— Хозяин леса?

— Он самый.

— А зачем он... за нами крадется? Как-то это... ну, не по-хозяйски.

— Видимо, просто хочет со мной потолковать, да все никак не сыщет подходящего момента. Какого лешего ты меня разбудил, Гэдж, солнце еще почти в зените... Не бойся Фангорна, он не способен замыслить ничего дурного.

Слабое утешение, подумал Гэдж, но, раз уж волшебник так уверен, что опасаться нечего...

Гэндалф со вздохом приподнялся на локте. Сел, позёывая, вытряхнул из бороды

травинки, хвоинки, муравьев и прочий мелкий лесной сор, огляделся и подтянул к себе пустой котелок, валявшийся в траве.

— Сбегай-ка за водой, дружище, лады? Глотнем чайку, что ли, раз уж выспаться сегодня все равно не удастся...

Ручей журчал неподалеку, в овражке на краю поляны. На глинистом берегу сидела жаба — большая, исполненная достоинства, надменная, как королевская особа, и смотрела на Гэджа презрительно и брезгливо, со сдержанным негодованием, — словно знатная дама, чей дом осквернил пьяной выходкой неумытый бродяга. Орк бросил в неё камнем. Жаба смерила его на прощание ещё более уничтожающим взглядом — должно быть, он полностью оправдал её мрачные ожидания — и, тяжело плюхнувшись в воду, исчезла на быстрине.

Набрав в котелок воды, Гэдж вернулся к костру — и обнаружил, что волшебник на поляне уже не один.

Видимо, собеседник Гэндальфа пару минут назад все-таки вышел из леса. Создание это и впрямь оказалось весьма причудливое — великан футов тринадцати ростом, аляповатым строением тела похожий, пожалуй, на огромный пенек на крепких кривых ножках. Весь он был какой-то длинный и узкий: вытянутая голова прямым, безо всякого посредства шею переходила в такое же продолговатое туловище, покрытое чем-то вроде морщинистой зеленовато-бурой коры. Руки напоминали шишковатые древесные ветви и свисали почти до земли; огромные ступни были усажены невероятным количеством длинных и тонких узловатых пальцев (корней? отростков?); на одной ступне Гэдж насчитал семь «пальцев», на другой — одиннадцать. Нижняя часть лица (или того, что, видимо, у странного существа и следовало принимать за лицо) поросла кустистой — в буквальном смысле похожей на куст — бородой; казалось, из-под «носа» лесовика вырастают длинные прутья, которые, истончаясь к концам, превращаются в клочковатый белесый мох. Гэдж, пораженный видом этого диковинного лесного создания, невольно остановился в отдалении, на краю поляны: повернувшись всем корпусом в его сторону, Фангорн (это, конечно, был именно он) смотрел на него изучающе, настороженно и внимательно, хмуря плотные, похожие на древесные наросты бурые брови.

— Это Гэдж, — поспешно (даже, показалось орку, как-то *слишком* поспешно) пояснил древесному великану Гэндальф, кивком указав в сторону спутника. — Я тебе только что о нем говорил... помнишь?

— Гм-м... гр-рум-м... Помню, помню! — неторопливо произнес Фангорн. Голос у него был очень низкий, напоминающий звучание контрабаса; выговор — неторопливый и плавный: каждое слово он выводил медленно, нараспев, растягивая его по меньшей мере в ярд. В глазах его — темных, коричневых, глубоко упрятанных в бурой морщинистой коре, покрывавшей «лицо» — то и дело вспыхивали мерцающие зеленые огоньки. — Как же не помнить... кху-ум! — Он по-прежнему разглядывал орка так пылливо, серьезно и обстоятельно, что Гэджу окончательно стало не по себе: под этим долгим неотрывным взглядом он сам почувствовал себя какой-то причудливой заморской диковиной, существом из старинной сказки...

— П-п... приветствую! — слегка запинаясь, проговорил Гэдж. Запоздало вспомнив о приличиях, он торопливо поставил котелок с водой на землю и, прижав руку к груди, учтиво поклонился Хозяину леса.

— Грруум, гр-р-ру-у-ум, — вновь раскатисто прогудел Фангорн: словно кто-то прокатил туда-сюда большой арбуз по рифленой крыше. — Кху-у-ум, да, странные дела

творяются... Вот ты, значит, какой... орк. Хм-м... Саруман-то мне про тебя ничего не сказывал, хотя я порой видывал вас из леса на склонах горы... и всё-то мечталось мне разглядеть поближе, что за игрушку старик себе заимел, да всё как-то не доводилось, хм, хм-м... кхы-ым. А вот сейчас, значит, и довелось, гр-ру-ум... ху-у-ум... А Саруман мне ничего про тебя не сказывал... не сказывал, не-ет, хм-м-м... В прежние времена он, бывало, частенько хаживал ко мне потолковать о том о сем, рассказать, что в мире творится, да и самому кое-что послушать, а теперь — ни-ни! — его в лес и калачом не заманишь, совсем, видать, позабыл старика Фангорна, хм, хм-м, хм-м-м... да, такие дела. Хм-м-м... хым-м... кхы-ы-ым...

Он еще долго вздыхал и гудел под нос, глядя на орка отрешенно и рассеянно, покачивая головой — все медленнее и медленнее, пока не замер в совершенной неподвижности, как то и подобает чинному вековому дереву; лишь его длинные, похожие на сучки пальцы непрерывно шевелились, сплетаясь и расплетаясь самым немыслимым образом, находясь в непрерывном движении — видимо, решил Гэдж, это помогало лесовику думать. Орк молчал, понимая, что о нем все давно позабыли, и Гэндалф молчал тоже — ждал продолжения? — и Гэдж уже решил, что этим дело и закончится, но тут Фангорн наконец очнулся от раздумий и вновь заговорил с магом на странном певучем языке, состоящем, казалось, из одних гласных. Гэдж, который знал немного по-рохански и по-эльфийски, как ни прислушивался, так и не смог разобрать ни единого слова... да, собственно говоря, не очень-то этого и желал.

Он вернулся к костру, вскипятил воду и заварил в кружке сушеные листья малины, а Фангорн и Гэндалф все о чем-то говорили и говорили, толковали и толковали, Фангорн что-то неторопливо дудел и дудел волшебнику; плавная их беседа лилась и лилась, струилась и струилась, гладкая, неспешная и неиссякаемая, как Андуин; Гэдж с трудом стряхивал с себя наползающую дремоту. Вода в котелке остыла; орк подогрел её один раз, потом — другой, затем еще и еще... Подбросил хвороста в костер, вытряхнул песок из сапог, просушил обмотки, смазал мазью синяк на колене, нашел костяной гребень и расчесал им колтун в волосах, безжалостно выдирая с корнем жесткие неподдающиеся пряди... Вновь подогрел воду...

Долгий летний день подходил к концу. Полуденная жара отступила и сменилась живительной вечерней прохладой, и под деревьями уже натекла мутная сумеречная тень, когда замшелый лесовик счел нужным наконец округлить свой изрядно затянувшийся монолог и, раскланявшись с Гэндалфом, исчез в лесной чаще. Волшебник, утирая рукавом потное лицо, молча подошел к костру, бросил посох, в изнеможении повалился на траву и взял из рук орка протянутую ему деревянную кружку.

— Ну и? О чем он тебе говорил? — спросил Гэдж. Не то чтобы ему в самом деле хотелось это знать, просто он надеялся хоть как-то сбросить овладевшее им невыносимое сонное оцепенение.

Гэндалф, держа кружку обеими руками, жадно глотал терпкий и ароматный малиновый отвар.

— Фангорн-то? О многом, Гэдж... Он, бедняга, изрядно спешил, знал, что мне сейчас недосуг. Когда-нибудь я приду сюда снова, и уж тогда мы с ним всласть потолкуем... А это что такое? — вдруг спросил он, наткнувшись взглядом на клочок бумаги, застрявший в траве. Орк оглянулся — и похолодел: наверно, это была страница его злосчастливого опуса, выпавшая из пачки в тот момент, когда его, Гэджа, застигло врасплох появление Фангорна.

А он, болван, этого даже и не заметил!

— Это... мое, — прохрипел он, поспешно протягивая руку к своему сокровищу — и радуясь тому, что к этому моменту сумерки уже сгустились достаточно плотно: под взглядом Гэндальфа у него почему-то начали гореть уши. — Так значит, Фангорн — самый настоящий *энт*, правда? — быстро спросил он, отчаянно стремясь перевести разговор на другую, более безопасную стезю. — Я раньше думал, что «пастыри деревьев» существуют только в сказках.

Волшебник пожал плечами.

— Что ж, дружище, в каждой сказке есть только *доля* сказки.

Гэдж хмыкнул.

— А Фангорн такой... не очень-то торопливый. Недаром в Рохане про тугодумов говорят «мозги деревянные, как у энта».

Гэндальф долил себе в чашку остатки кипятка из котелка. Рассеянным жестом отогнал комара, в охотничьем возбуждении нарезающего круги над головой волшебника.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы дерево торопилось, эм? — спокойно спросил он. — «Древесный» век куда длиннее человеческого, так что отсчет времени у энтов свой, и «торопиться» им, в общем-то, особо и некуда. Хотя, знаешь ли, это действительно достаточно трудное и *долгое* дело — суметь выслушать энта до конца.

— Я заметил, — с усмешкой сказал Гэдж. — А эти... «хьорны» какое отношение имеют к энтам? Ты говорил, они — переродившиеся...

Волшебник вздохнул.

— Так и есть. Для энта нет существа страшнее, чем двуногая тварь с топором или огнивом в руках, поэтому они... не слишком любят людей. А у некоторых энтов эта нелюбовь и вовсе перерастает в неудержимую ненависть, в особенности у тех, кому довелось самому несправедливо пострадать от людских рук. Такие энты становятся злобными, угрюмыми и замкнутыми, и готовы растерзать в клочья любого, кто, как им кажется, пытается вторгнуться в их исконную вотчину и нанести им какой-то вред... Вот как тебя, например.

— Ну... понятно, — пробормотал Гэдж.

Волшебник выплеснул остатки чая с лохмотьями разварившихся малиновых листьев в траву.

— К счастью для тебя, старик Фангорн не позволил им этого сделать — с моей помощью, разумеется. Но ему все труднее держать этих лесных злыдней в узде, и возросшая в последнее время воинственность хьорнов его сильно беспокоит. Я вот даже думаю, не связано ли это с... — Он замолчал на полуслове и, приглаживая растрепанную бороду, рассеянно уставился в костер — и Гэдж понял, что дальнейший разговор можно не продолжать, Гэндальф вновь с головой ушел в собственные, малопонятные стороннему человеку размышления, и выныривать из них обратно в докучный мир как будто не собирался... Ну да, сейчас он, как всегда, достанет кисет и неизменную вересковую трубку — и, окутанный клубами вонючего дыма, будет сидеть долго и неподвижно, как статуя, отсутствующим взглядом смотреть прямо перед собой и время от времени что-то невнятно бормотать под нос...

Темнота быстро сгущалась, и о дальнейшем продолжении пути сегодня уже не могло быть и речи. Стрекот кузнечиков в траве сменился тихим пиликаньем сверчков, Гэдж растянулся на траве и заложил руки за голову, глядя в темное, наливающееся ночной темнотой небо. Интересно, что сейчас поделявает Саруман — там, в далеком Гондоре? Да и

получил ли он послание, отправленное Бальдором из Изенгарда — или еще нет?.. Гэдж повернулся на бок и подтянул колени к животу, устраиваясь поудобнее — и тут же что-то сильно и больно кольнуло его в бедро. Зашипев сквозь зубы, орк сунул руку в карман и нащупал предмет, вдруг напомнивший ему о себе: это был тот самый маленький неказистый обломок амулета, который несколько дней назад Гэдж отыскал в шкатулочке в Заклинательном чертоге. Орк немного удивился своей находке: он, собственно, никак не ожидал обнаружить этот крохотный, уже основательно подзабытый им кусочек металла у себя в загашнике.

— Что это у тебя?

Гэдж поднял голову.

Волшебник, выколочивая трубку о торчащий из земли корень, смотрел на амулет, лежащий у Гэджа на ладони, с некоторым сдержанным интересом.

— Сам не знаю... — пробормотал орк. Он сел и поднес обломок амулета поближе к свету костра.

— Можно взглянуть? — Взяв вещицу из рук Гэджа, волшебник внимательно осмотрел её со всех сторон, потер пальцами, словно пробуя металл на ощупь. — Хм, вот так штука... Какой странный материал...

— Странный? Разве это не серебро?

— Нет. Это какой-то металлический сплав... вот только не могу понять, какой именно.

— Может быть... мифрильный? — с замиранием сердца прошептал Гэдж; об этом ценном, чудесном и редком металле, обнаруженном гномами в недрах Мории, он был слышан достаточно для того, чтобы ощутить сейчас в желудке мягкий благоговейный холодок.

Но волшебник его разочаровал:

— Нет, это не мифрил. Определенно не мифрил. Пожалуй, я бы сказал, что это, гм... это похоже на галворн... сплав, созданный Эолом на основе «небесного железа» — из него был когда-то выкован черный меч Англахель... Откуда это у тебя, Гэдж?

— Я... не знаю. Я нашел этот обломок в Ортханке, перед тем, как... уйти. Но как он оказался у меня в загашнике?.. — Орк озадаченно потер ладонью лоб. — Наверно, это Гарх, старый болтун, меня отвлек, и я нечаянно опустил эту штуковину в карман... Ах да, Гарх еще говорил о том, что эта вещица на самом деле принадлежит мне... ну, в общем, она была при мне, когда Бальдор младенцем принес меня в Изенгард. Что это такое, Гэндальф? Какой-нибудь оберег?

Маг долго молчал, прежде чем ответить — вопросом на вопрос:

— Саруман тебе что-нибудь говорил об этой штуке?

— Нет. Я вообще не знал о её существовании... до недавнего времени. — Орк на секунду запнулся. — На ней что-то написано, какой-то символ. Или руна... Что это, Гэндальф?

— Если бы здесь имелась другая половинка, я бы сказал, что это похоже на эльфийскую руну «Сит-эстель» — «Мир и надежда», — помолчав, произнес волшебник. — Плох тот король, который не правит своим народом под этим знаком... но только при чем тут галворн? Разве только...

— Что?

Громко лопнула в костре сырая ветка, взметнулся в темное небо сноп алых искр. Гэндальф задумчиво хмурил брови.

— Возможно, эта вещица — из тайного города эльфов, Гондолина.

— Да ну, неужели? Она настолько древняя?

— Она... древняя, да. Но я сказал — «возможно». Вряд ли к её созданию приложил руку сам Эол, создатель галворна... Но вот, например, его сын, Маэглин, вполне мог изготовить амулет из остатков этого материала, а потом преподнести его королю Тургону... или, скажем, его дочери Идриль, в которую был тайно и безнадежно влюблён.

— Ух ты! — Гэдж криво улыбнулся. — Какая красивая легенда.

— Это всего лишь мои предположения, Гэдж... Гондолин был разрушен Морготом много лет назад, и, возможно, именно тогда этот талисман оказался разбит и попал в руки... твоего народа. Многие диковины и ценности Гондолина пропали вместе с ним, и так никогда и не были найдены. Н-да. — Еще секунду помедлив, маг — как-то неохотно, показалось Гэджу — протянул ему обломок. — Верни этот амулет Саруману, когда вновь окажешься в Ортханке.

— Эта штука... волшебная? — пробормотал Гэдж. Амулет, вновь легший ему в ладонь, казался ему странно теплым — не то впитал в себя тепло рук Гэндальфа, не то просто нагрелся от пламени костра...

— Может быть, она и была бы волшебная, если бы удалось её воссоединить, — кратко и отрывисто ответил маг. И тон его ясно дал понять о том, что дальнейший разговор на эту тему продолжать определенно не стоит...

10. Возвращение Сарумана

Саруман вернулся в Изенгард солнечным утром жаркого июньского дня.

Начальнику гарнизона доложил об этом заступивший на дневное дежурство привратный страж, но, только покончив с насущными делами и хлопотами, Бальдор смог выкроить время для визита в Ортханк (он был бы рад и вовсе отложить это посещение на неопределенный срок, но, увы, долг и совесть все же обязывали). Час-другой он посвятил составлению очередного донесения в Минас-Тирит, осмотрел новый, недавно установленный на стене механический подъемник и выговорил конюшему за протекающую кровлю амбара, где хранился гарнизонный овес; наконец, когда оттягивать неприятное дело стало уже более невозможно, зашел в «Улитку и свисток» пропустить для храбрости чарку-другую доброй смородиновой наливки.

Сейчас, в сонное послеполуденное время, маленький паб был почти пуст, лишь лениво кружили под потолком грузные, хмельные от густых испарений сидра изумрудные мухи, да в углу дремал над кружкой уже выдохшегося эля старик Харлав, местный завсегдагай и неисправимый пьянчуга, чей огромный, покрытый мясистыми наростами вислый нос был в некотором роде такой же достопримечательностью, как и причудливое родимое пятно на лысине, напоминающее раздавленного паука. Сама госпожа Норвет — пышная и румяная, как сдобная булочка — сидела за прилавком на трехногом табурете и протирала кружки, безучастно поглядывая на служанку, веником подметавшую пол в зале. Прежде, чем Бальдор успел озвучить хозяйке цель визита, её рука потянулась к спрятанному под прилавком сосуду темного стекла и щедро плеснула в деревянную кружку добрую пинту густой и красной, как кровь, опьяняюще ароматной смородиновой наливки.

— Благодарствую, хозяйюшка! — молвил Бальдор, благоговейно приникая к заветному напитку. — Ты никогда не позволишь умереть от жажды служивому человеку. — Он двумя жадными глотками опростал кружку, удовлетворенно крякнул и характерным жестом бывалого выпивохи пригладил усы. — Эх и славная водица!

— На здоровьишко, начальничек. — Госпожа Норвет, вытирая руки о когда-то нарядный и клетчатый, а сейчас — засаленный и грязно-бурый передник, смотрела на него с добродушной усмешкой. — Ну, как делишки, служивый, как житьё-бытьё? Чем порадовать можешь?

— Да чем же мне тебя порадовать, матушка, особо-то оно вроде и нечем... Жив еще, как видишь, пока не помер, тому и радуюсь.

— В башню направляешься, что ли?

— С чего ты взяла?

— Да с того, что ты весь зеленый, аки болотный хмырь. Старикана боишься?

— Не боюсь. Просто хочу жить долго и счастливо. — Бальдор назидательно воздел палец. — А мораль такова — хочешь быть здоровым, целым и невредимым, не приходи к волшебнику с дурными вестями.

Госпожа Норвет как будто удивилась.

— С какими-такими дурными вестями? Нам грозят войной, что ли?

Бальдор замялся.

— Вообще-то я к нему насчет орчоныша...

— А-а. Думаешь, старик не получил твою весточку?

— Леший его знает, получил или не получил... На голубиную почту какая надежда? Половина донесений, которые я отправляю в Гондор, до адресата не поступают...

— Этот старый проныра Гарх уже наверняка обо всем поставил его в известность, не переживай.

— Да дело-то, собственно, даже не в том, знает он или нет.

— В чем же?

Бальдор отвел взгляд.

— Наверно, мне следовало бы приглядывать за этим зверенышем... хотя бы одним глазком. Второго-то, говоря по совести, у меня и нет.

Госпожа Норвет понимающе хмыкнула.

— Ну-ну. Даже если бы ты смотрел за ним в четыре глаза, он, думается мне, все равно бы тут не задержался. Он, наверно, уже давненько мыслил уйти...

— С чего бы? Старик, насколько мне известно, его не обижал.

— Может, оно и так. Да только сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит... Кстати, — госпожа Норвет, навалившись могучей грудью на выдавший виды прилавок, жалобно затрещавший под её тяжестью, понизила голос: — Раз уж ты все равно идешь в башню, спроси там у старика... может, он сообразит мне какое-нибудь приличное снадобье от натоптышей, м-м? Меня в последнее время мозоли на пятке стали донимать, просто спасу никакого нет.

— Да ты что, старая, совсем из ума выжила? — Бальдор опешил от такой неожиданной просьбы. — Ну ты и скажешь тоже — хоть стой, хоть падай! Мне еще только не хватало о твоих натоптышах да прыщах на заднице со стариком толковать...

— Эх ты, начальничек! Сам... аки прыщ на заднице! — Госпожа Норвет уязвленно поджала губы. — Доблестный вояка... с бутылкой наперевес! Был бы здесь звереныш, я бы с ним поклон передала, толку было бы больше. А теперь, выходит, о старой больной женщине и позаботиться некому.

Бальдор слегка устыдился.

— Ну ладно, ладно, так уж и быть, не ворчи, мать... уважу твою просьбу, коли момент случится подходящий. Ну, будь здорова, не поминай лихом! — Со вздохом он достал из кармана медную монетку, положил её на прилавок и, с горечью убеждаясь, что храбрости и решимости в нем сейчас осталось еще меньше, нежели раньше, под уютное похрапывание лысого вислоносого Харлава покинул «Улитку».

* * *

Башня, как обычно, встретила Бальдора сумраком и тишиной. Только в хозяйственных помещениях теплилась жизнь и слышался какой-то шум, где-то на кухнях с грохотом передвигали что-то громоздкое, да доносились со двора голоса грузчиков, закатывавших в подвалы пузатые дубовые бочонки, прибывшие поутру из Рохана — лестница, ведущая наверх, в сарумановы покои, была (предсказуемо!) всеми покинута, пуста и безлюдна. Даже старый неторопливый мажордом Теольд не показывался... Достаточно ли подходящее время я выбрал для визита в Ортханк? — с сомнением, потоптавшись на пороге, спросил себя Бальдор, но отступать было поздно, да и постыдно, и, надеясь поскорее покончить с тяготеющим над ним неприятным делом, старый сотник решительно прочистил горло, аккуратно одернул полы не слишком чистого гамбезона и, не мешкая, принялся подниматься

по истертым ступеням.

Примерно на середине лестницы он приостановился.

Откуда-то сверху доносилась мелодия — негромкая, легкая и простенькая, но странно пронзительная, хватающая за сердце; кто-то неторопливо пощипывал струны лютни, рождая под мрачными сводами башни незатейливую печальную музыку. Миновав еще несколько ступеней, Бальдор услышал и голос — проникновенный и звучный, исполненный сдержанной силы и одновременно мягкий, изобилующий низкими бархатными тонами и неуловимыми музыкальными переливами, звучащими неизъяснимо приятно для слуха. Сотник, который в общем-то никогда не страдал от излишней сентиментальности, тем не менее остановился, прислушиваясь, стараясь не упустить ни единого слова. Песнь, нежная и мелодичная, мягко струилась, точно шёлк, чаруя и завораживая, и выразительный голос, казалось Бальдору, проникал в самую глубину его существа:

— Волшебная сила меня уносила
в глухие туманы и сумерки сна —
туда, где за темным пространством огромным
лежала забытая всеми страна.
И голосом ясным над рифом опасным
тот колокол моря без устали бил,
и ночью беззвездной над мрачною бездной
на зов этот дальний без думы я плыл...

Бальдор наконец признал балладу — это был «Колокол моря»*, который бродячие менестрели любили распевать как на рыночных площадях перед невзыскательным простонародьем, так и в дворцовых чертогах на церемонных королевских пирах. Но сейчас сотник едва ли вслушивался в знакомые слова... Его зачаровал самый звук голоса — чистый, певучий, пленительный, обладающий неведомой притягательной силой: голос звал, манил, заставлял позабыть обо всем на свете, как чаша крепкого пьянящего вина, увлекал за собой в возвышенные заоблачные дали и затрагивал самые чувствительные, самые потаённые струны грешной человеческой души. Бальдор преисполнился восторгом, покоем и неземной легкостью; он пребывал вне времени и пространства, он воспарил ввысь, над брэнной землей, невесомый, как солнечный луч — и столь же свободный от постылых земных нужд и условностей, он через край упивался охватившим его умиротворением и мечтал сейчас только об одном — чтобы этот прекрасный, дарующий счастье и восторг мелодичный голос вовеки не умолкал, и дивное чарующее пение звучало бесконечно...

— Лишь вихря стенания и темные здания,
лишь ливень струился потоками слез;
сошел я с дороги и сел на пороге,
и сбросил все то, что с собою принес.
Лежат на пороге забывший о звоне
тот колокол моря, да горстка песка —
не слышу я снова далекого зова,
и берег я тот позабыл на века...

Наконец смолк последний аккорд, затерялись под высокими сводами последние отголоски гулко-го эха — и Бальдор обнаружил себя стоящим на верхней площадке лестницы, перед чуть приоткрытой двустворчатой дверью; лицо его было мокро от слез, а в ушах все еще звучала незамысловатая, но такая сладостная и завораживающая чародейская мелодия... «Проклятая башня! — с чувством сказал он себе, утирая лицо, стыдясь своей неодолимой, такой неожиданной — в первую очередь для него самого — предательской слабости. — И проклятый колдун, заведи его Тьма, с чего это ему ни с того ни с сего вздумалось заливать соловьем? Однако, правду говорят, что голос у старика не простой... Гром и молния! Эк меня проняло, аж до печенок, будто распоследнюю слезливую бабу!»

Дверная створка перед ним бесшумно приотворилась чуть шире, точно приглашая его войти. Собравшись с духом, Бальдор переступил порог.

Саруман сидел напротив входа, возле окна, томный и расслабленный, словно никогда и не покидал этого места; рядом, небрежно прислоненный к спинке кресла, стоял его внушительный эбеновый посох с острозубым навершием. Бальдор неловко потоптался на пороге, прежде чем заговорить: в горле его как-то нехорошо першило, точно унылым утром после бурной пирушки.

— Ну... приветствую, Саруман. — Он неуклюже прокашлялся, приводя к повиновению собственный, непонятно отчего вдруг осипший голос. — Какого это лешего, интересно, ты потешаться надо мною вздумал? — Это было не совсем то, что он намеревался сказать, но, неприятно пораженный воздействием мутного саруманового колдовства, Бальдор не мог сейчас не выразить магу обуревающих его крепких чувств. — Что это за потеха такая дурацкая над старым добрым товарищем, а? Это в Рохане ты сколько угодно можешь чаровать королевских советников и обвораживать глупых наивных девиц, но с чего это тебе взбрело в голову проверять действие твоих чар на мне, разрази тебя Удун?

— Да полноте, Бальдор! О чем это ты? — посмеиваясь, лениво отозвался Саруман; он все еще небрежно пощипывал струны лютни, лежавшей у него на коленях, и — Бальдор был уверен — знал о появлении гостя с той самой минуты, как сотник переступил порог башни. — До чар ли, право, мне сейчас? Сердце мое разбито, разбито... — Лютня под рукой мага издала какой-то особенно душераздирающий, надрывный аккорд. — Она взяла его, мое несчастное трепещущее сердечко, своими маленькими прелестными пальчиками и уронила на край стола, словно дурацкую фарфоровую безделку. И теперь оно, моё бедное, несчастное, ни в чем не повинное сердце саднит, давит и колет у меня в груди, точно обломок битого кирпича...

Бальдор ухмыльнулся. Он мало-помалу приходил в себя и нащупывал привычную почву под ногами — настолько, что даже изыскал в себе силы отвечать Саруману в тон:

— Ну-ну. Ты, я вижу, в Гондоре не скучал, а? Завёл, поди, какую-нибудь интрижку?

— Может, и не скучал, может, и завёл. А вот ты здесь, похоже, скучал, дружище... Хочешь поговорить об этом? — Белый маг едва заметно посмеивался в бороду. — Раз уж тебя это так беспокоит.

— Творец упаси! С какой стати меня должно это беспокоить? — Сотник неуклюже переступил с ноги на ногу. — Если я и пришел говорить с тобой о чьих-то бедах и печалях, Саруман, то, по крайней мере, не о своих.

— Тогда о чьих?

— О твоих.

— У меня нет бед и печалей, Бальдор, — оставив небрежно-шутливый тон, совсем по-

иному — холодно и резко — отозвался волшебник. — Тем более таких, которые нуждались бы в постороннем обсуждении.

— Только у глупцов и покойников не бывает никаких бед и печалей, — сухо ответил уязвленный Бальдор: что, мрачно спросил он себя, побалагурил по-свойски со старым другом? — Скажи, ты, это... уже видел новый подъёмник?

— Нет, не видел. Это все, что ты хотел со мной обсудить?

— Не все. Что новенького в Гондоре?

Саруман хмыкнул.

— А что там, по-твоему, может быть новенького? Чем Минас-Тирит отличается от грязной конюшни Хорнбурга, или от такой же грязной конюшни Эдораса, при этом мнящего себя богатой роханской столицей? Те же тесные улочки, те же вонючие сточные канавы, те же убогие дома, разве что в большинстве своём каменные и в два этажа, та же вопиющая нищета, местами граничащая с кричащей роскошью. Да и люди, в общем-то, те же самые: глупые, трусливые, лживые, завистливые... Смелые, честные и умные, конечно, тоже встречаются, но, как и повсюду, их в разы меньше. Что еще ты хотел от меня услышать?

— А как, э-э... господин наместник Белектор поживает? Жив-здоров?

— Вполне жив для того, чтобы под влиянием приступов желудочных колик изводить мелочными капризами и вздорными придирками слуг, родственников и подданных. А теперь, друг мой, я надеюсь, ты наконец озвучишь мне <i>непосредственную</i> цель твоего визита?

— Ну... да. — Сотник решительно стиснул зубы. — Ты получил мое послание?

Саруман смотрел на Бальдора пристально и печально, склонив голову к плечу; на лице его не отражалось никаких чувств, кроме разве что безмерной усталости от необходимости вести докучный разговор с очередным махровым болваном.

— А как ты думаешь, почему я сейчас сижу здесь, а не любезничаю с придворными дамами в роскошных покоях господина наместника, да поразит его Творец наконец каким-нибудь *неизлечимым* недугом! Разумеется, получил.

— А-а. Ну. Э-э... Вот и славно. — Старый воин не сумел сдержать вздоха облегчения: как бы там ни было, сомнительная радость преподнести волшебнику недобрые вести выпала не ему. — Значит, тебе все известно? И... — он на секунду запнулся, не уверенный, стоит ли продолжать. — И что ты об этом думаешь?

Саруман, оставив лютню, поднялся и выглянул куда-то за окно. Бальдор только сейчас заметил Гарха, который черным неряшливым комом прилепился к краю карниза; ворон, вытянув шею, что-то отрывисто прокаркал волшебнику, но так быстро и невнятно, что сотник не успел разобрать ни единого слова. Выстукивая пальцами на подоконнике какой-то незнакомый Бальдору музыкальный такт, Саруман, не оборачиваясь, небрежно обронил через плечо:

— Что я думаю? Я думаю, что рано или поздно это должно было случиться, Бальдор. Единственное, на что я смел уповать — что Гэдж успеет до этого момента хоть немного поумнеть.

— Но он не поумнел?

— По-видимому, нет. Иначе посоветовался бы со мной... Меня, собственно говоря, только одно во всем этом беспокоит по-настоящему: Гэдж — орк. А орки...

— Объявлены вне закона?

— Да.

— Что ж, — нерешительно заметил Бальдор, — насколько я понял, он все-таки ушел не один, а с этим твоим дружкой... Гэндальфом. Старик за ним в какой-то мере присмотрит...

Саруман презрительно фыркнул.

— Присмотрит? Кто? Это Гэндальф-то? Да чем больше я за ним наблюдаю, тем все больше убеждаюсь, что за ним самим нужно «присматривать» — в некоторых сугубо практических вопросах он хуже неразумного младенца. Старый дурак! Он вздумал повести Гэджа в Лориэн, к эльфам!

Бальдор глотнул.

— И что? Думаешь, они не примут орка?

— При личной просьбе Гэндальфа, может, и примут... хотя я в этом сомневаюсь. Мировоззрение мальчишки таково, что с эльфами ему не суждено найти общего языка ни ныне, ни присно, ни во веки веков! Если Келеборн и позволит ему зайти в Лориэн дальше ста локтей от границы, то наверняка в качестве пленника, а не гостя... а я не могу позволить Гэджу подвергнуться... такому постыдному унижению, леший возьми!

Ярко вспыхнул вдруг белый камень в навершии посоха; вспыхнул — и тут же погас. Взяв посох в левую руку, Саруман медленно провел по нему правой, словно успокаивая испуганного питомца, бережно коснулся пальцами одного из острых черных зубцов. Гарх, сидевший на карнизе, не то вновь насмешливо каркнул, не то издал мерзкий хриплый смешок.

Бальдор озадаченно поскрёб пятернёй шею.

— Ну и... что? Что теперь с этим делать-то? — в замешательстве пробормотал он. — Ты как-то намерен повлиять на... ну, на всю эту ситуацию, что ли?

Саруман медленно обернулся. Он по-прежнему был спокоен, собран и невозмутим, как вековая скала, только лицо его, на которое упал луч света, показалось Бальдору слегка осунувшимся и каким-то нездорово-голубоватым, чуть бледнее обычного.

— Мне необходимо быть в Лориэне прежде, чем там окажутся наши блудные голубки. В моем присутствии Келеборн не позволит себе никаких... вольностей по отношению к орку.

Бальдор нервно поправил повязку на лбу, закрывающую пустую глазницу.

— Слушай... В Рохане беспокойно, — сообщил он хрипло. — В Истемнете какая-то смута, в Волде тоже, не то орки откуда-то с предгорий объявились, не то разбойники... Мне Астахар с крепостицы на Каменистой гряде недавно прислал весточку.

— И что?

— Опасно может быть ехать-то... Да и потом, ты совершенно напрасно так переживаешь... из-за этого глупого орчоньша!

— А с чего ты взял, что я переживаю? — помолчав, негромко спросил Саруман.

Бальдор внимательно посмотрел на волшебника. Действительно, с чего бы я это взял, спросил он себя. Не с того ли, что у тебя, друг мой, вид, как у загнанного верблюда, который слишком долго шел по чересчур засушливой и чересчур обширной пустыне?

— Ну, — пробормотал сотник, — что-то мне так показалось...

Саруман оставил посох, устало прислонился плечом к оконному переплету и скрестил руки на груди.

— Чего ты все-таки от меня хочешь, Бальдор?

— Отговорить тебя от дурацкой затеи, — буркнул сотник. — Неужели в этом действительно есть такая уж необходимость? Мчатся куда-то за тридевять земель... Поручи отыскать орчоньша какому-нибудь надежному человеку, да и забудь о нем наконец.

— А у тебя есть такой человек на примете, Бальдор? Вот прямо <i>надежный</i> и умеющий держать язык за зубами? Который согласен ехать через весь Рохан на поиски какого-то вшивого упрямого орка, а потом тащить его опять-таки через весь Рохан обратно?

— Ну... — сотник замялся. — Если я кину клич среди своих парней, добровольцы същутся, уж не сомневайся...

— Нет.

— Почему?

— Потому что, во-первых, я и только я ответственен за судьбу Гэджа, и только меня она, в общем-то, хоть немного интересует. Во-вторых, Рохан большой... а мы не знаем, где конкретно искать Гэндальфа сегодня, и куда его леший занесет завтра. А в-третьих, Гэдж кое-что прихватил из Ортханка, а мне бы не хотелось, чтобы эта занятная вещица попала в руки эльфов в целом, и лориэнских Владык в частности.

— А, так вот с этого и надо было начинать! — Бальдор понимающе хмыкнул. — Этот звереныш что-то у тебя стянул?

Волшебник поморщился.

— Не стянул. Скорее — взял то, что ему и принадлежало.

— Ну, ничего неожиданного, Норвет была права... Следовало ждать, что орочья кровь рано или поздно себя проявит! — Сотник возмущенно подергал себя за ус. — Они, орки, твари такие — твердолобые, непредсказуемые, вороватые... Слушай, завернешь ты его в Изенгард восвояси — он через неделю опять удерет. Зачем тебе эта головная боль? Ушел он отсюда — вот и слава Творцу, нашлась тоже великая ценность! Носишься с этим паршивым орком, как ворон с копеечкой... Нужно ли вообще этак... суетиться по пустякам, а, волшебник?

Саруман молчал. Бальдор поднял на него взгляд, посмотрел в глаза... и отчего-то мороз пробежал у него между лопаток. «Какого лешего я лезу не в свое дело? — одернул он себя, жестоко жалея о том, что не сумел вовремя придержать длинный язык; лицо Сарумана, и без того не радующее глаз свежестью красок, сейчас стало совсем серым и каким-то измятым, словно скроенным из старой потрепанной мешковины. — Чтó я, в сущности, вообще знаю о старике и его проклятом звереныше? Нашел себе закадычного дружка... Коли он вздумает осерчать, да навести на меня чары, обо мне больше никто никогда и не припомнит... да и я сам о себе навек позабуду».

К счастью для Бальдора, Саруман, если и был как-то задет его исполненной негодования неуклюжей тирадой, счел за лучшее оставить свои эмоции при себе.

— Нужно ли суетиться? Тебе, вероятно, не нужно, Бальдор. А мне... — Он не договорил. Еще немного помолчал, ломая в пальцах истрепанное гусиное перо, швырнул истерзанное перо в корзину с обрезками пергамента. — Нужно ли это Гэджу, я, наверно, все-таки спрошу у него самого.

— Он всего лишь орк, — пробормотал сотник.

— Да, да... которому не пристало докучать порядочным людям самим своим существованием.

— Да с чего ты взял...

— Я всего лишь продолжил твою мысль, Бальдор.

— Вовсе нет. Я только имел в виду...

Саруман перебил, не дослушав:

— Ты знаешь, зачем он ушел?

— Зачем?

— Чтобы добраться до Серых гор и отыскать там своих любезных сородичей. Он сам мне об этом написал.

— А-а... ну... понятно. — Растерявшись, Бальдор не знал, что и отвечать. Совершенно выбитый из колеи, он нервно облизнул губы. — Я... не знал.

— Так что, — весело добавил Саруман, — возможно, твои чаяния, дружище, отнюдь не напрасны, и Гэдж действительно больше никогда не вернется в Круг Изенгарда. Кто я такой, чтобы противостоять голосу крови и Зову Предков?

— Я вовсе не хотел сказать, что...

— Я знаю, что ты хотел сказать. Но, даже если в обществе занудливого брюзгливого старика он уже никоим образом не нуждается, я все же предпочел бы услышать об этом из его собственных уст.

— Орки никогда не примут его за своего, Саруман. Они не любят чужаков, тем более таких, как Гэдж. Таких... белых ворон.

— Ты думаешь, мне это не известно? Для Гэджа нет никого опаснее его собственных сородичей, но он слишком наивный дурак для того, чтобы это понять... Так что мне в любом случае придется его найти, хочешь ты этого или нет.

— Я вовсе не говорил, что я этого не хочу, — пробормотал Бальдор, окончательно сбитый с толку, чувствуя, что начинает противоречить самому себе. — Ну и... когда?

— Что когда?

— Когда ты решил ехать в этот твой... Лориэн?

Саруман пожал плечами.

— Через пару дней. Надо дать Рыжику возможность отдохнуть.

— Кого возьмешь в качестве сопровождающего?

— Любого, кто вызовется добровольцем... Ехать придется далеко и быстро. Кроме того, я не уверен, что эльфы впустят моего спутника в Лориэн.

— Ну, я это учту...

— Хорошо. — Чуть помолчав, маг взглянул на Бальдора, который нерешительно топтался на пороге, порываясь то ли откланяться, то ли вновь задать какой-то невысказанный вопрос. — Что-то еще, друг мой?

— Да нет, я, собственно... — Сотник замялся. Волшебника явно тяготило его присутствие, а просьба, которую ему предстояло озвучить, лежала в настолько иной тематической плоскости, что по здравом размышлении он решил отложить её на потом. — Я, в общем, наверно, пойду...

— Ну, ну, говори, не тушуйся, — Саруман устало улыбнулся. — Что у тебя за беда стряслась?

— Да не у меня...

— У твоего друга, надо полагать?

Сотник бросился головой в омут:

— Слушай, я тут... э-э... давеча потолковал со старухой Норвет, она шлет тебе сердечный поклон. Дело-то, собственно, вот в чем: натоптыши её, вишь ты, в последнее время насмерть замучили, так она наказывала мне спросить у тебя какое-нибудь снадобье...

Саруман вздохнул.

— И это всё? Ладно, Бальдор. — Он вновь сел, взял в руки лютню, нежно, словесно

ребенка, уместил её на коленях и принялся задумчиво перебирать струны. — Можешь передать госпоже Норвет, что вечером я зайду в «Улитку». Пусть она оставит для меня пару бутылочек смородиновой наливки, ведь за время моего отсутствия в её волшебном погребеке как раз поспела новая партия, я, гм... прямо-таки читаю это на твоём лице. И, кстати, будь осторожен, когда станешь спускаться по лестнице — некоторые утверждают (я слышал это собственными ушами), будто лестница Ортханка бесконечна и ведёт напрямиком в Удун... Ну, будь здоров, дружище, ещё увидимся с тобой вечером.

Аудиенция, по-видимому, была закончена. Саруман по-прежнему наилюбезнейшим образом улыбался, но дверь за спиной сотника бесшумно распахнулась, ясно давая понять, что в его обществе больше нет ни малейшей нужды. Сдержанно кивнув волшебнику на прощание, Бальдор повернулся на пятках — как-то неловко, всем корпусом — и слегка неуклюже, деревянной поступью удалился.

---

* «Колокол моря» — стихотворение Дж. Р.Р. Толкина (написано ок. 1932-33 гг.)

11. Обида

— Лес заканчивается. Завтра мы выйдем на опушку, — небрежно обронил Гэндальф как-то под вечер очередного бесконечно долгого летнего дня, и при словах «завтра» и «заканчивается» Гэджу отчего-то стало не по себе...

За эти несколько дней он привык к Фангорну, к его мирному спокойствию, уютной тишине и неожиданным, но, в общем, безобидным причудам, и осознание того, что это лесное путешествие вот-вот подойдет к концу, отозвалось в груди орка странным пронзительным холодком. То ли страх неизвестности был тому виной, то ли, напротив — предчувствие новых впечатлений и открытий, куда более интересных, нежели однообразно-скучные лесные будни, то ли ощущение приближающейся свободы... Впрочем, мысль об открывающихся ему за границей леса широчайших <i>возможностях&/i>, которая представлялась орку невероятно смелой и отчаянной еще несколько дней назад, теперь отчего-то не казалась ему такой уж дерзкой и заманчивой. Леший его знает, каковы они, эти роханские степи, что за порядки там царят, и что за люди и звери населяют эту обширную пустынную область. Впрочем, сказал себе Гэдж, посмотрим — никто же не заставляет меня сбегать из-под опеки Гэндальфа вот прямо в первый же день после того, как мы выйдем из леса, улизнуть-то можно в любой момент, сначала нужно как следует присмотреться...

А вот воин Анориэль, мысленно добавил он с досадой, наверно, не стал бы мучительно раздумывать и колебаться на пустом месте, а сразу безоглядно и решительно перешел к действию! Воин Анориэль, надо признать, вообще не очень-то любил мучительно раздумывать над чем бы то ни было.

Меж тем день — последний день под пологом Фангорна — медленно, но неумолимо подходил к концу. Покончив с ужином, волшебник, против обыкновения, не взялся за свои любезные сердцу поделки, а, покругившись на краю неглубокой лоцинки, избранной сегодня в качестве места для привала, исчез где-то в лесу — как всегда без предупреждения и ничего не объясняя. Наверно, вновь отправился беседовать с неторопливым древесным лесовиком, решил Гэдж, и разговор этот, как обычно, грозил растянуться по меньшей мере на пару часов. Орк надергал мха на дне лоцины, расстелил на нем походное одеяло и некоторое время сидел возле костра, лениво вороша прутиком прогоревшую золу, потом, умиротворенный царящей вокруг вдохновляющей тишиной, достал из-за пазухи свою рукопись, думая, пока совсем не стемнело, устроить Анориэлю парочку приключений. Но работа как-то не шла; Гэдж рассеянно вертел в руке перо, окутанный меркнувшими сумерками, задумчиво покусывая солоноватые, пропитавшиеся потом и едкой дорожной пылью губы. В голове его по-прежнему вился рой одних и тех же беспокойных мыслей... Что ждет его завтра — там, за границами леса, в жарких и безграничных роханских полях? Каков он, этот неведомый Истемнет, эта открытая всем взорам бесконечная травянистая равнина, эти степные сёла и веси — такие же суетливые, шумные и утомительно-людные, как пропахший сеном, навозом и лошадьми запыленный Эдорас? Или наоборот — тихие и ленивые, с безлюдными, поросшими бурьяном задворками и раскаленными степным солнцем широкими улицами? Что за люди там живут, каков их уклад жизни, повседневный быт, традиции и обычаи? Как они вообще относятся к незнакомцам... к случайным прохожим, к бродягам, к чужакам... к оркам?

Гэдж вздохнул. Может быть, стоило бы все-таки вернуться в Изенгард? Явиться,

например, в гости к Бальдору и полюбоваться коллекцией оружия, которую доблестный сотник собирал с незапамятных времен, благоговейно размещая добытые трофеи на стене в гостиной. Или заглянуть в кузницу, посмотреть, как ловко и умело мастер Айвори выковывает из безликого металлического прута ажурную завитушку для украшения камина; или натаскать воды на кухню для госпожи Норвет и получить за это ломоть пирога или пару медных грошей. Можно было разобрать книги в библиотеке, или наконец-то выучить анатомический атлас в громоздком трактате «О медицине», или, в конце концов, наkostenять по шее этому придурку Луту, семнадцатилетнему сыну мѣдника, который пренебрежительно называл Сарумана «коновалом» и «старым мясником», а Гѣджа — «домашней зверушкой» и «вонючей пещерной крысой»; беда в том, что у Лута были единомышленники из числа его дружков, и все — или, по крайней мере, большинство — увы, старше и сильнее Гѣджа, а в одиночку хитрый подмастерье практически никогда не высовывал носа из отцовской лудильни. Можно было наловить в Изене рыбы или наколоть дров для госпожи Зарны, вдовы каменотеса Берда, который пару лет назад погиб, придавленный упавшей каменной балкой... Можно было то и можно было это, но Гѣдж прекрасно знал главное — никому он там, в Изенгарде, в общем-то, не нужен, и никто даже не вспомнит о его существовании, пока не вернется из Гондора Саруман, а этого вряд ли следовало ждать раньше середины следующего месяца...

Он вздрогнул — что-то больно кольнуло его в ладонь, какая-то вонзившаяся в руку колкая хвоинка — и... проснулся. Он, оказывается, задремал, сидя на одеяле возле костра и по-прежнему сжимая в руке чернильницу и растрепанное, с обкусанным кончиком гусиное перо. Вот болван... Гѣдж поехал и потянулся, разминая затекшие плечи. Пока он спал, сумерки сгустились окончательно, в лесу стало темно и прохладно, костер, оставленный без присмотра, едва тлел в кругу неровных блеклых камней...

Но что-то было не так.

Гѣдж вдруг понял, что чего-то не хватает... чего-то очень важного и значительного, чего-то, что непременно сейчас должно находиться здесь, рядом с ним, но вот почему-то никак не находилось...

Внезапно он понял. Рукописи. *Его рукописи*, которые лежали у него на коленях — перед тем, как он, дурак, так беспечно и незаметно для себя самого провалился в сон... Ведь лежали же, правда? А теперь — не лежат. Их не было. Они исчезли — все, до последнего клочка бумаги! Все его сказки, записки, бесконечные приключения бравого воина Аноризэля... Бесследно испарились в одночасье, как будто их никогда и не существовало.

Холодея, орк торопливо сунул руку за пазуху — пусто! Ничего нет ни в карманах, ни в котомке, ни под одеялом... Гѣджу стало не по себе, по спине его пробежала дрожь, в животе сделалось как-то знобко, мерзко и пусто, будто кто-то стальным крючком выдернул из Гѣджа желудок...

Да где же они, эти злосчастные рукописи? Что за... дурацкая необъяснимая пропажа? Что это вообще за наваждение, леший возьми?! Очередные несусветные проделки окаянного Фангорна?

— Что-то потерял, дружище?

Гѣдж поднял глаза. И только сейчас заметил Гѣндальфа, сидевшего в полумраке по другую сторону костра. Значит, волшебник вернулся, пока орк спал... подошел из леса так тихо и аккуратно, что не шелохнулся ни один лист... подкрался осторожно и неприметно, как настоящий супостат, как хитрый и опытный вражий тать...

Гэдж сразу все понял.

Голос Гэндальфа был спокоен и невозмутим. Но, разглаживая на коленях измятую пачку желтоватых бумажных листов, волшебник, глядя на орка, едва заметно усмехался — *той самой*, чуть насмешливой, благодушной, покровительственно-снисходительной улыбочкой человека, с которой смотрят на деревенского дурачка... и которую Гэдж всегда до боли в сердце страшился увидеть.

— Довольно занятные записки, ничего не скажешь, — волшебник беспечно посмеивался, видимо, не замечая в потемках, с каким ужасом, весь дрожа, Гэдж на него смотрит. — Неужели ты сам всё это, гм... сочинил, Гэдж?

Орк не ответил — не мог ответить. Он просто потерял дар речи... Дыхание у него перехватило, в горле накрепко застрял ком, его трясло, словно в лихорадке, но от чего — от смятения, возмущения, стыда? — он и сам не знал.

— Ты-ы... т-ты всё это п-прочитал? — через силу, спотыкаясь на каждом слове, прохрипел он наконец. — Ты... п-прочитал?

— Ну, не всё, конечно — так, кое-какие отрывки. Пожалуй, всё это довольно забавно... я и не подозревал, что на досуге ты грешишь сочинительством, друг мой... Особенно мне понравилась сказочка про Чудовище и Прекрасную Деву. — В серых глазах волшебника вновь поблескивали едва заметные насмешливые огоньки. — Очень своеобразное у неё завершение, я бы сказал... Кому бы могло прийти в голову, что Чудовище-то вовсе не заколдовано, а?

Да. Орк отлично понял, о какой сказке говорит волшебник. Известная всему миру история про Отважного Воина и Прекрасную Деву, которую накануне свадьбы похитило из родного дома страшное и свирепое, похожее на медведя косматое Чудовище... Прекрасная Дева любила Отважного Воина — вернее, думала, что любит; по крайней мере, так было до того момента, пока Отважный Воин под покровом ночи не прокрался в логово Чудовища и не заколол его, крепко спящего, кинжалом в спину. После этого Воин исполнился решимости жениться на Прекрасной Деве прямо сейчас, но Деву это намерение отчего-то не привело в восторг; на выручку ей неожиданно явилось раненное Чудовище (по-видимому, недостаточно раненное для того, чтобы не явиться) и простецки разобралось с Отважным Воином поленом по затылку. А потом, утомленное всей этой досадной суетой, упало без чувств, истекая кровью, — но Прекрасная Дева бросилась к нему, хладному и изнеможенному, без сил распростертому на земле, и нежно обвила руками его косматую шею, и обняла, и облобызала, и поцеловала его. Неизвестно, что из предпринятых телодвижений оказалось наиболее действенным — вероятно, именно поцелуй — но Чудовище немедленно ожило и неукоснительно исцелилось... Гэдж надеялся, что на этом месте оно и само непременно обратится в молодого, красивого и отважного воина, но оно, к ужасу самого Гэджа, упрямо не пожелало ни во что превращаться. Оно так и осталось простым и страшным косматым Чудовищем — косолапым и неуклюжим; когти у него были длинные и острые, лапы — тяжелые, в шерсти постоянно запутывались репы и колючки, а по временам, особенно в сырую погоду, от него нестерпимо разило мокрой псиной. И все же Прекрасная Дева любила его — такая уж это была поистине невзыскательная Прекрасная Дева, — да и Чудовище, если приглядеться к нему попристальнее, все же не производило впечатления совсем уж отталкивающего субъекта, так что у девы, пожалуй, были некоторые шансы обрести с ним свое незатейливое женское счастье. Впрочем, о её последующей судьбе Гэдж деликатно умолчал, как и о судьбе Отважного Воина, который, огребя поленом по

голове, как-то неприметно выпал из канвы дальнейшего повествования. «Эту историю поведал мне ветер, — в поэтическом порыве добавил орк в конце своей сказки. — Присев на камень, меня впечатлила эта былина. И я быстро записал то, что ветер нашептал мне, трагически подвывая...». Что ж, концовки Гэджу действительно никогда не удавались, он даже и не пытался этого отрицать...

Гэндальф все еще посмеивался, пряча в бороду эту свою проклятую, такую добродушно-насмешливую, такую небрежно-снисходительную и одновременно *всёпонимающую* ухмылку.

— Довольно забавная сказка, ничего не скажешь... Она, признаться, тоже несказанно впечатлила меня, в особенности тем, что так неожиданно присела на камень. И еще я не совсем понял, кто же там этак трагически подвывал в конце? Хочется верить, что все-таки ветер, а не ты сам по ходу записывания... А то я уж едва удержался от того, чтобы тоже не начать вслед за вами трагически подвывать.

Гэдж сидел, будто оплеванный. Да, он всегда знал, что его творения не идеальны... Но только сейчас перед ним открылась вся неисчерпаемая глупость и истинное убожество этих отвратительных, сырых, жалких словесных уродцев, несчастных калек, которых следовало давить в зародыше, не позволяя им даже появиться на свет — им, недоношенным, никому не нужным, совершенно нежизнеспособным, ни к чему не пригодным. И все они, все — неуклюже слепленные на коленке наивные стихи, грубоватые сказки, дурацкий опус о глуповато-бесстрашном Анориэле, все сокровенные мысли Гэджа, которые он никогда не решился бы высказать вслух, но которые отважился поведать бумаге — все они теперь стали достоянием Гэндальфа, все, все! Гэдж чувствовал себя *голым*, словно с него сорвали одежду... нет, хуже — сорвали покровы его души, обнажив её, выставив на всеобщее обозрение — его слабую, дрожащую, жалкую беззащитную душонку, корчащуюся от унижения и нестерпимого стыда...

Это было ужасно.

Нет, хуже. Это было — невыносимо.

Гэдж вскочил.

Стремительным, молниеносным тигриным прыжком он метнулся вперед, через костер, вырвал злосчастную рукопись из рук опешившего волшебника и, швырнув хрустящую пачку бумаги в огонь, бросился прочь, прочь, в лес, в сухую шелестящую тьму, в пустоту и мрак, лишь бы остаться в одиночестве, больше не видеть и не слышать проклятого мага, не дать ему стать свидетелем своего несчастья.

— Гэдж!..

Орк не слышал, не желал слышать. Он ломился сквозь кусты, ничего не видя, не разбирая дороги, кусая костяшки пальцев, чтобы не завывать от жгучей обиды, пронзающей его насквозь, как раскаленная спица... Как только Гэндальф мог так поступить! Как он мог тайком от Гэджа взять его рукопись, прочесть её, залезть ему в душу и вывернуть её наизнанку... он, Гэндальф, которого Гэдж уже начал считать своим другом! Как он мог! Сунуть свой длинный любопытный нос куда не просят, надругаться над доверием спутника, посмеяться над хилыми аляповатыми творениями неумелого пера... «Ветер нашептал, трагически подвывая»... Великий Творец! Ну что за неуклюжая фраза! И действительно — где это видано, чтобы Прекрасная Дева вышла замуж за косматое Чудовище, если оно — не заколдованный эльфийский принц и не имеет в заглавнике роскошного родового замка? А все эти нелепые сказания про похождения бравого Анориэля, «логово Людоеда» и «сырой мрачный склеп»? Силы небесные, неужели Гэндальф и их прочитал?.. Гэдж искусал губы в

кровь; он продирался сквозь неведомые заросли, неуклюже отмахиваясь от веток, запинаясь о корни деревьев, натыкался на шершавые древесные стволы, ухнул в какую-то канаву... ему хотелось сейчас лишь одного — сгинуть бесследно, раствориться в воздухе, исчезнуть с лица земли, провалиться в Удун или куда подальше...

Уйду, мрачно твердил он себе. Вот прямо сейчас. Соберу свои пожитки и бесшумно ускользну в темноту — до опушки, к счастью, недалеко... Я больше не хочу... больше *не могу* находиться рядом с волшебником... ловить на себе его насмешливые понимающие взгляды, говорить с ним, встречаться глазами, испытывать в его присутствии постоянный стыд. Какого лешего я сразу, еще в Изенгарде, не бросил свои дурацкие писульки в печь, где им самое место, какого назгула потащил их с собой? Желторотый глупец, самонадеянный болван, бездарный писака...

В темноте, за спиной Гэджа хрустнул сухой сучок.

Орк сжался, точно подстреленный.

Кто это? Хьорны? Энты? Какие-нибудь другие неопознанные страшилища колдовского Фангорна? Или... кто?

Стуцалась вокруг тьма, звенели комары, скромно шелестел в кронах деревьев тихий ночной ветерок. Гэдж, объятый сумраком, сидел на травяной кочке, скорчившись, обхватив колени руками — и ему чудилось, что в лесной чащобе он не один, что безмолвной тенью где-то позади стоит Гэндальф, смотрит ему в затылок, и губы мага вновь кривятся, с трудом удерживаясь, чтобы не сложиться в ухмылку — ту самую, мерзкую, небрежную, насмешливую, презрительно-снисходительную...

— Это не так, Гэдж.

Орк едва удержался, чтобы не вздрогнуть. Неужели старый хрыч умеет читать мысли? Значит, ему не чудилось — волшебник действительно был рядом, стоял, прячась за деревом, смотрел на орка внимательными, спокойными серыми глазами — и, конечно, пронизал насквозь его мелкую, мутную, испуганно съежившуюся душонку. «Уходи», — хотел сказать Гэдж, яростно крикнуть это магу в лицо, он не мог сейчас ни видеть Гэндальфа, ни, тем паче, разговаривать с ним — но голос не повиновался ему, язык лежал во рту угловатым булыжником, горло сводило мучительной горячей судорогой.

— Прости, — негромко произнес волшебник за спиной Гэджа. Взгляд его жег затылок орка, будто прикосновение крапивы. — Я... не вправе был так поступать. Но я не ожидал, что ты так... остро все это воспримешь, дружище.

Он помолчал — ожидая ответа? Или просто давая орку время примириться с его, Гэндальфа, незванным присутствием? Гэдж судорожно глотнул; «Иди ты к лешему, старый пень! Чего тебе надо? Вдоволь позабавился, да?» — хотел он спросить, так злобно и язвительно, как только сумел бы, — но язык по-прежнему ему не повиновался... Гэндальф подошел ближе, Гэдж слышал за спиной шуршание его плаща и легкие приближающиеся шаги и с трудом заставил себя остаться на месте. Стиснул руки в кулаки и втянул голову в плечи... Веду себя, как глупая истеричная девица! — вдруг мелькнуло у него в голове. — Не хватало только начать трагически подвывать...

— Не надо так... переживать, Гэдж. Поверь, я вовсе не хотел тебя задеть. — Маг вновь сделал едва заметную паузу, точно с трудом подыскивая правильные слова. — Я действительно сожалею... очень сожалею о том, что произошло.

Гэдж молчал. Кусал губы. Яростно грыз костяшки пальцев. И вдруг почувствовал крепкую и теплую руку волшебника на своем плече...

Какую-то долю секунды он хотел сбросить её, стряхнуть, как брезгливо стряхивают с одежды налипший ком грязи — но отчего-то все-таки удержался. Гэндальф не желал ему зла и, кажется, действительно был удручен произошедшим. От волшебника знакомо и привычно пахло сухими травами, древесной стружкой и табаком, а пожатие его было участливым, дружественным, примирительным, странно ободряющим. *Успокаивающим.*

— Я-я... не переживаю. Просто... — Гэдж запнулся. Судорожно глотнул. Собрался с силами: — Я не думал, что мои записи... что их кто-нибудь прочтет, Гэндальф. Я не ожидал, что ты... Я-я... я только хотел выразить ну, свои мысли... Это... это, в общем... это не было предназначено... для чужих глаз.

Гэндальф секунду-другую не отвечал. Стоял, прислонившись плечом к стволу ближайшего дерева, опустив голову, задумчиво перебирая в ладони кончик собственной бороды.

— Это не походило на личный дневник... А книги пишут для того, чтобы их читали, разве не так?

— «Книги»! Ну да... — хриловатый голос орка подозрительно дрогнул. — К-какие-то дурацкие сказки... глупые и нелепые... над которыми можно только смеяться...

— У меня и в мыслях не было над ними смеяться, поверь.

— Ну да. Ты же сам сказал, что это... «забавно»!

Волшебник наконец оставил в покое свою и без того растрепанную бороду. Заложил ладони за пояс. Устало вздохнул.

— Ну, кое-что забавно, а кое-что и нет. Любое искусство требует терпения, труда и настойчивости, и глупо рассчитывать, что первые пробы пера будут подобны изящным поэтическим жемчужинам признанных мастеров. — Он внимательно посмотрел на орка. — Я не думаю, что ты должен был бросать свои рукописи в огонь только потому, что я... осквернил их своим грубым прикосновением. Это было... неправильно, Гэдж.

Орк пожал плечами. С таким безразличным видом, с каким только мог.

— Мне теперь все равно, Гэндальф. Вряд ли я когда-нибудь вновь, ну... возьмусь за перо. Хватит с меня.

— Почему?

— Да зачем? Чтобы окончательно прослыть посмешищем? Дара-то у меня все равно нет...

— С чего ты решил, что нет?

— Если бы был, ты бы не стал потешаться над этими... этими... ну, в общем, просто не стал бы потешаться, ведь так?

— Я не потешался.

— И, честно тебе скажу — на самом деле я уже давно собирался все это спалить, просто мне, того... не хватало духу, что ли. Так что я сейчас тебе даже благодарен... ты помог мне сделать последний решительный шаг, отбросить, ну, всякие сомнения и дурацкие сожаления... и... и... вот так! — Он задохнулся и умолк, не в силах продолжать: слова у него внезапно закончились прямо на середине предложения.

— Ах вот оно что... — Гэндальф вновь немного помолчал. Лицо его в неверном сумеречном свете было странное, какое-то напряженное, неуловимо изменчивое, уголки губ едва заметно подрагивали — то ли он действительно сочувствовал собеседнику, раскаиваясь в содеянном, то ли изо всех сил старался не рассмеяться. — Ну что ж, раз так... Пойдем, Гэдж, я думаю, нам лучше вернуться.

— Вернуться к чему? — спросил орк мрачно.

— К костру, — спокойно отозвался волшебник.

* * *

Костер на дне лощины почти прогорел.

Лишь кое-где на тлеющих красноватых углях виднелись скрюченные, обгоревшие клочки бумаги; налетевший ветерок подхватил их, закружил в воздухе, развеял по лесу невесомый седой пепел. Гэдж старался на них не смотреть, на эти жалкие кремированные останки воина Аноризеля и иже с ним; горло его вновь болезненно сжалось, ощущение непоправимой утраты внезапно стало таким сильным и невыносимым, что впору было начать отчаянно рыдать и рвать на себе волосы.

Но он сдержался. Привел свои недостойные чувства к повиновению. Крепко сжал губы. И лицо его стало холодным и неподвижным, каким и должно быть у истинного мужчины — спокойной, невозмутимой и бесстрастной каменной маской... по крайней мере, он изо всех сил на это надеялся.

Гэндальф бросил на краснеющие угли охапку сухого валежника, коснулся её кончиком посоха, негромко произнес: «Наур!» — и огонь в очаге вновь весело вспыхнул, затрещал бойко, радостно и приветливо. Волшебник опустился на землю возле костра, пошарил в своей котомке, достал неизменную вересковую трубку и кожаный кисет. Рассеянно покрутил их в руках, как будто забыв, зачем они ему вдруг понадобились.

— Это Саруман тебе сказал? — прочищая чашу трубки обернутым в платок грязноватым пальцем, спросил он у Гэджа.

— Что сказал?

— Что у тебя... нет дара?

— Нет, он мне ничего не говорил, — пробурчал Гэдж. — Почему ты спрашиваешь?

— Просто так. Нельзя спрашивать? — Волшебник неторопливо развязал кисет, насыпал в трубку щепотку табачных листьев, мягко и аккуратно её примял. — Ты, я вижу, о своем учителе совсем не вспоминаешь в последнее время.

Гэдж стиснул зубы. Его «бесстрастная каменная маска» как-то жалко и неожиданно поплыла с лица, и отчаянным усилием воли он поспешил водрузить её обратно.

— А чего мне о нем вспоминать? Он там, в Гондоре, тоже не сильно-то обо мне тоскует.

— Ты по-прежнему на него зол...

— Это вопрос?

Гэндальф покачал головой. Он наконец набил трубку и, запалив от костра сухой прутик, принялся сноровисто её раскуривать. Гэдж сидел, опустив голову, не глядя на мага, и палочкой чертил на земле перед собой какие-то фигуры, знаки, рисунки, возводил целый частокол изогнутых, параллельных, ломаных линий. Он, конечно, кривил душой: увы, Саруман по-прежнему занимал в его мыслях куда большее место, чем ему этого хотелось бы.

— Мне вот что интересно, — едва слышно пробормотал он, — догадался он все-таки, от чего умер этот бедолага Бран, или нет? Он говорил, неудача была связана с составом крови... кровь Эстора по каким-то причинам оказалась не подходящей для Брана, но по каким — непонятно...

— А ты бы хотел это узнать, Гэдж?

— Конечно, хотел бы, что за вопрос... Странное дело: Эстор и Бран были друзьями... а вот кровь их почему-то оказалась того, ну... недружественной.

— А может, они поссорились накануне, м-м? — небрежно заметил волшебник. — Или кровь роханца Эстора попросту не пожелала течь в жилах дунлединга Брана? Рохан и Дунланд, знаешь ли, испокон веков не слишком друг друга жаловали...

Гэдж быстро поднял голову. Тон Гэндальфа был совершенно серьёзен — но на губах мага вновь мерцала эта неуловимая, как блуждающий огонек, хитровато-насмешливая улыбка. Орк немедленно вскипел:

— Что за... дурацкие измышления? Опять потешаешься, господин Гэндальф, да? По-твоему, это тоже «забавно»?

— Ну-ну, охолони, друг мой! — Гэндальф непринужденно попыхивал трубкой. — Честное слово, не нужно воспринимать все так... преувеличенно и болезненно. В мире, знаешь ли, на самом деле очень много забавного.

— Угу. Стоит хотя бы на тебя посмотреть, — проворчал Гэдж. Он был сердит на волшебника и хотел вывести его из себя: лукавое добродушие и непробиваемая невозмутимость мага действовали на него распалаяюще, ровно красная тряпка на быка.

— По-твоему, ты меня уел? — посмеиваясь, заметил Гэндальф. — Вот уж нет! Я наверно, только порадуюсь, если мне лишний раз удастся заставить тебя улыбнуться.

— Тебе так нравится быть шутом?

— Мудрый правитель к словам шута прислушается скорее, нежели к словам иного вельможи.

— Завидное знание придворной жизни! Тебе, выходит, частенько приходилось шутовством пробавляться?

Орк говорил совсем тихо, себе в нос, но почему-то не сомневался, что волшебник прекрасно его услышал, хоть и не подал вида. Гэндальф сидел, прикрыв глаза и спрятавшись за пряди седых волос, окутанный клубами вонючего табачного дыма — но орку почему-то казалось, что маг по-прежнему смотрит прямо на него: так цепко, неотрывно и *все* *подмечаяще*, что вынести это было совершенно невозможно. Гэдж вскочил и, буркнув: «Пойду спать!» — поспешно нырнул в темноту.

Уйду, мрачно сказал он себе. Завтра же. Как только мы выберемся из проклятого леса...

Он забрался под навес, как обычно устроенный неподалеку на случай дождя, и, несмотря на стоявшую в лесу ватную духоту, до ушей завернулся в плотное шерстяное одеяло. «Нашел себе забаву, старый пень! — с раздражением думал он, ворочаясь с боку на бок, жестоко глодаемый горькой неизбывной обидой. — То-то скалится изо дня в день, точно скоморох на ярмарке! Придворный шут, тоже мне! Ладно, завтра мы с тобой расстанемся, господин Гэндальф, убийца Анориэля, завтра избавишься наконец от моего неуютного общества, и...»

Рука его внезапно нащупала у изголовья что-то хрусткое и шуршащее, подозрительно напоминающее сложенные в стопку бумажные листы.

Гэдж замер.

Его гневная мысль оборвалась на середине.

Он выкрутился из одеяла, схватил шуршащую находку и выбрался из-под навеса к свету костра... Да, так оно и было: в руках он держал свою рукопись, потрепанную и слегка обуглившуюся по краям, но, без сомнения, сохранившуюся практически в целости — не хватало лишь нескольких последних страниц, имевших несчастье угодить в самое полымя.

— А, — прохрипел Гэдж. — Эт-то... — Остальные слова жалко застряли у него в горле.

Волшебник все еще сидел возле костра, что-то задумчиво выкладывая на земле из веточек и погасших угольков. Услышав невнятное бормотание Гэджа, поднял голову.

— Что?

— Ты... её вытащил... мою рукопись. Вытащил её из огня. — Гэдж моргнул, чтобы прогнать странное неприятное жжение в глазах. И окончательно почувствовал себя распоследним дурнем.

Волшебник пожал плечами.

— Да что-то мне показалось, что она тебе еще пригодится. Я был не прав?

Орк молчал. По-прежнему стоял, сжимая в руке пачку бумажных листов, с трудом веря своим глазам, не чуя под собой ног — ему казалось, будто к нему внезапно вернулся насильно вырванный и потерянно блуждавший в отдалении осколок души. Через силу прошептал:

— Я, это... как его, короче... С-спасибо.

С треском лопнула в костре сырая ветка. Пламя выбросило в воздух длинный красный язык, точно желая подразнить кого-то, прячущегося в темноте.

— Не за что, Гэдж, — помолчав, отозвался волшебник.

Орк перевел дыхание:

— Я... в общем... наврал тебе насчет того, что хотел все это сжечь.

— Я знаю. — Гэндальф, не глядя, запустил руку в кострище за очередным угольком, обжегся, отдернул руку и приглушенно выругался. — Надеюсь, ты больше не мыслишь втихомолку от меня улизнуть, м-м? — Он подул на обожженные пальцы и, заметив, что Гэдж по-прежнему смущенно топчется неподалеку, вопросительно поднял брови. — Что-то еще?

— Я тебе нагрубил, — медленно, насупившись, глядя в землю, пробормотал орк. Добавить «прошу прощения» было выше его сил.

Волшебник отрывисто усмехнулся.

— Не ты первый, не ты последний... Забудем, Гэдж. Доброй ночи, дружище — завтра нам предстоит явно не легкий день...

12. Трактир "Хмельная муха"

Изенгардский конюший Йохар был детиной видным, рослым, рыжим и конопатым — двести пятьдесят фунтов крепкого мускулистого торса, поставленного на короткие кривоватые ноги. На ужин Эрú послал ему кусок мясного пирога, который Йохар, сидя на лавочке под стеной денника, и уписывал с завидным аппетитом, заливая каждый глоток загадочным содержимым из спрятанной за пазухой кожаной фляги. Впрочем, появление Сарумана врасплох его не застало.

— А, господин чародей. Я так и знал, что ты вскоре сюда поженуешь, — торопливо проглатывая очередной кусок пирога и вскакывая с лавочки, сообщил он Белому магу. — А спросишь — откуда? Твой ворон добрых полчаса возле меня крутился, только пару минут назад улетел. Явно неспроста...

Саруман не удивился:

— Гарх? Что ему нужно было?

Йохар так широко ухмыльнулся, что его рыжая клочковатая борода буйно встопорщилась.

— Монетку, разумеется.

— Вот старый попрошайка! Рук у него нет, а то так бы и сидел с протянутыми. И ты ему подал?

— Была у меня одна фальшивая. Но он такую не пожелал.

— Что ж ты его так обидел? Он, мой друг, фальшивые не берет. И даже медными брезгует — ему подавай золотые, да серебряные, да чтоб сверкало поярче.

— Ишь ты, какой разборчивый. Избаловал ты его, вот что. Золотые и серебряные монеты я бы и сам не прочь в сундучок складывать. — Йохар украдкой вытер о штаны испачканные жиром пальцы. — Послушай, а чего этот старый шалыган, как его там... Гэндальф... чего он тут в конюшне осла своего оставил? На откорм, не иначе! Заберет он его когда-нибудь, или как?

— А тебе-то, собственно, что за дело? — с усмешкой спросил Саруман: исключительная готовность Йохара немедленно усыновить все, что по его, Йохара, мнению, плохо лежало, была волшебнику отлично известна. — Заберет когда-нибудь, не тревожься... просто сейчас ему явно не до *этого* осла. Лучше скажи, как там мой Рыжик поживает... Жив-здоров, глаза горят, дым из ноздрей валит? Он мне завтра на утренней зорюшке понадобится, так что будь готов его по первому свистку — под седло...

Йохар весело скалил зубы.

— Дым-то из ноздрей? Ха, еще как валит! Дракон просто, а не жеребец! Я ему давеча полкопны овса в ясли сбросил — так он все порубал и еще добавки просит.

— Добавки? Так ты, поди, из этой полкопны и для своей Савраски долю урвал?

— Эрú с тобой, господин волшебник! Чтобы я да что-то у тебя урвал? Разве ж я из таковских?

— Из каковских ты, я знаю... из таковских, каким скажи, что солнце — это кусок масла, так они и его на хлеб намажут. Ты, кстати, аппетиты-то умерь, винные погреба в Ортханке не особенно часто навещай — лестница там, знаешь ли, прогнила, ступени проваливаются, еще навернешься как-нибудь с косых глаз...

— Да Творец меня упаси... чтобы я да в винные погреба... да ни ногой, вот те зуб! У

меня и ключей-то от этих погребов нет.

— А неужто ты еще не успел сделать дубликаты? Стареешь, Йохар! И куда подевалась твоя былая хватка? — Саруман беззвучно посмеивался в бороду. — Кстати, скажи-ка, ты, кажется, одно время коз пас на восточном склоне Метхедраса, так вот припомни — нет там тайных горных тропинок вдоль опушки Фангорна? Чтоб отсюда прямо к северу можно было проехать?

Йохар хитро побулькал фляжкой.

— Да тайные тропинки-то, они везде есть... Торговцы пушниной и звериными шкурами их обочь Фангорна проложили, чтоб с севера сразу к Эдорасу подаваться, минуя всякую доuku в виде роханских застав. И дорога короче, и торговые пошлины на каждом перекрестке платить не треба... А тебе они зачем?

— Разумеется, из чистейшего любопытства интересуюсь.

— Ну-ну, понятно... Трактир «Хмельная муха» на дороге к Изенским бродам знаешь? Так спроси трактирщика, рябого Вихельма, он тебе тропинки-то эти за пару монет укажет. Только дикие там места... да и давно дело было, можа, тропинок-то никаких уж и нет...

— Да ну? Неужто поток мехов и пушнины в обход торговых пошлин иссяк? Что за непорядок? — Саруман сочувственно поцокал языком. — Ладно, благодарю за совет, дружище. Будь здоров и не кашляй... и насчет лестницы не забывай, лады?

Он повернулся и, все еще посмеиваясь, направился прочь, к порогу Ортханка. Йохар, глядя ему вслед, озадаченно почесал немытой пятернёй всклокоченный огненно-рыжий затылок:

— Ну и ну. Лестница, вишь ты, прогнила, ступени проваливаются... и когда успела, на прошлой неделе была целехонька, хоть троллю подстать... Не иначе старик что-то пронюхал, небось сам и наколдовал, старый сыч. Еще спасибо — предупредил, не то ведь этак и впрямь недолго шею свернуть...

* * *

— Гарх! — мрачно произнес Саруман. — Я хочу, чтобы ты поехал со мной.

Ворон, мирно дремавший на краю стола, изумленно встрепенулся. Сказать, что он был удивлен этому предложению — значит, ничего не сказать: в последние годы Белый маг не часто просил его себя сопровождать, и Гарх уже тешил себя мыслью, что великодушно отправлен волшебником на заслуженный отдых.

— Поехал с тобой? — проскрипел он. — Помилуй Творец! Куда? Зачем?

— В Лориэн. Хотя бы затем, что ты — мой давний товарищ... а общество такого старого ворчливого брюзги, как ты, меня никогда не утомляет.

— Ну, ну... Все это очень мило, Саруман, но все же я хотел бы услышать *истинную* причину.

На горизонте тихо догорал пламенный июньский закат. Волшебник стоял у окна в своей излюбленной позе, прислонившись плечом к ребру оконной ниши и скрестив руки на груди, и алые лучи вечерней зари окрашивали его серую хламиду в яркий жизнерадостный цвет густой киновари.

— Дорога мне предстоит дальняя и, вероятно, действительно небезопасная. Я, видишь ли, не желаю оповещать об этом дельце кого бы то ни было, хотел бы провернуть его скрытно и сохранить свою личность неопознанной, насколько это возможно... К тому же,

быть может, в пути мне понадобится прибегнуть к услугам посланника.

Ворон хрипло каркнул:

— Ну так Бальдор же, кажется, предлагал тебе сопровождающего?

— Я бы предпочел, чтобы в трудную минуту рядом со мной оказался не только некто *сопровождающий*, но также верный и испытанный друг.

— Экий ты льстец, — пробормотал Гарх. Стараясь все-таки не слишком уж сильно напыжиться от самодовольства.

— В котором, во-первых, я уверен настолько, что безо всякой опаски могу доверить ему самые, так сказать, сокровеннейшие тылы. И у которого, во-вторых, есть парочка проворных и крепких крыльев...

— Во-первых, твои тылы, — перебил ворон, — даже самые наисокровеннейшие, меня ни капли не интересуют. А во-вторых, я бы все-таки попросил тебя обратить внимание на мои более чем почтенные седины... Крылья мои, увы, уже далеко не так крепки и проворны, как пару десятков лет назад.

— Так что? — невозмутимо спросил волшебник. — Это следует воспринимать, как бесповоротный отказ?

— Да нет, отчего же, — ворон надулся. — Я всегда считал своим долгом за тобою приглядывать. Хотя мне, честно сказать, не нравится эта затея...

— А когда тебе *нравилась* хоть одна моя затея?

— Никогда. И не без оснований... Кстати, как ты намерен добираться до Лориэна? Неужто — Творец упаси! — через Фангорн, следом за Гэндальфом?

Саруман, глядя в окно, раздраженно поморщился.

— Н-нет. Чтобы проехать через лес, мне придется идти на поклон к Фангорну... А он, надо сказать, не очень-то меня жалует.

— Да ну, правда? Это из-за чего, интересно? — подозрительно спросил ворон.

— Понятия не имею, — процедил Саруман.

— Гм! Разумеется, вовсе не из-за того, что в последнюю вашу встречу ты назвал его тупым занудливым бревном.

— Но он и есть тупое занудливое бревно! Конечно, это не его вина, а его беда, но тем не менее.

— Это беда только Фангорна? — с сухим смешком прокаркал ворон.

— К сожалению, нет. Но я не хочу сейчас обсуждать тупые занудливые бревна... во всем их многоликом и пугающем разнообразии. Время поджигает, нам необходимо выехать завтра на рассвете и навести кое-где кое-какие справки. Возможно, это позволит нам не трястись в объезд Фангорна через половину Рохана, а воспользоваться более короткой дорогой... Хотя на все, как говорится, воля Эру.

* * *

— А в Гондор ты меня с собой что-то не приглашал! — сварливо заметил ворон. — Видать, при щедром королевском дворе общество старого ворчливого брюзги не представлялось тебе таким уж незаменимым...

Саруман не ответил. Суматоха сборов, ранний подъём и час, проведенный в седле, не располагали его к праздным разговорам.

В спутники магу вызвался Бреор — воин мрачноватый и неразговорчивый,

предпочитающий словами без надобности не сорить; он ехал на серой в яблоках спокойной кобыле, держась чуть позади, и вооружён был мечом, ножом и небольшой лёгкой булавой с кованым навершием. Кобыла имела некоторую толику крови меарасов, пусть и довольно незначительную, и хозяин ласково называл её "Старухой", хотя по лошадиным меркам она пребывала в самом что ни на есть расцвете лет. Поскольку родом Бреор был откуда-то из северного Рохана, было решено, что, сопроводив Белого мага к рубежам Лориэна, он направится в Волд, навестит родичей, а затем явится в крепость на Каменистой гряде, где и станет ждать дальнейших распоряжений.

...До указанной всезнающим Йохаром «Хмельной мухи» добрались споро и без происшествий. Постоялый двор находился на перекрестке, откуда разбегались по сторонам света три дороги: на север — к Изенгарду, на юг — к Бродам и Эдорасу, на запад — к Воротам Рохана, в Дунланд. На вывеске над входом в трактир было нарисовано нечто невнятное, многоногое и, видимо, по замыслу художника, невероятно хмельное.

Само здание оказалось приземистое, добротное, возведенное из серого тесанного камня. Столбики крылечка обвивали стебли плюща, на окнах имелись недавно выкрашенные наличники, неизменный флюгерок на коньке крыши традиционно изображал вздыбленную лошадку. Обширный двор, окруженный хозяйственными постройками, амбарами и конюшнями, был почти пуст, только какой-то мужичок в холщовой рубаше — видимо, работник — наполнял водой из колодца водопойную колоду; колодезный ворот болезненно визжал и скрипел, погромыхивала бесконечная железная цепь, где-то в глубокой утробе колодца гулко плескалось жестяное ведро, чуть кренясь на левую сторону. Другой парень чуть поодаль, в тени навеса, чистил скребницей низкорослую каурюю кобылу, готовясь запрягать её в притулившуюся неподалеку крытую повозку.

— Эй, добрый человек, — окликнул Саруман мужичка, топтавшегося возле колодца. — Хозяин на месте?

— Вихельм-то? — мужичок лениво почесал живот. Оглянувшись на всадников, неодобрительно покосился на Гарха, который, опустившись на бортик колодца, с любопытством заглядывал в гулкую каменную трубу, явно замороженный затейливыми телодвижениями кособокого ведра. — На месте, где ж ему быть... Продукты, поди, в кладовых подсчитывает.

Он наконец вытянул полную посудину воды, опрокинул её в колоду, потом вновь опустил пустое ведро в колодец, и оно, увлекая за собой железную цепь, со звоном и грохотом умчалось куда-то к центру земли...

Путники спешили, и Бреор повел лошадей под навес, к коновязи, старательно обходя лужи и чёрное слякотное месиво, окружавшее водопойную колоду. Саруман поднялся на крыльцо.

Час был ранний, и обеденная зала оказалась безлюдна, только служанка протирала засаленной тряпкой те поверхности, до которых могла дотянуться, да за угловым столом, уставленном грязной утварью, сидела закутанная в шаль девушка, уныло смотрела на двор, на парня, который возился с лошадьёю и повозкой — видимо, это был её спутник. На появление в зале старика в неприметном сером плаще никто особенного внимания не обратил.

— Где хозяин, красавица? — ласково спросил Саруман у служанки. — Ну-ка отыщи его, из-под земли достань да представь пред мои светлы оченьки, живо!

«Красавица», вздрогнув, поспешно оглянулась через плечо. На её бледном худом лице

выразилось опасливое изумление.

— Сейчас, господин.

Она бросила тряпку и, на ходу вытирая руки краем передника, исчезла в хозяйственных помещениях. Саруман огляделся, хотел в ожидании хозяина присесть на ближайшую лавку, но, зацепившись взглядом за жирное пятно на отполированной многочисленными седалищами деревянной поверхности, отчего-то передумал. Подошел к окну, чтобы взглянуть на Рыжика, которого Бреор определил возле коновязи. Золотистый тонконогий конь с глубокой грудью и изящными точеными бабками казался яркой праздничной картинкой на общем невзрачном и серовато-унылом фоне, серая кобыла Бреора представлялась витающим рядом с ним смутным туманным облачком. Сам Бреор сидел на лавочке в тени навеса, вытянув ноги и опустив голову на грудь, и, пожёвывая соломинку, лениво выслушивал мужичка-работника, который, подойдя ближе, толковал ему о чем-то горячо, увлеченно и обстоятельно.

— Сударь...

Белый маг оглянулся.

Девушка, сидевшая за крайним столом, робко смотрела на него.

— Сударь, скажите, пожалуйста... далеко отсюда до Изенгарда? Надо ехать по северной дороге, чтобы туда добраться, ведь так?

Несмотря на то, что день обещал быть жарким, и это грядущее пекло чувствовалось в неподвижном воздухе уже сейчас, девушка была одета в глухое платье с высоким воротом и длинными рукавами, до самых глаз закутана в плотную полотняную шаль, и даже руки её прятались под аккуратно заштопанными нитяными перчатками.

Саруман небрежно отозвался:

— До Изенгарда недалеко, пару часов верхом, часа три-четыре — на повозке. А зачем вам в Изенгард, милая дева? У вас там что, родичи?

— Н-нет... — девушка как будто смутилась. — У меня там... дело.

— Дело, вот как? — Саруман заинтересовался. — Какое дело? К кому?

Девушка помолчала. «А тебе какая разница, старый хрыч?» — неприязненно говорил её взгляд.

— Мне нужно видеть волшебника... Сарумана. Ведь он живет в Изенгарде, так?

Белый маг окинул незнакомку внимательным взглядом. Что ж, кажется, его желание не быть признанным и «сохранить личность втайне» осуществлялось вполне успешно. Впрочем, без посоха в нем трудно с первого взгляда признать волшебника, а в лицо незнакомка, прибывшая, судя по выговору, явно издалека, его, конечно, не знает.

— А зачем, любопытно, вам понадобился волшебник, сударыня?

— Оставьте ваше любопытство при себе, сударь. — Девушка сердито уставилась в окно, давая понять, что разговор окончен.

— Хм. Видите ли, я не просто так спрашиваю, — помолчав, сухо пояснил Белый маг. Вся эта ситуация начинала его забавлять. — Саруман, насколько мне известно, не принимает в Ортханке случайных людей... У вас должно быть действительно важное дело, если вы хотите, гм... добиться аудиенции.

— У меня действительно важное дело.

— Важное для вас? Или для Сарумана?

— Это что, имеет какое-то значение?

— Я бы сказал, что это имеет *решающее* значение, моя дорогая.

— Какое бы дело у меня ни было, я скажу о нем только волшебнику.

— Что ж, понимаю... Только, боюсь, вам придется ждать встречи с ним довольно-таки долго.

— Почему? — Девушка как-то напряглась. — Я — не нищенка, знаете ли... И готова заплатить!

Белый маг пожал плечами.

— Это, конечно, радует... Но Саруман аккурат на днях уехал из своей крепости, вот ведь в чем незадача.

Незнакомка растерялась.

— Как у... уехал? Куда? Когда он вернется?

— Не раньше середины лета. Говорю вам об этом с полнейшей уверенностью потому, что я сам только что из Изенгарда.

Девушка в волнении стиснула руки. Её лицо — по крайней мере, та тоненькая полоска, что была видна над краем шали — заметно побледнело.

— Не раньше... середины лета? Но... что... что же мне тогда делать? — Она беспомощно застыла. В глазах её выразилось такое уныние, потерянности, даже отчаяние, что Саруман немного смягчился: видимо, незваная гостья, с чем бы (и зачем бы) она там ни явилась, действительно возлагала на визит в Ортханк большие надежды.

— Не нужно так расстраиваться, дитя... вы уверены, что помочь вам может только Саруман?

Девушка закрыла лицо рукой. Отвернулась к окну. Часто заморгала, видимо, надеясь, что прозрачные капельки, вдруг ни с того ни с сего повисшие на ресницах, каким-то чудесным образом немедленно исчезнут.

— Если он не сумеет помочь — значит, никто не сумеет! Для меня это... это... действительно очень важно.

Саруман, чуть помедлив, шагнул к ней. Окинул взглядом её поникшую сторбившуюся фигурку, полотняную шаль, простое серое платье, из-под подола которого застенчиво выглядывали обтерханные башмаки на шнуровке... Присел на лавку по другую сторону стола.

— А, может быть, вы *мне* расскажете о вашей беде, и я смогу дать вам разумный совет?

Девушка помотала головой.

— Вы — волшебник, сударь?

— Я? Я — целитель... а это, на мой взгляд, уже кое-что.

— Целитель! — презрительно, глотая слезы, пробормотала незнакомка. — Поверьте, я была у многих лекарей и целителей, и никто из них не сумел посоветовать мне ничего по-настоящему действенного.

— Что ж, возможно, я буду первым? Не бойтесь, я, в отличие от Сарумана, не потребую с вас платы за совет... Или ваша печаль какого-то, гм, деликатного свойства?

Девушка сидела, поникнув и съежившись, нервно теребя в пальцах и без того растрепанный край шали.

— Да нет, ничего такого. — Она потерянно хмурилась. Морщила лоб. Сомневалась. Наверняка кусала — там, под шалью — сухие от волнения губы. И вдруг с видом человека, которому, в общем-то, нечего терять, решительно подняла глаза на волшебника. — Ладно, я вам покажу, хуже от этого никому, кроме меня, не будет. Вот, смотрите... Не бойтесь, это не заразно.

Она рывком сдернула одну из перчаток, обнажив кисть руки — маленькую, красивой формы, но неожиданно грубую и распухшую, сплошь покрытую плотными шелушащимися пятнами, красноватой сыпью и белёсыми струпьями, образующимися на месте подживающих трещин и язвочек. Саруман поднял брови... взяв руку незнакомки, повернул её к свету, разглядывая пятна, папулы и сыпь. Посмотрел на девушку — она сидела, бледная и неподвижная, будто вырезанная из дерева, только глаза её, блестящие над краем шали, выдавали её напряжение, страх, мучительное ожидание приговора... нет, от не чаянного собеседника она не ждала ни помощи, ни совета — ждала, когда он поморщится, брезгливо отстранится, выпустит её руку, чтобы она могла спрятать эту обезображенную клешню обратно, втянуть её в рукав, как под спасительный и непроницаемый крабий панцирь.

— Так! Надо полагать, — после недолгой паузы произнес Саруман, — на лице у вас то же самое?

— Да. — Девушка старалась говорить спокойно и безразлично, но голос её мало подчинялся этому желанию. — И на лице, и... в общем, на всем теле. Вот поэтому мне... и нужен волшебник.

— Зачем? Думаете, это какие-то, гм, темные чары?

— А что еще это может быть?

— Позвольте. — Тон Белого мага не терпел возражений. Он решительно поднял руку и, прежде, чем незнакомка успела испуганно отпрянуть, отогнул край шали, закрывающей её лицо. — Подвиньтесь-ка сюда, ближе к окну.

Она вздрогнула всем телом и затрепетала при его бесцеремонном прикосновении, будто испуганная лань, но Саруман не обратил на это внимания. Крепко взял девушку двумя пальцами за подбородок и повернул к свету её лицо — круглое, простенькое, с чуть вздернутым носом, обильно усыпанное красными шелушащимися пятнами, сыпью и желтоватыми струпьями. Покачал головой.

— Откуда вы приехали, милое дитя? С побережья?

— Из... из одной деревушки в устье Изена. К-как вы... догадались?

— Покрой одежды у вас характерен для тех мест. Но вообще мне поначалу показалось, что вы из северного Энедвейта.

Девушка шмыгнула носом.

— Мои отец и мать оттуда родом. Мы действительно жили в Энедвейте, прежде чем переехать к устью Изена. А причем тут... это?

— При том, что вы не коренная уроженка побережья. И давно у вас эта... хворь?

— С... с тринадцати лет.

— И проявилась она через некоторое время после переезда.

— Ну... да.

— Через какое время?

— Ну, я точно не помню... Через несколько месяцев. А какое отношение...

— У ваших родителей было что-то подобное? У ваших сестер, братьев?

Девушка судорожно глотнула.

— Н-нет. Отец вскоре погиб... его лодка перевернулась во время лова. Матушка всего на пару месяцев его пережила, умерла от лихорадки. А сестер и братьев у меня нет... Меня взяла к себе соседка. Приголубила, вырастила. Вот такую... паршивую. — Голос её вновь подозрительно дрогнул.

Саруман прикрыл глаза.

— Сколько вам лет, дитя?

— В-восемнадцать. Почти...

— И вы отважились преодолеть такой долгий и утомительный путь... сюда, от самого побережья... только из-за этого злосчастливого недуга?!

Девушка отвела взгляд.

— Мой названный брат... сын соседки... вызвался мне помочь, — тихо, едва сдерживая слезы, прошептала она. — Он... очень пособил мне в дороге. И я... я просто не знала, куда мне еще податься! К кому я только ни ходила, чего только ни делала — никакие мази, ни припарки, ни обтирания... ничего не помогает! Наш местный лекарь только разводил руками... сказал — наверно, это проклятие или порча... И я решила... накопила немного денег... Как же я могу жить... с *этим!* — Она наконец не выдержала и разрыдалась, вся дрожа, подрагивая худыми плечиками; вынула из рукава замызганный, когда-то кружевной платочек, уткнулась в него своим воспаленным, изрытым уродливыми пятнами лицом. — Вам не понять... Я — девушка, я хочу быть красивой... или хоть не хуже других... я хочу выйти замуж, иметь детей, жить счастливо!.. Но — такая страшная, безобразная, как... как жаба, как мерзкая лэшиха... кому, ну кому я нужна? Если волшебник мне не поможет, я... я, наверно, утоплюсь, или повешусь, или еще что-нибудь с собой сделаю...

Она закрыла лицо руками. Где-то во дворе вновь страдальчески скрипел колодезный ворот, громыхала железная цепь, фыркали и переступали ногами лошади, уютно квохтали куры, неуверенно подавал голос молодой сиплый петух. Девушка сидела, бледная и несчастная, опустив голову, пряча от собеседника глаза; Саруман, откинувшись на спинку лавки и скрестив руки на груди, смотрел на неё исподлобья и мрачно, едва заметно усмехаясь в бороду. Волшебник не знал, смеяться ему над её словами или плакать: он уже видел, что печаль, представляющаяся собеседнице такой неодолимой, чудовищной и неразрешимой, в общем-то, не стоит и ломаного гроша.

— Ну-ну, успокойтесь, дитя, экая вы... порывистая. Утрите-ка слезы, ну. — Он подался вперед и ободряюще коснулся её руки. — Полагаю, ваша хворь вполне излечима.

— Из... излечима? — Девушка со всхлипом перевела дух, пытаясь взять себя в руки: ей было уже неловко и стыдно за свои слезы, за неожиданную слабость, проявленную перед первым встречным, совершенно незнакомым ей человеком — лицо её, и без того усыпанное багровыми пятнами, стало совсем ярко-пунцовым, словно майская роза. — В-вы... вы правда так думаете?

— Да, потому что причина вашей хвори проста... Вы уже несколько лет живете на побережье, в рыбацкой деревушке. И все это время питаетесь, разумеется, рыбой, преимущественно морской. Которую до того, как уехать из Энедвейта, видели только пару раз в год по большим праздникам.

— И... и что?

— Вам не годится эта пища, — терпеливо, с усталым вздохом пояснил маг. — Ваше тело её не принимает... Вернее, выдает вам на неё вот такое необычное кожное проявление. А ваши переживания, сначала — по поводу потери родителей, потом по поводу самой хвори, только усугубляют положение. Вот и всё. Я удивлен, что никто из местных лекарей не сказал вам об этом раньше... впрочем, им, местным, привыкшим к морскому климату и рыбному столу, разумеется, вряд ли приходилось сталкиваться с чем-то подобным.

Девушка молчала. Смотрела на волшебника взглядом, в котором в равных долях мешались изумление и недоверие: видимо, речи Сарумана представлялись ей настолько же

невнятными и туманными, насколько и не относящимися к делу.

— Рыба? Дело — в рыбе? То есть мне... нельзя есть рыбу, по-вашему, да? И тогда *это*... эта проклятая хворь... пройдет?

— Если и не пройдет полностью, то значительно ослабнет. Но, вероятно, не сразу, через несколько месяцев.

— А как же... снадобья? Ну... отвары, мази, притирания... Мне тут посоветовали одно хорошее средство... — Она засуетилась, достала из котомки маленький глиняный горшочек с желтовато-серой, остро пахнущей мятой густой мазью. — Вот. Я купила его на ярмарке в Зеленых Холмах. Как по-вашему, оно, это средство... поможет?

— Если и не поможет, — спокойно сказал Саруман, — то, по крайней мере, и не навредит. Милое дитя, это обыкновенный гусиный жир, перетопленный с несколькими каплями вытяжки из листьев мяты... Не стоит, право, покупать на деревенских ярмарках чудодейственные эликсиры «от всех болезней». Лучше сделайте кое-что действительно стоящее прямо сейчас — отдайте первому встречному псу ту вяленую селедку, которой вы набрали себе в дорогу полную сумку. Поверьте, хуже вам уж в любом случае не будет. — Он видел, что собеседница до сих пор не слишком-то склонна верить в предложенный им — чересчур, на её взгляд, незатейливый — метод лечения, и не сумел удержаться от невесёлой усмешки. Добавил небрежно: — Впрочем, если хотите, можете все-таки дождаться возвращения Сарумана, хотя я не думаю, что он скажет вам больше того, что сказал сейчас я. А постоянный двор в Изенгарде не из дешёвых...

Откуда-то из недр хозяйственных помещений донеслись голоса и торопливые шаги — видимо, служанке удалось наконец отыскать неуловимого трактирщика. Волшебник оглянулся. Девушка, вновь забившись в угол и закутавшись в шаль, озадаченно смотрела на него. Наверно, мутные советы какого-то случайно встреченного в трактире сомнительного субъекта не внушали ей особенного доверия, и её решимость добраться до Изенгарда и выслушать весомое мнение Белого мага по-прежнему не ослабла ни на йоту.

— Спасибо, сударь. Я, конечно, постараюсь сделать так, как вы сказали, не есть рыбу, и все такое, но... Скажите, — помедлив секунду, она обеспокоенно наморщила лоб, — а это правда, что о нем говорят?

— О ком?

— О Сарумане. Что он... немного того? В общем, сумасшедший.

— Говорят, что кур доят, — сердито, себе в нос, буркнул волшебник. — Вам не приходило в голову, милая барышня, что подобные сплетни обычно распространяют завистники, бездари и вздорные болтуны?

— Не знаю, я как-то никогда об этом не задумывалась... А правда, что у него в башне живет ручной орк?

— Ручной? Да, да, правда... Совершенно ручной и домашний, вы даже сможете его погладить, если, конечно, старик вам разрешит. Кстати, вам не говорили, что старый хрыч — людоед, и при случае обожает полакомиться паштетом из наивных молодых дев?.. — Саруман поднялся и, выйдя из-за стола, коротко кивнул девушке на прощание. — Ну-с, удачи вам во всех начинаниях, дитя, мне пора.

Он шагнул навстречу трактирщику, вышедшему из неприметной дверцы в дальнем углу помещения. Рябой Вихельм был важен, необъятен и представителен; он шествовал через залу, радушно улыбаясь, неся перед собой внушительное пузо, обтянутое холщовой рубахой, бережно и аккуратно, как бочонок с дорогим вином. Дружески протянул Саруману руку.

— Ну-с, приветствую, господин чародей, с добрым утречком! Что это тебя занесло в нашу дыру в этакую рань, м-м?

— Да уж не на твои оспины любоваться, старый толстяк, — небрежно откликнулся Белый маг. — Дело у меня к тебе, Вихельм, разговор есть.

— Ну, коли дело да разговор, пойдём ко мне в камору, потолкуем, заодно завтраком угощу. — Он посторонился, пропуская волшебника вперед себя к лестнице, ведущей на второй этаж. Кивнул семенившей следом служанке: — Ну-ка, Кайла, быстренько сбегай на кухню да собери нам на стол, что Эру послал. Давай, давай, шевелись.

Кайла торопливо подалась в сторону кухни. Девушка, по-прежнему сидевшая у окна, проводила ушедших взглядом, полным изумления, смятения и замешательства.

«Господин чародей»... Она, казалось, не верила своим ушам; медленно поднялась, держась за край стола. Бесшумно, как тень, явила себя из темного угла, порывисто шагнула навстречу служанке и в волнении схватила её за рукав.

— Кайла, стой, подожди! Скажи, кто... кто это был? Этот? Старик в сером плаще?

Кайла остановилась, оглянулась на неё с досадой и недоумением. Усмехнулась уголком рта.

— Старик-то? Саруман, чародей из Изенгарда. Его тут каждая собака знает. А ты, значит, не признала, милая, а? Видно, что не местная.

Девушка неслышно охнула. Промолчала. Бессильно выпустила служанкин рукав. Осталась стоять, по-прежнему глядя вслед ушедшим — растерянная, испуганная, потрясенная, закутанная в долгополое серое платье и спрятанная под глухую полотняную шаль. Широкий плат из некрашенного холста по-прежнему закрывал её лицо почти полностью, от шеи до самых глаз — и, наверно, сейчас девушка была рада этому, как никогда.

13. Через степи на северо-восток

— М-да, — мрачно произнес Гэндальф. — Похоже, старик Фангорн слегка ошибся...

Вывел нас миль на двадцать южнее, чем я его просил.

— Ничего себе «слегка»! — пробормотал Гэдж.

— О, поверь, дружище, для Фангорна, обладающего собственными понятиями о времени и пространстве, это действительно «слегка». Ну да ладно, это не страшно... Лишний день пути, не более того.

Они сидели на опушке леса, под огромным дубом, растущим на пригорке чуть поодаль от основного лесного массива. Это было великолепное дерево: высокое, мощное, широко раскинувшее над головами путников густую шелестящую крону. Выросший на приволье, гигант разительно отличался от своих собратьев, жмущихся друг к дружке в лесной чаще и казавшихся рядом с этим могучим исполином худосочными заморышами; одинокий, гордый, величественный, не боящийся ни ветров, ни гроз, ни бурь, дуб глубоко пустил корни в жесткую степную почву и был монументален, крепок и непоколебимо уверен в себе. «Совсем, как Саруман», — невольно думалось орку.

— Н-да, ничего не скажешь, красивое дерево, — промолвил Гэндальф, неторопливо обходя дуб кругом, поводя рукой по его морщинистой, покрытой зеленоватым налётом мха бурой коре. Глухо присвистнул откуда-то с другой стороны ствола. — Посмотри-ка сюда.

Гэдж, слегка заинтригованный, подошел к волшебнику. И обнаружил на противоположной стороне дерева огромную трещину, рассекающую ствол сверху донизу, точно огромный незаживший шрам — видимо, то был давний след удара молнии. Жизнерадостной листвы на пораженной стороне дуба не имелось, и раненное дерево постариковски бессильно простирало к небу сухие и серые, лишённые зелени омертвелые сучья. На внутренней, черной, словно опаленной огнем поверхности дупла деловито трудились жуки-древоточцы, внизу натекла темная, пахнувшая гнилью лужа — скорбный след последнего проливного дождя; у подножия ствола громоздился каскад твердых, как камень, разбухших от сытости грибов-паразитов.

— М-да. В том-то, видимо, и заключается обратная сторона независимости, свободы и гордого одиночества, — помолчав, заметил маг. — Приходится время от времени испытывать на себе самую сокрушительную мощь ветров, гроз и прочих жизненных бурь.

— Ты это к чему? — не понял Гэдж. — К тому, что не стоит выделяться из толпы, чтобы не навлекать на себя громов и молний, так, что ли?

— Ну, это я к тому, что в группу деревьев, стоящих тесно, кучно, сплоченно и дружно, молния никогда не ударит.

— Так то оно так... Но с чего ты взял, что именно *дружно*? — Гэдж невольно оглянулся в сторону леса. — Тесно и кучно — это без сомнения... в духоте и темноте... душа́ и давя друг друга за каждый лишний клочок почвы, каплю воды и лучик солнца.

Гэндальф сосредоточенно выбирал с подола плаща колючие шарики цепкого полевого репья.

— Ну почему же сразу «душа́ и давя»? Какое-то у тебя орочье мышление, друг мой...

— А каким оно должно быть, эльфийским? Сам же видишь — у них там, в сплоченной дружественной общине, житуха что-то не очень... Прозябаешь всю жизнь в унылой серой толпе, гнобишь изо всех сил соседа, завидуешь тому, кто повыше и посильнее, и думаешь,

что так оно всё и полагается. А стоит тебе лишь чуть-чуть отдалиться от других, вырваться из общего гурта и широко раскинуться на приволье, как тут же явится всеблагой Эру и огреет тебя молнией по затылку... чтоб ты особо-то из своей дремучей чащобы и не высывался.

— Экий ты философ... Что ж, за свободу и независимость всегда приходится дорого платить. И порой навлекать на себя громы небесные. А даже самый сильный и уверенный в себе человек не всегда безупречен и неуязвим, и после, гм, удара молнии может ненароком... загнить изнутри.

— Пусть так. Но это дерево не мертво, Гэндальф. Оно не упало и не превратилось в трухлявый пень! Пусть ему довелось подпасть под удар стихии — но этот дуб выстоял, он не сдался, он по-прежнему могуч и зелен, пусть и покрыт ранами и старыми шрамами...

Волшебник ласково похлопал исполина по крепкой бурой коре.

— Ну что ж, пожелаем ему удачи в его нелегкой борьбе с ранами, старыми шрамами и, гм... внутренней гнильцой. Вижу, ты достойный ученик своего учителя, Гэдж.

— Почему?

— Ты пересказываешь его образ мыслей, друг мой.

— И что в этом плохого? — помолчав, спросил орк.

Гэндальф сделал вид, будто не расслышал.

* * *

Когда дневная жара немного спала, они пустились в дальнейший путь.

Перед ними расстилалась безбрежная пустынная равнина, поросшая высокой, по пояс, высушенной солнцем колючей травой. Зеленые роханские поля внезапно оказались не очень-то и зелеными... Благословенная сень леса осталась далеко позади — и степь медленно плавилась под беспощадными лучами солнца, подобно оставленному в раскаленной печи сыру. Гэндальф, приминая траву, бодро шагал впереди, помахивая посохом, и в его заплечном мешке мягко побрякивали деревянные игрушки, которых за время пути через Фангорн набралось поболее дюжины. Гэдж, взмокший с головы до пят, тащился следом за магом, несчастный и изнывающий от жары — он вскоре скинул куртку, оставшись в одной холщовой рубахе, но это не спасало от убийственного зноя — солнце, хоть и клонившееся к краю земли, по-прежнему палило нещадно, словно намеревалось в оставшиеся до захода часы выжечь весь мир до последней былинки. Гэдж никогда не любил солнца, а сейчас оно и вовсе казалось ему смертоносным и ненавистным творением какого-то злобного черного колдуна... Даже иногда налетавший с дальних холмов ветерок не являл собой спасения от зноя и удушающей духоты — он был сухой и горячий и неизменно нес с собой песок, пыль и прихваченную где-то соломенную труху. И конца краю этому блужданию по унылому бездорожью, кочковатой равнине и колючей, хватающей за ноги цепкой траве в ближайшие часы не было и не предвиделось.

— Ничего, вскоре выйдем на дорогу, там будет полегче, — сказал Гэндальф, видимо, заметив измученный вид спутника. — Там должны быть колодцы...

Колодцы! Гэдж только сейчас вдруг (с ужасом!) понял, что фляга с водой, которую он предусмотрительно наполнил из родника на опушке Фангорна, действительно пуста уже больше чем наполовину.

Ну и куда я здесь могу сбежать? — тоскливо подумал он. Здесь — в этой безграничной, выжженной солнцем степи, где мне не известно расположение ни дорог, ни деревень, ни

колодцев, ни водоемов... Да и есть ли они тут вообще, эти несчастные водоемы? В этих поганных иссохших полях можно заплутать хуже, чем в лесу... и блуждать днями и ночами, продираясь сквозь заросли бурьяна, собирая на себя гроссы колючек, отмахиваясь от назойливой мошкеры и сбивая ноги о припрятанные в траве камни, и наконец бесславно помереть где-нибудь в овраге от изнеможения и жажды — и никто никогда даже не найдет мой высохший труп, кроме разве что пронырливых степных волков...

— О как! — сказал Гэндальф.

Они поднялись на длинный пологий косогор. Равнина по-прежнему безжалостно тянулась за край земли, к невысоким холмам, видневшимся на востоке — но над этим далеким взгорьем висела темная и мутная сизая дымка. В лицо дохнуло свежим ветерком — и Гэдж жадно глотнул благословенный прохладный воздух не только легкими, но прямо-таки всем телом, раскалившимся к этому моменту до температуры плавления.

Волшебник, приложив ладонь ко лбу, смотрел на висевшую в небе дымку с некоторой тревогой.

— Вон те дальние холмы — это Волд. С северо-запада он ограничен Каменистой грядой. Но, леший возьми, к вечеру, кажется, соберется нешуточный дождь...

— Тогда понятно, почему сейчас так жарит, — пробормотал Гэдж.

— Хорошо бы до ночи найти крышу над головой... да и провизия у нас уже подходит к концу, надо бы где-нибудь прикупить свежей.

— Нам придется зайти в какую-нибудь деревеньку?

— Да. Места здесь, конечно, не такие густонаселенные, как в южном Рохане, но все же кое-какой народ встречается... Видишь вон ту купу деревьев чуть в отдалении?

— До неё миль пять...

— Все десять — расстояния в степи обманчивы. Там селение, рощица и небольшой прудик. Надо спуститься с холма, внизу должен быть большак...

Большак тянулся с юга на север — из Альдбурга к устью реки Лимлайт. Над дорогой, покрытой слоем песка и потрескавшейся грязи, в которой навек окаменели отпечатки лошадиных копыт, висела кисея медленно оседающей пыли, да ветерок гонял туда-сюда огромные неряшливые шары перекасти-поля. По обочинам густо рос мелкий степной подорожник, вызывающе свежий и зеленый в этом свирепом засилье желтой жухлой травы. Идти по большаку оказалось не в пример легче, нежели по зарослям полыни и ковыля, к тому же вскоре путники набрали наколодец, возле которого наконец смогли освежиться, умыться пропитанные потом и пылью лицо и руки и наполнить водой опустевшие фляги. Воздух по-прежнему был неподвижен и раскален, точно в огромной, дышащей жаром печи, но дымка, копившаяся на восточными холмами, стала заметно чернее и ближе. Кое-где небо пропарывали белые беззвучные всполохи далеких зарниц.

— Надо поторопиться, — пробормотал Гэндальф, утирая рукавом пот со лба.

До селения, спрятанного под сенью небольшой рощицы, оставалось, наверное, около двух миль. По обочинам начали встречаться следы кое-какой разумной деятельности: вытопанные скотиной и лошадьми проплешины на лугах, участки выкошенной травы, возвышавшиеся там и сям невысокие стога, подсыхающие в пыли коровьи лепешки. Буйное луговое разнотравье по сторонам дороги сменилось неширокими полосами возделанной земли, где росли кукуруза, овес, ячмень и люцерна. Наделы были огорожены от посягательств скотины простенькими изгородями из неошкуранных жердей.

— Накинь капюшон, — вдруг быстро сказал Гэндальф Гэджу. Это была не просьба —

приказ...

Орк, и без того смертно изнемогающий от жары, поспешно натянул куртку, накинул на голову глубокий капюшон, спрятался под ним, как черепаха под панцирем. Оглянулся: с межи на дорогу выкатилась колымага, груженная сеном и запряженная парой ленивых флегматичных волов. Возница добродушно окликнул путников:

— Хэй, люди перехожие, вы куда, не в Утиную Гузку направляетесь? Садитесь, подвезу.

— Благодарю, добрый человек, — смиренно откликнулся Гэндальф. Он не заставил себя упрашивать — положил посох в телегу и живо взобрался на козлы рядом с возчиком. Гэдж вспрыгнул на задок, повернувшись к спутникам спиной, поудобнее устроился на свежем сене, возвышавшемся в телеге золотистой душистой горкой, свесил с бортика усталые ноги. Они тотчас заныли и загудели, будто тяжелые болванки, налитые свинцом.

Возница крякнул, хлестнул волов кнутом, и колымага, дребезжа, неторопливо покатила дальше. Дорога потянулась назад длинным и серым нескончаемым полотном.

— Вы откуда, люди перехожие? — Скучающему вознице, видимо, хотелось поговорить, узнать из первых уст самые распоследние любопытные новости. — Из Эдораса али из Альдбурга?

— Из Альдбурга, — помолчав, неохотно отозвался Гэндальф: в отличие от словоохотливого возчика, маг к разговорам был явно не расположен. — На Каменистую грядку топаем.

Возчик вздохнул.

— Не дойдете сегодня, дождем накроет... Ну, как дела там у вас в Альдбурге, что новенького из столицы слышно? На севере-то, говорят, беспокойно...

— Беспокойно? — переспросил Гэндальф.

— Да. Орки, бают, откуда-то объявились, чтоб их! Аккурат вдоль реки Лимлайт...

Колесо наскочило на кочку, телега подпрыгнула, и Гэдж вместе с ней подпрыгнул тоже... Орки! Где-то здесь, совсем рядом!

— Странно... — Гэндальф сидел, обхватив плечи руками, задумчиво глядя на дорогу. — Орки? Откуда бы им тут взяться? А что за орки-то? Может, гоблины пещерные с Туманных гор?

Возчик хмыкнул.

— Да какие гоблины, уруки самые настоящие — высокие, здоровенные! Говорят, две деревни уже пожгли... Я сам-то не видел, то от беженцев, которые в форт на Каменистой гряде явились, слушок ползет. Астахар, тамошний воевода, взгоношился, разослал окрест гонцов с наказом: населению бдительность неукоснительно проявлять, после захода солнца в степь не выходить да по дорогам в одиночку не передвигаться. За каждого пойманного шпиона или прочую подозрительную личность в крепостице обещались две золотых монеты платить. Вон оно как! Прямо разбогатеть можно! — Он хрипло хохотнул. — Только где ж их взять-то, подозрительных личностей да шпионов, на них же не обозначено, что они — шпионы.

— Да уж, — пробормотал Гэндальф. — Не обозначено...

— Астахар еще обещался в каждую деревню охрану поставить, по полдюжины дружинников, да что-то пока ни охраны не видать, ни орков, ни шпионов, разрази их всех коромысло... Ну, — возница натянул поводья, — мне туточки сворачивать пора, а вам до Утиной Гузки — прямо. Трактир там есть, «Хвост вепря» зовётся, трактирщик — плут и сквалыга, но за небольшую мзду переночевать пустит... Ну, добре!

Потемнело.

Туча из-за восточных холмов надвигалась страшно и неумолимо, точно вражеское войско, угрожающе погромыхивала и посверкивала всполохами молний. Небо вдали приобрело тусклый белёсо-гнойный оттенок и сливалось с землей в серую и невнятную, размазанную по пределу видимости тень. К счастью, селение было уже недалеко... Вокруг небольшого пруда бессистемно лепились полсотни простых саманных домиков, крытых соломой и обнесенных изгородями из неошкуранных жердей. Между домами бродили куры, гуси и облезлые неприкаянные псы, играли в пыли чумазые, голопузые дети. Какой-то малыш лет полутора-двух горестно ревел возле ворот ближайшего дома, его успокаивала «нянька», которая была едва ли годков на пять старше:

— Ну, хватит реветь! Все еще болит? Вот, приложи, — она послунявила сорванный тут же лист подорожника и ловко прилепила его малышу на ссадину на коленке.

Мальчишка заревел еще громче и горше, жалобно раззявив дрожащий ротик и размазывая кулаками слезы по несчастному замурзанному личику. Гэндальф, проходя мимо, на секунду остановился.

— В чем дело, малыш? Боевая рана? — серьезно спросил он. — Не реви, раны имеют свойство заживать. А боль уйдёт... — Он положил руку мальчишке на вихрастый затылок и провел ладонью по его светлым взъерошенным волосам — раз, и другой. Потом вздохнул, порылся в своей котомке, достал одну из игрушек — птичку-свистульку — и вложил её в грязную ладошку малыша. — Вот, возьми, надеюсь, тебя это утешит.

Мальчишка всхлипнул. Кажется, он был слишком удивлён, чтобы продолжать плакать; сосредоточенно рассмотрел игрушку, лежащую на его ладони, шмыгнув носом, потом всунул птичку в рот и деловито попробовал на зуб. «Нянька» смотрела на Гэндальфа подозрительно и озадаченно, почесывая пальцем облупленный, обгоревший на солнце конопатый нос.

— Деда, а вы кто? Дед-полевик?

— Просто... прохожий, — волшебник многозначительно ей подмигнул. — Который терпеть не может, когда дети плачут... от боли. Идем, — быстро сказал он Гэджу...

И в самом деле, следовало торопиться — гроза приближалась, и духота, стоящая над притихшей землей, приобрела какую-то особенно ватную и липкую тяжесть. Посреди улицы, вывалив язык, сидел огромный лохматый пёс, где-то протяжно и уныло взреывал годовалый бычок, и, предчувствуя непогоду, тонко ржали в загонах испуганные лошади.

— Возчик говорил, что где-то здесь должен найтись этот самый... «Хвост вепря», — с некоторым сомнением, оглядываясь, произнес Гэдж. — Интересно, где?

— Сейчас узнаем, — задумчиво отозвался Гэндальф. Он небрежно окликнул мужика, который сидел на плоском камне под ближайшим плетнем и ковырял в зубах заостренной щепкой:

— Не подскажете, почтенный, где тут можно найти трактир?

Мужичок смерил волшебника брезгливым взглядом и кивком указал куда-то в конец улицы, после чего вернулся к раскопкам в дупле коренного зуба, явно надеясь отыскать там богатые залежи чего-нибудь исключительно ценного — возможно, даже мифрила.

Поднялся ветер. Яростным порывом промчался между домами, гоня перед собой плотный клуб пыли, сорвал сохнущую на веревке рубаху и умчал её куда-то в кругосветное

путешествии, захлопал незапертыми калитками и заскрипел флюгерами. Улица опустела. В воздухе заметно похолодало, запахло дождем — крепкой и едкой пронзительной сыростью. Вывеска над входом в трактир «Хвост вепря» дрожала и раскачивалась от заигрываний забияки-ветра, на все лады издавая жуткие хрипы, повизгивания и стоны.

— Когда войдем внутрь, не вздумай снять капюшон, — прежде, чем открыть тяжелую дубовую дверь, сказал волшебник орку. — Сядь куда-нибудь в уголок и жди меня, я пока потолкую с хозяевами о еде и ночлеге.

Гэдж не спорил.

Они едва успели войти в тесную и мрачную, плохо освещенную залу трактира, как хляби небесные, долго копившие силушку, наконец разверзлись, и капли дождя гулко застучали по крыше, сначала — редко и дробно, потом — все сильнее, быстрее, чаще; гром свободно раскатывался над селением туда и сюда, точно груда камней в железной бочке. Но в трактире было тепло, сухо и душно; в воздухе висел густой кухонный чад, под низким потолком слоились ароматы кислой капусты, кислого вина, кислой отрыжки и еще чего-то неопознанного, но не менее омерзительно-кислого. От этого плотного ядреного духа, безжалостно наполнявшего помещение, першило в горле и щипало в глазах. Орк, как ему и было велено, нырнул в укромный уголок за крайнюю лавку; несколько парней, сидевших над кружками сидра в дальнем углу помещения, обернулись и смерили его и Гэндальфа равнодушными взглядами.

На какое-то мгновение Гэджу стало знобко и неуютно, он почувствовал себя не в своей тарелке — все здесь было каким-то чужим, незнакомым, неприветливым, равнодушным. Грязные столы, низкие закопченные своды, подвешенное под потолком вместо светильника деревянное колесо, безучастные физиономии незнакомых людей с загорелой кожей и волосами цвета спелой пшеницы... Заводилой в веселой компании был жилистый парень со шрамом на щеке: бранясь и горячась, он азартно доказывал всем и каждому, что сумеет з́араз выпить бутылку сидра, не прикасаясь к ней руками. И правда: под одобрительно-подбадривающие возгласы приятелей он зажал горлышко бутылки зубами и, быстрым умелым движением опрокинув её над головой, сноровисто выхлебал до дна долгими мерными глотками. После чего, осыпаясь поздравлениями и сальными шутками, ещё успел сгрести в карман несколько выигранных грошей — но тут же ноги его заплелись в узел, глаза разъехались в стороны, и под дружный хохот собутыльников он совершеннейшим мешком повалился под стол, где и удовлетворенно, раскатисто, с присвистом захрапел.

Гэндальф, к счастью, вскоре вернулся, поставил на стол две больших кружки с пивом. Бросил на лавку свой плащ и заплечную котомку, снял шляпу и устало плюхнулся на скамью.

— Комнаты для постояльцев хозяева не сдают, но в виде исключения отыщут для нас какой-нибудь тихий уголок. Ну, устроимся как-нибудь... хорошо, что не придется спать во дворе под открытым небом. Впрочем, есть новости и получше — тут подают дивные тыквенные пироги всего по пол-грошика за фунт... Неплохо, а?

Гэдж, мучимый жаждой, жадно глотал принесенное магом горькое пойло, которое оказалось вовсе не пивом, а травяным элем, отчетливо папахивающим полынью. Орку казалось, что пироги с тыквой — не та вещь, которой следует очень уж радоваться, но он счел за лучшее промолчать. О местных ценах на провизию в целом и на тыквенные пироги в частности орк имел довольно смутное представление.

— У меня есть деньги, — он поспешно сунул руку в сумку, нащупывая там мягкий кожаный бок кошелька с несколькими медными монетами, которые Гэджу удалось заработать

еще в Изенгарде, таская воду для госпожи Норвет.

— Не нужно. — Волшебник бросил в рот дольку высушенного яблока. — Сегодня угощение за мной, лады?

— Но... я не хочу быть для тебя... в тягость. И вообще...

Гэндальф поморщился.

— Не переживай, найдем мы применение твоим грошам. Нам же еще надо купить провизию... Впрочем, завтра, я надеюсь, представится возможность малость подзаработать.

«Каким образом?» — хотел спросить Гэдж, но тут явился трактирщик с подносом, на котором стояли две плоски с постной луковой похлебкой и тарелка с ломтями тыквенного пирога.

— Благодарствую, хозяин. — Гэндальф широко улыбался — не то трактирщику, не то пирогу.

— На здоровье, люди добрые! — Трактирщик был лыс, как коленка, но зато усы у него оказались примечательные — густые, длинные и вислые, точно у моржа. — Далече направляетесь?

— В крепостицу на Каменистой гряде, — сдержанно отозвался волшебник.

— Правда? — Трактирщик подозрительно пошевелил моржовыми усами. — А вас там ждут?

— Воевода Астахар — мой давний товарищ, — небрежно заметил Гэндальф. — Друг детства, знаете ли.

— Вон оно как... — Трактирщик заметно поскущел. Упоминание о «друге детства» воеводе Астахаре явно удержало его от дальнейших расспросов. Посмотрел в залитое дождем окно. — Погодка-то нынче какая, а?

— Не располагает к прогулкам, н-да. Так мы с парнишкой переночуем где-нибудь в укромном уголке, господин Мерт?

— Конечно, конечно. — Трактирщик внимательно посмотрел на Гэджа, который, допивая пиво, запрокинул голову; капюшон упал с головы орка и, прежде, чем Гэдж успел накинуть его снова, пронырливый Мерт, надо полагать, успел великолепно разглядеть его темную кожу, черные волосы и своеобразные черты лица. — Примечательный, однако, у вас парнишка, почтенный.

Гэдж обомлел. Закашлялся — проклятый эль встал ему поперек горла.

Гэндальф непринужденно закинул ногу на ногу. Лениво опустил руку в карман.

— Да, он... мой слуга. И я, знаете ли, его ценю, — сказал он спокойно. — Так что, любезный Мерт, мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь ненароком узнал о том, что он такой... особенный. Я надеюсь, вы понимаете? — И Гэдж, к стыду своему, заметил, как волшебник быстро всунул в ладонь трактирщика серебряную монету.

— Ну разумеется, господин. — С загадочной ухмылкой на устах Мерт поклонился. — Можете быть спокойны, никто ничего не проведает... от меня, по крайней мере. Но все же я советовал бы вам впредь быть поосторожнее, с вашим-то... слугой. Или вы не слышали, какие вести нынче приходят с севера? Всякое, знаете ли, может случиться... — Он обеспокоенно покачал головой и, бросив на Гэджа еще один быстрый, какой-то до неприятности липкий взгляд, наконец ретировался.

Гэдж с облегчением перевел дух.

— Т-ты... дал ему денег, ч-чтобы он молчал обо мне! — сказал он волшебнику, слегка запинаясь: эль, дрянной и вонючий, оказался на удивление крепким и ударил ему в

голову. — Это так п-противно...

— Да и леший бы с ним! — пробормотал Гэндальф. Он проводил трактирщика мрачным задумчивым взглядом. — Не нравится мне его ухмылка... Ну да ладно, делать нечего, не пойдешь же теперь ночевать на улице под дождем. Будем надеяться, что в действительности этот хлыщ куда более честный и порядочный человек, чем заставляет о себе думать... Ладно, давай поужинаем — и на боковую.

* * *

Для ночлега им отвели каморку под самой крышей, крохотную, как чулан, наполненную терпким запахом сухих трав, пучками висевших под потолочными балками. Шуршала где-то под ворохом грязного тряпья мышь, пиликал сверчок в трещине печной трубы, гром еще временами погромыхивал над селением, но уже как-то лениво и вяло, без прежнего азарта. Крохотное оконце было залито струями воды. Дождь гулко и сильно стучался по деревянному карнизу — будто кто-то беспрерывно бросал в окошко горсти пшена — и, засыпая на брошенном на пол соломенном тюфяке, Гэдж слышал этот бесконечный умиротворяющий стук...

Утром его разбудил Гэндальф.

— Мне нужно уйти, — сказал он орку. — Ненадолго. Когда я выйду, запри дверь на засов и никому не открывай, понял? В разговоры тоже не вступай. Я постараюсь обернуться как можно быстрее.

Гэдж кивнул.

Волшебник ушел. Орк запер за ним дверь, потом еще некоторое время лежал в полудреме на соломенном тюфяке, затем поднялся, умылся над деревянной лоханью, позавтракал куском овсяной лепешки, которую Гэндальф принес утром из трактира. Выглянул в окно...

Гроза давно закончилась, оставив напоминание о себе в виде луж на дворе, и сейчас в крохотное чердачное окошко лились золотистые солнечные лучи. Снизу, из трактирной залы, смутно доносились чьи-то шаги, голоса, скрип половиц; во дворе топотали лошади и скрипели несмазанные колеса; прямо под окном кто-то хрипло ругался. На карниз взобрался тощий помойный кот, уставился на орка желтыми пронзительными глазами. Где-то мычала корова, квохтали куры, гоготали гуси, кругом царила мирная деревенская благодать, время тянулось медленно и уныло, и Гэдж уже начал подумывать, не попытаться ли через чердачное окно выбраться на крышу и окинуть взглядом окрестности...

Кто-то громко, резко постучал в дверь.

Гэдж вздрогнул.

— Эй, парень!

Орк сжался. Это был не Гэндальф. Голос оказался молодой, бойкий, напористый. Незнакомый.

— Эй, парень! Открой! Я знаю, ты здесь. Тебе весточка от твоего старика.

Гэдж молчал, верный обещанию «не вступать ни в какие разговоры». Но сердце его испуганно сжалось, затрепетало, подпрыгнуло к горлу. Весточка? От Гэндальфа? С ним что-то случилось? Или... что? Что вообще происходит?

— Ты слышишь? — настойчиво спросил голос. — Открой засов. Твой старик тебе записку прислал, просил меня передать.

Записку? Гэдж замер. Он растерялся, совершенно не представляя, что сейчас делать. Открывать дверь? Не открывать? Существует ли она в реальности, эта загадочная записка — или стоит послушаться Гэндальфа и сидеть тихо? Но волшебника и впрямь нет уже пару часов... Где он мог так надолго запропасться? Что, если и с ним и в самом деле что-то произошло?

— Просуньте записку под дверь, — сказал Гэдж. И сам не услышал собственных слов.

— Просунул бы, да порог мешает, — с досадой отозвался голос. — Открывай, не бойся... Старик бы твой сам пришел, да не может. Ногу повредил.

— Что? Какую ногу?

— А тебе не все равно, какую? Левую. Телегой его придавило.

Телегой? Гэндальфа? Волшебник не казался орку человеком, которого может вот так запросто придавить телегой, хотя... чем леший не шутит? Орк глотнул. Что, если это — правда?

— Ладно, — сердито сказал голос за дверью. — Не хочешь открывать — ну и пёс с тобой! Пусть твой старик сам как-нибудь до трактира ковыляет, раз помощников ему не видать. Так ему и скажу...

Послышались удаляющиеся шаги.

— Стойте! — хрипло сказал Гэдж. Что, если Гэндальф действительно попал в беду и ни на кого, кроме спутника, ему теперь рассчитывать не приходится? Но тогда...

Воин Анориэль не стал бы колебаться, леший возьми!

Орк решительно подскочил к порогу, снял засов и распахнул дверь.

— Стойте! Я...

На мгновение он увидел перед собой физиономию парня со шрамом — того удалого молодца, который прошлым вечером потешал публику завидным умением управляться с бутылкой. За его спиной маячили еще какие-то смутные силуэты — двое или трое...

Гэдж не успел разглядеть.

В следующую секунду его грубо втокнули обратно в комнату, а на голову с размаху опустили нечто увесистое и угловатое — и в сознании орка, отрезая его от внешнего мира, наглухо захлопнулась черная и тяжелая железная дверь.

* * *

Он очнулся и несколько секунд не мог понять, где он и что произошло — все случившееся просто не укладывалось у него в голове — потом вспомнил... и разом покрылся холодным потом. Страх пришел немедленно — липкий, дикий, какой-то звериный, поднялся из глубин его души, как со дна прозрачного водоема поднимается густая, взбаламученная камнем серая муть...

Он был с головой завернут в серую, душную, пыльную мешковину, пахнущую теплой прелой землей. Рот его раздирала деревянная распорка-кляп, руки и ноги были крепко и безжалостно связаны. Он лежал на чем-то твердом и плоском — на дне телеги? — засыпанный ворохом пустых мешков, умело связанный, упакованный, как курица, предназначенная для продажи, и телега эта куда-то ехала: орк слышал пофыркивание лошади, стук копыт, грохот колес, телега то и дело сотрясалась на дорожных ухабах и тяжело переваливалась через неровности почвы. Куда его везут? Зачем? С какой целью? Гэдж застонал от ужаса, от неизвестности, от бессилия и унижения... Болван, тупица,

стоеросовый дурень! Надо же было так глупо, совершенно по-детски попасться на удочку...

— Смотри, заскулил, — сказал над головой Гэджа знакомый голос — голос детины со шрамом. Что-то очень больно — заостренная палка? — ткнулось орку в бок. — Прочухался, видать.

Ему ответил другой голос — сиплый, то и дело срывающийся на хрип, точно простуженный:

— Сколько еще осталось?

— До Каменистой гряды? Миль пять...

— Что-то Кабана не видно.

— У крепости встретимся.

— Не хотелось бы упустить старика...

— Да леший с ним. Главное — мальчишка. Поганный орк...

Гэдж лежал ни жив ни мертв. Куда его везут? Что собираются с ним делать? О каком «старике» они говорят — неужто о Гэндальфе, и почему его «не хотелось бы упустить»? Орк задыхался под пыльной грудой мешков, его левый бок онемел от долгой мучительной неподвижности, руки и ноги нестерпимо болели, но ни пошевелинуться, ни изменить положение тела, ни даже закричать он не мог. Солнце, поднявшееся над горизонтом уже довольно высоко, неторопливо запекало его под слоем плотной грязной мешковины. Мерно поскрипывала, покачиваясь, расхлябанная телега, время от времени протяжно вздыхала лошадь. Шрам и Хрипатый вяло перебрасывались словами, бранили за скупость какого-то неведомого Гэджу Будхара, однообразно ругали и жаркий, тяжелый день, и где-то без вести запропавшего громилу Кабана — и Гэджу ничего не оставалось, как только с тоской, со все возрастающим чувством отчаяния и ужаса прислушиваться к их ленивой бессодержательной болтовне. Вот тебе и влип в Приключение! — с горечью, чувствуя на лице какую-то влагу (не то пот, не то слезы, струившиеся по щекам), говорил он себе. Разве, бегая вверх-вниз по ортханским лестницам и рубя деревянным мечом головы воображаемых врагов, как капустные кочаны, ты не об этом мечтал? Не о том, чтобы испытать себя, проявить храбрость и силу, оказаться в опасности, непременно в смертельной? Да, но ведь не в качестве тупоумной жертвы... Он-то привык считать себя победителем и героем, бесстрашным воином Анориэлем... Дурак!.. Изо всех сил напрягая мускулы, он попытался как-то растянуть, ослабить путы, но куда там — тот, кто его связывал, явно был докой в своем деле, и самому себе Гэдж представлялся уже не воином и не героем... Он был жалким трофеем, беспомощным, не принадлежащим себе бараном, бессловесным куском мяса, которого неспешно и равнодушно влекут на убой. Неожиданно — орк вздрогнул — острая палка вновь вонзилась ему в бок.

— Тихо, парень! — сквозь зубы сказал Шрам. — Лежи и не рыпайся, не то шкуру-то тебе попорчу. Вот будет досада...

Хрипатый перебил:

— Глянь, Шрам. Кто-то скачет. Там, позади.

— А! Наверно, Кабан?

— Отсюда не разглядеть...

На некоторое время воцарилась тишина — должно быть, разбойники всматривались в приближающегося всадника; вскоре Гэдж расслышал топот копыт — лошадь мчалась галопом. Неожиданно Шрам длинно, как-то очень сочно и заковыристо выругался.

— А, леший! — просипел Хрипатый. — Ты гляди, а!

— Проклятие! Только этого не хватало! Ладно, пусть подъедет поближе.

Что-то навалилось на Гэджа сверху, придавило его ко дну телеги — видно, Шрам плюхнулся на орка, точно тот и впрямь был мешком с соломой. Хуже того: Гэдж почувствовал, как что-то острое — и на этот раз определенно не палка — кольнуло его под ребра.

— Лежи тихо! — злобно прошипел Шрам, и в голосе его, тихом и яростном, был лязг захлопнувшегося капкана. — Вздумаешь дернуться или голос подать — прирежу, как кролика.

Приближающийся стук копыт бешено нарастал.

— Стойте! — раздался окрик.

Гэдж едва не зарыдал от счастья — это был голос Гэндальфа!

— Ну-ка остановитесь! — потребовал волшебник. Судя по топоту копыт, он объехал разбойничий экипаж спереди и взял испуганно всхрапнувшую лошадь под уздцы. Телега остановилась.

— Чего тебе надо, дед? — недружелюбно спросил Хрипатый. — По какому праву останавливаешь на дороге добрых благонравных крестьян, тихо-мирно едущих на дальние выселки? Староват ты для того, чтобы на тракте разбойничать, тебе уж поди могильные черви с погоста приветы шлют.

— Это куда же держат путь добрые благонравные крестьяне, на какие-такие дальние выселки? — небрежно и невозмутимо поинтересовался Гэндальф. — Уж не в крепость ли на Каменистой гряде, к господину Астахару, за обещанным вознаграждением в пару золотых монет? Как мило! Возьмете меня в долю, а? Вместо вашего толстомордого дружка, который, сдается мне, уже выбыл из игры.

Возникла пауза. Гэдж представил себе, как Шрам и Хрипатый настороженно переглядываются, пытаются согласовать дальнейшие действия. Орк изо всех сил ломал голову над тем, как дать волшебнику о себе знать, но не смел даже пошевелинуться — острый нож Шрама по-прежнему упирался прямым концом в его печень.

— Где мальчишка? — отрывисто спросил Гэндальф, и резкий вопрос прозвучал хлестко, словно удар бича. — Ну-ка слезай с телеги. — Это, по-видимому, было адресовано Шраму.

— Шёл бы ты... своей дорогой, дедуля, — сквозь зубы посоветовал тот. — Ты нас не знаешь, и мы тебя не видели... равно как и твоего мальчишку, понял? Мы едем по своим делам, никого не трогаем, с орками не якшаемся... в отличие от некоторых. Вот и разойдемся по-хорошему, ладненько?

— Непременно. Только без своего мальчишки я отсюда не уйду. — И Гэдж мог бы поклясться, что услышал легкий серебристый звон клинка, покидающего ножны.

— Но-но, — предостерегающе произнес Шрам. — Убери-ка железку, старый... Не ты один горазд по пьяни мечом махать.

— Слезай с телеги! — велел Гэндальф. — Живо!

И тут что-то произошло. Кто-то — Хрипатый? — издал горлом злобный, какой-то позвериному хищный рык. Раздался короткий, стремительный лязг скрестившегося оружия. Телега качнулась. Острие ножа, царапавшее орку бок, исчезло, равно как и тяжесть, придавливавшая его к доскам настила — Шрам вскочил. Испуганно, пронзительно заржала лошадь и шарахнулась в сторону. Что-то шумно грянулось рядом с телегой. Кто-то очень громко, отчетливо произнёс: «Ой!».

— А-а-а! — завопил вдруг Хрипатый; Гэдж никогда и представить не мог, что у него может оказаться такой визгливый, пронзительный и отвратительный голос. — Убивают! Люди добрые! Что же это творится! Грабеж и разбой! Среди бела дня! Убивают!

Вновь зазвенело оружие. Кто-то тоненько испуганно завыл, захрипел, затопал, затрещали какие-то кусты...

И стало светло.

Гэндальф сорвал с орка закрывавшую его с головой груду мешковины, перерезал верёвки, поддев их острием меча, и Гэдж наконец-то сумел вздохнуть, шевельнуться, выплунуть изо рта опостылевший кляп. Волшебник сидел верхом на неоседланной кобыле, держа в одной руке посох, а в другой — длинный, поблескивающий на солнце меч; ни Шрама, ни Хрипатого поблизости видно не было.

— Ты жив? Цел? В порядке? — Гэндальф окинул орка с головы до ног быстрым испытующим взглядом. — Садись на лошадь за моей спиной, и поехали!

— П-погоди. — Внезапно вырванный из душной пыльной темноты на солнечный свет, Гэдж с трудом осознавал, что происходит вокруг; его мутило, руки и ноги, затекшие до окаменелости, дрожали и не слушались, голова шла кругом. — Моя сумка...

— Она у меня. Едем, едем! Живее!

С трудом принуждая к повиновению онемевшее тело, Гэдж кое-как поднялся на ноги. Гэндальф помог ему перебраться через борт телеги и уместиться на голой, скользкой, неудобной лошадиной спине. Орку совершенно не приходилось раньше ездить верхом, тем более без седла — и он, собственно, еще раз убедился в том, что не многое потерял: вцепившись в пояс волшебника, он болтался за спиной Гэндальфа, как куль с отрубями, сосредоточив все свои усилия на том, чтобы не упасть — волшебник гнал несчастную кобылу галопом. Ноги Гэджа безвольно болтались, не находя опоры, лошадиная спина ходила ходуном, пыльная дорога стремительно уносилась назад; наконец, когда, казалось орку, он вот-вот, обессилев, соскользнет с потного крупа прямо под копыта обезумевшей кобылы, они остановились — достигнув небольшой рощицы на склоне невысокого холма. Волшебник легко спрыгнул на землю, и Гэдж, весь покрытый потом и пылью, свалился с лошади следом за ним; все его внутренности, казалось орку, перемешались в животе подобно хорошо взбитому гоголь-моголю, и он едва мог ходить — боль в ногах и спине при каждом шаге так и гнула его в бараний рог.

— Всё, — сказал Гэндальф, — дальше не поедем. Думаю, погони за нами не будет...

— Погони? — Гэдж с трудом переводил дух. — За нами?

— Полагаю, наши бойкие друзья намеревались и меня заодно сдать в руки Астахара как «подозрительную личность». Подослали ко мне какого-то мордворота...

Гэдж сидел на земле, обхватив голову руками, отчаянно пытаюсь прийти в себя.

— Что... что произошло? — Впрочем, он даже не особенно нуждался в ответе. — Это... трактирщик Мерт... разболтал им о том, что я — орк?

— Он самый. — Гэндальф ласково поглаживал по шее взмыленную кобылу. — Впрочем, он... очень искренне признал свою ошибку, когда я полчаса назад явился к нему за разъяснениями.

— Могу себе представить, — пробормотал Гэдж. В душе его было гадко, как в грязной плевательнице. — Наверно, он был не очень-то рад тебя видеть.

— Ну, что ты, мы с ним очень мило и содержательно потолковали. После чего он даже любезно предложил мне коня, дабы я мог пуститься вослед нашим славным новообретенным

знакомцам. Не сомневаюсь, что наша беседа заставила его несколько по-иному взглянуть на некоторые вещи.

Гэдж мрачно молчал. Где-то высоко вверху, в кронах деревьев, прошелестел ветер, смахнул на землю несколько скрученных, сожженных зноем бурых листочков. Кобыла, все еще тяжело поводя боками, отошла в глубину рощи, с ужасом кося глазом даже не на орка — на мага. Видимо, в её представлении волшебник рисовался настоящим извергом, мучителем всего живого: она была обычной рабочей лошадью, простой и честной, но уж никак не породистым рысаком-меарасом и не быстроногим скакуном благородных кровей. Гэдж спросил, едва шевеля губами:

— Значит, это правда? Что за орков... за таких, как я... обещано вознаграждение, будто за закоренелых разбойников?

— Да, Гэдж. — Маг секунду помолчал. — Ты же сам слышал: что-то тут неладно в окрестностях. И нарушители спокойствия — орки...

— Угу. И что бы там, в крепости, со мной сделали?

— Не знаю. Думаю, ничего хорошего.

— Поступили бы как... с головорезом с большой дороги?

— Вполне вероятно.

— Ясно. — Гэдж смотрел в сторону, стараясь, чтобы волшебник не увидел его лица. —

Третий, — сказал он мрачно.

— Что — третий?

— Третий раз ты меня спасаешь...

— Да уж, — пробурчал Гэндальф. — Третий раз наступаю на одни и те же грабли.

— Что?

— Да нет, ничего. По совести говоря, это я... виноват в случившемся, Гэдж. Мне не следовало оставлять тебя одного в этом трактире. Но я не думал, что мне придется так долго и упорно торговаться с местным лавочником... да еще имел глупость понадеяться на понимание и порядочность прощельги Мерта!

— Нет, — Гэдж отстраненно смотрел в небо. — Это я виноват. Если бы я был, как все, ничего бы вообще не случилось. У тебя от меня одни неприятности.

— Не бери в голову, — помолчав, произнес Гэндальф. Он еще некоторое время смотрел на орка, кусая губы, точно порываясь что-то сказать — что-нибудь бессмысленно-ободряющее — но так и не сказал: знал, что это бесполезно. Подошел к кобыле и снял с её потной спины две котомки, связанные между собой и перекинутые через лошадиный хребет: свою и Гэджа. Мешка с игрушками у волшебника больше не имелось — он таинственным образом преобразился в суму с лепешками, сушеными вишнями и вяленым окороком. — Вот, бери свой скарб — да пойдём. Кобылу оставим здесь, она умная девочка, сама найдет дорогу домой... А нам с тобой впредь следует быть осмотрительнее, дружище, — отряхнув котомку от пыли и налипших травинки, маг привычным движением взбросил ее на плечо, поправил меч, висевший на поясе, взял в руки неизменный посох. — Не стоит, знаешь ли, лишний раз искушать судьбу — даже по пустякам.

14. Чернобородый

С наступлением сумерек откуда-то из темноты начал доноситься отдаленный, но до невозможности тоскливый и зловещий волчий вой.

Гарх, до сих пор мирно дремавший у Белого мага на плече, всполошился. Бросил опасливый взгляд туда и сюда. Покрепче вцепился когтями в надежное саруманово плечо.

— Ты слышал?

— Слышал, — пробурчал волшебник. — И что?

— Волки. Идут по нашему следу?

Саруман не ответил. Бреор тоже помалкивал — он предпочитал слушать только Белого мага и на сиплое карканье старого ворона считал за лучшее внимания не обращать.

«Тайная тропа», указанная Вихельмом, и впрямь оказалась узкой, почти неприметной каменистой стёжкой, по которой телега или подвода не проехали бы, а вот вьючная лошадь или мул могли пройти запросто. Тропа тянулась по предгорьям, по восточным отрогам Метхедраса и дальше — на север, вдоль западной опушки Фангорна. Слева высились скалистые пики Туманных гор, серые и угрюмые, расщеленные расщелинами, поросшие вереском и утесником; справа расстилался Фангорнский лес, темно-зеленый, недружелюбный, уходящий за горизонт. Путники выехали из «Хмельной мухи» накануне утром и минувшую ночь провели во встретившейся на тропе пустой охотничьей хижине; к исходу вторых суток позади, по подсчётам Сарумана, осталось около девяноста миль, но и полу-меарас Рыжик, и серая кобыла Бреора, хоть и имела в своих жилах кровь древней породы, все же устали и нуждались в отдыхе, да и всадники после двух дней, проведенных в седле, чувствовали себя так, будто их избili батогами. К несчастью, никакого намёка на мало-мальски удобный приют по пути больше не попадалось — или путники об этих тайных прибежищах ничего не знали.

Из-за скалистого отрога лениво выполз молодой месяц. Волк вновь подал голос — еще громче и заунывнее, ему тут же ответил другой — в ближайшем ущелье. Гарх присмотрелся — и ему показалось, что как-то подозрительно шевелится кустарник на гребне высокого утеса, хотя ветра в этот момент не было... Впрочем, ворон не слишком хорошо видел в темноте.

— Не нравится мне это, — слабым голосом прохрипел он. — Смотри, они как будто нас окружают — и справа, и слева... Надо где-то найти пристанище, и побыстрее...

— Найдем.

— Это где, интересно? Постоялых дворов тут на каждом углу что-то не наблюдается... Леший вас понес в эту глухомань! Поехали бы тихо-мирно по тракту через Эдорас и Альдбург, вместо того, чтобы ломать ноги по горам по долам...

— И потеряли бы в лучшем случае неделю. А так, если повезет, завтра к вечеру будем в Лориэне.

— А если не повезет? — пробормотал ворон.

Волчий вой все не смолкал, стелился над ущельями и долинами — скорбный, зловещий и унылый, пробирающийся до костей. Гарх испуганно крутил головой, лошади тревожно всхрапывали, сбивались с ноги и прижимали уши. Бреор натянул поводья, вопросительно взглянул на Сарумана.

— Впереди река, — коротко обронил маг.

Пахнуло терпкой речной свежестью, из темноты послышался шум бегущей воды — река Лимлайт, северная граница Фангорна, была совсем рядом. Прямые высоченные сосны стояли на южном берегу рядами, будто колонны в величественном храме — а под деревьями была разлита полнящаяся смутными шорохами непроглядная тьма... Стоило лошадям вбежать в лес, как тьма эта проснулась и ожила, будто давно уже подстерегала здесь случайных путников — что-то в ней зашевелилось, заворочалось с осторожным приглушенным треском, что-то грозное, неумолимое, жуткое — явилось из чащобы, подползло ближе, протянуло длинные цепкие ветви, окружило со всех сторон...

Бреор, тревожно присвистнув, потянул меч из ножен. Саруман протестующе качнул головой.

— Пошли вон! — процедил он, воздев руку, и было в его негромком, вроде бы бесстрастном голосе столько ледяного презрения и непререкаемой властности, что хьорны как-то призадумались — и сочли за лучшее отступить: неохотно откатились, попрятались в сумеречной лесной чаще, их невнятный шепот, стелившийся по подлеску, затих, опал, угас где-то в отдалении...

— Пovýлазили тут... стражи леса, чтоб вас! — свирепо пробурчал Саруман себе под нос. — Это вам не глупого мальчишку всем скопом давить...

Реку Лимлайт пересекли уже в темноте — здесь, недалеко от истоков, речушка оказалась лошадям по колено. На другом берегу лес продолжался, но это был уже не таинственный колдовской Фангорн — обычный ночной лес, полный белесого тумана, сырости, коряг и бурелома. От реки тут же потянулась к северу накатанная тропа, и Гарх слегка удивился этому обстоятельству: ему казалось, что места здесь должны быть необитаемы, безлюдны и необжиты.

— Смотри-ка, дорога! Я думал, тут и нет ничего, кроме скал, камней да вересковых пустошей... Разве здесь не «ничейная земля»?

— То-то и оно, что «ничейная». Здесь всяк сам себе хозяин. Охотники тут живут, козопасы, скупщики шкур, прочий отчаянный люд и всякая шушера... Лесорубы, в конце концов.

— Да ну? Рубят лес во владениях Фангорна?

— Лес на северном берегу Лимлайт Фангорну не принадлежит, там и рубят. А потом сплавляют вниз по реке и продают... незадешево. В Рохане с деревом вообще беда, сам знаешь.

Действительно — вскоре вдоль дороги потянулась свежая вырубка: пеньки жалобно белели в темноте, будто кривые зубы. Лошади перешли с галопа на крупную тряскую рысь. «Раз есть дорога, — мимоходом заметил Саруман, — значит, куда-то она нас приведет». И впрямь, вскоре среди деревьев замелькал огонек: видимо, человеческое (или чье бы то ни было) жильё имелось неподалеку. Из темноты выступил продолговатый бревенчатый дом, крепкий и приземистый, обнесенный частоколом, — он смотрел узкими проемами окон из-под нависающей крыши угрюмо и недружелюбно. Слева к дому примыкал загон для коз, справа виднелись какие-то неказистые постройки. Прочные деревянные ворота, по случаю ночного времени, оказались крепко-накрепко заперты.

Гарх с хриплым карканьем взлетел на столбик забора, заглянул во двор. Саруман и Бреор чуть помедлили; слегка неуклюже, преодолевая ломоту в спине, воин спешил, подошел к воротам и решительно погромыхал по ним железным кольцом, вделанным в серое дощатое полотно.

— Эй, хозяйева!

Где-то во дворе, за частоколом, загремела цепь, как-то лениво, нехотя забрехала собака. Пару минут ничего не происходило, потом что-то где-то со скрипом приоткрылось, по двору запрыгало пятно света, послышались приближающиеся шаги. В щель между досками ворот уставился чей-то черный подозрительный глаз.

— Кто там? Кого леший несет? Ты, Каграт? — Голос говорившего звучал глухо, слегка гнусаво, точно он страдал затяжным насморком.

— Вечер добрый, хозяйева, — приветливо откликнулся вместо Бреора Саруман. — Не пустите ли переночевать двоих мирных путников — в обмен на серебро, разумеется?

— Двоих? — Незнакомец, прячущийся за калиткой, бегло осмотрел внушительную фигуру Бреора, потом посветил Белому магу за спину, точно желая убедиться, что незваных гостей и в самом деле лишь двое, и из леса тотчас же не выскочит вооруженное до зубов многочисленное войско. Волшебник чувствовал, что его буквально *ощупывают* внимательным взглядом — обшаривают с головы до ног, как при тщательном досмотре, обыскивают одежду, заглядывают в поясную суму, забираются за пазуху... — Ну, коли вас и впрямь только двое, то добро пожаловать. — Наконец по другую сторону забора загремели отпираемые замки и засовы. — Входите, господа. Вы уж извиняйте, что я к вам с такой опаской да подозрением — у нас тут места отдаленные, дикие, к нам случайные люди редко заглядывают...

— А неслучайные? — спросил Саруман.

— А неслучайных мы всех наперечет знаем. — Хозяин ухмыльнулся. Это был крепкий, коренастый мужичок средних лет, заросший черной окладистой бородой чуть не до самых глаз. — Цыц, Малыш! — рявкнул он на огромного, размером с теленка, волкодава, который вновь лениво завозился в своей конуре: при звуке гнусавого хозяйского голоса пёс неохотно выполз наружу, смерил вошедших равнодушным взглядом — ему не было до гостей никакого дела — зевая, убрался обратно и лёг, закрыв голову огромной, как у медведя, мохнатой лапицей.

Саруман и Бреор, ведущий лошадей в поводу, вошли во двор — широкий, ровный, чистый, без единой травинки, вытоптаный, как плац. По правую руку темными грудями громоздились хозяйственные постройки, в одном из сараев что-то шумно завозилось, тяжело, длинно вздохнула корова. Посреди двора стояло нечто, что путники в потемках да от неожиданности в первое мгновение приняли за диковинный фонарный столб — но загадочная фигура оказалась женщиной, закутанной в большой бесформенный плат. В одной руке она держала масляную лампаду, а в другой — пустое ведро: видимо, появление неожиданных гостей застало её по дороге в коровник.

— Вечер добрый, хозяйюшка. — Бреор учтиво склонил голову.

Женщина не ответила. Глаза её растерянно блестели, на худом, тускло освещенном желтоватым светом лампы лице застыл чуть ли не ужас; на незваных гостей она смотрела со страхом и замешательством, точно на пришельцев с Луны. По-прежнему не отвечая и не отрывая от путников смятенного взгляда, она, позвякивая подойником, как-то боком, опасливо попятилась — и стремительно шмыгнула в ближайшую приоткрытую дверцу.

Саруман проводил её задумчивым взглядом.

— Вы откуда, люди добрые — никак с южной тропы? — Бородатый мужичок подошел ближе; глаза у него были внимательные, цепкие, черные, как гладыши гальки, с плутоватым прищуром. — Из Вестфольда, поди, а? — Он обошел вокруг лошадей, беззастенчиво ими

любуюсь, с удовольствием опытного коневода оглядел Рыжика с холки до копыт, ласково потрепал коня по крутой бархатистой шее. — Эх, красавец! Хорош, хорош, ничего не скажешь... Мне бы такого на расплод.

— Покупать будете? — холодно спросил Саруман. Ему не нравилось, что хозяин разглядывает его коня, будто товар на ярмарке: вот-вот, казалось волшебнику, посмотрит жеребцу зубы. Чернобородый рассмеялся: сухим, неискренним, неприятным смехом.

— Купил бы, да не про меня, видать, товар, а? Не сердчайте, сударь, мы тут люди простые, грубые, эльфийской утонченностью не избалованные, где и когда я еще такую дивную красоту увижу? — Он многозначительно подмигнул Саруману. — Да вы заходите в дом, господа — чай, не во дворе же ночь коротать... Эй, Алашка!

Из коровника выглянула закутанная в плат женщина — испуганно, как зверёк. В темноте лицо её смутно бледнело, точно молодая луна.

— Разбуди этого пьянчугу Храпа, пусть позаботится о конях, — отрывисто велел бородач. И приглашающим жестом указал гостям на дверь дома. — Прошу вас, люди добрые.

— Я присмотрю за лошадьми, — скупно пробасил Бреор, который доверять такую драгоценность какому-то там свинопасу Храпу был отнюдь не намерен. — Будьте спокойны, господин...

* * *

— Меня в здешних местах называют Гнусом... Бородой Гнусом, если уж точно. А вы?..

— Эорейд, торговец из Вестфольда. Думаю заняться в ваших местах скупкой кож, — небрежно откликнулся Саруман. Наверно, он все-таки не особенно походил на обычного роханского купца, потому что в хитроватых глазах Гнуса мелькнуло что-то похожее на сомнение — но волшебнику, в общем-то, было на все это наплевать. Он сел на лавку возле стола, с удовольствием вытянул ноги, осмотрелся...

Горница была грязноватая и неудобная, с низким потолком. На столе горело с полдюжины свечей, вставленных в давно не чищенный подсвечник. Пол был засыпан мелким серым песком, потолочные балки почернели от копоти, в углах комнаты копилась пыль и лохмотья паутины, в закуте за печкой деловито шуршали мыши. Роскошные, вычурные, украшенные позолотой настенные часы в футляре красного дерева — явный намек на богатство и преуспеяние — посреди всеобщей запущенности и засаленности смотрелись по меньшей мере дико.

Бреор не возвращался — должно быть, не желал оставить без догляда обеих лошадей в целом и свою драгоценную Старуху в частности; Гарх тоже никак не давал о себе знать. Зато появился, видимо, Храп — крепкий, веющий запахом свинарника мужичок с короткой светлой бородкой, в которой запуталась соломенная труха. Он неуклюже поклонился гостю, потом что-то вполголоса сказал Гнусу, взял со стола пару деревянных ложек, лепешки и котелок, стоявший в печи и приготовленный, видимо, аккурат для него, и исчез с этой снедью так же тихо и незаметно, как и появился.

Ну, сказал себе Саруман, по крайней мере, голодным моего спутника не оставят.

— Алашка! — гаркнул Гнус куда-то в темные сени. — Подавай ужин, неумеха, долго ты еще будешь заставлять гостя ждать? У-у, курва ленивая... Ну-с, — потирая руки, он с радушной улыбкой обернулся к волшебнику, и тон его вновь стал маслянистым, любезным и дружелюбным, — рассказывайте, сударь, откуда прибыли, что видали, что творится на белом

свете. Вы, по всему видать, человек бывалый, по миру изрядно поколесили, есть о чем потолковать на досуге... А мы тут, в глуши, до новостей охочи.

Жарко полыхал огонь в подпечке, прыгали по углам и потолку черные тени, уютно скрипел сверчок под половицей. Некоторое время волшебник в общих чертах пересказывал любопытному хозяину последние роханские новости, наблюдая, как Алашка суетится возле печи, собирая на стол — костлявая, нездоровая, бледная до прозрачности женщина, замученная дурным обращением и собственной робостью. На её худеньком, скудном, словно бы нарисованном на листе промасленной бумаги лице навек застыло выражение неизбывной, привычной покорности — как у замороженной непосильной работой клячи. За широкий подол её юбки, прячась от глаз сурового хозяина, цеплялась девочка лет трех, грязная и неухоженная, затравленным выражением глаз похожая на мать — испуганный неприрученный котенок, готовый в любую секунду юркнуть прочь и забиться в щель. Время от времени мать утирала дочери передником красный воспаленный нос — все это по-прежнему молча, без единого слова.

— Она немая, — пояснил Гнус, глядя на Алашку не то чтобы с ненавистью — скорее с ленивой гадливостью, как на полураздавленного таракана. — Какая-то дальняя родня моего кузена. Их дом в Холмищах год назад разбойники пожгли, так вот она теперь тут и обретается, приживалка... из милости.

«Из чьей милости?» — хотел спросить Саруман, ибо милость Бороды Гнуса явно обходилась несчастной женщине недешево — видимо, на этом одиноком, спрятанном в лесу отдаленном хуторе ей приходилось управляться и за прачку, и за скотницу, и за кухарку, и за служанку.

— Разбойники? — Волшебник безучастно разглядывал заусенец возле сломанного ногтя. — Что за разбойники, господин Гнус?

Гнус пожал плечами.

— Да бывают иногда в Волде всякие происшествия... набеги кочевников с восточного берега Андуина или что-то в этом роде... вот с недавнего времени, бают, опять по берегам реки Лимлайт непорядки какие-то происходят. В нашу-то глушь лихие люди не заглядывают — что с нас взять, с босоты... Живём себе, хлеб жуём — и на том спасибо.

Глядя на угрюмую, заросшую бородой физиономию собеседника, Саруман не мог отделаться от мысли, что на самом-то деле за разбойниками далеко ходить не надо. Да и прозвище «Гнус» приклеилось к ушлomu мужичку вряд ли только из-за гнусавого голоса...

Наконец ужин был готов: постная, но зато густая похлебка, просяная каша с ошметками жилистой баранины, квашеная капуста, свежие овсяные лепешки — гостю не на что было пожаловаться. Гнус с аппетитом жевал, прихлебывая суп, закусывая хлебом, похрустывая крепкими малосольными огурчиками, покрякивая после каждого глотка домашнего яблочного сидра. Алашка по-прежнему стояла возле печи, опустив глаза, готовая что-нибудь поднести/унести, покорно ожидая приказаний своего господина и повелителя. Исподлобья бросив взгляд на волшебника, Гнус милостиво указал служанке глазами на дальний край скамьи — и она несмело села, усадила себе на колени чумазую девочку. Робко предложила дочери кусочек хлеба и ложку просяной каши. Девчонка взялась было за еду, но тут же, не сделав и пары глотков, закашлялась, отодвинула тарелку и захныкала, уткнувшись лицом в материн передник — или, скорее, негромко заскулила, словно побитый щенок, потирая кулачками слезящиеся глаза.

Гнус сердито засопел.

— Это еще что за щенячий скулеж за столом, а? Не знаешь, как надо вести себя в приличном обществе — отправляйся к Храпу в конюшню... Или уйми свою замарашку! Сейчас же!

Алашка тщетно пыталась успокоить дочь и влить ей в рот хоть немного молока, но та упрямо отворачивалась от протянутой чашки, давясь слезами и соплями, струящимися по бледному замурзанному личику все быстрее и быстрее. Горестное девчонкино хныканье перешло в истеричные, судорожно подавляемые и оттого еще более громкие всхлипы. Гнус, морщась и кривя рот, терпел с полминуты, потом с яростью хлопнул ладонью по столу.

— Ну, хватит! Убери её отсюда! Слышишь? Грязному поросенку место в хлеву!

Девчонка заревела в голос. Алашка вскочила, сгребла её в охапку, готовая бежать, исчезнуть с глаз, скрыться в своей темной норе...

— Аласса, — сказал Саруман, — дай-ка мне девочку. Она нездорова.

Воцарилась тишина. Только внезапно затрещала и зачадилла на столе вонючая сальная свеча.

Аласса вскинула на мага глаза — словно не верила своим ушам. Громко глотнула. Какую-то секунду волшебнику казалось, что служанка не отважится к нему подойти — поспешит ускользнуть, убраться прочь, спрятаться в логове наедине со своими бедами и горестями... Но она все-таки пересилила свой страх перед незнакомцем — или просто не посмела ослушаться? — как-то опасливо, боком, подошла, опустилась рядом с гостем на скамью, усадила дочь на колени, не смея оторвать взор от пола. Волшебник осторожно — точно боясь спугнуть боязливого зверька — подался вперед, провел ладонью по спутанным, тонким, невесомым как пух волосам малышки — и то ли от неожиданности, то ли от страха девчонка разом перестала плакать, сжалась на коленях у матери, дрожа, словно пойманный в силки воробышек.

— Что случилось, кроха? У тебя животик болит, верно? — помолчав, спросил Саруман. Он ощупал её тоненькие, холодные, вяленькие ручки и ножки, покрытые мелкой красноватой сыпью, заглянул в глаза — воспаленные, со скопившимися у внутренних уголков комочками гноя; левый глаз немного косил. Дотронулся рукой до покрытого испариной бледного лба. — У неё... черви, Аласса, — негромко сказал он матери, — причем в стадии, на которую уже нельзя не обращать внимания. Извечная хворь пастухов и козопасов, чьи дети растут в буквальном смысле рядом со свиньями...

Аласса медленно подняла на мага глаза. Щеки её пылали. Она судорожно прижала к себе дочь, так крепко и отчаянно, словно от силы этих объятий зависела сейчас жизнь их обеих.

— Но это поправимо, — помолчав, мягко добавил Саруман. — Я скажу рецепт отвара, который помогает именно при *запущенных* случаях. Тебе известно такое растение — лысяница? Две части корней лысяницы, пять частей листьев медвежьего следа и пару долек чеснока, заваривать и пить по полчашки на рассвете до завтрака, толчеными тыквенными семечками закусывать. В течение недели должно помочь...

У Алассы задрожал подбородок. Она сидела, замерев, прикусив губу; не имея возможности выразить благодарность словами, так и пожирала волшебника взглядом, прижимая к себе притихшее дитя. Её скомканное личико слегка расправилось, а в ввалившихся глазах, показалось магу, блестят слёзы — наверно, впервые за очень долгий отрезок времени Саруман оказался первым, кто проявил участие и доброту к её зашуганному и слабому, никому не нужному ребенку.

— Вы — лекарь, господин Эорейд? — спросил Гнус; всеми позабытый, он мрачно набычился за столом среди помаргивающих свечей и пустых тарелок.

Саруман небрежно отозвался:

— Да... в некотором роде. Я немного занимался врачевательством — перед тем, как удариться в торговлю.

— Ах вот оно как... Ну, по такому случаю нам сам Творец велел выпить чего-нибудь позабористее кислого яблочного сока, как вы полагаете, а? Алашка! Принеси-ка вина... самого лучшего, поняла? Из бочонка, помеченного белым крестом.

Аласса вздрогнула, спускаясь с небес на землю, поспешно поставила дочь на ноги, встала, отряхивая передник, и поспешила к двери — но, не дойдя до порога пары шагов, остановилась и обернулась. «Из бочонка, помеченного белым крестом?» — казалось, спрашивал её недоуменный взгляд.

— Живее! — рыкнул Гнус. — И забери с собой свое немытое отродье! А что, девчонка того... заразная, а? — спросил он у Сарумана, когда за служанкой и её дочерью закрылась дверь кладовой.

— Да, — сухо ответил волшебник.

Гнус с досадой цыкнул зубом.

— Вот и сделай доброе дело, приюти бездомных... А ведь я давно подозревал, что с девчонкой что-то не в порядке, то-то она скулит и ноет целыми днями. Вшивая сучонка!

— Отчего же вы сразу не отвели её к лекарю... почтенный?

— Лекарь, поди, за красивые глаза лечить не станет... А что? Эта соплячка и помереть может?

— Может — если клубок червей попадет в легкие или закупорит кишечник. Судя по кашлю и воспалению глаз, девочка напшигована личинками с головы до пят. Я уже не говорю о её малокровии, неухоженности, общем истощении и прочих радостях жизни в вашем гостеприимном доме...

Волшебник умолк — вернулась Аласса с большим расписным кувшином в руках. Он был тяжел — и служанка двигалась как-то неуверенно, медленно, семенящими шагами, точно пуще смерти страшилась причинить доверенному ей сокровищу ущерб и членовредительство. Но, видимо, это излишнее старание не ударить лицом в грязь её и подвело... Не дойдя пары шагов до стола, она вдруг споткнулась — буквально на ровном месте, на какой-то едва заметно выступающей половице — и увесистый кувшин выскользнул у неё из рук: с глухим дребезгом он грянул на пол, раскололся, разлетелся по комнате фонтаном причудливых расписных осколков... Горницу наполнил густой и тяжелый, сладковато-хмельной винный аромат.

На какое-то мгновение воцарилась тишина — скорбная минута молчания по безвременно почившей глиняной посудине.

— Ах т-ты... — прохрипел Гнус.

Алашка испуганно сжалась. Гнус медленно поднялся из-за стола — воздвигся тяжело и неумолимо, как карающий судия, облеченный властью казнить и миловать. Его серое землистое лицо налилось кровью.

— Ах ты... т-ты... подлая неуклюжая дрянь! — Он захлебывался от ярости. Гнев его был явно не напускным, он весь затрясся от бешенства, в запале забыв обо всем на свете, даже о присутствии гостя: его грубая, необузданная натура в мгновение ока вылезла наружу из-под маски напускной любезности, будто лютый медведь из берлоги. — Ах ты... тощая

грязная сука! Эт-то... что такое, а? Это что такое, я спрашиваю?! — Он смотрел на растекшееся по полу вино так, словно оно было не жалким травяным пойлом — а по меньшей мере бесценным, ничем не заменимым нектаром богов. — Неблагодарная тварь! Зараза! Ты... нарочно это сделала, а? Меня не обманешь! Нарочно! Дрянь, дрянь! Так-то ты обходишься с хозяйским добром?! С добром человека, который из чистого милосердия и благородства взял в свой дом тебя и твоего грязного вонючего крысеныша! — Вне себя от гнева он отвесил провинившейся служанке пощечину — сильно, наотмашь, — и с мукой в глазах Аласса отлетела к стене, повалилась боком на скамью... Саруман успел перехватить занесенную для удара руку Гнуса прежде, чем она опустилась на несчастную женщину во второй раз.

— Довольно! Пощадите последние остатки моего терпения, господин Гнус!

Гнус, багровый от злобы и унижения, отшатнулся, что-то невнятно пробормотал; краска медленно, как-то по частям, словно искрошившаяся известка, сползала с его лица.

— Покажите, где я могу переночевать, — едва сдерживаясь, процедил Саруман: ему хотелось остаться наконец одному. Вмешиваться в своеобразные внутрисемейные отношения этих двоих у него уже не было ни сил, ни желания...

* * *

По другую сторону узкого коридора нашлась небольшая комнатка, захламленная всякой всячиной. Лампа, которую Саруман принес с собой, осветила стол под окном, низкую лавку, старую прялку, пахнущий прелью сундук в углу, лежанку, покрытую соломенным тюфяком — едва волшебник бросил на него свой плащ, как из-под тюфяка выскользнуло несколько крупных, исключительно волосатого вида длинноногих пауков и стремительно разбежалось по каким-то неприметным щелям между половицами.

— Прелестное общество, — задумчиво заметил Саруман самому себе. — Уютное, тихое и ненавязчивое...

Впрочем, спать он сегодня не собирался. Подошел к окну, поставил лампу на подоконник, чуть приоткрыл скрипучий ставень. Через несколько минут в горницу со двора впорхнул сгусток непроглядной черноты, опустился на стол, хрипло каркнул, широко раскинул и вновь сложил крылья.

— Ну, что? Сумерничаешь? — спросил Саруман без особого интереса.

— Угу, — пробормотал Гарх. — Ловлю мышей в конюшне...

— И много наловил?

— Не знаю, — скромно отозвался ворон. — Я не считал.

— Потому что считать было нечего. — Волшебник отдал Гарху прихваченный со стола кусок овсяной лепешки. — Где Бреор?

— Сказал, что вздремнет на сеновале, присмотрит за лошадьми. Рыжик и Старуха в стойле. Этот... Храп... их расседлал и овса задал. Он родом тоже откуда-то с Волда оказался, как и Бреор... они почти земляки, можно сказать. По такому случаю Храп хозяйскую кладовую опустошил, королевский ужин приволок, да еще и кувшин вина впридачу...

— Вот оно что...

Ворон склонил голову к плечу.

— Что-то меня одолевают дурные предчувствия... Кажется, этот Гнус — пройдоха и

мерзавец еще тот. Ты не заметил?

Саруман хмыкнул.

— Этого трудно не заметить, знаешь ли. Но для скупщика и ростовщика подобная характеристика — не порок, а достоинство... Ладно, доберусь на обратном пути до Каменистой гряды — велю Астахару навести тут порядок.

— Ну-ну. — Острыми когтями разодрав лепешку на мелкие кусочки, Гарх клювом ловко подхватывал их со стола и торопливо глотал. — Как думаешь, где сейчас наши блудные голубки? Еще не добрались до эльфов, м-м?

— Надеюсь, нет. Полагаю, они сейчас где-то неподалеку от Делла — это городок в нижнем течении Лимлайт... Я там послал Гэндальфу письмецо по известному ему адресу, и, если он его еще не получил, то получит в ближайшее время. Но, если по милости этого старого дурня с Гэджем что-то случится...

— Надеешься договориться с ним о встрече?

— Именно.

Робкий, едва слышный стук раздался от порога. Долгие несколько секунд волшебник хотел затаиться и притвориться спящим, но стук повторился — тихий, упорный, настойчивый. Шепотом выбравшись, Саруман поднялся и распахнул дверь.

Это была Аласса.

Прежде, чем волшебник успел задать ей вопрос, она нервно огляделась — торопливо, украдкой, словно чего-то опасаясь; приложила палец к губам. Легкий шорох в дальнем конце коридора заставил её чуть ли не подпрыгнуть.

— Что случилось? — с усталым раздражением спросил Саруман. Он хотел сейчас лишь одного — чтобы все оставили его наконец в покое.

Аласса торопливо шмыгнула в комнату, порылась в недрах своего чудовищного передника, достала тряпичный узелок и выложила из него на стол две медные монеты.

— Великий Творец! — процедил Саруман. — Это еще зачем? Убери.

Аласса покачала головой. Всунула монеты волшебнику в ладонь, а потом вдруг схватила его за рукав и потащила к двери. Взгляд её был полон испуга, смятения, какого-то невысказанного внутреннего напряжения, безмолвной мольбы. Она вновь опасно оглянулась в дальний конец коридора.

— Чего ты боишься? — спросил Саруман. — Этого чурбана Гнуса?

Алашка вздрогнула всем телом, взглянула на мага с отчаянием. Ах, если бы она только могла *сказать!* Но Творец за какие-то неведомые грехи обделил её даром речи, и объясняться она могла только знаками и жестами. Она волновалась и суетилась, судорожно пыталась что-то втолковать собеседнику: тянула волшебника за рукав, указывала на входную дверь и дальше — *за дверь*, на дорогу, ведущую прочь от дома. Выражение её бледного встревоженного лица, дрожащий изгиб губ, все жесты — частью требовательные, частью просительные, даже умоляющие — возможно было истолковать лишь единственным образом.

— Ты хочешь, чтобы мы уехали? — помолчав, спросил Саруман. — Сейчас, немедленно? Тайком?

Она так энергично закивала, довольная тем, что её наконец поняли, что из-под платка её выбилась прядка темных выющихся волос, закачалась туда-сюда на лбу. Волшебник, прикрыв ладонью глаза, устало сказал:

— Брось, Аласса. Куда мы сейчас двинемся — кругом ночь, мрак и волки... Моему

спутнику нужен отдых. Уедем утром, на рассвете. Передадим весточку воеводе Астахару, глядишь, на Каменистой гряде в кои-то веки и заинтересуются вашим дремучим медвежьим углом...

Вновь что-то едва слышно зашуршало в конце коридора. Где-то позади тихо скрипнула, приоткрываясь, дверь кладовой.

— Вот ты где, курва, крутишься... Какого лешего не даешь отдохнуть почтенному человеку? А ну кыш отсюда, ведьма! Завтра с тобой еще потолкую.

Застигнутая на месте преступления, Алашка обмерла, точно обомлевшая мышь. Бросив на Сарумана последний затравленный, умоляющий взгляд, попятилась, спотыкаясь, и юркнула, ровно паук, в какую-то неприметную щель. Гнус, любезно и радушно (на деле — скорее угрюмо и криво) улыбаясь, подошел ближе, в руках он держал узкогорлый, с массивным днищем, весело побулькивающий глиняный кувшин.

— Вот, — ухмыляясь, он с гордостью предъявил Саруману свою ношу, — нацедил-таки остаточков: лучшее винцо по эту сторону гор, его рецепт еще мой покойный прадед из Бельфаласа привез, до конца жизни от соседей берег пуще зеницы ока... Не хотите, чай, глотнуть перед сном, господин Эорейд? В горле-то у вас, поди, пересохло после алашкиной стряпни... Я-то, каюсь, малость круто с девкой обошелся, руку не сдержал — ну, нрав у меня такой, что уж теперь поделать, вспыхиваю от пустяка аки сухой мох... Выпьем за примиреньице, а?

— Не пей! Наверняка дрянь редкостная! — прокаркал с подоконника Гарх. Ворон все-таки изъяснялся *человеческим* языком и даже тешил себя мыслью, что, в общем, у него неплохо получается — но все же смысл его речей для непривычного уха был малопонятен и трудновосприимчив. Вряд ли Гнус разобрал в сиплом вороньем карканье отдельные слова — но самый звук резкого отрывистого грая заставил его испуганно вздрогнуть.

— Силы небесные! Это еще что?

— Старый ворон раскаркался, — сердито процедил Саруман. — Слушайте, Гнус, сделайте мне одно одолжение, а?

— Какое одолжение?

— Да провалитесь уже в Удун наконец! — Маг готов был взять настырного мужичка за шиворот, вытолкать взащей и наложить на дверь хорошее такое запирающее заклятие. Гнус уязвленно засопел.

— Творец с вами, господин Эорейд, что ж вы меня эдак обижаете, а? Я к вам, можно сказать, подружиться да повиниться, без задней мысли, с чистой душой — а вы? — С заговорщицким видом он извлек из кармана пару деревянных чарочек и, поставив их на крышку сундука, плеснул в каждую полстакана мутной от осадка невнятной жидкости. — Глядите-ка, сударь, винцо — чисто высший сорт, сам сенешаль за ним нарочного из Эдораса присылал, рецепт велел пытаться, какой мой дед из Бельфаласа привез — да не выпытал, то-то и оно, что не выпытал, кишка у него тонка оказалась выпытать-то... Крепкое винцо мой дед дельвал, ох и крепкое, на особых травках настоенное — с ног, можно сказать, так и валило... — Не переставая болтать, он небрежно подхватил одну из чарок и поднес её к лицу, словно намереваясь выпить... и вдруг быстрым, точно рассчитанным кошачьим движением метнул всё её содержимое Саруману в глаза.

Если у волшебника и были какие-то основания не доверять чернобородому Гнусу, все же столь откровенное нападение застало его врасплох. Он невольно отпрянул, закрывая лицо рукой — и в следующую секунду увесистый глиняный кувшин, который Гнус все еще крепко

сжимал в руках, всей тяжестью своего массивного глиняного тела обрушился ему на голову. Саруману показалось, будто лошадь лягнула его копытом в висок... Он пошатнулся, теряя равновесие, ослепленный мгновенной болью — и грязный, закапанный свечным салом дощатый пол стремительно ринулся ему навстречу.

15. Орки

— Вот тебе, с-сукин сын, — тяжело дыша, прохрипел Гнус. — Воеводе Астахару он наклеузничать на меня решил, ага, как же!

Старик лежал у его ног, распростертый на полу, оглушенный и бесчувственный, и у виска его неторопливо расплывалось алое кровавое пятно. Гнус отбросил пустой, треснувший от удара кувшин, секунду помедлив, наклонился к магу, чтобы снять с него поясную суму — и, наверно, снял бы, если бы...

— Харр! Ха-арр!

Точно маленький черный вихрь накинудся на Гнуса из темноты — маленький, но поистине бешеный, неуправляемый, сметающий всё на своем пути вихрь. Гарх был вне себя от страха и ярости... Он совершенно обезумел. Он грудью бросился на проклятого супостата, он рвал и метал, он готов был выклевывать злодею глаза, выцарапать ноздри, он был и там и тут, он отчаянно лупил Гнуса крыльями, драл когтями бороду, метил клювом в лицо, в нос, в лоб, он готов был убить мерзавца и растерзать его в клочья, он совсем обеспамятел от разрывающих его маленькое сердце несчастья и невыносимого ужаса. Гнус, не ожидавший такой яростной атаки, отшатнулся и хрипло взвыл, неуклюже отбиваясь от ворона руками; метнулся в угол комнаты, схватил ошетилившуюся прутьями метлу, взмахнул ею перед собой, пытаясь сбить Гарха на пол. Ворон увернулся, но не слишком удачно — удар острых прутьев настиг его в полете и сшиб под стол: с хриплым криком он тяжело шлепнулся на половицы, точно ком мокрого тряпья, и услышал, как жалобно хрустнуло правое крыло. Взлететь он уже не мог, оглушенный падением, крыло его онемело от боли, ослабло, не слушалось...

— Ах т-ты тварь! Да что за... — захлебываясь, сипел Гнус. Он надвигался на Гарха, размахивая метлой, готовый бить и крушить, распластать ею раненного ворона в лепешку — и Гарх отступил, попятился; его спасло лишь то, что он сумел забиться в темный угол под лавкой, втиснуться туда всем телом, затаиться там, точно мышь. Гнус, тяжело дыша, стоял посреди горницы, настороженно оглядываясь в поисках поверженного мстителя, яростно и опасно бормоча по нос: «Чур меня, чур!» Потом, убедившись, что внезапная напасть отступила, бросил метлу и, нервно оглядываясь через плечо, вернулся к бесчувственному магу. Мельком осмотрел рану у него на голове, пощупал пульс, обыскал карманы, потом снял сумку с его пояса, прихватил дорожный плащ, брошенный Саруманом на лежанку, и, переступив порог, плотно закрыл за собой дверь.

Глухо лязгнула задвижка.

Гарх сидел ни жив ни мертв. Случившееся обрушилось на него так же внезапно, как и на Сарумана — будто обухом по голове — и привычный мирок ворона разом покачнулся, перевернулся вверх дном, точно старое корыто, накрыл Гарха с головой и погрузил в пучину беспросветного мрака. Ну кто бы мог такое подумать... Кто бы мог подумать, что трусливый пройдоха Гнус способен на подобную бесчестную выходку! Кто бы мог такое вообще *просто предположить*...

Ворон вдруг вспомнил — Бреор. Крепкий, сильный, бывалый воин. Беспечный и ни с чем не подозревающий здоровяк, мирно почивающий где-то далеко, в конюшне, на сеновале на другом конце света... Гарх рванулся, готовый бежать, лететь, кричать, звать Бреора на подмогу — и упал, ткнулся клювом в пол, совершенно позабыв о помятом крыле...

Ему понадобилась пара мгновений, чтобы прийти в себя.

Жалкий беспросветный болван!

Он в ярости ущипнул себя за перья на груди, вырвав в досаде целый клочок черного пуха. Как же он сразу-то, *сразу* не подумал о Бреоре! Ужас, ярость и жажда немедленного мщения определённо помutilи ему рассудок и, вместо того, чтобы немедленно лететь и поднимать тревогу, он оголтело напал на Гнуса в заведомо глупой и проигрышной схватке! А как теперь добраться до Бреора — слабому и раненному, с подбитым крылом, рассыпающимся от боли? Да и стоит ли уже вообще к нему добираться?

От этой внезапной мысли ворон похолодел.

Что, если нападение было задумано заранее? Что, если этот мнимый «земляк» Храп опоил Бреора какой-нибудь отравой, а потом спокойно придушил во сне вожжами? Или... что? Что вообще все это значит?

Что тут происходит, леший возьми?

Ворон осторожно выглянул из-под лавки. Кругом царила тишина. А еще мрак. И тоска. И горькая стылая безнадежность.

— Саруман! — Гарх выкарабкался из своего убежища и, неуклюже волоча раненное крыло, подскочил к магу. Легонько тюкнул его клювом в плечо. — Саруман, очнись! Ну же! Очнись!

Увы. Волшебник по-прежнему был безмолвен и неподвижен. Лицо его — голубовато-белое, как фарфор — оставалось безжизненным, глаза были закрыты, кровь запеклась на волосах липкой бурой коркой, дыхания ворон не слышал... Тщетно Гарх тормозил мага, дергал за одежду и тянул клювом за бороду — волшебник не отзывался, пребывая где-то вне времени и пространства, и Гарх не в силах был достучаться до него, дозваться, вернуть назад. *«Я бы предпочел, чтобы в трудную минуту рядом со мной оказался верный и испытанный друг...»* О, нет, нет! Трудная минута пришла — но каким же Гарх оказался на деле бестолковым и никчемным помощником! Бессильным и беспомощным, слабым, неуклюжим... бесславно побежденным метлой! Он ничем не умел помочь своему спутнику — ни привести его в чувство, ни позвать на помощь, ни даже определить, насколько тяжела рана. Весь мир Гарха рухнул в одночасье, разбился на мелкие осколки и жалко расплескал содержимое, как тот злосчастный глиняный кувшин, который выронила из рук нерасторопная Алашка.

Отчаяние обрушилось на Гарха и придавило его к полу тяжело и беспощадно, как неподъёмная каменная плита. Он, наверно, зарыдал бы от бессилия и ужаса, если бы мог.

Нет, так не годится, сказал он себе. Надо все же как-то попытаться добраться до конюшни и узнать, что там происходит с Бреором. Выяснить, жив он или мертв, и что вообще за лиходейщина здесь творится. Что понадобилось этому мерзавцу Гнусу? На что он рассчитывал? На что позарился? На невеликое имущество случайных гостей, на добротную одежду, на серебро, на благородных породистых лошадей? Последнее предположение казалось наиболее верным, но... почему тогда Гнус оставил Сарумана в живых? Уж что было проще — оглушив ничего не подозревающего старика, пырнуть его кухонным ножом и бросить труп в лесу на радость волкам. Но Гнус почему-то этого не сделал... Почему?

Ответа на этот вопрос ворон сейчас найти не пытался.

Он расправил помятые крылья и, собравшись с силами, преодолевая боль, попытался взлететь на подоконник: раз и другой... С третьей попытки это все-таки удалось, Гарх зацепился когтями за край деревянной доски и сумел на ней утвердиться. Крыло болеть не

перестало — при каждом взмахе ворона будто пронизывало раскаленной спицей — но, по крайней мере, стало худо-бедно слушаться, и это внушало Гарху некоторую надежду: может, ему всё же удастся выбраться из дома и призвать Бреора на подмогу... если, конечно, сделать это еще не поздно.

Или все-таки — поздно?

Во дворе кто-то яростно загрохотал по воротам увесистым железным кольцом.

— Эй, Гнус! — рыкнул незнакомый голос. — Открывай! Заснул, что ли?

Голос был странный — глухой, низкий, хрипловатый, какой-то... нечеловеческий. По двору заметались лучики света, прошаркали торопливые шаги, негромко стукнул отпираемый засов. Гнус обменялся с кем-то парой коротких реплик, потом зазвякала сбруя, мягко затопали копытами пофыркивающие кони, проскрипела по двору деревянными колесами телега. Загремел цепью и разразился запоздалой руганью нерадивый сторож Малыш. Хриплый голос раздраженно велел:

— Заткни своего пса, слышишь! Или я сам его щас заткну твоей вшивой башкой!

— Цыц, Малыш! — просипел Гнус. — Умолкни!

Раздался странный свист и смачный шлепок — и лай Малыша, скомканный и оборванный, разом умолк, сменился жалким испуганным скулежом.

Гарх, по-прежнему сидя на подоконнике, забившись в угол и спрятавшись за створкой ставни, настороженно наблюдал за происходящим во дворе. Нечищенная лампа, которую Гнус держал в руках, не светила — светилась, самодовольная, на радость разве что ночным мошкам, и ворон, и без того подслеповатый в темноте, с трудом сумел разглядеть, что неожиданные пришельцы — их было пятеро — как на подбор крепки, могучи и широки в плечах. Чуть поодаль, возле забора, смутно вырисовывались силуэты не то мулов, не то каких-то низкорослых выючных лошадок, две из которых были запряжены в пустую телегу. Гнус с раздраженным шипением потер закопченное стекло лампы рукавом.

— Ступайте в дом, поговорить надо, дело есть... Что-то ты сегодня припозднился, Каграт.

— Не потей, Гнус. Суетишься, как девица на выданье, — проворчал в ответ Каграт. — Что у тебя там за «дело» такое? — Его мощная фигура на секунду попала в пятно света от лампы, и Гарх сумел-таки хорошо его разглядеть — и разом испуганно обмер с макушки до кончика хвоста.

Его худшие опасения подтвердились. И Каграт, и четверо его спутников определенно являлись не людьми — орками.

Это были уруки. Темнокожие, рослые, крепко скроенные. Облаченные в штаны из плотной кожи и такие же гамбезоны-безрукавки, надетые прямо на голое тело. Лица у них были скуластые, с широкими носами, с твердыми подбородками, глаза прятались под крутыми надбровными дугами, в черных, как смоль, длинных и густых волосах в свете лампы посверкивали металлические украшения. Все пятеро имели при себе кривые скимитары в деревянных ножнах, а тот, кого бородач называл Кагратом, держал в когтистой лапце длинный кожаный кнут.

— Пойдем в дом, там и про «дело» расскажу, — торопливо, вполголоса проговорил Гнус. — Да и за товар рассчитаться надобно...

Двое орков остались во дворе, прочие вслед за хозяином вошли в дом. Видимо, они находились где-то в соседнем помещении, Гарх слышал через стенку их голоса, но о чем именно они говорят, разобрать не мог, как ни старался. Он собрался с силами и довольно

неуклюже, едва не сорвавшись, перепорхнул на карниз соседнего окна. Уруки, оставшиеся во дворе, на него, к счастью, внимания не обратили — они о чем-то негромко переговаривались с Храпом, вышедшим из конюшни; Бреор никак не давал о себе знать, и это, думалось Гарху, было не к добру... Окно, к которому подобрался ворон, оказалось закрыто ставнями, но в щель между неплотно пригнанными деревянными створами Гарху было видно почти все, происходившее в горнице.

Гнус водрузил на стол тусклую лампу и, выудив щипцами уголек из очага, торопливо зажигал стоявшие в подсвечнике обтекшие нагаром сальные свечи. Один из орков остановился в углу рядом с дверью, Каграт сел за стол, развалившись по-хозяйски, закинув ноги на соседнюю лавку и небрежно постукивая свернутым кнутом по голенищу сапога. Третий урук скромно опустился на скамью возле стены.

— Все готово, Гнус? — мрачно спросил Каграт. — Фураж для мулов припас? Провизию?

— Обижаешь, орк, — проворчал Гнус. — Все, как было обговорено.

— Список зачти, Радбуг, — Каграт кивнул своему другу.

Радбуг — тот орк, что сидел на лавке, — выудил откуда-то из-за пояса желтоватый пергаментный свиток, развернул его на коленях. Принялся читать, водя пальцем по строчкам:

— Так... Овечья шерсть — дюжина тюков, козий пух — шесть тюков, козьи шкуры — две дюжины тюков. Кроме того: нитки и пряжа — десять тюков, конопляное вервие — полдюжины тюков, холстина и парусина — по дюжине скаток того и другого, швейные иглы — четверть гросса, жидкость для протравки металла — два галлона, спирт — четыре галлона, поташ и сода — по два бочонка, семена моркови и репы — по три фунта того и другого...

— На кой леший в Крепости понадобились семена моркови? — пробурчал Каграт себе в нос. — Своего добра не хватает, что ли? Они бы еще за навозом нас сюда посылали...

Радбуг не обратил на него внимания.

— Чернила — три галлона, восковые свечи — пол-гросса, льняное масло — шесть бочонков... Пока всё.

— «Пока всё», — передразнил Гнус. — Я эти чернила и льняное масло из колодца, что ли, достаю? Привезли по весне из Делла пару бочонков, больше у меня нету.

Каграт и Радбуг переглянулись.

— Ладно, маслом у Крота разживемся, — рыкнул Каграт. — У него верный человек есть в Делле, он обещал добыть.

— Чернила, иглы и парусину тоже у него возьмете, — буркнул Гнус. — Остальное добро можете забирать, тюки в пристройке... Сейчас. Алашка! — Он шагнул к низенькой неприметной дверце в дальнем углу горницы, жажнул по ней кулаком. — А ну поди сюда, курва!

В каморке за дверцей боязливо, суетливо завозились, негромко захныкал разбуженный ребенок — и тут же смолк. Алашка выскочила в горницу — простоволосая, дрожащая, закутанная в неизменный плат, видом своим и цветом лица похожая на умертвие. Опасливо опустила глаза.

— Ступай в пристройку, — брезгливо велел Гнус, — покажи господам, где там что подготовлено и уложено. А то как бы они лишнего чего не прихватили по недосмотру-то, с них вполне станется.

Каграт кивнул своему сотоварищу, стоявшему возле дверей — тот молча повернулся и вышел за порог следом за служанкой. Дверь захлопнулась с раскатистым скрипом, и в наступившей оглушительной тишине отчетливо услышалось, как Гнус со свистом втянул воздух сквозь щербину в уголке рта.

— Дерьмо ты все-таки, Гнус, — с удовольствием заметил Каграт, ковыряя пальцем в ухе. — До чего свою бабу довел, взглянуть страшно — рассыпется. Кожа да кости, и ущипнуть не за что.

— Твое-то какое дело? Баба не твоя — вот сиди и помалкивай, — раздраженно проговорил бородач. — Деньги принес? Давай рассчитывать.

Каграт сунул лапу за пазуху — и извлеченный им тяжелый кожаный кошель лег на стол, глухо звякнув. Гнус развязал шнурок, стягивающий горловину, высыпал содержимое на стол: золото тускло блеснуло в неверном свете лампы.

Радбуг меж тем добыл из-за пояса другой свиток, бросил его на стол рядом с кошельком.

— Это тебе урок на следующий раз... Через пару-тройку месяцев жди — вернемся.

Гнус судорожно кивнул. Губы его быстро шевелились, пальцы безостановочно перебирали золотые монеты — он пересчитывал причитающуюся ему мзду. Хмуро поджал губы, сгреб монеты со стола в поставленную ладонь, ссыпал их обратно в мешочек, сунул кошель за пазуху.

— Ладно, а теперь — к «делу»... Можешь сверх мзды накинуть мне еще полдюжины монет, орк. У меня для тебя сегодня еще кое-какой товар припасен.

— Какой товар?

Гнус ухмыльнулся.

— Хороший. Принесло тут под вечер двух каких-то дурней с южной тропы, просились переночевать. Ну, я их приветил, винца *особенного* хотел поднести... Храп-то одного опоил и связанным в конюшне оставил, а вот Алашка, дурында, разбила посудину с «дрянью» — нарочно, я уверен, чтобы своего «благодетеля» не травить! Пришлось его по-простому, кувшином по голове оприходовать.

— Ах, вот оно что! — Каграт, искоса поглядывая на собеседника, побарабанил по столу когтистыми пальцами. — Наказов из Замка тебе мало, ещё и разбоем на досуге промышляешь, Гнус? Ну, и где твоя добыча?

— Тем, что в конюшне, пусть парни твои займутся. А второго — пойдем, покажу. — Взяв лампу, Гнус повел орков через коридор, в комнату, находящуюся напротив — и Гарх, внутренне холодея, никем не замеченный, неуклюже перебрался обратно, на соседний карниз. Саруман лежал на полу в прежней позе, там же, где ворон его и оставил, всё такой же мертвенно-бледный и проявляющий не больше разумности и живости, чем соломенный тюфяк на лежанке.

Каграт как будто пришел в недоумение.

— Это еще что за старый хрыч? — пробормотал он. — Издеваешься, Гнус? Зачем нам этот доходяга, а? Насчет крепкого и здорового я бы еще подумал...

Гнус мерзко захихикал.

— Крепкого и здорового в конюшне найдете, — прохрипел он. — А ты погоди, погоди от старика нос-то воротить. Старик представился скупщиком кож, да только не торгош он и не купец, или я ничегошеньки в людях не смыслю. Явно не из простых — не то вельможа какой, не то из этих... которые в библиотеках штаны просиживают. Лекарь.

— Да ну?

— И не из последних, похоже. У алашкиного крысенюшка враз определил целую кучу хворей.

— Определить — одно, вылечить — другое. Этак и я у тебя сейчас... три кучи всего определю.

— Погоди, Каграт, — вмешался в разговор Радбуг. Этот орк вообще волей-неволей заставлял обращать на себя внимание: лицо у него было не такое широкоскулое, как у его соплеменников, скорее чуть вытянутое, глаза — прозрачно-серые, волосы — не черные, типично орочьего цвета сажи, а льняные, стянутые кожаным шнурком в «конский хвост» на затылке, в левом ухе покачивалась серьга — оправленный в серебро волчий клык. — С тех пор, как Морхав помер от лихорадки, лекаря у нас нет... а от ран и болячек никто из нас не подписан. Лучше уж иметь под рукой хоть какого-никакого лекаря, чем совсем никакого. Гнус прав — медицина, она всем нужна.

Каграт, рассеянно потирая запястье, скрытое под кожаным ремнем-наручем, с сомнением взглянул на него.

— Разумеешь, Радбуг? По-твоему, надо прибрать старика?

— Почему нет? Списать его на харч завсегда успеется.

Каграт приглушенно зашипел, склонился над волшебником, приподнял ему голову, осмотрел рану на виске, оттянул пальцем верхнее веко.

— Да живой он, живой, — прохрипел Гнус. — Череп у него крепкий. Очнется — и будет как новенький, ну, может, поблюет немного... Ну так что, берёте? Или прикажете его зараз в мешок — да в речку? Мне тут все равно лишние свидетели ни к чему.

— Ладно. — Каграт скрипнул зубами. — Найдется у тебя ошейник, Радбуг?

Радбуг снял с пояса длинную блестящую полосу — разомкнутое кольцо — и, приподняв голову Сарумана, застегнул узкий ободок у мага на шее: ошейник сочленился совершенно бесшумно, без малейшего щелчка. Два конца полосы влились один в другой, образовав замкнутое кольцо — и на секунду на поверхности ошейника вспыхнули зеленоватые руны, проступили сквозь странный, с темным отливом металл, как знаки сквозь промасленную бумагу — и тут же погасли. Радбуг поднялся, отступил, как-то торопливо вытер руки о штаны, точно прикосновение к ошейнику вызывало у него брезгливую дрожь.

— Готово. Можно идти...

Где-то хлопнула дверь. Долгий хриплый вопль пронесся по двору, ворвался в открытое окно, рассыпался отзвуками по углам тесной горницы — вопль, в котором сквозила и ярость, и боль, и глухая жестокая тоска, и смертная мука... Гнус вздрогнул и побледнел, едва не выронив лампу, орки, переглянувшись, бросились прочь из дома, а Гарх почему-то разом подумал о Бреоре, оставшемся где-то там, во дворе, в конюшне, в лапах коварного Храпа: кажется, бранный земной путь для бедняги закончился, и притом совершенно не лучшим образом...

* * *

— Какого лешего? — яростно прорычал Каграт. — Почему живым не могли взять? Ошейник не надели?

— Он сопротивлялся! Этот болван Храп его вожжами связал и меч отобрал, а обыскать забыл! А у тарка поганого под одеждой нож оказался, и он как-то руки умудрился освободить. Хорошо, что нас трое было...

— Вояки! Трое против одного — и то живым повязать не сумели!

— Он сам не захотел... живым-то, — пробурчал один из орков. В правой руке он держал меч Бреора, в левой — нож, на поясе его висела маленькая бреорова булава. — Когда понял, что ему не вырваться...

Значит, на Бреора отныне рассчитывать не приходилось... Оказавшись радениями мерзавца Храпа наполовину обездвиженным и уразумев, что одному с тремя здоровенными громилами ему не справиться, гнусному орочьему плену старый воин предпочел смерть... Что ж, Гарх был совсем этому не удивлён.

На столбце ворот скалился плоскими желтыми зубами безглазый коровий череп.

Ворон кое-как взгромоздился на соседний столбец, притаился там, никем не замеченный, скрытый спасительной темнотой. Горе его, отчаяние, уныние, бессилие и леденящий душу ужас невозможно описать словами. Он остался один, совсем один... и совершенно не представлял, что ему теперь делать. В голове его было пусто, как в пивном бочонке после хмельной пирушки, и весь происходящий кошмар не желал никоим образом там укладываться. «А ведь я предупреждал! — уныло, раз за разом, будто заклинание, твердил он себе. — Я ему говорил... Ведь говорил же, говорил! Я сразу понял, что эта дурацкая затея ничем хорошим не закончится!..» А что теперь — ну вот что? Орки были такие сильные, крепкие и здоровые, а Гарх — такой маленький, беспомощный и слабый... И толка от него непредвиделось никакого. Что же мне теперь делать, в ужасе спрашивал он себя, что мне делать, куда бежать, кого звать на подмогу? До Изенгарда больше восьмидесяти миль, до Лориэна, вероятно, чуть меньше... но сколько времени мне понадобится, чтобы туда долететь — с раненным-то крылом? День, два? Неделя? А помощь нужна здесь, сейчас, сию минуту, немедленно! Вот только ждать её совершенно неоткуда...

Он больше не мог думать ни о чем другом. Мысли его бесконечно катались и катались по кругу, точно пойманные в ловушку.

Во дворе меж тем кипела работа: орки споро и торопливо — рассвет был близок — грузили на мулов и на телегу мешки и выюки, извлеченные из пристройки. Гнус, мрачный как туча, стоял возле крыльца, наблюдая за происходящим, и губы бородача вновь безостановочно шевелились — то ли он костерил на чем свет стоит нерасторопных кагратовых болванов, не сумевших взять пленника живым, то ли просто пересчитывал тюки с шерстью и зерном, навьюченные на мулов: не прихватили ли ночные гости по нечаянности лишку. Алашка торопливо юркнула в свою нору, Храп тоже куда-то благополучно исчез — видимо, возился в конюшне... Бесчувственного волшебника Радбуг вынес из дома и бросил в телегу, точно тюк с тряпьем, зачем-то мимоходом осмотрел его руки, взглянул на въевшееся в кожу чернильное пятно на пальце. Каграт беспокойно расхаживал по двору, раздраженно пощелкивая кнутом: метался из угла в угол, будто хищный зверь, у которого из-под носа увели жирный и сочный кусок мяса.

— Ладно, леший с ним, с этим крысюком, одним больше, одним меньше — разница невелика... — Главварь остановился возле крыльца, заарканил цепким взглядом Гнуса, который, втянув голову в плечи, смотрел на него мрачно и настороженно. — Слышь, борода, двое этих бродяг к тебе ведь не пешком пришли, надо полагать? Кони-то ихние где — припрятал, небось?

— Знал бы, что ты свои лапы загребущие и к лошадям потянешь — уж точно припрятал бы, — с отвращением буркнул в ответ раздосадованный Гнус. — Кони-то вам зачем? Вы все равно верховой езде не обучены, да и с какой стати я их тебе отдавать должен? Уж если

делить добычу, так по справедливости...

Каграт посмотрел на бородача, как показалось Гарху, с удивлением.

— Это по какой такой «справедливости»? Нам вершки подсунул, какого-то полудохлого старого хрыча, а себе, выходит, корешки прибрал, что послаще да подороже? По какому праву подгребаешь под себя то, что тебе не принадлежит?

— По праву добытчика! — огрызнулся Гнус. — Неужто про такое не слыхал, орк? Ты, когда деревни по берегам Лимлайт жег да вонючих лошадиников убивал да грабил, тоже у них на всё про всё дозволения спрашивал?

Каграт медленно поднял лапищу и взял когтистым пальцем Гнуса под подбородок. Притянул к себе — к своему темному, свирепому, не отмеченному печатью мудрости и милосердия угрюмому лицу.

— Что? — спросил он так спокойно и тихо, что его услышали все. — Что ты там бормочешь, скотина? Ты мне смотри тут, сволочь, из своего грязного угла не выдвигайся, а то ведь обнаружат тебя поутру в колодце с кинжалом промеж лопаток... да порадуются, поди, что нашлась наконец и на кровососа-скупщика управа, не все разбойникам бедняцкие хибары жечь. Или, может, тоже блестящий ободочек хочешь на шейку — заместо того чересчур шустрого парня? Мужик ты крепкий, в самом соку, в Замке такие как раз нужны — дренажные канавы рыть.

— Ладно, не пугай, пуганые уже... — сдавленно прохрипел Гнус. — У меня договор с Визгуном, а не с вами, вонючими зверюгами, понял? Я под защитой Замка, забыл никак?

— Да ну? Это под какой-такой защитой? Замок далеко... а мы, вонючие зверюги, близко! Вот они мы — видал, какие славные ребята? — Каграт с такой силой отшвырнул Гнуса прочь, что тот отлетел, как кукла, едва удержавшись на ногах, и смачно впечатался спиной в крепкий частокол. — Кони нам без надобности, это верно, поэтому мы вместо них пару тюков мехов и пушнины заберём, которые ты в сарае под ворохом соломы припрятал... Не нравится — строчи жалобку Визгуну в Канцелярию, глядишь, он сам, лично, явится тут порядок наводить да правосудие от души вершить направо-налево.

Гнус, держась обеими руками за помятое горло, хрипло перевел дух. Согнувшись возле забора, смотрел на Каграта исподлобья — мстительно и злобно.

— Гнида! Грабишь награбленное, да? Мои это меха, мои, на продажу припасенные, про них в договоре никаким манером речи не шло! Чтоб тебе и твоему Визгуну ими подавиться, мерзавец!

Каграт, кривя губу, только смачно сплюнул.

Где-то в лесу, рассекая ночную тишь длинной дребезжащей трелью, резко и тоскливо прокричал козодой. Каграт сердито дернул плечом и что-то вполголоса рыкнул своим сородичам — и орки засуетились, погоняя мулов, выводя их за ворота; внимательные, с желтоватыми белками глаза главаря напоследок приметливо обежали двор, точно высматривая, где что плохо лежит. Гнус, вытирая рукавом раскрасневшееся лицо, буркнул Каграту в спину:

— Ты не заплатил мне за старика, орк!

— Лошадей тебе оставляем, вот и радуйся, — процедил Каграт, не оборачиваясь: видимо, неудача раздосадовала его все же куда больше, чем он хотел это показать. — А за падаль я не плачу.

— Не такая уж и падаль, — сердито возразил Гнус. — Говорю тебе, он оклемается.

— Вот когда оклемается — тогда за мздой и придешь.

— Скотина ты, Каграт! — визгливо закричал Гнус, брызгая слюной. — Где я тебя завтра искать буду — у лешего за пазухой на волчьем перекрестке? Я и так из-за вас в сплошном дерьме... Трофеи вам добываю в поте лица — а вы даже удержать их толком не можете, дуболомы! А цены?.. Знаешь, какие нынче цены на шерсть, на кожи и на все ваше прочее добро? Себе в убыток скупаю, если тебе неведомо! А ты последний кус хлеба у меня отнимаешь... Разорить меня хочешь, сволочь, совсем по миру пустить, да?

Каграт, стоя в воротах, на секунду обернулся.

— Ну так напиши донос в Крепость, — злобно прошипел он, — может, тебе там и возместят твой убыток... коли жалоба твоя ненароком по закоулкам не заплутает. То, по каким ценам ты кожи и шерсть скупаешь, мне ведомо... себя ты не обидишь, жрешь от пуза и спишь на мягком, в отличие от твоих соседей-голодранцев! Сосешь соки из всех встречных-поперечных, чисто гнус, от бабы твоей и вовсе один жмых остался — не баба, а сушеная селедка! Посадить бы тебя для науки на вилы — да некогда уже, время поджигает... чтоб тебе лопнуть вскорости от твоей несусветной жадности! — Он пнул валявшееся на земле пустое ведро и зашагал вслед за ушедшим обозом: последние мулы уже скрывались под темным пологом ночного леса, будто за плотным, как войлок, глухим и тяжёлым занавесом.

И Гарх, так и не придумав ничего лучшего, счел единственно верным решением направиться за орками следом — благо на ворона, как и прежде, никто ни малейшего внимания не обращал. Только коровий череп, висевший на заборе, неотрывно смотрел ему вслед долгим и пустым равнодушным взглядом...

16. Река Лимлайт

Сожженная деревня выглядела жутко.

Среди черных обгорелых развалин торчали желтовато-белые печи — точно кости, просвечивающие сквозь разлагающуюся плоть неведомых мертвых чудовищ. В воздухе пахло гарью — этот запах впитался во все вокруг, плотной марью стоял в воздухе, въедался в легкие, отвратительно прилипал к телу. Среди остатков жилищ бродили какие-то люди, копошились в развалинах — не то бывшие хозяева, не то просто мародеры, желающие пожить чужим уцелевшим добром...

Гэндальф смотрел на пепелище с вершины холма, приложив ребро ладони ко лбу, и лицо его было мрачным, обеспокоенным, накрытым непонятной тенью — и вряд ли это была просто тень от полей шляпы. Хмуρο оглянулся на Гэджа, стоявшего за его спиной. Неохотно мотнул головой:

— Обойдем.

Гэдж не спорил. Идти в сгоревшую деревню ему совершенно не хотелось. Да и нечего там было делать...

...Они по-прежнему брели по бесконечной унылой степи. Но река была уже близко — там и сям начали появляться небольшие рощицы, в распадках меж холмами зеленели купы кустов, иногда в овражках жизнерадостно журчал ручеек, неизменно струящийся к северу. В небе висел силуэт не то ястреба, не то беркута, высматривающего добычу среди густой степной травы. Пахло полынью, донником, пылью, сухой землей. Волновался ковыль под ветром, по обочинам дороги шныряли ящерицы, бежали над головой легкие облачка, волоча за собой по земле огромные полотнища тени...

— Лошади, — сказал Гэдж.

Волшебник обернулся.

— Что?

— Лошади. С полдюжины или около того, — орк прислушивался. Он опустил на колени и приложил ухо к земле. — Скачут сюда.

Гэндальф сошел с дороги и выглянул из-за гребня ближайшего холма. Несколько всадников — около десятка — мчались по травянистой равнине, и солнце поблескивало на их начищенных стальных шлемах и остриях поднятых к зениту копий. Посверкивали кольчуги, побрякивало оружие, земля дрожала под дроботом четырех десятков подкованных копыт...

— Беги в ближайший овраг, — через плечо бросил волшебник орку. — И носа оттуда не высовывай, пока я не скажу, понял?

— Опять? — Гэдж возмущился. — Почему я все время должен ото всех прятаться? Я же ничего не...

— Быстро! — гаркнул Гэндальф: всадники были уже неподалеку. Гэдж скатился с холма, нырнул в придорожный овражек, под защиту густых кустов, уткнулся носом в пучок травы, затаился, замер. Всадники нагрянули, разом заполонив собой всё пространство, окружили волшебника: вжавшись в землю, Гэдж видел рядом огромные копыта серых лошадей, чьи-то огромные сапоги в огромных стременах, огромные деревянные щиты, крашенные охрой и известью. Всадники — все, как один — были рослые, плечистые, облепленные железом: лица их были угрюмы и суровы, из-под шлемов выбивались пряди

светлых волос. Один из них — видимо, десятник — что-то коротко и отрывисто спросил у волшебника. Гэндальф покачал головой и что-то ответил — негромко, но так же коротко и отрывисто. Десятник обернулся к своим соратникам, зычно гикнул — и лошади сорвались с места, унося всадников куда-то дальше к северо-западу, только земля опять страдальчески загудела под копытами, порскнула прочь испуганная синица, да взметнулись к небу серые клубы пыли. Один из конников обернулся и что-то небрежно бросил на дорогу к ногам Гэндальфа.

Через несколько секунд все десятеро пропали из глаз за гребнем соседнего холма. Орк выкарабкался из оврага и подошел к магу, который стоял на прежнем месте, тяжело опираясь на посох и глядя всадникам вслед.

— Ну? Кто это такие?

Гэндальф наклонился и принялся неторопливо отряхивать от пыли полы плаща.

— Дружинники, разосланные по окрестностям воеводой Астахаром... ищут орков, которые сожгли две деревни по берегам Лимлайт. Бравые ребята, видал?

— Да уж... И что они у тебя спросили? — помолчав, полюбопытствовал Гэдж.

— Ты бы лучше поинтересовался, что я им ответил, — пробурчал Гэндальф. Он шагнул вперед и коснулся кончиком посоха блестящего кругляшка, который бросил на дорогу один из всадников — это была грошовая медная монета. Уязвленно поджал губы. — Смотри-ка, кажется, эти молодцы подали мне милостыню... Они приняли меня за нищего!

Гэдж посмотрел на Гэндальфа, на его старый, заляпанный грязью и дорожной пылью плащ, на изношенные сапоги, на потертую котомку, на встрепанную бороду и на возмущенно покрасневшее лицо — и фыркнул, чтобы скрыть приступ одолевающего его нервного смеха.

— Ну и что такого? Вид у тебя и вправду... не королевский. Так что ты им ответил?

— Что я не вожу дружбу с орками, знаешь ли. — Волшебник устало вздохнул. — Ладно, идем.

...К вечеру они вышли на берег реки. Лимлайт оказалась не особенно велика, едва ли ярдов триста в ширину, но зато воды имела столь чистые и прозрачные, что ясно были видны разноцветные камешки на дне и шныряющие туда-сюда юркие серебристые рыбки. Видимо, река полностью оправдывала жизнерадостное название, данное ей на роханском — Кристалимка.

Привал разбили в небольшом лесочке на берегу. Деревья здесь спускались почти к самой воде, и песчаный затончик среди камышей и плакучих ив оказался на диво уютен и великолепно укрыт от случайных взоров. Пока волшебник возился с костром, Гэдж смастерил удочку из ивового прута, бечевки, камешка и крючка, вырезанного из подходящего сучочка, зашел по колено в воду и попытался наловить этой немудреной снастью плотвичек. Ему, к собственному удивлению, удалось вытянуть четыре штуки, прежде чем простенький крючок сорвался вместе с очередной рыбкой и канул в воду. Нагруженный добычей, орк вернулся к Гэндальфу, который сидел на одеяле возле костра, скрестив ноги, скинув плащ и балахон; маг закатал рукава льняной нательной рубахи и, негромко напевая под нос, вырезал из осинового полешка фигурку пухлого большеголового дракончика.

— А в Хараде, — сказал Гэдж, — я слышал, делают игрушки из смолы какого-то особенного дерева. Они получаются упругими на ощупь и пищат, если нажать им на живот.

— Любой запищит, — проворчал Гэндальф, не оборачиваясь, — если нажать ему на

живот. — Он рассеянно почёсывал комариный укус на плече. — Ну, как улов? Можно сегодня надеяться на уху?

— Посмотрим, — уклончиво отозвался Гэдж, принимаясь чистить на камне скользкую и увертливую даже вне родной стихии рыбу.

Ухичка, состряпанная из плотвичек и каких-то пряных корешков, принесенных волшебником из леса, получилась жидковатой, но зато ароматной и, в общем, съедобной. Впрочем, путники были слишком голодны, чтобы жаждать кулинарных изысков, и ужин прошел споро, быстро и в полном молчании. Хотя, по мнению Гэндальфа, корешки могли бы все-таки малость развариться и быть чуток помягче...

Вечерело. Краски дня мало-помалу меркли. Над водой бесшумными зигзагами метались крупные разноцветные стрекозы. По мере того, как солнце садилось за Туманные горы, оно становилось темно-красным, почти вишневым, и по воде протянулась ярко-алая, точно шелковая лента, тропа золотистых бликов. Редкие облака плыли по темному небу, словно сказочные островки, подсвеченные снизу золотом: одни — как затейливые замки с башнями и витыми лесенками, другие — как горные гряды с пылающими на солнце вершинами, третьи — как величественные ладьи, пустившиеся в неторопливое странствие к неведомым берегам... Путники сидели в тишине и молчании, слушая мирное потрескивание костра, глядя на яркий, как картинка, закат; негромко, словно боясь резким голосом спугнуть это нежное вечернее великолепие догорающего дня, Гэндальф, неожиданно для Гэджа, вынул изо рта неизменную вересковую трубку, прикрыл глаза и очень мягко, задушевым тоном продекламировал:

— Безумным пламенным багрянцем
Закат пятнает небеса,
И всё же вряд ли с ним сравнится,
Мой свет, ланит твоих краса...

И умолк — с долгим мечтательным вздохом. Покосился на орка со слегка неуклюжей усмешкой:

— Ну, как? Что скажешь, дружище?

Гэдж в некотором недоумении пожал плечами.

— Ну, не знаю. Звучит довольно... аляповато. Только не говори мне, что ты сам это только что сочинил.

— А что? — подозрительно спросил волшебник. — Мне кажется, вполне неплохие вирши.

— Разве? Я бы сказал, что довольно посредственные. Да и тема, того... заезженная. Там дальше наверняка что-нибудь про очи, подобные звездам, волосы, сотканые из солнечного луча, пышные наливные перси, прелестные ручки-ножки-губки и прочие части тела...

— Ничего ты не понимаешь в поэзии, друг мой! — сердито сказал Гэндальф. Он вновь сунул трубку в рот и, насупившись, яростно запыхтел ею, с головы до ног окутавшись облаком ядерного табачного дыма.

Мелкий белый песок, нагретый солнцем, еще хранил тепло жаркого летнего дня. Самозабвенно заливалась трелями в кустах какая-то красногрудая пичуга. Пиликали в траве цикады, громко и напористо, пытаясь перескрипеть друг друга, словно на соревновании невидимых скрипачей. В воде неподалеку от берега стояла цапля, нахохлившаяся и

надменная, брезгливо поджав одну ногу — ни дать ни взять знатная дама, вынужденная пройти по жидкой весенней грязи. На подставленную ладонь волшебника опустился крохотный мотылек невнятной пыльной расцветки, пошевелил усиками, сложил и вновь распластал невесомые крылышки. Гэндальф любовался им, поворачивая руку так и этак, точно не бледная, как моль, неприметная бабочка сидела на ней, а возлежал драгоценный, переливающийся всеми цветами радуги сверкающий камень.

— Посмотри, Гэдж. Какая прелесть, правда?

— Угу, — вяло пробормотал орк. Он никак не мог понять необъяснимой способности волшебника находить красоту в самых блеклых, непривлекательных и невзрачных на вид созданиях.

Смеркалось. Последний сказочный островок уплыл куда-то к востоку, и над рекой повисла ночь, накинула на землю расшитое звездами покрывало. Костер догорал; Гэдж, грызя травинку и заложив руки за голову, лежал на одеяле и смотрел на небо, отыскивая там знакомые ориентиры. Небо здесь было таким же, как в Изенгарде — глубоким и необъятным, с теми же самыми звездами и созвездиями, привычными орку, как старые друзья, и Гэджу вдруг вспомнился дом: мрачный, пахнувший прелью Ортханк, его собственная маленькая каморка с окошком, выходящим на запад, древние скрипучие часы в «лаборатории», Саруман, склонившийся над колбами и пробирками, на стеклянных гранях которых загадочно поблескивают отблески свечей... Я что, скучаю? — с неудовольствием спросил себя орк. И сам себе (тоже с неудовольствием) ответил: ну да, скучаю... немного... и что?

Волшебник свернулся рядом калачиком, укрывшись плащом и подложив под голову набитую травой котомку.

— Тут городок есть за лесом, Делл называется, — позевывая, лениво сказал он, — завтра попробуем раздобыть там лодку, чтобы перебраться через Лимлайт. У меня есть знакомый трактирщик, думаю, он нам подсобит...

Интересно, спросил себя Гэдж, существуют ли на западном берегу Андуйна хоть какие-то города, сёла и веси, где у волшебника *нет* знакомых трактирщиков?

— А что там дальше, за рекой, Гэндальф?

— Та же степь, что и здесь. Поле Келебрант. Когда-то там был лес, и жили эльфы, но времена те давно остались в прошлом. Лес исчез, эльфы тоже — ушли дальше к северу, в Лориэн. Сейчас это, в общем, «ничейная земля»...

Он не договорил: в ночной тишине над рекой внезапно родился странный, пугающий звук — низкое утробное рычание, с каждым мгновением набирающее силу, переходящее в долгий, свирепый, ввинчивающийся в уши пронзительный вой. Гэдж невольно вздрогнул. Вой доносился с противоположного берега реки, оттуда, с «ничейной земли» — громкий, несмолкающий, яростный, похожий на волчий... но что-то в нем было настолько жуткое и настолько не-волчье, что орка с головы до ног пробрал мерзкий липкий озноб. Это был не вой — вопль грешной души, расстающейся с телом, лютое унылое стенание, исполненное невероятной тоски, злобы и ненависти...

Орк оцепенел. Ночной туман, поднимавшийся от реки, ласково обьял его дрожью, холодом и слабостью в коленях.

— Эт-то еще что? — запинаясь, пробормотал Гэдж.

Гэндальф, привскочив, вглядывался в темную стену деревьев, стоявших у воды на противоположном берегу, настороженно и внимательно, с некоторой тревогой.

— Степные волки... — пробормотал он. — Вышли на охоту.

— Ты уверен, что это действительно... волки? — Гэдж облизнул губы — уж больно страшным и мерзким, проникающим до самых печенок был этот донесшийся из мрака ушераздирающий вопль.

Вой раздался снова, но уже тише, слабее, глуше — видимо, тот, кто его издавал, отдалился от реки куда-то в степь. Потом и вовсе умолк — и больше не повторялся...

— Уверен, — мрачно сказал Гэндальф. Но, прежде чем лечь, зачем-то подтянул к себе свой посох, валявшийся в траве неподалеку, и положил рядом с собой.

* * *

Утром, когда Гэдж проснулся, волшебника рядом не обнаружилось.

Но зато на полоске гладкого мокрого песка возле самой воды нашлась надпись, сделанная прутиком: «Я ушел в Делл. По делам. Гэндальф». Ну что ж, этого следовало ожидать...

Ниже темнела гневная приписка:

«Даже не вздумай!»

«Не вздумай что?» — в недоумении спросил себя Гэдж. Уйти? Залезть на дерево? Купаться? Танцевать джигу на берегу в чем мать родила? Совершить еще какие-нибудь столь же великие и достославные подвиги? Поразмыслив, орк решил не ломать голову над туманными гэндальфскими посланиями, явно не подвластными скромному разумению простых смертных — волшебник, старый плут, выбрал такую расплывчатую формулировку наверняка неспроста, дабы разом пресечь все безрассудные, на его взгляд, деяния спутника во всех возможных и вероятных направлениях.

Орк не стал заново разжигать угасший костер. Выхлебал на завтрак холодную уху, оставшуюся с вечера, выскреб пучком сухой травы котелок. Собрал в сумку свои пожитки. Достал чистый лист бумаги — один из двух оставшихся — и торопливо записал незамысловатый сюжетец, на днях пришедший ему в голову. Понаблюдав за чайками, которые устроили свару на ближайшей отмели в борьбе за какую-то особенно вонючую гроздь ракушек. Гэндальф все не возвращался, и Гэдж, не зная, куда себя деть, отправился бесцельно бродить по берегу меж зарослей тростника и плакучих ив. Неподалеку он обнаружил густой ежевичник, и некоторое время пасся среди колючих кустов, собирая темные, покрытые сизой патиной ягоды, мало-помалу продвигаясь вглубь небольшого прибрежного лесочка...

И что я здесь делаю? — уныло говорил он себе. Самое время подхватить свои вещички и убраться восвояси, пока Гэндальф шляется не-пойми-где — пойти вниз по течению Лимлайт, добраться до Андуина, а потом повернуть на север, в Серые горы... Ведь самое время, да? Волшебник, поди, только порадуетя, если я уйду и тем самым разом избавлю его от множества забот, хлопот и головной боли. Не пустится же он за мной в погоню, в самом-то деле! А с Саруманом придумает, как объясниться, сам говорил, что ему против воли Белого мага поступать не впервой... Действительно — сейчас самый подходящий момент для того, чтобы собрать манатки и вот так не прощаясь, по-тихому, предательски улизнуть...

«Даже не вздумай!» Орк вздохнул. Нет. «Улизнуть по-тихому» — это низко, мерзко и неблагородно. Бесчестно по отношению к волшебнику. Да что там — попросту трусливо и подло...

Он замер. В тишине леса ему внезапно послышались чьи-то голоса и смех.

Голоса были звонкие, девичьи, даже скорее детские. Три девчонки лет двенадцати-тринадцати в простеньких домотканых платьях шли по лесу с плетеными лукошками в руках. Откуда они тут взялись, с раздражением спросил себя Гэдж — из этого пресловутого Делла? Гэндальф говорил, что городок расположен где-то совсем рядом, за лесом.

— ...яшма от бессонницы и ночных кошмаров, — говорила одна, перекидывая с плеча на плечо тугую русую косу. — Она разных цветов бывает. А огневица — алая со слезой...

— Мне батька обещался по осени бусы из Эдораса привезти. Из настоящего лунного камня! — хвастливо сказала другая. Бусики на ней нынче и впрямь были неказистые — из сушеных вишневых ягод.

— Из Эдораса! Бреешь ты, Тея! Батька твой отродясь дальше ближайшего кабака носа не казал, — пренебрежительно сказала третья, и они с подружкой премерзко захихикали.

Гэдж замер, затаившись в листве колючего ежевичника. Девчонки беспечно собирали ягоды и не замечали ничего вокруг. Но выйти из своего убежища, не привлекая к себе их внимания, Гэдж не мог — приходилось ждать, пока девчонки наполнят лукошки, вдоволь нахихикаются и уберутся восвояси... А если Гэндальф вернется к месту привала и не обнаружит там спутника? Или эти любопытные трещотки спустятся ближе к воде и найдут немудреный гэджевский скарб? Ведь наверняка они вскоре захотят купаться...

— Ой, девы... Выло-то как ночью, слышали? У меня аж сердце в пятки ушло...

— И у меня... Ужас, ужас, как выло!

— Батька сказал, это волколак голос подает... добычу ищет...

— Волколак?! Ой, лишеньки!

— Да не визжи ты, Кара! Они там... на том берегу... сюда не придут, батька сказал. Они бегущей воды боятся.

— Ни за что бы на тот берег не сунулась, хоть озолоти меня...

— А на этом берегу, думаешь, спокойнее? Слыхали — на днях две деревни на западе пожгли? Тоже, бают, с того берега реки напали...

— Кто напал? Волколаки?

— Орки, дуреха!

— Верхом на волколаках, поди... А ну как они и до нас доберутся, а?

— Не доберутся... Там брод был, а тут река глубока. Орки плавать не умеют.

«Умеют, овца!» — хотел сказать Гэдж — и с трудом от этого удержался, заткнув рот собственным кулаком.

— А еще они страшные — жуть! — самозабвенно вещала Тея. — Огромные, здоровенные, лапищи — во! Кровищей воняют... И человечину, бают, едят, только подавай... И солнца не боятся... Зверюги такие страшные, рычат, как бешеные собаки, и пена изо рта капает...

Девчонки испуганно заозирались.

Гэджу вдруг пришла в голову отчаянная мысль.

Он осторожно зашевелился в гуще ежевичных кустов и издал негромкое рычание — приглушенное, но, как ему самому показалось, очень-очень свирепое... Девчонки прекратили болтовню, застыли, прислушиваясь, кто-то из них негромко пискнул. Они переглянулись — и, замерев, принялись беспокойно осматриваться. Лица их бледнели в полутьме леса, будто намазанные сметаной. Гэдж вновь зарычал, на этот раз погромче, нашарил рядом сухой сучок и хрустнул им нарочито громко, зловеще, потом осторожно, на

четвереньках, двинулся сквозь кусты...

— А-а-а! — завизжала вдруг всезнающая светловолосая Тeya. — Вон он! Вон! Я вижу! — Она тыкала в Гэджа пальцем. — Вон там! Волк!

Теперь, согласно правилам игры, следовало выскочить из кустов, соорудить страшную рожу и крикнуть: «Бу!» В Изенгарде это всегда действовало безотказно... Но сейчас в этом не было нужды — девчонки оказались насмерть перепуганы и без дурацких прыжков и выкриков.

— Орк! — завопила Кара, и в голосе её был настоящий ужас. — Орк! Орк!!!

Теперь завизжали уже все трое. Побросали лукошки и бросились бежать — через лес, сквозь кусты, прочь, туда, куда уходила едва заметная стежка. Вопли их — не то «Орк!», не то «Волк!» — вскоре затихли в отдалении, потерялись где-то в гулкой лесной тишине. Ну, уж теперь эти трусихи точно не скоро сюда вернутся! Гэдж, беззвучно посмеиваясь, чрезвычайно довольный собой, выбрался из кустов и рысцой припустил обратно, к берегу реки... и почти тотчас столкнулся нос к носу с Гэндальфом, поднимавшимся по склону холма ему навстречу.

— А! Вот и ты, наконец-то! — весело крикнул Гэдж. — Я... — Он поднял глаза на волшебника — и осекся.

Лицо Гэндальфа было белым от гнева — настолько, что даже кончик носа побледнел от негодования. Он схватил орка за грудки и так встряхнул, что у Гэджа клацнули зубы.

— Дурень стоеросовый! Какого лешего ты тут вытворяешь?!

Орк испугался. Таким ему еще видеть мага не доводилось.

— Я... я — вытворяю? Н-ничего... я только хотел, ну... чтобы они ушли... Я думал...

— Думал? Нет, ты не думал! Ты вскочил, удрал и начал паясничать! Эти-то пигалицы ушли — а сейчас, чума тебя заberi, сюда явятся *другие!* С топорами, луками, стрелами и дрекольем! Силы небесные, я из кожи вон лезу, чтобы укрыть тебя от посторонних глаз, а ты сам прешь на рожон, как распоследний болван!

Волшебник тяжело дышал от волнения и возмущения. Он выпустил Гэджа и прерывисто, трудно перевел дух, опершись рукой о ствол ближайшего дерева. Провел ладонью по лицу, словно уже жалея о своей нечаянной яростной вспышке, с досадливым стоном покачал головой.

— Какой же ты... мальчишка! Ладно, идем. Я привел лодку... Она не слишком надежная, но на другой берег перебраться на ней сумеем. Еще полчаса, думаю, у нас есть... Живее!

* * *

Лодка стояла у берега — старая рассохшаяся посудина, на дне которой плескалась вода, просачивающаяся сквозь щели в днище. Но выбирать было не из чего... Гэндальф и Гэдж побросали в неё свои пожитки, перебрались через борт. Гэдж оттолкнулся от берега темным от времени, казавшимся не слишком надежным коротким веслом...

— В Делле, — утирая пот со лба, сказал Гэндальф, — аккурат Астахарова дружина расположилась на постой... А тут прибегают эти вертихвостки и начинают вопить, что видели в лесу орка! Угадай, что будет дальше?

Гэдж глотнул. Угадывать тут было нечего.

— Слышишь? — Гэндальф обеспокоенно к чему-то прислушивался.

Ветерок доносил из-за леса невнятный шум — не то чьи-то голоса, не то лошадиное ржание, не то бряцание оружия. Или всё это просто было плодом внезапно разыгравшегося гэджевского воображения?

Орк старательно греб, налегая на весла, стараясь как можно быстрее пересечь опасную быстрину и добраться до противоположного берега. Но лодка шла медленно, тяжело, неохотно — вода набиралась в неё куда быстрее, чем этого хотелось бы невольным ездокам. Волшебник вполголоса ругнулся; достал из котомки деревянную кружку и, кряхтя, принялся вычерпывать ею воду.

Они почти добрались до середины реки, когда течение подхватило лодку и понесло по стрежню — напрямик к злосчастному городку, находившемуся за лесом чуть ниже по берегу. Теперь голоса, крики, ржание и бряцанье оружия доносилось до Гэджа совершенно отчетливо... Лесок закончился — и стали видны неказистые улочки Делла, спускающиеся к воде, деревянные домики, сарай, заборы, мостки. В городке царила суета: по улочкам метались какие-то люди, собирались группками, чуть поодаль виднелось несколько уже знакомых Гэджу верховых в начищенных шлемах...

— Дай мне весла, — сказал Гэндалф. — Спрячься!

Гэдж съежился на мокром дне посуды, стараясь не поднимать голову над бортом, чтобы его не видели с берега — одинокий старик, сгорбившийся в лодке над веслами, особенного внимания привлечь не мог... Увы. Нехитрая уловка оказалась излишней, их уже заметили — с дозорной вышки, торчащей на берегу над крышами домов, как строгий назидательный перст.

Утреннюю тишину пререзал звонкий звук сигнального рожка.

Гэндалф, скрипя зубами, опустил весла, оглянулся на берег. Лодку, подхваченную течением, неторопливо несло мимо городка — и по мосткам, выдающимся в реку, уже бежали какие-то люди, готовые прыгнуть в суденышки, привязанные к пирсу, и пуститься путникам наперерез. Человек в кольчуге, стоящий на мостках, что-то повелительно кричал беглецам и махал рукой, приказывая повернуть к берегу.

— Вот же... леший! — пробормотал волшебник.

Гэдж вскочил. Прячется уже не имело смысла.

— Гэндалф! Дай весла! Нам надо левее...

— Пригнись! — крикнул маг. В борт лодки вонзилась стрела. Стреляли, по всей видимости, с дозорной вышки.

Гэндалф и Гэдж бросились ничком на мокрое дощатое дно. Воды там набралось уже по щиколотку, и лодка становилась все тяжелее, ленивее и неповоротливее... Радовало одно: беглецы почти миновали городок, а впереди виднелась излучина, и течением лодку тащило к противоположному берегу — но медленно, слишком медленно приближались росшие у воды заросли густоцвета...

Гэндалф осторожно выглянул из-за борта. От мостков отчалили два суденышка, пустились вдогонку за беглецами. Лодки преследователей были большие и крепкие, гребцы в них — энергичные, сильные и умелые. В каждом суденышке поместилось человек по восемь, облаченных в кожаные доспехи поверх холщовых рубах; при них были мечи, копья, пращи и остроги, а также суровые разгоряченные лица и решимость разом поквитаться с вонючим орком за всё. Расстояние между преследователями и беглецами стремительно сокращалось...

С лодок воинственно кричали и улюлюкали:

— Эй! Стойте, паршивцы! Не уходите!

— Сдавайтесь!

— Именем короля!..

В борт ударился камень, выпущенный из пращи. Брызнул фонтан щепок, оцарапал Гэджу щеку. Сейчас прилетит еще один камень, потяжелее, мельком подумал орк — и лодка с пробитым днищем пойдет ко дну...

— Гэндальф! — прохрипел Гэдж, скорчившись под носовой банкой. Горло его сжалось от ужаса, сердце колотилось где-то под подбородком. — Они нас... догонят!

— Нет! — Волшебник, пугаясь в бороде и полах балахона, бросил спутнику свою шляпу. — Подними её над бортом.

— Что?

— Отвлеки стрелка! — Маг схватил свой посох.

Гэдж напялил шляпу на рукоять весла, осторожно поднял её над бортом. Прогудела мимо одна стрела, вторая — шмяк! — вонзилась прямиком в шляпу, сбила её в воду. За секунду перед этим волшебник привскочил на одно колено, высунулся из-за борта и, что-то лихорадочно шепча, наверху посоха коснулся поверхности реки.

Тиунннн... — раздался свист.

Волшебник ничком упал в лодку. За бортом раздался всплеск — что-то тяжело шлепнулось в воду. Стрела? Копьё? Камень?

— Гэндальф! — Гэдж с тревогой схватил его за плечо. — Ты...

Посудина качнулась.

Откуда-то с запада, по течению, откуда ни возьмись налетела волна — огромная, стремительная, сокрушительная, обрушилась на лодки потоком воды, подбросила их, расшвыряла в стороны, разметала подобно бумажным корабликам. Позади раздался треск, плеск, утробное бульканье, испуганные крики... Утлое суденышко беглецов встало на дыбы, волшебник и орк повалились друг на друга, Гэдж пребольно стукнулся подбородком о борт лодки, клацнул зубами, до крови прикусил губу... Посудина не перевернулась лишь потому, что была на четверть полна воды. А вот преследователям повезло меньше — одну лодку, оказавшуюся ближе к середине реки, налетевшая волна вмиг опрокинула вверх дном, вторую развернула боком к течению, и находившиеся в ней люди прилагали все усилия к тому, чтобы удержать суденышко на плаву...

— На весла! — переводя дух, прохрипел Гэндальф. — Гребем отсюда, пока они там плещутся и купаются, оглашая воздух радостными кликами... Осталось недалеко.

Он оглянулся назад — перевернутая лодка неторопливо покачивалась на волнах, и за неё цеплялись оказавшиеся в воде незадачливые преследователи. Река успокоилась, но ни дружинникам, ни воинствующим горожанам, кажется, было теперь не до погони — те, кто остался во второй лодке, торопливо спасали потерпевших кораблекрушение, и перегруженное суденышко, потеряв скорость, уже не могло догнать посудину беглецов, которую течение относило за поворот — туда, где путникам были не страшны лучники с дозорной вышки.

— Ты цел? — пробормотал Гэдж, торопливо берясь за весла.

— Потерянные нервы не в счет? — Волшебник отжимал насквозь промокшую бороду. — Где моя шляпа?

— Кажется, вот. — Орк выловил веслом из воды плавающий в ней синий бесформенный блин.

— Мальчишка! Ничего тебе нельзя доверить! — с досадой проворчал маг. Тем не менее шляпу взял, выжал из неё излишки воды и, бережно расправив, положил на носовую банку. — Ладно, давай поторапливаться. Берег уже близко...

17. Ошейник

Белый маг выбирался из забытья долго и мучительно, точно из холодной засасывающей топи — жадная трясина беспамятства не желала его выпускать, давила и душила, тянула куда-то вниз, во мрак, оплетала хищными щупальцами. Наконец он кое-как вынырнул, выкарабкался на поверхность из этого вязкого горячего болота — и оказался в густом плотном тумане, и долго неприкаянно блуждал в душном волглом мареве, смутно воспринимая, но не осознавая окружающее; ему чудились чьи-то хриплые невнятные голоса, доносящиеся до него словно сквозь толщу воды, чьи-то шаги, металлическое позвякивание, мягкий перетоп копыт, пофыркивание лошадей, шелест травы... Н-да, давненько уже он не чувствовал себя настолько паршиво! Кажется, даже последствия разнузданной пирушки у щедрого на яства и питье наместника Белектора не давали о себе знать так отчаянно и невыносимо... В горле едким комом стояла тошнота, суставы разламывались на части, тело казалось ватным, непослушным, чужим, нелепо скроенным и плохо слаженным из отдельных частей. Когда же магу наконец удалось разлепить веки, он долго не мог понять, где он находится и что вообще происходит...

Он пребывал отнюдь не в богатых княжеских покоях и не на пышном королевском ложе под роскошным шелковым балдахинном. И не на лавке в величественном пиршественном зале, и даже не под столом в грязном придорожном трактире, а на холодной, сырой и жесткой матушке-земле. В виске его острым шилом пульсировала боль, в горле колыхалась мутная дурнота, голова была тяжелой и словно бы набитой несвежим мочалом. Окружающий мир представлялся невыносимо мерзким, недостойным даже того, чтобы на него взглянуть. Некоторое время он лежал, разбитый и обессиленный, пытаясь собраться с мыслями, прийти в себя и хоть как-то объяснить себе все происходящее, выудить из памяти то, что предшествовало этому странному состоянию... Наконец вспомнил — обрывками: лесной дом... Гнус... Алашка с её мутными предостережениями... а потом? Что случилось потом?

Он медленно повернул голову — и вяло удивился тому, что она тут же не рассыпалась горкой разбитых черепушек.

Он действительно, полураздетый, лежал навзничь на голой земле, и высоко над его головой серело бледное рассветное небо. Рядом, сторбившись, сидел на траве какой-то человек в давно не стиранной, пропитавшейся запахом пота и дыма серой рубахе — и это был не Бреор... В угрюмом, чуть не до бровей заросшем неопрятной бородой лице незнакомца, неказистом и по-мужицки простоватом, было что-то такое, отчего мага мороз продрал по коже: такой тоскливый и затравленный взгляд мог бы, пожалуй, принадлежать загнанному в клетку и уже смирившемуся с неволей зверю.

— Где... где я? — собравшись с силами, прохрипел волшебник. — Что... кто... кто ты?

Саруманов сосед не ответил. Он сидел в прежней позе, бессильно опустив руки и свесив голову на грудь и, похоже, даже не слышал вопроса. От всей его понурой фигуры веяло таким беспросветным отчаянием и вялой покорностью судьбе, что волшебник внутренне содрогнулся. Кажется, приключение, в которое его угораздило угодить, было из каких-то не особенно веселых...

Он осмотрелся, поворачивая голову так аккуратно и осторожно, точно она была сделана из тончайшего фарфора. Он находился на дне какого-то распадка, склоны которого —

крутые и каменистые — поросли редкими кривыми сосёнками. Вокруг сидели, лежали, дремали на траве незнакомые люди, их было немного, чуть поболее дюжины, одетых в простые домотканые рубахи, холщовые штаны и куртки, кожаные башмаки на деревянной подошве — обычную одежду не слишком зажиточных роханских крестьян. Большинство было средних лет, но волосы некоторых уже посеребрила седина, а двое-трое, напротив — казались совершеннейшими юнцами, у которых только-только начали пробиваться усы. Впрочем, несмотря на разницу в возрасте и, возможно, общественном статусе, всех этих людей объединяло нечто общее: облик у всех был одинаково изнуренный, лица — одинаково серые и безжизненные, глаза — одинаково потухшие и ввалившиеся, виды на будущее — явно одинаково незавидные...

— Что... происходит? — пробормотал Саруман. — Где... где я?

Его бородатый сосед крупно вздрогнул всем телом, медленно повернул к магу голову, точно только сейчас обнаружил его существование, уставился на волшебника угрюмым взглядом из-под насупленных лохматых бровей — они торчали на его давно не мытом лице, как два сивых пучка. Медленно растянул сухие, покрытые болячками губы в щербатой усмешке:

— Где? Ты еще не понял? — Он приподнял бороду и постучал пальцем по серо-стальному ободу у себя на шее. — Добро пожаловать в Удун, старик! — И хрипло захохотал, раскачиваясь из стороны в сторону, криво разинув рот, показывая редкие черные пеньки гнилых зубов.

В Удун? Ну-ну. Невнятные объяснения бородатого мужичка ничего не прояснили, скорее наоборот. Куда же маг все-таки попал? Где Бреор? Кто все эти люди? Пленники? Рабы? Но они не закованы в кандалы, не связаны веревками, не согнаны в гурт, их свобода передвижений вообще ничем, кажется, не ограничена. Кажется?

Саруман поднял руку и, едва преодолевая марь в голове, нащупал у себя на шее точно такое же тяжелое металлическое кольцо. Или... неметаллическое? Материал ошейника походил на сплав меди с оловом и был не шершавым и не холодным на ощупь, скорее — чуть теплым, гладким, словно отполированным; края обода стыковались настолько ладно и плотно, что представляли собой даже не застежку — едва заметную трещинку... Да что это за странная штука, леший возьми? Не надо было ни быть волшебником, ни обладать семью пядями во лбу, чтобы понять, что ошейник заключает в себе неведомую магию... но какую именно — этого Саруман не мог определить.

Пока.

И все же дело принимало очень странный, неприятный оборот. Что же произошло? Там, в доме Гнуса? В памяти волшебника бездонной пропастью зиял необъяснимый провал. Он помнил, как Алашка пыталась его о чем-то предостеречь... как Гнус пришел к нему с «извинениями»... потом поднял кувшин... а потом, видимо, опустил его — Саруману на голову. Волшебник поднял руку и осторожно коснулся виска — и пальцы его наткнулись на что-то мерзкое, заскорузлое, отвратительно липнущее к коже — запекшуюся кровь. Вот оно что...

Ну, теперь понятно, по крайней мере, от чего так жестоко и невыносимо гудит голова, будто старый треснувший колокол. И, наверно, можно объяснить и исчезновение Бреора...

Саруман устало опустил веки. Ладно. С ошейником он рано или поздно разберется — но вот эта тошнота и неизбежная боль в голове, от которой маг совершенно не может мыслить связно... Где Рыжик? Где Гарх? Как он очутился в плену и, главное — у кого? Пока

что никто из охранников в поле зрения Сарумана не попадал; чтобы осмотреться получше, надо было приподнять голову и привстать, но эта задача сейчас казалась волшебнику невыполнимой, его мучило от малейшего движения, каждый вздох давался с трудом, тело отказывалось повиноваться напрочь...

Рядом с ним остановились чьи-то грязные сапоги. К кожаной подошве прилип комочек грязи и растоптанная зеленая травинка.

— Очухался, старик? Значит, подлюга Гнус был прав... Ну-ну.

Саруман поднял глаза. Над ним склонился не шальной степной разбойник в лихо повязанном на голову цветастом платке, не лохматый горец в штанах из козьего меха, вообще — не человек, настоящий урук: рослый, плечистый и темнокожий. Лицо у него было низколобое и широкоскулое, ноздри широко раздувались, глаза — зеленые, глубоко утопленные подо лбом, с мутной нездоровой желтизной в белках — смотрели исподлобья, мрачно и равнодушно. В руке он держал длинный кожаный кнут без кнутовища.

— Ладно. Паёк тебе покамест не положен. Если не подохнешь до вечера — завтра на довольствие поставим... — Он пнул волшебника в бок носком сапога — не злобно, скорее брезгливо, для порядка — и обернулся к кому-то, невидимому для Сарумана за его спиной. — Гуртц! Крысюков кормил?

— Сейчас, — рыкнул кто-то в ответ — видимо, Гуртц. Среди пленников возникло некоторое оживление — откуда ни возьмись деловито набежали уруки с полотняными мешками, принялись споро совать бородатым «крысюкам» сухари и куски овечьего сыра, попутно раздавая замешкавшимся пинки и зуботычины. На волшебника внимания никто не обращал, да он и не мог есть — а вот воды из меха, который передавали друг другу пленники, пожалуй, и выпил бы, преодолевая отвращение: жажда мучила его страшно. Орки, вяло думал он... откуда... что происходит... ошейник... зачем я здесь... Мысли его были громоздкими, неповоротливыми, он двигал их с трудом, будто тяжелые каменные жернова. В голове звенело безжалостно. Перед глазами мелькала невнятная круговерть: желтая трава... чьи-то ноги в разношенных башмаках... крапчатый жучок, ползущий по стебельку цветка... чьи-то смутные фигуры в отдалении, чьи-то неопознанные силуэты, чьи-то слюнявые клякастые рожи... Потом все исчезло — наверно, он вновь потерял сознание.

* * *

— ...этот, шарки, еще не сдох?

Кто-то подошел к волшебнику, бесцеремонно повернул его голову, когтистой лапой нащупал пульс под подбородком.

— Кажется, нет...

Между собой орки говорили на Черном Наречии и, видимо, полагали, что пленник их не понимает.

— Если до вечера не оклемается, придется его пустить в расход. Мы не можем терять ошейник... Они нам вскорости понадобятся.

Саруман приоткрыл глаза. Разлепил их с усилием, будто веки его были склеены из сырого теста.

Голова трещала и раскальвалась по-прежнему, но тошнота, кажется, слегка улеглась. Мысли чуть прояснились. В горле нестерпимо пекло и саднило от жажды.

Солнце стояло высоко, но уже пересекло полуденную черту — было около четырех

часов дня.

Над ним на этот раз склонился другой орк — не такого свирепого телосложения, как первый, чуть ниже ростом, длиннолицый и светловолосый. Кнута при нем не оказалось — и то хорошо, через силу подумал маг.

— Дайте... воды, — едва слышно вымолвил Саруман. А может, не вымолвил, а просто *подумал*, потому что сил говорить у него по-прежнему не было.

Орк склонил голову к плечу. Качнулась серьга в левом ухе — оправленный в серебро волчий клык.

— Что?

— Воды... Пить.

Урук чуть помедлил.

— Эй, Каграт! Этот... старый... очухался никак.

К ним подошел Каграт — тот самый субъект с длинным кнутом из сыромятной кожи, который сейчас был заткнут у него за пояс — должно быть, вожак. Посмотрел на Сарумана сверху вниз, хмуро и безучастно, с нарочитой обеспокоенностью поцокал языком:

— Что, шарки, головушка болит, а? Ай-яй-яй, какая неприятность. Ну да ничего, это от ошейника — поначалу все на мигрень жалуются. А потом, глядишь, и ничего — привыкают, — кривя губу над крепкими желтыми клыками, он как-то очень язвительно, очень глумливо и паскудливо ухмыльнулся.

Ошейники, сказал себе Саруман. Откуда? Откуда у каких-то вшивых неумытых уруков могли оказаться такие странные, явно не орочьих рук вещи? *Не простые вещи?*

— Что... это за штука? — прохрипел волшебник, едва ворочая одубевшим языком. Каграт, ослабившись, глухо рыкнул сквозь зубы.

— Хочешь много знать, старый, а? Эта штука задушит тебя, если вздумаешь улизнуть — вот все, что тебе следует уяснить... А снять ошейник можно только с трупа — эти побрякушки не терпят мертвечины... ну это я тебе так говорю, во избежание недоразумений. Понял?

— Каграт! — окликнул вожака другой орк. — Разведчики вернулись.

Каграт обернулся. Небрежно кивнул своему светловолосому дружку.

— Идем.

Орки исчезли. Саруман закрыл глаза. Ситуация по-прежнему не прояснилась ни на йоту. Откуда взялись эти проклятые уруки, да еще с подобным совершенно не-орочьим снаряжением? Кто они? Какого роду-племени? Не того ли, жалкие остатки которого когда-то, пятнадцать лет назад, обнаружила неподалеку от Изенгарда дружина бравого неунывающего Бальдора? Эх, Бальдор, Бальдор, старый ворчливый друг, с отчаянием думал Саруман, как же ты мне сейчас нужен...

Он медленно поднял руку и вновь ощупал ровное и гладкое кольцо у себя на шее. Что же это за проклятые «побрякушки» такие? Из какого странного материала они сделаны? На первый взгляд это был металлический, вполне обычный сплав: медь, олово, свинец, железо... но что-то там было еще, какой-то ничтожный процент неведомого, странного компонента причудливой полумагической природы. Мифрила, итильдина, галворна? Какого-то иного элемента, полученного искусственно — сложным алхимическим путем с примесью магии и черной нечестивой ворожбы? Видимо, именно этот загадочный компонент и заключал в себе запирающее металлический обод заклятие-скрепку... Волшебник сосредоточился, пытаясь если не снять ошейник, то хотя бы нащупать опорные

точки этого странного, чужого и чуждого, затейливо сплетенного заклęcia...

Ему показалось, будто в голове его взорвался огненный шар.

Боль была такая острая, такая нестерпимая, что у мага потемнело в глазах. Тело его будто рвануло раскаленными крючьями, все внутренности свело судорогой, сердце замерло, на секунду он ослеп и оглох, задохнулся, раздираемый собственным неосторожным заклятием... Почти тотчас пришел в себя, но еще долго лежал, дрожа, не в силах шевельнуться, обессиленный и опустошенный, повергнутый в неопиcуемый ужас так болезненно сделанным и абсолютно неумолимым открытием.

Он сразу все понял.

Ах вот оно как...

Ах вот оно, значит, как.

Ошейник явно не приветствовал ни малейших попыток от него избавиться. Он был как хитроумный узел в охотничьих силках: чем отчаяннее попавшая в ловушку птичка будет вырываться, тем сильнее затянется безжалостная петля...

Это было просто и изощренно, как колесо.

Замкнутый круг, шептал Саруман в полубеспамятстве, это замкнутый круг, круг, круг, западня, ловушка, из которой не выбраться... Ошейник обращает любые чары против источника... я не смогу от него избавиться, пока не пойму, в чем заключается его сила... и, главное — его слабость... если в этом окаянном творении вообще есть хоть какое-то слабое место...

Я беспомощен, как младенец. Как волк, угодивший в капкан, и вынужденный ради свободы мучительно отгрызать собственную лапу. Отныне не мудрый величественный старец, не могущественный волшебник, нет — убогий бессильный старик, слабый, дряхлый и беззащитный... Нет, хуже — ничтожный презренный червь. Унылый такой полураздавленный червячок, жалко корчащийся на обочине...

Превеликий Эру! Ну что за нестерпимое унижение! Волшебник конвульсивно сжал пальцы в кулак — и почувствовал, как под его дрожащей ладонью рассыпался в пыль попавший под руку ком сухой земли. Отчаяние захлестнуло его — темное, бездонное, безграничное, как Океан Эккайа.

Это было невозможно... Это было невысказано, невообразимо, попросту дико, в конце-то концов! Маг в глухой ярости стиснул зубы. Нет, нет! Это... невыносимо! Я должен что-то сделать, чтобы вырваться на свободу, чтобы снять проклятый ошейник... Не торчать же мне теперь до скончания дней в плену у этих вонючих орков!

Не сейчас, сказал он себе. При одной мысли о том, что вновь придется коснуться ошейника Силой, его затошнило. Не сейчас! Он слишком слаб и измучен, чтобы пытаться избавиться от ошейника... надо присмотреться... оценить обстановку... понять, что за компонент тщательно спрятан в составе странного сплава. Он мысленно застонал: его все еще била произвольная дрожь, сердце сжималось в груди, как испуганная пичуга, перед глазами все плыло — видимо, он опять был близок к беспомысленности. Его тело, эта несчастная, слабая брэнная оболочка была явно не расположена походя и с легкостью переносить подобные испытания...

...Что-то больно ударило его по руке — раз и другой.

— Саруман! Саруман, да очнись же ты! — Кто-то щипал, тянул его за бороду, кто-то явившийся из темного лихорадочного марева, кто-то очень приставучий, назойливый и упорный. Волшебник с трудом заставил себя вернуться к действительности.

Вокруг свирепо нависала темнота — видимо, дело уже приближалось к ночи. Никого из пленников поблизости не было видно, но где-то неподалеку там и сям — должно быть, по периметру лагеря — горели небольшие костры, и легкий ветерок разносил в воздухе смолистый дух сосновых веток, запах дыма, аппетитный аромат пшенной каши с салом. Невидимые в темноте, гортанно перекликались часовые. Где-то мирно пофыркивали мулы. Орки, свободные от дежурства, сидели вокруг огня, что-то жевали, шумно чавкали, негромко переговаривались, со всхрапываниями похохатывали над какими-то, очевидно, крайне забавными байками...

Саруман с трудом повернул голову.

— Г-гарх... Гарх, это ты?

— Ну кто же еще? — прокаркал Гарх — добрый верный старина Гарх! — и в голосе его, привычно-скрипучем, слегка дрожащем от волнения, послышались радость и явное облегчение. Хотя вид у бравого ворона был несчастный, встревоженный и помятый, правое крыло как-то жалко висело, и перья на нем неряшливо топорщились. Он подскочил ближе к волшебнику и опасливо огляделся по сторонам. — Я с утра тебя караулил, да все никак не мог улучшить подходящего момента, чтобы дать тебе о себе знать! Эти, черномордые, все время поблизости крутились...

Саруман застонал. Горечь в горле стала невыносимой. И, наверное, не только от изнуряющей жажды.

— Что... произошло?

— Это Гнус, гадина, тебя продал! Каким-то вонючим урукам! Он у них вроде снабженца, какие-то заказы выполняет... Я сам до конца не понял...

— Где Бреор?

— Там... откуда не возвращаются. — Ворон глотнул. — Он не захотел... быть в плену.

Что ж, старого воина, кажется, было трудно за это винить, по крайней мере, он сумел умереть свободным. Эх, Бреор, Бреор, так и не удалось тебе добраться до родной деревни и навестить родичей... Впрочем, Саруман сейчас не находил в себе сил должным образом ни сожалеть, ни горевать — все его мысли и чувства как будто высохли и сморщились, точно старый заваливающий сухарь, очерствели, окаменели и поросли мхом.

— Ясно... Что с твоим крылом?

Ворон, наклонив голову, смотрел виновато. Слегка помявшись, пояснил неохотно:

— Я пытался помешать Гнусу на тебя напасть, но он меня подбил... метлой.

Только этого не хватало! Доблестный пернатый рыцарь потерпел поражение в отчаянной схватке со смертоносной метлой... Силы небесные, теперь, кажется, даже за помощью послать некого.

— Ты не можешь летать?

— Могу, но совсем немножко... Что они с тобой сделали?

— Надели на меня ошейник. — Саруман безучастно смотрел в небо.

— Ну и что?

— На нём лежит заклятье. Какое-то очень нехорошее.

— Так избавься от него, — помолчав, сказал ворон.

— Не могу.

— Почему?

Саруман с трудом удерживал нервный смех.

— Потому что малейшее магическое телодвижение тут же выворачивает меня

наизнанку, как старый носок... Я же сказал, что заклятие *нехорошее*.

Ворон молчал. Теперь пришла его очередь с трудом переваривать плохие новости.

— И что же теперь делать? — прошептал он. Скорее растерянно, нежели с испугом — кажется, вся отчаянность положения, в котором оказался неудачливый волшебник, до него еще не дошла.

— Не знаю. Пока на мне этот ошейник, я не могу ни творить чары, ни отойти от орков дальше какого-то определенного расстояния... В составе есть компонент, который, видимо, как-то реагирует на их присутствие, вроде того вещества в эльфийских мечях... Где Рыжик?

Гарх досадливо скрипнул.

— Остался у Гнуса, как и Старуха. Так что же теперь делать-то, а?

— Говорю же — не знаю... Надо подумать. Слушай... — Саруман судорожно глотнул. — Ты не мог бы раздобыть мне воды?

— Воды? — Ворон окончательно пришел в замешательство. — Ну, пожалуй, я мог бы попытаться стянуть флягу у кого-нибудь из орков... — не договорив, он приглушенно взвизгнул и испуганно шарахнулся: из сумеречной темноты вылетел увесистый камень, и ворон едва успел в последний момент метнуться во мрак. Ступая мягко и бесшумно, как кот, из сумрака явился Каграт, остановился над волшебником — орк, несомненно, видел в темноте так же по-кошачьи великолепно, да и меткость его была достойна всяких похвал.

— Проклятый ворон! Раскаркался тут... падашь почуял? — Он равнодушно потыкал мага в бок носком сапога. — Так ты еще все-таки не сдох, шарки? А я думал, ошейник освободился... — Он чуть потоптался возле пленника, рыкнул словно бы в задумчивости — и рука его потянулась к кинжалу, висевшему на поясе, и сильные когтистые пальцы крепко обхватили оплетенную полоской кожи деревянную рукоять.

Саруман содрогнулся. «Ошейник можно снять только с трупа, — вдруг вспомнилось ему некстати. — И они нам скоро понадобятся...» Какого лешего Каграт явился — за ошейником? Снимать его с трупа... Волшебнику вдруг отчетливо представилось, как орк лениво и безучастно взмахивает кинжалом, на лезвии которого горят алые отблески костра, как с отвратительным мокрым хрустом кинжал входит в его, саруманову, плоть, рассекая межреберный промежуток, легко разрезая легкое, доставая до сердца безжалостным стальным острием...

— Каграт, — произнес он, и его голос — его глубокий, звучный, бархатный чарующий голос! — вдруг показался ему слабым, невыразительным и надтреснутым, как отвратительный скрип несмазанного тележного колеса. Он судорожно перевел дух и попытался снова: — Ответь — почему?

Орк медлил — но руку с кинжала все-таки не убирал. Смотрел на Сарумана прищурившись, недоверчиво и враждебно. Он, кажется, не ожидал, что пленник с ним заговорит.

— Что почему? — спросил он хмуро.

Волшебник облизнул пересохшие, покрытые запекшейся коркой губы.

— Почему я... здесь? Я, старый и больной? Зачем?..

— Зачем? — Каграт наклонился, схватил левой рукой мага за горло, уставился на него в упор своими злыми, мутновато-желтыми пронзительными глазами. — Ты, говорят, лекарь?

— Кто говорит? — пробормотал волшебник.

Орк ухмыльнулся.

— Знающие люди.

«Знающие люди»? Каграт, несомненно, имел в виду сволочугу Гнуса... Вот гнида. Подозревал бы я, что так дело повернется, еще вчера заставил бы его вообразить себя тараканом! — с вялым раздражением подумал волшебник. Но не время было размышлять о мести и сожалеть об упущенных возможностях, следовало ковать железо, пока горячо:

— Костыль в плотку этим твоим «знающим людям»... Ладно. Что ж, я — лекарь, ты прав.

— Врешь! — Вожак по-прежнему смотрел подозрительно.

— Нет. Кроме того, вижу, что у тебя есть веские причины этим интересоваться, Каграт.

— С чего ты взял?

Саруман собрался с силами и — усмехнулся так многозначительно, как только мог. Что ж, сейчас я тебя немножечко удивлю, славный мой косолапый друг.

— Боль, резь, тяжесть в правом боку под ребрами... горечь во рту... зуд по телу... тошнота по ночам, рвота, иногда — желчью... знакомо, а?

Каграт опешил. Рука его дрогнула. Такого, кажется, он действительно не ожидал.

— Ты... откуда ты... знаешь? Про... это всё?

— Да нетрудно догадаться... Глаза у тебя желтые, как у ящерицы... Сведущий человек сразу скажет, что у тебя с печенью не все в порядке.

— С печенью?

— Да... Отпусти, орк! Ты меня задушишь...

Каграт медленно разжал лапу — пораженный услышанным, он с такой силой стиснул Саруману плотку, что у мага потемнело в глазах. Что-то злобно шипя сквозь зубы, орк бросил волшебника на землю — досадливо и брезгливо, будто куль с грязным тряпьем.

— Значит, с печенью... А ты, выходит, сведущий человек, а? Сможешь меня вылечить, старый?

Белый маг скорчился на земле, отчаянно хватая ртом воздух. Впрочем, кое-какую победу он все-таки одержал, и мог, наверное, даже собой гордиться. Теперь оставалось только не сдать отвоеванные позиции.

— Нужно... поискать кое-какие травки... состряпать снадобье... В любом случае для лечения потребуется некоторое время.

— Ладно. — Каграт секунду помедлил. Пальцы его, охватывающие рукоять кинжала, наконец медленно разжались. — Живи пока, шарки... считай, что ты выторговал себе отсрочку, брешешь ты убедительно. Посмотрим, какой ты лекарь.

Он повернулся и неторопливо направился прочь, к своему костру.

— Каграт, — едва слышно сказал Саруман ему в спину.

Орк остановился. Не обернулся — лениво повернул голову через плечо.

— Ну?

— Дай мне... воды. И одеяло.

Каграт вновь чуть помедлил, точно оценивая, не унижительна ли для него подобная просьба. Потом неторопливо отстегнул с пояса полупустую кожаную флягу и бросил её пленнику.

— На́, держи. А на одеяло пока не заработал, старый... Вскорости узнаем, на что ты способен. — Он повернулся и исчез в темноте, растворился во мраке бесшумно и бесследно, как капля воды в стакане густых чернил.

18. Гость из темноты

— Что бы ты сказал, Гэдж, если бы тебе довелось в самое ближайшее время увидеться с Саруманом? — небрежно спросил Гэндальф.

Волшебник держал в руке письмо — то самое, что пришло на его имя в Делл, на адрес «знакомого трактирщика». Белый маг все-таки снизошел к его просьбе, переданной с Гархом еще в Фангорне, и прислал ответ, который, в сущности, не содержал ничего, кроме невнятной брани и сожалений о его, Гэндальфа, неизбежной умственной ущербности. Впрочем, в конце все-таки оказалась более вразумительная приписка:

«...Даже признавая некоторую разумность и целесообразность принятого тобой решения, я не одобряю твоих сомнительных планов, касающихся Гэджа, и не могу допустить, чтобы ты привел его в Золотой Лес на потеху эльфам. Посему я намерен оказаться в Лориэне заблаговременно и встретить вас на рубеже — и надеюсь, Грейхем, что у тебя достанет здравого смысла желать этой скорейшей встречи не менее моего...»

Гэдж, сидя на шершавой, нагретой солнцем спине прибрежного валуна, вытряхивал из сапога набившийся туда песок и мелкие камешки.

— А что? — пробормотал он настороженно. — Почему ты спрашиваешь?

— Он собирается встретить нас в Лориэне.

Орк удивился.

— В Лориэне? Правда? Я думал, он все еще прохлаждается где-нибудь в Гондоре... Я же написал ему, чтобы он ни о чем не тревожился.

— Ты написал! Угу, понятно. Это, конечно, весьма веская причина для того, чтобы ни о чем не тревожиться. — Волшебник вздохнул и, сложив письмо, убрал его в котомку. — Уж тебе следовало бы лучше понимать своего учителя, Гэдж. Да и потом, неужто ты совсем по нему не скучаешь, эм?

«Нет», — хотел сказать Гэдж, но отчего-то не сказал. Отчего-то вдруг горло у него как-то остро и горячо сжалось.

— Значит, на этом мое «странствие» можно считать законченным, — произнес он неохотно и хмуро, глядя под ноги. — Саруман, конечно, заставит меня вернуться в Изенгард.

— И ты этим огорчен? — помолчав, спросил Гэндальф.

— Ну... немного.

Волшебник нервно усмехнулся:

— А неужели ты еще недостаточно наприключался, мой друг? По мне, так лет на пятьдесят вполне хватит. А потом, глядишь, случится маленькое чудо, и Саруман примет твой выбор таким, каким бы он ни был... Ты не допускаешь такой мысли, а?

— Ага, конечно, примет, — пробормотал Гэдж. — Интересно, что мне для этого надо сделать? Для того, чтобы случилось это твое «маленькое чудо»? Свернуть горы? Погасить солнце? Обратить реки вспять?

— Нет, Гэдж. — Гэндальф едва заметно посмеивался в усы. — Всего лишь повзростеть.

Ну-ну. Вот так всегда, мрачно сказал себе Гэдж, только расправишь плечи, выпятишь грудь и почувствуешь себя наконец настоящим воином Анориэлем, как тут же явится какой-нибудь всезнающий Гэндальф и ткнет тебя носом в твой постылый слюнявчик...

Одежда, развешанная на ветвях росшего у воды ивняка, тем временем почти просохла — и, натянув на себя свое волглое барахлишко и взвалив на плечи, словно улитки, весь

немудренный скарб, путники пустились в дальнейшее странствие. Лимлайт в этом месте, делая небольшой крюк, забирала к северу, и волшебник предполагал пройти еще несколько миль вниз по берегу, прежде чем углубляться в степь.

— А далеко еще до Лориэна, Гэндальф?

— Да нет, не слишком. Миль сорок... Дня за три доберемся.

Сорок миль, сказал себе орк. То есть примерно тринадцать-четырнадцать лиг. Или триста двадцать фарлонгов. Или, если точнее, семьдесят тысяч четыреста ярдов. «Или, если еще точнее, сто сорок тысяч восемьсот локтей, — с самым серьезным видом добавил Гэндальф. — А если считать в ладонях, то это выйдет... э-э...» «Очень смешно!» — сердито перебил Гэдж.

Начинало смеркаться — а они по-прежнему брели вдоль северного берега реки, исполосованного песчаными оврагами, из которых прямо к воде вываливались купы пышных и колючих кустов густоцвета. Берег был тих и пустынен: погоня осталась где-то далеко позади и больше никак не напоминала о себе, никто не гнался за путниками вслед, никто не орал надрывно и страшно и не грозил прикончить их «именем короля». Мирно всплескивала в реке рыба, лениво шевелились в воде у берега, будто чьи-то черные пальцы, стебли палого тростника, с тихим шорохом накатывались волны на мелкий золотистый песок, самодовольно квакали лягушки в затонах... С наступлением вечера из зарослей камыша поднялись полчища огромных полосатых комаров и, пронзительно звеня, с радостным голодным пылом накинулись на путников. Чтобы от них избавиться, надо было отойти от реки дальше в степь — но от одной мысли об этом Гэджу отчего-то было не по себе. Из головы его по-прежнему не шел слышанный накануне жуткий вой — волчий и одновременно не-волчий, доносившийся откуда-то с неведомых вересковых пустошей.

Гэндальф остановился в устье очередного встретившегося на пути распадка, разрезающего приречный холм широкой, глубоко вдающейся в берег песчаной балкой.

— Ну что ж, заночуем, пожалуй, здесь.

Орку показалось, что волшебник тоже не очень-то хочет удаляться от реки и выходить в дикие келебрантские поля на ночь глядя. Но, может, действительно *показалось*.

В глубине овражка нашлась уютная, спрятанная среди зарослей сирени и густоцвета полянка. «Отличное местечко для засады! — мрачно размышлял Гэдж, собирая по окрестностям валежник для костра. — Вон тот куст боярышника на краю оврага будто нарочно вырос для того, чтобы сокрыть за собой подкрадывающегося к жертве хищного зверя... или вон то поваленное бревно...» Он вздрогнул и выронил только что поднятый сухой прут, потому что (силы небесные!) проклятый вой — тот самый вой, слышанный накануне! — внезапно повторился снова.

Он шел откуда-то издали, с севера, из степи, донельзя унылый и мерзкий, продирающий до костей, и Гэдж замер; ему показалось, будто в тело его разом воткнулась тысяча крохотных и острых, как булавки, коготков страха. Воображение разом нарисовало ему жуткую волкоподобную тварь, рыщущую во мраке пустынных полей — черную, страшную, поджарую, втягивающую чуткими, подрагивающими ноздрями воздух в поисках подходящей жертвы...

Гэндальф, который, расчистив местечко для очага, сидел на поваленном бревне и обеспокоенно разглядывал прореху на подоле плаща, поднял голову и тоже устремил взгляд к северу.

— Ты слышал? — пробормотал Гэдж.

— Успокойся, — буркнул волшебник. — Это степные волки, я же тебе сказал.

— Волки? Ты уверен? — Орк облизнул губы. Подошел к очагу и бросил охапку хвороста в приготовленное кострище. Добавил неохотно, сквозь зубы: — Эти... девчонки... ну, там, на том берегу... говорили, что это, того... что это волколаки так воют.

Гэндальф сделал удивленное лицо.

— Да ну? Эти девчонки, несомненно, большие знатоки по части волколаков, и к их словам следует неукоснительно прислушаться. — Он язвительно хмыкнул. — Ни варги, ни волколаки не заходят так далеко к югу, Гэдж. Происходи подобное где-нибудь к западу от гор, в Рудауре или Кардолане, я, может, и согласился бы с твоими предположениями... но не здесь, на востоке, на границе с Роханом.

— А вдруг кто-нибудь из них все-таки появился и здесь, а? Какой-нибудь шальной варг, которому там, в Кардолане, показалось тесно и скучно? — пробормотал Гэдж. — Вдруг ему никто не сказал, что велением Гэндальфа Серого к востоку от гор не полагается появляться...

Волшебник покосился на него сердито.

— Отсюда до предгорий почти восемьдесят миль, Гэдж. Варги не любят жары, солнца и открытых пространств и потому не спускаются с гор в степи.

— Ты не сказал «никогда не спускаются», — возразил Гэдж. Но Гэндальф благополучно пропустил эту фразу мимо ушей, как делал всегда, если по каким-либо причинам не желал ввязываться в спор или не считал нужным отвечать на глупый и докучный вопрос.

На ужин они сварили супец из копченой кости, оставшейся от окорока, просяной крупы и каких-то грибов, которых Гэндальф в припадке поварского азарта насобиравал на склонах овражка. На вкус они оказались жесткими и пресными, точно ошметки, нарезанные из старых сапог... Не то чтобы Гэджу когда-либо доводилось пробовать вареные сапоги, но он читал, что порой странникам, оказавшимся в затруднительном по части продовольствия положении, приходилось баловать себя в том числе и подобным изыском. Впрочем, кулинарные пристрастия жителей Средиземья вообще отличались причудливостью и разнообразием, которое могло бы ввергнуть в дрожь человека с воображением.

— Я слышал, — облизывая ложку, сказал орк, — будто на южном побережье едят икру морских ежей и хвосты ящериц, тушеные в белом вине... Это что, правда?

— Почему нет? — беспечно отозвался Гэндальф. — В Хараде едят жареных пауков.

— Пауков? Вот же, должно быть, дрянь...

— Не скажи. По вкусу похоже на жареные семечки подсолнечника.

— Ты что, их пробовал? Этих пауков?

Волшебник неодобрительно поджал губы.

— Бывают обстоятельства, знаешь ли, когда готов порадоваться чему угодно, даже жареным паукам.

Темнело. Бродил ветерок над краем оврага, тихо шуршал камыш, уютно потрескивал костер... Плясали на траве тени и отсветы огня, сплетались и расплетались, металась по земле, теснили друг друга, словно воины извечной битвы меж светом и мраком. Над пламенем бесстрашно порхала ночная бабочка, безмятежная и легкомысленная, исполненная трогательной веры в то, что свет — это всегда тепло, добро и благо...

...«Аноризель прислушался. В пещере во весь рост стояла тишина. Было темно. Где же Ледяная Дева? Вдруг в темноте вспыхнули свирепые красные глаза — злые и зеленые, с

вертикальным зрачком...» Покусывая кончик пера, Гэдж остановился. Что-то с этими глазами было не так, но что именно, он не мог понять... Злые, красные, зеленые... Так красные или зеленые? Или один — красный, другой — зеленый? Ну, в общем, тоже неплохой вариант, так Ледяная Дева еще кошмарнее выглядит...

Он поднял голову. Гэндальф сидел по другую сторону костра, сгорбившись, опустив голову на грудь, закрыв глаза, с почти погасшей трубкой в зубах — Гэдж, пожалуй, не поручился бы, что он не спит. Вокруг все по-прежнему было тихо, спокойно и мирно, лениво зудели комары, потрескивали сырые ветви в огне, едва слышно шелестела трава, похрустывало что-то в недрах кустов, как будто кто-то неторопливо крался там, невидимый, аккуратно переставляя мощные когтистые лапы...

Гэдж замер. Ему сделалось как-то не по себе. Что-то лопнуло в нем, колкое и холодное, точно ледышка, каждый волосок на теле поднялся дыбом. Он вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд, исходящий из темноты — из непроглядного, зловещего мрака, разлитого в недрах кустарника.

Там, в зарослях на краю оврага, кто-то был... кто-то свирепый, страшный, голодный... хищный. Его присутствие ощущалось так явно и неумолимо, что Гэджа прошибло холодным потом.

— Гэндальф! — прошептал орк.

Волшебник не слышал. Он спал. И не хотел просыпаться.

Гэдж застыл, не смея вздохнуть. Человек на его месте ничего не почувствовал бы, но слух орка был куда острее и тоньше человеческого. Гэдж напряженно слушал — и слышал: и тихие шорохи потревоженной земли, и мягкую поступь упругих лап, и сдержанное дыхание хищника, почуявшего добычу. Едва заметно колыхнулась ветвь, и в переплетении сучьев ярко вспыхнули две светящиеся точки, отражающие красноватый свет костра, уставились на орка — холодные, бесстрастные и беспощадные, как сама смерть.

«Батяка сказал, это волколак... добычу ищет...»

Рука Гэджа потянулась к кинжалу, висевшему на поясе. Один раз ему уже почти довелось пустить его в ход — там, в далеком Фангорне.

Он старался двигаться медленно и осторожно, потому что знал: соверши он сейчас малейшее резкое движение — и зверь прыгнет... Вот только на кого — на него или на спящего, ни о чем не подозревающего старика?

— Гэндальф! — отчаянно прохрипел Гэдж.

Волшебник вздрогнул во сне, трубка выпала из его рта и упала на колени. Он поднял голову и повел вокруг недоумевающим взглядом.

И, видимо, напряженное, побледневшее от испуга лицо Гэджа разом сказало ему *всё*.

Тот, кто прятался в кустах, замер. Затаился. Или приготовился к прыжку — лютая, кровожадная, алчная тварь...

Гэндальф протянул руку и схватил валявшийся в траве посох.

Гэдж обомлел.

Волшебник метнул в сторону орка быстрый предостерегающий взгляд. Лицо у мага было таким бледным, собранным и сосредоточенным, что Гэдж понял — там, в кустах, действительно скрывается нечто ужасное...

Страх скрутил в узел его кишки, скользнул ледяной струйкой вдоль позвоночника, зашевелил ножками где-то в животе, будто оказавшаяся в желудке холодная многоножка. Время растянулось, застыло, затвердело, как старая смола. Словно во сне Гэдж смотрел, как

волшебник медленно поднимается на ноги, как, держа посох перед собой, подкрадывается к кустам, в которых прячется незванный и опасный ночной гость... Тонко зазвенел меч, покидая ножны. Напряжение внутри Гэджа свернулось в тугую, готовую вот-вот сорваться пружину. Сейчас...

— Бу! — взмахнув мечом, крикнул Гэндалф.

Гэдж вздрогнул.

Из кустов с испуганным мявом выскочил огромный камышовый кот и, поджав хвост, удрал куда-то в заросли густоцвета. Волшебник оглянулся на Гэджа — и захохотал, весело посверкивая глазами, бросив в траву ненужный посох.

Орк сидел ни жив ни мертв. Кот! Это был всего лишь камышовый кот! Пушистая, большелая, серовато-песочного цвета лесная тварюшка! Волшебник, конечно, это сразу понял, старый плут... А разыграл тут перед Гэджем целое представление!

— Ты знал... — прохрипел орк, глотая слюну. — Ты знал, что там всего лишь камышовый кот, да?

Волшебник, ловко вогнав меч обратно в ножны, ухмылялся, очень довольный.

— Конечно, знал! Ну и физиономия, надо признать, у тебя была!.. Кого ты там себе вообразил, дружище? Небось ужасного черного волколака с Северной Пустоши, э?

Гэдж молчал. И — в который уже раз! — чувствовал себя распоследним беспросветным болваном. Ну-ну, мрачно сказал он себе, ничего необычного. Пора бы мне он уже начать привыкать к этому мерзкому ощущению... как и к дурацким шуточкам господина Гэндалфа.

Волшебник, пощипывая бороду, все еще посмеивался — впрочем, беззлобно и добродушно.

— Боюсь, у тебя слишком буйная фантазия, мой друг, и ты слишком ей доверяешь... или ты просто слегка переел грибов. Хотя, признаться, я не думал, что безобидные сыроежки могут так на тебя повли...

Он не договорил.

Все произошло очень быстро.

Над овражком пронесся низкий угрожающий рык.

Огромная черная тень метнулась через поляну — оттуда, из-за спины мага — и мгновенно сбила Гэндалфа с ног, прижала его к земле. Волшебник не успел даже вскрикнуть. Тень знала, когда следует напасть...

Это был огромный, попросту чудовищный зверь — не шакал, не волк, куда больше волка, какая-то черная жуткая тварь, косматая, с широкой грудью, с мускулистыми лапами, с широченной пастью, вдоль и поперек усаженной устрашающими клыками. Черный варг... громадный, старый, матерый варг, которому плевать было на солнце, жару и «открытые пространства». Он пришел с гор, с запада, и выл ночами в степях, и, наверно, промышлял сернами и степными оленями, пока ему так удачно не подвернулась новая, куда более легкая добыча.

Гэдж остолбенел.

Нападение было таким стремительным, таким ошеломляющим и по-настоящему неожиданным, что даже Гэндалф не успел от него защититься, а Гэджа и вовсе будто парализовало...

Но всего на секунду.

Орк не отдавал себе отчета в своих действиях.

Наверное, самое умное, что он мог бы сейчас сделать — это кинуться прочь и взобраться на ближайшее дерево, пока волшебник разбирается с варгом... или варг — с волшебником. Потому что положение Гэндальфа оказалось незавидным, посоха у него не было, меч он выронил, а чудовище подмяло его под себя и разом вцепилось в глотку... или еще не вцепилось? Оно не должно, не должно было вцепиться, Гэдж просто не мог этого допустить! Он заорал, как оглашенный — скорее от ужаса, нежели от ярости — и метнул в зверя первое, что попало под руку: чернильницу с остатками чернил.

Ничего глупее невозможно было представить.

Это было все равно, что кидаться вишневыми косточками в мумака.

Но он добился того, чего хотел — варг на секунду оставил Гэндальфа. Обернулся к Гэджу, недовольный помехой... Свирепо, угрожающе зарычал, приподнимая верхнюю губу над огромными желтыми клыками. И тут же получил закопченным камнем по морде: Гэдж наконец нашел на земле более подходящий для метания предмет — один из известняковых булыжников, которыми путники обложили очаг, прежде чем развести костер. Этих булыжников оказалось с дюжину, и на несколько мгновений их должно было хватить...

Варг взвыл от ярости. Падающие на голову камни ввели бы в неистовство и раздражение кого угодно.

Он бросил помятого волшебника и шагнул в сторону орка. Низко нагнул голову. Дыхание зверя тяжело вырывалось из пасти, глаза злобно горели, и взгляд их пронизывал насквозь и пригвождал к земле.

У Гэджа был только кинжал. А вот страха почему-то не было. Не осталось.

Зверюга действительно оказалась размером с годовалого бычка — огромная, мощная тварь, настоящая груда мускулов, исполненная неодолимой силы и хищного рвения. Гэдж видел каждый волосок на косматой и неопрятной волчьей морде, каждую капельку слюны на жутких желтых зубах, каждую соринку, запутавшуюся в грязной свалывшейся шерсти. Он видел, как плеснулось бешенство в глазах хищника, как ощерилась клыкастая пасть, как напряжились перед прыжком могучие лапы, и был готов встретить его — один на один...

Но варг не успел прыгнуть.

— Gwanno! — прохрипел где-то позади Гэндальф.

Зверь с коротким яростным рыком отскочил в сторону, точно отброшенный.

Волшебник, тяжело дыша, приподнялся на локте. В ладони его разгорался яркий алый свет — такой ослепительно яркий и ослепительно алый, что у Гэджа заболели глаза... Варг попятился, шерсть на его залитом чернилами загривке стала дыбом, и на ней замерцали крохотные красноватые искорки. На напрягшихся лапах хищника обрисовалась каждая жилка, из приоткрытой пасти свесилась нитка слюны, в маленьких глазках, утопленных в густой черной шерсти, пронзительно-желтых, как янтарь, отражался отблеск алого света.

— Уходи, — повторил маг. Он медленно поднялся на ноги и стоял, слегка пошатываясь, растрепанный и лохматый, вытянув перед собой руку с пылающим в ней алым огнем. — Уходи туда, откуда явился. На запад, вслед за солнцем. Тут тебе... не рады.

Варг ощерился.

Попятился, не сводя глаз с мага, припадая к земле.

Гэндальф выпрямился, расправил плечи, шагнул навстречу чудовищу — твердо, уверенно, глядя ему прямо в глаза — и зверь отступил. Опустил морду, скалясь, и чуть ли не брюхом проволочился по земле... потом издал приглушенный рык и шмыгнул прочь, в тот самый куст, из которого и явился, и ветки которого, потревоженные, еще слегка

покачивались — с момента нападения не миновало и пары минут...

Гэдж охнул и прислонился плечом к стволу осины, очень удачно оказавшейся поблизости. Он вдруг понял, что его трясет с головы до ног.

Маг все еще стоял, глядя удравшему варгу вслед, неподвижный, как изваяние, и алый огонь в его ладони медленно угасал. Гэдж, весь дрожа, сжимал в руке кинжал, опасаясь убрать его в ножны... а вдруг, с ужасом думал он, зверь никуда не ушел... вдруг он все еще там, прячется под кустом, опять выжидает подходящего момента... вдруг он сейчас *вернется*...

— Не бойся, — хрипло сказал Гэндальф. — Он больше не придет.

Прихрамывая, маг подошел к костру, тяжело опустился на бревно, порывлся в своей котомке и достал небольшую жестяную фляжку. Сделал из неё пару глотков, потом, секунду помедлив, протянул её орку.

— Выпей... немного. Это эльфийское вино, мирувор... помогает прийти в себя.

Вино пахло медом, свежескошенной травой и какими-то острыми, неизвестными орку ароматными пряностями. Гэдж сделал глоток — и *мирувор* обжигающей струйкой скользнул в желудок, разлился по жилам мягким обволакивающим теплом. Страх слегка отступил, беспокойство улеглось, а сердце, испуганно колотившееся в горле, вернулось на свое место и даже чуть-чуть умерило пыл.

Орк медленно вложил кинжал в ножны. Руки больше не тряслись, а вот губы, леший бы их побрал, прыгали по-прежнему; Гэджу пришлось сделать над собой усилие, чтобы укротить их и кое-как призвать к повиновению.

— Ты... как? Эта... тварь... тебя не погрызла? У тебя нос распух, — небрежно, запинаясь, сказал он волшебнику. Фраза прозвучала неуклюже и по-дурацки, но орк должен был сейчас что-то сказать, а это было все-таки лучше, чем «Получил, старый, да?» или «Ну, что? Я же тебе говорил!»

Волшебник, взболтнув в руке флягу с остатками вина, чуть помедлил — и сунул её обратно в котомку. Ощупал свой несчастный нос, как будто желая удостовериться, что эта часть лица все еще при нем.

— Распух? Ну да, ты очень удачно попал по нему камнем, мой друг...

— Ну... извини, — сердито пробормотал Гэдж.

Гэндальф поежился.

— Тебе не за что извиняться, дружище. Хотя с твоей стороны было, пожалуй, довольно неосмотрительно швыряться камнями в разъяренного варга, ты бы с ним явно не справился... — Хмыкнув, он посмотрел на орка с интересом. — Зачем ты это сделал?

«Чтобы отвлечь его от тебя, старый пень!»

— Просто так, — буркнул Гэдж. — Захотелось пошвыряться. — Конечно, с его стороны было очень нелепо думать, будто Гэндальф и сам не способен справиться с этой жуткой тварью и нуждается в помощи какого-то там глупого орка.

Громко лопнула в костре сырая ветка. Запахло горячей смолой. В траве возле очага все еще лежала оброненная магом трубка, погасшая, рассыпавшая из чаши остатки серого пушистого пепла.

Волшебник вздохнул. Поднял трубку, повертел её в пальцах. Вновь внимательно посмотрел на спутника: так внимательно, пытливо и серьёзно, что Гэджу окончательно стало не по себе, и он отвернулся... почувствовал облегчение, когда Гэндальф наконец отвел взгляд и уставился на свою ладонь — крепкую и слегка грязноватую, на которой виднелись

сероватые пятна от табака и свежая царапина. Это был не след нападения, просто — царапина, полученная невесть где и невесть каким образом, как и все на свете царапины на ладонях.

— Этот варг... заблудился. Он забрел далеко от дома, и потому был растерян и напуган, — помолчав, негромко проговорил Гэндальф. — Не знаю, откуда он тут взялся, как и почему оказался в этих краях. Может, он — изгнанник, а может, просто такой же старый бродяга, как я... или такой же искатель приключений, как ты. — Он бледно улыбнулся каким-то своим мыслям. Отбросил волосы со лба и вновь посмотрел на орка — в глазах его отражался отблеск костра. — Я должен тебя поблагодарить, Гэдж. Если бы не ты, это происшествие могло бы закончиться весьма... плачевно.

— Я... ничего не сделал, — пробормотал орк, по-прежнему глядя в землю. Щеки его пылали. — Ничего... такого. Героического. Я просто... испугался.

— Ты испугался *не за себя*, — коротко возразил маг. — Ты дал мне две секунды, чтобы я успел собраться с силами и дать варгу отпор... эти две жизненно необходимые мне секунды. А вот я — облажался, старый дурак. Я его не заметил. Этого зверя. — Он говорил жестко и резко, словно желая уязвить себя побольнее; с кривой усмешкой провел рукой по лицу. — Как же я его не заметил...

— И на старуху бывает проруха, — неуклюже, облизнув губы, пробормотал Гэдж. — С каждым может случиться...

Гэндальф покачал головой.

— Нет. Я *должен был* его обнаружить. И — не обнаружил... Сглупил, отвлекся на этого проклятого камышового кота... Нет мне прощения. — Он поднял руку и положил её Гэджу на плечо; пальцы у него слегка дрожали. — Спасибо, Гэдж. Если бы не ты... — он не договорил. Поднялся и, отвернувшись, ушел куда-то в темноту, в глубину оврага, за круг света. Хотел пережить свой не чайнный промах в одиночестве.

19. Несвобода

Варево было почти готово.

Впрочем, Саруман не торопился снимать котелок с огня, помешивая содержимое деревянным черпаком, дожидаясь, пока терпкий травяной вар загустеет и приобретет нужную вязкость. Поверх своего серого балахона маг был закутан в простецкий крестьянский кафтан, мимоходом изъятый Кагратом у кого-то из пленников. Прежний владелец одежды никаких прав на былую собственность предьявлять не осмелился, хотя ночью в горах было довольно-таки прохладно, и плотный сермяжный кафтанчик в таких обстоятельствах приходился как нельзя более кстати.

Главарь не появлялся. Несколько часов назад уруки отправились в очередной разбойничий набег на какую-то горную деревушку, находившуюся в нескольких милях к северу, и пока не возвращались. В лагере остались лишь пленники, кашевар Гуртц, да полдюжины обязанных присматривать за порядком орков-охранников, которые, кажется, тоже особенно утруждать себя не желали, вполне полагаясь на смертоносные чары магических ошейников.

Из сгущающихся сумерек выдвинулась чья-то смутная угловатая фигура, подошла, чуть прихрамывая, к саруманову костру — это был Эотар, невысокий, плечистый крепыш со светлыми курчавыми волосами, кузнец и чеканщик («Бывший кузнец, — неизменно уточнял он при знакомстве. — Мы тут все, по всему виду, *бывшие*»). Обычно «крысюков» держали гуртом в глубине распадка, но сегодня, благодаря отсутствию большей части охраны, пленники чувствовали себя более свободно, даже выпросили разрешения у Радбуга, оставшегося за старшего, развести костер, чтобы погреться возле огня. Орки, стоявшие на карауле, им не препятствовали: следили только за тем, чтобы «крысюки» вели себя тихо и не переступали некую невидимую черту, служившую внешней границей лагеря. Эотар подошел, посопел, уселся на землю рядом с Саруманом; магу показалось, что крепыш был сейчас слегка не в себе.

Гость извлек из-за пазухи глухо булькнувшую оловянную фляжку. Кивнул волшебнику:

— Угостить?

— Что это?

— Гуртц дал. Так, просто горло смочить.

— Не нужно. — Мутное орочье пойло так яростно благоухало на весь мир ядреным сивушным маслом, что Сарумана передернуло. — По какому случаю такая щедрость, Эотар?

— По такому! — хрипло сказал Эотар. Он плотнул из фляги, поморщился, утер губы рукавом грязной рубахи; смачно рыгнул. — Эх, знатно промыло кишочки! Знаешь, куда ушли эти... уроды? — Он мотнул головой в сторону лесистого холма, куда Каграт пару часов назад увел свою кодлу.

— Нетрудно догадаться, — обронил Саруман. Голова у него трещала не так, как вчера, но проклятый ошейник давил и донимал по-прежнему, и лишних телодвижений волшебник старался не совершать — ни физических, ни, упаси Эру, магических. Он чувствовал себя энтот — каким-то одеревеневшим и медленным, от всего отстраненным, наблюдающим за всем происходящим словно бы со стороны. Это не он, не Саруман, не всеведущий Белый маг, через силу цедил вчера слова, разговаривая с Кагратом, потом в сопровождении одного из орков ковылял по склону оврага в поисках нужных трав, потом, сидя возле кагратова костра,

жевал безвкусный сухарь и как во сне варил лечебное зелье — а какой-то чужой, жалкий, больной, мерзкий в своем бессилии старик, имя которому было — Шарки.

Изрядно захмелевший Эотар сидел, слегка покачиваясь из стороны в сторону, порой передергивая плечами и по-лошадиному размашисто встряхивая головой. В его соломенного цвета кудрявых волосах, сальных и слипшихся от грязи, мелко вздрагивали травинки и комочки земли.

— Головорезы проклятые! Ошейники им, видите ли, надеть не на кого... Разграбят несчастную деревушку к лешему! Знаешь, как они это делают? — Глаза крепко слезливо поблескивали во мраке. — Подождут пару хибар, а когда бабы да мужичье с перепугу на дворы повыскакивают, начнут хватать их, как цыплят... Раз, два — и готово дело! Кто спрятаться успел — к тому, значит, Творец милостив...

— А ты, выходит, не успел? — сквозь зубы спросил Саруман.

— А я и не прятался! — презрительно выплюнул Эотар. — Эти сволочи меня голыми рученьками не взяли! Я их топором да молотом валил и давил, как гнид... валил и давил... да вот мало передавил, видать!

Он всхрапнул и уставился в огонь, на мерцающие, то наливающиеся алым сиянием, то вновь потухающие в огне седые угли; поднимающийся от костра запах дыма мнился ему, наверно, удушающим смрадом гари от разоренных жилищ, хотя до обреченной на гибель неведомой деревеньки было слишком далеко, да и находилась она от лагеря с подветренной стороны...

Шарки молчал. Он, этот Шарки, был хитрый и осторожный, приглядывался к происходящему, наблюдал, сопоставлял, размышлял и делал выводы — но пока считал за лучшее держать их при себе. Да и Гарх не появлялся... Ворон не выпускал волшебника из виду, и время от времени Саруман замечал знакомый силуэт, мелькавший в ветвях деревьев, растущих на склонах распадка — но приближаться к магу ворон не рисковал, видимо, вновь опасаясь получить от Каграта камнем, тем более что главарь по каким-то неведомым соображениям предпочитал держать новообретенного лекаря при себе.

— Значит, это правда? — негромко спросил Шарки у притихшего собеседника. — Насчет ошейников? Они действительно так опасны? Кто-нибудь пытался... бежать?

— Пытались, — пробурчал Эотар. — И снять пытались, и бежать пытались... Только дальше ста ярдов от орков не отойдешь... эта штука нагревается, будто в огонь посаженная, и воздух тебе напрочь отрезает... — Он хмуро приподнял бороду и край ошейника — и показал магу темневшую на шее полосу неглубокого, уже зажившего ожога. — Но если вдруг придет мысль мучительно самоубиться — то всегда пожалуйста...

— Эй, ты!

Эотар вздрогнул. В сумраке не границе света и тени нарисовался чей-то громоздкий черный силуэт, словно вырубленная из гранита темная глыба. Это был Шавах, орк, числящийся в кагратовой шайке негласным палачом: его свирепость, богатырская силища, полнейшая нечувствительность к боли — как к чужой, так и к собственной, а также абсолютное нежелание обременять себя хоть малейшими правилами морали делали его в орочьем отряде личностью пугающей и совершенно к себе не располагающей. Пленники съезживались при его приближении, да и многие сородичи старались пореже попадаться ему на пути, ибо Шавах был злопамятен и к врагам своим поистине беспощаден — и притом считал таковым любого, кто имел наглость хоть немного разойтись с ним во мнениях.

Он смотрел на Эотара так мрачно, злобно и тяжело, точно пытался взглядом вдавить его

в землю.

— Откуда флягу взял, рыло?

Эотар побледнел. Праведный гнев и яростный боевой кураж враз осыпались с него, будто высохшая луковая шелуха.

— Гуртц дал, — пробормотал он, втягивая голову в плечи, словно в ожидании удара. Кулаки у Шаваха были весьма увесистые, а на поясе висел кожаный кнут, крепкий и жесткий, такой же, как и у главаря, к тому же усиленный металлическими вставками.

— Гуртц? — подозрительно переспросил Шавах. Он шагнул вперед и сгреб Эотара за грудки. — Бреешь, падаль! Небось сам стянул, что плохо лежало, а теперь зубы мне заговариваешь?

— Нет... — забормотал Эотар, — нет, нет... Я не брал... клянусь, я ничего не брал! Спроси у Гуртца... Отпусти-и!

— Оставь его, урод, — сказал за спиной Шаваха спокойный хриплый голос. — Ретивое выиграло, что ли, кулаки почесать не об кого?

Шавах медленно обернулся.

— Что? Ты чего лезешь, ублюдок? Я тут порядок навожу и ворье уму-разуму поучаю, не видишь?

— Не вижу, — холодно отрезал Радбуг. — Вижу только рожу твою неумытую и неумное желание силушку в ход пустить... Пока я тут за старшего, никто крысюков трогать не будет, понял? Они нам целыми-невредимыми нужны, не избитыми и не покалеченными. Завтра у нас тяжелый переход, будут хворые и увечные — до Замка не дойдут... Или забыл про Визгуна и его наказ?

— Не забыл, — процедил Шавах. Его мрачное лицо потемнело от прилива крови. — Только Визгун — далеко... как он пронюхает, интересно? Ты ему настучишь, да?

— Может, и настучу, — невозмутимо сказал Радбуг. — Я ведь сволочь, ты меня знаешь, доложу Визгуну обстоятельно и по всей форме, как ты втихую крысюков мордуешь, пусть он *по-своему* с тобой разбирается. Кто на днях сломал Лопуху руку — не ты?

— Не я! — Шавах окрысился, но Эотара все-таки выпустил: отшвырнул его от себя, как жалкого нашкодившего щенка. — Я только чихнул в его сторону... случайно! Он сам упал, соплёй перешибло.

— Да ну? Этот... с бородавкой на носу... тоже от нечего делать сам себе два зуба выбил? Моченьку свою молодецкую немного соразмеряй, или ты силы своей не знаешь?

— Смотри, как бы тебе её не узнать! — Красноватые глаза Шаваха злобно, опасно сузились, как у рассерженного кота, совсем утонули под низким, нависающим над переносицей шишковатым лбом. — Экий радетель за крысюков! Кто ты такой, чтобы тут командовать, а? Вонючий приبلудок, полукровка... За Визгуна прячешься или за своего вшивого дружка Каграта? Много на себя берешь, погань, смотри, как бы не надорваться!

Радбуг говорил тихо, но внятно:

— Не ссы, не надорвусь, у тебя подмоги не попрошу... На рожон лезешь, мразь? Хочешь поединка?

Он положил руку на эфес скимитара, висевшего на поясе. Из темноты, привлеченные назревающей ссорой, подошли еще двое уруков, остановились чуть поодаль, в полумраке, но вмешиваться не спешили. Наверно, надеялись, что яростная перепалка закончится потасовкой, и не хотели упустить занятное зрелище.

Шавах глухо зарычал. Шагнул к Радбугу и навис над ним, свирепо и угрожающе, как

готовая вот-вот обрушиться и задавить вусмерть ледяная глыба. В лапе его блеснул невесть откуда взявшийся короткий боевой нож с изогнутым, как клюв, темным щербатым лезвием.

— Ну-ка, ну-ка, иди сюда, командир! — Он злобно ощерился, обходя противника медленно, по кругу, осторожно переступая крепкими напружиненными ногами. — Кровь тебе пушу — ту, ублюдочную... слишком уж её в тебе много, то-то ты чересчур распухать начал!

Радбуг, поворачиваясь вслед за Шавахом на пятках, сжал зубы. Рывком обнажил кривой острый клинок.

— Про себя я и сам все знаю. А в тебе, Шавах, слишком много дерьма... больше, чем в казарменном нужнике, и оно, того... малость пованивает. Да за тобой и другие грешки записаны, или тебе неведомо?

— Какие такие грешки?

— Сало из обоза разве не ты мимоходом приворовываешь, а?

— Какое ещё сало?! — Шавах так и вскинулся. Удар был нанесен метко, прямо поддых, и сразил беднягу наповал, он даже не потрудился изобразить негодование по-настоящему правдоподобно. — Не видел я никакого сала! Сам небось в общак лапы запускаешь, а теперь свои грешки на меня вешаешь? Где у тебя доказательства, а?

— Найдем, — процедил Радбуг. — Думаешь, ты только мне одному оскомину набил? Доберемся до Крепости — очередь выстроится из желающих увидеть тебя на козлах для публичной порки... и свидетели разом для всего найдутся. Сволочей и доносчиков среди нас хватает, сам разумеешь.

— Ах ты... зараза! — прохрипел Шавах. Он громко, судорожно глотнул, точно пытаясь подавить икоту — ярость подступала ему к горлу неудержимо, рывками, как комок рвоты. Он бы, пожалуй, не постеснялся пустить в ход кинжал, если бы не смутное сомнение в том, что физическая расправа сейчас не особенно уместна. Радбуг держался начеку, скимитар у него был куда длиннее коротенького шавахова ножа, да и неудобных зрителей, которым Шавах успел «оскомину набить», набежало вокруг чересчур много. Начнись свара — и они окажутся не на его стороне, орк не мог этого не признавать... Он глухо рыкнул сквозь зубы:

— Ладно, погодим. Я тебе этого не забуду, сучий ты потрох. — Молча сунул нож за пояс, повернулся и канул во тьму — только прощуршал по траве камень, отброшенный яростным пинком, да хрустнула сломанная об колено сухая ветка...

— Что ж, я тоже на память не жалею, Шавах, — негромко сказал Радбуг ему вслед. Медленно вложил скимитар в ножны, передернул плечами. Презрительно сплюнул в костер: — Дурак!

Один из орков, стоявших чуть поодаль, за кругом света, хрипло кашлянул:

— Ты бы поостерегся, Радбуг. Дурак-то он дурак, но подстроить исподтишка какую-нибудь пакость ему вполне мозгов хватит.

— Это я и без тебя знаю, Ухтанг. — Радбуг на секунду обернулся. — Вы, двое! Какого лешего не на посту?

Орки исчезли.

Радбуг, не глядя, протянул лапу к Эотару, сидевшему на траве.

— Дай сюда флягу.

Крепыш беспрекословно повиновался. Радбуг чуть помедлил, взвесил почти пустую флягу в руке, небрежно сунул её за пояс. Поймал Эотара взглядом — цепко, как рыбку на крючок.

— Ты, говорят, кузнец?

Эотар уставился на носки своих расхлябанных башмаков.

— Ну, кузнец... Был в прошлой жизни.

— А теперь что же — закончился? Был, да весь вышел?

Эотар яростно потер кулаком нос.

— А теперь жизнь закончилась, одна маета осталась... и я в ней — никто, кучка дерьма: раздавите, отряхнитесь и дальше пойдете. Или не так?

Радбуг все не отводил взгляда.

— Грамоте разумеешь?

— Чертежи разбираю.

— А по-буквенному?

— А тебе зачем?

— Дружки твои... Бородавка, Лопоухий... они тоже с твоей деревни? Каким ремеслом владеют?

— Ты бы у них и поспрашивал, коли такая нужда...

На бесстрастном лице Радбуга не отражалось никаких чувств.

— Да мне-то нужды никакой нет — так, хочу уразуметь, стоит ли на вас паёк тратить... это в Крепости вас серьёзно поспрашивают: кто, откуда, к чему пригоден. И отвечать делом придется, не словами, надеюсь, это вы уже уяснили...

* * *

«Добытчики» вернулись только под утро.

Сарумана, прикорнувшего возле догорающего костра, разбудило появление Каграта — грязного и потного, пропахшего гарью. Орк был весь какой-то желтовато-серый, уставший, взмыленный; он тяжело плюхнулся на землю возле огня и принялся стаскивать обтерханные, сбитые о камни кожаные сапоги.

— С добрым утречком, Шарки! Я для тебя подарок в клювике принес. Нá, харчись! — Он извлек из-за пазухи кружок свежей копченой колбасы и бросил её пленнику. — Зелье свое припас? Неможется мне что-то... — Он не глядя сунулся в котелок, зачерпнул кружкой варева, выхлебал его парой глотков и, всхрапнув, азартно закусил доброй половиной принесенной колбасы. — Ну и дрянь твое пойло! Кожи в нем вымачивать...

Результатами набега главарь был недоволен, добыча оказалась невелика — два десятка козьих шкур, пара мешков с каким-то убогим деревенским скарбом, да несколько пленников: угрюмых испуганных горцев, одинаково коренастых, низколобых, бородатых, до самых глаз заросших неопрятным черным волосом, явных сородичей приснопамятного Гнуса. Согнанные в овражек к остальным «крысюкам», они старались держаться особняком, ближе друг к другу, озираясь как-то по звериному: с тоской и страхом, и в то же время с затаенной злобой, точно выжидая подходящего момента не то удрать, поджав хвост, не то напасть втихомолку и укусить...

— Глупо было ожидать чего-то другого, — хмуро заметил Радбуг, как всегда встречавший приятеля на посту. — По мне, так и вовсе не стоило ноги бить... Улов не оправдывает наживки.

Каграт неохотно возражал:

— Где мы других возьмем, а? На южный берег Лимлайт сейчас не сунешься —

опасно... Тарки жужжат там, как осы в гнезде, того и гляди жалить начнут. А где еще добычей можно разжиться?

— Хороша добыча — полдюжины пастухов-глистоносцев...

— Канавы рыть и такие сгодятся. Визгун не порадуется, если мы половину ошейников обратно пустыми притащим.

Радбуг с неудовольствием качал головой.

— Визгун еще меньше порадуется, если мы вообще до Замка не доберемся. Опасно медлить, Каграт, чем дольше мы тут сидим, тем труднее нам будет унести отсюда задницы. По-хорошему надо было еще вчера выступить... Какого лешего мы время теряем?

— Ничего не теряем, время еще есть. Переправа у Андуина нас через пять дней будет ждать.

— Дойти бы до этой переправы... Сам же знаешь — лошадики всполошились, на равнине какая-то суета... как бы дорогу нам не перекрыли. До Андуина — девяносто миль! А у нас — пленные и обоз...

— Хватит ныть! Завтра к вечеру выступим — ночью у нас перед тарками преимущество, да и рысить под луной проще, чем под солнцем. Отправь Рузгаша и Ларбага в разведку — пусть выйдут на равнину да разнюхают, что там да как... Пойдем по северному берегу Лимлайт, степью да пустошами — аккурат к Андуину к назначенному сроку поспеем.

Вот оно как, сказал себе Саруман. Уруки разговаривали при нем не таясь, уверенные, что Черного Наречия пленник не понимает — и, делая вид, будто дремлет возле огня, волшебник внимательно прислушивался к их словам. Значит, вскоре орки погонят пленников через поля, к Андуину, по «ничейной земле» между реками Лимлайт и Келебрант. То есть они будут вынуждены пройти совсем близко к южным рубежам Лориэна! Это внушало некоторую надежду... За эти пару дней крыло Гарха чуть-чуть заживет, и ворона вполне можно будет отправить в Золотой Лес с объяснением всего происходящего — эльфийским Владыкам или даже Гэндальфу, который в это время должен оказаться как раз где-то поблизости. Ну да, а заодно попать собственную гордость, расписаться перед всей этой надменной публикой в поистине постыдном бессилии и предстать перед ними жалким немощным пленником, закованным в рабский ошейник... Но это все-таки лучше, чем оказаться в проклятом Замке... или — нет, не лучше? Саруман заскрежетал зубами. Ах ты, леший, раздери вас всех черный варг! Неужели я сам не смогу справиться с этим поганым ошейником?

Он вздрогнул — Каграт, рывком подавшись вперед, схватил его за плечо.

— Окстись, старый, заснул, что ли? Ты про свои обязанности-то не забывай, у меня для тебя еще кое-какая работенка припасена. Какой-то урод железкой меня чуть не достал, дрын ему в задницу... Заштопать меня надо. — Он принялся стаскивать с себя пропахший потом и дымом кожаный гамбезон, бросил его в траву, обнажив могучий торс и широкую грудь с переливающимися под кожей тугими буграми мускулов. На плече орка темнел уже запекшейся кровью длинный глубокий порез с разошедшимися краями, нанесенный, видимо, скользнувшим слегка под углом длинным ножом. К ране присохла заскорузлая тряпица; орк сдавленно зашипел, отдирая её от свеженького, еще не успевшего окончательно подсохнуть кровавого рубца.

— Это еще что? — пробормотал Саруман.

Внимание его привлекла отнюдь не рана. На могучей груди орка на тонком плетеном шнурке висел осколок темного, с серебристым отливом металла — обломок амулета с

вычеканенной на нем едва заметной полустертой руной. Шарки пригляделся — кажется, это была руна «сит»... Часть амулета «Сит-эстель»? Того самого амулета, другая половинка которого, «эстель», обнаружилась у крохотного найденьша, волею случая оказавшегося на попечении Белого мага пятнадцать лет назад? Пораженный, волшебник на секунду забылся, протянул руку и, схватив заинтересовавшую его вещицу, поднес её к глазам.

— Что это? Что это такое? — Маг вскинул на орка удивленный взгляд. — Откуда у тебя это... эта вещь, Каграт?

— От бабушки досталась в наследство. И подбери-ка грабки, старый хрыч, слышишь? Не суй свою сопатку, куда не просят! — Желтоватые глаза главаря засветились злобно. Он ухватил Сарумана за нос и так крутанул, что у волшебника из глаз брызнули слезы; Шарки отшатнулся, уверенный, что его несчастный нос останется у Каграта в лапе. — Займись делом, тебе говорят! А потом пойд и погляди этих... «новеньких», что-то рожи мне их не нравятся, прыщавые какие-то... Ну, чего уставился и физиономию скривил? Обращение мое тебе не по нраву, мне к тебе по-эльфийски, с расшаркиваниями и «будьте любезны» подкатывать надо, да? Забудь все заморочки — и радуйся, что больше никогда их вспоминать не придется. — Он как-то очень понимающе, очень гадко и язвительно ухмыльнулся. — Для твоей же пользы тебе это говорю, старый...

20. Лориэн

Утро уже подходило к полудню, когда Гэндальф и Гэдж, взмокшие и уставшие, основательно пропеченные жарким степным солнцем, вступили под прохладные своды тисовой рощи — южного авангарда Золотого леса. Душное пекло андуинских степей осталось позади, и Гэджу невольно вспомнился Фангорн: звенящая тишина, шепот ветра в листве могучих крон, пение птиц, пестрые лоскутки солнечных бликов на мягком ковре лесной подстилки...

По мере продвижения к северу лес неуловимо менялся. Первыми исчезли стройные осинки, потом сошли на нет скромные тисы, грабы и ясени. Среди мрачных дубов, внушительных вязов и солидных буков все чаще стали встречаться — и группами и поодиночке — высокие, могучие деревья с гладкой серой корой и широкими плотными листьями, с внешней стороны нежно-зелеными, а с внутренней — серебристыми, мягко посверкивающими в полумраке. Так это и есть знаменитые лориэнские *мэллорны*? — спросил себя Гэдж и слегка удивился: ему до сих пор почему-то казалось, что легендарные *золотые* деревья и впрямь должны быть исключительно золотыми.

— Золотым этот лес бывает только осенью и зимой, Гэдж, — пояснил Гэндальф в ответ на его вопрос. — Листья не опадают с деревьев с приходом холодов, а становятся бледно-золотыми, словно солнечные блики — а потом, когда наступает тепло, вновь наливаются свежими соками. Весной, когда мэллорны зацветают, здесь, поверь, бывает очень красиво: соцветия у этих деревьев большие, словно вылепленные из воска, с золотисто-белыми лепестками, и источают дивный медовый аромат, который...

— А далеко еще до Лориэна, Гэндальф?

— Не бойся, мимо не пройдем. — Волшебник беспечно грыз жесткий стебелек весёлки. — Хотя от посторонних глаз эта страна укрыта волшебной завесой, подобной тому, какой Мелиан в свое время укрывала Дориат, так что найти Лориэн и уж тем более войти в него может лишь тот, кого будет угодно пропустить самим Владыкам.

Орк отчего-то засомневался. Эльфы всегда казались ему народом, который не очень-то жалуется чужаков, и слова волшебника — оброненные как бы мимоходом, но в то же время весьма многозначительно — служили тому ясным подтверждением.

— Так, может, нам вовсе и не обязательно в него заходить, а? Саруман обещался встретить нас где-то на границе.

— Не тревожься, Гэдж, эльфы добры и гостеприимны... и в любом случае, я полагаю, представиться Владыкам будет отнюдь не лишним. Или ты совсем не хочешь увидеть легендарных обитателей Золотого леса, эм?

— Ну, может, и хочу, — неуверенно пробормотал орк. — Только хотят ли они увидеть меня — вот в чем вопрос...

Почти тотчас же, точно подтверждая его слова, откуда-то сверху, из темной, непроглядной снизу густой листвы прозвучал властный оклик:

— Daro!

Гэндальф, крепко сжав руку спутника, тут же остановился. Наверху чей-то чистый, певучий голос заговорил по-эльфийски, и Гэндальф, помедлив секунду, ответил на том же языке. Это был синдарин, и Гэдж, хоть и знал на нем несколько слов, ничего не сумел разобрать: эльф и волшебник говорили слишком быстро.

— Кто там? — не удержался орк. — Что он говорит?

Гэндальф не ответил. Ветви мэллорна едва заметно всколыхнулись, и перед путниками бесшумно возник (именно возник, будто сооткался из лесного сумрака) человек... вернее, конечно, эльф — высокий, светловолосый, в тенисто-сером одеянии, цветом почти сливающимся с сероватой корой окружающих деревьев. Ликом он был светел и прекрасен, телом ладен и строен, за спиной имел лук и колчан со стрелами, на поясе — длинный прямой кинжал в кожаных ножнах.

— Добрый день, Фаундил. — Гэндальф учтиво склонил голову.

— Приветствую и тебя, Митрандир, — немедленно откликнулся Фаундил на всеобщем языке, едва удостоив гостей небрежным кивком. Его внимательные, ясные, как самоцветы, голубые глаза смотрели на путников спокойно и строго, с чуть заметной насмешливой искоркой, прячущейся в прозрачной мерцающей глубине.

— Я удивлен, Фаундил, — вновь заговорил волшебник, выдержав полагающуюся паузу, — с каких это пор вы позабыли правила радушия и хорошего тона, встречаете меня с такой настороженностью и задерживаете на пути как нежеланного гостя и достойного подозрений субъекта? До сих пор я, признаться, полагал, что не просто так имею честь называться Другом эльфов.

— Все верно, Митрандир, — невозмутимо отозвался страж, — тебя мы хорошо знаем, равно как и то, что тебе известны заветные слова, открывающие перед тобой дорогу в светлый Лотлориэн.

— Но в чем же дело?

— Твой спутник. — Эльф, приподняв бровь, медленно перевел взгляд на орка, который в почтительном молчании стоял чуть поодаль, позади мага — и у Гэджа разом появилось ощущение, будто его проткнули насквозь; он невольно поежился. — Он — орк.

— Что ж... этого трудно не заметить, — признал Гэндальф. Он тоже повернул голову и посмотрел на Гэджа так, точно увидел его впервые.

Губы эльфа дрогнули в едва заметной улыбке, но глаза по-прежнему оставались холодными и колкими, точно кристаллы льда; взгляд его царапал орка, как попавшая под одежду хвоинка. Прочие стражи пограничья никак не давали о себе знать, но Гэдж мог бы поклясться, что находится сейчас под прицелом по меньшей мере дюжины стрел, готовых по первому знаку Фаундила вылететь из окружающего окоёма густой листвы.

— Это не похоже на тебя, Митрандир... с каких это пор ты начал водить дружбу с орками? Или тебе не известна древняя клятва эльфов, согласно которой ни один орк не смеет преступить границ Лориэна, не будучи тут же покаран немедленной смертью?

— У каждого правила могут быть исключения, Фаундил, — невозмутимо заметил волшебник.

— Могут... но, боюсь, это не тот случай, Гэндальф.

— Отчего же? Разве Владыка Келеборн не предупредил вас об этом... о Гэдже?

На бесстрастном лице Фаундила впервые обнаружились признаки жизни — на нем мелькнула тень удивления.

— Об этом орке? Мы не получали никаких указаний.

— Вот как? Странно... А скажи-ка, друг мой, Саруман на днях не объявлялся в ваших владениях?

— Белый маг не так уж часто балует нас своими посещениями и, конечно, его визит не прошел бы незамеченным... Нет, Митрандир, он не приезжал в Лориэн уже более двух

десятков лет — вот все, что я могу тебе сказать.

— Понятно. — Гэндальф как будто пришел в замешательство. Это было явно не то, что он хотел от Фаундила услышать. — Но, вероятно, он прислал в Карас-Галадхэн какую-нибудь весточку о себе?

Фаундил, чуть помедлив, отрицательно качнул головой.

— Насчет этого мне ничего не ведомо. Вижу, — проницательно добавил эльф, — ты ждал от него известий, и их отсутствие тебя удручает.

— Ты даже не представляешь, *насколько* оно меня удручает, Фаундил, — маг растерянно потер рукой щеку. — Я, признаться, в изрядном затруднении... Я привел сюда этого орка не просто так, — помолчав, добавил он как-то неохотно, словно сомневаясь, стоит ли сейчас об этом упоминать. — Видишь ли, у него есть при себе кое-какая вещица, которая, сдается мне, может послужить ему пропуском.

— Какая вещица?

— Владыкам, не сомневаюсь, увидеть её будет весьма небезынтересно... Но об этом я бы предпочел говорить только с Келеборном. Мне необходимо увидеться с ним как можно скорее.

— *Тебе* я не препятствую войти в Лориэн.

— А мой спутник?

— О нем позаботятся. Но на северный берег реки Келебрант он не ступит... Я не полномочен нарушить данную мною клятву, Митрандир.

Гэндальф молчал. Стоял, слегка согнувшись и неуклюже опираясь на посох, точно под тяжким весом навалившихся на него неприятных известий ноги вдруг отказались ему служить.

Гэдж тоже не произносил ни слова. Ему было не по себе... Эльфы, как он и предполагал, не оказались ни дружелюбными, ни гостеприимными, на радушно настроенными. «О нем позаботятся». Что это могло значить — в устах эльфа? «О нем позаботятся, посадив его под замок?»

Радоваться отсутствию в Лориэне Сарумана или нет — он пока не решил.

— Ну и? — мрачно спросил он у Гэндальфа. — Что теперь?

Волшебник рассеянно оглянулся через плечо.

— Не переживай, Гэдж. Все так или иначе уладится, я тебе обещаю.

— Я не переживаю, — буркнул Гэдж. — Да и что тут, по-твоему, должно «улаживаться»? Никакой нужды идти в этот твой Лориэн я не вижу... Сарумана здесь все равно нет, ты же сам слышал.

— Если его нет здесь сегодня, не значит, что он не появится завтра. Возможно, что-то задержало его в пути.

— Что его могло задержать?

— Не знаю... Надо подождать хотя бы несколько дней. Он непременно приедет.

— Угу. И тогда ты с чистой совестью сдашь меня ему из рук в руки и вздохнешь с облегчением.

Гэндальф с досадой провел по лбу тыльной стороной ладони. Возразить ему, откровенно говоря, было нечего.

— Как бы там ни было, наши пути здесь должны разойтись, Гэдж. Через несколько дней мне нужно будет уйти.

— Куда уйти?

— На восточный берег Андуйна.

Гэджу показалось, будто в его желудок упал булыжник — таким мерзким, тяжелым и неудобоваримым было охватившее его чувство.

— Зачем? — пробормотал он.

— По делам, о которых тебе знать вовсе не обязательно, друг мой. Но я бы хотел быть спокоен за твою дальнейшую судьбу, хоть и буду лишён возможности отныне за тобою, гм... приглядывать.

— Так я и не прошу тебя за мной «приглядывать», Гэндальф. И никогда не просил! Но и оставаться здесь... пленником... я тоже не желаю!

— Никто не говорит, что ты будешь пленником, — с плохо скрытым раздражением возразил волшебник, — с чего ты это взял? Вобьешь себе в голову какую-то чушь...

— А кем же я тут буду — почетным гостем? С сопровождением из вооружённой охраны за плечами? Нет уж, избавь меня от такого эльфийского гостеприимства... Если меня не рады здесь видеть, так я вообще лучше уйду!

— Поздно. Ты не можешь просто так уйти, орк, — бесстрастно напомнил о себе Фаундил. — Ты вступил под сень Золотого леса — и теперь лишь в воле Владык решить, отпустить тебя или задержать. И знай — в лесу есть тайная стража... ты еще жив только благодаря заступничеству Митрандира. С орками у нас, как правило, разговор короткий.

— Что? — Гэдж, не веря ушам, медленно обернулся.

— Ты все слышал, орк, — ледяным тоном проговорил эльф; он по-прежнему был сдержан и незыблем, как гранитная глыба, но в глубине его глаз тлела едва приметная колючая усмешка. — Но, так и быть, я повторю снова, коли ты не сумел понять с первого раза... Хочешь ты этого или нет, но ты уже зашёл слишком далеко, чтобы повернуть назад. Владыка Келеборн узнает о тебе — и сам будет принимать решение касательно твоей... важной персоны.

— Ч-что? — Гэдж по-прежнему едва верил в происходящее. Вот это да! Путь в Лориэн ему, значит, заказан — но и просто повернуться к эльфам спиной и спокойно убраться восвояси ему теперь тоже не позволено! Он стал врагом, лиходеем и подозрительной тварью, не успев еще и шагу сделать в эту растреклятую эльфийскую странишку.

Он рывком поднял голову и посмотрел эльфу прямо в глаза — прозрачные, ярко-голубые, холодные, как зимнее небо. Ничего в жизни ему не хотелось так нестерпимо, как съездить кулаком по этой надменной, бесстрастной, лощеной эльфийской физиономии. Даже нахальное остроносое мурло Лута сейчас не казалось ему более противным.

— Я что, по-вашему — разбойник? — хрипло спросил он. — Лазутчик? Шпион? Я не сделал ничего дурного. Я ничего не нарушил, не сломал, не украл, никого не убил! Вы не имеете права удерживать меня тут против моей воли! Да кто они такие, эти ваши Владыки, что я должен ждать их решений и подчиняться их дурацким велениям?

— Поостерегись, орк! Твоими устами говорят гордыня и злоба. — Красивое лицо эльфа чуть дрогнуло — казалось, горячность орка его едва ли не забавляет: так суровый прибрежный утёс мог бы взирать на тщетно бьющиеся о его каменную грудь глупые буруны. — Я могу списать это на твою врожденную грубость и необузданность, но терпение мое далеко не безгранично. Еще одно проявление непочтения к Владыкам Лориэна — и ты действительно станешь тут пленником, а не гостем.

— Погоди, Фаундил. Прекратите, вы, оба! — Гэндальф решительно шагнул меж ними, крепко сжимая в руке посох, схватил Гэджа за локоть и отвел в сторону — отдернул рывком,

будто застрявший в дверях неподатливый тюк соломы. — Послушай, Гэдж, не будь таким дурнем... И, ради Творца, придержи язык! Здесь не то место и не то время, чтобы оскорблять друг друга и распалать и без того бесконечно тлеющую вражду! В своем доме Келеборн волен поступать так, как полагает нужным, а мы — гости в его стране, притом гости незваные, так что должны считаться с желаниями хозяев.

— Это — унижительно! — Гэдж глухо зарычал: обида и ярость клокотали в его груди горячо и больно, как раскаленная, не находящая выхода магма в недрах вулкана. — Сидеть и ждать милости от какого-то там эльфийского царька... Кто он такой, этот твой Келеборн — пуп земли? Владыка всея Арды и Средиземья, сам Великий Творец во белом неприступном сиянии? Чванливый сноб и самодур — вот он кто!

— Уймись! Ты, видимо, хорошо знаешь Келеборна, что позволяешь себе говорить о нем в таком тоне? — в голосе Гэндальфа вновь скользнул гнев; маг секунду помолчал, чтобы справиться с собственными недостойными чувствами. Положил руку спутнику на плечо и слегка встряхнул его, будто непослушного ребенка. — Гэдж, — тихо, почти неслышно добавил он, — успокойся, ради Творца, возьми себя в руки и не будь таким твердолобым... своей грубостью и упрямством ты ставишь меня в весьма затруднительное положение.

— У меня такое чувство, — сказал Гэдж сквозь зубы, не глядя на мага, — что я с самого своего рождения только и делаю, что ставлю всех в затруднительное положение.

Он избегал смотреть на старика. Стоял, отведя глаза и набычившись, прислонившись спиной к стволу ближайшего дерева, прижимая взмокшие ладони к его теплой и гладкой древесной шкуре. На ветке над его головой торчал одинокий цветок мэллорна: бело-золотистая пирамидка мягко светилась в полумраке, наполовину увядшая и засохшая, но трогательно уверенная, что вокруг все еще продолжается благостная весна.

Гэндальф сильнее стиснул плечо орка.

— Нет. Боюсь, ты просто слишком склонен к поспешным выводам и необдуманным решениям, дружище. Поверь, все непременно разъяснится и уладится, когда я поговорю с Владыками. Но... я вынужден кое о чем тебя попросить.

— О чем? Смирно поклониться эльфам, шаркнуть ножкой и поцеловать им сапоги? Я ни в чем перед ними не повинен... кроме того, что не такой, как они!

— Тот амулет, «эстель»... который ты показывал мне в Фангорне, помнишь? Я хочу, чтобы ты отдал мне его... на время.

Гэдж с трудом вспомнил, о каком амулете говорит волшебник.

— Зачем он тебе? Это всего лишь простой обломок.

— Хочу показать его Келеборну. Обломок или не обломок — но, полагаю, эта вещь его действительно заинтересует. И к тому же позволит ему, скажем так, составить о тебе более благоприятное впечатление.

— Да мне вообще-то плевать, какое впечатление он там обо мне составит...

— *А мне* — не плевать! — негромко, но резко возразил маг, глаза его сердито блеснули. — Право, не заставляй меня в тебе разочаровываться, Гэдж! Я не так уж часто просил тебя о чем-либо, так уважь ты хотя бы однажды просьбу старика.

Гэдж молчал. Почему-то ему не хотелось отдавать Гэндальфу этот древний, неказистый и вообще расколотый надвое амулет, но почему — он не мог сказать... Наверное, намерение волшебника предъявить «эстель» надменному эльфийскому Владыке не казалось орку очень уж славной и замечательной идеей.

— Этот оберег принадлежал моей матери, — пересохшими губами произнес он, по-

прежнему глядя в сторону. — Вот так. Это, конечно, пустяк, но все же...

— Я не думаю, что это такой уж пустяк, — серьезно возразил Гэндальф, — и твердо обещаю тебе, что вскоре ты получишь его обратно в целости и сохранности. Ты мне не веришь, Гэдж?

— Ну... верю, почему бы мне тебе не верить... И когда ты вернешься?

Гэндальф что-то прикинул в уме.

— Пара часов верхом, плюс переправа через Келебрант... Думаю, в Карас-Галадхэне — это королевский дворец — я буду к вечеру. Значит, вернусь завтра ближе к полудню... постараюсь вернуться, по крайней мере. Не переживай, Гэдж, — он улыбнулся (жалкая это, надо признать, получилась улыбочка) и ободряюще потрепал орка по плечу, — все будет хорошо, вот увидишь...

* * *

— Иди за мной, — сдержанно сказал Фаундил.

Топот копыт лошади, которую эльфы дали Гэндальфу, чтобы он мог добраться до Карас-Галадхэна, затих где-то в отдалении. И Гэджу, отныне оставшемуся одному, ничего не оставалось, как подчиниться...

Эльф шел через лес быстро и ловко, скользящим шагом — и ни одна травинка не шелохнулась под его ногами, ни один камешек не попал под сапог, ни одна ветка не ударила по лицу. Гэдж тащился за ним следом — и тоскливые мысли, накинувшись на орка, грызли, грызли, грызли его, как свора голодных псов. Он знал, чувствовал шкуркой, что из леса за ним наблюдают, более того — держат под прицелом, и мерзкое это знание ощущалось пренеприятнейшим онемением между лопаток: вероятность в любой момент ни за что ни про что получить эльфийскую стрелу в спину его нисколько не радовала. «Эльфы — скрытный, независимый и высокомерный народ, — говорил Саруман, — к тому же с орками у них давние счеты...» Нечего сказать, ловко они дают почувствовать нежеланным пришельцам их, пришельцев, моральное и физическое убожество; Гэдж до сих пор ощущал на себе оценивающе-презрительный (брезгливый?) взгляд Фаундила, и чувствовал себя под этим взглядом каким-то... нечистым, точно пораженным проказой. От этого взгляда ему теперь было не отмыться вовек.

Почему не приехал Саруман? Ведь он *обещал* приехать! «Я встречу вас в Лориэне заблаговременно...» Неудивительно, что, не найдя здесь, против ожиданий, Белого мага, Гэндальф так рассердился и растерялся — ему вовсе не улыбалось и дальше возиться и «нянчиться» с неудобным спутником. Гэдж проглотил комок в горле: желание исчезнуть, уйти в Серые горы, померкнувшее было в последнее время, вновь вспыхнуло в нем жарко и яростно, как поднесенный к огню просмоленный факел. Ладно, сказал он себе, не тревожься, господин маг, избавлю я тебя от своего неудобного общества, пусть только представится подходящий случай... Если Саруман не объявится в ближайшее время...

Но что, леший возьми, его могло задержать? Что могло произойти? Это вокруг Сарумана всегда что-то случалось и что-то происходило, но никак не с ним самим... Никогда на памяти Гэджа Белый маг не позволял себе пренебрегать своими обещаниями, и сейчас Гэдж терялся в предположениях и догадках касательно того, как такое могло случиться. В голове его бродили самые невероятные и сумбурные мысли, на сердце лежала свинцовая болванка, а на душе, несмотря на ясный солнечный день, было серо, мерзко и

пакостно, как в самый дождливый и слякотный осенний вечер...

К счастью, далеко идти не пришлось. Вскоре среди деревьев открылась полянка, в глубине которой стоял небольшой походный шатер — пятнистого серовато-коричневого цвета, будто сотканный из разлитой под деревьями лесной полутени и являющийся её частью. Внутри шатра имелась жаровня, столик, низкая лежанка, крытая попоной — все простенькое, незатейливое, видимо, собранное на скорую руку, но тем не менее как-то неуловимо, по-эльфийски справное, удобное и изящное.

Фаундил поставил на столик лампаду — некий диковинный светящийся камень, заключенный в стеклянную колбу с железными шпorkами, — и обернулся к орку:

— До возвращения Митрандира ты останешься здесь. Хворост для жаровни припасен возле входа, воду и кувшин для умывания найдешь рядом с лежанкой... впрочем, — добавил он мимоходом, — не думаю, что тебя это интересует. Ужин тебе сейчас принесут. — Он шагнул к выходу, но, прежде чем приподнять полог, на секунду остановился и небрежно бросил через плечо: — И помни: шатер будет под наблюдением... Поэтому лучше бы тебе не выходить отсюда без особой нужды, орк.

— Угу. А по нужде можно? — грубо спросил Гэдж.

Эльф поджал губы, лицо его презрительно передернулось: чего еще можно было ждать от урука! Не ответив, он повернулся и молча покинул шатер, плотно прикрыв за собой полог.

* * *

Келеборн встретил Гэндальфа на одном из нижних таланов дворца.

Владыка был один, не обремененный обществом ни своей златовласой супруги Галадриэль, ни кого-либо из свиты. Он в волнении мерил шагами небольшую, спрятанную в листве мэллорна уютную площадку и, едва завидев поднимающегося на талан волшебника, порывисто шагнул ему навстречу.

— Что ж, приветствую тебя, Митрандир... я давно ждал твоего визита, хотя, право слово, ожидал, что наша встреча окажется куда более теплой и дружественной.

— А что-то мешает ей быть таковой, Келеборн? — спокойно осведомился волшебник.

Он шагнул на талан — деревянный помост, установленный в развилке ветвей огромного сказочного дерева и обнесенный резными, увитыми зеленью изящными столбиками — и коротко поклонился.

Эльф не ответил волшебнику тем же. На лице его не было улыбки.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду, Митрандир. Фаундил прислал мне весть о том, что ты явился в Лориэн не один, а с каким-то... орком! Меня это удивило... очень неприятно удивило, Гэндальф! Я как-то не думал, что ты не станешь считаться с древними клятвами и обычаями моего народа, более того — способен оскорбить их подобным пренебрежением. Я знаю, что ты редко позволяешь себе поступать безрассудно, но, клянусь, если ты сейчас не приведешь достаточно веских причин в объяснение своего поступка, я буду вынужден считать, что в кои-то веки ты повредился в уме.

Гэндальф медленно прошел вперед, через талан, тяжело опустился на лавку в углу под шатром нависавшей над ажурной аркой тёмной неподвижной листвы. Предстоящий разговор обещал быть не из простых, и заданный эльфом холодный и высокопарный тон был тому ярким подтверждением.

— Поверь, у меня действительно были на то важные причины, Келеборн.

Эльф нервно хрустнул пальцами.

— Может быть. И я хочу их услышать.

— Не стану томить тебя неизвестностью и все тебе объясню... раз уж ты полагаешь, что я непременно должен это сделать. Но прежде ответь — не приходили ли в Лориэн в последнее время какие-либо вести от Сарумана?

— От Куруни́ра? — Келеборн как будто был удивлен. — Мы уже очень давно не получали от него никаких вестей... Почему ты о нем заговорил?

— Причина проста: Гэдж... этот орк, которого я привел с собой... его ученик и воспитанник. Вот, собственно, и все.

Он умолк, ожидая ответа, не глядя на эльфа, наблюдая, как перемигиваются за краем талана крохотные голубоватые светлячки. Вокруг — справа, слева, над головой — негромко шелестела листва королевских мэллорнов: невероятных, изумительной высоты деревьев, кроны которых возносились вверх на недостижимую высоту и терялись в вышине, сливаясь со звездным небом. Могучие ветви, причудливо сплетаясь и расплетаясь, образовывали множество развилок, переходов и ярусов, соединенных изящными мостками и витыми лесенками, а сквозь густую колышашую листву там и тут пробивался свет — серебристый, мягкий, мерцающий, как отражения далеких звезд. Откуда-то доносилась негромкая музыка и пение — нежное, мелодичное, изобилующее приятными переливами, спокойное и безмятежное, как добрая равнинная река...

Владыка секунду-другую молчал. Стоял, сложив руки на животе и прикрыв глаза — в лице его не дрогнул ни один мускул и фигура была неподвижна, как кладбищенское изваяние, лишь легкий ветерок играл прядью спадающих на плечи гладких молочно-серебристых волос.

— Воспитанник Сарумана? Орк? Что за... странный поступок, Митрандир? Я не ослышался?

— никоим образом, Келеборн.

— Ну, знаешь... — Келеборн стянул и без того тонкие губы в ниточку. — Курунир всегда был скрытен, с причудами и себе на уме, и потому Галадриэль полагала за лучшее относиться к нему слегка настороженно. Но это, право, уже как-то... слишком!

Гэндальф внимательно изучал дивной красоты тончайшую резьбу на столбике арки и не считал нужным отрываться от этого занятия.

— Ну, меня этот поступок тоже удивил... поначалу. А потом я подумал: да в общем-то, почему бы и нет? Этот орк оказался на попечении Сарумана сущим младенцем и с детства был огражден от влияния родной, орочьей, среды. Курунир пестовал его, учил и воспитывал сообразно собственным целям... он сказал мне, что таким образом хотел провести некое любопытное изыскание, попробовать выяснить, насколько искажена фэа орков и возможно ли её каким-либо образом пробудить и восстановить.

— И ему это удалось?

— Пожалуй, скорее да, чем нет. У Гэджа довольно своеобразные, надо признать, взгляды на жизнь, но, уверяю тебя, он не несет в себе никакого зла. Так уж вышло, что, гм, временно он оказался под моим присмотром, и, приведя его сюда, я не был намерен ни оскорбить вас, ни, тем паче, заставить вас нарушить древний зарок. — Гэндальф добыл из своей котомки и выложил на столик письмо, присланное из Изенгарда. — Вот, прочти. Думаю, послание объяснит тебе, почему я привел Гэджа в Лориэн и был вынужден, даже того не желая, просить твоего гостеприимства.

Эльф молча взял письмо. Волшебник, сложив руки на коленях, спокойно смотрел в лес, в темноту бездонного окоёма, где посверкивали серебристые фонарики: мелодичное пение смолкло, но теперь неподалеку кто-то негромко наигрывал на флейте — и от этих печальных, навевающих светлую грусть нежных звуков сладко дрожало в груди и щемило сердце...

Ознакомившись с содержанием послания, Келеборн бросил его на столик и тоже задумчиво посмотрел в лес. Владыка пребывал в замешательстве и затруднении, которые нисколько не считал нужным скрывать.

— Значит, Саруман должен был приехать в Лориэн несколько дней назад и встретить вас на границе...

— Именно.

— Но он этого не сделал. — Эльф судорожно усмехнулся. — Что ж, ничего удивительного. Вы, волшебники, всегда имеете обыкновение исчезать в самый необходимый момент...

— На то, как правило, бывают веские основания, Келеборн.

— Интересно, какие веские основания нашлись в этот раз у Сарумана?

— Не знаю. Меня его отсутствие тоже настораживает, я ожидал, что к моменту нашего прихода он уже будет пребывать здесь и все тебе объяснит... Но, видимо, что-то задержало его в дороге.

— Почему он тогда не прислал другого письма, объясняющего задержку?

— Вероятно, письмо затерялось...

— Другой причины ты не допускаешь, Гэндальф?

— Какой?

— Такой, что Курунир счел этот свой «опыт» вполне завершённым — и отныне предоставил орка самому себе. С глаз долой — из сердца вон.

— Нелепо так думать, Келеборн. Гэдж много значит для Сарумана, поверь мне...

— Нелепо думать, будто для Сарумана вообще кто-то что-то может значить... для этого любителя «любопытных изысканий»! — сердито перебил эльф. Отвернувшись, он оперся на перила, ограждавшие талан, изо всех сил пытаясь справиться с раздражением и взять себя в руки: поступок Гэндальфа был удивителен, неуместен и вообще как-то... неудобен. Конечно, от старого плута всегда можно было ожидать всего, чего угодно... но не до такой же степени, барлог возьми!

— Кроме Лориэна мне некуда было его вести, Келеборн, — негромко повторил маг за его спиной, — и прости великодушно, если я чем-то тебя невольно оскорбил или задел. Гэдж не свиреп, не злобен и не опасен — его воспитывали не как орка...

— Его воспитывал Саруман! — с досадой откликнулся Келеборн. — И я, признаться, не думаю, что это намного лучше... Курунир слишком часто в последнее время позволяет себе пренебрегать древними устоями и запретами, и в этот раз, боюсь, он чересчур заигрался. А если этот орк хотя бы вполовину такой же своенравный, скрытный, самонадеянный и ни с чем не считающийся, как его учитель...

— Ничего подобного я за ним не замечал.

— Не *хотел* замечать. Оркам изначально свойственны подобные качества, а если еще направить их в нужное русло...

— Подобные качества в той или иной степени вообще свойственны большинству людей.

— Именно поэтому мы, эльфы, и стараемся иметь с людьми как можно меньше точек

соприкосновения. А уж с орками — тем более!

Гэндальф раздражённо поморщился. Они с Владыкой словно находились по разные стороны высокой каменной стены — и докричаться друг до друга сквозь эту непреодолимую преграду им, по-видимому, в ближайшее время было не суждено.

— Гэдж в куда меньшей степени орк, чем ты это себе представляешь. То, что вы недолюбливаете Сарумана, для меня не новость — и, прямо скажем, меня это не удивляет. Но не стоит эту неприязнь и настороженность переносить на его воспитанника, Келеборн... Я всего лишь прошу для него убежища — не навсегда, лишь на те несколько дней, пока в Лориэн не явится Саруман.

Эльф смотрел мрачно.

— Предположим самое худшее — он никогда сюда не явится, Гэндальф. Что тогда? Я не намерен терпеть присутствие в Лориэне орка, пусть самого что ни на есть смиренного и вышколенного. Это противоречит не только древним заповедям нашего народа, но и простому здравому смыслу... Пусть сейчас, при тебе, он кроткий и покладистый — а что будет потом, когда ты уйдешь?

— А с чего ты взял, что он должен стать буйным и несдержанным? Он с малых лет держал в руках книгу, а не меч.

— По-твоему, это многое меняет?

— Ты совсем не знаешь Гэджа... и нисколько не стремишься узнать.

— Потому что не вижу в этом нужды. Орк всегда останется орком, в какое одеяние его ни одень и какую науку в голову ни вложи. Если ты позабыл творимые орками разор, бесчинства и опустошения во все времена и на всех землях Арды, то я, к сожалению — нет. Вспомни Белерианд... Гондолин... Войну Гнева... Дагорлад... да все что угодно! Спроси любого из моих подданных — и окажется, что у каждого есть к этим проклятым тварям трудный, личный, кровью скрепленный счет! Оркам нельзя доверять, они — порождения злобной силы, нравственно и духовно искалеченные создания, никакие сарумановы «опыты» не убедят меня в обратном! — Эльф тяжело перевел дух, слишком рассерженный и взволнованный, чтобы продолжать. Досадливо махнул рукой, рубанул воздух ладонью, точно желая решительно пресечь дальнейший докучливый и бесплодный спор. — Откровенно говоря, я не понимаю, зачем ты вообще позволил втянуть себя в эту затею... Саруман, допустим, всегда был со странностями — но ты-то зачем навязал этого орка на свою шею, зачем? Искал себе неприятностей? Хотел взвалить на свои плечи лишние заботы и хлопоты? Кому твои мягкотелость и доброхотство в итоге принесли пользу — тебе? Мне? Твоему... спутнику?

Волшебник прикрыл глаза.

— Что ж, ты прав: боюсь, я руководствовался в своих действиях соображениями несколько иного толка, нежели сухая рассудительность и трезвый расчет. Я просто хотел уберечь Гэджа от него самого.

Эльф, приподняв брови, пожал плечами: он явно не находил эту причину достаточно убедительной.

Флейта, плачущая в листве, умолкла — и враз стало очень тихо, просто оглушительно тихо, до неприятного звона в ушах. Окружающий лес застыл, замер, погрузился в безмолвие, разом онемел...

— Что ж, — помолчав, негромко добавил маг, — не буду спорить: я, вероятно, и в самом деле сглупил, когда решил ввязаться в «эту затею», но, как бы там ни было, теперь я

ответственен за судьбу этого орка — как перед Саруманом, так и перед... самим собой. Но дело в том, что у меня больше нет ни времени, ни возможности денно и ночью пасти мальчишку, Келеборн, а Гэджа ни в коем случае нельзя выпускать из-под надзора. Нет, не потому, что без пригляда он станет непредсказуем или опасен, а лишь потому, что, предоставленный самому себе, он просто-напросто... пропадет.

Келеборн хмыкнул.

— И тебя это волнует?

— К сожалению, да.

Эльф плотно сжал рот.

— Ну хорошо, только из уважения к тебе, Митрандир, и в знак нашей давней дружбы... на несколько дней — ну, скажем, до возрождения следующей луны, — он может рассчитывать на мою благожелательность и гостеприимство, но ничего большего я обещаю тебе не могу... Пойми, Серый — терпение моего народа тоже не безгранично.

Гэндальф склонил голову — других уступок, он понимал, он от Келеборна сейчас все равно не добьется. Что ж... следовало радоваться хотя бы небольшой отсрочке — вероятно, за эти несколько дней Саруман все-таки как-то даст о себе знать, и мальчишку удастся благополучно препроводить домой... Что там стряслось с Белым магом, леший бы его побрал, с раздражением спросил себя Гэндальф, где он там заплутал — в трех фангорнских соснах? Ладно он сам не появляется на горизонте — но уж письмо или доверенного человека он удосужился бы прислать? Волшебник вздохнул; порылся в своей котомке, достал кiset, развязал его, принялся неторопливо набивать трубку. Навык, привычный и годами отработанный до мельчайших движений, сейчас отчего-то дал сбой: трубка неуклюже выскальзывалась из рук хозяина, крутилась и дрожала, словно живая, табак сыпался сквозь пальцы, точно дурно заговоренный.

— Что нового в Дол Гулдуре? — спросил Гэндальф небрежно. Он чувствовал настоятельную потребность перевести разговор на другую тему, но говорить о погоде и видах на урожай сейчас, наверно, было бы не слишком уместно.

— Ничего. — Келеборн, втянув руки в широкие рукава просторного одеяния, рассеянно смотрел на восток, словно пытался пронизать взглядом сгустившийся под деревьями плотный ночной мрак. — Во всяком случае, ничего определенного. Амон Ланк скрыт от наших взоров... С севера и востока холм и стоящий на нем Замок окружены болотами, и пару седмиц назад двое моих разведчиков обнаружили дорогу через топи... гать, по которой к Крепости идут обозы с зерном, с кожами, с железными чушками. Разведчики пытались пройти через болота и проникнуть за рубежи Дол Гулдур, но...

— Что?

Келеборн яростно потер пальцем висок.

— Назад они не вернулись.

— Что с ними случилось?

— Не знаю. Мы пытались выяснить их участь, но нам это не удалось... Я стараюсь не оставлять границы болот без внимания, но и бессмысленно рисковать своими воинами тоже не имею права, Митрандир. Видимо, тракт охраняется куда лучше, чем это можно предположить с первого взгляда.

Гэндальф устало ссутулился.

— Что ж, понимаю... Но тем больше вижу причин все-таки пробраться за болота и выяснить наконец, что там происходит, и за каким лешим тамошним обитателям

понадобились железные чушки.

Келеборн обеспокоенно покачал головой. Мягко блеснул серебристый венец на его высоком бледном челе — символ королевской власти.

— Значит, ты так и не отказался от этой мысли...

— Не считаю возможным отказаться, Келеборн.

— А что тебе насчет твоей затеи сказал Саруман?

— Ничего определенного. Он также не дал себе труда, гм... должным образом оценить глубину вопроса.

— И поэтому ты позволил себе его мнением пренебречь.

— Потому что не нахожу его взгляд достаточно всесторонним.

— Ты погубишь сам себя, Гэндальф.

— Зато, возможно, спасу кого-то другого.

Эльф вздохнул. Он смотрел на мага, склонив голову к плечу — на его точеном, с тонкими чертами аристократичном лице выражалась та усталость и безграничное терпение, с которыми взрослый и умудренный жизненным опытом человек пытается растолковать прописные истины на редкость строптивому и наивному ребенку.

— Чудак ты, Гэндальф, ей-богу. За кого радеешь? За тех, кто тебя никогда в жизни в глаза не увидит и спасибо не скажет... Впрочем, не хочу с тобой спорить, ибо мы с тобой и без того находимся на грани ссоры, проистекающей единственно из твоего недомыслия и упрямства... Кстати. — Словно внезапно о чем-то припомнив — о чем-то не слишком важном, но тем не менее нуждающимся в замечании, — он деловито щелкнул пальцами. — Фаундил передал мне, что ты упоминал о некоей вещице, имеющейся у твоего орка, на которую мне было бы любопытно взглянуть.

Гэндальф выпустил колечко дыма, полюбовался тем, как оно тает в воздухе, рассыпаясь на множество порхающих над головой мага крохотных пепельно-серых бабочек.

— Смею полагать, — мимоходом заметил он, — что именно поэтому Гэджу покамест отсыпали горстку благожелательности и не вынесли приговор...

Келеборн безмятежно разглядывал завитки искусной золотой вышивки на рукаве своего роскошного парчового одеяния.

— Ну так что?

Волшебник добыл из поясной сумки и положил на столик обломок амулета.

— Взгляни, Келеборн.

Эльф небрежно бросил взгляд на вещицу — и замер. Ощутимо вздрогнул всем телом. Взгляд его будто прикипел к амулету, внимательные синие глаза сузились и потемнели... В глубине их мелькнуло что-то странное, трудноуловимое: изумление, недоверие, печаль... ярость, горечь, неясная затаенная боль?

— Эт-то... не может быть... — Он прикусил губу и нахмурился. — Ты хочешь сказать, что эта вещица принадлежит орку?

— Я хочу сказать, что она была найдена вместе с ним.

Келеборн аккуратно, точно боясь обжечься, взял обломок, осмотрел его со всех сторон, потер пальцами, что-то едва слышно пробормотал. Мельком взглянул на Гэндальфа — и волшебнику стало не по себе: вид у эльфа был такой, будто он сей момент увидел перед собой жуткого, некстати восставшего из могилы древнего призрака.

— Тебе известно, что это такое, Гэндальф?

— Э-э... «Сит-эстель»?

— И что ты о нем знаешь?

— Почти ничего. Только то, что, вероятно, амулет был выкован в Гондолине из «небесного железа», а потом, по всей видимости, утрачен...

— Утрачен? — медленно переспросил эльф. — Нет. Не утрачен... Не утрачен! — Он быстро отвернулся и прикрыл лицо ладонью.

Гэндальф смешался. Он, в общем-то, предполагал, что Келеборн окажется удивлен этой странной вещицей и даже в некоторой степени ею поражен, но никак не думал, что *настолько* поражен. Что-то с этим амулетом было не так... Какие-то неприятные думы он пробудил в душе эльфа, выворотил, как лопатой, пласт неких давних и тяжёлых воспоминаний — но, видимо, не настолько глубоко захороненных и поросших мхом, как это хотелось бы самому эльфу.

Келеборн медленно отнял руку от лица и взглянул на мага. Лик Владыки был белым, безжизненным и застывшим, точно глиняная маска, только губы странно, едва заметно кривились и подрагивали. Волшебник пораился произошедшей в нем перемене — куда девался встретивший его под сводами дворца сильный, уверенный в себе и высокомерный правитель? Какая-то неясная тень легла на красивое лицо эльфа — и оно разом постарело, осунулось; все тысячи и тысячи прожитых лет проступили сквозь тонкие черты, как рисунок сквозь промасленную бумагу, коснулись плеча Владыки и поставили на его бледное чело тяжелую мрачную печать бремени не-забвения.

— Что... произошло? — с тревогой пробормотал маг. От догадки, внезапно пришедшей ему на ум, он похолодел до корней волос — и ощущение совершенной им жуткой ошибки с ног до головы охватило его отвратительным лихорадочным ознобом. — Что это за амулет? Келеборн?

Эльф, словно очнувшись, зябко передернул плечами. Посмотрел на волшебника с кривой вымученной улыбкой.

— Амулет? Извини... я пока не могу тебе ничего сказать, Серый... Мне нужно более тщательно изучить эту вещицу, показать её Галадриэль и моим советникам, убедиться в её подлинности... Оставь обломок у меня на некоторое время. Ну, скажем, на пару дней.

— Я... — Гэндальф секунду помолчал, — обещал вернуть его Гэджу.

— Непременно вернешь — если выяснится, что в амулете ничего особенного нет. Но... не сейчас. Ты устал, и нуждаешься в отдыхе... думаю, мы с куда большей плодотворностью сможем продолжить нашу беседу поутру. Да! — Владыка небрежно позвонил в колокольчик, и на пороге талана бесшумно возникла фигура эльфа в просторном долгополом одеянии — тотчас же, как будто слуга стоял прямо за дверью. — Аглор, друг мой, проводи Митрандира в гостевой покой и проследи, чтобы он ни в чем не нуждался... Увидимся завтра, Гэндальф.

Гэндальф поднялся и молча поклонился. Спорить и пытаться продолжать разговор было бессмысленно — тон Владыки был непреклонен и не приветствовал возражений. Да и не было в том нужды: волшебник действительно смертно устал и хотел сейчас остаться в одиночестве ничуть не меньше, нежели Келеборн.

21. Погоня

— Каграт, — сказал Саруман, — надо потолковать.

Маг не уставал внимательно приглядываться к орку, и порой ему начинало казаться, что он замечает в грубоватой физиономии Каграта знакомые черты, — а порой сами мысли об этом представлялись дикими, безумными и лишенными всякого основания. Действительно ли орк носит на груди «сит», или все это Шарки только примерещилось в неверном предрассветном полумраке, ему и амулет-то удалось увидеть лишь мельком... Чересчур уж невероятной казалась встреча, слишком нелепым и странным — случайное совпадение. Во всяком случае, Белый маг предпочитал не делать поспешных выводов — он никогда не был склонен к скоропалительным суждениям.

— Ну? Чего тебе, борода? — отрывисто спросил главварь. Старый козел Шарки подъехал некстати: орки лишь недавно закончили со сменой постов, утренней перекличкой, раздачей пайка и прочей постылой походной рутинной. После долгого и утомительного ночного рейда Каграту наконец хотелось спокойно похарчиться и пару часов покемарить возле костра. — Что стряслось?

Старик выглядел обеспокоенным.

— Эти, м-м... «новенькие», горцы, которых вы пригнали ночью. Рожи их прыщавые тебе еще не нравились.

— И что?

— Прыщи у них не только на рожах, а и на внутренней стороне рук. У двоих — небольшой жар.

— Они хворые, что ли?

— Находишь мы в подходящих для этого условиях, я бы посоветовал тебе обособить их от остальных.

Каграт смотрел подозрительно.

— Обособить? Что еще за новости? Ты тут эти шарлатанские замашки-то брось, туману не напускай, говори внятно — что за хворь? Заразная?

— Есть подозрение на гнилую лихорадку.

Печеная луковица, которую Каграт держал в лапе, смачно шлепнулась в траву, до смерти перепугав спешащего по своим делам земляного жука.

— Ты уверен? — хрипло спросил орк.

Саруман секунду-другую молчал. Жар и «прыщи», в конце концов, могли быть и признаками десятка других, куда менее опасных хворей — по-настоящему-то мага насторожили припухшие узлы под подбородками у этих бедолаг, да едва заметная (пока еще) сыпь, кольцами проступающая на ладонях и внутренней стороне предплечий.

— Н-не совсем. Но тут лучше перебдеть, чем недобдеть.

— У них что, язвы по всему телу?

— Когда появятся язвы, будет уже поздно.

— Леший! — пробормотал Каграт. — Леший, леший! Куда я их обособлю? На тот свет?

— Явно была плохая идея — грабить ту горную деревеньку, — мимоходом заметил Радбуг. — Хотя откуда бы там гнилой лихорадке взяться, в этом медвежьем углу?

— Крысы и лисицы способны переносить эту хворь, — пояснил Саруман. — А лисьих шкур вы сколько оттуда притащили, Каграт?

Орк помрачнел.

— И что мне теперь делать с этими шкурами? Сжечь, что ли?

— Да. И радоваться, что уруки маловосприимчивы к гнилой лихорадке.

Каграт ожесточенно, чуть ли не со скрипом тер кулаком подбородок — верный признак того, что орк пребывает в глубочайшем раздумье.

— Ты сказал, — медленно спросил он у Сарумана, — что этих... болезных... только двое?

— Пока — двое. Но будет больше, если сейчас же не принять решительных мер. Горцев немедленно обособить в карантин и не спускать глаз со всех, кто сегодня хотя бы пальцем к ним прикасался.

— И с тебя, значит, тоже?

— Мне не страшна гнилая лихорадка.

— Заговоренный, что ли?

Саруман смотрел на Каграта, едва заметно усмехаясь. Невежество орка его уже даже не забавляло.

— Да что-то вроде того. Видишь ли, Каграт... если гной из раны недужного капнуть себе в рану, ты вскоре заболеешь, но не так жестоко — в таком смягченном варианте — и, хотя после выздоровления «печати мора» на тебе не останется, с тех пор хворь будет обходить тебя стороной. Это древний харадский обряд... Солнцепоклонники проходят его, дабы во времена мора без опаски утешать умирающих и провожать их в последний путь.

Кажется, это вполне сошло за объяснение: подозрительность из глаз Каграта исчезла.

— Любопытное... вливание. И что, оно на самом деле действует?

— Как ни странно, да. Метод, конечно, не для чистоплюев, но, будь на то моя воля, я бы предложил использовать его повсеместно — в случае нашествия мора это помогло бы спасти многие и многие безвинные жизни. Хворь куда легче предотвратить, нежели исцелить.

— Так, может, и нашим крысюкам еще не поздно сделать такое «вливание», э?

— Боюсь, они слишком ослаблены дурными условиями и скудной пищей, Каграт — даже легкой формы болезни им не перенести. Некоторые, конечно, выздоровеют, но большинство, я думаю, погибнет.

— А тех, недужных... еще можно поставить на ноги?

Саруман некоторое время медлил с ответом. Он знал — его слова определяют судьбу несчастных вернее, чем занесенный над ними топор палача.

— Ну? — поторопил Каграт.

— В данных обстоятельствах, — сказал волшебник с нажимом, — у меня нет возможности составить достаточно действенное снадобье. А обычное лечение будет просто бессмысленным.

— Ладно. Понятно. Но ты *уверен*, что это гнилая лихорадка?

— Для полной уверенности надо подождать несколько часов. К вечеру станет ясно, лихорадка это или нет.

— К вечеру! — Каграт заскрипел зубами. — К вечеру мы должны быть уже в десяти милях отсюда... Даже если это и не гнилая лихорадка, возиться с хворыми нам никак не с руки. Горцы — шваль; главное, чтобы болячка на других не перекинулась... Заразу придется давить в зародыше! — Главварь, если и был не чужд колебаний, не позволил им взять верх над холодным велением разума, решительно подозвал одного из своих помощников: — Шавах!

Шавах возник, как по волшебству: кровожадно ухмыляющийся, держащий наготове свой кривой нож, роняющий слюни от предвкушения предстоящего дельца. Саруман не удивился бы, узнав, что он подслушивал за ближайшим кустом.

— Иди с Шарки, — велел Каграт. — Надо с парой крысюков разобраться, старик тебе пальчиком укажет, с какими именно... Только смотри не промахнись.

Саруману стало не по себе. Все-таки он не был уверен... *он не был до конца уверен в том*, что это именно гнилая лихорадка, пёс возьми! Но эта кольцевая сыпь... Если он не ошибся, то уже через несколько часов оба недужных будут валяться в горячечном бреде, а к завтрашнему утру тела их покроются отвратительными гнойными язвами, с которыми и при надлежащем-то уходе справиться трудно, а уж при отсутствии оно и вовсе остается только уповать на милость Творца. А ведь «крысюков» в овраге еще две дюжины, и вряд ли многие из них успели переболеть этой мерзкой хворью.

— Идем, — сказал он орку.

Шавах без вопросов потопал за ним: парой ударов кнута он бесцеремонно поднял указанных Саруманом испуганных горцев на ноги и таким же манером, не обращая внимания на их стоны и вопли и ничего не объясняя, препроводил куда-то за край овражка. Остальные сидели, съежившись, опустив глаза, делая вид, будто ровным счетом ничего не происходит, лишь один из пяти неохотно поёжился:

— Это... зачем? Куда это их? — У него была кряжистая, плотная фигура и шишковатая, непомерно огромная голова, под тяжестью которой шея постоянно клонилась вперед, что придавало её обладателю вид подозрительный и угрюмый, словно набыченный. Чуть приподнявшись на земле, он смотрел вслед уведенным сородичам долгим, растерянным и озадаченным взглядом.

— Руки покажи, — сказал Саруман. — Ладонями вверх.

Быкоголовый, чуть помедлив, поднял перед собой обе руки, предъявил их лекарю. Ладони у него были грязные и малость волосатые, но безо всякой сыпи.

Шарки молча повернулся и побрел обратно, в центр лагеря, к кагратову костру.

Шавах вернулся через несколько минут, принес два разомкнутых ошейника, надетые на длинную палку. По приказу главаря ошейники прокалили в костре — после получасового обжига на них не осталось ни следа огня, ни единого пятнышка сажи — они, кажется, даже не накалились. Впрочем, Саруман уже ничему не удивлялся.

— Что с горцами? — мрачно спросил Каграт. — С теми пятью, кто с этими недужными соседствовал?

— Пока ничего, — отозвался Саруман. — Не подпускайте их к остальным, хотя бы до утра... Утром станет ясно, болен кто-нибудь из них, или нет.

Главарь недовольно поморщился.

— Ты давай смотри в оба, старый... Если среди крысюков начнется мор, Визгун с нас со всех головы снимет и на башенный шпиль за уши повесит сушиться.

— Не знаю, как со всех, а уж с тебя точно, — проворчал Лагдаш, который, скрестив ноги, сидел на земле и методично правил оселком кинжальный клинок. И широко осклабился, ухмыляясь.

Каграт остервенел:

— Зубы убери, чего выставил — продаешь? Эх, и забодало уже под Визгунами ходить! — Он яростно сплюнул в потрескивающий огонь. — Ну чисто как над выгребной ямой: шаг вправо, шаг влево — только и гляди, как бы в дерьмо не вляпаться. Хоть в Замок

не возвращайся...

— Так, может, и не возвращаться? — вполголоса заметили по другую сторону костра.

Радбуг, подняв голову, внимательно посмотрел на говорившего.

— Не возвращайся, Маурхар, — спокойно произнес он, — кто тебя держит? Или тебе теплая нора и дармовая жратва надоела? Свободы захотелось? Сколотишь шайку из таких же лихоимцев, засядете возле большой дороги и будете жирных роханских купцов грабить... пока вас вонючие коневоды за задницы не ухватят и не вздернут на первом же попавшемся дереве. Красота!

Маурхар смолчал. От костра пахло смолой и дымом, в котелке булькала неизменная пшенная похлебка, сдобренная кусками сала с прожилками мумифицировавшегося мяса. Орки, свободные от дежурства, хлебали варево, жевали сухари, негромко переговаривались, играли в ножички и «веревочку», Каграт похрапывал под кустом, накрыв лицо засаленной тряпицей. На Сарумана, который, сидя на траве чуть поодаль, мял в деревянной ступке листья горечавки, внимания никто как будто не обращал... Вот же леший! — с раздражением, кусая губы, говорил себе маг, неужели я все-таки ошибся? Действительно ли это была гнилая лихорадка, или я принял за признаки смертоносной хвори какой-нибудь безобидный местный лишай? Но, с другой стороны, жар и припухшие шейные узлы не характерны для лишая... Над головой Сарумана раздалось знакомое карканье — и, подняв глаза, волшебник увидел Гарха, уныло приникшего к ветке ближайшей сосны. Шарки сделал знак, чтобы ворон подобрался поближе — но, не успел Гарх опуститься на траву, как Каграт тяжело заворочался под кустом, сдернул с лица тряпицу и, зевая, лениво приподнялся на локте.

Ворон с досадливым карканьем ускакал прочь, едва успев избежать яростного орочьего пинка, и кое-как, хлопая крыльями, взлетел на ближайшее дерево. Каграт проводил его мрачным взглядом.

— Опять этот трупоед... Ладно, парни, хватит рассиживать, — он потянулся, хрустя крепким сильным телом, повел плечами, приглушенно шипя от боли в еще не затянувшейся ране. — Работа сама себя не сделает, чтоб её... За дело!

* * *

До Андуина им предстояло пройти почти девяносто миль.

Выступили перед вечером, когда солнце уже начало клониться к закату.

Шли по неторной тропе меж склонов ущелья — к востоку, в сторону степей. В авангарде рысили с полдюжины орков-дозорных, за ними гнали крысюков, построив их в некое подобие колонны, позади тянулся обоз — повозки и вьючные мулы; замыкала отряд горстка «обособленных» горцев, и ещё с полдюжины уруков бежали в арьергарде, готовые кнутами подгонять отстающих — но таких, впрочем, пока не имелось. Саруману, к счастью, ноги бить не пришлось — он ехал на одной из повозок, нагруженной тюками с шерстью и кожами так плотно и основательно, что на оставшемся свободным клочке пространства с трудом мог бы уместиться и откормленный кот. Горцы, которых ему было велено держать «под присмотром», тащились за повозкой молча и угрюмо, глотая пыль и не поднимая глаз от земли. О пропавших товарищах никто из них, кажется, и не вспоминал, все они были озабочены лишь одним — как бы побыстрее закончить утомительный переход и не попасть под кнут орков-погонщиков. Остальных «крысюков», которых вели впереди, Саруман не

видел, да и не желал видеть, ибо люди — бесправные, несчастные, закованные в ошейники, низведенные до уровня равнодушного и бездумного коровьего стада, — представляли собой зрелище жалкое и жуткое, навевающее тоску. Это был какой-то безнадежный и унылый поход обреченных...

К тому времени, как начало смеркаться, отряд миновал, должно быть, около шести миль. Горы медленно, но верно оставались позади, и скалистые утесы уступили место крутобоким вересковым холмам с торчащими на верхушках каменными останцами — серыми и причудливыми, будто фигуры окаменевших троллей, застигнутых солнцем в самых диковинных и неожиданных позах.

— Привал! — раскатисто гаркнул Каграт — и эхом отозвался идущий в арьергарде Радбуг:

— Привал! Ужин!

Орки намеревались выступить перед рассветом, и краткая передышка нужна была лишь для того, чтобы напоить во встретившемся на пути болотце мулов, раздать пленникам вечернюю порцию сухарей и позволить набраться сил перед предстоящим до наступления дневной жары утомительным марш-броском. Впереди лежала простирающаяся до берега Андуина голая степь, от которой отряд отделяла сейчас лишь гряда невысоких холмов. Гребень ближайшего из них пересекла почти невидимая в сгущающихся сумерках темная фигура, бегом скатилась к лагерю. Это был Рузгаш, один из разведчиков, отправленных утром с наказом проведать, что делается на равнине.

По его встревоженному и взмыленному виду ясно было — что-то случилось. Отчаянно трясая головой, он схватил флягу с водой и жадно сделал несколько долгих, судорожных глотков; все еще тяжело дыша, отыскал жоака глазами.

— Беда, Каграт... Лошадники.

Главарь глухо рыкнул.

— Где? На равнине?

— Да. За теми холмами.

— Много?

— Дюжины три. Верхами. Вооружены и в доспехах...

Жоак мрачно поиграл желваками.

— Вы утром вдвоем ушли. Где Ларбаг?

— Мы с ним разделились, как холмы миновали... — Рузгаш рассеянно заозирался. — Он что, не вернулся?

Каграт и Радбуг переглянулись. Дело приобретало неприятный оборот.

— Лошадники. Верхами и вооружены... — пробормотал Радбуг. — Уж не дружина ли с Каменистой гряды по наши души явилась, э?

Рузгаш со всхлипом втянул воздух сквозь зубы.

— Ну да, похоже, она самая.

— Если этот растяпа Ларбаг им попался, то они уже знают, что мы здесь... — Каграт яростно зарычал. Пришло ему время вновь отчаянно тереть подбородок. — Против трех дюжин всадников у нас нет шансов. Если они нас заметят и вздумают в догонялки играть...

— Говорил я, тарки на южном берегу Лимлайт взгоношились, надо было еще два дня назад выступить! — проворчал Радбуг. — Сейчас уже в полусотне миль отсюда были бы...

— Заткнись! Нашел время ныть! — процедил Каграт. — На равнину идти нельзя... Но можно чуть к северу податься вдоль предгорий, попытаться обойти этих лошадиных по

большой дуге.

Радбуг хрипло усмехнулся.

— А там, по-твоему, на равнину выходить не опасно? Если эти коневоды не на пикник тут собрались, а именно нас высматривают, то они наверняка постараются отрезать нам путь... На открытом месте нам против них и пяти минут не продержаться.

— Без тебя знаю... Что ты предлагаешь? Идти к перевалу, владения остроухих с севера обходить? Слишком далеко, нам припасов не хватит.

— Урежем пайки в случае чего...

— Поднимай крысюков, хватит прохладиться, выступаем.

Через несколько минут весь отряд вновь был на ногах. Многие пленники, пользуясь передышкой, попытались немного вздремнуть, и, когда орки снова начали их поднимать, раздраженно заворчали: какого лешего их лишают и без того краткого отдыха? «Крысюкам» никто ничего объяснить не удосужился; орки рыскали туда и сюда, подгоняли подопечных щелканьем кнутов, особо неповоротливым раздавали тумачи и подзатыльники, но это помогало мало, строй никак не желал выравниваться, пленники сердились и беспокоились, среди них волнами, как прибой, то утихал, то вновь поднимался недовольный ропот.

— Тихо, вы, там, паршивцы! — негромко, но как-то очень слышно сказал Каграт. — Кто раскроет пасть — уши обрублю и в рот засуну вместо кляпа, за мной не засохнет!

Ропот стих. Главарь вспрыгнул на большой валун, чтобы его было видно — или хотя бы слышно — всем заинтересованным, и зычно рыкнул во весь голос:

— Эй, вы, сволочи, крысы бледнозадые! Дружинники роханские, чтоб им сдохнуть, нас окружить надумали, догнать и покрошить в хлам, только радоваться по этому поводу я вам не советую... Мы сейчас с вами в одной связке, прикончат нас — вам тоже кранты, с ошейниками на вые вам не уцелеть... это ясно, надеюсь? Если кто-то сразу желает подохнуть — шаг в сторону, прикажу на месте тактично разобраться... если нет — значит, соблюдаем тишину и бежим ладом, ноздря в ноздю, не отставая, бодрой строевой рысью. Ну, двигай... Вперед!

* * *

На равнину они не выходили. Шли быстро, по предгорьям, на север, петляя между холмами — Каграт надеялся сделать круг и втайне от «лошадников» провести обоз в нескольких милях севернее, оставаясь незамеченным в темноте. Тем более что сгущающийся вокруг мрак как будто благоволил его планам...

Ночь обещала быть ненастной.

Солнце село в пелену серых облаков — и жаркий летний день закончился знобкой нездоровой прохладой. Луна торопливо, словно украдкой, проглядывала в прореху в плотном полотне туч. Воздух давил, будто камень, обещая непогоду, мир был непроглядно-черным, душным, безнадежным, застывшим в ожидании дождя, опустившуюся на землю тьму едва рассеивал свет нескольких зажженных орками смоляных факелов. Даже Саруман, который, сидя на повозке, еще умудрялся мимоходом вздремнуть, чувствовал себя скверно — будто вышвырнутая на камни бессильная медуза; пленники, и без того утомленные несколькими часами пешего хода, к середине ночи начали выдыхаться — и неизвестно было, сколько времени им удастся выдерживать заданный Кагратом весьма резвый темп. У многих не осталось сил даже ругаться, и они устало тащились во мраке, покорные хриплой брани

погонщиков, ориентируясь лишь на шорох шагов, стук копыт и пляшущие на дороге пятна света от факелов, с трудом заставляя себя передвигать ноги. Несколько орков рыскали вдоль колонны, подгоняя отстающих и спотыкающихся, остальные рассеялись где-то в темноте: двое-трое забежали вперед, разведать дорогу, прочие, по-видимому, оставались нести дозор в арьергарде.

— Живее, грыженосцы! — торопил Каграт. — Шире шаг!

После полуночи начался дождь. Порывистый ветер задувал факелы, мулы тревожно всхрапывали и отказывались идти, морось висела в воздухе плотной занавесью, то усиливаясь — тогда непокрытые головы пленников поливали тяжелые холодные струи, — то вновь затихая. Тропа превратилась в слякотное месиво и бросалась комьями грязи из-под копыт и тележных колес, мокрая одежда облепляла тело, стесняя движения и мешая идти, пропитавшиеся влагой башмаки натирали и без того усталые, сбитые до крови ноги. Саруманов сермяжный кафтан разбух от впитавшейся дождевой воды и обессиленно навалился на волшебника, облапив его тяжелым бесформенным телом, и бодрящий ночной холод, более ничем не удерживаемый, тут же объял мага с головы до ног и запустил за пазуху свои длинные стылые пальцы...

Рассвет застал орков на дне глубокой каменистой логовины, поросшей вереском и редким ельником; было сыро и хмуро, по колено разливался молочно-белый туман. Каграт наконец объявил короткий привал; измученные пленники, едва державшиеся на ногах, повалились во влажную траву прямо там, где стояли. С сарумановыми подопечными все было в порядке, ни сыпь, ни прочие признаки гнилой лихорадки ни у кого не проявились, только быкоголовый хромал, где-то подвернув ногу, да один из его сотоварищей чихал и шмыгал носом, маясь подхваченной под дождем простудой.

Гарх никак не давал о себе знать. Его отсутствие Сарумана не на шутку тревожило: то ли ворон лишь немного поотстал, догадавшись переждать дождь в каком-нибудь подходящем убежище, то ли ночная непогода его тоже не пощадила... Шарки заснул, едва уронив пухнувшую голову на мешок с волглой, не успевшей просохнуть шерстью, но, показалось ему, не успел он по-настоящему закрыть глаза, как его тут же растолкали.

— Вставай, — велел Каграт, — хватит бока отлеживать, время не терпит. Пойло своё припас?

Саруман вытащил из складок одежды флягу с лечебным зельем, которую предусмотрительно наполнил еще вчера, в лагере, пока была такая возможность. Интересно, уныло спросил он себя, насколько подмок запас сухих трав и кореньев, спрятанный в плотный мешок из промасленной кожи и хранимый в обозе?

Каграт жадно припал ко фляге со снадобьем. Судя по положению наконец выглянувшего солнца, отряд «отлеживал бока» не более двух часов, но все пленники были уже на ногах и заканчивали незатейливый завтрак, состоящий из сухарей и холодной воды. Орки, злые и хмурые, тоже что-то жевали, сидя на траве, осматривали колеса повозок, подтягивали упряжь — подсчитывать убытки пока было некогда.

— По какому случаю горячку-то порем? — со стоном спросил Саруман. — Неужели мы не оторвались?

— Оторвались? — Каграт вернул ему наполовину опустевшую флягу, злобно рыкнул. — Эти гниды бледнорожие нас обнаружили, и теперь от них не так легко оторваться, как ты думаешь! — Он шумно повел носом: ветер дул с юга, оркам в спину. — Чуешь?

Саруман, разумеется, ничего не чувял — да и не учуял бы, даже если бы от Каграта,

стоявшего рядом, так убийственно не разлило едкой потной кислотой.

— Лошадьми тянет... дымом... и человечинной... — пояснил орк, обладающий отличным, прямо-таки по-звериному острым нюхом. — Тарки взяли наш след, и, судя по всему, они где-то близко... Ждать больше нельзя.

— Мы все равно от них не уйдем...

— Что ты предлагаешь? Принимать бой? Здесь? В открытой схватке у нас нет шансов!

— А что, — Саруман нервно усмехнулся, — есть место, где эти шансы будут?

— Есть. Но до Волчьей Пасти еще мили четыре... Надо торопиться!

Он гаркнул своим парням, и те засуетились, погоняя пленников, так что многим пришлось дожевывать сухари уже на ходу. К магу подошел, прихрамывая, быкоголовый, растерянно и с замешательством оглядываясь по сторонам.

— Какого лешего тут происходит? Что этот зверюга тебе говорил?

— За нами погоня, — коротко пояснил Саруман. — Дружинники Астахара идут по нашему следу. Хотят воздать оркам по заслугам...

— Да ну? — Хмурое лицо горца слегка просветлело. — Хоть какая-то добрая весть...

Шарки смотрел на быкоголового с досадой и сожалением, как на не понимающего очевидные истины деревенского дурачка. Он что, не понимает? Или не знает про омерзительное свойство ошейников?

— Только ничего у них не выйдет... В составе ошейников присутствует компонент, который чувствителен к присутствию этих самых «зверюг». Если орков перебьют — эти цацки просто задушат нас всех, вот и конец представлению.

Быкоголовый взирал на мага угрюмо, подозрительно, исподлобья — как и всегда.

— А к присутствию *мертвых* орков ошейники, значит, не чувствительны, что ли?

— А ты что, весь остаток жизни предполагаешь таскать за собой разлагающийся орочий труп?

Бык не ответил. Но принялся как-то искательно осматриваться, точно выбирая, какого орка можно было бы при случае полонить, обездвигить и держать связанным на телеге, желательно живьем. Выросшая на пути внушительная фигура Лагдаша с кнутом в руке и скимитаром на поясе, видимо, слегка охладила его пыл и пошатнула в этих далеко идущих намерениях.

— Бегом в строй! — рявкнул Лагдаш. — Кнута захотел?

Бык захромал прочь. Истязание продолжалось с новым рвением...

Гарх по-прежнему не появлялся — тщетно Саруман окидывал взглядом пустынные голубовато-серые небеса. Исчезновение ворона было совершенно некстати. Если преследователи действительно находились недалеко, то Гарха вполне можно было бы отправить к их предводителю с разъяснением, что уруков ни в коем случае убивать нельзя, лучше брать в плен, желательно — живьем. Волшебник еще вчера выварил в воде и высушил несколько кусков бересты, и нацарапать гвоздем на одном из них записку труда не составляло, вот только старый ворчливый комок перьев где-то без вести запропал и до сих пор не возвращался, а почему — о том приходилось только догадываться.

...Тропа, как и прежде, не баловала отряд своим присутствием: пробираться приходилось по бездорожью, по траве, ухабам и каменистым кочкам. О том, чтобы обойти преследователей с севера и вновь выйти на равнину, думать уже не приходилось: оставалось вновь отступать в горы; Каграт был мрачен, но, видимо, придерживался какого-то определенного плана. Горная долина, по которой бежали орки, то расширяясь, то чуть

сужаясь, тянулась к северо-западу и заканчивалась узким ущельем, значащимся на картах как Волчья Пасть (орки меж собой частенько употребляли и другое, весьма колоритное название, но оно, к сожалению, непечатно). Каграт стремился добраться до Пасти во что бы то ни стало: ущелье было настолько узким, что, окопавшись там, несколько орков могли бы удерживать значительно превосходящие силы противника довольно продолжительное время, что давало остальному отряду некоторую возможность оставить погоню с носом: другого прохода на эту сторону гор в ближайшей дюжине миль к северу и к югу не имелось. Впрочем, дружинникам Астахара было известно об этом обстоятельстве не хуже орков, и они тоже не почивали на лаврах, боясь упустить добычу: Каграт, то и дело приносивающийся и прикладывающий ухо к земле, вдруг злобно зашипел — его чуткое ухо уловило стремительно приближающийся дробот копыт.

— А ну, брюхоногие, живее, наддай ходу! Тарки близко... Хотят перерезать нам путь! Ходу, ходу! Будет рубилово...

Защелкали кнуты, орки злобно заорали, подгоняя пленников, близких к окончательному упадку сил; мулы, жалобно фыркая под ударами бичей, поскакали неуклюжим галопом. Саруман схватил поводья: повозка рванулась и помчалась вперед, так подпрыгивая на ухабах и кочках, что удержаться на ней было делом не из легких. Длинная логовина тянулась бесконечно, до Пасти было еще слишком далеко, больше полумили, а позади, на гребне холмов, замыкающих долину, показались крошечные фигурки всадников: один, два, три... десяток... две дюжины... Горьча коней, всадники с воинственным кличем посыпались с холма — они мчались прямо на орков, выставив вперед длинные копья, солнце сверкало на их начищенных шлемах, а на раскрашенных щитах ясно был виден герб воинов Марки: вставший на дыбы белый конь. Они были все ближе и ближе...

Каграт отчаянно ругнулся.

— Отступаем! Радбуг! Веди! — прорычал он, указывая на север. Кто-то из орков схватился за лук — и длинная черная стрела, свистнув в неподвижном воздухе, сняла с седла одного из нападавших.

Раздался яростный вопль: двое или трое всадников, приблизившись, метнули дротики — и удачливый стрелок, пронзенный насквозь, покатился по земле. Кагратовы молодцы с рычанием обнажили кривые, зазубренные, остро заточенные скимитары. Но против верховых, вооруженных копьями и длинными мечами, у них, пеших и проведенных на ногах почти всю ночь, выстоять не было ни малейшей надежды — оставалось только бежать, подгоняя пленников, прорываться вперед, к устью Пасти, до которой оставалось всего ничего, не более четверти мили.

Саруман на секунду обернулся, привскочил на телеге, рискуя получить копьем в лоб, вскинул руки в повелительном жесте. «Стойте!» — воззвал он к преследователям ясным громовым голосом...

Нет. Воззвания не получилось — ни громовым голосом, ни каким бы то ни было, потому что голос (то ли проклятый ошейник был тому виной, то ли просто проведенная под дождем промозглая ночь) внезапно отказался магу служить, и его страстный патетический призыв сорвался на жалкий и беспомощный хрип... А в следующий миг все смешалось: всадники налетели лавиной, стремясь разметать, смять, растоптать нелюдь копытами коней; их длинные копья без пощады разили направо и налево, со свистом рассекали воздух острые топоры на длинных рукоятях, тяжелые деревянные щиты плашмя опускались на головы врагов, имевших проворство увернуться от копья. Сталь залязгала о сталь, затрещало дерево,

зазвенело железо; захрапели лошади, роняя с морд ключья пены, защелкали орочки кнуты, воздух огласился яростными воплями, криками, стонами, рычанием и руганью, над местом схватки тучами за клубилась пыль. Это был не бой — мясорубка... Орки бежали, вяло огрызаясь, уворачиваясь от ударов, надеясь добраться до устья ущелья — но и туда наперерез нелюдям уже мчались роханские конники, стремясь отрезать врагам путь к отступлению. Один из всадников, опередивший товарищей, неожиданно вырос перед сарумановой повозкой, и испуганные мулы отшатнулись, сбились с ноги, взвились на дыбы; повозка дернулась, наскочила колесом на травянистую кочку, покосилась, перевернулась, посыпались на землю мешки и тюки... Волшебника вышвырнуло прямо под копыта роханского скакуна — тут бы ему и не поздоровилось, но в этот самый миг Каграт ловко достал здорового серого коня кнутом — и испуганный мерин прыжком перескочил через барахтающегося в пыли старика, едва не выкинув из седла незадачливого наездника. (Это был какой-то молодой белобрысый парень: плотная кожаная шапка слетела с его головы, и на секунду перед Саруманом мелькнула бледная веснушчатая физиономия с испуганно вытаращенными глазами). Сильная хватистая лапища Каграта сгребла волшебника за шиворот, безжалостно потащила вперед, дернула, заставляя подняться.

— Живее, старый пень! Давай уже шевелись!

Ущелье — узкая каменная трещина, проходящая меж высокими отвесными стенами — было совсем рядом: в двадцати шагах... в десяти... в двух... Бежали мимо люди, мулы, гремели повозки, едва проходящие меж близко сдвигавшихся известняковых скал. Каграт вскоре отстал, присоединившись к своим парням, с луками в руках прикрывающим отступление. Ущелье оказалось ярдов двести длиной, извилистое, словно кишка, изобилующее закоулками и поворотами — оно выплеснуло беглецов в глубокую долину, окруженную со всех сторон крепкими бастионами отвесных утесов. Темнел в глубине долины густой лес, блестела на солнце серебряная лента горной речки, низвергалась по уступам западной стены живописными, окутанными радужным облаком струями водопада...

Впрочем, сейчас пленникам было не до красот природы: задыхаясь, они пластом повалились на землю, измученные и едва живые от усталости, пытаясь перевести дух и прийти в себя. Шум стычки отдалился и поутих, потерялся где-то за извилами ущелья; Радбуг движением руки остановил нескольких оставшихся при нем орков, порывающихся вернуться в Пасть и пустить в ход топоры и скимитары. Их вмешательство не требовалось: через несколько минут Каграт и еще десятка полтора уруков выскочили (скорее — в изнеможении вывалились) из ущелья и, отдуваясь и спотыкаясь на ходу, присоединились к остальным. Вожак, ничком бросившись в траву, устало замотал головой.

— Мы их отбили... Там место узкое, да еще поворот, лошадикам только по одному проехать. Один сунулся — мы и его завалили, и лошадь его заодно, заткнули дырочку, можно сказать. Больше желающих соваться сюда не нашлось... — Тяжело переводя дух, он перевалился на спину и хрипло хохотнул. — Углуц и трое лучников там остались на карауле, через час надо сменить... И заградительных щитов наделать, и дротиков, стрелы то рано или поздно закончатся. — Он кивком указал в сторону темнеющего неподалеку леса.

Радбуг, кусая губы, в ответ на эту тираду только обеспокоенно покачал головой. На некоторое время дружинники отступили, вот только надолго ли — было неизвестно...

22. «Сит-эстель»

— Так что тебе все-таки известно об этом амулете, Гэндальф?

Они с Келеборном встретились там же, где и вчера — на одном из нижних таланов дворца. Все так же шумел ветерок в листве мэллорна, так же доносились звуки лютни с ближайшей поляны, прерываемые мелодичными голосами и серебристым смехом эльфов, так же разливался в воздухе нежный аромат цветов, только вместо призрачного звездного сияния сочился сейчас сквозь кружево листвы золотистый свет ласкового и неназойливого лориэнского солнца. Впрочем, сюда, в Лориэн, где окружающей средой заведовала досточтимая Владычица Галадриэль, грозам, бурям, холодным осенним ливням и прочим погодным потрясениям ход был воспрещен: изо дня в день шуршал в листве мягкий прохладный ветерок, бродил по небу табунчик легких белых облачков, иногда собирались на небе серые тучки, и из этих тучек тихонечко прыскал на эльфов скромный и теплый плодотворный дождь...

Келеборн был бледен, но спокоен. «Эстель», обломок амулета, лежал перед ним на низком резном столике, чуть поблескивая в те моменты, когда на него падал прорывающийся сквозь листву солнечный луч.

Гэндальф негромко отозвался:

— Повторю то же, что говорил и вчера, Келеборн: практически ничего. Я только предположил, что изготовлен он был в Гондолине из «небесного железа», подобного тому, из которого Эол выковал темный меч Англахель. Ведь это не обычное серебро, так?

Келеборн медленно кивнул.

— Верно. Не обычное, Гэндальф. Амулет — подлинный; он был отлит из остатков галворна Маэглином, сыном Эола — но не в Гондолине, а еще в Нан Эльмоте, где Маэглин родился, вырос и обучался кузнечному ремеслу. Впоследствии, когда Маэглин вместе с матерью возвратились в Гондолин, амулет был преподнесен в дар царю Тургону, который затем передал его своей дочери Идриль.

— Нечто подобное я и предполагал...

— Меня вот что интересует, Митрандир: как, по-твоему, этот амулет оказался расколот пополам и попал к твоему орку?

— Трудно сказать... Видимо, это произошло в момент разграбления Гондолина... После победы прислужники Моргота вывезли оттуда немало богатств, которые с тех пор пропали бесследно. Вполне возможно, что кто-то из отдаленных предков Гэджа присвоил себе «сит-эстель» в качестве трофея. Или амулет был пожалован ему за некие... — волшебник запнулся, внезапно сообразив, что слово «заслуги» тут не очень уместно.

— За «воинскую честь и доблесть», да? — Губы Келеборна дрогнули от негодования. — Нет! — Он мрачно смотрел в лес. — Я расскажу тебе, что произошло... Амулет не был утрачен при уничтожении Гондолина — Идриль удалось вынести его из горящего города. Она спаслась, бежав из Гондолина тайными путями вместе с сыном Эарендиллом и горсткой приближенных слуг... Впоследствии этот амулет перешел к Эарендиллу и его жене, Эльвинг. Идриль не желала хранить его у себя — слишком печальные думы он на неё навевал... На нем лежала печать его создателя, Маэглина — негодяя, склонившегося ко злу, подлеца и предателя, о котором ей не хотелось хранить воспоминаний.

— А дальше? — помолчав, спросил Гэндальф.

— Дальнейшую судьбу амулета, мне кажется, проследить нетрудно, — небрежно заметил эльф. — От Эарендила амулет достался Элронду, его старшему сыну, как семейная реликвия, историческая ценность, знак мира и надежды. Элронд преподнес его в дар своей жене, Келебриан.

Он умолк, прикрыв лицо ладонью, и Гэндальф молчал тоже — он уже понял, к чему клонит Владыка, и от того, что внезапная догадка, ужалившая его еще вчера, полностью подтвердилась, не испытывал сейчас ничего, кроме горечи и растерянности.

— Келебриан — твоя дочь, — произнес он наконец так тихо и осторожно, точно, стоя на берегу перед полузамерзшим водоемом, пробовал, не расколется ли под ногой хрупкий ноябрьский лед.

— Рад, что ты об этом помнишь, — сухо откликнулся Келеборн. — Об остальном мне нужно рассказывать, или ты сам догадаешься?

— Я уже догадался, — негромко сказал волшебник.

— Когда?

— Вчера.

Келеборн, плотно сжав губы, смотрел прямо перед собой.

— В 2509 году Келебриан, — произнес он отрывисто, — отправилась из Ривенделла в Лориэн навестить родичей, и на горном перевале попала в засаду, устроенную орками. Она оказалась в плену, в полной власти этих гнусных тварей... и только Эру ведомо, что ей в те мрачные дни довелось испытать! Элладан и Элрохир спасли её из неволи, но она так никогда и не смогла оправиться от пережитого, как ни пытался Элронд исцелить её душевные раны... и вскоре вынуждена была покинуть Средиземье и уплыть в Валинор.

— Не надо, Келеборн, — тихо сказал маг. — Я знаю эту историю.

Эльф некоторое время молчал, глядя в лес, тяжело опираясь на тоненькие резные перильца, ограждавшие талан. Лицо его было спокойно и неподвижно, только морщины серой паутинкой пролегли на высоком челе, да складка возле губ обрисовалась глубже и четче.

— Этот амулет раскололся в тот момент, когда попал в грязные лапы орков, — произнес он голосом столь бесцветным, ровным и невыразительным, что волшебнику стало не по себе. — Кончился мир, истаяла надежда... рухнули столпы веры и силы. — Он с такой яростью стукнул обеими руками по верхней перекладине перил, что она испуганно скрипнула под его ладонями. Резко обернулся к магу. — Вот так. И до сих пор полагаешь, что твой... твой неотесанный орк более достоин владеть этой древней реликвией, нежели моя несчастная семья?

Сжав губы, он сурово смотрел на волшебника, ожидая ответа: непреклонный, властный, волевым усилием заставляющий себя сохранять хладнокровие, бесконечно убежденный в своем праве и в своей правоте. Но Гэндальф сильно интересовался кончиком своей бороды и не поднимал глаз.

— Ну, не стоит считать Гэджа таким уж неотесанным, Келеборн, — пробормотал он наконец. — Это, прямо скажем, мало соответствует действительности.

Эльф досадливо поморщился.

— Пусть так. Не цепляйся за слова, Митрандир! Каким бы твой орк там ни был, он, в конце концов, остается всего лишь орком.

— И это, конечно, является достаточным оправданием для любой несправедливости, допущенной по отношению к нему.

— Я не понимаю, о чем ты.

Волшебник поднял голову.

— Какая гнусная ирония причудливого переплетения судеб... Я очень хорошо понимаю твои чувства, Келеборн. Но вот незадача: для Гэджа этот злосчастный амулет тоже не простая безделушка — это единственная вещь, доставшаяся ему от родителей.

Келеборн язвительно хмыкнул.

— Амулет этот попал в лапы его родителей... вернее — *прародителей* путем бессовестного насилия, разбоя и грабежа. Твой орк — прямой потомок тех гнусных мерзавцев, которые когда-то заставили страдать и едва не погубили мою единственную дочь.

Гэндальф рассеянно разглядывал прожилки на лежавшем на его ладони серебристом листке мэллорна.

— Вряд ли Гэдж должен отвечать за грехи далеких предков, — мягко возразил он. — С тех пор миновало уже больше трехсот лет...

— И что? — гневно спросил Владыка. — Добавь еще эти дурацкие фразы про «всё проходит» и «время лечит»! Для меня и Галадриэль все это живо и свежо точно так же, как будто случилось вчера! Эльфийская память не знает... жалости.

Он отвернулся, не желая смотреть на волшебника, досадуя на его, Гэндальфа, упрямство и толстокожесть — эльфу казалось, что он мог бы рассчитывать на большую чуткость, участие и единомыслие со стороны мага. Впрочем, если уж этот бесцеремонный серый бродяга посмел притащить к рубежам Лориэна злосчастного орка — будто в насмешку над древними эльфийскими заповедями в целом и лично над ним, Келеборном, в частности! — так чего ещё следовало от него ожидать?

Волшебник негромко вздохнул за его спиной.

— Послушай, Келеборн. Амулет был отлит из галворна — материала необычного, редкостного и сочетающего в себе многие неизученные свойства. Его создатель — Маэглин, эльф, впустивший в свое сердце тьму, не погнушавшийся предательством и сговором с Морготом. Так не заключает ли эта вещица в себе некие недобрые чары... смутную тень зла, призывающую беды и несчастья на головы владельцев? Не опасно ли хранить в Лориэне такую, прямо скажем, странную и сомнительную вещь?

Келеборн насмешливо хмыкнул.

— Неплохая попытка, Серый! Ты хочешь меня напугать?

— Скорее — предостеречь...

— Не нужно. Изначально «сит-эстель» был изготовлен с благими целями и символизировал союз надежды и мира, и Маэглин не прикасался к нему с тех пор, как отдал царю Тургону... а сейчас амулет и вовсе расколот напополам и потому напрочь лишен каких-либо магических свойств. Для нас это — дорогая семейная реликвия, свидетельство величия дней Первой Эпохи, а в первую очередь — память о единственной дочери... если ты этого еще не понял.

— Я понял. И ни в коем случае не хочу умалить вашего горя и негодования, Келеборн, я знаю, как больно и горько вам вспоминать о произошедшем. Но пойми и ты меня... я не имею права вот просто так отдать вам «эстель» без согласия на то «моего орка».

— Не «отдать», а, скорее, «возвратить законным владельцам», — холодно поправил Владыка. — Не нужно смущать меня неправильными формулировками, Серый.

— Кроме того, я дал Гэджу слово, что верну ему амулет в целостности и сохранности. Ты хочешь заставить меня нарушить данное обещание?

Эльф несколько секунд молчал. Прошелся по талану туда-сюда, заложив руки за спину, задумчиво коснулся носком сапога резной завитушки у подножия деревянной скамьи. Он был готов к подобному повороту дел.

— Ну, хорошо. Ты вновь меня неприятно удивил, Гэндальф, я не думал, что... ну да ладно, не будем об этом. Я не хочу ссориться с тобой единственно из-за разногласий по поводу какого-то... глупого орка! В конце концов, не вижу необходимости изымать у него этот амулет скандалом, силой и против его воли. Думается мне, вполне можно найти вариант, который устроит обе заинтересованные стороны.

— Это какой же?

— К примеру, изготовить дубликат.

— И всучить его Гэджу?

— А почему бы и нет? Я полагаю, его вполне устроит и обычное серебро вместо галворна — для него главное, чтобы копия как две капли воды походила на оригинал, разве не так? Он никогда не узнает о подмене и ничего не заподозрит... если, конечно, тебе не придет в голову фантазия ему проболтаться.

Волшебник устало прикрыл глаза. Ему смертельно хотелось курить.

— Что ж... я, собственно говоря, ожидал, что ты предложишь нечто подобное.

— И что-то имеешь против этого возразить?

Гэндальф покачал головой.

— Я... право, не знаю, как мне к этому относиться, Келеборн, — маг и в самом деле был озадачен. — Мне это представляется... бесчестным. Что ни говори, Гэдж ничем не заслужил того, чтобы быть обманутым.

— Это не обман, а просто, если хочешь, акт милосердия — это позволит нам не отбирать амулет у твоего найденьша против его воли. Я тоже не могу допустить, чтобы священная реликвия моего народа, некогда принадлежавшая моей семье, находилась в лапах какого-то, прости Творец... урука! — Владыке явно с трудом удалось заставить себя опустить словечко «презренного». — Кстати, — он небрежно щелкнул пальцами, — Галадриэль говорила мне, что была бы все-таки не прочь взглянуть на этого мальчишку. Да и мне, признаться, это было бы любопытно: орк, воспитанный... я бы даже сказал — *вращенный* Саруманом, должен представлять собой нечто совершенно удивительное! Через пару дней я и Галадриэль намерены затеять ежегодный объезд владений — и первым делом заглянем на берега Келебрант, устроим небольшую трапезу на лоне природы для двух-трех сугубо приближенных друзей — так вот считайте, что вы оба на неё приглашены: ты и твое, гм... юное дарование.

— Благодарю, Келеборн. Но...

— Что?

Волшебник замялся.

— Негоже пренебрегать приглашением, полученным из уст самогó Владыки, но, видишь ли, я не думаю, что эта идея придется Гэджу по нраву. Он плохо знаком с дворцовым этикетом, никогда не бывал на королевских обедах и вообще... вряд ли решится прийти.

— Решится — если хочет получить обратно свой драгоценный «эстель». И никаких особенных манер я от него не жду и не требую — пусть не робеет и ведет себя совершенно естественно, мы, хм, будем этому только рады, так ему и передай. А до нашей встречи я оставляю за собой право распорядиться «эстелем» по своему усмотрению... ведь, я так понимаю, Митрандир, мы о всем договорились, не так ли?

Гэндальф сдержанно поклонился в ответ.

* * *

«Видишь ли, друг мой, — сказал трактирщик Анориэлю, — я сегодня крепким элем не торгую, в королевстве траур. Несколько дней назад на столицу напал злобный кровожадный дракон и похитил королевскую дочь, Прекрасную Деву. Поэтому быть отвратительно пьяным, петь и веселиться сейчас запрещено».

«Прискорбно, — заметил Анориэль, — я как раз хотел нализаться вдрызг и быть сегодня отвратительно пьяным. А что, в городе не нашлось ни одного Отважного Воина, который решился бы убить дракона и освободить Прекрасную Деву?»

«Пока не нашлось, как видишь».

«Странно. Разве король не посулил смельчаку Прекрасную Деву в жены?»

Трактирщик приуныл.

«То-то и оно, что посулил. Но Прекрасная Дева, видишь ли... недостаточно прекрасна. Она несуразна лицом, горбата и крива на один глаз. Наверное, дело в этом».

«Э-э... Но обычно в таких случаях к женитьбе прилагается и пол-королевства впридачу...»

«Насчет этого король пока помалкивает. У Прекрасной Девы помимо отсутствия прекрасности и норов того... не очень. Капризный, сварливый и вздорный. К тому же у короля имеется еще пять незамужних дочерей... Между нами говоря, — трактирщик понизил голос, — он, поди, рад-радешенек, что наконец избавился хотя бы от одной. А вот дракону я не завидую...»

Гэндальф, посмеиваясь, разгладил на коленях плотный желтоватый лист рукописи. Аккуратно свернул его трубочкой и протянул Гэджу.

— Н-да уж, любопытный поворот. И чем же, интересно, дело закончилось? Тем, что Анориэлю дракона пришлось спасти от Прекрасной Девы, а не наоборот?

— Видимо, так, — пробурчал орк. — Я еще не придумал.

— Довольно, хм, занятный взгляд на всем известный сюжет, ничего не скажешь.

— И насколько это глупо?

— Нет, что ты, совсем не глупо. Просто... необычно.

— А обычные сюжеты вгоняют меня в тоску. Отважный Воин отправляется спасти Прекрасную Деву непременно потому, что она отличается милейшим нравом и неземной красотой. А если эта Дева, к примеру, косая, кривоногая, щербатая или сварливая — пусть дракон её сожрет, образину не жалко?

Они сидели на южном берегу реки Келебрант — неширокой и здесь, в низине, неторопливой, поросшей в затонах кувшинками и белыми водяными лилиями. Поверхность воды серебристо посверкивала на солнце, негромко и заговорщицки шуршал рогоз, таращила глаза сидящая на камне лягушка. А вот вдоль северного, лориэнского, берега ни зарослей камышей, населенных крикливыми утками, ни неопрятных водорослей, ни грязных, обросших лохмотьями тины камней и коряг не было и в помине — лесные склоны сбегали к воде по-эльфийски аккуратными и чистенькими травянистыми лужайками. Наверно, в реке водились ёршики и пескари, и Гэдж охотно смастерил бы удочку из ивового прута, вот только и прут, и река, и рыба принадлежали эльфам, и потому идея предаться «тихой охоте»

не казалась орку особенно удачной. Кто знает, как надменные и чопорные галадримы воспримут это посягательство на их собственность... Ощущение преследующего его неотрывного взгляда за прошедшие два дня не покидало орка ни на минуту, висело на нем клейко и неприятно, как прилипший к затылку кусок смолы.

Гэндальф невозмутимо попыхивал трубкой. Вернувшись вчера после полудня из королевского дворца, он был хмур и неразговорчив, на все расспросы Гэджа отвечал односложно и курил, казалось орку, куда больше, нежели обычно. Но сегодня он как будто оттаял и пришёл если уж не в хорошее, то, по крайней мере, в мирное расположение духа: утром Гэдж обнаружил его на берегу за излюбленным занятием — вооружившись ножом с коротким широким лезвием и негромко напевая под нос, волшебник что-то старательно вырезывал из древесного полешка. На этот раз под руками мага рождалась не кукла и не зверушка — это была простенькая лодочка с острым носом и широкой кормой, к которой полагалась мачта из прутика и зелёный парус из широкого листа кувшинки.

Гэдж, рассеянно покрутив свиток в руках, спрятал его за пазуху.

— Мне это не нравится, — мрачно сказал он, глядя в воду.

— Не нравится что?

— Эта ваша затея. Ну, встреча с этими твоими... Владыками.

— Почему?

— Да потому. Что им от меня нужно, этим эльфам? Расшаркиваться перед ними я не умею, этикету не обучен, беседы на возвышенные темы вести не способен... и что я там буду делать, по-твоему? Молча хлопать глазами и стоять, как дурак?

Гэндальф резкими короткими штрихами вырезал на борту лодочки незатейливый рельефный узор.

— А ты не стой, как дурак... ты стой, как умный. Саруман тебя не научил, что ли?

— Вы все лучше меня знаете, чему меня научил и чему не научил Саруман.

— Ты слишком дурного мнения об эльфах, Гэдж. Законы гостеприимства для них нерушимы, и никто не позволит себе проявить неуважение к гостю, каким бы странным и необычным, на взгляд эльфов, этот гость ни был.

— Да ну? Ты что, вот *правда в это веришь?*

«Нет. Просто мне *хочется* в это верить», — с досадой признался себе волшебник. Но сказать об этом спутнику он не мог:

— Не следует во всем видеть подвох и злой умысел, дружище. Никто тебя не обидит, если ты не станешь прямо с порога выказывать эльфам свое недоверие и враждебность.

Гэдж молчал, глядя, как карабкается вверх по травинке маленький и блестящий, словно отлитый из капельки масла глянцеви́то-чёрный жучок. Вот он достиг конца прогнувшегося стебелька, некоторое время повисел на нем в замешательстве и, не удержавшись, шмякнулся на землю, тут же поджав лапки и с испуга прикинувшись бездыханным. «Ну да, — мрачно подумал орк, — если бы таким незатейливым способом можно было решить все проблемы...»

Гэндальф рассеянно мял в пальцах сощипнутый со ствола ближайшей сосенки кусочек смолы.

— Кроме того, — небрежно добавил он, — Келеборн должен вернуть тебе «эстель». Я надеюсь, ты об этом не забыл?

— Только из-за амулета я и иду на эту встречу.

— Собственно говоря, я не нахожу ничего дурного в том, чтобы и ты, и Владыки

попытались получше узнать и понять друг друга. Эльфам никогда не приходилось встречаться с орком, подобным тебе, поэтому интерес их вполне оправдан. Ты для них — настоящая диковина!

— Угу, типа говорящей мартышки...

Волшебник сделал вид, будто не расслышал. Он приладил прутик к днищу лодочки, закрепив его кусочком смолы, насадил на него широкий листок кувшинки и, любуясь получившимся суденышком, покрутил его в руках перед собой так и этак.

— Не наигрались в кораблики, господин Гэндальф? — сердито пробурчал орк себе в нос.

Волшебник внимательно посмотрел на него.

— Что с тобой, Гэдж?

Орк быстро отвернулся.

— Ничего.

— Ты встревожен и удручен.

— Просто мне не нравится эта затея.

— Дело не в этом.

— А в чем же, по-твоему? — с раздражением спросил Гэдж.

Волшебник опустил лодочку в воду и легонько подтолкнул ладонью к середине реки, отправляя в самостоятельное, полное опасностей плаванье. Мягко подхваченное течением, суденышко скользнуло по поверхности воды, едва заметно кренясь на правый борт, заплясало, попав в стремнину, закружилось в небольшом водовороте. Гэндальф сказал негромко:

— Не нужно думать о дурном, друг мой. Он... о тебе не забыл. И непременно приедет.

Гэдж судорожно прикусил губу — так, что почувствовал на языке вкус крови.

— Хотел бы приехать — приехал бы... Что с ним могло случиться?

— Я не знаю, Гэдж. У Келеборна нет от него вестей. Но это еще ни о чем не говорит. Письма иногда теряются по дороге.

— Уже два дня прошло!

— *Еще только* два дня. Он обязательно объявится, рано или поздно... лучше бы, конечно, рано... Но не будь так категоричен и поспешен в выводах. Разве он когда-нибудь не выполнял своих обещаний?

— Все когда-нибудь случается впервые, — мрачно пробормотал орк. Он сидел, по-прежнему отвернувшись от мага, глядя куда-то на противоположный берег реки Келебрант — и волшебник не видел его лица.

23. Долина пойманной радуги

— Каграт! Ухтар просит его парней сменить, они уже полдня в ущелье торчат...

— Марбуг, иди, возьми, кого покрепче... Лошадники на штурм не рвутся?

— Пока тихо.

— Щиты готовы?

— Четыре штуки.

— Мало!

— Ветви рубить нечем, инструмента нет... В обозе только три топора.

— Весь берег ручья зарос ивняком, срежьте прутья — ножами, мечами, чем угодно...

Всех крысюков — за работу, нечего им на травке полеживать! Пусть мулов пасут и деревянные рамы переплетают тальником, руки не отвалятся... Шарки! Что с ранеными?

— Хуршуг умрет еще до полуночи, легкое у него распорото копьем и осколками ребер, я тут ничего не могу сделать. Милосерднее его было бы добить, чтоб дело не затягивать.

— Ясно. А Шаухур?

— Ему не то лошадь копытом по голове попала, не то деревянным щитом по башке прилетело. Оклемается... но не сразу. Ориентироваться в пространстве ему пока малость затруднительно.

— Что ещё?

— У Рузгаша рана на плече, не смертельная, но ухода требует.

— Крысюки целы?

— В общем, да... Только загнаны, как кони. Им нужен отдых.

— Отдых? На том свете отдохнут, — проворчал Каграт. — Сейчас недосуг...

И все же, что ни говори, орочий отряд потрепало изрядно, и о том, чтобы немедленно продолжать путь, не могло быть и речи. В пылу бегства пропали три вьючных мула — разбежались или попали в руки роханцев; опрокинувшуюся повозку тоже следовало записать в непоправимый убыток. Девятеро уруков были убиты, кроме двух «тяжелых» имелось еще несколько легкораненных, а вот пленники, которых во время бегства прикрывали орки-лучники, почти не пострадали, если не считать того, что все валились с ног от усталости и упадка сил. Как ни желал Каграт поживее убираться прочь, следовало устроить дневку и сутки-другие посвятить отдыху, — и, отойдя на полмили от устья ущелья в глубину долины, орки разбили на опушке леса временный лагерь.

В ущелье по-прежнему несли караул кагратовы стрелки, сменяя друг друга каждые два часа. «Лошадники» сделали еще одну вялую попытку прорваться, но, потеряв в короткой стычке коня и двоих человек убитыми, сочли за лучшее отступить на прежние позиции. К вечеру в ущелье удалось воздвигнуть заграждение из камней, валунов и деревянных щитов из часто переплетенных ивовых прутьев, и опасность *внезапного* нападения с этой стороны практически сошла на нет.

Но Каграт был мрачен.

— Через эту дыру коневоды не прорвутся — но и нас отсюда теперь не выпустят. Добычу почуяли, гады! И наверняка в крепость послали за подмогой, а против десятка-другого латников с дальнобойными луками нам долго не продержаться. Да и стрел немного осталось...

— На северо-востоке есть другой выход из долины, забыл? — спросил Радбуг. Он,

Лагдаш и Каграт собрались возле костра на небольшое совещание — и Шарки, как всегда, постарался оказаться поблизости.

Каграт ожесточенно тер подбородок.

— Не забыл. Но до него миль десять. А убраться нам отсюда надо раньше, чем лошадики соберутся с силами и отрежут нам и этот путь!

— Если они о нем знают.

— Если и не знают, то найдут рано или поздно...

— Выберемся мы из долины — а что дальше? Через равнины нам теперь не прорваться, надо другой проход искать...

— Найдём. Обогнем владения остроухих с севера и по Каменному Мосту через реку переправимся.

— Это крюк в добрых восемьдесят миль, лишняя неделя в дороге! Половина крысюков от упадка сил перемрет... да и провианта у нас на такой долгий путь не хватит.

— Тебя сожрем, умник! Предложи что-нибудь другое, раз ты семи пядей во лбу!

— Пока мы тут торчим, надо ловушек наплести, рыбы наловить, навялить да накоптить, — заметил Лагдаш. — Все равно пару дней здесь сидеть придется, силы восстанавливать...

Ближе к вечеру, в сумерках орки неожиданно приволокли «языка»: один из убитых в короткой дневной стычке оказался вовсе не убитым, только оглушенным. Это был тот самый белобрысый парень в плотном кожаном подшлемнике, которого Саруман заметил еще при бегстве. Притащили его на веревке, как скотину на убой, со связанными за спиной руками; он пошатывался от дурноты и слабости и спотыкался на каждом шагу: крепкий удар головой о камни при падении с лошади давал о себе знать.

— Дурачьё! — с раздражением сказал ему Каграт. — Вы зачем опять в ущелье полезли, дубина? Не ясно было, что вас там подстрелят? Если ваш старшой вас туда на разведку боем отправил, так он болван, каких свет не видывал... Или вы, герои, сами в самоволку выдвинулись, по собственному почину геройствовать да поганых уруков направо-налево крушить, э?

Лицо пленника было бледно, растерянно и испуганно, но искажено старательно натянутой гримасой хладного презрения. Он старался не выказывать страха и держаться гордо, независимо и надменно, хоть поджилки у него и тряслись, а посеревшие губы жалко прыгали на конопатой физиономии, вымазанной грязью и кровью из разбитого носа. Он захлебывался от ярости, смешанной с ужасом.

— Ты, т-ты... вонючий орк! Не тебе мне морали читать, мерзавец! — Зубы его судорожно клацали. — Я... я ничего тебе не скажу, понял!

Каграт лениво почесывал живот.

— Да я у тебя и спрашивать ничего не буду, и без тебя все понятно. Вас там две-три дюжины гавриков. Начальник ваш за ущельем окопался, разведку окрест разослал и в крепость гонца отправил за советом и подмогой. Я угадал?

— Ничего... не скажу! — Пленник отчаянно всхлипнул. — Можешь хоть на куски меня резать, вонючий орк, как... как тех, кого ты сжег, убил и замучил! Их несчастные души стенают и вопиют об отомщении! И ты получишь по заслугам рано или поздно, вздернут тебя на суку за все твои лиходейства и злодеяния... Справедливость восторжествует, слышишь, ты, вшивая сволочь!

Каграт откровенно ржал.

— Больше, больше пафоса! Ты слюной-то не брызгай, теленочек, а то ранишь мою нежную душеньку, нанесешь мне моральную травму, несовместимую с жизнью — и явлю я свою гнусную орочью натуру во всей красе. Так что раздувание щек и выпренные речи для королевского смотра оставь, там это любят... Ошейник! — рывкнул он Лагдашу. — И два дня без пайка. Посмотрим, что потом от этого борцунишки за справедливость останется.

На парня помимо веревки нацепили еще и ошейник, утащили прочь, подгоняя пинками, привязали, как неблагонадежного, к одной из повозок — посадили на шлейку, точно шkodливую собачонку. Саруман, выждав некоторое время, подошёл к нему, чтобы осмотреть ссадину на лбу и мимоходом переброситься парой слов.

— Тебя как зовут, герой? Или тоже военная тайна?

Парень покосился на лекаря подозрительно. Ему не исполнилось, наверное, и двадцати лет, и прилив сил, а также боевой кураж, вызванный гневом и отчаянием, слегка поостыл — вид у пленника был отнюдь не воинственный, страх и тоска все-таки брали верх, он сидел, съезжившись, ссутулив плечи и опустив голову, пряча от не чаянного собеседника несчастные глаза и постыдно покрасневший нос.

— Ну, Эорлимом меня кличут. А тебе какое дело?

— Сколько вас тут, Эорлим?

— А с какой стати я тебе говорить должен? Этому поганому громиле доложишь, да? — Он яростно потер кончик носа связанными руками.

— Сколько бы вас тут ни было, — спокойно заметил Саруман, — через ущелье, пока там застава стоит, вы не пройдете. Но в долину есть другой проход где-то на северо-востоке. Можно попытаться напасть оттуда и зажать орков в клещи.

Эорлим отчаянно всхлипнул.

— Только убивать их нельзя, — добавил Саруман.

— Это что еще за новости?

Волшебник постучал пальцем по ошейнику.

— Потому что это *не простые* ошейники. В них какая-то дрянь примешана, которая чувствительна к их, орков, непосредственному присутствию. Заклятие, которое в них заключено, задушит тебя, если попытаешься отойти от этих нелюдей дальше сотни-другой ярдов.

Эорлим огляделся. На его грязном, измазанном кровью лице выразилось страдание.

— Вон оно что... Слушай, — он зацепился взглядом за сидящих в тени ближайшего дерева и плетущих верши из лозы понурых горцев, — а вас-то тут сколько, а? И чего вы все дрожите, как кролики? Вы же не закованы и не связаны! Неужели нельзя улучшить подходящий момент, напасть на орков всем скопом и скрутить их по рукам и ногам?

Саруман помолчал.

— Экий ты пылкий вьюнош... Ничего не выйдет.

— Почему?

— Орков почти в два раза больше, они вооружены и держатся настороже. А пленники — слабы, истощены и измучены. Кроме того, они обычные мастеровые, ремесленники и козопасы, отнюдь не воины...

Эорлим взвился:

— Лучше сидеть покорно и бессловесно, как кролики, да? И позволять этим... этим гнидам над вами издеваться?

— Многие, видишь ли, полагают, что лучше быть умным живым кроликом, чем глупым

дохлым драконом.

— Жалкие бараны!

Саруман поморщился.

— Полегче, не горячись... Как зовут вашего командира?

— Ну, допустим, Бельхор... А зачем тебе?

— Если представится случай, я отправлю ему письмецо со всем, о чем мы тут с тобой толковали.

— Письмецо? — Эорлим, приуныв, шмыгнул носом. — Ну, попробуй. Только вряд ли Бельхор станет эти твои послания читать...

— Почему? — чуть помедлив, спросил Саруман. Впрочем, он уже знал ответ.

— Бельхор не зря свой хлеб ест... Он — опытный командир и умелый воин! — хрипло сказал Эорлим. — Понял? А больше от него ничего и не требуется!

— То есть грамоте он не разумеет.

Эорлим презрительно промолчал.

* * *

Ну да, ну да, этого следовало ожидать... Интересно, есть ли среди трех дюжин злосчастных дружинников хоть один грамотный человек? Или их всех из простых и незатейливых крестьянских сынов набирали, которым о гранит науки мозги ломать вроде как и ни к чему? На лошади ездить да мечом махать умеет — в дружинники годен. Обучение грамоте — так, придурь для знати, писцов да книжников, в повседневной жизни значения почти не имеющая...

Саруман не знал, смеяться ему или плакать. Вот так и разбиваются самые правильные и великие планы о чьё-то глухое дремучее невежество... Ну не может же быть, чтобы среди трех десятков этих доблестных и храбрых парней не нашлось ни одного мало-мальски грамотного персонажа! Или может?

Мало-помалу в долину спускался вечер. Серая сумеречная темнота уже сгустилась над лесной опушкой, когда Саруман, закончивший вечерний обход раненых и сидевший, как обычно, возле костра, наконец услышал над головой такое знакомое, такое долгожданное сиплое карканье. Это был Гарх... явился не запылится, старый ворчун, добрый верный старина Гарх, не заблудился, не пропал, не погиб, не сгинул где-то в неизвестности! Впрочем, Шарки ничем не подал вида, что заметил его. Ворон, убедившись, что орков поблизости нет, тяжело опустился на траву рядом с волшебником, поёжился, опасливо оглянулся направо и налево.

— Гарх, старый зануда, — пробормотал Саруман, опустив голову, делая вид, будто разглядывает что-то у себя на ладони, — ну наконец-то! Где тебя леший носил? Я уж начал думать, что вчерашняя ночка тебя совсем доконала.

— Да-да, я тоже рад тебя видеть, — хрипло прокаркал ворон, склонив голову к плечу. Вид у него был далеко не бравый — он выглядел, точно несчастное, побитое молью, неумело изготовленное чучело. — Думаешь, так легко было вас разыскать? Ну, положим, я слегка отстал... — Он сердито нахохлился. — Прошлая ночка и впрямь выдалась мерзостной, поэтому я (со свойственными мне мудростью и предусмотрительностью) переждал ненастье в какой-то попавшейся на глаза расселине, а уже утром полетел дальше по следу. Ну... наследили вы там здорово, это да. Я понял, что всадники вас гнали, гнали и наконец загнали

в ущелье... Когда я к ним подобрался — там, с той стороны — они как раз хоронили своих... и зачем-то стали швырять в меня камнями — наверно, решили, что я собираюсь клевать непогребенные трупы!

— А ты, разумеется, не собирался? — полюбопытствовал Саруман.

— За кого ты меня принимаешь? — голос Гарха задрожал от едва сдерживаемого негодования, хотя глаза его как-то виновато забегали по сторонам. — В общем, я решил дождаться темноты и уже в сумерках потихоньку перебрался сюда, в долину. Мне пока еще трудно взлетать высоко, правое крыло меня не очень-то слушается. — Словно пытаюсь подтвердить свои слова, он расправил и вновь сложил крылья, делая это так аккуратно и осторожно, точно опасался, что они сейчас хрустнут и поотламываются, одно за другим.

— Значит, отправлять тебя к роханцам с посланием не только бесполезно, но и опасно — прибьют еще ненароком, — задумчиво проворчал Шарки себе в нос. — Ну да ладно, у меня есть мысль получше.

— Правда? Это какая? — сварливо спросил Гарх. — Может быть, приветить наконец должным образом старого друга, обогреть его, напоить и накормить чем-нибудь посущественнее прошлогодних ягод шиповника?

— Из «посущественнее» могу предложить только размоченный в воде сухарь, у нас тут с провиантом тоже не очень. Но я о другом. Каграт намеревается оторваться от роханцев, пройти долиной Черноречья и пересечь Андуин по Каменному Мосту, а это совсем близко от Лориэна, в нескольких милях севернее. Эльфы могли бы выйти оркам наперерез и перехватить их около брода.

Гарх понимающе хмыкнул:

— Хочешь просить помощи у эльфов?

— Не хочу, но, по-видимому, придется. Тем более Гэндальф и Гэдж тоже должны обретаться где-то там поблизости.

— Хар-р! — Ворон сердито каркнул, совсем позабыв про множество чужих настороженных ушей, вольно или невольно имеющихся вокруг. — Ни дна ему ни покрышки, этому безмозглому орчонышу! Неужто ты еще собираешься его разыскивать и тащить обратно в Изенгард?

— Теперь уж я обязан это сделать, Гарх, дабы сдержать данное обещание, — Саруман коротко усмехнулся, — и остаться в глазах Гэндальфа честным человеком.

— Ну-ну. Что-то я не припоминаю, — пробормотал ворон, — чтобы раньше тебя это вообще хоть на грош заботило... Впрочем, это не моё дело.

— Вот именно, — холодно подтвердил Саруман, — и я очень рад, что ты наконец со свойственными тебе мудростью и предусмотрительностью пришёл к такому неожиданному выводу. И потом... — он умолк и движением руки велел ворону затаиться: к костру неторопливо подошёл Шавах, которому стычка с дружинниками (к великому огорчению пленников) ничуть не повредила и не причинила никакого вреда, ни малейшей царапины. Орк остановился на границе света и тени, подозрительно покосился на Сарумана — видимо, ему показалось странным, с чего это старик разговаривает сам с собой, — и Шарки поспешил отвесить губу и придать себе такой дурашливо-отсутствующий вид, на какой только был способен. Шавах презрительно хмыкнул и, чуть помедлив, направился дальше, небрежно поигрывая кнутом, присматриваясь к пленникам, начальственно порывывая там и тут, прикидывая, кому бы безнаказанно дать пинка...

Ночь, к счастью, миновала без происшествий. «Лошадники», видимо, тоже взяли временную передышку: обихаживали коней, хоронили убитых, собирали добычу, оброненную орками по ту сторону ущелья, копили силы для окончательной атаки. Над орочьим лагерем царила темнота, духота и неизбывное уныние. Хрипели во сне усталые люди, стонали и метались раненые, негромко перекликались часовые, потрескивали костры, над которыми вялилась пойманная плетеными ловушками рыба. Гарх дремал, укрывшись, как обычно, в кроне ближайшего дерева и прикорнув на подходящей ветке. Покрикивала в лесу неугомонная ночная птица, гундосили комары, умиротворяюще журчала вода в пересекающей лесок неглубокой студеной речке...

— Сегодня еще погодим, а завтра с рассветом двинем отсюда, — мрачно изрек Каграт, яростно грызя зеленую веточку ивы. — Чем дальше мы тут сидим, тем проще коневодам будет нарубить из нас зубочисток. Через пару дней они подтянут сюда лучников и латников — и тогда никакая застава в ущелье их не удержит...

Рассвет висел над рекой сизой туманной дымкой. Саруман бродил по берегу, собирая травы; по каким соображениям Каграт посчитал своим долгом провожать его в этой вылазке лично, вместо того, чтобы отрядить в сопровождение кого-нибудь из орков, волшебник не знал, но подозревал, что главарь просто воспользовался удобным случаем хоть ненадолго улизнуть из лагеря. Всё сомнительное удовольствие разрешать вопросы и печали, которыми ему докучали страждущие соплеменники и которыми Каграт не склонен был интересоваться, он, как всегда, передоверил Радбугу. Сам главарь мог сейчас думать только об одном:

— Для нас главное — добраться до Андуина, а это в лучшем случае неделя пути. Перейдем Каменный Мост, а уж на том берегу никакие лошадники нас не достанут...

— Отступать придется под прикрытием, — вскользь заметил Саруман. — Ты не сможешь снять заставу в ущелье.

— Ну... Кому-то придется здесь задержаться.

— Навеки? Интересно, кому?

— Не знаю, — процедил Каграт. — Бросим жребий.

— Остаться в заставе — верная смерть.

Каграт рассвирепел:

— Заткнись! Без тебя разумею! По-твоему, мне парней своих не жаль, да? Но что делать-то, что? Четверо-пятеро останутся — остальные за это время успеют уйти... Но чего бы я только ни отдал за хороший обвал, который напрочь заткнул бы эту тараканью щель!

Солнце медленно поднималось над горами, и тени деревьев, широкими лоскутами лежащие на траве, отползали от воды ближе к опушке леса. Луг спускался к реке длинным пологим склоном, и кое-где, к удивлению волшебника, среди буйства луговых трав попадались одичалые ростки овса и ячменя, а чуть выше по течению реки Шарки выдернул из земли тощую, толщиной с крысиный хвостик морковку. Странно. Раньше на этом месте располагались огороды и посевные поля? Кому понадобилось выращивать в этой глухомани хлеб и овощи? — с недоумением спрашивал себя волшебник. — Или когда-то здесь находилась деревушка отшельников-горцев, влачащих одинокое полудикарское существование в отдаленной горной глуши? Или... что? Он почти не удивился, когда нашел в траве тщательно обтесанный камень с острым краем и выдолбленным посередине круглым

отверстием. Деревянная рукоятка мотыги — ибо это, несомненно, была именно мотыга — давно сгнила от времени, а вот каменный наконечник отлично сохранился.

Трава вокруг была вытоптана, а земля взрыта, точно кто-то неумело поработал плугом. Но это не являлось свидетельством разумной деятельности — просто кабаны рыли землю в поисках сладких корешков, которых, видимо, именно здесь, на месте давно заброшенной делянки, сохранилось изрядно.

Каграт поворошил прутиком найденную рядом добрую кучку мягких зеленоватых комьев, открыл миру её пикантные недра, кишмя кишящие упитанными прозрачно-белесыми червячками. Брезгливо поморщился:

— Опарыши! Что за паскудная живность... И жирные какие, заразы!

— Яркое свидетельство того, что кому-то в этом бренном мире очень мало нужно для счастья, — посмеиваясь, заметил через плечо Саруман. — Умные мухи отлично знают, куда пристроить потомство, чтобы ему, потомству, было тепло, мягко и сытно... Вот уж кто в прямом смысле умеет извлекать выгоду из дерьма.

— Хрена они тебе сдались... Предлагаешь брать с них пример?

— Ну, не буквально, конечно — но уж поучиться житейской мудрости у них бы не помешало... А в этом лесу, оказывается, водятся кабаны.

— Водятся... Раньше весь лес ими кишел. Богатая здесь была охота!

— Откуда ты знаешь? Тебе когда-то приходилось бывать в этих местах?

— Бывать? Еще бы! — Каграт сердито сплюнул. И мимоходом пнул попавшийся под ногу мшистый камень, невинно предающийся мечтам на обочине луга. — Я, видишь ли, когда-то тут жил.

— Жил? — помолчав, спросил Саруман. — Когда?

Орк мрачно ухмыльнулся. Интерес собеседника явно приносил ему некое болезненное удовольствие, точно заставляя расшатывать больной зуб.

— Давно. Эта долина — бывшие владения нашего племени. Мы первыми пришли сюда с севера, и имели на неё все права! Местечко тут завидное — и лес, и река, и пещеры... и защищено недурно — выставь охрану в ущелье, и никакая сволочь к тебе в гости не пожалует. В общем, мы тут неплохо жили, пока... — он вдруг коротко взрыкнул и умолк.

— Пока что? — осторожно поинтересовался волшебник. Он был уверен, что орк не ответит.

Каграт отсутствующим взглядом смотрел куда-то в лес, крутил в пальцах тоненькую палочку тростника. Неохотно разжал губы:

— Пока не явились эти... черные.

— Визгуны?

— Угу. И люди с ними — желторожие какие-то, с востока. — Орк скрипнул зубами, на лицо его набежала неясная тень. Договорил сдавленно и зло: — А с ними был он — ихний, самый большой шишкарь.

— Ангмарец? — пробормотал Саруман.

— Что?

— И что им от вас нужно было?

— Известно что — грязную работу делать. — Каграт окончательно потемнел лицом. Тростинка жалобно хрустнула в его кулаке. — Какого-то лешего мы им понадобились, в Замке служить да дыры задницами затыкать... правда, сладкую жизнь они нам там щедро посулили, сытость, довольство, игрушки всякие железные и прочие пряники...

— И вы согласились?

— Нет... не сразу. Мы пытались отбрыкаться, но... они были жуткие, как сама смерть! Глянешь разок — и жить неохота... Когда все пряники закончились, они кнуты в руки взяли и с теми, кто сопротивлялся, особо не цацкались — впрочем, таких немного нашлось. Остальные слюни пустили, легкой жизни и пряников возжаждали... и винить-то их за это нельзя — год тот для племени не слишком удачный был. Так что визгуны живо нас на первый-второй рассчитали и отправили строевым шагом в свой вонючий крысятник. Стариков и грудных младенцев только, почитай, и оставили...

— И что с ними случилось? — помолчав, спросил Саруман. — С этими... ненужными? Стариками и младенцами?

— Не знаю. Наверно, эти... уроды их тоже прикончили. Может, кому и удалось сбежать или спрятаться, понятия не имею... все-таки не все хотели в Замок идти. — Каграт опасно огляделся, точно боялся, что кто-нибудь из «уродов» подслушивает их за ближайшим кустом. — Но я, во всяком случае, больше никогда никого не видел, — облизнув губы, добавил он хриплым шепотом.

Саруман молчал. Нечего тут было сказать... Слова, которые приходили магу на ум, все до одного были какие-то пустые и глупые, ничего не значащие, невесомые, бестолковые.

— И когда же это бедствие приключилось, Каграт?

— Не знаю. Давно.

— Пятнадцать лет назад?

— Может, и так... — Орк запнулся. Шарки, выпрямившись, смотрел на него пристально, пытливо, не отрывая глаз — и на какую-то секунду Каграту показалось, будто взгляд старика прошил его насквозь, до самых печенок, пронзил иглой, вскрыл, точно ланцетом, всю его темную замшелую орочью душу... Что-то было в этом худом сухопаром старикане, что-то странное, непонятное, неуловимое, будто острое стальное шило, неведомый стержень, спрятанный под коконом грязных серых лохмотьев... но тут же, через мгновение, наваждение пропало — словно на миг выглянувшее солнце вновь скрылось за тучу. И Шарки опять предстал перед орком как на ладони: обычный усталый старик, ободранный, лохматый, голодный, закованный в ошейник... Слегка натянуто усмехаясь, Каграт сказал:

— Пойдем, чего покажу.

Они двинулись вверх по течению реки, и через полчаса вышли из леса к подножию горного массива, где река разливалась в небольшое, Г-образной формы озерцо. С одной стороны прямо из воды воздвигалась отвесная стена, и воды реки низвергались по скалистым уступам в озеро бойким бурливым каскадом — над ним висел ореол брызг, и радуга, пойманная мириадами мельчайших капелек воды, висела над водопадом чудесной, завораживающей глаз сверкающей завесой. С трех других сторон озерцо обрамляли пологие песчаные берега, местами поросшие травой, камышом и цепкой овечьей колючкой. Между лесом и стеной скал открывалось неширокое свободное пространство, когда-то, очевидно, занятое посевами, но за пятнадцать минувших лет полностью перешедшее в собственность леса, поспешившего воспользоваться неглубоким плодородным слоем: тут и там торчали тоненькие жидкие кустики и невысокие деревца, как авангард неторопливо наступающей на берег тисовой рощи.

Возле подножия утесов местность заметно повышалась, и почва становилась более каменистой, непригодной даже для скудного земледелия; местами меж нагромождениями

камней угадывались входы в пещеры, пробуровленные в скалах скорее самой природой, нежели стараниями чьих-то рук. Саруман заглянул в одну из пещер, которая была как будто больше и светлее других, окинул взглядом уцелевшие принадлежности незатейливого орочьего быта: выложенный камнями очаг в центре плотно утоптанного земляного пола, лежанки-выступы, застланные остатками плетеных из камыша циновок, вырубленные в стенах горизонтальные ниши, служащие, по-видимому, полками и содержащие всякий домашний скарб: глиняные горшки, берестяные ковши, плоски, выдолбленные из цельного куска дерева, костяные иглы и проколки, обрезки кожи, скребки, деревянную посуду, утварь, какие-то побрякушки из меди...

— Надо же! — волшебник с интересом разглядывал каменные жернова, соединенные с рычагом-приводом цевочной передачей — остатки найденной в углу небольшой мельницы. — Механика!

На лице Каграта не читалось никаких чувств.

— А ты, поди, думал, что мы совсем дубьё? Дикари?

Саруман задумчиво поводил пальцем по краю лежащего у него на руке рогового гребня с крупными широкими зубцами.

— Почему они не вернулись назад? — негромко спросил он. — Эти... беженцы? Когда все утихло? Могли бы переждать и вернуться... все-таки здесь был их дом, хозяйство какое-никакое, пещеры и укрытия...

— Был да сплыл, — Каграт свирепо ухмыльнулся. — На эту долину наши соседи, из западного племени, уже давно зарились, и, когда большинство наших ушли за Андуин, они, ясное дело, воспользовались моментом. Явились с оружием и поубивали тех, кто еще здесь оставался... или выгнали взащей, леший их знает. Только землю захватить они толком не успели, потому что к ним визгуны тоже вскоре пожаловали и кнутами да пряниками в Замок угребли...

Орк поднял с пола небольшую фигурку — это было топорное изображение волка, вырезанная из дерева детская игрушка, с обгрызенной чьими-то крохотными зубками головой — и, подержав на ладони, вдруг с такой яростью швырнул в стену, что фигурка с треском рассыпалась грудой щепок.

— Идем отсюда! — рыкнул он глухо. — Не могу я здесь, тошно... Это бабы пещеры были, бабы тут жили и детеныши... Наши находились там, на другом берегу озера.

Саруман не спорил — очень уж душным, застоявшимся, словно бы веющим тлением и запустением был воздух покинутого жилища, — и они вновь вышли к водопаду, направились от реки в противоположную сторону. Дальше, за озером, начинался обширный луг, длинным языком уходящий в распадок меж скалистых утесов; в густой девственной траве кое-где белели кости: высушенные солнцем, омытые дождями, безо всякого почтения разбросанные лисами и воронами, смешанные с грязью.

— Общинный выгон, — буркнул Каграт. — А там, дальше, были загоны для коз. — Он избегал смотреть на останки: кости были явно не козьи.

— Вы жили общиной? — спросил Саруман.

— Как все орки. — Каграт пожал плечами. — По-твоему, это дико?

— Нет, отчего же... В этом есть свои преимущества. Один за всех и все за одного — кажется, так? Полнейшее равенство прав и обязанностей.

— Вот именно, — серьёзно подтвердил орк. — Сообща охотимся, сообща сеем, сообща делим добычу, чтобы на всех хватало... Нам так нравится, понял? Каждому, как говорится,

даётся по заслугам его, и чтобы никто не ушел обиженный... Посевы у нас общие, скот — общий, урожай — общий...

— Дети тоже общие? — спросил Саруман.

Каграт покосился на него исподлобья.

— Ты зубы-то не скаль, старый. Общие не значит — ничьи.

— Я всего лишь глашатай общественного мнения, Каграт. Видишь ли, люди склонны сравнивать такой образ бытия с, гм...

— С жизнью волчьей стаи? — Каграт холодно усмехнулся. — Ладно, знаю я, что о нас говорят. Орки-де до сих пор не выкарабкаются из пещер, народ они отсталый, убогий, ни ремесел толком не имеют, ни торговли, ни сословий, ни деления на богатых и бедных... как это у вас, у людей, издавна заведено. А может быть, мы *не хотим* ничего менять, об этом кто-нибудь из вас думал? Если мы не живем так, как вы, и не признаем ваших законов — это значит, что мы хуже вас? — Он язвительно хмыкнул. — Да и законы-то ваши писаны в угоду горстке вождей да избранных... а остальной ваш народ занят тем, что кормит, поит и одевает кучку знатных бездельников, стоящих у верхушки власти, и я бы на вашем месте по крайней мере этим сомнительным обстоятельством не кичился. Если уж мы — волки, то вы — просто жабы, барахтающиеся в болоте... где всяк другого давит и плющит, стремясь утопить соседа в грязи и взгромоздиться повыше на болотную кочку.

Саруман неприметно посмеивался в бороду.

— Экое непочтительное суждение! Ты бы его пред Королевским Советом Великого Гондора произнес... это было бы все равно, что бросить горящую головню в полусонный курятник. То-то поднялось бы волнение, метание, кудахтанье и разбрасывание помета...

Они стояли на краю выгона под скалой, у родника, где брал начало ручей, стекающий в озеро. Родник был (вернее, когда-то был) красиво облицован гладышами гальки и осколками гранита; в толще кристально прозрачной воды лениво пошевеливала плавниками неведомым образом заплывшая сюда серебряная рыбка. Деревянные опоры помоста, сколоченного у края источника, густо обросли острыми белыми кристаллами, тонкими и мохнатыми, будто шерсть. Саруман заинтересовался; он вернулся немного назад, к подножию утеса, где причудливым нагромождением высились огромные валуны, образуя неглубокую природную пещеру-арку, шагнул в неё, наклонился и ковырнул пальцем землю возле ближайшей стены.

— Эге... у вас тут что, располагалась общинная выгребная яма? Всякие отбросы сюда сваливали, что ли?

— Что ты там нашел? — проворчал Каграт. — Еще одну кучу дерьма?

Шарки показал лежащие на ладони вперемешку с комьями земли серовато-белые крупы.

— Это селитра. Она обычно образуется как раз-таки при гниении всяческих отходов и отбросов, навоза, соломы, золы, трупов животных... Её тут, под этой известняковой скалой, целые залежи, ты погляди!

— Селитра? — пробормотал Каграт. — И что?

— Да ничего. Просто, помнится, некоторые смеси селитры гномы используют при проведении горных работ.

Орк внимательно посмотрел на старика. Рука его сама собой метнулась вверх — потереть подбородок.

— Ты про «гремучий порошок», что ли? Так гномы держат его состав в секрете...

Шарки небрежно усмехнулся.

— Все, что когда-либо, пусть и втайне, было изобретено одним умом, может быть раскрыто другим... или изобретено заново.

Каграт заинтересовался:

— Ты знаешь состав «гремучего порошка»?

— Вряд ли это знание нам чем-то поможет... Насколько мне известно, в состав «гремучего порошка» входит сера.

— У нас нет серы! — прохрипел орк.

— То-то и оно. — Шарки прикрыл глаза. — Но...

— Что «но»?

Саруман несколько секунд молчал, прежде чем ответить. Кажется, ему неожиданно выпала возможность провести один дюже любопытный эксперимент, который он уже давненько намеревался осуществить в Изенгарде, да все как-то руки не доходили... А сейчас сам Эру благословлял его опытным путем проверить кое-какие сведения, когда-то вычитанные в трактате «О свойствах летучего огня и способах получения оно́го» и впоследствии дополненные собственными осторожными наблюдениями.

— Зато у нас есть купоросное масло.

Каграт облизнул губы.

— Какое масло?

— Купоросное. Жидкость для протравки металла. Я видел бутылку в обозе. Хорошую такую бутылку галлона в полтора вместимостью.

— Ну ты и ушлый старикан! — проворчал орк. — Уже лапы и в обозное добро успел запустить!

— Не дури, Каграт, мне надо было выяснить, на что я могу рассчитывать в случае необходимости. Ты же, кажется, хотел устроить в ущелье обвал?

— Ну, допустим, хотел... А что, есть способ?

Шарки о чем-то напряженно размышлял. Лицо его, доселе хмурое и блеклое, как покрытая пылью картина, разительно преобразилось, ожило, осененное вдохновением, на скулах выступил румянец, в глазах появился странный азартный блеск, даже, показалось орку, длинный нос еще более заострился.

— Мне будет потребна сода... и животный жир... лучше, конечно, бараний, но и свиной, я думаю, подойдет... во всяком случае, можно попробовать. Вот что, Каграт. Отправь-ка своих парней на охоту кабанов добывать — и на ужин мясо пригодится, и мне жир в дело пойдет.

— Жир? Зачем? — пробормотал орк. Он уже не раз имел случай убедиться, что старый хрыч Шарки ничего не делает просто так, но сейчас тем более не мог понять, какого лешего бродит у старика на уме. И какое отношение к «гремучему порошку» имеет кабаный жир?

— Никакого. — Глаза старика сердито блеснули. — Но обвал в ущелье я тебе, пожалуй, попытаюсь устроить... если ты будешь делать то, что тебе велят, и перестанешь задавать дурацкие вопросы.

Каграт смотрел прищурившись — хмуро и подозрительно. Ему не слишком нравилась фраза «будешь делать то, что тебе велят» из уст паршивого и презренного пленника.

Тем не менее он счел за лучшее вопросов больше не задавать.

24. Под сенью мэллорнов

Изящная эльфийская лодка — на этот раз не игрушечная, а настоящая — мягко ткнулась носом в травянистый бережок.

Гэндальф и Гэдж ступили на берег Лориэна. Гэдж запнулся, выбираясь из лодки — его слегка подташнивало и пошатывало от волнения.

Денек, как обычно, был неизменно солнечный и в меру теплый, лицо обдувал легкий прохладный ветерок, пели птицы в кронах деревьев, чуть южнее на небосклоне висело пышное белое облачко в виде черепахи, Гэдж еще некоторое время назад обратил на него внимание. Вчера это черепаховидное облачко пребывало на востоке, позавчера — на севере, над макушкой самого высокого мэллорна, и в ближайшие дни покидать Лориэн как будто не собиралось. Ленивое такое было облачко.

Гостей встречали: высокий светловолосый эльф, стоявший на берегу, учтиво поклонился им и сделал приветственный жест.

— Прощу вас, друзья мои. Следуйте за мной. Владыка Келеборн и Владычица Галадриэль ждут вас.

Чуть поодаль от берега виднелись яркие летние шатры, поставленные на жизнерадостно-зеленой травянистой лужайке, а под легкими навесами в тени деревьев ждали своего часа небольшие резные столы на пять-шесть персон. Нежно благоухали цветы в больших корзинах, ветерок колыхал разноцветные бумажные фонарики и длинные шелковые ленты, трепетавшие на ветвях деревьев. Владыка и Владычица восседали за отдельным столиком, стоящим на возвышении под нежно-голубым, как небо, увитом цветами пологом, и Келеборн был величественен и совершенно великолепен в серебристом княжьем венце и просторных белоснежных одеждах. Его супруга Галадриэль сидела рядом, склонив голову к плечу, и небрежно перебирала струны небольшой арфы, точно пытаюсь подобрать мелодию; взор Владычицы был задумчив и рассеян, роскошные светлые волосы свободно струились по плечам, ниспадали хозяйке на колени и даже, показалось Гэджу, нежно светились неким собственным, исходящим изнутри золотистым светом, подобным свету ясного, ничем не замутненного солнечного луча.

Орк несколько секунд с изумлением впитывал глазами эту дивную картину, прежде чем сообразил, что это не очень-то вежливо, и опустил взор. Пока они с волшебником пересекали вслед за сопровождающим просторную поляну, им окончательно овладела неловкость — эльфы из королевской свиты, собравшиеся под деревьями, разумеется, не позволяли себе в открытую рассматривать столь необычного гостя, но все же Гэдж чувствовал на себе их любопытствующие взгляды и даже как будто слышал за спиной неодобрительные перешептывания — плод, хотелось ему надеяться, его распаленного воображения. От сладкого аромата цветов у него кружилась голова и щекотало в носу... Наконец они предстали пред очами царственных особ, Владыки поднялись им навстречу, и Гэндальф церемонно поклонился — сначала Келеборну, потом Галадриэль, и Гэдж, замаявшись, с некоторой топорностью последовал его примеру. Странное дело: сейчас, когда он находился так близко — в нескольких футах — от Владычицы, блеск её волос почему-то стал ему неприятен, резал глаза, так что орк предпочел обратить их к полу и стоял (как дурак!), опустив голову и уперевшись взглядом в носки своих тщательно вычищенных накануне сапог.

— Saesa omentien He. Приветствую тебя в светлом Лотлориэне, Митрандир. Приветствую и тебя... Гэдж. — Глядя на смущенного орка сверху вниз, с высоты помоста и своего недюжинного роста, Келеборн чуть заметно, ободряюще ему улыбался. — Ведь тебя, кажется, зовут Гэдж, верно? — Он величественным жестом указал гостям на пустующую скамью по левую руку от себя. — Прошу вас, присаживайтесь, гости дорогие, и забудьте о неловкости и скованности, буде они вас одолевают — в Доме Эльфов издавна каждого привечают таким, каков он есть. Это мои советники, Лайрэ и Норэндил, — представил он двоих светловолосых эльфов, сидящих от него по правую руку. Больше поблизости никого не было.

Видно, немного нашлось желающих садиться за один стол с орком, мрачно сказал себе Гэдж.

Где-то негромко прозвенел колокольчик — сигнал к началу трапезы: должно быть, решил Гэдж, здесь только их с магом и ждали. Тотчас, как по волшебству, зазвучал под сенью мэллорнов невидимый оркестр: нежно запела флейта, ей вторила лютня, мелодично перекликаясь с серебристыми звуками арфы и печальным плачем гобоя. Проворные и бесшумные слуги внесли яства и пития, самые легкие, простые и незатейливые, какие только можно было вообразить: хлеб, фрукты, вино, печенье, пестрые салаты из овощей, поданные на огромных и плотных, как тарелки, неведомых листьях, нарезанный тонкими, почти прозрачными ломтями золотистый сыр, лакомства из мёда, орехов и взбитых сливок, разнообразнейшие пития и настои из лесных ягод. На резных деревянных блюдах покоилась запечённая с приправами щука, фаршированный овощами судак и ароматное заливное из осетрины — нежные кусочки рыбы в прозрачно-янтарном желе, — но ни мяса, ни птицы, ни дичи не имелось ни в каком виде и ни под каким соусом, и Гэджем, и без того чувствующим себя посреди этой эльфийской благодати и дивности слегка не в своей тарелке, окончательно овладели уныние и тоска...

Келеборн величественно воздвигся над своим деревянным троном и, подняв кубок с вином, обратился к гостям с коротким приветствием, провозглашая начало праздника Середины Лета. Публика, собравшаяся на поляне, ответила ему смехом и приветственными возгласами, вдохновенно застучали деревянные кубки и чаши, зазвенели оживленные голоса, пир начался...

От волнения и нервного трепета Гэдж не ощущал голода, но совсем ничего не есть казалось невежливым, и он ковырял вилкой рыбное желе и хлебал какой-то сладковато-кислый овощной супчик, чувствуя себя полным и окончательным травоядным животным. Целый набор различных ложечек, вилочек и ножицков, выстроившихся рядом с его тарелкой, также вводил его в смущение и недоумение, и, дабы окончательно не осрамиться своим невежеством, он украдкой поглядывал на Гэндальфа, решив подражать магу во всем, вплоть до самых незначительных мелочей — впрочем, Гэндальф, кажется, тоже был далек от дворцового этикета. К счастью, на орка почти не обращали внимания: волшебник, Келеборн и королевские советники негромко беседовали о каких-то своих, непонятных Гэджу делах, орком как будто никто особенно не интересовался, к нему не обращались, ни о чем не спрашивали, и он даже слегка приободрился, обретя надежду, что все закончится быстро и благополучно. Пусть только вернут «эстель», мрачно сказал он себе, а там можно и откланяться...

И почти тотчас же почувствовал на себе чей-то внимательный, изучающий взгляд. Поднял голову от тарелки и встретился глазами с Галадриэль, которая тоже не принимала

участия в общем разговоре: положив руки на стол и опустив подбородок на сцепленные замочком пальцы, Владычица смотрела на Гэджа пристально и пронизающе — и, перехватив его недоумевающий, слегка испуганный взгляд, дружелюбно улыбнулась ему в ответ уголками губ.

— А что же наш юный друг все время молчит? — мягко произнесла Галадриэль бархатным грудным голосом, воспользовавшись секундной паузой в разговоре волшебника и эльфов, и тотчас, как по команде, все взоры — и любопытствующие, и скучающие, и даже чуть снисходительные — обратились в сторону орка. — Он — наш гость, кроме того, гость почетный и весьма необычный, даже, можно сказать, редкостный — так, может, он расскажет нам кое-что о себе, о своей жизни, о своих интересах... ведь ты, Гэдж, мы все слышали, вырос в Изенгарде, и тебя с малых лет воспитывал Белый маг? Должно быть, он многому тебя научил, м-м?

— Ну... да, госпожа, — робея от того, что внезапно оказался в центре внимания, пробормотал Гэдж, едва сдерживая грозившую прорваться в голосе постыдную дрожь. — Разумеется, он учил меня...

Он умолк — от волнения кусок стал ему поперек горла — и судорожно глотнул. Лайрэ наклонился к Норэндилу и что-то шепнул ему на ухо, по-прежнему не сводя с орка глаз; Норэндил улыбнулся, и Гэджу разом расхотелось раскрывать рот и о чем-то эльфам рассказывать, меньше всего — о своей незатейливой жизни, в которой, он знал, в общем-то не было ничего примечательного.

— Ну, что же ты, Гэдж! — по-прежнему улыбаясь, с мягкой укоризной произнесла Владычица. — Не смущайся, говори смело! Гэндальф рассказывал нам о тебе немало занятного, чем только подогрел наш интерес и вызвал к тебе еще большее любопытство — несомненно, вполне объяснимое. Каким наукам обучал тебя Саруман?

— Ну... разным, госпожа, — орк несмело поднял глаза на Галадриэль. Во взгляде Владычицы не было насмешки, она смотрела на него спокойно и доброжелательно, более того — участливо и ласково, одобряюще, как-то по-матерински тепло, никто и никогда не смотрел на Гэджа именно так. Осмелев, он негромко пояснил: — Алхимии, естествознанию, математике... всяким языкам.

— Языкам? Вот как? Это интересно! — Владычица засмеялась и с восторгом хлопнула в ладоши. — Вероятно, я могу поговорить с тобой даже на синдарине? — Она лукаво склонила голову к плечу. — *Sut naa lle umien?*

Гэдж медлил, не зная, как ответить. Не потому, что не понял вопроса — понимать тут было нечего, Галадриэль интересовалась, как у него дела — просто говорить сейчас правду, наверно, было бы не слишком уместно.

— *Quel. Diola lle,* — уклончиво пробормотал он в ответ первую пришедшую на ум вежливую фразу. И поспешно добавил, надеясь пресечь дальнейшие расспросы: — *Amin hiraetha.* Я не слишком хорошо знаю эльфийский язык, госпожа.

— В самом деле? — Впрочем, Владычица совсем не удивилась. — Но Гэндальф сказал нам, что ты неплохо читаешь по-эльфийски.

— Читаю. Но не говорю, — пробормотал Гэдж. Он разбирал руны кирта и довольно бегло читал тенгвар, но воспринимать синдарин на слух ему было невероятно трудно. А уж произносить певучие эльфийские слова собственным языком и того труднее — его грубоватая орочья глотка явно не была приспособлена для всех этих музыкальных звуков, дифтонгов, переливов и прочей затейливой языковой акробатики. Да, собственно говоря,

Гэдж никогда не замечал за собой особой склонности к изучению языков, в чем не стеснялся признаться ни самому себе, ни Саруману, ни вообще кому бы то ни было.

Галадриэль тепло улыбалась, прикрывая щеку, будто шалью, краем золотистых волос.

— Ах, вот как. Что ж, извини, если я тебе докучаю... право, ведь не каждый день встречаешь орка, выучившего на синдарине хоть несколько учтивых слов. Надеюсь, ты извинишь мне этот невольный интерес, Гэдж?

Орк вспыхнул — он чувствовал, что над ним попросту потешаются, пусть пока и беззлобно (ну что возьмешь с невежды, нахватавшегося каких-то отрывочных знаний?) — и выжал в ответ подобие вымученной улыбки. Украдкой он бросил взгляд на Келеборна, но Владыка безучастно смотрел в сторону, и на его по-эльфийски бесстрастном и непроницаемом лице не выражалось ни интереса, ни внимания, ни малейшего волнения — полный штиль...

Трапеза меж тем продолжалась с неослабевающим воодушевлением. Услаждал слух собравшихся красивой, хоть и несколько однообразной мелодией невидимый оркестр, сновали туда-сюда слуги, подливая в опустевшие кубки яркое багряное вино, кружила над вазочкой с печеньем озадаченная оса. Несмотря на то, что королевский столик был скрыт от посторонних взоров шелковым пологом, Гэдж сидел, как на иголках, не чая, закончится ли когда-нибудь эта изысканная пытка. Время вокруг орка, казалось, замерло и застыло, поймало его в себя, будто залипшую в патоке муху. Он по-прежнему чувствовал себя скованно и стесненно и старался лишней раз не поднимать глаз от стола; на него напал внезапный приступ неуклюжести, руки его словно выросли, заполнили собой все окружающее пространство и стали донельзя неуправляемы и неловки, крохотная двузубая вилка неумолимо валилась из негнущихся пальцев, он чуть не опрокинул локтем на скатерть кубок с вином и в довершение конфуза уронил в чашу с медом кусок мягкого золотистого сыра.

— Наш юный друг не устает нас удивлять. Вижу, он уже изобрел новое блюдо — сырные ломтики с цветочным медом, — мимоходом заметил Келеборн. — Неужели это вкусно?

И все (даже Гэндальф!) весело засмеялись. Кроме Гэджа, которому хотелось лишь одного — провалиться наконец сквозь землю и оказаться где-нибудь на противоположной стороне Арды.

Келеборн ловко расправлялся с лежавшей на его тарелке горкой салата.

— Алхимия, механика, шестерни и колеса... Что ж, вполне понятный набор для урука. И как далеко ты продвинулся в изучении алхимии, Гэдж?

Орк нервно глотнул грушевого вина — все-таки оно хоть немного придавало ему смелости и уверенности в себе.

— Не слишком далеко, — честно признался он. — Я знаю только самые простые вещи. Как сварить мыло, например... изготовить красители... или осадить соли из растворов...

— Перегонку спирта тоже наверняка освоил? А как получить золото из пирита, Саруман тебе не рассказывал?

— Золото? Из пирита? — Гэдж смешался: какое отношение к золоту имеет пирит? Может, он действительно чего-то не знает? — Н-нет... пока.

Эльфы рассмеялись.

— Навероятно радуется это «пока», — небрежно заметил Владыка. — Что ж, с временем, я уверен, ты наверняка постигнешь эту удивительную тайну.

Гэдж стиснул зубы. Ну, разумеется, золотая обманка к настоящему золоту ни малейшего отношения не имеет, и надо было быть последним болваном, чтобы попасться на эту дурацкую шуточку.

Келеборн непринужденно постукивал о тарелку изящной двузубой вилочкой.

— Надо полагать, что ты поднаторел и в каких-нибудь художественных науках? В творчестве, в музыке, в искусстве? Пишешь стихи, играешь на музыкальных инструментах, умеешь рисовать?

— Рисовать? — Гэдж смотрел в стол. Ему хотелось упасть на землю, поджать лапки и притвориться мертвым, как тому наивному глянцевому жучку. — Ну, немного.

— Хм! Любопытно. И какова твоя последняя работа?

— Копия среза печени, пораженной болезнетворной опухолью.

Келеборн замер.

— Что?

— С печени делают тонкие срезы — слой за слоем, — пояснил Гэдж: вытянувшуюся физиономию эльфа определенно стоило увидеть. — Высушиваются и покрываются лаком... или помещаются в спиртовой раствор. Потом с них зарисовываются копии для анатомических атласов с пояснениями. Такие препараты, конечно, можно делать не только из печени, но и из любых других органов — из почек, например. Из сердца, из любых мышц.

Владыки переглянулись. Келеборн нахмурился.

— Из сердца? То есть — из отдельного органа, извлеченного из... из... — видимо, произнести слово «труп» в данный момент было выше его сил. — Так, так! А откуда Саруман брал эти... образцы для зарисовки?

— Я не знаю... Их привозили. В бутылках со спиртом.

— Откуда привозили?

— Иногда — из Эдораса, или из Дунланда... я не интересовался...

— Это... не слишком приятный разговор за столом. — Келеборна передернуло. Отложив вилку в сторону, он взглянул на Гэндальфа. — Однако... интересно! Чем Саруман там занимается, в своей башне?

— Насколько мне известно, в последнее время он увлёкся медициной, — беспечно объяснил волшебник и крепко, незаметно для окружающих, ущипнул Гэджа за локоть, призывая помолчать. — Но вряд ли это затянется надолго. Ты же знаешь, как он любит менять... увлечения.

Владыка был мрачен.

— Значит, он учил тебя медицине? — спросил он у Гэджа. — <i>Человеческой</i> медицине, так?

— Ну да. Об эльфийской он не очень высокого мнения, — небрежно добавил орк, хотя локоть его уже болел от щипков Гэндальфа. Но, то ли коварное грушевое вино, то ли ласковый и ободряющий взор Владычицы к этому времени размягчили его мозги окончательно.

— Вот оно что! — Келеборн так резко выпрямился в кресле, точно его ткнули иголкой в спину. — И чем же, интересно, ему не угодил эльфийская медицина?

— Тем, что она не лечит человеческие болезни. Эльфы не знают, что такое недуги и старость, и болеют разве что душевной скорбью... Унять насморк или небольшое воспаление любая травница может. А серьёзные хвори, от которых люди страдают и умирают, эльфов просто не интересуют.

— «Серьёзные хвори» — это что, по-твоему?

— Ну, допустим, гнилая лихорадка... Или оспа... Или разные опухоли... боли в суставах, повреждения внутренних органов... или воспаление какое-нибудь в брюшине...

— Невозможно излечить воспаление в брюшине!

— Саруман говорит, что возможно. Если вскрыть полость и удалить пораженные ткани. Просто... мы еще многого не знаем и не умеем.

Келеборн медленно крошил в пальцах кусочек хлеба.

— Вот оно что. Так он не простой медицине тебя учил, орк!

Гэдж пожал плечами.

— Он сказал, это называется — хирургия. Рукодействие.

— И ты, выходит, тоже умеешь исцелять... таким образом, м-м?

— Только самые простые случаи, — безыскусно признался Гэдж. — Ну там, вскрывать нарывы, вправлять грыжи, сращивать переломы...

— И тебе это... нравится? Вся эта кровь по колено, боль, страдания, возня в чужих вонючих кишках...

— Нравится. Да без этого и не обойтись! — Гэдж никак не мог взять в толк, что в этом такого ужасного и почему эти непробиваемые и холоднокровные, точно рептилии, эльфийские Владыки уставились на него как на заправского людоеда. — Нельзя даже роды принять, не видя при этом боль и не замарав рук дерьмом и кровью... Это же совершенно естественно!

Эльфы сидели с каменными лицами — то ли предмет обсуждения не способствовал особенному аппетиту, то ли произнесение вслух некоторых неблагозвучных слов в присутствии королевских особ не слишком приветствовалось. Советники, казалось, не знали, смеяться им, возмущаться нарушением этикета или пропустить происходящее мимо ушей. Норэндил поджал губы, Лайрэ, опустив глаза, отстраненно изучал узор на шелковой скатерти. Гэндальф кашлянул, как будто порываясь что-то сказать, но его опередила Галадриэль: мягко качнула головой, подалась вперед, ласково накрыла своей ладонью руку Келеборна:

— Полно, мой повелитель, мы сами виноваты: вынудили нашего гостя заговорить о том, о чем, верно, ему так же неприятно рассказывать, как нам — слушать. Нужно оставить этот разговор, и поскорее, подобные темы за столом неуместны... — Она примирительно улыбнулась всем присутствующим. — К тому же наш юный друг наверняка ждет-не дождется, когда же мы вернем ему вещь, ради которой он, не сомневаюсь, и сделал нам одолжение, явившись сегодня пред наши очи... Не так ли, Гэдж?

— Ты права, дорогая, — Келеборн аккуратно промокнул губы кружевной салфеткой, — я не вправе заставлять его и дальше терзаться томительным ожиданием. — Он хлопнул в ладоши, и тотчас явившийся из-за кулис слуга почтительно внес на серебряном подносе небольшую резную шкатулочку. Владыка открыл её небрежным жестом: внутри на крохотной бархатной подушечке возлежал, посверкивая, «эстель», — и подал знак слуге поднести шкатулочку орку. — Возьми, Гэдж, вместе с моей нижайшей признательностью и благодарностью... С твоей стороны было крайне любезно позволить мне поинтересоваться этой милой вещицей.

— Рад был вам услужить, — учтиво пробормотал орк, разглядывая лежащий на его ладони маленький неказистый обломок. И, не удержавшись, вопросительно взглянул на эльфа. — Так этот амулет и вправду... волшебный?

Келеборн снисходительно улыбнулся.

— Увы, нет, он ни в малейшей степени не волшебный. Обычный кусочек серебра, потерянный когда-то во тьме лихих лет и не представляющий никакой ценности. — Обращался Владыка, несомненно, к Гэджу, но смотрел при этом почему-то на Гэндальфа. — Впрочем, полагаю, вряд ли для тебя имеет какое-то значение, что́ это за вещь и откуда она взялась... Саруман тебе что-нибудь о ней говорил?

— Ничего не говорил, — неохотно ответил Гэдж; ему казалось что этот вопрос скользкий, как мокрое мыло, высокомерный эльф задал неспроста. — До недавнего времени я вообще не знал, что она принадлежит мне.

— Странно, — с неизменной улыбкой заметила Галадриэль. — С какой целью все эти годы Саруман умалчивал о столь важной для тебя находке? Нам казалось, что у Белого мага нет от тебя никаких тайн... Ведь, насколько нам известно, ты — его любимый ученик.

— Мне это не известно, — буркнул Гэдж: ему все меньше нравился этот разговор, в особенности то, что они вновь заговорили о Сарумане. — У него, кроме меня, есть и другие ученики.

— Понятное дело. Должно быть, именно поэтому он и не торопится явиться сюда и увезти тебя в Изенгард, — небрежно заметил Келеборн.

Гэдж закусил губу: шпилька угодила в болезное место. Советники, похоже, вновь собрались обменяться усмешками — но, наткнувшись на взгляд Гэндальфа, опустили глаза. Волшебник сухо сказал:

— Раз Саруман до сих пор никак не дал о себе знать, значит, на то существуют веские причины. Кажется, мы с тобой уже говорили об этом, Келеборн.

— Да, говорили, — невинно откликнулся эльф, — но я всего лишь высказал свою точку зрения, Митрандир, и никому не собираюсь навязывать её как неоспоримую. Не стоит воспринимать все с такой болезненной остротой, гости дорогие... В чем дело, Гэдж? Ты сидишь как на раскаленных углях!

— Прошу вас, давайте не будем ссориться, друзья — у нас, право, не было намерений кого-либо оскорбить, — вмешалась Владычица: несмотря ни на что, её пронизательный, чуть лукавый взор, спрятанный под вуалью золотистых волос, по-прежнему представлялся Гэджу приветливым и доброжелательным. — Наш юный друг признался нам, что умеет читать по-эльфийски, а в Ортханке собрана богатейшая библиотека, и...

— Ах, оставь, моя дорогая. Вряд ли наш юный гость — большой любитель чтения. — Келеборн досадливо поморщился: уж он-то явно не трудился сохранять за столом приятную атмосферу и излучать обаяние и радушие. — И такие названия, как «Айнулиндалэ», «Анналы Амана», «Парма Кулуина» ему наверняка ни о чем не говорят... Верно, Гэдж?

— Я никогда не считал себя большим любителем эльфийских сочинений, — равнодушно ответил орк. Он уже знал — любые его слова будут подвергнуты оценке и легкому, слегка завуалированному осмеянию: помни, орк-недоучка, свое место — в темном углу — и лишний раз не высовывайся...

— Ну, конечно! Иного ответа я и не ждал — каждый выбирает себе чтение сообразно собственным вкусам и интересам. — Келеборн насмешливо пошевелил пальцами. — Ты, верно, отдаешь предпочтение книгам вроде «Хроник Тангородрима», где на каждой странице — отвратительные побоища, убийства, пытки, груды мертвых тел, обогранные кровью... Или я не прав, орк?

— Я отдаю предпочтение книгам, содержание которых соответствует

действительности, — буркнул Гэдж, пожалуй, несколько более резко и грубо, чем требовалось бы, но ему было уже на все наплевать: самому себе он представлялся глупым беспомощным мышонком, угодившим на зубок к шаловливой кошке. — А все эти древние легенды и сказки меня мало интересуют.

— Легенды и сказки? — Келеборн прищурил глаза. — По-твоему, предание о сотворении Арды, принадлежащее перу эльфа Румила из Тириона — всего лишь досужий вымысел и легкомысленные измышления недалекого праздного ума? И ты не веришь в то, что в книге изложено простыми и ясными словами?

— Саруман сказал мне, что можно верить, а можно и не верить... каждый выбирает это для себя сам.

— Вон оно что... Саруман не перестает меня удивлять! — Келеборн бросил на стол скомканную салфетку: он старался говорить спокойно и ровно, но все же его королевское бесстрашие изменило ему, голос его дрогнул от тщательно подавляемого негодования. — Твой учитель, по-видимому, не испытывает ни малейшего почтения к древним заповедям и учениям и склонен считать неоспоримой истиной лишь собственные бредовые и сумасбродные домыслы?

— Не стоит гневаться, Келеборн, в конце концов, Гэдж не должен отвечать за ошибки своего учителя, не так ли? — вновь поспешно вклинился Гэндальф. — Он всего лишь повторяет то, что слышал от Сарумана, и вряд ли понимает всю, э-э... необычайность и спорность этих странных теорий.

— Я ни в чем его не обвиняю, Гэндальф! Мне просто интересно, что за мысли вложил Белый маг в пустую голову этого несмышленьша... Какую-нибудь несусветную дурь о том, что время эльфов прошло... что мир отныне спасут только шестерни и колеса... какой-нибудь немислимый бред о «множественности миров», который самого Сарумана, не сомневаюсь, одолевает долгими зимними вечерами после нескольких чаш крепкого перебродившего вина...

Гэдж яростно вскинул голову.

— Не смейте так говорить! — В горле его стоял ком.

— Ты смешон. Ты станешь мне указывать, о чем мне позволено говорить, а о чем — нет, орк? — Владыка смотрел на него свысока, усмехаясь неприятно и язвительно. — Впрочем, ты прав... предлагаю оставить эту скользкую тему о сотворении и естестве мира, а то этак мы, чего доброго, доберемся до Пробуждения эльфов и узнаем о себе много нового... а потом начнем обсуждать появление людей, и выясним, что люди не были сотворены Единым Творцом, а произошли от какой-нибудь вонючей и лохматой обезьяны... хотя по отношению к оркам эта теория, пожалуй, вполне состоятельна... верно, Гэдж?

Гэдж не ответил; лицо его полыхало от оскорблений, в груди горело от нестерпимой обиды; он сидел, сжимая под столом кулаки, страстно желая затолкать презрительную усмешку Владыки глубоко в его поганую эльфийскую плотку... Буркнул злобно и угрюмо, себе в нос:

— Хватит! Позвольте мне уйти!

— Зачем? Соринка в глаз попала, Гэдж... или правда, гм, неприятно колет? Тебе не по нраву наш разговор? — Лицо Келеборна оставалось бесстрастным. — Остынь. Празднество еще не закончено... Нас ждут сладости и развлечения.

Гэдж рывком поднялся, презрев все приличия — яростный и взъерошенный, точно воробей, потрепанный в уличной потасовке.

— Для меня — закончено! Я уйду. Сладости свои можете засунуть подальше. А развлечений я вам поставлять больше не намерен, вы и так сегодня очень приятно и содержательно развлеклись.

Владыка все еще держал себя в руках.

— Это оскорбление, орк! Лучше бы вместо того, чтобы забивать тебе голову всякой чепухой, Саруман потрудился научить тебя обуздывать свой язык, считаться с мнением окружающих и относиться к собеседнику с мало-мальским уважением... Впрочем, сложно, конечно, научить другого тому, чего сам не умеешь...

— Оставьте. Сарумана. В покое! — прорычал Гэдж. Что-то невнятное и темное неумолимо поднималось в нем, будто илистая муть со дна взбаламученного пруда, и он уже не в силах был усмирять душившие его обиду, ярость и ненависть. — Вы же ровным счетом ничего о нем не знаете — ничего! — ни о его думах, ни о его трудах и стремлениях... Так какого лешего считаете себя вправе потешаться над ним, да еще за глаза? Вы... в-вы... посмотрите на себя! Жалкие трусы и лицемеры... окопались в этом своем распрекрасном Лориэне, отгородились тут от всего мира и ничего не желаете видеть — ни боли, ни смертей, ни страданий... устранились от мирской суеты, брезгуете мараться во всеобщем дерьме и при этом считаете себя лучше всех, смóтрите на остальных, словно на грязь под ногтями! Да идите вы все... к Эру! И подавитесь наконец своей эльфийской благостью и мудростью, от которой толку, как... как от жирной бородавки посреди лба!

— Гэдж, замолчи! — крикнул Гэндальф.

Галадриэль, прикрыв рот рукой, больше не улыбалась. Королевские советники в негодовании привскочили, готовые позвать стражу, но Келеборн, побледнев от ярости, властно воздел руку, призывая к молчанию.

— Нет-нет, пусть говорит. Значит, по-твоему, мы плохо знаем святого Сарумана, Гэдж, и судим его не по делам и заслугам его? Ну, пусть так. А что *ты* знаешь об эльфах, орк, что позволяешь себе открыто оскорблять мой народ — лишь то, что говорил тебе твой учитель, так? Уверен, это очень односторонний взгляд... и ты тоже не вправе рассуждать о том, о чем в действительности не разумеешь ни сном ни духом. — Он мгновение помолчал, тяжело дыша, пытаясь взять себя в руки, потом добавил — спокойно, бесстрастно, ровным голосом, как ни в чем не бывало: сказалась пресловутая эльфийская выдержка, тренированная многолетней выучкой и безукоризненным воспитанием: — Любого другого я бы, конечно, наказал за столь вопиющую грубость и несдержанность, но от тебя, орка, ничего иного в общем-то ждать и не приходилось. Бедный мальчик! Мне тебя жаль, право... Ты до сих пор так ничего и не понял? Возвел Сарумана на пьедестал, сотворил себе кумира — и теперь молишься на него, как неумытый грязный дикарь на каменного истукана, а? Ты зря так слепо веришь своему учителю, орк — поверь, он куда более бессердечен, хитер и расчетлив, чем ты думаешь, кроме того, у него короткая память... ты полагаешь, он просто по доброте душевной растил и учил тебя все эти годы? Поверь, у него наверняка были на то особые причины, он использовал тебя в определенных целях, лепил неразумное, послушное своей воле орудие — и притом, похоже, очень невысоко оценил полученный результат... иначе я, право, затрудняюсь объяснить то обстоятельство, что он напрочь позабыл о тебе, едва лишь ты покинул его крепость...

— Это, — прорычал Гэдж, — не вам судить! — Голос его сорвался. Чаша его терпения была переполнена; Гэндальф схватил его за плечо — Гэдж оттолкнул старика с такой силой, что волшебник плюхнулся обратно на скамью. Орк повернулся и опрометью бросился прочь,

выскочил из-под полога, натыкаясь на столы и скамьи, расталкивая челядь, ничего не видя перед собой от ярости и обиды, от горьких, злых, мучительных слез, застилавших глаза...

Музыка внезапно смолкла, оборвавшись на какой-то высокой ноте.

Среди гостей поднялся недоуменный ропот.

Невесть откуда возникли вооруженные стражи, заступили беглецу дорогу, скрестили перед Гэджем копья, преграждая путь, окружили орка, обнажили мечи...

Гэндальф вскочил.

— Стойте! Останови это безумие, Келеборн!

Из тишины, внезапно повисшей над поляной, можно было лепить ватрушки — такой она оказалась густой и плотной...

Владыка, чуть помедлив, остановил воинов повелительным жестом.

— Пусть идет... возвращается на тот берег, — негромко, ровным голосом произнес он. — Проводите его до шатра, Лоэрин... и не выпускайте из вида. Проследите, чтобы он не наделал глупостей.

Стражи медленно, словно бы неохотно расступились, вложили оружие в ножны. Гэдж коротко рыкнул — и прыжками бросился вниз по берегу, к лодке, все еще стоявшей в травянистом затончике. Несколько эльфийских воинов незамедлительно направились за ним следом.

Келеборн провожал их взглядом, пока они не скрылись за деревьями — и грудь его тяжело вздымалась, а руки сжимали резные подлокотники кресла так крепко и судорожно, что сквозь нежную светлую кожу явственно проступили побледневшие костяшки пальцев. Галадриэль ласково положила руку ему на плечо.

— Не стоит принимать все это близко к сердцу, мой повелитель. Он всего лишь глупый мальчишка... вспыльчивый и несдержанный... он не понимает, что говорит. Он не опасен.

— Ты... уверена, дорогая? — Келеборн тяжело откинулся на спинку кресла, твердо сжал губы, пытаясь справиться со своими недостойными чувствами, сделал небрежный знак музыкантам. Тихо, неуверенно взяла ноту флейта, к ней присоединился чистый звук лютни — и через минуту мир и порядок под сенью мэллорнов был восстановлен, вновь зазвучали голоса и приглушенный смех, зазвякала посуда, круговорот яств и напитков, подаваемых челядью, благополучно возобновился...

Гэндальф медленно вернулся к столу, тяжело оперся на него кончиками пальцев. Подался вперед, взглянул на Владыку устало и сумрачно. Проговорил негромко, едва разжимая губы:

— До сих пор я был о тебе лучшего мнения, Келеборн.

Эльф, подняв в руке кубок с вином, задумчиво изучал на свет его содержимое — Владыкам, в отличие от прочих гостей, благородный напиток подавали не в деревянных чашах, а в хрустальных бокалах, дабы можно было усладить взор игрой и сиянием ярких алых искр в прозрачной и сочной вишневой глубине. Голос Келеборна был неприятен и сух, как верблюжья колючка:

— Это все, что ты имеешь мне сказать, Гэндальф? Если нет, то говори.

Волшебник смотрел исподлобья.

— Хорошо, скажу. Во-первых, принимая твое приглашение, я тешил себя мыслью, что эта встреча необходима единственно для того, чтобы и вы, и Гэдж могли лучше узнать друг друга.

— А во-вторых?

— Я понимаю — и принимаю — твою неприязнь и даже ненависть к оркам, но я, клянусь, и подумать не мог, что ты позволишь себе так неуместно, грубо и зло вымещать её на этом несчастном мальчишке. Это... низко, Келеборн!

Владыка поставил кубок на стол.

— Что ж, я тоже был о тебе лучшего мнения, Митрандир — по крайней мере, думал, что ты мудрее. — Он устало, с сожалением вздохнул. — Ты по-прежнему не хочешь признать, что я был прав?

— Прав в чем?

— Этот орк немного грамотнее своих собратьев, немного образованнее, немного более начитан... но, в конце концов, это вовсе не значит, что учение в корне изменило его орочью натуру.

— Саруман научил его учиться. Это дурно, по-твоему?

— Невежественный орк опасен. Орк, обремененный знаниями, опасен втройне.

— Саруман не наставлял его ни жестокости, ни воинским умениям, ни искусству кровопролития... напротив — учил целительству и медицине, Келеборн... что в этом может быть опасного? Это одно из самых мирных и сострадательных людских занятий.

Эльф желчно усмехнулся.

— О нет! Не медицине, Гэндальф, вернее, не просто медицине — *ахирургии*, не забывай... вот оно — истинное и непреложное искусство кровопролития! Вот где в полной мере может проявиться вся врожденная орочья кровожадность, неутолимая страсть к мучительству и мясницкие замашки! Боль, кровь, вывороченные внутренности, отсеченные конечности... вот она, полностью орочья стихия, упоение чужими страданиями, прикрытая вуалью благовидности вершина жестокости и бессердечия! Саруман отлично знал, по какой стезе следует направить интересы своего найденыша! И ты еще имеешь глупость сомневаться в полученном результате? погоди, этот орк еще проявит себя, еще покажет свой дикий, грубый и необузданный нрав, чему, в общем-то, мы все только что стали свидетелями... Сколько орка ни учи — он все в свою пещеру смотрит! А уж что касается Сарумана, то доверять ему — явно последнее дело, Гэндальф, чем дальше, тем больше я в этом убеждаюсь...

— Доверять Саруману или нет — позволь, я решу это для себя сам, Келеборн. А для Гэджа он не только наставник и воспитатель, он — человек, заменивший парню отца и мать. Совсем не дело было в присутствии Гэджа говорить о нем... в таком тоне.

— Что дурного в том, что я пытался открыть этому орку глаза на истинные цели и побуждения его обожаемого учителя? Да неужто ты всерьез полагаешь, будто Саруман воспитывал этого орчоныша единственно из чистейшего милосердия, от доброго и бескорыстного сердца? Святая простота!

— А какие цели, по-твоему, он мог при этом преследовать?

Келеборн с горечью рассмеялся.

— Да любые! Ты же сам говорил, что он всего-навсего намеревался провести «любопытное изыскание». Может, он хотел выяснить, насколько орки восприимчивы к обучению — Творец ведает, для чего ему это понадобилось! Мотивы и цели Сарумана так же темны и никому не ведомы, как его душа... а для меня, признаться, этот его неизбывный и нездоровый интерес к оркам выглядит и вовсе настораживающе: рыбак рыбака, как известно, видит издали. Он сделал этого несчастного орчоныша своей игрушкой, из пустой забавы (а, может, и из куда более корыстных соображений) искалечил и изуродовал его

истинную природу, вылепил настоящее чудовище — недоорка, недочеловека, слепое нерассуждающее орудие, преданное своему господину душой и телом. Это по-настоящему страшно, Гэндалф: врожденная орочья жестокость и злоба, помноженные на сарумановы скрытность, расчетливость и хитрость...

— Нет. — Волшебник стиснул зубы. — Ты заблуждаешься, Келеборн. Ты просто предубежден против орков и потому судишь предвзято.

— Ничуть. — Тон эльфа по-прежнему был ровен и холоден. — Я полагаю, что видел и слышал вполне достаточно, чтобы сделать однозначные и неутешительные выводы.

Гэндалф покачал головой.

— Боюсь, эти однозначные выводы ты сделал для себя задолго до того, как затеял весь этот фарс... а Гэджа, сдастся мне, ты на самом деле и вовсе ни секунды не видел и не слышал. Да, парень сейчас находится на распутье — и, если бесконечно твердить ему, что он — орк, он в конце концов в орка и обратится. Но я этого не допущу, Келеборн... во всяком случае, сделаю все, от меня зависящее, чтобы этого не случилось. Вот так-то, мой друг. Всего хорошего. — С этими словами маг коротко поклонился эльфам — Владыке, Владычице, потом советникам — и, повернувшись, широким шагом направился прочь, к берегу реки — следом за Гэджем. Его никто не удерживал.

Примечания:

Saesa omentien lle. — Рад видеть вас.

Sut naa lle umien? — Как у тебя дела?

Quel. Diola lle. — Хорошо. Благодарю вас.

Amin hiraetha. — Прошу извинить.

25. Беглец

— Где он? — спросил Гэндальф.

— Здесь. — Лоэрин кивнул на шатер. Предостерегающе коснулся руки волшебника. — Митрандир...

Гэндальф вопросительно взглянул на него.

— Будь осторожен, — негромко сказал эльф. — Похоже, парень слегка не в себе.

— Не тревожься, Лоэрин. — Гэндальф откинул полог и вошел внутрь. Гэдж отпрыгнул от столика, будто ошпаренный, в руках он держал свою дорожную сумку, почти полностью заполненную и уложенную: появление волшебника застигло его врасплох. В шатре царил хаос и беспорядок, верные свидетельства поспешных и суматошных сборов: краем сползло с лежанки измятое одеяло, валялись на полу рассыпавшиеся из вязанки хворостины, какое-то вервие, ремни, обрывки бумаги, помаргивал подвешенный к потолку голубоватый эльфийский фонарь...

Волшебник остановился около входа, окинул этот кавардак беглым взглядом.

— Вот так-так. Куда это ты собрался, дружище? Бегство — не лучший способ улаживания разногласий, Гэдж.

Орк коротко рыкнул.

— Правда? Никаких разногласий я улаживать не собираюсь. — Он смотрел исподлобья — свирепо и злобно, точно отчаявшийся, затравленный, загнанный в клетку оцетинившийся волчонок. — Я всего лишь хочу избавить наших милых друзей эльфов от своего неудобного общества. — Он всунул в котомку горсть лежавших на столе сухарей, рывком затянул ремень, взбросил сумку на плечо и решительно шагнул к волшебнику, стоявшему на пороге. — Уйди с дороги.

— Охолони, друг мой! Может, для начала поговорим?

— Не о чем говорить. Все уже сказано.

— Все сказано — да не все услышано. Ты ничего не потеряешь, если повременишь полчаса.

Гэдж приблизил к магу своё яростное, мрачное, потемневшее от прилива крови лицо. Он тяжело дышал, его зеленые прищуренные глаза горели недобрым огнем, верхняя губа угрожающе приподнялась над крепкими острыми клыками.

— Иди ты к лешему, старый пень! — Он поднял руку, схватил мага за плечо и оттолкнул в сторону... вернее, оттолкнул бы, если бы волшебник не был к этому готов. Маг быстро перехватил занесенную руку и заломил её орку за спину, одновременно подставив мальчишке подножку. Гэдж взвыл... глухо зарычал и рванулся, теряя равновесие, но было уже поздно: Гэндальф сгреб его в охапку, прижал локти к телу и, оттащив от выхода, швырнул на лежанку. Гэдж рычал, брыкался, шипел и сверкал глазами, точно рассерженный кот, но волшебник крепко удерживал его, завернув мальчишке руки за спину и придавив пленника коленом к деревянным доскам настила: орк был силен, как годовалый бычок, и столь же неопытен в поединке — лишь глупое слепое упрямство не позволяло ему признать окончательное поражение и смириться с неволей. Уткнув мальчишку носом в сбившееся складками одеяло и крепко прижав ладонью его взлохмаченный затылок, Гэндальф прохрипел:

— Хватит! Не испытывай мое терпение, Гэдж, я ведь тоже могу рассердиться, а тебе,

уверяю, это очень мало понравится. Довольно, уймись наконец!

Орк внезапно обмяк — видимо, и сам наконец убедился в тщете своих усилий освободиться — и затих, отвернувшись к стене. Гэндальф медленно выпустил его — Гэдж лежал неподвижно, свернувшись калачиком, подтянув колени к животу, молчаливый, дрожащий от обиды, ко всему хладный и равнодушный, точно труп. На щеках его виднелись грязные высохшие разводы.

— Ну все, успокоился? — проворчал маг. Он неторопливо отступил, не спуская с мальчишки глаз — орк по-прежнему не подавал признаков жизни, — и, прихрамывая, прошелся по шатру от стены до стены: ему самому требовалось перевести дух, взять себя в руки и хоть немного призвать к порядку путаные и слипшиеся, ровно клок сальных волос, беспокойные мысли. — Грубовато я с тобой обошелся, а? — он неловко хмыкнул. — Извини... но, право, ты сам меня к этому вынудил. Чересчур уж ты прыток, мой юный друг... К тому же склонен принимать слишком поспешные решения.

Гэдж по-прежнему молчал — ко всему безучастный, закрытый, упрямый, нарочито глухой. Ментально отсутствующий.

Гэндальф вздохнул. Впору было бы сесть и раскурить трубочку, но маг, к досаде своей, вспомнил, что и трубка, и табак, и огниво остались в котомке, котомка — в лагере эльфов, а эльфы — на северном берегу реки Келебрант.

— С моей стороны, наверно, было ошибкой настаивать на этой встрече, но я, собственно говоря, никак не ожидал от Келеборна такого... такого подвоха. — Он секунду помолчал. — Мне очень жаль, что все так получилось, Гэдж... но, право, не стоит принимать все произошедшее очень уж близко к сердцу. Это всего лишь дурацкое недоразумение и ничего больше... уж вовсе не конец света, поверь.

Гэдж, как и прежде, излучал неприязнь и ледяное презрение. Гэндальф умолк, подыскивая слова, способные найти в смятенной душе мальчишки хоть какой-то отклик, но в голову, как назло, не лезло ничего вразумительного, кроме обычных избитых, бесформенных и ничего не значащих формул утешения. Маг потёр друг о друга ладони, пропустил сквозь пальцы кончик растрепанной бороды, посмотрел на ровное голубоватое свечение фонаря и мотылявшуюся под ним невесть откуда взявшуюся бабочку — пленницу холодного заманчивого света... Слов — *тех слов*, которые имели бы хоть какой-то вес, и которые действительно стоило бы сейчас произнести — у волшебника по-прежнему не было. Старые закончились, а новые никак не хотели появляться.

Орк раздраженно дернул плечом.

— Ну, что же ты замолчал, договаривай! — процедил он глухо. — Давай, валяй... Оправдывай своего дружка...

Гэндальф качнул головой.

— Я никого не собираюсь оправдывать, Гэдж. И уверен, что Келеборн сейчас тоже искренне раскаивается в своей неуместной несдержанности... он, видимо, и сам не подозревал, что в кои-то веки настолько поддастся гневу, что попросту потеряет самообладание. Да и ты, признаться, наговорил эльфам слишком много такого, о чем по хорошему следовало бы умолчать.

Орк со свистом втянул воздух сквозь зубы.

— Они сами взялись меня расспрашивать, Гэндальф! — Он по-прежнему не поворачивал головы, голос его звучал глухо и надтреснуто, точно он цедил слова сквозь плотную ткань. — Решили поразвлечься... Хотел бы я посмотреть, как этот твой спесивый

Владыка посмел бы высказать свои дурацкие нападки Саруману в глаза! За его-то спиной каждая брехливая шавка смела, а вот так, лицом к лицу... рот бы не посмел открыть, подлый трус и лицемер... Ненавижу их... всех этих чванливых, кичливых, надутых эльфов! — Он с такой яростью ударил кулаком по краю лежанки, что деревянный настил страдальчески затрещал. — Не-на-ви-жу!

Гэндальф, секунду помедлив, подошёл ближе, по-прежнему не спуская с мальчишки глаз. Осторожно коснулся его вздрогнувшего плеча, провел рукой по волосам, по густым и жестким спутанным прядям — раз, и другой. Орк замер, сжался под его ладонью — точно пугливый, недоверчивый, не привыкший к ласке неприрученный зверь.

— Не стоит... копить в сердце злобу и вариться в котле глупых обид, Гэдж, — негромко произнес маг. — Будь великодушен. Не позволяй каким-то случайным и неумным словам разбудить в тебе *орка*.

Некоторое время оба молчали. В шатре стояла тишина, висела в неподвижном голубоватом воздухе, как угар: плотная, напряжённая, горькая и удушливая. Не слышны были ни шаги скучающих снаружи стражей, ни шелест листвы, ни голоса эльфов, ни звуки праздника с северного берега реки. Трудное неловкое безмолвие длилось и длилось, стягивалось вокруг, точно петля...

Гэдж яростно всхлипнул.

— Гэндальф, — глухо спросил он, — скажи: а если бы тогда... пятнадцать лет назад, Саруман, ну... не взял меня к себе, что со мной стало бы? Меня бы убили?

— По-видимому, так, Гэдж.

Орк медленно поводил пальцем по краю одеяла, по искусной вышивке, изображающей не то затейливое переплетение кривых и петлистых линий, не то сложный узор дорог на карте загадочного королевства, не то причудливую вязь неведомых рун...

— Однажды, — негромко, с усилием, точно выдергивая большой зуб, проговорил он, — мне тогда было лет шесть или семь... меня укусила змея. Я наступил на пещерную гадюку, не заметив её в траве. Это случилось неподалеку от Изенгарда, в одном из распадков на склоне Метхедраса... Так вот. Это я к тому, что... в общем, у Сарумана была тогда отличная возможность без зазрения совести от меня избавиться. Он мог бы просто ничего не делать... или чуть-чуть, всего лишь на четверть часа промедлить, пустить события идти своим чередом... Но он не позволил мне... изойти пеной и умереть, на руках протащил меня напрямик в Ортханк, чтобы успеть дать противоядие... Значит, для чего-то я был тогда ему нужен, правда? Для чего... как ты думаешь, а? — Он наконец-то повернул голову и встретился с волшебником взглядом. — Для опытов?

Гэндальф сидел на краю лежанки, держась рукой за висок, точно у него болело ухо.

— Как ты можешь так говорить, Гэдж!

Орк вновь уставился в стену.

— Понятия не имею, может быть, Саруман и в самом деле такой расчетливый, скрытный и бессердечный, как о нем говорят, но ко мне, видишь ли, он всегда был добр. Он всегда был рядом со мной, сколько я себя помню... он заботился обо мне, научил меня всему, что я знаю, делал все, чтобы я не чувствовал себя... ущербным. Если я болел, он сидел возле моей постели и рассказывал мне старинные легенды... и он никогда — никогда! — не разговаривал со мной свысока, как с недоразвитым недоумком, как... как с каким-то там глупым орком! Но все это, конечно, он тоже делал с тайным неблагоприятным умыслом, так? — Гэдж хрипло усмехнулся. — Желал приручить испытуемое «орудие» раз и навсегда,

вылепить его по нужной мерке, сделать своим ярым последователем и верным псом, преданным хозяину до мозга костей. Так вот, Гэндальф... твой эльф был прав: Саруману это удалось. Целиком и полностью. Его опыт удался, я готов это признать, да... а также то, что в какой-то мере этим горжусь. Скажи это Келеборну, и пусть его от осознания этого факта хватит удар!

Волшебник обхватил плечи руками, точно его знобило.

— Зачем ты так, Гэдж? Неужели ты всерьез полагаешь, что был важен для Сарумана только в качестве, гм, объекта изысканий? Поверь мне, это далеко не так...

— Да ладно, плевать! Какая теперь разница... — Гэдж поднялся и сел на лежанке, спустив ноги на землю. Подтянул к себе сумку, оброненную на пол, зачем-то раскрыл и вновь затянул горловину, взвесил котомку в руке. — Хватит с меня. Мне нужно убраться из этой поганой дыры, и чем скорее, тем лучше. — Он мрачно посмотрел на Гэндальфа. — Эти... которые снаружи... меня отсюда не выпустят, да? Я теперь пленник?

— Нет-нет, что ты, совсем нет! — поспешно возразил волшебник. — Келеборн не давал приказа удерживать тебя против твоей воли. Просто...

— Что «просто»?

— К чему так торопиться? Саруман будет искать тебя именно здесь, в Лориэне, ты помнишь об этом?

— Ты до сих пор так уверен в том, что он будет меня искать?

Гэндальф медлил. Он уже был ни в чем не уверен.

— Послушай, Гэдж. Ну, в чем-то ты прав, я согласен, в Лориэне тебе оставаться больше ни к чему... да и я, пожалуй, тут изрядно загостился. Если ты подождешь полчаса, мы уйдем вместе... Прежде мне нужно вернуться к Келеборну, проститься с ним и собрать в дорогу кое-какие вещи.

— Нам с тобой не по пути, — равнодушно откликнулся орк. — Ты же собирался идти куда-то на восток.

— А ты куда намерен направиться? В Серые горы?

— Какое тебе дело? — Гэдж смотрел в пол. — Я просто хочу уйти отсюда. И было бы очень мило, если бы наконец ты со мной распрощался и предоставил меня самому себе... «Друг Эльфов»!

Волшебник покачал головой.

— Зря ты ищешь в Серых горах решение своих печалей, Гэдж... Вполне понятно твоё желание отыскать соплеменников и обрести наконец семью, но, право, ты не там её полагаешь, и сородичи твои, поверь, с распростертыми объятиями тебя не встретят и гостеприимства тебе не окажут. Среди орков тебе не место...

— Тогда где?

— Что где?

— Где оно, моё место? — голос Гэджа, доселе ровный, даже безжизненно-безразличный, яростно дрогнул. — Где, скажи, Гэндальф? Мне нет места ни среди орков, ни среди эльфов, ни среди людей... Что же мне тогда остается, а? Может, повеситься уже наконец? Ко всеобщему-то удовольствию?

— Тебе нужно вернуться в Изенгард. Сейчас я не вижу для тебя иного пути.

— Зачем? — пробурчал орк. — Подопытных кроликов можно купить у госпожи Норвет по пять грошей за штучку.

— Не нужно так говорить, Гэдж. — Гэндальф крепко стиснул его руку чуть выше

запаясь. — Ты знаешь, сколько душевных сил, средств, трудов и чаяний было в тебя вложено, шалый ты, неразумный упрямый звереныш? Не в воспитание, не в обучение — а в душу твою и в сущность, в фэа твоё несчастное, среди бела дня в трех соснах заплутавшее... А не знаешь — так и помалкивай, и не торопись за Сарумана решать. Наворотить безрассудств ты всегда успеешь. — Он слегка встряхнул мальчишку, точно желая получше уложить в нем эту незатейливую мысль, выпустил его, поднялся и шагнул к выходу. — Жди меня здесь, я скоро вернусь. Потом решим, как нам поступить, лады?

Орк молчал. Не хотел встречаться с волшебником взглядом. Сидел, пряча от Гэндальфа лицо, пристально разглядывая свои ладони, то ли над чем-то напряженно размышляя, то ли просто не желая продолжать тягостный разговор...

Маг на секунду остановился на пороге.

— Гэдж, обещай мне одну вещь.

— Какую? — спросил орк безучастно.

— Я вернусь через час. Дождись меня... и обещай, что ты не станешь делать никаких глупостей. Иначе... — он запнулся.

— Иначе что? — Гэдж язвительно хмыкнул. — Ты позовешь сюда стражу? Чтобы они не спускали с меня, подлого орка, глаз? Не доверяешь мне, да?

— В том-то и дело, что доверяю, — сухо сказал Гэндальф.

Гэдж по-прежнему не поднимал головы. Как-то нервно, натянуто усмехнулся, точно волшебник изрек нечто невероятно забавное.

— Ладно, не стану я делать глупостей, не беспокойся, — чуть помедлив, едва слышно пробормотал он. — Обещаю.

* * *

На лориэнском берегу праздник мирно шел своим чередом. Пир был закончен и столики убраны, но на полянке царило непринужденное оживление — эльфы развлекались танцами, музицированием, театральными сценками и состязаниями в стрельбе из лука. Любительницы пения во главе с Галадриэль, собравшись в увитой плющом беседке на берегу реки, благосклонно выслушивали длинную печальную балладу в исполнении сладкоголосого, выразительно подвывающего на концах строф менестреля. Келеборна Гэндальф нашел на стрельбище: восседая в удобном резном креслице, Владыка с вежливым интересом наблюдал за состязаниями лучников, встречая каждого нового участника приветственным жестом и одобрительным возгласом.

— Мы уходим. Сейчас, — без долгих предисловий сказал волшебник Владыке. — Мне нужно письменное обязательство, что Гэджа безо всяких препон выпустят из страны.

Келеборн лениво проводил взглядом очередную белооперенную стрелу, метко пронзившую голову привязанного к деревянному шесту соломенного чучела.

— Прекрати дуться, Гэндальф. Ничего ужасного не произошло.

— Гэдж, похоже, так не считает.

Эльф пожал плечами.

— Как он жить-то дальше собирается, такой... обидчивый? — Он небрежным жестом подозвал слугу. — Аглор, принеси мне перо, чернила и бумагу. Что мне передать Саруману, буде он все же объявится в Лориэне? — спросил он у волшебника. — Не то, чтобы я сильно в это верил, но тем не менее...

— Передай ему, что он мерзавец, — устало сказал Гэндальф. Он чувствовал себя повисшим на шесте соломенным чучелом, насквозь пронзенным дюжиной убийственных белооперенных стрел.

— А кроме этого?

— Скажи, что я отведу Гэджа в Росгобел на пару месяцев. Если... все задуманное пройдет благополучно, то по осени я вернусь вместе с ним в Изенгард.

Келеборн со вздохом покачал головой.

— Поостерегись, Гэндальф. Я бы на твоём месте не загадывал все наперед так уверенно и определённо. Не нравится мне твоя затея...

— Мне она тоже не очень нравится, но давай не будем начинать все сначала, — сердито перебил Гэндальф. — Все равно я уже все решил. Да, вот ещё что...

— Что?

— Нам понадобится лодка. Чтобы переплыть на восточный берег.

— Хорошо. — Владыка что-то прикинул в уме. — Приходите через пару часов к устью реки Келебрант — там вас будет ждать мой доверенный кормчий. Он переправит вас на другой берег.

Волшебник сдержанно поклонился.

— Благодарю за содействие, Келеборн.

...Через полчаса, собрав вещи и все необходимое, и вооружившись подписанной Владыкой подорожной грамотой, Гэндальф вернулся к шатру. Лоэрин и его напарник по-прежнему были на посту, сидели на земле возле входа и играли в какую-то замысловатую игру, расстелив перед собой расчерченный на квадраты лист пергамента и переставляя по нему камешки-фишки.

— Все в порядке? — спросил волшебник.

Лоэрин кивнул.

— В полном. Он никуда не выходил и ничего не просил. Ведет себя тихо.

Гэндальф откинул полог и вошел в шатер.

Он даже не особенно удивился, обнаружив, что шатер пуст и, по-видимому, уже довольно давно. Только моргал под потолком голубоватый фонарь, к которому прилепился блудный серый мотылек, да сиротливо стояла на краю стола пустая деревянная кружка.

— Никуда не выходил, говорите? — в тихом бешенстве спросил маг у Лоэрина. — Ну, через дверь, может, и не выходил.

Лоэрин, обескураженный, метнулся к дальней стене. Полотнище шатра было распорото внизу, возле самой земли — длинным, слегка неровным разрезом, похожим на широкий ухмыляющийся рот. Эльф с досадой оглянулся на волшебника:

— Ты не сказал нам, что у него есть нож, Митрандир!

— Не нож, — раздражённо отозвался Гэндальф. — Кинжал. Из гномьей стали. А если бы сказал — вы бы его разоружили, что ли? Он, кажется, всё же ваш гость, а не узник... и не заслужил того, чтобы быть подвергнутым обыску.

— Ну, вот теперь точно заслужил, — проворчал Лоэрин. — Опасно оставлять у орка оружие!

— Вот же... дуралей окаянный! — Гэндальф сплюнул в сердцах. Да, кинжал надо было отобрать, волшебник и сам это хорошо понимал, просто не хотел усугублять подобным беззастенчивым насилием и без того натянутые отношения с мальчишкой. Осторожность мага и желание избежать неприятностей Гэдж наверняка встретил бы в штыки, сочтя, в силу

своей болезненной восприимчивости, недоверием, унижением и оскорблением... «Я теперь пленник, да?»

Впрочем, волшебник, старый дурак, тоже был хорош: имел глупость надеяться, что Гэдж все-таки окажется более честным и здравомыслящим и позаботится сдержать данное слово! А теперь... Леший! Где теперь искать этого одержимого? Гэндальф торопливо выскочил из шатра, метнулся направо, налево... куда он мог запропасться? Лоэрин, поспевающий за ним следом, уже оправился от неожиданности и был спокоен и невозмутим, точно каменная скала.

— Не переживай, Митрандир, никуда твой орк не денется... С оружием он или без оружия — в лесу его перехватят. Дальше первой заставы все равно не уйдет.

— Вот именно этого-то я и боюсь, — пробормотал Гэндальф. Он взволнованно схватил эльфа за плечо. — Лоэрин, мне нужна лошадь. И побыстрее...

* * *

Фаундил появлению мага верхом на неоседланном гнедом жеребце несколько не удивился. Эльф холодно шурил ясные голубые глаза и смотрел, по своему обыкновению, бесстрастно, слегка насмешливо, чуть приподняв красиво очерченные темные брови. На губах его мерцала едва заметная понимающая усмешка.

— Он здесь.

Гэдж, скрестив ноги, сидел на земле под деревом, сгорбившись и опустив голову на грудь, избегая смотреть в сторону волшебника. Запястья его были связаны крепкой льняной веревкой.

Гэндальф тяжело сполз с коня, привалился плечом к ближайшему древесному стволу. Ноги у мага были вялые, непослушные, словно бы набитые отсыревшей паклей. Он провел ладонью по саднящей щеке, с удивлением увидел на пальцах кровь — видимо, царапину оставила сучковатая ветка, хлестнувшая его по лицу в тот момент, когда он гнал коня через лес, особо не разбирая дороги.

— Дурак! — с раздражением сказал он мальчишке каким-то ломким, осипшим, совершенно чужим голосом. — Почему ты меня не дождался? Почему ты... нарушил свое обещание, а? У стражей пограничья четкий приказ — убивать любого орка, на расстояние выстрела подошедшего к лориэнскому рубежу... Убивать без предупреждения, забыл? Тебе просто повезло, что ты до сих пор еще не получил стрелу в глаз!

Гэдж смотрел в землю — мрачный, насупленный и нахохлившийся, точно застигнутый ранним морозцем молодой птах. Не слышал мага — вернее, не хотел слышать. По-прежнему хранил презрительное молчание.

Гэндальф оглянулся на начальника заставы.

— Вели его освободить, Фаундил.

Эльф медлил.

— Он пойман как шпион, Митрандир. — Голос его был суров и непреклонен. — Я либо должен подвергнуть его немедленному допросу с пристрастием, либо, в случае чрезвычайных обстоятельств, отправить в Карас-Галадхэн... связанным, с кляпом во рту и под надежной охраной. Слышишь, орк?

— Чего же до сих пор не отправил? — устало спросил Гэндальф.

— Отправил бы... если бы через час ты за ним не явился. — Фаундил вздохнул. — Я так

ему и сказал. Но ты... успел. Ещё несколько минут осталось в запасе. — Он кивнул на стоявшие под деревом песочные часы, в верхней колбе которых еще темнело немного неосыпавшегося песка.

— У меня подорожная, — Гэндальф достал грамоту, развернул и предъявил Фаундилу. — Подписана Келеборном. Гэдж волен идти на все четыре.

Фаундил пробежал бумагу глазами.

— Что ж... в общем, я этого ждал. И рад, что все разрешилось благополучно. — Он кивнул одному из своих подчиненных. — Отпустите пленника, Леарнас, и верните ему его вещи.

Гэджа развязали. Он поднялся и стоял, разминая запястья, не глядя на Гэндальфа, устремив невидящий взгляд куда-то в пространство, по-прежнему хладный и ко всему безучастный — только подбородок у него мелко, едва заметно дрожал, и он судорожно прикусывал нижнюю губу, чтобы скрыть эту жалкую постыдную дрожь.

— Идем, — сухо сказал волшебник.

* * *

Вдоль южного берега реки Келебрант тянулось светлое, пронизанное вечерним солнцем буйное разнотравье и разнолесье.

— Нам нужно переправиться на восточный берег Андуина, — негромко произнес Гэндальф.

Орк будто не слышал.

Он шел впереди. Шаггал быстро, забирая к западу, в сторону гор — шел, глядя прямо перед собой, не замечая мага, ровно и размеренно, точно заговоренный. Таким шагом он, неприхотливый и выносливый, как все уруки, мог идти и день, и другой, и третий, перекусывая на ходу и останавливаясь лишь для того, чтобы передремать полчаса. Гэндальф, тяжело опираясь на посох, брел за ним следом, проклиная всех на свете безмозглых орков в целом и упертых в тупой угол пятнадцатилетних мальчишек в частности. Какого лешего, спрашивал он себя, я тащусь вслед за этим неблагодарным балбесом, вместо того, чтобы плюнуть наконец на него и его дурацкие выкрутасы и со спокойной душой направиться в совершенно противоположную сторону?

— Остановись, дурень, куда ты так бежишь? — с досадой сказал Гэндальф ему в спину. — Нам надо идти к берегу Андуина. Келеборн согласился предоставить нам лодку, но к вечеру нам необходимо быть в устье реки Келебрант... Ты слышишь меня?

Гэдж не остановился, не обернулся, не ответил, ничем не показал того, что вообще принял слова спутника к сведению. Он не произнес ни слова с тех пор, как они пересекли границу эльфийской страны, и нарушать холодное враждебное молчание явно был не намерен. Гэндальфа для него словно не существовало.

Волшебник мысленно выбранился. Это отстраненное и необъяснимое, поистине орочье мальчишеское упрямство начинало выводить его из себя.

— В чем дело, Гэдж? Почему бы нам не поговорить наконец спокойно и разумно, как это и подобает двум взрослым людям — а не играть в молчанку и не изображать царственное неприступное презрение? Не заставляй меня окончательно в тебе разочаровываться.

Гэдж молчал, мрачно топал вперед, не разбирая дороги. Спина его выражала холодную

безучастную неприязнь. Здесь, к югу от реки Келебрант, лес был обычный, смешанный, не переполненный эльфийской благодатью и не особенно густой: соседствовали друг с другом угрюмые дубы, легкомысленные осины, кривые ветлы, лохматые вязы, неряшливые грабы. Лежали на траве пятна света и тени, металась по ветвям рыжая белка, с любопытством разглядывая путников, где-то в глубине рощи с размеренностью часового механизма подавала голос кукушка...

— Я не собираюсь ни шпионить за тобой, ни лезть в твою жизнь, ни посягать на твою... самостоятельность, — после небольшой паузы негромко добавил Гэндальф. — Я просто хочу уберечь тебя от тех глупых ошибок, которые ты, я вижу, овамо и семо намерен совершить...

Орк остановился. Рывком — будто натолкнулся на невидимую стену. Дёрнул плечом и процедил глухо и злобно, по-прежнему не поворачивая головы:

— Хватит! Ну до чего же ты меня достал, старый пень... Ох, и достал! Долго ты ещё будешь меня пасти? Вьется и вьется над душой, зудит, будто муха... Неужели я представляю собой такой уж смачный кусок навоза?

— Не знал, — спокойно заметил Гэндальф, — что ты так невысоко себя ценишь.

Орк резко обернулся.

— А что, — спросил он, — разве ты и твои дружки-чистоплюи не воротите от меня ваши аристократические носы? Я, по-видимому, недостаточно отвечаю вашим высоким требованиям? — Он шагнул к магу, нагнув голову и набычившись, глядя исподлобья, вызывающе и угрюмо. — Я же просил тебя оставить меня в покое! Какого лешего ты опять за мной увязался?

— Я не «увязался», Гэдж. — Гэндальф намеренно старался говорить подчеркнуто ровно и твердо, не позволяя себе повышенных тонов. — Я всего-навсего хотел обсудить с тобой дальнейшие планы, мирно, спокойно и разумно, поэтому умерь-ка свой пыл, дружище... или я вправе буду считать, что Саруман и в самом деле не научил тебя даже простейшему вежеству.

— Да сдался вам всем этот Саруман! — яростно процедил орк. — По крайней мере, он не таскался за мной по пятам, прикидываясь лучшим другом и выжидая момента, чтобы всадить мне нож в спину!

В волшебника будто плеснули кипятком.

— Ах вот оно как, — пробормотал он. Ладони его разом вспотели.

— Да, вот так! — Гэдж свирепо зарычал. Белка, крутившаяся в ветвях дерева над его головой, испуганно порскнула прочь. Кукушка, отсыпав кому-то полтора десятка лет жизни, в смятении умолкла.

Гэндальф провел рукой по лицу. Спокойно, сказал он себе. Этот глупый мальчишка не отдаёт себе отчёта в своих словах... Не позволяй ему втянуть тебя в ссору...

— Так, так, — медленно произнес он. — Наконец-то кое-что прояснилось. Ты, я вижу, окончательно уверовал, будто я притащил тебя в Лориэн с единственным и определенным умыслом — отдать на потеху эльфам... верно, Гэдж? — Он едва сдерживал негодование, тугим и горячим комом вставшее в горле. — Да какая муха тебя укусила? Ты как-то странно, искаженно все воспринимаешь — будто сквозь кривое зеркало. Моё участие тебе представляется назойливостью, моё желание помочь — попыткой навязать тебе свою волю, а мою нечаянную ошибку ты склонен расценивать как... заведомое предательство?

— Да пошел ты... старый козёл! Дружок эльфов! Какая тебе разница, что я там думаю?

Какое тебе вообще до меня дело, а? — Гэдж яростно пнул повернувшийся под ногу камень. — Кто я тебе — никто... случайный попутчик... кусочек дерьма, налипший на твой башмак — остановился на минуту, брезгливо стряхнул и отправился дальше... что, разве не так?

— Нет, не так. Мне многим пришлось поступиться ради того, чтобы уберечь тебя от... от тебя самого! — Волшебник все еще пытался держать себя в руках, но лицо его пылало от гнева: несусветные закидоны мальчишки могли бы вывести из равновесия и давно окаменевшего пещерного тролля. — Ну-ка, припомни: там, на опушке Фангорна... это, вероятно, я из кожи вон лез, стараясь навязаться тебе на шею?

— Да ничего подобного! — крикнул Гэдж. — Я сам ушел из Изенгарда и тебе в компанию не навязывался! Это ты решил, что я без тебя, такого мудрого и всеведущего, пропаду на первом же перекрестке!

— А ты бы не пропал, а? — Гэндальф вспыхнул. — Вспомни Фангорн... Волд... реку Лимлайт... Сколько раз я вытаскивал тебя за уши изо всяких дурацких передрыг, напастей и переделок! Я и сейчас изо всех сил стараюсь не позволить тебе с головой окунуться в дерьмо, а ты... т-ты... даже слово свое не способен сдержать, проклятый мальчишка! Ты обещал дожидаться меня в шатре, и ни на грош не потрудился данное обещание исполнить! Это, по-твоему, было не подло, Гэдж?

— А чего ты еще хотел ждать от орка? — Гэдж злорадно ощерился. — Только я вовсе не обещал тебя дожидаться, старый пень. Я обещал, что не буду делать глупости, вот и все... Так я их и не делал, понял! Так что и обещания своего ничем не нарушил.

— Это *ты* считаешь, что не делал! — Гэндальф нервно расхохотался. — Надо же, выкрутился, ловкач! Да с тобой спорить еще хуже, чем с Саруманом! Каким же я был дурнем, что с тобой связался...

— Это я был дурнем, что с тобой связался, господин Гэндальф! И потащился с тобой по одной дороге...

— А теперь ты, значит, решил, что пора нашим дороженькам разойтись?

— Да, — Гэдж яростно сверкал глазами, — я так решил! Я. Так. Решил. Ясно? Поэтому — катись на все четыре, хватит уже мне указывать! «Делай то, не делай сё, иди туда, иди сюда...» Надоело! Заведи себе собаку — и командуй ею, как хочешь!

Он глухо зарычал, тяжело дыша, сжимая кулаки. Не то чтобы он действительно хотел ударить старика — но сердитая, покрасневшая от гнева физиономия мага вызывала в нем необъяснимый приступ враждебности... Он повернулся на пятках, сплюнул в траву и, не дожидаясь ответа, направился прочь — на запад, в сторону гор. Бесцеремонная настырность и докучливые поучения Гэндальфа злили и раздражали его невероятно, рождали в мутных глубинах его существа какой-то неуправляемый, непонятный ему самому яркий протест... Вероятно, волшебник действительно не желал ему зла и всего лишь намеревался уберечь спутника от житейских ошибок, но это — увы! — только вызывало у Гэджа неудержимое стремление все эти ошибки, одну за другой, совершить — и набить себе при этом как можно больше самых болезненных шишек.

Гэндальф, глядя ему вслед, тяжело перевел дух. Ну и, спросил он себя, что все это значит? Вся эта нарочитая озлобленность и грубость — следствие внутреннего смятения, растерянности избалованного пятнадцатилетнего мальчишки, впервые оказавшегося на развилке жизненного пути? Или Келеборн действительно был прав: малейшего толчка оказалось достаточно для того, чтобы дикая и необузданная орочья натура вылезла наружу

во всей красе, точно лютый цепной пёс из конуры, и проявила себя вот такой внезапной, отвратительной в своей неуместности бешеной вспышкой злобы?

— Ну, хорошо. Ладно. — Настаивать на своем, видимо, было бесполезно, Гэдж явно был не в том состоянии, чтобы прислушиваться к словам мага, голосам совести, разума, здравомыслия и прочему потерявшемуся за воплями ярости и обиды робкому хору. — Вижу, мои надежды на то, что в тебе наконец проснется благоразумие, оказались напрасны... Уходи — раз уж ты так стремишься себя наказать. Проваливай куда хочешь, хватит с меня бестолковых строптивых орков, я, леший возьми, тоже не железный! И привыкай отныне рассчитывать только на собственные силы, понял? Помни — ни совета, ни помощи ты от меня теперь не получишь!

Гэдж даже не обернулся.

— А я их у тебя не прошу... и никогда не просил, господин маг! Я уже достаточно взрослый для того, чтобы самому принимать решения.

— Принимать решения — это одно, а нести за них ответственность — совсем другое... «Взрослый»! Ты покамест ничем этого не доказал.

— Вот теперь и докажу! — презрительно бросил орк через плечо. — Всего хорошего, господин Гэндальф.

26. Отступление

Ближе к вечеру разведка доложила: в стане «лошадников» какое-то оживление.

— Неужели коневодам пришла подмога? — изумился Каграт. — Что-то рановато...

— Возможно, другая дружина неподалеку паслась, на берегах Лимлайт, — заметил Радбуг. — Тогда они быстро обернулись.

Каграт задумчиво почесывал подбородок.

— Ночью они в атаку вряд ли попрут, им треба лошадей накормить, да самим оправиться и подготовиться. Но завтра с рассветом жди наступления...

— Надо уходить, — пробормотал Радбуг. — Сейчас.

— А кто останется в заставе? Ты? Или палочку будем тянуть?

— Кто бы ни остался, они наступающих надолго не задержат. От силы на пару часов. Там конники в доспехах, латники и лучники. Подождут твои заграждения как нечего делать...

— На нашу добычу зарятся, гады! — Каграт закрипел зубами. — Рубиться будем до последнего — а что толку-то? Ну что? Как ни кинь — всюду клин! — Он решительным шагом направился к Саруману. — Шарки! Долго ты еще будешь свое варево бадяжить?

Саруман только что добавил в смесь растопленного жира и раствора соды соль, позаимствованную на полевой кухне у Гуртца, и теперь деревянным черпаком вылавливал собравшиеся на поверхности вара серые мыльные хлопья. Небрежно бросил через плечо:

— Еще несколько часов.

— Если это твоё «гремучее масло» не сработает...

— Не потей, Каграт! Жира ты мне, конечно, с гулькин нос отсыпал... Но порода в ущелье мягкая, рыхлая, песчаник да известняк, осыпется зараз... Нужно её только хорошенечко подтолкнуть.

Крупницы селитры, тщательно очищенные от примесей грунта, горкой лежали на деревянном подносе. Их требовалось растворить в теплой воде, осадить добавлением поташа, а затем, удалив осадок, упарить раствор до образования на дне посуды прозрачных шестигранных кристаллов. При добавлении купоросного масла эти кристаллы образовывали селитряную кислоту, которую можно было выделить из полученной жидкости обычной перегонкой. Кислота в смеси с вязким сладковатым сиропом, оставшимся в посудине после удаления мыла, и была тем смертоносным веществом, ради которого Саруману и пришлось затеять всю эту хлопотную и сомнительную возню.

В некоторый тупик волшебника поставило отсутствие перегонного куба. Приходилось, видимо, собирать эту нехитрую установку из подручных материалов — вот только из каких, если селитряная кислота способна разесть и дерево, и железо?.. К счастью, в обозе нашлось несколько стеклянных бутылей разного размера, из которых, сквозь зубовой скрежет Каграта удалив содержимое (это был спирт и чернила), можно было попытаться смастерить простенький перегонный куб. Но тут возникала другая трудность — как в перегонной емкости проделать круглое и достаточно ровное отверстие?

Поразмыслив, Шарки позаимствовал у бедняги Гуртца одну из оловянных ложек. На бок бутылки большего размера маг насыпал в нужном месте, чуть ниже горлышка, горку мокрого песка, палочкой проделал в песке воронку необходимого диаметра и влил в полученную форму немного расплавленного олова. Через минуту-другую, когда олово остыло и

затвердело, осталось только извлечь из получившегося сквозного отверстия оловянный конус. В образовавшуюся круглую скважину волшебник вставил другую бутылку, с высоким и узким горлышком, и обмазал получившийся стык глиной. Таким же манером он проделал отверстие в доньшке бутылки-охладителя, чтобы через него стекал в подставленную емкость полученный конденсат. Перегонный куб (или хоть что-то, отдаленно на него похожее) был готов.

Сам процесс перегонки занял несколько часов. Раствор селитры с купоросным маслом, смешанный в бутылки-емкости, кипел на огне, поднимались к охладителю пары кислоты, стекали бесцветными капельками в стеклянный пузырек из-под чернил. Главной трудностью было выдержать нужную температуру нагрева, не допуская побурения раствора, да и бутылка-охладитель приходилось время от времени поливать холодной водой, чтобы ускорить процесс образования конденсата; тем не менее Саруману, к собственному удивлению, в итоге удалось обзавестись парой стаканов бесцветной прозрачной жидкости — селитряной кислоты. Поскольку к этому времени почти стемнело, дальнейшие телодвижения следовало отложить до рассвета, ибо для завершающей, самой опасной и ответственной стадии процесса, тусклого и неуверенного света факелов было явно недостаточно.

— Есть загвоздка, Каграт, — сказал Шарки подошедшему вожаку.

— Какая?

— «Гремучее масло» взрывается от толчка. Это значит, что для того, чтобы вещество рвануло, кто-то должен ударить по нему молотом или обухом топора... или хотя бы камнем.

— Пусть Шавах этим займется, — проворчал кто-то из орков. Да, живодера Шавах не особенно любили даже сородичи. — Или можно кого-нибудь из «крысюков» для этой цели отрядить... Тебя, например.

Такой поворот дела Саруману отчего-то в голову не приходил.

— Ладно, посмотрим, — пробормотал он. — Может быть, удастся обойтись и без этого...

Самое тёмное время суток — полночь — миновало, и орки принялись спешно сворачивать лагерь. Вещи были подготовлены и уложены ещё с вечера, мулы накормлены и напоены — оставалось только запрячь их в повозки, поднять пинками «крысюков» и построить их в колонну. Обоз под предводительством Радбуга уходил тихо и быстро — вдоль реки, к северо-восточному выходу из долины. В опустевшем лагере остались лишь Шарки да несколько уруков — им предстояло довершить начатое дело, а потом налегке догнать ушедших вперёд сородичей.

О том, что случится, если он ошибся в расчетах, и его отчаянно-рискованный опыт все-таки не удастся, Саруман предпочитал не думать.

Когда они с бравым главарем подошли к ущелью, где по-прежнему стояли в заставе полдюжины кагратовых лучников, уже совсем рассвело.

— Что лошадики? — спросил вожак у одного из уруков.

Тот пожал плечами.

— Пока на рожон не лезут... Но какая-то движуха у них там, в лагере, происходит.

— Небось не танцы затеяли... — Каграт, сжимая рукоять скимитара, глухо зарычал. — В атаку готовятся, коневоды вонючие...

Саруман подошел к неглубокой яме, выкопанной в заранее выбранном месте под стеной ущелья, осторожно опустил в неё глиняный горшок, наполненный смесью глицерина и

селитряной кислоты. В последний момент он догадался добавить в этот гремучий состав несколько горстей песка, чтобы «масло» не взбаламутилось и не рвануло у него в руках в самую неподходящую минуту.

— Уводи своих, — сказал он Каграту.

— Всех?

— Да.

Вожак засомневался:

— Ущелье останется без охраны. А если лошатники сюда сунутся...

— Я сказал — уводи! — с раздражением бросил Шарки. — Если лошатники сюда сунутся, от них мокрого места не останется, понял?

Каграт приглушенно свистнул и кивком велел своим парням отойти к выходу из ущелья. Из лагеря рохиррим доносилось отдаленное конское ржание, топот копыт, побрякивание оружия. Тонко и азартно пропел боевой рожок. Саруман надеялся, что еще четверть часа «коневоды» повременят с нападением — обрушивать груды камней и известняка на головы ничего не подозревающих дружинников ему совсем не хотелось, он бы предпочел обойтись без глупых и бесполезных жертв.

Надо было поторапливаться. Над ямой подвесили тяжёлый угловатый камень — с таким расчетом, чтобы при падении он угодил прямым в глиняный горшок и произвел необходимое для взрыва сотрясение. К промасленной веревке, удерживающей камень, привязали другую бечеву, подлиннее и потоньше, по которой следовало пустить пал.

— Огонь доберется до веревки, которая удерживает камень, пережжет её, и камень — оп! — шмякнется прямым в жидкую смесь. Вот тебе и нужный толчок... — пробормотал Саруман. Он оглянулся на Каграта. — Что такое?

Орк лежал, приложив ухо к земле.

— Лошади... скачут... много...

— Живее! Давай огниво!

Шарки склонился над веревкой, стукнул кресалом по кремню... раз и другой... Искры летели, но огонь не рождался — то ли пучок мха, игравший роль трута, был недостаточно сухой, то ли веревка — не слишком хорошо промасленная, то ли у мага попросту тряслись руки...

— Ну же! — гаркнул Каграт. Схватил кресало и чиркнул им с такой силой, что искры брызнули снопом. Мох вспыхнул, огонь яростно затрещал, струйкой потянулся вверх по веревке...

— Уходим, — прохрипел Шарки, пятясь. Оставалось надеяться, что «лошадники» еще достаточно далеко для того, чтобы не попасть под обвал.

Они с Кагратом рысцей припустили к выходу из ущелья, где их ждали остальные уруки, отбежали подальше, к опушке леса, повалились в траву. Позади стояла тишина, плотная и зловещая, лишь вновь где-то в отдалении звонко подал голос роханский рожок. Прошла секунда, другая... третья... огонь уже должен был добраться до веревки, которая удерживала камень, съесть её... еще мгновение — и...

Ничего не происходило.

Совсем.

Уруки взволнованно заворчали, на чумазом лице Каграта застыло мрачное напряженное ожидание.

Саруман в волнении привскочил. Неужели что-то пошло не так? Но что, что? Огонь

погас? Веревка не перегорела? Камень упал мимо горшка? Сила удара явилась недостаточной? «Гремучее масло» оказалось вовсе не гремучим, что?.. Шарки мысленно застонал; он уже готов был обернуться к оркам и сказать, что фейерверка не случится...

И в этот момент раздался взрыв.

Он превзошел все ожидания не только Каграта, но и самого Сарумана. Мощный глухой удар сотряс долину до самых потаённых уголков, и земля дрогнула так, что с деревьев, стоявших чуть в отдалении, на берегу реки, посыпались листья. Затрещали корни гор... Воздушная волна промчалась тяжелым валом, ударила в лицо, рванула верхушки полевых трав, качнула кроны деревьев. Орки замерли на месте, смятенные и недоумевающие. Секунду-другую все оставалось по-прежнему, а потом стена ущелья медленно, точно в недоумении, дала трещину снизу доверху, отслоилась, будто корка на пироге, как-то нехотя, с хрустом, осела, поползла вниз... Огромный пласт раздробленной горной породы отделился от скалы и тяжело рухнул на дно ущелья, покатались камни, загрохотали, складываясь друг на друга, глыбы и валуны, взметнулись к небу тучи мелкой всепроникающей пыли. Полетели из повисшей в воздухе клубящейся завесы мелкие камешки, песок, известняковая крошка, еще какой-то мутный неопознанный сор...

— Ах ты ж... — изумленно выдавил кто-то из уруков.

— Бежим отсюда, — прохрипел Каграт, прикрывая лицо руками.

Не оглядываясь, они потрусили прочь — в глубину леса, к реке, к покинутому лагерю. Остаться в долине больше не имело смысла: стена ущелья обрушилась в самом узком месте, засыпав распадок на протяжении десятка-другого ярдов, и задержала «лошадников» где-то там, за ущельем, по ту сторону завала, за крепким и непреодолимым теперь каменным рубежом... Орки ликовали, вопили и улюлюкали, восторженно выкрикивали забористые фразы на Черном наречии, торжествуя потрясали кулаками, хлопали друг друга по плечам, выкидывали на бегу какие-то немислимые коленца — и Каграт, довольно ухмыляясь, не торопился призывать расшалившихся парней к порядку. Саруман тоже посмеивался, рисуя в воображении ошеломленные физиономии «коневодов», пред которыми неожиданно взбунтовалась, раскололась и встала на дыбы сама земля-матушка... Но мешкать не следовало, надо было догонять ушедший вперед обоз: волшебник взобрался верхом на оставленного для него мула, уруки бежали рядом — размеренной и быстрой, берегущей силы ровной орочьей рысцей. Дело было сделано...

* * *

— Леший бы тебя побрал, Шарки! — с удовлетворенным видом сытого кота сказал Каграт Саруману. — Я-то до сих пор думал, что ты простой лекарь.

— Так оно и есть, — спокойно отозвался Шарки. — Просто у меня хорошая память, и я много читал.

Тем не менее испытующий взгляд цепких, как колючки, внимательных кагратовых глаз волшебнику совершенно не нравился. Саруман почти наяву видел, как завертелись колесики в голове главаря, производя загадочные умозаключения, — и спрашивал себя: какая работа мысли идет в дремучих недрах этого крепколобого орочьего черепа? Некие неопределенные думы медленно, но верно наливались соком в голове Каграта, точно неспелые груши, и Саруман не без некоторого трепета представлял себе тот момент, когда они, эти сочные и увесистые плоды, окончательно созреют, перезреют и, чего

доброе, начнут пахивать.

Орочий отряд быстро шел на север, огибая вдоль предгорий долину Черноречья.

Погоня больше не давала о себе знать: то ли дружинники Астахара не нашли другого прохода по эту сторону гор, то ли решили отступить от преследования, не желая забираться так далеко от границ своей страны — больше они, к окончательному унынию Эорлима, на горизонте не появлялись. И все же Каграт не позволял снизить скорость продвижения, торопясь как можно скорее миновать незнакомую и враждебную территорию и добраться до Каменного Моста: «крысюкам» предписывались лишь краткие передышки ночью и в полуденную жару, совершенно убийственную на пике лета, в остальное время их гнали, гнали, гнали по горам по долам, не обращая внимания на ропот, стоны и жалобы: иногда тех, кто совсем уж изнемогал, подсаживали на повозки, но ненадолго — силы мулов тоже следовало беречь. Саруман по-прежнему ехал на одной из телег и, в общем, ему жаловаться на житуху не приходилось: трогать его и дерзить ему никто не смел, вечером у костра ему доставалось лучшее место и даже из скудной походной еды для него неизменно выделялись самые лакомые куски: после приключения в Волчьей Пасти Каграт возлюбил и зауважал старого хрыча Шарки просто до небес. Правда, сам волшебник не был уверен, что ему стоит очень уж этому радоваться, да и благорасположение главаря в любой момент могло обратиться в прах и обернуться подозрениями и неприязнью...

Уже добрую неделю в горах стоял нестерпимый зной. Солнце, висящее в поднебесье чудовищным обжигающим зраком исполинского дракона, с силой обрушивало на пропеченную землю волны жара, которые, отражаясь от камней, обдавали идущих людей потоками горячего воздуха, словно от открытого тигля. Духота давила нестерпимо; ни малейшего движения ветра не ощущалось над раскаленной землей, а окружающие камни нагревались до такой степени, что на них, как на плите, можно было печь лепешки. Несчастные пленники нестерпимо страдали от жажды: за последние дни на пути не встретилось ни одного мало-мальски чистого источника, а орки слишком торопились и плохо знали местность, чтобы рыскать по окрестностям в поисках родников, тем более Каграт рассчитывал вскоре пересечь одну из находящихся где-то поблизости горных речушек. Но пока запасы воды в бурдюках неумолимо иссякали, и опостылевшие сухари с солониной не лезли в пересохшие глотки, потому что запивать скудный харч было нечем: вскоре дневную норму питья пришлось урезать буквально до пинты (орки бросали на десятерых «крысюков» полмеха теплой несвежей воды и развлекались, глядя, как изнуренные люди будут делить меж собой драгоценную влагу). Бурный горный ручей (это, видимо, было верхнее течение реки Келебрант, вытекавшей из Зеркального озера, как уяснил себе Саруман) попался на пути лишь к полудню третьих суток, и здесь наконец и орки, и люди, и мулы смогли вдосталь напиться, охладиться и слегка освежить измученные испепеляющим зноем тела. Но без происшествий и тут не обошлось: преодолевать бешеный, неистово бурлящий поток пришлось вброд, и мощным напором течения одного из «крысюков» сбило с ног и едва не утащило вниз по реке: его спасла лишь прочная пеньковая веревка, которой пленникам было велено обвязаться перед переходом. Беднягу выволокли на берег чуть живого и почти захлебнувшегося, и тогда Радбуг без долгих церемоний перекинул «утопленника» животом через колено и с такой силой огрел ладонью по спине между лопаток, что тот чуть не выкашлял вместе с водой остатки собственных легких... Орки ржали:

— Ну и хлюпик, горным ручейком унесло! Как вы, такие слабосильные, по земле-то

ходите, что вас ветерком не сдувает?

Тем не менее на другом берегу реки Каграт объявил вынужденный привал, чтобы и орки, и «крысюки» могли поесть, прийти в себя и просушить вымокшие во время перехода через реку вещи. Лагерь разбили под сенью негустой дубравы, растущей в распадке меж крутобоких песчаных холмов.

— Несколько часов положим на отдых, потом двинем дальше, — с неудовольствием процедил вожак. — Долго тут торчать ни к чему, страна остроухих близко, чтоб её!

До Лориэна действительно было рукой подать — десятка два миль на восток-юго-восток.

Самое время, сказал себе Саруман, переходить к следующей части намеченного плана.

Орки, как обычно, были заняты рутинными походными делами и раздачей пайка, и, дождавшись, когда Каграт ускачет куда-то по делам разведки, Саруман неприметным жестом подозвал Гарха, прячущегося в кроне растущего по-соседству дуба. Ворон неизменно сопровождал отряд, мимоходом промышляя по окрестностям в поисках поживы и появляясь, как правило, в сумерках, дабы излить на волшебника очередную порцию ворчанья, кряхтенья, жалоб на погоду, сожалений по поводу упущенных возможностей и проклятий по адресу безмозглого Гэджа. Получив кусочек вяленого мяса или рыбы и дозу согревающей мази на больное крыло, он оттаивал, слегка добрел и в куда лучшем расположении духа отправлялся ночевать в найденную поблизости каменную расселину или на развилку ветвей ближайшего дерева.

Но сегодня на пустые и ничего не значащие беседы времени не было.

— Как твое крыло? — спросил Саруман, едва ворон, опасливо оглядываясь, опустился рядом с костром.

Гарх, аккуратно расправив и сложив потрепанные крылья, покосился на волшебника подозрительно.

— Кажется, немного лучше... а что?

— Помнится, некоторое время назад некий ворон отчаянно бил себя лапой в грудь, выказывая желание при необходимости оказаться мне всемерно полезным.

Гарх нахохлился.

— Вот, значит, когда пришла пора расплачиваться за былую неосмотрительность... И чего ты от меня хочешь?

— Совсем немного. Ты должен немедленно отправиться к эльфам и отнести им мое послание. Тут недалеко, миль двадцать-двадцать пять, не больше... Лети вдоль реки, она приведет тебя как раз к границам Лориэна. Если не будешь мешкать, окажешься там через несколько часов, еще до наступления темноты.

— К чему такая спешка?

— К тому, что завтра мы уже будем куда дальше от Лориэна, нежели сегодня, а через два-три дня и вовсе подойдем к Каменному Мосту. Нас там к этому времени уже должен ждать отряд хорошо вооруженных эльфов, знающих, где, как и с кем им предстоит сражаться... Впрочем, об этом я позаботился им написать.

Гарх уныло хмыкнул.

— А что потом? Надеешься на эльфийскую магию? Думаешь, эльфам по силам снять с вас эти проклятые ошейники?

— Эльфам, может, и не по силам... но ведь остается еще Гэндальф.

— По-твоему, он все еще в Лориэне?

Саруман не ответил — откуда ни возьмись вновь появился Шавах, прошел мимо, недружелюбно косясь на волшебника, небрежно поигрывая кнутом. Гарх поспешно отступил, спрятался под ближайший куст, слился там с черной лужицей тени. Дождавшись, когда орк скроется где-то в шумной круговерти лагерной суеты, Шарки добыл из складок одежды свиточек из березовой коры, на котором ещё несколько дней назад ухитрился нацарапать нужное послание.

— Кому мне отдать письмо? — спросил ворон.

Саруман куском бечевы торопливо привязывал берестяную грамотку к его лапе.

— Можешь вручить его кому-нибудь из стражей пограничья, они переправят его в Карас-Галадхэн. Потом постарайся отыскать Гэндальфа. И — хм! — передай от меня Владычице сердечный привет...

Гарх склонил голову к плечу.

— И ты всерьез полагаешь, что эльфы при получении этого письмеца немедленно восстанут от праздной неги и поспешат к вам на выручку?

— Келеборн никогда не казался мне существом безграничной отзывчивости, но, надеюсь, откровенно закрыть глаза на мое послание он все-таки не отважится. Кроме того... Ах ты! Лети! Быстро! Будь осторожен!

Гарх отскочил неуклюжим прыжком, стремглав метнулся прочь. Как раз вовремя — на место, где он только что находился, с глухим стуком приземлился увесистый камень. Над головой мага раздался грозный кагратов рык:

— Проклятый ворон! Опять ты здесь! Ну погоди, поиграем в палочку-стрелялочку!

Орк выскочил из-за дерева, держа в руках натянутый лук. Прежде, чем Саруман успел ударить его по руке или хотя бы просто сдвинуться с места, прогудела спущенная тетива — и Гарх, не успевший еще подняться достаточно высоко, болезненно вскрикнул: Каграт явно не промахнулся... Но, насколько серьезно ворон был ранен, определить было невозможно — Гарх уже скрылся за верхушками деревьев. Впрочем, то, что он не рухнул камнем на землю, а продолжал лететь, внушало некоторую надежду — видимо, стрела задела его лишь вскользь... Раздосадованный неудачей, Каграт отшвырнул лук и издал гневный рев взбешенного элфанта.

— Ах ты, с-с-сучий потрох! — Он в бессильной ярости погрозил вослед ворону кулаком. — Ну, попадись мне только...

Саруману потребовалась секунда-другая, чтобы прийти в себя и перевести дух.

— Остынь, Каграт! — уронил он как можно более ленивым, небрежным и безучастным тоном. — Охота тебе тратить стрелы на всякое воронье...

— На всякое воронье? — прохрипел вожак. Он медленно подступил к магу, лицо его было серым от бешенства. — Да в том-то и дело, что, по-всему видать, далеко не «всякое»! Давай-ка уже внесем в насущный вопросец некоторую ясность! Этот трупоед, знамо дело, не просто так возле тебя крутится, а?

— Разумеется, не просто так, — сердито проворчал Саруман, — «просто так», как всем известно, и курица не снесется. Да, признаюсь, этот ворон — можно сказать, мой давний знакомый... Я его иногда подкармливаю кусочками солонины, вот он меня и навещает...

— Подкармливаешь? Ишь ты, любитель пташек! Зажрался, видать, на казенных харчах? Придется тебе пайку-то урезать... — Каграт вдруг подался вперед, быстрым движением сгреб волшебника за грудки, швырнул его к ближайшему дереву, крепко вжал в бугристый древесный ствол. Глаза орка — налитые кровью, желтые, злые — впились в Сарумана, как

абордажные крючья, ввелись, точно шипы неотвязки, в самое нутро, в печенки и жилы. — Ты меня за деревенского дурачка-то не держи, старый! — жарко выдохнул он Саруману в ухо, и, намотав волосы мага на кулак, пригнул его голову к плечу — таким яростным и резким рывком, словно хотел оторвать её напроочь. — Я *видел*, как ты передавал этой твари записку... Кому, куда — говори!

Саруман похолодел. Неужели действительно — видел? Когда успел, как? Или... что?

— Да ну, вот правда *видел*? — Он еще нашел в себе силы отрывисто усмехнуться в перекошенную кагратову рожу. — Собственными глазоньками, да? Или просто кто-то тебе ушат гнилой воды в уши налил? И я даже догадываюсь, кто... С каких это пор ты начал верить шаваховой брехне? Если ты станешь слушать каждого, кому выпадет удобный случай выставить тебя на посмешище...

— На посмешище, вот как? — Каграт злобно сузил глаза.

— А ты сам-то как разумеешь? — процедил Шарки. — С каких это пор Шавах у тебя не тупым воякой и кишкодером слывет, а надежным шпионом и осведомителем?

— Не твое дерьмовое дело, кого я слушаю. Твое дело — сидеть тихо и помалкивать в бороду, радоваться, что все зубы по своим адресам! — Каграт коротко зашипел. Но, видимо, слова Сарумана все же возымели нужное действие, хватка орка слегка ослабла. Впрочем, скалился он по-прежнему людоедски, а шурился — подозрительно и зловеще. — Ты смотри, старый, не буди во мне зверя... И про шесток свой сверчиный не забывай, понял! Гонорок-то из тебя прет, как тесто из кадки, того и гляди замесить придётся! — он коротко взрыкнул и напоследок так пнул Сарумана коленом в живот, что у Шарки перехватило дыхание; он едва удержался, чтобы не вскрикнуть. — Я доступно излагаю, ага?

— Чрезвычайно доступно, — прохрипел волшебник, сгибаясь в три погибели и судорожно хватая ртом воздух. — В иные моменты ты можешь быть необыкновенно... убедительным.

— То-то же! — Каграт ухмыльнулся, очень довольный, брезгливо отшвырнул старика прочь, ещё секунду-другую постоял рядом для внушительности — и наконец, смачно сплюнув в костер, поднял лук, небрежно тренькнул тетивой и неторопливой, вальяжной походочкой чуть враскачку удалился. Шарки — задыхающийся, яростный и взъерошенный, точно кот, потрепанный в уличной драке — едва подавил готовое сорваться с уст гневное проклятие. Медленно поднялся и сел на земле, провожая орка мрачным взглядом — ладно, сказал он себе, погоди, мой неумытый друг, я тебе это припомню, придет время — сочтемся... Ох как сочтемся! — так, что косточки у тебя затрещат... и очень скоро, если только Гарху удастся вовремя добраться до Лоризна и предупредить обо всем эльфов. Если удастся...

* * *

«Меня убили», — в ужасе подумал Гарх.

Удар был настолько внезапен, а боль, пронзившая ворона, такая острая и ошеломляющая, что у Гарха на секунду потемнело в глазах.

Тем не менее он был вполне жив — и даже продолжал лететь, роняя капельки крови, хотя в груди его поселился злобный еж с тысячами иголок, а злосчастное крыло отваливалось при каждом взмахе. Дальше, дальше, уговаривал он себя, еще немного... Убедившись, что орочий лагерь остался позади и оттуда его не достанут никакие лучники,

ворон опустился на ветку торчащей на горном склоне сосны, чтобы отдышаться и оценить тяжесть ранения. Голова у него шла кругом, а сжавшееся сердечко бешено колотилось — не столько от боли, сколько от потрясения и пережитого ужаса.

Ему казалось, что стрела пробила его навывлет, от груди до затылка, и он долго не решался опустить взгляд и увидеть на груди вместо перьев и пуха бесформенное кровавое месиво, разорванные мышцы, вывалившуюся печень и жалко волочащиеся по воздуху кишки... но, наконец кое-как преодолев себя, скосил глаза, осмотрел рану и с удивлением убедился, что это вовсе не жуткая разверстая дыра сквозь него всего, а всего лишь рваная и кривая царапина на боку. Длинная и глубокая царапина, из которой тем не менее медленно, по капле, но все же продолжала сочиться кровь.

Ворон с облегчением перевёл дух. По крайней мере, прямо сейчас он не умрёт...

Ну ладно. И что теперь? — спросил он себя. Лететь дальше — подбитым и раненым? Или вернуться назад и спрятаться под надёжное саруманово крыло? Но волшебник говорил, что другого удобного случая добраться до Лориэна уже не представится... Эльфы *должны* через два дня оказаться у Каменного Моста, иначе Белому магу придется несладко, а Гарх — увы! — был слишком честным вороном и верным другом, чтобы наплевать на данное ему поручение и оставить в беде давнего доброго товарища.

«Лети вдоль реки... Если не будешь мешкать, окажешься в Лориэне до наступления темноты...»

Если не будешь мешкать. Если не лишишься по дороге последних сил, не потеряешь скорость и не рухнешь в реку... Ладно, со стоном сказал себе Гарх, я, может быть, и немолод, и глуповат, и медлителен, и особой храбростью совершенно не отличаюсь, но товарищей я до сих пор ни разу не подводил... и впредь подводить не буду!

Он хрипло каркнул, расправил крылья и отправился в путь.

Он летел на восток, в сторону Лориэна.

Полет давался трудно — саднила царапина на груди, ныло вновь разболевшееся крыло, рана то как будто покрывалась заскорузлой коркой, неприятно стягивая кожу, то вновь начинала кровоточить. Не было ли на кончике орочьей стрелы какого-нибудь коварного, медленно действующего яда? У Гарха кружилась голова, и тело временами словно бы каменело, но это скорее было следствием слабости и потери крови, нежели действием какого-либо отравления; он старался больше парить, ловить крылом восходящие токи воздуха, но все равно неумолимо терял высоту, и пару раз вынужден был останавливаться, ища для посадки безопасное местечко, и давать натруженным крыльям отдых. Впрочем, солнце было еще высоко, хоть и неумолимо скатывалось на запад, за скалистые гребни Хитаэглира, Туманных гор — и вечерние тени, ползущие по земле, не могли догнать ворона, как ни старались. Вскоре каменистые предгорья остались позади: внизу тянулась, поблескивая, бесконечная лента реки, зеленые безлесные долины сменялись небольшими купами деревьев, виднелись темные извилистые трещины оврагов, лужицы каких-то болотцев и поросших тростниками прудов. Гарх летел невысоко над землей, уже не стараясь подняться выше — ветер свистел в его надорванных и истрепанных крыльях, и силы ворона таяли куда быстрее, чем ему этого хотелось бы.

Потом он заметил тень на траве — и, к счастью, успел вовремя метнуться прочь и забиться в густую крону растущего на пригорке одинокого тополя. Тень принадлежала орлану-белохвосту, рыскавшему над берегами реки в поисках добычи, и угодить ему в когти Гарху никакого интереса не было. Некоторое время он сидел и отдыхал, судорожно цепляясь

за ветку, окидывая внимательным взглядом окрестности и терпеливо ожидая, пока хищник уберется прочь.

«Тут недалеко — миль двадцать-двадцать пять... К вечеру будешь в Лориэне...»

Ворон уныло подсчитывал: сколько миль ему уже удалось пролететь? Сколько еще осталось? Двадцать миль — это два часа полета для молодой, здоровой и крепкой птицы... Для молодой и здоровой! Гарх вздохнул. Ладно, эльфийская граница близка, он, кажется, уже видел на горизонте голубоватую стену деревьев, под которую укатывались сверкающие воды реки — это была опушка Золотого леса. В густой чаще ворону будут не страшны никакие наглые белохвостые орланы...

Выждав еще некоторое время, Гарх высунул голову из листвы и внимательно осмотрелся — хищника, кажется, и след простыл. Ну, тем лучше, пусть ищет охотничьи трофеи где-нибудь подальше отсюда... Гарх распахнул усталые крылья и вновь пустился в утомительный полет вдоль реки — вперед, все вперед. Золотой лес был совсем близок, а там ворона ждали отдых, еда и целительные эльфийские снадобья. Ну же, ещё совсем немного, осталось недалеко, подбадривал он себя... Я должен долететь... Я уже почти у цели...

Гарх ошибся. Орлан вовсе не намеревался убираться прочь. На тополе, в ветвях которого прятался ворон, было его, орланово, гнездо, и сам хозяин сидел на его краю, озирая окрестности зорким и мрачным разбойничьим взором.

Белохвосту вообще сегодня не везло с добычей. Суслик, уже было намеченный в качестве ужина, успел вовремя забиться в свою вонючую сусличью нору, рыба из-за жары ушла глубоко в придонье, а осторожный заяц удрал в кусты буквально из-под носа. В другое время орлан не обратил бы на этого жалкого, невесть откуда взявшегося ворона никакого внимания, но сейчас появление его оказалось как нельзя более кстати: добыча, по совести говоря, была худосочная и неважная, но зато такая легкая...

Бедняга Гарх! Слишком поздно он, увлеченный своими мыслями, заметил упавшего с небес хищника, слишком устал и обессилел для того, чтобы соперничать с ним в ловкости и быстроте. Он успел — успел! — увернуться в последний момент, метнуться в сторону и вырваться из острых смертоносных когтей, но несчастное его, и без того больное крыло оказалось окончательно разорвано, растерзано и смято, как бумажная игрушка... С раздосадованным клекотом орлан взмыл в поднебесье, унося в когтях клочки пуха и чёрных перьев, а Гарх, потеряв равновесие, хрипло крича и кувыркаясь в воздухе, комом рухнул в серый речной поток, под сильный и ровный напор течения — и тёмные холодные воды реки тотчас безжалостно и равнодушно поглотили его.

27. Встреча

Вот так. И что дальше?

Гэндальф тяжело опустился на поповшееся на пути поваленное бревно.

Достал трубку и некоторое время сидел, держа её в руках, потирая пальцем полированный чубук, прежде чем вынуть кисет и начать набивать табак в чашу. Не то чтобы сейчас был подходящий момент тянуть время и предаваться неге и праздности, но волшебнику требовалось успокоиться, собраться с мыслями и унять дрожь в трясущихся пальцах.

Да. Он сделал все, что мог. Ему не в чем себя винить. Спорить с мальчишкой было бессмысленно. Пусть этот строптивый орк отныне идет, куда хочет. В Серые горы, в Удун, к лешему за пазуху, ищет там свой собственный путь, приключений, сородичей, балрога в ступе... Если ему повезет, то, возможно, он даже останется в живых. Если нет, то... да и назгул с ним! Какого лешего, с раздражением спрашивал себя Гэндальф, я должен с ним нянчиться, если он ни во грош не ставит ни меня, ни мои предостережения и советы? А Саруман... где он, тот Саруман? Если ему наплевать на своего воспитанника, почему не наплевать должно быть мне?

«Ку-ку?» — нерешительно спросила над головой мага кукушка. И тут же умолкла — вспорхнула и умчалась куда-то в глубину рощи. Волшебник проводил её рассеянным взглядом, провел ладонью по тёплой, шероховатой коре старой ветлы, на которой сидел. Глубоко и сердито затаился в последний раз. Гнев его остывал, проходил, как болезненный приступ, рассеивался в воздухе вместе с табачным дымом, и на смену ему приходили тревога, усталость, неуютное осознание совершенной ошибки...

Сколько времени миновало, спросил он себя — вряд ли больше четверти часа. Наверно, сейчас еще не поздно пойти за Гэджем следом, догнать его, а потом... А что, собственно говоря, потом? Разговаривать с ним разговоры, видимо, бесполезно, остается только скрутить его в баранку и силой тащить за собой на восточный берег — для его же блага. Но ведь он этого не оценит... он и так полагает мага подлецом и предателем, ради пустой потехи отдавшим его на растерзание самодурам-эльфам, и к голосу разума решительно не желает прислушиваться. Затих в нем этот голос, потерялся где-то под пластами ярости и обиды, под пошатнувшейся (или уже рухнувшей?) верой в мудрого непогрешимого учителя. Ах ты ж, глупый мальчишка! Гэндальф раздраженно выколотил трубку о ствол дерева и сунул её за пояс. Поймет ведь свою ошибку и раскается в ней, несчастный звереныш, но будет уже поздно, поздно, поздно! Зайдет слишком далеко, слишком рьяно и слишком опрометчиво, чтобы можно было повернуть назад... Волшебник рывком поднялся. Ладно, решительно сказал он себе, хватит попусту стенать и рассиживать на пенечке, старый дурень... сейчас я соберусь с силами, пойду на восток, к устью реки Келебрант, сяду там в лодку, переправлюсь на другой берег и забуду об этом безмозгом орке, как о страшном сне...

И он торопливо пошел — только почему-то не на восток, а на запад, следом за Гэджем. Умные его ноги как-то сами решили, куда следует идти, как ни пытался волшебник их остановить, переубедить, развернуть назад...

Орк прошёл здесь — судя по примятой траве и сбитым верхушкам цветов. Шел и пинал шляпки попадающих под ноги сыроежек, крушил розовые соцветия кипрея, продирался

сквозь кусты, не разбирая дороги. Кипел от бешенства, размахивал палкой, пинками расшвыривал с дороги камни и сухие сучья. Потом, видимо, поостыл — сорванные верхушки метлицы перестали попадаться, да и след вышел на более высокое и сухое место, где не оставалось ни отпечатков на земле, ни примятой травы. Волшебник на секунду остановился и осмотрелся. Если этот проклятый урук не хочет, чтобы его нашли...

Он почти побежал, спотыкаясь, боясь потерять и без того едва заметный след окончательно, миновал небольшой ельник, спустился в овражек, по дну которого тек ручей. На берегу, на влажном песке остались отпечатки сапог — да, орк проходил здесь, а потом, перепрыгнув на другую сторону, принялся взбираться по противоположному склону. Гэндальф, найдя узкое местечко, тоже прыгнул через поток... но не слишком удачно, нога его попала не то в заброшенную лисью нору, не то в канавку, промытую дождями в склоне овражка, провалилась в неглубокую яму...

Что-то явственно хрустнуло в щиколотке — и волшебника пронзила такая яростная, такая острая и невыносимая боль, что на секунду мир вокруг потемнел. Гэндальф со стоном упал, выронил посох — и тот, скатившись по склону овражка, с плеском окунулся в ручей.

Да что за неудачный сегодня день!

Некоторое время волшебник приходил в себя.

Переведя дух, осторожно, преодолевая боль, освободил пойманную в ловушку ногу, опустился на землю и осмотрел пострадавшую щиколотку. Она выглядела как-то странно и непривычно, будто кочерга, вывернутая под причудливым углом, но, чтобы полностью оценить величину повреждений, надо было снять сапог... Что там — растяжение? Вывих? Перелом? Только этого не хватало! Гэндальфу теперь не только беглого орка — леший бы его побрал! — не догнать, но и к устью Келебрант до вечера не добраться... Остается только ковылять обратно к эльфам, на заставу к Фаундилу, и лечить там эту подлую, так некстати хрупнувшую лодыжку. Если вообще удастся подняться...

«Ку-ку!» — злорадно сказала кукушка.

Гэндальф отыскал взглядом укатившийся посох. Тот лежал в нескольких шагах ниже по течению ручья, опустив наверх в воду. Волшебник мысленно выругался.

Проклятый мальчишка! Если бы он не удрал, как последний болван, а Гэндальф — тоже как последний болван! — не пустился сломя голову ему вдогон... Если бы на пути не оказался этот злосчастный ручей... Если бы, если бы... Нытьем и сожалениями дела было не поправить, следовало собраться с силами, попробовать подняться и дотянуться до посоха.

— Я так и знал, что ты увяжешься за мной следом, старый пень! — презрительно сказал за его плечом знакомый голос.

Гэндальф поднял голову. Гэдж стоял чуть правее, на краю овражка, держась за ствол растущей на склоне старой сосны, и смотрел на волшебника взглядом мрачным и пристальным, но, кажется, уже лишенным былой непримиримости и вызывающего напора. Лицо его было вообще как-то по-орочи нечитаемо — угрюмо, непроницаемо и беспросветно, словно угасший, лишенный внутреннего света фонарь.

Гэндальф проглотил вставший в горле ком.

— Экий ты догадливый, — пробормотал он, потирая раненную ногу. — И вернулся для того, чтобы мне об этом сообщить?

Вот так-так, сказал он себе, это еще что за явление? Орк успокоился, одумался, раскаялся в неуместной горячности и припожаловал слезно покаяться и принести извинения? Или... что? Пришел позлорадствовать и поглумиться над былым спутником?

— Нет. — Гэдж, секунду помолчав, как-то опасливо огляделся. — Я просто подумал, что тебя надо предупредить...

— О чем?

— Мы тут не одни. — Гэдж по-прежнему испытующе и внимательно смотрел на Гэндальфа. Взгляд его из сумрачно-неприятного сделался встревоженно-подозрительным. — Что с тобой?

— Ничего, — сказал маг сердито. — Но, раз уж ты все равно здесь, я был бы тебе очень благодарен, если бы ты оказал мне одну услугу.

— Какую услугу?

— Будь добр, подай мне мой посох.

— Посох? — орк огляделся, ища глазами укатившийся в ручей деревянный шест. Секунду-другую он стоял неподвижно, и Гэндальф был уверен, что он сейчас повернется и молча исчезнет в лесу («*Иди ты к лешему, старый козел!*»), — но, чуть помедлив, мальчишка все-таки принялся спускаться в овраг, выудил из ручья посох и, на ходу отряхивая его от воды, подошел к волшебнику.

— Спасибо. — Гэндальф вздохнул: вновь ощутить в ладони такое теплое, гладкое и почти родное дерево было отрадой. Теперь дело должно было пойти легче: имея под рукой надёжную опору, можно было попробовать встать и утвердиться на ногах...

Он взглянул на Гэджа: тот отступил на пару шагов, но уходить по-прежнему не торопился. Переминался неподалеку с ноги на ногу, и коса, словно бы украдкой поглядывая на мага. Спросил отрывисто:

— Что с твоей лодыжкой?

— Понятия не имею, — пробормотал Гэндальф. — Подвернул.

Гэдж облизнул губы. Презрительная холодность на его лице сменилась недоумением.

— Ты что, не можешь идти?

— Не знаю. Я ещё не пробовал, — буркнул волшебник. — Для начала надо хотя бы подняться.

— погоди. — Гэдж опять как-то нервно огляделся. Потом сбросил с плеча сумку и опустился рядом на одно колено. — Надо снять сапог и посмотреть, что там.

— Зачем? — сказал Гэндальф сквозь зубы. — И так видно, что ничего хорошего... Доковыляю обратно к эльфам, они посмотрят.

Орк коротко рыкнул.

— Когда доковыляешь? Через неделю? — спросил он с раздражением. — Дай нож, а то кинжалом несподручно голенище резать.

Ну, по крайней мере, удирать прямым ходом в Серые горы мальчишка как будто пока не помышлял... Волшебник вытащил из котомки перочинный нож с широким лезвием — тот, которым обычно вырезывал по дереву — и протянул его Гэджу. Орк поудобнее устроил зловещее орудие в руке, осторожно разрезал голенище кожаного гэндальфского сапога сверху донизу, взялся за задник и — р-раз! — небрежным рывком сдернул остатки обуви с распухшей и отекающей ноги...

Волшебник глухо взвыл и судорожно вцепился обеими руками в траву.

— Предупредить нельзя было? — прохрипел он через силу, приходя в себя. — Я что, деревянный, по-твоему?

— Ну, извини, — неловко, закусив губу, пробормотал Гэдж. Он отложил нож в сторону, пристроил гэндальфскую ногу на расстеленный на земле плащ и аккуратно снял полотняные

обмотки. Обнажилась пострадавшая лодыжка: раздувшаяся, как шар, на глазах наливающаяся жуткой багровой синевой, горячая, как-то неестественно вывернутая...

— Вывих. Или подвывих, — сказал Гэдж задумчиво, потирая подбородок. — Я так и предполагал... Вечно ты во что-то вляпываешься!

— Я? — с нервным смешком спросил Гэндальф.

— Ладно, сейчас мы это исправим. — Орк торопливо порылся в своей сумке и извлек маленькую деревянную баночку. В ней оказалась желтовато-серая мазь, густая и жирная, пахнувшая почему-то терпким ароматом морковной ботвы.

— Это еще что? — спросил Гэндальф. Внезапно обуявшее Гэджа азартное врачевательское рвение ему совершенно не нравилось.

— Всего лишь вытяжка из корней цикуты. Обезболивающее, — коротко пояснил орк. — С самого Изенгарда берегу... Надо нанести немножко на поврежденное место, она уменьшит боль. — Он аккуратно взял немного мази на палец и принялся растирать её по синей, отекающей, ноющей гэндальфской ноге, с неудовольствием отзывающейся болью на каждое неосторожное прикосновение. Волшебник сидел, стиснув зубы и полуприкрыв глаза, стараясь лишней раз не шевелиться — лодыжка явно не приветствовала резких движений. К счастью, мазь подействовала быстро, по поверхности кожи разлился приятный благодатный холодок, боль чуть унялась, отступила, и нога отяжелела и онемела, словно кусок гранита...

Вновь спрятав баночку с мазью в котомку, Гэдж осторожно ощупал место повреждения, оценивая положение костей, степень смещения сустава и целостность связок. Исподлобья посмотрел на мага.

— Ну и что там... по-твоему? — небрежно поинтересовался Гэндальф. — Перелом?

— Нет, просто обычный вывих, — спокойно отозвался орк. И добавил — скорее, показалось Гэндальфу, кровожадно, нежели с истинным желанием помочь: — Я его сейчас вправлю.

— Э-э... может, мне лучше вернуться в Лориэн?

— Успокойся, — буркнул Гэдж. — Тут нет ничего сложного. Надо просто потянуть ногу на себя и сдвинуть сустав в направлении, противоположном вывиху. Делов на пару секунд.

— Тебе что, часто приходилось этим заниматься?

— Ну... приходилось пару раз. Готов?

— Ты уверен, что это не перелом? — торопливо спросил Гэндальф. Ему вовсе не хотелось, чтобы после сомнительно-карательной орочьей медицины его нога стала напоминать штопор.

— Уверен. Иначе отек бы так быстро не образовался. — Орк взялся обеими руками за вывихнутую лодыжку. — Ну, ты готов наконец?

Гэндальф вновь отчаянно вцепился пальцами в траву.

— Нет! Постой! Может, все-таки лучше...

Гэдж, не слушая его, коротким резким рывком дернул вывернутую ногу, вправляя сустав на место — так быстро и сноровисто, что волшебник даже не успел закончить фразу. Он глухо вскрикнул и судорожно втянул воздух сквозь зубы... В злосчастной щиколотке опять что-то хрустнуло, сдвинулось, и — к изумлению Гэндальфа — нога его перестала быть похожей на погнутую кочергу. Орк потёр ладони и удовлетворенно хмыкнул.

— Ну, вот и всё... Так, поди, до эльфов куда веселее будет топать. Ну-ка пошевели пальцами.

Волшебник посмотрел на выдернутый с корнем пучок травы, оставшийся в его ладони, собрался с силами и осторожно пошевелил большим пальцем на пострадавшей ноге. Ни палец, ни нога, к его удивлению, не отвалились.

Он утер рукавом потное лицо. Криво улыбнулся.

— Ну... спасибо, дружище. Надо признать, у тебя это... ловко получилось.

— А ты думал, я тебе ногу оторву, да? — насмешливо спросил Гэдж, поднимаясь. — Отек, конечно, сразу не спадет, потому что связки растянуты, но через неделю будешь как новенький. Только надо бы перевязать и обездвижить...

На бинты пришлось пустить нательную рубаху волшебника, оторвать от подола несколько длинных узких полос. Гэдж нашел неподалеку крепкую ветку, срезал её и выстругал плашку подходящей формы, чтобы использовать её в качестве накладки — шиной это неуклюжее сооружение оказалось не особенно изящной, но как временная повязка вполне могло сгодиться.

— И что теперь? — спросил орк, когда с врачеванием худо-бедно было покончено. — Поковыляешь обратно в Лориэн?

Гэндальф пожал плечами.

— Видимо, так... — Он внимательно посмотрел на орка. — И ты мне не подсобишь, Гэдж? Не проводишь и не поддержишь? Бросишь беспомощного старика одного, в лесу... оставишь на произвол судьбы, э?

Гэдж насупился.

— Не надо тут... на жалость давить. Я не пойду к эльфам!

— Ладно, как знаешь. — Волшебник вздохнул. Поднял и нахлобучил на затылок валявшуюся рядом синюю шляпу. — Помоги мне хотя бы из оврага выбраться, а дальше я сам доковыляю, найду какую-нибудь палку в качестве костыля... Подсобишь мне подняться?

Орк не ответил. Молча подал магу свою широкую сильную ладонь.

* * *

Подобрав пожитки, они медленно брели через лес: Гэндальф опирался одной рукой на посох, а второй — на крепкое и твёрдое гэджевское плечо. День клонился к вечеру, и свет закатного солнца дробился в ветвях деревьев, проливался на землю золотистыми брызгами, а внизу, в подлеске, уже начала собираться туманная мгла и осторожно копились серые сумеречные тени. До границы Лориэна мили четыре, с неудовольствием думал волшебник, таким манером, хромой и колченогий, я буду до утра туда ковылять. А если еще мальчишка вздумает сбежать... хотя куда ему сейчас бежать — на ночь глядя...

— Я слышал, — небрежно произнес он, — что в некоторых орочьих племенах юноши в день совершеннолетия должны изловить зверя — ну там зайца к примеру, или барсука... или олененка... вырвать ему сердце — живому — и испить свежей крови. Как тебе это нравится?

Орк поморщился.

— Ты это к чему вообще? Напугать меня хочешь, что ли?

— Нет, просто... дать кое-какую пищу для размышлений.

— Ну-ну. А какие еще любопытные ороцьи обычаи тебе известны?

— Про испытание болью, например...

— Что?

Гэндальф не ответил. Остановился и прислушался. Что-то явственно хрустело в кустах

неподалеку, хрустело и трещало, словно там неуклюже резвился какой-то зверь — не особенно крупный, но, судя по производимому им шуму, вполне плотный и упитанный. Зашевелилась трава...

Волшебник замер.

— Ты, кажется, говорил, что мы тут не одни?

— А, да... — пробормотал орк. — Я забыл тебе сказать... думал, он уже ушёл...

— Кто?

Из зарослей реписа навстречу путникам выкатился мохнатый бурый шар. Вернее, не совсем шар: при более пристальном рассмотрении у него оказались четыре короткие лапы и живая острая мордочка с маленькими черными глазками-бусинками. Это был крепенький бурый медвежонок... Он остановился в нескольких футах от путников, приподнялся на задние лапы и очень внимательно осмотрел волшебника и орка с головы до ног.

— Вот он, — пояснил Гэдж, — этот медведь. Я видел его еще час назад, он тут в малиннике шарился. Я потому и вернулся — подумал, что тебя надо предупредить. А то помчишься в лес не глядя и напорешься там на медвежье семейство...

— Ах вот оно что, — пробормотал Гэндальф. — Ясно.

Медвежонок, конечно, опасаться не стоило — но ведь где-то поблизости должна была обретаться и мамаша-медведица, ревностно стоящая на страже жизни, чести и достоинства своего ненаглядного отпрыска. Тем более что медвежонок чужаков совершенно не чурался: не выказывая ни малейших признаков страха или замешательства, он глубоко вздохнул, с ленивым видом праздного зеваки приблизился к Гэндальфу и принялся деловито обнюхивать его раненную ногу. Сам волшебник, собственно, не видел никаких причин для столь глубокого интереса — одеревеневшая его, скованная под повязкой лодыжка казалась ему частью тела довольно-таки малопривлекательной, — но медвежонок она прямо-таки обворожила: он плюхнулся рядом на свой упитанный мохнатый зад и, шумно дыша, повел носом с видом истинного знатока и эстета, оценивающего тонкий букет редкостного вина. Негромко удовлетворенно заурчал...

— Не бойтесь, он вас не тронет, — раздался из лесной чащи чей-то негромкий мягкий голос: голос и тихий смех. — Этот звереныш совсем ручной и смирный... Поди сюда, Смоки, у них все равно нет ни медовых сотов, ни моркови.

Медвежонок, который только что и сам в этом убедился, испустил громкий вздох разочарования, громко не то чихнул, не то фыркнул и закосолапил куда-то мимо путников дальше в лес. Волшебник и орк посмотрели ему вслед: в нескольких шагах позади под деревом стоял невысокий старик в буром, почти сливающимся с цветом древесной коры плаще и, лукаво прищурившись, с усмешкой поглядывал на путников.

— Радагаст! — пробормотал Гэндальф.

— Гэндальф! Здравствуй, друг мой! — Старик, опираясь на длинную сучковатую палку (посох?), на которой кое-где пробивались зеленые листочки, неторопливо вышел из леса. Поставил на землю корзину с грибами и какими-то травами, подал Гэндальфу грубоватую, испачканную землей мозолистую ладонь. — Вот так неожиданная встреча! Всегда-то ты сваливаешься, как снег на голову в середине лета... Но что это за беда с тобой приключилась, э? — он покосился на забинтованную ногу Серого мага и перевёл взгляд — скорее заинтересованный, чем подозрительный — на Гэджа. — И кто это с тобой?

Гэндальф хрипло усмехнулся. И так крепко стиснул плечо орка, точно опасался, что тот сию минуту может вырваться и удрать.

— Познакомься, Гэдж, это Радагаст Бурый, мой давний соратник и собрат по Ордену... И ты, Радагаст, — он мрачно улыбнулся, — обрати самое пристальное внимание на моего юного попутчика, он, право, того стоит... Его зовут Гэдж.

— Гэдж, вот как? Урук? — Радагаст изумленно подергал себя за бороду. Он был невысок, худощав и жилист; его растрепанная, чуть рыжеватая борода оказалась не слишком умело подстрижена полукругом, а волосы, когда-то, очевидно, каштановые, а сейчас — неопределенного серо-бурого цвета, были заплетены в неряшливую косицу. Лицо старика — круглое, словно полная луна — казалось приветливым и безмятежным, темные карие глаза смотрели прямо и пытливо, с чуть заметным добродушным прищуром. — Странные у тебя... попутчики, — добавил он, помолчав.

— Ты удивлен?

— Ну... озадачен. Немного.

Гэндальф понимающе хмыкнул.

— Ты не первый, кого мой юный друг изрядно озадачил, были и другие жертвы, начиная с Сарумана.

— Да ну? — В карих глазах Радагаста мелькнуло недоверчивое изумление. — Саруман всегда казался мне субъектом, которого трудно озадачить.

— И на старуху бывает проруха, — без тени улыбки отозвался Гэндальф.

Бурый волшебник встревоженно покачал головой.

— Ну, раз так, вижу, потолковать на досуге нам будет о чем... Что ж. Негоже тут на солнцепеке комаров кормить, милости прошу к моему очагу... У меня здесь хижина в лесу неподалеку, полмили вверх по берегу Келебрант, за час аккурат доберемся.

Гэдж глухо заворчал под нос. Наверное, сказал он себе, самое время делать ноги. По крайней мере, обвинить его в том, что он «оставил спутника на произвол судьбы», его теперь не сумеет и собственная назойливая совесть.

— Ладно, — хмуро сказал он. — Вы, я вижу, давние знакомые, так что теперь о тебе есть кому позаботиться, Гэндальф. Я, пожалуй, пойду...

— Куда? — со смешком спросил Радагаст. — Мы еще и присмотреться друг к другу толком не успели, а ты уже мыслишь бесследно исчезнуть? Неужели я такой уж мерзкий, дикий и отталкивающий дед-лесовик, э?

Орк смешался.

— При чем тут...

— погоди, Гэдж! — Гэндальф по-прежнему крепко стискивал его плечо. — Послушай меня, — сказал он вполголоса со всей силой убеждения, на какую только был способен. — Серые горы от тебя никуда не убегут, у них ноги еще не выросли... Не отказывайся от приглашения, Радагаст — не эльф, с каверзными вопросами лезть не будет... да и, по совести говоря, когда тебе еще выпадет случай сытно поесть и переночевать под крышей? Глуп, надо признать, тот путешественник, который упускает возможность плотно набить брюхо на сон грядущий.

«Да ладно. Я не голоден», — хотел сказать Гэдж презрительно. Вот только живот его имел другой взгляд на этот вопрос и, опротестовывая мнение хозяина, в этот миг громко и решительно заурчал. За целый день орку довелось съесть только пару пресных эльфийских печений, рыбное желе да травяной супчик, а солнце уже клонилось к закату. Он сглотнул слюну и... промолчал.

— Идем, — посмеиваясь, произнес Гэндальф.

— Давненько я у тебя не бывал, — сказал Гэндальф, пока они втроем (плюс Смоки, который поспешал следом, смешно переваливаясь на коротких толстых лапах) брели вверх по берегу реки Келебрант к жилищу лесного волшебника. — Ты же вроде жил в Росгобеле, на восточном берегу Андуина, с каких это пор решил бросить свою мызу да перебраться на запад? Сколько я тебя знаю, ты всегда был к перемене мест не охоч.

— Да я и не перебирался, — безмятежно отозвался Радагаст. — Живу-то я по-прежнему там, на том берегу, здесь у меня просто небольшой огородик — картошку сажу, репу, тыкву, пятое-десятое, что попроще да понеприхотливее. Там, в Лихолесье, земля теперь плохо родит, Гэндальф, — добавил он, помолчав, — а то, что родит, частенько и в рот взять нельзя.

— Да, я слышал, там неладно, — негромко согласился волшебник. — Слишком близко от...

— От Черного Замка.

— Что за дела там творятся?

— Не знаю. Темные дела, Гэндальф. И лес дурной стал, совсем дурной. Туда теперь и днем-то страшно зайти, а ночью так и вовсе жуть пробирает. Болота уже чуть не до Андуина доползли, а уж тварей там развелось видимо-невидимо — и пауков, и еще каких-то, еще чуднее: эти уж совсем ничем не брезгают, друг друга жрут, коли ничего другого найти не удастся, даром что все зверье лесное давно севернее откочевало. Чувствую, скоро и мой черед подойдет когти оттуда рвать, ну да год-другой еще повременить можно... Я вообще-то ночевать тут не намереваюсь, ближе к вечеру домой соберусь, так что милости прошу в Росгобел с визитом: гости ко мне нечасто заходят. Вот тогда все своими глазами и увидишь, дружище — ты ведь, я так понимаю, именно за этим сюда и пожаловал?

...Впереди среди деревьев забрезжил просвет, и путники вышли на небольшую полянку, окруженную глубокой дренажной канавой, через которую были перекинута деревянные мостки. Кроме рва от леса полянку отделяла простенькая изгородь из неошкуренных жердей, за ней тянулись грядки — с картофелем, репой и свеклой, с вольготно расстилающимися по земле тыквенными плетями, над огромными, медово-янтарными цветами которых кружили пьяные от нектара дикие пчелы. Посреди огорода, среди зарослей крыжовника, торчало облаченное в старую рубаху воронье пугало.

Смоки, урча, кинулся вперед всех — к небольшому домику, стоявшему в глубине участка. «Хижина» была совсем игрушечная, состоящая из двух маленьких помещений: сеней, где хранился хозяйственный инвентарь и с потолочных балок свешивались связки прошлогоднего лука, сушеных грибов и каких-то душистых трав, и крохотной жилой комнатки, где размещались: столик возле окна, лавка, застеленная лоскутным одеялом, шаткая табуретка и небольшая настенная полочка с посудой и мелким бытовым скарбом. Ни очага, ни печи в избушке не имелось — зимой Радагаст здесь не жил, — но возле стены стояла пустая жаровня.

Гэндальф сбросил котомку, поставил в угол свой посох, азартно, с плеском и фырканьем, умылся под глиняным кувшином-рукомойником, присел на лавку и, блаженно отдуваясь, потер больную ногу. Гэдж, неловко осматриваясь, опустился на скамью рядом с ним. Радагаст тем временем хлопотал возле стола.

— Вы уж не обессудьте, угощение мое небогато, я как-то не ожидал, что ко мне нынче

гости пожалуют, — извиняющимся тоном произнес он. — Но кое-какой харч, пожалуй, отыщется...

Он пошарил на полке и под платком, которым была укрыта какая-то стоявшая на столе утварь, и действительно добыл пару овсяных лепешек, несколько соленых огурцов, кусок мягкого козьего сыра и даже завернутый в рогожку котелок с вареной картошкой. В добавление к этой снеди на столе появилась большая бутылка в оплетке из ивовой коры, наполненная некой прозрачной, чуть розоватого цвета жидкостью — это, пояснил Радагаст, было ягодное вино, которое он, Радагаст, изготавливал самолично из перебродившего крыжовенного сока. На вкус оно оказалось кисло-сладковатым, ароматным, словно компот, и приятно пощипывало язык — но, выпив чашу-другую чистого как слеза напитка, Гэдж внезапно сделал вывод, что питье это вовсе не так просто и безвинно, каким представлялось по первому впечатлению. То ли сказала усталость и пустой желудок, то ли орк попросту не привык к хмельному, но очень скоро он обнаружил, что горница и все окружающие предметы начали вести себя как-то странно: все они медленно вращались вокруг Гэджа, неторопливо, но неуклонно, как мировая сфера вокруг своей оси — и стол, на который орк ставил деревянную чашу, каждый раз оказывался немного не на своем месте. Это таинственное волшебство представлялось Гэджу до крайности забавным, и он, не в силах удержаться, то и дело приглушенно хихикал в кулак, тем более что Гэндальф и Радагаст, занятые беседой о каких-то своих делах, не обращали на него никакого внимания. Они говорили о Лихолесье, о каком-то Дол Гулдуре, о крепости, расположенной на холме за кольцом непроходимых болот; в течении недолгого времени Гэдж пытался вникнуть в их разговор, но вскоре заметил, что это требует от него некоторого усилия, и оставил свои старания, даром что к этому времени потихоньку начал клевать носом. Этого нельзя было допустить — он вдруг вспомнил, что вообще-то собирался идти в Серые горы! — поспешно вскочил и, буркнув: «Мне пора!» — решительно шагнул к выходу. Дверь каморки в этот миг как раз очень удачно проезжала мимо и, схватившись за косяк, Гэдж вполне благополучно вывалился во двор, по пути споткнувшись обеими ногами о невысокий порожек.

Радагаст проводил его задумчивым взглядом.

— Не знаю уж, где ты отыскал этого орка, Гэндальф, но, похоже, у малыша Гэджа с головушкой не все в порядке... Куда это он собрался?

— Похоже, что никуда, — посмеиваясь, отозвался Гэндальф, слушая грохот и приглушенные восклицания со двора: Гэдж то ли запугался в трех ступеньках невысокого крыльца, то ли вообще позабыл об их существовании. Волшебник, впрочем, тоже увлекся приятным радагастовым угощением чуть больше, чем следовало бы, глаза его возбужденно блестели. — Да оно, пожалуй, и к лучшему... Помоги-ка мне подняться, пойду скажу ему пару слов.

Опираясь на посох и слегка прихрамывая — крыжовенное вино унимало боль и придавало сил лучше всех на свете вытяжек из цикуты — Гэндальф выбрался из дома вслед за Гэджем. Орк сидел на крыльце, прислонившись спиной к простеньким перильцам, весь какой-то взъерошенный и потерянный; в волосах его запутались травинки и мелкая соломенная труха. Неподалеку крутился Смоки, негромко урчал, катал по земле пустую деревянную плоску, время от времени прихлопывая по ней лапой.

— Проветриваешься? — спросил Гэндальф. Пристроив посох возле стены, он, держась за перила, неуклюже опустился на верхнюю ступеньку крыльца рядом с орком. — Что ж, полезное дело. Нежная и глубокая привязанность к горячительным напиткам, знаешь ли, до

добра не доводит.

— Ладно уж м-мы... м-мораль-то читать, — слегка заплетающимся языком пробормотал Гэдж в ответ. — У самого гха... гхы... гхлаза в р-раз... в разные стороны смотрят...

Волшебник с усилием потер ладонями щеки. Смоки меж тем наскучило гонять плоску по радагастовым грядкам, он уселся в тени стены и принялся шарить в посудине лапой, отскребая от стенок кусочки присохшей каши.

— Ты свою котомку забыл под лавкой, — лениво заметил Гэндальф.

— Я знаю, — пробурчал Гэдж. Он закрыл глаза и прислонился затылком к столбику перил. — Я вообще б-б... б-был д-дурнем, что с тобой связался, гх... г-господин Гэндальф.

— Ты это уже говорил, — рассеянно отозвался волшебник, вспоминая, где он оставил табак и трубку. По всему выходило, что слишком далеко, чтобы за ними возвращаться.

— Т-ты с этим твоим дружкой н-нарочно меня нап-пы... нап-поили, чтоб я н-не ушел, да?

— Ногу я тоже нарочно себе подвернул, — проворчал маг, — пока за тобой по лесу бегал?

Орк не ответил. Смоки, убедившись, что плоска теперь окончательно пуста, наконец оставил несчастную посудину в покое и, облизывая лапу, расслабленно вытянулся в тени. Ветерок принес откуда-то желтый березовый лист, покрутил его над грядками, перебрасывая туда и сюда, подкинул к крыльцу. Гэндальф поднял его и, задумчиво разгладив на ладони, печально вздохнул.

— Н-да, лето-то уже перевалило за середину... — Он испытующе посмотрел на орка. — Послушай, Гэдж. Даже если ты будешь проходить по двадцать миль в день, что маловероятно, то окажешься в Серых горах не раньше середины октября. А осенние холода — там, на севере — не лучшее время для того, чтобы бродить по горам... даже для орка. Посуди сам: у тебя нет ни тёплой одежды, ни оружия, никакого снаряжения... Питаться, к примеру, ты во время пути чем вообще собираешься? Рыбу в Андуине ловить?

— А п-пче... п-пчему бы и не ловить? — спросил Гэдж равнодушно. — М-можно ещё силки на птицу ставить... Г-грибы, того... с-сы... с-собирать...

— Мед у диких пчёл воровать, — проворчал Гэндальф.

— К чему это всё? — пробормотал орк сонно. — П-предлагаешь мне отлы... отложить эту з-затею, что ли? Лет на десять?

«Лучше навсегда», — сердито подумал маг.

— Ну, решать-то тебе, конечно... Но вот Радагаст был бы рад залучить до осени толкового помощника. А осенью мне все равно придется вернуться в Изенгард, чтобы потолковать с Саруманом. Просто сначала мне нужно кое-что сделать...

— Что с-с... сделать?

Гэндальф не ответил: появился Радагаст с какими-то узлами подмышкой. Он запер дверь избушки, хозяйственно подпер колом покосившийся столб в заборе и свистнул Смоки.

— Ну что ж, поедем в Росгобел... у меня тут лодка укрыта в ивняке неподалеку, — пояснил он Гэджу и Гэндальфу. — Полчаса — вниз по реке Келебрант, еще полчаса — на переправу через Андуин, да там несколько минут пешком по берегу — к темноте как раз домой и поспеем.

— Я хочу спать, — сказал Гэдж уныло. Хотя свежий воздух в прямом смысле подействовал на него *отрезвляюще*, он по-прежнему не слишком твердо держался на ногах,

и его неодолимо мутило и клонило в сон. Начинала болеть голова — нудно, тоскливо, мерзко...

— В лодке выспишься, — Гэндальф ободряюще похлопал его по плечу. Дотянулся до посоха, с его помощью кое-как поднялся и утвердился на ногах. Протянул Гэджу принесенную Радагастом котомку. — Бери своё шмотье и пойдём. Скоро стемнеет...

28. Росгобел

— Он придёт сегодня вечером, Гэндальф, — сказал Радагаст.

— Ты его видел?

— Утром. На окраине топей.

— У него там... убежище? — спросил Гэндальф. — На болотах?

Радагаст пожал плечами.

— Думаю, да. Он иногда подолгу там пропадает. Собирает торф или болотную ягоду... не знаю. Мне кажется, в одиночестве он чувствует себя куда уверенней и спокойней, нежели в чьем-то присутствии.

— Может быть, он возвращается в Крепость?

— Не знаю. По совести говоря — может стать и так.

— Ты говорил, что он боится Крепости.

— Он *смертельно* боится Крепости, дружище. Уж в чем-в чем, а в этом я уверен наверняка.

Гэндальф не ответил. Но его задумчивый взор, которым он отстраненно изучал насаженный на верхушку плетня глиняный горшок, стал еще более задумчивым, рассеянным и даже встревоженным.

...Гэндальф и Гэдж гостили в Росгобеле уже несколько дней. Жилище Радагаста Бурого представляло собой небольшой бревенчатый домик, стоявший на невысоком взгорье на опушке леса. Он был незатейлив и прост, как и все крестьянские дома: сени с чуланом, единственная горница, основательную часть которой занимала выбеленная известкой печь, и чердак, захламленный всякой всячиной. Дом окружали хозяйственные постройки: дровяной сарай, амбар, погреб, летняя кухня, загоны для коз, конюшня, в которой жил почтенного возраста каурый конь, которого по какой-то невыясненной причине, которую Гэдж так и не сумел установить, звали Снежком. Кроме того, в доме (под домом, за домом, над домом и вокруг дома) обитали и другие жильцы, куда более неожиданные и беспокойные: белка (на чердаке), выводок ежей (в горнице под лавкой), пара больших жаб и лебедь-шипун (в прудике за огородом), семейство ласточек (под застрехой), енот (в собачьей конуре), лисица (в пустой, положенной на бок деревянной бочке), две сороки (повсюду), олененок (в конюшне), Смоки (под крыльцом). Бурый маг до самозабвения обожал животных: часто бывая в лесу, он подбирал больных, покалеченных, раненных или просто обмороженных зверей и птиц, приносил их домой, лечил, кормил, холил и лелеял, а затем возвращал в лес — но многие к этому моменту настолько приживались в Росгобеле, что и не очень-то стремились вернуться на вольные хлеба, а у Радагаста не хватало духу перестать кормить всех этих прихлебателей и выжить их из своего дома; впрочем, со смехом признавался волшебник, в компании ему было куда веселее. Неугомонные питомцы и впрямь скучать не давали: олененок, выпущенный из конюшни, бродил за Радагастом как привязанный, бодая его своими едва наметившимися рожками, лисица и енот всюду совали носы и воровали все, что было не приколочено и могло сойти хоть за мало-мальски съедобное, ежами, днем отсыпавшимися под лавкой, ночью овладевала безудержная жажда деятельности и они с фырканием носились по дому, топоча, как отборная рохирримская конница, возились и скреблись во всех углах, а по утрам Гэдж, ночевавший на чердаке, частенько просыпался от того, что белка пыталась засунуть ему в ухо орешек, ломтик яблока

или еще какое-нибудь замечательное лакомство, которое следовало припрятать до зимы в надежном месте. Но проказливее и пронырливее всех был Смоки: изо дня в день он бродил по двору, окидывая свои владения бдительным хозяйским оком и выжидая подходящего момента проскользнуть в огород (или в кладовку), после чего неизменно учинял там разгром, разор, беспорядок и разрушения. Иногда он подходил к деревянному загончику для коз и, с тоскливыми вздохами поглядывая на трепещущих от страха козлят, расшатывал непрочную державшуюся жердь в заборе, наваливаясь на неё всем телом и раскачиваясь на ней, точно на качелях. Но чаще всего он лежал в своем логове под крыльцом, высунув оттуда нос и обозревая двор маленькими хитрыми глазками, высматривая, кому бы напакостить; притаившись, он любил поджидать, когда кто-нибудь пройдет мимо — и тогда мгновенно, мохнатым мячиком выскакивал из засады и хватал подвернувшуюся добычу за ноги.

— Надо как-то отучать его от этой забавы, пока она не вошла у него в привычку, — обеспокоенно высказался по этому поводу Радагаст. — Когда у тебя в ногах путается маленький медвежонок — еще куда ни шло, но когда на тебя станет кидаться из-за угла огромный годовалый медведь, это, я думаю, будет не очень-то весело.

— Могу себе представить, — посмеиваясь, отозвался Гэндальф. Волшебник еще немного прихрамывал при ходьбе, но, благодаря радагастовым мазям из змеиного яда (и, вероятно, целительной крыжовенной браге) отек на его злосчастной щиколотке вскоре сошел, связки благополучно зажили и слегка напоминали о себе разве что перед переменной погоды. — Где ты только умудрился отыскать эдакого затейника, эм?

— Скорее наоборот: это он меня отыскал. Иду как-то по берегу Андуина, а навстречу — глядь, ковыляет этот горемыка и урчит этак жалобно, будто стонет. Тощий, облезлый, хромый — страх! Мать-то, по всему виду, орки из Замка убили — они иногда устраивают тут охоту в лесу на зайцев да кабанов... Ну вот и пришлось взять на воспитание.

— Хм! И как ты себе это «воспитание» представляешь?

— Да постараюсь потихоньку приучить его к лесу: самостоятельно еду добывать, от врагов хорониться и все такое... ну, как медведица учит своих медвежат. Через год, глядишь, он и сам от меня уйдет.

— А если не уйдет? — спросил Гэдж.

— Уйдет, — буркнул Радагаст. — А не уйдет — прогоню. Здесь, рядом с Дол Гулдуром, слишком неуютно становится в последнее время — болота поджимают.

Болота, о которых говорил Бурый маг, начинались милях в трех к югу от Росгобела. Когда через несколько дней нога Гэндальфа пришла в относительный порядок, Радагаст сводил туда своих гостей — Серому магу хотелось взглянуть на эту часть леса. Болота как болота, поначалу подумалось Гэджу: топи, камыш, травяные кочки, — но, чем дальше к югу заходили путники, тем все более мрачным и унылым становился пейзаж. То ли солнце скрылось за тучи, то ли от земли поднималась какая-то непроглядная марь, но вскоре вокруг начали преобладать различные оттенки серого цвета — исчезли сочно-зеленые проплешины мха, темная зелень елей, яркая лазурь неба: к югу, сколько хватало глаз, простиралась безжизненная, мрачная, затянутая стелющейся мглой плоская равнина. Здесь стояла плотная, нездоровая тишина — не квакали лягушки, не кричали болотные птицы, даже гуда вездесущего гнуса не было слышно. Над черной, подернутой патиной водой торчали поникшие, лишённые жизненных соков скелеты деревьев; жухлая, блекло-желтая, как кожа мертвецов, трава сплеталась в колючие клубки зарослей, над зеленовато-серыми мутными озерцами поднимались едкие, смрадные, вызывающие дурноту испарения, напоминающие о

разлагающихся останках. Это была мертвая, страшная, гниющая земля — открытая язва на теле Арды, — где не могли жить ни зверь, ни птица, ни цветок, ни единая букашка. И все же там, в глубине болот, кто-то (или что-то) имелось: все то время, что путники провели на краю этого гиблого места, Гэджа не оставляло ощущение, что оттуда, из этой безжизненной мглы за ними неотрывно наблюдают чьи-то внимательные глаза — наблюдают не то чтобы со злобой или ненавистью, а скорее с бессильной тоской хищника, запертого в клетке: некая незримая, но точно установленная граница отделяла живой мир от этой мертвенной пустыни, и путник, ненароком забредший к краю собственной гибели, все же оставался до определенного момента недосыгаем для таящихся за Чертой недобрых сил.

И вот откуда-то из этих болот вечером, если верить Радагасту, должен был явиться некто «он». Зачем? Для чего? Этого Гэдж не знал. Он наострил уши, но Бурый маг больше ничего о таинственном госте не говорил (по крайней мере, при Гэдже) — видимо, для разумения орка подобные разговоры не предназначались. День, как обычно, был наполнен хозяйственной суетой: надо было косить траву на залидном лугу в пойме Андуина, сгребать высушенное сено и свозить копны на сеновал, кормить всю многочисленную радагастову живность, пасти и обихаживать коз, таскать воду из колодца и поливать огород, выпалывать сорняки, дёргать лук, собирать смородину и крыжовник, выгонять из чулана/огорода/амбара Смоки, отбиваться от назойливых сорок, переворачивать сыры в погребе, менять рамки в ульях и делать еще множество дел, которыми от зари до зари наполнен долгий трудовой летний день. Каким образом Радагаст еще умудрялся в этой круговерти хлопот выкраивать час-другой, чтобы немного побродить по лесу, Гэдж не знал, да уже и не хотел знать — несмотря на всю свою орочью выносливость и износостойкость, к вечеру он не чуял под собой ног от усталости. Бурый маг добродушно посмеивался:

— Ничего, это с непривычки. Летний денек год кормит, слышал про такое, э?

Сам Радагаст нисколько не унывал. Ему нравилась такая спокойная, предсказуемая и размеренная жизнь. Поднимался он раненько, вместе с солнцем, и до завтрака успевал покопаться на огороде, подоить коз, накормить всех своих питомцев и переделать еще кое-какие дела по хозяйству, потом до полудня бродил по лесам по долам, собирая грибы и травы или просто предаваясь каким-то ведомым ему одному размышлениям, после обеда час-другой отдыхал, а затем до вечера вновь хлопотал по хозяйству или работал на пасеке, порой на закате уходил порыбачить, перед сном любил плотнуть немного крыжовенного вина. Иногда, примерно раз в полмесяца, выбирался на лодке на восточный берег Андуина, приводил там в порядок свой «летний домик» и по дороге заглядывал в Лориэн, чтобы потолковать с Владыками, отвезти эльфам мёд и лекарственные травы и обзавестись взамен кое-какими необходимыми вещами. Характером Радагаст был прост и незлобив, мягкосердечен и покладист, и компании людей предпочитал общество животных; он был совершенно лишен честолюбия и тщеславия, не желал перевернуть мир, побороть Тьму, облагодетельствовать человечество — он привык довольствоваться малым и ничуть об этом не жалел; любил свой дом, свою простую, не отягощенную интригами жизнь, любил бродить по лесу, трудиться в огороде, ухаживать за питомцами, помогать тем, кто в этом нуждается — и кроме этого ничего от жизни не требовал... Гэдж так и не сумел для себя решить, хорошо это или плохо.

И все же одна отвратительная, по мнению Гэджа, привычка у Бурого мага имела: иногда — особенно по утрам, хлопоча у печи, — Радагаст, к ужасу Гэджа, начинал петь. Орк накрывал голову соломенным тюфяком, но это помогало мало: пел Бурый маг всегда звучно

и от души, а, поскольку ни слуха, ни голоса у него не было никакого, эти вокальные упражнения для невольных слушателей являлись испытанием не из лёгких. Слушать каждое утро несколько первых строф заунывной «Баллады о Лютиэн» (Радагаст не баловал гостей разнообразием репертуара) было делом поистине мучительным, и наконец Гэдж не выдержал и с раздражением поинтересовался у Гэндальфа, чем же так привлекает Бурого мага эта нудная и в высшей степени незатейливая песнь. На что волшебник, посмеиваясь, отозвался безмятежно:

— Не обращай внимания. Не то чтобы эта баллада Радагасту очень уж нравилась, просто как раз в это время он ставит на огонь кастрюльку, чтобы сварить яйца. Так вот, после первых трех куплетов яйца к завтраку получаются аккурат всмятку, а после пяти — вкрутую. Понимаешь?

— Ну, это, конечно, многое объясняет, — пробормотал ошеломленный неожиданным поворотом дел Гэдж. — А почему он не может петь, ну, того... чуть потише?

— Брось. Просто Радагаст любит петь... К чему заставлять его отказываться от этого невинного удовольствия?

Орк так и не нашёлся, что на это ответить...

***

...Наконец наступил вечер; сумерки за всей рутинной суетой, как всегда, подкрались незаметно, и, после ужина послонявшись по горнице из угла в угол, Гэдж отправился на чердак, где ночевал на набитом соломой полотняном тюфячке. Но сегодня орку не спалось и, снедаемый любопытством, несколько минут он потратил на то, чтобы проковырять между потолочными балками длинную узкую щель, которую Радагаст хозяйственно заткнул паклей. В открывшееся отверстие замечательно просматривалась почти вся горница за исключением дальнего закута возле печи, и, кроме того, было великолепно слышно все, о чем вполголоса говорилось внизу. Поначалу не было ничего особенно интересного — то да сё, разные хозяйственные мелочи — но вот наконец после недолгой паузы, возникшей, пока Гэндальф раскуривал трубку, он (Гэндальф) негромко сказал:

— Н-да... Дело-то, похоже, хуже, чем я ожидал.

— Ты про Болота? — откликнулся Радагаст: он сидел на лавке и ловко орудовал иглой, при свете свечного огарка латая свой плащ, порванный где-то при блужданиях по лесу.

— Да. Всё это начинает заходить слишком далеко.

— Вряд ли мы в состоянии это изменить.

— Мы должны хотя бы попытаться... Дело-то, в конце концов, даже не в болотах; болота — это просто следствие, побочный продукт того, что таится там, за Чертой... Невозможно уже, знаешь ли, сидеть на раскаленной сковороде и делать вид, будто не пахнет жареным!

— Грядет война, хочешь ты сказать? — понизив голос, пробормотал Радагаст.

— Всяко может статься, — Гэндальф сердито запыхтел трубкой. — Но не будем пока гадать на песке... Этот... Шмыр, или как ты его там называешь... должен прийти сегодня вечером?

— Да. Я полагаю, тебе наконец пора с ним познакомиться.

— Как ему удалось сбежать из Крепости?

— Боюсь, я не смогу рассказать тебе об этом в подробностях. — Бурый маг слабо

усмехнулся. — На исходе осени я нашел его на краю болот. Он... силы небесные, он был так страшно искалечен и изуродован, что на нем буквально не осталось живого места! Несчастное создание! — Радагаста передернуло; на секунду его круглое простодушное лицо сделалось серым, как небеленная холстина. — И, знаешь, мне показалось, что изломан и изувечен он был не столько физическим воздействием, сколько...

— Темным чародейством?

— Вот именно. С трудом представляю, как ему вообще удалось выжить... Когда я его в первый раз увидел, это был не человек, а какой-то... огрызок! Ему сказочно повезло, что он сумел вырваться из этой мясорубки и найти тропу через болота.

— Да уж, действительно... повезло. — Гэндальф, мрачно глядя на колеблющееся пламя свечей, как-то зябко поежился.

— Зиму он провел здесь, в Росгобеле. А потом...

— Вновь ушел на болота? Но почему? Почему не остался тут... не подался к людям... не отправился домой, в конце-то концов?

Радагаст покачал головой.

— Не знаю. Он был так робок и запуган, что шарахался от каждого шороха... а по весне им и вовсе какое-то беспокойство овладело, он метался туда-сюда и места себе не находил. Мне кажется, ему спокойнее находиться в уединении, нежели возвращаться в мир — а там, на болотах, он знает каждую кочку... Тем, кем он был прежде, до того, как попасть в Замок, ему все равно уже не стать. Но, возможно, со временем он все-таки наберется сил и храбрости вернуться домой — ведь где-то же у него должны быть семья и домашний очаг... Он иногда приносит мне из леса всякую всячину: грибы, орехи, цветки немейника, которые растут только на болотах... Наверно, пытается таким образом выразить мне признательность.

Гэндальф обхватил плечи руками.

— И ты думаешь, он осмелится вернуться туда... в Крепость, где его пытали и мучили... где ему причинили столько страданий?

Радагаст взял длинную металлическую ложку — гасильник — и принялся аккуратно снимать нагар со свечей.

— Я говорил с ним об этом... Так же, как и ты, он убежден, что лиходействию, творящемуся в Замке, следует положить конец.

— Я был бы рад, если бы удалось положить хотя бы начало конца, — проворчал Гэндальф. — Да, вот еще что...

— Что?

— Да я про Гэджа... Ты ведь за ним присмотришь? Мне бы хотелось быть спокойным на его счет, ведь, как бы там ни было, я все-таки должен вернуть его Саруману в целостности и сохранности. Только, знаешь... — он как будто на секунду замялся, — не говори ему о том, куда я ушел. Не хочу, чтобы он знал. Скажи, что я... ну, отправился с визитом к лесным эльфам, что ли.

— Ладно. — Радагаст сноровисто затянул узелок на шитье и перерезал нить огромными портняжными ножницами. — Кстати, насчет Сарумана. Он, насколько я понял, эту твою затею с Замком так и не одобрил?

— И что? — сердито буркнул Гэндальф. — У меня и своя голова на плечах имеется, и уж, смею надеяться, не намного хуже сарумановой... Тс-с! — он вдруг умолк и насторожился; в первую секунду Гэдж решил, что неведомым чутьем волшебник угадал его,

Гэджа, так сказать, незримое участие в разговоре — но, видимо, дело было не в орке: звук, который привлек внимание мага, доносился снаружи. — Ты слышал? Это он?

— Да. — Радагаст тоже прислушался. — Это Шмыр. Он всегда, когда приходит, скребется в окно.

Он отложил шитье в сторону, поднялся и, отворив дверь, негромко позвал кого-то, невидимого в темноте. Несколько секунд ничего не происходило, потом тоненько скрипнуло крыльцо, и в дом как-то несмело, боком, протиснулось некое существо... Гэдж так и не понял, кто это — гном, эльф или человек: в узкую щель ему было плохо видно, к тому же полутьма горницы скрывала вошедшего. Пришелец чуть прихрамывал, подволакивая ногу, и, показалось Гэджу, слегка сутулился, пока орк не разглядел, что гость не то согбен неведомой хворью, не то просто горбат...

Гэндальф неторопливо поднялся ему навстречу.

— Здравствуй... друг мой, — негромко и мягко, словно опасаясь резким голосом спугнуть боязливого дикого зверька, произнес он.

Незнакомец не ответил. Вздрогнул и чуть попятился. Фигура его вообще производила очень странное впечатление: и без того невысокий ростом, он стоял скрючившись, весь как-то перекосившись набок — одно его плечо было выше другого. Поначалу Гэдж не придавал этому значения, но, когда пришелец отодвинулся от порога и вступил в полосу света, и орк пригляделся к нему попристальнее, то откровенно ужаснулся: ночной гость действительно был дичайше, неопишимо искалечен. Впечатление создавалось такое, будто его некогда разломали на части, будто дешевую игрушку, чтобы посмотреть, что внутри, а потом собрали обратно — но кое-какие детали при этом погнулись и поломались, а кое-какие и вовсе были потеряны... Спина бедолаги оказалась изогнута горбом, ноги искривлены, ребра, когда-то, очевидно, сломанные, срослись вкривь и вкось, отчего грудная клетка приобрела самые нелепые очертания; одна рука, тонкая и высохшая, будто напрочь лишенная плоти, была короче другой и вывернута под несуразным углом, шея будто отсутствовала вовсе — шишковатая голова глубоко ушла в перекошенные плечи... Но мерзостнее всего выглядело его лицо; Гэдж увидел его лишь на короткий миг, когда незнакомец попал в пятно света от свечи, но этого оказалось достаточно, чтобы орка с головы до ног пробрал холодный липкий ознобец. Это было не лицо — какая-то жуткая маска, будто неумело сшитая из кусков кожи и неровных серых рубцов, откуда, как из темной вспаханной земли, выглядывали глаза: один, маленький, глубоко посаженный, прятался под низким массивным лбом, точно в подвале, отчего казалось, будто несчастное существо смотрит на мир недоверчиво, злобно и словно бы с потаенным недобрым умыслом; другой глаз, безжизненный, как у снулой рыбины, был чудовищно, невообразимо раздут. Распухший белок налился кровавой сеткой сосудов, остановившийся, мертвый зрачок навек застыл навывкате, глядя куда-то в сторону и чуть вверх, словно пытаясь высмотреть в пустоте нечто тайное, темное, недоступное другому, здоровому глазу — и Гэджу мнилось, будто это остекленевшее, неживое око уставилось прямо на него и видит его насквозь, видит весь его страх и ужас, его неодолимое омерзение, и украдкой насмехается над ним, точно злобный демон, вселившийся в безобразное, искалеченное, не способное сопротивляться Тьме бессильное тело...

Орк отшатнулся. Его затошнило от ужаса. Ему казалось, будто он заглянул в колодец — глубокий, черный колодец, наполненной тягучей гнилой водой, сквозь которую смутно проглядывает страшное, распухшее, обвитое водорослями тело утопленника. Силы небесные, что это за отвратительная тварь... Что это за гнусное чудовище, и с какой целью Гэндальфу

понадобилось с ним «знакомиться»? Чтобы уйти вместе с этим жутким уродом в какую-то проклятую Крепость?! Да, да, орк прекрасно понимал: несчастное создание не виновато в том, что его *сделали* таким, ему, вестимо, довелось пройти через пытки, страдания, немислимые муки, но — увы! Гэдж никак не мог подавить необоримо поднимавшиеся в душе ужас, гадливость и неприязнь и проникнуться к бедолаге расположением и сочувствием. Это изувеченное, жестоко изломанное существо представлялось ему прямо-таки средоточием коварства, вероломства и гнусной злобы, и он ничего не мог с собой поделать: это было что-то инстинктивное, какой-то глубинный, древний, не поддающийся разумению страх, над которым орк не имел власти. Страх не перед уродством, не перед жутким отталкивающим обликом — перед той внутренней, прочно пустившей корни Печатью Зла, которой несчастное создание было отмечено, и испятнано, и безжалостно клеймено навеки.

Внизу, в горнице, тоже стояла тишина — висела между волшебниками и гостем, неловкая, напряженная и натянутая, словно бельевая веревка. Гэндальф молчал — и пришелец, жавшийся в темном углу, также не произносил ни слова... Радагаст притушил свечи, горевшие на столе, оставив одну-единственную — так, что горница погрузилась в желтоватую полутьму: то ли ночной гость не любил яркого света, то ли сам Бурый маг милосердно хотел опустить завесу полумрака над его безобразием, не желая еще больше его тревожить, пугать и смущать.

— Вот, Гэндальф, тот, о котором я тебе говорил... Тот, кого я называю Шмыром. — Радагаст осторожно положил руку своему подопечному на плечо — и тот, съежившись, что-то глухо, невнятно пробормотал под нос. Некий звук родился в глубине изувеченного горла: «Мы-ы-ыр... ш-ш-мы-ы-ы-р...» — и Гэдж внезапно понял, что Пучеглаз — немой... вернее, у него отрезан язык. — Тот единственный, — Бурый маг выжал подобие слабой улыбки, и в его золотисто-карих, цвета гречишного меда темных глазах остро блеснуло сострадание, — кому известна тайная тропа к Черному Замку...

* * *

«Эта история случилась в давние незапамятные времена на берегу неведомого синего моря. Жили в высоком белокаменном городе Прекрасная Дева — светлая, как солнечный день, — и Храбрый Воин — бесстрашный, как темная ночь. Они любили друг друга, не чая души, и вот-вот должно было состояться пышное и долгожданное свадебное торжество. Но могущественный и страшный Колдун, восхищенный красотой Прекрасной Девы, тем временем посватался к ней — и получил отказ. Вознегодовал он и, терзаясь обидой, затаил в сердце черную злобу, поклявшись отомстить счастливым влюбленным. Он напустил на город жуткое Проклятие — бубонную сель, проникшую за стены с восточным ветром и окутавшую улицы темным болезнетворным туманом. И в высоком белокаменном городе начался Мор... В каждый дом вползала смертоносная хворь, заглядывала в каждое окошко, косила без разбора мужчин, женщин, детей, стариков — и опустилась на город холодная тьма, и воцарились в прекрасной столице хаос и ужас. Плач и стенания раздавались на каждой улице и в каждом дворе, и звучали повсюду горестные стоны, и поднимался к небу смрадный дым от пожарниц и заваленных вспухшими трупами изгарных ям. И тогда торжествующий, злорадствующий Колдун явился к Храброму Воину и сказал: существует единственный способ спасти город и оставшихся жителей от чумы — Храбрый Воин

должен сам, своими руками принести в жертву Прекрасную Деву, окропив её кровью родную землю: в тот миг, когда остановится сердце красавицы, вырванное из груди, заклятие будет снято, и поветрие навеки покинет город. Иначе — погубит всех его жителей, и стар, и млад, даже тех, кто, ища спасения, успеет бежать... В живых останутся только Храбрый Воин и Прекрасная Дева — одни посреди чудовищной всеобщей могилы. «Решай! Сможете ли вы после этого жить — заплатив за ваше счастье такой ценой?» — посмеиваясь, добавил злобный Колдун и — исчез, оставив Храброго Воина один на один перед лицом предстоящего ему нелегкого выбора...»

Гэдж стиснул зубы. Окончание рассказа он так и не написал. Не смог.

Негромко всплескивала вода в реке. Андуин дремал — широкий, величавый; противоположный, западный берег лежал на расстоянии полумили: где-то там, за темной полосой спускающихся к воде деревьев располагался скрытый от посторонних глаз негостеприимный Лориэн. Над каймой мелкого речного песка пышно и густо клубились раскидистые кусты ивы, полоскали в темной воде растрепанные плети гибких ветвей. Тёплые речные сумерки были напитаны покоем и умиротворением, лишь где-то неподалеку хрипло и отрывисто покрикивала какая-то склочная цапля.

— История стара как мир... Слишком уж серьезное и трудное испытание взвалил ты на плечи этого бедняги, друг мой. — Гэндальф, разглаживая на коленях завернувшийся уголок бумажного листа, невозмутимо попыхивал трубкой. Весь день волшебник пропадал не то в лесу, не то на окраине болот, и Гэдж уже не надеялся увидеть его нынешним вечером — но Гэндальф неожиданно сам вышел из леса к этому облюбованному Гэджем затончику на берегу реки, где, на исходе дня улизнув из Росгобела, орк без затей устроился с удочками. — Ну и чем же, интересно, дело закончилось?

— А по-твоему — чем? — спросил Гэдж.

— Даже представить боюсь... Кажется, самое время появиться на сцене бравому воину Анориэлю с хитроумным планом спасения и накостылять злобному Колдуну по черепушке.

Гэдж досадливо покраснел.

— При чем тут Анориэль? Да и смерть Колдуна Проклятие все равно не остановит.

— Тогда что?

— А ничего, — буркнул Гэдж. — Храбрый Воин и Прекрасная Дева сбежали из обреченного города, поселились в уединенной хижине на берегу тихого живописного пруда и прожили всю долгую жизнь мирно и счастливо. И умерли в один день.

— И никогда не вспоминали о том, что в оставленном ими зачумленном городе погибли тысячи ни в чем не повинных людей?

— Нет, — сказал Гэдж сквозь зубы. — А зачем?

— Да уж, действительно, незачем, — пробормотал маг. — Только настроение себе портить.

Орк неопределенно махнул рукой.

— А что, по-твоему, еще могло бы произойти? Храбрый Воин и Прекрасная Дева держась за руки, должны были взойти на жертвенный камень? Воин вонзил бы Деве в сердце острый клинок, а потом, рыдая над её телом, перерезал бы себе горло, ибо дальше прозябать в этом унылом мире ему было бы ни к чему? А вокруг стояла бы вселенская скорбь и горестный плач... И взошло бы солнце... И все хворые разом выздоровели бы, увечные — исцелились, убогие — воодушевились, сирые — очистились... А затем парочку с почестями

похоронили бы в одной могиле, и ласковый дождик лил бы над ними свои слезы, и налетал бы с моря свежий ветерок, и густо цвели бы на могиле незабудки или что там еще цветет, и порхали бабочки, ну и происходила бы всякая прочая жизнеутверждающая лабуда... Так, да? — Гэдж язвительно хмыкнул. — Разве по-настоящему на такое кто-нибудь решился бы, Гэндальф? Пожертвовал бы жизнью самого близкого и любимого человека ради того, чтобы спасти пару тысяч совершенно незнакомых и посторонних людей?

— Это всего лишь сказка, Гэдж, — помолчав, сказал маг. — А сказки призваны вдохновлять на подвиги.

— Ну да, конечно. А если я не хочу, чтобы это была «всего лишь сказка»?

— Ого, — пробормотал волшебник. — Ты меня пугаешь.

— Это чем же? Дурацкими идеями?

— Тем, что пытаешься задавать вопросы, на которые однозначного ответа не существует. — Он внимательно посмотрел на орка.

— Угу, — пробормотал Гэдж. — И лучше бы мне не заниматься ерундой, а потратить время на что-нибудь дельное и полезное. На мечтах бы научиться сражаться, что ли. Или хотя бы ножи метать...

Гэндальф покачал головой.

— В этом несовершенном мире и без того слишком много крови, боли и бессмысленных войн. А написать мудрую, добрую и нужную книгу — куда более достойное и великое деяние, нежели сровнять с землей тысячу городов и истребить тьму людей. Слово в умелых руках — мощное оружие, Гэдж, уметь обращаться с которым дано далеко не каждому.

Несколько минут оба молчали. Где-то в камышах время от времени деликатно рыгала лягушка, на мелководье гонял мальков бойкий юркий ёрш. Пахло речной травой. Алая вечерняя заря неторопливо утекала за Туманные горы, над рекой все плотнее сгущались сумерки, и поплавок из гусяного пера замер на воде в неподвижности; на нем сидела крупная красная стрекоза. Оживленного клёва, кажется, сегодня ждать уже не приходилось. Гэдж покосился в ведро, в котором плескалось с полдюжины пойманных рыбешек: улов был не ахти какой, но лисицу и енота, пожалуй, мог бы вполне порадовать.

— Какой пронзительный сегодня закат, правда? — Гэндальф, окутанный табачным туманом, вздохнул умиротворенно, глубоко и мечтательно. В пальцах его то разгорался, то гас трепещущий огонек — крохотный и голубоватый, как ручной светлячок; волшебник рассеянно подкидывал его на ладони. — Как тебе нравится Росгобел? — поинтересовался он небрежно.

Гэдж пожал плечами.

— Смотря с чем сравнивать... Почему ты спрашиваешь?

— Потому что не сегодня-завтра мне придется уйти и оставить тебя здесь на попечение Радагаста.

— Куда уйти? — спросил орк мрачно.

— Эм. Видишь ли...

— К... лесным эльфам?

Волшебник быстро взглянул на него.

— Значит, ты все слышал?

— Ну... слышал, — пробормотал орк. — Так уж получилось. Я не подслушивал, просто... — он замялся.

— Просто у кого-то оказались слишком длинные уши, — проворчал Гэндальф.

Гэдж молчал. Поднял из воды одну из удочек, снял с крючка останки несчастного размокшего червячка и бросил их в воду. Спросил так тихо и через силу, что сам едва услышал собственный голос:

— Неужели... в этом действительно есть такая уж необходимость? Идти в этот... Замок?

Волшебник рассеянно перекатывал между ладоней гладкий черный камешек речной гальки.

— Ну, как тебе объяснить... Я думаю — есть.

— Ты думаешь! Саруман вот, например, так не думает.

— Ты невероятно проницателен, дружище, — сухо заметил волшебник, — если знаешь, как думает и как не думает Саруман. Я вот, к сожалению, такой осведомленностью похвастаться не могу... хотя очень хотел бы. И потом, если ты действительно слышал *всё*, о чем мы вчера говорили, то должен был и сам понять существо дела. Я просто хочу узнать, что там происходит, в этой проклятой Крепости... Ты же, кажется, видел Болота, а? Хочешь, чтобы эта дрянь расплзлась по всему Средиземью?

Гэдж, не глядя на волшебника, яростно встряхнул деревянную плоску с опарышами.

— Тебе, конечно, больше всех надо... Ты все равно не в силах этому помешать.

— Я вижу, что на Средиземье надвигается опасность, Гэдж... и хочу если уж не предотвратить её, то, по крайней мере, выяснить, с какой стороны ждать угрозы.

— А другие, значит, её, эту опасность, не видят?

— Ну... Будем считать, что так.

— Просто им известно, что есть такой старый пень Гэндальф, который делает за них самую опасную работу, пока они будут уютненько отсиживаться в сторонке, — злобно проворчал орк.

— Это рассуждения пятилетнего малыша, — спокойно заметил волшебник. — Я уж думал, что мне не придется разьяснять тебе, что у каждого из моих собратьев есть своё, особое предназначение в этом мире, и каждый из нас волен сам определять для себя пути решения насущных задач.

— Ну, пусть так, — мрачно сказал Гэдж. — А эта тварь... что явилась ночью...

— Шмыр? Он — провожатый.

— Не понимаю, как ты можешь ему доверять.

— Хм! А почему бы мне ему и не доверять?

— Разве ты не видишь... — орк запнулся, не договорив.

— Не вижу чего? — улыбаясь, спросил волшебник.

— Да того! — буркнул Гэдж. Он и рад был бы промолчать, но Гэндальф, накручивая на палец кончик бороды, искоса поглядывал на него, ждал ответа. — Он... урод, меченый лихом, мерзкая и подлая тварь, вот что!

— Мерзкая тварь? Гэдж! Мне стыдно за тебя... — Волшебник неприметно посмеивался в усы. — Уж не ты ли с пеной у рта доказывал всем и каждому избитую истину, что не стоит судить ближнего по внешнему облику, каким бы странным и причудливым он, этот облик, тебе ни казался?

— Да я не его уродство имею в виду, — пробормотал орк. — Он... внутри мерзкий, с какой-то непонятной гнильцой, понимаешь? Как яблоко с червоточиной. Смотрит так, точно ненавидит весь мир... Заведет тебя прямо в логово к вражине...

— С чего ты взял?

— С того. Может, он служит Этому... ну, тому, который заправляет в Крепости.

Волшебник устало вздохнул.

— Ты видел, как он искалечен и изуродован, Гэдж? Ты стал бы служить тому, кто сделал с тобой *такое*? Если ему удалось сбежать из Дол Гулдура...

— Да с чего ты так уверен, что он оттуда сбежал? Может, его отпустили... как лазутчика, а? Шариться тут по окрестностям, разнюхивать обстановку... Ты об этом не думал?

Волшебник пристально посмотрел на орка. Его ясные серые глаза были непроницаемы, но Гэдж внезапно понял: да, Гэндальф думал и об этом, и еще, вероятно, о многом другом, — но решение, принятое им, оставалось непоколебимым. Серый маг вовсе не намерен был ни рисоваться, ни жертвовать собой, ни идти бездумно на риск — его твердый, исполненный спокойной уверенности взгляд говорил: он действительно убежден, что поступает единственно правильно и верно, в соответствии со своим долгом и велениями совести, и порушить это крепкое убеждение какому-то там глупому мальчишке никак не под силу. Чуть помедлив, Гэндальф негромко спросил:

— Значит, по-твоему, мне не следует доверять Шмыру, Гэдж?

— Еще как не следует! — прохрипел орк.

— Что ж... тем не менее выбора у меня нет. Мне все равно придется рискнуть. Другой возможности проникнуть в Дол Гулдур в ближайшее время может и не представиться.

— Угу. А если, того... ну, что-нибудь пойдет не по плану? Вас заметят на границе? Или этот... Шмыр тебя предаст? Заведет напрямиком в лапы стражи? И ты попадешь в плен?

— Может статься и так.

— Но ведь тебя убьют!

— И что? — помолчав, спросил Гэндальф. — Мир от этого не перевернется.

«Для меня — перевернется», — хотел сказать Гэдж, но отчего-то не сказал. Не сумел — сжалось горло.

— Не переживай, Гэдж, — мягко произнёс волшебник, видимо, истолковав его молчание по-своему. — Радагаст так или иначе даст Саруману знать о том, где тебя искать, так что надолго в Росгобеле ты в любом случае не удержишься.

— При чем тут... это! — с раздражением проворчал орк. — Я вообще-то о тебе сейчас говорю... — Он все еще был занят насаживанием на крючок извивающегося белесого червячка и радовался, что может не поворачивать к волшебнику головы. — И когда ты думаешь отправляться в путь?

— Через пару дней. Как только Шмыр проведает тропу через болота и убедится, что по ней можно пройти.

— А когда рассчитываешь вернуться?

— Ну, уж этого я наверняка сказать не могу... Может, через неделю, может, через пару месяцев. Дело это тонкое и непредсказуемое, сам разумеешь, и потому достаточно неопределённое.

— И, пока ты станешь два месяца дразнить смертушку, забарывать зло и преодолевать опасности во мрачном вражеском логове, я буду торчать пугалом в огороде Радагаста и поливать огурцы.

— А ты можешь предложить что-то иное? Не обижайся, но, если уж говорить начистоту, то все это...

— Не моего ума дело? Поэтому лучше бы мне наконец заткнуться, сесть в песочницу и

поиграть в деревянных лошадок.

— Все-таки обиделся, Гэдж? Н-да, нелегко с тобой.

— Саруман не жаловался, — буркнул орк. Хотя — увы! — не признать правоту волшебника было трудно: чем по-настоящему разумным и действенным Гэдж мог бы сейчас Гэндальфу подсобить? В предстоящем магу трудном и опасном деле он (как обычно!) стал бы волшебнику не советчиком и не помощником, а лишь никчемной обузой и даже досадной помехой, отрицать это было попросту глупо. Но думы его от этого веселее не становились, грудь теснили какие-то смутные и скверные предчувствия, а на душе царили настоящие бескрайние Болота: все было серо, мерзко, неприглядно и затянуто душным невнятным туманом.

— Не тревожься, дружище. Меня далеко не так просто убить, как ты думаешь. — Гэндальф, кажется, вновь добродушно усмехался, но Гэдж не был в этом уверен: лицо волшебника казалось едва различимым бледным пятном в сгустившемся над рекой вечернем сумраке. — Ладно, — помолчав, негромко добавил маг, — пойду помогу Радагасту с ужином. Не задерживайся долго, уже темнеет. — Он поднялся, ободряюще хлопнул Гэджа по плечу и, прежде чем уйти, вложил орку в ладонь темный камешек речной гальки — маленький, гладкий и круглый, хранящий спокойное уверенное тепло его рук.

29. Каменный Мост

В сумерках прибежал перепуганный Гуртц.

— Шарки! Идем скорее! Теомар взбесился!

— Взбесился? — пробормотал Саруман.

До Каменного Моста оставался один дневной переход — трудный и изнурительный. За прошедшие пару суток отряд резвым, почти безостановочным маршем миновал около двадцати миль: Каграт торопился добраться до места назначения как можно быстрее. «Перейдем через Андуин, — щедро сулил он, — будем целый день лежать лапами кверху!» Шли преимущественно ночью, по вечерней и утренней зорьке — днем, в часы самого яростного полуденного пекла, приходилось делать остановки; к счастью, жажда теперь пленникам не грозила — через долину протекало множество ручьев и речек, струящихся с гор. А вот запасы провианта, не рассчитанные на такой долгий путь, неумолимо подходили к концу: кое-как спасала лишь вяленая рыба, да копченое мясо кабанов, запасенное в Волчьей Пасти, но и этого унылого харча надолго хватить не могло. Суточные пайки пришлось урезать до порций, угрожающе стремящихся к нулю, и измученные пленники, отупевшие от переутомления и недоедания, едва волочили ноги. Орки, голодные, злые и уставшие, зверели с каждым днем, получить пинок, подзатыльник или даже огрести кнутом теперь можно было за малейшую провинность: не так плюнул, не так посмотрел, не туда шагнул. Каграт был мрачен, недовольно ворчал, но парней своих не осаживал — вернее, предпочитал закрывать глаза на все эти незначительные, по его мнению, свары и стычки. «Если я сейчас не дам ребятам возможности выпускать пар по мелочам, они точно кого-нибудь убьют, — сказал он Саруману. — Поэтому заткнись и помалкивай, пока тебя не трогают. А если кто-то посмеет тронуть без моего приказа — я ему сам, лично, сопатку к уху передвину, понял?». И все же обстановка накалялась, пленники смотрели угрюмо, роптали и даже вяло огрызались, недовольство и напряжение сгущались в воздухе, и что-то неминуемо должно было случиться... И оно случилось.

Теомар был унылым долговязым роханцем, хмурым, молчаливым и слегка неуравновешенным, подверженным вспышкам раздражительности, но в целом смирным и покладистым, хоть и несколько — временами — рассеянным. Но сегодня бранчливая перепалка с одним из дозорных кончилась тем, что Теомар схватил подвернувшийся камень и, изрыгая ругань и невразумительные проклятия, бросился крушить всех вокруг — и орков, и собственных сотоварищей, нанося удары направо и налево, не разбирая правых и виноватых. Когда Саруман подошел к месту происшествия, буяна уже скрутили, и он, наспех связанный, лежал на земле лицом вниз, носом в пучок травы. Он постанывал и что-то бессвязно бормотал, подрагивая всем телом и порой всхлипывая — жалко, длинно и с каким-то глухим утробным бульканьем, точно захлебываясь.

— У-у, гнида полоумная... — Ухтанг, которому досталось больше всех, пнул безумца сапогом в бок. — Набросился, как бешеный, только что пена изо рта не текла! Чуть голову мне булыжником не проломил, с-сукин сын...

— А, Шарки! — Каграт как будто воспринял появление лекаря с облегчением. — Леший! Мало нам было тарков на загровке, теперь еще этот тощий дрын съехал с нарезки, чтоб его!.. Он ведь рехнулся, правда?

— Всё может быть, — вполголоса отозвался Саруман. Он внимательно смотрел на

Теомара: в том, что рассудок роханца, и без того не отличавшийся особенной крепостью, не выдержал испытаний последних дней, в общем-то, ничего удивительного не было, и всё же... Интересно, что послужило решительным толчком к подобному буйному помешательству? Физическое истощение? Отчаяние? Страх?

Он склонился к роханцу и положил ладонь на его покрытый испариной бледный лоб.

— Что стряслось, друг мой? — негромко спросил он. Теомар приоткрыл рот, облизнул сероватым языком пересохшие губы; глаза его, бездумные, безучастные и тускло поблескивающие, смотрели куда-то сквозь мага, словно не замечая его. Он казался равнодушным ко всему, вялым, даже сонным, пробурчал в ответ нечто невнятное — и вдруг, совершенно неожиданно, вздрогнул всем телом и разразился путаной бранью, злобной и какой-то бессмысленно-враждебной, как лай закусанного блохами цепного пса. Вид у него был нездоровый: черты лица как-то неуловимо погрубели и исказились, шея опухла, ноздри покраснели, кожа приняла восковой оттенок, глаза казались странно, по-рачьи выпученными, вылезшими из орбит. Кожа рук была сухая, шершавая, пальцы немного утолщены к концам, пульс прощупывался частый и неровный... Шарки чуть помедлил.

— Ноги.

— Что?

— Мне нужно взглянуть на его голени.

Кто-то из орков стащил с Теомара разбитые сапоги. Обнажились ноги безумца: отекавшие, покрытые красными пятнами припухлой, грубой, словно бы утолщившейся кожи; после щипка на ней не осталось ни ямки, ни складки, ни малейшего следа. Что ж... бессвязность речи, суматошный пульс, приступы раздражительности, глаза слегка навывкате, отёк на ногах, который вовсе не отёк... Картина в целом была ясна.

Саруман молча поднялся и отошел в сторону. Каграт немедленно подался следом за ним.

— Ну и? Что скажешь? — рыкнул вожак. Орк, наверно, и самому себе не признался бы, какое большое значение он стал придавать мнению и советам старого пенька Шарки.

— Что ты собираешься с ним делать? — спросил Саруман.

— А что, по-твоему, я могу сделать с сумасшедшим? Помешанные в Замке не нужны, верно?

Саруман медленно покачал головой.

— Он не помешанный.

— Не помешанный?

Волшебник смотрел, как за край отдаленного скалистого гребня заходит полная луна — бледная, рыхлая и ноздреватая, точно кусок свежей брынзы.

— Видишь ли, Каграт, в человеческом организме присутствует железа, похожая на... ну, скажем, на бабочку — вот здесь, на шее, под гортанью... Иногда эта железа увеличивается, разрастается и начинает работать неправильно, что и способно вызвать подобные, гм, симптомы... а также нервозность, утомляемость, злобность и раздражительность. Теомар не безумец, у него просто струма.

— Что?

— Струма щитовидной железы. Зоб.

Каграт нахмурился.

— Так его можно вылечить?

— Здесь и сейчас — думаю, нет.

Орк задумчиво поиграл кнутом.

— А в Крепости?

— Можно попробовать. Но лечение займёт какое-то время.

— Долгое?

— Год-полтора... А возможно что и до конца его дней. Такие хвори быстро не лечатся, знаешь ли.

— И кто, по-твоему, будет ждать полтора года, пока он вновь будет способен держать в руке что-то тяжелее ложки? — Каграт яростно фыркнул. — Здесь и сейчас-то мне с ним что делать, а? Если он такой... бешеный и неуправляемый? Так и везти связанным на телеге, что ли?

— Это тебе решать, — чуть помедлив, обронил Саруман. Впрочем, он прекрасно представлял, чем дело закончится.

Каграт глухо заворчал.

— Значит, пришла пора избавиться от лишнего рта... Шавах!

Шавах бесшумно соткался из сумерек черной зловещей тенью. Каграт отдал ему короткий приказ, но Шарки не слышал, не хотел слышать — какой именно, да его это и не интересовало. Он повернулся и побрел к своему костру, минуя полосы света и тени, стараясь держаться подальше от орков-дозорных, пробираясь между повозками и темнеющими в сумерках стволами деревьев — отряд остановился на привал под сенью негустой осиновой рощицы. Мага занимали совершенно иные мысли, снедали назойливые, беспокойные и тревожные думы. Завтра, думал он, завтра отряд окажется у Каменного Моста — и, если Гарху удалось добраться до Лориэна и эльфы во всеоружии встретят уруков возле брода, придет долгожданный конец этому постыдному плену. Завтра...

В следующий миг его сбили с ног.

Он был настолько погружен в размышления и не допускал даже возможности внезапного нападения, что оно застало его врасплох. Негромкий шорох раздался в темноте, густеющей между деревьями — и тут же кто-то рывком метнулся из засады, и что-то тяжелое, шумно пытящее, пропитанное ядреным луковым ароматом пота навалилось Саруману на плечи, опрокинуло на землю, уткнуло лицом в пучок колючей травы. В первую секунду Шарки решил, что это Шавах шалит — подобные веселые шуточки были вполне в его духе — но это оказался не орк.

— Ах ты... старый грязный мерзавец! С-сука! Это ты погубил Теомара... ты, ты! Я видел, как Шавах его прирезал... после того, как ты вынес ему смертный приговор! Ты и твой поганый дружок Каграт! Вонючие мрази! Только посмей подать голос, кликнуть кагратову кодлу — враз прибью, как цыпленка!

Голос нападавшего дрожал от едва сдерживаемой ярости. Неведомый супостат вцепился волшебнику в волосы и, тяжело дыша, ругаясь, брызжа слюной, тряс его и колотил о землю, возил лицом по траве — так, что Шарки едва мог вздохнуть. Еще одна жертва струмы, мелькнуло у него в голове — или просто доведенный до отчаяния и белого каления обезумевший пленник? Улучив момент, маг извернулся и заехал локтем ворогу поддых, аккуратно в солнечное сплетение — и тать с приглушенным воплем отпрянул и согнулся в баранку, из горла его выдавился прерывистый всхлип...

— Убери лапы, Бык! — прохрипел Саруман: этот чуть невнятный сиплый говорок горца невозможно было спутать ни с каким другим. — Белены объелся?

— Заткнись! — Быкоголовый явно был не в себе. Он трясся от бешенства (вообще-то его

настоящее имя было Берт, но иначе как Быком его никто и не называл). — Я теперь знаю... я теперь все про тебя знаю, подлая ты тварь! Вельха и Болджера тоже ты убил, мразь! Я знаю! Я видел! Их пристрелили по твоему навету...

— Кого? — Саруман с трудом понял, что речь, видимо, идет о тех горцах, товарищах Быка, у которых обнаружили признаки гнилой лихорадки — или чего-то, на неё похожего. — Опомнись, Бык! Твои приятели все равно были обречены... и к тому же опасны для окружающих.

— Опасны? Опасны?! — яростно сипел горец. — И поэтому ты их убил?

— Хватит, Бык. Охолони, слышишь? — сказал из темноты еще чей-то голос, в котором Саруман после секундного сомнения опознал голос Эотара. — Старик ни в чем не виноват... Он — такая же жертва обстоятельств, как и все мы.

Переубедить Быка было невозможно, он лишь злобно ляскнул зубами.

— Ты бы помолчал, ты... недомерок копченый! Это не твоих земляков он сгубил! — Но все же перевес был не на его стороне: его уже оттаскивали от Сарумана, мяли ему бока, бранились, шумно месились во мраке, что-то увещающе бормотали торопливым лихорадочным шепотом. Волшебник осторожно перевел дух: везёт же ему сегодня на сумасшедших... Н-да уж. Сарумана Белого никто не посмел бы опрокинуть ничком на землю и возить мордой по грязи, а вот старого хрыча Шарки — запросто.

— Эй, дедуля, ты цел? — мимоходом бросил ему Эотар.

Саруман не ответил. Он по-прежнему лежал на земле — там, где упал — не делая попыток подняться. Вокруг него, привлеченное возней в темноте, собралось странное общество: Бык, чьи воспаленные близко посаженные глазки свирепо посверкивали в отблесках света; Эорлим — бравый роханский дружинник, нервно шмыгающий конопатым носом; еще двое горцев, дружков Быка — они держались чуть поодаль, в тени ближайшей телеги, видимо, надеясь, что Шарки их не опознает; Эотар — кудрявый низкорослый крепыш из Волда, «бывший кузнец». Какого лешего им всем от меня надо, ну какого? — устало, с тоскливой злобой думал волшебник. — Собрались, чисто шавки, пытающиеся затравить медведя... Он разглядывал комья земли, налипшие на его жилистые, когда-то нежные и холеные, а теперь — худые, загрубелые, обветренные непогодой руки не Белого мага — жалкого вшивого бродяги. С презрением, которое даже при желании не в силах был скрыть, процедил сквозь зубы:

— Дубьё! Ну до чего же вы все тупое, пустоголовое дубьё! — медленно (Бык все-таки помял его основательно) он приподнялся, сел на земле, пригладил растрепанную бороду, ощупал пострадавший нос и ссадину на скуле. — Ты! — Он хмуро поглядел на Быка, который, тяжело дыша, сгорбился неподалеку и, глухо ворча, как раздраженный зверь, исподлобья сверлил волшебника неприязненным взглядом. — Ну-ка скажи... перед тем, как орки напали на вашу деревню... сколько ваших умерло от гнилой лихорадки?

Эорлим не то икнул, не то громко глотнул. Бык судорожно втянул ртом воздух:

— Откуда... откуда ты знаешь про лихорадку?

— Значит, лихорадка действительно была... — Саруман прикрыл глаза: выходит, тогда он не ошибся с симптомами. — Что ж... У Вельха и Болджера проявились все её признаки И где бы вы все сейчас были, если бы не я? Гнили бы в придорожной канаве, покрытые коростой и багровыми пятнами.

Ответом ему было молчание... В темноте нудно, на одной ноте гундосили комары, едва слышно шелестела листва, рядом безмолвно глыбились груженные обозные телеги, где-то

тонко заржал мул. Неподалеку раздавались гортанные голоса орков, занятых ужином и приготовлениями к очередному переходу. Позвать, что ли, охрану, лениво подумал Саруман, — или уже, собственно, глупо и незачем? Ни к чему вмешивать грубую и неотесанную «кагратову кодлу» в нашу утонченную стихийную вечеринку...

— Это... правда? — негромко спросил Эотар. — Бык! В твоей деревне была гнилая лихорадка?

— Леший! Я не знал, что Вельх и Болджер тоже ею захворали, — пробормотал Бык.

— Никто не знал, — через силу усмехаясь, сказал Саруман. — И ваше счастье, что никто из вас этого так и не узнал...

— Вон оно что! — Бык слегка поостыл, но по-прежнему смотрел на мага угрюмо и с вызовом, хотя его крохотные свирепые глазки посверкивали уже не гневно, а скорее завистливо. — Значит, ты их не за просто так в расход пустил, а за нас, больных, душою радел, да? Только ты грудь-то колесом не выпячивай, старый! Думаешь, мы не видим, как ты перед орками ковриком стелешься, на два лагеря стараешься — и нашим подмазать, и ваших не обидеть? Горазд своему дружку Каграту задницу лизать!

Саруман в холодном бешенстве стиснул зубы.

— Вот что, — отрывисто сказал он, — заруби на своем сопливом носу, Бык: задницу я никому не лизу, не лизал, и лизать никогда не буду! Но если уж ты так интересуешься задницами...

— Где уж мне ими интересоваться! — злобно перебил Бык. — Меня до задниц не допускают!

— Понимаю. Вот именно это обстоятельство тебе, видимо, покоя и не дает.

— Ты на что это намекаешь? — Бык побагровел. — Ты, орочий прихвостень! Я, может, грамоте особо и не разумею, но никто не посмеет утверждать, будто Берт Кривоzub — бесчестный человек и двуличная тварь! Уж что-что, но бегать перед этими уродами на задних лапках и вилять перед ними хвостом меня ничто не заставит, понял!

— В этом и нет никакой нужды, — спокойно заметил Саруман. — Откровенно говоря, я не думаю, что твое даже самое наиусерднейшее виляние хвостом кого-нибудь всерьез заинтересовало бы. А что касается всего остального... что ж, спасибо вам за честность, друзья мои! — В общем-то Белому магу всегда было начхать, что о нем говорят и даже что о нем думают, но сейчас, странное дело, мнение его сотоварищей по несчастью неприятно поразило его, задело и крепко уязвило и без того пострадавшее в последнее время самолюбие. — Такова, выходит, ваша благодарность за то, что я для вас делал все это время, и до сих пор, несмотря ни на что, еще пытаюсь сделать? — Он обвел притихших собеседников медленным взглядом: их лица смутно бледнели из темноты, словно висящие в воздухе непропеченные блины. — Ну-ка припомните хорошенько — кто избавил вас от гнилой лихорадки? Кто вытащил вас из Волчьей Пасти? Кто выбивал для вас лишнюю порцию воды в самый убийственный зной и упрашивал орков подсаживать на повозки хромых и выбившихся из сил? Кто лечил кровавые мозоли у тебя на пятках, Бык, и загноившуюся рану у тебя на голове, Эорлим? А ты, Аламир, — одна из смутных фигур в темноте вяло шевельнулась, — скажи: может, честному народу будет интересно узнать, от какой напасти я избавил тебя?

— Не думаю, — быстро пробормотал Аламир — и как-то неуклюже поежился, точно пытаюсь отодвинуться еще дальше в тень.

Саруман перевел дух. Следовало бы, наверное, поджать губы, скрестить руки на груди и

многозначительно помолчать — но гнев и обида неодолимо бродили в нем, распирали изнутри и яростно лезли наружу, будто подошедшее тесто из чересчур тесной кадушки.

— Что ж. Ладно. Не буду кривить душой и утверждать, будто пекусь о вас единственно из добросердечия и душевного благородства, на самом-то деле я просто хочу упрочить в глазах орков свое положение, доказать востребованность и добиться кое-какой свободы и привилегий. У меня есть некоторые основания верить, что в ближайшее время произойдет нечто такое, что, я надеюсь, позволит нам всем — слышите, всем! — наконец сбросить оковы и вырваться из-под постылого орочьего ига. И если бы вы взяли на себя труд хоть немного пораскинуть мозгами, то поняли бы, что лучшее, что вы сейчас можете сделать — это держаться тише воды ниже травы, чтобы позволить свершиться неизбежному... Пёс побери! Цель уже настолько близка, что было бы досадно упустить подходящий шанс именно сейчас — из-за мелочных крысиных происков какого-нибудь завистливого болвана!

Он умолк в полной тишине, прикусив язык, зная, что и без того наболтал куда больше, чем требовалось бы, спрашивая себя: не лучше ли было держать все свои надежды и чаяния при себе? Впрочем, Бык и компания тоже долго не издавали ни звука, их лица были скрыты густой ночной темнотой.

Эотар украдкой огляделся.

— Ишь ты! Неизбежное, значит, должно свершиться? Твоими бы устами да мед пить, — с непонятной интонацией произнес он наконец, понизив голос почти до шепота. — Только непонятно, на что ты рассчитываешь, Шарки? Сбросить постылое иго... Это как? Поднять бунт, что ли? Ничего не выйдет, даже если не вспоминать про ошейники... Люди слишком вымотаны и измучены, чтобы наравне биться с орками. Да и оружия у нас нет никакого, кроме камней...

Саруман с неохотой разжал губы:

— Я говорю о помощи извне.

— Извне? Откуда? Тут на многие мили вокруг безлюдье, пустоши и дикие земли...

— Не совсем. Эльфийская страна, Лориэн, расположена менее чем в десяти милях к югу отсюда.

— Эльфы? Ты знаешь с эльфами, Шарки? — Эотар вдруг рассмеялся: с горечью и одновременно с облегчением, как будто решил для себя какой-то занимавший его вопрос. — Ну-ну. А какое им до нас дело?

— Может, и никакого, — сухо, сквозь зубы процедил Саруман. — Но эльфам ведомо многое из того, что происходит за границами их земель, да и соседние рубежи они без внимания не оставляют — а это дает мне некоторые основания надеяться... Надежда, как всем известно, умирает последней.

На этот раз молчание было еще более долгим.

Вот оно что... Эльфы, значит, замаячили в тумане? Старый сыч Шарки, несомненно, был человеком со странностями — но неужели он действительно водит знакомство с жителями этого загадочного, невидимого и незнаемого Лориэна и надеется на помощь надменного и устранившегося от мирской суеты лесного народа? Или все это — лишь результат самовнушения, зыбкий плод его воспаленного старческого воображения и безумных фантазий? При всей его чудаковатости и склонности к причудам Шарки впечатления блаженного или впавшего в скудоумие, безусловно, не производил, и все же... Эотар, Бык и Аламир украдкой переглянулись, безмолвно сходясь в одном — он, этот хитрый и ушлый старикан, без сомнения, темная лошадка.

— Какого лешего мы должны тебе верить? — проворчал Бык. — Насколько у тебя голубая кровь, чтобы знаться с эльфами, нам неизвестно, а вот то, что ты — плут, проныра и отъявленная сволочь, по всему видать.

Саруман пожал плечами.

— Да мне, собственно говоря, плевать, что вы там обо мне думаете. И я искренне надеюсь, что вам точно так же плевать на то, что я думаю о вас.

— Дело даже не в том, верим мы тебе или нет... но эльфы по своей природе не очень-то жалуют людей, вот оно что, — помолчав, рассудительно заметил Эотар. — Они всегда были сами по себе, до прочих народов им дела нет... даже если они вдруг обнаружат орочий отряд на берегу Андуина, то чего ради станут из-за нас суетиться? Глупо рассчитывать на их помощь... Они не придут.

— Поживем — увидим, — сдержанно отозвался волшебник. Он по-прежнему сильно жалел о том, что так неосмотрительно, ни с того ни с сего распустил язык и выложил как на духу все свои помыслы — впрочем, сказал он себе, сейчас это все одно уже неважно. Своих собеседников он видел насквозь, видел, как сначала они были поражены странными сарумановыми чаяниями, даже ошеломлены — потом удивление сменилось сомнением, недоверием и наконец переросло в нескрываемую насмешку. Кажется, один только Эорлим принял слова мага всерьез и возгорелся надеждой — глаза парня возбужденно, лихорадочно блестели, он сидел, вытянув шею, грызя кончик ногтя, потный, взволнованный и взъерошенный, точно мокрый цыпленок. Но усмешка Быка, видимо, заставила его устыдиться детской веры в сказки об эльфах, он сердито отвел взгляд и опустил глаза — уж что-что, а развенчивать наивные беспочвенные мечты и разбивать в прах хрупкие воздушные замки Берт Кривоzub был мастак.

* * *

До Каменного Моста оставалось несколько миль. Андуин был близок: согласно подсчетам Каграта, отряд должен был оказаться на берегу реки нынче же к вечеру, буквально через несколько часов.

Вот только погода не желала подстраиваться под замечательные и далеко идущие кагратовы планы. С севера наперерез отряду внезапно выдвинулась жуткая иссиня-черная туча, густая и плотная, точно скроенная из войлока. Она разом поглотила блекло-голубое, тускло поблескивающее, как жемчуг, небо, в считанные минуты заполнила собой весь горизонт, вывалилась из-за ближайшей рощицы, точно из засады, опустилась прямо к непокрытым головам пленников и разразилась потоками ледяной воды... И люди, и орки оказались насквозь мокрыми прежде, чем поняли, что, собственно, происходит; только что они изнывали от иссушающей, хватающей за горло липкой жары, а теперь зуб на зуб у них не попадал от невозможного холода. Злорадно загрохотал гром... Дорога нырнула под сень небольшого леса, но и кроны деревьев не спасали от льющихся с небес неиссякаемых струй; вокруг, хотя до заката было еще далеко, сгустилась темнота, которую время от времени распарывали вспышки молний, выхватывая из мрака картинку окружающей обстановки, будто украдкой сделанные зарисовки таинственного лесного быта. Пуща молчала — унылая, сникшая, избитая бичами дождя; на старой дороге, ведущей к Каменному Мосту, которой, видимо, не так уж часто пользовались, заблестели зеркальца луж; глинистый грунт быстро развезло от проливного дождя, и на колеса повозок и ноги идущих людей начали налипать

вязкие комья грязи...

Но где же эльфы?

Саруман украдкой присматривался к темной стене деревьев, пытаясь проникнуть взглядом сквозь серую дождливую мглу и угадать присутствие (или отсутствие) лориэнского воинства, но его магическое чутьё молчало, наглухо забитое чарами ошейника, а разглядеть что-либо сквозь унылую серую пелену дождя не представлялось возможным. «Проклятие! Где же они? Где? — скрипя зубами, спрашивал себя волшебник, бросаемый от надежды к отчаянию, костеря на чем свет стоит и орков, и темноту, и дождь, и мучительную неизвестность. — Явятся они или нет? Река уже близко... Чего они ждут? Начала переправы? Темноты? Этот напыщенный индюк Келеборн мог бы послать мне с Гархом хоть какую-нибудь весточку! Или Гарх нынче слишком слаб для дальних перелетов? Или он... и вовсе до Лориэна не добрался?»

Об этом Саруман приказал себе не думать.

Мало-помалу дождь иссяк. Мир посветлел, лес расступился, и перед отрядом открылись широкие вольные просторы Андуина. Увы! Разведчики, высланные вперёд, к броду, вернулись с какими-то явно не радостными новостями, ибо, выслушав их, Каграт помрачнел челом. В груди Сарумана родилось неясное беспокойство: что произошло, не почуяли ли орки близкое присутствие эльфов? Впрочем, когда отряд спустился к Каменному Мосту, причины недовольства главара стали понятны: взорам людей и орков открылась не спокойная, с достоинством несущая прозрачные воды гладь реки, а бурный, неистовый, яростно ревуший поток, безжалостно сметающий и увлекающий за собой все, что только попадалось ему на пути.

Андуин вздулся от дождей, прошедших в верховьях. Там, где раньше находился широкий каменистый пережат глубиной не более фута, теперь можно было погрузиться в пучину по пояс; река яростно кипела и бурлила, будто горячая похлебка в огромном котле, на поверхности крутились мутные водовороты, несли в себе плотики палого тростника, обрывки водорослей и какой-то мелкий речной сор. Совать сейчас в воду, под уверенный и мощный напор течения было немыслимо, и Каграт сквозь зубы отдал приказ располагаться на ночлег: следовало подождать хотя бы до утра, чтобы река успокоилась и уровень воды в ней опустился. Саруман внутренне ликовал: впереди была ночь, целая ночь, которую отряду предстояло провести на узкой полоске берега между рекой и лесом! Вот почему эльфы не показывались: они знали, что сегодня орки не сумеют перейти через Андуин, и теперь наверняка ждали подходящего момента для нападения...

Атака могла начаться в любую секунду.

Но пока все было спокойно, и дозорные, разосланные Кагратом туда и сюда, никаких тревожных сигналов не подавали. Впрочем, эльфы — известные мастера «тихой войны» и, конечно, всегда сумеют снять орочьи посты ловко и неприметно. Саруман старался сохранять хладнокровие и ничем не выдавать охватившего его волнения; он бродил по лагерю, осматривая подопечных, раздавая мази и снадобья и даже стараясь при этом не слишком часто вздрагивать и украдкой оглядываться по сторонам. Впрочем, вскоре выяснилось, что волшебник был не единственным, кому мысли об эльфах не давали покоя.

Кто-то негромко окликнул его из темноты:

— Шарки! Так ты... ты и в самом деле думаешь, что лесной народ... эльфы... что они могут освободить нас... в ближайшее время? — это был Эорлим, глаза его тревожно поблескивали, и приглушенный голос звучал прерывисто и напряжённо. — Ты

действительно веришь, что они могут прийти нам на помощь?

— Почему нет? Свободные народы должны помогать друг другу, — уклончиво ответил Саруман: этот разговор, казалось ему, был заведен совершенно не к месту. Но Эорлим не унимался:

— И они... они... — его рука метнулась к горлу и судорожно сжала обод ненавистного ошейника, — они действительно могут снять с нас... эти штуки?

— Эльфам многое подвластно, — сухо откликнулся Саруман: Эорлим своим назойливым любопытством раздражал его безмерно, хотя он всего-навсего произнес вслух вопрос, который сам Саруман задавал себе беспрестанно.

Быстро смеркалось. Костры было велено не разжигать — вероятно, орки не желали обнаруживать свое присутствие, — поэтому на ужин пришлось обойтись сухим пайком и холодной водой. Облака так и не разошлись, небо было серым и хмурым, и Каграт изрыгнул короткое распоряжение — и, натащив из леса жердей и елового лапника, орки на скорую руку соорудили на берегу реки несколько шалашей, в которые и загнали утомленных пленников. Саруман взобрался на свою повозку, устроился там между тюков с шерстью и козьими шкурами, укутался в овчину, уже зная, что не сомкнет глаз ни на минуту — нервы его были натянуты как струна...

Над лагерем плотно и душно сомкнулась ночь. Похрапывали и постанывали во сне усталые люди, уныло перекликались часовые, похрустывал палый тростник под ногами караульных, негромко всплескивала вода в реке. Где-то в лесу прокричал филин — раз, и другой... Что это — просто голос случайной лесной птицы? Или эльфы подают друг другу сигнал перед нападением? Волшебник лежал, внутренне собравшись, весь превратившись в слух, готовый вскочить в любой момент...

Ничего не происходило — минуту, другую, третью... Тишина. Ночь. Мрак. Неужели Саруман просчитался? Гарх все-таки не долетел до Лориэна, рана его оказалась слишком тяжелой? Или долетел — но поздно, и Келеборн не успел собрать отряд к намеченному сроку? Может быть, Эотар был прав — эльфы не придут? Или они явятся позже — к утру?

Саруман не знал, что и подумать. Его бросало то в жар, то в холод, он метался из крайности в крайность, в его смятенной душе то возгоралась надежда, то разверзалась черная стылая бездна уныния... Это было невыносимо, мучительно и больно, как затянувшаяся пытка. Это было...

Он отчаивался зря. Все произошло совершенно внезапно.

— О-о! Эльфы! Эльфы!!! Сюда... Сюда, скорее!!! Повсюду, они повсюду! О-о... — воющий, пронзительный, душераздирающий вопль неожиданно разорвал тишину и сонное оцепенение, висевшее над лагерем, и тут же захлебнулся, перешел в хриплое невнятное бульканье и резко умолк — точно кричавшему внезапно заткнули глотку... или перерезали горло?

Шарки замер. Сердце его ухнуло в желудок. Кричали где-то на западном краю лагеря, ближайшем к лесу.

Вот оно! Ну, наконец-то! Эльфы все-таки появились...

Путаясь в полах балахона, Саруман вскочил; впрочем, не он один. Этот дикий, поистине ужасающий вопль, поднявший тревогу так ярко и неожиданно, произвел в лагере настоящий переполох: орки, которым от неприятной близости Лориэна тоже весь вечер было не по себе, повскакивали на ноги в мгновение ока. Затопали по песку чьи-то сапоги, испуганно заржали мулы, откуда-то из темноты вынырнул взъерошенный Каграт. Да, вожак подозревал

вероятность нападения — но даже он не был готов к столь не чаянной, вероломной, отдающей чародейством атаке: судя по крикам, каким-то глухим рыданиям и доносящейся из темноты невнятной возне, эльфы оказались не в лесу, не за пределами лагеря, даже не на рубежах — уже в самом центре!

Вот же подлые бледнокожие уроды!

Каграт хрипло гаркнул, призывая своих парней к порядку. Да что тут творится, леший возьми? Почему дозорные не подали вовремя сигнал? Или их попросту перестреляли из-за деревьев? Ведь вшивым остроухим лучникам даже темнота не помеха... Нападающие явно добились того, чего хотели: в спящем лагере, захваченном врасплох, мгновенно воцарились паника и неразбериха, орки оказались растеряны и дезориентированы, «крысюки» — до смерти перепуганы и готовы вообразить все, что угодно: от пожара до внезапного наводнения... Ночь была чёрная, непроглядная, суматошная; от шалаша к шалашу метались чьи-то смутные тени, чуть дальше в темноте плясали огоньки факелов, раздавались чьи-то крики, брань, топот, треск, шелканье кнутов, топот копыт, где-то яростно звенело оружие. Каграт обернулся и тут же нос к носу столкнулся с высоким длинноволосым эльфом — из темноты выступило бледное, странно размазанное по мраку лицо... не раздумывая, орк с яростным рыком впечатал в этот мерзкий лик свой увесистый кулак, вложив в удар всю ненависть и весь страх, всю мощь своего могучего натренированного тела... и эльф отшатнулся с подавленным стоном... но тут же, не успев Каграт рвануть скимитар из ножен, как в пах ему с размаху въехал чей-то сапог, и орк согнулся пополам, упал, все мгновенно позабыв от боли, захлебываясь судорожным хрипом и роняя на землю капли брызнувшей изо рта слюны...

А потом вдруг сразу наступила тишина.

Эльфы покинули поле боя так же неожиданно, как и появились.

Каграт прерывисто перевел дух.

Что это было? Что вообще за небывальщина тут творится?

Превозмогая боль, он медленно поднял голову. Кто-то — Радбуг? — схватил его за плечо, чуть поодаль столпились другие орки — но никто больше не бегал, не кричал, не размахивал ни оружием, ни кулаками. Ночная темень разгонялась светом нескольких потрескивающих смоляных факелов. Неподалеку сидел на земле Шарки, скорчившись, пряча лицо в ладонях — пальцы его почему-то были в крови.

— Ты того... в порядке? — хмуро спросил у вожака Радбуг.

Каграт, пошатываясь, поднялся с колен, выпрямил спину, мотнул головой и небрежным движением сбросил с плеча его руку.

— Да что за... Какого лешего тут происходит? — Он обвел всех собравшихся тяжелым угрюмым взглядом. — Где эльфы?

Орки переглянулись.

— Я никого не видел, — осторожно сказал Радбуг.

— Я тоже, — добавил кто-то из стоявших позади.

— Тогда... — Каграт, чувствуя себя полнейшим дурнем, осмотрелся; неприглядная истина медленно, как зимний рассвет, забрезжила на краю его сумрачного сознания. — Тогда какого назгула тут орали про эльфов?

— У него спроси, — прозвучало из тьмы несколько раздраженных голосов, и из толпы вытолкнули несчастного Эорлима, перепуганного, перемазанного грязью, жалкого и растерянного... Впрочем, Каграт уже окончательно пришел в себя, и на лице его не читалось

никаких чувств — оно было непроницаемым, холодным и неподвижным, точно вычеканенным на сером стальном щите.

— Ты, сопляк. Ты где видел эльфов, а? Где? Говори!

— Я... я... нигде, — пробормотал Эорлим, не поднимая глаз от земли; щеки его мелко подергивались, точно их кололи иголками.

Каграт неторопливо подступил к нему и взял лапой за шиворот.

— Тогда какого лешего ты орал, будто нас окружила целая армия остроухих... Какого лешего ты об этом орал, брехло ты вонючее, а?

— Я... я... не орал. Наверно, мне это... приснилось, — испуганно пробормотал Эорлим — и тут выяснилось, что бедолага с детства был парнем ранимым и впечатлительным, к тому же временами страдал припадками снохождения. Поэтому лучше было не бередить его восприимчивую натуру рассказами об эльфах (или о чем-нибудь другом, столь же волнующем), иначе ему начинали сниться кошмары, он кричал и метался, бродил во сне, неприкаянно шатался из угла в угол и благополучно будил всех вокруг, кроме себя самого...

— Так значит, тебе это приснилось? Приснилось, с-сука?! — прохрипел Каграт, встряхивая Эорлима при каждом слове, точно нашкодившего щенка. — Шатала ты ночной, дерьмо в сливной бочке! Да твои дружки-лошадники поди до смерти были рады от тебя, гребаной истерички, избавиться! — Орк глухо зарычал, и на какой-то миг Саруману показалось, что он сейчас прибьет мальчишку — но Каграт сдержался, только набрал в грудь воздуха и злобно харкнул Эорлиму в лицо, вложив в этот смачный плевок всю свою боль, ярость, презрение и пережитый испуг... Брезгливо отшвырнул пленника прочь. На этом дело и закончилось; Эорлим остался сидеть на земле, съезжившись, закрывая голову руками, дрожа всем телом от стыда и унижения; орки, глухо ворча, разбрелись по своим местам, дозорные вернулись на посты, один только Шавах еще крутился поблизости — верно, раздумывал, не дать ли Эорлиму пинка; наконец ушел и он.

Саруман тоже побрел к своей телеге, дивясь только одному: как это кулак Каграта, обладающий пробивной силой окованного железом тарана, не смел ему напрочь передние зубы... Впрочем, отнюдь не боль от удара заставляла мага чувствовать себя сейчас несчастным, оглушенным и совершенно уничтоженным. Шарки забрался в свое гнездышко из овчины, но спать по-прежнему не мог; силы небесные, спрашивал он себя, да когда же наконец явятся настоящие, живые эльфы — явятся во плоти и крови, а не в воспаленном воображении Эорлима... да и явятся ли вообще? Самое глухое полуночное время миновало, но до зари оставалось еще несколько часов, и надежда покамест слабо тлела в сердце волшебника — но вместе с тем, как медленно иссякала ночь, угасало и это зыбкое чаяние, последний оплот истерзанной, выжженной отчаянием опустошенной души. Поздно, говорил он себе, слишком поздно, никто не придет, нелепо было рассчитывать на помощь эльфов, план его не удался, все пошло наперекосяк... он — один, по-прежнему совершенно один: слабый, беспомощный старик, обреченный на рабство и постыдно закованный в ошейник, словно жалкий дворовый пес, навек прикованный цепью к постылой конуре...

И все же Саруман не смел признаться в окончательном поражении даже самому себе. Он ждал и ждал — мучительно, страстно — и еще во что-то верил: и когда над рекой забрезжил серый рассвет, и когда орки, кое-как скоротав остаток ночи, поднялись навстречу разговарившему дню, и когда пленники, обвязанные веревкой и погоняемые надсмотрщиками, спустились к Каменному Мосту и вступили в мутные воды Андуина, более-менее вошедшего за ночь в обычное русло, — волшебник все ждал и надеялся, ловя на

себе злорадно-понимающие ухмылки Быка, все уповал на Его Величество Чудо: вот-вот, казалось ему, из леса донесется звонкая переключка боевых рогов, и на западном, оставленном позади берегу засверкают на солнце блестящие доспехи воинов, и дружно запоют тетивы тисовых луков, и засвистят, распарывая воздух, десятки смертоносных, не знающих промаха белооперенных стрел, ища свои цели среди растерявшейся кагратовой коды...

Но чуда не произошло. Эльфы так и не появились.

30. Мгла над болотами

Со всех сторон, вязкий и плотный, точно молочный кисель, Гэндальфа обступал туман.

Стена этих душных вонючих испарений была настолько непроглядной, что Шмыр, хромящийся в трех-четырех ярдах впереди волшебника, совершенно терялся в напластованиях болотной мглы и виделся магу лишь темным бесформенным пятном, смутно маячившим перед глазами. Кроме того, туман вовсе не поглощал звуки, как следовало бы ждать от всякого порядочного тумана; *этот* туман как-то странно искажал их — так, что неуверенное шарканье Шмыра слышалось Гэндальфу не спереди, как должно, а словно бы отовсюду, со всех сторон разом, будто отраженное эхом — хотя откуда тут, на болоте, могло взяться эхо? Загадка...

Волшебник и его провожатый были в пути уже несколько часов. Из Росгобела уходили на рассвете — торопливо и налегке: из оружия при волшебнике оставался только охотничий нож, спрятанный под одеждой, да неприметно вшитый в пряжку пояса совиный коготь с ядом, прощальный подарок Сарумана; посох, меч и кое-какие прочие вещички Гэндальф оставлял в доме Бурого мага — вреда от них в предстоящем волшебнику малоприятном деле оказалось бы куда больше, нежели пользы.

— Насколько я понял из объяснений Шмыра, — накануне сказал Гэндальфу Радагаст, — он намеревается провести тебя в Замок через подвалы — тайными ходами, пробуравленными в стенах. Где-то в этих лазах расположено шмырово «Убежище», камора, что-то вроде берлоги, в которой он прятался несколько месяцев после того, как сбежал из Башни.

— Убежище, вот как? И эти ходы настолько тайные, что о них не знают даже хозяева Замка? — ворчливо спросил Гэндальф.

— Знать-то знают, но вряд ли пользуются ими каждый день, — с некоторым сомнением отозвался Радагаст. — Ходы, как это всегда и бывает, наверняка сделаны на случай осады, чтобы можно было незаметно сбежать в критический момент или, скажем, подтягивать через них продовольствие для осажденных.

— Тогда откуда о них известно Шмыру?

Бурый маг смущенно потёр ладони.

— Этого я тебе сказать не могу. Полагаю, ему посчастливилось наткнуться на них совершенно случайно.

— В который уже раз завидую его замечательному везению...

— Либо ты доверяешь Шмыру, либо — нет. У меня тоже сердце не на месте, знаешь ли. — Радагаст нервно поджал губы. — И я полагаю, что тебе еще не поздно отказаться от этой затеи.

Гэндальф устало улыбнулся.

— Оставь, Радагаст. Если все пройдет так, как задумано — я вскоре вернусь с нужными нам сведениями. Если же нет... это будет значить только одно: Замок *действительно* опасен. Вероятно, кое-кому это даст лишний повод для размышлений.

— И ради этого стоит идти на такой риск?

— Я вижу в этом свой долг. Увы, дружище.

Радагаст промолчал: разговор был окончен, и Бурый маг это знал. Повлиять на решение собрата и уж тем более спорить с монументальными велениями «долга» ему было никак не

под силу.

Рассвет забрезжил над лесом какой-то осенний: серый и хмурый. Радагаст провожал друга, стоя на крыльце, держа в руке горящую лампу, и вид у него был встревоженный и растерянный. Гэдж, взъерошенный и сердитый, неуклюже ёжился за его спиной и с неприязнью поглядывал на скорчившегося возле забора безмолвного Шмыра. Мрачно заявил Гэндальфу:

— Я провожу тебя до болот.

— Нет, — сказал маг. Он хотел покончить с прощанием как можно скорее — горько было покидать теплый уютный дом и добрых товарищей и уходить куда-то в серую стылую неизвестность. Тем более Шмыр нервничал и ерзал на месте, нетерпеливо поскуливая из полумрака, так что мешкать не приходилось, и, наскоро обнявшись с Радагастом и неловко улыбнувшись Гэджу на прощание, Гэндальф поспешил следом за провожатым — прочь, под сень сонного утреннего леса.

И вот с тех пор миновало уже несколько часов. Волшебник медленно брел вслед за Шмыром, неизменно созерцая перед собой его перекошенные плечи — сначала по лесу, странно незнакомому и пугающему в предрассветной темноте, потом — по ковру сырого мха и мягким травяным кочкам. Затем под ногами захлюпало, и в воздухе повеяло едкой болотной сыростью — они приближались к границе топей. Шмыр крутил головой туда и сюда, словно высматривал какие-то ему одному ведомые ориентиры: старую кривую ель, пенёк, обросший желтоватыми губчатыми грибами, большой плоский валун, серый и ноздреватый, как ломоть хлеба. Подойдя к валуну, Шмыр весь как-то подобрался; он кое-как разъяснил Гэндальфу, что тому следует идти за ним, за Шмыром, след-в-след, ежели он, Гэндальф, не хочет навек остаться в этом безрадостном месте под какой-нибудь дохлой берёзкой в качестве надгробного памятника. Волшебник вырезал себе в молодом сосняке подходящую слегу, и они двинулись — вперёд, напрямик в болота.

И вокруг сомкнулась белёсая колыхающаяся мгла...

От густых болотных испарений, поднимающихся над топью, вскоре начала побаливать голова и клонило ко сну, а зыбкий ковер переплетающихся под ногами ползучих растений казался до невероятности тонким и хлипким, но Шмыр, по-видимому, действительно преотлично знал эту местность и уверенно вел Гэндальфа сквозь серую непроглядную марь, застилающую все вокруг. Порой он делал волшебнику знак оставаться на месте и шнырял где-то по окрестностям в поисках затерявшейся тропы — но быстро возвращался назад и вновь звал Гэндальфа за собой. Большую же часть времени маг видел перед собой лишь горбатую спину своего провожатого, неясным пятном маячившую в дымке тумана, и думал о том, что за те несколько дней, которые Шмыр в поисках тропы провел на болотах, она, эта спина, ещё более сгорбилась и перекосилась: тлетворный климат трясин оказывал на калеку явно не исцеляющее воздействие. Он стал еще более нездоровым на вид и приобрел привычку время от времени тоскливо поскуливать; взгляд его был тускл и невыразителен, ноги дрожали и подгибались больше обычного, так что Шмыр переставлял их как-то судорожно, с мучительным усилием, точно каждый раз вместо полного шага делал только половину. А однажды, когда калека повернулся к волшебнику с очередным предостережением, и Гэндальф увидел вблизи его лицо, то чуть не вздрогнул от мгновенного ужаса: на снулом безжизненном глазу уroda липким пятном белел нарост мшистой плесени.

Должно быть, у волшебника был совсем уж растерянный вид, потому что Шмыр как-то разом мучительно побагровел, виновато смахнул осклизлый грибок с изуродованного лица и,

отвернувшись, поспешно заковылял прочь. Гэндальф мысленно попросил у него прощения. «Дурень бесчувственный! — с досадой сказал он себе. — Не мог держать себя в руках, старый пень! Прости, старина... я, конечно, не должен был втягивать тебя в это дело и заставлять возвращаться в Замок, но, по-видимому, это действительно — единственная возможность...»

Мало-помалу окружающий туман светлел; не рассеивался, а именно светлел — наступало утро. И, наверное, оно всё-таки наступило — где-то там, над туманом, в четырех ярдах над головой Гэндальфа; здесь же, внизу, с восходом солнца стало едва ли веселее: та же серая, чуть колышущаяся муть, однообразная и тоскливая, застилала всё окружающее — справа, слева, спереди, сзади, сверху и даже снизу: порой волшебник не видел собственных ног, что было довольно-таки неприятно. Кроме того, болото медленно, но явственно начинало оживать; Гэндальф и Шмыр прошли, должно быть, около двух миль в глубину топей, и волшебник с цепким неприятным холодком в груди отметил, что здесь было уже отнюдь не так тихо, безжизненно и мертво, как там, у границы с лесом. Болото жило какой-то своей, непонятной, пугающей, скрытой от посторонних глаз жизнью. Оно дрожало и шевелилось, издавало странные, невнятные, жутковатые звуки: хрипло чавкало, клокотало, мурлыкало, ворчало, бурлило и отхаркивалось; однажды откуда-то издалека, из плотной желтоватой пелены донесся не то тоскливый приглушенный рёв, не то низкий утробный стон. Гэндальф старался убедить себя, что эти звуки издаёт сама трясина, и вытряхнуть из головы навязчивые мысли о местных, явно не симпатичных обитателях, о которых упоминал Радагаст, — но его не на шутку разыгравшееся воображение не желало подчиняться увещаниям рассудка. Что-то неладное и нездоровое чувствовалось в окружающей обстановке, волшебник настороженно вглядывался в окружающие его мутные белесые волны тумана, и порой ему начинали мерещиться маячащие впереди неясные тени, выступающие из пелены бесформенные тела, чьи-то серые уродливые морды, — но тут же наползали новые и новые слои испарений, и всё исчезало.

Внезапно Шмыр остановился. Гэндальф тоже замер, встревоженный его неестественной позой, и услышал — на этот раз совершенно отчетливо — слабый плеск и шипение где-то в тумане слева от себя. Бледно-серая масса величиной с крупную собаку надвинулась из мглы; волшебнику на секунду показалось, что он различает рыхлое, словно вздутое, покрытое жесткой щетиной белесое брюхо и пучок тонких, непрерывно шевелящихся гибких ног (щупалец?), но тут из трясины накатил очередной вал испарений, и видение — если это было видение — бесследно исчезло, рассосалось в тумане. Вновь послышалось приглушенное шипение — на этот раз с другой стороны, сзади.

— Кто это? Шмыр! — окликнул волшебник: ему стало как-то очень не по себе. — Кто это был?

Шмыр произвел глоткой несколько невнятных звуков: «Ы-ы-а... Ы-ы-хх...» — потом пошарил где-то под рубахой и выудил маленькую деревянную баночку: её содержимое представляло собой темную и едкую пахучую мазь. Взяв немного снадобья на палец, Шмыр растер его по одежде, потом передал баночку Гэндальфу и пояснил знаками, чтобы волшебник последовал его примеру. Гэндальф сделал это не без некоторого внутреннего сопротивления, ибо загадочная мазь по своему цвету, запаху и консистенции до ужаса напоминала жидковатый навоз. Тем не менее это странное средство как будто подействовало; во всяком случае, «пауки» (или что там скрывалось в тумане), хоть порой и напоминали о себе тоскливым шипением, но на глаза больше не показывались. Впрочем,

«пауки» были далеко не единственными обитателями болот: по временам над головами путников бесшумно проносились неясные тени, а тишина разбавлялась не то глухим взрыкиванием, не то пьяной отрыжкой, доносящейся из тумана, хотя существо, издававшее эти странные звуки, во плоти не явилось ни разу («К счастью!» — не уставал думать Гэндальф). В темной воде тоже шевелилось что-то зеленоватое и паялило из глубины бледные выпуклые гляделки, а в траве прятались цепкие ползучие тварюшки, по склонностям и характеру напоминаящие пиявок, и никакая шмырова мазь ни малейшего впечатления на них не производила.

И тем не менее, несмотря ни на что, волшебник и его провожатый мало-помалу продвигались вперед. Тропа, прокладываемая Шмыром, причудливо вилась среди трясин, по краю топких озер, наполненных мутной, нездоровой на вид водой с пузырящейся поверхностью, и Гэндальф брел, тяжело налегая на слегу, оставляя за собой цепочку медленно затягивающихся зеленоватой жижей следов. Вязкое месиво не держало вес его тела; при каждом шаге нога волшебника погружалась в хлябь по щиколотку, а то и выше, и Гэндальф пару раз едва не оставил в жадной утробе болота собственный сапог. Однажды он сделал неосторожный шаг — и разом провалился в топь по колено, в прямом смысле слова потеряв почву под ногами, и лишь благодаря Шмыру (который, несмотря на высохшую руку, оказался неожиданно силен) и крепкой, надежной слеге сумел, весь изгвазданный болотными нечистотами, выбраться обратно на тропу. Он в конце концов совершенно потерял счет времени; вряд ли более четырех-пяти часов прошло с момента, как путники покинули Росгобел, но магу представлялось, что с той минуты миновали уже годы и годы, и они со Шмыром навек заблудились в душном безвременье, в липкой и волглой болотной мгле. Время то ли шло, то ли ползло лениво и нехотя, то ли вовсе умерло и остановилось — вокруг все так же неизменно колыхалась слепая муть, пучилась вонючими пузырями зеленая хлябь, слоился туман, заползая холодными пальцами под одежду, стонало, шипело, хрипело, ухало и рыгало болото, готовое затянуть в ненасытное брюхо любое попавшее в пределы досягаемости существо — затянуть, переварить и сделать частью себя, оторгнув останки зловонной болотной жижей. Волшебнику казалось, будто они со Шмыром неумолимо увязают в трясине, будто мухи — в стакане патоки; в какой-то момент он начал представлять, как болото растворяет его в себе, как он на ходу покрывается, словно замшелый валун, омерзительной, скользкой белой плесенью, как вездесущая плесень слипает его волосы в сальные патлы, въедается в поры кожи, прорастает в легкие, печень, сердце, мозг... в этот момент он отметил, что туман как будто становится реже. Зловещие звуки болота затихли и отделились, воздух чуть посвежел, а земля уже не уходила из-под ног, обретя некоторую твердь; кое-где застенчиво показались большие проплешины мха и зелёные травянистые кочки. Впереди сквозь лохмотья тумана проявился невысокий холмик, где зябли низкие, чахлые, изуродованные скудной почвой и тлеворным дыханием болот кривые ёлочки. Шмыр, чрезвычайно довольный, оживленно заурчал и взял курс напрямик на эту проступившую во мгле путеводную вежу.

Холмик оказался совсем невелик, не более четверти мили в поперечнике. На склоне, в глубине редкого ельничка нашлась неглубокая землянка с плотно утрамбованным глинистым полом, кровля её была возведена из жердей, прутьев и елового лапника. Напротив входа имелся аккуратный, обложенный закопченными камнями очаг, неподалеку, на земляном возвышении и помосте из горбыля лежала груда рогожи и какого-то тряпья, служащая постелью. Возле дальней стены стоял сундучок, на крышку которого была

прилеплена сальная свеча, рядом темнели сложенные в углу инструменты: топор, заступ, корзины, лопаты.

— Твое хозяйство? — спросил Гэндальф у Шмыра.

Тот молча кивнул, пряча в спутанную бороду — или, скорее, в торчащие под подбородком неопрятные клочья волос — кривую усмешку. Повозился возле очага, разжигая огонь, помешал деревянной ложкой какое-то, видимо, заранее состряпанное, остро пахнущее варево в висящем над костерком котелке. Гэндальф тоже достал из котомки немудреную снедь, припасенную в дорогу Радагастом: огурцы, сыр, вареную картошку, куски рыбного пирога. Обед удался на славу: супец, настряпанный Шмыром из корней лопуха и клубней дикого лука, оказался на удивление вкусен и даже наварист — в котелке плавал хороший кусочек мяса из утиной грудки.

Интересно, откуда у Шмыра все эти припасы, мрачно спросил себя волшебник, где он их раздобыл — уж не в кладовых ли пресловутого Дол Гулдура? Или где-то тут, неподалеку, на болотах водятся утки и растут приличные и даже вполне съедобные растения?

Впрочем, вскоре маг получил кое-какое объяснение на свой вопрос.

К югу от холмика местность была пусть низменная и болотистая, но без гнетущего колорита первого отрезка пути: справа и слева тянулись вполне обычные мшистые кочки и озерца, заросшие осокой и рогозом, в недрах которого, вероятно, можно было отыскать и утиные гнезда, а на берегах — съедобные корешки. Потом начался лес, невысокий, редкий, словно бы изможденный: сухие, изогнутые, искривленные, точно скорченные судорогой деревья жалобно поскрипывали в сырой полутьме — казалось, они отчаянно взывают о помощи, страдая от неизбывной и мучительной, непонятной ходячим существам боли. Под ногами чавкало; еще год-другой, думал Гэндальф, и болота доползут и сюда, к этому чахнущему лесу, который, очевидно, тоже чувствовал их приближение — и стонали, и корчились несчастные деревья, обреченные на медленную смерть в ядовитой болотной топи, и жаловались магу на свою горькую безжалостную судьбину. Гэндальф физически устал от этого леса, на душе его было тяжело: он, волшебник, очень остро чувствовал этот страх, эти страдания, это нежелание умирать в мертвенных объятиях подступающей трясины, и испытывал глухую ярость пополам с тягостным чувством человека, стоящего возле постели безнадежно больного друга...

Шмыр продолжал все так же спокойно и неустанно ковылять впереди. Он был далек от магии и не слышал в шелесте листвы и шепоте леса этих отчаянных жалоб и мольбы о помощи, за что Гэндальф готов был, пожалуй, ему позавидовать. Калека вообще как будто мало обращал внимания на происходящее, погруженный в свои неведомые мысли, и по-прежнему был молчалив, закрыт и непонятен... «Видишь ли, — говорил Радагаст, — сдается мне, Шмыр не совсем здоров: у него нечто вроде, гм, расщепления сознания, я бы так это назвал. Темная магия Крепости изуродовала не только его тело, она искалечила его душу, и Замок не отпускает его — ни ныне, ни присно... Одна часть Шмыра страшится Дол Гулдура безумно и жаждет бежать с этих проклятых болот, но другая его часть по-прежнему живет замком... подпитывается его чародейством, как дерево подпитывается соками земли: Крепость необходима ему, как горькому пьянице необходима доза губительного хмельного зелья. Я вовсе не хочу сказать, что Шмыр способен на заведомое предательство, что он поведет тебя через болота с определенным намерением выдать охране — просто в решающую минуту он может, гм...»

«Струсить?»

«Скажем так — подпасть под влияние Крепости... которое там, в центре Силы, будет невероятно сильно. Вот поэтому мне и не слишком нравится твоя затея, Гэндальф».

Она мне тоже не особенно нравится, сердито думал Гэндальф, но ведь никто и пальцем не шевельнет, чтобы явиться в Дол Гулдур и выяснить наконец, что там происходит, так что придется мне суетиться самому...

Неожиданно Шмыр остановился.

Дорогу путникам преградила невысокая изгородь из неошкуранных жердей и врытых в землю бревен потолще — она тянулась далеко в обе стороны, насколько хватало глаз, и терялась где-то в лесу. Впрочем, заборчик этот был поставлен скорее просто для обозначения границы, нежели с какими-то защитными целями, и преодолеть жалкое препятствие труда не составило: Гэндальф и Шмыр просто пробрались между неплотно пригнанными друг к другу жердинами. «Надо же, как все незатейливо», — с некоторым сомнением подумал волшебник.

Дальше, за изгородью, ничего не изменилось: продолжался все тот же сырой, унылый и болезненный лес. Но здесь Шмыр стал вести себя настороженно и с опаской: то и дело замирал на месте, прислушивался, оглядывался, поворачиваясь всем корпусом туда и сюда, как будто что-то выискивая среди деревьев. Вскоре впереди забрезжил просвет, и путники вышли на склон небольшого оврага — или, скорее, канала, по дну которого неторопливо текла небольшая темная речка.

Шмыр удовлетворенно хмыкнул и, обернувшись к волшебнику, показал знаками, что им надо спуститься вниз, к воде. Гэндальф не спорил. Овражек был глубокий и основательный; мутный, ржавого цвета поток, представший глазам лазутчиков, неторопливо нес свои воды на запад, к Андуину, тащил какую-то грязь, пену, желтоватые пятна, темные, непонятного происхождения массы, выглядел отвратительно — и пах соответствующе. Склоны рва были крутые, поросшие редкой травой и кустиками ивняка; над головой, как давно не мытый потолок, нависало тяжелое, свинцово-серое небо. Шмыр задумчиво посмотрел на него, поскреб пятерней подбородок под жалкой сивой бороденкой и заковылял вверх по течению — на восток.

Вокруг все по-прежнему было тихо. Даже как-то неестественно тихо, думалось магу: не пели птицы, не квакали жабы, не жужжали насекомые — всё живое молчало, как будто хоронилось от невидимых, но хитрых и опасных врагов. Затем откуда-то издалека стали доноситься неясные звуки: постукивание, скрипы, позвякивание металла, лошадиное ржание; кое-где начали попадаться перекинутые над каналом деревянные мостки. Теперь приходилось учетверить бдительность: Гэндальф и Шмыр осторожно продвигались по дну оврага под защитой кустов ивняка, присматриваясь, прислушиваясь, то и дело замирая под густым переплетением ветвей и выжидая подходящего момента, чтобы продолжать путь. Звон, лязг, топот и скрежет слышались все отчетливее, порой до ушей путников доносились взвизгивания и хохот, отдаленные голоса, грубая, отрывистая и невнятная орочья скороговорка, — и в такие моменты Шмыр бледнел, застывал на месте и съеживался, точно надеясь слиться с окружающими кустами и сделаться невидимым. Высокие обрывистые склоны оврага не позволяли увидеть то, что происходит наверху, но Гэндальф понимал, что они продвинулись уже довольно далеко от изгороди-рубежа, и цель их странствия находится где-то поблизости — творящаяся вокруг кипучая хозяйственная деятельность была явным тому свидетельством. К счастью, смрад, поднимающийся от воды, надежно укрывал Шмыра и Гэндальфа от чувствительных к запахам орочьих носов, да никого эта вонючая сточная

канавы, протекающая где-то на задворках Дол Гулдура, особенно и не интересовала. К тому же переплетающиеся ветви ивняка скрывали путников от случайных взоров достаточно надежно — по крайней мере, Гэндальфу искренне хотелось в это верить...

Увы! Он никогда еще так не ошибался.

— Сюда! Хаур, сюда! Они здесь... в овраге! Я их только что видел... вон там, в кустах...

Злобно-торжествующий, торопливый лихорадочный шепот, внезапно раздавшийся над краем оврага, разом заставил лазутчиков замереть на месте.

Неужели их... обнаружили? Холодея, Гэндальф метнул взгляд в сторону Шмыра — тот сидел под ближайшим кустом ни жив ни мертв, судорожно вцепившись пальцами в землю, единственный его глаз был расширен от ужаса, на лбу блестели бисеринки пота. В какую-то секунду магу показалось, что калека сейчас не выдержит, вскочит, забьётся, завоет от нестерпимого страха и окончательно провалит все дело...

— Где? — яростно зарычали наверху. На краю оврага возникли две темные фигуры: одна маленькая, кривоногая, судя по всему, принадлежащая орку из какого-то подземного племени, и другая, рослая и плечистая — то был урук, могучий и непробиваемый, как глыба базальта, весь перевитый жгутами мускулов. Кривоног ткнул пальцем в куст, под которым притаились перепуганные лазутчики.

— Клянусь, не вру! Вон там, в кустах... Видишь, Хаур? Достанешь их, а? Вот уж знатный будет трофейчик...

Волшебник вжался в землю. Да чтоб тебя!.. Какого лешего этот вшивый Кривоног оказался таким бдительным и приметливым?!

Урук с глухим злобным рычанием спрыгнул в овраг, в лапе его поблескивал короткий кривой кинжал. Гэндальф, сжавшись, как пружина, судорожно стиснул в ладони рукоять ножа — единственного оружия, которое у него было. На Шмыра, застывшего в полуобмороке где-то позади, рассчитывать явно не приходилось — оставалось надеяться, что самоуверенный костолом Хаур не ожидает особенного отпора... если бы удалось воткнуть нож ему в глотку и разом перерезать сонную артерию... ах да, ведь остается еще этот мерзкий пронырливый Кривоног — там, наверху...

Урук был совсем близко, по другую сторону куста — и его красноватые прищуренные глазки настороженно шныряли туда и сюда, отыскивая добычу. Волшебник внутренне собрался... сейчас... пусть подойдет ближе... ещё хотя бы на шаг... В следующий миг Хаур с торжествующим ворчанием подался вперед, запустил лапу в недра ивняка и извлек откуда-то из-под корней кожаные кинжальные ножны с замысловатой серебряной отделкой — верно, какой-нибудь боевой трофей, не поделенный с товарищем.

Кривоног, с края обрыва наблюдавший за своим приятелем, при виде найденной добычи издал восторженный визг:

— Ага, я же говорил, что они здесь! Я сам видел, как Мушурз их туда закинул, в этот куст... хотел тебя позлить... а я глазастый, я все заметил! Я сразу тебе сказал, что ножны в овраге...

— Мушурз, значит, закинул? — проревел Хаур. — Ну, ща я с ним потолкую, с этим Мушурзом... неуставными словами! — Он выкарабкался из канавы и, сопровождаемый своим кривоногим прихвостнем, исчез где-то за краем оврага — только ругань и визгливые вопли еще некоторое время доносились издалека, потом и они затихли...

Гэндальфу понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить, как дышать.

Онемевшей рукой он спрятал обратно нож и оглянулся на Шмыра. Калека лежал,

закатив глаза, побледнев, как смерть, и производил впечатление покойника. Волшебник кое-как привел его в чувство.

На четвереньках, чуть ли не ползком, замирая от малейшего шума, они двинулись дальше. Мостки, перекинутые над оврагом, стали попадаться все чаще; порой Гэндальф и Шмыр прятались под ними, ожидая, пока по настилу с грохотом прокатит телега или пробегут суетливые, куда-то вечно спешащие орки. Местность заметно повышалась, почва становилась все тверже и каменистее, вскоре впереди замаячил невысокий холм и на нем — большое, угрюмое, массивное, бесформенное какое-то сооружение из тесаного камня, представляющее собой причудливое, кажущееся на первый взгляд бессистемным нагромождение башен, башенок, переходов и массивных стен. До Замка было едва ли более полумили, но Гэндальф подозревал, что по времени путь этот затянется изрядно: последние пару часов они со Шмыром продвигались и вовсе по-черепаши. После той волнительной встречи с громилой Хауром Шмыр как будто чувствовал себя не в своей тарелке: восковая бледность по-прежнему не покидала его лица, он беспокойно озирался, порой негромко стонал и так шарахался от каждого шороха, что мог привлечь к себе внимание даже самого глупого и рассеянного орка. Гэндальфа не на шутку тревожила эта лихорадочная нездоровая нервозность, но он уговаривал себя не делать поспешных выводов.

День повернул к вечеру — начинало смеркаться, солнце (где-то там, над пеленой облаков) клонилось к закату. Некоторое время волшебник и Шмыр сидели в кустах, изучая обстановку, дожидаясь темноты: овраг, по которому они продвигались, подходил прямоком к стенам Замка и вливался в неширокий крепостной ров. Лазутчики оказались практически на его дне, и противоположная стена рва, выложенная поросшим мхом серым камнем, круто уходила ввысь, к подножию Замка.

Откуда-то неподалеку, из-за угла крепости, где находилась надвратная башня и подъемный мост, доносились голоса, хриплые крики, лошадиное ржание, овечье бляение, топот копыт и грохот тележных колес по деревянному настилу; иногда из непонятной дали долетало негромкое тюканье топоров, где-то уныло мычала корова, откуда-то тянуло дымом — видимо, от углежогных ям... Закрыв глаза, можно было вообразить себя находящимся вовсе не в сердце Дол Гулдура, в двух шагах от зловещего Черного Замка, а в трактире какой-нибудь мирной роханской деревеньки... вот только Крепость не давала о себе забыть. Она возвышалась совсем рядом, по другую сторону рва, пугающая и молчаливая, точно огромный склеп, исполинское надгробие, возведенное над могилами её несчастных строителей их же собственными руками. Черные стены поднимались высоко и уверенно, заслоняя часть неба — холодные, мрачные, ко всему равнодушные: они нависали над головой тяжело и зловеще, давили монументальностью и исходящим от них ощущением недоброй мощи, веяли угрюмой враждебностью, подозрительно щерились на свет узкими темными проемами бойниц. Иногда то тут, то там в узких окнах мелькал огонек, но, что происходит наверху, на стенах, в сгустившейся темноте было не разглядеть — так же, как и невидимым караульным было не разглядеть прячущихся в глубине овражка осторожных лазутчиков.

Наконец взошла луна — повисла на небе круглым белесым рыбьим глазом. Шмыр как будто счел время подходящим для дальнейшего пути. На дне рва посверкивала вода; вряд ли тут было особенно глубоко, но застоявшееся, местами покрытое ряской болотце имело такой омерзительный вид и запах, что даже взирать на него было трудно без тошноты. Тем не менее Шмыр пояснил волшебнику, что нужно войти в эту лужу и пересечь её вброд, живо скинул сапоги, и, подвернув подштанники, бестрепетно шагнул в мутную неподвижную

воду. Гэндальф медлил, н-да уж, легко было бить себя кулаком в грудь и клясться, что он пройдет к Замку «сквозь любое дерьмо», но маг как-то не предполагал, что ему придется делать это в настолько уж буквальном смысле. И все же деваться было некуда, пришлось последовать примеру Шмыра: разуться, вскинуть сапоги на плечо, войти в скверную, даже на вид липкую темную воду и, стараясь не поднимать шума, в несколько шагов пересечь ров, глубина которого оказалась, к счастью, невелика — едва ли выше колен. На «противоположном берегу» обнаружилось отверстие водостока, возле которого Шмыр и ждал волшебника, скорчившись на покрытом зеленоватым налетом каменном выступе. Черная дыра в стене была забрана крепкой решеткой из толстых чугунных прутьев.

Впрочем, Гэндальф уже не сомневался, что Шмыр и тут все предусмотрел, и решетка особенным препятствием для лазутчиков не окажется. Так оно и произошло: один из металлических прутьев, как выяснилось, был тщательно надпилен сверху и снизу — и Шмыр, оглядевшись и убедившись, что вокруг все спокойно, осторожно вынул его из каркаса решетки. Первым Шмыр, а за ним и Гэндальф протиснулись в открывшийся узкий лаз, и волшебник аккуратно вставил выпиленный прут на место.

— Твоя работа? — шепотом спросил он у Шмыра, но калека то ли не расслышал, то ли не пожелал отвечать — и волшебник не стал настаивать на ответе.

Подождав, пока глаза чуть свыкнутся с темнотой, они двинулись дальше по узкому, шириной футов в шесть, каменному каналу, сначала — по колено, потом — по щиколотку в воде. Путь им освещали только бледные лунные лучи, заглядывавшие в отверстие водостока, но вскоре и они остались далеко позади, и лазутчиков объяла тьма — жуткая, подземельная; во мраке было слышно лишь доносившееся откуда-то спереди негромкое журчание воды. Под ногами ощущалось несильное течение: здесь, в тоннеле, вода была проточной. Видимо, канал проходил подо всем замком и был чем-то вроде отводной канавы, куда стекало содержимое нужников и сточных желобов — и Гэндальф каждую секунду невольно ожидал, что сейчас им на головы свалится какой-нибудь малоприятный «подарочек». Но все было тихо, во всем невидимом, гулком, наполненном водой темном пространстве канала лазутчики (кажется) были совершенно одни, на глаза им не попадались ни крысы, ни нетопыри, ни лягушки, ни пиявки, никто ими не интересовался, никто не лил им на головы ни кипятка, ни горячую смолу, ни прочие отвратительные жидкости, никто гневно не вопрошал из тьмы: «Кто идет?» — и не кричал: «Стой, стрелять буду!». «Пóлно! Не слишком ли гладко и бархатно все стелется? — невольно спрашивал себя Гэндальф. — Неужели нас в самом деле до сих пор никто не обнаружил? Лезем куда-то, как мыши в мышеловку...» Впрочем, тут же признался он себе, никакой особенной нужды в очень уж тщательной охране Замка и не имелось: кольцо непроходимых болот и недобрая слава защищали это гнетущее место куда лучше самых бдительных соглядатаев и мощных застав...

И вдруг волшебник вздрогнул. Мутная, застоявшаяся тишина, обволакивающая путников, всколыхнулась. Откуда-то с высоты, из-за невидимых сводов тоннеля донесся унылый, протяжный, леденящий душу вой, словно предсмертный стон, в котором звучала острая, надрывная жалоба, и холодная хищная злоба, и неизбывная, нечеловеческая тоска. Вой то поднимался, то падал, то отдалялся, то, казалось, звучал возле самого уха, сверлящий, словно бурав — и вдруг оборвался на какой-то жуткой и неестественной, нестерпимо пронзительной ноте. Гэндальф замер, сжав шмырово плечо — маг слишком, слишком хорошо знал, *кто* может издавать подобные звуки.

На калеку, казалось, вой и вовсе подействовал, как смертельное ранение. Волшебник

мало что видел в кромешном мраке, но чувствовал, как рука его проводника стала мертвенно-холодной, точно лишенной жизни; секунду-другую Гэндальфу казалось, что Шмыр вот-вот рухнет замертво, прямоком в канал, в вязкую вонючую воду. Но, видимо, Пучеглаз все же кое-как справился с собой, хотя по-прежнему трясся всем телом, точно в лихорадке: он отшатнулся к стене, судорожно стуча зубами и тоненько всхлипывая от ужаса, из уст его вырвался хриплый стон...

— Шмыр, — прошептал волшебник, — не бойся, дружище. Не бойся! Они далеко...

Действительно — далеко? — спросил он себя.

Калека шумно, судорожно дышал в темноте. Поскуливая, он съежился под стеной канала, обхватив себя руками и втянув голову в плечи — жалкий, дрожащий — и вдруг принялся размеренно раскачиваться всем телом: вперед-назад, вперед-назад, точно огромная кукла-неваляшка. Волшебник поднял руку и нащупал его плечо... осторожно провел пальцами по покрытой мурашками холодной коже, сжал тощий шмыров локоть, сосредоточился, потянулся к спутнику мыслью и духом, пытаясь коснуться его многострадального фэа, перелить в него немного душевных сил, снять, хоть отчасти, шмыров иступленный страх, смятение, смертную тоску — и магу показалось, будто он неосторожно вскрыл в гангренозной душе калеки давно назревший, воспаленный нарыв... Весь гнусный осадок, мерзость, весь гной истомленного шмырова существа навалился на Гэндальфа, будто лавина, и едва не сбил его с ног — были в этом мутном потоке и ужас, и боль, и тревога, и одиночество, и вина, и ненависть, темное содержимое душевной клоаки...

Тем не менее нехитрое участие волшебника как будто помогло: хриплое конвульсивное дыхание Шмыра мало-помалу выровнялось — медленно, но верно он приходил в себя. Наконец тихо, как-то виновато замычал, словно прося прощения за проявленную слабость; убрал свою руку из ладони волшебника, вновь кое-как утвердился на ногах и неуверенно, прихрамывая, двинулся вперед. Гэндальф устало потащился за ним следом... Журчание стало слышнее, а течение под ногами — осязатее: видимо, источник, питавший эту подземную речку, находился где-то совсем рядом. Дно канала начало подниматься широкими каменными ступенями, а потом волшебник споткнулся о выросший впереди высокий каменный выступ. Шмыр пошарил где-то возле стены, и маг почувствовал, как в руки ему всунули кремень и кресало; он высек огонь и зажег огарок свечи, припрятанный в неведомом тайнике припасливым Пучеглазом.

Теперь, при свете, можно было осмотреться. Сияние свечи отбило у мрака крохотный клочок пространства, и вокруг стали видны каменные, покрытые испариной и невнятным темными потеками стены тоннеля. Своды поднимались высоко и терялись где-то во мраке, под ногами тускло посверкивала лениво струящаяся вода. Канал закончился, впереди его преграждала глухая каменная стена, поток воды вытекал из-под неё — и устремлялся по желобу вниз, в канал, в крепостной ров, в овраг и дальше — на запад, к Андуйну, увлекая с собой грязь и нечистоты, смешивая свои чистые воды с исторгнутой чревом Дол Гулдура гнусной болезнетворной отрыжкой.

Вправо и влево вдоль стены отходили узкие каменные лесенки. Оставив позади зловонный, наполненный гнилой водой канал, лазутчики натянули сапоги, поднялись по влажным выщербленным ступеням и оказались в нешироком подземельном коридоре; дрожащее пламя свечи выхватило из темноты стены, покрытые каплями влаги, низкий сводчатый потолок и бесчисленные каменные ниши, продырявленные справа и слева: некоторые из них были забраны ржавыми, сорванными с петель решетками. Тоннель

выходил из мрака и уходил во мрак; низкие своды давили на плечи, темнота заполняла коридор до краев, аромат сточной канавы здесь смешивался с едким духом болотных испарений, запахом отсыревшей каменной кладки и плесени, смрадом какой-то сомнительной растительности: по углам коридора кучковались колонии мясистых, проросших сквозь растрескавшийся пол грибов, белесых и раздутых, как вспухшие, наполненные гноем и готовые вот-вот лопнуть прыщи. По камням медленно ползли слизи — жирные, глянцеви́то поблескивающие, как капли влаги, — и капли влаги — дрожащие и блестящие, как жирные слизи. Порой из-под ног что-то выворачивалось со злобным пронзительным писком, да и не все ниши в стенах были пусты; слева из мрака донеслось низкое утробное рычание, и в темноте вспыхнули два блестящих красных глаза, следящих за приближающимися лазутчиками жадно и настороженно. Какое-то существо сидело в каменном мешке, прикованное цепью к дальней стене, и весь пол в его обители́це был усыпан обглоданными костями — насколько Гэндальф сумел заметить, отнюдь не только крысиными. Впрочем, волшебник не успел установить, что за странная тварь коротала дни в этом мрачном застенке: в пятно света попала на мгновение лишь жуткая искаженная морда да мощная, покрытая редкой серой шерстью лапа со странно деформированной пятипалой кистью, отдаленно напоминающей руку человека — но Шмыр торопливо проскочил мимо, потянул Гэндальфа за собой, и, убегая дальше по коридору, лазутчики слышали, как позади загремела цепь и яростно заскрежетали по каменному полу смертоносные когти...

Впереди забрезжил жидкий желтоватый свет, и путники вышли в небольшой подземный зал, тускло освещенный масляными коптилками. Посреди зала чернело невысокое каменное кольцо колодца, прикрытого деревянной крышкой, а рядом стояли перевернутые вверх дном пустые ведра: колодцем пользовались. Возле стены виднелась основательная деревянная плаха с воткнутым в неё топором, лежала груда заготовленных факелов, и стояла кадушка, наполненная смолой. Шмыр задул свечу: сейчас в её скудном свете уже не было надобности. Из зала во все стороны расходились в темноту множество проходов и коридоров, и Пучеглаз, что-то прикинув в уме, уверенно свернул в один из них: такой же низкий, темный и мрачный, как и все остальные.

И почти тут же, не успели лазутчики дойти до первого поворота, как откуда-то спереди до них донеслись голоса и приближающиеся шаги: несколько орков (людей? уруков?) двигались по проходу прямехонько им навстречу.

Требовалось куда-то свернуть, чтобы избежать этого неприятного столкновения, но, увы, укрыться было негде: как назло, коридор не имел ни ответвлений, ни боковых ходов. Гэндальф уже намеревался повернуть назад, к комнате с колодцем, но Шмыр, протестуяще мыча, вцепился в него мертвой хваткой и тащил вперед, навстречу подходящим, шаги которых слышались из-за поворота все ближе и ближе. Калека шарил руками по стене, как будто что-то ища, и волшебник, не зная, то ли довериться ему, то ли бежать назад, пока еще не поздно, на секунду замер в нерешимости, сжимая свое единственное оружие — охотничий нож. Идущие были совсем рядом, за ближайшим углом, шаги их гулко отражались от каменных стен, и Гэндальф понял: еще несколько секунд — и они столкнутся с лазутчиками лицом к лицу...

И в этот момент Шмыр наконец нащупал нужный выступ. Одна из каменных плит повернулась вокруг оси, и в стене разверзлась узкая щель, Шмыр проворно нырнул туда и втащил за собой, в затхлую темноту, замешкавшегося волшебника. Как раз вовремя: едва каменная плита успела вернуться в пазы, из-за стены раздался сиплый, чуть гнусоватый

орочий голос:

— О, леший! Чуешь, Ларраш? Вроде человечинной повеяло... чуешь?

Ларраш что-то ответил, но что именно, волшебник уже не расслышал — они со Шмыром удирали куда-то в глухой мрак, протискиваясь по узкой, шириной едва ли в два фута каменной щели, потайном ходе в стене, о котором, по-видимому, было невдомек даже оркам. Лаз был настолько тесен, узок и извилист, повторяя архитектурную фактуру стены, что Гэндальф то и дело натыкался в темноте на какие-то невидимые углы и выступы. К лицу его беспрерывно липло пыльное невесомое вервие — не то паутина, не то плесень, под руку попадалось нечто осклизлое и волглое, в сплошной тьме слышно было только сопенье и шарканье Шмыра, пробиравшегося по лазу ярдах в двух впереди волшебника. «...Шмыр намеревается провести тебя в Замок через подвалы — тайными ходами, пробуравленными в стенах, — всплыли в памяти мага слова Радагаста. — Где-то в этих лазах расположено шмырово «Убежище», которое, если верить Шмыру, надежно укрыто от посторонних глаз...» Гэндальф закусил губу. *Если верить Шмыру*, — сказал он себе. — А если не верить? Внезапно вспомнился Гэдж: *«Не пойму, как ты можешь ему доверять...»*

Неожиданно волшебник наткнулся на очередной выступ в стене и нащупал впереди подобие лестницы; пыхтение Шмыра теперь доносилось откуда-то сверху. Гэндальф принялся карабкаться по неровным холодным «ступеням» — и карабкался до тех пор, пока не треснулся затылком о каменный «потолок»; Шмыр, ожидавший мага наверху «лестницы», что-то промычал.

Волшебник тоже остановился и перевел дух.

— Очень своевременно, — пробормотал он, — ты отыскал потайной ход, дружище. «А то ведь в какой-то момент я готов был в тебе усомниться», — добавил он про себя, радуясь, что покров крошечного мрака надежно скрывает его лицо...

Шмыр не ответил. Немного передохнув, они двинулись дальше по проходу, всё такому же пыльному и извилистому, и шли еще несколько минут. Потом Шмыр остановился и, судя по звуку, вновь принялся шарить по стене — должно быть, отыскивал очередную плиту-перевертыш. Негромко щелкнула пружина: плита сдвинулась с места, и тут же в открывшуюся щель ворвался тускло-желтый свет коптилок, душный чад горелого масла и отдаленные гортанные голоса:

— ...вот я и грю: слышь, грю, Баграх, ты мне проиграл, грю, так что давай, грю, плати как уговаривались — кожаные сапоги, грю, и кинжал из Гундабада...

Шмыр поспешно опустил плиту на место.

Некоторое время они сидели в тишине.

— Здесь тоже орки, — прошептал маг. — Что будем делать?

Шмыр долго молчал. Потом, судя по звукам, вновь принялся раскачиваться всем телом: взад-вперед, туда-сюда, ширк-ширк, хрясь-хрясь... Наконец замер — и будто растворился в темноте: Гэндальф не видел его и не слышал. Протянув руку, волшебник обнаружил рядом с собой пустое место.

— Шмыр, — прошептал он, — где ты? Я тебя не слышу... Шмыр!

Ему показалось, будто он различил не то тихий вздох, не то всхлип, донесшийся из мрака, и он осторожно пошел вперед по узкому проходу, негромко окликаая проводника — но Шмыр не отзывался... На секунду холодный ужас поднялся в душе волшебника — он был затерян среди крошечного мрака, в путанице узких лазов, будто заблудившаяся крыса, заперт в тесном гробу каменных стен... Шмыр оставил его — случайно? намеренно? под

«влиянием чар Замка?» Неужели он не справился с прозвучавшим из тьмы яростным Зовом? Неужели так подействовал на него тот далёкий крик, надрывный вопль, унылое стенание страдающей души, терзаемой неведомой *нечеловеческой* тоской?

Впрочем, спустя секунду калека вновь заскулил в темноте, и Гэндальф немедленно откликнулся и поспешил к нему; но, прежде чем он успел добраться до Шмыра, впереди прозвучал глухой скрип поворачиваемого камня. На секунду в кромешной мгле открылся светлый прямоугольник лаза, в котором мелькнули голова и плечи Шмыра, нырнувшего в открывшийся проход. Но вместе со светом в щель ворвались негромкие невнятные звуки... и в следующий миг тишину подземелья прорезал душераздирающий визг, вопль отчаяния, ужаса и боли — вопль угодившего в силки неосторожного зверя.

Шмыр явно выбрал крайне неудачный момент для того, чтобы пересекать коридор.

За стеной, в коридоре, кто-то был. Караульные? Охрана? Не вовремя проходящий мимо патруль? Кто?

Гэндальф замер, влипнув спиной в холодный камень.

Какого лешего Шмыру вздумалось выскочить из потайного хода именно сейчас?!

Сколько там орков? Чем они вооружены? Успеют ли они кликнуть подмогу?

Что теперь предпринять?

Все эти мысли вихрем промчались в голове мага. Наверно, он мог бы затаиться, отползти назад, затеряться в путанице лазов... но без проводника он был абсолютно слеп и беспомощен в этом темном лабиринте, он не знал ни входов-выходов из запутанных тайных путей, не имел в голове даже приблизительной схемы проходов и лазов. Шмыр должен был довести его до своего Убежища, чтобы показать ему все это — и не довел...

Из-за стены доносилась глухая возня, отрывистая орочья ругань, глухой топот, звуки борьбы, прерывистые подвывания Шмыра: «А-а-а... ы-ы-ы... о-у-ы-ы...»; кого-то там пинали, валяли по полу, били башкой об стену, кто-то сдавленно хрипел и колотил ногами по каменным плитам. Успели ли караульщики поднять тревогу? Сколько их там — двое, трое? Или отчаянный визг Шмыра уже и без того поднял на ноги ближайшую половину Замка? Или... что?

Времени на раздумья не оставалось. Надо было действовать решительно, у лазутчиков еще оставался пусть крохотный, но реальный шанс раскидать охрану, удрать в лабиринт тайных ходов, найти Убежище, отсидеться в нем пару дней... или — все пропало? Пора бежать? И позволить Шмыру вновь попасть в проклятую Башню, в безжалостные лапы дознавателей и палачей?

Ну уж нет!

Волшебник нащупал под полой плаща рукоять ножа и безоглядно ринулся вперед, к плите-перевертышу, навалился на неё плечом; в следующий миг в глаза его ударил тусклый, но показавшийся после тьмы подземелья ослепительным желтоватый свет...

31. На краю

К вечеру с севера накатила увесистая грозовая туча, нависла над рекой и разразилась впечатляющим представлением с сильнейшим ливнем, с громом и молниями, с ураганным ветром, который волнами, как прибой, бросал на крышу Росгобела тяжелые струи дождя, бешено ломился в дом и в бессильной ярости стучал в закрытые ставни тяжелыми кулаками града... Смоки в такую погоду ни в какую не желал сидеть в своей берлоге под крыльцом и, забившись в дом, жалобно поскуливал из-под лавки при каждом раскате грома. Енот, белка и ежовое семейство тоже вели себя беспокойно, фыркали и метались по горнице, только жабы блаженствовали, сидя в лужице, натекая под окном в мокром саду. Вынужденные закончить все дела на дворе раньше обычного, Гэдж и Радагаст коротали вечер в доме при свечах. Бурый маг латал прохудившиеся сапоги, ловко, как заправский сапожник, орудуя маленьким молоточком и (опять-таки как заправский сапожник) держа крохотные гвоздочки в зубах (хотя они вполне могли бы лежать рядом на краю стола). Орк, съежившись в закутке за печью, тоскливо прислушивался к шуму бури, погруженный не столько в невнятные приключения воина Анориэля, сколько в собственные тягостные и невеселые думы...

И тут сквозь завывания ветра и журчание воды, струящийся с крыши, пробился тихий звук, который Гэдж, пожалуй, и не расслышал бы, если бы подсознательно не ожидал услышать — кто-то негромко, несмело поскреб пальцем по закрытой ставне. Радагаст, как и Гэдж, тотчас же поднял голову — тоже ожидал чего-то подобного? — и бросил взгляд на окно, с тревогой прислушиваясь.

— Кто это? — прошептал Гэдж. — Шмыр?

Радагаст не ответил. Отложил молоток и выплюнул гвозди, взял свечу, и, мельком взглянув на Гэджа, вышел в сени, чтобы впустить пришельца. Орк подался следом за ним. Радагаст, сняв засов, приотворил дверь — и калека, промокший до нитки и дрожащий от холода, медленно, подволакивая ногу, проскользнул в дом, все такой же согбенный и нездоровый: этот горб, жалкую изломанную фигуру и перекошенные плечи Гэдж, наверное, не сумел бы забыть до самой могилы. Что-то виновато мыча, Шмыр остановился возле дверей, скрытый полумраком: с него ручьями стекала вода, кривые ноги подрагивали, грозя вот-вот подломиться, он трясся всем телом, словно в неодолимом ознобе — не то от холода, не то от слабости и запредельного напряжения сил...

— Что случилось? Почему ты вернулся? — встревоженно спросил Радагаст. Он поднял свечу повыше, и лицо уroda медленно выступило из мрака, Гэдж увидел месиво шрамов, ключья сивой бороденки, мертвый выпученный глаз под покрасневшим веком, а потом... потом орк отшатнулся с хриплым, неодолимо рвущимся из груди воплем ужаса.

Это был вовсе не Шмыр. Гэндальф.

...Гэдж вскочил на постели, обливаясь холодным потом. В горле его застрял сдавленный крик, сердце неистово трепетало, как пойманная птица. Внутри него все металось от потрясения... Он отупело уставился на луч света, сочащийся в чердачное окошко, на пучки сохнувших под крышей трав, на белку, которая, испуганная его резким движением, торопливо порскнула в дупло под застрехой. Всхлипнул и провел трясущейся

рукой по лицу. Силы небесные, так это был сон... Только сон!

Да, это был дурацкий сон — но все же Гэдж еще несколько минут не мог успокоиться и взять себя в руки. Его колотило, как в лихорадке, мысли беспорядочно метались в голове, будто рой возбужденных ос. Гэндальф ушел два дня назад — бесследно канул в ночь, во тьму, в болото, и о его дальнейшей судьбе Радагаст и Гэдж могли теперь только догадываться. Он, вероятно, находился всего в дюжине миль южнее Росгобела — но был так же отрезан от мира, как отшельник на необитаемом острове, и в окружении неведомых, враждебно настроенных сил мог рассчитывать лишь на собственное везение, смекалку, ловкость и находчивость. А что, спросил себя Гэдж, если сон — вещий... и волшебник действительно попал в переплёт и нуждается в помощи? Что, если его схватили, пытали, убили, в конце концов... или — о, ужас! — превратили в такого же урода, как Шмыр?!

Орк с яростью ударил кулаком соломенную подушку. Сам не свой, неохотно сполз с лежанки, спустился с чердака в горницу, вышел во двор. Смоки сидел возле лужицы посреди двора (ночью действительно прошел проливной дождь) и внимательно изучал свое отражение в воде, время от времени трогая его лапой и глубокомысленно урча. Енот копошился в куче мокрой соломы, лисица при виде Гэджа юркнула в собачью конуру и затаивка оттуда встревоженно и сердито. Гэдж подошел к кувшину-умывальнику и сунул голову под струю холодной воды. Стало немного легче: мысли прояснились и более-менее упорядочились, хотя гнетущее впечатление, оставленное кошмарным сном, полностью не рассеялось, лежало на душе Гэджа мёртво и неподъемно, будто пласт сырой глины.

Радагаста нигде не было видно. Орк вытянул из колодца ведро воды, наполнил опустевший умывальник, вылил остатки воды в поилку для коз. Следовало, наверно, пойти на летнюю кухню, разжечь огонь в жаровне и поставить чайник...

Негромко стукнула садовая калитка.

— Гэдж! Помоги-ка мне.

Радагаст спешил через двор, держа в руках нечто мохнатое и полосатое, слабо трепыхающееся, положил свою добычу на стол под навесом. Это был молодой барсук, перепуганный и взъерошенный; он слабо шипел и размахивал когтистыми лапами, норовя выкрутиться из рук мага и юркнуть в укромный уголок. Нос его был выпачкан землей, шерсть свалаялась, правая передняя лапа, грязная и окровавленная, бессильно висела тряпчочкой.

— Попал в капкан, — коротко пояснил Радагаст, — тут, неподалеку в лесу. Орки из Дол Гулдура ловушки возле барсучьих нор ставят, чтоб их...

— Не рановато ли для охоты на барсуков? — удивился Гэдж. — Они еще жир-то не нагуляли.

— Орки барсуков не только ради жира ловят, шкурки с них обдирают, чтоб пещеры утеплять, да и мясом не брезгуют, — пояснил Радагаст. — Но барсучок-то — сеголеток, молодой совсем, что с него возьмешь... Ну-ну, не балуй, успокойся, бедолага ты мой, — придерживая зверька одной рукой, другой он ласково поглаживал его по спинке, по темной жесткой шерстке, что-то мягко увещевающе бормоча, и барсучонок как будто присмирел: оставил намерение вырваться, оттяпать Радагасту палец и сбежать, затих, доверчиво вытянулся на столе и, подергивая черным чувствительным носом, расслабленно полуприкрыл глаза. — Гэдж, — велел маг орку через плечо, — принеси бинты и снадобье из шкафчика, что стоит в сенях.

— Какое снадобье?

— Мазь из немейника... увидишь там в деревянном горшочке.

Гэдж отправился выполнять поручение. Снадобья в посудинке осталось на самом дне, и Радагаст, растирая остатки мази по лапе дремлющего барсука, обеспокоенно покачал головой.

— Надо бы пополнить запас... Хорошая штука этот немейник — и лечит, и обезболивает, и воспаление снимает.

— А рецепт есть? — спросил Гэдж. — Мазь-то сделать несложно... Он ведь на болотах растёт, этот немейник?

— На болотах. Серенькие такие мяконькие цветочки.

— Я знаю. Могу сходить и набрать.

Радагаст аккуратно перебинтовывал тряпицей обработанную мазью барсукову лапу. Вздохнул с видом человека, чьи опасения полностью оправдались.

— Неладно что-то в лесу, Гэдж. Будет время — сходим вместе... А то ведь пойдешь да пропадешь — и что я тогда скажу Гэндальфу?

«Если он вернется», — с досадой подумал орк.

— Да что со мной может случиться? Я что, стеклянный? — проворчал он. Ему порядком надоело, что все считают его бестолковой хрустальной вазой, которую вроде и тащить тяжело, но и бросить нельзя, к тому же сидеть в лени и праздности в Росгобеле ему сегодня было совершенно невмоготу. — Не тревожься... Раз уж меня навязали тебе на шею в качестве помогалы, я теперь буду помощь тебе причинять изо всех сил.

Радагаст криво улыбнулся.

— Вот этого-то я и боюсь, друг мой.

— Ну, спасибо.

— Слишком уж ты порой бываешь рьян в своих устремлениях. — Бурый маг рассеянно поглаживал притихшего барсука. Затея Гэджа ему совершенно не нравилась, но он слишком хорошо понимал, что удержать орка в Росгобеле возможно, только связав его по рукам и ногам. — Но мои слова, увы, для тебя мало что значат, посему мне остаётся уповать лишь на твое благоразумие и осторожность. Что ж, иди, охота пуще неволи... только, будь добр, не забирайся далеко. Немейника вполне и на краю болот можно набрать, в топи лезть никак не требуется.

— Угу, — сказал Гэдж.

* * *

На болотах все оставалось по-прежнему.

Стояла тишина, слоился туман. Из горсточек почвы, сохранившихся под слоем болотной жижи, кое-где торчали гнилые, высохшие трупы деревьев, словно покосившиеся столбы на старых могилах. Время от времени, разрывая мглу, вздувался над водой огромный пузырь — и глухо лопался, точно гнойник, распространяя в мёртвом воздухе удушливые, вызывающие дурноту миазмы. Длинные и путаные бесцветные водоросли полоскались в густой, будто расплавленная смола, чёрной воде, покрытой какой-то отвратительной серой пленкой. Болота, как всегда, представлялись пустынными и безжизненными, и все же сейчас Гэдж как никогда был уверен в том, что они обитаемы, что из кисеи тумана наблюдают за ним десятки жадных внимательных глаз, чьи обладатели незримо затаились в зловонной пелене — и ждут, ждут, когда орк, одурманенный злыми чарами колдовских трясин, переступит

невидимую границу...

Но Гэдж, верный своему обещанию, не заходил далеко. Он брел по краю болот, собирая в берестяную торбу растущие на кочках серенькие невзрачные цветочки с толстыми мясистыми листьями. Здесь, на границе топей, они попадались редко и были мелковаты, так что орку пришлось пройти на восток полторы-две мили, прежде чем ему удалось насобирать половину торбы; конечно, если бы продвинуться чуть дальше в глубину болот, сказал он себе, хотя бы на полсотни ярдов, дело бы пошло намного быстрее...

Он остановился.

Лес перед ним неожиданно оборвался. Гэдж вышел к просеке, по которой пролежала земляная насыпь и широкая — здесь могли бы разъехаться две средней величины телеги — дорога. Она пропарывала лес насквозь, выходила к болотам и тянулась, насколько хватало глаз, дальше, ныряя в туман — широкой, сложенной из крепких надёжных брёвен гатью. Бревна были толстые, основательные, кое-где поросшие мхом; промежутки между ними оказались заложены хворостом и пластами торфа. Дорога, должно быть, вела к Дол Гулдуру; интересно, спросил себя Гэдж, знал ли о ней Гэндальф? И не этим ли путем увёл волшебника пронырливый Пучеглаз пару дней назад?

Томимый любопытством, орк ступил на мшистые бревна и прошёл по гати с десятко-другой ярдов. Настил чуть дрогнул и покачнулся под его тяжестью; внизу зачавкало и захлюпало, кое-где в промежутке между бревнами поблескивала вода. Что-то белело чуть в стороне от гати, погруженное в зеленую хлябь, и Гэдж присмотрелся: кажется, это был череп, но чей — человеческий, орочий, лошадиный — орк разглядеть не мог. Зато серые цветочки немейника вокруг черепа поднимались исключительно густо и дружно, лоснясь от сытости, и были куда крупнее и жирнее своих чахлых собратьев, растущих на краю болота. Гэдж мысленно облизнулся: до черепа и немейника было совсем недалеко — пара ярдов, три-четыре осторожных шага.

Он сломал торчащую рядом из воды сухую палку и тщательно прощупал ею ближайшую мшистую кочку за краем гати. Кочка почти не подалась — выходило, что здесь практически твёрдая земля. Гэдж осторожно шагнул вперёд, на мох, готовый в случае чего немедленно запрыгнуть обратно на настил — но под сапогом чувствовалась твердь, нога его не провалилась в топь ни на дюйм. Приободрившись — кажется, болота были вовсе не так опасны, как о них говорили — Гэдж, опираясь на слегу, сделал ещё один осторожный шаг... и ещё...

Ненадежный ковёр мха подался под ним, ушёл куда-то вниз, и орк разом погрузился в болото чуть ниже колен.

Мягкие холодные объятия трясины плотно охватили его ступни и голени. Под ногами не было опоры, и Гэдж продолжал медленно погружаться в хлябь... В какую-то секунду в душе его поднялся смертный ужас, он отчаянно рванулся, пытаясь выбраться из трясины, освободить хотя бы одну ногу, но тут же вспомнил — трепыхаться нельзя... Он отошёл от гати всего лишь на несколько шагов, и выбраться из ловушки — пока ещё! — было несложно. Он перевел дух, нащупал слегой твёрдую кочку поблизости, и, опираясь на неё, попытался вытянуть одну ногу.

Сухая палка переломилась в его руке с громким злорадным треском, и орк, не удержав равновесия, с плеском ухнул в мягкую податливую слякоть.

Да что за невезение!

Он разом погрузился в болото еще на несколько дюймов — в холодное месиво, в

жадную густую глубину, в которой не было дна. Забился — отчаянно, судорожно, изо всех сил, потом понял, что этим только усугубляет положение: трясина хватала его и затягивала в себя, как кисель хватает неосторожную муху, из глубины топи поднимался в воздух сладковатый смрад одурманивающих болотных испарений. Гэдж замер и постарался выровнять дыхание.

Дурень! Болван стоеросовый! Куда его понесло... Не хватало только утонуть в болоте... тут, в двух шагах от спасительного настила! И составить компанию этому неопознанному черепу...

Над ухом монотонно зудел комар, и Гэдж яростно отмахнулся. Спокойно, парень, сказал он себе. Спокойно, дыши глубже... Сейчас, надо только собраться с силами...

Внезапно ему стало ясно, что им заинтересовались не только комары.

Негромкое шипение раздалось чуть позади него, в тумане, и, вздрогнув, он бросил опасливый взгляд через плечо. Что-то было там, неподалеку, что-то двигалось в призрачной белесой мгле, какое-то непонятное существо, многоногое и осторожное, точно паук. Выступило на секунду из мглы чье-то серое брюхо, похожее на плотно набитый волосатый мяч, какой-то трудно различимый клубок щупалец — и тут же исчезло...

Гать была совсем рядом.

Обломком палки, оставшимся в его руках, Гэдж тщательно прощупал глубину топи между собой и настилом. Ну была же где-то тут вполне надежная твердь! Ему наконец удалось нашарить рядом что-то похожее на плотную кочку, и он попробовал на неё опереться, навалился на сухую ненадежную слегу... ну же, милая, не подведи...

То, что скрывалось в тумане, подобралось ближе. Вновь раздалось короткое резкое шипение. По спине Гэджа струйкой пополз мерзостный холодок, он уже чувствовал, как тварь подползает к нему вплотную, бросается ему на плечи, и её холодные липкие щупальца охватывают его шею...

Как эти гады держатся на воде?!

Он в ужасе рванулся — вперёд, к настилу, упал в тёмную слякотную хлябь, выбросил перед собой руки, устремился к опоре и телом, и мыслью... Пальцы его схватились за край гати. За мокрое, скользкое, липкое дерево — но такое доброе и надежное...

Теперь осталось только покрепче ухватиться за настил, подтянуться, вырывая ноги из алчных объятий болота... Еще немного...

Что-то изменилось. Не на болотах — с другой стороны, на лесной дороге, проходящей через пушу.

С хриплыми воплями взметнулась над деревьями стая галок, рассеялась где-то в унылой болотной серости. Из глубины леса до ушей Гэджа доносились невнятные, плохо различимые пока еще звуки: хриплые покрикивания, фыркание лошадей, скрип тележных колес, дробная поступь множества тяжело переступающих ног. Какой-то не то обоз, не то большой караван шел по лесной дороге и готовился вот-вот вступить на гать. Он был еще далеко, но Гэдж понял, что, если он сию секунду не выберется из болота, встречи будет не миновать. Он торчит здесь, посреди гати, как прыщ на ладони, и деваться ему отсюда некуда...

Увертливые бревна скользили под его пальцами.

Но он ухватился за них цепко, как улитка, и, подтягиваясь и оскальзываясь, выкарабкался-таки на дорогу — перепуганный и дрожащий, истекающий жидкой грязью. Выполз на бревна, поднялся на трясущиеся колени, привстал, чтобы утвердиться на ногах...

Позади раздался негромкий плеск.

Не раздумывая — некогда было раздумывать — Гэдж обернулся и вломил обломком палки по чему-то, выскочившему на него из мглы. Он даже не успел испугаться. Тварь была размером с собаку — темное волосатое брюхо, невнятная, паучья какая-то морда, множество длинных гибких ног-щупалец... Гэдж не успел её разглядеть, ибо, отброшенное ударом дубинки, существо шлепнулось в воду и тут же исчезло, не то утонуло, не то бесследно рассосалось в серо-зеленоватой мгле. Вот же дрянь...

Топот, скрип колёс и лошадиное ржание слышались уже совсем близко.

Приходить в себя было некогда: Гэдж подхватил торбу с немейником и опрометью бросился обратно к лесу, навстречу подходящему обозу, надеясь метнуться в ближайшие достаточно густые заросли и пропустить идущих, кем бы они там ни были, мимо. Лес был совсем рядом, и Гэдж уже наметил торчащую на обочине купу раkitника, в которой можно было схорониться, уже видел рисунок листьев на ветках густого спасительного куста... Поздно! Настил закачался: авангард каравана тяжело ступил на гать.

— Хараш! Стой!

Прямо перед Гэджем выросла плотная фигура: высокая, широкогрудая, облаченная в тёмное одеяние и, кажется, вооруженная... Цепкая лапища схватила Гэджа за шиворот и выдернула из кустов на дорогу, будто пескаря из пруда, Гэдж не успел даже вскрикнуть.

— Что ты тут делаешь, щенок?

Гэдж не ответил. У него перехватило дыхание...

Тот, кто его поймал, был крепок и плечист, с лицом скуластым, мрачным и грубым: широко расставленные глаза под крутыми надбровьями смотрели хмуро и зло, на коротком прямом носу темнел рыхлый рубец, рот щерился кривыми желтоватыми клыками. Несомненно, это был орк — такого же роду-племени, как и сам Гэдж, только большой, сильный и явно побитый жизнью. Урук.

Сердце Гэджа пропустило один удар. Он едва верил своим глазам... Это было невероятно... неожиданно и ошеломляюще, как поворот сюжета в захватывающей сказке, от которого по спине бегут мурашки и все внутри сжимается не то от страха, не то от восторга... Гэдж оторопел; кто-то словно стукнул его обухом по голове, и в ней не осталось ни единой мысли — лишь жалкие обломки мыслей, беспорядочное крошево, плачевные остатки кораблекрушения.

— Ну? — рявкнул урук на всеобщем. — Чего молчишь? Язык проглотил?

Гэдж по-прежнему не мог выдавить ни слова, только растерянно таращил глаза. Ему требовалось время, чтобы прийти в себя и собрать эти убогие ошметки мыслей в какое-то подобие связного разума.

Вокруг них начали собираться другие орки: такие же темнолицые и угрюмые, в грязных, поистрепавшихся в дороге одеяниях со множеством ремней, шнурков и медных застёжек. Они смотрели на Гэджа не то чтобы злобно или враждебно, скорее — подозрительно, с неодобрением, как на нечто, неожиданно найденное в самом неподобающем месте; так привередливая красавица, наверно, разглядывала бы некстати вскочивший на подбородке уродливый прыщ.

— Что стряслось? Лагдаш! Что там у тебя? — раздался сердитый возглас.

— Зайца изловил, — проворчал Лагдаш.

Орки расступились — вперед вышел рослый урук в плотном кожаном гамбезоне, надетом прямо на голое тело. Под темной кожей вожака перекачивались тугие узлы

мускулов, на поясе висел длинный кнут без кнотовища, в густые черные волосы был кокетливо вплетен шнурок с нанизанными на него мелкими белыми ракушками.

Глаза у него были ядовитые, кисло-зеленые, как крыжовник.

— Ты! — он смотрел на Гэджа исподлобья, без всякого интереса, как на приبلудную собаку, заслуживающую хорошего пинка. — Откуда взялся, сопляк?

— Из болота выскочил, щенок! — с готовностью пояснил Лагдаш. — Вон, гляди, весь в дерьме...

— Из болота? — переспросил вожак. — Из Замка удрал, сучонок?

— Вестимо, из Замка, — проворчал кто-то. — Откуда же ему еще взяться?

— Далек же тебя занесло, гаденыша. — Зеленоглазый оглянулся на кого-то, невидимого для Гэджа. — Знаешь парня, Радбуг?

— Первый раз вижу, — отозвался из-за спины Гэджа другой орк, надо полагать, Радбуг. — Глянь, Каграт, он одет не по-нашенски.

— Разумею, что не в дерюжку. — Вожак как-то неприятно усмехнулся. Потом взял Гэджа двумя пальцами за подбородок и, вздернув ему голову, внимательно всмотрелся в его лицо, повернул направо, налево, разглядывая уши. — На тебе нет Знаков рода... Откуда же тебя принесло, такого... особенного? Ну, чего стали?! — властно рявкнул он на кого-то поверх головы Гэджа, так, что тот чуть не вздрогнул. — Балаган вам тут, что ли? Кому кнутом по заднице — подходи! Лагдаш, поддай им горяченького... Ну? — отрывисто спросил он, вновь обращаясь к пленнику.

Гэдж облизнул губы. Обстановка отнюдь не располагала к искренности и доверию... Чем дальше, тем больше в окружении этих крепких лихих парней ему становилось не по себе.

— Я... я не из Замка, — сказал он едва слышно.

— Да ну, правда? — Каграт хмыкнул. — Тогда откуда?

— Изд-д... Издалека, — пробормотал Гэдж, не на шутку струхнувший. Что, если его сейчас сочтут за лазутчика? Как-то не так представлял он себе встречу с сородичами... Он слышал позади, на дороге, шаркающие шаги множества ног, чьи-то вздохи и кряхтение, неразборчивое бормотание, скрипение несмазанных колес, топот копыт, фыркание не то лошадей, не то мулов, проходящих мимо; ему очень хотелось обернуться, посмотреть, что там происходит, но он не смел, да и не мог — Каграт по-прежнему крепко сжимал его подбородок, и пальцы у него были жесткие, как стальные штыри.

— Издалека, говоришь? — медленно переспросил вожак, его пронырливые зеленые глаза колюче вьедались в пленника, точно маленькие буравчики. Гэдж глотнул, чувствуя себя крайне неудобно под этим испытующим взглядом; мысли его проносились в мозгу так быстро, что он не успевал сосредоточиться ни на одной.

— Ну да. Я не здешний. И просто собирал немейник... тут, на болотах, — в полнейшей растерянности выдавил он наконец, не зная, как бы половчее объяснить этим суровым ребятам причины своего появления на их пути. — А вы... вы — орки? — добавил он почти шепотом.

Глупее вопроса, наверное, придумать было невозможно. Ответом ему, как и следовало ожидать, был дружный хохот дюжины луженых глоток.

— Нет. Эльфийские девы, — спокойно сказал Каграт; он, единственный из всех, не заржал громко и нарочито, захлебываясь от восторга, не стал подталкивать соседей локтями, даже не улыбнулся. — Эй, парни, — гаркнул он своей кодле, — ну-ка, живо рассыпаться по

полянке, цветочки собирать! Ну, чем мы не эльфы?

Веселье вокруг Гэджа не утихало. Он стоял, словно прикованный к позорному столбу, понимая, что ляпнул глупость, но не в силах справиться с охватившим его смятением. Почему-то он такого приема не ожидал... Какого лешего этот разбойник Каграт так на меня уставился, спрашивал он себя, что, ну что у меня не так — четыре глаза, ухо на затылке, звезда во лбу? И что мне теперь делать — попытаться с ним объясниться? схитрить? сбежать? Но как? Крепкие и длиннорукие громилы-охранники окружали его со всех сторон, и вырваться из кольца для Гэджа не представлялось возможным, а по доброй воле, он понимал, они его теперь вряд ли отпустят.

— Ты здесь один? Откуда пришел? Где твоё племя? — отрывисто выпрашивал меж тем Каграт, тряся Гэджа за плечо, словно игрушку из соломы. — Да отвечай же наконец — онемел? Придурковатый какой-то... С Луны ты свалился, что ли?

— Скорее, с крепостной стены — головой вниз! — проворчал кто-то. — Чего ты его мнешь, Каграт, не видишь — блаженный он...

— Если на нем нет Знаков рода...

— Ясное дело — чужак!

— Или хуже — шпион...

— Да чего мы гадаем! Вон у него шмотник на плече — надо поглядеть, что там да как. Вдруг чего и прояснится.

В суме у Гэджа не было ничего, кроме гребешка, фляги с водой, да завернутых в тряпицу записок с приключениями многострадального Анориэля, с которыми орк предпочитал не расставаться и которых отнюдь не желал предьявлять каждому встречному по первому требованию. Впрочем, его мнением не считали нужным интересоваться: его уже лапали чьи-то бесцеремонные руки, толкали и пихали, стаскивали с плеч котомку, вырывали торбу с немейником, тянули с пояса кинжал в замшевых ножнах...

Этого нельзя было допустить.

— Отдайте! — яростно крикнул Гэдж. — Это — подарок!

— Заткнись! — Здоровенный, угрожающего вида урук, завладевший кинжалом, оттолкнул его с такой силой, что Гэдж, не удержавшись на ногах, кувырком полетел в черную дорожную слякоть, приложился лбом о чей-то (подставленный?) сапог. Он тут же вскочил, разъяренный, взъерошенный, как волчонок, готовый сразиться за свои сокровища с целым миром, сжал кулаки, под всеобщий хохот и улюлюканье кинулся на обидчика. Кто-то схватил его за ворот рубахи, и тот распахнулся, затрещали, отрываясь, деревянные петельки-застежки; кто-то подставил ему подножку, вновь опрокидывая в грязь... Перед глазами Гэджа все померкло, замельтешило, мерзостно закружилось; мир сжался вокруг, словно петля — тошнотворный, враждебный, беспощадный, хрипло гогочущий.

— Хватит! — Каграт вдруг резко шагнул вперед, схватил Гэджа за шиворот, заставляя подняться. — Что это у тебя? — Он схватил лапой обломок амулета, «эстель», висевший у Гэджа на шее и мелькнувший в прорехе разорванной рубахи, поднес его к глазам. — Что это за...

Он запнулся. Фраза повисла в воздухе, словно обрубленная.

Гэдж молчал, тяжело дыша.

Каграт изменился в лице... Рука его дрогнула. Он как-то разом побледнел, в глазах его мелькнуло что-то, чего Гэдж не понял — изумление, недоверие, подозрение? Замешательство? Испуг?

— Откуда это у тебя? Откуда?! — Голос главаря внезапно осип; он смотрел на Гэджа так, словно видел перед собой не жалкого, с головы до ног перемазанного грязью мальчишку, а по меньшей мере привидение... умертвие, темным и недобрим колдовством восставшее из могилы. — Откуда? — Он опять яростно встряхнул пленника. — Отвечай!

— Не трогай... — непослушными, разбитыми губами прошептал Гэдж. — Это — моё...

— Леший! — хрипло пробормотал Каграт. Прежде, чем мальчишка успел что-либо сообразить, он схватил Гэджа за волосы и рывком нагнул вбок его голову, отбросил в сторону жёсткие чёрные пряди, разглядывая что-то сзади на мальчишеской шее; сдавленно процедил сквозь зубы несколько бессвязных слов. Наконец выпустил ошеломленного Гэджа и вновь жадно обшарил его взглядом; лицо вожака по-прежнему было перекошенным и серым, словно бы обесцвеченным, но впечатления вытащенного из воды карася он уже не производил. Секунду помедлив, он исподлобья покосился на огромного урука, который, завладев котомкой и кинжалом Гэджа, с довольным ворчанием разглядывал отделанные серебром замшевые ножны:

— Верни парню вещички, Шавах.

Шавах небрежно дернул плечом. Лениво ощерился:

— Да иди ты!.. С какой стати? Коли он из наших — пусть бежит жалуется Визгуну, что его ограбили... а коли чужак — пусть засунёт свои заломы себе в задницу, понял?

— Что? — Каграт как будто опешил. — Это ещё что за собачьи отгавкивания?

— А то, — прорычал Шавах. — Кинжал слишком хорош для такого сопливца... а мне, глядишь, как раз подойдёт. Ясно?

Этого Каграт стерпеть явно не мог. Он выпустил Гэджа, неторопливо выпрямился, развернулся к Шаваху всем корпусом. Положил лапу на кожаную шлею кнута.

— Я сказал: верни барахло по принадлежности, — медленно и внятно произнёс он, по-прежнему не спуская с Шаваха глаз, глядя на него зло, мрачно и вызывающе. — Плохо расслышал, мразь? Или мои слова тебе ныне не указ? Кто тут командует, интересно — ты или я?

Шавах издал короткий презрительный рык. Подобрался и ощерился, не выпуская гэджевское шмотье из рук, глазки его блеснули свирепо.

— Сегодня — ну, допустим, ты... А завтра — глядишь, и я.

— Да ну? Командирский мундир на себя примеряешь, значит? — Каграт так стиснул челюсти, что зубы его не скрипнули — хрустнули, точно молодой ледок под каблуком. — Только гляди, губешки-то особенно не раскатывай, гнида, не по плечу он тебе. И нежную мою, неустойчивую психику не травмируй. И не таким, как ты, пятки за уши заворачивал... посему у тебя одна задача — вернее, две: заткни хайло и исполняй приказ! Живо!

Он рванул с пояса кнут, щёлкнул им перед носом бунтаря резко и угрожающе. Шавах потемнел и отшатнулся; лицо его задергалось, точно в него плеснули помоями. Рука стремительно метнулась к эфесу скимитара — скорее инстинктивно, нежели под влиянием сознания, которое, как это частенько бывало у Шаваха, вряд ли поспевало за ходом событий.

— Даже не думай, — скучным голосом сказал Радбуг. — Или о твоём неповиновении и нарушении дисциплины доложу куда следует в письменном виде.

Шавах глухо зарычал, кося на Радбуга налитым кровью глазом. Этот вонючий полукровка опять лезет не в свое дело! Не то чтобы Шавах всерьёз опасался какого-то там вшивого Радбуга, но ведь настрочить донос в Канцелярию этому сукину сыну и впрямь ничего не стоит, а у визгунов, всем известно, с нарушителями и бузотёрами разговор

короткий...

Он чуть помедлил — и с яростью швырнул котомку Гэджу в руки. На секунду их взгляды встретились — и Гэдж содрогнулся: выражения такой ненависти к миру, такой лютой, звериной озлобленности ему не приходилось видеть даже в глазах несчастного, заморенного голодом степного волка в Эдорасском зверинце.

Каграт крепко сжал пленнику плечо.

— Пойдешь с нами, парень.

— Куда? — пробормотал Гэдж, слишком ошеломленный и подавленный для того, чтобы протестовать. В голове его царил сумятица, мысли были мелкими, невнятными, рассыпающимися, словно горох, Гэдж никак не мог ухватиться ни за одну.

— Куда поведут. Пошли, пошли... не отставай, Визгун ждать не будет. Ну, а вы чего стали... эльфы? — Он сердито цыкнул на своих ухмыляющихся парней. — Для вас теперь простой язык недостаточно деликатен, к вам по-эльфийски, с поклонами подкатывать надобно да челом в ноги бить? Будьте любезны, судари милейшие, соблаговолите наконец напрямь задницы и побыстрее шевелить копытами, а?

32. Дол Гулдур

— Эй, вы, там, брюхоногие! — проревел Каграт. — Шаг не замедлять! Держаться кучнее! С гати не сходить! Не оглядываться, смотреть прямо перед собой! Шаг в сторону будет расцениваться как попытка самоубийства! Помните — гуулы не дремлют... Помните об этом! Глядеть в оба, парни!

Они с Гэджем шагали в самом конце колонны, растянувшейся по гати больше чем на полмили, и Каграт по-прежнему крепко держал спутника за плечо, не отпуская его от себя ни на шаг. Остальные орки разошлись по обеим сторонам дороги, держа наготове луки и длинные, вырезанные в лесу заостренные палки, внимательно вглядываясь в колышущуюся муть, обступающую тракт со всех сторон. Из-за бредущих впереди обозных мулов, нагруженных мешками и тюками, Гэдж не видел, что происходит в центре колонны, но слышал доносящиеся оттуда покрякивания погонщиков и щелканье кнутов и спрашивал себя: что за «брюхоногих» его сородичи гонят в Дол Гулдур равнодушно, буднично и деловито, словно стадо коров?

Сама гать тоже внушала немало опасений. Местами настил был нов и прочен — видимо, недавно подправлен, — но кое-где сырые, скользкие, покрытые пятнами гнили бревна неприятно ворочались и колыхались под ногами, точно черные спины дремлющих в болоте чудовищ. В таких местах следовало очень внимательно смотреть, куда наступаешь: на столь ненадежном покрытии ничего не стоило поскользнуться и угодить ногой в щель между бревнами, или, паче того — нырнуть за край дороги, в мерзкую и хваткую пузырящуюся хлябь. «Что с гати упало — то пропало», — бормотал Каграт себе в нос, и в его устах эта коротенькая невинная пословица звучала по меньшей мере зловеще...

Цепкие когти вожака впивались Гэджу в плечо даже сквозь плотную ткань дорожной куртки.

— Ну, говори, — голос его звучал небрежно.

— Что говорить? — пробормотал Гэдж. Где-то впереди яростно заорали, зарычали орки, громко защелкал кнут — раз, и другой, и кто-то отчаянно заверещал: «Не надо! Не надо!..»

Гэдж вздрогнул. Каграт недовольно поморщился.

— Говори, — буркнул он, — откуда у тебя этот оберег.

Худшие опасения Гэджа подтвердились, «брюхоногими» Каграт, видимо, называл пленных... Кто они были? Откуда? Может быть, война, на которую туманно намекал Гэндальф, уже объявлена?

И что, собственно, мешает Гэджу в самое ближайшее время пополнить унылые ряды этих «брюхоногих»? Подозрительный интерес вожака к амулету?

— Я не знаю, — негромко сказал он в ответ на вопрос орка. — Когда меня нашли, он уже был при мне.

— Нашли? Где?

— В горах...

— В каких горах?

— В Туманных.

Каграт хмыкнул.

— Экий ты немногословный... А что случилось с другими?

— С какими другими?

— С твоими родичами. Ты же не с Луны туда свалился, в Туманные горы-то.

Гэдж пожал плечами.

— Я ничего об этом не знаю... Я вообще сам ничего не помню, я совсем малой был.

— Ясно. Их убили?

— Ну... наверное.

Каграт задумчиво потирал подбородок.

— А почему не убили тебя?

— За меня вступился один... человек.

— Человек? Да ну? — Каграт глухо рыкнул. — Это с какой стати вступился, интересно?

Он что, безумец?

— Он — волшебник, — сухо пояснил Гэдж.

— Ах, вот оно что. Волшебник, — Каграт насмешливо, понимающе хмыкнул. — Этот сумасшедший старикан в буром балахоне, который бродит тут по лесу, свиристит по-птичьи и вытаскивает зверье из расставленных ловушек? Ну, знаю я его, тот ещё старый телепень... Так ты, выходит, у него жил?

— Ну... да, — пробормотал Гэдж, решив, что говорить Каграту о Сарумане нет никакой нужды — по крайней мере, сейчас. — А с какой стати вы... ты вообще всем этим интересуешься?

— Да вот с такой. — Каграт сунул лапу за пазуху, извлек из-под гамбезона нечто, висевшее на шее на кожаном шнурке, и предъявил спутнику.

Гэдж облизнул губы.

Это был обломок амулета — древний и неказистый, с полустершейся от времени чеканкой: на потускневшей поверхности едва виднелся завиток изящной эльфийской руны «сит». Дрожащими пальцами Гэдж стянул с шеи «эстель», сложил обе половинки амулета — и они сошлись, как родные... словно братья встретились после долгой разлуки: поистрепавшиеся в боях, тертые жизнью, прошедшие сквозь огонь и воду, но неизменно помнящие друг о друге... Перед глазами Гэджа все поплыло; не в силах выдавить ни единого вразумительного слова, он поднял на Каграта растерянный взгляд.

Вожак, ухмыляясь уголком рта, громко, удовлетворенно заурчал, невероятно довольный.

— Ну, чего гляделки вылупил, удивлен? — посмеиваясь, спросил он. — Меня-то тоже судорогой скрутило, когда я увидел у тебя эту штуковину. Так вот... челюсть подбери и слушай сюда. Одна половинка этого оберега была у меня, а вторая — у твоей мамки, и, наверно, она тебе её отдала, когда... ну, не знаю когда, но отдала — ежели, конечно, ты телегу не гонишь, что тебя нашли вместе с этой ерундовиной.

— А, — Гэдж запнулся. — Н-ну... того... ага... ясно. Понятно. А... где?

— Что где?

— Н-ну... она. Моя... мамка.

— Понятия не имею. Я её уж, почитай, лет пятнадцать не видывал, с того времени, как... В общем, не знаю я, что с ней стало — может, визгуны её прикончили, а может, и кто другой, хрен теперь разберешь. Но вряд ли она жива, это уж как пить дать.

Гэдж молчал. Пытался уложить все услышанное в голове. Новости свалились на него совершенно неожиданно, словно снежный ком с крыши, попросту сбили с ног и распластали в канаве, пораженного, ошеломленного и раздавленного вусмерть. Мир перед ним внезапно перевернулся, пустил трещины, рассыпался на кирпичики, и теперь сложить из них что-либо

крепкое и основательное было делом не из лёгких.

— Так это... выходит, — он плотнул, — выходит, ты... и я... то есть мы... ну, того... в общем...

— Эй, там, поровнее! — рывкнул Каграт на кого-то с краю колонны, поверх голов идущих впереди. — Ухтанг, заснул? В объятиях гуулов проснешься... — Он выдернул из руки Гэджа свою половинку амулета и спрятал обратно за пазуху. — Насмотрелся? Давай вертай назад, получишь её после Посвящения, как я её от своего папаши получил... Раз ты, значит, теперь у меня старший, она тебе должна достаться. — Он задумчиво постучал пальцем по нижней губе. — До тебя, правда, ещё двое было, но один помер от какой-то хвори, а другой мальцом сгинул в той давней заварухе. А тех, что уж после тебя, в Крепости народились, я и не считал.

— У меня... есть братья? — пробормотал Гэдж.

— А как же. И пара сестёр вроде. Я же говорю — не считал.

Каграт говорил обо всем так буднично и равнодушно, точно всё это разумелось в порядке вещей — но в голове Гэджа царил полный кавардак. «Может, это все — бред? — уныло спрашивал он себя, тащась вслед за Кагратом по неведомой ненадежной дороге, спотыкаясь тут и там — ноги у него стали какими-то чужими. — Таких совпадений не бывает... Наверно, я заболел... объелся вчера жареных грибов... и теперь мне мерещится всякая чушь... Ну не может же этот разбойник Каграт быть моим родным отцом! А моя мать... что с ней стало? Она погибла... была убита или бесславно сгинула где-то в горах... А братья... У меня, значит, были — и есть — братья? И даже сестры...»

Каграт яростно встряхнул его за плечо.

— Ну, рассказывай! Чего молчишь-то, язык проглотил?

— Что... что рассказывать? — спросил Гэдж едва слышно.

— Как тебе жилось у твоего старикана, например. Бестолковый ты какой-то, как из чулана давеча вылезший... В клетке он тебя держал, что ли? Взаперти?

— Нет, просто... Я... я, собственно, не ожидал, что все так случится, — пробормотал Гэдж. Его охватило смятение. Что мне теперь делать? — спрашивал он себя. Возрадоваться столь не чаянному возвращению к предкам, заключить новообретенного отца в объятия, горячо облобызать его в обе щеки? Расспросить о матери и братьях? Рассказать ему про свою жизнь в Изенгарде, про Сарумана, про занятия медициной... ведь именно это я должен сейчас сделать, да? Именно этого он от меня ждёт? Именно этого я хотел, об этом мечтал долгие годы, желая встретиться с сородичами, обрести родителей и найти семью... увы! Отчего-то язык у Гэджа не поворачивался завести такой разговор: неясным чутьем он угадывал, что Каграт бесконечно далек от того мира, в котором Гэджу до сих пор приходилось пребывать, и попросту не поймет... *не способен* понять вещей, которые для Гэджа являлись центром и смыслом существования.

Он смотрел в землю.

— Я, ну... я вообще прежде никогда не видел орков... таких, как я. Я так удивился...

— Ну, еще бы! То-то нос сморщил — рылами, видать, мы не удались? — Каграт усмехнулся, впрочем, довольно благодушно. — На картинках-то в книжках всё, поди, почище смотрелось, э? А в натуральную величину мы тебе что-то не особенно показали.

— Да нет, почему? Вполне... недурственно, — пробормотал Гэдж. Он по-прежнему не мог разобраться в себе и понять, как ему стоит относиться к происходящему: мысли его и чувства свились в какой-то тугий невнятный клубок, точно грязные чулки, и Гэджу

требовалось время, чтобы распутать их и разложить по местам. — А кто такие гуулы? — поспешно спросил он, желая перевести разговор на другую тему: он мучительно хотел отвлечься, думать сейчас о чем угодно, только не о том, что так настойчиво лезло в его пухнущую голову.

— Гуулы? Да тварюги, которые живут тут, на болотах, — лениво пояснил Каграт. — Смахивают на пауков, только большие, размером с крупную псину... Говорят, их *Сам* вывел — типа для охраны. Цепкие они, паскуды, как бычья колючка, и прыгают, ровно лягухи, только успевай уворачиваться. В лапы им не попадайся — узлом завяжут, руки-ноги пообломают, и всё: продукт готов к употреблению... Высосут кровушку до дна, пикнуть не успеешь.

— На меня пытался один напасть, — сказал Гэдж. — Я его отбил... палкой.

Он рассеянно вглядывался в колышавшийся вокруг мутный туман. Над гатью плотно густела тишина, в которой слышался лишь мягкий перестук копыт, поскрипывание повозок, да шарканье по мокрому настилу многих пар ног. Болото молчало, будто затаило дыхание, изучая вторгшихся в его владения незваных пришельцев. Лишь по временам откуда-то из завесы болотной мглы доносилось странное чваканье и приглушенное шипение: оно слышалось то дальше, то ближе, то словно стелилось над топью, звуча со всех сторон разом. Где-то в колонне среди пленных возник негромкий испуганный ропот, мулы начали беспокойно всхрапывать.

— Спокойно! — рявкнул Каграт. — Глядеть в оба!

— Справа! — крикнули впереди.

Кто-то из орков поднял лук и выстрелил в колышавшуюся муть. Над топью пронеслось короткое резкое шипение (будто выпустили воздух из кожаного бурдюка) и тут же оборвалось (но наиболее нервные, в том числе и Гэдж, вздрогнули), и Гэджу показалось, будто смутная серая тень мелькнула в белесых слоях испарений — но, возможно, это было просто плодом его жаждущего деятельности воображения. Впрочем, приглядевшись, Гэдж установил, что «тень» была отнюдь не одна: в тумане по обеим сторонам гати то и дело что-то двигалось, перемещалось с места на место, какие-то неясные темные формы. Тоскливое, жадное шипение слышалось теперь беспрерывно и отовсюду, и, судя по его силе и звучности, «гуулов» вокруг гати собралось видимо-невидимо. Приближаться к тракту они пока не решались, но, то ли стрелы и колья орков их останавливали, то ли какая-то иная причина, Гэдж сказать затруднялся.

— Вот заразы! — морщась, как от изжоги, бормотал Каграт. — Крысюков чуют, гады, любят сладкую кровушку пососать. Друг друга жрут, коли ничего другого найти не удастся, а эта дорога для них и вовсе как кормушка, вечно они тут толкуются, ждут, не перепадет ли чего... А иногда нагледят и набрасываются — если, конечно, защита хромает... В одиночку тут никак не пройти, только вчетвером-впятером, и то ухо остро надо держать...

— А отпугнуть их, этих гуулов... что, никак нельзя? — спросил Гэдж.

Каграт дёрнул плечом.

— Да, говорят, можно — коли не врут. Надо-де набрать на болотах ихнего, гууловского дерьма, состряпать из него какое-то снадобье и обмазываться им время от времени — тогда эти твари будут тебя стороной обходить. Только охотников лазать по этим болотам да дрянь собирать немного... тут надобно девять запасных жизней в кармане иметь.

Гэдж пригляделся. Что-то белело в тумане за краем гати: полузатянутые трясинной кости, скелеты и черепа — человеческие, орочьи, лошадиные — которыми было усеяно

болото вдоль дороги. Некоторые останки уже потемнели от разъедающей их болотной кислоты и были облеплены буро-зелеными шматками тины; другие, более свежие, светлели бледными пятнами в мутно-серой воде; на третьих копошились клубки черных блестящих червей, подбирая остатки плоти. Гэдж судорожно стиснул пальцами берестяной ремешок торбы с немейником, которую, оказывается, до сих пор тащил в руках: значит, тот череп, попавшийся ему на краю болот, был всего лишь предостерегающим знаком, жалкой частицей простирающегося по обеим сторонам дороги обширного кладбища... «Гуулы» меж тем изрядно осмелели и широкой полосой приблизились к гати, тоскливо шипели там и тут, мелькали в тумане серыми щетинистыми тушками. Орки стреляли все чаще и чаще; тех тварей, которые прорывались сквозь завесу стрел, отбрасывали длинными, наспех обтесанными заостренными кольями.

— Не бойся, они не нападут, — мрачно сказал Каграт. — Хитрые скоты, знают, что нас много и мы хорошо вооружены. Те, что побашковитее, давно уже убрались искать другую добычу, тут остались либо самые упертые, либо самые голодные, у которых что голова, что пузо — оба пустые... этих бояться нечего. На-ка получи! — Он ловко огрел кнутом выскочившего из мглы гуула — и Гэдж, невольно отпрянув, успел заметить лишь вздутое брюхо твари да пучок неряшливо торчащих гибких щупалец. Оглушенный ударом, гуул шлепнулся в тину, съежился, словно паук, попавший в пламя свечи, — и разом будто всосался в вонючую топь. Каграт презрительно сплюнул ему вслед, в мутную, пузыристо-ноздреватую зеленую грязь.

А все-таки, с невольной завистью подумал Гэдж, я бы, пожалуй, так не сумел... ловко он справился с этим гуулом, ничего не скажешь. Папаша-то у меня — калач явно третий, дело свое знающий и... и... сноровистый, что ли. Почти такой же сноровистый, как воин Аноризель... а то и поболее: что-то сомнительно, что Аноризель умеет так бойко обращаться с кнутом и этак шикарно, с потрясающим размахом плевать. Гэдж тоже украдкой сплюнул, пытаясь подражать бате, но получилось как-то не очень: вместо того, чтобы отлететь далеко и красиво, по роскошной кагратовой дуге, плевков Гэджа жалко и вяло капнул едва ли в паре футов от гати. Н-да, уныло сказал он себе, до уровня завидного кагратова мастерства мне еще упражняться и упражняться.

Мало-помалу туман посветлел, и гуулы как будто поотстали, их редкие выпады почти прекратились, лишь порой то тут, то там мелькали в мареве расплывчатые контуры серых тел. Воспользовавшись передышкой, к Каграту подошёл один из орков-охранников: у него были странные гладкие и светлые волосы, собранные на затылке в «конский хвост», в мочке левого уха покачивалась серьга — оправленный в серебро волчий клык. Гэдж без труда припомнил его имя — Радбуг.

— Ну? — отрывисто спросил Каграт; видимо, он тоже понимал, что кореш подкатил к нему неспроста. — Что скажешь?

— Я тут поспрашивал парней, — небрежно отозвался Радбуг, искоса поглядывая на Гэджа, — насчет этого мальчишки, так вот: никто его прежде в Замке не видел. Никто его не знает.

— А твое какое дело?

— Мое — никакое... это дело общественное. Он явно не из наших.

— И что?

— А то. Откуда нам знать, что он, к примеру, не подсланный соглядатай и не шпион?

— Шпион? Кто? Этот цыпленок? Не смейся... Поджилки у него так трясутся, что е

Рохане слышно. — Каграт коротко хохотнул и, чуть помолчав, как-то украдкой оглянулся через плечо. — Есть тут, видишь ли, одна закавыка...

— Какая закавыка?

— Помнишь Шанару? Ну, эта... — он как будто замаялся на секунду, — сеструха вроде твоя была...

В серых глазах Радбуга мелькнуло что-то трудноопределимое.

— Ещё бы не помнить...

— Так вот. — Каграт говорил как-то неохотно, словно бы через силу, как будто выдергивал занозу у себя из-под когтя. — Она девка была со странностями, с чужинкой, вот как ты... любила по горам по долам в одиночку шататься, веночки из одуванчиков плести, все мечтала о какой-то лабуде, леший её разберет. Пару лет никого в мужья не брала, выживалась, сама не знала, чего ей надо... А в тот Кохарран... ну, за год перед тем, как эти, чёрные, в Долину заявили... меня выбрала!

— Так ты вроде и не сопротивлялся.

— Ну, она деваха ладная была и не вредная... а что с заскоками, так то не удивительно — вы, полукровки, все с вывертом... Ну да не о том речь. Она в Замок-то с Визгунами не пожелала идти... Визгуны старыми да малыми брезговали, посему велели мелюзгу и всех младенцев на месте оставить, а Шанара не захотела своего бросать, первый он у неё был... ну, сбежала с ним вместе и спряталась. Что уж потом с нею стряслось и со всеми, кто остался, я не ведаю, но, похоже, этот мальчишка — единственный, кому посчастливилось выжить. Он... ну, словом... — Каграт огляделся и, убедившись, что в их сторону никто не смотрит, что-то прошептал своему дружку на ухо. На темной высоколобой физиономии Радбуга выразилось сильнейшее изумление; его взгляд, украдкой изучающий Гэджа, стал еще более цепким и внимательным.

— Ты уверен? — вполголоса спросил он.

— Похоже на то, — хрипло ответил Каграт. — Есть... кое-какая приметка.

— Твой оберег?

— Ещё родимое пятно у него на шее в виде молодого месяца, мне Шанара показывала...

Радбуг хмыкнул.

— Ну, по крайней мере, теперь понятно, почему на парне нет Знаков рода.

— Ну да. Он в то время еще совсем сосунком был...

— И что теперь?

— Что теперь?

— Наживешь ты с этим сопливцем чирьев на свою задницу... Допустим, все, о чем ты тут толковал — правда... теперь-то ты куда этого мальчишку думаешь определить? К «щенкам», в младшую дружину? Его нет в списках.

— И что?

— Нет галочки — нет пайка. Тебе придется предъявить его Визгуну, чтобы сделать в Общинной Книге соответствующую запись.

— Визгуну? Ну и предъявлю. Одним орком больше, одним меньше... а что? — Каграт как будто забеспокоился. — Ты думаешь, возникнут затыки?

Радбуг пожал плечами.

— Кто знает. Но там, наверху, твои доводы в пользу парня могут счесть недостаточно... обоснованными.

— Он из нашего племени! У меня есть доказательства...

— Ты когда-нибудь пытался что-нибудь доказывать Визгуну?

— Не пытался, — буркнул Каграт. — И не собираюсь! Какого лешего?.. Пятки я ему лизать должен, что ли, разрешение выпрашивать? Кто он мне, тот Визгун — дядька, мамка, старейшина рода, что я должен в ножки ему кланяться и милостей вымаливать? Да пошел он... Начхать мне на него, ясно?

— Чего же не ясного... только Визгун-то тебя не убоится, Каграт, даже не вздрогнет, а вот мурло твоё наглое и неумытое на всякий случай запомнит. А парня отправит в Башню, выяснять, кто он да откуда... У Визгуна таких, как этот приبلудыш, дюжина на грошик, так что потеря при любом раскладе будет невелика.

Каграт помрачнел.

— А твое-то, собственно, какое дело? Чего ты из меня жилы тянешь, зануда? Присосался, как клещ.

— Да просто хотел предупредить тебя чисто по-дружески. И, если уж тебя интересует мое мнение...

— Ну?

Радбуг спокойно смотрел на Каграта серьезными серыми глазами.

— Если ты действительно этому парню добра желаешь... отпусти его, Каграт. Пусть проваливает *своей* дорогой. Он же не наш, это за десять лиг видно.

— «Не наш, не наш...» Не шурши! Я его для начала сам маленько уму-разуму поучу, посмотрю, на что он способен. А там, глядишь, и в списочек занесем, и в Книге пропишем, и на довольствие поставим по всей форме. Доволен, крючоктвор?

— Да не в списочке дело...

— Все равно одному через болота ему не пройти, просекай.

Да, Гэдж внезапно — с ужасом! — понял, что обратная дорога ему заказана: через топи, кишащие гуулами, ему действительно не пройти, а значит, и назад вернуться уже не получится. Не дождется его сегодня Радагаст с немейником... Росгобел — а с ним, кажется, и все прошлая гэджевская жизнь — остался далеко позади, за болотами и туманом, а впереди его ждал зловещий Дол Гулдур — Черный Замок, о котором даже Гэндальф говорил вполголоса и с оглядкой. Гэджу стало не по себе; какое-то неприятное, липкое чувство, похожее на откровенный страх, зашевелилось у него в животе, мерзкое и скользкое, будто клубок червей. Он опустил руку, сжал в ладони рукоять кинжала, давнего саруманова подарка — и вдруг почувствовал, что она, рукоять, странно теплеет под его пальцами, становится почти горячей, точно нагретая солнцем... которого уже давненько не было видно за густыми слоями болотных испарений. «*Кинжал заговорен на защиту от черного чародейства...*» — кажется, так говорил Гэндальф тогда, сто лет назад, сидя возле костра на тихой, погруженной в сумерки, пахнувшей сосновой смолой поляне в глубине Фангорна... И вот сейчас неожиданно дали знать о себе наложенные на кинжал чары?

Я хочу обратно, в Изенгард, — вдруг отчаянно подумал Гэдж. — Я хочу *домой!* Он поймал себя на мысли, что и в самом деле думает об Изенгарде, как о доме — доме, в который действительно хочется вернуться. Но разве теперь его дом — не здесь, среди сородичей, рядом с братьями и отцом, о встрече с которым он мечтал с далёкого детства? Отчего же так странно, так неприятно холодеет в груди, отчего Гэдж ощущает сейчас не радость, а чувство, похожее на испуг и тошнотворную панику? Или это всего лишь страх неизвестности, смятение, боязнь сжечь за собой все мосты и навек позабыть о прошлом, к которому теперь нет возврата? Или... что?

Туман медленно расползлся.

Болота отступали. Местность почти незаметно, но неуклонно повышалась, кое-где из мглы начали показываться искривленные сосенки, составляющие подобие застенчивого леса. Воздух посвежел, и с обочин гати уже не несло гнилью и мертвечиной; буро-зеленая тинистая хлябь сменилась болотистой, но не в пример более твердой почвой, и вскоре древесный настил сошёл на лесную дорогу, вдоль которой тянулись запруженные ряской дренажные канавы. Орки заметно расслабились, вздохнули свободнее, попрятали луки и побросали колья — видимо, теперь нападения болотной нечисти можно было не опасаться.

— Ну, ещё немного, — пробормотал Каграт, — и можно будет наконец завалиться лапами кверху и задряхнуть...

Мало-помалу большак расширился, в стороны расползались дорожки поуже, теряющиеся где-то в чаще леса. По-временам из необозримых лесных недр доносился далекий, но хорошо слышимый в тишине стук топоров. Откуда-то потянуло дымом и острым запахом дёгтя. Чуть дальше кагратово шествие миновало целую артель землекопов, расчищающих придорожный ров; затем пришлось приостановиться и пропустить вперед длинный обоз из дюжины телег, нагруженных бревнами. Вскоре такой же обоз, только с порожними телегами, прокатил навстречу; орки, сопровождавшие его, узнали кагратовых парней и перебрасывались с ними приветствиями и сальными шуточками, понятными, видимо, только оркам. На телегах сидели хмурые бородатые люди в серых мешковидных рубахах, взирали на кагратовых пленников безрадостно и безучастно, безо всякого выражения...

Миновали сторожевой пост: невысокую каменную крепостицу возле крепкого частокола. Ворота — тяжёлые, окованные железом — были распахнуты, туда-сюда в них сновали люди (невысокие, желтокожие, откуда-то с восточных земель), дюжие уруки и орки помельче, невзрачной низкорослой породы. Каграт перебросился несколькими словами с начальником караула, поставил закорючку в какой-то бумажке, приложил к ней палец, обмакнутый в чернила — и отряд вошёл в ворота, на земли, подвластные Дол Гулдуру.

Все это Гэдж отмечал как бы мимоходом, краем сознания, не вдаваясь в детали, нашигованный странными впечатлениями до дурноты. Он по-прежнему чувствовал себя неважно и неуютно... Они с Кагратом прошли в ворота замыкающими, позади обоза, и Гэдж разглядел неподалеку, в тени стены, нечто большое и бесформенное, что принял было поначалу за причудливую каменную глыбу. Лишь присмотревшись, он понял, что это — живое существо, пещерный тролль, скорчившийся на пороге домика-конуры: нескладное, уродливое создание с крупным торсом, огромными руками-ногами и маленькой, несуразной головой, нелепо торчащей над могучими плечами. Одетый лишь в заскорузлый, одеревеневший от грязи кожаный фартук, тролль безучастно сидел на земле, тупо глядя прямо перед собой; Гэдж заметил, что он был прикован к каменной стене крепостицы прочными и длинными стальными цепями.

— Кто это? — прошептал Гэдж. — Зачем он здесь? — Подобных созданий ему до сих пор видеть не доводилось. Каграт оглянулся на тролля с безразличным неудовольствием.

— Этот, что ли? Привратник, кто же еще. Надо же кому-то ворота открывать-закрывать, они все-таки не два фунта весят... А этому дундуку — как игрушка.

— А зачем он... прикован к стене?

— Да чтоб гулять не пошел, надо полагать. И потом на них, на троллей, знаешь, находят иногда... случаются всякие буйные припадки, они тогда готовы всех, кто под руку

подвернется, в ключья порвать. Да он и всегда тут сидит, сколько я помню.

— Всегда?

— Ну да. Вроде бы его еще мальцом несмышленным изловили, сюда приволокли и приковали... Вот он с тех пор и сидит — а чего ему еще делать-то?

Каграт откровенно недоумевал, какого лешего мальчишка пристаёт к нему с такими дурацкими расспросами, сам-то он никогда об этом не задумывался: ну сидит тролль — и пусть себе сидит, такая уж его тролля доля... Но Гэдж ужаснулся до глубины души: силы небесные, с содроганием сказал он себе, до чего же это отвратительная и страшная участь — всю жизнь сидеть возле каких-то грязных ворот, и больше нигде не бывать, ничего не знать, не видеть и не слышать, кроме хмурых орочьих морд и вялой ругани караульщиков. Чего ж тут удивляться «буйным припадкам» этого бедолаги, любой бы остервенел от такого скотского существования.

— А кто же его кормит? — продолжал он выспрашивать у Каграта, которого, судя по его мрачному виду, уже порядком допекло это назойливое и неуместное любопытство. С раздражением орк отозвался:

— Да эти... козявки. *Снаги*. Кормят его и дерьмо за ним убирают.

— Какие снаги?

— Да вот эти. — Каграт кивком указал на двоих невысоких малохольных орков, которые как раз тащили мимо носилки с какой-то тяжелой, завернутой в рогожу кладью. — А ну шире шаг, с-сволочи, шушера вонючая, ползёте, как улитки, кнудом вас как следует угостить на закуску? — злобно, по-хозяйски рявкнул он на несчастных «козявок», и те, как по команде, одновременно вздрогнули, разом втянули головы в плечи и, поджав хвосты (по крайней мере, у Гэджа мелькнула именно такая мысль, хотя никаких хвостов, конечно же, у них не имелось), засеменили прочь еще поспешнее, спотыкаясь и пошатываясь, трудно дыша от усталости и натуги.

— Зачем ты так! — с негодованием сказал Гэдж Каграту, глядя вслед хромающим оркам: у одного, шедшего позади, беспрерывно спадал с ног расхлябанный сапог, отчего походка его была особенно вихляющей и жалкой. — Ты же видишь — им и без того тяжело.

— Вижу, — Каграт злорадно ухмыльнулся. — Было бы им легко — они у меня щас вообще галопом поскакали бы, никакой породистый рысак бы не догнал. Ясно?

За разговором они немного отстали от обоза, который тем временем уже сошел с большака, направляясь к длинным и низким, похожим на лошадиные стойла постройкам с крохотными оконцами под крышей — множество таких однообразных строений тянулись чуть поодаль от дороги унылыми, бесконечными и безобразными улицами. Каграт подозвал Радбуга: «Отведи крысюков в бараки, я пока пойду доложусь... устрой там все, как положено, ну, ты знаешь». «Хорошо, — Радбуг о чем-то коротко поразмыслил. — А чего с Шарки?» «Ах да, Шарки... — Каграт тоже на какое-то время задумался. — Ладно, пусть пока со всеми, я с ним потом разберусь». Радбуг ушел — а Каграт повел Гэджа дальше по главной дороге, которая восходила на холм, к воздвигавшемуся там монументальному тёмному строению, состоявшему из множества переходов и башен и тяжело попирающему землю мощными контрфорсами глухих каменных стен.

Замок нависал над прилегающими землями угрюмо и угрожающе, точно бдительный неусыпный надсмотрщик.

Он возвышался на взгорье чуть в отдалении — исполинский, массивный и мрачный, словно могучий дракон, распластавший на земле гигантские крылья и презрительно

наблюдающий за суетой копошащихся вокруг него ничтожных созданий. Тракт втягивался в ворота Крепости ровным серым полотном; по сторонам дороги пролегали глубокие дренажные канавы, наполненные водой. Над канавами были переброшены деревянные мостки; кое-где в этих овражках копошились люди и «козявки», расчищая дренаж и укрепляя стены, дабы не позволить извергаемым болотистой почвой излишкам воды затопить возделанные клочочки земли — поля и огороды. Откуда-то издалека, из низких каменных строений, находящихся в стороне от дороги, доносился грохот молотов и гулкий звон истязаемого на наковальнях железа — там располагались кузни. С другой стороны тянуло жаром печей и кисловатым запахом квашеной капусты: несколько «козявок» разгружали стоящую возле дверей овощного склада телегу с картофелем. По большаку туда-сюда шныряли, что-то тащили, куда-то бежали озабоченные и хлопотливые, как муравьи, *снаги*; мимо молодецки протопал отряд уруков, потом Гэдж увидел еще одного тролля — этот равнодушно волочил на повозке что-то исключительно громоздкое и тяжелое, понукаемый воплями и бранью суетящихся вокруг орков. «Козявки» — малорослые, щуплые, нескладные, шарахающиеся от солнечного света орки с длинными, чуть ли не до колен руками и кривоватыми ногами — вообще мелькали и там и тут. Они были визгливы, неугомонны, сварливы, многочисленны и исполняли в Дол Гулдуре самую грязную и черную работу, служили, что называется, каждой бочке затычкой («каждой заднице подтиркой», как говаривал Каграт), и являлись самой дешёвой и легко заменимой рабочей силой. Их даже не допускали в Замок — они ютились в бараках и землянках, кишаших паразитами, пропитанных сыростью и порой затапливаемых при подъёме воды; они всех боялись, всех ненавидели и всегда были биты, хромы и больны. Главными «боевыми силами» Дол Гулдур считались уруки, которых с малолетства обучали воинскому умению и искусству обращаться с оружием; они квартировали в казармах и помещениях Крепости, пользовались привилегиями начальственного состава и сами себя считали «сливками» и элитой, что и не упускали при малейшем удобном случае напомнить всем остальным. Частенько встречались и люди: желтокожие вастаки, темноволосые северяне, «соломенноголовые» роханцы в серых холщовых рубахах; нельзя сказать, чтобы у них был очень уж грязный, голодный и неухоженный вид, да и впечатления замученных непосильным трудом рабов они не производили, — и все же почти у всех был какой-то нездоровый, землистый цвет лица, ввалившиеся глаза и нездоровый румянец на щеках, многих сотрясал частый надрывный кашель — верный признак чахотки или какой-то иной легочной хвори, отнюдь не удивительной в этом царстве сырости и болезнетворных испарений. Эльфов заметно не было, но однажды Гэджу представилось, что вдалеке, на пороге кузни мелькнула коренастая фигура гнома, хотя он не мог бы утверждать этого с полнейшей уверенностью...

Черный Замок был окружён глубоким рвом, на дне которого поблескивала тёмная, затянута зелёноватой плёнкой вода.

Миновав опущенный надо рвом подъёмный мост, Каграт и Гэдж прошли в ворота — в длинный и гулкий каменный тоннель, пробуровленный под надвратной башней. В стенах тоннеля под самым потолком виделись крохотные отверстия-бойницы, и Гэджу казалось, будто чьи-то пристальные взгляды, устремленные из этих оконцев, простреливают всех входящих-выходящих насквозь... несомненно, в случае нужды из этих бойниц беспощадно разили бы незваных пришельцев не только внимательные взгляды. Проход был перегорожен несколькими железными решетками, сейчас поднятыми; лишь последняя перегородка, на выходе из тоннеля, оказалась опущенной, в ней имелась небольшая, запертая на засов

решетчатая дверца.

Каграт погромел по решётке кулаком. Откуда-то выскочил взъерошенный, встрепанный, неряшливо одетый урук и, глухо ворча, отомкнул запор на калитке.

— А, Каграт, сволочуга! Притопали наконец? Как погода в Рохане? А это что у тебя за довесок? — он недружелюбно уставился на Гэджа жёлтым, как у кота, мутноватым глазом; в уголке его клыкастого рта скопилась коричневая короста, лоб был испачкан сажей, к кожаному нагруднику прилипли брызги не то яичницы, не то какой-то иной, более неаппетитной закуски.

— Фасад вымой, Угрых, — буркнул Каграт, — тогда и поговорим.

Он торопливо протащил окончательно растерянного Гэджа в калитку. Открылся просторный, вымощенный камнем внутренний двор Крепости (вернее, один из дворов — Северный). Со всех сторон воздвигались глухие, кое-где испятнанные зелёными проплешинами мха серые стены, хитро, будто с недобрый умыслом щурились на свет узкими проёмами немногочисленных окон. Откуда-то из подвалов тянуло запахами кухни — нагретым металлом, ароматом подгоревшего теста, запахами луковой похлебки и пшенной каши. Напротив виделась ещё одна зарешетченная арка, ведущая в соседний двор и дальше — к Главной Башне; в стенах справа и слева имелось множество деревянных дверей, закрытых, приотворенных, либо распахнутых настежь. Во дворе шумно толкались орки, свободные от дежурства, ходили группками и поодиночке, сидели на бревнах в тени стены, играли в кости и в «черную вдову», что-то жевали, что-то потягивали из кожаных фляжек, рассказывали друг другу какие-то скабрёзные истории, гоготали и перебранивались; откуда-то из дальнего угла доносилось позванивание мечей, хохот и азартные выкрики — там упражнялись в боевых искусствах. От гама, шума и непонятной грубой суеты голова у Гэджа шла кругом; к счастью, Каграт ни с кем не разговаривал и нигде не задерживался. Сдержанно отвечая на приветствия дружков («Глянь, етить твою, Каграт подвалил!»), он спешно проволоч Гэджа через двор и впихнул в какой-то неприметный проход. Они поднялись по узкой, крутой и сырой каменной лестнице с плохо вымытыми, загаженными плевыми ступенями и оказались в длинном сводчатом коридоре со множеством низких деревянных дверей по обеим сторонам. Здесь было сумрачно и дымно, пахло плесенью и неизбежным кухонным чадом, кисловатыми винными парами и вонью горелого масла из масляных коптилок, и здесь, как и повсюду, праздно толпились уруки (некоторые поглядывали на Гэджа с подозрением и недоумением, но доставать Каграта расспросами, видимо, не решались). Каграт остановился возле одной из дверей, пошарил в загашнике, нашёл ключ, не без брани и возни отомкнул заржавевший замок и втолкнул Гэджа в небольшую, пахнущую прелью тёмную комнатушку — сюда просачивался лишь лучик света в щель между неплотно прикрытыми ставнями.

— Сиди здесь. Я скоро вернусь. — Дверь за орком со скрежетом захлопнулась, и в замке лязгнул ключ.

И Гэдж — наконец-то! — остался один.

От обилия дум, чувств, впечатлений, впитанных за этот долгий сумбурный день, он чувствовал себя совершенно больным. Всё так странно и причудливо изменилось в одночасье, что происходящее никак не желало укладываться у него в голове, представлялось скорее бредом и болезненным вымыслом, нежели грубой действительностью. Подумать только: ещё несколько часов назад он беспечно разговаривал с Радагастом и мирно лечил несчастного барсука, потом привычно бродил по лесу и по болотам — и вдруг, точно по

власти какого-то недоброго волшебника, все так необычайно искажилось, он внезапно словно перенёсся в какой-то другой, незнаемый, непонятный мир — странный, чуждый, вывернутый и временами пугающий... мир, в котором живут его сородичи и соплеменники, его отец... Гэдж с трудом мог заставить себя собрать раздробленные мысли хоть в какую-то неуклюжую крепь и вновь обрести душевное равновесие.

Он огляделся. Каморка, в которую втолкнул его Каграт и которая, по-видимому, служила орку постоянным местом обитания, была невелика. Здесь имелся низкий лежак с кучей тряпья и чьих-то неопознанных шкур, лавка, колченогий столик, хозяйственно подпертый поленом, и пара табуреток, имевших такой вид, словно помимо непосредственного назначения им ещё приходилось играть роль наиболее весомого довода при всевозможных спорах. В углу уныло скучал покрытый пылью очаг, тут же рядом, в небольшой каменной нише, закрытой занавеской, находился ларь с углем. На настенной полке была грудой свалена жестяная посуда, огарки свечей, оселки, засохшие хлебные корки и прочий мусор. В единственное узкое окошко, закрытое ставнями, робко просачивались серенькие вечерние тени.

Гэдж подошёл к окну, сбросил металлические крючки, осторожно приотворил одну ставню. Внизу открылся двор, на котором по-прежнему кипела бурная невнятная деятельность, гоношились орки и бродил по куче отбросов ободранный рыжий кот. Где-то на стенах однотонно перекликались часовые. По брусчатке прогрехотала телега, остановилась возле дверей подвала, к ней подбежали «козявки», принялись разгружать мешки и бочонки. Уруки, обрадовавшиеся новому развлечению, вяло покрикивали на них и норовили дать замешкавшимся пинка, но *снаги*, не прекращая работу, визгливо огрызались и уворачивались с завидной ловкостью; всё для всех было обыденно, рутинно, привычно, в порядке вещей. Один из «козявок» неуклюже оступился, выронил мешок — и кто-то из уруков под улюлюканье дружков наподдал ему кнутом по ногам...

Смеркалось. Каграт не возвращался. Гэдж ждал его, сидя на лавке возле окна, положив голову на руки, и мозги его пухли от мрачных дум, точно перепревшая каша. Что теперь со мной будет, спрашивал он себя. Куда я попал? Какая судьба мне отныне уготована — мне, чужаку, совершенно домашнему и ручному кутенку, оказавшемуся в стае настоящих волчар — диких, свирепых, беспощадных, живущих по своим, волчьим, законам?.. Он вздохнул; Каграт все не появлялся, и, когда стало совсем уж темно, Гэдж порыскал на полке в поисках свечи или масляной лампадки. Нашупал свечной огарок, поставил его в жестяную миску и запалил найденным тут же огнивом. По стенам каморки расползлись уродливые рваные тени — будто жалкие клочья его былых наивных мечтаний и представлений о мире...

Внезапно он вспомнил — Гэндалф! Ведь волшебник сейчас тоже находится где-то здесь, в Дол-Гулдуре, может быть, не так уж и далеко от Гэджа... Пусть он никогда ничего не узнает о своём непутевом спутнике, пусть не подойдёт к Гэджу, не пожмет ободряюще его плечо, не скажет, посмеиваясь в бороду, несколько добродушно-лукавых слов, — но от одной мысли о том, что Гэндалф находится где-то тут, рядом, в этих же стенах, орку стало теплее и спокойнее на душе...

Громко скрежетнул ключ в замке. Отец?

Гэдж вздрогнул и оглянулся — он, оказывается, задремал, скорчившись на лавке возле окна и уронив голову на скрещенные на подоконнике руки.

Дверь как-то нехотя, с судорогой распахнулась, и в каморку ввалился Каграт — и сразу, казалось, заполнил собой крохотное помещение до краёв. Орк шумно отдувался, топал

сапожищами, задевал за все углы и выступы, качался и пошатывался, от него за милю разлило едкой винной кислотой, и Гэдж с неприятным холодком в груди понял, что папаня пьян в дрова... Сочно рыгнув, Каграт по дуге пересёк комнату и рухнул на табуретку возле стола. Гэдж замер, обхватив плечи руками. До сих пор, сидя в темноте и одиночестве, он жаждал, чтобы отец наконец вернулся и развеял все больше овладевавшие им тоску и уныние — а сейчас отчего-то не менее горячо возжелал не попадаться бате на глаза... и хорошо бы Каграт вообще никогда не вспомнил о его, Гэджа, существовании! Увы. Некоторое время орк сидел возле стола, тупо глядя прямо перед собой, почесывая свалывшуюся колтунами шевелюру и что-то невнятно бормоча под нос, потом поднял голову — и увидел Гэджа.

— А-а... т-ты здесь... леший! — прохрипел он словно бы с удивлением, точно, изрядно прополоскав горло сивухой, уже начал считать Гэджа чем-то вроде досадного бесплотного видения, которое примерещилось ему в тумане болотных испарений. — Ну-ка, п-поди сюда.

Гэдж, с трудом переставляя вялые негнувшиеся ноги, подошёл.

— Значит, гришь, ты у волшебника до сих пор жил, м-м? — грозно спросил Каграт. — И он тебя учил... вс-сяким штукам?

— Ну, учил, — осторожно ответил Гэдж.

— Чему учил? — Каграт насмешливо всхрапнул. — На пальцах с-считать, что ли?

Гэдж пришёл в замешательство:

— Ну, математике... Грамоте. Ещё медицине.

— Дрессировал, как медведя, ха! — Каграт добыл из-за пояса и хлопнул на стол засаленную бумажку, в которую, судя по запаху, недавно был завернут кусок копчёной рыбы. — Ну-с, давай, читай! Пс-смотрим, какой ты грамотный.

Текст, к счастью, оказался написан тенгваром. С трудом разбирая на промасленной бумаге едва видные буквы, Гэдж начал читать — что-то про доспехи и про то, как следует с ними обращаться, — но, не успел он одолеть и пары предложений, как Каграт, коротко взрыкнув, вырвал бумажку у него из рук и швырнул её в холодный очаг.

— Ладно, в-вижу, читать ты и вправду умеешь, — хмуро проворчал он. — Нах-хрена, хотел бы я знать...

— Что нахрена? — не понял Гэдж.

— Нахрена тебе читать, в-вот что. — Каграт фыркнул. Успехи Гэджа его явно не впечатлили, хотя сам он с трудом мог изобразить на бумаге даже собственное имя. — Грамотей! П-понабили тебе в мозги всякой дряни...

— Почему это — дряни? — голос Гэджа дрогнул от негодования. — Разве разумеешь грамоте — это плохо?

— Плохо, не плохо... Кхакого лешего тебе эта грамота, объясни? Доносы с-строчить? Радбуг вон тоже грамотный — и ш-што, ему от этого легче? Заруби себе на носу — *здесь* тебе ф-фы... фуфыряться не придётся. Ты — урук, а не какой-то там п-пршивый писака, понял? Так что не высовывайся — целее будешь. Усёк? — Каграт сердито сплюнул. Достал из-за пазухи кожаную флягу, зубами вытянул пробку, глотнул, поморщился, потом вдруг ещё о чем-то покумекал — и бросил на Гэджа пронырливый взгляд. — С-смотри!

Он вытащил из-за пояса короткий нож, подбросил его в руке, секунду примерился — и стремительно, почти без замаха метнул нож в дверь. Нож зазвенел, на добрых полдюйма вонзившись в крепкое тёмное дерево.

— Сумеешь так? — Каграт, хитро посверкивая глазами, весело ухмылялся.

— Нет, — мрачно сказал Гэдж.

— Где уж тебе, с-сопливцу. — Лоснясь от самодовольства, орк взмахнул кнутом — и кожаный кончик шлеи, со свистом распоров воздух, ловко сшиб с полки жестяную кружку — она подскочила, крутанулась, и, сделав замысловатый кульбит в воздухе, с дребезгом нырнула точнехонько в пустое ведро. — А так?

— Не смогу, — процедил Гэдж сквозь зубы.

— Глоб! Ладно, не с-скули. Научишься. Я тебя научу, гуул раздери! — Каграт громко рыгнул в приливе воодушевления. — Я из тебя сделаю... настоящего орка, а не п-пршивую книжную крысу! Ш-шоб было что Визгуну предьявить... без вопросов. Завтр-ра же... и сделаю! П-понял? Дубина... — Он тяжело поднялся, сделал вперёд два нетвердых шага и тяжело повалился на свой лежак. — Спать давай, слышь! — рывкнул он на Гэджа. — С-спать! Я сегодня устал, как распоследний «крысюк»... — Он вдруг что-то сообразил, смахнул с полатей ворох тряпья и швырнул его Гэджу. — Вот тебе постель... ложись х-хде-нибудь там... на лавку. Параша возле двери, коли приспичит, с-смотри не промахнись! — Он заржал. Потом безвольно упал на лежанку и почти тотчас же захрапел, приоткрыв рот, разбросав по полатам могучие руки-ноги, распространяя вокруг себя целый букет сложносочиненных ароматов...

Гэдж, растерзанный впечатлениями, потерянно стоял посреди комнаты, глядя на спящего. Сколько же всего на него свалилось сегодня — болота, его сородичи, Каграт, гуулы, тролли, Чёрный Замок и эта мрачная, сырая, тёмная конура, где ему, по-видимому, отныне предстоит жить... И что же ему теперь делать? Что? Остаться здесь с... отцом? И позволить Каграту «сделать» из него «настоящего орка»? Или все-таки попытаться улизнуть, вернуться в тот, оставшийся где-то за кольцом болот мир, где ему все так привычно и знакомо, где он провел пятнадцать лет своей жизни и где, в общем-то (он только сейчас с отчетливой прямоотой начал это осознавать), он был так безмятежен и счастлив? О, Гэндалф, Гэндалф, в смятении думал Гэдж, где же ты, помоги мне, Гэндалф, как мне сейчас нужен твой совет, твоя поддержка, просто твоя твёрдая и надёжная рука... Скажи, как мне отсюда бежать? Как вырваться из этой мрачной дыры? Как просочиться сквозь стены, миновать запертые ворота, пройти мили и мили вражеских земель и проклятые топи, кишасшие гуулами, и как при этом не дать батяне меня изловить?..

Тут Каграт как будто услышал его мысли; храп внезапно прекратился, и в наступившей тишине орк произнёс — глухо, но свирепо, совершенно твёрдым и ясным голосом:

— Вздумаешь удрать — пеняй на себя! Поймаю и ноги отломаю, понял!

Гэдж понял. Молча взял брошенное ему тряпье, расстелил на широкой лавке, улегся, зарывшись лицом в вонючее шмотье. «Силы небесные, — промелькнула у него в голове неожиданная мысль, — да ведь он даже не спросил, как меня зовут!» Впрочем, он был слишком подавлен и обессилен, чтобы думать ещё и об этом; плотно зажмурил глаза и закрыл голову рукой, чтобы не видеть ничего вокруг и не слышать молодецкого папашиного храпа...

Эта ночь тянулась для него бесконечно.

33. Господин Саурон

Именно сейчас Гэндальфу пришлось пожалеть о том, что у него нет ни посоха, ни меча...

Орков оказалось не двое и не трое, а полдюжины, но двоих волшебнику удалось отшвырнуть к стене, а одного полоснуть ножом по горлу прежде, чем тот понял, что происходит... и все же перевес сил был не на стороне мага, потому что на вопли Шмыра из закоулков коридора набежали другие орки, а потом еще другие, а потом еще... Гэндальф отбросил их воздушным сгустком, расшвырял, как кегли, но потом из мрака, метя в затылок, прилетел камень и сбил волшебника с ног, и почти тотчас, не успев Гэндальф прийти в себя, появился он... Темный субъект в бархатном камзоле и плаще с капюшоном, под которым не видно было лица, вышел из-за угла и остановился посреди коридора, спокойно, с терпеливой презрительностью разглядывая свару — и веяло от незнакомца холодом и недружелюбием, и на пальце его поблескивало кольцо — оправленный в золото аметист — и исходила от этого кольца явственная угроза, тяжёлая, холодная сила, готовая убивать. Но хуже всего был не глухой капюшон незнакомца, не его брезгливая отстраненность и неумолимое бесстрашие, а то, что Шмыр, который до сих пор, закрывая голову руками, жалко ныл и корчился возле стены, вдруг бросился к этой темной фигуре и, поскуливая, судорожно прильнул к её ноге, будто верный пес, провинившийся и знающий об этом, но еще надеющийся вымолить прощение. И вот именно тогда Гэндальф понял, что сопротивление, в сущности, бесполезно...

А потом все вокруг провалилось в пустоту.

* * *

Он очнулся и некоторое время лежал неподвижно, позволяя царящему вокруг холоду завладеть каждой клеточкой его существа. Все его тело ломило, словно попавшее под телегу. Голова была распухшей, чужой, точно купленной по дешевке в лавке старьевщика, в виске пульсировала боль, к горлу подкатывала дурнота, во рту ощущался мерзкий привкус какого-то, видимо, отнюдь не лекарственного зелья... Волшебник чувствовал себя размокшим куском глины, мягким и бесформенным, яростно размазанным по полу чьей-то тяжелой лапой — тоненьким таким, местами исчезающим слоем.

Он медленно повернул голову и осмотрелся.

Он лежал на дерюжке, расстеленной на каменном выступе в совершенно пустой, без окон, крохотной келье с потеками сырости на голых каменных стенах. С одной стороны темница была забрана частой железной решеткой, глядящей в такой же пустой, угрюмый коридор, освещаемый несколькими факелами — один торчал в шандале как раз напротив. Воздух был плотный, как рогожа, напитанный влагой; пахло прелью, плесенью, гнилью, тинистыми испарениями болота, мертвое ледяное дыхание подземельных камней обволакивало холодом, как погребальное облачение. Ни одежды своей, ни вещей Гэндальф поблизости не обнаружил и ничего не мог сказать об их дальнейшей судьбе; на нем осталась лишь нательная рубаха да льняные портки, из штанин которых жалко торчали белые от холода босые ноги (кому-то из орков приглянулись его сапоги?). Пленника не связали, и руки у него оставались свободными, но ступни замёрзли так, что он их практически не

чувствовал, точно они были закованы в незримые ледяные колодки. Где-то в глубине подземелий с удручающей монотонностью капала вода, потрескивал факел, шуршали и поскрипывали крысы...

Ну-ну. И что теперь, спросил себя Гэндальф.

Тьма давила — почти физически.

Сопротивляться ей волшебник не мог. Сил не было никаких — он ощущал себя рыхлым, вялым и сморщившимся, точно выпитый до дна кожаный бурдюк. Совершенно *пустым*...

Он съезжился на своем неудобном ложе, подтянув колени к животу, свернулся калачиком, обхватив плечи руками — укрыться ему было совершенно нечем, кроме собственной бороды. Короткая схватка в коридорчике напоминала о себе болью в затылке и отбитых ребрах, все дальнейшее тонуло в тумане; урывками помнились чьи-то искаженные лица и морды, хриплые сдавленные вопли, вонь чадящих факелов, чьи-то мелькавшие перед глазами ноги в расхлябанных опорках, какие-то ступени, заляпанные чем-то липким — а потом в виске мага остро и болезненно вспыхнуло... или это случилось еще до того, как его волокли по залитой кровью лестнице? Впрочем, неважно, ясно одно: его все-таки оглушили, а потом, уже в полубесчувственного, влили какую-то дрянь, начисто отшибающую сознание... А Шмыр? Где он теперь? Что связывает его с той явившейся из тьмы мрачной фигурой в низко надвинутом капюшоне? Неужели он действительно вел Гэндальфа в Замок, лишь исполняя возложенную на него роль, стремясь увлечь спутника как можно дальше в недра Дол Гулдура, чтобы уж наверняка отрезать ему все пути к отступлению и с торжеством сдать в длинные вражьи лапы? Или просто «подпал под влияние чар Замка», растерялся и испугался в неподходящий момент? Или — что? Дурашка Гэдж оказался прав? *Не понимаю, как ты можешь ему доверять...*

Гэндальф закрыл глаза.

Ему не хотелось об этом размышлять. Да и не могло. Слишком все было паршиво, муторно и мерзко. Слишком неприятно было осознавать, что на этот раз маг ошибся, и доверие было оказано не в нужное время, не в нужном месте и не нужному человеку.

Раскурить бы трубочку, тоскливо подумал он...

Где-то в конце коридора загремела решетка, затопали торопливые приближающиеся шаги. В застенок заглянул плюгавенький лысый орк.

— Очухался, дед? Ну, щас.

Орк бегом удалился, но через пару минут вернулся в сопровождении двоих рослых уруков и желтолицего, с раскосыми глазами вастака — видимо, надсмотрщика.

— Вставай, — равнодушно буркнул вастак, не глядя на пленника. — Тебя ждут.

«На званый ужин? Без меня не начинают?» — вяло подумал Гэндальф. С трудом преодолевая сопротивление непослушного тела, он попытался подняться. Дурнота тут же навалилась на него с неслыханной силой, влажные стены темницы поплыли, закачались перед глазами, точно волшебник очутился на палубе корабля в сильную болтанку. Уруки не стали дожидаться, пока он придет в себя, живо подхватили его под белые ручки, выволокли из каменного мешка и потащили куда-то во чрево подземелий — по коридору, за поворот, по короткой лестнице, втолкнули в большое, но угрюмое, с низким потолком темное помещение, тем не менее показавшееся Гэндальфу почти уютным — здесь, по крайней мере, было тепло...

Комната освещалась очагом, в котором жарко горел костер из угля и кусков торфа. На сырых каменных стенах дрожали зыбкие тени, отблески неверного света; видимо, зальчик

располагался над поверхностью земли, потому что в узкое, забранное частой решеткой оконце, находящееся под самым потолком, виден был клочочек ночного неба. Орки подтащили Гэндальфа к грубому деревянному столу, находящемуся в передней части помещения, и небрежно уронили на лавку. Сидевший по другую сторону стола человек — тот самый недавний знакомец в плаще с капюшоном — даже не поднял на пленника глаз от длинного, мелко исписанного пергаментного свитка.

— Хорошо. Ступайте, — сказал он оркам приглушенным, немного свистящим полусшепотом — как будто с голосовыми связками у него было не все в порядке.

Стражи безмолвно ретировались. Человек, сидевший напротив — человек ли? голова его настолько глубоко утопала в необъятном капюшоне, что Гэндальф совершенно не видел его лица (на какой-то момент у мага возникло мерзкое ощущение, что там, под капюшоном, и вовсе пусто); тем не менее этот странный субъект на секунду поднял глаза от бумаг. Взгляд у него был холодный и ощупывающий, колющий, как копье; затем фигура в плаще неторопливо всколыхнулась, извлекла из-под стола глиняный кувшин с крышкой, плеснула из него в деревянный кубок ярко-алую, точно подкрашенную кармином жидкость и, не глядя, придвинула кубок волшебнику.

— Выпейте, — равнодушно сказал дознаватель. — Полегчает. — Он опять вернулся к чтению, точно разом потеряв к пленнику всякий интерес.

Гэндальф не без опаски понюхал содержимое кубка — оно благоухало ароматным, хорошо выдержанным виноградным вином и как будто не содержало в себе ничего нездорового. Ну ладно, сказал себе маг, если бы надзирателям требовалось влить в меня изрядную долю дурманящего зелья, они бы сделали это, не утруждая себя получением согласия с моей стороны. Он осторожно сделал глоток...

Это действительно было вино — теплое, очень насыщенного, чуть вяжущего вкуса — такие вина привозили на Запад из Дорвиниона. Оно согревало и придавало сил; бодрящее тепло пробежало по жилам волшебника, оживило застывшее тело и мозг, и пальцы босых ног, до сих пор казавшиеся магу фарфоровыми — того и гляди отколятся и раскатятся по полу — немного оттаяли. Плотный, как на болотах, туман, клубившийся в голове, некоторым замечательным образом поредел, и, немного придя в себя, Гэндальф осмотрелся более внимательно.

Помещение было низким, сырым, полуподвальным; здесь, в отличие от остальных подземелий, витали запахи не болота — скорее трудноопределимые, источаемые каждым дюймо́м стен застоявшиеся миазмы страдания и страха, боли, отчаяния, засохшей крови и смертного пота. Посреди подвала воздвигалась деревянная колода, покрытая едва заметными бурыми пятнами; дальше, в глубине помещения, виднелась крепкая станина дыбы, оснащенная ремнями, валиками и странными приспособлениями с винтами и зажимами. На полке в стенной нише располагались неприятного вида инструменты: плети, клещи, шипастые цилиндры, многохвостые кошки, блоки для подвешивания и растягивания, небольшие пилы, длинные острые спицы, цепи, колодки, стальные шлемы и воротники, железные решетки и пруты различной формы. Дальний угол зала был завешен плотной черной тканью, но волшебник отлично представлял, что она за собой скрывает: жаровни, «кресло правды», железную деву, деревянные треножки с заостренной верхушкой и прочие приспособления, рассчитанные на утонченные истязания и призванные служить для устрашения, наказания и добывания полезных сведений.

Кроме дознавателя, занятого свитком, в помещении находились еще две темные,

закутанные фигуры, сидевшие возле очага: тщедушный, бесцветный, как водоросль, человечек с редкими мышинового цвета волосами и болезненно-бледным, будто никогда не видевшим солнца лицом; он нежно полировал кусочком замши какое-то изуверское орудие, похожее на черную когтистую лапу. Его напарник казался личностью куда более примечательной — это, несомненно, был пещерный тролль, но странно щуплый и малорослый для существ этого вида, этакий тролль-карлик: бесформенная глыбка плотных телес, покрытая не то щетиной, не то зеленоватой чешуей, и облаченная в грязное, неопределенного цвета рубище. Он сидел на корточках, слегка наклонившись вперед и едва заметно покачиваясь на пятках, опираясь на шишковатые костяшки пальцев — его длинные кривые лапы свисали до пола. Но невольная дрожь пробрала Гэндальфа при взгляде на его лицо, на безвольно отвисшую нижнюю губу, на мутные глаза, прячущиеся под выступающим лбом, на свисающую с подбородка нить клейкой слюны с прилипшими к ней частицами грязи — это была физиономия слабоумного... Тролль был занят тем, что с отвратительным, жадным интересом следил за руками напарника, наводящими лоск на пыточный инструмент — пока его вниманием не завладело появление пленника. Крохотные, налитые кровью глазки нащупали Гэндальфа — и в дремлющем мозгу юрода забрезжила рожденная в муках мысль, извращенный интерес; слюнявые губы сложились в плотоядную ухмылку, из пасти вывалился лиловый язык, и на отталкивающей роже выразилось алчное предвкушение зрелища чужих страданий — должно быть, единственной вещи, по-настоящему доступной его убогому, недоразвитому уму... Волшебник поспешно отвел взгляд.

Тишину, стоявшую в подземелье, нарушало лишь потрескивание углей в очаге да глухое утробное урчание тролля. Где-то в темном углу, за занавесью, что-то шевелилось и едва слышно поскуливало, точно там прятался большой пес. В мерцающем пламени очага поверхность стола перед Гэндальфом казалась графленой; вся она была закапана потеками воска, испятнана чернильными кляксами, замусорена обрывками пергамента и обрезками перьев. Чернильница представляла собой нечто причудливое, желтовато-белое, оправленное в медь, с пустыми глазницами и большими, торчащими вперед широкими зубами-резцами. «Занятно, должно быть, — мрачно подумал Гэндальф, — окунать перо в раздробленный крысиный череп».

— Мёрд, — сказал вдруг дознаватель, его голос-полушепот звучал как-то странно, будто доносился со стороны: словно вместо него говорил кто-то другой, прячущийся в темноте. — Ты, я вижу, опять включил в список клещи для выдиранья ногтей... Разве эта заявка не была выполнена еще прошлой зимой?

Бесцветный человечек поднял голову, ежась, будто от сквозняка.

— Да, была... Ну и что? Инструмент вновь пришел в негодность, господин Кхамул.

— В негодность?

— Переломился винт, скрепляющий рукояти, — Мёрд покосился на тролля, который, самозабвенно пуская слюни, по-прежнему не спускал с Гэндальфа вождедеющего взора. — Видите ли, бывают моменты, когда Гомба... не способен толково соразмерять собственную силу.

— Не стоит доверять Гомбе такие нежные инструменты, Мёрд, — спокойно заметил Кхамул. — Стоимость новых клещей будет вычтена из твоего содержания.

— А почему не из содержания Гомбы? — сердито проворчал Мёрд. Но Кхамул предпочёл пропустить его слова мимо ушей.

— А что случилось с малым винтовым прессом? Тоже пришел в негодность?

— Н-нет... Просто механизм проржавел насквозь.

— Надо было чаще смазывать шестерни.

— Надо было чаще смазывать шестерни *хорошей смазкой*, — сварливо возразил Мёрд, — а не той ослиной мочой, которую привозят с восточных холмов. Да закажите уже у гномов приличное, качественное масло! Разве вы не знаете, в каких условиях мне приходится работать? — Как-то нервно дергая шеей, он обвел взглядом сырые, серые, в потеках влаги подвальные стены. — Сырость, холод, плесень... Любой механизм не выдержит такой мокрети, я уже не говорю о себе. Но кого интересует моя подагра, поясничная грыжа и еженощная ломота в теле? Впору требовать усиленный паёк за вредность...

— Обратись в Канцелярию, пусть писцы составят жалобу, — безучастно откликнулся Кхамул. — Она будет рассмотрена в течение месяца.

— Да что толку-то? — негодовал Мёрд. — Я подавал прошение в прошлом году — и что? Кому какое дело до проблем мастера заплечных дел? Вам всем только подавай результат... да чтоб все было чисто и аккуратно, чтоб материальчик не попортить! А если я завтра решу уйти на покой — где вы сейчас найдете такого покладистого и умелого палача, эм?.. А, да что там! — Он безнадежно махнул рукой с видом человека, окончательно раздавленного равнодушной вселенской несправедливостью. — Кстати, отметьте там у себя — подноготные иглы, обручи и воронки лучше изготавливать из меди, железо моментально ржавеет...

Гэндальф вновь отпил глоток вина, поперхнулся и закашлялся. Кхамул скатал свиток и, убрав его во внутренний карман плаща, посмотрел на пленника — обратил к нему темный, спрятанный под капюшоном провал лица.

— Гэндальф Серый, — произнес он негромко. Это был не вопрос — утверждение, которое не требовало ответа. — Он же Митрандир, он же Инканус, он же Серый бродяга и еще леший знает кто... Ну-с, сударь, и как прикажете к вам обращаться?

Гэндальф развел руками.

— А это имеет для вас какое-то значение?

Кхамул, откинувшись на спинку скамьи, задумчиво покручивал в пальцах, затянутых в тонкие кожаные перчатки, небрежно очиненное перо. Странно, но кольца с аметистом на его руке не было... либо Кхамул не желал его попусту кому-либо демонстрировать.

— Да нет, не особенно. Послушайте, Гэндальф или как вас там... зачем вы вообще сюда притащились, а?

— Честно? — хрипло спросил волшебник. — Просто хотел узнать, что здесь происходит... Лесной Замок много лет стоял пустым и покинутым, без хозяина... а сейчас здесь просто кипит жизнь и жаркая неудержимая деятельность. Это, знаете ли, не может не вызывать у окружающих определенного любопытства.

— Вы забыли добавить словечко «нездорового», — Кхамул устало вздохнул. — Да и зачем, собственно, вам понадобилось лезть в Дол Гулдур через нужники и отводные канавы? Почему вы просто не поставили нас в известность о том, что намерены нанести визит? Вас бы приняли, как дорогого гостя и дружественного посланника, со всем подобающим вниманием, обхождением и почестями.

— Что ж, это еще не поздно исправить, — бодро заметил Гэндальф.

— Поздно, — сухо сказал Кхамул. — Вас поймали, как шпиона... и относиться теперь, боюсь, станут соответственно. Вы, конечно, понимаете, с кем имеете дело? — На секунду он

отбросил с головы капюшон.

Что ж, ничего особенно ужасного Гэндальф не увидел... В полумраке подвала лицо Кхамула казалось странно бесплотным, прозрачным, почти призрачным, и при прямом взгляде на него представлялось белым размытым пятном с черными провалами глаз, в которых мерцали красноватые огоньки. Лишь боковым зрением можно было ухватить неуловимые развоплотившиеся черты: правильные, тонкие линии широких скул, брови вразлет, крупный прямой нос, твердый подбородок и гладкие темные волосы, характерные для восточных народов. Впрочем, Гэндальф не успел разглядеть подробности: Кхамул вновь укрылся под капюшоном, втянулся в недра своего одеяния, как черепаха под панцирь.

— Этого, я надеюсь, достаточно, чтобы вы не тешили себя ложными надеждами, Гэндальф?

— Я уже давно не тешу ложными надеждами ни себя, ни других, Кхамул, — спокойно заметил волшебник. В наружности назгула не было ничего особенно отвратительного или устрашающего, разве что голос его звучал слегка необычно... и тот жуткий, пронимающий до печенок вой, который заставлял Шмыра съеживаться и вжиматься в землю, как-то плохо вязался с обликом этого явно образованного, хорошо воспитанного и умеющего себя преподнести существа. Разве что назгулы издают эти ушераздирающие звуки с помощью неких подручных инструментов, вдруг подумал Гэндальф, — чисто для устрашения невежд и создания нужного впечатления...

В дальнем углу помещения, за занавесом, вновь послышался негромкий шорох. Но виновником его, как тут же выяснилось, была вовсе не собака и не крысы.

Отдернулась черная кулиса, и в щель на секунду выглянуло лицо: нелепо скроенное, изрытое бороздами шрамов, обезображенное больным, выпученным глазом, выкатившимся чуть ли не на лоб... Шмыр. Калека опасно осмотрелся, наткнулся взглядом на Гэндальфа — и так вздрогнул, точно его хлестнули розгой. Половина его жуткого лица мгновенно стала мертвенно-бледной, а другая — напротив, багрово-красной, цвета крепкого свекольного отвара, это было видно даже в полумраке подвала. Издав хриплый, булькающий горловой стон, Шмыр вновь поспешно нырнул за занавес, и оттуда донеслись глухие, отчетливые размеренные удары, будто калека в припадке самобичевания принялся биться головой о стену.

— Пхут! — сердито сказал Кхамул. — Ты еще здесь? Пхут!

Что это за имя такое — Пхут? — мимоходом подумал Гэндальф, это ведь даже не имя, так... брезгливое ругательство на орочьем языке.

Шмыр, постанывая, вновь выглянул из-за занавеса — он ёжился, кряхтел и скулил, подрагивая всем телом. Потом согнулся в три погибели и медленно, чуть ли не на четвереньках принялся пробираться вдоль стены, стараясь держаться подальше от Гомбы — жалкое, искалеченное, вконец затравленное существо: пес, впавший в немилость и нещадно битый, но не смеющий послушаться хозяина. Лицо его было мокро от слез... Сейчас, в неверном свете очага стало видно, что калека закутан в серое шмотье, в котором Гэндальф после некоторого сомнения признал собственное дорожное одеяние. И плащ волшебника достался Шмыру, и пояс, и балахон, видимо, после обыска пожалованный холопу (в награду?) щедрой хозяйской рукой, и, вероятно, сапоги...

— Вы на Пхута-то не пеняйте, — ласково сказал Кхамул магу — таким тоном, словно речь шла о вещах само собой разумеющихся. — Конечно, если бы не он, наша беседа, возможно, и не состоялась бы... но, в конце концов, вряд ли он хотел намеренно вас

подставить и предать в руки охраны, просто, э-э... обстоятельства оказались сильнее него. Там, в Башне, его держат, гм, ради потехи, выпускают иногда побродить по болотам, проветрить головушку... в головушке у него, видите ли, не все в порядке, подчас некоторые забавы... вернее, магические опыты могут вызвать весьма неожиданный результат. Временами может показаться, что положение комнатной зверюшки Пхута тяготит, но на самом-то деле он очень привязан к Замку — наверно, он даже сам не подозревает, насколько сильно... *Очень привязан.* — Кхамул явно вкладывал в эти слова какой-то иной, вполне определенный смысл. — Между нами говоря, я полагаю, что поначалу он действительно надеялся оказаться вам полезным и скрытно провести вас в Крепость, но, должно быть, в какой-то момент не сумел побороть своего, гм, трепета перед карающей дланью Башни. Он-то знает, что рано или поздно ему *придется* туда вернуться — и решил на всякий случай обезопасить себя за ваш счет, вот и все... Прекрати скулить, шелудивый, — прежним тоном, не повышая голоса, ровно добавил он: Гэндальф даже не сразу сообразил, что эта фраза адресована не ему, а Шмыру, который в этот момент издал особенно громкий и страдальческий стон. — Или я похлопочу о том, чтобы в этом месяце ты не получил своего снадобья... Мёрд, убери его.

Мёрд, пожевав неприятными, сморщенными, глубоко втянутыми в рот губами, что-то брюзгливо приказал Гомбе, и тролль тут же подхватился; в его застывшем, потухшем взоре засветилось голодное оживление — ни дать ни взять внутри зажглась невидимая лампадка. Впрочем, в его вмешательстве уже не было нужды: подобрав полы плаща, волочащиеся по полу, Шмыр проворно метнулся прочь и юркнул в приоткрытую дверь. Откуда-то из коридора донесся его горестный вопль: «А-а-о-о-ы-ы...»

— Вероятно, — сухо сказал маг, — сейчас самое подходящее время обсуждать проблемы этого несчастного затравленного создания, Кхамул. — Ему казалось, что назгул намеренно тянет с допросом, будто чего-то (или кого-то) ждет, прислушиваясь к раздающимся за дверью шагам. — Вряд ли цель нашей встречи состоит именно в этом.

— В чем же, по-вашему, она состоит? — миролюбиво спросил Кхамул.

— Вам нужно получить от меня некоторые сведения.

— И вы готовы нам их предоставить?

— А моя готовность или не-готовность что-то изменит?

— Откровенно говоря, вряд ли. Вы же понимаете, что вы живым из Замка не выйдете.

— Тогда какой мне смысл вообще хоть что-нибудь говорить?

— Ну, вы можете и не захотеть отсюда выходить.

— Гм. Что вы имеете в виду?

Дверь рывком распахнулась, и в помещение проскользнул еще один закутанный в плащ субъект — очередной имярек, неизвестная величина в этом шахматном царстве черных безликих фигур. Вошедший остановился возле окна, в полумраке, повернувшись к комнате спиной, и устремил взор в ночное небо, где явно происходило нечто более интересное, нежели на брэнной земле, в этом мрачном сыром застенке. Гэндальф вздрогнул, его внезапно отчего-то проняло холодом, словно ледяной, промозглый сквозняк заполз в помещение сквозь невидимые щели в каменных стенах... Маг спросил, преодолевая этот холод, как путник преодолевает возникший на пути глубокий сугроб:

— Так что вам от меня нужно?

Шелестящий голос Кхамула по-прежнему звучал ровно и бесстрастно:

— Например, узнать, кто вы такой. И что делаете здесь, в Средиземье.

— Кто я такой? Вы знаете моё имя.

— Это не ваше имя. Это ваше прозвище.

— Не понимаю, о чем вы...

— Бросьте, Гэндальф. Вы же не человек. Сделайте одолжение, не считайте нас за совсем уж непроходимых болванов. Знаем мы, как вы бродите по западным землям и мутите воду... господин Митрандир или как вас там. Вы — воплощенный... и мы догадываемся, кто вас сюда послал и с какой целью. Но мы не знаем, сколько вас здесь — таких, как вы, и где вас искать.

— Нас... достаточно много для того, чтобы не дать вам погрузить Средиземье во тьму, — хрипло произнес Гэндальф. Осведомленность Кхамула не то чтобы застала его врасплох, но все же была достаточно неприятна. — Вот, собственно, и все, что я могу вам сказать.

Фигура возле окна лениво шевельнулась.

— «Погрузить во тьму»? Кого? Этих дикарей с западного берега Андуина? — Голос незнакомца звучал мягко, даже мелодично, но отчего-то странно резал слух — вероятно, оттого, что порой в нем проскальзывали холодные металлические нотки. — Право, уж от вас, Гэндальф, я не ожидал услышать подобного дешёвого пафоса. Откровенно говоря, нам нет до этих несчастных забулдыг никакого дела... и я был бы счастлив, если бы им точно так же не было никакого дела до нас.

— Но вы делаете все, чтобы на вас невозможно было не обращать внимания, — негромко заметил Гэндальф.

Незнакомец не ответил. Шагнул вперёд, откинул капюшон. Лицо у него было красивое, с тонкими нервными чертами, но до неестественности бледное, словно бы обескровленное, с едва приметным голубоватым отливом. Неопределённого цвета глаза смотрели спокойно, внимательно, чуть насмешливо, на твёрдом узком подбородке имелась миловидная ямочка. Тьма густела у него за плечами, и стояла в его взоре, как мутная болотная вода, и обрамляла его голову тёмным ореолом... хотя, возможно, это была просто густая и непокорная грива волос — слегка вьющихся, чёрных, как зимняя безрассветная ночь.

Спокойно, старый, сказал себе Гэндальф. Ничего неожиданного.

— Саурон, — помедлив, негромко произнес он. — Я... подозревал.

Саурон обворожительно улыбался.

— Рад, что оправдал твои ожидания, старик. Но я все же предпочитаю другое имя — Аннатар. Ну или Майрон, в крайнем случае.

— Неплохо выглядишь, — хрипло сказал Гэндальф.

— Ну, стараюсь, — скромно заметил Саурон. — Но мне пришлось потратить немало сил на придание себе... должного внешнего вида.

Он небрежно выпростал из-под плаща правую руку и возложил её на эфес кинжала, висевшего на поясе. Рука была бледная и нежная, как у девушки, по-эльфийски изящная, с длинными точеными перстами, лишь на месте указательного пальца торчал несоразмерно короткий и потому бросающийся в глаза уродливый обрубок.

Гэндальф, покосившись на него, вопросительно приподнял брови.

— А это зачем? Почему нельзя было... восстановиться полностью, так сказать, в целостном и первозданном виде?

Саурон медленно поднял правую руку и посмотрел на культю, бережно закрытую мягким кожаным наперстником. Ласково провел по ней пальцами левой.

— Это просто... напоминание, старик.

— О твоей ошибке?

— О том, как я вас всех ненавижу.

— А ты иногда... забываешь?

— Я не забываю ничего и никогда. Просто у меня много дел.

Гэндальф потер рукой лоб. Беседа — вроде бы легкая и непринужденная — плелась вокруг волшебника, точно ловчая сеть, слова висели в воздухе незримо, но всеохватно, липли к лицу, будто паутина.

— С какой миссией тебя сюда прислали, старик? — негромко спросил Саурон. — Вот что мне занятно узнать... Впрочем, в общих чертах я её представляю, конечно... кое-кому не сидится ровно на вселенском троне, но этот кое-кто слишком ленив, чтобы самолично поднять задницу, небрежно шевельнуть пальцем и раздавить такую ничтожную козявку, как я.

— И это всё? — помолчав, спросил Гэндальф.

— Нет, конечно. Меня интересует Единое... Ты знаешь, о чем я.

— Мне не известно, где оно. Никому это не известно.

— А эльфийские Кольца? Не то чтобы это представляло для меня какой-то практический интерес, но просто любопытно.

Гэндальф пожал плечами. Ему стоило некоторых усилий сохранять вид достаточно небрежный и безразличный.

— С чего вы решили, что я должен это знать? Я — посланник Западных земель, пусть так... но это не значит, что эльфы безгранично и безоговорочно мне доверяют.

Саурон позволил себе сдержанную усмешку.

— Глядя на твою физиономию, я бы, признаться, тоже не стал безгранично и безоговорочно тебе доверять... У Манве что, не нашлось за пазухой кого-нибудь попредставительнее?

— Неисповедимы пути Валар, — вскользь заметил Гэндальф.

В глазах Саурона плясали насмешливые огоньки.

— Тебя послушать, так ты ни о чем ни сном и ни духом. Чист и невинен, точно полевая ромашка. Только сделай одолжение, не пытайся нас обмануть.

— Почему? Это запрещено твоим личным указом?

— И избавь меня от твоего нелепого остроумия... Кстати, этот старик в буром балахоне, который тут шляется по лесу вокруг болот — тоже из ваших? Признаться, от того, что он копошится здесь, у меня под боком, мне ни жарко, ни холодно, вреда от него не больше, чем от сверчка за печкой, — посмеиваясь, Саурон обменялся быстрым взглядом с непроницаемым Кхамулом. — Если вы все такие, как он, то я начинаю склоняться к мысли, что нам, право, и опасаться-то нечего.

Гэндальф пожал плечами.

— Радагаст здесь не для того, чтобы разметать Дол Гулдур по камешку и сунуть тебя носом в кадушку... господин Аннатар. Он призван, чтобы... заботиться о природе и созданиях Йаванны, братьях наших меньших. Но, надо заметить, его весьма удручают и печалят эти гнилые болота, которые расползаются от твоей Крепости по лесу, как моровая язва.

Саурон, чуть помедлив, шагнул вперед и присел на край скамьи. Водрузил локти на стол и, положив подбородок на скрещенные ладони, взглянул на пленника устало и печально, как

на не оправдавшую его ожиданий, неподатливую и оттого совершенно бесполезную вещь.

— Увы. Болота — всего лишь побочный продукт некоторых... творимых в Башне тёмных заклятий. К сожалению, этого не избежать. Вынужден признать, что здесь, в Дол Гулдуре, не слишком здоровая и подходящая для людей среда, поэтому ни люди, ни даже гномы здесь долго не живут — болеют, хиреют... Нам потому и приходится использовать по большому счету именно орков, ибо они переносят подобный магический климат безо всякого вреда для себя. Н-да. — Подпирая голову правой рукой, он задумчиво разглядывал кончики пальцев левой. — У орков, надо сказать, неплохие задатки... но их нужно организовывать, обучать и натаскивать необходимым навыкам, ибо они разобщены, рассеяны по Средиземью и не слишком желают вылезать из своих пещер.

— Чему обучать и натаскивать? — хрипло поинтересовался Гэндальф. — Искусству войны?

— В том числе.

— Скорее — ничему, кроме.

— Как-то ты плоско мыслишь, старик...

— Лучше мыслить плоско, чем так, как ты. Орки — народ воинственный и не всегда... считающийся с интересами соседей, и тебе, конечно, выгодно направить их природную воинственность в нужное для тебя русло, вместо того, чтобы пригасить её и заменить стремлением к чему-нибудь более мирному. Научи их держать в руках соху, а не меч, научи созидать, а не разрушать... и я первым стану твоим ярым последователем и сложу балладу о твоих достославных подвигах. Стихоплет и тем более менестрель из меня так себе, но ради такого случая я могу постараться.

Он умолк — голос его внезапно ослаб и охрип, в горле как-то колко и неприятно запершило. Его слова разбивались о неподвижный, исполненный скорбной снисходительности взгляд Саурона, как волна разбивается о незыблемый и неумолимый прибрежный утес.

— Орки не приспособлены к «благим деяниям», старик. Они — простое орудие... незатейливое, тяжелое и грубое, как, к примеру, топор. С помощью топора можно проломить чью-то голову, но нельзя вырезать изящную статуэтку для украшения камина, ведь так?

— Зато можно построить новый дом. Разве это не благое деяние? Просто тебе это не интересно. «Приспосабливать» орков к чему-то ещё, кроме войны.

— Я даю им то, в чем они нуждаются.

— Ты даешь им то, в чем они нуждаются *сообразно твоим умыслам*.

— Но другие не дают совсем ничего. Кроме бессмысленной и безжалостной травли.

Волшебник прикрыл глаза. Этот разговор не вел никуда — вернее, вел в никуда, как горная тропа, обрывающаяся на краю пропасти... Несчастные босые ноги мага вновь начали отчаянно замерзать, и он потёр их под лавкой пятками друг о друга.

— Ну... в чем-то ты прав, — хрипло пробормотал он. — Пока орки живут в своих пещерах и никому не мешают, до них никому нет дела. И все же, если вручить им оружие и позволить беспрепятственно этим оружием пользоваться, они не остановятся перед тем, чтобы смести с лица земли всех, до кого смогут дотянуться... Это будет мир только для орков?

Саурон внимательно смотрел на него.

— Это будет мир для тех, кто окажется сильнее. Так было, так есть и так будет всегда,

старик. Это справедливо.

Гэндальф прикусил губу.

— Боюсь, что у нас с тобой разные понятия о справедливости, господин... Даритель.

— Жаль, — вполне искренне сказал Саурон. — Я надеялся, что мы закончим этот разговор не в мрачном пыточном застенке, как заклятые враги, а в уютных покоях за чашей теплого ароматного вина, подобно добрым и понимающим друг друга союзникам. Но ты слишком цепляешься за свои убеждения.

— Ты, наверное, еще забыл добавить словечко «дурацкие»...

— А ты хочешь, чтобы я непременно это сделал?

— Мои убеждения слишком мне дороги, чтобы я мог с легкостью их изменить, — устало сказал Гэндальф. — Да и во что превратится этот мир, если каждый начнет менять свою точку зрения, как изношенные перчатки?

— Этот мир вообще ужасно несовершенен, Гэндальф, — безмятежно произнес Саурон. — Ты этого ещё не заметил?

— Но другого у нас нет. И мы не должны допускать в нем... перекосов.

Громко лопнула в огне сырая хворостина. Гомба глухо заворчал. Он по-прежнему не спускал с пленника тоскливого взора, его толстые, похожие на сосиски пальцы мелко подергивались, как будто уже чуяли рукояти пыточных инструментов. Мёрд поёжился возле очага; его лысая голова совсем провалилась внутрь покатых плеч, отчего он приобрел невероятное сходство с терпеливо ждущим добычу унылым стервятником.

— Перекосы случатся рано или поздно, — бесстрастно заметил Саурон. — Невозможно навечно ухоронить мир в стеклянной банке... А все новое всегда рождается через боль и кровь, старик.

Гэндальф поднял на него глаза. Это далось ему нелегко — ощущение исходящей от чёрной фигуры темной мощи лежало на его плечах холодной каменной плитой. Саурон сидел, царственно выпрямив спину, одетый во Тьму, точно в королевскую мантию, смотрел пристально, пытливо, слегка исподлобья, мрачно улыбаясь уголками губ, — и взгляд его давил и сковывал, как железные кандалы.

— Ты хочешь вернуться в Мордор, — сказал Гэндальф.

— Да. И рано или поздно я это сделаю, — спокойно откликнулся Саурон. — И при том растопчу любого, кто посмеет встать у меня на пути.

— Начнешь с меня?

— Но ведь ты не пожелаешь шагать со мной в ногу и в одном направлении?

— Ты же знаешь, что мы с тобой вряд ли сумеем договориться.

Саурон досадливо щелкнул пальцами.

— Увы. Не обессудь, но в таком случае мне придется передать тебя на попечение старины Мёрда. Поверь, это не доставит ни мне, ни тем более тебе ни малейшего удовольствия. Надеюсь, ты понимаешь, что сопротивление с твоей стороны в данных условиях бесполезно?

Гэндальф молчал. Возражать тут было нечего, недолгая беседа с Сауроном вымотала его так, что не то что какие-то заклятия — каждое слово приходилось произносить с усилием, точно ворочая неповоротливые гранитные глыбы. Кхамул, напоминая о себе, негромко кашлянул.

— Разве в этом есть какой-то смысл, господин Аннатар? Вздергивать его на дыбу? Он — воплощенный... и потому не боится ни пыток, ни боли, ни... смерти.

Саурон насмешливо улыбался.

— О, нет! Ты ошибаешься, Кхамул. На самом деле он сейчас куда более человек, нежели даже ты... Тело его во всем подобно презренной человеческой плоти, слабо и смертно, и он привязан к этой брэнной оболочке куда больше, чем ты думаешь... уж поверь, я знаю, о чем говорю. Он способен испытывать и голод, и холод, и ужас... и боль. И страх смерти для него — не пустой звук. Что ж... — Он рывком поднялся. — Я с тобой не прощаюсь, старик — вероятно, нам вновь доведется свидеться через некоторое время. Возможно, через пару часов ты почувствуешь себя куда более... сговорчивым и согласным на уступки. Займись им, Мёрд, — отрывисто приказал он палачу, — пошлешь за мной, если возникнут какие-нибудь положительные сдвиги.

— Дыба, господин? — равнодушно спросил Мёрд. — Жаровня? Ворот? Подноготные иглы?

— Для начала десятка ударов кнутом будет вполне достаточно. — Саурон решительно повернулся на каблуках и, не медля, направился прочь, но на пороге на секунду приостановился и бросил через плечо: — И будь любезен, попридержи Гомбу, чтобы он опять... ненароком не сломал какой-нибудь жизненно важный винт. Мне этот старик все-таки нужен находящимся в здравом уме и твёрдой памяти, ясно?

34. Чужой среди чужих

«Грррум... Грррум...» — раздавалось со двора.

Гэдж выглянул в окошко. На плацу сейчас не было праздно шатающихся зевак — там строился отряд уруков: рослых темнокожих воинов, облаченных в одинаковые кожаные куртки-поддоспешники с изображением на груди чего-то круглого и багрового, издали напоминающего широко раскрытый глаз. Тяжелые сапоги громко топали по брусчатке, позвякивало оружие, побрякивали детали снаряжения... разводящий что-то коротко рывкнул — уруки слаженно, как один, развернулись на пятках, и отряд строем протопал в открытые ворота. Гэдж проводил их долгим взглядом: было в этом зрелище что-то невероятно мощное, неотвратимое и грозное, торжественно-завораживающее...

Он вздохнул.

Каграт проснулся поутру совершенно больным, вялым, каким-то серо-зеленоватым. Некоторое время, глухо хрипя и постанывая, метался по лежанке, потом перекатился на бок и сел, спустив ноги на пол, мрачный, как ночь, лохматый, осоловело-потерянный, с кислой опухшей физиономией. Почесал шевелюру, повёл вокруг мутными очами, влип взглядом в Гэджа и раздражённо всхрапнул.

— Сиди здесь, я щас! — Он поднялся и куда-то убрел, морщась и держась лапой за правый бок. И Гэдж вновь остался один, запертый в тесной камерке собственного смятения, тревог и унылых дум... по-видимому, надолго.

Интересно, спросил он себя, а что сейчас сделал бы воин Анориэль?

Скрутил бы Каграта морским узлом, хитрой выдумкой обвел вокруг пальца бдительную охрану, обрушил мизинцем крепкие стены крепости, раскидал врагов и ушел в светлое будущее — героем и победителем, любимцем удачи, не получившим ни единой царапины ни на теле, ни на душе. Ну да, ну да. Хорошо быть храбрецом без страха и упрека, живущим по незатейливым книжным законам в дурацкой вымышленной саге...

Гэдж сидел, маясь от тоски и безделья, и уныло смотрел в окно. Он был не смельчак и не герой — всего лишь чужак, невольник, пленник... жалкий и бесправный узник, ждущий приговора.

Внизу, на плацу, шли учения. На сей раз не для взрослых бойцов — по площади, дыша друг другу в затылок, чеканили шаг молодые орки, почти мальчишки, возрастом едва ли старше Гэджа. Младшая дружина... Повинуясь отрывистой команде наставника, они выстроились вдоль стены шеренгой и единым слитным движением обнажили оружие — простые короткие палаши. Наставник — коренастый, с отрубленным ухом орк, в черных волосах которого пробивались седые пряди — прошел вдоль строя, придирчиво разглядывая предьявленные клинки. Оружие двоих учеников ему чем-то не приглянулось, он за уши выволок их из строя, и они понуро потащились к стене, сели там на бревна и принялись приводить снаряжение в надлежащий вид. Остальные убрали палаши в ножны, рассчитались попарно, разобрали из корзины принесенные наставником деревянные мечи и, разойдясь по плацу, принялись упражняться в непростом искусстве боевого поединка.

Гэдж затаил дыхание.

Что и говорить, они были хороши, эти ребята! Они не топтались неуклюже на месте, не молотили впустую воздух, не тупо дубасили друг друга дубинками — они словно исполняли сложный и затейливый танец, скользили по плацу легко и свободно, не суетясь, не делая

лишних движений, в равной степени отлично владея и мечами, и собственным телом. Гэдж поймал себя на том, что завидует им — их стремительности и ловкости, умению нападать и уходить от удара, тому, как просто и умело они обращаются с оружием, как атакуют, применяя какие-то хитроумные приемы, как строят защиту, отражая внезапные удары противника. Увесистые деревянные мечи с посвистом рассекали воздух, порхая вокруг сражающихся, точно невесомые былинки, летали в лихой завораживающей пляске, скрещивались друг с другом с негромким стуком, как костяшки замысловатой игры... Гэдж в волнении грыз коготь. А ведь он тоже мог бы быть сейчас одним из этих мальчишек, так легко и просто играющих с тяжёлыми (пусть и деревянными!) мечами, не боящихся боли, презрительно смотрящих в лицо грозящей опасности... ведь мог бы, мог! Вот как воспитывают подлинную отвагу и мужество, вот оно — истинное *дело*, непреложное искусство, достойное мужчины и настоящего воина! Он представил себя, слабака и неумеху, среди этих стройных, ладных парней, его сверстников, в совершенстве владеющих тем, о чем ему до сих пор лишь приходилось читать в книгах да мечтать дурацкими слюнявыми мечтами — и окончательно стал противен самому себе. Мучительный и жаркий стыд обуял его — до ноющей боли в ушах и горького жжения в сердце. Силы небесные, сколько же времени он потратил впустую вместо того, чтобы выучиться действительно *настоящему делу!*

Почему Саруман никогда не позволял мне взять в руки меч, вдруг спросил он себя. Не маленький и игрушечный, а вот такой — тяжелый, серьезный, почти настоящий... Почему?! Почему я до сих пор умею только бездарно марать бумагу, составлять какие-то вонючие снадобья да вправлять сломанные кости? Вот уж великое достижение, ничего не скажешь...

Роняя слюни от зависти, он продолжал жадно наблюдать за происходящим во дворе. Не да, сказал он себе, очень вдохновленно эти парни дерутся, с душой, отчаянно, как в настоящем бою, и так же... да, и так же безжалостно, словно сражаются не со своими сверстниками и товарищами, а с истинными врагами. С такого расстояния Гэджу было не видно их лиц, но удары, пусть и деревянными палками, они наносили беспощадно, с шалой исступленной яростью, точно имели перед собой цель поразить противника насмерть. Одноухий наставник, зачем-то держа в руках кнут, прохаживался между сражающимися, зорко наблюдая за ходом поединков и рывкая на тех учеников, кто допускал какие-то ошибки (и запрещенные приемы, хотел бы добавить Гэдж, но таковых здесь, кажется, не имелось, поощрялось все: подсечки, подножки, неожиданные выпады и даже тыканье пальцами в глаза). Внезапно одна из пар распалась: кто-то из мальчишек достал-таки партнера тяжелой дубинкой, и пострадавший шлепнулся на мостовую, держась рукой за плечо — но, к изумлению Гэджа, его противника это не остановило. Он, похоже, сейчас вообще не мог остановиться, обуянный жаждой крови; с торжествующим воплем он занес над поверженным "врагом" деревянный меч, словно намереваясь увесистой палкой расколоть ему череп...

— Стой! — донесся до ушей Гэджа яростный рык наставника. — Стой... так тебя перетак!

Учитель вытянул не в меру ретивого ученика кнутом (действенное средство вразумления, надо признать!), и только это слегка отрезвило нападавшего — с недовольным ворчанием он отступил. Наставник отрывисто сказал ему несколько слов; потом повернулся к упавшему, который все еще уныло сидел на земле, и (опять-таки к изумлению Гэджа) обрушил на него поток презрительной брани. До Гэджа, впрочем, приглушенные

расстоянием, доносились лишь отдельные слова:

— ...тупица... медведь... будь это настоящий бой... давно бы уже... трупом... выпад справа... вставай... сопли подбирать... будешь у меня... туды тебя растуды!..

Раненный вяло огрызался; потом поднялся, подобрал свой меч и, все еще придерживая руку, побрел куда-то в угол двора. Победитель шел за ним, но смотрел гоголем — наверное, наставник был им доволен.

Впрочем, чем всё закончилось, Гэджу узнать так и не довелось: позади него заскрипела открывшаяся дверь. Явился Каграт, уже не такой желтовато-землистый, как час назад, слегка повеселевший и расправивший плечи, принес половину копченого свиного окорока, два полотняных мешочка — с пшеном и чечевицей, — горшочек топленого жира и полведра недозрелых зеленоватых яблок, вывалил все это добро на стол. Приложился к фляжке, висевшей на поясе, поморщился, крикнул.

— Что за отвратное зелье, влить бы его в глотку этому мерзавцу Шарки... Идем, — сердито рыкнул он Гэджу.

— Куда?

— Куда скажут. Сплаваем в одно место.

Возражать не приходилось. Гэдж молча поднялся и направился следом за батей: в коридор, освещенный факелами, за поворот, в крытый переход, ведущий в соседнее крыло — здесь не было надоевших коптилок, свет сюда проникал сквозь узкие окна, пробитые в стенах на равном расстоянии друг от друга. Они свернули на тесную темную лестницу, когда их настиг донесшийся откуда-то сверху, из-за потолка, пронзительный долгий вопль, полный боли, тоски и одиночества — скрежещущий, нестерпимо гнетущий, больно ввинчивающийся в уши, как инструмент палача. Некоторое время вой метался где-то в вышине лестничного пролета, никак не смолкая, наконец оборвался на какой-то стенающей, исполненной глухой злобы ноте, и Гэдж невольно поежился: такой жуткий нечеловеческий крик, мог бы, наверное, издавать неупокоенный мертвец, ненавидящий живых только за то, что они — живые.

— Эт-то еще что? — пробормотал он. Несмотря на то, что леденящий кровь вопль был едва слышен в отдалении, Гэджу стало не по себе, точно во время тягостного кошмарного сна, и он отчаянно встряхнул головой, пытаясь вытрясти из ушей отголоски этого мерзкого, вязнущего в сознании цепящего звука.

Каграт тихо выругался в ответ.

— Не обращай внимания. Воют тут... всякие. Визгуны вонючие!

— Какие визгуны?

— Призраки. Слуги... Хозяина. Они ему лучше братьев родных, так что сиди и помалкивай в тряпочку. Они тут всем распоряжаются, и поблажек от них не жди... Такой как глянет — со страху в собственные сапоги спрячешься.

— Что, они такие... страшные?

Каграт не ответил. Толкнул тяжелую дверь, преградившую им путь в конце очередного коридора.

Они оказались в просторном помещении, освещенном скудным светом серого дня — здесь тоже имелись неширокие, забранные частыми деревянными переплетами окна. Ставни были слегка приоткрыты, и свет падал на длинные столы, стоявшие посреди комнаты; рядом с ними располагались простецкие деревянные лавки, крытые лоскутными ковриками и тростниковыми циновками. Гридница была почти пуста, лишь на крайней скамье сидел

давешний привратник — Угрых — и складывал в мешок грязные рубахи, портки и обмотки, видимо, определенные в стирку.

— Где Праухур? — отрывисто рыкнул Каграт.

Угрых лениво зевнул и почесал лапой подбородок. Сегодня он был не в яичнице — его кожаный нагрудник украшали какие-то засохшие, липко-белесоватые извилистые потеки.

— Щенков своих во дворе муштрует, где же еще. Сейчас явятся.

Он вскинул на плечо мешок с бельем, поднялся и побрел к двери, слегка прихрамывая — одна нога у него не сгибалась в колене.

Гэдж огляделся. В гриднице было относительно светло и чисто, каменный пол оказался тщательно выметен, столы — отскоблены и протерты, стены — завешены циновками, волчьими шкурами и крашенными известью деревянными щитами. Возле остывшего и вычищенного камина стояла изящная кованая поленница, в которой горкой были уложены сосновые чурочки. Вдоль стен тянулись полки с какой-то утварью, в углу стояли сундуки и корзины с деревянными «пособиями», под лавкой прятался потрепанный тряпичный мяч. В левой и в правой стене виднелись другие двери, не столь массивные, как входная; одна из них была чуть приоткрыта, и в щель Гэдж разглядел что-то вроде уходящих в полумрак двухъярусных лежанок, на которых поверх соломенных тюфяков были набросаны овчины и лоскутные одеяла — видимо, там располагались спальни.

Из коридора послышался топот многочисленных ног и невнятная колготня, рывком распахнулась дверь — и в помещении сразу стало суетно, тесно и шумно. В гридницу ввалилась гурьба мальчишек-орков — все они были примерно на год-полтора младше Гэджа, и было их десятка три — потных, горластых, вертлявых, разгоряченных... Праухур — тот самый орк с отрубленным ухом, поспевающий следом, — зычно раздавал ученикам уроки и наказания:

— Ларбар, Уфтхаш — на кухню, овощи чистить, Хаурдуг, Валахар — в прачечную, воду таскать, Фахрат, Грышар — к гончарам, глину месить, Балузг, Гаургыш — взяли швабры и ведра и вымыли лестницы в правом крыле. Остальные — на дровяной склад, поленья колоть, штабелями складывать, вопросов нет, шагом марш!

— У меня рука болит, — проворчал кто-то из мальчишек — верно, давешний «раненный». — Не буду я сегодня полы драить! На кухню пойду, репу чистить.

— Ты на кухне вчера был! — яростно выкрикнул кто-то. — Ещё выбирает он тепленькое местечко... будешь от швабры нос воротить, я тебе самому щас репу начищу, понял!

— Молчать! — гаркнул Праухур. — Разгавкались тут, щенки! Пойдете туда, куда назначено. Не то быстренько марш-бросок организую по местности в полном доспехе... Всем работы хватит, или добавить, кому недостаточно? — Он небрежно кивнул Каграту. — Здорово, рожа. Тебе чего?

Каграт указал подбородком на Гэджа.

— Вот.

— Что «вот»? Приблудыш твой?

— Ну. В «щенятник» его возьми, пусть привыкает.

Праухур мельком взглянул на Гэджа. Подошел ближе... и вдруг, совершенно без предупреждения, нанес ему короткий резкий удар кулаком в живот. Гэдж едва успел отскочить и кое-как парировать этот выпад... но тут же в подбородок ему прилетел второй удар — и Гэджа отшвырнуло прочь, он с грохотом повалился на край стола и едва не смел какие-то стоявшие там деревянные чашки и плошки.

Рраухур заржал.

— Тебе по весне Посвящение проходить, сопляк... А ты даже простецкие приемы ни сном ни духом. Хоть меч-то в руке знаешь, с какого конца держать?

Гэдж медленно поднимался. В ушах у него звенело от унижения. Руки тряслись — не столько от боли, сколько от стыда, жгучего, как крапива, хлестнувшего его изнутри горячо и остро. Ну, конечно, этого следовало ожидать... Рраухур свалил его легко и просто, будто беспомощного цыплёнка — осталось только заломить крылышки за спину и небрежным движением свернуть шею.

Мальчишки, не торопившиеся исполнять наказания и разойтись по работам, искоса посматривали на Гэджа из дальнего угла — они украдкой ухмылялись, хихикали и понимающе переглядывались. Глазки их посверкивали задорно и злорадно, с какой-то злобной и осторожной паучьей хитрецей.

— А что, велика наука? — сердито спросил Каграт. — За полгода что, меч его держать не научишь?

Рраухур осклабился.

— Да так-то и мартышку можно научить железкой махать. Не в этом дело.

— А в чем?

— Ты документик-то на него какой-никакой выправил, ась? Куда мне про него закорючку поставить?

— «Закорючку»! — злобно проворчал Каграт. — А без закорючки что, никак?

Рраухур вразвалочку подошёл к окну и непринужденно сплюнул во двор.

— Никак. Без закорючки ему ни паек не положен, ни обмундирование. Так что давай, с Визгуном этот вопрос утряхивай для начала. А то я тут птичка подневольная, скажет Визгун — учи парня, буду учить... Может, он его к Мёрду зараз отправит, почему мне известно?

— К этому падальщику? — Каграта передернуло. — Да с какой стати? Парень хоть заумью и порченый, но не до такой степени, чтобы его не глядя в распыл пускать! Заумь-то выбить да уму-разуму научить недолго...

Рраухур оглянулся на Гэджа как будто с удивлением.

— А чё выбивать-то? Он у тебя грамотный, что ли?

— Ну, грамотный, — процедил Каграт.

— Так и веди его в Канцелярию, пусть писцом там заделается, чего голову ломаешь. Не выйдет из него воина — пусть хоть при деле будет...

— Почему это не выйдет? — Каграт, набычившись, так резко шагнул вперёд, что Рраухур, заворчав, невольно отступил. — Воина, значит, не выйдет — а доносчик и бумагомарака, писака паршивый и вонючая обозная крыса выйдет, да? Ты... т-ты... соображаешь, что говоришь, тля? Чтобы мой сын по жизни не меч в руке держал, а грязное перо, поклепы и кляузы на собственных сородичей в Башню строчил? Да не бывать этому... — голос его сорвался от ярости, — не бывать этому, куда я жив, слышишь!

— Ну, ну, — пробормотал Рраухур, не ожидавший подобной отповеди, — охолони, чего разоряешься... не ты один горазд воздух впустую сотрясать...

Вновь со стуком распахнулась дверь, и в гридницу с торжествующими воплями ворвались еще двое мальчишек-уруков. Один был пониже ростом, тощий и чернявый, другой — повыше, с квадратным лицом, с широким и плоским, каким-то бесформенным носом, точно раздавленным чьим-то угловатым кулаком. Взъерошенный и возбужденный, он что-то крепко прижимал к груди.

— Добыл! Аж целую пригоршню!

Рраухур, сердито ворча, оттолкнул Каграта, решительно шагнул вперед. Протянул к плосконосому лапу.

— Что там у тебя, Шаграх? Дай сюда!

— Не дам! — огрызнулся Шаграх. — Это моя добыча!

В руках у него оказалась шапка, в которой копошились с полдюжины слепых и голеньких новорожденных крысят. Мальчишки гуртом столпились вокруг удачливого охотника, с приглушенными завистливыми восклицаниями разглядывая трофеи.

Рраухур оттер плечом самых любопытных и тоже мельком посмотрел на пищащих в шапке крысят. Нахмурился. Поднял на Шаграха взгляд — медленный и безжалостный, как удавка.

— Тьфу, дрянь! Где достал? В подвалы спускался, щенок? Несмотря на запрет?

Плосконосый Шаграх — масть его заметно отливала рыжиной, характерной для другого племени уруков, с Восточного двора — угрюмо скосил глаза на кнут в лапе наставника.

— Я недалеко... Тут под лестницей было... гнездо крысиное. Мы с Уфтыром нашли...

— Болваны! — Рраухур поморщился. — Велено же — в подвалы ни ногой!

— Посади их на пару дней в тёмную — и вся недолга, — проворчал Каграт. — В следующий раз будут знать, как совать нос куда не положено.

Рраухур равнодушно почесал ухо.

— Да леший с ними! Пусть тешатся, как хотят, лишь бы руки на виду держали... — Внезапно в голову ему пришла какая-то мысль, он протянул лапу и, не обращая внимания на сердитый взгляд Шаграха, вытащил из шапки подвернувшегося крысенка. Шагнул к Гэджу. — Ну-ка, смотри сюда!

Гэдж смотрел. Крысенок — совсем крохотный, слепой, бледно-розоватый — лежал на ладони Рраухура, тычась в неё носом и подергивая крохотными лапками. Рраухур медленно сжал пальцы — и звереныш, стиснутый в огромной пятерне орка, негромко испуганно пискнул.

Гэдж вздрогнул.

— Не отводи взгляд! — рывкнул Рраухур. Он смотрел на Гэджа исподлобья, пытливо, щерясь уголком рта, продолжая неспешно сжимать пальцы, и крысенок, попавший в эти жёсткие неумолимые тиски, задергался, запищал громче, отчаянно и хрипло... головенка его на секунду вздулась, будто накачанная воздухом, кожа на ней натянулась — и лопнула с отвратительным мокрым хлопом, череп хрустнул, как ореховая скорлупка, каплей вытек на пальцы орка губчатый розоватый мозг. Гэджу на какой-то миг стало нехорошо...

— Чё позеленел? — вкрадчиво спросил Рраухур. — Это всего лишь крыса! — Он хрипло ухмыльнулся и неторопливо разжал лапу. — Сумеешь так, э?

Гэдж с трудом поборол приступ тошноты. Отвратителен был не размозженный трупик несчастного крысенка, размазанный по грязной ладони орка — отвратительна была поблескивающая во взоре Рраухура сладкая маслянистая кровожадность.

— Не сумею, — Гэдж рывком поднял голову и посмотрел орку прямо в глаза. — Я даже не хочу... так уметь.

Рраухур коротко взрыкнул.

— Вот то-то и оно. — Он швырнул жалкое, превратившееся в раздавленную кашницу тельце на пол и вытер окровавленную ладонь о штаны. Кивнул Каграту. — Видал? Размазня он у тебя, походу. Слюнтяй. Слабачок. Жесткости в нем нету, безжалостности... какой из

него к лешему воин? Такому только в обозе под телегой отсиживаться... Настоящий ратник должен быть твердым, как камень... жестким, негибачаемым, точно железный штырь, решительным и беспощадным — без закидонов, короче. Понятно, о чем я?

Каграт потемнел лицом.

— Понятно. Глоб! — Он смотрел на Гэджа, прищурившись, яростно кривя губу над крепкими желтыми клыками, и взгляд его был полон презрения пополам с темной мрачной решимостью, не сулившей Гэджу ни пощады, ни спуска. — Ладно. Я это... учту. — Он глухо утробно заворчал, точно раздраженный медведь, сжал зубы и угрюмо поиграл желваками. Вновь исподлобья посмотрел на Рраухура. — Слышь, что старуха Гарбра говорит, когда Кохарран? А то как пришлось вкругаля по горам по долам крюка давать, я уж начал опасаться, что мы к сроку и не поспеем.

— В конце месяца. А тебе-то что? — Рраухур понимающе щурил глаза. — Или тебя твоя Наара выгнала уже? Надоел ты ей?

— Это она мне надоела, — сказал Каграт презрительно. — Только ворчит да бранится последнее время, то ей не так, это не эдак... — Потирая ладони, он искоса бросил на Рраухура проницательный взгляд: — А что, интересное что-нибудь в нынешнем Кохарране будет? Молодухи какие-нибудь, э?

Рраухур многозначительно хмыкнул.

— Лейха, Гаахар и Вараха в этот раз впервые будут участие в Выборе принимать. Только ты слюни-то не роняй... Кто ж тебя, старого драного кота, выберет-то? Вараха по Мэйхуру тоскует, а остальные себе тоже помоложе да помилее найдут. — Он оглушительно захохотал. — Достанешься ты какой-нибудь толстой обрюзгшей дуре вроде Хариды, вот повеселимся.

Каграт покривил физиономию.

— Смотри, как бы ты ей не достался! Эта дебелая стерва все ещё участвует? Да у неё уже зубы повыпадали и пузо до колен отвисло, не говоря обо всем остальном.

— Участвует. Зудит, видимо, в одном месте... А за то, что ты её в старухи определил, она тебе уши пооткручивает, на вертеле поджарит и тебя же заставит их слопать.

Каграт недовольтно зашипел; ни папаша, ни Рраухур больше не обращали на Гэджа никакого внимания, и он был этому только рад. Всеми позабытый (к счастью!) он молча сидел на лавке, сгорбившись и обхватив плечи руками; взгляд его, как приклеенный, то и дело возвращался к жалкому крысиному трупику, нашедшему временное упокоение в темноте под ближайшей скамьей. Не то, чтобы Гэдж особенно любил крыс, и все же... Этот несчастный звереныш явно не заслуживал такой лютой и безжалостной казни.

«*Это всего лишь крыса*», — беспечно сказал Рраухур. Всего лишь крыса...

А если бы это не было всего лишь крысой?

Гэджа передернуло.

Меж тем участь остальных крысят азартно и деловито решалась в дальнем углу.

Они по-прежнему копошились в шапке — беспомощные, дрожащие, тепленькие, мерзостно-розовые. Мальчишки, столпившиеся над ними, разглядывали их, щупали, тыкали в слепышей пальцами и переговаривались вполголоса: Гэдж не хотел слышать их негромких, жарким торопливым шепотом произносимых фраз — но не слышать все равно не мог:

— ...чего делать-то. Подвесить за хвосты на вертел и поджарить на медленном огне... Вот писку-то будет...

— Можно на спицу насадить. Я у Хрипатого одолжу.

— Да ну, скукота. Сразу и кончатся. Лучше уж крысиного яда раздобыть...

— Шкурки ободрать, лапки повыдирать, глазки повыколоть...

— Чего спорим-то? Разыграем крысеньшей по жребию, пусть каждый со своим забавляется, как хочет.

— А я как-то щенка возле поварни поймал, слышь? Сивухой его облил и поджег... То-то была потеха...

Ну-ну. И вот этими изуверами я еще восхищался пару часов назад? — мрачно спросил себя Гэдж. Еще готов был с ними задружиться и назвать своими товарищами?

— Уроды, — не поднимая глаз, пробормотал он себе в нос. — Палачи!

Он говорил совсем тихо — но его услышали: хотели услышать. Зря Гэдж думал, что на него не обращают внимания: к нему, чужаку, уже давно приглядывались и принюхивались опасно и настороженно, как свора собак принюхивается к прибившемуся к стае незнакомому псу. Ждали только повода ткнуть его носом в его незавидное место... Рыжий Шаграх разом обернулся, подобрался, ровно хищник, почуявший запах крови.

— Ты! Ты, что ли, тут гавкаешь... из параша голос подаешь? — Он выпрямился во весь рост, повел плечами, за его спиной негромко угодливо захихикали. Рыжий был самым высоким среди мальчишек и, видимо, самым старшим по возрасту, ровесником Гэджу, если не взрослее, и явно чувствовал себя в «щенятнике» вожаком. — Козел вонючий!

— Да ну? Рад знакомству, — небрежно сказал Гэдж. — А меня зовут Гэдж.

Он, в общем-то, знал, чем все закончится, но заставить себя промолчать никак не мог. Рыжий раздраженно зарычал.

— Нарываешься, а? Повтори, что сказал!

— И повторю, — спокойно произнес Гэдж. Внутри него все бурлило от негодования и какого-то горького непонятого куража, страха не было, да и отступить было поздно. — Сволочи вы, вот что. Несчастных крысят мордовать... Герои!

Теперь на Гэджа враждебно смотрела не одна — несколько пар глаз: выжидательных, цепких, выдающих готовность к драке. Рыжий шагнул вперед, по-бычьему нагнув голову, сжал кулаки — увесистые, бугристые, с ободранными костяшками.

— Какой храбрец, — проговорил он с угрозой. — Из грязного угла не успел выползти — а уже на рожон лезешь, а? — На лице его выступили темные пятна. — Ну-ка, повтори еще раз, да погромче! Я что-то не понял... ты кого назвал сволочью, недоносок? Меня, никак?

Гэдж нервно усмехнулся. Все катилось по такой предсказуемой колее, что ему хотелось зевнуть — скорее от внутреннего напряжения, нежели от скуки. Внезапно вспомнился варг — тот, явившийся из ночи на далеком берегу реки Лимлайт, — который смотрел так же зло, свирепо и с вызовом, оскалив зубы, подергивая жилкой, роняя из пасти нитку мутной слюны...

— И тебя — в частности, — медленно проговорил он, поднимаясь. — Экий ты непонятливый. Может, еще раз повторить? Доходчивыми словами?

Он был готов к драке, и все же нападение застало его почти врасплох — так стремительно кулак Рыжего взметнулся снизу вверх и припечатал его в скулу. Впрочем, стычки с верзилкой Лутом кое-чему Гэджа все-таки научили, так что он даже сумел увернуться и удержаться на ногах... живо подскочил к Рыжему и, прежде, чем тот вновь сумел обрести равновесие, изо всех сил пнул его носком сапога по колену: этот прием всегда действовал безотказно. Сработал он и на этот раз — то ли Рыжий был слишком самоуверен, не воспринимая Гэджа всерьез, то ли не ожидал от новичка такой прыти — только он глухо

взвыл, пошатнулся и, хватаясь за ногу, медленно завалился набок, точно подрубленное дерево.

Мальчишки завопили от ярости.

Кто-то из шаграховой шайки подставил Гэджу подножку. Он упал — и на него навалились скопом, визжа и улюлюкая; кто-то впился в него когтями, кто-то совершенно по-бабьи вцепился в волосы, кто-то норовил достать жестяным кувшином по голове... Тут бы Гэджу и не поздоровилось, но, на его счастье, рядом раздался грозный рык Праухура: наставник вмешался в свару, злобно рыча, бранясь и щедро раздавая направо и налево удары кнутом. Подскочил и Каграт, живо сгреб Гэджа за шиворот и, расталкивая «щенок», выволок из гридницы в коридор.

— Ах ты... с-сука! Зелен еще тут кагал заваривать! — яростно прохрипел он — и так швырнул сына головой о стену, что у Гэджа, на полном ходу вломившегося в холодный камень лбом, затрещали кости. — Ну, погоди мне... Идем!

У Гэджа на секунду потемнело в глазах... Он удержался на ногах только потому, что под руку ему подвернулся выступ стены. Из-за захлопнувшейся двери все еще доносились ругательства, возня, щелканье кнута и визгливые вопли тех, кого настигали удары...

Всю обратную дорогу до дома Каграт злобно молчал, таща Гэджа за собой чуть ли не волоком. Гэджа мутило, ноги у него подгибались, в глазах двоилось, в ушах гудело, в голове что-то трещало и плескалось — в ней как будто перетекала туда-сюда пригоршня расплавленного свинца. Внутри него все точно окостенело... он воспринимал происходящее как-то странно, отстраненно, словно бы наблюдая за окружающим сквозь толщу воды. В душе его не было ничего — ни страха, ни ярости, ни обиды — лишь дырой зияла пустота, лагуна, черная ледяная пустыня, простершаяся до горизонта. Лишенный опоры, он проваливался в эту пустоту, как в колодец — в узкую бесконечную трубу с толстыми, темными, холодными стенами — и не имелось в этом колодце дна, и не достигали мрачной глубины его ни звуки, ни ощущения, ни чувства, ни обычное человеческое тепло, а свет — неверный отблеск света — мерцал лишь где-то там, в недостигаемой вышине — крохотной и далекой обманчивой звездочкой...

* * *

Вечером неожиданно заглянул Радбуг — пропустить на сон грядущий чарку-другую «расслабляющего».

— Ты почто смурной, случилось чего? — без интереса спросил он у своего дружка. Каграт, который остаток дня метался по горнице кругами, словно раздраженный хищник, свирепо бормоча под нос «размазня, значит», «в обозе отсиживаться» и «посмотрим, посмотрим», взглянул на него тоскливо и мрачно.

— Не случилось...

— Захворал? Зубы прополоскай, и все как рукой снимет. — Радбуг уселся на табуретку возле стола и извлек из-за пазухи налитую до краев оловянную фляжку. Каграт украдкой облизнул губы, но, как будто замаявшись на секунду, вяло возразил:

— Мне Шарки не велел, того... много пить.

— А кто говорит про «много»? — Радбуг оценивающе-заманчиво побулькал посудинкой. — Тут на пару глотков всего... Не винцо — чистый лечебный бальзам! Наваха моя расстаралась за ради удачного возвращеньца.

— Ну, раз Наваха... тогда ладно, — пробурчал Каграт. Он достал с полки две шербатые глиняные кружки, хозяйственно поплевал в них, потер пальцем какие-то невидимые пятнышки на внутренней стороне, сколупнул когтем засохшую грязь. Пасмурно сообщил: — Водил сегодня своего сопляка в «щенятник».

Радбуг, казалось, слегка оживился; подняв голову, он бросил на Гэджа один из своих быстрых внимательных взглядов. Гэджу было все равно: он неподвижно лежал на лавке, скорчившись и обхватив руками ноющую, рассыпающуюся на части несчастную голову.

— Понимаю, — осторожно сказал Радбуг. — И что?

Каграт яростно пнул подвернувшуюся табуретку.

— Да ничего! Праухур, сволота, уперся рогом — благословение Визгуна ему запонадобилось... бумагу, грит, подавай, чтоб было куда закорючку поставить. Закорючка ему потребовалась, м-мать! Тоже мне, начальничек выискался... Вонючая сошка, а туда же — в начальники прёт! Надо было его самого на месте в закорючку согнуть, глядишь, разом по-другому заговорил бы!

— Ты чего, друг, с устатку? — посмеиваясь, Радбуг аккуратно выдернул из горлышка фляжки деревянную пробку и разлил по кружкам мутно-красное содержимое. — Бухтишь и бухтишь, как перепревшая каша.

Каграт тяжело рухнул на лавку, запустил обе пятерни в нечесанную шевелюру.

— Устал я, Радбуг... эх, и устал, аж душа болит! Горбатишься на дядю без продыху, бегаешь целый день, высунув язык, как собака... И ради чего? Ради вонючего пайка? Лижешь задницу всякой мразоте... Начальства вокруг развелось, будто крыс, никаким ядом не вытравишь... на каждый день по начальнику, а на праздники — по два! Забодало всё... Убраться бы отсюда куда-нибудь, где начальников нет, а пожить найдется...

— Ну так уберись, — сказал Радбуг. — Кто тебя держит?

Каграт что-то невнятно пробурчал. Подобные настроения бродили по казармам постоянно, как дрожжи в пивном сусле, хотя охотников променять надежное убежище, теплый уголок и верный кусок хлеба с маслом на сомнительные преимущества пресловутой «свободы» на деле находилось не так уж много. Тем не менее роптать считалось хорошим тоном, ибо, как известно, полностью довольными своим положением могут быть только хряки в свинарнике: тепло, в щели не дует, и поило всегда в корыте.

— Слышь, Каграт, — сказал Радбуг, — я тут краем уха разговор поймал — война, бают, не за горами... Что мыслишь — брехня, или как?

— Война? Ну и пусть её. — Вид у Каграта был отсутствующий, он напряженно ловил за хвост какую-то увертливую, ловко ускользящую от него мысль. — По мне, что война, что мир — все едино, дерьма на всех хватит... Кого воевать-то будем?

— Кого прикажут. Остроухих, наверное... Тебе не все ли равно?

— И когда кампания намечается? По весне?

— Понятия не имею. Без нас не начнут, не переживай.

— Еще бы. И ведь не отрыгнется им наша кровушка! — Каграт отрезал от свиного окорока, лежавшего на столе, полоску мяса, бросил её в рот. — Сами, знамо дело, будут за крепью отсиживаться, за надежными стенами, а нас на бранное поле отправят под музыку, под эльфийские стрелы подставляться. Слушай, Радбуг, — его угловатая скуластая физиономия выразила непривычную озабоченность, он мрачно смотрел на приятеля поверх кружки с пойлом. — Ты же бываешь в Канцелярии, ты бы поспрашивал там... может, у них отыщется какой-нибудь, ну... отработанный матерьяльчик? Только чтоб не совсем дохлый,

конечно. Так они бы погодили в расход его списывать, скинули бы куда-нибудь в дальний подвальчик... Мне парня учить надо, сечешь?

— Учить? — На мгновение в глазах Радбуга мелькнуло недоумение. — Довольно странные у тебя методы... обучения.

— Зато действенные! — Каграт несколькими долгими жадными глотками осушил кружку, грянул ею об стол. — Я с ним до сих пор цацкался, пылинки с него сдувал, с дурня... а теперь *как следует* за него возьмусь, ты мою заскорюзлую, топором вырубленную натуру знаешь! Семь шкур с него спущу, задницу ему до блеска надраю, а заставлю стать *орком*, а не эльфийской кисейной барышней! Вымуштрую его как полагается, спать будет по стойке смирно, попомни мои слова...

— Видимо, — вновь берясь за флягу, мимоходом заметил Радбуг, — Праухуру он не особенно приглянулся.

— Приглянулся, не приглянулся... Не в этом дело! — Каграт злобно скрипнул зубами. Помолчав, неохотно добавил: — Не боец он у меня, оказывается, во как! Размазня, типа того... защитник крысеньшей! Нету в нем... жесткости, одним словом.

— Ну так я тебе сразу сказал, что ничего путного из него не выйдет. Оставил бы ты это дело, Каграт, только покалечишь парня, поздно его уже переделывать...

— Не могу, — хрипло, после паузы, буркнул Каграт. — У него мой оберег. Та, вторая половинка.

— В чем загвоздка отобрать у него оберег и вывести парня за болота, пусть проваливает... А штуковину передашь следующему наследничку... кто там у тебя на очереди?

— Шихрат, кажись... Да он ещё малец совсем. А этот — лось. Только я от своей затеи не откажусь, понял? Парень этот, — он кивнул в сторону Гэджа, — из той, давней, прошлой жизни... важен он для меня, как... воспоминание, леший бы его побрал! И для меня это дело чести — настоящего орка из него вылепить... Чтоб достоин был доспех носить и меч в лапе держать, ясно? Так что или этот сопляк станет наконец уруком, за которого мне не стыдно, или сдохнет... Совсем, что ли, мозгов у него нету?

Радбуг вздохнул.

— Остервенения в нем нету, Каграт, готовности к убийству... и вообще той душевной простоты, которая требуется, чтобы пырять острым железом живую тварюшку. Сломать-то ты его сломаешь, это дело нехитрое, а переделать... ну что хорошего получится сварганить из жалких обломков, а?

Каграт смотрел подозрительно.

— Ну-ну. А тебе-то какой до всего этого интерес?

Радбуг пожал плечами.

— Может, и никакого. Но, как-никак, парень — сын моей сестры.

— Ну и че? — с раздражением спросил Каграт. — У меня тоже пара сестёр имеется — я что, должен помнить всех, кого они там нарожали?

— Тебя никто и не заставляет, — сказал Радбуг сквозь зубы, — помнить.

— Говорил же я, все вы, полукровки, с вывертом, — проворчал Каграт. — Любите себе голову всякой дурью забивать. Ну да ладно, посмотрим. — Он ловко прихлопнул муху, привлеченную на стол кисловатым винным запахом, смачно растер беднягу в мокрое место. — Мне бы только времени побольше, да дубинку потяжелее... Ну так ты узнаешь насчет этого... наглядного матерьяльчика?

— Жестокость воспитывать?

— Жесткость, — хмуро поправил Каграт. — Так похлопочешь ты или нет?

— Хорошо, я поинтересуюсь, — сказал Радбуг.

— Только чтобы из наших никто не знал, ладно? А то ведь парни любят лапки почесать, после трудового дня пар выпустить, душеньку потешить... пронюхают про подарочек из Башни — мне да моему дурню и ошметков не останется. Тут давеча, — он хрипло усмехнулся, — подкинули нам из пыточной одного «крысюка». Уж не знаю, как он в Башню попал — проворовался, поди, или шлёпнул кого-нибудь — только нам он уже без пальцев и без языка достался — Гомба трошки переусердствовал. А так ничего — живчик! Шавах-то на выдумку в таких случаях горазд, ну, ты знаешь, парни и повеселились! Жаль, тебя не было...

— И что Шавах сделал, — спросил Радбуг, — с этим разнесчастным крысюком? На ремни его нарезал, что ли?

Каграт, пьяно ухмыляясь, перегнулся через стол и что-то прошептал своему дружку на ухо. Хмурая физиономия Радбуга оставалась бесстрастной — по ней невозможно было определить, жалеет он о том, что пропустил подвернувшуюся потеху, или все же не очень.

— Шавах — мразь! — негромко произнес он. И было в его голосе столько холодного презрения и железной убежденности, что даже Каграт зябко поёжился.

— Ну! Я, знаешь, всякого повидал, но мне тогда тоже не по себе стало... — Он глотнул пойла из кружки, хрюкнул, зажевал ломтем хлеба. Втянул носом воздух и мрачно посмотрел на Радбуга. — Ну, чего сидишь как красна девица на похоронах, хлебалово нацедил?

Радбуг расплескал по кружкам остатки вина. Разговор вновь покатился по кругу, коснулся намечающейся войны и предстоящего Кохаррана, перешел на обсуждение какого-то «падлюки Уфтака», заманчивых статей неких неизвестных Гэджу девиц и особенностей колюще-рубящего оружия. На середине длинного и запутанного спора о преимуществах шестопера над обычной шипастой палицей «расслабляющее» расслабило Каграта настолько, что он упал носом в стол и захрапел, выводя носом затейливые рулады. Радбуг, казалось, готов был составить ему дуэт, но все-таки худо-бедно держался на ногах — встряхивая головой, он неуклюже поднялся. Гэдж, полуприкрыв глаза, равнодушно наблюдал за ним: сунув за пояс опустевшую флягу, Радбуг шагнул к порогу, некоторое время возился, отпирая дверь, которую Каграт зачем-то запер на крюк, потом ненароком поднял взгляд и увидел Гэджа.

На секунду их глаза встретились.

— Ну что, — буркнул Радбуг, — не по нраву тебе здесь пришлось, парень? Насмотрелся... на мясорубку?

— На мясорубку, — пробормотал Гэдж.

— Вот именно — на мясорубку... где всё на ножах, кругом кровь, мясо и фарш по стенам. А ты чего ожидал увидеть? Горшок с золотом у края радуги и табун розовых пони?

— Нет, — Гэдж равнодушно смотрел в пространство. — Просто... это здесь так принято — жечь заживо щенков и выдавливать мозги из новорождённых крысят?

Радбуг слабо усмехнулся.

— А что тебя удивляет? Ты до сих пор жил в каком-то другом мире? В котором не пинают собак и не убивают крыс?

— В моем мире их не убивают *так*, — помолчав, сказал Гэдж через силу. — Чтобы просто помучить. Чтобы кровь, кишки и фарш...

— Так на то она и мясорубка, — спокойно заметил Радбуг. — И у тебя, собственно говоря, выбор-то теперь невелик: либо ты сумеешь убраться отсюда, пока цел, либо эта мясорубка тебя... в общем, перемелет. — Он пошатнулся и, трудно переведя дух, схватился рукой за косяк. Устало бросил через плечо: — Ты на Каграта-то не пеняй, он зла тебе не желает... вот только лапа у него тяжелая и мозолистая, ты, я вижу, это уже усвоил.

С этим спорить явно не приходилось.

— Я бы и рад убраться, — отчаянно прошептал Гэдж, — но как? Как, Радбуг? Я не знаю...

В глазах Радбуга по-прежнему было что-то, что Гэдж готов был принять почти за сочувствие... но тут же взгляд орка изменился, стал холодным и непроницаемым, точно глухая стена; по-видимому, Радбуг уже сам жалел о своих случайно оброненных словах и так некстати заведенном, ни к чему не ведущем необдуманном разговоре. Не глядя на Гэджа, он глухо буркнул:

— Я тоже. Кумекай сам! Я ничего не могу обещать! — И, отвернувшись, шагнул за порог, с глухим стуком захлопнув за собой дверь.

35. Подземелье

Почти всю ночь Гэдж не сомкнул глаз. Лишь под утро, измученный тревогой и неопределенностью, он наконец задремал — и во сне брел через анфиладу пустых, жутких в своей однообразности комнат, по длинным темным коридорам, уходящим куда-то в недра земли... Разбудил его грохот жестяной посуды и доносящаяся в паузах невнятная брань.

В небольшом камине горел огонь. Каграт был не только отвратительно трезв, но и бадяжил в оловянном котелке какое-то варево, пытящее над огнем. В крохотной каморке клубилась стена дыма — продукт горения отсыревшего угля, извлеченного со дна угольного ларя, — каким-то чудом Каграту удалось вернуть этому сомнительному топливу природную горючесть. Не иначе папаша где-то умудрился раздобыть бумаги на растопку...

Бумаги?..

Внезапная догадка обрушилась на Гэджа, как удар дубинки.

Котомка его лежала под лавкой, брошенная туда и уже позабытая — и, преодолевая головную боль, которая к утру с особой утонченностью сосредоточилась в синяке на лбу, Гэдж вытащил сумку на свет. Вытряхнул на пол содержимое: кинжал, флягу, гребешок, обрывки бумаги — несколько завалившихся в глубину сумки измятых листов... Это было все, что осталось от бессмертной саги о похождениях Аноризэля и иже с ним; прочее было изъято Кагратом, изорвано в клочки и брошено в камин, на сырые заплесневелые угли — и сгорело там, и обуглилось, и рассыпалось в пепел, и умерло, равнодушно пожранное огнем.

Мир перед глазами Гэджа перевернулся. Какое-то долгое мгновение ему казалось, что потолок сейчас обрушится ему на голову.

— Т-ты... — прохрипел он. — Ты все сжег!

— Чё? — Каграт был слишком занят своей стряпней, чтобы обращать на него внимание.

Прыжком Гэдж оказался возле очага, оттолкнул оторопевшего папашу, сунулся в камин, в нестерпимый жар, надеясь отыскать, спасти, вырвать у огня хоть что-то... Но поздно, поздно! Творениям его пришел безвозвратный конец — тепло и свет, которые они были призваны нести в мир, бесславнейшим образом отгорели во тьме кагратовой конуры, не согрев никому ни тело, ни душу.

Каграт рывком выдернул его из огня.

— Ты чего, совсем ополоумел, чумной — в пекло кидаешься? Супец испортишь... Жить тебе обрыдло — побейся головой об стену.

— Т-ты, — прохрипел Гэдж; лицо его было обожжено и испачкано сажей, волосы опалены — но он не чувствовал ни боли, ни запаха гари, захлебываясь обрушившимся на него несчастьем — худшим, что, казалось ему, с ним еще могло случиться. — Ты сжег мои рукописи!

— «Мои рукописи», — очень похоже, очень зло передразнил Каграт. — Ну, сжег — и что? Надо было чем-то огонек затеплить... Жалко тебе, что ли? Еще столько же намараешь, ты же только на это и способен!

«Да что ты об этом знаешь!» — хотел крикнуть Гэдж — но не крикнул, не мог вымолвить ни слова, язык у него словно окаменел и лежал во рту тяжелым никчемным булыжником. Задыхаясь от ненависти к Каграту, в бессилии кусая костяшки пальцев, он стоял и смотрел на черные, обугленные клочки бумаги, забившиеся по краям очага — все, что осталось от его былых, рожденных в муках творений, пусть глупых, убогих и неуклюжих,

но бесконечно дорогих его сердцу: так дитя, самое невзрачное на взгляд постороннего, мнится матери чудеснейшим и прекраснейшим созданием на свете. Нет, не измаранные чернилами обрывки бумаги погибли в огне, не наивные сказки Гэджа, плоды его детских дум и мечтаний — погибла частица его души, последний мосток, связывавший его с прошлым. А взамен рождалось что-то другое — что-то неведомое, недоброе, чуждое, истинно орочье, до сих пор надежно захороненное в самых дальних и глубоких тайниках его существа...

— Ну, будет уже сопли жевать, — раздраженно проворчал Каграт и всунул в руки Гэджа деревянную площадку с жидкой похлебкой из чечевицы. — Давай, харчись живей и топай на дровяной склад, там тебя, оболтуса, живенько к делу приставят, хватит уже в носу попусту ковырять. А мне сегодня нянчиться с тобой недосуг — служба...

* * *

Дровяной склад находился в соседнем дворе.

Заправлял здесь низенький и щуплый снага Кархаш, который имел кличку «Бешеный», и вовсе, подозревал Гэдж, не оттого, что был замечен в слюнотечении или водобоязни, и даже не из-за вздорного неуравновешенного нрава — а потому, что порой на ровном месте (хоть бы и посреди разговора или мирного подсчёта полениц) начинал вдруг трястись всем телом, непроизвольно брызгать слюной и дико вращать глазами. А, поскольку один глаз у него и без того немного косил, зрелище эти внезапные припадки производили поистине жуткое, так что даже нахальные ррахуровы «щенки» предпочитали с Кархашем не связываться и лишний раз ему не перечить.

Работали на складе в основном маленькие пещерные орки-снаги: пилили и рубили бревна, привозимые с лесоповала, на небольшие круглые чурбачки, потом кололи эти чурбаки на поленья и складывали их либо в поленицы, либо на телеги, которые развозились по территории Крепости. Кархаш появлению Гэджа не слишком обрадовался, покосился на него неодобрительно, раздумчиво пожевал губами, потом все-таки выдал ему небольшой плохо заточенный топорик и указал на грудку чурбаков, лежащую под ближайшей стеной.

Работа была несложная и привычная, хоть и однообразная. Гэдж ставил на колоду чурбак торцом вверх и с размаху вгонял в него топор — точно посередине. Иногда силы удара оказывалось достаточно, чтобы чурбачок раскололся на пару полениц; иногда топор застревал в вязкой древесине — тогда Гэдж переворачивал топор вместе с чурбаком, с силой бил по колоде обухом — и чурбачок с треском разлетался на две жёлтые, как масло, пахнущие свежим деревом половинки. Работа спорилась — в особенности потому, что на месте каждого убиваемого чурбака Гэдж представлял ненавистный взлохмаченный затылок Каграта...

Ближе к середине дня на подмогу набежали ррахуровы «щенки». В пару к Гэджу встал какой-то лопухий парень не то по имени, не то по кличке Барыш; его брат-близнец (они были похожи, как две капли воды, разве что у барышева братца в копну волос была воткнута рыбья кость) собирал наколотые поленья, относил под навес и складывал там в поленицу. Начали они бодро-весело, с огоньком: порядки Дол Гулдура работой брезговать не позволяли, — но тут мимо прошел рыжий Шаграх, что-то шепнул Барышу на ухо, поглядывая на Гэджа — и рабочий настрой лопухого как-то разом иссяк.

— Что-то у меня топор тупой, — он хмуро разглядывал лезвие своего топорика, с

озабоченным видом пробуя его пальцем. — Пойду оселок поищу.

— У Кархаша есть точило, — утирая пот со лба, сказал Гэдж. — Давай не задерживайся, — он кивнул на поленницу, — Кархаш велел ряд до обеда закончить.

— Ну так заканчивай, — ухмыляясь, сказал Барыш. — За чем же дело стало?

Гэдж посмотрел на груды чурбаков, мрачно глыбящуюся в углу двора, и на свои ладони, натертые до кровавых пузырей. Сказал сквозь зубы так спокойно, как только мог:

— Это работа на двоих. Я один не справлюсь.

— Поднажмешь — и справишься! — весело прохрипел Барыш. — Глоб!

Это словечко — «глоб», «рохля», «дурачок», так и прицепилось к Гэджу в качестве прозвища, ибо его настоящим именем по-прежнему никто не считал нужным интересоваться.

Барыш воткнул топорик в колоду и исчез; его брат, спустя минуту подошедший за очередной порцией наколотых поленьев, с удивлением pokrutil головой.

— А где Барыш? — он смотрел на Гэджа так косо и опасно, точно подозревал его в чем-то крайне неблаговидном.

Гэдж устало взмахнул топором и развалил надвое очередное полено.

— Я его съел, — буркнул он. — Без хлеба и соли, понял? Щас тобой закушу.

Лопух номер два постучал пальцем по лбу.

— Ты совсем поехавший, да?

— Да, — сказал Гэдж. — И у меня в руке топор.

Рыбья Кость убежал, и Гэдж понял, что носить и складывать поленья ему теперь тоже придется самому...

Неожиданно явился Кархаш, обходящий свои владения, посмотрел на Гэджа красноватым слезящимся глазом:

— Почему один, где эти обормоты? Отлынивают?

Гэдж пожал плечами.

Кархаш затрясся. Он мычал, дергался, закатывал глаза и брызгал слюной — а, вволю отбрызгав, тоже куда-то ушел. Зато вскоре появились Барыш и Рыжий — их пригнал Праухур бранью, ударами кнута и щедрыми обещаниями «рыла до медного блеска надраить». Барыш, яростно всхлипывая, вновь взялся за топор, Рыжий, проходя мимо Гэджа, злобно прошипел:

— С-сука! Ты продал, да?

Гэдж изо всех сил не обращал на него внимания. Он набрал охапку поленьев и понес их к складу, чтобы уложить в штабель, подошел к поленнице — и в этот момент крайний, не доведенный до конца ряд поленьев рухнул прямо на него... На плечи и без того пухнущую голову Гэджа лавиной посыпались крепкие тяжелые чурочки, он едва успел отскочить, чтобы не получить еще одну зияющую ссадину на лбу. Но досадно было даже не это, а то, что поленницу — плод работы целого утра — теперь нужно было перекладывать заново. Из-за остатков рухнувшего штабеля раздался тихий злорадный смех и топот убегающих ног...

Где-то в мрачной утробе Замка гулко прозвучал гонг — сигнал к трапезе. В воротах дровяного склада выросла громоздкая фигура Праухура:

— Строиться!

«Щенки» побросали топоры в корзину и, живо выстроившись шеренгой по ранжиру, дружным строем утопали в трапезную. Гэджа обедать никто не звал, а руины рухнувшей поленницы возвышались рядом молчаливым укором и требовали немедленного и неукоснительного восстановления. Гэдж устало присел около поленницы на чурбак,

наклонился и поднял валявшуюся неподалеку чурочку, взвесил её в руке. Лениво закинул на верхушку штабеля... за ней — другую...

К нему, прихрамывая, подошел Кархаш:

— Иди уже, чего сидишь... Сам соберу.

Гэдж посмотрел на него. Снага был тощий, согбенный, плешивый; волосы, сохранившиеся на его головенке, торчали в разные стороны неопрятными клоками, глаз — тот, что косил — слезился, костлявые морщинистые руки слегка дрожали. Гэдж глотнул; что-то жарко и душно схватило его за горло.

— Надо... валерианы набрать, — сказал он хрипло. — Попроси, чтобы из леса тебе корешков привезли. Или листьев Melissa... Сделай настой и пей утром и вечером по полстакана.

Потом поднялся и, не оглядываясь, торопливо зашагал прочь.

* * *

Каграта дома не было, но каморка, к счастью, оказалась незаперта.

Гэдж без аппетита похлебал холодное чечевичное варево. Поворошил кочергой прогоревшие угли в очаге... Обуглившиеся клочки бумаги лежали там — черные, страшные, рассыпающиеся в пепел при попытке взять их в руки — жалкие останки его умершей веры в справедливость и память тех, бывших времен... когда Гэдж был юн и наивен, когда уповал в правильность мира и пусть дикую, но благородно-самобытную натуру своих сородичей... Теперь все это лежало в его душе прахом и тленом — тяжелым, мерзким, полуразложившимся трупом, словно куча отбросов на дне выгребной ямы.

Ему хотелось закрыть глаза, а потом проснуться — дома, в Изенгарде, в собственной комнатке с единственным окном, выходящим на запад. Чтобы таранился из угла деревянный конь Вихрь, и стоял на столе сложенный из зубочисток макет Ортханка, и, нахохлившись на расписной глобусе, дремал рядом старый ворчун Гарх, мрачный и чопорный, умудряющийся сохранять отвратительно-менторский вид даже во сне...

Мне нужно убраться отсюда, сказал себе Гэдж. Сбежать — какой угодно ценой. Пока эта поганая «мясорубка» меня не перемолола... Накопить немного еды, стянуть у Каграта одеяло и уйти в лес, скрыться с территории Замка, ускользнуть из-под надзора папаши, в конце концов, он же не держит меня на привязи. Добраться до леса будет, наверно, нетрудно, но ведь там, за лесом, начинаются болота... топи, гуулы, еще какая-нибудь неизвестная Гэджу дрянь, которую никак не миновать, не обойти и не объехать по кривой... *«А отпугнуть их, этих гуулов... что, никак нельзя? — Да, говорят, можно, коли набрать на болотах ихнего, гууловского дерьма, состряпать из него какое-то снадобье и обмазываться им время от времени...»*

С негромким скрипом распахнулась дверь, на пороге воздвигся Каграт. Бросил на стол шмат сала и пару завернутых в тряпицу ячменных лепешек, хмуро взглянул на Гэджа.

— Идем.

— Куда? — спросил Гэдж безучастно.

— Куда надо.

Этим исчерпывающим объяснением дело и ограничилось. Гэдж поднялся и молча побрел следом за батей — в сущности, ему было все равно, куда идти и что делать. Впрочем, пока они брели по лестницам-переходам-коридорам, Каграт все-таки снизошел до

невнятных пояснений:

— Скинули тут из пыточной одного «крысюка»... Его тамдохлым посчитали и к шаваргам отправили, да только, пока Радбуг с Ургышем этого трупака в подземелье тащили, Радбуг скумекал, что труп-то еще не совсем идохлый... Матерьальчик, понятное дело, совсем не ахти, ну да ладно — для первого раза вполне сойдет. Сюда шагай, на лестницу.

Какого трупака? В какое подземелье? К каким шаваргам? Гэдж понял чуть больше, чем совсем ничего. Какого-то бедолагу замучили в пыточной, но он оказался не настолько «дохлым», чтобы пойти на корм каким-то загадочным «шаваргам»? И какое отношение ко всему этому имеет он, Гэдж? Ему не хотелось об этом думать...

Дойдя до конца коридора, они спустились в подвалы.

Лестница, нырнувшая во тьму, ввинтилась в низкий, с необработанными стенами проход, освещаемый смоляными факелами. Он тянулся сквозь мрак, уходя куда-то в обширные подземелья, пробуравленные в глубине холма, на котором стоял Дол Гулдур: видимо, когда-то в этих извилистых штреках добывали камень, глину и известняк для строительства, а потом худо-бедно приспособили под склады и темницы... Коридор вывел Гэджа и Каграта в небольшое помещение (пещеру?), в центре которого темнело кольцо колодца; отсюда в разные стороны расходилось несколько коридоров поуже — однообразно гнетущих, тесных, душных, кишаших крысами и наполненных тяжелой ватной тишиной: в мерцающем и дрожащем от неведомого сквозняка свете факелов они рисовались бесформенными черными дырами в темноте. И вновь до ушей Гэджа донесся знакомый тоскливый вой, звучащий высоко над сводами тоннеля и на этот раз едва слышимый, но все равно нестерпимо жуткий, проникающий в каждую щель, в каждый закоулок этого мрачного, наводящего озноб подземельного мира — и вновь Гэджа с головы до ног обдало отвратительным липким страхом...

В подземелье остро пахло сырým камнем.

Каграт вынул из шандала подвернувшийся факел и, что-то глухо бормоча сквозь зубы, свернул в один из проходов. На полу поблескивали лужицы мутной воды, на стенах проступали зеленоватые пятна мха, по углам жались колонии полупрозрачных грибов-подземников. По обеим сторонам коридора тянулись ряды железных проржавевших решеток, за которыми скрывались тесные каменные мешки, почти совершенно пустые, если не считать ржавых цепей, крюков и колодок, кое-где вделанных в стены. Подняв факел повыше, Каграт бегло заглядывал в застенки направо и налево и вскоре, по-видимому, обнаружил то, что искал, пинком распахнул ржавую дверцу решетки, которая, как оказалось, была не заперта — и тут же, скрежетнув, гостеприимно распахнулась. Они вошли.

Гэдж растерянно огляделся.

Келья была маленькая и мрачная. Свет факела выхватил из темноты каменные стены, покрытые неизменными потеками, и клочок неровного осклизлого пола, где в темной луже поблескивал желтоватый человеческий череп. На нем восседала большая поджарая крыса и, нахально посверкивая глазками, невозмутимо чистила усы — казалось, нежданные посетители её ни на грош не смущают. В дальнем углу, возле стены, валялась куча тряпья... вернее, то, что Гэдж принял было за кучу тряпья — но тут же, приглядевшись, он заметил белеющие из-под грязных лохмотьев босые, искусанные крысами ноги, и понял, что на самом деле возле стены на голых камнях лежит человек... или, скорее, труп, потому что лежащий не подавал ни малейших признаков жизни. Каграт, видимо, пришел к такому же выводу и тихо выбрался сквозь зубы; он воткнул факел в шандал, подошел к лежащему,

потыкал его в бок носком сапога, потом наклонился, схватил его за колтун спутанных, слипшихся от грязи и крови длинных волос, и рывком повернул его лицо к свету.

И Гэдж, отшатнувшись, судорожно зажал руками рот, загоняя обратно в горло дикий, неумолимо рвущийся из легких крик ужаса.

Сизое, распухшее, страшное, покрытое бороздами ссадин и струпьями засохшей крови, это, несомненно, было лицо Гэндальфа.

— Вот те на... — пробормотал Каграт. — А Радбуг говорил — живехонек он... Чистый трупак! — Он досадливо крякнул и брезгливо швырнул волшебника на камни.

Но старый маг не был трупом, и из горла его вырвался слабый стон... или, скорее, едва слышный хрип, прерывистый, болезненный и жалкий. Каграт хмыкнул и быстро обернулся. Потом схватил Гэндальфа за руки и, как мешок, выволок его к свету, на середину застенка, несколькими рывками содрал с него остатки серой рубахи, обнажив тощее, исполосованное кровавыми рубцами тело, синее от холода и побоев, с нелепо торчащими полукружиями ребер, судорожно вздымающихся в такт неверному дыханию. Волшебник лежал совершенно покорно, безвольно, не пытаясь сопротивляться, не издавая ни звука — он пребывал то ли в полубеспамятстве, то ли в глубоком ступоре. Глаза его были полузакрыты, кровь запеклась на лице бурой коркой, руки и ноги дрожали и мелко подергивались, точно у параличного. Гэдж, полумертвый от потрясения и ужаса, был не в силах отвести от него взгляд; заткнув рот кулаком, он бездумно пятился все дальше и дальше, пока не уперся спиной во влажную каменную стену. Сердце его неистово выламывалось из груди, перед глазами плыла темная муть, его бросало то в жар, то в холод...

— Ну, ты, бледная немочь! — злобно рявкнул на него Каграт. — Че позеленел, крови боишься, что ли? Кисейный платочек дома забыл?

Это всего лишь крыса... — внезапно вспомнилось Гэджу.

Нет, крови он не боялся — просто теперь *знал*, для чего папаша привел его в это омерзительное место.

Каграт медленно отстегнул от пояса кнут. Взвесил его в руке: его лютые, тинисто-зеленые глазки въедались в Гэджа прицельно и неотрывно, прощупывали его до самых печенок, как острые стальные спицы.

— Слушай сюда, — деловито произнес он. — Наверно, не с этого надо было начинать — с котят, да с воробышков, чтоб ты головы им откручивал да живьем лопал... но, варг тебя задери, времени на ерунду нет! Доходягу этого видишь, а? Конечно, хотелось бы кого-нибудь поживее залучить, ну да ладно, для первого раза и этот сойдет... Так вот: его потому еще шаваргам не скормили, что я особо об этом попросил. Впрочем, сдастся мне, ты и впрямь окажешь ему услугу, если отправишь его душеньку к праотцам на поклон... Ты меня понял? — Он швырнул Гэджу кнут.

— Нет, — прошептал Гэдж. Он с трудом осознавал, что происходит вокруг, его оцепенелый разум, сокрушенный увиденным, напрочь отказывался что-либо воспринимать.

— Что нет? — с угрожающим спокойствием спросил Каграт.

— Я... не могу... нет... это... эт-то...

Глаза Каграта злобно сверкнули, но он сдержался — видимо, подозревал, что дело вряд ли пойдет без сучка без задоринки.

— Ладно, — он отрывисто сплюнул, — Радбуг меня предупреждал, что ты наверняка сопли распустишь и скулить возьмешься... Видно, зачин мне самому придется задать. — Он поднял кнут, ловко подбросил его в ладони, перехватил поудобнее и примерился. — Смотри

и вникай!

Он размахнулся и с молодецким хаканьем вытянул Гэндальфа кнутом по голой спине. Волшебник не вскрикнул — слабо захрипел, тело его изогнулось, на коже мгновенно вспухла еще одна багровая полоса, наливающаяся кровью.

— Понял? Теперь твоя очередь, — Каграт равнодушно бросил кнут Гэджу под ноги. — Только смотри, особо не усердствуй — с чувством надо дело делать, с толком, с расстановочкой. Зашел бы ты как-нибудь в пыточную, так Мёрд бы тебе показал, что к чему... и как подопытного обрабатывать следует, чтобы он про что его спрашивают, про то бы и отвечал. У них там всякие методы имеются — кипящим маслом, например, или шилом, или костоломкой... ну, а мы народ простой, в основном хлыстиком управляемся...

Гэдж не слышал. «Силы небесные, Гэндальф! — в ужасе думал он. — Что они с тобой сделали! Что они с тобой сделали! Что они с тобой...» Его будто заклинило, докучная мысль вертелась и вертелась в голове, не находя продолжения — точно муха, тупо бьющаяся в стекло. Черный, душный, ненавистный подземельный мир захлопнулся над ним безжалостно и безнадежно, словно хитрая ловушка.

— ...чего стал столбом?

— Ч-что? — Гэдж очнулся.

Каграт внимательно смотрел на него, его верхняя губа чуть подергивалась, приобнажая клыки; глухое отупение и оцепенение Гэджа раздражали его уже не на шутку.

— Бери кнут, — медленно произнес он.

— Нет, — Гэдж невольно вздрогнул.

— Я сказал — бери кнут. По-твоему, я тут для собственного удовольствия на тебя время трачу?! — Каграт вдруг резко шагнул вперед и отвесил Гэджу пощечину — коротко, зло; вся его крепкая, плотно сколоченная фигура дышала гневом и острой холодной ненавистью. — Последний раз спрашиваю: возьмешь ты в руки кнут, или нет?

— Не возьму, — процедил Гэдж. Щека его горела, будто клейменная раскаленным железом.

— Почему? — Каграт все еще пытался сохранять хладнокровие.

— Потому что. — Гэдж взглянул бате прямо в глаза — налитые кровью, хищные, сузившиеся, точно у разъяренной кошки. — Потому что я — не палач.

— Верно, — легко согласился Каграт, — не палач. Ты — драконий навоз. Дерьмо. Слякоть! С-сучонок, выблядок, нелепая ошибка природы! Позорище на мою голову! Да будешь ты когда-нибудь орком, или нет?! — Обезображенный яростью, Каграт стал по-настоящему страшен; бешенство его, долго сдерживаемое и оттого еще более сильное, наконец опрокинуло заслоны благоразумия, хлынуло наружу, будто гной из вскрывшегося нарыва. — Есть в тебе хоть что-то от меня, сопливая ты дрянь, или весь пошел в свою дуру-мамашу?!

Гэдж не успел увернуться: Каграт схватил его за волосы и швырнул к стене — так, что Гэдж едва сумел удержаться на ногах. Лапы Каграта тряслись от душившего его гнева, он судорожно, хрипло дышал, словно в припадке удушья.

— Ты... т-ты... Убью, сволочь! Собственными руками нарежу на куски и скормлю шаваргам... Будешь ты меня слушать, или нет? Будешь делать то, что тебе велят?

Гэдж был не в состоянии ответить. «Не буду! Не буду!» — вопило что-то внутри него, что-то темное, страшное, что-то, что родилось в нем поутру и теперь росло и крепло, заполняя все его существо, набухало в груди горячо и плотно, как болезненный чирей.

Он глухо, злобно зарычал. Бросился на Каграта снизу вверх, целя когтями в глаза, шипя, словно рассерженный кот, ничего не видя от слепой жгучей ярости...

В ухо ему прилетел удар кулаком.

Гэджа отшвырнуло к стене. Ему показалось, что ухо его превратилось в лепешку — боль была такая внезапная, пронзительная и жуткая, что у Гэджа на мгновение потемнело в глазах. В голове что-то со звоном лопнуло, из носа хлынула кровь... Наполовину оглушенный, он скорчился на полу, уверенный, что пришел его смертный час, что папаша сейчас даст волю своему исступлению и попросту прибьет его на месте, придушит голыми руками, ровно цыпленка — или наконец пустит в дело кнут...

Откуда-то из темноты коридора донеслись торопливые, шлепающие по лужам шаги.

Жалобно взвизгнули ржавые петли дверной решетки. Чей-то знакомый голос хрипло сказал:

— Хей, Каграт! Я так и знал, что найду тебя здесь. — На фоне решетки, освещаемая факелом, возникла угловатая фигура Радбуга. Он скользнул взглядом по Каграту, по тощей крысе, метнувшейся в угол, по скорчившемуся у стены Гэджу — беглым и безучастным взглядом случайного зеваки. — Дуй сейчас же наверх, тебя Визгун требует... срочно, сию же минуту!

Каграт взревел от бешенства и досады.

— Визгун?.. Л-леший! — Он с чувством пнул сапогом подвернувшийся череп, и тот мячиком улетел куда-то в темноту, хряпнул где-то там в ударе о стену. — Ладно, иду! — Сворачивая кнут, он испепелил Гэджа ненавидящим взглядом. — погоди, крысеньш, не думай, что легко отделался, наш разговор еще не закончен... Вернись — неукоснительно продолжим! Присмотришь за парнем, Радбуг?

— Не вопрос, — лениво отозвался Радбуг.

Вновь завизжала, залязгала, загремела дверца решетки, из коридора пахнуло знобким гнилым сквозняком. Гэдж по-прежнему сидел, съжившись под стеной, закрывая голову руками — ему казалось, что Каграт все так же стоит рядом, возвышается над ним, как неумолимый утес, готовый обрушиться на него и раздавить, словно букашку, навек похоронить в темном сыром подzemелье...

— Вставай, — буркнул Радбуг. — Он давно ушел.

Гэдж медленно поднял голову... Мир двоился, троился в его глазах, неторопливо покачивался, точно младенческая зыбка. Несчастное ухо распухало оладьей... Гэдж с трудом выпрямился, держась за стену — ноги у него подгибались, тело было обмякшее и непослушное, какое-то совершенно чужое. Из носа все еще текла кровь, и Гэдж прижал её рукавом грязной рубахи.

— Ну, ты идешь? — позвал из коридора голос Радбуга.

— Я... да. Иду, — прохрипел Гэдж, пытаюсь справиться с головокружением. Он никак не мог заставить себя обернуться и посмотреть назад, в пятно источника факелом неверного света — и лишь отчаянным усилием воли заставил себя бросить взгляд на распростертое на камнях безвольное тело. Гэндальф лежал в той же позе, в какой Каграт его отшвырнул, все такой же глухой ко всему и безжизненно-отстраненный; из его приоткрытого рта с хрипом вырывалось трудное рваное дыхание, а неподвижный, безучастный взор был бездумно устремлен в пространство — но Гэдж готов был поклясться, что воспаленные, измученные глаза мага плачут... Гэдж поспешно отвернулся — видеть это было невыносимо.

— Я... я вернусь, — пробормотал он. — Обещаю... я скоро вернусь... обязательно... — голос его пресекался.

Ответом ему был лишь донесшийся из темного угла злобный крысиный писк.

* * *

Обратную дорогу он почти не запомнил.

Вновь был темный сводчатый тоннель с рядами каменных келий по обеим сторонам, пещера с колодцем, мокрые щербатые ступени, плесень и мох, низкие, сложенные из кирпича арки-перемычки. Радбуг ушел немного вперед, и Гэдж тащился за ним следом, едва переставляя ноги; ухо его заполнил собой все пространство слева по коридору, из носа все еще капала кровь, и мерзко кружилась голова, которой за последние пару дней досталось изрядно. «Силы небесные, Гэндальф, — в смятении думал он, — как же так... что они с тобой сделали... я ведь так хотел на тебя рассчитывать... на твою поддержку, на твою надежную руку...» Нет, не у кого Гэджу было искать защиты, не на кого опереться, не у кого даже спросить совета — он остался один, совершенно один в этой мясорубке, в самом средоточии Тьмы, в черном сердце проклятого Замка, и отчаянию его, тоске и смертному ужасу не было границ...

Неожиданно Радбуг, шедший чуть впереди, остановился и обернулся, поджидая спутника.

— Слышь, парень.

Гэдж также сбавил шаг. Они уже почти подошли к лестнице, ведущей наверх, к казармам, и внезапная заминка выбила Гэджа из колеи его унылых мыслей, словно попавшийся на дороге ухаб.

— Слушай сюда, — негромко сказал Радбуг. — Через час я иду с обозом за хлебом на Мирквудский Тракт. Ты можешь спрятаться под рогожей в одной из пустых телег... я обещаю, что целым и невредимым выведу тебя за болота. Может быть, юго-запад — и не совсем нужное тебе направление, но, по крайней мере, ты окажешься за границей земель, подвластных Дол Гулдуру. Понял?

Гэдж молчал. Предложение свалилось на него неожиданно, точно рухнувшая поленница, и в очередной раз стукнуло чурбаком по затылку.

— Ты... ты это всерьез? — пробормотал он наконец.

— По-твоему, — спокойно спросил Радбуг, — я похож на орка, способного говорить о таких вещах не всерьез?

— Да, но...

— Что «но»?

Гэдж облизнул губы. Раз, и другой. Действительно, что «но»? — спросил он себя. Какое тут вообще может быть «но», болван?

В ухе у него стреляло.

— Я... не могу уйти, — выдавил он наконец едва слышно. — По крайней мере, не сейчас.

— Не можешь?

— Нет...

— Почему?

Под взглядом собеседника Гэджу стало нехорошо... Радбуг терпеливо ждал ответа,

внимательно смотрел на него светлыми серыми глазами, так не похожими на черные, зеленые, желтые глаза чистокровных орков. Радбуг вообще заметно отличался от остальных... редко сквернословил, почти не принимал участия в традиционных орочьих забавах, не задира́л *снаг*, не хватался за оружие по поводу и без. Эта «непохожесть», конечно, не служила ему добрую службу, но он как-то умел с этим справляться, успешно вписываясь в попойки, травить при случае забавные байки и даже имел в глазах сородичей некоторый вес: несмотря на его «выверты», его уважали за верность слову, сдержанность и здравомыслие — и все же подчеркнуто старались держать на некотором расстоянии. Он был с рождения мечен позорным клеймом — полукровка, без вины виноватый, — и не имел ни приятелей, ни закадычных дружков (за исключением, пожалуй, Каграта, но о том, что связывает этих двоих, Гэдж не знал и даже не пытался предполагать). Тем не менее спокойная рассудительность Радбуга и немногословие, граничащее с замкнутостью, странным образом располагали к себе и даже вселяли в Гэджа робкую надежду на то, что по крайней мере ему, Радбугу, можно довериться без опаски...

Гэджу отчаянно хотелось довериться хоть кому-то.

После недолгой паузы он сказал:

— У меня здесь... друг. И он... тяжело ранен. Он не выкарабкается, если я его сейчас брошу.

Где-то в глубине каменного лабиринта размеренно сочилась вода: кап... кап... На стене потрескивал смоляной факел, иногда начиная гневно трещать, коптить и разбрасывать искры, точно воображая себя неукротимым властелином света и грозой подземелий. Лицо Радбуга оставалось в тени.

— И это всё? — негромко, как будто даже недоверчиво спросил он.

Гэдж чувствовал себя полнейшим дурнем.

— Д-да...

— Подумай еще раз. Другой такой вероятности может и не представиться.

Гэдж молчал. «Гэндальф — труп, ему все равно уже ничем не поможешь, — яростно сказал он себе. — Да и что я сейчас, собственно, могу сделать? Я здесь сам — чужак и приبلудыш... презренный «глоб»! А Радбуг прав — другой возможности выбраться за болота может и не случиться...»

— Я... не могу, — едва слышно пробормотал он. — Извини.

Радбуг секунду помолчал. Покосился на покрасневшее гэджевское ухо. Потом отвернулся и — с досадой, показалось Гэджу — плюнул в кучку бледных худосочных грибов, съезжившихся в углу под стыком стен.

— Ну, как знаешь, — сказал он равнодушно. — Дело твоё.

Оставшийся путь они преодолели в молчании.

36. Обитатели подвалов

Каграта «дома» не оказалось. Вполне ожидаемо.

Не чуя под собой ног, Гэдж вошел в каморку, захлопнул дверь и устало прислонился к ней спиной.

Что мне делать, спрашивал он себя. Что мне теперь делать?!

Руки у него тряслись, он был так растерян и (чего уж скрывать) напуган, что никак не мог собраться с мыслями и решить, что нужно предпринять в первую очередь. Необходимо было раздобыть воду, еду, одеяла, бинты, корпию, снадобья... Где? Как? У кого? Как потом переправить все это в подземелье? Как сделать это достаточно незаметно? И как вообще безнадежно не запоздать с этой неумелой, неуклюжей и не слишком толковой помощью?

«Спокойнее, — внезапно сказал в его голове голос Сарумана. — Дыши глубже, дружище... действуй последовательно, как знатный лорд на званом обеде. Соблюдай очерёдность яств: первое, второе и третье... Первое — бульон: то, что поможет подготовить почву для дальнейших телодвижений. Второе — основное блюдо, мясное и сочное: то, что ты можешь сделать прямо сейчас. Третье — десерт, который хорошо бы употребить после хорошего жаркого, но можно оставить и напоследок. Во всем должна быть система».

Гэдж перевёл дух. Ему отчего-то мучительно захотелось есть.

Интересно, спросил он себя, есть ли здесь, в Замке, лекари, хоть какие-нибудь? Должны быть, ведь даже тут кому-то приходится пользоваться занедуживших людей, орков и скотину. Но где их искать? Да и кто согласится тратить ценные зелья и снадобья на какого-то полудохлого «крысюка»? Каграт упоминал о некоем непонятном «Шарки»...

Гэдж вытащил старое одеяло и какое-то заплатанное тряпье из неряшливого вороха овчин и шкур, брошенных на кагратову лежанку. Потом достал из-под лавки свою котомку, вынул из неё жестяную флягу. Рядом с сумкой, забившись в угол, лежало ещё кое-что, Гэджем уже позабытое — злосчастная берестяная торба с немейником... Серые цветочки увяли и слиплись в неряшливый ком, но, в конце концов, разобрать их и отделить никуда не годные растения от более-менее сохранившихся было несложно. В конце концов, почему бы и нет? — спросил себя Гэдж. На безрыбье, как известно, и рак сойдет за сома...

Для изготовления мази требовалась жировая основа.

К счастью, на столе отыскался принесенный Кагратом топленый жир. Гэдж торопливо выковырял из горшочка половину содержимого, положил его в жестяной котелок и поставил томиться над огнем. Угли в очаге еще слабо тлели под слоем золы, и раздуть их оказалось несложно — особенно после того, как Гэдж скрепя сердце подкормил нерешительный огонек остатками своей рукописи. Конечно, по-хорошему следовало бы залить цветки немейника спиртом и настаивать в темном месте хотя бы в течение десяти дней, а уже после изготавливать мазь, но у Гэджа не было на это времени, поэтому он просто порубил немейник ножом так мелко, как только мог, и высыпал получившийся порошок в котелок с растопленным жиром. Протомил смесь несколько минут на огне и растер получившееся зелье ложкой до более-менее однородного состояния. Перелил его в деревянную баночку. Вряд ли приходилось рассчитывать на особенную целительную силу получившейся мази, но это было все же лучше, чем совсем ничего.

Гэдж свернул старое одеяло в плотную скатку, сунул в сумку флягу с водой, маленькую

чашку, баночку с мазью и найденное тряпье и вышел из кагратовой конуры. Он помнил, что для того, чтобы попасть в подвалы, следует дойти до конца коридора, свернуть за угол и спуститься по сырой и узкой, с осыпающимися ступенями темной лестнице...

За углом, в конце коридора, его ждали. *Поджидали*, как глупого оленя на водопое.

— Куда это ты намылился, а? По подвалам шастаешь, глоб?

Глаза Рыжего злорадно поблескивали в сумрачном свете единственного торчащего на стене одинокого факела. За спиной Шаграха кучкой топтались знакомые Гэджу личности — Барыш, Рыбья Кость, маленький чернявый Уфтыр, еще кто-то угрюмый и явно не дружелюбно настроенный... Они не то чтобы решительно преграждали Гэджу путь к лестнице, но маячили на дороге таким образом, что ни миновать их, ни обойти не было никакой возможности.

— Посторонитесь, я тороплюсь, — хмуро буркнул Гэдж: ему сейчас было не до них и их глупых обидок. — Вы-то какого лешего тут торчите? Опять от одноухого нагоняй хотите получить?

— Нам, значит, нельзя по подземельям шариться, а тебе можно? — зловеще спросил Рыжий. — Особенный, да? Почто маленьких обижаешь, гад?

— Кого? — удивился Гэдж.

Рыжий ткнул пальцем куда-то себе за спину.

— Эй, Рыба! Угрожал он тебе топором, а?

Рыбья Кость нервно вздрогнул и растерянно заморгал — поочередно прикрывая то один глаз, то другой, точно некстати разбуженный кот. Он как будто не ожидал такого вопроса — и уж тем более не мог с разбегу определиться, следует ему отвечать «да» или «нет». И вообще казался скорее потерянным и напуганным, нежели жаждущим немедленной мести.

— Ну... он...

Гэдж крепко вцепился в скатку, которую держал в руках.

— Шуток не понимаете? Дайте пройти, — сказал он хрипло. — Мне действительно некогда... Потом разберемся.

Рыжий будто не слышал. Он поглядывал на Гэджа искоса, полуприкрыв глаза, с плохо скрытой брезгливостью, как на шелудивого пса. Его дружки как-то неспешно расползались по коридору, медленно подступая к Гэджу, окружая его, оттирая в угол — вроде бы лениво и неохотно, но вместе с тем неуклонно и угрожающе. Шаграх покручивал в пальцах тонкий кожаный ремешок.

— Поспешешь — народ насмешешь... Что это у тебя в сумке, глоб?

— А тебе какое дело? — глухо спросил Гэдж.

— Я тут главный... А ты, может, в поварне жрачку под шумок воруешь, а? Ну-ка покажи шмотник! — он быстро шагнул к Гэджу и схватил ремешок его котомки, намереваясь сдернуть её рывком.

И тут с Гэджем что-то произошло.

Он поднял руку и — резко, почти без замаха — врезал Рыжему ребром ладони по и без того унылому и приплюснутому, не то доставшемуся ему таким от природы, не то пострадавшему в неведомых стычках кривому носу.

Шаграх всхрюкнул и отшатнулся, и из горла его вырвался не яростный вопль, а, скорее, изумленный хрип. Он настолько не ожидал сопротивления и отпора, что даже не успел прикрыть свой многострадальный нос лапой.

Гэдж отскочил к стене. На него бросились — молча, со всех сторон разом, как стая

шакалов бросается на отбившуюся от отары глупую овцу.

Он сжал кулаки.

Что-то вдруг сдвинулось в его сознании, щелкнул ключик, открылась потайная дверца, выпускающая на волю нечто, до сих пор надежно спрятанное, крепко запертое в самом дальнем и глухом уголке его существа. Вот уроды! — в ярости, неожиданной для него самого, внезапно подумал он. — Скоты! Мерзкое палачье! Сначала они мучают крыс и щенков, а потом, когда станут сильнее и свирепее, станут мучить других — тех, кто попадет в их грязные лапы, тех, которые в жизни своей ни им, ни кому бы то ни было не сделали никакого зла! В Гэдже резко сжалась какая-то болезненная пружина... И тут же рывком развернулась — и миг не стало перед ним ни темного коридора с заплеванными стенами, ни потрескивающего факела, ни его сверстников, с которыми он еще вчера готов был подружиться, все разом исчезло, остался только мрак, и в этом мраке — жуткие и опасные твари, звери и нелюди, которым нет в мире места, с которыми надо биться люто и беспощадно, как бьются с самыми страшными и безжалостными врагами... И Гэдж, ни о чем больше не думая, отшвырнул свое барахло и очертя голову ринулся в битву.

Кажется, ни Рыжий, ни «щенки» не ожидали такого яростного нападения. Это не они всем скопом навалились на Гэджа — это он налетел на них, рыча низко и злобно, словно разъяренный медведь. Его душил дурной слепой гнев... Дикая, неуправляемая ярость огнем вспыхнула в его сердце, и развязала ему руки, и преобразила его самого в настоящего зверя — и он дрался, как зверь, ничего не видя перед собой, кроме этих искаженных не то злобой, не то ужасом орочьих физиономий. Разум его не участвовал в избиении — он рычал, как волк, и лупил направо и налево всех, до кого только мог дотянуться, силы его удвоились, утроились, удесятерились, он дрался и руками, и ногами, и зубами, если представлялась возможность, и всем, что подвернется под руку, сбил кого-то с ног и свернул кому-то челюсть, кусался и раздавал тумаки направо и налево; в захлестнувшей его волне гнева и ненависти он готов был порвать гадов голыми руками, перегрызть им глотки и втоптать в ту смрадную, исполненную скверны грязь, которая их породила... И «щенки» отступили, не выдержав такого неистового напора, растерявшись от неожиданности: их было пятеро против одного, но, как все шакалы, они на поверку оказались трусоваты, и связываться с обезумевшим чужаком, у которого внезапно напрочь сорвало крышу, посчитали делом пропавшим и неразумным.

— Бешеный! Да он бешеный, зуб даю! — испуганно хрипел кто-то. — Кусается...

— И пена изо рта...

— Весь в папашу...

— Кто-то идет... Чешем отсюда!

Раздался беспорядочный топот убегающих ног.

А потом резко наступила тишина.

Только мирно потрескивал факел на стене.

Гэдж очнулся — рывком, как от кошмарного сна. Поле боя на этот раз осталось за ним.

Он стоял возле стены, тяжело дыша, волосы его были растрепаны и торчали клочьями, рубаха оказалась изорвана, левое ухо вновь стремительно распухало, возомнив себя центром вселенной, на руке горел чей-то укус, костяшки пальцев были сбиты до крови... Он судорожно перевел дух. Пот лил с него градом, во рту ощущался солоноватый привкус, внутри все дрожало и сжималось от омерзения: силы небесные, да что с ним такое произошло? Неужели в нем действительно разыграло что-то кагратово — что-то орочье,

отвратительно злобное, подспудное, неуправляемое, что-то такое, что роднило его и с папашей, и с масляно ухмыляющимся Рраухуром, и с ватагой рыжего Шаграха, мучающей беззащитных крысят...

Гэдж провел рукой по лицу. Ладно. Не время было предаваться самокопанию и разбору извлеченных из недр его невеликой душонки груд пустой породы и отработанного шлака. Откуда-то из-за угла действительно доносились негромкие голоса и шаги, и Гэдж решил, что не стоит задерживаться, подобрал брошенную сумку и скатку с тряпьем, взвалил свое добро на плечи и решительно зашагал вперед — вниз по лестнице.

* * *

Унылый подземельный мир встретил его желтоватой обыденной одинаковостью.

Все здесь было желтоватым и одинаковым, одинаково-желтоватым: желтоватые камни тоннелей, желтоватый мох на стыках стен, свет факелов — мутный и желтовато-серый, как гной. Коридор шел прямо, никуда не сворачивая, и вскоре вывел Гэджа в пещеру, в центре которой находился колодец, и из которой в разные стороны расходилось множество тоннелей поуже и потемнее.

У стены грудой лежали заготовленные факелы, и Гэдж взял один из них, запалил его от масляного светильника, торчавшего на стене, осмотрелся. Он вдруг с неприятным холодком в груди понял, что не знает, в какой именно из этих тоннелей ему нужно идти. Направо? Налево? Два часа назад он просто безучастно тащился вслед за папашей, не запоминая дорогу и ни о чем особо не думая...

В первом коридоре, в который он заглянул, не нашлось ничего интересного — это был заброшенный полуобвалившийся штрек, где на полу громоздились груды битых камней, а на стенах цвели проплешины мха — и Гэдж вернулся назад, не пройдя вглубь и нескольких шагов. Следующий тоннель почти сразу круто пошел вниз и чуть дальше оказался затоплен мутной болотистой водой. Третий оказался куда более примечательным.

Им, видимо, пользовались достаточно часто, потому что пол был чист, стены кое-где имели следы недавнего ремонта, а впереди, в нескольких шагах за поворотом, горел масляный светильник, заключенный, как пленник, в железный каркас. В тоннеле стоял странный, неприятный запах — миазмы сырости смешивались с острым, каким-то звериным запахом мускуса и с неким сладковатым гнилостным душком, напоминающим смрад разлагающейся плоти. Им явственно тянуло спереди, из-за поворота, за которым мерцало дрожащее пламя светильника. Что бы там могло быть, спросил себя Гэдж — усыпальница, склеп, ледник... какое-то временное хранилище трупов, где их держат перед тем, как засыпать чохом в общей могиле? Ясно было, что он вновь ошибся коридором — но, томимый нездоровым любопытством, он все же прошел несколько шагов вперед и заглянул за поворот.

Перед ним открылась небольшая подземельная каверна с тянущимися вдоль стен каменными мешками-темницами. Мерцала лампа на стене, освещая небольшой пятючок пространства перед входом — но дальний конец пещеры тонул во мраке... Подземелье наполнилось смутными звуками: едва слышной возней, шорохами, поскребываниями, поскуливаниями. Темные, забранные решетками кельи в стенах явно не были необитаемы: глухое низкое рычание раздалось откуда-то справа, и Гэджа обдало острым запахом зверя — запахом крови, мочи, падали, свалывшейся шерсти. Какое-то существо сидело в каменном

мешке, прикованное к стене, и разглядывало прищельца красноватыми, поблескивающими в свете факела настороженными глазками.

Гэдж остановился, не в силах отвести от него взгляд. Что-то странное было в этом существе, что-то неуловимо ненормальное и *неправильное*, но что именно — Гэдж не мог понять.

Существо сидело на корточках в дальнем углу темницы, сгорбившись, распластав по полу длинные руки, как сидел бы усталый человек... но оно не было человеком. Оно не было ни орком, ни троллем, ни гномом, ни зверем, ни другим созданием дня либо ночи — это была какая-то причудливая тварь: дикий нелепый гибрид, скроенный в результате колдовских опытов и производящий впечатление чего-то намеренно изуродованного и *искаженного* — как будто некий безумец пытался вылепить на подвернувшемся материале новое, нужное ему для непонятных целей создание, а потом, разочаровавшись в полученном результате, небрежно отбросил творение в сторону, как неудачную заготовку. Гэдж увидел шишковатую, причудливых очертаний голову, широкий покатый лоб, удлиненную волчьей челюстью, деформированную когтистую не то лапу, не то *руку*, покрытую редкой серой шерстью. Глаза у существа были пронзительно-красные, прячущиеся подо лбом, мутные и хитроватые; во взгляде не было ничего человеческого, но и назвать его полностью звериным тоже было нельзя, ибо он выражал чувства, животным обычно не свойственные: не злобу — но ненависть, не тоску — но отчаяние, не безучастность — но осознание безысходности, некую неведомую внутреннюю боль, которая денно и нощно терзала это странное жуткое создание, вынужденное бесконечно прозябать в зловонном застенке, пол которого был сплошь покрыт нечистотами, потеками крови и обглоданными костями.

Гэдж невольно попятился. Тварь глухо заворчала, приобнажая желтоватые клыки. Она сидела на цепи и была отделена от Гэджа прочной железной решеткой, но ему все равно стало как-то не по себе... В памяти вдруг всплыло словечко, пару раз оброненное Кагратом: «шаварги». Кто они, эти шаварги — твари, выведенные искусственно, неким колдовским путем с применением темной магии и гнусной неведомой ворожбы? Кто их такими сделал, исказив саму сущность живой материи, как, и для чего, и что использовал в качестве *основы*? Почему этих созданий держат взаперти, подальше от случайных глаз? Они опасны? Могут ли они быть... разумными, хотя бы частично?

Где-то позади, за спиной Гэджа, за поворотом коридора раздались тяжелые шаркающие шаги и приглушенные голоса.

Гэдж торопливо огляделся. Спрятаться в этой подземельной каверне, плотно населённой шаваргами, было совершенно негде.

Он бросился вперед, дальше по проходу, в темноту, меж рядами зарешетченных застенков, чьи обитатели оживились и заволновались, почуяв присутствие чужака. Они метались в своих каменных клетках, повизгивая, подвывая и возбужденно взрыкивая, позвякивая цепями, скребя когтями каменный пол — все подземелье наполнилось рычанием и воем, словно помещение какого-то кошмарного зверинца чудовищ. Гэдж юркнул в попавшуюся на глаза каменную нишу — скорее, выемку в стене — затаился там, вжался в холодный камень, едва дыша.

Из-за поворота вышли двое уруков, тащивших в руках не то носилки, не то жестяное корыто, прикрытое сверху рогожей.

— А, леший! — проворчал один. — Воют, паскуды! Что-то эти твари сегодня разбуянились...

— Жрачку почували, — проворчал второй. — Давай поживее, Рагхаш, не нравится мне здесь...

Они остановились посреди коридора и опустили носилки на пол. Сдернули рогожу — корыто было наполнено окровавленными кусками мяса — и принялись, насаживая эти куски на длинные заостренные палки, торопливо проталкивать их сквозь решетки в обиталища шаваргов. Твари возбужденно рычали и рвались в цепях, жадно хватая добычу; вскоре в подземелье воцарилась относительная тишина, нарушаемая лишь хрустом костей, чавканьем, причмокиваниями и довольным утробным ворчанием. Орки выплеснули темный осадок, скопившийся на дне корыта, в ближайшую клетку и поспешно, не оглядываясь, утопали прочь.

Гэдж перевел дыхание. От мерзкого запаха тухлятины и несвежей крови его слегка подташнивало.

Он осторожно выглянул из своего убежища. Слева клубилась темнота — пещера здесь сужалась и уходила куда-то дальше во мрак, и оттуда тянуло чем-то холодным, неприятно-кисловатым. Справа продолжали свое смачное пиршество насыщающиеся шаварги. Прижимая скатку к груди, Гэдж торопливо пробежал мимо каменных клеток, стараясь не поднимать головы и смотреть только прямо перед собой — и все же краем глаза успел заметить шаварга, из пасти которого торчало что-то длинное и белое: не то большая кость, не то чья-то рука, которую тварь, прижав лапой к полу, сосредоточенно и методично пережевывала... Гэдж приказал себе не приглядываться.

Через полминуты он выскочил в пещеру с колодцем — и здесь наконец позволил себе остановиться и перевести дух.

Силы небесные!.. От всего увиденного у него подгибались ноги.

Жестяное корыто стояло возле стены в темной луже — видимо, прежде чем уйти, орки наспех ополоснули его водой из колодца. Тут же рядом Гэдж обнаружил большую, покрытую темными потеками плаху, в деревянную спину которой был воткнут топор — видимо, на этой плахе рубили... что? Мясо? Кости? Трупы? Прежде, чем раздать нарубленные куски обитателям подземелья?

Гэджа передернуло. Обитатели Дол Гулдура — люди, орки, снаги — умирают часто... и, может быть, мертвечину здесь не сжигают и не зарывают в землю, а пускают на корм этим мерзким тварям? Ну да, конечно, ничего удивительного, никаких отходов, в хорошем хозяйстве все пригодится, негоже пропадать такому добру...

Его мутило и шатало, и одновременно разбирал какой-то дурацкий, неуправляемый, истерический смех.

Он уронил под ноги скатку и несколько секунд стоял, опираясь руками о край колодца, пытаясь справиться с дурнотой и прийти в себя. Потом с размаху ударил себя кулаком по щеке.

Это помогло — мир перестал казаться сценой какого-то дурацкого ярмарочного балагана с обветшавшим реквизитом и бездарно переигрывающими измученными комедиантами. Мир вокруг него таким и был — нелепым, невозможным, уродливым, вывернутым наизнанку... Гэдж всхлипнул.

Зачерпнул горстью воды из стоявшего возле колодца ополовиненного ведра и плеснул в пылающее лицо. Потом поднял скатку и, вновь взвалив её на плечо, на ватных ногах отправился обследовать оставшиеся тоннели.

Нужный ему коридор оказался следующим.

Здесь все оставалось по-прежнему: лужи на полу, камень, темнота, застенки по обеим сторонам тоннеля, закрытые ржавыми, частью сорванными с петель решетками. Полдюжины тощих серых зверьков с раздраженным писком метнулись по темным углам, когда Гэдж вошел в знакомую келью — и посверкивали из темноты наглыми глазками, ожидая, когда пришелец уберется восвояси и даст им возможность вновь подобраться к оставленной добыче. Но Гэдж не уходил.

Некоторое время он стоял, глядя на простертого на камнях волшебника, глотая вставший поперек горла ком. Потом воткнул факел в шандал и, двигаясь, точно во сне, заставил себя склониться над бесчувственным магом.

— Гэндалф! Я... вернулся... Ты меня слышишь?

Волшебник не отвечал, равнодушно смотрел сквозь Гэджа безучастными, воспаленными, остановившимися глазами. Рука его была безжизненна и холодна, как лед. Неужели я опоздал? — в тоскливом ужасе спросил себя Гэдж. И зря отверг предложение Радбуга, зря упустил возможность спастись, зря своротил Рыжему нос, зря блуждал по этим проклятым, набитым мрачными тайнами подземельям...

От волнения он никак не мог нащупать пульс у волшебника на запястье.

Слабое биение жизни то появлялось, то исчезало... или Гэджу это просто казалось? Мерещилось в наплыве глупой надежды? Или пальцы его потеряли чувствительность? Или он был слишком неумел, слишком взвинчен и слишком напуган, чтобы собраться с духом и наконец принять неизбежное?

— Ну же... — прошептал он. — Ну же, очнись!

Гэндалф не слышал.

Гэдж в отчаянии схватил волшебника за грудки и затряс его, точно соломенный тюфяк. Ударил его ладонью по щеке — раз, и другой... Дрожащими пальцами вынул из сумки флягу с водой, зубами вытянул пробку и плеснул содержимое фляги Гэндалфу в лицо — зло, иступленно, так, что струйки воды потекли по всклокоченной гэндалфской бороде и тяжело закапали на пол.

— Очнись! Да очнись же, ну! Сейчас же! Я знаю, что ты жив!.. Я знаю!

Он готов был зарыдать от ужаса и отчаяния. Он больше не мог, никак не мог оставаться здесь совершенно *один*.

Гэндалф вздрогнул всем телом и сделал судорожный вдох.

Гэдж замер. Сердце его пропустило один удар.

Веки мага слабо затрепетали. Он медленно приходил в себя, выплывая из глубин забытья, как со дна глубокого омута; глаза его наконец ожили, в них замерцал слабый огонек и мелькнуло что-то *настоящее* и более-менее осмысленное. Но, по-видимому, от Гэндалфа требовалось немало усилий, чтобы в полной мере осознать, что происходит вокруг... Несколько раз он трудно, прерывисто вздохнул, потом что-то тихо пробормотал, но так невнятно и едва слышно, что Гэдж вынужден был наклониться к нему, чтобы разобрать слова.

— Что... кто... Кто здесь? — шептал волшебник; взгляд его, слегка диковатый, полубезумный, затуманенный болью, потерянно блуждал по келье, ничего как будто не замечая и ни на чем не задерживаясь, словно не находя достаточно надежную точку опоры.

Наконец остановился на Гэдже. — К-кто...

— Это я, — сказал Гэдж, сердце его готово было выскочить из груди. — Я. Гэдж. Ну, тот глупый орк, твой спутник... помнишь? Ты что, меня не узнаешь?

Он поймал себя на том, что стоит на коленях, крепко стиснув руки в кулаки, и когти — теперь он их не подпиливал — глубоко вонзились ему в ладони. Что, спросил он себя, если волшебник действительно ничего не помнит? Что, если, не выдержав пыток, несчастный старик и вовсе повредился в уме?!

— Гэдж, — пробормотал Гэндальф. — Гэдж. Гэдж. — Он закрыл глаза. Губы его задрожали: он вновь и вновь лихорадочно повторял это имя, твердил, словно странную магическую формулу... произносил её сосредоточенно и с усилием, точно это немудрящее заклинание необъяснимым образом позволяло ему вырваться из-под власти тьмы и вернуться обратно, к свету, к жизни, оставшейся где-то там, в недавнем прошлом, на солнечном берегу Андуйна. — Н-не... может быть. — Он повернул голову и посмотрел на Гэджа, недоверчиво шурясь, точно не был уверен, не призрак ли перед ним, не видение, не бесплотный морок. — Откуда... Что ты... здесь делаешь?

— Оттуда. А ты сам-то как думаешь? — грубовато ответил Гэдж; внутри него все тряслось не то от облегчения, не то от тревоги, не то от пережитого ужаса. — Это Шмыр, стервец, завел тебя в Башню, да? Вот мразь... Знал бы я, что все этим закончится, еще в Росгобеле выбил бы ему второй глаз!

— Шмыр, — прошептал Гэндальф. На лице его выразилось страдание. — Да. Да. — Секунду-другую помолчав, он судорожно, словно бы через силу глотнул. Вновь перевел взгляд на орка. — Шмыр, он... ты был прав... я не должен был... ему доверять. — Он стиснул зубы и как-то деревянно застыл, перемогая приступ боли. Попытался криво улыбнуться: — Но ты-то... Ты, Гэдж... Ты-то как сюда попал?

— По глупости, — проворчал Гэдж. Ему не хотелось об этом говорить. По крайней мере, не сейчас.

Он вдруг прислушался к себе и понял, что злится на мага — на его слабость, беспомощность, на дрожащие руки и рваный надтреснутый голос. Не таким он привык видеть Гэндальфа, совершенно не таким, и разглядеть сейчас в этом изломанном, перемолотом, вышвырнутом в застенок истерзанном старике былого решительного и самоуверенного волшебника было поистине делом нелегким...

Гэндальф молчал — он вновь смотрел в стену, как будто позабыв о присутствии собеседника, пребывая на тонкой грани между действительностью и бредом, между явью и забвением. Разум его блуждал путями дальними, окольными и таинственными, неизвестными для Гэджа.

— Он здесь.

— Кто? Шмыр?

— Нет. Он. Враг. Здесь, в Дол Гулдуре.

— Чей враг? — тупо спросил Гэдж. Гэндальф устало прикрыл глаза — ему было слишком трудно говорить, чтобы объяснять Гэджу вещи, которые, по-видимому, и без того были всем отлично известны.

— Его имя... Саурон, — волшебник прерывисто, тяжело дышал. Он по-прежнему не открывал глаз, но ладонь его неуверенно нащупала руку орка, слабо сжала его холодные напряжённые пальцы. — Гэдж... Тебе нужно вернуться... в Росгобел. И сказать... предупредить... что Саурон — здесь. Он вновь воплотился.

— Э-э... правда? — пробормотал Гэдж. Ему казалось, что Гэндальф бредит.

— Д-да... — волшебник коротко застонал. — Правда...

— И для тебя это важно?

— Важно... не только... для меня...

— Мы вместе вернемся, Гэндальф, — прохрипел Гэдж, и в глазах его странно, жгуче защипало, будто кто-то бросил в них горсть горячего песка. — Вместе. Вернемся.

Впрочем, он и сам с трудом в это верил.

Чуть дальше по коридору нашлась небольшая комнатка — видимо, бывшая караулка. По крайней мере, здесь было не так неприятно, как в темничных застенках, имелись широкие, пусть и слегка осклизлые от сырости лавки вдоль стен и массивный деревянный стол, стоявший у дальней стены, покрытый жирными пятнами и застывшими потеками воска. Кроме того, комнатка закрывалась тяжелой, окованной железом дверью, которая, хоть и была слегка перекошенной, но все же могла послужить преградой для рыщущих по пещерам голодных крыс.

На случай, если в подземелье вновь явится Каграт или кто-нибудь другой, еще менее чайанный и желанный, Гэдж решил укрыть волшебника там.

Он боялся, что вообще не сможет Гэндальфа поднять, но волшебник, худой и словно бы истаявший, оказался на удивление легким, высохшим, как пресловутая щепка — и Гэдж перенес его в караулку без особых усилий. Уложил на расстеленное на лавке одеяло, подsunул под голову свернутое в тючок тряпье, смазал раны и жуткие рубцы на теле мага снадобьем из немейника... Он не представлял, что он еще может сделать и чем помочь, есть ли у старика какие-то внутренние повреждения, и если есть — как их обнаружить и исцелить. Впрочем, то, что волшебник не умер на месте от всех этих неуклюжих гэджевских забот и хлопот, внушало некоторую надежду. Он то терял сознание и вновь начинал что-то бессвязно бормотать в полубытьи, то вновь приходил в себя, и тогда взгляд его, устремленный на Гэджа из-под полуприкрытых век, становился напряжённым и как будто виноватым, исполненным горького и неясного сожаления.

— Извини. Я тебя пугаю, Гэдж?

— Я просто, ну... не ожидал тебя увидеть, — честно признался Гэдж, — *таким*.

— Каким? Как раздавленная жерновами тряпичная кукла? — Гэндальф явно силился улыбнуться, но ему это никак не удавалось. — Не тревожься, запас прочности у меня побольше, чем у обычного человека... Что это за мазь?

— Немейник, — Гэдж замялся. — Радагаст ею... барсуков лечит.

— Ясно. То-то я тоже начинаю чувствовать себя барсуком... — поддерживать разговор волшебнику определенно было непросто, но мазь, кажется, действительно принесла ему облегчение, он слегка расслабился и уже не производил впечатление человека, готового вот-вот пересечь точку невозврата. — Дай мне воды...

Гэдж налил в деревянную кружку воды из фляги, и, поддерживая мага за плечи, дал ему напиток. Волшебник сделал пару долгих жадных глотков, перевел дух, посмотрел на Гэджа, на ссадины на его лбу, на рваную рубаху, на покрасневшее оттопыренное ухо.

— Что с тобой... произошло, Гэдж? Давно ты здесь?

— Не слишком, — пробурчал орк. — Пару дней, как забрел... в это болото.

— Ясно, — Гэндальф прикрыл глаза. — Ну и как... впечатления?

В голосе волшебника было что-то странное, тревожное, словно невысказанный вопрос, ответ на который он пока не нашел и который пытался спрятать за другим, куда менее важным. Гэдж облизнул губы — сухие и потрескавшиеся, будто покрытые старой высохшей краской.

— Я тоже тебя... пугаю? — мрачно спросил он. — Ты не знаешь, насколько теперь можешь мне доверять? Я изменился, да?

Гэндальф внимательно посмотрел на него.

— Изменился... немного. Но это... бывает, Гэдж. Люди... да и нелюди... меняются, знаешь ли, когда взрослеют.

Гэдж молчал. Он об этом не думал. Некогда ему было об этом думать.

Волшебник прерывисто вздохнул:

— Помнится мне, что ты давненько об этом мечтал... встретиться с сородичами, отыскать свое... место в жизни. Разве не так?

— Ну... может, и мечтал. Я просто не подозревал, что... — Гэдж запнулся. О чем он не подозревал? О том, что все в действительности окажется настолько паршивым и мерзким? Что все его глупые детские представления о жите-бытье его соплеменников окажутся сброшены с хрупкого пьедестала и вдребезги растоптаны их же, соплеменников, тяжелыми сапогами? *«Я просто не подозревал, что все это время был беспросветным дурнем»*, — вот как надо было эту фразу закончить.

— Мне нужно уходить, а то меня могут хватиться, — он кивком указал на догорающий факел. — Постараюсь отыскать еще одно одеяло и какой-нибудь еды.

— И свет, — пробормотал Гэндальф.

— Что?

— Раздобудь, если сумеешь, пару свечей. Очень уж тоскливо находиться тут... в темноте. Свет факела слишком ярк, его могут заметить из коридора. А волшебство... — Он секунду помолчал. — Не могу. Да мне бы и не хотелось, чтобы там, в Башне, пронюхали, что я жив.

— Хорошо, я принесу свечи, — Гэдж поднялся и взял догорающий факел. Но, прежде чем выйти из караулки, через плечо оглянулся на мага — тот все-таки сумел соорудить на прощание принужденную улыбку, странно жуткую и неуместную на его грязном измученном лице. И это почему-то резануло Гэджа по сердцу сильнее раскаленного ножа... Силы небесные, в ужасе подумал он, где же ты, Гэндальф, где, увижу ли я тебя когда-нибудь снова? Таким гнетущим, невыносимым был контраст между *тем*, бывшим Гэндальфом, оставшимся где-то на западном берегу Андуина, и этим — несчастным, больным, слабым и истерзанным до изнеможения стариком.

Он попытался улыбнуться в ответ — и не смог. Лицо его будто одеревенело. Сейчас ему было тоскливо и страшно, как никогда.

— Я скоро вернусь, — негромко повторил он и торопливо выскочил за порог.

* * *

— Ты где шляешься, урод? — Каграт стоял на верху лестницы, ведущей к казармам. — По подвалам без спроса шарисься, а?

— Крыс ловлю, — пробормотал Гэдж, — и головы им откручиваю.

У него отчего-то внезапно вновь заболело ухо.

— Да ну, правда? — Каграт смотрел подозрительно. — А рыжему нахалу Шаграху и его обалдуям ты по горбам накостилял, а? Ну, молодец, хвалю. Давно пора было эту шайку-лейку окоротить!

Гэдж пожал плечами. Так, значит, это Рыжий поспешил донести Каграту, что Гэдж тайком «шляется по подвалам»? Вот трепло!

Каграт, впрочем, не выглядел мрачным или недовольным, его мутные зелёные глазки

посверкивали не сердито, а скорее горделиво и удовлетворённо, с потаенным злорадным торжеством.

— Ладно, нечего грудь выпячивать... Иди работай, бездельник! Лоб здоровый, а толку, как от козла молока... Навязался на мою шею!

— Куда идти? — безучастно спросил Гэдж. — На дровяной склад?

Папаша поскреб пятерней подбородок.

— Не, у них там нынче простой, подвода с бревнами не пришла... Иди в прачечную, — Каграт ухмыльнулся. — Грязное шмотье стирать — как раз по тебе работенка!

Гэдж не стал спорить. Ему было все равно, куда идти — в прачечную, на дровяной склад, к балрогу на рога... Не глядя на папашу, он торопливо прошмыгнул мимо — но, прежде чем завернуть за угол, обернулся.

Каграт по-прежнему стоял на верху лестницы, уходящей во мрак, в подвал, и задумчиво смотрел на ныряющие в темноту щербатые ступени. На какой-то момент Гэджу стало не по себе... Что, если папаша сейчас вздумает спуститься вниз и проверить, чем там занимался его непокорный отпрыск? Конечно, вряд ли он вспомнит про оставшегося в подвале полудохлого «крысюка», вряд ли доберётся до дальнего коридора и караулки, вряд ли обнаружит волшебника, вряд ли вообще хоть что-то поймёт, и все же...

Впрочем, Каграт был далёк от подобных мыслей. Он всхрапнул, яростно размазал сапогом гриб-подземник, осмелившийся поднять неподалеку шляпку над полом, сплюнул на влажные ступени и решительно утопал куда-то в сторону казарм.

* * *

В прачечной в прямом смысле слова бурлила жизнь.

Кипела в огромных медных чанах вода, исходила горячим паром, плевалась обжигающими брызгами. Потные «крысюки», облаченные в фартуки из дерюги, деревянными веслами мешали варившееся в чанах вонючее шмотье, вытаскивали то один, то другой предмет одежды, наматывали его на палку и колотили по камням или терли о широкую шершавую поверхность покатога валуна. Все вокруг было влажным, горячим и злым, все кипело, бурлило, брызгалось и шпарилось направо-налево, и над всем этим непрерывным кипишем висел плотный угар щелока и мокрого тряпья. Закончив вываривать белье, «крысюки» переворачивали чаны и выплескивали их содержимое в деревянные желоба — и оно неторопливо стекало в облицованные камнем ванны с чистой водой, которая набиралась самотеком из близлежащей подземной речки. Белье полоскали и вытаскивали баграми, потом поднимали затвор плотины и сливали грязную воду в сточную канаву. Чистую (относительно) одежду наматывали на крестообразные столбики и туго выкручивали, чтобы отжать лишнюю воду.

«Сушилка» представляла собой множество веревок, натянутых в узком проходе от стены до стены или обвязанных вокруг врытых в землю жердей. Гэджу велели собрать высохшее шмотье в корзины, а потом развесить на освободившемся месте новую партию для просушки. Стирали здесь в основном нижнее белье, хотя порой попадались не то скатерти, не то простыни, не то покрывала; Гэдж подумал, что было бы неплохо стянуть парочку таких и пустить на носовые платки. Корзины с чистым бельем следовало отнести в гладильню, которая располагалась тут же, неподалеку, за ближайшим углом. Дождавшись, когда, как ему показалось, в его сторону никто не смотрит, Гэдж сунул за пазуху какую-то попавшуюся под

руку старую рубашу и, подхватив корзины, потащил их в указанную дверь, низкую и грубо сколоченную из горбыля, но зато распахнутую настежь и предусмотрительно подпертую камнем.

Гладильня оказалась помещением не слишком просторным, но светлым, с широкими, забранными коваными решетками окнами. Здесь работали темнокожие, черноволосые, плотно сбитые девахи, одетые не то в длинные рубахи без рукавов, не то в короткие платья странного покроя, сшитые словно бы из множества разрозненных лоскутов. Это были орчанки... Работницы расстилали чистые простыни и одежды на длинных столах и разглаживали их рубелем, со стуком катая круглый продолговатый валик туда-сюда. Одна сидела в уголке возле окна и пришивала к белью какие-то бирки, другая щипала ветошь, складывая корпию в холщовые мешочки, третья рвала на тряпки старые простыни, еще трое или четверо штопали чулки и ставили на штаны и рубахи серые заплаты, ловко орудуя большими иглами. Орчанки были молодые, крепкие, полногрудые, ладные и белозубые, и нелепые короткие платьица с глубокими вырезами на груди и на бёдрах практически не скрывали (да и не призваны были скрывать) заманчивой прелести их роскошных упругих тел. Гэджу прежде не доводилось воочию видеть местных красавиц, и он вдруг отчего-то смутился и затоптался на пороге...

Одна из швей подняла голову. Лицо у неё было скуластое, с чуть раскосыми зеленоватыми глазами и приплюснутым аккуратным носиком, а волосы оказались убранны в какой-то немислимый узел на затылке, в который были вплетены разноцветные ленты, длинные бусы из желудей и воткнуты пестрые птичьи перья.

— Ты чего, белье принес? Ставь сюда, — она мотнула головой, указывая куда-то в угол, и, поводя пальцем по нижней губе, посмотрела на Гэджа цепко и заинтересованно, словно бы оценивающе, как на незнакомый товар на базаре. — Ты откуда, а? Из «щенков»? Я тебя раньше вроде тут и не видывала.

Остальные тоже оставили работу, отложили шитье, прекратили стучать рубелями, разглядывая Гэджа, точно причудливую заморскую диковину — так, что ему окончательно стало не по себе. Одна из орчанок, высокая и узколицая, с медными кольцами в ушах и ожерельем на шее из странных желтовато-белых камушков, с безразличным видом пожалала плечами.

— А, этого сопляка Каграт откуда-то приволок. Говорит, вроде из наших...

Гэдж внезапно понял, что желтоватые «камушки» в ожерелье, висящем у неё на шее — вовсе никакие не камушки, а человеческие зубы.

— Из наших, из наших, — подтвердила другая, постарше, с крохотной золотой мушкой, вставленной в кожу над верхней губой. — Не из этих же, которые с Восточного двора.

— Ну да, по масти видать.

— Сын Шанары, полукровки той...

— Которая в горы сбежала? Вот дурёха!

Гэджа бросило в жар. Эти сплетницы, увешанные дикими украшениями, обсуждали его самого и его незатейливую жизнь так громко и беззастенчиво, словно Гэджа и вовсе тут не было. Та, у которой в причёску были воткнуты птичьи перья, задорно скалила зубки:

— До Кохаррана-то не дорос ещё, малец? Жаль... Я бы тебя выбрала.

Узколицая хихикала:

— Хащ, Вараха! А как же твой Мэйхур? Ты ему обещала... Он ждет поди, язык высунув.

— Ждёт, ждёт — подождет...

Орчанки смеялись. Плотноядно поглядывали на Гэджа.

— Ути, красавчик какой... Поди сюда, малыш, я тебя приласкаю.

Гэдж швырнул корзины с бельем в угол и убежал со всех ног — под настигающий его дружный разноголосый хохот.

* * *

Он все-таки сумел стянуть мешочек с корпией, которые были сложены в корзины возле двери, и охапку каких-то тряпок...

Этот долгий невыносимый день, полный событий, страхов, разочарований и неприятных встреч, наконец ни шатко ни валко подошел к концу. Гэдж вернулся в кагратову конуру, когда стемнело, во дворе Замка зажгли фонари, и на брусчатку легли неверные и колеблющиеся, будто украдкой перешептывающиеся друг с другом тени. На столе стоял котелок с теплой просяной кашей, Каграт хлебал варево азартно и со вкусом, громко фыркая, урча и причмокивая, время от времени с кошачьим тщанием облизывая ложку. Покосился на Гэджа неодобрительно:

— Давай харчись и ползи дрыхнуть! Завтра трудный день...

Гэдж не возражал.

Он едва волочил ноги от усталости, но все же не мог не сделать сегодня еще одного неотложного дела: нужно было обязательно навестить Гэндальфа, отнести в подземелье еду, воду, тряпье и свечи. Орка бросало в дрожь, когда он представлял, каково это — лежать там, внизу, в холоде и кромешном мраке, израненным и практически беспомощным, слыша лишь злобный писк рыщущих по подземелью голодных крыс... Дождавшись, когда папаша зароется в груды овчин и шкур и с присвистом захрапит, Гэдж, пытаясь не шуметь, поднялся с лавки, прихватил на столе кусок овсяной лепешки, жестяную миску и пару свечных огарков, сунул все добро в сумку, на дне которой еще болтались огрызки его рукописи и лежал в ножнах злосчастный голубоватый кинжал, и на цыпочках прокрался к выходу. Он старался двигаться тихо и бесшумно, как мышь, осторожно снял с двери железный крюк...

Каграт лениво заворочался на лежанке.

— Ты куда? — спросил он сонно. У него был слух, точно у совы.

— До нужника, — хрипло сказал Гэдж. Торопливо выскочил за порог и прикрыл за собой дверь.

Отбежав за угол, он оглянулся. Но позади все было тихо: коридор был пуст, никто не следил за Гэджем и не крался за ним следом, никто не желал узнать, куда это он намылился и где шляется по ночам; только откуда-то из-за стены крепости доносились размеренные ленивые шаги и унылая переключка часовых. Гэдж перевел дух и, вооружившись факелом, поспешно спустился по лестнице в подземелье.

* * *

— Кто здесь?

Голос волшебника звучал настороженно. Над головой его витал крохотный голубоватый огонек — мерцающий и тусклый, слабый, почти ничего не освещающий, как робкий занедуживший светлячок.

— Это я — Гэдж, — быстро сказал орк. — Ты... как тут?

Гэндальф перевёл дух, как показалось Гэджу, с облегчением. Худосочный огонек, мотылявшийся над его головой, и вовсе угас, бесследно истаяв в холодном мраке.

— Стены... давят. А так — ничего... Который час, дружище? Сейчас... день или ночь?

— Почти полночь.

В маленькой келье все оставалось по-прежнему. Волшебник лежал, съежившись на лавке клубочком и спрятав подмышки озябшие ладони. Тьма копилась в углах караулки, плотная, как слежавшаяся сажа, и свет факела с трудом отгонял её. Где-то не то под столом, не то возле стены что-то едва слышно возилось, шуршало и словно бы царапалось, поскребывая по камням крохотными острыми коготками.

Гэдж прислушался.

— Что это?

— Что?

— Как будто кто-то копошится за стенкой...

— Крысы, — пробормотал маг. — Их тут полно... в подземелье.

— На поверхности их еще больше, — пробурчал Гэдж. — Огромных и злобных. На двух ногах.

Он зажег одну из свечей и прилепил её к деревянной поверхности стола, остальные положил рядом — так, чтобы волшебник в случае нужды мог до них дотянуться. Гэндальф осторожно пошевелился, сдерживая стон, расправил руки и ноги, тяжело перекатился на спину, щурясь на свет, точно огромный дремлющий кот. перевёл взгляд на Гэджа. Лицо мага было осунувшимся и бледным, глаза лихорадочно поблескивали во мраке, отражая пламя свечи.

— Вижу, — негромко заметил он, — ты тут не слишком-то весело проводишь время, друг мой... Не по нраву тебе пришлось здешнее житье-бытье, э?

Гэдж поставил на стол баночку с немейником, медленно опустился на лавку рядом с волшебником. Уставился на свои ладони — они были грязные и загрубевшие, покрытые свежими набухшими мозолями. Что-то скребло и отчаянно царапало орка изнутри, точно загнанная в ловушку крыса.

— Ты был прав, — сказал он через силу.

— Я знаю, — спокойно произнес Гэндальф.

— И радуешься этому, да?

— Да, радуюсь, — со вздохом отозвался волшебник. — И был бы очень огорчён, если бы вдруг случилось как-то по-другому.

Гэдж с яростью ударил кулаком по поверхности стола — так, что подскочила стоявшая на нем жестяная миска.

— Силы небесные, Гэндальф! Я... я никогда не думал, что действительно буду стыдиться того, что я — орк! Что я — один из *этих*... Которые живут по своим звериным законам! Упиваются чужими страданиями и ни в грош не ставят чужую жизнь. Мучают крыс и жгут щенков. Носят ожерелья из человеческих зубов, где каждый зуб — очередная убитая жертва... И *гордятся* этим!

Он избегал смотреть на Гэндальфа — во взгляде волшебника было что-то, чего Гэдж не мог понять. Вялый вежливый интерес? Волнение? Беспокойство? Сочувствие?

— Гэдж... если бы судьба не вырвала тебя из родного племени и не забросила в Изенгард, то...

— Я был бы сейчас в точности таков, как они?

— По крайней мере, подобные обычаи не вызывали бы у тебя такого бурного отторжения.

Гэддж молчал. Он понимал, что Гэндальф с ним честен — в сущности, ничем он, Гэддж, от своих сородичей не отличается, и за свою «исключительность» ему следует благодарить не себя, не волю свою, не силу характера, не прочие качества — лишь чистую случайность, прихоть судьбы, позволившую ему избежать этой помойной ямы, не стать частью наполняющего её дерьма... Ему было неприятно об этом думать, да и к чему — все равно что лишний раз обсасывать пустую, безвкусную, давно обглоданную кость.

Гэндальф, полуприкрыв глаза, смотрел в стену.

— Твое фэа...

— Что? — Гэдджу показалось, что волшебник чихнул.

— Фэа, — повторил маг, — внутренняя сущность... то, что принято называть «душой». Когда-то Моргот, Черный Враг, извратил и изуродовал души эльфов, тёмной магией обращая их в орков... не думаю, что для тебя это тайна.

— Ты это к чему? — пробормотал Гэддж.

— Просто... кое-что хочу себе объяснить. Тогда, пятнадцать лет назад... оставив тебя в Ортханке, Саруман хотел выяснить, возможно ли это искаженное фэа восстановить и исцелить, хотя бы частично... Так вот. Я как-то спросил Сарумана, использовал ли он для этой цели, гм... магическое воздействие.

— Как Моргот?

— Ну... да. Только с противоположными целями.

— И что?

Гэндальф молчал, точно сомневаясь, стоит ли продолжать некстати затеянный разговор. Вокруг стояла тишина — тяжёлая, вязкая, всеобъемлющая, даже нудного крысиного царпанья за стенкой не было слышно. Из углов кельи равнодушно дышала холодом затхлая безжизненная Тьма, терпеливо ждала своего часа.

— Ну и? — хрипло спросил Гэддж. — Что он ответил?

Гэндальф слабо хмыкнул.

— Ничего определённого. Он сказал, что доброта и участие и сами по себе способны творить чудеса.

— Но ты ему не поверил.

— Я думаю, он все же немного... кривил душой.

Гэддж глотнул.

— Ты хочешь сказать, что оно, это... моё фэа... подправлено, ну... сарумановым чародейством?

— Я не знаю, Гэддж. Я только вижу, что ты... сопротивляешься, — голос волшебника совсем ослаб.

— Сопротивляюсь чему?

— Попыткам этого темного орочьего мира прогнать тебя под себя. В тебе куда больше сил, чем ты думаешь, друг мой. Дай мне... руку.

Секунду помедлив, Гэддж подал Гэндальфу руку, и волшебник сжал её в ладони — совсем легко, почти невесомо. Мягкое спокойное тепло родилось на кончиках пальцев Гэджа и струйкой побежало вверх по руке, к локтю и к плечу — и раздвинулись мрачные стены кельи, и даже потолок как будто стал выше, и Тьма, клубившаяся вокруг, слегка рассеялась, расползлась, осела где-то в узких сырых щелях, и обруч ужаса и тревоги,

сжимающий сердце Гэджа, вдруг перестал давить и душить, отпустил, слегка ослабил цепкую хватку...

Волшебник тяжело перевёл дух. На лбу его выступили бисеринки пота.

— Вот... так. Надеюсь, тебе это хоть немного поможет... Но тебе следует быть осторожнее, Гэдж. Оружие у тебя есть?

— Кинжал, — пробормотал Гэдж. Правда, помня о короткой распре с Шавахом, он все же предпочитал прятать оружие в сумке, а не носить на поясе, дабы не вводить в соблазн всяких вороватых и остроглазых, падких на добротные вещи личностей.

Гэндальф медленно кивнул.

— Хорошо. И все же, наверно, тебе не стоит приходить сюда слишком часто. Что-то мне подсказывает, что у тебя здесь не слишком много друзей... а некоторым персонам до тебя вполне может оказаться куда больший интерес, чем ты полагаешь. Тебя могут выследить...

— Да что с дурака возьмешь, — кто-то хрипло хохотнул у Гэджа за спиной. — Запоздал ты со своими советами, старый.

Позади закрипела дверь караулки.

Гэдж обернулся — и обомлел. Внутри него все как будто расплавилось...

На пороге стоял Каграт.

Он держал в руке масляную лампаду. Лицо орка оставалось в тени, но Гэдж знал, знал, что где-то там, под крепким широким лбом, под злобно сузившимися зеленоватыми глазками прячется свирепая, победная, торжествующая усмешка.

Тепло пропало, свет померк, темнота вновь вывалилась изо всех углов и обступила Гэджа со всех сторон, и сердце его замерло, застыло в холодной мертвой тоске. Он сидел, словно прибитый к лавке, и мысли метались в его голове растерянно и беспорядочно, как дюжина перепуганных куриц.

Гэндальф с коротким стоном приподнялся на локте, тяжело привалился плечом к стене. Каграт, пинком распахнув дверь, вошел в караулку, осветив лампадой низкое угрюмое помещение, по-хозяйски шагнул к волшебнику и рывком сдернул с него старое одеяло.

— То-то я думаю, куда это моё шмотье подевалось, а оно эвон куда, в подвалы убежало! — Орк поднёс лампаду к лицу Гэндальфа, внимательно присматриваясь к волшебнику, и, окинув его взглядом с головы до ног, мрачно ощерился. — Знакомое рыльце, где-то я тебя видел... Это ты, что ли, пададь, а?

— Не трогай его! — Гэдж вскочил. Губы у него онемели.

— Заткнись! Я с тобой потом поговорю, глоб! — в горле Каграта перекатывался глухой яростный рык. — Я уж думал, ты и впрямь мышей по подвалам ловишь и живьём их лопаешь, а ты... «крысюков» тут пользуешь, с-сука! — Он схватил лапой Гэджа за подбородок и так сжал, что, показалось Гэджу, у него затрещала челюсть. — Дурь-то я из тебя выбивал-выбивал, да, видать, плохо выбил, много её в тебе, дури-то, так и прёт со всех дыр!

— Оставь его, — негромко, очень спокойно сказал Гэндальф за его спиной. — Будь ты хоть чуточку поумнее, орк, ты радовался бы тому, что этот парень совсем на вас не похож.

Каграт как будто удивился.

— Ты ещё тут что-то вякаешь, пададь? Да я тебя щас живьём на котлеты нарублю и шаваргам пирушку устрою... Старая сволочь!

Оттолкнув Гэджа, он повернулся к Гэндальфу, склонился над ним и сгреб его за бороду

— но в тот же миг, непостижимым образом изловчившись, волшебник привскочил и быстро набросил на голову орка край злополучного одеяла. Каграт глухо взревел: волшебник повис на нем всем телом, пытаясь спеленать противника в кулёк и опрокинуть на пол.

— Гэдж! Бей его камнем по заливку! Живее!

Куда там! Волшебник был ранен, болен и слишком слаб — во всех смыслах, и долго удерживать здорового орка ему было не под силу... В мгновение ока Каграт освободился от захвата, сбросил одеяло и отшвырнул Гэндальфа к стене: затылок волшебника ударился о камень с отчетливым хряскающим звуком, и маг бессильно сполз по стене на пол, уронил голову на грудь — лишившийся чувств? Оглушенный? Мертвый?

— Т-ты... Ты! Не смей!.. — прохрипел Гэдж. Горло его сжалось от мгновенной боли. Тьма во весь рост встала перед его взором и поглотила его; не камень — кинжал, извлеченный из сумки, уже был в его ладони и, не помня себя от гнева и горя, он бросился на папашу, замахаясь на него оружием, рыдая от бешенства. — Мразь! Проклятый убийца!

— Гнида! — эхом отозвался Каграт. Он перехватил руку Гэджа и рывком заломил её за спину, так круто и резко, что у Гэджа потемнело в глазах. Кинжал вывалился из его ослабевшей ладони, и, слабо звякнув, упал на пол. — На родного отца руку поднимаешь, гаденыш?

Он пинком отшвырнул оружие прочь, и кинжал с тонким звоном ударился о камни где-то в темном углу.

— Ты мне не отец! — задыхаясь, прохрипел Гэдж. — Ненавижу тебя, с-скотина!

Он поперхнулся словами; раздался звонкий шлепок пощечины, в глазах его мгновенно вспыхнула и погасла россыпь разноцветных искр. Каграт стиснул лапицей его горло, вжал в стену, в холодный камень, с тихим рычанием приблизил к нему страшное, темное, набухшее яростью лицо.

— Ах вот, значит, как? Не отец? От родного бати отрешиваешься, выползень? — в уголках его рта копилась, пузырилась изжелта-серая пена. — Ножичком на меня замазываешься, дрянь? Ну так я тебя щас придушу, гаденыш. Я дурак, палкой по голове битый, со мной шутки плохи... Раздавлю тебя, как клопа — с размаху, чтоб брызги по стенам! Заболелся, а?

— Нет! — отчаянно, дерзко ответил Гэдж. Ему было все равно... В сердце его не осталось места для страха. Глаза папаши были стылые, пустые, остекленевшие, словно глаза мертвеца — а стоило ли бояться покойника, пусть даже стоящего на ногах и брызжущего от ярости слюной, а на самом деле — не несущего в себе ничего, кроме праха и тлена? Его следовало презирать...

Каграту, конечно, были невдомек подобные выводы, он никогда не трудился понять, что творится в мятежной душе строптивного сына, но настроение Гэджа от него не укрылось. В мутных кагратовых глазках что-то мелькнуло — и, закинув голову, орк вдруг захохотал: торжествующе, шумно, являя миру по-волчьи крепкие желтоватые клыки, прореженные в каких-то давних позабытых баталиях.

— А ты, — выцедил он сквозь смех, — я вижу, не совсем безнадежен, крысеныш, есть в тебе что-то от меня, есть, недаром я тебя сюда притащил! Ну, ну, давай, рычи на меня, щенок, поскаль зубы, докажи, что ты действительно орк, а не вонючий подвальный червь! Ну, давай! — Он опять захохотал, но тут же резко оборвал смех. По-прежнему крепко держа Гэджа за горло, выволок его из тесной кельи в коридор и швырнул к стене, прижал затылком к холодному камню; сквозь его стиснутые зубы прорвалось короткое хищное рычание. —

Значит, брыкаться вздумал, да? С вонючим «крысюком» спелся и родного отца теперь в грош не ставишь? Зазнался, мудрила паршивый? Ну, ничего, это бывает от избытка чистоплюйства — обломаю, не таких обламывал... Рычать и кусаться, я вижу, ты умеешь — а уж на брюхе ползать и сапоги лизать научим, дело нехитрое... Будешь мне сапоги лизать, тварь?

— Да пошел ты! — прохрипел Гэдж. Он изловчился и плюнул в папашу, никуда особо не целясь — но попал не в бровь, а в глаз... Орк с проклятием отпрянул, утирая лицо, схватил сына за волосы и ударом сапога сбил с ног. Прежде, чем Гэдж успел прийти в себя и подняться, Каграт схватился за кнут.

Орк привык, что ему подчиняются беспрекословно. Он все-таки был какой-никакой вожак, под началом у него находилось ни много, ни мало — сотня, а когда-нибудь, баловал он себя незатейливыми мечтами, и до полутысячи дослужимся... почему бы и нет? Среди сородичей он был в авторитете, с ним считались, его боялись... открытое презрение и ненависть к своей персоне он давил на корню, не терпел непокорности, не ждал сопротивления, не чаял получить отпор — и от кого? От какого-то сопляка, приبلудного змееныша, пригретого на груди — его собственной плоти и крови, порченной проклятой заумью и чистоплюйством! Прочитать наглеца... обломать норовистого крысеныша, задать ему жару, заставить если уж не лизать сапоги, так хотя бы пасть на колени... Каграт знал для этого не одно верное средство. Он дал волю своей ярости: она тяжело вздымалась из трясин его взбаламученной души, взбухшая и уродливая, словно утопленник из болота.

Глаза его застила кровавая пелена.

Рот наполнился вязкой, тягучей слюной с привкусом крови от прокушенной в бешенстве губы. Тьма поднялась, и окрепла, и встала за его плечом; Каграт впал в иступление, подобное иступлению воина, плотнувшего перед битвой чарочку «напитка бесстрашия». Рука его, нанося удары, поднималась и опускалась равномерно, как цеп на молотье, она не принадлежала ему, она была частью чего-то, клубящегося за его спиной и чуждого всем и всяческим переживаниям и глупым чувствам. Посвистывал рассекаемый кнутом воздух... Орк готов был разделать непокорного щенка в хлам, растерзать в клочья, раздавить, как букашку, и размазать по стенам... и немало времени прошло, прежде чем в нем наконец забрезжил проблеск рассудка, мутная пелена перед глазами слегка рассеялась, и самоуправная рука дрогнула...

Тяжело дыша, Каграт опустил кнут: шлея из воловьей кожи была мокрой от крови. Мальчишка лежал возле стены — неподвижный и обмертвелый, на его изорванной в клочья засаленной рубахе расплывались темные пятна. Каграт прерывисто перевел дух; лицо его пылало, ладони были липкими от пота, он сплюнул, по-прежнему ощущая во рту отвратительный металлический привкус...

Утер рукавом лицо. Со свистом втянул воздух сквозь зубы.

Не то, чтобы он сожалел о содеянном, но... какого лешего на него *так накатило*?

Он прислушался. Его внезапно что-то насторожило... какой-то невнятный, донесшийся из темноты едва слышный звук...

Что-то негромко не то стукнуло, не то брякнуло, не то упало — там, позади, в крохотной келье-караулке, где остался этот вшивый грязный старик. И вновь наступила тишина... Дверь в караулку по-прежнему была слегка приоткрыта, и Каграт, подойдя, осторожно заглянул внутрь. Все здесь было по-прежнему: лавки вдоль стен, одеяло, валяющееся на полу, деревянный стол, на котором ещё стояла горящая лампада, старик...

Где этот проклятый доходяга? Он лежал вот тут, под стеной, бледный, хладный и недвижимый, с разmozженным черепом...

А теперь — не лежит.

Келья была пуста. Совсем.

Старикан исчез. Провалился сквозь землю.

На мгновение Каграт застыл в замешательстве.

Где-то в темном углу вновь зашуршала крыса — и орк осветил туда лампадой... Никого. Голая, крепкая стена, молчаливый, вечно хранящий неведомые тайны холодный камень... Вновь едва слышный шорох — за стеной? В стене? Где? Каграт попятился.

За годы, проведенные в Крепости, орк твердо усвоил одно немудреное правило: хочешь быть живым и здоровым — не суй нос в тайны темных подземелий: тот, кто слишком много знает, как правило, долго не живет. В Замке частенько происходят вещи причудливые, необъяснимые и пугающие, об истинной подоплеке которых ведомо лишь визгунам и *Самому*, происходят исчезновения странные и таинственные... и Каграту вовсе не улыбалось оказаться следующим бедолагой, без вести пропавшим на ровном месте. Да провались он к лешему, этот паршивый старик!

В затылок орка словно ввинчивался чей-то пристальный, недобрый, насмешливый взгляд.

Каграт сдержанно ругнулся. Взял лампаду и попятился вон из караулки, опасливо оглядываясь, потом шагнул к бесчувственному мальчишке и, взвалив его на плечи, как тюк со старым тряпьем, торопливо, чуть ли не на цыпочках поспешил прочь...

38. Шарки

Гэдж лежал на теплом, нагретом солнцем мелком речном песке и смотрел в высокое, покрытое легкими облачками голубое небо. Где-то резко покрикивала чайка, уютно потрескивал костерок, гулял, трогая листву, ветерок в кронах деревьев, с тихим плеском набегали на берег волны...

Вокруг царили покой и умиротворение — но на груди орка, ухмыляясь, злобным осьминогом сидела колючая, хваткая и многорукая Боль. Стоило Гэджу пошевелиться, как она обвивала его с головы до ног длинными щупальцами, всеохватывающими и жгучими, точно крапива, запускала коготки в каждую косточку, прощупывала каждую жилку — жадная и вьедливая, как всякий паразит, высасывающий из жертвы жизненные силы.

Гэдж застонал. Он был слишком разбит и обессилен, чтобы вырваться из цепких лап этого прожорливого чудовища.

— Несчастный ты мой звереныш... Ну и досталось тебе...

Чья-то прохладная ладонь легла на лоб. Голос...

Знакомый голос. Глубокий, звучный, исполненный мягкого ласкового спокойствия... где Гэдж мог его слышать? Орк вновь погружался в забытие, плыл в океане горячего марева, блуждал в бреду по бесконечному коридору, по каким-то сырým подвалам, выходил из тьмы к свету и возвращался обратно во тьму... и мерцали вокруг горящие факелы, и плясали язычки огня, и прыгали по стенам желтоватые блики... и окружали Гэджа чьи-то злобные рожи... и холод... и темнота... и ночь...

Наконец пришёл рассвет.

Гэдж дрожал, как котенок. Веки его были тяжелы, точно куски сырой глины, и он разлепил их с трудом; перед глазами все двоилось, троилось, неторопливо кружилось, покачиваясь, точно после чарки доброй крыжовенной браги.

Он вовсе не прохлаждался на вольном солнечном берегу реки и не бродил по зловещим подземельям — а лежал на широкой низкой лавке в какой-то душной комнатёнке, слабый и взмокший, укрытый теплым одеялом. Пахло дымом, пшенной кашей, сухими травами... Над головой Гэджа нависал темный каменный потолок, стены комнатки — тоже темные и каменные — были обшиты деревянными панелями, темный каменный пол тускло посверкивал, вытертый до блеска. Зауток отделялся от остального помещения простенькой занавесью, но сейчас занавесь была наполовину отдернута, и Гэдж мог видеть притулившуюся неподалеку кирпичную печурку: на ней что-то кипело, уютно побулькивая, рядом на полу высилась горка поленьев и щепы. Многочисленные полки, шкафчики и длинные столы, стоявшие вдоль стен, были заставлены несметным количеством всевозможной утвари: склянок, сосудов, жестянок, бутылей, плошек, посуды и прочих ёмкостей, а вот с потолка свисала разве что косичка лука, да кастрюля с пробитым днищем, да какое-то сохнувшее над печуркой шмотье, да связки высушенных кореньев и трав, от терпкого пряного аромата которых, наполняющего каморку, щекотало в носу.

Сквозь туман, стоящий перед глазами, Гэдж с трудом различал склонившегося над печуркой человека: сухопарую, смутно знакомую, закутанную в серый балахон фигуру. Узкое худое лицо, впалые щеки, острый нос с приметной горбинкой, длинные седые волосы, перехваченные на затылке шнурком... Сквозь жаркую липкую марь полузабытья орку уже ничто не казалось невероятным.

Это не могло быть правдой — никак не могло. Но как же Гэджу хотелось, чтобы хоть на миг, хоть на секунду его смутное, но оттого не менее пламенное желание оказалось не болезненным видением и не пустым лихорадочным бредом, а самой что ни на есть осязаемой и живой действительностью!

— Саруман... — прошептал он.

Голос его был слаб и неуверенн, но все же тот, кому он предназначался, услышал его — обернулся, знакомым жестом одернул полу одеяния, быстро шагнул к Гэджу. Орк попытался приподняться, сосредоточиться и отогнать дурноту — но куда там! Перед глазами его вновь все поплыло, закружилось, пустилось в пляс — и унеслось прочь в мерцании разноцветных огней.

***

— Значит, ты теперь в лекари тут подался? И тебя зовут Шарки? Я уже и не верил, что вновь когда-нибудь тебя увижу...

...Они сидели возле горячего кирпичного бока печурки, окутанные зыбким недолговечным теплом. Снаружи шумел проливной, уже по-осеннему холодный ливень, капала с карниза вода, где-то в углу за корзинами с ветошью и тряпьем шуршали мыши. Саруман, пощелкивая ножницами и время от времени поглядывая в начищенное до блеска медное блюдо, подравнивал и приводил в порядок всклокоченную бороду, которая за время его невольных странствий поистрепалась изрядно. Гэдж, укутанный колючим шерстяным одеялом, наблюдал за ним, склонив голову к плечу, улыбаясь блаженно-бездумной ухмылкой деревенского дурачка, которая никак, несмотря на все старания, не желала покидать его лица. А ведь радоваться-то нечему, одергивал он себя, не ликовать сейчас надо, а рыдать горячими слезами и посыпать голову золой из печурки — ведь это из-за его, гэджевского, упрямства и дурацкой жажды приключений Саруман оказался в этом проклятом месте... Но Гэдж ничего не мог с собой поделать. Глупый щенячий восторг переполнял его до краев: словно яркий солнечный луч нежданно-негаданно проглянул для него сквозь беспросветный покров грозовой круговерти, озарил все вокруг золотистым сиянием и заставил Гэджа чувствовать себя хмельным от счастья... Странно было видеть Белого мага здесь, на задворках Замка, странно было видеть его *таким* — еще более исхудалым и жилистым, облаченным не в шелка и бархат, а в грубое полотно, лишенным былого лоска — но отнюдь не былой самоуверенности; странно было видеть его тонкие и ловкие, когда-то ухоженные, не знающие черной работы руки загрубелыми и покрытыми ссадинами, побуревшими от солнца. Впрочем, сам Саруман как будто не особенно кручинился по этому поводу, на губах его мерцала знакомая Гэджу едва уловимая улыбка, а приметливые чёрные глаза посверкивали прежним азартом и холодноватой насмешливой хитрецей.

— Отчего же не верил? — посмеиваясь, он аккуратно расчесывал бороду частым костяным гребнем, бережно пропуская сквозь пальцы пушистые пряди. — В жизни всегда найдется место для чуда, Гэдж... Или ты в последнее время порядком повытряс свою неуёмную веру в волшебство?

— Мне, — пробормотал Гэдж, — повытрясли. Кнутом из воловьей кожи. А вообще-то... зря.

— Что зря?

— Зря я ушел из Изенгарда. Ты был прав, Саруман.

Белый маг смотрел на орка, чуть склонив голову к плечу, и во взгляде его сквозили не укор и не осуждение — скорее горькое понимание и легкая усталая печаль.

— Что ж, я знал, что рано или поздно ты уйдешь... но надеялся, что это случится скорее поздно, когда ты будешь к этому худо-бедно подготовлен. Тогда крушение былых представлений о мире прошло бы для тебя более... безболезненно. Впрочем, — он хмыкнул, — хорошо, что ты избавился от своих нездоровых заблуждений. Отсечение загнивающей конечности в большинстве случаев ведет к выздоровлению больного.

— Но это не значит, — заметил Гэдж, — что без этой «отсеченной конечности» жизнь бедняги улучшится и упростится... Отсечение — вовсе не способ врачевательства.

— Нет. Это — последний шанс спасти умирающего.

Гэдж молчал. Смотрел, как по краю стола ползет муравей, тащит на себе хлебную крошку — таких размеров, что по сравнению с самим муравьем она представлялась настоящей громадой. Орк по-прежнему чувствовал себя неважно — не потому, что мутилось в голове, ломило тело и саднили затягивавшиеся рубцы. Ему казалось, что он, как этот безвестный трудяга, тянет на хребте огромную ношу, в десятки раз превышающую его весом — и она, вольготно расположившись у него на плечах, давит, давит, давит...

Весь ужас, все несчастья и горькие воспоминания последних дней лежали на душе Гэджа этим гнетущим, пригибающим его к земле тяжким грузом. И избавиться от него орк не мог, мерзкое это бремя угнездилось не на спине его, не на загривке, не на плечах — прямоком в сердце.

— Ты был... там? — пробормотал он, в волнении сжимая в ладонях край одеяла. — Ну... в том подвале?

Саруман оглянулся на него:

— О котором ты бормотал тут в бреду?

— Это был не бред, — пробурчал Гэдж.

Шарки пожал плечами.

— Гэндальфа я там, по крайней мере, не нашел. Если ты об этом.

Гэдж облизнул губы.

— Ты уверен, что это был именно *тот* подвал?

— Уверен. В той караулке все осталось так, как ты мне и рассказывал, я отыскал её по твоему описанию. Одеяло так и валялось на полу, и крысы ещё не успели обглодать свечные огарки. Но Гэндальфа я там не обнаружил — ни живого, ни мертвого... Ни там, ни где-либо поблизости.

— Ясно, — пробормотал Гэдж. В горле его стоял ком. Целый комище.

Впрочем, чего ещё следовало ожидать?

«Я тебя *щас* на котлеты нарублю, и шаваргам пирушку устрою», — сказал тогда Каграт. Что, если орк на самом деле осуществил свое намерение? Ведь наверняка осуществил... В последний раз, когда Гэдж видел Гэндальфа, волшебник лежал возле стены с пробитой головой, не то бесчувственный, не то мертвый, и о том, что с ним случилось после, знал, наверно, только мерзавец Каграт. И вряд ли хотел бы этим знанием с кем-нибудь поделиться.

А ведь это я во всем виноват, с горечью и отчаянием думал Гэдж, это я, дурак, по собственной глупости и неосторожности привел за собой в подвал пронырливого папашу. Я виноват в том, что скотина Каграт нашел Гэндальфа, я виноват в том, что Саруман оказался в Замке, и даже в том, что Гарх бесследно сгинул где-то в долине Черноречья, выполняя

саруманово поручение — тоже виноват я! Я — самонадеянный осел и распоследний безмозглый дурень, приносящий всем лишь беды, горести и несчастья. Лучше бы я сдох во младенчестве... или в тот день, когда меня укусила змея — насколько у всех оказалось бы меньше хлопот и головной боли.

Эта мысль колола его остро и мучительно, будто шилом.

— Все, что свершается в этом мире — свершается во славу Творца, — с непонятной интонацией произнес Саруман. Он отложил гребень и ножницы, поднялся и, приоткрыв ставень, выглянул в окно. Там сыпал тяжелыми хлесткими струями ливень, собирался в лужи на мостовой, струился потоками по желобам, пытался умыть серые стены, отчистить закрытые ставни, унести с собой в сточные канавы всю насквозь пропитывающую Замок грязь и липкую скверну — но отмыть Крепость от вьевшихся в её каменную шкуру мерзости, паскудства и черноты было не под силу даже самому бурному и проливному дождю.

— А что, по-твоему, случилось с Гархом? — помолчав, едва слышно спросил Гэдж. — Ты думаешь, что он действительно не добрался до Лориэна?

— Не знаю, Гэдж. Видимо, не добрался.

Гэдж поежился. Когда-то он — смешно! — терпеть не мог старого ворона за излишнюю склонность к нудным поучениям и неуместным наставлениям. Ему было невдомек, что бедняга Гарх, выполняя безжалостное распоряжение Сарумана «присматривать» за мальчишкой, мучается ничуть не меньше. Гэдж был убежден, что дотошность и докучливость ворона не имеют границ: скрыться с глаз Гарха было невозможно, а его резкое сиплое карканье преследовало орка всюду, куда бы он ни пытался улизнуть... Но сейчас Гэдж с удивлением ловил себя на том, что скучает по Гарху, по его ворчливым назиданиям, по немудреным советам, по шелесту перьев, просто по доброму ненавязчивому обществу старого друга... Увы! Сам Саруман ничего не мог поведать о судьбе горемычного посланника, а то, что магу было известно, не оставляло места для бодрых предположений; надеяться, в сущности, было не на что.

Собственно говоря, о днях, последовавших за переправой через Андуин, у волшебника вообще сохранились весьма обрывочные воспоминания — как раз в это время с ним приключилось то, что Гарх деликатно именовал «хандрой». Виды на будущее, в одночасье вставшие перед ним — вернее, полное их отсутствие — повергли Сарумана в глубочайшее отчаяние и тоску. Он чувствовал себя кораблем, во мраке бури разбившимся о подводные рифы; мгновение, удар, грохот, треск — и паруса сорваны, мачты превратились в обломки, в днище зияет ужасающая пробоина, и трюм полон тяжелой соленой воды, так что остается только отдаться на волю стихий и тихо-мирно, не булькая, пойти ко дну... Судорожные корчи умирающей надежды были поистине нестерпимы, и, пытаясь облегчить эту мучительную агонию, Белый маг прибег к давнему и испытанному средству, внезапно обнаружив, что даже ядерное орочьё пойло не так уж и дерет глотку, а, если слегка разбавить его отваром мяты или лимонника, даже приобретает некоторую особую утонченность... Изыскания в этом направлении грозили затянуться, если бы в один прекрасный день к магу решительно не подошел мрачный Каграт и не вырвал у него из рук флягу с чудной мятной водицей.

— Хватит! Черный Замок близко... Посмотри на себя, на кого ты похож!

— Н-на кого? — спросил Саруман с вызовом. И, выпрямившись во весь рост, величественно скрестил руки на груди.

— На спившееся умертвие. Знай меру, старый!

Саруман процедил сквозь зубы самое смачное и злобное ругательство, какое только сумел припомнить, но все же постарался прийти в себя и протрезветь хоть немного.

Переход через болота сохранился в его памяти каким-то невнятным туманным пятном. Потом пересекли границу Дол Гулдура, миновали сторожевой пост и крепостицу, под стеной которой сидел на цепи угрюмый и злой, как всякий цепной пес, пещерный тролль. Обоз свернул к баракам, стоявшим чуть в стороне от дороги — длинным бревенчатым строениям без малейших излишеств, даже без окон, лишь с крохотными круглыми отдушинами, пробитыми высоко под крышей. Одним своим видом эти однообразные темные постройки вгоняли в уныние, дрожь и скорбь...

Первым делом «крысюков» отправили в умывальню, в обитель деревянных бадей, жестяных ковшей, горячей воды, пара и мыла. Старое грязное шмотье было велено оставить при входе — взамен отмытым до блеска пленникам выдали простые холщовые рубахи, штаны и грубую обувь на деревянной подошве. После бани, чистые, распаренные и розовощекие, как младенцы, «крысюки» оказались в бараках, которые внутри выглядели едва ли более приятно и уютно, нежели снаружи. Но, по крайней мере, здесь было тепло и сухо, а вдоль стен в три яруса располагались деревянные нары с соломенными тюфяками, через каждый десяток перемежающиеся железными печурками. На длинных столах, стоящих посередине гридниц, уже дымились плошки с капустной похлебкой и лежали нарезанные крупными ломтями караваи черного хлеба. Пленники малость приободрились — как бы там ни было, морить их голодом в Дол Гулдуре явно не собирались.

Как и снимать ненавистные ошейники.

К концу обеда в сопровождении двоих уруков появился желтолицый вастак, вооруженный чернильницей и толстой книжицей в кожаном переплете. Он подходил к каждому пленнику и записывал имя, возраст и род занятий, делая на полях какие-то пометки — видимо, для будущего распределения по артелям. Кузнецам, плотникам, сапожникам, шорникам — всем в Крепости могло найтись место по знаниям и мастерству; тех, кто был совсем ничему не обучен, определяли в дровосеки, землекопы и углежогги, или отправляли куда-то дальше, на юг — батрачить на полях и скотных дворах. За Саруманом же явился лично сам Каграт; он что-то шепнул вастаку, ведущему опись, и тот, без интереса покосившись в сторону волшебника, сделал в своей книжице короткую запись.

— Идем, — сказал Каграт магу.

Они вышли из барака и направились в сторону Замка. На какое-то время Саруману стало не по себе — что, спросил он себя, если орк тащит меня прямехонько на свидание с дознавателями, объясняться насчет событий в Волчьей Пасти? — но опасения его оказались напрасными. Они прошли в ворота Крепости и, свернув в какой-то закоулок, остановились перед массивной дверью, над которой висела дощечка с изображением змеи, обвивающей хвостом ножку резного кубка (язык у змеи, склонившейся над сосудом, был старательно высунут, и оттого казалось, будто бедолагу неудержимо тошнит в деревянную чашу, неведомый резчик оказался не слишком умел). Каграт пошарил в загашнике и вручил Саруману тяжелый железный ключ.

— Отпирай.

За дверью оказалась средних размеров камора, захламленная всякой всячиной. Большой деревянный стол посерединке, столики поменьше, лавки, сундуки и полки вдоль стен, небольшая печурка и деревянное кресло возле неё, в дальнем углу, за занавесью — лежанка с неизменным соломенным тюфяком, застеленная попоной. Все было пыльным, слегка

траченным молью, носящим отпечаток запустения — видимо, здесь некоторое время никто не жил. По полу тянуло едва заметным сквозняком: в дальнем углу каморки имелась вторая дверь, ведущая внутрь Замка, к казармам и складским помещениям, и створа её была прикрыта неплотно.

— Вот. Это халупа нашего бывшего целителя, — пояснил Каграт, — давай, располагайся... Лекарем тебя тут прописали, кумекаешь? Харчи согласно пайку в кладовых будешь получать, дровишки — на ближайшем складе. Печка тут есть, стол, лежанка, даже ночной вазон, розами расписанный... палаты, можно сказать, со всеми удобствами.

— Со всеми неудобствами, — проворчал Саруман, разглядывая дырявый жестяной рукомоёйник, подвешенный на стене неподалеку от входа. — Жметесь, видать, на медицине-то, э?

— Слышь, борода, все жалобы — в Канцелярию, по четвергам, после дождичка, с полудня и до ужина. Ты тут особо-то не выпячивайся, выпячивание начальством не приветствуется... Воду не мути и особо не шарлатанствуй — разом вынесут за скобки, плюнуть не успеешь.

Впрочем, Саруман в советах Каграта не особенно нуждался. Предоставленный наконец самому себе, он осмотрел инструменты и лекарственные зелья, оставшиеся от прежнего обитателя каморки: кое-что сохранилось в целости, но многое было попорчено сыростью и мышами, и требовало восполнения запаса. Впрочем, Шарки, как штатному лекарю, было позволено беспрепятственно перемещаться по территории Замка и даже выходить за внешнюю стену, до границы болот (далее просто не пускал ошейник) — в лес... вернее, в некое подобие леса: болезненное, сухостойное редколесье, где в судорожной борьбе за место под солнцем душили друг друга хилые и кривые, пораженные паразитическим грибом деревца. Цветы и травы, которые находили в себе силы произрастать в этом унылом месте, тоже были жухлые, тощие и невзрачные; сомнительно, что эти бедняги могли сохранять в себе хоть какие-то полезные вещества и целительные свойства, но выбирать Саруману было не из чего...

Здесь, в Дол Гулдуре, царила тирания вечного ноября. Недобрые чары делали свое черное дело: небо почти постоянно было затянуто серой пеленой, и редко сквозь этот плотный барьер пробивался заблудившийся солнечный лучик, так что все овощи и злаки, возвращенные на местных грядках, имели какой-то неистребимый гниlostный привкус. Огороды, поля и скотные дворы располагались в нескольких милях дальше, у южной границы Дол Гулдур, где не было такого отчаянного недостатка солнечного света, так что «крысюков» порой отправляли туда поправить здоровье, которое тут, рядом с Замком, быстро давало сбой. Пленников не истязали, не морили голодом и не заставляли работать на износ, и все же редко кто из «крысюков» протягивал здесь больше семи-восьми лет: люди слабели, хирели и чахли без видимых причин, у них выпадали зубы и волосы, покрывалась паршой и язвами кожа, искривлялись кости, истирались суставы, разрушался мозг — и через несколько лет сильный и молодой, пышущий здоровьем человек превращался в высохшего, дряхлого, истаявшего, полубезумного старика. Вся нездоровая, пропитанная болезнетворными миазмами среда Замка денно и ночью оказывала пагубное воздействие на все, что находилось в её пределах, отравляя воздух, почву и воду, и ни растения, ни животные, ни люди не могли сопротивляться этому неуклонному вырождению и разрушению, пожираемые невидимой порчей. А уж уродцы на скотных дворах: двуглавые ягнята, безглазые поросята и цыплята о четырех ногах, — здесь ни для кого не были

диковиной. Лишь на орков и троллей, живущих в Дол Гулдуре десятками лет, этот своеобразный магический дух никакого зримого влияния не оказывал: сами будучи во многом творениями темного чародейства, они были невосприимчивы к его разрушительному воздействию.

Саруман размышлял об этом, сидя вечерами в кресле возле печурки, топящейся щепой и березовыми чурочками — но предпочитал, как и многие, держать все сделанные выводы при себе: никому, кроме него самого, они были не интересны. Он сидел так и пару дней назад, разбирая записи, оставленные кем-то из предшественников на клочках бумаги, лениво разбивая кочергой головешки в кирпичной пасти печи и прикидывая, не пора ли отправляться на боковую — час был уже поздний, — когда дверь (та, внутренняя дверь, ведущая к складам и казармам) внезапно и без стука распахнулась.

На пороге возник Каграт.

Саруман пришел в легкое замешательство.

До этого орк, донимаемый печеночными коликами, заходил разок за своим снадобьем, — но сейчас он явился определенно не за лекарством. Каграт был зол и взерошен, что-то яростно шипел под нос и нес в руках кого-то истрепанного, окровавленного и лишённого чувств... Поначалу Саруман решил, что орк прибил кого-нибудь в пьяном угаре, в подобном повороте дел не было ничего из ряда вон выходящего — но, когда маг пригляделся к кагратовой ноше попристальнее, его без малого взяла оторопь.

— Что... кто это? — пробормотал он. — К-кто... Что стряслось?

Каграт отодвинул его плечом, шагнул вперёд и тяжело уронил свою ношу на лавку. Покосился на Шарки хмуро и подозрительно.

— Ты чего, старый, — проворчал он, — мухоморов наелся? Обалделый какой-то... Подштопаешь парня?

— Э-э... Где ты его нашел?

— Где нашел — там уже нету... Ну, чего уставился, дырку во мне проглядишь... Глаза наконец в кучу собери! Поставишь его на ноги или нет?

Саруман обессиленно привалился плечом к дверному косяку. Земля в прямом смысле уходила у него из-под ног.

— Оставь его здесь, — пробормотал он. — Я... посмотрю, что можно сделать. Если только...

Тут у Сарумана убежало какое-то варево, стоявшее на печке, и ему пришлось оборвать рассказ буквально на полуслове. Впрочем, цепь дальнейших событий Гэдж мог составить без труда и сам.

— Значит, ты удивился? — спросил он, криво улыбаясь.

Саруман потёр ладони друг о друга.

— Удивился — это мягко сказано... Я был уверен, что Гэндальф оставил тебя в Лориэне, и ты пребываешь там в безопасности под покровительством эльфов... ну, насколько орку под покровительством эльфов вообще можно пребывать в безопасности. И поначалу подумал, что, вероятно, это какой-нибудь твой местный брат-близнец, у орков двойни и тройни — дело обычное. Но...

— Что?

Волшебник убрал с печурки котелок с варевом, поставил его на стол и прикрыл деревянной крышкой.

— Я нашел шрам у тебя под коленом — там, куда восемь лет назад тебя укусила змея. И

тогда уж никаких сомнений у меня не осталось. И еще...

— Что?

— Амулет. «Эстель». Вижу, ты сумел его сохранить.

Ну, конечно. Гэдж поднял руку и нащупал обломок амулета, по-прежнему висевший на шее на кожаном шнурке. Сжал его в кулаке... Сколько с этим кусочком металла было связано чаяний и мечтаний, сколько лет Гэдж лелеял себя мыслью, что когда-нибудь волшебный амулет позволит ему обрести сородичей и семью... Что ж, две половинки нашли друг друга, но воссоединиться им, по-видимому, было так и не суждено, и вот одна из них, по-прежнему одинокая, судорожно стиснута в его руке — битый черепок, обломок несбывшихся надежд, жалкий осколок неподходящих и несложившихся, чужих и чуждых друг другу судеб.

— Я нашел другую половинку, — ровным голосом произнес он. — Она у Каграта.

— Я знаю, — откликнулся Саруман.

Гэдж посмотрел на него.

— Почему ты никогда не говорил мне об этом амулете? Ещё там, в Ортханке?

Саруман не поторопился с ответом — ни словом, ни взглядом. Снял с полки две глиняные кружки, разлил в них содержимое котелка, бросил в каждую по ложечке меда. Протянул одну из кружек орку — в ней было горячее молоко, густое и пахнущее медом, покрывшееся тонкой морщинистой пенкой.

— Я не думал, что тебе будет это интересно, — помолчав, сказал он наконец. — Кроме того, хотел сначала без помех изучить эту любопытную штучку, рассмотреть её, так сказать, поближе. Надо сказать, она изготовлена из весьма, гм... необычного материала.

— Правда? — пробормотал Гэдж. — Келеборн сказал мне, что это простое серебро.

Саруман метнул на орка странный быстрый взгляд.

— Ты показывал эту штучку Келеборну?

— Ну... да. По просьбе Гэндальфа... — орк запнулся. — Кстати.

— Что?

Гэдж держал кружку обеими руками, грея ладони о её тёплый круглый бок.

— Он... Гэндальф... просил меня кое-что передать Радагасту, если я выберусь из Замка. Что-то насчет того, что *Враг* здесь, и он вернулся.

— Какой враг?

— Ну... не помню. Какой-то... на букву С.

— Саурон?

— Кажется, да. Тебе это о чем-нибудь говорит? Гэндальф сказал, что это важно.

Саруман досадливо покривил губы. Смотрел, как над горячим молоком поднимаются в воздух, завиваются и тают без следа невесомые прозрачные язычки.

— Гэндальф твой — просто дурень, — процедил он с раздражением. — Мало того, что он втянул тебя в эту затею...

— Я сам втянулся, — тихо возразил Гэдж.

— Неважно. Я ещё в Ортханке предупреждал его о том, что эта блажь добром не закончится. Саурона он нашел, надо же... Какой был смысл тайными закоулками пробираться в Замок и хорониться тут по мышиным норам? Я вот сижу здесь, ни от кого не прячась, в тепле и почти в сытости, ковыряюсь в вонючих орочьих тушках и в прямом смысле скоро буду знать всю местную подноготную...

— Значит, для тебя это не новость? Насчет этого... Саурона?

— Уж, поверь, не настолько новость, чтобы рвать на себе волосы...

Кто-то негромко постучал снаружи по закрытой ставне.

Гэдж невольно вздрогнул. Каграт?.. Хотя орк вряд ли стал бы так учтиво стучать...

Дождь к этому времени почти прекратился, только с крыши ещё вяло капало, да прямо перед крыльцом ковриком растеклась огромная самодовольная лужа. Через неё перешагнул какой-то плечистый и низкорослый, бородатый «крысюк», похожий на гнома, в особенности тем, что на нем был надет испятнанный сажей кузнечный фартук. Волосы у него были курчавые, соломенного цвета, лицо — темное от копоти, а на шее тускло поблескивал гладкий серый ошейник — такой же, как и у Сарумана. Волшебник, как выяснилось, был с пришельцем хорошо знаком.

— Заходи, Эотар. Что скажешь?

— Здорóво, Шарки! Колено что-то ноет по вечерам, дай снадобье какое, а? — степенно откликнулся Эотар. Он неторопливо вошел, присел на ближайшую от входа лавку и, осматриваясь, потер ладонью правую ногу. — Тебя, я слышал, в лекари здесь определили? — Он окинул сарумановы хоромы приметливым хозяйственным оком. — Ну, неплохо... Не королевские палаты, конечно, но и не барак все-таки, жить можно.

— Вполне. Ты ко мне правда за снадобьем, или так — просто поглазеть, как я тут ловко устроился? — посмеиваясь, спросил Саруман. — Сам-то как?

— Да что — как? Как все. Рабство — оно рабство и есть. При кузнях я, вокруг наковальни пляшу — дело привычное... Работа от зари до зари, в седмицу полдня свободных, кормят справно, в бараках тепло — в общем, прижиться можно. Я-то думал, что здесь совсем уж вешаться придется, ажно веревку хотел припасти... ну да погожу еще, погляжу, как дальше дело пойдет. — Эотар как-то неуклюже передернул плечами. — Слушок тут ползает, будто с тех, кто десять лет кабалу отбудет, обручишко снимают и отпускают на все четыре — только я этаких счастливичков пока не видал. Брешут, поди, для поднятия духа, чтоб лямку исправно тянули... Ну как, скажи, тут десять лет-то отышачить? Ну три года, четыре, пять — а там все одно на тот свет: чахотка скрутит или еще зараза какая.

— «Черной немочью» эту заразу здесь называют, — помолчав, сказал Саруман. — Видел я одного такого... «обручишка», кстати, на нем не имелось. Но там и без обручишка все было не особенно радостно. Да, ошейники действительно снимают — в случае, если их, ошейников, не хватает для нового рейда. И с тех, кто уж точно никуда не убежит.

— Значит, их не только с трупа снять можно?

— Нет, конечно. Просто другой способ оркам неведом... Но заклятие там все же хитрое, искусно закрученное, с подвывертом.

— А ты откуда знаешь? Эльфы подсказали? — Эотар понимающе хмыкнул. — Вот одной надеждой-то теперь и живу — эльфы за нас радуют, родимые...

— Быка-то не видел, Эотар? — быстро спросил Саруман, сделав вид, будто не заметил подначки. Продолжать дальше разговор об эльфах и ошейниках ему явно не хотелось. — Что-то от него ни весточки, ни привета. Поди до сих пор грозится поднять меня на рога?

— Да кто его знает? Бают, на юг его отправили, на огороды, картошку копать. А может, и не на огороды, — Эотар заговорщицки подмигнул. — Там, в речках, что к Андуину с холмов текут, говорят, золотишко моют, и в немалых количествах...

— Вон оно что... А остальные?

— Не знаю, разогнали всех. Харальд за гончарным кругом горбатится, горшки лепит,

Аламира, говорят, в кожевенники определили. Эорлим только при мне.

— Подмастерьем?

— Ну. Ещё и этих, кривоногих... «козявок», короче, велено кузнечному ремеслу обучать, хотя какие из них кузнецы... курам на смех! Только под ногами путаются.

— Что, работы много?

— Хватает. Инвентарь куем, сошники, ободы для колес — в общем, хозяйственное всякое, туда-сюда. А вот в соседней кузне, — Эотар, понизив голос, оглянулся, как будто опасался увидеть торчащие из стен настороженные уши, — все больше оружие ладят: клинки, наконечники для стрел, доспех... Война, бают, не за горами.

— Какая война?

— Да откуда же мне знать? Леший их там разберет со всеми их дурацкими войнами... Мое дело — молотом по наковальне стучать, сталь да железо чекушей тетешкать...

— Сталь-то хорошая? — любопытствовал Саруман.

— Ха! Скажешь тоже. Хорошая сталь на дороге не валяется. — На закоптелом лице Эотара блеснула усмешка. — Хорошая сталь только туда, — он показал пальцем в сторону Главной Башни, — да по особому заказу идет. А для гоблинов и «козявок» у нас в основном дешевка с Рудного кряжа: из такого железа кастрюлю-то стыдно сделать, не то что добрый доспех.

Саруман о чем-то коротко поразмыслил.

— Лекарский инструмент мне справишь? По моим чертежам? Из приличной стали, разумеется, не из того дерьма, из которого для орков кухонные ножи куете.

Эотар прищурился.

— Прикинуть надобно. Хорошая сталь дорого стоит.

— А бескорыстная мужская дружба — еще дороже, — непринужденно заметил волшебник. — Положись на моё слово, Эотар — придет время, сочтемся.

Гэдж, который щипал корпию, сидя на лежанке за занавесью, некстати вспомнил о своем кинжале, о прохладном голубоватом клинке, украшенном цветами и лозами — кинжал остался где-то там, в ушедших днях, в проклятом подвале, затерянный в холоде и глухом подземельном мраке. Но Саруман сказал, что не нашел его, когда ходил разыскивать Гэндальфа... или просто плохо искал? Или кинжал еще раньше подобрал Каграт? Или — что? Это была одна из тех загадок, обнаружить ответ на которую орку, по-видимому, было не суждено.

Гэдж вздохнул.

— Эти... ошейники, — сказал он, когда болтливый Эотар, получив снадобье, наконец убрался восвояси. — Что там за заклятие такое особенное, что оно оказалось тебе не по зубам? Оно что, и в самом деле с «подвывертом»?

Саруман, который стоял у стола, разминая в ступке корни горечавки, поутру принесенные в корзине каким-то «козявкой», отозвался неохотно:

— Да, Гэдж.

— И что это значит?

— Ну, как тебе объяснить... — Волшебник отложил пестик в сторону. Оторвал от листа бумаги узкую полоску, повертел её в руке, показал орку, держа за кончик. — Видишь? Что это?

— Ничего. Полоска бумаги.

— Она проста, понятна и незатейлива, правда? Но если повернуть один её конец на сто

восемьдесят градусов и скрепить с другим, то получится весьма странная вещь — лента, у которой только одна сторона*. Она выглядит так, как будто стороны — две, но на самом деле, если провести вдоль поверхности ленты чернильную линию, она окажется непрерывной и в итоге вольется сама в себя. Вот и с заклятием, скрепляющим ошейник, примерно то же самое, оно кажется незатейливым и простым, но... вывернуто на сто восемьдесят градусов, и оттого таит в себе много неожиданностей и причудливых казусов.

Гэдж рассеянно мял в руке мягкие волокна корпии.

— Значит, этот ошейник действительно никак нельзя снять?

— Отчего же, можно. Только не будучи при этом внутри него.

— Странно... А почему тогда такую шгуку не надели на Гэндальфа?

— Потому что его не собирались держать здесь в качестве пленника. Это во-первых.

— А во-вторых?

— Во-вторых, я готов поспорить, что о «побочном свойстве» ошейников — запирать магию — в Замке попросту не знают. По крайней мере, я им об этом не говорил... и не собираюсь. А дурень Гэндальф во всех своих бедах виноват сам.

— И неужели тебе его совершенно не жаль?

— Кого, Гэндальфа? Нет. Не жаль.

— Ты просто бесчувственный пень! — сказал Гэдж сердито.

Саруман с усмешкой пошевелил бровями.

— Я — лекарь, дружище Гэдж. А это занятие волей-неволей подразумевает некоторое «окаменение души», тут уж ничего не попишешь. Если ты будешь пропускать через себя боль и страдания каждого из тех, кто будет алкать от тебя спасения и помощи, от тебя самого вскоре ничего не останется.

— А мне казалось... — пробормотал Гэдж.

— Что?

— Что «окаменение души» — это такой, ну... особый врачевательский недуг.

Издержки ремесла.

Саруман, вновь взявший в руки ступу и пестик, зачем-то внимательно рассмотрел торец деревянной толкушки, к которому прилип полураздавленный корешок, и стряхнул его пальцем. перевел взгляд на Гэджа.

— Слушай, дружище, вот тебе задачка, которую иногда задают новичкам лекари полевых госпиталей. Допустим, с поля брани тебе одновременно привозят троих: первый — с проникающим ранением в живот, ткнули его, к примеру, копьем под ребро. Второй — с тяжелой раной бедра: ну, скажем, открытый перелом, кровопотеря, шок, все такое, третий — с касательным ранением плеча, основательным, но без непосредственной опасности для жизни. Кем ты займешься в первую очередь?

— Конечно, тем, что ранен в живот!

— Пока ты будешь с ним возиться — а ведь он все равно с большей долей вероятности уже не жилец — у двух других, с ранами в бедре и в плече, начнутся осложнения, и они в лучшем случае потеряют один — ногу, а другой — руку. А в худшем — отправятся на Пути Мертвых следом за первым... Посему начинать нужно с тяжелого, но из тех, кого *точно можно вытащить* — сиречь с раненого в бедро.

Гэдж стиснул зубы.

— Но тогда раненый в живот, оставленный без помощи, умрет наверняка!

— Это уж на усмотрение Творца. Один лишь Эру властен над людскими судьбами,

Гэдж. Или ты считаешь себя вправе вмешиваться в Предопределение Творца и грязными руками исказить Его чистый Замысел?

— Законы милосердия писаны людьми, а не Творцом, — медленно сказал Гэдж. — Разве не так?

В глазах Сарумана поблескивали странные озорные искорки.

— Так, Гэдж. Я рад, что ты это понимаешь. И все же в некоторых случаях приходится руководствоваться не милосердием, а здравым смыслом.

— Это жестоко.

— Зато практично и разумно. Лучше потерять одного, чем двоих или троих. Такая вот, друг мой, унылая арифметика, в которой минус на минус не всегда даёт плюс... и с этим, увы, приходится считаться куда чаще, чем нам этого хотелось бы.

---

* Саруман имеет в виду ленту Мёбиуса.

39. Раненый

— Тот субъект с шелушащимися пятнами на шее... откуда, ты сказал, он явился? Из Ржавого Оврага? Не удивлюсь, если через пару дней оттуда нагрянет дюжина-другая «крысюков» с похожим лишаем — трудно за что-то ручаться в месте, где принято всей артелью пить из одной кружки. Придётся запастись серной мазью... Кстати, Гэдж, утром надо забрать чистые бинты из прачечной... Эта сволочь интендант еще три дня назад обещал прислать мне мыла и карболовой кислоты, и с тех пор не дается в руки, юлит, как ящерица, и сразу отбрасывает хвост, стоит покрепче его прижать... ну да ладно, пес с ним, грудная жаба рано или поздно его ко мне приведет...

Здесь, в Замке, Саруману редко доводилось бездельничать.

Новость о том, что в Крепости появился новый лекарь, разнеслась по прилегающим землям достаточно быстро, и день за днем неизменно проходили в хлопотах и суете: то и дело приходилось встречать посетителей, осматривать, прощупывать, простукивать, вправлять, вскрывать, зашивать, бинтовать и производить еще множество изнурительных в своей однообразности нескончаемых действий. Впрочем, сложных, «любопытных» случаев почти не попадалось, чередой тянулась рутина: травмы, лихорадки, колики, нарывы, свищи, парша, чесотка, грыжи, прострелы, загадочные рези «где-то внутри»; один приходил с надрывным кашлем, другой — с болью в суставах, третий — с гнойной раной, которую приходилось чистить и присыпать порошком из высушенной зеленой плесени. Многие (и орки, и люди) страдали от паразитов: тонких, фута в два длиной, болотных червей, которые попадали в кровь с зараженной водой и разрастались под кожей; нужно было делать на вздутии, указывающем на присутствие червя, надрез и аккуратно вытягивать на свет прозрачное тело паразита, наматывая его на просмоленную палочку. Гэдж, еще не совсем оправившийся после горячки, по мере сил заведовал «аптекой»: варил снадобья, смешивал настои, томил на огне отвары, готовил притирания, непрерывно кипятил воду, которую таскали в предназначенный для этого чан орки-*снаги*. К вечеру голова у Гэджа в буквальном смысле шла кругом, и он начинал чувствовать себя змеей, изображенной на деревянной вывеске над входом: той, которую от усталости и отвращения ко всему происходящему неудержимо тошнило в чашу.

Впрочем, Каграт в поле зрения не появлялся, так что жаловаться на жизнь Гэдж особых причин не видел. Он был неизменно при деле и, наверное, впервые с того момента, как покинул Изенгард, чувствовал себя по-настоящему кому-то полезным и нужным — помощь его казалась простецкой, малозаметной и ничего значительного не содержащей, но Саруману и страждущим «крысюкам» она была действительно необходима. Осознание этого факта грело Гэджу душу и вливало в него новые силы, словно добрая чаша глинтвейна в морозный день.

За каждодневными заботами вечер приходил быстро; здесь, в Дол Гулдуре, середина августа отчетливо отдавала осенью. Душное оцепенение полудня сменялось сырыми мглистыми сумерками, окутывающими Замок мокрым одеялом — этот напитанный влагой воздух был тяжел и неподвижен, и втягивался в легкие неохотно, точно густой кисель. Трудно было дышать, двигаться, даже думать, мозг словно превращался в бесформенную студенистую массу — Гэджу казалось, будто в черепе его поселилась ленивая, едва-едва колышущаяся медуза. Саруман, впрочем, неизменно ухитрялся пребывать в светлой памяти и

здравом уме: порой, если выдавался свободный вечерок, он увлеченно предавался каким-то непонятым опытам, без устали возился со склянками и сосудами, что-то смешивал, разбавлял, выпаривал и внимательно рассматривал сквозь выпуклое стеклышко; часто, засыпая, Гэдж видел, как, сидя в креслице возле печурки, маг записывает что-то на клочках бумаги, но, что это были за записи, Гэдж не знал и предполагать даже не пытался...

...В дверь постучали поздним вечером — в ту, внутреннюю дверь, ведущую в коридоры Замка, к казармам и складам. Кто бы это мог быть, с некоторой тревогой спросил себя Гэдж: с *этой* стороны ждать кого-либо из «крысюков» определенно не приходилось.

В каморку вошел рослый, немного знакомый Гэджу орк — Лагдаш — и что-то вполголоса рыкнул Саруману на ухо. Шарки смотрел на него исподлобья:

— Когда?

Лагдаш так же вполголоса ответил. Саруман поднялся, снял с печурки котелок, в котором закипала готовящаяся к ужину похлебка, отыскал на столе сундучок со снадобьями и инструментами.

— Возьми фонарь, — сказал он Гэджу.

Вслед за Лагдашем они вышли в коридор, ведущий в извилистые внутренности Крепости: спереди, как обычно, тянуло сыростью, болотом, затхлым сырным ароматом подземелья. Гэдж нес фонарь — масляную лампадку, вставленную в стеклянный, оправленный железом футляр. Короткая лестница и сводчатый тоннель вывели всех троих в знакомый Гэджу коридорчик, где за закрытыми дверями располагались жилища орков; здесь, несмотря на поздний час, не прекращалась смутная недобрая суэта. Под потолком клубились кухонный чад и вонь горелого масла из коптилок, где-то за дверьми азартно стучали кости, слышались голоса, грохот деревянных чаш и раскаты хохота, в темном углу истошным голосом мяучил ободранный кот. По левую руку мелькнула знакомая Гэджу дверь кагратовой конуры, но за ней все было тихо и мертво: папаша то ли дрых без задних ног, то ли вовсе дома благополучно отсутствовал.

— Куда мы идем? — шепотом спросил Гэдж у Сарумана, едва поспевая за скорым, размашистым шагом учителя. — Что случилось?

Белый маг в ответ неопределенно покачал головой.

— Только что вернулся обоз с юга, с Мирквудского Тракта. Говорят, степняки их там слегка потрепали.

— Что, много раненых?

— Да нет, двое или трое... Ага, нам сюда.

Они дошли почти до конца коридора; Лагдаш остановился перед ничем не примечательной низкой дверцей, толкнул её плечом, без стука вошел. Саруман и Гэдж последовали за ним.

Небольшая комнатенка освещалась камином, где тускло рдела кучка горячих углей, порой вспыхивая голубоватыми огоньками. Какой-то лохматый *снага*, склонившись над столом, снимал нагар со свечей; на полатах у стены на груди шкур и покрывал лежал, свернувшись калачиком, другой орк — урук. Он, казалось, дремал, спрятав лицо в складках одеяла, но Гэдж сразу его узнал — по гладким, собранным в «конский хвост» льняным волосам. Это был Радбуг.

Он медленно приподнялся навстречу вошедшим, опираясь рукой на край постели. Лицо его было бледным и осунувшимся, грудь оказалась перетянута серой полотняной повязкой, но сама рана находилась на спине, под лопаткой, где грубая ткань присохла к ступке

подзасохшей крови. Радбуг, не морщась, отодрал повязку — в ране, под вспухшей разорванной кожей что-то темнело, видимо, застрявший в разорванной плоти наконечник стрелы.

Саруман поставил сундучок на стол.

— Принесите воды, — велел он оркам. — Пойдите в поварню — там в чане должна остаться кипяченая. Гэдж, подними-ка фонарь. Маловато света...

— Возьмите свечи, — негромко сказал Радбуг. — Там, на полке над очагом.

Говорить ему, видимо, было трудно, в горле его при каждом вздохе что-то клокотало, из раны в такт биению сердца выбивалась тонкая струйка крови. Перехватив мимолетный взгляд Гэджа, Радбуг через силу улыбнулся ему — неприметно, одними глазами.

— А, это ты, парень? Ну, рад видеть тебя в добром здравии, — негромко произнес он и добавил — таким тоном, точно стрела, воткнувшаяся под лопатку, представлялась ему забавным и нечаянным пустячком, в общем-то, не стоящим особенного внимания: — А меня тут птичка малость поклевала...

— И клювик в ране забыла, — пробормотал Гэдж. Подсвечник был только один, поэтому пришлось расставить свечи в чашках и плосках, которые отыскивались поблизости. Радбуг с ворчанием улегся на здоровый бок. Подсунулся *снага* с котелком теплой воды; Гэдж быстро обмыл рану смоченной в воде тряпицей, потом достал помазок и склянку с коричневым, резко пахнущим раствором, состряпанным из золы морских водорослей, и смазал этим снадобьем кожу вокруг повреждения. Рана представляла собой бесформенную, окруженную синевой дыру с неровными краями — стрела вошла под углом, — набитую кровавым месивом с черными сгустками и багровыми прожилочками внутри. Древко стрелы было обломано у основания, небольшой черный наконечник засел меж ребер, острый и цепкий, как рыболовный крючок.

— Вот же леший! — беззвучно, одними губами просипел Радбуг. — Степняки испокон веков делают наконечники с засечкой, а древко крепят обычным воском, чтоб их всех... Резать надо...

Подошел Саруман, тщательно мывший руки мылом под кувшином-рукомойником, оценивающе взглянул на рану, деловито хрустнул пальцами.

— Придется потерпеть, — мягко сказал он орку.

— Я привычный, — пробормотал Радбуг. На груди его и на плечах и впрямь виднелись несколько старых, давно заживших шрамов — свидетельств каких-то былых, явно не радостных для орка событий.

Саруман ощупал рану, проверяя, насколько глубоко вошел в плоть железный наконечник. Радбуг чуть заметно вздрогнул — но не издал ни звука, только как-то напрягся, одеревенел всем телом, закусив зубами край одеяла.

— «Клюв»? — спросил Гэдж. Этот инструмент, предусмотренный как раз для подобных случаев, был похож на ножницы — лезвия его разводили края повреждения, а тонкий полый стержень в середине служил для захвата застрявшего в ране ненужного металла.

Саруман покачал головой.

— Думаю, не понадобится — наконечник неглубоко. Обойдемся ложкой. И держи наготове щипцы.

Радбуг перекатился на живот и лежал, стиснув зубы и трудно дыша, впившись побелевшими руками в край полатей — но не дрогнул даже в тот момент, когда его кожи коснулся острый ланцет. Лезвием, прокаленным над огнем свечи, Саруман быстро сделал

вокруг раны три коротких надреза, чуть развел их, вставил в рану металлическую ложку, закрывая ею засечки на наконечнике, чтобы они не мешали обратному ходу зазубренного куска железа, ухватил наконечник щипцами, чуть пошатал его и наконец вытянул из-под кожи быстрым плавным движением. Радбуг приглушенно охнул.

Из раны хлынула темная, ленивая, чуть пенящаяся кровь.

— Легкое задето... но неглубоко, — задумчиво произнес Саруман. — Плохо, что задето, но хорошо, что неглубоко... Тебе повезло, дружище.

Гэддж, уже стоявший наготове, быстро заткнул рану пучком корпии, смоченным в отваре тысячелистника: надо было остановить кровь. Радбуг сильно вздрогнул и что-то невнятно промычал сквозь зубы, какое-то явно не слишком вежливое словцо.

— Хорошо... Гэддж, ты знаешь, что делать, — мимоходом обронил Саруман. — Я пока пойду посмотрю остальных.

Он взял свой сундучок и ушел — в сопровождении Лагдаша. Едва ли десять минут миновало с того момента, как они все втроем переступили порог комнатки.

Гэддж обмакнул тряпицу в плошку с чистой водой. Вновь обмыл рану и смазал её края коричневым раствором, потом достал из сумки баночку с зеленоватым порошком и щедро присыпал им кровавую дырку в радбуговой спине. Наверно, даже чуть более щедро, чем было необходимо — ему очень хотелось, чтобы рана не воспалилась и зажила быстро и без всяких осложнений.

Радбуг лежал смирно, терпеливо перенося все эти малоприятные врачебательские манипуляции. Только раз приглушенно зашипел сквозь зубы, когда неуклюжие пальцы Гэдджа очень уж ему досадили.

— Значит, ты теперь в ученики лекаря здесь подался, парень? — негромко спросил он, и в голосе его слышалось больше усталости, нежели удивления. — Что дальше? — безучастно добавил он, когда с обработкой раны было покончено. — Зашивать будешь?

— Не сейчас. Если через пару дней рана не загноится, тогда зашьем, — пояснил Гэддж. — Если загноится, то её все равно чистить придется.

— Эвон что...

Больше Радбуг вопросов не задавал. Гэддж наложил повязку: слой бинтов, небольшой пучок корпии, вновь слой бинтов, — и все это время спрашивал себя с неудобным чувством: а вдруг сейчас сюда явится Каграт, чтобы навестить своего подшибленного друга? Или он еще не знает о его возвращении? Или, может, папашу и вовсе отослали из Замка с каким-нибудь поручением? К счастью, никто не приходил; через несколько минут с перевязкой было благополучно покончено, и, оставленный в покое, Радбуг обессиленно вытянулся на лежанке и закрыл глаза. Гэддж собрал со стола банки и склянки, свернул и уложил в сумку остатки бинтов. Ни Лагдаш, ни Саруман по-прежнему не появлялись, *снага*, притащивший из поварни ведро теплой воды, видимо, счел свои обязанности исчерпанными и тоже благополучно исчез...

Если не считать дремлющего Радбуга, Гэддж был в камерке совершенно один.

Комнатка была размерами ничуть не больше кагратовой, но отчего-то казалась более жилой и уютной: то ли простенькая занавесочка на окне создавала это ощущение, то ли цветная попона, которой был накрыт стол, то ли лежавшая на полу возле камина медвежья шкура. На каминной полке стояло чучело горноста, на стене располагалась небольшая коллекция (трофейного?) оружия: увесистый харадский палаш, пара кинжалов, секира гномьей работы и изящный метательный топорик, длинный меч — скорее церемониальный,

нежели боевой: в оголовье рукояти поблескивал зеленоватый смарагд. Тут же рядом висел деревянный щит — явно роханский, с изображением вздыбленной лошадки, — и оправленный в серебро большой рог-ритон. На полочке в дальнем углу хранились свечи, мотки крепких воощеных ниток, жестяная утварь и прочая всячина, а на краю — что и поразило Гэджа больше всего — лежала толстая стопка бумажных листов: не то рукописи, не то какие-то старые книги... или, скорее, обрывки книг с измятыми, покоробленными, разбухшими от влаги и затем просушенными страницами. Некоторые были испятнаны чем-то темным — кровью? — другие носили на себе следы огня: рукописи были без начала и конца, иногда — без переплетов, с частью вырванными страницами, раненные, потрепанные, безголосые, приговоренные пойти на растопку...

Или — нет? Зачем Радбуг их тут держит?

Гэдж украдкой оглянулся на орка: тот спал, отвернувшись к стене.

Заинтересованный, Гэдж взял рукописи, перенес их на стол и осмотрел свою находку более внимательно. Нет, книги эти для предания огню не предназначались, их даже как будто пытались исцелить и сохранить: имевшиеся переплеты были неумело подшиты, а некоторые страницы подклеены прозрачной смолой. Здесь были — частями — хроники Бесконечной войны в чьих-то не менее бесконечных воспоминаниях, «Крушение Белерианда» в переводе с эльфийского, «Повести о зле и добродетели», какие-то отдельные листы, вырванные непонятно откуда, и даже сборник «Неоконченных баллад» кхандского поэта Аль-Сахади: «Когда б цвели зимою розы...»

— Удивлен, парень?

Гэдж быстро обернулся: Радбуг, оказывается, вовсе не спал, а, чуть повернув голову, с интересом поглядывал на Гэджа из-под полуприкрытых век. На его исхудалом серовато-землистом лице играла едва уловимая усмешка — то ли понимающая, то ли насмешливая, полумрак комнаты милосердно скрадывал все детали.

— Удивлен, — пробормотал Гэдж. — Вот уж не ожидал обнаружить среди унылых талмудов кипу таких легкомысленных и сопливых стихов.

— Что ж, — спокойно заметил Радбуг, — трофеи зачастую выбирать не приходится, берешь то, что под руку попадет. Но, вижу, вирши Аль-Сахади ты невысоко ценишь?

— А неужели тебе по нраву эти слащавые бессмысленные стишата?

— Я бы не стал называть их «бессмысленными», они воспевают страстный жар тела и возвышенные стремления души, — посмеиваясь, возразил Радбуг. — Хотя, пожалуй, мне тоже больше по сердцу вот такое: «Пусть гуляет вольный ветер среди пустошей полынных, пусть кружится, непокорный, в буйном танце...»

— Ты из Рохана? — спросил Гэдж прежде, чем успел прикусить язык.

— Моя мать, — помолчав, сказал Радбуг, — была из Рохана. Это не тайна, — спокойно добавил он, заметив замешательство собеседника. — Кстати, я ведь так и не знаю твоего имени, парень.

— А зачем оно тебе? — пробурчал Гэдж. — Тебе не известно, как меня здесь называют?

— Ты хочешь, чтобы я тебя тоже так называл?

Гэдж отчего-то растерялся. Отвел взгляд, посмотрел на стоящее на камине чучело горноста. В стеклянных глазах набитого опилками несчастного зверька посверкивали отблески свечей, придавая им почти живое и осмысленное выражение.

— Меня зовут Гэдж, — чуть помедлив, произнес орк: почему-то вполголоса, как будто выдавал невероятно страшную и сокровенную тайну. — Если тебе это интересно.

— Странное имя...

— Ничего странного, — буркнул Гэдж. — Это просто... ну, это просто было первое слово, которое я произнес, когда был младенцем. — Он умолк, почувствовав, как у него начинают гореть кончики ушей. Зачем я это сказал, тоскливо спросил он себя, кто меня за язык тянул. — А моя мать... — он запнулся.

— Что?

— Она называла меня как-то по-другому?

Радбуг, щуря глаза, задумчиво смотрел на пляшущие в камине язычки огня.

— Я не помню. Кажется, она называла тебя «араш». Это не имя, просто... ласковое слово. Малыш, карапуз, мальчуган... Так многие орчанки называют своих первенцев. Откровенно говоря, я не думаю, что она вообще успела дать тебе имя.

Он устало прикрыл глаза и вновь вытянулся на соломенном тюфячке — видимо, беседа давалась ему нелегко, дыхание его сбилось, голос осип. Гэдж молчал: ему тоже было трудно поддерживать этот разговор, но совершенно по иным причинам.

— Какая она... была? — спросил он очень тихо, едва слышно, словно боясь громким голосом разбить воцарившуюся в комнате хрупкую тишину. — Каграт говорил, что... странная.

Радбуг хрипло усмехнулся, провел кончиком языка по запекшимся губам. Лицо его оставалось неподвижным, серовато-бледным, точно вылепленным из воска.

— Вряд ли более странная, нежели я. — Он по-прежнему не открывал глаз. — Ну, немного не такая, как другие, чистокровные орки. Наверно, в ней было слишком много... человеческого, орочий мир был для неё тесен. Она любила одиночество... иногда бродила по горам, плела кукол из травы или рисовала кусочком угля на стенах пещеры — цветы, птиц... И кое-кому это даже нравилось. Вот твоему батю, например.

Правда? — с вялым удивлением подумал Гэдж. — Интересно, чего я ещё не знаю о своём папаше? Каграт отнюдь не казался Гэджу субъектом, которому могут нравиться какие бы то ни было цветы — ни настоящие, ни тем более нарисованные углем. Впрочем, это было давно... а в те далекие времена Каграт был молод, глуп и, видимо, еще не заматерел до костного мозга.

Подержав обрывки рукописей в руках, Гэдж неторопливо вернул их обратно на полку. Наверно, надо было наконец сложить манатки, убраться прочь и перестать докучать Радбугу назойливым любопытством, но что-то его удерживало — словно тонкая невидимая веревочка, привязанная к ножке стола... Кусая губы, он отсутствующим взглядом рассматривал выставку оружия на стене: ножи, кинжалы, длинный меч, чья крестовина, отлитая из серебра, формой напоминала сердце, а ножны были сплошь увиты затейливой золотой вязью цветов и листьев.

— А что все-таки случилось? — спросил он после долгой паузы. — Ну, там, на Мирквудском Тракте? Почему эти... степняки на вас напали? Это была королевская дружина?

Радбуг, с усилием повернув голову, посмотрел на него, как показалось Гэджу, с молчаливым укором. Если бы орк велел ему сей момент заткнуться со всеми дурацкими расспросами и немедленно выметаться вон, Гэдж бы несколько не удивился.

Но Радбуг только тяжело перевёл дух:

— Нет, что ты. Дружинникам до нас дела не было — хлеб мы везли купленный, а не награбленный, и все сопроводительные грамоты были в порядке, я сам проверял. Просто

разбойники... В южных степях этаких лихих удальцов полным-полно, каждому охота пожить за чужой счет.

— И что, много их было?

— Около дюжины. Верховых... Но мы были готовы. Окопались за телегами и встретили их стрелами. Завалили нескольких всадников и пару их лошадей. Они ничего не могли поделаться, покрутились вокруг, посвистели, поорали и вконец убрались прочь...

— Но тебя все-таки ранили, — заметил Гэдж. — В спину.

— Я не подставляю врагам спину, парень! — сердито сказал Радбуг. — И не знаю, откуда взялась эта поганая стрела. Видимо, какой-нибудь шустрый разбойник изловчился, прислал мне подарочек напоследок. Или... — он вдруг замолчал.

— Или что?

— Да так, ничего... Просто Шавах... — он запнулся, оборвав себя на полуслове, точно сам удивленный собственной неожиданной мыслью — и не уверенный, стоит ли высказывать её вслух.

Гэджу отчего-то стало не по себе. Шавахом звали того орка, который пытался отобрать у Гэджа кинжал — еще там, на болотах, на опушке леса. Его мрачный, исполненный тяжелой звериной ненависти взгляд Гэдж тогда хорошо запомнил, даже сам того не желая.

— А что, этот... Шавах, — негромко спросил он, — тоже был с вами в охране, да?

Радбуг смотрел исподлобья.

— Ну, допустим, был, — процедил он сквозь зубы. — И что?

— Это он тебя подстрелил, так? — быстро сказал Гэдж. — Подобрал разбойничью стрелу, чтобы все было шито-крыто, и всадил её тебе в спину! Хотел свести счеты... ведь так, да?

Взгляд Радбуга показался ему странным.

— Я все же думаю, — медленно произнес орк, — что это был какой-то шальной разбойник... И советую тебе думать так же!

— Это... подло! Стрелять в спину собственным соратникам! — негромко, едва сдерживая негодование, произнес Гэдж. Он почему-то был уверен, что не ошибся в предположениях. — Этот мерзавец воспользовался удобным случаем и пытался тебя убить, а ты его выгораживаешь... Да его нужно посадить в темницу, предать суду и наказать по заслугам!

— Предать суду? Наказать? — Радбуг не то хрюкнул, не то глухо всхрапнул. И вдруг хрипло захохотал — прикрыв лицо ладонью, сотрясаясь всем телом, всхлипывая, вздрагивая и корчась на постели; судорожно вздохнул, закашлялся, пытаясь унять смех и отдышаться. — Ох, не смеши, у меня и без того ребра болят... Экий ты пылкий радетель за справедливость! Ничего, это скоро пройдет... — Он вновь фыркнул, все еще пытаясь совладать с непрошенным припадком веселья. — Это всего лишь мои предположения, Гэдж... Я знаю только одно: Шавах в тот момент находился у меня за спиной, и в руках у него был лук. Он мог выстрелить... но это не значит, что он действительно это сделал.

— Может быть, кто-нибудь что-нибудь видел, — проворчал Гэдж. — Наверняка найдутся свидетели, нужно искать...

— Не найдутся, — безучастно сказал Радбуг. — Кто в той заварухе вообще следил за тем, что происходит за чьей-то там спиной?

— Но это... неправильно! — Гэдж яростно скрипнул зубами. — Если Шавах виновен, его нельзя оставлять безнаказанным... Он — убийца. Нет, хуже, он — *подлый* убийца! А ты

хочешь, чтобы он вышел сухим из воды? Хочешь замять это паскудное дельце, да?

— Да, хочу... пока оно не замяло меня, — устало сказал Радбуг. — Никаких доказательств, кроме досужих домыслов, у меня нет... и не будет. И я даже не желаю, чтобы они были... Не лишай меня последних остатков веры в моих сородичей, парень, — добавил он негромко. — С Шавахом я сам разберусь, уж поверь, это наше с ним дело и ничье больше. Уж во всяком случае не твое.

— Да, но... — пробормотал Гэдж. Ему очень хотелось возразить — но он не мог придумать ни одного довода, который ему самому показался бы сейчас достаточно убедительным. Может быть, Радбуг прав? Стоит ли поднимать шум, баламутить воду в стоячем пруду, вздывать на поверхность пласты зловонной тины и вязкого ила, прочей дряни, таящейся под слоем грязной гнилой воды, пытаться отыскать спрятанную на дне крохотную жемчужинку справедливости? Она скрыта глубоко и надежно, захоронена в мутных глубинах, заключена в темную раковинку, створки которой — подлость и равнодушие — сомкнуты плотно. Да и есть ли она там вообще, эта неприметная драгоценность? Гэдж порывался сказать, что правда должна восторжествовать, несмотря ни на что, а справедливость следует отстаивать хотя бы ради самой справедливости, но отчего-то язык у него не поворачивался произнести всё это вслух...

«Это наше с ним дело», — сказал Радбуг. Чем он теперь вздумает ответить Шаваху, тоже подкараулит его где-нибудь за углом? Почему-то Радбуг не казался Гэджу человеком (вернее, орком), который способен нанести удар в спину, и все же... может, подобные обычаи в Крепости в порядке вещей?

Даже так — *насколько* подобные обычаи в Крепости в порядке вещей?

— Кстати, — после недолгого молчания вновь заговорил Радбуг; орк отсутствующим взглядом смотрел куда-то мимо Гэджа, в камин. — Я хотел у тебя спросить: тот друг, о котором ты мне говорил... спас ты его?

— Нет, — мрачно отозвался Гэдж, — не спас.

— Сочувствую, — ровным голосом откликнулся орк. — С Замком трудно бороться, парень, он живет по своим правилам, здесь действуют совсем другие законы, отличные от тех, к которым ты, вероятно, привык... Но, по крайней мере, теперь тебя здесь ничто не держит. Я прав?

— Мне некуда идти, — угрюмо сказал Гэдж. — Меня нигде не ждут.

Это было действительно так: впрочем, сейчас он признавался в этом себе даже без особенной горечи.

— Ясно. — Радбуг, едва заметно морщась от боли, по-прежнему безо всякого выражения смотрел в очаг, на горячие, ало пламенеющие угли. Ответ Гэджа его несколько не взволновал и не удивил. — Не отчаивайся, парень — в конце концов, ко всему на свете можно привыкнуть, даже, гм, к мясорубке.

— Угу. Особенно если научиться считать себя куском мяса, — пробурчал Гэдж.

Радбуг внимательно взглянул на него.

— Не обязательно. Если на тебя падает бочка с дерьмом, вовсе нет необходимости подставлять ей голову. Можно просто отойти в сторону.

— А ты сумел, — быстро спросил Гэдж, — вовремя отойти? Тебя что, не задело?

— Задело. Но у меня с юности, видишь ли, хороший опыт по части уворачивания от подобных бочек. В этом смысле мне повезло... или *неповезло*, это уж как посмотреть. — Он коротко хмыкнул. — И все же я хочу, чтобы ты знал: то, что ты видишь в Крепости — это не

жизнь... так, осадок, изнанка жизни, парни просто расслабляются после ратных опасностей, им недосуг считаться с требованиями морали. Настоящая жизнь для орка — там, в горах, на суровых скалистых склонах, среди вольных круч, благодатных долин...

— Где можно вдоволь поубивать и пограбить?

— Грабежом не проживёшь, — Радбуг покачал головой. Голос его вконец охрип, он говорил все тише, почти через силу — но говорил, желая поделиться тем, что, видимо, накопилось в его душе, тем, что он мог высказать только Гэджу, в лице которого нашел понимающего слушателя. — Орки промышляют разбоем ничуть не больше, чем другие народы, поверь. Мы кормились охотой, разводили коз, немного занимались земледелием. Конечно, иногда выдавались плохие годы, когда земля не родила, рыба уходила из реки и зверь забивался глубоко в норы. Тогда приходилось выживать... разными способами.

— А твоя мать, она... — Гэдж запнулся. Стоило ли сейчас об этом говорить?

— Что?

— Она была пленницей? — выдавил Гэдж. Почему-то ему казалось важным выяснить для себя этот вопрос.

Радбуг молчал — долго, так долго, что Гэдж решил, что ответа не будет, и, в общем-то, был ничуть этим не удивлен. Но орк все же неохотно разжал губы:

— Я почти ничего не знаю о своей матери... кроме того, что она была человеком. Меня с сестрой — мы были двойняшками — нашли в корзине охотники в одном из горных распадков, кто-то подкинул корзину на козью тропу. Видимо, избавился от позора... Нас, наверно, убили бы, но в тот год на младенцев племени напал какой-то мор, детей было мало, и Мать Рода велела оставить нас в живых, тем более что один из найденышей был девочкой... Вот, собственно, и все.

— Значит, ты вырос в племени? — тихо спросил Гэдж.

— Да.

— А откуда тогда...

— Что?

— Ну, кто научил тебя... читать?

— Кхамул. — Радбуг поморщился. — Один из визгунов. Уже здесь, в Замке. Он не только меня обучал, еще и других — вастаков, северян... Наверное, им нужны были в Крепости худо-бедно грамотные люди... и даже уруки. Меня он выбрал просто потому, что, видимо, полагал, что полуорка научить грамоте будет проще.

— А других орков, значит, визгуны не учили?

— Не учили... зато муштровали. Да, именно так. Муштровали. Замок дал нам в руки оружие, вышколил, натаскал боевым умениям, сделал нерассуждающими вояками... позволил не заботиться о завтрашнем дне. А орки, видишь ли, за кусок хлеба привыкли всегда отдавать сторицей.

— Даже если это хлеб из рук поработителя?

— Об этом в угаре дней не многие задумываются, парень. Новое поколение уже и не знает иного, вольного существования. Да и старики подзабыли заветы предков, пристрастились к легкой жизни: в Замке они всегда обуты, одеты, сыты и пьяны — знай делай, что приказывает начальство. А приказы не обсуждаются — уж это здесь позаботились крепко вколотить в наши лбы.

— Угу. И превратили вас в чучела, — сказал Гэдж.

— Какие чучела?

— Обыкновенные. Набитые опилками и старым рваным тряпьем. Со стеклянными глазами.

— Эх ты загнул! — Радбуг вновь не то рассмеялся, не то глухо закашлял. Помолчал, переводя дух, собираясь с силами; взглянул на Гэджа почти весело. — Выше нос, парень, пока ты не попал в лапы к Мёрду, можешь считать, что жизнь не закончена. Знаешь что, держись Шарки, за этим старым лисом не пропадешь. Он далеко не так прост, каким хочет казаться...

Бесшумно отворилась дверь.

Вошёл — лёгок на помине! — Саруман в сопровождении невысокого орка, седого и сгорбленного, помаргивающего подслеповатыми глазами; лицо старого снаги было измятым и морщинистым, словно обезьянья мордочка, он прихрамывал, трясся все телом и часто шамкал беззубым ртом. Не обращая на него внимания, Белый маг широким шагом пересёк комнату, остановился возле постели раненого, внимательно посмотрел на Радбуга сверху вниз.

— Все в порядке? Я нашел тебе сиделку, — он кивнул в сторону своего спутника, который тем временем сунулся в камин подкинуть дровишек и, дрожа, так низко склонился над огнем, что клочья седых волос, торчащие из-под его войлочной шапки, начали предостерегающе потрескивать. — Пурых побудет тут до рассвета, на случай, если у тебя поднимется жар, лады?

— Ну, лады, — пробормотал Радбуг. — Пусть побудет.

Саруман кивнул.

— Я или мой ученик утром заглянем, чтобы сменить повязки. Идем, Гэдж.

Пурых сидел, чуть ли не с головой нырнув в камин, протянув к огню скрюченные подагрой руки, а от его кислых сырых отрепьев валил серый пар, такой едкий и густой, что казалось, будто бедолага загорелся... И у Гэджа возникло странное ощущение, что Саруман приволок сюда этого развалюху Пурыха не столько для того, чтобы присматривать за Радбугом, сколько затем, чтобы дать старому снаге возможность как следует обогреться у очага: в подвалах Крепости было сыро и холодно даже летом, и ютящиеся там «козявки» частенько страдали от непроходящих простуд и боли в суставах... Впрочем, Гэдж счёл за лучшее держать подобные мысли при себе.

* * *

— Что, опасная у него рана?

Они возвращались обратно тем же путем, через орочьи казармы. Саруман шагал впереди, нес фонарь и сундучок с инструментом, Гэдж тащился следом за ним с сумкой через плечо. В ней мягко побрякивали склянки и банки с мазями и растворами.

— Повреждения легких всегда, знаешь ли, чреваты неожиданностями, — небрежно отозвался Белый маг, не оборачиваясь. — Но на орках раны заживают быстро, главное — не допустить воспаления. Кстати, напомни мне завтра насчет карболовой кислоты...

В казарменных коридорах меж тем слегка поутихло: по холодной каменной кишке лишь деловито шмыгали крысы, да, тяжело топая, ходили дежурные, меняли в шандалах отгоревшие факелы. Где-то высоко над сводами коридоров вновь родился отдаленный тоскливый вой, но, услышав его, Гэдж едва ли поежился — он уже привык не обращать внимания на эти внезапные, надоедливо-заунывные звуки.

— Слушай, — медленно проговорил он, — я тут кое-что подумал. Насчет ошейников.

Они уже подошли к порогу своей каморки, и Саруман, оглянувшись на Гэджа, на секунду остановился. Фонарь в его руке дрогнул.

— Что подумал?

— Ну... — пробормотал Гэдж. — Мы могли бы попытаться добраться до Росгобела. Ведь ошейники чувствительны к присутствию орков. Но я тоже — орк! Так что в моем обществе ошейник тебе не страшен.

Саруман толкнул плечом дверь, вошёл в каморку, поставил сундучок на стол. Задумчиво посмотрел на Гэджа.

— Интересная мысль. А как ты предполагаешь пройти через болота?

— Папаша мне говорил, что можно отпугивать гуулов какой-то мазью...

— Мазью? Ну, хорошо. Допустим, минуем мы каким-то чудом эти поганые топи и окажемся в Росгобеле... А что дальше?

Гэдж замялся.

— Ну... возможно, Радагаст сумеет снять с тебя этот проклятый ошейник.

— Радагаст! — Саруман презрительно поджал губы. — Этот Повелитель Бабочек и Врачеватель Барсуков? А если не сумеет?

— Пока я с тобой рядом, тебе нечего бояться, — пробурчал Гэдж.

Саруман печально улыбнулся.

— Друг мой Гэдж! И как надолго тебя хватит? Ты же не будешь всю жизнь находиться рядом со мной, не имея возможности отойти дальше, чем на десять футов? Да мы через неделю друг друга возненавидим. Ты этого хочешь? Я — нет. — Он не то прерывисто вздохнул, не то с яростью втянул воздух сквозь зубы. — Как и того, чтобы кто-нибудь знал о том, что я торчу в этой паскудной Крепости с рабским ошейником на горле. Это... довольно унижительно, видишь ли. К тому же один раз я уже просил о помощи и не получил её. — Он чуть помолчал. И добавил — решительно и жестко, точно отсекая ланцетом ненужную, пораженную гнилью, безнадежно омертвевшую плоть: — Второй раз я просить не буду.

40. Надежда и отчаяние

— Помнишь Брана, Гэдж?

— Какого Брана?

— Того, которому мы пытались перелить кровь — еще там, в Изенгарде... Кажется, теперь я понимаю, отчего он умер.

— Отчего же?

Саруман задумчиво хмыкнул. На столе перед ним располагался ряд скляночек, наполненных кровью, отстоявшейся и разделившейся на два слоя: верхний был прозрачный, соломенно-желтый, нижний — темно-красный, цвета выдержанного гранатового вина. Соломинкой извлекая из скляночек по капельке содержимого, Шарки смешивал их на отдельном фарфоровом черепке и внимательно разглядывал полученный результат сквозь выпуклое стекло.

— Смотри, Гэдж. Возьмем кровь из скляночки номер пять, а сыворотку... ну, скажем, из номера третьего. Смешаем одну с другой... Что ты видишь?

Гэдж склонился над лупой.

— Ну, кровь какая-то неоднородная... в ней сгустки... хлопья, словно в свернувшемся молоке. По-твоему, в жилах Брана произошло то же самое?

— Да. Его кровь потеряла текучесть и свои животворные свойства, поэтому он и умер. Все как будто логично.

— А почему не умер тот человек, которому ты переливал кровь в Эдорасе?

— Потому что при смешивании крови результат не всегда одинаковый. Возьмем опять кровь из пятого номера, а сыворотку — из номера семь. И что теперь?

— М-м... Ничего. Обычная кровь. Никаких сгустков.

— Вот именно. Сгустков не будет даже в том случае, если пытаться кровь взбалтывать или перемешивать.

— И в чем причина?

— Хотел бы я сам это узнать...

— А чья это кровь, Саруман?

— Обычных «крысюков», которым я бессовестно объяснил, что кровопускания весьма полезны для здоровья, лечат от головной боли, избавляют от шума в ушах и вообще улучшают цвет лица. Но дело не в этом... А в том, что каждый раз, когда я смешиваю кровь с сывороткой в различных вариантах, я получаю и различный результат. Кровь номера пятого отлично совмещается с кровью номера седьмого, но совершенно не подходит к крови номера третьего. Номер второй в номере шестом и третьем образует сгустки, а в номере четвертом и седьмом — нет.

— Несуразица какая-то...

— Да нет, некая закономерность, видимо, существует, только её не так просто выделить. Номер седьмой вообще подходит ко всем образцам без исключения, кстати... Впрочем, этому, возможно, объяснение как раз и можно найти.

— Какое?

— В склянку под номером семь я собрал собственную кровь, — маг показал Гэджу перебинтованный холщовой тряпицей порез на запястье.

— Ну... ясно... — пробормотал Гэдж, — ты же у нас волшебник.

— Как, видимо, и тот славный мужичок, чья кровушка присутствует здесь под номером один. Она тоже замечательно смешивается со всеми образцами без исключения.

— Правда? Интересно, а к моей крови она тоже подойдет?

— Это несложно проверить. Если ты от щедрот одолжишь мне самую капельку...

— Почему бы и нет? — Гэдж резанул запястье ланцетом — и смотрел, как тоненькая темная струйка весело побежала в подставленную скляницу. — И чего не сделаешь ради занятного опыта...

...Кто-то почти неслышно поскреб ногтем по закрытой ставне. Саруман накинул на склянки широкий холщовый плат, нехотя поднялся и распахнул дверь. На пороге стоял худосочный, большеносый «козьявка» в перепачканной грязью робе — видимо, его с каким-то поручением выдернули прямо из дренажной канавы. Оба глаза у него слегка косили к переносице, отчего казалось, будто снага очень сосредоточенно, с превеликим вниманием разглядывает кончик своего внушительного носа.

— Меня Гарбра прислала, — сообщил он гнусавым, слегка простуженным голосом; говорил он тоже в нос и, видимо, обращался к этой же, не терпящей невнимания, части лица. — Ханара у них там... того.

— Что «того»? — спокойно спросил Саруман, он уже привык к таким немногословным, но вместе с тем ёмким объяснениям: «Приятель мой там того...» Подразумеваться под этим могло все что угодно, от «сверзился с лестницы» до «проглотил лягушку».

— Того, — повторил посланник, видимо, недоумевая, как это Шарки сразу не ухватил суть дела. — Корчи с ней сделались, в обморок повалилась. А она на сносях, рожать вот-вот.

— Корчи? Однако! — Саруман сделал знак Гэджу, чтобы тот подал ему сундучок с инструментом. — Давно повалилась-то?

— Куда?

— В обморок.

— Да не знаю я, — сердито буркнул снага. — Меня Вахра поймала: беги, говорит, Трыш, за лекарем, да побыстрее, Гарбра велела звать... Ну, я и побёг.

— А Гарбра — это кто? Повитуха?

— Повитуха? Нет! — На скомканной бородавчатой мордочке Трыша выразилось возмущение. — Гарбра — Мать Рода!

Шарки изумленно пошевелил бровями — но ничего не сказал. Обычно орочи бабки и мамки сами справляются в таких случаях и отнюдь не стремятся допускать на свою территорию посторонних — видимо, случай произошел из ряда вон выходящий, раз понадобилась помощь пришлого лекаря. Не иначе занемогшая роженица приходилась грозной Матери Рода ближайшей родней — дочерью либо внучкой.

— Что ж, если припадок еще не закончился, придется, видимо, делать чревосечение... За жизнь матери не ручаюсь, но за плод еще можно побороться. Гэдж, бери свои снадобья...

— Мальчишку бабы к себе не пустят, — прогундосил Трыш, по-прежнему обращаясь к кончику носа. И добавил презрительно: — Не дорос.

— Мне понадобится помощник, — заметил Саруман.

— Найдутся помощники, у баб там свои лекарки есть. Ну, идем скорее, — он потянул Шарки за рукав.

Они уже вышли на порог, когда из-за ближайшего угла выскочил, спотыкаясь, тощий бородатый мужичок, рысцой приблизился к крыльцу, бесцеремонно оттолкнул Трыша, заступил Саруману дорогу. Мужичок был востропанный, потный и взволнованный, руки у

него тряслись, губы прыгали, глаза были квадратные, испуганные, умоляющие.

— Шарки, идем скорее! Там... Хорт помирает!

— Какой ещё Хорт? Я первый пришел, — злобно прогнусавил Трыш из-за его спины. —

Меня Гарбра прислала.

Шарки на секунду остановился.

— Что там с Хортом? — невозмутимо спросил он. — От чего помирать вздумал?

Мужичок тяжело перевёл дух:

— Лежит. Стонет. В груди болит, говорит, мочи нет.

— Задыхается? Сознания не терял? Губы синие?

Мужичок смешался.

— Не терял... Вроде бы нет...

Саруман ободряюще похлопал его по плечу.

— Значит, все не так страшно, успокойся, дружище. — Он небрежно кивнул Гэджу: —

Гэдж, вот и для тебя дельце нашлось. Иди разузнай, что там с Хортом. Грудная жаба, по всей видимости... Я приду при первой возможности.

* * *

Бородатый мужичок поглядывал на Гэджа с плохо скрытым неудовольствием — видимо, то, что Шарки отправил вместо себя какого-то мальчишку (да еще орка!), ему не особенно нравилось. Он то и дело досадливо вздыхал и что-то сердито бормотал у Гэджа за спиной — жаловался на вопиющую несправедливость происходящего в целом и на тяжкую бесправную долю пленника в частности...

Какой-то озорной демоненок словно подтолкнул Гэджа кулаком в плечо: он обернулся, исподлобья посмотрел на мужичка и, по-кагратовски приподняв верхнюю губу над клыками, издал негромкий, но очень свирепый и выразительный рык. Мужичок шарахнулся. Он вообще был невысокий и щупленький, и Гэдж внезапно подумал, что, пожалуй, мог бы сбить его с ног одним-единственным щелчком пальцев. Если бы захотел.

Оставшийся путь они преодолели во враждебном молчании.

Страдалец Хорт, полураздетый, лежал на лавке в одном из барачков, держался рукой за сердце и хрипло постанывал. Двое-трое «крысюков», окружавшие недужного, при появлении Гэджа неохотно расступились.

— А где Шарки?

— А нету. Дела у него. Этого прислал! — Мужичок-посланник со сдержанным раздражением кивнул в сторону Гэджа.

Среди пленников поднялся недовольный ропот:

— Не любят нас тут... орков охотнее лечат... а мы — так, расходный материал... пособие для оболтусов... сдохнешь — никто и не почешется...

Гэдж старался не обращать на это ворчание внимания, хотя оно зудело и зудело у него над ухом, назойливое, как комариный писк, втыкалось в кожу будто множеством раскаленных иголок. Он никак не мог развязать горловину сумки со снадобьями — пальцы стали какими-то непослушными.

Хорт страдальчески смотрел на него мутными ввалившимися глазами. Гэдж взял его за запястье. Пульс у Хорта был четкий, частый, и дышал он трудно и медленно, словно бы с осторожностью, точно каждый вздох причинял ему боль. Впрочем, запавших щек и

посинения вокруг губ, свидетельствующего о слабости дыхания, как будто не наблюдалось.

— Давно прихватило? — спросил Гэдж.

— С полчаса назад, — неохотно отозвался один из пленников. *А тебе-то* какая разница? — неприязненно говорил его взгляд. — Сердечные капли ему надо, чего тут думать-то...

«Сердечными каплями» называлась вытяжка пустырника и боярышника, настоянная на спирту, и некоторые из «крысюков» любили глотнуть таких капелек вечером «для крепкого сна». Гэдж достал деревянную трубочку, приложил её к груди страдальца, чтобы послушать работу сердца. Кожа у Хорта была бледная, липкая от пота, и на то, что он просто пытается изобразить сердечный приступ в погоне за успокоительным снадобьем, дело отнюдь не походило.

Хорт едва слышно закричал.

— Жжет в груди... в боку... в руке... мочи нет!

Сердце его билось чуть учащенно, но вполне ровно — никаких посторонних шумов, которые говорили бы о его неправильной работе, Гэдж не уловил, как ни прислушивался.

— Зелья сердечного надо, — повторил один из «крысюков». — Капелек ему дай, полегчает.

— Не дам, — сказал Гэдж.

Мужичок-посланник набычился:

— Почему?

— С сердцем у него все в порядке.

— Да что ты понимаешь, орк! Шарки сам сказал, что это грудная жаба.

Да. Жгущие боли в левой половине груди, отдающие в руку, липкий холодный пот, затрудненное дыхание — все говорило о том, что Хорта одолел приступ грудной жабы. Надо было накапать Хорту вожделенных «капелек» и убираться восвояси, но Гэдж медлил, что-то было не так... С начала приступа, по словам «крысюков», прошло уже больше получаса, а боли при грудной жабе так долго не длятся. Либо сердечный приступ серьезнее, чем кажется... но тогда пульс на запястье не прощупывался бы совсем — только под подбородком, и то еле-еле. Либо...

Либо — что?

Гэдж чувствовал себя дурнем. А Сарумана, который мог бы парой слов дать ему дельный совет, рядом не было.

— Сердце в порядке, — сухо повторил Гэдж — и сам возненавидел себя за нотки сомнения, проскользнувшие в голосе. А если он не прав, чего-то не услышал, недопонял, и это действительно грудная жаба? Враждебность и неудовольствие, исходящие от столпившихся вокруг людей, ощущались почти физически, будто угрожающе занесенная над головой лопата. — Вздохни так глубоко, как только сможешь, — сказал он Хорту.

Тот покосился на орка со страдальческим видом.

— Никак не могу! Больно! Что ты меня мучаешь!

— Привстать тоже не сможешь?

Хорт сделал вялую попытку подняться — но тут же, схватившись за грудь, с хрипом повалился обратно на лежанку.

Гэдж наклонился к нему, чуть ли силком отодрал его руку, прижатую к левому боку, и резко надавил пальцами на ребра. Наверно, даже слишком резко... Хорт дрогнул всем телом и глухо взвыл от боли, с уст его сорвалось невнятное ругательство; он, наверно, пнул бы

Гэджа ногой в живот, если бы тот не успел вовремя отскочить.

Ну и ладно. Теперь, по крайней мере, все было ясно.

Гэдж достал из сумки баночку с мазью из немейника и аккуратно натер снадобьем пораженный бок. Это была не та мазь, которой Гэдж лечил Гэндальфа, другая, сделанная по всем правилам — уж в чем-в чем, а в немейнике в Замке недостатка не ощущалось. Непритязательные растеньица чувствовали себя на болотах вполне вольготно, и *снаги* время от времени приносили с окраины топей эти серенькие цветочки целыми корзинами.

Минуту-другую ничего не происходило. Хорт лежал, сопел, пыхтел, хватал ртом воздух неуверенно и прерывисто. Смотрел на Гэджа тоскливо.

— Ну, что теперь? — со стоном спросил он. — Ждешь, когда я сдохну?

— Не жду. Сейчас полегчает, — сухо сказал Гэдж.

Мужички, столпившиеся вокруг, выжидательно молчали, дышали Гэджу в затылок ядреными ароматами пота и пивного перегара. По совести говоря, если бы бедолага Хорт сейчас хлопнулся в обморок, Гэдж бы несколько не удивился. Они мне наваляют, тоскливо подумал он, как пить дать наваляют, если я ошибся в предположениях...

Хорт судорожно вздохнул и прикрыл глаза. Сдавленное его дыхание чуть выровнялось, бледное лицо расправилось, щеки малость порозовели.

— Легче? — нерешительно спросил один из «крысюков».

Немейник наконец проявил свое обезболивающе-охлаждающее действие, и Хорт малость приободрился, неуверенно улыбнулся уголком рта. Приподнялся и ощупал правой рукой грудь. Медленно повернул голову и посмотрел на Гэджа.

— Э, орк... Кажется, и впрямь того... полегчало. Весь левый бок онемел.

Гэдж кивнул. Мельком подумал, что слегка переборщил с количеством мази.

— Так и должно быть... Мажь бок этим снадобьем утром и вечером в течение трех дней, — он поставил баночку с немейником на стол и оглянулся на столпившихся вокруг невольных «зрителей». — Десятник здесь есть?

— Ну, я — десятник, — помолчав, отозвался один из пленников, на рукаве его холщовой робы виднелась тонкая красная нашивка.

— Хворому нужно отлежаться пару-тройку дней в тепле, — не глядя на него, хрипло произнес Гэдж. — И потом еще неделю-другую тяжести не таскать. Иначе болезнь вернется.

Десятник посмотрел на свои широкие, чуть грязноватые ладони — так внимательно и сосредоточенно, точно надеялся увидеть там письменное подтверждение словам орка с подписью и сургучной печатью.

— Пусть Шарки сам мне это скажет, — угрюмо промолвил он.

— Хорошо. Я ему передам, — сказал Гэдж. Поднялся, взял свою сумку и направился к выходу.

Перед ним молча расступились.

* * *

— Ну и что там было с Хортом? — спросил Саруман.

— Ничего особенного, — небрежно откликнулся Гэдж. — Обычный межреберный прострел.

— Как определил?

— Пульс устойчивый, работа сердца без изменений, боль при прощупывании

прослеживается вдоль ребра по направлению от позвоночника.

— Молодец.

— А что там с этой... Ханарой? — спросил Гэдж, радуясь, что в каморке полутемно, и Саруман не видит, как у него против воли зарделись щеки. Будто у чувствительной эльфийской девицы, одернул он себя. Похвала была скупой и сдержанной, но Гэджа распирало от счастья и гордости, как будто Шарки щедрой рукой отсыпал ему мешок чистейшего золота. — Спас ты её?

Саруман пожал плечами.

— Не знаю... Местные лекарки-повитухи сами все делали, я только, гм... раздавал указания. Родились двое орчат. Мальчики.

— Они выживут?

— Орчата — да, хоть они и слабенькие. Мать... Не имею представления. Может, и выживет, орки живучие... Я следил, чтобы чрево ей зашили по возможности аккуратно. — Он подошёл к чану с кипяченой водой, зачерпнул из него деревянной кружкой, сделал несколько долгих жадных глотков. Проворчал себе в нос: — Узнал бы Келеборн, чем я тут занимаюсь...

— По-твоему, это постыдно — спасти орков, да? — тихо спросил Гэдж.

Шарки не ответил. Посмотрел на остатки воды в кружке, задумчиво взболтнул её в руке.

— Вода принимает форму того сосуда, в котором находится, — сказал он мрачно. — Так вот: я все чаще начинаю чувствовать себя водой...

Из-за двери (той, что вела к казармам) донеслись тяжелые, чуть прихрамывающие, хорошо (даже слишком хорошо!) знакомые Гэджу шаги. Саруман бросил настороженный взгляд через плечо.

— Спрячься! — быстро шепнул он Гэджу. — И не показывайся, что бы ни случилось. Тебя здесь нет, понял?

Еще не успев ни о чем подумать, Гэдж нырнул под ближайшую лавку, вытянулся там на полу, затаился в темноте, будто мышь, укрылся под низко спадающими краями попоны, которой лавка была покрыта. Над полом скользнул сквозняк: без стука распахнулась дальняя дверь. В щель между полом и краем попоны Гэджу были видны лишь сапоги вошедшего: простые, но крепкие, с плоскими тупыми носами и короткими голенищами, подвязанными на икрах кожаным ремешком. Незванный гость прошел через горницу, чуть прихрамывая, оставляя за собой грязные, остро пахнущие тиной отпечатки следов.

— Здорово, Каграт, — проворчал Саруман. — Почему без стука? Вваливаешься, словно в нужник.

— Здорово, старый, — хрипло отозвался орк. — Зелье свое припас?

— Прихватило, что ли? Почему раньше не появлялся?

— В разведку ходил, недосуг было.

Кагратовы сапоги остановились возле гэджевского убежища — так близко от Гэджа, что он мог бы дотронуться до них пальцем, если бы захотел. Дощатый настил над головой Гэджа затрещал — папаша тяжело обрушился на лавку, прислонился спиной к стене, по-хозяйски вытянул вперед ноги.

— Ты поганки-то свои получше, получше вываривай, старый, твое вонючее пойло дерет горло хуже сивухи... Сопляк-то мой нынче где? — в голосе орка звучал не интерес — скорее ленивое брезгливое недовольство. — Гляжу, прижился он у тебя тут, приبلудыщ, к папочке под крылышко не торопится возвращаться.

Саруман копошился где-то в отдалении, скрипел дверцами шкафчика, позвякивал скляночками.

— Тебе-то он зачем, повидаться хочешь? Так я его в лес отправил, за вершками да корешками... Цветы заунывника аккурат в самом соку.

Каграт фыркнул.

— Ну-ну. Цветочки да ягодки собирать — как раз по нему работенка. Ты, старый, я вижу, крепко на него глаз положил?

Саруман подошел к столу, забулькало какое-то переливаемое в пузырек снадобье.

— А что́ он для тебя, Каграт — обуза, постылое бремя, лишний рот на скупую орочью пайку... А мне нужен толковый помощник и ученик, здесь работы тоже хватает. Так почему бы нам и не наладить это дельце ко взаимному удовольствию, эм?

Каграт неопределенно хмыкнул.

— Ишь, как ты гладко стелешь: и волки у тебя сыты, и овцы целы. Помощник, значит, тебе понадобился? Только вот что, — он коротко, злобно взрыкнул, — от моего обормота — лапы прочь! Достаточно его в теплом местечке выращивали, окучивали, да сахарной водичкой опрыскивали, то-то он блажить начал, нос задрал, родного отца в грош не ставит. Не указ я для него, видите ли — так, букашка, мушиный помет... загогулина на пустом месте!

— Ты зря воспринимаешь это как личное оскорбление, — спокойно заметил Саруман. — Если твой сын не такой, как другие, это не значит, что он хуже других. Не нужно подгонять его под общую мерку.

Орк раздраженно зарычал.

— Нет, нужно! Ему тут жить, в Замке, *амерками* тутошними визгуны заведуют: не вместишься — выступающие места одним махом подрежут. Да меня мои же парни на смех поднимут, если я не заставлю этого сопляка ползать передо мною на брюхе! Кто такой, скажут, Каграт — да никто, тряпка... спасовал перед мальчишкой, собственного щенка не сумел вышколить... да какой он тогда на хрен начальник? Не будет такого, слышишь! Я этого брыкливого наглеца обломаю, кнутом да дубинкой не таких умников укрощал... им иная наука впрок не идет. Так что ты его за пазуху не прячь, я его из-под земли выкопаю, если потребуется... а коли придется — туда же и закопаю, рука у меня не дрогнет. А насчет помощника... Помощника я тебе пришлю. Джахрая знаешь?

— Это однорукого-то?

— Вот то-то и оно, что однорукого. Не в строй же мне его ставить... А тебе, глядишь, как раз пригодится.

— Да ну, правда? Может, ты мне заодно тогда и Уштура пришлешь?

— Это который с зелеными человечками разговаривает? Ну, могу и прислать. Только у него мозги набекрень, это всем известно.

— Ну и что? Оружие ему, конечно, в руки не дашь, ну так вместо меча ланцет ему вручим, пусть целительство... Не в распыл же его пускать, верно? Этак одногопустишь, другого, а потом тебя самого туда же — в расход, по проторенной, так сказать, дорожке, чтобы под ногами не пугался...

— Не вспухай! — голос Каграта зазвучал угрожающе. — Болтаешь много... не в соответствии с уставом. Язык-то у тебя длинный, я погляжу, как бы укоротить не пришлось... Ты вообще-то у меня в кулаке, старый, не забывайся, будешь вспучиваться — примну ненароком.

Саруман усмехнулся.

— Ну, попробуй, примни. Тебе твои парни за это, конечно, спасибо скажут. Кто им, кроме меня, будет язвы врачевать, сопли подтирать и червей из нутра вытравливать? Надо полагать, твой однорукий Джахрай?

— Ничего, — проворчал Каграт, — жили всю жизнь с соплями и червями — и еще поживут. Незаменимых здесь нет, по твоей драгоценной персоне плакать никто не будет.

— Печень твоя будет плакать — кровавыми слезами! С ней-то ты не договоришься...

На несколько секунд повисла тишина — видимо, Каграт попросту опешил... не сразу нашелся, чем парировать такой предательский, с тыла нанесенный удар.

— Ах ты... старая паскуда! — тихо проговорил он наконец. Стремительным, резким прыжком сорвался с места; послышалось какое-то короткое судорожное движение и приглушенный свистящий вздох. Гэдж не видел, что происходит в камерке у него над головой, но тут же очень живо вообразил себе, как крепкие, тископодобные пальцы Каграта сомкнулись у Сарумана на горле. Легко, словно игрушку, орк отшвырнул волшебника в угол, прижал к стене, тяжело задышал в лицо.

— Ах ты, паскуда, старая шлендра! — тихо, почти ласково произнес он вполголоса, чуть ли не шепотом, так, что Гэдж едва его слышал. — Ты меня из положения равновесия-то не выводи. А то, чего доброго, переступлю я, зубы стиснув, через свои кристальные честь и совесть, пойду в Башню да кликну-таки визгунов... А ну как до них дойдут некоторые любопытные сведения о твоей сомнительной персоне? Я-то, конечно, не провидец, но будущее твое незавидное предскажу тебе тогда запросто. Потащат тебя в пыточную, к стервятнику Мёрду, вздернут на дыбу да начнут расспрашивать, кто таков да откуда взялся... масло-то из тебя выжмут, а жмых шаваргам бросят на забаву и на прокорм. Воспомянешь тогда старину Каграта недобрым словом, да будет уже поздно! Прояснил я для тебя ситуацию, старый?

Саруман издал горлом какой-то невнятный булькающий хрип, в котором Гэдж после секундного сомнения опознал сдавленный, но оттого не менее язвительный смех. Шарки не делал попыток вырваться из цепкой хватки Каграта, голос его немного осип, но звучал желчно и вызывающе:

— Прояснить-то прояснил, только не обессудь... Мог бы ты меня сдать, Каграт, уж давно бы это сделал, заработал бы себе нашивочки полутысячника. Только, видать, есть у тебя веские причины сидеть да помалкивать...

— Жалость и милосердие — вот единственные причины, которые заставляют меня щадить твою паршивую шкуру!

Саруман по-прежнему скалил зубы:

— Э, нет! Ты о своей шкуре беспокоишься, орк! Хочешь, я предскажу тебе *твоё* будущее? Оно, поверь мне, незавидно, ибо костлявая уже стоит за твоим плечом... Нет-нет, в целом-то ты детина крепкий, и мог бы коптить небо еще немало лет, прежде чем тебя наконец прикончат в бою, или достанет шальная вражья стрела, или мимоходом прирежут по пьяной лавочке — вот только куда раньше, чем тебе доведется умереть такой, я бы сказал, естественной для тебя смертью, тебя сведет в могилу твоя злосчастная хворь. Уж поверь, она обрекает тебя на страдания и боли ничуть не менее жестокие и утонченные, нежели беспощадная «железная дева». Я-то не пропаду, я и с визгунами сумею отыскать общий язык... А вот тебя, друг мой, кончинушка поджидает быстрая и совершенно бесславная. Твою несчастную печень сейчас только моё «вонючее пойло» спасает от окончательного

распада, и я бы тебе впредь не рекомендовал пропускать сроки приема очередной дозы восстанавливающего зелья. Надеюсь, я доступно тебе это объяснил, орк?

— Брехня! — Каграт захлебывался мутной вязкой слюной. — Обойдусь и без твоих снадобий, с-сука!

— Ну, попробуй! — прохрипел Саруман.

Возникла короткая пауза; Гэдж, кусая костяшки пальцев, лежал под лавкой ни жив, ни мертв, не зная, то ли вскочить и броситься учителю на подмогу, то ли сохранять прежнюю позицию. *Не показывайся, что бы ни случилось...* А если зверюга Каграт сейчас в судороге бешенства попросту свернет Саруману шею?! Гэдж уже хотел выпрыгнуть из своего убежища и навалиться на папашу с тыла, но этого не потребовалось: благоразумие, видимо, все-таки взяло в душе Каграта верх над желанием задать Шарки хорошую трепку. Усилием воли орк подавил жажду расправы: что ни говори, наглый старый хрыч был ему нужен и, к сожалению, в куда большей мере, нежели сам Каграт этого желал бы.

— С-сволочь! — сквозь зубы, но вполне отчетливо произнес он. Раздался приглушенный вскрик, невнятный шум, глухой звук удара — видимо, Каграт в бессильной ярости отшвырнул мага прочь. Тесное помещение наполнилось звоном, лязгом и дребезгом, хряском бьющегося стекла — это посыпались на пол жестянки и склянки, которые расшвирипевший орк в бешенстве смахнул с верстака. «Старая сволочь! — со сдавленным, исполненным глухого исступления рыком повторил он. — Знал бы, что этим все закончится, еще в сарае Гнуса прирезал бы!» Затрещала какая-то рвущаяся ткань, с грохотом прокатилась по полу отброшенная пинком деревянная табуретка; злобные кагратовы сапоги тяжело протопали через горницу, учиняя по пути разбой и разрушения, давя, пиная и круша все, что попадалось на дороге, наконец направились к выходу. Громко бухнула о косяк рывком закрытая дверь.

И наступила тишина...

Не мешкая ни секунды, Гэдж выскочил из-под лавки.

Каморка выглядела как после погрома: скатерть со стола была наполовину сорвана, в углу вверх тормашками, задрав к потолку все четыре ножки, словно опрокинутый на спину жук-панцирник, лежала отброшенная табуретка. На полу тускло поблескивала неопрятная груда сметенного с верстака битого, ещё раз битого и яростно растоптанного стекла, из-под неё растекалась темная лужа какого-то снадобья, судя по запаху — валерианы... Гэдж отыскал взглядом Сарумана. Шарки, скорчившись, сидел на полу возле стены и осторожно ощупывал пальцами левую скулу, вид у него был помятый, в бороде и волосах запуталась какая-то труха, одежда пришла в разор и беспорядок. Под глазом медленно наливался сочным сливовым цветом свежий кровоподтек.

Гэдж подскочил к магу.

— Силы небесные! Ты в порядке?

— О, да, вполне... Не тревожься, Гэдж. — Шарки, болезненно кривя лицо, покосился на него исподлобья. — Дай мне воды.

Гэдж протянул ему чашу. Саруман сделал жадный глоток, потом, опираясь на руку орка, неловко поднялся и сел на ближайшую лавку, двигаясь так медленно и осторожно, точно все кости в его теле были фарфоровыми. Посмотрел на груду битого стекла под столом и на расплзающуюся из-под неё вонючую лужу.

— Сейчас сюда сбегутся кошки со всего Дол Гулдура... Однако этот паршивец намусорил за собой, как свинья!

Гэдж в ярости сплюнул. Сгрёб носком сапога осколки и битые черепки в аккуратную кучку.

— Стыдно признаться, — сказал он сквозь зубы, — но когда-то, лет пять назад, я всерьёз мечтал о встрече с отцом: сильным, бесстрашным, справедливым, добрым... а на деле оказалось, что мой папаша — мерзавец, дикарь и отпетый разбойник, каких поискать! Грубая скотина! Привык все вопросы решать дубиной...

— Нет-нет, — Саруман, потирая нос, невесело рассмеялся. Обмакнул в чашу с водой чистую тряпицу, задумчиво приложил примочку к вспухающей скуле. — Ты зря так говоришь, Гэдж. Папаша твой по-своему очень даже неплох — ну, для орка, разумеется.

— Он просто законченная мразь!

— Отнюдь. Он просто незамутненный, чистой воды орк, настоящий, так сказать, образчик орочьей породы, нрава, духа и образа мыслей: хитрый, развязный, безжалостный, не обремененный никакими условностями... Пусть он в некотором роде дикарь, но я бы не стал вменять это ему в вину... в конце концов, отмой его от казарменного дерьма, облачи вместо этих звериных кож в бархатный камзол, обучи лицемерию и начаткам учтивых манер — и он станет ничуть не хуже какого-нибудь знатного разгильдяя с улицы Золотых Лепестков, ничем особо не интересующегося, ни к чему не стремящегося, ни о чем не радеющего, убивающего дни в праздности, охотничьих забавах и разгульных кутежах. Такого хлебом не корми, дай только вдосталь покуражиться да побряцать оружием...

— Одно дело — бряцать оружием, а совсем другое — пускать его в ход, — ворчливо возразил Гэдж, оставшийся при своем мнении. — Да отскобли ты вшивую кагратову шкуру хоть до блеска, все равно это его уродливую натуру ни на грош не изменит. И не помешает ему при случае учинить разбой, поглумиться над слабым и убить беззащитного... О многих «разгильдяях с улицы Золотых Лепестков» ты можешь сказать то же самое, а?

Саруман поморщился.

— О многих, Гэдж. С той лишь разницей, что они, как люди, причастные высшему свету, убивают, как правило, не своими руками.

— Конечно. Лапами таких вот Кагратов...

— Зачем? К их услугам все законы просвещенного общества. Да одной долговой кабалой можно задушить и погубить больше народа, чем это по силам сотне самых свирепых орков. — Маг бледно улыбнулся. — И не будем уже говорить о грабительских налогах «в казну», о разбойничьем мздоимстве, о произволе власть предержащих, о пристрастных суждях и продажных судах...

* * *

Среди ночи Гэдж неожиданно проснулся.

Горница была погружена во мрак, на столе горела единственная свеча.

Саруман сидел за столом, поставив локти на стол и подняв руки на уровень глаз, и меж его пальцев что-то голубовато посверкивало — что-то крохотное, как искорка или, скорее, светлячок — маленький, слабый светлячок, подобный тому, какой когда-то там, в подземелье, пытался зажечь Гэндалф.

Волшебный огонек. *Волшебный...*

Гэдж затаил дыхание — почему-то очень важным казалось сейчас не шевельнуться, не сделать неосторожное движение, не отвлечь, не *спугнуть*...

Саруман тяжело переводил дух; он сидел, прикрыв глаза, откинув голову назад, плотно сжав губы, лицо его в неровном свете казалось бы неподвижным ликом каменной статуи, если бы не было таким осунувшимся и нездорово-желтоватым. Огонек мерцал в его ладонях, то почти угасал, то вновь начинал разгораться — одинокий, робкий, болезненный, но какой-то удивительно упрямый, не желающий исчезать, умирать и бесследно растворяться в окружающей тьме. Секунду-другую он был почти не виден меж пальцами волшебника, тускло-голубоватый и едва теплящийся, потом снова набрался сил, засиял ярче, смелее, увереннее...

И вдруг угас — разом, будто его прихлопнули.

Белый маг глухо вскрикнул и схватился обеими руками за ошейник. Лицо его страшно искажилось — не то от боли, не то от ярости; задышавшись, он рванул замкнутый обод страстно, изо всех сил, точно пытаясь одним движением содрать его напрочь. Это был жест не разума и не расчёта — скорее отчаяния... Ошейник не отпускал свою добычу, жег и душил, не позволял забыть о себе, не мог допустить попытку бунта, неумолимо затягивался на горле, безжалостный, как скользящая петля.

Саруман хрипло застонал — прерывистым протяжным стоном, словно раненный зверь. Тяжело привалился грудью к столу, бессильно поник, уронил голову на руки, спрятал лицо в ладонях. Пальцы у него крупно дрожали, Гэдж видел это даже в полумраке каморки и — не хотел видеть, не хотел, не хотел! Но сейчас Шарки не мог, не в силах был своей слабости и уязвимости скрыть...

Словно кинжал возился орку под ребро — так остро и мучительно что-то резануло его по сердцу. Это было дико, страшно, совершенно неуместно, попросту с Белым магом несовместимо — эта опущенная голова, поникшие плечи и дрожащие руки, эта судорожная и молчаливая, тщательно скрываемая от посторонних глаз борьба с отчаянием, обреченностью и тоской... Днем, в докучливом шуме, хлопотах и суеде Гэдж, дурак, этого не замечал — только сейчас он внезапно понял, прочувствовал до глубины души, насколько Саруман на самом деле измучен висящим у него на шее ярмом, насколько он несчастен и одинок — узник, запертый в клетке собственного бессилия, но упрямо не желающий смириться с неволей, не желающий сдаться, не желающий быть *водой* и принимать форму ненавистного сосуда...

— Гэдж. Ты не спишь?

Притворяться не имело смысла.

— Нет.

Белый маг медленно поднял голову. Твердо сжал губы, неторопливо переплел меж собой непослушные пальцы, накрепко запер их в «замочек». Он уже пришёл в себя, лицо его было непроницаемо, голос звучал ровно и почти спокойно, как и всегда, только на лбу предательски поблескивали капельки пота. Он торопливо, как-то неуклюже стыдливо смахнул их рукавом.

— Не обращай внимания. Это была просто... минута уныния. Со всеми иногда случается, знаешь ли.

Гэдж принудил себя лежать без движения. Ощутил во рту вкус крови и спросил себя с удивлением: когда это я успел прикусить губу?

Бесшумно помаргивал на столе огонек свечи, яростно трепетал, точно пытаясь оторваться от постылого воскового основания и, свободный, как бабочка, упорхнуть к потолку. Прыгали по стенам бесформенные тени, где-то в тёмном углу застенчиво пиликал

сверчок. В каморке все ещё ощущимо пахло валерианой.

— Из чего они сделаны? — хрипло пробормотал Гэдж. — Эти... треклятые ошейники? А?

Саруман по-прежнему сидел неподвижно, опираясь подбородком на сцепленные в «замочек» пальцы, невидяще глядя на мерцающее пламя свечи. Долго молчал, прежде чем ответить:

— Ничего особенного. Медь и олово. Ирчиллин.

— Тот элемент, который чувствует присутствие орков?

— Да. И... еще что-то. То вещество, которое заключает в себе заклятие-скрепку.

— Галворн?

— Возможно... — Волшебник покосился на Гэджа без интереса. — Откуда ты знаешь про галворн?

Действительно, откуда? — спросил себя Гэдж. Он покопался в памяти.

— Гэндалф как-то предположил, что мой амулет... ну, этот «сит-эстель»... был изготовлен из галворна. Из «небесного железа» или чего-то в этом роде... Которое, ну, с неба на землю комом упало...

Он осекся — ему показалось, будто Саруман вздрогнул.

— С неба? Постой... что ты сказал? Из «небесного железа»? — Маг выудил эти слова из фразы орка, как рыболов неожиданно выуживает из мелкой речушки крупную щуку. — Ах ты... леший!

Он рывком поднял голову и посмотрел на Гэджа. Глаза его странно сверкнули в полумраке горницы. Лицо вдруг просветлело — как будто озарилось изнутри ровным холодным сиянием, словно кто-то зажег там, внутри Сарумана, небольшую лампадку.

Гэдж привскочил:

— Что... такое? — Кончики его пальцев похолодели от какого-то неясного, но скорее радостного, чем пугающего предчувствия.

— Твой Гэндалф, как ни странно, был прав, — раздумчиво и с расстановкой, будто удивляясь собственным словам, произнес Белый маг. — «Сит-эстель» действительно был изготовлен из галворна... только это еще не все. — Он издал короткий нервный смешок. — Какой же я беспросветный болван! Сразу не догадался...

— Не догадался о чем?

— Ошейники! Они тоже содержат какую-то часть «небесного железа». Это не галворн, но какой-то очень схожий по свойствам, чуждый миру Арды элемент. Видимо, хороший кусок «небесного железа» упал на землю не то в Мордоре, не то в Дол Гулдуре, и Саурон надумал использовать его при создании ошейников... Да, да! Именно поэтому число ошейников ограничено... И именно этот элемент, малая часть, некий ничтожный процент в общем составе, и заключает в себе скрепляющие чары. Просекаешь фишку, как говорит твой папаша?

— Ты хочешь сказать, — неуверенно проговорил Гэдж, — Что «сит-эстель» и ошейники, они, ну... родственны по своей природе? И могут обладать сходными волшебными свойствами, так, что ли?

— Да. Грубо говоря, если изучить и рассмотреть поближе волшебные свойства амулета, то, возможно, удастся понять, как «работает» и заклятие ошейников.

— Но для этого амулет необходимо воссоединить.

— Это не так сложно, как ты думаешь. Дай-ка мне «эстель».

Гэдж сорвал с шеи обломок амулета, протянул Саруману. Маг потер «эстель» в ладони, положил на стол перед собой.

— Вторая половинка — у Каграта, — напомнил Гэдж.

— Я знаю, — нетерпеливо откликнулся Шарки. — Но, если понадобится её изъять на некоторое время, я опоя твоего папашу какой-нибудь дрянью безо всяких угрызений. Впрочем...

— Что?

Саруман молчал. Смотрел на «эстель» так пристально и неотрывно, точно хотел взглядом расплющить злосчастный кусочек металла в лепешку. Сосредоточенно хмурил брови. И вдруг коротко застонал — и отшатнулся, рывком, как будто получил удар по лицу... глубоко вздохнул, откинулся на спинку кресла и запустил руки во встрепанные волосы.

— Что случилось? — испуганно пробормотал Гэдж. В носу у него защипало от волнения.

Саруман медленно повернул к нему голову. Глаза его были бездонными черными провалами на побледневшем и застывшем, точно сведенном судорогой лице.

— Ты, кажется, говорил, что отдавал «эстель» Келеборну? — спросил он глухо. — Так, Гэдж?

— Ну... д-да.

— Надолго?

— На несколько дней... А что?

— Да ничего, — Саруман прикрыл глаза ладонью. — Просто твоя половинка амулета — ненастоящая.

— Нена... Что?

— Это не галворн. Обычное серебро. То, что ты носишь на груди — не настоящий, не подлинный амулет. Просто подделка... искусная копия.

Гэдж молчал. Слов у него не было. Попросту пропали и не вернулись.

— Но я твёрдо знаю, что тот «эстель», который ты унес из Изенгарда, был настоящим, — помолчав, негромко добавил Саруман. — Я уверен в этом точно так же, как в том, что король всея Арды пресветлый наш Манвэ Сулимо — старый ленивый маразматик.

— А... — хрипло выдавил Гэдж. — Значит, амулет подменили? В Лориэне?

— Да.

Слово упало — короткое, но тяжелое, как чугунная чушка, и придавило Гэджа к земле.

— Я... не знал, — прошептал он едва слышно. Ему казалось, будто его ни с того ни с сего окунули головой в прорубь. Внутри него все застыло, обмерло, смерзлось в ледяной ком... Вот, значит, зачем Келеборну понадобилось так долго держать «эстель» у себя — чтобы успеть изготовить дубликат! А Гэдж ему поверил... И ему, и Гэндальфу. *«Нет, орк. Этот амулет совсем не волшебный. Обычное серебро, не представляющее никакой ценности...»* И Серый маг ничего на это не возразил! Ни единого слова!

Только многозначительно с эльфом переглянулся...

Гэдж глотнул. Слова застревали у него в горле, точно комья сырого песка:

— Как ты думаешь, а Гэндальф, он... ну, знал о том, что Келеборн собирается подменить амулет? Он... знал, а?

Саруман сидел, прямой, злой и напряженный, точно надетый на черенок лопаты, плечи его едва заметно подрагивали. Он не то беззвучно смеялся, не то бесслёзно рыдал... Или просто пытался совладать с накатывающей истерикой?

— Не могу сказать, Гэдж. Если и не знал, то наверняка догадывался. А возможно...

— Что?

— Я бы несколько не удивился, — брезгливо, сквозь зубы, процедил Саруман, — если бы выяснилось, что все это паскудное дельце и было затеяно с подачи твоего замечательного Гэндальфа.

Гэдж будто одеревенел. Этого не может быть, твердил он себе. Этого не может быть! *«Я обещаю, Гэдж, что верну тебе амулет в целости и сохранности»*, — сказал тогда Гэндальф. Он обещал. Он *обещал!* И тем не менее счел верным и правильным нарушить данное обещание? Нарушить обещание, данное орку... *всего лишь орку!* Ну да, конечно, чего уж тут удивительного...

Совершенно ничего. Ни удивительного, ни тем более неожиданного.

Вот так. Вот так. Получил по носу, пустоголовый урук? Впредь будешь знать, как верить волшебникам и «Друзьям эльфов»! Келеборн — мерзкая подлая свинья, ничего другого от него ждать и не приходилось — но Гэндальф!

Гэдж чувствовал себя так, словно его завалило грудой камней.

Он накрыл голову подушкой. Но даже сквозь слой набитого соломой холста услышал короткий звон стекла — это Саруман в глухой ярости довершил дело, начатое Кагратом, смахнул со стола какую-то увернувшуюся от орка недоразбитую склянку. Она с сухим треском грянулась на каменный пол и разлетелась по горнице жалкими осколками тусклого стекла — как печальный символ вспыхнувшей яркой звездой и тут же вновь угаснувшей хрупкой надежды.

41. Кохарран

Утро началось как обычно — с перепалки орков во дворе под окном.

— Стой, ты, урод! — воинственно рычал какой-то урук. — Куда прешь, гниль, мелочь, с-сороконожка? Не видишь, мы тут стоим?

Другой голос, пожиже, чуть гнусавя (неужели Трыш?) бубнил в ответ что-то неразборчивое:

— Так какого лешего... бу-бу-бу... на дороге торчите... бу-бу... спешу я... дайте пройти...

Урукам, видимо, было скучно:

— Куда спешишь, на тот свет? К дедушке на поклон? Ща подкинем туда прямым ходом без очереди!

Снага вяло отбрыкивался:

— Так поручение... бу-бу... меня Гарбра... бу-бу-бу...

Уруки ржали, всхрюкивая от восторга. Кто-то злобно клокотал:

— Захлопнись, тварь! Ногу мне своими грязными лапами отдал! Сапоги изгваздал! Языком мне их теперь до блеска вылижешь, крысоед!

— Так языком-то, — бубнил снага, — оно того, несподручно будет... бу-бу-бу... толк-то какой? Тут... бу-бу... щеткой не справишься...

— Поговори мне, умник!

Раздался отчаянный и одновременно яростно-испуганный визг — под окном кого-то убивали. Саруман в бешенстве отбросил перо, которым записывал на клочке бумаги неведомый рецепт, и, распахнув дверь, выскочил на крыльцо.

— Что тут происходит? — рявкнул он.

На дворе толпились трое или четверо лениво похихатывающих уруков, один из них держал за шиворот, встряхивая, как мешок с соломой, большеносого снагу. При виде Шарки их веселье поутихло: при появлении Сарумана загадочным образом даже самые отъявленные бузотеры и дебоширы становились смирными, как котята.

Снага, висевший в лапе своего мучителя безвольным тюфячком, уныло шмыгнул огромным носом. Это действительно был бедолага Трыш.

— Отпусти его, Маурхар, рожа твоя неумытая, — сердито проворчал волшебник. — Нехорошо маленьких обижать... у меня под окном. Снадобье, что я тебе от кишечных колик давал, выпил?

Маурхар недовольно засопел.

— Ну, выпил. — Он неохотно выпустил Трыша, и тот, дергая плечами и пятясь, поспешил юркнуть Саруману за спину. — А что?

— Склянку верни, — устало сказал Шарки. — И чем скорее, тем лучше. Я тебе её не в вечное пользование ссудил... — Он втолкнул Трыша в каморку и решительно хлопнул дверь. Отрывисто спросил: — Ну, в чем дело?

Снага, косясь на кончик носа, нервно потер скрюченные лапки.

— Меня Гарбра прислала, — мрачно сообщил он.

— Опять кто-то в обморок повалился?

— Нет... Гарбра велела передать, что желает пригласить господина лекаря на Кохарран в качестве почетного гостя. — Трыш выудил откуда-то из своих отрепьев и протянул

Саруману грубоватое деревянное колечко, украшенное простеньким бирюзовым камушком. — Этот перстень послужит пропуском... пусть господин целитель предъявит его стражу у Внутренних врат.

Почему Трыш обращался к Саруману так высокопарно и в третьем лице, оставалось загадкой — но «козявка» явно отличался некоторыми странностями, это было заметно невооруженным глазом. Впрочем, в Замке мало кто мог похвастаться по-настоящему цельным и здравым рассудком.

— Что ж, это большая честь для меня, — помолчав, серьезно сказал Саруман, — передай Матери Рода мою нижайшую благодарность. Кстати, как здоровье Ханары и малышей?

— Я почему знаю, мне о том не докладывают, — буркнул Трыш. — Меньшой, я слышал, слабоват... наверно, его отдадут в Башню.

— Отдадут в Башню?

Трыш пропустил вопрос мимо ушей.

* * *

— Что это за праздник такой — Кохарран? — спросил Гэдж, томивший на огне кашницу из соцветий бородавочника. — В последнее время на каждом углу только о нем и говорят.

Саруман задумчиво разглядывал лежащее на ладони неказистое деревянное колечко.

— Если переводить дословно — «Праздник невест»... Полагаю, это нечто вроде смотрин, где орки подыскивают себе пару или что-то в этом роде. По правде говоря, я знаю об этом не больше твоего. Ладно, поживем — увидим.

— И ты действительно туда пойдешь?

— Ну, отчего бы и нет? — Саруман с усмешкой пощипывал бороду. — Что-то мне подсказывает, что зрелище обещает оказаться весьма любопытным... А я никогда не упускаю возможности расширить свой кругозор, знаешь ли.

Праздник был намечен через пару дней. Кохарран редко проводился больше двух раз в год, и волнение, охватившее орочье население Дол Гулдура, было сейчас вполне понятным. «Женская обитель» располагалась где-то во внутренних дворах Крепости, и ворота, ведущую в эту вотчину, на памяти Гэджа всегда стояли закрытыми — но к вечеру назначенного дня засовы были сняты, и одна из высоких железных створ наконец-то распахнулась, готовая встречать званых гостей.

В проеме, скрестив руки на груди и широко расставив ноги, стоял рослый урук, незабываемый и бесстрастный, словно каменная глыба. Чтобы попасть во внутренний двор, следовало предъявить ему знак «Сирс» — особый ритуальный шрам под правой ключицей, свидетельствующий о том, что гость с честью прошел Посвящение и имеет право принимать участие в Выборе. У Сарумана не было ни шрамов, ни татуировок, но зато имелось деревянное колечко с бирюзовым камушком, которое он и показал стражу, и, столь же равнодушно, даже не взглянув на волшебника — с видом орка, которого ничем не удивишь, — страж отступил, освобождая дорогу.

Не успел Шарки пройти в ворота, как тут же кто-то крепко ухватил его под локоть.

— Хо! А ты что тут делаешь, старый? Никак тоже праздновать собрался?

Это был Каграт. Саруман его даже не сразу узнал: физиономия орка была старательно умыта, неизменный кожаный гамбезон тщательно отчищен, волосы расчесаны, убраны со

лба и частью закреплены на затылке костяным гребнем. На скулах белели полосы краски, нанесенные размашистыми мазками — знаки каких-то особых отличий и боевых заслуг.

— У меня приглашение Матери Рода, — сдержанно пояснил Шарки.

— Ого! Старой вороны Гарбры? Старуха, что ли, на тебя виды имеет? — Каграт понимающе ухмылялся. — Или ты сам какую-нибудь старую каргу себе приглядел?

Орк явно пребывал в преотличнейшем расположении духа. Пока они шли по подвратному тоннелю, слушая гулкое, как отдаленный гром, эхо собственных шагов, Каграт, хитро кося на спутника глазом, выудил из-за пазухи красивое ожерелье из крупных, хоть и несколько неправильной формы голубоватых жемчужин, матово отсвечивающих в рассеянном свете. Это, пояснил орк, был подарок, который он намеревался вручить выбравшей его даме (а в том, что его выберут, Каграт ни на йоту не сомневался). Ну, самодовольно спросил он, что скажешь, нравится?

— Недурная цацка, — откликнулся Саруман. Интересно, где этот разбойник её раздобыл? — спросил он себя мимоходом. Бывшей обладательнице ожерелья, видимо, оставалось сейчас только посочувствовать...

В отличие от казарменного плаца, внутренний двор «женской половины» был не вымощен битым камнем, а засыпан мелким мягким песком. Обширный каменный колодец окружали серые крепостные стены, где располагались жилища орчанок, склады, поварни, «детские» и прочие помещения. Откуда-то тянуло запахом подгоревшего молока... Толпа орков, собравшихся на площади, шумела и волновалась; гости, потные и радостно возбужденные, громко переговаривались в ожидании начала праздника, собирались группками, бродили и толкались, хохотали и галдели; где-то небрежно позванивали оружием. Из дальнего угла донесся сиплый восторженный рев десятка луженых глоток: это некая кокетка на миг показалась в окне и швырнула в толпу свой «поясок стыдливости». За обладание им под окном возникла недолгая яростная свара.

Беспорядочный кагал, кипевший на площади, тут же жадно всосал Каграта и Сарумана, закружил их в водовороте толпы, растворил в шуме и круговерти знакомых и незнакомых орочьих физиономий, наконец вынес к стене, вдоль которой лежали бревна, чурбаки и стояли простенькие деревянные лавки. Все наиболее удобные скамьи были уже заняты, но Каграт бесцеремонно согнал с насиженных мест двух каких-то юнцов: один, завидев Каграта, ретировался споро и безмолвно, другой попробовал было огрызаться, но вожак так дружески и задушевно сказал ему: «Побереги силы, шенок, а то ведь, не приведи нелегкая, покалечу», — что он тоже решил не связываться. Каграт и Саруман уселись на лавку; в соседках Шарки оказалась рыхлая старуха-орчанка с оттопыренной губой, явно не из числа «невест» — она методично что-то жевала, поглядывая по сторонам из-под тяжелых век и время от времени меланхолично рыгая. Это была одна из наблюдательниц, следившая за соблюдением правил Кохаррана, и появление волшебника не вызвало у неё ни малейшего интереса: то ли орки были предупреждены о «почетном госте», то ли Шарки всерьез почитался тут за «своего», но на него почти не обращали внимания; иные даже приветствовали лекаря с неожиданной для орков учтивостью.

Публика, собравшаяся на площади, действительно привлекала к себе взгляд. Здесь были в основном темнокожие уруки из Северного племени, но порой встречались и более низкорослые, кривоногие, рыжеватой масти представители Восточного. Участники празднества украшали себя, как могли: деревянными браслетами, ожерельями из чьих-то когтей и зубов, серебряными подвесками, металлическими кольцами, продетыми в крылья

носа или мочки ушей (а также в другие, куда более неожиданные места), костяными заколками, гребнями, бусами, перьями и тряпичными лентами, вплетенными в волосы. Большинство — по крайней мере, молодые уруки — были обнажены по пояс, чтобы иметь возможность похвалиться крепкими мускулистыми телами, а также чтобы был виден знак «Сирс» и затейливая раскраска на груди и плечах, знаки их боевой и мирской доблести. Те, что постарше, красоваться предпочитали оружием и доспехом: кожаными куртками, легкими кольчугами, затейливо отделанными нагрудниками и наручами, маленькими щитами-баклерами, кинжалами и палашами в узорчатых ножнах. К Каграту то и дело подкатывались позубоскалить, перекинуться парой слов, похвастаться снаряжением раздухарившиеся кагратовы приятели: некоторых Саруман не знал, других, наоборот, знал слишком хорошо; были и такие, которых, разок на них посмотрев, и вовсе знать не хотелось.

Неожиданно из толпы вынырнул Радбуг — свеженький, как огурчик, с повязкой на груди, которую (видимо, с умыслом) не скрывала мягкая, расшитая полосками меха кожаная безрукавка. Орк опустил на принесенное с собой пустое деревянное ведро.

— Ба! А ты откуда? — подивился Каграт. — Из постельки? Бледноват ты, друг мой дырявый, на ристалище красоваться.

— Где мне красоваться — я и сам разумею, — посмеиваясь, отозвался Радбуг. — Или на то письменное разрешение требуется? А бабы нас, дырявых, любят, нас пожалеть можно, приголубить, по шерстке погладить.

— Ты что, еще и в Выборе надумал участвовать?

— А почему нет? Мне запрещено?

— Да нет, просто смысл какой? Все знают, что твоя Наваха тебя и выберет... Не пойму я эту бабу, какой интерес каждый раз одного и того же выбирать?

Радбуг пожал плечами.

— Наверно, она ко мне привыкла... А я — к ней.

— Ну-ну...

Над площадью прозвучал гулкий звук гонга — сигнал к началу праздника.

Через толпу, сопровождаемая несколькими почтенного возраста орками обоих полов, неторопливо прошествовала немолодая, грузная орчанка, закутанная в пятнистую рысью шкуру. Она шла твердой тяжелой поступью, глядя прямо перед собой, опираясь на крепкий посох, в наверхии которого злобно скалилась волчья голова; на лбу орчанки, на густых, обильно припорошенных сединой волосах темнел простой деревянный венец с одним-единственным, зато приличных размеров поблескивающим алмазом. Перед ней расступались, пятились, почтительно кланялись. Поддерживаемая под руку одним из стариков-старейшин (которого, кажется, самого требовалось малость поддерживать), она на секунду остановилась перед Саруманом.

— Шарки. — Голос у неё был низкий и хриловатый, властный, мужской.

Саруман, чуть помедлив, поднялся и коротко склонил голову. Он просто не представлял, как, согласно орочьим обычаям, требуется приветствовать Мать Рода.

Гарбра смотрела на него цепкими и внимательными, желтыми, как у рыси, ничуть не выцветшими от возраста глазами. Проговорила негромко, неторопливо:

— Ханаре лучше.

— Что ж, я... рад, — откликнулся Саруман. И едва удержался от того, чтобы не добавить: «И это все?»

Он был уверен, что — нет, не все. Старая орчанка заговорила с ним неспроста.

Рысьи глаза Гарбры ничего не выражали.

— Ты, я слыхала, взял себе в ученики мальчишку из нашего племени?

— Я не должен был этого делать... госпожа Гарбра?

Гарбра не ответила. Перевела тяжелый взгляд на Каграта:

— Мальчишка — твой сын? Твой — и Шанары?

— Да, — прохрипел Каграт из-за спины мага. — Только...

— Что?

— Он будет воином, — буркнул Каграт. — Когда пройдет Посвящение. Воином, а не костоправом!

— В племени есть воины, — помолчав, сказала Гарбра. — И нет костоправов.

— Зато есть Шарки.

— Шарки не вечен. И он — не урук.

Темное лицо Каграта налилось кровью.

— Мои предки были воинами, — сказал он хрипло. — Мой отец, и отец моего отца, и отец отца моего отца! Они были славными воинами, сильными и беспощадными, они добывали копьем и луком опасного зверя, они били и гнали прочь врагов, их боялись, перед ними трепетали, они наводили страх. Я сам вожу за собой сотню бойцов и не дрожу перед недругами! А ты хочешь, чтобы мой сын нарушил этот обычай? Чтобы он отсиживался за спинами сородичей, как распоследняя крыса, чтобы он прослыл трусом, тряпкой и неумехой? Чтобы опозорил достойных предков? Ты этого хочешь?

Гарбра устало опустила веки.

— Он твой не единственный сын, — сказала она спокойно. — Да и нет позора в том, чтобы разуместь врачеванию.

— Это не мужское занятие! — пробурчал Каграт. — Пусть бабы этим занимаются. Как оно испокон веков и было заведено.

— Бабы... — медленно, с сожалением, повторила Гарбра. — Да. Бабы способны ценить чужую жизнь куда больше вас, мужиков. Ты воин, Каграт, ты умеешь причинять боль — но ты не знаешь, как от неё избавиться. Ты умеешь убивать — но не можешь спасти. Ты умеешь отнять жизнь — но не представляешь, что значит привести в мир новую. Женщины населяют эту паршивую землю через боль и страдания, и вам, мужчинам, неведомо, сколько сил уходит на то, чтобы дать жизнь, сохранить её и стоять на её страже... Так пусть хотя бы твой сын научится это понимать.

Каграт угрюмо молчал — видимо, решил, что лучше не спорить; на лице его было ясно написано, что он остается при своем мнении и менять его не намерен. Впрочем, Гарбра и не ждала ответа; молча повернулась и, по-прежнему поддерживаемая хлипким старейшиной под руку, зашагала прочь — к деревянному креслицу, стоявшему на невысоком помосте у дальней стены.

* * *

Где-то размеренно, с расстановкой забили большие барабаны: бум-м... бум-м... Толпа, ленивая и неповоротливая, как большое животное, расплзлась ближе к стенам, освобождая середину площади — наступало время для первой части Кохаррана: состязаний.

— Ты пойдешь? — спросил Радбуг у Каграта.

— Не сегодня, — проворчал вожак. — Сегодня лучники, ты же знаешь.

Действительно: первыми должны были показывать свое мастерство лучники, явившиеся на праздник с большими, старательно отполированными луками. Сопровождаемые приветственными возгласами толпы, они по одному выходили на стрельбище и, тщательно целясь, посылали стрелы в крохотную мишень, прячущуюся в углу площади — попасть в неё в сгущающихся сумерках казалось делом не из легких, но орки видели в темноте не хуже сов. Участникам предоставлялось три попытки, и особым шиком считалась стрельба навскидку, но таким уровнем мастерства могли похвастать немногие. У большинства насчитывалось по два, у некоторых — по одному попаданию, а тем невезунчикам, кому не удалось взять мишень ни разу, из толпы кричали: «Мазила! Косоглаз! Убирайся в «щенятник!»», свистели и улюлюкали, зато победителей приветствовали частью восторженным, частью завистливым галдежом. «Невесты» пока публике не показывались; они собрались на открытой галерее, проходящей вдоль стены на уровне второго яруса, и, глаза оттуда на соревнующихся, отпускали в их адрес шуточки и комментарии, которые, как правило, к *боевым* умениям участников имели очень мало отношения.

Темнота сгущалась; Замок кутался в опускающиеся сумерки, будто в шаль. Из толпы вывернулся одноухий Ррахур, покрутился поблизости, словно кого-то высматривая. На его кожаной куртке поблескивали отчищенные до блеска и нашитые ровными рядами медные бляхи.

— Здорово, рожа, — сказал Каграт, — и ты, гляжу, задницу сюда притащил? А «щенков» своих на кого оставил?

Ррахур досадливо отмахнулся.

— Угрых там с ними остался. Ему все равно на Выборе ничего не светит.

— Они его там живьем съедят, твоего Угрыха, — проворчал Каграт. — И можно подумать, будто тебе что-то светит.

— Меня Тейха выберет, она обещала.

— Ну, начнем с того, что она это всем обещает...

После лучников настала очередь копейщиков. Им предстояло с некоторого расстояния пробросить длинное, специально утяжеленное копье сквозь ряд узких колец, отстоящих друг от друга на несколько локтей. Каграт тоже вышел «покидать палочку» и пробросил копье через три кольца, что, впрочем, было результатом весьма средним; некоторые пробрасывали копье через четыре и пять колец, а один здоровенный, исполосованный шрамами бугай изловчился «пробросить палочку» через полудюжину, и тут же был объявлен победителем. Впрочем, если это и прибавляло ему очков в предстоящем Выборе, то вряд ли значительно, ибо вкусы и сердечные привязанности капризных «невест» предсказать было невозможно, и у победителя шанс оказаться *выбранным* был лишь ненамного выше, чем у проигравшего.

На этом состязательная часть праздника — по крайней мере, на сегодня — и была завершена. Впрочем, Кохарран не заканчивался: на завтра еще планировалась вольная борьба, фехтование на мечах и метание ножей, в котором Каграт готовился особо себя показать, после чего должно было состояться и главное событие — Выбор.

Становилось уже совсем темно, и на площади зажгли десятки заранее приготовленных светильников, укрепленных на стенах и в расставленных там и сям железных треногах. В наступающей ночи вновь звонко ударил гонг — подошло время Большого Угощения. Гости расселись прямо на песке; крепкие внутренние двери распахнулись, и на площадь — наконец-то! — вступила процессия долгожданных «невест», приветствуемая многоголосым ревом, выкриками и воплями. Орчанки несли в руках деревянные блюда с хлебом и

фруктами, за ними ковыляли *снаги*, нагруженные огромными подносами с жареным мясом и кувшинами с пивом и перебродившим вишневым соком — иные пития во дни Кохаррана категорически не приветствовались. Тех орков, которых наблюдатели уличали в нездоровом *злоупотреблении*, нарушении правил Кохаррана и неподобающих вольностях, попросту вышвыривали за ворота и отстраняли от участия в Выборе.

Блюда с яствами ставили прямо на землю. Чего здесь только не было: жареное мясо и птица, ливер и запеченные мозги, свежая и вареная кровь, копченые колбаски и рыба, пироги и тонкие, свернутые в трубочку лепешки с различными начинками, спаржа и печеные овощи, творог и ягоды — не у одного только Шарки потекли слюнки при виде такого сказочного изобилия. «Невесты» тоже были великолепны: темнокожие, полногрудые, плотно сбитые, как грибы-боровички, они ходили по площади, покачивая крутыми бедрами, радуя глаз кошачьей грацией движений, присаживаясь тут и там, хриловато смеясь и перебрасываясь с гостями шутками-прибаутками. Одеждой они себя не слишком обременяли, предпочитая носить драгоценности, полученные в подарок от бывших мужей; их практически обнаженные, обильно умащенные благовонными маслами тела глянцевито поблескивали в свете факелов, на шеи были надеты замысловатые ожерелья, руки и ноги унизаны браслетами, в черные, водопадами спускающиеся на спины волосы вплетались стеклянные бусы и нитки речного жемчуга. Те дамы, что были помоложе (видимо, еще не отягощенные богатым жизненным опытом), обходились украшениями попроще, из даров природы: желудей, ракушек, птичьих перьев и сушеных ягод. У совсем молоденьких вокруг запястий были повязаны затейливо плетеные кожаные ремешки — знак того, что их обладательница будет принимать участие в Выборе впервые. И у каждой орчанки имелся «пояс невесты» — полоска кожи, обвязанная вокруг бедер и украшенная подвешенными к ней грубо вырезанными деревянными фигурками — они изображали птиц, зверей и неких человекообразных существ в позах, которые трудно было бы назвать скромными и целомудренными.

Видимо, орочи нравы полагают вполне приличным и даже необходимым предъявлять товар не только лицом, — посмеиваясь, сказал себе Саруман.

«Невест» в этот раз было чуть меньше четырех десятков, а это значило, что из трех сотен явившихся на праздник орков *выбранными* окажется едва ли седьмая часть. Девочки у орков вообще рождаются реже, чем мальчики, и оттого каждая особа женского пола в племени имеет особое положение; орки берегут своих женщин как зеницу ока, и ценят их, и лелеют, и прячут от чужих глаз — многие ли из обитателей Средиземья могут похвастаться тем, что видели женщину-орку? Посему говорят о них разное: что они волосаты, и «ужасны видом», и вонючи, и покрыты шерстью, — рассказы эти настолько же далеки от истины, как и утверждения, что орки появляются на свет из камня (грязи, лягушачьей икры, «зловонной утробы гор» и прочих рожденных нездоровым воображением любопытных мест). Поскольку традиционно считается, что женщина лучше знает, какой отец нужен её ребенку, право *выбора* на Кохарране в первую очередь предоставляется именно «невестам», задача мужчин — показать себя перед дамами в наиболее выгодном свете. Впрочем, никто не может утверждать, что «арран», «невеста», достанется именно самому достойному — победителю, ибо не родился еще тот мудрец, кому были бы ведомы тайны женского сердца. *Выбор* «невесты» зачастую непредсказуем и может пасть на любого, но принятое женщиной решение в любом случае приемлемо и неоспоримо, даже если и дает обильную пищу для пересудов. Конечно, не все проходит ровно и гладко, порой неудачно сделанный *выбор*

приносит паре не счастье, а обиду и разочарование — но мудрость орочьего обычая в том и заключается, что «новобрачные» не привязаны друг к другу до конца их дней и не вынуждены отбывать годы и годы постылого супружества; пресытившись «семейной жизнью», «молодые» могут разойтись в любой момент безо всяких осуждений и взаимных упреков.

...Приближалась ночь. Шарки по-прежнему тихо сидел в своем углу, благоразумно помалкивая, присматриваясь к происходящему, отдавая должное щедрому угощению. С появлением «невест» всеобщая оживленность и веселье набрали новую силу, пир горой продолжался, сытная и сочная еда располагала к легким заигрываниям, бахвальству и удалству. Блюда с мясом и кувшины с вином все прибывали, яства и пития разносили приземистые шустрые снаги, каким-то чудом успевая проскальзывать меж подвыпивших уруков прежде, чем те мимоходом награждали их тумачами и подзатыльниками. Несколько орков раздобыли где-то бубны и бочонкообразные, обтянутые кожей барабаны, и изобразили нечто вроде не особенно благозвучной, но зато громкой и зажигательной музычки. В центр площади выскочила молодая орчанка, пустилась в пляс: её гибкое нагое тело заманчиво поблескивало в свете факелов, ореолом взлетали над головой черные волосы, упруго подскакивали округлые груди; танцуя, она вспрыгнула на большой барабан, и он загудел под её босыми пятками, перекрывая низким гулким звуком вопли разгоряченной толпы. К плясунье присоединились её товарки и многие орки побойчее, желая показать себя перед «невестами» во всей красе, о чем Каграт отозвался презрительно, заявив, что солидным и уверенным в себе мужикам ни к чему по-телячьи прыгать по песочку и трясти чреслами. Пользуясь тем, что старуха-наблюдательница, сидевшая по левую руку от Сарумана, поднялась и отправилась куда-то по своим делам, орк, ухмыляясь, извлек из-за пазухи небольшую оловянную фляжку. Тайком её содержимое было разлито по деревянным чашам и подкрашено несколькими каплями вишневого вина — и получившееся пойло беспощадно валило с ног одним только видом и забористым запахом.

— Решил с особой жестокостью добить собственную печень? — небрежно поинтересовался Шарки, обмакивая в ягодный соус баранье ребрышко.

Каграт раздраженно зарычал.

— Заткнись, старый! У меня сегодня праздник. Я свою меру знаю!

Саруману было лень спорить.

Сытная еда и ядреное пойло вскоре привели орков в радужное, приподнятое настроение, и они оживленно глазели по сторонам, смачно обсуждая стати и нрав попадавших на глаза «невест». Каграт непринужденно окликнул проходящую мимо крепкую сдобнотелую барышню:

— Эй, Махаар, ты куда? Не меня ищешь?

Махаар была одета только в браслеты, «пояс невесты» и крохотную набедренную повязку; её сочное тугое тело лоснилось под слоем ароматических масел, густые черные волосы были украшены сеточкой из ракушек, в мочках ушей позвякивали медные колокольца. Она обернулась — и подошла.

— Ах, это ты, Каграт! Квасишь втихомолку?

— Ну. Давай, подваливай к нашему лагерю, и для тебя чарка найдется... Глотнешь с нами?

Махаар брезгливо покрутила приплюснутым носиком.

— Это «слезы тролля»-то?

— Да что ты! Чистая вишневая дрянь пополам с водой горного родника. Вот, сама погляди.

— Поостерегись, как бы Ахдара тебя не усмотрела с этой «вишневой дрянью». У неё нюх на вишенку еще тот.

— Старая жаба!

— Во-во. Оглянуться не успеешь, как отстранит тебя от участия в Выборе.

Каграт, ухмыляясь, бросил на неё быстрый взгляд.

— И что? Тебя это огорчит?

Махаар пренебрежительно передернула плечами, и медные колокольцы в её ушах отозвались суховатым звоном.

— С чего бы? Вишневого сока перебрал, милый?

Каграт многозначительно прищурился.

— Орку, только что вернувшемуся с опасного задания, позволено, в конце концов, немного расслабиться, а?

— С какого задания?

— С тайного! О котором направо-налево болтать негоже... Ну и угодил я в переделку, надо сказать! Их, — Каграт заговорщицки понизил голос, — было шестеро!

— Кого «их»? — спросила Махаар.

— Шестеро? А мне ты говорил — двое, — невинно напомнил Радбуг.

— Ну, — процедил Каграт, — сначала двое, а потом еще набежали.

Радбуг сделал удивленное лицо.

— Да ну? Это какие-то новые, доселе неведомые подробности, я таких еще не слыхивал. И чем же дело закончилось? Ты, конечно, всех положил?

Каграт хитро посверкивал глазками.

— А то! Они просто не знали, с кем связались! Одного я на месте придушил, как курёнка, а другому кинжал вогнал в брюхо, аж кишки веером разлетелись! А третьему, гаду, ногу одним махом отрубил по самую шею!

— А головы что, у него уже не было? — спросил Радбуг.

Они, все трое, рассмеялись. Махаар чуть повернулась и с интересом посмотрела на Сарумана, задумчиво стряхивающего с рукава хлебные крошки.

— О! А это кто? — Она оглядела волшебника с головы до пят — внимательно и слегка оценивающе, будто телка́ на базаре: не тощ ли, не хром ли, не паршив. — «Крысюк», что ли? Откуда он здесь?

Каграт поморщился.

— Это Шарки, наш лекарь, у него приглашение Гарбры... Не признала?

— Лекарь? — Махаар собрала смазливую мордашку в явно непривычной для неё гримасе задумчивости. — Ах да, Лахаар что-то такое говорила...

— Лахаар — это сеструха твоя, что ли? Не вижу её тут... Она что, не участвует?

— Её мелкому полгода только, где уж ей участвовать... По весне, может быть. — Махаар беззастенчиво протянула руку — её аккуратные коготки оказались выкрашены белой краской, — и с детской непосредственностью капризной красавицы, которой все позволено, потрогала пальцем саруманову бороду, чем-то приглянувшуюся ей необычайно — орки, как известно, подобным украшением похвастаться не могут. Шарки был настолько сыт и пьян, что даже не сразу решил, как к этому стоит относиться.

— Нравится? — спросил Каграт мрачно.

Махаар захихкала:

— Пушистая...

То ли орчанка пришла к выводу, что Саруманом стоит заняться поближе, то ли просто хотела подразнить Каграта — она плюхнулась рядом с Шарки на освободившееся место, обняла его рукой за плечи, привалилась к нему всем телом — и осталась сидеть, вздрагивая от беззвучного смеха, кокетливо поглядывая на орков из-под густых ресниц темными, зеленовато-карими лукавыми глазами. От неё пахло странной сладковато-кислой смесью пота, розового масла и чуть прогорклого свиного жира. Она была такая плотная, пышная и увесистая, а объятия её отличались такой завидной и непреодолимой силой, что у Сарумана разом затрещали ребра и заныли плечи...

— Ну-ну, — свирепо сказал Каграт, — не знал, что ты так тоскуешь по крысюкам... бородищей он тебя приворожил, значит, да? Может, ты теперь и в мужья его выберешь, не поморщишься?

— Вот возьму и выберу. — Махаар приподняла над острыми, подпиленными по последней моде зубками пухлую губу. — А тебе-то какое дело?

— Да никакого. Но я тебе, может, подарок припас. — Каграт сунул руку за пазуху и показал краешек припрятанного там ожерелья. — Хочешь?

— Нет. Впрочем, — Махаар изо всех сил старалась сохранять равнодушный вид, — покажи.

— Разумеется. После Выбора, дорогуша. Ага?

Махаар самодовольно посмеивалась, опустив ресницы, как шторку.

— Ну и наглый ты тип, Каграт. Пожалуй, не выберу я тебя... нет, не выберу. Быгрыха лучше выберу, он молодой, красивый... Он мне серьги с блестящими камушками подарит.

— Кого-кого? Быгрыха? — Каграт расхохотался. — Этого сопляка? Он не доживет до Выбора, клянусь портянками Гомбы!

— Почему не доживет?

— Потому что я так сказал. Потому что он — слишком глупый, сопливый и брехливый щенок, и слишком любит гулять по темным и сырым пустынным подвалам. Того и гляди поскользнется где-нибудь ненароком, расшибет себе маковку...

— Что, прямо так вот и расшибет — насмерть?

— Всяко может статья. Кто из нас заговорен от неприятностей... Ты, поди, уже и *уруи* этому Быгрыху поднесла, а?

Махаар не ответила. Но вдруг вскочила, осененная неведомой мыслью, многообещающе ущипнула Сарумана за щеку и, озорно сверкая глазами, исчезла в толпе. Каграт проводил её угрюмым взглядом.

— Ладная деваха, мясистая, подержаться при случае есть за что. Хотя провалиться мне в Удун, если я понимаю, что у неё на уме...

— Не топоришься. К ней, говорят, Шавах клинья подбивает, — вполголоса заметил Радбуг.

— И что?

— Ну, может, и ничего. Просто... для сведения. Исподтишка этот урод на любое паскудство способен, или ты не знаешь?

Каграт раздраженно зарычал.

— По-твоему, я боюсь Шаваха, что ли? Это он меня должен бояться, гад.

— А что такое *уруи*? — без интереса спросил Саруман, с трудом переводя дух.

Любвеобильная Махаар помяла его так основательно, что ему требовалось время, чтобы прийти в себя. Отбивать у Шаваха его хорошо промасленную подружку он тем более ни малейшего желания не ощущал, и вообще подумывал о том, что пора убираться с праздника восвояси.

Он тут же получил ответ на свой вопрос, потому что Махаар появилась снова. В руках она держала большие венки, сплетенные из трав, цветов и колосьев.

— Держите, парни! Такие красавчики — и до сих пор без *урушей!* — Она с хохотом бросила по связке цветов Каграту, Радбугу и Саруману, тряхнула головой и, повернувшись на пятках, исчезла в толпе. Орки проводили её долгими озадаченными взглядами.

— И что все это значит? — спросил Шарки, разглядывая доставшийся ему «*уруш*»: он был сплетен из травы, в которую там и сям вкраплялись желтоватые цветочки пыльника, голубоватые метелки щетинника и твердые красные ягодки «болотного глаза».

Каграт покосился на него сердито.

— Пока ничего. Это просто знак... типа она кого-то из нас *выбрать* собирается, глаз на нас положила, в общем. Да ты не дергайся... Она может двадцать штук таких венков раздать, наобещает всем... а выберет-то все равно одного кого-то. Если, конечно, ты вообще до Выбора доживешь.

— А что, можно и не дожить?

— Да всякое случается, — небрежно отозвался вместо Каграта Радбуг. — Одарит этак «невеста» добра молодца венком, а в день Выбора он и не является, лежит где-нибудь в канаве со сломанной, скажем, ногой, если не шеей. «Женихов», видишь ли, тут куда больше, нежели «невест», так что «невесты» и сами рады всякую шушеру отсеять.

— Ну да, — проворчал Каграт. — Развлекаются бабы так, ясно? Парней дразнят, а заодно проверку на прочность устраивают. Сумеешь дожить до Выбора без потерь — значит, действительно достоин быть *выбранным*... Впрочем, тебя-то, может, и не тронут: ты же все-таки лекарь.

Слабое утешение, невольно подумал Шарки. Он осмотрелся: *уруши* достались не им одним, в толпе уже мелькали орки, одаренные связками цветов: они горделиво носили их на голове, повязывали вокруг запястий или надевали на шею подобно дорогим ожерельям. Некоторые щеголяли даже двумя венками, один пышнее и вычурнее другого: «невесты», видимо, тоже устраивали меж собой негласное соревнование в том, чей *уруш* окажется больше, краше и затейливее.

Интересно, спросил себя волшебник с каким-то малоприятным чувством, а живодеду Шаваху эта вертихвостка Махаар тоже успела преподнести такой поощрительный венок, э? Вот будет забавно, если успела и преподнесла... или все же не очень?

— Слушай, — поинтересовался он у Каграта, — а если две или три «невесты» выберут себе одного «мужа», что тогда? Такое бывает?

Каграт ослабил.

— Бывает, бывает. В том-то и интерес... Ну, тогда этот счастливчик сам будет решать, какая из выбравших его девах ему больше по душе и чья уютная пещерка станет для него, так сказать, вторым домом.

— А если я вообще не хочу участвовать в Выборе?

— Тогда не надо было и *уруш* принимать... Но Махаар на тебя обиделась бы, решила, что ты ею пренебрегаешь. Это, знаешь ли, тоже не сладко: они, бабы, злопамятные, могут всякие слухи распустить... У нас таких нет, чтобы от *уруша* отказывались. А тех, кто

отказывается, за мужиков больше не считают, и быть им... продолжать, или сам догадаешься?

— Догадаюсь, — проворчал Шарки. Неведомой магией он вдруг взглядом выцепил в толпе Шаваха: тот стоял чуть поодаль, прячась в тени стены, и сверлил всю компанию пристальным тяжелым взглядом чуть исподлобья. Есть у него *уруи*, или нет, Саруман в полумраке не сумел разглядеть. — Но я же — не орк.

— И что?

— Разве Закон Рода позволяет мне участвовать в Выборе?

— Во всяком случае, Закон Рода не воспрещает тебе участвовать в Выборе. Это в некотором роде даже, гм, приветствуется. Свежая кровь, вроде того...

— На Кохарран, — пояснил Радбуг, — частенько приглашаются представители дружественных племен, именно для того, чтобы не допустить пагубы кровосмешения. Да вон, погляди, эти, которые с рыжиной — они из соседнего, Восточного племени. Лучшие представители, так сказать.

— Их тоже выберут?

— Ну, откуда нам знать... Раз Гарбра посчитала их достойными позвать на праздник, могут и выбрать.

— Ясно. Со «свежей кровью» в Замке явно возникли проблемы, — вполголоса заметил Саруман.

Радбуг внимательно посмотрел на него прозрачными серыми глазами.

— Может, и так. Во всяком случае, это не наша головная боль, Шарки. Здесь все решают визгуны, ты забыл?

Он хотел еще что-то добавить, но, перехватив взгляд мага, отчего-то промолчал. Да, собственно говоря, добавить что-либо к уже сказанному было невозможно, волшебнику все стало ясно, как дважды два.

— Все решают визгуны? — медленно переспросил он. — Нет, не забыл. Мне об этом, слава Творцу, напоминают исправно. — От его хриплого смеха испуганно вздрогнул — и отошел — лопухий снага, обносящий гостей жареным ливером. — А скажи-ка, Каграт, они, эти «визгуны», надо полагать, и «невест», и «женихов» тоже сами отбирают, а? По каким-то своим собственным соображениям? Есть ли вообще выбор в комедии Выбора... или пары уже подобраны заранее для, так сказать, лучших результатов селекции? Может быть, вашей Гарбре тоже даны четкие указания — кого выбирать, кого нет... Ты никогда об этом не задумывался, а?

— Нет, — злобно сказал Каграт, — не задумывался. И тебе не советую! Несешь какую-то чушь...

Но «слезы тролля» уже ударили Саруману в голову.

— Дай-ка угадаю... сколько детей рожать — тоже визгуны решают, ага?

— Не лезь не в свое дело! — Каграт глядел зверем. Опрокинул в горло осадок из своей чаши — и не поморщился, точно глотал родниковую воду. — Сколько бы ни родилось — все наши, всех вырастим, всем места хватит! А если двоих-троих порченных и заберут в Башню...

— «Порченных»? Больных, что ли?

— Ну... больных, слабых... уродов. Тут, в Замке, всякие рожатся.

— И что?

— Что?

— В Башню-то — для чего?

— Не знаю! Сказано тебе — не лезь! — Каграт скрипнул зубами. Этот новый поворот в разговоре его совершенно не радовал; он нервно оглянулся на дружка, ища поддержки, но Радбуг отъехал на своем ведре в сторону и с преувеличенным интересом разглядывал серенькие цветочки немейника в *уруше*, явно не желая принимать участия в скользкой теме. Шарки молчал и как будто не особенно настаивал на ответе — но не отводил глаз, внимательно смотрел на Каграта, проникал взглядом в темное кагратово нутро, как луч света проникает в затхлую подземную пещеру — и вновь, в который уже раз орка кольнуло неприятное чувство, что старый хрыч умеет читать мысли...

— Шаваргов из них делают, понял? — глухо, через силу прохрипел он. — Тварей, магией перемолотых... из *живого* скроенных. Для войны, типа того... Хозяин их в подземелье держит, они свет плохо переносят... трупками кормит, чтобы дармовое сырье в землю не зарывать... Ничего я не знаю, не приставай! — Он беспокойно облизнул губы. — Нельзя здесь о таких вещах... вслух.

Саруман по-прежнему молчал. Нет, он был совершенно не удивлен, но... Ни страх орка, ни его жалкие попытки замять неприятную тему не производили на него впечатления, он видел горемычного младенца — слабенького, синюшного, сделавшего первый вдох лишь после нескольких минут энергичных растираний и окунаний в горячую воду, — которого магу пару дней назад довелось спасти от смерти и которого, если верить Трышу, было решено «отдать в Башню». Вот, значит, какая судьба этому злополучному орчоньшу уготована — стать лабораторным сырьем, материалом для магических опытов, бессловесным куском глины, которому неведомый глинобит придаст задуманную форму, преобразует согласно собственным целям, вылепит гнусного и чудовищного в своей искаженности голема? Не лучше ли, с горечью спросил себя Шарки, несчастному младенцу было задохнуться еще в утробе матери?

— Вот оно что... Шаваргов делают, значит... используют ваших детей в качестве подопытных крыс... бессловесного мяса для мразотного *искажения*? Так, да? И неужели вам это по сердцу, Каграт? Вы это терпите? Вы это... оправдываете?

Каграт раздраженно зашипел.

— А что мы можем сделать, по-твоему... Ну что? Каждая палка — о двух концах... Все мы под визгунами ходим. Они же только порченных берут, хилых... ну, нежизнеспособных... которым все равно подыхать! Порченными откупимся — зато остальные будут жить в сытости и довольстве...

— До поры до времени. Как скотина в хлеву — до первых морозов.

— Оставь свои дурацкие сравнения при себе! — Каграт ощетинился. — Это пускай пачкуны да книжные крысы философию разводят из выеденного яйца — а мы народ простой, живем не мудрствуя... Просто живем. Понял? И на житуху не жалуемся! Хлеб едим — с маслом, в обноски не рядимся, работаем на совесть, пьем до упаду. Детей вот растим...

— Тех, которые не порченые?

— Заткнись! Дурень! За все в этом паршивом мире надо платить! — Каграт опять опрокинул в себя чашу горючих «слез», орк стремительно пьянел. — Последний раз говорю — не лезь не в свое дело! Меньше знаешь — крепче спишь!

Саруман не ответил. Его внезапно обжег чей-то взгляд — бешеный, лютый; исполнявшие его злоба и ненависть были настолько, до осязания, сильны, что буквально ощущались на коже, как плевок ядовитой потравой... Шарки стремительно обернулся.

Перед его глазами кружилась, шумела в беззаботном веселье толпа — притягательная и

опасная, будто лес, населенный неведомым зверьем. Где-то там, в темных дремучих недрах, бродили свирепые хищники и осторожные жертвы, пробирались по извилистым тропам, старательно обходя поляны дружества и веселья, угрюмые нелюдимы, хоронились в чаще брюзгливые неудачники, вынюхивали след чужого успеха фискалы, выслеживали добычу злобные завистливые глаза клеветников. Прямо как на светском приеме в королевском дворце, мимоходом подумал Саруман... Где всё зачастую представляется не таким, каково оно есть, где лиходей может спрятаться под личиной лучшего друга, где улыбаются, нанося удар, и лицемерят напрапалую...

Внезапный взгляд, настигший мага, валил с ног своей злобной мощью и звериной ревностью, и на мгновение волшебник почувствовал себя намеченной, обреченной на убой жертвой, затерянной в джунглях хитросплетения темных орочьих страстей. Неужели это действительно... Шавах? — не без тревоги спросил он себя. Неужели радбуговы предупреждения насчет этого палача могут иметь под собой вполне реальную почву? Чем леший не шутит... Вдруг этот мерзкий тип всерьёз надумает устранять возможных соперников — и не успокоится до тех пор, пока не водрузит эти злосчастные <i>уруши</i> траурными венками на наши могилы? Только этого сейчас не хватало... Меньше всего Саруману хотелось бы иметь Шаваху среди друзей — но стократ хуже было числить этого откровенного людоеда в лагере врагов...

42. Клинок в ночи

Саруман опасался не зря: Шавах действительно наблюдал за ним, прячась в тени стены — и за ним, и за Радбугом, и за Кагратом.

Орк видел, как Махаар одарила этих троих уродов цветами, и в груди его поселилось странное чувство, которому он не мог подобрать названия — мерзкое, жгучее чувство, острое и тяжелое, застрявшее между ребер, как кусок раскаленного железа.

Шавах вообще не пользовался на Кохарране особенным успехом, слишком уж он был свиреп и угрюм даже по орочьим меркам. *Выбранным* он оказался лишь однажды, в далекой молодости, когда вчистую завалил всех противников в кулачном бою и удачным ударом своротил нос одному твердолобому выскочке. Выскочка промучился с проломленной переносицей пару недель и впоследствии помер, не приходя в сознание, и с тех пор соплеменники стали относиться к Шаваху как-то настороженно и с прохладцей. Орки предпочитали с ним не связываться и вообще пореже попадаться ему на пути, орчанки иногда бросали на него украдкой кокетливые взгляды, порой одаривали *урушами*, но этим дело и ограничивалось — окончательный выбор на Выборе всегда падал на кого-то другого.

И долгое время после этого Шаваху хотелось всех убить.

Махаар была пышнотелая, сладкая и волнительная — она дразнила его, покачивая бёдрами, многозначительно на него поглядывала и призывно улыбалась. Она подарила ему венки — бросила к его ногам, словно небрежную подачку. Но это был первый венок за многие годы полного невнимания, и в груди Шавах всколыхнулось яростное томление, жаркое, мучительное и одновременно сладостное, как боль.

А потом Махаар пошла и вручила по *урушу* этим троим балбесам.

Похотливая сучка!

Сама не знает, чего ей надо.

Среди празднующих, веселящихся, танцующих и глотающих вино сородичей Шавах возвышался угрюмым одиноким утесом, о который радость и веселье разбивались волной — и испуганно отбегали, откатывались, не в силах сдвинуть с места эту мрачную громаду. Орк не праздновал, не веселился, не угощался и не пил — следил за шепотной орчанкой тяжелым неотрывным взглядом. Высматривал и запоминал тех, кому еще эта шмара вздумала подарить венки. Кроме Каграта и двоих его дружков Махаар вручила *уруши* Быгрыху, прошедшему Посвящение по весне и страшно этим гордившемуся, и еще одному орку, копейщику Варшагу. Кого из них она завтра *выберет*? Кого одарит своим «поясом невесты»? Кто из них придет — сумеет прийти — на грядущий Выбор?

Никто. И тогда Махаар придется выбрать его, Шаваху. Он — самая сильная и достойная фигура среди всей презренной шушеры, только он имеет право подмять под себя эту мягкую и сладкую, волнуяще соблазнительную шалаву.

Быгрых — сопляк, Шарки — старый козел, Радбуг — вонючий подранок-полукровка! Избавиться от них труда не составит. Наверно, наиболее опасными соперниками станут Варшаг и Каграт, но, в конце концов, их тоже можно незаметно подстеречь в темноте, тем более что и тот, и другой пьяны, расслаблены и нападения не ожидают. Каграта Шавах малость побаивался и оттого ненавидел лютой подсердечной ненавистью, сейчас принявшей поистине неопишуемые размеры — но тем слаще было бы подкараулить его в подворотне, воткнуть нож в печень и отомстить за все обиды... а труп стащить в подземелье на радость

шаваргам. *Сегодня ты — вожак, а завтра — я...* Шавах хорошо запомнил эти слова, как и вмешательство недоорка Радбуга, одно существование которого было вызовом всему орочьему племени в целом и лично ему, Шаваху, в частности. Ладно, однажды вшивому полукровке все-таки повезло увернуться от стрелы, но на этот раз от справедливой кары он не уйдет.

Шавах втянул воздух сквозь зубы. Он кутался в свою черную ненависть, словно в плащ, заворачивался в неё с головой, плотно отгораживаясь от остального мира, как от мерзкого докучливого дождя.

Накануне Выбора все средства хороши.

Праздник скоро закончится, все, тепленькие и пьяненькие, расползутся по своим норам... Кое-кто уснет прямо тут, на площади. Остальных подстеречь в темных лабиринтах Крепости будет несложно, особенно если они станут возвращаться поодиночке. Шавах стоял, ухмыляясь, нащупывая под курткой нож — и, завидев его усмешку, маленькие криволапые орки-снаги спешили обойти его стороной, такой темной жутью веяло от его тяжелой, прчущейся во мраке смутной фигуры.

* * *

Была уже глубокая ночь.

Праздник слегка выдохся. Еда была съедена, вишневое вино и прочие, менее невинные напитки — выпиты. Каграг убежал куда-то на поиски приключений и травил байки в компании неподалеку, и, кажется, его выступление имело успех — *уруш* у него имелся уже не один, а по меньшей мере три. Радбуг тоже обзавелся новым *урушем* — его принесла молчаливая застенчивая орчанка в странном одеянии, сшитом из разных полосок меха; у неё был маленький прямой нос и зеленоватые раскосые глаза, а несколько прядей в длинных темных волосах оказались выкрашены белой краской. Её венок был сплетен из больших красных и розовых, явно не болотных цветов, и Радбуг надел его на шею с некоторой потаенной гордостью.

— Кто это? — спросил Саруман, когда орчанка ушла. — Если не ошибаюсь, э-э... Наваха?

Радбуг осторожно погладил пальцем гладкий лепесток цветка, вплетенного в *уруш*.

— Ну да. Откуда ты знаешь?

— Ты сам о ней говорил... Она тоже участвует в Выборе?

— Могла бы, но не участвует. Она мне сказала, что не хочет нового мужа.

— Вон оно что, — посмеиваясь, заметил Шарки. — Ты, выходит, на всю жизнь избранный?

Радбуг как будто удивился.

— С чего ты взял?

— Цветы, из которых сделан твой венок, собраны не на болотах.

— Ну да... И что? Наверно, Наваха вырастила их в садике под южной стеной... У баб там огород небольшой с овощами, ягодами и всякой прочей ерундой.

— Дурень ты. Она для тебя их и вырастила, а ты даже не оценил.

— Ну с чего же это сразу, — пробормотал Радбуг, — не оценил? Очень даже оценил...

Орки, наверно, собирались гулять и праздновать до утра, но Саруман решил, что с него довольно — завтра его ждал очередной тяжелый день.

— Я тоже пойду, — сказал Радбуг. Он еще не совсем оправился после ранения, и после наполненного шумом и суетой утомительного вечера чувствовал себя неважно. — Рана еще побаливает, чтоб её...

Каменные дворы и переходы Крепости были пустынно. Кое-где горели факелы, и плясали по стенам, празднуя свою неведомую вечеринку, причудливые тени. Уныло перекликались на постах часовые, с площади, оставшейся позади, еще долетали звуки празднества — позвякивание бубнов, грохот барабанов, чьи-то вопли, взвизги и взрывы пьяного хохота. Шаги Сарумана и Радбуга отражались от каменных стен гулким эхом, и Замок молча следил за прохожими темными провалами окон — тихо, бесстрастно и приметливо, как опытный соглядатай.

— Кто они такие? — пробормотал Саруман.

Радбуг лениво обернулся.

— Кто?

— Эти... шаварги. Каграт сказал, что они... «порчены магией»? Что это значит, по-вашему?

Радбуг смотрел прямо перед собой. Если он вопросу волшебника и удивился, то не подал вида.

— Какое тебе дело, Шарки? Сходи в подземелье — и узнаешь... Хотя не советую.

— Почему?

— Неладно там, в подземельях. Там живет Тьма.

— Э-э... да?

В голове Шарки клубился туман. За последнее время он изрядно отвык от сытной еды и крепкой выпивки, и сейчас, после разгульной пирушки, чувствовал себя громоздким и неповоротливым, как тяжело груженный, осевший выше ватерлинии корабль.

Радбуг на секунду остановился, окинул взором нависавшую над ними темную громаду Крепости. Где-то высоко вверху торопливо, точно украдкой, выглянула в прореху меж облаков луна — и тут же вновь скрылась за пеленой туч, словно опасаясь быть обнаруженной.

— В местных подвалах много темных дел творится, Шарки... Подземелья — это ведь не только ходы под Заком да под холмом. Тут по окрестностям земля вся изрыта, да не киркой и лопатой — темной силой там лазы-перелазы проложены, неведомым чародейством укреплены. Болтают, будто есть подземный ход, который из Крепости куда-то за болота выводит, хотя толком-то никто ничего не ведает, заброшено всё давным давно...

— А раньше, значит, было не заброшено?

— Говорят, Сам, Хозяин этим ходом пользовался... «Гуулы»-то, по-твоему, откуда вокруг Замка берутся?

— Откуда?

— Где-то у них там логово, на болотах — гнездо, где эти твари кучкуются и плодятся... Хозяин, бают, их поначалу намеренно разводил — для охраны: они-де сами по себе живут, каши за службу не просят.

— А теперь, выходит, «гуулы» и вовсе от Замка не зависимы?

Радбуг не ответил. Остановился и прислушался.

На ближайшей стене помаргивал факел — вверх от него вымпелом тянулась по камням чёрная полоса копоти.

— Да кто же его знает? — пробормотал Радбуг. — Где там сейчас концы найдешь...

Под факелом, в глубине подворотни, стояла темнота — глухая и плотная, как стена. И в этой темноте кто-то был, кто-то враждебный и настороженный, тот, чей пристальный взгляд обжигал ненавистью, точно кислотой. Радбуг, видимо, тоже это почувствовал.

Он отступил к стене, потянул мага за собой. Положил ладонь на рукоять кривого ножа, висевшего на поясе.

— Кто здесь? — спросил он спокойно. — Ты, Шавах? Выйди, покажись. Или тебе смелости хватает только за углом прятаться?

Темнота молчала. Смотрела по-прежнему угрюмо и тяжело. Радбуг снял со стены ближайший факел и, чуть помедлив, швырнул его в подворотню. Факел зашипел, шлепнувшись на камни, осветил нутро каменного тоннеля. Подворотня была пуста.

Показалось? — спросил себя Саруман. — Нам обоим? Да?

Впрочем, деваться было некуда — чтобы попасть «домой», ему все равно надо было пройти через эту угрюмую каменную кишку: его каморка находилась в соседнем дворе, а обходных путей он не знал, да и вряд ли где-то в неизведанных закоулках Крепости сейчас могло быть безопаснее. Радбуг, видимо, это тоже понимал... Они шли осторожно, чуть ли не крадучись, прячась в полумраке, прижимаясь к стене. Радбуг по-прежнему держал ладонь на рукояти ножа, но от внезапного нападения это жалкое оружие могло бы послужить защитой не лучшей, чем деревянная зубочистка. У Сарумана и того не имелось... Впрочем, подворотня действительно была пуста, лишь под стеной, неподалеку от выхода, что-то беспомощно возилось, жалобно попискивая.

Крыса.

Она была еще жива, но череп её, разможенный не то брошенным камнем, не то метким пинком, не оставлял ей никаких шансов, лапки её подергивались в агонии, глазки-бусинки заволоклись мутной пленкой, голый розовый хвост бессильно вился в пыли.

Радбуг на секунду остановился. Пробормотал под нос:

— Значит, он тут действительно был...

Он отвлекся на эту несчастную крысу всего на мгновение. Но этого оказалось достаточно, чтобы темнота всколыхнулась — и тот, кто, выжидая своего часа, прятался за углом подворотни, успел метнуть нож ему в спину.

Шарки этого даже не видел — почувствовал: ощущение опасности в последние минуты обострилось в нем до предела. Ничего не было — ни шума, ни сотрясения воздуха, ни тихого посвиста летящего ножа, — но в нем точно лопнула натянутая струна.

Всё произошло очень быстро.

Саруман даже не успел ни о чем подумать, некогда было думать, разбирать происходящее по косточкам, прислушиваться ко вдруг проснувшемуся чутью и проникать взором мрак, рука его взметнулась в воздух сама собой.

— *Thando!*

И нож не поразил цель.

Точно наткнувшись на невидимый щит, он взвился к потолку и, отброшенный неведомой силой, со звяканьем упал на камни чуть в отдалении. Это была победа — совершенно внезапная, крохотная и нечаянная, и Саруман даже не успел её толком почувствовать.

Ошейник тут же сжался стальной петлей и стиснул ему горло.

Воздух кончился. Раскаленный штырь вонзился в затылок, и в глазах волшебника потемнело — проклятый ошейник не одобрял резких движений, тем более магических, и

нарушителя ждала немедленная кара. Шарки сделал несколько шагов вперед, ничего не видя, точно слепой, потом ноги его подогнулись...

...Кто-то встревоженно тряс его за плечо.

— Шарки! Шарки! Он в тебя попал?

Саруман обнаружил, что сидит, привалившись спиной к стене. Над ним склонился Радбуг с факелом в руке, и физиономия орка была побледневшей и перекошенной от волнения. На ладони его лежал нож, поднятый с мостовой — обычный метательный ножик без гарды, с остро заточенным лезвием и плоской костяной рукоятью.

Ошейник слегка ослабил хватку, но голову все еще сжимал раскаленный обруч, и Саруману казалось, что она вот-вот лопнет, как гнилой помидор... Он тяжело перевел дух, втянул воздух в лёгкие судорожно и с усилием, точно спасительное лекарство.

— Н-нет... Ошейник...

— Ошейник? — в замешательстве пробормотал Радбуг. — При чем тут... ошейник?

Действительно — при чем? Никаких причин ни с того ни с сего проявлять свой мерзкий нрав у ошейника явно не было: сбегать пленник не собирался, на охрану не нападал, от орков далеко не отходил. *Просто, видишь ли, дружище, я не хотел, чтобы тебе меж лопаток воткнулся нож, и — нечаянно! — отбросил его воздушным щитом. А эта штука не терпит попыток в волшебство.* Ну да. Радбуг явно ничего не заметил, и посвящать его во все эти странности и тонкости вряд ли стоило.

— Кто это был? — хрипло спросил Шарки. — Там, за углом? Шавах?

Он невольно зацепился взглядом за большой розовый цветок, вплетенный в *уруш*, подаренный Радбугу Навахой, — веночек всё ещё красовался у орка на груди, странно яркий и неуместный символ праздника в этом опасном ночном мире бросающихся ножами подворотен. А ведь знак любви и внимания для мучимого завистью ревнивца — все равно что вызывающая красная тряпка для разъяренного бойцового быка... Свой *уруш* из невзрачных болотных цветочков Саруман мимоходом обронил где-то в закоулках темных дворов и сейчас мог только вяло этому порадоваться.

Ему отчаянно хотелось порадоваться хоть чему-то.

— Я никого не видел, — буркнул Радбуг. — Этот гад исчез, прежде чем я успел до него добраться. Но, наверное, Шавах... Кто еще может швырнуть нож из-за угла и удрать, как шакал?

— По-твоему, он удрал?

— Похоже на то. Стража всполошилась...

Действительно: откуда-то из-за угла подворотни доносились чьи-то шаги, хриплые голоса, побряцывание оружия. Замелькали на серых стенах отсветы факелов. В проеме выросла квадратная фигура орка в кожаных доспехах, вооруженного широким мечом-фальшионом и небольшой секирой, за его спиной маячили двое-трое его соратников с короткими копьями в руках.

— Хей, вы! Что тут за возня?

Радбуг обернулся.

— Здорово, Бардр.

Бардр был клыкастый, широкоплечий и рыжеватый — поскольку основательная часть северян отправилась сегодня праздновать на Кохарран, на дежурстве оставались преимущественно орки из Восточного племени, и Бардра, видимо, по такому случаю произвели в капитаны внезапно. Он ещё не совсем освоился с новой и непривычной для него

ролью, а кожаный шлем, надетый на его шишковатую голову, оказался ему чуть великоват и слегка сползал с покатога лба на нос.

— А, это ты, уродец белобрысый... — Щуря красноватые глазки, он наконец опознал в полумраке Радбуга, пренебрежительно ослабил и перевел взгляд на Сарумана. — И Шарки здесь?

— Мы шли с праздника, — пояснил Радбуг. — А на нас напали.

— Кто напал?

— Он отчего-то не представился, — с раздражением отозвался Саруман. Волшебник медленно поднимался, держась рукой за стену. — Странно, да?

Бардр поднял лапу, чтобы озадаченно почесать затылок, но наткнулся на шлем, отдернул руку и с изумлением на неё посмотрел. Растерянно пошевелил пальцами, потряс рукой в воздухе, точно не зная, куда бы её деть, наконец нашёл для неё подходящее место на эфесе меча. Многозначительно поджал подбородок и прочистил горло. Он был сейчас не какой-то там рядовой прыщ-салага, лопухий ратник в строю таких же заурядных вояк, а целый капитан ночного патруля из трех морд, и положение обязывало его сохранять важность, невозмутимость и хладнокровие.

— Ладно, разберемся. — Он деловито кивнул одному из своих соратников. — Каргор, проводи этих вихляев до берлоги... Остальные — за мной! Прочешем двор.

«Остальными» был плюгавенький рябой орк в потертой куцей куртеечке, но Бардру, видимо, представлялось, что он командует настоящей армией.

— Поздно прочесывать. Не найдете никого, — буркнул Радбуг. — Кто бы это ни был, он давно сбежал.

— А я и не сказал, что мы кого-то найдем, я сказал, что прочешем, — Бардр самодовольно ухмыльнулся. Ему нравилось рокотать по-командирски непрерываемым голосом и зычно, повелительным тоном раздавать указания. — По-вашему, меня волнуют ваши свойские разборки? Ладно, не ссыте, Каргор вас проводит, а мы пока тут осмотримся... Клянусь занозой у Мёрда в заднице, мимо нас ни одна сволочь не прошмыгнет!

— Ну, добре, — проворчал Саруман. Куда больше его интересовало другое. Видел ли Шавах, как отлетел нож, отброшенный воздушным щитом? Понял ли он, почему его бросок не попал в цель?

Или это был вовсе не Шавах?

Если Шавах — то какие выводы он сделал из увиденного и кому теперь сочтет нужным их донести?

Попасть на допрос в Башню Саруману не хотелось совершенно. Не то, чтобы он сильно боялся Саурона и иже с ним, но и в том, чтобы повторить участь Гэндальфа, тоже ничего особенно привлекательного не находил. Почему-то упорно вспоминалась крыса, жалко корчащаяся под стеной...

Ну-ну, сказал себе Шарки. Если бы я не вмешался, Шавах не заподозрил бы ничего лишнего. Но у меня не было времени на раздумья — ни секунды, ни доли секунды! А если бы было? Я что, позволил бы этому проклятому ножу воткнуться Радбугу в спину? Позволил бы, чтобы нежные розовые цветы *уруша* оказались обагрены кровью? Позволил бы, да?

Саруман задавал себе этот вопрос беспрестанно — и не находил ответа.

Не хотел находить.

В каморке стоял полумрак; ставни были закрыты, на столе горела единственная масляная лампадка: не дождавшись возвращения учителя, Гэдж, завернувшись в одеяло, мирно дремал на лавке, как-то по-детски вытянув губы и подложив под щеку обе руки. Он испуганно вскочил, когда Шарки и Радбуг в сопровождении молчаливого, как тень, Каргора с шумом ввалились в темное помещение.

— Что?.. Что случилось?

— Спокойнее, дружище. Ничего особенного, — хрипло ответил Саруман. — На нас напали.

Гэдж, путаясь в одеяле, растерянно топтался посреди горницы. Изумленно крутил головой туда и сюда.

— Кто напал? Где?

— Здесь, неподалеку, — пояснил Радбуг. — Да ладно, ерунда... После Кохаррана такое случается.

— Э-э... правда? — Гэдж в замешательстве переводил взгляд с одного на другого. Видимо, что-то в поведении Шарки ему показалось странным: — С тобой все в порядке?

Саруман понял, что до сих пор держится рукой за ошейник.

— Вполне, — отозвался он. Голова у него еще болела, но уже не так остро, как несколько минут назад, скорее тоскливо и нудно. Он даже начал склоняться к мысли, что это скорее последствия не опрометчиво совершенного колдовства, а вполне естественного и даже ожидаемого похмелья.

Радбуг, морщась, потирал ладонью повязку на груди.

— Будь осторожен, — сказал он. — Неизвестно, что еще может взбрести в голову этой мрази... Впрочем, он настолько же трус, насколько и подлец. При том злобнее шаварга.

Саруман мотнул головой.

— Не учи ученого. И сам держи нос по ветру, раз уж такое дело.

Радбуг и Каргор ушли — через внутреннюю дверь, ведущую к казармам. Гэдж проводил их озадаченным взглядом: все произошедшее как-то застало его врасплох. Оглянувшись на Сарумана — тот тяжело опустился на лавку и сидел, внимательно разглядывая кончики пальцев — с таким задумчиво-недоверчивым видом, словно они только что позволили себе выкинуть без спроса нечто весьма удивительное и неожиданное.

— Ты и правда в порядке? — помолчав, спросил Гэдж подозрительно.

Шарки поднял голову.

— А что со мной не так?

Орк не нашелся с ответом. Что-то было не так — но что именно, он не мог понять определенно.

Он зажег огонь в печурке, наполнил водой и поставил на горячие кирпичи жестяной чайничек. Не то чтобы ему очень уж хотелось немедленно выпить чаю, просто в самих этих действиях было что-то невероятно привычное, возвращающее к обыденности и оттого успокаивающее.

— Так что же все-таки стряслось? Это правда «ерунда» или все-таки нужно «держаться нос по ветру»? — спросил он мрачно. — И при чем тут шаварги?

Саруман покосился на него исподлобья. Вынул из-за пазухи фляжку, которую предусмотрительно наполнил на празднике вишневым вином, задумчиво взвесил её в руке.

— Тебе тоже знакомо это... слово?

— Я их видел, — хрипло сказал Гэдж. — Там, в подземельях.

Его передернуло от неприятных воспоминаний — всплыли в памяти тесные железные застенки, острый запах крови и падали, белая кость (или не кость?), свисавшая из пасти урчащей твари; он поднял голову и встретился с Саруманом глазами. Лицо Шарки было спокойно, даже бесстрастно и не выражало ровным счетом *ничего*, словно волшебник сосредоточенно смотрел внутрь себя, хоть при этом и не отводил взгляда от Гэджа.

— В подземельях... — помолчав, задумчиво протянул он наконец. — Кажется, на этих подземельях тут свет клином сошелся. Кстати...

— Что?

Саруман, взболтнув фляжку в руке, приложился к горлышку и сделал несколько долгих жадных глотков. Утер губы рукавом.

— Радбуг сказал, что где-то в подземельях имеется ход, ведущий прочь из Дол Гулдура. Не знаю уж, насколько это правда...

Гэдж смотрел на чайник: местами закопченный, с чуть вмятым боком и щербинкой на носике, битый жизнью, но все равно блестящий и самодовольно-круглый, весело насвистывающий свою жизнерадостную уютную песенку. Мне бы твою несминаемую металлическую самоуверенность, подумал он уныло. Ему вспомнилось, как он прятался в пещере шаваргов, вжимался там в дальний темный угол, и откуда-то из тоннеля, уходящего дальше, в непроглядный мрак, тянуло холодом, страхом и сырым кисловатым сквозняком.

— Ну, может, и правда. В этих поганых подземельях балрог ногу сломит. Нет у меня желания туда соваться... Или ты мыслишь удрать отсюда через этот ход?

Саруман сидел, свесив голову на грудь, бессильно опустив руки. Вновь задумчиво взболтнул фляжку — содержимого в ней оставалось меньше половины.

— Вряд ли из этого что-то выйдет. Вот если бы я мог раздобыть «эстель», Гэдж — тот, настоящий...

Он вздохнул и что-то неразборчиво пробормотал под нос. Гэдж снял чайник с огня и заварил в кружке горсть сухих ягод ежевики. Подумал, добавил в чай несколько капель снадобья, которое Шарки готовил для Каграта, и придвинул кружку приунывшему волшебнику.

— Слушай, — сказал он мрачно. — Я тут прикинул... пожалуй, я мог бы спрятаться под днищем одной из телег, когда очередной обоз пойдет за хлебом. — Он уже давно обдумывал эту мысль, вертя её в голове так и этак, тщательно обсасывая со всех сторон, словно леденец. — У меня есть шанс выбраться из Замка беспрепятственно, я-то не ношу ошейник.

Саруман хмыкнул.

— Ну, допустим... А что потом? Пойдешь к Келеборну и будешь требовать у него обратно свой амулет? Не говори глупостей...

— Этот паршивый сноб не имел права присваивать «эстель» себе!

— Этот паршивый сноб наверняка имеет иное мнение на сей счет. Это во-первых.

— А во-вторых?

— Это слишком опасно. Тебя убьют, если поймают. Если не орки, так эльфы... Думаешь, Келеборн ждет тебя с хлебом-солью и распростертыми объятиями? Забыл про лориэнский приказ без суда и следствия убивать любого орка, переступившего границу страны?

— Ну... я там не совсем чужак, — неуверенно пробормотал Гэдж. — Они меня знают.

— Вот именно поэтому и постараются не промахнуться, — процедил Саруман. — Дру

мой Гэдж, и когда только иссякнут твои запасы наивности?

— Надо поговорить с Радагастом. Может, он сумеет что-нибудь придумать?

— Радагаста больше интересует урожай репы и прыщи на заднице какого-нибудь блохастого ежа, чем вся эта суета вокруг Замка. Да и не станет он затевать ссору с эльфами из-за какого-то невнятного амулета. Нет. Это не выход, Гэдж. — Саруман вдруг рывком поднялся и принялся взволнованно мерить шагами тесную комнатенку. — Ничего, не переживай, я что-нибудь придумаю... надо только найти способ обойти заклятие ошейника... — Он резко остановился. — Сегодня кое-что произошло. Я неосознанно воспользовался магией, чтобы не позволить свершиться преступлению. Смотри! — Он вскинул руку, и на ладони его замерцал волшебный огонек — неуверенный и дрожащий; лицо мага сделалось серым от напряжения, он тяжело, сдерживая стон, перевел дух. На мгновение огонек вспыхнул ослепительно — и погас, оставив перед взором голубоватый светящийся след. Саруман неуклюже рухнул на лавку и, морщась, потрогал ошейник.

— Вот, — сказал он хрипло. — Это — всё. Пока.

— Нет, не всё, — тихо возразил Гэдж. — Это — волшебство...

— Невеликое, прямо скажем. Но я, кажется, сумел нащупать в чарах ошейника кое-какую слабую точку. Только сам не до конца понял, как и где... Ах, леший, да если бы этот дурень Гэндальф не подменил «эстель»...

— Тише, — пробормотал Гэдж. — Что это?

Его чуткое орочьё ухо уловило шорох под окном — тихий, едва слышный. Ставни были закрыты — но как много довелось увидеть незваному визитеру в крохотную щель между створами... если там действительно кто-то был? Гэдж схватил фонарь и выскочил на крыльцо, но снаружи никого не нашлось — двор оказался безлюден и пуст. Лишь откуда-то издалека, из-за лабиринта замшелых стен доносились приглушенные расстоянием возгласы и грохот барабанов — там все еще продолжался праздник.

— Кто там? — быстро спросил Саруман. Он тоже подошел ближе — и стоял за плечом орка, бледный и осунувшийся, держась рукой за стену.

— Никого, — пробормотал Гэдж. — Думаешь, кто-то что-то видел?

Замок молчал — безмолвный, жуткий — нависая со всех сторон, будто прислушиваясь, ловя невидимым ухом витающие вокруг тайны, стараясь ни упустить ни малейшего звука. Мрачная цитадель крепко хранила в себе свои темные секреты — и оставалось верить, что так же надежно она будет хранить и чужие...

Саруман медленно привалился спиной к стене и прислонился к ней затылком. Прикрыл ладонью глаза.

— Гэндальф говорил тебе о том, что́ ему предлагали в Башне?

Вопрос застал Гэджа врасплох:

— Н-нет... По-твоему, ему что-то предлагали?

— Наверняка. Но он отказался. Поэтому и очутился в подвале.

— А ты бы, значит, не отказался? — помолчав, спросил Гэдж. — Если бы тебе... предлагали, а?

Саруман отнял руку от лица и внимательно посмотрел на него. Глаза мага лихорадочно поблескивали в сизом полумраке комнаты.

— Ты хочешь, чтобы со мной сделали то же, что с твоим Гэндальфом?

— Не хочу, — сказал Гэдж сквозь зубы.

— И потому склонен полагать меня малодушным и трусливым мерзавцем.

— Да я вовсе не...

Саруман хрипло усмехнулся.

— Я не знаю, о чем они говорили, Гэдж. Но, если Саурон действительно что-то предлагал, и предложение было стоящим, я, вероятно, с ним еще и поторговался бы. Я, знаешь ли, падок на мелочную личную выгоду в ущерб Общественным Интересам и даже не стесняюсь в этом признаться.

— Ну-ну. По-твоему, это смешно?

— Нет. Но я совершенно серьезен, дружище. Только не забывай, что, если бы я действительно хотел предать наше Правое Дело, то уже давно сам пошел бы в Башню, а не сидел бы в этой пропахшей крысами и плесенью вонючей норе. — Он вздохнул. — Ладно, не тревожься обо мне, я как-нибудь выкручусь... Старого карася Шарки далеко не так просто ущучить и поймать за хвост, как некоторые об этом думают.

* * *

Что ж, Шавах всегда подозревал, что паршивый старик далеко не так прост, каким хочет казаться... Было в нем что-то *такое-этакое*, чего трудно не заметить и еще труднее понять — но до сих пор у Шавах не имелось особенных причин во все это вникать и всем этим интересоваться.

Тому, что случилось сегодня, не было объяснения.

Брошенный нож должен был попасть в цель. Радбуг должен был захрипеть, харкнуть кровью, забиться в корчах и повалиться мертвым, а расправиться потом с одним Шарки было бы не сложно. Но что-то пошло не так...

Шавах видел, как нож отшвырнуло неведомой силой, и как Шарки схватился рукой за ошейник. Что это было? Хитрый старый пень что-то сделал с ножом? Отбросил его движением руки? Как? Кто он такой, этот странный старикан? Не из *этих* ли, о которых не к ночи пристало упоминать... и которые подстать Самому, тому, кто живёт в Башне, Хозяину Крепости?

Вот так так. Это было открытие поинтереснее объятий Махаар!

Встречаться с болваном Бардром и его присными Шаваху совершенно не хотелось — и некоторое время он прятался в темноте, ожидая, пока ночной патруль уберется восвояси, и двор вновь опустеет. Шарки и Радбуг тем временем успели пересечь открытое пространство и скрыться в дверях лекарской каморки... ладно, неважно, далеко они все равно не уйдут. Впрочем, и с Быгрыхом, и с Варшагом, и с прочими ухажерами Махаар можно было разобраться и потом, позже — перед Шавахом внезапно открылись возможности куда шире и заманчивее тех, что сулил ему грядущий Выбор. Ему выпал вполне реальный шанс отличиться перед Визгуном и даже заработать благосклонность Башни, а такой внезапной и удачной оказией пренебрегать определенно не следовало.

В окошке лекарской каморки теплился огонек. Шавах подкрался поближе и заглянул в щель между ставнями. Он почти ничего не видел, заметил лишь пробивающийся между створами странный голубоватый свет. Голубоватый — это не мог быть отсвет свечей или печки.

— *Вот*, — раздался голос Шарки. — *Это — всё. Пока.*

Вшивый мальчишка-ученик тоже был там:

— *Нет, не всё. Это — волшебство...*

— *Невеликое, прямо скажем. Но я, кажется, сумел нащупать в чарах ошейника какую-то слабую точку... Да если бы этот дурень Гэндальф не подменил «эстель»...*

— *Тише...*

Дальше Шавах вникать в происходящее не стал. Неслышно отступил в тень и ускользнул прочь — бесшумно, как истинный ночной тать.

43. Записка

На утренней зорьке кто-то громко и требовательно забарабанил кулаком в дверь.

— Эй, вы, там! Открывайте!

Гэдж испуганно вскочил.

Рассвет еще только занимался — в щели между ставнями просачивались робкие серенькие лучи. За дверью, на пороге, кто-то тяжело топтался, сопел, слышалось какое-то побрякивание, позвякивание, поскрипывание, и даже вроде бы пофыркивание мулов... Гэдж с тревогой оглянулся на Сарумана.

Тот тоже поднялся — и стоял в глубине горницы, бледный, как призрак. Лицо мага, худое, измятое, изрезанное тенями, казалось застывшей, посеревшей от времени и непогоды гримасой каменного надгробия.

За дверью кто-то вполголоса выругался.

— Не открывают, господин... Притихли...

Деревянная створа глухо сотряслась под ударами: кто-то неторопливо, с расстановкой три раза вломил по ней кулаком.

— Открывайте.

Голос был другой — чуть приглушенный, словно бы слегка пришепетывающий, но невероятно властный: сказано было негромко и спокойно, но так уверенно и повелительно, что сама мысль о неподчинении казалась неуместной, невообразимой, попросту невозможной. Гэджу стало не по себе: что-то страшное было там, за дверью, что-то неумолимое, глухо шепчущее, жаждущее войти, и жалкая деревянная створа не могла служить этой могучей силе преградой...

Саруман, стиснув зубы, решительно шагнул к порогу, снял засов и рывком распахнул дверь.

Перед ним стоял Черный Человек.

Он был в черном камзоле с серебряным шитьем, черном плаще, на голову его был накинута черная капюшон, и даже под капюшоном — там, где полагается быть лицу, — стояла чернота, холодная и непроглядная, как пещерный мрак. Гэджа окончательно охватил страх: в облике незнакомца как будто не было ничего особенно причудливого или угрожающего, но он внушал какое-то жуткое чувство, дурнотный трепет, болезненный озноб, обессиливающий и заползающий пальцами под одежду, как промозглый ноябрьский холод — хотелось попятиться, отойти подальше, съёжиться в комочек и обхватить колени руками, а еще лучше — вообще забиться под лавку...

Незнакомец повернул голову и что-то негромко сказал уруку, стоящему за его спиной — тот коротко кивнул и спустился с крыльца. В приоткрытую щель Гэджу видна была стоящая возле порога длинная телега с ребристыми боковинами; в ней на ворохе мешков и бочонков сидел сгорбленный «козявка», а другой держал под уздцы запряженных в телегу мулов. Урук что-то отрывисто рявкнул «козявкам» — и телега дрогнула, тронулась с места, покатила куда-то дальше по двору, грохоча деревянными колесами по брусчатке.

Незнакомец меж тем осмотрелся, мимоходом зацепившись взглядом за Гэджа — совсем ненадолго, на секунду, но странное желание превратиться в букашку и забиться под половицу у Гэджа не только не пропало, а усилилось во сто крат, — потом решительно шагнул вперед и присел на край ближайшей скамьи. Обратил мрачный взор-из-под-

капюшона на Сарумана:

— Это тебя, старик, здесь называют Шарки?

— Да, — сказал Саруман: как-то беззвучно, одними губами.

— Мое имя — Кхамул. — Незнакомец ловко выудил из рукава желтоватый свиток с навешенной снизу круглой печатью. — Ты — грамотный, я надеюсь? — спросил он небрежно.

— Смотря в чем, — в тон ему отозвался Шарки.

Кхамул бросил на него быстрый странный взгляд, но ничего не сказал. Подал Саруману свиток.

— Читай.

Шарки развернул бумагу, пробежал её глазами. Лицо его по-прежнему было белым и застывшим, как маска из гипса.

Что там такое, в этом свитке? Приказ явиться на дознание в Башню? Повиниться во всем содеянном? Немедленно, не сходя с места, повеситься на дверной ручке? Гэдж, замерший в глубине комнаты, изнывал от тревоги, неизвестности и дурных предчувствий.

Саруман медленно свернул свиток и положил его на стол. Посмотрел на незваного гостя.

— И чего вы от меня хотите, господин, э-э... Кхамул?

Кхамул лениво закинул ногу на ногу, покрутил носком сапога.

— Мне нужно тебе это объяснять? — спокойно осведомился он.

— А вы пришли сюда *лично* только для того, чтобы давить меня, гм... авторитетом? Приказа было бы недостаточно?

Кхамул был непроницаем, как ледяная глыба.

— Не наглей, старик. Я полагал, что при *личной* встрече нам будет проще договориться. Я понимаю твои сомнения, дело все же небезопасное... Но ты прав: я пришел сюда не для того, чтобы выслушивать отказы.

Саруман, опустив глаза, задумчиво перебирал в ладони кисточку шнурка, которым была подпоясана его серая хламида. О чем-то напряженно размышлял секунду-другую.

— И насколько дело серьезно?

— Этого я пока не могу сказать. Мы получили это письмо ночью. — Кхамул упёрся пальцем, затянутым в черную перчатку, в злосчастный свиток. — Мы как раз и хотим выяснить тяжесть создавшегося положения... с точки зрения знающего в этом человека. А у меня есть сведения, что ты невосприимчив к гнилой лихорадке.

— Вы хотите, чтобы я поехал туда?

— Мы не можем допустить, чтобы на Юге начался мор. Для Замка это будет грозить неприятными последствиями.

— Понимаю. И сколько у меня времени на сборы?

— Пара часов. Орки сейчас разгрузят обоз на складе и завернут сюда на обратном пути.

— А кто останется тут вместо меня?

Кхамул на секунду задержался взглядом на Гэдже:

— У тебя, кажется, есть ученик? Что ж, придется ему несколько дней поработать за двоих.

— И поэтому он, несомненно, будет получать двойной паек, — быстро сказал Саруман.

Гэджу показалось, будто чернота под капюшоном неслышно усмехнулась.

— Экий ты ушлый тип... Шарки. Ладно, пусть будет по-твоему. Я распоряджусь. —

Кхамул поднялся, задумчиво тронул пальцем чашу стоявших на столе аптекарских весов. — Что ж, я рад, что мы так быстро и славно сумели договориться. Жди оказию.

Он шагнул к двери, вышел, и Гэджу показалось, что в горнице сразу стало просторнее и светлее — хотя, возможно, это всего лишь рассвет, разгоравшийся над Дол Гулдуром, наконец брал свое. Орк бросился к окну и распахнул ставни, чтобы впустить в дом этот очередной унылый и безрадостный, неуверенно наступающий серый день. Обернулся к Саруману:

— Что случилось? — Слова «дело все же небезопасное» и «сколько времени у меня на сборы?» звучали малопривлекательно и явно не сулили ни ему, ни учителю ничего хорошего.

Шарки, не отвечая, смотрел на захлопнувшуюся за Кхамулом дверь. Держался рукой за ошейник. Где-то в углу, за печкой, едва слышно зашуршала притихшая было мышь, чаша весов, которую назгул, уходя, тронул пальцем, все еще неторопливо покачивалась... Наконец Саруман как будто вспомнил о существовании Гэджа:

— Не то, чего я опасался... к счастью. Просто, дружище, мне придется уехать на несколько дней.

— Уехать? Куда? Далеко?

— Миль за тридцать — к южной границе. Туда некоторое время назад пришло пополнение откуда-то с востока... ну, проще говоря, пригнали новую партию рабов. Так вот, среди них неожиданно обнаружили хворые...

— И что с ними такое?

— Жар, бред, горячка... Бурые пятна на теле.

— Гнилая лихорадка? — пробормотал Гэдж.

— Похоже на то. Или пустынная язва. Или черная оспа. Или вообще непонятно что. Новоприбывших «крысюков», конечно, заперли в бараке на карантин, но положение внушает опасения... Визгуны хотят попытаться пресечь заразу в зародыше.

— Раскаленным железом? — спросил Гэдж мрачно. — Чем ты там можешь помочь, интересно? Не позволить местным оркам сжечь этот несчастный барак вместе с «крысюками»?

Шарки, не глядя, порылся в складках одеяния, извлек на свет вчерашнюю флягу, взболтнул её в руке — но, увы, она оказалась пуста. Маг с видимым сожалением сунул её за пояс.

— Друг мой, давай все-таки верить в лучшее... и готовиться к худшему. Видишь ли, если на юге вспыхнет мор, Крепость останется без продовольствия аккурат к зиме, ведь основные поставки мяса, молока и овощей идут с тамошних ферм. Поэтому господа визгуны так и засуетились... Гэдж, — он положил руку орку на плечо, — тебе какое-то время придется побыть здесь без меня... *Вместо* меня.

— Ты что, действительно думаешь, что я сумею тебя заменить? — тихо спросил Гэдж.

— Боюсь, у нас нет особенного выбора. Но я в тебя верю. Постарайся и ты наконец поверить в себя, хорошо?

Гэдж молчал. Смотрел, как учитель бродит по горнице, собирая шмотье, одеяла, инструменты и снадобья в небольшой дорожный сундучок. И ему казалось, что туда, в этот сундучок, Саруман упрятал и значительную часть его, гэджевской, души, потому что внутри Гэджа разом что-то оборвалось, пропало, и образовалась странная пустота — холодная и безжизненная, как лагуна в просторах Эа, лишенная и света, и тепла, и радости, вообще абсолютно всего. Шарки уедет и заберет эту часть души с собой, обреченно думал Гэдж, а я

так и останусь здесь — потерянный и словно бы выпотрошенный, с сосущим провалом внутри, который ничем не заткнуть и не заполнить. Хотя, если подумать, Саруману сейчас действительно стоит держаться от Крепости подальше, особенно если его персоной и в самом деле кто-то всерьёз заинтересовался. Наверное, лучше и впрямь отправиться за тридцать миль на зачумленный юг, чем прямым ходом в пыточные застенки... ведь так, да?

— Не переживай, Гэдж, будем надеяться, что все это не затянется надолго, — помолчав, мягко сказал ему Саруман. — Тем более, что, чем дальше от Замка, тем меньше влияние обитающей тут Силы, так что, возможно, там, на юге, мне будет чуть легче приблизиться к разгадке заключенных в ошейник чар... И ещё одно.

— Что?

— Помнишь пословицу о том, что худа без добра не бывает?

— Ну да. И какое же в этом сплошном худе ты находишь добро? — проворчал Гэдж.

Шарки криво усмехнулся.

— То, которое можешь сделать ты сам. Нас окружает худо, ты прав... но постарайся быть в этом «худе» хотя бы крохотным добром, пусть даже никто не скажет тебе за это спасибо... кроме твоей собственной совести. А согласие с собой — это, поверь, единственное, что еще сто́ит ценить в нашем несовершенном мире... даже больше, нежели согласие с другими.

***

В Канцелярии было жарко — в буквальном смысле.

Камин тут тут топили почти всегда, чтобы изгнать копившуюся по углам сырость и не дать ей попортить хранящееся в архиве нежное бумажное хозяйство. Тем не менее сегодня мрачное, уставленное множеством деревянных столов помещение почти пустовало, только в глубине комнаты сосредоточенно скрипел пером единственный писец — круглолицый вастак с тощей бородкой и черными, заплетенными в косичку сальными волосами. Возле камина в деревянном креслице сидела, скрючившись, сутулая фигура Мёрда; закутанный, несмотря на жару, в шерстяной плед, палач лениво проглядывал какие-то свитки, пробегая глазами то один, то другой. Его худая морщинистая шея клонилась набок, точно с трудом выдерживая вес плешивой, покрытой коричневыми пятнами головы, бледные тонкие пальцы шевелились непрерывно и суетливо, перебирая бумаги, как цепкие лапки огромного паука. Видимо, работы в пыточной пока не сыскалось, и Мёрд пришел в Канцелярию погреть косточки, узнать последние новости, да вдосталь о них посплетничать, как делал частенько, когда у него выдавался досужий, свободный от отправления непосредственных обязанностей денек... Он хмуро взглянул на вошедшего Шавах:

— Тебе чего?

Шавах недовольно заворчал: встречаться с мастером заплочных дел даже вне стен тюремного застенка было делом не из приятных.

— А где, — он исподлобья огляделся, — Кхамул?

Мёрд как будто удивился. Задумчиво пожевал бесцветными, втянутыми в рот узкими губами.

— А зачем он тебе?

— У меня к нему дело, — буркнул Шавах.

— У всех дело, — равнодушно заметил Мёрд.

— У меня важное! — рыкнул орк.

— У всех важное, — лениво откликнулся Мёрд. — Знаешь, сколько вас тут таких ходит, с важными-то делами? Вон, — он кивнул в сторону писца, — скажи ему свое важное дело, он запишет, потом по адресу передаст.

Шавах угрюмо топтался посреди комнаты. Связываться с крючкотвором-писцом ему не хотелось совершенно. Не писцовская это была забота — совать нос в раздобытые им, Шавахом, ценные сведения.

— Мне надо, того... лично! С глазу на глаз!

Мёрд вздохнул.

— Да нету здесь Кхамула. И других тоже. Дела у них. Вести какие-то дурные с юга... Не до тебя сейчас.

— Когда будут?

— Да кто ж знает-то? Может, к вечеру, может, через неделю. После полудня зайди, коли невтерпеж.

Шавах издал глухой досадливый рык. Дело оказалось сложнее, чем он думал. Ладно, Шарки все равно никуда не денется, денек-другой с доносом можно и подождать... Орк повернулся и молча вышел из Канцелярии, не забыв с силой захлопнуть за собой дверь.

***

Саруман уехал. Скрипучая телега подкатила к крыльцу, тяжело переваливаясь на кочках, и Шарки втиснул свой дорожный сундучок меж какими-то тюками и ящиками, тоже отправляющимися в путешествие, после чего втиснулся на повозку сам. На передке сидели дремлющие «козьявки», делая вид, будто правят мулами, чуть поодаль за телегой шагал урук, темнокожий, как ночь — кожа у него была еще чернее, чем у соплеменников Гэджа, цвета полированного эбенового дерева. Чуть дальше, за стенами Замка, повозка должна была присоединиться к очередному обозу, идущему на юг с грузом каких-то скобяных и кузнечных изделий. Гэдж брел за этой шаткой колымагой до ворот Крепости, до большого замшелого валуна, покоящегося перед подъемным мостом, — и точно такой же угрюмый, тусклый, обросший мхом камень лежал у него на душе, придавливая к земле своим тяжким весом.

Он опять остался один.

Ему было почти физически плохо. Когда-то, тысячу лет назад, движимый болезненной подростковой спесью, он рьяно боролся за свою, как ему казалось, поправную свободу, отстаивая права на «независимость» и «самостоятельность» в поступках и образе мыслей — а теперь воспоминания об этом не вызывали у него в душе ничего, кроме мимолетного невнятного стыда. Самостоятельности у него в одночасье оказалось хоть отбавляй, но отчего-то она теперь его совершенно не радовала, он бы предпочел, чтобы её было поменьше, а «независимость» почему-то представлялась ныне тождеством не желанной свободы, а постылого одиночества. Даже оставаясь наедине с закосневшими от древности стенами Ортханка, он не чувствовал себя настолько несчастным и покинутым, лишенным если уж не части души, то все равно чего-то очень важного, ценного и необходимого...

Впрочем, тогда все было по-другому. Он был храбр и самонадеян, ничего не боялся и был уверен, что весь мир лежит у его ног: бескрайний, заманчивый, полный неопасных приключений и замечательных открытий, только и ждущий, чтобы его покорили... М-да.

Гэдж вздохнул. Вернулся «домой» и затопил печь, вскипятил воды в чане, приготовил инструменты, которые аккуратный Саруман разложил на полочке в строго определенном порядке. Интересно, мрачно спросил себя орк, как быстро новость о том, что Шарки уехал, распространится по Крепости? И как быстро после этого иссякнет поток ищущих помощи лекаря страдальцев? Или не иссякнет?

Позади чуть слышно скрипнула дверь.

— Э-э...

Гэдж обернулся. На пороге, растерянно оглядываясь, стоял рыжий Шаграх. Держался рукой за левую щеку. Нахмурился, увидев Гэджа.

— Эй, глоб! А где Шарки?

— Нету, — сказал Гэдж мрачно. — Уехал. Я теперь за него.

— Ты? — Рыжий как-то странно кривил лицо, и Гэджу показалось, что Шаграх с трудом удерживает презрительный смех. Но нет: Рыжему явно было не до веселья. Левая щека у него так распухла, что это было видно невооруженным глазом.

— Что с тобой? — небрежно спросил Гэдж. — зуб заболел?

Шаграх смерил его неприязненным взглядом.

— А твоё какое дело?

— Давай взгляну, что там у тебя.

Рыжий смотрел подозрительно. В его памяти, видимо, были еще свежи воспоминания о яростной и бесславной (для него) драке, и доверять драгоценный зуб какому-то бешеному «глобу» у него ни малейшего желания не имелось.

— Да пошел ты! — Он показал Гэджу презрительный жест, потом решительно повернулся и шагнул к выходу, собираясь уйти.

— Ну иди, иди, — мстительно сказал Гэдж ему в спину. — Будешь ждать, пока зуб совсем не развалится, и кость не начнет гнить? Вот тогда полезешь на стенку да повоеешь от боли, а я послушаю.

Шаграх, чуть помедлив, остановился в дверях. Медленно обернулся. Посмотрел на Гэджа почти с ненавистью.

— Т-ты... Ты! Напугать меня хочешь, да?

— Хочу, — сказал Гэдж. — А что, разве не напугал?

— Я скорее сдохну, чем позволю тебе прикоснуться ко мне грязными лапами, понял!

— Да понял я, понял, — сказал Гэдж устало. — Ну иди и сдохни наконец, а я порадуюсь. Чего ждёшь-то?

— Гнида! — Шаграх яростно всхлипнул. Он все ещё топтался на пороге, растерянный и несчастный, явно не зная, что делать. Зуб у него все-таки болел и сам по себе выздоравливать не собирался.

Где-то во дворе — «гррум! гррум!» — бодро протопал мимо отряд уруков. Всколыхнулась занавесочка на окне... А ведь никуда этот рыжий не денется, сказал себе Гэдж, некуда ему деваться, я сейчас волен решать, выздоровеет он или дальше будет мучиться зубной болью, хворать и страдать. Это было какое-то низменное, подленькое, но поистине упоительное чувство, Гэдж даже устыдился его на секунду — но только на секунду. Он был сейчас не жалкий, неуверенный в себе «глоб», неприметный ученик костоправа, а всесильный вершитель судеб, бог и творец, облеченный властью казнить и миловать, — и даже начал подумывать, что, пожалуй, в положении лекаря есть некоторые несомненные преимущества. И все же...

«Постарайся быть в окружающем нас «худе» хотя бы крохотным добром, пусть даже никто не скажет тебе за это спасибо...»

Гэдж стиснул ладони в кулаки.

— Иди сюда. Пусть я и гнидой буду, а зуб тебе, пожалуй, выдерну. — Он достал с полки ящичек с «зубным инструментом» и небрежно кивнул Шаграху: — Садись на лавку поближе к свету.

Рыжий с присвистом втянул носом воздух, подозрительно покосился на Гэджа — но, видимо, все же счёл за лучшее не спорить. Медленно, нехотя подошёл, волоча ноги, к указанной лавке возле окна, сел на неё верхом, взявшись руками за края скамьи. Гэдж неторопливо и задумчиво перебирал лежащие в ящичке зловещие приспособления: длинный «коготь» для удаления зубов, похожий на причудливый клюв большой птицы, клещи и ножницы для подрезания десны, зубила для выбивания оставшихся в лунке корней, «роторасширитель» с винтовым механизмом... Наконец, покосившись на бледную физиономию Шаграха, выбрал стальные щипцы самого угрожающего вида, непринужденно щёлкнул ими в воздухе.

— Пасть открой.

Шаграх неохотно распахнул рот. Его печаль стала видна сразу: десна под одним из нижних клыков распухла, а в разверстое в зубе черное дупло можно было занырнуть с головой.

— Ого, — сказал Гэдж. — Это не дупло, а шурф для добычи мифрила. Зубы надо почаще чистить.

— Как чистить? — прохрипел Шаграх.

— Расщепленной палочкой. Или хоть древесную смолу после еды жевать. — Гэдж наложил щипцы и чуть пошатал больной зуб. Рыжий глухо застонал и вцепился руками в лавку.

— Ну, дергай! — промычал он. — Чего тянешь-то!

— погоди, — пробормотал Гэдж. Ему самому требовалось собраться с духом, потому что вырывать больные зубы ему до сих пор не доводилось — он лишь пару раз видел, как в Изенгарде это делал Хавальд, гарнизонный лекарь. У Хавальда получалось так легко и практически без усилий, что дело не представлялось Гэджу особенно сложным, но сейчас он начал в этом сомневаться. Зуб, хоть и прогнил насквозь, все же сидел в десне плотно, а Шаграх вздрагивал и нервно ерзал в ожидании боли, и Гэдж не без оснований побаивался, что он взбрыкнет в самый неподходящий момент. — Сейчас.

Вымазать шаграхову пасть изнутри немейником было нельзя, но Гэдж вспомнил про другое средство, которое использовалось для лечения язв на деснах и языке — мазь на основе вытяжки из грибов-подземников, она обладала заживляющим и обезболивающим действием. Увы, баночка с лекарством оказалась почти пуста, Гэдж с трудом наскреб со стенок сосуда на тряпицу немного вязкого беловатого снадобья.

— На, приложи к зубу. Это притупит боль.

Шаграх смотрел на него исподлобья — но скорее уже не злобно, а страдальчески. Пару минут подержал тряпицу во рту, выплюнул её на пол.

— Глоб вонючий! Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

«Я тоже на это надеюсь», — подумал Гэдж.

— Ну, готов? — спросил он то ли у Шаграха, то ли у себя самого.

Рыжий мученически распахнул рот. Гэдж вновь наложил щипцы, стараясь взяться за

коронку зуба пониже, у основания, чуть покачал клык из стороны в сторону. Зуб пошатывался, но держался крепко, как доблестный воин на боевом посту. Перед глазами Гэджа всплыли красочные картинки из трактата «О зубах человеческих и звериных, а также методах изгнания зубного червя, их разрушающего»; интересно, спросил он себя, а звериные зубы от человеческих сильно отличаются? Задумываться об этом не было времени; Гэдж вздохнул, собрался с духом — и рванул злосчастный клык изо всех сил: на себя и чуть вверх...

Раздался жуткий хруст — и зуб остался у Гэджа в щипцах. Из открывшейся ямки в десне кровь и желтоватый зловонный гной хлынули ручьем.

Шаграх коротко взвыл.

— Ублю-ю-у-док! — Он, наверно, достал бы Гэджа кулаком в нос, если бы тот не успел вовремя увернуться. В щипцах был зажат большой зуб с длинными желтоватыми корнями, и на какой-то миг Гэджу показалось, что один корень обломан — куце и неровно. Неужели отломанный кончик остался в лунке? Холодея, Гэдж положил свой трофей на стол и рассмотрел более внимательно: нет, кажется, оба корня были в целости и сохранности — лезть в кровавую яму щупом и «козьей ножкой» в поисках затерявшегося там отломка нужды, кажется, не было.

— Коновал проклятый! Да чтоб тебя! — прорыдал Рыжий, захлебываясь кровавой слюной. Он судорожно сглатывал её и облизывал губы, но она все текла и текла, оставляя на подбородке орка кровавые разводы. Шаграх вытирал их — или, скорее, размазывал по щекам — дрожащей ладонью. Потом сплюнул Гэджу под ноги, поднялся и, пошатываясь, побрел прочь, держась рукой за щеку, утирая плечом измученное лицо. Гэдж догнал его и всунул в руку тряпицу, пропитанную едким коричневым раствором.

— Ты это... на десну... приложи. Чтобы кровь остановилась и грязь не попала.

Шаграх посмотрел на Гэджа с тоскливой злобой — но тряпицу все-таки взял и всунул в рот. Сглотнул. Потом повернулся и побрел прочь, все еще постанывая и шмыгая носом, прикрывая щеку ладонью...

***

Больше ничего волнительного не случилось. За утро зашли только пара «крысюков» за очередной порцией постоянных снадобий, да забрел, подвывая, какой-то худосочный снага, мучимый ушной болью — пришлось закапывать ему в неопрятное, поросшее жестким седым волосом ухо подогретое облепиховое масло. Больше никто не приходил — видимо, весть об отъезде Шарки уже распространилась по окрестностям, а опухшая, перекошенная физиономия Шаграха и вовсе отпугнула от гэджевской каморки всех возможных посетителей.

Гэдж вздохнул. За лекаря его никто всерьез не воспринимал.

А если заявится Каграт? — спросил он себя мрачно. — Или папаше сейчас не до меня? Сегодня, кажется, Выбор...

Сидеть в одиночестве было тоскливо и неудобно, в голову начинали лезть тревожные и невеселые мысли: о Сарумане, об ошейниках, о визгуне-Кхамуле (при воспоминании о нем Гэдж по-прежнему ощущал мерзкую слабость в животе), о бесцельно прожитых годах, не найденном смысле жизни, неизбывной тщетности бытия и бренности всего сущего...

Тьфу! Он вдруг вспомнил, что закончилось снадобье из грибов-подземников. А вдруг у Рыжего начнется воспаление в десне, и придется вскрывать гнойник и врачевать его заново? От одной мысли об этом Гэджа бросило в дрожь.

Он нацарапал на клочке бумаги записку «Буду после полудня», пришил её на дверь, потом взял корзинку и фонарь и вышел через черный ход в коридор, ведущий к казармам. Надо было пройти до лестницы, спускающейся в подвалы, и пошарить там по темным закоулкам — грибы-подземники любили обитать в таких тихих, спокойных и уединенных местах.

Казармы, к счастью, были пусты — караулы сменились пару часов назад, и орки, свободные от дежурства, либо шатались где-то во дворе, либо дрыхли по своим норам после утомительных ночных увеселений, готовясь к продолжению праздника. И все же неприятной встречи избежать не удалось: завернув за угол, Гэдж неожиданно столкнулся с тем, с кем совсем не ожидал и не желал сейчас столкнуться.

В коридоре стоял Шавах.

Он топтался у двери своей конуры, собираясь не то зайти в неё, не то наоборот — уходить, и, неожиданно выскочив из-за угла, Гэдж едва не врезался в него на полном ходу. Рослый звероподобный орк преграждал ему дорогу, как глыба гранита.

— Глоб! — прорычал Шавах. — Смотри, куда прешь! — Он смерил презрительным взглядом мальчишку, фонарь и корзинку в его руке: это был вязкий, подозрительный, студенистый взгляд, неприятно липнувший к коже, как полусохшая краска, и Гэджу отчего-то стало не по себе.

— Можно мне пройти? — спросил он так вежливо, как только мог, проклиная неожиданную встречу: от Шаваха всегда можно было ждать чего угодно, от пинка под зад до... до стрелы в спину.

Шавах сердито заворчал — но нехотя отступил в сторону, и Гэдж, не глядя на него, торопливо прошмыгнул прочь, к лестнице. Дойдя до конца коридора, он оглянулся — дверь шаваховой конуры по-прежнему была приоткрыта, но самого Шаваха видно не было. Может, он спрятался за дверь, с опаской спросил себя Гэдж, и теперь подсматривает за мной в замочную скважину? Да ну, что за бред... Но ощущение липкого, преследующего его взгляда все равно не проходило, прицепилось к Гэджу, как репейная колючка, и отчего-то заставляло чувствовать себя неуютно.

Стараясь побыстрее обо всем этом забыть, Гэдж торопливо шагнул к лестнице и спустился по истертым ступеням в сырую, пахнущую прелью тьму.

***

Фонарь, как всегда, выхватил из мрака холодные, в потеках влаги целые стены. Прямо посреди прохода сидела, привстав на задние лапы, большая крыса; Гэдж гаркнул на неё, и она нехотя посторонилась — не убежала, не нырнула во тьму, поджав хвост, а именно *посторонилась*, надменная, как настоящая королева подземелий, — и злобно взвизгнула Гэджу в спину. Подсвечивая себе фонарем, орк медленно двинулся вглубь подвалов, осматривая мрачные и сырые углы, излюбленные места обитания болезненно-белесых, словно бы наполненных гноем грибов-подземников. Собирать их следовало осторожно, не касаясь голыми руками, ибо покрывающая их слизь ощутимо обжигала кожу, и, срывая очередную поганку, Гэдж обматывал руку предусмотрительно прихваченной для этой цели тряпицей. Он решил, что не станет особенно удаляться от выхода — в хитросплетениях подземных ходов ничего не стоило заблудиться — и, шаря по углам, медленно продвигался вперед по прямому, имеющему едва заметный уклон каменному проходу. Чуть ниже и

впереди угадывалось обширное пустое пространство, где дрожали и помаргивали желтоватые отблески факелов, там находился большой «подземный перекресток» — пещера с колодцем.

В какой-то момент, нагибаясь за очередным грибом, он почувствовал позади что-то недоброе.

Не то едва слышный шорох за спиной заставил его насторожиться, не то звук осторожных крадущихся шагов, не то едва заметный подземельный сквозняк слегка изменил свое направление — но Гэдж внезапно понял, что в подземелье он не один. Надвигающаяся опасность ощущалась остро, как говорится, всей шкурой — и, вскочив, Гэдж стремительно обернулся.

Навстречу ему из темноты неслышной тенью вылился Шавах. Остановился чуть поодаль, в нескольких шагах — огромный, мрачный, веющий неясной угрозой.

Его мутный студенистый взгляд пригвоздил Гэджа к полу вернее, чем вбитые в подметки стальные клинья.

— Вот ты где, щенок.

У Гэджа онемели щеки.

О ком Радбуг и Саруман говорили вчера вечером, когда вернулись с праздника? — вдруг мелькнуло у него в голове. Уж не о Шавахе ли? *«На нас напали... Будь осторожен... Он настолько же трус, насколько и подлец...»*

Шавах хищно щерился, заметив его замешательство; здесь, глубоко под Замком, в глухом безлюдье подвалов, он мог не прятать под личиной равнодушного вежества свои кровожадные намерения, внятно проступившие на его свирепом угловатом лице. Неизвестно, что подумал в эту секунду кагратов мальчишка — но он отступил, явно уstraшенный, и фонарь в его руке дрогнул. А ему следовало бояться, этому вшивому приبلудышу, ох и следовало...

Он был вчера ночью там, в камерке рядом с Шарки, он видел, что стало источником странного голубоватого света... того, что было названо волшебством. Он этому даже не удивился. Он всё знал о том, кто такой Шарки. Он знал это *наверняка*.

И Шавах хотел знать это тоже. Чтобы у Визгуна не было ни малейшего повода усомниться в пользе и истинности его доноса... то бишь донесения.

Он как раз возвращался с неудачного визита в Канцелярию, когда сама судьба даровала ему случайную встречу в казарменном коридоре с паршивым мальчишкой. Как удачно кагратов щенок надумал спуститься в подвалы! Было бы непростительной глупостью не последовать за ним — сюда, вниз, в глухое зловонное подземелье, Шаваху даже не нужен был факел — фонарь мальчишки служил ему великолепной приметкой, не позволяя выпускать добычу из виду. Посмеиваясь удачному стечению обстоятельств, Шавах позволил щенку пройти вглубь подземелий на достаточное расстояние, чтобы уж ухватить глупого безоружного мальчишку наверняка, чтобы никто, кроме крыс, не услышал его жалких воплей о помощи... а впрочем, пусть бы и услышал, какая разница: нету здесь, в Крепости, такого обычая — выручать тех, кто попал в беду.

И щенок об этом тоже знал.

В глазах его на секунду мелькнуло такое знакомое, такое сладостное для Шаваха выражение — ужаса, беспомощности, затравленности — выражение *жертвы*. Гэдж вновь отступил на шаг; он пятился бы, наверное, и дальше, если бы путь ему не преградила каменная стена...

Шавах по-прежнему не сводил с него взгляда. Давил им мальчишку, как стальным прессом.

— Что тебе... нужно? — спросил Гэдж хрипло: только для того, чтобы хоть что-нибудь сказать, чтобы разбить стоявшую вокруг тишину — невыносимую, засасывающую, неумолимо смыкающуюся со всех сторон, как вода над головой утопающего.

— Ничего. Потолковать надо, — Шавах нетерпеливо облизнул губы.

— О чем потолковать?

— О разном. Например... о Шарки.

— О Шарки?

— Ты ведь хорошо его знаешь, а? Этого поганого сыча... Ну-ка скажи, он вправду — из *этих*... которые умеют воровать... которыми интересуются в Башне, а?

Гэдж молчал. Во рту у него разом пересохло.

— Я... не понимаю, о чем ты...

— Все ты прекрасно понимаешь, щенок! — Шавах затрясся от ярости. — Ты тоже там был... рядом с ним... ты видел этот свет... ты назвал его «волшебством»! Ты с ним говорил... о ваших колдуновских делишках! Ты... — он потянулся цепкой лапницей к *жертве*, с явным намерением вырвать, вытрясти, выдавить из наглого щенка такую важную, такую необходимую сейчас правду...

Молниеносным движением Гэдж швырнул в его перекошенную физиономию лукошко с ядоточивыми грибами — и Шавах взвыл, на секунду ошпаренный ядом, точно кипятком. Гэдж проскользнул под его рукой, отшвырнул фонарь — пламя испуганно взметнулось в футляре, — и бросился бежать, прочь, прочь, во тьму, не разбирая дороги.

Шавах преграждал ему единственный путь к лестнице, поэтому Гэджу пришлось метнуться вниз, в глубину подземелий, к Комнате-с-колодцем. Там, впереди, помаргивали факелы, и Гэдж ориентировался на этот мерцающий свет: тоннель здесь не имел никаких ответвлений. Шавах, рыча, топал следом за ним; он подобрал брошенный мальчишкой фонарь, и отсветы, отбрасываемые светильником, суматошно прыгали по стенам за спиной Гэджа, тянулись за ним, словно тоже намеревались догнать, схватить, придушить...

— Стой, с-сука! Все равно не уйдешь...

Гэдж выбежал в Комнату-с-колодцем, мелькнуло впереди низкое каменное кольцо, факелы в шандалах, ведра, корыта и плаха возле стены, множество расходящихся во тьму черных тоннелей. Гэдж юркнул в первый попавшийся — выбирать было некогда, Шавах наступал ему на пятки — нырнул в темноту, как в спасительное убежище. Здесь не было факелов, и продвигаться вперед приходилось чуть ли не ощупью. Гэдж нашарил впереди какую-то нишу, прижался к стене, стараясь не издать ни звука, слиться с этими холодными камнями, раствориться в них, как капля воды. Преследователь был совсем близко, в нескольких шагах позади, в Комнате-с-колодцем.

Видел ли он, в какой именно тоннель свернул Гэдж? Знает ли он, где искать беглеца?

Сердце Гэджа билось где-то под подбородком. Он пошарил вокруг в поисках подходящего камня, палки, железки, которая могла бы сойти за оружие, но под руку ему не попадалось ничего подходящего, лишь какая-то влага, гниль, мох, мелкий никчемный сор...

— Ну, погоди, — бормотал Шавах, — погоди, крысеньш... Я знаю, ты где-то здесь!

Он стоял у входа в тоннель, и пятно света от фонаря подкрадывалось чуть ли не к ногам Гэджа.

Шаг. Еще шаг — ближе, ближе... Под сапогами идущего хрустела какая-то труха, мусор,

мелкие камешки. Гэдж стоял, сжавшись, как пружина, ни жив ни мертв, затаившись в темноте, и единственной его надеждой было то, что Шавах пройдет мимо, не заметив его во мраке — и тогда Гэджу удастся проскочить у него за спиной и броситься назад, к выходу...

— С-сукин сын! Ну, где ты тут? Иди к папочке...

Шавах остановился, оглядываясь. Пятно света ползло по камням, освещая серое нутро тоннеля, потеки влаги на стенах, растрескавшийся пол, чуть дальше утопавший под слоем зеленоватой воды... Гэдж понял, что еще немного, совсем чуть-чуть — и в это пятно попадет его судорожно впившаяся в стену рука...

Какой-то едва слышный звук нарушил напряженную тишину — там, возле противоположной стены. Шавах резко обернулся, пятно света метнулось прочь.

Медлить было нельзя, Гэджу представлялся единственный, хоть и весьма призрачный шанс вырваться из западни. Он ящеркой выскочил из своего убежища и стремительным прыжком рванул назад, к Комнате-с-колодцем.

И нога его подвернулась на какой-то неприметной кочке.

Он упал — с разбегу, ничком, носом в пол. Перед глазами его от боли и ужаса вспыхнуло белым.

Прежде, чем он успел подняться, Шавах настиг его, прижал тяжелой лапищей к полу.

— Набегался, с-сучонок? Ну, теперь на всё мне без вопросов ответишь...

Гэдж глухо зарычал от страха и ярости, отчаянно рванул — но это было все равно что пытаться сбросить с себя глыбу базальта. Шавах, щерясь, сгреб его за шиворот, оттащил к стене, вжал в мокрый холодный камень. Лапища его стиснула Гэджу горло.

— Говори!

— Что... — Гэдж задыхался, — что говорить?

— Всё! Всё, что знаешь — о Шарки и его сомнительных делишках... или предпочитаешь составить компанию Мёрду? — Шавах тяжело дышал Гэджу в лицо, от него мерзко разило потом, кровью, жарким гнилым смрадом нездоровой утробы. — Впрочем, к чему далеко ходить, мы и без Мёрда со всем разберемся, метода, поди, знакомая! — Он так пнул пленника по раненной ноге, что у Гэджа потемнело в глазах. — Ну?!

— Катись к лешему, — прохрипел Гэдж, и, наверно, плюнул бы в шавахову перекошенную рожу, если бы орк не стиснул ему глотку с такой силой, что пленник не мог даже вздохнуть. «Удавлю! — шипел Шавах. — Щенка вонючего... п-придушу как цыпленка!» Гэдж попытался брыкнуться, вывернуться, оторвать лапы палача от своего горла, но куда там! — Шавах навалился на него всем телом и крепко вжал в стену. Он душил жертву страстно, самозабвенно, роняя слюни от удовольствия, уже не заботясь о нужных сведениях, желая только одного — причинить смерть, здесь и сейчас; уголок его рта жадно подрагивал, красноватые глазки подернулись сладкой масляной пеленой. В голове Гэджа мутилось, подземелье поплыло перед взором, тело сделалось легким, точно набитое пухом; где-то на пределе его сознания что-то едва слышно не то хрупнуло, не то лопнуло — с отвратительным треском, как сминаемые шейные позвонки...

А потом — внезапно! — все изменилось.

Мертвая хватка Шаваху слегка ослабла.

Реальность неожиданно вернулась, обрушилась на Гэджа холодом болотной воды — он шлепнулся в лужу у стены, трясущийся, задыхающийся, судорожно хватаящий ртом воздух... Шавах по-прежнему возвышался над ним, неумолимый, как плаха, но лицо орка было странно, дико искажено — ужасом? болью? — глаза, выпученные, ничего не видящие,

блуждали по сторонам, руки конвульсивно метнулись к горлу — словно самого палача крепко захлестнула невидимая петля... На губах орка выступила зеленоватая пена; в следующую секунду он пошатнулся и, к непомерному изумлению Гэджа, рухнул навзничь — всем корпусом, как подрубленное дерево. Короткая судорога сотрясла его безвольное тело — и все закончилось.

Шавах был мертв.

Гэдж медленно поднялся на четвереньки. Его трясло крупной дрожью, горло, раздавленное лапищами Шаваха, горело огнем. Мысли испуганно разбегались, это были даже не мысли, а обрывки мыслей, жалкие клочки, обрубки без головы и хвоста: как же так... Шавах умер... что произошло... вот так, сразу... разрыв сердца у него приключился, что ли...

Потом он понял, что в подземелье он не один.

Осознание чужого присутствия пришло не сразу — но, явившись, уже не хотело уходить: здесь, рядом с Гэджем, кто-то был, кто-то, пришедший из тьмы, мрачное порождение Замка и проклятых подвалов. В мутном свете фонаря, отброшенного Шавахом, из темноты обрисовалась невысокая, странно согнутая фигура, закутанная в бесформенное темное одеяние. Она стояла неподалеку, на границе света и тени, почти невидимая в полумраке; потом как-то неуклюже, боком, подобралась ближе к трупам и, протянув руку, выдернула из шавахового плеча что-то крохотное, черное и острое. Вещица глянцево блеснула в свете фонаря — небольшой, чуть изогнутый птичий коготь.

Гэдж медленно выпрямился, подался назад — и теперь стоял, прижавшись к стене, даже не пытаясь понять, что происходит, и найти этому объяснение... Тело его было жалким, бессильным и вялым, голова — бездумной, гулкой, пустой, точно порожний кувшин. Незванный пришелец меж тем поднялся, обратил взор в сторону орка и, помедлив секунду, неторопливо откинул капюшон.

Это был Шмыр.

Гэдж почти не удивился.

Медленно, по-птичьи, Пучеглаз склонил голову к плечу и пристально смотрел на орка здоровым глазом, и под этим странным испытующим взглядом Гэджу окончательно сделалось страшно. Что ему надо, этому мерзкому калеке, шпиону и предателю? Откуда он здесь взялся? Зачем воткнул свое странное оружие Шаваху в плечо, зачем спас Гэджа — чтобы теперь вот так стоять и пялить на него свои отвратительные зенки? «Что тебе от меня надо, мразь?» — хотел спросить Гэдж, хрипло выдавить слова из больного измятого горла, но это было бесполезно и глупо: все равно Шмыр не ответил бы, даже если бы имел такую возможность.

А может быть, эта подлая подземельная крыса ждала благодарности? Признания? *Прощения?* Упрямый, тряпчочкой лежащий во рту язык Гэджа не поворачивался сказать ему даже тихое и простое «спасибо»...

Впрочем, Шмыр ничего и не ждал. Издав горлом едва слышный булькающий звук, он поднял руку и поманил Гэджа пальцем. Порылся где-то в недрах бесформенного балахона, извлек аккуратно перевязанный ниткой бумажный свиточек и подал его орку.

Гэдж глотнул. Что все это значит?

Стараясь не выпускать Пучеглаза из вида, он осторожно — двумя пальцами, точно прикасался к какому-то омерзительному насекомому — взял из его скрюченной клешни протянутую записку и развернул её при свете фонаря.

Слова расплывались у него перед глазами:

«Дорогой Гэдж!

Если ты читаешь это послание, значит, Шмыру все-таки удалось тебя разыскать... не пугайся и не сторонись его, он сделал это исключительно по моей просьбе. Так что, если пожелаешь кое-что узнать о своем старом приятеле — следуй за ним, он приведет тебя во вполне безопасное место, где мы сможем обо всем серьезно потолковать. Твой Гэндальф.

P. S. Путь, которым Шмыр тебя поведет, наверняка покажется тебе мрачноватым и странным — но не страшись его: бравый воин Анориэль не отступил бы перед опасностью, не отступай и ты. Да, я все еще помню о похождениях этого славного богатыря, как и тот урок, который ты преподнес мне в Фангорнском лесу.

Гэндальф».

44. Убежище

Серый маг жив. Жив!

Земля качнулась у Гэджа под ногами.

В последний раз он видел волшебника там, в мрачной подвальной келье, бледным и измученным, лежащим у стены с пробитой головой, и считал его погибшим, бесследно сгинувшим в дремучих недрах подземелий. Но, выходит, Гэндальф не пропал, не погиб, не стал добычей шаваргов... Что с ним произошло?

И при чем тут Шмыр?

Несмело помаргивал в темноте фонарь, отражался бледным пятном в зеленоватой луже. Пучеглаз молчал, затаившись возле стены, отступив от трупа, который хищно щерился из полумрака — и оскал Шаваха мёртвого был ещё страшнее и отвратительнее оскала Шаваха живого... Гэдж старался не смотреть в его сторону.

Он вновь перечитал записку, впитывая каждое слово, точно глоточек живой воды.

«Воин Аноризель не отступил бы перед опасностью, не отступай и ты...»

Воин Аноризель! Кажется, никогда еще Гэджу не было так стыдно за существование этого наивного радетеля за справедливость, никогда еще так ни хотелось плюнуть в его глуповато-честную рожу, сбить с ног и запинать под лавку подальше от чужих глаз. Тем не менее факт оставался фактом: о житии-бытии «славного богатыря» действительно было известно одному лишь Гэндальфу — и никому больше. Волшебник упомянул о нем со вполне понятной и определенной целью: доказать Гэджу, что эта записка — действительно от него.

Гэдж глотнул.

— Ты его видел? — хрипло спросил он у Шмыра. — Гэндальфа... видел, да? Где он?

Шмыр стоял чуть в отдалении, возле стены — невысокая, перекошенная, согнутая фигура; Гэджу показалось, что с момента их последней встречи (где это было? в доме у Радагаста?) калека стал еще более бледным, иссохшим и скрюченным, как будто неведомая сила с каждым днем все больше и больше пригибала его к земле. Он, конечно, ждал этого вопроса — и безмолвным кивком указал куда-то за спину, в темный угол. Гэдж осветил туда фонарем, но увидел лишь глухую стену, сложенную из плотно пригнанных друг к другу каменных плит. Тем не менее Шмыр уверенно поднял руку, пошарил где-то в темноте и, видимо, нажал на некий рычаг — гладкая на первый взгляд стена обнаружила одну щель, потом другую, потом желобок, потом квадратную дверцу, которая почти без скрипа выдвинулась вперед, открыв черную пасть потайного хода: неширокого, но вполне достаточного для того, чтобы в него мог протиснуться гибкий человек. Видимо, этим путем Шмыр и явился — и этим же путем собирался теперь уйти, ничуть не озабоченный тем, сочтет Гэдж нужным отправиться за ним, или нет.

«Если пожелаешь кое-что узнать о своем старом приятеле — следуй за ним...»

Следовать куда — в эту щель?

«Путь, которым Шмыр тебя поведет, наверняка покажется тебе мрачноватым и странным...»

Да уж, и правда, страннее некуда.

Гэдж, чуть помедлив, несмело шагнул следом за Шмыром — но калека вдруг предостерегающе поднял руку и, указав на фонарь, отрицательно покачал головой. Свет

нужно было оставить здесь — там, куда Шмыр намеревался Гэджа вести, свет был не нужен... Не место там было свету.

Орку стало не по себе.

А может быть это — ловушка? — нервно спросил он себя. Пусть записку действительно написал Гэндальф — но когда? Жив ли он *сейчас*? Вдруг Шмыр, этот предатель и перебежчик, на самом деле просто хочет завести меня в Башню, как и Гэндальфа — для того, чтобы... чтобы что?

Если бы Кхамул и К° действительно хотели Гэджа достать, повязать и отправить на поклон Саурону, то уже давно сделали бы это без участия всякого пучеглазого Шмыра.

Калека, уже вошедший в потайной ход, на секунду обернул к Гэджу изрытое шрамами лицо, и его единственный цепкий глаз взглянул на орка так понимающе, с такой горькой и презрительной насмешкой — что же ты, трусил? не желаешь увидеться со старым другом? — что это разом решило дело. Кусая губы, Гэдж прикрутил фитиль — и разом из всех щелей вылезла темнота, поглотила пол и стены, съела окружающее запустение, грязь, лужи, пятна мха и труп Шаваха... лишь чуть в отдалении был виден желтоватый мерцающий свет факелов в Комнате-с-колодцем. Но раздумывать было некогда, Шмыр что-то нетерпеливо промычал из мрака — и, поставив фонарь возле стены, Гэдж, двигаясь ощупью, медленно и с опаской, шагнул вперед, в потайной ход — следом за Шмыром.

***

Тьма здесь была абсолютной и всеобъемлющей.

Неизбывная, непроглядная, пахнувшая сыростью и болотом, истинная Владычица этого странного, сокрытого внутри стен каменного лабиринта, она жадно приняла Гэджа в свои объятия, обволокла холодом, надавила на глаза плотной черной повязкой. Не было вокруг ничего, кроме мрака, тишины, стылых, влажных стен — сверху, снизу, справа, слева, — и в какой-то миг Гэджу с леденящей кровью отчетливостью представилось, будто его живым замуровали в каменный склеп, он едва сумел справиться с подступающим к горлу липким комком паники. Как и все орки, Гэдж неплохо видел ночью и в полумраке, но здесь его «ночное зрение» оказалось бессильно, глаза его судорожно искали в темноте хоть крохотный проблеск света — и не находили, не находили... Гэдж был слеп и беспомощен, как котенок. Глубинный первобытный ужас поднялся в его душе, ослабевшее тело охватила дрожь, темнота и тишина душили его, лезли в глаза, в уши, в ноздри, он захлебывался ими, как утопающий захлебывается мутной равнодушной водой... Потом сознания его коснулись негромкие мычащие звуки, доносящиеся откуда-то спереди — и Гэдж понял, что Шмыр, тем временем ускользнувший вперед, уже давно и настойчиво подзывает его из вязкого, будто прилипающего к телу непроглядного мрака.

«Какого лешего я во все это влез?» — с тоской спросил себя Гэдж.

Наверно, еще не поздно было одуматься, отказаться от сомнительной затеи, вернуться назад... Гэдж стиснул зубы. Ведя рукой по шершавой стене, он наощупь двинулся вперед по узкому, шириной едва в два фута каменному лазу. Ориентироваться он мог сейчас только по позывным Шмыра, который с проворством крысы шуршал впереди, порой останавливаясь и постукивая по стене камнем, чтобы сообщить спутнику верное направление. Орк не мог за ним угнаться и ступал осторожно, чуть прихрамывая — нога, которую он ухитрился подвернуть, убегая от Шаваха, все еще немного болела. В какой-то момент мычание и

постукивания калеки раздалась, к удивлению Гэджа, не спереди, как следовало бы, а у него, у Гэджа, за спиной — и несколько секунд прошло, прежде чем орк сообразил, что, очевидно, пропустил какой-то боковой лаз, в который свернул его провожатый. За это время он успел в пятый раз облиться холодным потом и в десятый — пожалеть об отсутствии хоть какого-нибудь, самого заваливающего фонаря...

Он вернулся немного назад и нащупал справа провал в стене, прошел по нему несколько шагов, по-прежнему ведя рукой по стене, и внезапно уперся в стену: тупик! Но тут же Шмыр подал сигнал с другой стороны, Гэдж протянул руку — и обнаружил впереди новый поворот...

Проход теперь начал часто ветвиться, но калека по-прежнему не подпускал Гэджа к себе ближе, чем на несколько футов. В какие-то моменты становилось чуть светлее: ход, видимо, миновал некие крепостные помещения, залы, лестницы и переходы, иногда в щели между камнями процеживались лучики света, а порой даже доносились едва слышные звуки, чьи-то голоса, позвякивание металла — тогда Шмыр замирал и словно бы растворялся во мраке, и Гэдж волей-неволей следовал его примеру. Временами под ногами попадались ступеньки — ход тянулся куда-то вверх... «Куда он меня ведет? — со все возрастающей тревогой думал орк. — К Гэндальфу? Или в самом деле — в Черную Башню? Какого пса я и это ввязался...» Гэдж потерял счёт поворотам; то справа, то слева распахивались невидимые провалы, и орк с ужасом представлял себе, что, сверни он сейчас не в тот проход, или вздумай Шмыр прекратить подавать направляющие сигналы — и он, Гэдж, навек заблудится в этой сложной кротовьей системе извилистых нор и лазов, и уже никогда, никогда отсюда не выберется, даже не сумеет найти обратной дороги. Он был сейчас полностью во власти Шмыра, как некогда — Гэндальф, и, вероятно, ему теперь так же предстояло поплатиться за свою глупую доверчивость... Его окончательно охватило уныние. «Гэндальф просил Шмыра передать мне весточку? Что за бред... С какой стати? Что у него могло быть общего с этим вшивым уродом, с подлецом и предателем? Пусть записку написал Гэндальф — но когда и как, при каких обстоятельствах? Как я мог во все это поверить и проглотить наживку? Как я мог влипнуть в это дерь...»

Мысль его оборвалась на середине — проход внезапно закончился, и Гэдж вывалился (именно вывалился, потеряв точку опоры) в какое-то помещение.

Здесь, как и повсюду, стояла кромешная тьма.

Но, во всяком случае, это было какое-то открытое пространство, чуть шире той тесной норы, которую орку только что пришлось миновать. Он тут же вскочил, напряженно прислушиваясь, готовый ко всему, вплоть до удара камнем по затылку — но вокруг все было спокойно; пахло тиной, плесенью, затхлой подземельной сыростью. Ничего не происходило.

— Шмыр, — пробормотал Гэдж.

Калека не ответил.

Гэдж пошарил рукой по стене. Под пальцами был мокрый, кое-где покрытый мхом и липкой слизью камень.

— Шмыр! Где ты? — Орк едва удержался, чтобы не добавить презрительное словечко «урод».

Ответом ему было молчание.

Тишина. Темнота. Калека растворился где-то во мраке и не издавал ни малейшего звука... ушел? Бросил Гэджа здесь, одного, в узкой черной кишке каменного лабиринта? Ну, этого следовало ожидать...

Орку стало нехорошо.

Болван! На что еще он рассчитывал? На то, что это мерзкое чучело приведет его к Гэндальфу?

Стены давили. Гэджу казалось, будто они медленно, неумолимо сближаются, грозя расплющить его, точно букашку. Желание вырваться на свободу, к свету и ветру, на какой-то момент стало нестерпимым, болезненным, поистине безумным, Гэдж в ярости ударил по стене сжатыми кулаками. Я тут умру, в ужасе подумал он, заживо замурованный в этом каменном склепе. И никто никогда не поймет, куда я пропал, не обнаружит мой труп, не скормит меня шаваргам... Хоть этому последнему, пожалуй, впору даже порадоваться.

Где-то впереди вспыхнул и замерцал крохотный желтоватый огонек. Будто одинокая звезда, внезапно прорвавшаяся сквозь пелену туч.

Гэдж замер, вжался в стену. Рубаха враз прилипла к его потной спине.

Кто-то продвигался по узкому проходу ему навстречу, держа в руке помаргивающую свечу. Тусклый огонек плыл в темноте, освещая серые стены, чью-то руку и темный, бесформенный во мраке силуэт. Пришелец остановился чуть поодаль, в нескольких шагах от орка.

Гэдж молчал, затаившись во тьме. Кто это был? Шмыр? Или... кто? Фигура пришельца казалась слишком высокой и прямой для низкорослого скрюченного калеки.

— Гэдж? — нерешительно спросили из темноты. — Ты здесь?

У орка перехватило дыхание. Голос говорившего был знакомым и незнакомым одновременно...

— Гэндальф, — пробормотал он. — Это... ты?

Пламя свечи в руках пришельца чуть дрогнуло, поднялось повыше. Из ниоткуда появилось лицо угрюмого косматого старика — изможденное, неузнаваемое, чужое в неверном колеблющемся свете воскового огарка. Он сделал шаг вперед, пристально, подозрительно вглядываясь в орка... и вдруг знакомым жестом откинул волосы со лба. Неловко улыбнулся — так знакомо и подкупающе, так истинно *по-гэндальфски*, что сердце у Гэджа сжалось...

Он шагнул вперед, не чуя под собой ног.

— Здравствуй, дружище, — негромко, по-прежнему улыбаясь, произнес Гэндальф, но Гэдж не ответил, не мог ответить, язык не повиновался ему и слова улетучились. Внезапно — непонятно почему — ему вспомнился берег реки, тихий летний закат, серая невзрачная бабочка, опустившаяся волшебнику на палец... он порывисто шагнул к магу и, взяв в руки его ладони — такие родные, сильные, обветренные, по-крестьянски грубоватые, с четко вычерченными линиями, — со всхлипом потерянного и наконец вновь нашедшегося ребенка ткнулся лбом в его теплое, пахнущее свечным воском плечо.

***

— Осторожнее, — сказал Гэндальф. — Здесь ступенька. Мы почти «дома».

Они брели дальше по какому-то узкому извилистому проходу, и источником света по-прежнему служила одна-единственная свеча. Но впереди угадывалось пустое пространство.

— Траин не ходит по лабиринту с фонарем — свет могут заметить в щелях между камнями, — пояснил волшебник. — Поэтому приходится передвигаться в темноте, ощупью, и ориентироваться по памяти, считать повороты... Это мы, Траин, — добавил он кому-то,

невидимому для Гэджа. — Не тревожься.

Впереди кто-то неодобрительно зашуршал в темноте.

Гэдж осмотрелся. Даже сейчас, рядом с Гэндальфом, ему по-прежнему было не по себе, слишком уж мрачный и причудливый мир его окружал.

Тесное, узкое помещенье, в которое волшебник его привел, размерами было едва ли больше чулана. Тем не менее здесь умудрялись размещаться стол, две лавки вдоль стен, умывальник (кувшин, подвешенный на веревочке над жестяным тазиком) и некий жутковатый гибрид сундука, гардероба и буфета — все это было сколочено, сбито, скреплено из небольших разномастных дощечек, видимо, раздобытых припасливым Шмыром и им же посредством гвоздей, молотка, веревок и железных скоб превращенных в подобие грубой мебели. На стенах висела кое-какая одежонка и мешочки с припасами, на полках «буфета» громоздился различный скарб, на столе имели место деревянные кружки и плошки, огарки свечей, под столом жило еще какое-то неопознанное барахло. Все было простецкое, топорное, неуютное, грубо-необходимое...

— Значит, ты теперь здесь... живешь? — сдерживая дрожь в голосе, спросил орк у мага.

— Живу, как видишь... благодаря Траину.

Гэдж оглянулся на Шмыра. Закутавшись в старый шерстяной плащ, калека скорчился на лавке в дальнем углу и, побряхтывая, как-то напряженно, беспокойно посверкивал оттуда своим единственным глазом — будто крыса, невольно думалось орку, обеспокоенная непрошенным вторжением в её маленький крысиный мирок. Да, следовало признать: теперь Гэдж был обязан Шмыру не только жизнью, но и встречей с Гэндальфом... и все же орк хоть убей не чувствовал к этому каличу ни малейшей благодарности. Это жалкое, изломанное, больное создание, скулящее из темноты, не вызывало у него в душе ничего, кроме омерзения, подозрительности и желания держаться от него подальше; он даже старался лишней раз не поворачиваться к Шмыру спиной. И, то ли Пучеглазу не нравился этот неприязненный гэджевский взгляд, то ли угнетало присутствие неудобного гостя, то ли еще что — только он вдруг сполз с лавки, подковылял к выходу и, проскользнув в брешь в стене, исчез в темноте каменного лабиринта.

— Куда это он? — мрачно спросил орк, разом исполнившись самых дурных предчувствий.

— Не беспокойся, Гэдж, — невозмутимо отозвался Гэндальф. — Траина нам нечего опасаться.

— Если только он не направился с доносом в Башню...

— Теперь он туда не ходит.

— А раньше, значит, ходил?

Гэндальф деловито возился где-то в темноте. Добыл откуда-то жестяную баночку, уложил её на решетке над стоявшей на столе горелкой, налил в этот странный «чайник» воды из кожаного меха. Посмотрел на Гэджа чуть исподлобья.

— Ему... приходилось. Видишь ли, он тяжело болен, Гэдж.

Орк осторожно опустился на ближайшую лавку. К его удивлению, она не рассыпалась тут же горкой щепы и жалких обломков.

— И это, конечно, оправдывает его предательство.

— Я бы сказал так: это *объясняет* его предательство. Черная немочь — вот название его недуга... В какой-то мере это следствие перенесенных им пыток (а Траина пытали, и жестоко), но в куда большей степени — результат воздействия черной магии Замка, тех

недобрых чар, которые здесь буквально витают в воздухе. Траин — не человек, поэтому черная немочь не одолевает его так быстро... Но, между нами говоря, силы его уже на исходе.

Вода в жестяной баночке, подогреваемой над масляной горелкой, с бульканьем закипела. Волшебник достал с полки две небольшие деревянные кружки, чем-то небрежно обмахнул их (Гэджу показалось, что бородой) и разлил по ним «чай», бросив в кипяток горсточку каких-то сушеных ягод. К чаю полагалось и угощение: твердые и хрупкие, как чугун, пресные галеты, а также сморщенные светлые брусочки чего-то волокнистого и чуть сладковатого — орк опознал в них кусочки сушеной моркови, видимо, позаимствованные Шмыром в одной из «сухих» кладовых.

Или Шмыру, как «комнатной собачонке» Хозяина Крепости, полагался отдельный, так сказать, «собачий» паек?

— Траин, — Гэдж задумчиво смотрел на дно своей кружки, — знакомое имя... Кажется, где-то я его слышал... или видел...

— Ну, возможно, оно попадалось тебе в исторических хрониках, — беспечно заметил волшебник.

— Гм, — пробормотал Гэдж. — Этот горбатый уродец уже успел отметиться в исторических хрониках?

— Было бы удивительно, если бы не успел, — с прохладцей отозвался Гэндальф. — Полное имя и титул этого «горбатого уродца» — гном Траин, сын Трора, последний Король Под Горой.

Голос волшебника звучал хрипло и приглушенно, но притом чуть ли не торжественно, точно у распорядителя пира, представляющего знатных гостей пред светлые очи Его Величества. Гэдж прислушался к себе, но не обнаружил в душе ни удивления, ни почтительного благоговения, ни желания пасть перед Шмыром/Траином ниц и восторженно облобызать подол его мешковатого одеяния... Все эти громкие имена, родословные и титулы ему ни о чем не говорили.

— Король? Он сам тебе об этом сказал?

Гэндальф рассеянно почесывал пальцем переносицу.

— Нет. Он почти ничего не помнит из своего прошлого. Но догадаться оказалось несложно... Несколько лет назад Траин и несколько его соратников хотели вернуться в Эребор, свое покинутое Королевство, но по пути, в Лихолесье, Траин оказался похищен... Отчасти я и хотел пробраться в Дол Гулдур для того, чтобы выяснить его судьбу... а также судьбу кое-какой имеющейся у него вещи.

— Выяснил? — пробурчал Гэдж.

— Вполне.

— Да уж, житуха у него здесь не королевская... — Орк окинул взглядом убогую клетушку, сырые глухие стены, мрачную обстановку, грубые лавки-лежанки, прикрытые тряпьем и кислой овчиной. — В кагратовой конуре и то поуютее.

— Зато, по крайней мере, здесь безопасно, — заметил Гэндальф. — Об этом логове внутри стен никто не знает — ни орки, ни назгулы... разве что сам Властелин. Но я тешу себя надеждой, что ему покуда неведомо, что я жив, иначе он, конечно, не оставил бы меня в покое, слишком уж многое мне теперь известно.

— Как ты сюда попал? После того, что случилось... ну, там, в подвале? Значит, это Шмыр пришёл тебе на подмогу?

Волшебник медленно кивнул.

— Признаться, я довольно плохо всё это помню — очень уж основательно твой папаша приложил меня, хм, головой об стену. Но — да, Шмыр явился очень вовремя и спрятал меня в потайном ходе внутри стены... а потом, потихоньку-полегоньку, мы с ним добрались и сюда, в это Убежище.

— И ты не боялся, что он тебя... опять сдаст? — тихо спросил Гэдж.

Гэндалф секунду-другую молчал, прежде чем ответить. Задумчиво катал на ладони жесткие кусочки морковного сахара.

— Я был очень слаб, Гэдж, и, по правде говоря, ничем не сумел бы Шмыру помешать, если бы он решил это сделать. Но, как видишь, я все еще жив и все еще здесь... А Шмыр... вернее — Траин... совершил настоящий подвиг.

— Угу.

— Там, в Башне, известен секрет лекарства, которое помогает... нет, не излечить — замедлить развитие черной немочи. Вот почему горемыка Траин не мог уйти из Замка, вот почему исполнял волю Башни, вот почему возвращался сюда снова и снова — чтобы получить из рук своих мучителей снадобье, помогающее утишить терзающие его боли. Согласившись тайно провести меня в Крепость, он действительно хотел оказать мне услугу и насолить своим палачам... но в конце концов магия Замка все же одолела его, взяла над ним верх, сломила его дух и волю. Поэтому... случилось то, что случилось. Но с тех пор он больше не служит Башне.

— Ты уверен?

— Да, — тон волшебника был суров. — Хворь одолевает его... с каждым днем ему всё хуже и хуже. Ему достаточно просто выдать меня визгунам, чтобы снискать милость Башни и получить добрую порцию зелья — но он предпочитает молчать... По-твоему, это ничего не значит, Гэдж?

Орк сидел, обхватив плечи руками.

— Он... скоро умрет?

— Да. И знает об этом. Но, как видишь, старается не падать духом... Он бродит по Замку, невидимый в этих потайных ходах, смотрит и слушает, добывает кое-какие припасы и даже выполняет мои довольно, гм, неудобные просьбы... Это я просил его тебя найти, Гэдж, или, по крайней мере, разузнать о твоей судьбе.

— Зачем? — пробурчал Гэдж. — Вряд ли я могу быть тебе сейчас чем-то полезен, раз у тебя теперь есть такая приятная компания.

Гэндалф вздохнул — со сдержанным сожалением, как человек, вынужденный вновь и вновь объяснять прописные истины неразумному младенцу. Отломил кусочек лежавшей в жестяной миске пресной галеты, подержал его в руке.

— Я тревожился за тебя, дружище... я не знал, где ты и что с тобой произошло. И уже почти не надеялся это узнать... Раз за разом Траин возвращался из своих вылазок ни с чем, и я вконец совершенно отчаялся, я был уверен, что ты давно мертв.

— То же самое я думал и о тебе, — пробормотал Гэдж.

— Лишь недавно ему посчастливилось напасть на твой след. Он выяснил, что ты живёшь не в казармах, и искал удобного случая с тобой связаться. И сегодня ему наконец повезло.

— Неизвестно, кому повезло больше — ему или мне, — Гэджа передернуло: вспоминать события нескольких последних часов оказалось делом малоприятным. —

Слушай, а что это была за штуковина, такая маленькая, черная... с ядом? Птичий коготь?

— Коготь? — Гэндальф удивлённо приподнял брови. — Откуда ты о нем знаешь?

— На меня напали, — сдавленно сказал Гэдж, потирая горло, — там, в подвале. Один из местных громил... Долго рассказывать... А Шмыр воткнул эту штуковину ему в плечо! И он... умер.

Ему не хотелось об этом говорить, да и смерть Шаваха, в общем-то, имела к происходящему очень мало отношения. Но волшебник смотрел на него встревоженно.

— Вон оно что, — он отвел рукой прядь волос, закрывающих шею Гэджа, разглядел синяки, оставленные лапищами Шаваха: на тёмной коже орка они не слишком бросались в глаза, но все же были заметны. — Да, коготь был с ядом, — сказал он со вздохом. — Я обзавёлся им ещё в Изенгарде на случай, так сказать, непредвиденных обстоятельств. Когда я попал в Башню, все мое шмотье досталось Шмыру в качестве трофея, а вещица эта была спрятана в пряжку пояса. Её, к счастью, не нашли при обыске — даже не потому, что плохо искали, а просто ничего подобного не ожидали найти... Она, конечно, не этому твоему «местному громиле» предназначалась, но я рад, что сумела пригодиться в нужный момент.

— А уж я-то как рад! — пробормотал Гэдж. Горло у него все еще болело. — А вообще-то я тут, того... подвизался в учениках у местного лекаря. — Он запнулся. Стоило ли говорить Гэндальфу о том, что Саруман тоже здесь, в Дол Гулдуре? Или сначала нужно было посоветоваться на этот счет с самим Саруманом? *«Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал о том, что я торчу в этой паскудной Крепости с рабским ошейником на горле. Это... довольно унижительно, видишь ли»*. Наверно, если кто и сумеет снять с Шарки проклятый ошейник, так это Гэндальф... но согласится ли сам Шарки принять эту помощь? Или... что?

Вопросов было много, а Гэдж слишком растерялся и был застигнут всем происходящим врасплох, чтобы искать сейчас ответы на них. И ему совершенно не с кем было об этом поговорить, поделиться сомнениями и тревогами, попросить совета. Как некстати Сарумана отправили из Замка на юг... Как не вовремя и некстати! Именно сейчас, когда он был здесь так нужен! Просто отчаянно нужен!

Гэндальф, пощипывая бороду, внимательно смотрел на него.

— Вижу, тебе не слишком-то радостно тут живется, Гэдж. Ты не мыслишь о том, чтобы... уйти?

— А мне есть куда идти? — спросил Гэдж хрипло.

— Я думал, ты был бы рад вернуться в Изенгард.

— Не сейчас.

— Почему?

— Есть... причины. — Гэдж уставился в стену. По ней, суетливо перебирая бесчисленными лапками, ползла жирная глянцевиная многоножка, и орк смотрел на неё, с трудом преодолевая какое-то мутное, недостойное желание несчастного червячка раздавить — просто так, правом сильного, из одного только чувства инстинктивной гадливости. — Слушай, Гэндальф, — пробормотал он через силу, — мне нужно кое-что у тебя спросить.

— Ну, если нужно — спроси.

Гэдж облизнул губы. Слова были какие-то неудобные, угловатые, тяжелые, точно камни — ему приходилось делать над собой усилие, чтобы вытолкнуть их с языка.

— Это... насчет моего амулета. Помнишь... того, из галворна.

Гэндальф поднял голову. Кажется, он не ожидал такого вопроса.

— Амулета?

— Ну да, этого... под названием «сит-эстель». Если ты помнишь... там, в Лориэне... Келеборн просил меня дать ему этот амулет на некоторое время.

— И что?

— Он ведь его подменил, да? — спросил Гэдж так небрежно, как только мог.

Кусочек печенья, который маг все ещё держал в руке, хрупнул, рассыпавшись горстью крошек.

— Что? — пробормотал он. — Подменил? С чего ты... взял?

Гэдж сунул руку за пазуху и достал злосчастный «эстель». Осколок амулета лежал у него на ладони — знакомый до мельчайшей детали и в то же время неприятный, чужой, нелюбимый, точно неродной сын.

— Так подменил или нет?

— Для тебя это так важно? — после небольшой паузы спросил Гэндальф. — Знать, подделка это или нет?

— Для меня важно знать, сдержал ли ты тогда свое обещание, — хрипло сказал Гэдж. — Вот и все.

Он избегал смотреть на волшебника — почему-то невыносимо было видеть его побледневшее, осунувшееся лицо и услышать слова заведомой лжи... а стократ хуже — услышать откровенную, неприкрытую правду. Он почему-то думал, что Гэндальф сейчас начнет все отрицать, уверять Гэджа в том, что он ошибается, даже, может, витиевато, с хитрецей оправдываться... но волшебник долго не произносил ни слова. Сидел, привалившись спиной к стене, прикрыв глаза, опустив голову на грудь, пряча лицо на границе света и тени. Наконец негромко проговорил:

— Что ж, видимо, мне пора кое-что тебе объяснить. Следовало бы, конечно, сделать это намного раньше, но я... не думал, что в этом возникнет необходимость. Да, ты прав. Я знал, что Келеборн лелеет мысль заменить «эстель» дубликатом.

В ответе, в общем-то, не было ничего неожиданного — но Гэджу показалось, будто горло его вновь сжала неумолимая лапища Шаваха. Так, что разом кончился воздух и невыносимо заболело в груди.

— Ты обещал мне вернуть амулет в целостности и сохранности. Ты *обещал!*

Гэндальф втянул руки в рукава.

— Что ж... я не сдержал свое слово, Гэдж, и мне горько от того, что ты теперь вправе посчитать меня человеком бесчестным. Но в тот момент, когда я давал тебе это обещание, я еще не знал, что за история связана с амулетом.

— Какая история?

Гэндальф смотрел куда-то мимо орка, поверх его плеча. У него был вид человека, пытающегося устоять на ногах после крепкого удара поддых.

— Много лет назад «сит-эстель» принадлежал дочери Келеборна.

— Да?

— Она попала в плен к оркам и едва не погибла, а амулет на долгие годы был утерян для эльфов. Он, как ты знаешь, оказался во владении твоего племени, а Келеборн, конечно, не мог этого стерпеть... И поэтому решился на подмену. «Сит-эстель» для него — такая же память о дочери, как для тебя — память о матери.

Гэдж молчал. Этого он не знал. Саруман ничего не говорил ему ни о чьих дочерях. Знал ли Белый маг историю амулета? Если и знал, то Гэджа об этом не счел нужным поставить в известность. Как всегда.

— И ты... ты считаешь, что он, этот эльф... был прав? Когда надумал подменить амулет?

— Бывают обстоятельства, когда нет правых и виноватых, друг мой. Келеборн просто не желал идти с тобой на конфликт и хотел оградить тебя от неприятного для тебя знания.

— Убережь меня от «душевной травмы», да? — орк презрительно кривил губы. — Он просто хотел повернуть это паскудное дельце по-тихому и за моей спиной. А ты был с ним согласен... «Друг эльфов»!

— Я не думаю, что ты вправе меня за это осуждать. Да — мне казалось, что лучше будет просто подменить «эстель», чем позволить Келеборну отобрать его у тебя силой.

— Это было... подло! Почему он мне... и ты... ничего не сказали?

— Если бы сказали, ты бы согласился взять копию вместо оригинала?

— Я... не знаю. Но вы должны были хотя бы спросить... узнать мое мнение... А вы решили всё за меня! Как будто я... пустое место! Юродивый! Орк! И как... как я вообще после всего этого могу тебе верить?

Гэндальф порывисто подался вперёд, коснулся кончиками пальцев его плеча.

— Гэдж...

— Что? Что — Гэдж? — Орк вскочил. — Я уже пятнадцать лет Гэдж! И что?

Внутри него все переворачивалось. Ему хотелось швырнуть кружку с остывшим чаем в смущенное лицо мага, затопать ногами, расшвырять по сторонам убогий скарб, броситься вон из этой тесной крысиной норы, устроить истерику — как можно более глупую, неуместную и безобразную. Почему-то все вдруг навалилось на него разом — отъезд Сарумана, нападение Шаваха, предательство Гэндальфа; точно каменный свод над его головой затрещал и обрушился ему на плечи тоннами и тоннами сырого камня, придавил его к полу, навек похоронил в стыллой тьме — мёртвого, одинокого, изломанного, раздавленного вусмерть.

Гэндальф тоже поднялся и стоял, как-то сгорбившись, опустив плечи — близкий и одновременно отстраненный, точно отделенный от Гэджа стеклянной стеной. В жидком свете свечи, установленной в глиняном черепке, маленькая сырая келья казалась наполненной толпой жутких, постоянно меняющих очертания теней.

— Для тебя это действительно важно? — помолчав, негромко спросил волшебник. — Иметь подлинник, а не копию?

Гэдж медленно опустился на лавку, обхватил голову руками. Ему казалось, будто кто-то бесцеремонно запустил ему в затылок огромный черпак — и неторопливо перемешивает, перемешивает его мозги, как закипающую кашу...

— Важно, — прохрипел он. — Даже не для меня...

— А для кого?

Гэдж не успел ответить.

Свеча погасла.

Долгий, глухой, тоскливый вой донесся из чернильного мрака. Он начался на низкой, басовой ноте, но с каждой секундой становился выше, пронзительнее, нестерпимее, ввинчивался в уши, словно бурав. Гэджу и раньше частенько доводилось слышать в Замке нечто подобное, но никогда — так сокрушительно, так страшно, так *близко*... Орк оцепенел, парализованный ужасом; ледяной холод пришел откуда-то извне, просочился сквозь волглые стены, погрузил тесную келью во мрак глухого склепа, — а жуткий вой все не прекращался, все ломился сквозь тьму, сметая на пути всякий свет и радость, пронизывал

насквозь, как смертельный удар, рвал хрупкие струны нервов, выворачивал наизнанку душу, терзал и буравил мозг. Гэдж, кажется, тоже кричал — но не слышал себя; на минуту-другую он словно утратил ощущение реальности, выпал из ткани бытия, оказался вне времени и пространства, самые отвратительные воспоминания — те, о которых он навек хотел бы забыть — тяжело всколыхнулись в его душе, восстав из глубин памяти, точно полуразложившиеся мертвецы из могил: он вновь брел по подземелью мимо смрадных застенок, и заглядывал в нечеловеческие глаза шаварга, и видел разбитое, покрытое струпьями засохшей крови лицо Гэндальфа, распростертого на полу вонючей темницы, и читал жадное желание убийства на перекошенной роже Шаваха... Очнулся он резко, рывком, словно его окатили ведром холодной воды.

Тишина была оглушительной, как раскат грома.

Гэдж трясся всем телом. Он внезапно обнаружил, что стоит на коленях, уткнувшись лицом во встрепанную бороду волшебника, и теплые, чуть дрожащие ладони Гэндальфа крепко зажимают ему уши. Маг обнимал Гэджа и прижимал к себе, поглаживая по голове, слегка покачиваясь всем телом из стороны в сторону — так успокаивают испуганного ребенка... Зубы у орка стучали по-прежнему, но он поспешно отпрянул, отстранился, стыдясь своего смятения, своей такой неожиданной, прохватившей его насквозь судороги ужаса. К счастью, в крошечной тьме Гэндальф не мог видеть его лица; волшебник прерывисто вздохнул и что-то невнятно пробормотал, потом в темноте негромко стукнуло огниво: раз, и другой... Полетели искры, показавшиеся во мраке ослепительными, трут вспыхнул, и Гэндальф вновь засветил потухшую — будто от страха! — оплывшую свечу.

Тьма нехотя отступила — не рассеялась, но расползлась, тяжело осела в углах. В мерцающем свете воскового огарка лицо волшебника — желтовато-белое, как пергамент — бледным пятном выступило из мрака. Он держал ладони над пламенем свечи, словно намеревался не то защитить, спрятать дрожащий огонек от холода и тьмы окружающего мира, не то просто согреть руки этим жидким, слабым и неуверенным теплом.

Гэдж только сейчас ощутил, что в камерке действительно стоит мертвая стужа — будто в промерзшем насквозь погребе морозной зимой.

— Не пугайся. Мы находимся прямо под Башней, Гэдж. — Голос Гэндальфа звучал глухо; лицо его разом как-то осунулось, постарело, лоб, блестящий от испарины, прорезала глубокая, как шрам, вертикальная складка. — Для нас с Траином подобное не в диковинку...

Орк сидел, оцепенев, с трудом приходя в себя. Интересно, мельком подумал он, а какие жуткие и неприятные воспоминания этот нечеловеческий вопль мог пробудить в душе Гэндальфа? Или в душе Шмыра? Пыточный застенок? Болезнетворный туман болот, мрак гнилого подземелья, кишящего крысами? Смертную тоску, отчаяние, обреченность, вечный холод подступающей пустоты?

— Старайся думать о хорошем, — хрипло произнёс Гэндальф, будто угадав его мысли. — Вот и... всё.

— Ч-что? — пробормотал Гэдж.

Волшебник чуть помолчал, прежде чем ответить:

— Страх. Это то оружие, Гэдж, которым «визгуны» умеют владеть в совершенстве. Страх лишает жертву сил, отваги и воли к сопротивлению. Ты не должен позволять себе быть такой... жертвой.

— Ага. Как? — Гэджа разбирал какой-то дурацкий неуместный смех. — Думая о хорошем? О светлом прошлом и радостном будущем?

Лицо Гэндальфа было серым, странно напряжённым, точно он пытался перетерпеть приступ боли.

— Да. Это так смешно звучит?

— О хорошем — это о чем, например? — спросил Гэдж мрачно.

Волшебник криво улыбался.

— Да о чем угодно! О золотистом рассвете над вершинами гор. О теплом летнем дожде. О капле росы в чашечке цветка. Об успешно выполненном уроке. О похвале учителя. С крепкой руке верного друга. Обо всем, что вызывает у тебя радость, лёгкость, горячую искру в душе. Или у тебя совсем нет добрых воспоминаний, Гэдж?

— Есть. Я помню... Изенгард. И Фангорн. То, как шумит под ветром листва старых тополей, поют птицы, и солнечные лучи пронизывают лесной сумрак подобно светящимся столпам... — Гэдж все-таки рассмеялся, и смех его был похож на сиплое карканье раненного ворона. — Но что в этом толку, Гэндальф? Меня это не радует... Я уже никогда этого не увижу.

— Это всегда с тобой — здесь, в твоём сердце, — негромко возразил маг. — И лишит тебя этой опоры, этого внутреннего света не способен никто — никакие порождения тьмы, ни «визгуны», ни сам Саурон... Конечно, добрые воспоминания вряд ли помогут тебе при встрече с назгулами лицом к лицу, но вот так, на расстоянии... поверь, это достаточно крепкий щит. Да, кстати, — хмурясь, он потёр лоб тыльной стороной руки, — чуть не забыл... Мне нужно тебе кое-что отдать.

— Что отдать?

Волшебник поднялся и снял с ближайшей полки какой-то длинный сверток, положил его на стол, развернул серую, завернутую в несколько слоев ткань. В полумраке каморки голубовато блеснула сталь, выступил на лезвии затейливый узор из листьев и виноградных лоз... У Гэджа перехватило дыхание: это был его кинжал, давний подарок Сарумана, привет из того, оставшегося за стенами Дол Гулдура мира, навек потерянный, как ему казалось, во мраке подземелий.

— Ты... нашел его, — пробормотал Гэдж. Руки его дрогнули, когда он принял кинжал: такой знакомый, легкий, удобно легший в ладонь, как будто никогда её и не покидал.

— Не я. Траин, — пояснил Гэндальф, улыбаясь в бороду, очень довольный произведенным впечатлением. — Он так и лежал там, внизу, в подвале, где ты его обронил в той бесславной для нас с тобой схватке. Возьми его, мой друг, и больше не теряй... я, признаться, очень рад, что клинок наконец-таки вернулся к своему законному владельцу. Боюсь, он тебе еще пригодится, Гэдж.

45. Лабиринт

Шаграх смотрел хмуро, но, кажется, без прежней враждебности.

— Слыхал? Шаваха нашли в подвале. — Он опасливо оглянулся и понизил голос: — Мертвого...

— Да ну? — удивился Гэдж. — А что с ним случилось?

— Он теперь точно не расскажет. Роба у него такая перекошенная была, будто он там, внизу, что-то невыносимо ужасное увидел... Пес знает, что там творится, в этих подвалах...

— Ага. И соваться туда нечего, — согласился Гэдж. — Как твой зуб?

Шаграх нервно потрогал щеку.

— Новый не вырос, — пробурчал он.

— Можно вживить волчий клык, например, прикрепить его золотой петелькой к соседним зубам, — сказал Гэдж. — Я о таком читал.

Шаграх вдруг окрысился.

— Читал? Грамотей несчастный! Самый умный, да? Буквицы разбирать умеешь? Ты, значит, умный, а мы все тупые, по-твоему?

— Ну-ну, не кипятись, — пробормотал Гэдж: в раздраженном тоне Шаграха угадывалась зависть, — в чем загвоздка? Хочешь тоже уметь буквицы разбирать — так я тебя научу, дело несложное... Чего сразу пеной-то исходить? Чего вы вообще все такие злобные, а?

Шаграх, набычившись, глядел исподлобья. Лениво попинывал лежащий возле его ноги ноздреватый камешек.

— Злобные? Я не знаю. Так надо.

— Кому надо?

Шаграх не ответил.

***

Она была Прекрасная Дева, знатная и богатая. Надменная, беспечная, как мотылек, окруженная сонмом воздыхателей и поклонников. Он — Странствующий Менестрель, все имущество которого состояло из лютни и поношенного дорожного плаща, слишком бедный и скромный для того, чтобы притязать на богатство Девы и её красоту; лишь однажды робкой и нежной песней он отважился поведать Деве о своем тайном чувстве. Он не рассчитывал на участие и не получил его; и, осмеянный, в грусти покинул королевство и долгие годы странствовал в дальних краях, топя безответную любовь в мутных водах реки забвения...

Гэджу даже не хотелось перечитывать написанное.

Видимо, это была не очень хорошая идея — вновь взяться за перо и выдавать на-гора какой-то унылый душещипательный бред. Но над Дол Гулдуrom висел холодный осенний дождь, и делать Гэджу, по правде говоря, было особенно нечего — в такую погоду ждать наплыва посетителей, к счастью, не приходилось.

Менестрель не ведал о том, что вскоре с его возлюбленной приключилась беда.

Норовистая лошадь оказалась тому виной — и неудачное падение навеки приковало Прекрасную Деву к постели. Её покинули и красота, и здоровье, и беспечное счастье. Тело отказалось ей служить, и ни богатство, ни знатность уже не приносили калеке утешения, и гордыня её оказалась бессильна перед отчаянием, и толпа легкомысленных поклонников в одночасье рассеялась, как туман, оставив её на растерзание равнодушию и тоске...

Да — на Дол Гулдур медленно наступала осень.

Ночи становились длиннее и холоднее, дни — короче и серее, темнело быстро. «Козьявки» подготавливали к зиме продовольственные и дровяные склады; в окружающих Дол Гулдур лесах не смолкал перестук топориков и глухое б́уханье тяжелых колунов, угольные ямы под слоем торфа дымили денно и нощно, с севера и востока тянулись обозы с зерном, рапсовым маслом и вяленой рыбой. Праздники закончились, наступило скучное сентябрьское однообразие: дни перетекали один в другой, почти не отличимые друг от друга, как капли воды. Каграт на горизонте не появлялся — то ли он оказался в числе избранных счастливиц на Кохарране, то ли его отослали из Замка с каким-то поручением, то ли вообще прирезали где-нибудь в пьяной драке — в любом случае Гэджу было глубоко на него наплевать. Вертихвостка Вараха, кажется, действительно *выбрала* Мэйхура и даже вроде бы супружеской жизнью была вполне довольна — но это не мешало ей при встрече строить Гэджу глазки и кокетливо скалить заостренные зубки. Каким-то загадочным образом она попадалась Гэджу на глаза постоянно, делал ли он обход территории, шёл на вызов к недужному или тащил дрова со склада — Вараха почти обязательно витала где-то неподалеку, то с корзиной белья в руках, то с ведром собранной на огороде моркови или лукошком ягод. Обольстительно-беззастенчивая, чувственная, дразнящая, она будила в Гэдже некое томительное волнение, смешанное со смущением, он хотел её видеть и не хотел одновременно, и при случайных встречах старательно отводил глаза, неизменно ощущая себя полным дурнем.

Так проходили годы и годы; наконец весть о постигшем Прекрасную Деву несчастье достигла и тех отдаленных краев, где странствовал отвергнутый Менестрель. И он понял, что любовь не погибла... Содрогаясь от ужаса, он поспешил в мрачный, известный дурной славой лес, где, по слухам, обитала могущественная колдунья — и умолял старуху силою волшебства вернуть его возлюбленной красоту и здоровье. «Хорошо, — ухмыляясь, сказала злобная ведьма, — я дам тебе лекарство, и красавица твоя выздоровеет, но запомни: в тот день, когда она поднимется с ложа, ты ослепнешь... Ноги твои обратятся в кривые корни, руки станут сучковатыми ветвями — и сотни лет ты будешь стоять на обочине дороги безмолвным деревом, живя лишь сердечной тоской да былыми воспоминаниями. Согласен ли ты принести ради своей любви такую жертву, певун?» «Я согласен», — онемевшими губами произнес Менестрель, и все случилось по слову колдуньи: он принес Деве лекарство, и бледные щеки недужной порозовели, и через несколько дней — о, чудо! — она встала на ноги и вышла погулять в сад. И не могла понять, почему в шепоте листвы молодого клена, выросшего под её балконом, ей чудится смутно знакомый голос и слышится давно забытая, когда-то преподнесенная ей в дар нежная баллада о неразделенной любви...

Раз в два-три дня, закрыв вечером двери для посетителей, Гэдж уходил в Лабиринт.

Ему теперь не приходилось спускаться в подвалы — Шмыр показал ему другой проход в

Лабиринт, в одной из дальних кладовых. Гэдж пробирался туда с мешком, в котором лежали кое-какие припасы — мыло, свечи, сало, сухари, снадобья, иногда — мех с молоком; нажимал на скрытый в полу рычаг, отворял потайную дверцу, ставил принесенное добро в условленное место в стенной нише и забирал записку, в которой Гэндалф просил его принести в следующий раз то или это. Гэдж старался выполнять эти просьбы по мере возможности.

С началом осени Шмыр совсем перестал показываться на глаза. Впрочем, Гэдж этому скорее радовался, нежели огорчался: титулованный калека был не из тех, с кем орк жаждал бы расшаркиваться при встрече и которого вообще хотел бы лишний раз видеть. Куда более удручающим казалось отсутствие вестей от Сарумана и вообще с юга; впрочем, судя по тому, что «официального» объявления о начале мора так и не было сделано, хворь удалось остановить где-то в порубежье. Хотя подвоз провианта с южных земель практически прекратился, и вся Крепость сидела теперь на урезанном пайке; если так пойдет и дальше, невольно думалось Гэджу, то через месяц-другой в Замок нагрянут не только осенние холода, но и голод...

Но прошло время — и в один прекрасный день, утомленная прогулкой, Дева прилегла отдохнуть под молодым кленом. И в полудреме к ней явилось видение: скромный Странствующий Менестрель в потертых одеждах, поющий в дворцовых чертогах дивную песнь, посвященную первой и единственной любви... И Дева все поняла.

И, воротившись с прогулки, велела срубить злосчастное дерево под корень и сжечь в печи до последней щепки, дабы вырвать из своего сердца и навеки уничтожить не только самого Менестреля, но и самую память о нем.

Гэдж чуть приоткрыл дверь и выглянул во двор. Дождь почти прекратился, трясся на землю сквозь мелкое сито, но мир вокруг был тусклым, мокрым, неприветливым. Орк поразмыслил и, нацарапав записку «Ушёл собирать немейник» (запасы немейника в последнее время действительно иссякали стремительно, и на то были причины), пришилил её на дверь (интересно, спросил он себя, найдётся ли кто-нибудь достаточно грамотный для того, чтобы её прочесть?). Потом запер камору, взял заранее приготовленный мешок с припасами и флягу с лампадным маслом и вышел через чёрный ход.

***

В дальней кладовой рядами стояли бочки из-под квашеной капусты и висел тяжёлый сладковато-кислый гнилостный дух, плотный, как войлок. Гэдж огляделся — в этот мрачный закоулок редко кто-то заглядывал, но терять бдительности все же не следовало; впрочем, кладовая, как обычно, была пуста. Орк нажал на камень почти у самого пола — и стена перед ним медленно разверзлась, неохотно распахнула свое темное тайное нутро. Гэдж протиснулся в открывшуюся щель, положил на пол мешок и флягу с маслом. Вправо и влево уходили узкие ходы Лабиринта, терялись где-то во мраке, более-менее видимым оставался лишь крохотный пяточок каменного пола у ног Гэджа, куда проникало тусклое освещение из кладовой. Записки, которую Шмыр обычно засовывал в щель между камнями, сейчас на месте не обнаружилось. Странно... Орк шагнул вперед и наклонился, осматривая пол: может, она упала?

Темнота — там, в глубине тоннеля, за его спиной — тяжело всколыхнулась. Кто-то быстро и цепко схватил его за плечо.

Гэдж едва не взвизгнул от неожиданности.

— Тс-с! Это я.

Гэндальф стоял, приложив палец к губам, прижимаясь боком к стене узкого хода. Осторожно надавил ногой на камень-рычаг, закрывая вход в Лабиринт.

Гэджу стало не по себе: он и Шмыра не видел больше недели, а уж волшебника, который, кажется, из Убежища старался лишний раз не выбираться, и вовсе встретить никак не ожидал.

— Что... такое?

Во мраке вспыхнул крохотный магический огонек, и лицо Гэндальфа — бледное и встревоженное — выступило из темноты голубоватым пятном.

— Плохо дело, Гэдж.

— Совсем плохо? — Орк сразу понял, о чем идёт речь, хоть волшебник и не спешил вдаваться в объяснения.

— Совсем. Траин слёг вчера вечером. Он и так чувствовал себя неважно, слабел с каждым днем, а вчера ему стало совсем худо... И я ничем не могу ему помочь.

Гэдж молчал. Что он мог сказать? «А, понятно»? «Ну, я не удивлен»? «Мне очень жаль»? Ничего более вменяемого, кроме этих бессмысленных и дурацких, ничего не значащих фраз ему на ум не приходило.

— Немейник закончился? — спросил он хрипло.

— Да. Он почти и не помогал последнее время. У тебя нет... средства посильнее?

— Можно попробовать настойку пещерного гриба, но она не безвредна, — Гэдж в растерянности потёр лоб. — Нужно подобрать точную дозировку.

Волшебник угрюмо сжал губы.

— Я думаю, тебе стоит взглянуть на него, Гэдж. Чтобы определиться с лекарством.

Эта идея совсем не привела орка в восторг, но возражать он не решился — да Гэндальф и не ждал возражений. Коротко кивнул Гэджу:

— Идем.

Волшебный огонек метнулся во мраке зигзагом, поджёг фитилёк свечи, которую маг тем временем выудил из складок одеяния, и угас. Гэндальф двинулся вперёд по проходу, прикрывая ладонью трепещущее пламя, и Гэдж потащился за ним следом — по узкой, ввинчивающейся в сырой мрак каменной кишке. Пятно света прыгало впереди, освещая тесный тоннель, щербатые ступени, проплешины мха в щелях каменной кладки, своды, облепленные лохмотьями сто лет назад покинутой хозяевами паутины. Впрочем, Гэдж был рад, что волшебник несёт в руках свечу, потому что в темноте здесь было бы совсем неуютно, он это хорошо помнил еще по первому своему путешествию через Лабиринт — через этот загадочный, запутанный, до конца изученный разве что пролазливый Шмыром мир...

— Далеко идти? — спросил Гэдж.

— Нет, не слишком. Если только...

— Что?

Гэндальф внезапно остановился и прислушался. Крепко схватил Гэджа за руку. Задул свечу.

— Тихо!

Гэдж замер.

Они находились, должно быть, где-то у основания Крепости, рядом с одним из переходов к Главной Башне — и там, снаружи, за каменной стеной, кто-то был. Совсем близко. Гэдж внезапно ощутил надвигающуюся опасность, как говорится, шкурой — охватившим его лёгким ознобом, липкой стайкой мурашек, скользнувшей вдоль позвоночника, неприятным покалыванием в кончиках пальцев.

Траин не ходит по лабиринту с фонарем, — внезапно вспомнилось ему, — свет могут заметить в щелях между камнями...

Фонарь можно убрать, свечу — погасить, но предательский запах — острый запах расплавленного воска! — невозможно мгновенно рассеять, затушить, спрятать в карман. А ведь он просачивается в невидимые глазу поры камня не хуже света... Что за неведомый имярек находился сейчас там, за стеной? Ощутил ли он невесть откуда взявшийся, витающий в воздухе коварный аромат, понял ли его причину, почувствовал ли рядом чужое присутствие?

Гэджу стало холодно — настолько, что даже онемел кончик носа. И вновь непроглядная темнота окутала его душным покрывалом, и сдвинулись стены, и явилось из ниоткуда знакомое чувство страха — мерзкое, тошнотворное, обессиливающее, как болезнь. Если это один из визгунов, с ужасом сказал он себе, и если он сейчас *закричит*...

Тишина. Такая, что от напряжения зазвенело в ушах.

И в этой тишине — едва слышный звук. Осторожный, скребущий шорох, похожий на царапанье — Гэджу представилась рука в тонкой кожаной перчатке, проводящая пальцами по поверхности стены словно бы в поисках щели или отверстия; что-то негромко прошелестело и стукнуло, точно из стыка между камнями выпал маленький камешек.

Пальцы Гэджа сами собой скользнули вниз, сжали рукоять кинжала, который он теперь носил на поясе в простеньких кожаных ножнах. Кинжал как будто сам прыгнул ему в ладонь, тёплый, словно ищущий руку хозяина, прильнул к пальцам Гэджа, как верный зверек.

Стало чуть легче. Прошла минута, другая, третья...

Царапанье за стеной стихло. Гэджу показалось, словно кто-то едва слышно хмыкнул... Показалось?

Не было ни шороха, ни шума, ни удаляющихся шагов — но неведомым чутьем к орку пришло понимание: опасность наконец минула, отдалилась, ослабла... По крайней мере — сейчас. Он позволил себе отмереть, немного расслабиться, перенести тяжесть тела с одной ноги на другую.

Гэндальф прерывисто вздохнул в темноте за его плечом и осторожно шевельнулся — он был насторожен и напряжен не меньше спутника. Явил себя из мрака едва слышным шепотом:

— Он ушел.

— Кто? — пробормотал Гэдж. — Кто там был, за стеной?

— Неважно. Кто бы это ни был, он ушел, — тем же шепотом повторил маг, но Гэджу почудилось, что Гэндальф встревожен нечаянной встречей куда больше, нежели хотел бы это спутнику показать. — Траин был прав: свет в Лабиринте опасен... Но я хотел добраться до Убежища побыстрее. Ладно, идем.

— В темноте? Как?

— Справимся как-нибудь... Главное — не отставай.

Теперь маг свечу не зажигал. Дальше они продвигались в полнейшем мраке, ощупью —

по извилистым тоннелям Лабиринта, и дело пошло значительно медленнее: без света ориентироваться здесь было намного труднее. Приходилось полагаться лишь на осязание и слух, разом обострившийся; глаза настолько уставали от стоящей вокруг непроглядной тьмы, что Гэджу вскоре начали мерещиться там и тут разноцветные пятна. То ли темнота искажала восприятие действительности, то ли воображение играло с орком злую шутку, но ему казалось, что ходы Лабиринта изгибаются причудливо и совершенно бессистемно, образуют неожиданные углы и перекрещиваются друг с другом самым непостижимым образом; лишь однажды попался долгий достаточно прямой участок: наверно, тоннель здесь шел вдоль стены какого-то большого зала. Затем вверх потянулась лестница с десятком выщербленных, почти стертых ступеней. Впрочем, Гэндальф, видимо, знал дорогу наизусть и, на ходу припоминая расположение коридоров и тупиков, вполне уверенно вел Гэджа сквозь мрак: вперед, вправо или влево, выбирая верное направление по каким-то лишь ему ведомым приметам. Иногда он останавливался и начинал чуть слышно бормотать под нос:

— Два поворота пропустить, на развилке — направо... потом налево... после знака на стене. Здесь должна быть лестница... девять ступеней...

— Далеко еще? — прошептал Гэдж.

Волшебник досадливо шикнул.

— Потихе, дружище... Ты меня сбиваешь. Не хватало только здесь заблудиться... Так, теперь направо.

Они свернули направо, и сырой камень стен сменился кирпичной кладкой, а под ногами захрустели не то мелкие отломки кирпича, не то крысиные кости.

— Как ты это делаешь? Всю схему Лабиринта держишь в памяти, что ли? — прошептал Гэдж. — Где сколько поворотов, какова длина проходов, куда надо свернуть?

— Разумеется, — небрежно, но не без потаенного самодовольства откликнулся Гэндальф. — Всю, может, и не всю, но эту часть — досконально: потерять дорогу в Лабиринте практически равнозначно смерти. Но не бойся — память у меня отличная, и я никогда не...

Раздался приглушенный звук удара и яростные невнятные восклицания, которые, пожалуй, знатоки изящной словесности сочли бы несколько резковатыми.

— Никогда не забываешь, что в этом месте низкие своды? — невинно полюбопытствовал орк.

— Никогда не забываю, что и мудрый может допустить оплошность, друг мой! — сердито отозвался волшебник. — Береги лоб!

Посмеиваясь, Гэдж на всякий случай пригнулся.

***

В сырой темноте тесной шмыровой норы кто-то негромко поскуливал — тоскливо и жалобно, как побитый пёс. Впрочем, при приближении Гэджа и Гэндальфа звуки стихли, слышалось лишь тяжелое, сдавленное дыхание — неуверенное и прерывистое, как у тяжело больного, страдающего, из последних сил цепляющегося за жизнь существа.

— Это мы, Траин, — негромко сказал волшебник. Зажег стоящую на столе свечу.

Выплыли из темноты серые стены, полки, шмыров «буфет», прочие детали незатейливой обстановки. Шмыр, скорчившись, лежал на одной из лавок, бледный и ослабевший, зарывшись в груду скомканного тряпья, и пальцы его судорожно сжимали край

одеяла, порой начиная непроизвольно подергиваться. Лицо калеки было перекошено от страдания, здоровый глаз — устало закрыт, а другой, вздутый, пораженный болезнью, подернулся желтоватой мутью и по-прежнему слепо таращился в никуда, словно пытался познать непознаваемое и высмотреть в пустоте так и не открытый смысл неумолимо ускользающей жизни. Гэдж глотнул — к подобному зрелищу он был не готов, несмотря на слова Гэндальфа. Еще пару недель назад Шмыр хоть и не казался существом особенно бодрым и пышущим здоровьем, но тем не менее ходил на своих ногах и даже нашел в себе силы завалить такого бугая, как Шавах. А что с ним случилось теперь? Поистине, черная немочь никого не щадит.

Гэдж осторожно взял Шмыра за липкое от пота запястье, с трудом нащупал пульс — неровный, частый и слабый. Лицо Траина жутко осунулось, нос заострился, тело одрябло, землисто-серая кожа облепила выступающие кости, будто пергамент, обрисовав все неровности шмырова скелета, зато брюшные мышцы были напряженными и затвердевшими, как доска. Гэдж откинул служивший Шмыру одеялом заскорузлый плед, обнажив торс калеки — когда-то это был крепкий, могучий торс здоровяка-гнома! — медленно нажал пальцами на область подреберья, чуть подержал, потом резко отпустил — Шмыр вздрогнул всем телом и издал слабый неровный стон, дернулся, словно пытаясь отодвинуться подальше: осмотр был для него не менее неприятен, чем для Гэджа, но при том ещё и физически мучителен. Гэндальф подался вперёд и ласково положил руку ему на плечо.

— Траин, — сказал он негромко, — мы пришли тебе помочь.

Калека что-то слабо промычал, его трясло конвульсивной дрожью, на губах выступила сероватая пена, здоровый глаз закатывался под верхнее веко, рот жалко кривился, и в ключьях жидкой сивой бороденки поблескивали капельки слюны. Гэдж молча оглянулся на Гэндальфа, потом поднялся и вышел из Убежища — в сырой мрак Лабиринта, подальше от жуткой шмыровой обители боли, мрака и смертной тоски. Всё тут, в общем, было понятно... Волшебник, чуть помедлив, направился за ним следом.

— Ну, что скажешь?

— А что тут говорить, — пробурчал Гэдж. — Он умрет не сегодня-завтра. Да ты и сам это знаешь.

— Значит, уже ничего нельзя сделать? Черная немочь перешла в завершающую стадию?

— Да. При этой болячке все внутренние органы рано или поздно отказывают один за другим, но больше всего достается печени. На последних стадиях болезни она начинает разлагаться, и человек попросту гниёт заживо... изнутри. У Шмыра... то есть Траина... началось воспаление брюшины, ему уже ничем не поможешь. Ему повезло хотя бы в том, что он сумел протянуть так долго.

— Он бы сумел протянуть еще дольше, если бы не я, — помолчав, мрачно произнес Гэндальф. Он стоял, опустив глаза, вложив руки, как в муфту, в рукава своей хламиды, съёжившись, точно его знобило. — Из-за меня он не ходил в Башню за... лекарством.

— Может, и ходил, — проворчал Гэдж. — Почему ты знаешь? Он тебе докладывал, что ли, куда он ходит, а куда — нет?

— Ну, может, и ходил, — сухо согласился Гэндальф. — Но, как бы там ни было, меня он Саурону не выдал. Хотя мог бы — дабы заслужить поощрение Хозяина и быть осыпанным щедрыми дарами и милостями.

«Ну и расцелуй его за это», — с раздражением подумал Гэдж: вера мага в незапятнанную непогрешимость Шмыра почему-то не вызывала в нем ни согласия, ни

участия, лишь жгучие уколы какой-то дурацкой, совершенно неуместной сейчас ревности.

— Он сам сделал свой выбор, — сказал он вслух, — и, полагаю, сам для себя считал этот выбор правильным. Хотел умереть не подлой мразью, а честным и порядочным человеком... вернее, гномом. А насчет того снадобья, которое ему давали в Башне... ну, скорее всего, это что-то вроде настойки из пещерного гриба, о которой я и говорил. Сильное обезболивающее и противовоспалительное средство, которое тем не менее вызывает быстрое привыкание... Могу состряпать для него такое же.

— Много времени на это уйдет?

— Надо прикинуть, — уклончиво ответил Гэдж: Саруман наверняка оставил ему небольшой запас этой настойки (с недавних пор Шарки понемногу подмешивал её в снадобье, предназначавшееся для Каграта). — Кажется, у меня было чуточку...

Он не договорил.

Жуткий, резью отдающийся в ушах нечеловеческий крик внезапно разорвал, разбил стеклянную тишину Лабиринта ледяными осколками. Это был полустон-полувопл, перемежаемый прерывистым невнятным подвыванием — мычащим и нечленораздельным, но исполненным такого ужаса и неопикуемой мўки, что кровь застыла у Гэджа в жилах...

— Ма-о-ы-ы-ы-ы... А-ы-ы-ы! *Ы-ы-ы-ы!*..

Стон замер, захлебнулся, оборвался судорожным сдавленным хрипом...

— Траин! — выдохнул Гэндальф.

Они с Гэджем бросились обратно в Убежище, ворвались в тесную темную келью. Шмыр лежал, разметавшись на жалкой постели, руки его были бессильно раскинуты, рот беспомощно разъявлен точно в немой мольбе, снулый застывший глаз слепо таращился в темноту — и не надо было ни лихорадочно трясти бедолагу-гнома за грудки, ни щупать пульс у него под подбородком, ни подносить зеркало к губам, чтобы понять, что Шмыр окончательно и безнадежно мертв...

— Силы небесные! — пробормотал Гэдж.

На страшном, изрытом шрамами лице Траина застыло выражение нестерпимого ужаса. Взгляд его единственного глаза, выкатившегося чуть ли не на лоб, был устремлен куда-то в дальний угол — и в свете поднесенной свечи каменная кладка в этом месте чуть поблескивала, словно подернутая изморозью. Что Шмыр там увидел, в этом тёмном углу? Что почувствовал? *Что его убило?*

В камерке стоял холод. Неподвижный. Мертвый. Кладбищенский. Матёрый холод старого забытого склепа — плотный и слежавшийся, как давний сугроб.

Гэндальф побледнел. Рывком шагнул вперед.

— Гэдж. *Он* здесь.

— Кто? — прошептал орк. Но знакомый удушливый страх уже окутывал его, уже поднимался от пола, исходил от стен, сводил болезненным спазмом горло...

И в этот момент раздался Крик.

Но на этот раз он звучал не в отдалении, не над потолком, не где-то там высоко над головой — пронзительный, рвущий душу, надрывный вопль родился здесь, рядом, за ближайшей стеной — той, на которой поблескивала изморозь, той, от которой орка и волшебника отделяло едва ли три фута — за стеной, на которую в смертном ужасе был устремлен мертвый взгляд несчастного Шмыра! И на какое-то мгновение Гэдж тоже помертвел... Из легких его будто разом выжали весь воздух, к горлу метнулась тошнота, ледящий холод охватил с головы до ног, в голове помутилось — он проваливался в жадное

черное жерло гнилого колодца, и там, внизу, его поджидала хищная звероподобная тварь, порождение ночного кошмара и чудовищной *искаженности*, и злобно сверкал из темноты её налитый кровью глаз: вздутый, желтовато-бурый, неестественно вывороченный, как у Шмыра... нет, он сам был Шмыром и корчился в агонии на груди грязных одеял; он тонул, задыхаясь, в горячечном мареве лихорадки, и тело его жгла злая крапива... или удары кагратова хлыста?; он висел на дыбе, истерзанный и беспомощный, и чья-то омерзительная физиономия гадко ухмылялась ему в лицо... Вопль назгула выворачивал его наизнанку, и Гэдж зарыдал; он бился головой о стену, захлебываясь собственным криком, готовый зарыться в камень, сойти с ума, умереть — прямо здесь и сейчас, лишь бы не слышать этого мерзкого, исторгнутого нутром Удуна воя, вскрывающего, будто кривым ножом, самые потаенные, самые болезненные нарывы его души, погружающего в вихрь своих и чужих чувств, ощущений, воспоминаний, страшных видений... «Не слушай, Гэдж! Не поддавайся ему! Ради Творца!» — ворвался в его дурнотный морок чей-то отчаянный шепот, но орк не мог справиться с собой, не мог заставить себя заткнуть уши, был сейчас над собой не властен, и Тьма застилала ему глаза, и руки и ноги стали чужими, непослушными, живущими своей жизнью, и ладонь его потянулась к кинжалу, висевшему на поясе, такому острому, такому удобному, жаждущему крови, крови, *крови*...

Кинжал обжег его руку, словно добела раскаленный. Гэдж вскрикнул.

Что-то — или кто-то — тут же отшвырнуло его в угол, и мир перед ним померк.

Все пропало — разом, точно перед глазами Гэджа упал плотный чёрный занавес.

— *Gwanno! Gwanno lagor!* — грянуло во тьме.

...Тишина.

Гэдж медленно приходил в себя. Он сидел в углу, скорчившись, словно раненный в живот, дрожа всем телом, всхлипывая и кулаками утирая текущие по лицу не то пот, не то слезы. Гэндальф стоял неподалеку, возле противоположной стены, как-то деревянно застыв, положив на стену обе раскрытые ладони — и странное золотистое свечение исходило от его чуть дрожащих, вжавшихся в камень пальцев — и впитывалось в невидимые поры, проникало в них, как проникают в толщу суровой горной породы теплые солнечные лучи.

Глаза волшебника были закрыты, и губы что-то шептали — быстро, сбивчиво, лихорадочно:

— *Le uquen... alatholad... gwanno... le dangen...*

Холод медленно отступал.

Голова Гэндальфа клонилась ниже и ниже; казалось, еще немного — и он упрется в стену лбом. Пальцы его впились в камень с такой силой, что побелели костяшки — волшебник будто пытался удержать на месте саму каменную твердь, не дать ей рухнуть, сдвинуться с места, не позволить тому, что таилось там, за стеной, прорваться сквозь щели и трещины ненадежной преграды и погрести под обломками крохотный, затерянный во тьме Лабиринта шмыров мирок. Или маг просто пытался удержаться на ногах сам?

Это был какой-то странный поединок сквозь толщу камня, незримый, но оттого не менее беспощадный и отчаянный... Ставкой в котором служила, кажется, его, Гэджа, трусливая и податливая душонка.

Время застыло, как стекло. Гэдж ощущал себя мухой, застрявшей в куске янтаря — в вечной неподвижности, неизменности, безвременье. Ему казалось, что это никогда не закончится...

Назгул — там, снаружи — молчал. Но сквозь гнетущую тишину внезапно порвался

другой, едва слышный звук — не то шелестящий отрывистый шепот, не то приглушенный, торжествующий смех; потом все затихло...

***

...но Гэндальф ещё несколько секунд стоял неподвижно, точно боялся шевельнуться и перестать подпирать стену плечом, наконец отшатнулся, покачиваясь, схватился рукой за край стола, чтобы удержать равновесие. Чуть помедлил, шагнул вперед и тяжело опустился — скорее рухнул — на лавку. Откинул голову назад, прислонился затылком к стене и закрыл глаза.

— Он... ушёл? — пробормотал Гэдж. Его все ещё трясло.

Волшебник тяжело переводил дух.

— Он вернётся, — сказал он хрипло. — И, вероятно, не один. *Они* теперь знают, что я — здесь. — Он провел руками по щекам — медленно и с такой силой, точно пытался содрать с них кожу. Дотянулся до кувшина-умывальника, плеснул в пригоршню холодной воды и обтер пылающее лицо.

Гэдж молчал. Ему казалось, будто чья-то рука, мерзкая, как паук, дотянулась до него из беспощадной тьмы и заползла под рубаху... нет глубже — к самому сердцу, стиснула его в кулаке, стремясь прекратить суетливое биение, сжала мёртвой ледяной хваткой. Орк посмотрел на свою ладонь — она горела, словно обожженная раскаленным железом. Алая полоса клеймом протянулась по коже наискось от запястья к кончикам пальцев.

— Что это? — пробормотал он. — Ожог? Откуда?.. Что я делал?

Гэндальф медленно повернул к нему голову.

— Ты не помнишь? Схватился за кинжал, — устало проговорил он.

— Зачем?

— А зачем обычно хватаются за оружие? Видимо, для того, чтобы кого-нибудь убить.

— Кого? — тупо спросил Гэдж. Мысли его ворочались в голове тяжело, точно заржавевшие шестерёнки. Кинжал почему-то валялся на полу под столом; Гэдж поднял его — он был уже не горячим, а едва тёплым — и уложил в ножны.

— Колдовская сила назгула чуть было не пробудила в тебе тёмную сторону твоего фэа, — после небольшой паузы пояснил маг. — И мне пришлось вмешаться, чтобы... этого не допустить. Н-да. — Он тоже посмотрел на свои руки, повернул их так и этак, пошевелил пальцами, точно желая убедиться в их целостности. — Теперь там, в Башне, известно, что я — жив. Или, по крайней мере, что в Замке прячется существо, наделенное Силой.

— Тебе нельзя было себя выдавать, — пробормотал Гэдж.

— Ты бы сам с этим не справился, — вяло возразил маг.

— Ага. Мне нужно было... не *поддаваться* и сидеть тихо? Думать о теплом летнем дожде и капельках росы на лепестках роз, так?

— Так, — серьёзно подтвердил Гэндальф. — Хотя был способ и проще. Надо было сразу дать тебе поленом по черепушке, и тогда бы ты в любом случае сидел тихо.

— Ну, спасибо, — пробурчал Гэдж. — Гэндальф Серый, как всегда, невероятно добр и мудр.

Волшебник не ответил.

Поднялся, прихрамывая, точно не совсем доверяя собственным ногам, подошел к Траину и, чуть помедлив, легким осторожным касанием закрыл его единственный глаз.

— Помоги мне, Гэдж. Нужно... оказать ему последнюю услугу.

Тощее иссохшее тело Шмыра было почти невесомым; Гэндалф и Гэдж уложили его на лавке поровнее и поудобнее. Волшебник смочил тряпицу водой и умыл ею лицо гнома, странно просветлевшее и разгладившееся после смерти, сложил ему руки на груди. Орк не принимал в этом участия; он смотрел на жалкое, распростертое на лежанке изломанное шмырово тело, и что-то, отдаленно похожее на жалость, вдруг зародилось в его душе... Он представил, каково это: быть больным, одиноким, обездоленным и всеми презираемым, лишиться прошлого, семьи и дома, зависеть от милости собственного палача, которого смертно боишься и ненавидишь, прятать ото всех и вся свое болезненное уродство, ползать, подобно червю, в темноте, по сырым и холодным норам — и при этом найти в себе силы не стать вновь подлецом, не оказаться негодяем, уйти из этого мира с чистой совестью и сердцем, не отягощенным предательством. Гэджа бросило в жар — сочувствие, смешанное с ужасом и стыдом за былую неприязнь к Шмыру, вдруг остро стиснуло его сердце, он прикрыл глаза ладонью, глотая вставший поперек горла ком.

Гэндалф почтительно опустился перед усопшим на одно колено и склонил голову.

— Ты был добрым и благородным гномом, Траин, сын Трора, прожил жизнь с честью и достоин куда больших почестей, нежели мы можем тебе сейчас оказать. Но я клянусь у твоего скорбного ложа, что доверие, которым ты меня осенил, будет оправдано, твоя последняя воля — выполнена, и твое наследство передано адресату. Да будет так!

Он помедлил еще пару секунд, потом решительно поднялся.

— Я ухожу, Гэдж. Мне нельзя здесь оставаться... Больше меня тут ничто не держит.

— А, — Гэдж запнулся, — да?

«А как же я?» — хотел он спросить.

Ему стало нехорошо... Ты не можешь уйти, подумал он в ужасе. Не можешь... потому что Саруман — здесь! Потому что ошейник с него можешь снять только ты! Потому что... потому что я не в силах опять быть тут совершенно один! В этом проклятом Замке!

Но волшебник не мог сейчас *не уйти*, ему действительно нельзя было здесь оставаться, и простая эта, безнадежно очевидная мысль повисла на груди Гэджа чугунной гирей... Ему вновь предстояло расставание — и от неизбежности этой разлуки он терял под собой почву: она расползлась у него под ногами, словно топкая и неверная болотная хлябь.

— Гэдж, дружище, — отрывисто добавил Гэндалф, — я был бы несказанно рад, если бы ты отправился со мной. Дол Гулдур — отнюдь не то место, где тебе стоит оставаться. — Он бродил по келье, собирая в сумку какие-то припасы и свертки, вытащил с верхней полки и сунул за пазуху что-то, похожее на свиток пергамента. Покрутил в пальцах темного металла ключ с затейливой бородкой и спрятал его в карман. — Но я не смею тебе этого предлагать, потому что не уверен, что сам смогу выбраться отсюда живым. Если я сыщу возможность за тобой вернуться, я вернусь... но, по совести говоря, я даже не могу сейчас твердо обещать, что мы с тобой вновь когда-нибудь увидимся.

Он пристально посмотрел на орка — точно ждал от него какого-то решения: немедленного, верного, бесповоротного. Но в голове у Гэджа царил сумбур; он чувствовал, что вязкое болото тревог и смятения затягивает его все глубже и глубже.

— Неужели надо обязательно... уходить? — потерянно пробормотал он. — Неужели нельзя где-нибудь спрятаться, отсидеться, переждать... в каком-нибудь надежном и безопасном месте...

— А у тебя есть на примете такое надежное и безопасное место?

— Ну, — Гэдж замялся, — я, наверно, мог бы укрыть тебя в своей каморке... под видом какого-нибудь заразного «крысюка». Правда, почему бы и нет? — Он вдруг возгорелся несмелой сумасшедшей надеждой. — Вряд ли кто-то обратит внимание на очередного хворого старика в грязных лохмотьях.

Гэндальф со вздохом положил руку ему на плечо.

— Обратят, не сомневайся, — мягко возразил он, — я же не числюсь в гарнизонных списках. А я, знаешь ли, не хочу опять попасть на зубок к Мёрду, друг мой. — На секунду лицо его передернулось. — Тем более подставлять под удар еще и тебя было бы с моей стороны черной неблагодарностью. Нет, Гэдж, спасибо за предложение, но я не думаю, что это хорошая идея. Мне нужно убраться отсюда как можно скорее — пока *они* вновь не начали на меня охоту.

— И каким путем ты намерен уйти?

— Тем же, каким и пришел.

— По-твоему, это безопасно?

— Нет. Но другого пути я не знаю... Мне нужно спуститься в подвалы, к отводным каналам. У Шмыра где-то была схема Лабиринта, нарисованная на бумаге. — Волшебник торопливо рылся на полке, переставляя с места на место кружки, плоски и огарки свечей, наконец добыл сложенный вчетверо желтоватый листок. — Вот она.

— Я иду с тобой, — быстро сказал Гэдж.

Гэндальф оглянулся через плечо. Лицо его оставалось встревоженным, но в серых глазах внезапно блеснула теплая искорка — не то облегчения, не то одобрения. Он бледно улыбнулся.

— Ты уверен? Я рад... твоему решению.

— Надо же мне убедиться, что ты хотя бы из Замка выберешься благополучно, — проворчал орк: нет, он не был уверен в собственном выборе, но признаваться в этом волшебнику не видел никакой нужды. — Ну, идем?

46. Заблудившиеся во тьме

...Они быстро (насколько быстро можно было вообще продвигаться в Лабиринте) шли вниз, в сторону подвалов. Торопливо прорывались сквозь тьму, протискивались по узким норам: Гэндальф — впереди, Гэдж — за ним. Волшебник не зажигал свечи; лишь порой во мраке вспыхивал магический огонек, при свете которого Гэндальф сверялся со схемой Лабиринта. Волшебник признавался, что путь в эту сторону ему не известен совершенно.

— Второй поворот налево... теперь — вниз... осторожно, тут ступени осыпаются...

То ли в Башне еще не успели поднять тревогу, то ли посторонние звуки не долетали сюда, вниз, сквозь толщу стен — вокруг стояла тишина, слышался лишь осторожный звук шагов беглецов, шорох их одежд да сдержанное дыхание. Здесь, внутри Лабиринта, не было времени — оно казалось замершим, остановившимся, словно бы умершим, — а пространство сузилось до размеров игольного ушка, и беглецы просачивались сквозь это безвременье медленно и трудно, точно преодолевая сопротивление — так капли воды неохотно просачиваются сквозь мелкое сито.

Наконец волшебник остановился. Пошарил рукой по стене.

— Дальше хода нет. Нужно выбираться наружу.

— Где мы? — пробормотал Гэдж.

— Где-то в подземелье. Точнее сказать не могу, сам не знаю.

Они прислушались. Безмолвие обволакивало их с головы до ног — кажется, снаружи, за стеной, никого не было. Гэндальф нащупал камень-рычаг, осторожно нажал на него, раз и другой... Камень не поддавался — видимо, поворотный механизм проржавел насквозь, что, впрочем, было неудивительно в этом царстве вечной сырости, холода и запустения. Наверно, только хозяйственный Шмыр, при случае подворовывая в мастерских смазочное масло, поддерживал механизмы потайных дверей в более-менее работоспособном состоянии, пока сам мог это делать.

Гэндальф обеспокоенно оглянулся на Гэджа.

— Н-да, — пробормотал он, — дело, кажется, хуже, чем я ожидал...

— Ты сможешь открыть эту дверь? — прошептал орк.

— Разве что грубой силой... Но мне бы не хотелось этого делать, слишком опасно привлекать к себе внимание. Нужно вернуться, Гэдж — неподалеку должен быть другой выход. — Маг засветил волшебный огонек и развернул перед собой схему. — Иди вперед, на первой развилке сверни направо, потом еще раз направо.

Они повернули назад, и теперь впереди узкого прохода оказался Гэдж. Он шел, ведя рукой по стене, нащупывая дорогу: под пальцами был влажный камень, мох, какие-то выступы, наконец впереди обозначился провал. Гэдж свернул в него, продвинулся еще на несколько шагов, нашарил ход справа, протиснулся в щель, показавшуюся ему вдвойне уже, чем предыдущие.

— Куда теперь?

— Двадцать шагов вперед. И пошарь по стене, там должен быть выбит на стене круг. Это знак двери.

Гэдж послушно пошел вперед. Десять шагов... пятнадцать... слева опять какой-то провал... двадцать шагов. Орк провел ладонью по стене перед собой — но там был только неизменный мох, шероховатая плесень и какая-то невнятная слизь... Никаких выбитых на

стене знаков: ни кругов, ни крестов, ни треугольников...

— Здесь ничего нет!

Во мраке вспыхнул волшебный огонек, поплыл вдоль стены, осветил серый камень кладки — и чуть дальше бесформенную грудку валунов и каменной крошки: проход здесь заканчивался, своды лаза осыпались, перегораживая путь, расколотые булыжники поблескивали в голубоватом сиянии огонька острыми изломами.

— Здесь тупик!

— Мы свернули куда-то не туда, — волшебник пристально разглядывал схему, — на плане этого ответвления нет.

— Ты уверен, что это *точная* схема? — нервно спросил Гэдж.

— Не уверен, — пробурчал маг. — Траин мог не отмечать на карте проходы, которыми никогда не пользовался. Да и обвал этот, судя по всему, недавний. Идем, надо возвращаться.

Они потащились назад: Гэндальф впереди, Гэдж за ним. Волшебник что-то бормотал под нос, порой сверяясь со схемой, свернул в левый проход, пропустил два провала (скорее трещины) справа, отсчитал двадцать шагов — и остановился. Выхода здесь по-прежнему не имелось, своды опускались все ниже и ниже, а узкий лаз дальше уходил под воду.

Волшебник и орк вымученно посмотрели друг на друга.

— Нужно вернуться к заржавевшей двери, — пробормотал Гэдж. — Иначе мы совсем тут заблудимся.

— Я пока представляю, где мы, — возразил Гэндальф, — если план Лабиринта хоть на йоту правилен. Попробуем другой путь... — Он водил пальцем по схеме. — Иди вперед: сорок шагов, потом направо, пропусти слева два поворота, затем налево, двадцать пять шагов прямо и потом направо. Я за тобой. Идем.

Теперь Гэдж опять был впереди. Слабый волшебный огонек почти ничего не освещал: использовать свет в Лабиринте было опасно, тем более свет магической природы. Орк с трудом переставлял ноги: чем дальше, тем больше ему становилось не по себе. Проклятый Лабиринт не имел выхода, узкие ходы петляли беспорядочно, стены неумолимо сближались, грозя расплющить беглецов в мокрое место, Гэджу не хватало воздуха, казалось, будто на грудь легла неподъемная гранитная плита — и давит, давит, давит всей своей равнодушной каменной тушей... Справа темный провал, поворот... два поворота пропустить... два или три? Теперь, кажется, налево... Гэдж остановился: проход здесь раздваивался, разбежался в разные стороны, а орк не помнил из указаний Гэндальфа *ничего!* Направо? Налево? Он вдруг задохнулся, на него *накатило*: сердце заколотилось бешено, неистово, и рубаха разом прилипла к мокрой от пота спине. К горлу подступила тошнота, чернота вокруг внезапно пошатнулась, как качели, желание вырваться из этого мерзкого склепа стало безумным, диким, совершенно невыносимым. Орк хрипло застонал, тяжело привалился грудью к стене: его колотила произвольная дрожь, ноги стали вялыми кусками сырого теста и ослабли настолько, что он едва мог удержать равновесие. Нестерпимый страх клещами схватил за горло, не позволяя вдохнуть, не позволяя сделать шаг ни вперед, ни назад, не позволяя просто *существовать*...

Гэндальф встревоженно подался к нему:

— Что такое? Что с тобой, Гэдж?

Гэдж едва мог говорить:

— Я... не знаю. Не знаю! Я ничего не помню! Куда теперь надо свернуть? Я потерял счет поворотам!

Волшебник прерывисто вздохнул в темноте.

— Спокойно, дружище, — негромко сказал он. — Оставь панику. Я считал... Мы прошли два поворота, это — третий. Сейчас налево, потом прямо и направо.

Гэдж тяжело дышал, прислонившись лбом к стене. Его трясло. Тело было чужое и ватное, какое-то бескостное, как квашня.

— Что со мной? Я, кажется, захворал... Ноги... не идут.

— Успокойся. Все хорошо. — Гэндальф крепко стиснул его плечо. — Такое... бывает. Сейчас пройдет. Отдышись.

Гэдж чувствовал, что рука мага слегка дрожит — кажется, волшебнику здесь тоже приходилось нелегко. Орк сделал один глубокий вдох, второй... Действительно — стало чуть легче, болезнетворный страх отступил, отполз, подобрал щупальца, затаился где-то в гнилой душной темноте.

— Мы скоро выберемся отсюда, — негромко, но твердо сказал маг. — Осталось немного... помни об этом. Ни на секунду не забывай! — Он запнулся, словно сам пытался убедить себя в том, что забывать об этом не стоит; несильно, но ободряюще пожал Гэджу локоть. — Идем... налево, потом прямо и направо. Вперед.

Они опять двинулись вперед: медленно и не слишком уверенно, заставляя себя не идти — перемещаться в пространстве. Над Замком — где-то далеко, позади, за нагромождениями стен и неисчислимыми массивами камня — вновь родился протяжный завывающий вопль, исполненный... раздражения? ярости? злобной досады? — досады хищника, лишившегося уже загнанной в угол добычи. Волшебник что-то неразборчиво пробормотал в нос...

Гэдж остановился, пошарил рукой по бугристой поверхности стены, нащупал заросшее мхом углубление в камне — знак выхода. Наконец-то!

— Здесь дверь, — прошептал он.

Беглецы прислушались. Тишина. Снаружи, кажется, никого не было.

Гэдж осторожно нажал на камень-рычаг, и на этот раз он поддался без усилий, каменная плита медленно повернулась...

Впереди открылась затхлая пустота.

Это был какой-то тесный закуток, едва видный в полумраке: слева на полу поблескивала вода, направо уходил короткий коридор, и там, чуть в отдалении, на стенах обширного, не видимого в темноте помещения помаргивали факелы. Гэдж сразу узнал это место — по правую руку лежало тихое озерцо, напротив темнела ниша, в которой он прятался, спасаясь от преследователя, только трупа Шаваха здесь уже не имелось. Вот, значит, куда им повезло выбраться...

— Я знаю, где мы, — прошептал Гэдж. — Этот коридор ведет в Комнату-с-колодцем.

— Идем вниз, — отозвался Гэндальф.

В Комнате-с-колодцем все оставалось по-прежнему: каменное кольцо в центре помещения, рядом — наполненные водой ведра, деревянная плаха возле стены, множество расходящихся в разные стороны тоннелей. Гэндальф внимательно осмотрелся, выбирая нужную дорогу.

— Ты помнишь, куда идти? — спросил Гэдж с тревогой.

— Сюда. Этот коридор ведет к отводному каналу, — волшебник свернул в один из тоннелей. Все здесь было как обычно — пустые зарешетчатые клетки по сторонам прохода, выложенный битым камнем пол, мерцающий свет факелов, установленных на стенах. Но, пройдя вглубь коридора десятка полтора ярдов, Гэндальф остановился.

— В чем дело? — прошептал Гэдж. — Это не тот проход?

— Тот, — пробормотал волшебник. — Только...

— Что?

— Раньше здесь не было факелов. И вот этого — тоже, — Гэндальф смотрел на груды кирпичей, сложенную у стены. Рядом было прислонено металлическое корыто. — Посмотри-ка на пол, видишь струйку песка?

— У кого-то гульфик порвался?

— Здесь тащили мешки с песком, и один из них прохудился.

— Они ремонт там, внизу, затеяли, что ли? — пробормотал Гэдж.

— Похоже на то, — помолчав, сказал Гэндальф. — Отводной канал, знаешь ли, тоже надобно поддерживать в надлежащем состоянии.

Они спустились вниз по коридору еще на пару десятков ярдов — и откуда-то спереди потянуло ароматом болота, едкой сыростью и смрадом сточной канавы, смешивающейся с острым запахом горелого масла. Гэдж понял, что еще несколько шагов — и беглецы услышат доносящиеся снизу звуки: стуки лопат и заступов, чавканье черпалок, поскрипывания механизмов, гортанные голоса орков и «козьявок». Идти дальше было опасно.

Орк невольно приостановился.

— Нас заметят, — сказал он. — Здесь мы не пройдем.

Гэндальф быстро обернулся к нему. Как будто ждал этой фразы.

— Надо... попытаться. Я не знаю другого пути.

Гэдж молчал. Какая-то мысль скользнула по дну его сознания, увертливая, как рыба, какое-то давнее воспоминание... Саруман что-то говорил насчет подземелий — там, в лекарской камере, когда вернулся с орочьего праздника... *Кажется, на этих подземельях свет клином сошелся.* Нет, не то, было что-то ещё... Но что? Что? Гэдж не мог вспомнить.

Гэндальф стоял, сторбившись, втянув руки в рукава, как-то разом постарев лет на двадцать.

— Я не зову тебя с собой, Гэдж. Наверно, тебе и впрямь лучше вернуться. Здесь... гибельно.

— Постой...

— Что?

Орк насторожился:

— Кто-то идет.

Они прислушались. Позади, в темном тоннеле, отчетливо слышались чьи-то шаги, скрип деревянных колес, стук по камням грубых сапог — кто-то двигался вниз по коридору от Комнаты-с-колодцем. По стенам замечались блики желтоватого света — шедшие несли с собой факелы. Раздумывать было некогда; волшебник и орк метнулись в ближайшую открытую клетку, притаились там в темноте. Идущие тотчас показались в конце коридора: двое худосочных «козьявок» толкали по неровному полу скрипучие тачки, нагруженные песком, щебнем и кирпичами. Их сопровождала пара уруков: один нес в руках корзину с каким-то инструментом, другой — охалку смоляных факелов.

«Козьявки», тяжело отдуваясь, остановились посередине прохода — как назло, как раз неподалеку от той кельи, где, укрытые темнотой, прятались беглецы.

— Ну, в чем дело, что за заминка? — недовольно рыкнул один из уруков. — Завод закончился, куколки, пружинка сломалась? Подтолкнуть надобно?

— Дай дух перевести, лоб! — проворчал один из «козьявок». — Руки уже до пола

оттянулись... Работа не варг, в ущелье не убежит.

Урук что-то сердито пробурчал сквозь зубы — но спорить не стал. Тяжело переступил с ноги на ногу, позвякивая каким-то снаряжением, принялся, с шумом втянув носом воздух.

— Вот зараза! — пробормотал он. — Вроде человечинной потянуло — или показалось мне? Ты ничего не чувствуешь? — спросил он у своего напарника.

— Нет, — угрюмо отозвался тот, явно думавший о чем-то своем. — Не чую и чуть ничего не хочу.

Первый урук что-то невнятно прорычал под нос, пинком — судя по короткому взвизгу — поднял на ноги одного из «козьявок», тем временем присевшего на корточки возле стены. Тачки натужно заскрипели дальше — но, пройдя чуть дальше по тоннелю, орки внезапно остановились.

— Слушай, — с сомнением заговорил первый, — надо все-таки осмотреться, вдруг беглый «крысюк» или еще шушера какая здесь шарится, то-то там наверху буча поднялась, вестимо, опять какого-то бледнокожего урода ловят. А за пойманного шпиона — слышал? — пять фунтов первосортной ветчины выдают.

— Ладно, — помолчав, неохотно отозвался второй. — Ты справа, я слева. Да нет тут никого, кроме крыс...

И Гэдж с замирающим сердцем услышал тонкий звон клинков, покидающих ножны...

Тачки покатали дальше по тоннелю, а руки сложили свою ношу возле стены и принялись методично шнырять по пустым застенкам, с лязгом и скрежетом распахивая заржавевшие решетки. Того орка, что рыскал по правой, противоположной стороне коридора, Гэдж не боялся: он вскоре прошел мимо, приглушенно бранясь и сипло цедя воздух сквозь сжатые зубы. Но тот, который проверял темницы по левую руку, оказался более дотошным и чуть поотстал, освещая факелом каждый закуток. Гэдж слышал, как он приближается, топая сапожищами: вот он где-то в конце коридора, вот ближе, ближе, вот уже в соседней темнице... Из мрака скользнула рука Гэндальфа, крепко сжала его плечо; Гэдж скорее угадал, чем услышал произнесенное одними губами слово: «Кинжал!»

Да. Гэдж бесшумно сделал шаг влево, ближе к выходу, чтобы оказаться у вошедшего врага за спиной. Он стоял, судорожно прижимаясь к стене, до боли стиснув зубы, и сердце его прыгало в горле испуганной птахой. Попались! Попались! — суматошно стучало в его голове; еще секунда, две — и урук войдет в тесную клеть, где прячутся беглецы, и тогда Гэджу придется броситься на него — стремительно, дабы не позволить ему издать ни звука, — и полоснуть его кинжалом по горлу, разом, чтобы он не успел даже пикнуть. Пустить в ход острое железо — не для того, чтобы вылечить, а для того, чтобы убить... и еще для верности вломить визитеру камнем по темечку... А потом? Что потом? Даже если беглецам удастся завалить этого громилу, то ведь останется еще тот, другой, который ушел вперед — он-то наверняка услышит поднявшуюся возню и успеет смекнуть, что к чему. А затем поднимет тревогу и пустит по их следу свору завывающих визгунов, и тогда их сможет спасти разве что сомнительное гэндальфское колдовство...

Громко лязгнула, отброшенная пинком, дверца решетки.

В темницу ввалился орк с горящим факелом в руке, и Гэдж рванулся вперед — молниеносно, точно развернувшаяся пружина, — готовый нанести врагу разящий удар. Вошедший инстинктивно отпрянул и обернулся, взмахнув факелом, взметнулись собранные в хвост светлые волосы, в неровном желтоватом свете блеснула серьга, вдетая в левое ухо — оравленный в серебро волчий клык.

Гэдж едва успел удержать занесенную для удара руку. Это был Радбуг... Радбуг!

На мгновение их взгляды встретились.

— Ты? — Радбуг замер, пораженный внезапным столкновением, и на секунду в его серых глазах Гэдж увидел отражение собственного бледного, испуганного лица. Его бросило в жар, он не мог ударить кинжалом Радбуга, никак не мог... А нужно было! Или... что? Что?! От неожиданности Гэдж растерялся, как последний дурак...

Удачный момент для нападения все равно был безнадежно потерян. Радбуг уже оправился от изумления; если он сейчас поднимет шум и кликнет своего напарника...

Но орк молчал. Бросил мимолетный взгляд на кинжал в руке мальчишки, на волшебника, который, держа наготове камень, напряжённо застыл возле стены, видимо, тоже захваченный происходящим врасплох... Потом опустил меч, порывисто шагнул вперед и, схватив Гэджа за шиворот, сердито встряхнул, будто нашкодившего кутенка. Зашептал яростно, торопливо:

— Щенок несчастный! Глупец! Какого лешего ты здесь делаешь? — Гэндальфа, настороженно молчавшего в тёмном углу, он словно счел за лучшее и вовсе не замечать... вернее, делать вид, будто не замечает.

— Не выдавай нас, Радбуг! — горячо, захлебываясь от волнения, прохрипел Гэдж; в его смятенной душе затеплилась робкая надежда, что, может, все еще обойдется. — Нам... мне и моему другу... надо уйти. Убраться из Замка — сейчас, немедленно! Чтобы нас не нашли...

Радбуг с присвистом втянул воздух сквозь зубы.

— Дурень! Тогда какого пса вас сюда занесло? Здесь вы не пройдете... Там, внизу, вас заметят.

— А где пройдем? — прошептал Гэдж. Он вдруг вспомнил, о чем говорил ему Саруман — и мысль эта озарила его надеждой, будто блеснувший во тьме луч света. — Это правда, что под болотами существует потайной ход?

— Потайной ход? — В глазах орка мелькнуло изумление: подобной осведомленности он от Гэджа явно не ожидал. — Ты о чем? Первый раз слышу, — скороговоркой процедил он.

Сердце Гэджа оборвалось. Когда Радбуг солгал — тогда или сейчас?

— А Шарки ты говорил совсем другое.

— Шарки! Так вот откуда ты узнал! — Радбуг по-прежнему не сводил с Гэджа подозрительного взгляда. — Даже если такой ход и существует... негоже тебе туда соваться. Неладно там, парень... и пусть тайны Замка остаются для тебя всего лишь мрачными тайнами. Поверь словам человека... вернее — орка, который во всяком случае не желает тебе зла. *Тебе*, — он особенно подчеркнул последнее слово, — лучше вернуться.

— Я не один, — спокойно заметил Гэдж. Он по-прежнему не мог понять, почему Радбуг держит себя так, словно, кроме Гэджа, в упор никого не видит. Или Гэндальф для него — так, не человек, презренный «крысюк», пустое место?

— Ты — один, парень, — так же спокойно, бесцветно возразил орк, голос его не выражал никаких чувств. — Запомни, если хочешь выжить: здесь, в Крепости — ты всегда и всюду *один*. Каждый — за себя.

— Нет. Это неправильно, Радбуг.

— Здесь все неправильно, парень.

— Эй, Радбуг, ты где? Ты чё там застрял? По нужде, что ли? — раздался из коридора сиплый голос другого орка, и до Гэджа донесся глухой ленивый топот приближающихся

шагов. — Нашел чего?

— Ничего. Говорил я, нет тут никого, кроме крыс. Плакала твоя ветчина... Иду! — Радбуг пнул подвернувшийся под ногу камень, и тот со звоном ударился о железную решетку. — Подземный ход ищи в пещере шаваргов, — хрипло бросил он Гэджу через плечо, — но помни: я тебя предупредил. Тебе лучше вернуться. Удачи, паря!

И, унося с собой свет, он вышел из темницы, прикрыв за собой лязгнувшую решетку, догнал ушедшего вперед напарника — и вскоре удаляющиеся шаги орков стихли где-то за поворотом коридора.

***

— Этот орк, как ты его называл — Радбуг... ты, значит, в нем уверен? По-твоему, он нас не выдаст? — спросил Гэндалф. Они торопливо шли обратно, к Комнате-с-колодцем, чтобы попытаться счастья в одном из соседних тоннелей. — Не продаст нас... за кусок ветчины?

— Не продаст, — пробормотал Гэдж. — Радбуг — не из таких, чтобы кого-либо «продавать», поверь.

— Не из «таких»? — Волшебник бледно улыбнулся. — А из каких?

Гэдж не сразу нашелся, что на этот вопрос ответить.

— Он — полукровка, если ты заметил.

— Заметил. Из Рохана, надо полагать?

— Угу...

В Комнате-с-колодцем Гэдж на секунду остановился — следовало отыскать нужный проход из множества расходящихся в разные стороны черных, слепых, одинаково сырых и мрачных тоннелей. *Подземный ход ищи в пещере шаваргов...* Ну да. Гэджу не слишком хотелось туда соваться, но он помнил, что за обиталищем шаваргов пещера не заканчивается, и оттуда, из глубины подземелья, тянет едва заметным зловонным сквозняком... неужто там действительно есть другой выход?

— Что ж, — пробормотал волшебник, — орки, живущие в Туманных горах, частенько совершают набеги на деревушки в предгорьях — пограбить, поживиться на дармовщинку, да и просто погулять-покуражиться. Потом на свет нет-нет да и появляются такие вот полукровки... Житуха, надо признать, этих бедняг не балует, в родных деревнях ни им, ни их несчастным матерям житья, как правило, не дают.

— Поэтому от них пытаются избавиться сразу после рождения?

— В подавляющем большинстве случаев — да... Лишь некоторым, вот как этому твоему Радбугу, все-таки удается выжить — скорее вопреки, нежели благодаря судьбе. Орки, надо признать, таких полукровок тоже не очень-то привечают: как ни крути, всюду они чужие, «порченые», отверженные, лишённые всяких прав. Обычно им тяжело вписаться в жизнь племени и добиться каких-то привилегий, так что твоему Радбугу, судя по всему, в этом отношении некоторым образом повезло. Постой...

— Что такое?

— Там, впереди... — Гэндалф стоял, держась рукой за стену, вытянув шею, будто встревоженно к чему-то приносиваясь. — Что-то... очень нездоровое. Какая-то бесформенная, извращенная магия...

— Это шаварги, — глухо сказал Гэдж. — Они в клетках, бояться нечего. Идем.

На повороте горел одинокий факел. Подземная каверна была погружена в полумрак,

полнившийся, как всегда, поскуливаниями и пофыркиваниями; где-то чуть дальше кто-то чем-то негромко похрустывал, не то сухой соломой, не то чьими-то костями. Шаварг, живший в ближайшей клетке, при виде беглецов издал глухой недовольный рык; он сидел на корточках у дальней стены, опираясь в пол длинными передними лапами, и, нагнув шишковатую голову, пристально следил за незваными пришельцами свирепыми, утопленными глубоко подо лбом мутными глазками. Густой смрад мускуса, падали и несвежей крови, висевший в подземелье, забивался в легкие, как прелые тряпки.

— Превеликий Эру! — пробормотал Гэндальф. — Что это за странные твари?

На лице его выразилось изумление, смешанное с ужасом. Он остановился возле ближайшей клетки — и под взглядом мага её хозяин-шаварг как будто съежился, отпрянул, подтянул под себя лапы; и в то же время из глотки его вырвался тихий рык, а в красноватых глазках мелькнула такая ненависть и неукротимая злоба, смешанная со страданием, что Гэджа бросило в жар.

— Идем отсюда! Скорее! — взмолился он; его шатало и тошнило от присутствия этих жутких, искаженных, перекроенных невыносимой магией созданий. — Нечего тут разглядывать!

— Идем, — эхом отозвался Гэндальф. Они торопливо пробежали меж рядами застенков, чьи обитатели, конечно, тотчас почуяли чужаков; и по сторонам, в железных клетках, зарычало, заскулило, завывало чудовищное саураново воинство, точно решив проводить беглецов нестройным и несусветным хором. Каменные клетки наконец сошли на нет (несколько последних были пусты, хотя, судя по разбросанным по полу костям, лишились своих обитателей совсем недавно), но подземелье уходило дальше, во тьму, и сквозняк, сочащийся здесь вдоль стены, отчетливо пах сыростью, гнилью и болотным духом.

— Куда ведет эта нора? — на бегу спросил Гэндальф. — Тебе что-нибудь об этом известно?

— Только то, что она выходит куда-то за болота, — отозвался Гэдж. — Собственно говоря, я совершенно случайно узнал о её существовании.

— Гм. И, по-твоему, это надежный путь?

— А тебе известен другой?

Гэндальф промолчал. Где-то далеко над Замком промчался знакомый тоскливый вопль, словно царапнул ножом по свежей ране — и волшебник поёжился...

Свет факела уперся в выступившую из мрака полуразрушенную кирпичную стену.

Когда-то она, очевидно, перегораживала узкий проход наглухо — но теперь кирпичи с краю осыпались, и в узкую щель тянуло едва заметным потоком воздуха. А также странным, затхлым, жутковато-тухлым запахом лежалой падали, как из заброшенного подвала старой живодерни.

— Ого, — пробормотал Гэндальф. Он посветил в трещину факелом — но впереди был все тот же темный тоннель, уходящий чуть вниз, всё те же сырые стены, все та же ватная тишина и чернильный мрак.

— Не нравится мне это место, — задумчиво сказал маг.

Гэдж молчал. Место это было ничуть не темнее прочих подземельных нор, но ему тут тоже не нравилось — казалось, будто там, в глубине тоннеля, скрывается что-то неведомое, опасное, что-то такое, от чего обитатели Замка отгородились когда-то глухой кирпичной стеной.

Гэндальф рассеянно подергал бороду.

— Что ж, видимо, придётся рискнуть... — Он быстро взглянул на Гэджа. — Ты со мной?

— А ты хочешь, чтобы я вернулся? — хрипло спросил орк.

— Я — нет, — мягко сказал маг. — Но я вижу, что ты сомневаешься, дружище... А, если сейчас ты решишь пойти со мной, обратного пути для тебя уже не будет.

Гэдж стоял, опустив голову, не зная, что делать, разглядывая носки грязных сапог — но на них, увы, не было написано правильного решения. Кажется, именно этого момента он боялся больше всего. Если бы он мог хоть что-то предвидеть, если бы знал точно, когда вернется Саруман... да и вернется ли вообще? Эта последняя мысль явилась совершенно неожиданно и будто окатила орка ведром студеной воды. А что, если с учителем что-то случилось? Ну, пусть он невосприимчив к гнилой лихорадке, но мало ли других опасностей может подстергать беззащитного, в сущности, старика, в этом диком и неправильном, недружелюбно настроенном, вывихнутом мире? Старика, лишённого Силы, закованного в ошейник, совершенно одинокого — ведь у него здесь никого нет, кроме Гэджа...

Орка бросило в холодный пот. Что же делать?!

Где-то позади, в пещере, заволновались, зарычали, заскулили притихшие было шаварги, загремели цепями, заскребли когтями по каменному полу. Вновь поднялся шум, гам и вой... Что это — погоня? В подземную тюрьму-каверну, смущая обитателей, явились орки? Или некто другой, в плаще и камзоле — некто грозный и внушающий трепет, облеченный страхом, как черным одеянием, скрывающий голову под капюшоном, но при этом забывший надеть лицо? Или у тварей просто случилось время обеда?

Гэндальф с тревогой бросил взгляд через плечо. Схватил Гэджа за руку.

— Нет времени на раздумья. Идём.

***

Битый камень, которым был вымощен пол, вскоре сошел на нет. Под ногами ощущалась скользкая, мокрая глина; потолок опустился, навис низко над головой, сочась тягучими, как слюна, каплями влаги. От стен пахло сыростью; тоннель чуть заметно шел вниз, и откуда-то спереди по-прежнему поднимался неприятный запах разложения — точно где-то в темноте мирно гнила парочка духовитых трупачков.

— Какое странное место, — пробормотал Гэндальф. Пробравшись сквозь трещину в кирпичной стене, беглецы прошли, по-видимому, полторы-две сотни ярдов в глубину подземелья и, по прикидкам Гэджа, должны были находиться где-то под наружной крепостной стеной, если не дальше. — Но, кажется, ты был прав — это действительно какой-то подземный путь, ведущий из Замка прочь.

— Он заброшен, — пробормотал Гэдж, — но не разрушен и не затоплен болотной водой... Нам повезло.

— Везение тут ни при чем. — Волшебник, помолчав, коротко усмехнулся. — Это не простой ход, друг мой... Он не заступом проложен, не киркой и не лопатой. Здесь все вокруг напитано магией — и не сказать, что магией доброй и безобидной... Разве ты этого не чувствуешь?

Гэдж плотнул. Да, теперь, после слов Гэндальфа, он наконец сумел подобрать определение смутному чувству, которое не отпускало его с того момента, как беглецы миновали кирпичную стену — это было ощущение неясной, давящей угрозы, исходящей из

тмы. Где-то здесь, совсем рядом, словно свирепый зверь, залегший в засаде, таилась неведомая опасность, копился тугой, пульсирующий клубок древней злобы, выжидало момента нечто жуткое, нечеловеческое, невообразимое, нечто совершенно *запредельное* — порождение мрачного подземельного мира, глубоко чуждое тому, «верхнему» миру света и ветра. Опустив руку, Гэдж сжал ладонью рукоять кинжала — она была не горячей, но все же ощутимо теплой, орк особенно хорошо почувствовал это обожженной кожей.

Время от времени он прислушивался к себе — но ощущение ледяной паучьей руки, с неторопливой уверенностью подбирающейся к сердцу, больше не возвращалось. Неужели, спрашивал себя Гэдж, погоня потеряла наш след, и никакие назгулы в пещере шаваргов не появлялись? Или преследователи злонамеренно предоставили беглецов самим себе, зная, что они сами себя загнали в ловушку, и другого выхода из этой подземельной норы нет?.. Холодная, вязкая капля — не то вода, не то слизь — внезапно упала орку на шею, и, вздрогнув, он поднял факел повыше, освещая низкие своды. Оттуда свисало непонятного происхождения спутанное вервие — или тягучие, как расплавленное стекло, белесоватые отростки, или шматья подсыхающей слизи, или еще что-то другое, не имеющее названия, еще более странное, непонятное и отвратительное.

— Силы небесные! Это еще что за мерзость?

— Не знаю... Посмотри-ка сюда.

Волшебник посветил факелом вперед. Гэдж поднял голову — и остолбенел... Потолок в этом месте был покрыт невероятным количеством серого, мутного вещества, цветом и консистенцией похожим на студень или овсяный кисель, медленно стекающим на пол и лениво застывающим в этом вязком стекании. Белесые нити толщиной с палец, сплетающиеся в тяжелые, неподвижно висящие стеклянистые фестоны, заполняли всю верхнюю часть тоннеля, и от них шел дурнотный, наводящий на мысли о разверстой могиле гнилостный запах.

— Эт-то еще что такое? — запинаясь, пробормотал Гэдж. — К-как будто... червеоборотень тут высморкался... или гигантский слизняк...

— Это какая же тварь оставила здесь такой след, хотел бы я знать, — хмуро отозвался Гэндальф, — вернее, *не* хотел бы.

Гэдж осторожно резанул кинжалом пару «нитей»: попав под лезвие, тугие сырые волокна лопнули и скукожились, повисли под потолком зловонными рваными лохмотьями. Орк оглянулся на Гэндальфа, ожидая от мага хоть какого-то объяснения, но волшебник молчал; если он и сделал из увиденного какие-то выводы, то делиться ими со спутником определенно не торопился. Не хотел меня напугать? — мрачно спросил себя орк. Щадил мою хрупкую неокрепшую психику? Опасался вызвать новый приступ паники? Поздно; видит Творец, я и без того уже достаточно напуган.

Света в конце тоннеля и впрямь не предвиделось. Коридор теперь ощутимо тянулся вниз, и в стороны то и дело ответвлялись боковые ходы — или, скорее, не ходы, а отнорки или лазы, беспорядочно пробуравленные в стенах, как дырки в сыре: их черные кривые пасти темнели то у поверхности пола, то посередине стены, то высоко вверху, почти под самым потолком. Во многих местах на стенах поблескивали пятна буровой слизи, а со сводов свисали потеки подсыхающего «студня»; от резкого запаха болота и чего-то сладковато-едкого, похожего на тошнотворный дух созревающего сыра, начинала кружиться голова, и ноги становились чужими, тяжелыми, словно набитыми мокрым песком — приходилось волочить их за собой с усилием, как постылый балласт. Потом в пятно света

попало нечто совсем уж загадочное: множество гладких, грязновато-серых шаров размером с добрую тыкву, которые плотно лепились друг к другу, занимая поверхность пола и часть соседней стены по левую руку, оставляя справа лишь узкую труднопроходимую тропку. Шары были чуть неправильной, удлиненной формы, каждый — с мутноватым пятном в центре, залитые с верхом плотной студнеобразной массой. На что-то это диковинное образование было похоже, на что-то очень знакомое из той, давней, наземной жизни, но Гэдж никак не мог вспомнить, на что именно...

— Какие забавные штуки, а? — Орка опять против воли разбирал нервный смех: он был уверен, что эти странные шаровидные формы таят в себе нечто неопишимо жуткое и опасное, и это обстоятельство вызывало у него необъяснимый припадок лихорадочного веселья. — Что это, по-твоему, за невидаль, а?

Волшебник несколько секунд молчал, прежде чем ответить. На щенячий восторг спутника он внимания не обращал (или делал вид, что не обращает), наконец неохотно разжал губы:

— Тебе, конечно, приходилось видеть лягушачью икру, Гэдж?

— Лягушачью икру? — Так вот что напоминала Гэджу эта причудливая желеподобная масса! — Ты думаешь, это... *кладка*, что ли?

Его будто ударили обухом по затылку...

Он вдруг увидел себя со стороны: только что он корчился от дурацкого смеха, а сейчас стоит, жалко раззявив рот, готовый постыдно завопить от страха, пораженный, как громом, неожиданным открытием наповал. Он пригляделся к мутному пятну в центре ближайшего шара-яйца, и нашел некоторое определенное сходство с крохотным, съезжившимся, поджавшим ножки к брюшку паучком. Разом вспомнилась тварь, напавшая на него на краю болот: вздутое щетинистое брюхо, невнятная морда, пучок неряшливо торчащих щупалец...

«Гуулы». Логово «гуулов» — вот куда они забрели!

Радбуг пытался предупредить его о том, что в подземном ходе «неладно», но знал ли сам Радбуг о том, что ход ведет прямехонько в «колыбель» этих болотных тварей? *«Не ходи туда. Тебе лучше вернуться...»*

Гэдж со стоном привалился спиной к стене. Ему стало нехорошо.

— Нам... не стоило сюда идти, — через силу прохрипел он; слова, вязкие и бессильные, выдавливались сквозь зубы неохотно, как чересчур густое стекло. — Здесь опасно... надо вернуться!

— Поздно, — равнодушным, невыразительным тоном откликнулся волшебник. — Наверное, в Башне уже известно, каким путем мы ушли... Для меня, во всяком случае, обратной дороги нет.

— Ты знаешь, что это за место?

— Догадываюсь, Гэдж.

— Нам отсюда не выбраться! Ни за что, никогда!..

Колени его подогнулись.

Он не знал, что заставило его произнести последние слова, но на него вдруг глыбой обрушилось отчаяние — неодолимое, беспросветное; и опустились ниже глухие осклизлые стены тоннеля, и надвинулись тяжело, страшно, и облепили Гэджа мокрой глиной, и загустели вокруг него липкой тьмой, сдавили грудь, забились в горло и в нос, не позволяя сбросить их с себя, выпрямиться, вздохнуть. Какая-то обессиливающая, необъяснимая усталость навалилась на него, безучастность, безразличие ко всему — да пропади оно все к

лешему, сказал он себе. Ноги вконец отказались ему служить, и он со стоном сполз по стене, скорчился на грязном полу — и не мог встать, не мог поднять головы, не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, не мог больше ни о чем думать, тревожиться, волноваться — хотелось одного: лечь и обо всем забыть... ничего не видеть, не слышать... отдаться на милость Творца... закрыть глаза... заснуть... умереть...

— Гэдж, — негромко позвал из темноты Гэндальф; голос его был чуть слышен, едва перекрывая осторожное потрескивание смоляного факела. — Расскажи мне о Фангорне, Гэдж. Сейчас.

Орк судорожно мотнул головой. Вот оно, началось, мельком подумал он: Гэндальф сошел с ума...

— Я... не могу, — он тяжело, со всхлипом втянул в легкие воздух; в его пересохшем рту совсем не осталось слюны, и, сглотнув, он ощутил лишь беспомощные колючие спазмы, остро сжимающие гортань. — В горле пересохло...

Волшебник, опираясь рукой о стену, пристально, не моргая, смотрел на него.

— Расскажи о том, Гэдж, — негромко произнес он, — как шумит под ветром листва старого леса, поют птицы, и солнечные лучи пронизывают лесной сумрак подобно светящимся столпам... Расскажи о криках чаек на берегу Андуина. О солнечном летнем дне. Вспомни, как волны набегают на берег, и как шумит ветер в кронах сосен, и как прекрасен закат над скалистыми вершинами Туманных гор...

— Не могу, — Гэдж закрыл лицо руками. — Я не могу этого вспомнить, не могу! Ничего этого... нет!

— Посмотри на меня, — велел Гэндальф.

Медленно, словно преодолевая невидимое сопротивление, орк поднял голову и встретился с волшебником взглядом... Посмотрел мага в глаза — измученные, ввалившиеся, озаренные изнутри ясным ровным сиянием: так грязный, покореженный, нещадно битый жизнью светильник хранит в себе частицу яркого и чистого, всепобеждающего огня — неугасимого огня веры, жизнелюбия и надежды.

— Гэдж, — хрипло произнес Гэндальф, — мы забрели в дурное, очень дурное место — это правда. Здесь — вотчина холодного Мрака, настоящее логово Тьмы, средоточие древнего первозданного Зла... я пока еще стараюсь сдерживать его натиск, не позволить ему окончательно раздавить нас, убить в нас стремление к жизни, но сил у меня не так уж и много... Мы погибнем, если ты мне не поможешь, дружище. Мне необходима твоя поддержка, Гэдж, твое твердое теплое плечо, мне не справиться с этой Тьмой без тебя... Мне нужно знать, что мы *вместе*. Пожалуйста, дай мне руку.

Он по-прежнему говорил ровно, спокойно, сдержанно, не приказывал, не требовал — но было в его голосе что-то такое, чему невозможно было не подчиниться. И Гэдж заставил себя отозваться... он двигался, как во сне, преодолевал Тьму в себе и вокруг, как преодолевают сногшибательный порыв ветра — медленно поднял руку, тяжелую, точно свинцовая болванка, нетвердо подал магу ладонь... и Гэндальф сжал её, стиснул крепко и порывисто, по-дружески горячо. И живительное тепло пробежало по жилам Гэджа, вливая в него иссякающие силы, отогревая застывшее сердце, изгоняя безвольное оцепенение, отчаяние и проникающий в душу болезненный гнойный морок. Неуверенно, придерживаясь свободной рукой за стену, он поднялся... выпрямился на подгибающихся ногах, чуть пошатываясь, точно хмельной...

— Вот так. Молодец, — хрипло сказал маг, и голос его чуть дрогнул, в нем сквозь

тревогу и усталость скользнула неожиданная ободряющая теплота. Он по-прежнему не отпускал руку Гэджа, точно боялся порвать какую-то возникшую между ними невидимую ниточку, и ладонь мага была крепкой и надёжной, точно каменная опора для отчаявшегося, уже потерявшего дно под ногами тонущего человека. — А теперь — идём.

И они пошли. Вперёд — в клубящуюся в тоннеле холодную студенистую тьму.

Впрочем, не миновали они и полусотни шагов, как Гэндальф опять остановился.

— Что такое? — прошептал Гэдж, заметив, как волшебник вздрогнул. Но Гэндальф только небрежно бросил через плечо:

— Ничего.

Все же орк понял, что привлекло внимание мага: чуть в стороне, в лохмотьях не то паутины, не то высохшего «студня», смахивающего на паутину, лежал на полу проломленный череп, судя по сохранившимся остаткам зубов — человеческий. Тут же рядом, в неопрятном коконе сухих волокон желтела груда костей — тоже явно не крысиных.

— Эге! — пробормотал Гэдж. — Кажется, не мы первые пытались улизнуть этой норой...

— Не смотри туда, — буркнул Гэндальф. Он стоял, склонив голову к плечу, к чему-то прислушиваясь; на лице его было написано беспокойство. — Там кто-то есть. Позади.

Орк поспешно обернулся. Ничего. Чернота. Тишина — только где-то чуть в отдалении с глухим стуком падают с потолка капли болотной влаги. И все же там, в пустоте затхлого мрака совершенно ясно угадывалось чье-то присутствие — не орков, не шаваргов, не назгулов... кого-то *иного*. Одной из тех тварей, что некогда напала на Гэджа на краю болот?

Орка охватила невольная дрожь. Ощущение исходящей из мрака холодной угрозы стало настолько острым, что буквально валило с ног, но То, Что Явилось Из Тьмы, покуда не приближалось: оно затаилось там, в глубине тоннеля, словно изучая незваных пришельцев, прикидывая, насколько они опасны — или выжидая подходящего момента для нападения? Странные утробные, хлюпающие, булькающие звуки, перемежаемые присвистом и липким шорохом, коснулись слуха беглецов — точно по узкому проходу двигалось, подволакиваясь, нечто колоссальное, покрытое слизью, а потом, внезапно, в свете факела мелькнуло что-то огромное, бесформенное, черное, как клякса, чернее окружающей тьмы; мелькнуло — и тут же пропало, растворилось в подземельной неизвестности, будто морок.

Гэдж охнул.

— Ты видел? Что это?

— Хозяин подземелья, по-видимому, пришел поздороваться, — помолчав, отозвался Гэндальф, — или, скорее, хозяйка. Кто-то же откладывает здесь эту «икру».

Волшебник говорил об этом так невозмутимо, точно ему каждый день приходилось «здороваться» с причудливыми подземельными существами, но Гэдж в дружелюбие явившейся из темноты твари не слишком-то верил. Он осторожно нащупал возле стены длинную палку — обломок копья, брошенный, судя по всему, предыдущим беглецом, которому это жалкое оружие не сильно-то помогло.

— Почему она не нападает?

Волшебник пожал плечами.

— Не хочет. Может, она пришла просто полюбопытствовать, кто это тут шарится... Или побаивается нападать — нас все-таки двое... Или чувствует...

— Что?

— Меня, — буркнул Гэндальф. — Ладно, не будем обижать животное, может, это создание на самом деле безобиднее коровы. Не нужно его дразнить... Пойдем, надо поискать выход отсюда.

— По-твоему, отсюда есть выход? — сдавленным голосом спросил Гэдж.

— Те тварюшки, что здесь плодятся, как-то все же выбираются на болота. Значит, выход должен быть, надо его только найти...

— С этим... чудищем за спиной? А если оно осмелеет? И все-таки решит попробовать нас на вкус?

— Что ж, вполне возможно, что и решит... Интересно, чем эта тварь вообще тут промышляет? Теми «гуулами», которые возвращаются к «мамочке» оставить потомство? Или все-таки выползает иногда на поверхность? Во всяком случае, если она не питается пыльцой и нектаром, то по свежей кровушке должна была соскучиться изрядно...

— Звучит очень утешительно. Её привлекает свет наших факелов?

— Вероятно, да. А может, она ориентируется по звуку или по исходящему от нас теплу... Слышишь?

Они замерли, прислушиваясь. Гэдж сжимал в одной руке кинжал, в другой — обломок копья.

Странные чавкающие, чмокающие звуки доносились из тьмы, точно некий великан, облизываясь, непрерывно шлепал липкими, влажными губами. Тварь пряталась где-то рядом... и, кажется, размерами действительно была не меньше коровы. Гэндальф поднял факел чуть повыше, и желтоватый дрожащий свет выхватил из мрака суетливое движение — на мгновение Гэджу показалось, будто из глубины тоннеля на них движется клубок огромных извивающихся змей. Подсознательно он ожидал увидеть, пожалуй... что? Гигантскую многоножку, жабу, мокрицу, исполинского паука? Но то, что скрывалось во мраке, не было пауком... Складчатый кожистый мешок множества шевелящихся, малых и больших щупалец, в гуще которых скрывалась заросшая бородавчатыми наростами безглазая морда, трубчатая пасть с рядом тонких игольчатых зубов, беспрерывно смыкающаяся и размыкающаяся; ряды и ряды мясистых пульсирующих присосок — вот что за чудище внезапно вывалилось из тьмы, страшное и огромное, точно дом. Гэдж остолбенел; едва соображая, что делает, он инстинктивно встретил жуткую тварь древком копья. Одно из щупалец ухватило жалкую палку, и гнилое дерево тут же с треском переломилось, будто сухой тростник — но, прежде чем Хозяйка успела добраться до Гэджа, Гэндальф достал её бородавчатую, заросшую кожистыми отростками морду горящим факелом.

Издав злобный отрыжистый звук, тварь отпрянула, но тотчас из мрака метнулось другое щупальце и мощным ударом отшвырнуло волшебника прочь, как соломенную куклу, он отлетел куда-то к стене, сметая полузасохшие шматля «студня». Гэдж не успел даже вскрикнуть; в следующий миг что-то мертвой хваткой захлестнуло его лодыжку и рывком опрокинуло на пол. Орк увидел над собой бесстрастную бородавчатую морду — и с отчаянием воплем полоснул по ней кинжалом.

И, кажется, попал — в лицо ему брызнула смрадная черная кровь, смешанная с зеленоватой пеной. Хозяйка яростно заклокотала, но добычу не выпустила; щупальце её сжимало щиколотку орка с такой силой, что, казалось Гэджу, кость его сейчас переломится, как та несчастная палка. Все случилось очень быстро, и застало орка врасплох; он наобум размахивал перед собой кинжалом, ничего не видя и не слыша, полумертвый от неожиданности, боли и ужаса. Факел он выронил, и тот, упав в мутную лужу на полу, едва тлел, освещая блеклым мерцанием темное складчатое брюхо твари, покрытое кое-где пучками редкой щетины, непрерывно вздувающееся и опадающее, бесформенное, как ополовиненный кожаный бурдюк; оно заканчивалось коротким трубчатым яйцекладом.

Тварь волочила Гэджа по полу, стремясь подмять под себя и удавить гнусной тушей, злобно клопоча, хрипя и булькая, точно огромный котел с кипящим варевом...

Рядом что-то ослепительно вспыхнуло.

— Пошла вон, гадина! — негромко сказал Гэндальф.

Волшебник подоспел вовремя, в его руках дрожало и билось яркое белое пламя, обретая форму сферы; мерцающий шар стремительно вырос, налился мощью, достиг размеров хорошей тыквы: опасный, пылающий холодным огнем серебристый шар. Хозяйка отпрянула, шарахнулась в сторону, подтянула свои отростки, но с добычей все же не расставалась; тварь, казалось, раздумывала, не зная, что делать — напасть или отступить, — её жуткая безглазая морда съежилась, как-то втянулась внутрь себя, словно желая отодвинуться от серебристого шара как можно дальше. Щупальца пришли в хаотичное, беспорядочное движение, сплетаясь, точно клубок разъяренных змей — и плененную ногу Гэджа сдавило точно в стальных тисках... Огонь в руке волшебника засиял ослепительно, как звезда, и Гэдж с отчаянным хрипом полоснул по щупальцу кинжалом — изо всех сил, раз, другой, третий! — и его наконец отпустило; он повалился навзничь, слепой и глухой от боли и пережитого ужаса, не ведая, что станет с отвратительной тварью, да и не желая о том ведать...

— Убирайся в Удун, где тебе место! — Голос Гэндальфа звучал властно и твердо, но лицо было страшно искажено — или просто казалось таким в свете яростного волшебного пламени? Он вскинул руку — и серебристый огонь хлынул на Хозяйку, мгновенно охватив её всю, от головы до кончиков вышедших из повиновения щупалец. Еще мгновение она стояла, застыв на месте — чудовищный невообразимый факел — а затем, обезумев, метнулась прочь, бросаясь из стороны в сторону, судорожно взбрасывая извивающиеся щупальца, поджигая свисавшие с потолка стеклянистые потеки «студня». Волокнистые, ещё влажные, они вроде бы не должны были гореть, но горели, пожираемые неугасимым волшебным огнём, причудливо скручиваясь, извиваясь в серебристом сиянии, будто клубки издыхающих змей, и при этом почти не давая дыма. Еще минута, другая — и в тоннеле не осталось никого и ничего, лишь сизые обугленные остатки студенистых «клякс» жалко пятнали стены, осыпаясь на пол серыми хлопьями пепла... Гэндальф пошатнулся и устало привалился плечом к стене.

— Гэдж! — позвал он. — Ты как?

Никак, вяло подумал орк.

Преодолевая головокружение, он медленно приподнялся и сел, подтянув колени к животу. Судорожно глотнул. Открыл рот — и понял, что не сможет издать ни звука, голос попросту отказывался ему повиноваться. Да и слов не было — никаких, даже самых дурацких.

— Все... в п-п... порядке, — выдавил он наконец шепотом и через силу. Наверное, надо было улыбнуться в ответ и сказать что-нибудь бодрое, легкое, остроумное, как-нибудь непринужденно пошутить (Великий Творец, ну помоги мне родить что-нибудь бодрое и остроумное, вот прямо сейчас!), но его бестолковый язык будто присох к нёбу, а Творец, как обычно, был глух к просьбам презренных смертных... Волшебник подошел к нему, прихрамывая, держась рукой на стену, схватил Гэджа за плечо, торопливо осмотрел с головы до ног, на секунду задержался взглядом на подрагивающем на полу отрубленном щупальце.

— Слава Эрú, ты, кажется, цел... — Он тяжело переводил дух, потирая ладонью ушибленное плечо. — Я уж испугался, что эта красotka тебя задушит... надо признать, мы

ещё дешево отделались...

— Что... это за тварь? — пробормотал Гэдж; голос его наконец пришел к повиновению, но по-прежнему постыдно дрожал и срывался до хрипоты. — Откуда она... здесь?

Гэндальф покачал головой.

— Не знаю. Глубины Удуна порой могут рождать самых невообразимых чудовищ... Нет, это не Саурон её прикормил — думаю, она уже давно была здесь, спала в недрах земли, погруженная в забытие, и приход Саурона лишь пробудил её ото сна. Это... частица очень древней магии, мрачной и первозданной, и я... мне... в общем, мне немало сил потребовалось на то, чтобы её прогнать. Но уж если в Башне до сих пор питали какие-то сомнения касательно избранного нами пути, то теперь их, конечно, не осталось совсем.

Гэдж всхлипнул. Огромное, толщиной с руку, пусть и отсечённое щупальце до сих пор крепко сжимало его ногу, и орк, сдерживая дрожь, закусив рукав куртки, чтобы подавить рвотные позывы, долго, целую вечность рубил его кинжалом, рассекая на части. Даже сейчас, стоило прикоснуться к мясистым буроватым присоскам лезвием ножа, они начинали конвульсивно сокращаться, сжимаясь и разжимаясь, точно разинутые в беззвучном крике немые рты, — а на коже потом долго, напоминая о силе их хватки, сохранялся ряд огромных синяков, будто следы от ударов увесистого круглого молотка.

— Радбуг... Радбуг говорил мне, — глухо пробормотал Гэдж, — что глупо считать жизнь законченной, пока ты не попал в лапы к Мёрду.

Гэндальф возился где-то во мраке с огнивом и трутом, пытаясь запалить запасной — последний — факел прежде, чем окончательно погаснет дотлевающая головешка.

— Он безусловно прав, этот твой Радбуг. А я еще и слыхивал пару раз пословицу о том, что дорогу осилит идущий... Но нам придется беречь свет, я сейчас магией и свечку не смогу зажечь...

— Мы выберемся отсюда, как по-твоему?

— Выберемся, Гэдж.

— А, — орк запнулся, оглянулся назад, в глубину темного тоннеля, — ну... *эта*? Ты уверен, она больше не вернется?

— Уверен. — Факел в руках волшебника наконец вспыхнул, разогнал по углам назойливый мрак. — Она сгорела в пламени чистого света, как и, надеюсь, её гнездо.

— А если она тут не одна?

— Что ж, может, и не одна. И где-то в этом лабиринте наверняка припрятаны и другие кладки, но нам о них, слава Творцу, ничего не известно... Ты сможешь идти?

— Кажется, да, — прохрипел Гэдж; раненная нога болела, но, по крайней мере, служить не отказывалась. Наступать на неё было неприятно, но вполне терпимо.

— Тогда пойдём.

Дальнейшее сохранилось в памяти орка неясно: куцыми бесформенными обрывками, как дурной сон.

Откуда-то из глубины подземелья тянуло кислой вонючей гарью... Темный, длинный, как утроба земляного червя, узкий коридор казался бесконечным. «Нас проглотили, — мрачно размышлял орк, — а теперь медленно переваривают... и мы будем плестись по этой вонючей кишке до тех пор, пока не вывалимся на другом конце комочком дерьма... да и вывалимся ли вообще?» Хозяйка не возвращалась, и ничто живое, если оно здесь было, никак не давало о себе знать, но тоннель совершенно не желал заканчиваться, и Гэдж брел, с трудом передвигая ноги: тяжелые болотные испарения (или что-то другое), которыми был

напитан воздух, вызывали дурноту и сонливость, желание лечь и обо всем позабыть, отдаться благотворному (благотворному ли?) забвению; лишь усилием воли орк заставлял себя раз за разом встряхивать застывающее сознание. «*Расскажи мне о Фангорне, Гэдж...*» Нет, не было на свете ни Фангорна, ни Андуйна, ни Изенгарда, лишь черная нескончаемая нора, источающая грязь и зловоние; миновала вечность, и Гэдж всерьез начал опасаться, что они заблудились, потерялись в темноте и безвременье, что подземелье не имеет ни начала, ни конца, а тоннель водит их по кругу: по одним и тем же кучам мокрой глины, по мутным лужам, по углам и закоулкам, обвешанным шматьями не то паутины, не то высохшей слизи. Боль в поврежденной голени то затихала, то вновь начинала вонзаться в плоть раскаленной иглой, и орк брел как в полубреду, переставляя ноги чисто механически, лишь потому, что Гэндальф безжалостно тащил его вперед, временами подталкивая в бок. Гэдж грезил наяву, ему мнилось, что он — там, наверху, на приволье Андуйна, в рыбацкой лодке Радагаста: низко парят над рекой пронырливые чайки, в отдалении, на крутобоких береговых холмах, шумят под ветром суровые сосны, лениво покачивается на воде пробковый поплавок — и, в такт легкому плеску волн о просмоленные борта, лодка тоже неторопливо покачивается, как уютная колыбель, дарующая усталому существу покой и отдохновение — покачивается... покачивается...

Очнулся он от того, что кто-то плеснул ему в лицо холодной водой.

Он фыркнул и закрутил головой; несколько секунд понадобилось ему на то, чтобы обнаружить, что он вовсе не упал с лодки в реку, а сидит возле стены темного тоннеля, и Гэндальф, склонившись над ним и держа в руке открытую флягу, встревоженно заглядывает ему в лицо.

— Приди в себя, Гэдж, друг мой. Я нашел выход. Смотри.

Волшебник указывал куда-то вперед — там, чуть в отдалении, маячило рваное светлое пятно — мутно-белое, сероватое, но Гэдж зажмурился, чуть ли не ослепленный. Это был свет... Дневной свет! Перед взором Гэджа всё как-то странно расплылось — вероятно, оттого, что глаза его уже совершенно отвыкли воспринимать что-либо, кроме темноты подземелья.

Свет. Простор. Свобода.

Простые, незатейливые сокровища, которые являют свою незаменимую ценность лишь тому, кто был их так долго лишен. Сквозь узкую дыру в земле беглецы выбрались под серое безотрадное небо, под жидкое осеннее солнце — тусклое мутное пятно в завесе тумана, цветом похожее на рыбе брюхо, — и несколько минут лежали на жухлой траве, приходя в себя, дышали полной грудью — и не могли надышаться, смотрели в нависшую над землей облачную круговерть — и не могли наглядеться...

Они оказались в овражке на склоне невысокого холма, поросшего травой и кривыми тщедушными сосенками. Над пригорком стояла странная, не лесная и не мирная тишина: не звенели комары, не шелестели листья, не квакали лягушки. Зловонные подземелья наконец остались позади, но трудный путь был еще не закончен: вокруг, насколько хватало глаз, простирались болота, загадочные, жуткие, опасные, безбрежные; их неведомые границы терялись где-то вдали под пеленой сизой мглы. Орк был порядком разочарован: он-то надеялся, что злополучный ход выведет их напрямиком к лесу...

— Что ж, верно Радагаст говорил, что болота год от года растут, — задумчиво заметил Гэндальф, перетирая в ладони горстку сырого песка. — Когда-то, видимо, их граница действительно проходила по этому холму, а теперь они переползли дальше к северу. М-

да. — Приподнявшись, он внимательно огляделся. Задумчиво пробормотал: — Но, кажется, я знаю это место.

— Откуда? — спросил Гэдж.

— Мы проходили здесь с Траином, когда шли в Замок. Погоди-ка.

Они поднялись чуть выше по склону холма и обнаружили неглубокую землянку, прикрытую кровлей из жердей, прутьев и елового лапника. Все здесь оставалось по-прежнему, каким было на памяти Гэндальфа: деревянный помост на земляном возвышении, груда рогожи, очаг, над которым еще висел котелок с покрывшимся плесенью содержимым — видимо, за прошедшие полтора месяца Шмыр здесь ни разу не появлялся. Волшебник откинул крышку сундука, стоявшего у дальней стены, порылся внутри, с довольным возгласом извлек деревянную баночку с бурой и вязкой, как деготь, сомнительного происхождения вонючей мазью.

— Вот. То, что нам надо.

— Что это? — Гэдж поморщился: от содержимого баночки исходил отчетливый аромат свежего дерьмеца. Впрочем, за последние пару часов беглецы нанюхались всевозможного смрада на весь остаток жизни, да и от них самих, пропитавшихся едким подземельным духом насквозь, разило, наверное, смертоносно... Но Гэндальф обрадовался омерзительному шмырову снадобью, как хорошему знакомому.

— Средство от «гуулов», — пояснил он. — Надо нанести этот состав на одежду, он отпугнет местных обитателей.

Этот состав может отпугнуть кого угодно, мрачно подумал Гэдж, но спорить не стал. *«Надо набрать на болотах ихнего, гууловского дерьма, состряпать из него какое-то снадобье и обмазываться им время от времени...»* Ну да, ну да, Каграт, похоже, был прав, папаша явно разбирался во всем местном дерьмеце куда лучше Гэджа.

— Как ты думаешь, далеко отсюда до леса? — хрипло спросил орк. После того, как они натерли шмыровым зельем свое одеяние, мази на доньшке баночки осталось совсем чуть-чуть, и Гэдж припасливо сунул посудину за пазуху.

— Мили три, если идти напрямик. — Гэндальф пристально изучал расстилающееся впереди туманное марево. — Где-то здесь должна проходить тропа, которой Траин вел меня в Замок, но...

— Ты сможешь её найти, эту тропу?

— Я не знаю, по каким вехам Траин ориентировался.

— И что же нам тогда делать?

Волшебник некоторое время молчал... Гэдж разглядывал его украдкой: впервые за долгое время беглецам довелось увидеть друг друга не в полумраке подземелья и не в скудном желтом пламени свечей, а при откровенном дневном свете — и в этом изможденном, худом старике с усталым серым лицом, покрытом слоем грязи и копоти, орк с трудом мог признать своего бывшего товарища... лишь глаза, решительно сверкавшие из-под колтуна спутанных волос мрачным и лихорадочным огнем, чем-то (не этой ли мрачной лихорадочной решимостью?) напоминали прежнего Гэндальфа. Что ж, чудовище Замок на любого, попавшего в его стены, способен наложить отпечаток своей тяжелой лапы, сказал себе Гэдж, я-то тоже теперь вряд ли смогу почувствовать себя беспечным сопливым мальчишкой изенгардских времен, беспокоящимся разве что из-за невозможности попасть на городскую ярмарку; стыдно вспомнить, каким я был тогда самоуверенным, упрямым, глупым, наивным слюнтяем... Да, Крепость способна переплавить в жуткую невыносимую

форму самый тугоплавкий, самый неподатливый материал; пройдя сквозь её безжалостные горнила, трудно сохранить былой взгляд на вещи и остаться слепым безмятежным дурнем — таким, как прежде...

— Все же ты сумел остаться самим собой, а это — главное, — негромко заметил волшебник, будто угадав мысли спутника, и Гэдж поймал на себе его быстрый взгляд, исполненный прежнего, такого знакомого орку доброжелательного лукавства. — Ну-ка посмотри, что это там виднеется?

Гэдж пригляделся.

Дождь, шедший утром, давно закончился, но над болотами уныло кисла серая хмарь — и вдруг тучи на краю неба загадочным образом поредели, на секунду лопнули, разошлись, и в проталину прорвался яркий и острый, как спица, солнечный луч, высветлил раскинувшуюся вокруг серую пустыню, заиграл над туманом жизнерадостной радугой. И прилипающая к земле болотная мгла испуганно разлезлась клочьями, осела, расползлась в стороны, словно убоявшись солнца и света...

— Что это? — пробормотал Гэдж: чуть поодаль на востоке видна была темная полоса, пересекающая болота. — Гать?

— Она самая.

— Сколько до неё, как ты думаешь?

— Ярдов пятьсот... А может, и больше — болотный туман искажает расстояния.

— В эту трясику и в засуху-то опасно сунуться, а сейчас, после осенних дождей... мы не дойдем.

— Надо рискнуть, Гэдж, другого пути все равно нет.

Топориком, найденным в хижине Шмыра, они срубили в сосняке по крепкой слеге и спустились к болотам, к черной, подернутой ржавой патиной густой воде. «Я пойду первым, — сказал Гэндальф, бросив на орка оценивающий взгляд, и, пресекая все вялые попытки Гэджа возразить, спокойно пояснил: — Если я провалюсь в трясику, ты сумеешь меня вытащить, Гэдж, а вот если провалишься ты — нас обоих ничто не спасет». И орк не решился этого отрицать...

Они шли медленно, друг за другом, след в след, Гэндальф — впереди, Гэдж — за ним. Почва, сразу у берега плотная и пружинистая, вскоре стала расползаться под ногами подобно жидкой овсяной каше; прежде, чем сделать шаг, волшебник два-три раза пробовал слегой твердость кочки перед собой. Над болотом душно висел сырой, стоялый воздух, в тумане неподалеку кто-то отрывисто рыгал временами, но ни «гуулы», ни прочая местная живность на глаза не показывалась — видимо, странная шмырова мазь их действительно настораживала. Все же пару раз орку примерещились неясные серые силуэты, мелькнувшие и тут же растаявшие в тумане; после этого он сказал себе, что не стоит лишний раз глазеть по сторонам. Однообразная нескончаемая трясина представлялась Гэджу живым существом: из тумана слышалось её тяжелое, медленное, хрипящее и булькающее дыхание, и поры её бесформенного тела испускали на поверхность миазмы ядовитых испарений, а тут и там порой вздувались болотные пузыри — огромные, перламутрово-тусклые, похожие на бельмастые глаза: болото судорожно выпячивало зенки, чтобы получше разглядеть явившихся в его владения незваных пришельцев. И, будто не выдержав этого жалкого зрелища, глаза лопались, истекая гноем...

Пройденную тропу Гэндальф отмечал прутиками-вехами, наломанными на островке, и это было правильное решение: порой ноги опасно повисали в зыбкой пустоте, не находя

опоры, и тогда приходилось возвращаться обратно и искать другой путь в обход разверзающихся на пути топких ям. Нашупывая под слоем мха относительную твердь, путники выбирались обратно на тропу — и несколько минут отдыхали, угрюмо глядя друг на друга, в негласном союзе думая об одном: как бы не потерять в седой болотной мари верное направление. Время вновь остановилось, и беглецы потерялись в нем, как песчинки на морском дне: проходили мимо минуты, часы, годы, века и тысячелетия, а вокруг все так же равнодушно простиралась трясина, жила своей неразгаданной жизнью, шипела и чавкала, тарасила надувающиеся и опадающие глаза; и бесформенные ключья тумана все так же неприкаянно мреяли над стеклянистой водой, словно сонмище заблудившихся призраков, тысячу лет назад изгнанных из башен и подвалов родового замка...

Тем не менее медленно, но верно гать приближалась. День давно перевалил за середину, и солнце — едва заметное мутное пятно за кисеей тумана — начинало клониться к закату, когда беглецы наконец оставили позади взбухающую топь и вступили на спасительный деревянный настил — и, изнемогая от усталости, повалились на мшистые бревна. Болотная дорога выходила из тумана и уходила в туман, словно подвешенная в пустоте — но все же даровала главную ценность и отраду последних часов: ощущение твердой почвы под ногами.

Увы, долго рассиживать на месте не приходилось — путь предстоял еще неблизкий. Гать в обе стороны представлялась пустынной, но задерживаться здесь было опасно: в любой момент туда-сюда мог пройти обоз или, хуже того, сторожевой патруль, «глаза и уши» затаившегося в кольце болот многоглавого монстра. Ни сойти с дороги, ни скрыться, подобно «гуулам», под непроглядной завесой болотной мглы беглецы не сумели бы.

— Нельзя здесь оставаться. Надо идти, — пробормотал Гэндальф; он сидел на краю настила и, стянув с ног кожаные шмыровы сапоги, отжимал полотняные обмотки, насквозь промокшие при путешествии через топь. — Устал, Гэдж? Ничего, осталось недалеко.

Устал — не то слово; Гэджу казалось, что тело его превратилось в мешок, набитый камнями, угловатый и неподъемный, и волочить его дальше и дальше по разбитой болотной дороге было делом поистине мучительным...

— Как ты думаешь, — хрипло спросил он, — если там, в Замке, знают, куда мы ушли, то... они прекратят погоню, или нет? Может быть, там считают, что мы уже мертвы? Что эта... Хозяйка... нас благополучно сожрала, а? Там, в подземелье?

— Я не знаю, Гэдж, — чуть помедлив, отозвался Гэндальф, — может статься и так. Но на ту вспышку Силы, к которой мне пришлось прибегнуть, чтобы справиться с Хозяйкой, Саурон не мог не обратить внимания. А уж какие выводы он из этого обстоятельства сделал, ведомо сейчас только ему самому... Во всяком случае, нам стоит поторопиться — только за границей болот мы сможем почувствовать себя более-менее в безопасности. Идем.

Они поднялись и побрели — вперед, в сторону леса, по настилу из бревен, тяжело колыхающихся под ногами; кое-где лесины отошли друг от друга, и в открывшихся прорехах поблескивала вода, так что надо было внимательно смотреть, куда ставишь ногу, один неверный шаг — и ничего не стоило угодить в настороженную ловушку. В довершение неприятностей начали напоминать о себе «гуулы», шипящие и посвистывающие за краем гати, являющие из тумана то извивающееся, как раненая змея, щупальце, то круглое бородавчатое брюхо, то иные, еще более безобразные части тела. Впрочем, нападать они пока не решались: должно быть, чудодейственная шмырова мазь ещё не совсем повыветрилась. Они, конечно, были несоизмеримо мельче Хозяйки и не валили с ног

мощью, жутью и запредельщиной, но их было много — голодных, жадных, ухватистых, — и кольцо их стягивалось, так что Гэдж с ужасом представлял себе тот момент, когда твари окончательно обнаглеют и возжаждут свести с одинокими путниками более близкое знакомство. Из оружия у беглецов по-прежнему был только гэджевский кинжал, да деревянные палки-слеги... Пережитое волнение, страх, утомительное странствие по болоту, а теперь ещё и навязчивое соседство «гуулов» выматывали из орка последние силы. Нога его, едва не расплющенная Хозяйкой, то ли от сырости, то ли с устатку разболелась пуце прежнего, и он брел, прихрамывая, страстно желая, чтобы проклятая гать наконец закончилась и вывела их к лесу, за границу болот, но она всё выворачивалась и выворачивалась из тумана, бесконечная, как заколдованная лента, и вокруг всё так же колыхалась слепая мгла, сновали, пересвистываясь, «гуулы», ворочалось и вздыхало болото, и обрыдлой, затканной коконом тумана дороге не было видно конца. И всё же настал момент, когда студенистое обморочное марево, застилающее всё вокруг... нет, не то чтобы поредело, но как-то поднялось вверх — и далеко впереди, на краю земли появилась смутная тёмная полоса: это, без сомнения, была южная опушка долгожданного леса.

— Слава Творцу, наконец-то! — пробормотал Гэдж; он уже всерьез начал опасаться, что гать действительно заколдована, и попросту водит их кругами, как посаженных в «потешную карусель» балаганных мышей. — Осталось недалеко. Наверно, не больше полумили...

Но волшебник его радости не разделял. Приостановившись, он пристально смотрел назад, через плечо, в сторону Крепости.

— Послушай-ка...

Встревоженный его обеспокоенным видом, Гэдж напряг слух. И — услышал...

Хотя густой туман съедал звуки, но заглушить этот гулкий дробный топот — грохот множества крепких сапог по деревянному настилу — оказалось ему не по зубам. Почти тут же лениво всколыхнулась под гатью вода, заплескалась, облизывая бревна, колеблемая тяжелой, размеренной поступью приближающихся... орков?

— Это еще что? — прошептал Гэдж; сердце его, казалось, разом взбухло до размеров дыни, пугливо и горячо толкнулось в гортань. — Хозяйственный обоз? «Крысюки»? Лесорубы? Они идут сюда!

— Они не «идут», Гэдж, — вполголоса отозвался Гэндалф, — они, если ты заметил, бегут. Это не обоз.

— А что? Погоня?!

— Вероятно, просто сторожевой дозор... Но нам надо добраться до леса раньше, чем они нас заметят. Бежим!

И они побежали — вперед, к темнеющей за границей болот полосе леса. До неё оставалось не более полумили... Всего несколько сотен саженей отделяли беглецов от спасения и от свободы! Но преодолеть эти сотни саженей для них, измученных долгой дорогой и почти выбившихся из сил, было делом не из легких.

Туман, до сих пор прокливаемый Гэджем, теперь играл беглецам на руку, скрывая их от глаз преследователей, но слишком, слишком далеко была еще спасительная опушка, а дробный топот сапог все накатывал, как гигантская волна, неумолимо приближаясь. Порой сквозь редящую пелену тумана доносилось негромкое бряцанье оружия. А расстояние до леса сокращалось невыносимо медленно. Двести ярдов... сто пятьдесят... сто... Гэдж изнемогал. При каждом шаге напоминала о себе раненная нога, сердце колотилось в горле,

кровь стучала в висках, тянулись по сторонам дороги нескончаемые мшистые кочки, заросли мертвой травы и подернутые ряской темные лужицы... Слева мелькнул облепленный тиной череп — тот самый, который попался Гэджу на глаза при первой его «прогулке по болотам». До леса было рукой подать! Саженой двадцать, не больше! Ну же, еще немного!..

Гэндалф — где-то там, за спиной Гэджа — глухо вскрикнул.

Орк стремительно обернулся. Волшебник упал — нога его соскользнула с мшистого бревна, провалилась в разверзшуюся щель — и не мог подняться. Лодыжку мага крепко зажало меж сместившимися досками настила, а намокшие, разбухшие от влаги обмотки не позволяли сбросить с ноги плотный кожаный сапог.

Гэдж похолодел.

Ну почему это всегда случается в самый неподходящий момент!

Он метнулся к волшебнику, попытался приподнять скользкое гнилое бревно, державшее старика в ловушке, но куда там — с таким же успехом можно было пытаться сдвинуть с места земную ось... Гэндалф схватил его за руку; на губах мага, не то разбитых, не то искусанных в кровь, струпом запеклась буроватая корка.

— Уходи, Гэдж. Быстрее! Этих... из Замка... я сумею их встретить.

— Нет! Не могу! Я никуда не пойду без тебя! — От ужаса и бессилия Гэдж готов был зарыдать в голос.

Гэндалф застонал. В его руках медленно наливалось серебристое свечение и — не могло налиться, не могло, не могло! Слишком волшебник был утомлен и измучен, слишком много сил потратил на борьбу с Хозяйкой и давящей подземельной Тьмой, слишком был слаб, чтобы остановить или хотя бы задержать преследователей. На лице его застыло страдание, смешанное с отчаянием... вернее — с отчаянностью.

— Кому-то из нас необходимо добраться до Росгобела... Ну же, иди! Ты *должен!* Иди!

Силы небесные, а ведь опушка леса была уже так близка! Ярдов через двадцать гать заканчивалась, выходя на широкую просеку, на ближайшей сосенке можно было рассмотреть каждую шишку! Гэдж оцепенел; на какую-то секунду все в нем словно умерло, обратилось в прах, утратило волю к сопротивлению, мысль о том, что им приходится пропадать вот здесь, буквально в двух шагах от спасения, была невыносима... Нет! Нет! Грязный, жалкий, поникший, он стоял на коленях рядом с волшебником, и тупо смотрел на черные бревна — а преследователи были уже совсем рядом, у границы тумана, и внизу, под гатью, в такт их союзной раскатистой поступи глумливо чавкала гнусная болотная слякоть.

— Хей! Гляди, парни! Кто это там на дороге копошится?

— Крысюки какие-нибудь... шпийёны, м-мать их!

— В Башне разберутся! То-то будет Мёрду подарочек!

— В Башню — успеется. Сначала сами их прутиками пощупаем, поглядим, что за сволота в гости пожаловала... Верно, братцы?

— Ненавижу, — прошептал Гэдж. Он медленно поднялся, сжимая кулаки, сбросив давящее, как камень, безволие; горло его распухло от ярости, по лицу, мешаясь с соплями и грязью, текли горячие, злые слезы. Внезапно вновь вспомнился несчастный полураздавленный трупик на ладони Праухура: «*Это всего лишь крыса...*»

Нет — он никогда не был каким-то особенным храбрецом, да никогда и не мнил себя таковым, разве что в дурацких детских мечтах: но сейчас, неожиданно для самого себя, открыл в себе целые пласты, прямо-таки залежи сумасшедшей бездумной отваги, проистекающей единственно из трусости и отчаяния. Верный теплый кинжал скользнул ему

в ладонь, он выпрямился, шагнул вперед, ища опоры на скользких бревнах, все своим существом жаждая битвы — последней битвы не на жизнь, а на смерть!

— Дурень! — прохрипел Гэндальф за его спиной. — Уйди с дороги! — Пальцы мага застыли, точно сведенные судорогой, и между ними наконец родилась серебристая искра — но крохотная и слабая, как худосочный лесной светлячок. *«Я сейчас магией и свечку не смогу зажечь...»*

Преследователей было немного — не больше полудюжины. Это действительно оказался всего лишь обходящий границы болот сторожевой патруль — но при них были палицы и длинные копья, которыми они отбивались от «гуулов». Они выныривали из тумана друг за другом — рыжеватые громилы с Восточного двора, наглая свора брехливых охотничьих псов, распаленных бегом, уже почуявших на губах терпкий вкус свежей крови. Они вопили и улюлюкали, завидев беглецов, и Гэдж ясно читал на их низколобых физиономиях жадное желание «пощупать» копиями их с Гэндальфом беззащитные шкуры. Волшебник быстро обернулся и вскинул руку, брызнула в воздух россыпь серебристых искр, но этим все и закончилось: жидкое пламя рассеялось, не причинив никому ни малейшего вреда. Преследователи завывали от восторга; один из орков, желтоглазый мордорот, поспешающий впереди, с хохотом потряс копьем, физиономия его лоснилась от осознания своей мощи и хищного превосходства. На выскочившего на дорогу Гэджа и его жалкое оружие он и вовсе внимания не обращал... Ладно, рано радуешься, мелькнуло в голове Гэджа, я еще успею воткнуть кинжал тебе в глотку...

Он не боялся. Он был готов — ко всему. К боли, к смерти. К тому, что вот сейчас, в следующую секунду, в горло его вопьется наконечник копья, но он еще успеет дотянуться до своего убийцы кинжалом...

— Ты, щенок, драки захотел? Да я тебя щас щелчком...

Желтоглазый победно ухмылялся. Он был уже рядом, в нескольких шагах. Сейчас...

Тиунннн...

С тихим, едва различимым для уха посвистом из леса вылетела стрела и клюнула желтоглазого в невытую шею — и, издав горлом хлюпающий, какой-то до крайности удивленный хрип, орк, сбитый с ног, снопом повалился за край гати. Все произошло так быстро и так неожиданно, что его сотоварищи вряд ли успели что-либо сообразить; тут же несколько стрел последовали за первой — длинных, белооперенных эльфийских стрел, — и нашли свои цели, и уложили преследователей почивать в болотную хлябь навеки. На открытой со всех сторон дороге оркам негде было укрыться, а отступить в туман они попросту не успели... Да уже и некому было отступать, бежать за подмогой, некому было прятаться в тумане — никого живого не осталось там, на узкой, ныряющей во мглу полоске гати. «Эльфы, — как-то отстраненно, равнодушно подумал Гэдж; сейчас, когда из леса явилось неожиданное спасение, весь поддерживающий его кураж как-то разом улетучился, покинул его — и взамен навалилась страшная, придавливающая к земле усталость. — Откуда?..» Ответа на этот вопрос он не знал, да и не пытался искать, более того — чувствовал, что даже удивиться уже не способен по-настоящему, даже на это у него не осталось сил...

***

Старую телегу тряхануло на дорожном ухабе, и Саруман устало поёжился. Поднял

голову.

Замок был уже близко — виднелся мрачной громадой на ближайшем холме, до него оставалось не более полумили. Над крышами Дол Гулдура рыхлым серым брюхом нависало осеннее небо, тяжёлое и напитанное влагой, непробиваемое, как щит... и вдруг солнечный луч, острый, как клинок, вспорол плотное полотнище облаков, на несколько мгновений осветил угрюмую крепость, зубцы и шпили, стены и переходы, ворвался в окна и бойницы, озарил унылые казематы, заиграл солнечными зайчиками на витражах Главной башни. И тут же потух — разом, будто испугался собственной легкомысленной смелости...

Белый маг прерывисто вздохнул. Ощупал ошейник — здесь, рядом с Замком, ставший неудобным и потяжелевшим, точно налившийся свинцом. Ладно, скоро он, Шарки, будет «дома»... в той тесной крысиной норе, которую он за каким-то лешим привык считать «домом» в последние пару месяцев. Не позднее, чем через полчаса-час...

Осталось недалеко.

48. Старые знакомые

— Митрандир! Вот так встреча.

— Мы застали вас врасплох, Линдол?

Линдол сдержанно улыбался. Эльфы, однако, особенного удивления не выказывали — либо *не позволяли себе* выказывать. Здесь, на опушке леса, их было около дюжины — вооруженных луками и метательными топориками, облаченных в кольчуги и неприметные серые одеяния, поглядывающих на орка с легкой насмешкой; кое-кого из них Гэдж помнил еще в числе стражей Лориэна — и, видимо, они его тоже до сих пор не забыли. Впрочем, орк был сейчас чересчур измочален морально и физически, чтобы обращать внимание на их выразительные взгляды; слишком многое ему довелось пережить за последние несколько часов — и тьму Лабиринта, и схватку с Хозяйкой, и сумасшедшее бегство через топи, и ужас, и отчаяние, и приступ бездумной храбрости, — и голова у него шла поистине кругом, а земля уходила из-под ног, как после доброго кубка крыжовенной браги. Нет, не то чтобы он был совсем не рад появлению эльфов (как-никак, именно им они с волшебником были обязаны своим спасением), но их, эльфов, вокруг внезапно оказалось *слишком много*, намного больше, чем ему под силу было бы сейчас вынести.

— Келеборн тоже здесь? — спросил Гэндальф. Волшебник слегка прихрамывал при ходьбе, припадая на пойманную в «ловушку» ногу, но был полон решимости продолжать путь и довести незавершенное дело до конца.

— Да, — с готовностью отозвался Линдол; вероятно, он был в отряде за старшего. — В лагере. Это недалеко.

— Мне нужно его увидеть.

— Непременно. — Эльф кивнул. — А как быть с... — не договорив, он покосился в сторону Гэджа.

— Гэдж пойдёт со мной, — устало сказал волшебник. — И перестаньте держать его под прицелом, Линдол... поверьте, он не заслужил вашего недоверия.

***

— Благодарю, Келеборн. Это было... неожиданно, — хрипло произнес Гэндальф.

Листва над крышей простого походного шатра шелестела спокойно и умиротворяюще, где-то в лесу щебетала невидимая пичуга, звонким молоточком стучал по дереву дятел. Голосов эльфов снаружи не было слышно, хотя ловкие лесные стрелки, несомненно, обретались где-то поблизости, за мягкими полотняными стенами. Гэдж немного пришёл в себя; потирая ноющую ногу, он сидел на лавке в темном углу, куда не достигал свет голубоватого фонаря, и не мог отделаться от ощущения, что его усадили сюда намеренно, дабы он не оскорблял своим непричесанным видом царственный взор Владыки. Впрочем, ему и самому хотелось бы стать невидимым и привлекать к себе как можно меньше внимания — слишком уж лишним он себя тут чувствовал, чужим и неуместным, как колючий чертополох, по недоразумению занесенный ветром на цветочную клумбу.

Келеборн, приветствуя не чайных гостей, едва заметно улыбался уголками губ. Он был все такой же: строгий, сдержанный, непроницаемый, по-эльфийски бесстрастный. Разве что богатые дворцовые одеяния сменил на удобную льняную блузу и скромный буро-зеленый

плащ, какие носили большинство его воинов.

Он мимоходом придвинул Гэндальфу стоявшую на низком походном столике чашу с вином.

— Неожиданно? Неужели? Несмотря на некоторые наши с тобой досадные разногласия, Митрандир, я никогда не позволяю себе забывать о том, что ты носишь почетное имя Друга эльфов.

Волшебник судорожно глотнул из посуды.

— Тем не менее я был уверен, что со своих твердых позиций невмешательства ты вряд ли отступишь.

Лицо эльфа по-прежнему было неподвижно-благожелательным. Он неторопливо прошелся по шатру из угла в угол, остановился рядом со столиком, взял чашу с вином и поднял её на уровень глаз, точно хотел полюбоваться затейливым узором на ножке. Скинул на скамью тяжелый плащ. В распахнутом вороте его простецкой блузы блеснул круглый серебристый медальон с вычеканенным на крышке неясным узором.

— Зря. Я, кажется, говорил тебе, что стараюсь не оставлять рубежи болот без внимания, — с дружеским упреком в голосе заметил он. — А, памятуя о, гм, безрассудстве твоей затеи, решил, что будет не лишним удвоить бдительность — хотя бы затем, чтобы выяснить, насколько соседство Дол Гулдура действительно небезопасно для Лориэна. Кроме того, возникли еще некоторые любопытные обстоятельства...

— Какие обстоятельства?

Келеборн поставил чашу на столик.

— Есть кое-что от Сарумана.

— От Сарумана? — Гэдж вздрогнул. — Что?

Владыка не удостоил его взглядом.

— Да, мы наконец действительно получили весточку от Белого мага, хоть и со значительным запозданием, странным и окольным путем. Это случилось около месяца назад... Радагаст нашел на берегу реки Келебрант раненного ворона — грязный и истрепанный, этот ворон ковылял по песку вдоль кромки воды. У него было подбито крыло, и Радагаст, разумеется, не сумел пройти мимо... подобрал бедолагу и взял на себя труд о нем позаботиться.

— Гарх? Это был Гарх? — воскликнул Гэдж. Все в нем как-то натянулось и замерло от неясного предчувствия, в носу защекотало от волнения, и даже нога разом перестала болеть, как будто застеснялась напоминать о себе в столь трепетный и напряженный момент.

— Ты уже дважды перебиваешь меня, орк, — не глядя на него, спокойно заметил Келеборн. — Тебе не кажется, что это все-таки немного невежливо? Впрочем, после того, как ты, презрев все предостережения Радагаста, бессовестно сбежал из Росгобела на поиски приключений, удивляться твоей неучтивости по меньшей мере глупо...

— Я не сбежал! — возмущенно прохрипел Гэдж. Вот, значит, что эти эльфы о нем думают! — Я... попал в плен. Ну, так получилось.

— Даже если это правда, — Владыка поморщился, — твоей невоспитанности это по-прежнему не отменяет и не оправдывает.

— Оставь его в покое, Келеборн, — проворчал Гэндальф. — Если бы не Гэдж, я бы сейчас тут с тобой не разговаривал... Так что там все-таки насчет Сарумана? Этот ворон с берега Келебрант... это действительно оказался Гарх? Посланник Белого мага?

Келеборн вздохнул.

— Да, только узнали мы об этом буквально несколько дней назад. У этого несчастного ворона начисто отшибло память, он не помнил, ни кто он такой, ни как оказался на берегу Келебрант, ни было ли у него при себе какое-то письмо. Лишь недавно он начал кое-что вспоминать... Да, с Саруманом что-то неладно, и Саруман отправил его в Лориэн с неким поручением, и у ворона даже имелась записка, привязанная к лапе, но по дороге на него напала какая-то хищная птица и, помяв, сбила в реку, и ворон едва не утонул... Течением его швырнуло на камень, и он забыл обо всем на свете, а записку, разумеется, где-то потерял и вспомнил о том, что она у него была, только пару дней назад.

Гэндальф рассеянно выпутывал из бороды застрявшие в ней хвоинки и волоконца мха.

— И где он сейчас, этот ворон?

— В Росгобеле.

— Мне нужно с ним потолковать.

Келеборн скорбно улыбнулся.

— Попробуйся. Надо признать, после удара головой о камень он разговаривает, э-э, довольно невнятно... или я его не понимаю. Мне удалось уловить лишь то, что с Саруманом что-то случилось: он то ли ранен, то ли попал в плен, и у него что-то с шеей.

— На нем ошейник, — сказал Гэдж вполголоса. Видимо, молчать об этом и дальше уже не было смысла.

Волшебник и эльф, вздрогнув, оглянулись в его сторону. Уж чего-чего, но вмешательства Гэджа они явно не ожидали... Лица их бледнели в полумраке шатра, как полупрозрачные лики застигнутых врасплох привидений.

— Что? — пробормотал Гэндальф. — Какой ошейник?

— Который не позволяет ему творить чары, — пояснил Гэдж. — Поэтому он и сидит в Дол Гулдуре лекарем...

Он запнулся — под пристальными взглядами мага и Владыки ему стало не по себе. Эти красноречивые взгляды сбивали его с ног, как порыв ледяного ветра.

Повисла тишина... Неприятная, давящая на уши, напитанная изумлением и недоверием. Даже цикадка под пнем умолкла, а назойливый дятел — там, снаружи — прекратил самозабвенно сокрушать дерево и куда-то упорхнул. Келеборн и Гэндальф по-прежнему не сводили с орка глаз — ждали продолжения? — и Гэдж окончательно стушевался, опустил голову, принялся разглядывать носки своих не поместившихся под низкую лавку сапог. Кованая курильница, стоявшая в углу и заправленная ароматным маслом, распространяла под сводом шатра нежное благоухание каких-то цветов — не то роз, не то лаванды, — а от грязных гэджевских сапог разило тиной и грибами-поганками, и никаким хрупким эльфийским благовониям не под силу было этот ядреный болотный дух заглушить... Да и мерзкая шмырова мазь тоже, наверное, ещё не до конца поветрилась.

— В Дол Гулдуре? Лекарем? — У Гэндальфа дрогнули брови, но он явно постарался справиться с удивлением, насколько это было в его силах, и придать физиономии сдержанное, строго-заинтересованное выражение. — Что еще за новости? И почему я узнаю обо всем этом только сейчас?

Орк пожал плечами — так небрежно, как только мог.

— Ну... он сейчас не совсем в Дол Гулдуре. Я хотел тебе сказать, но... впрочем, если бы и сказал, все равно ничего бы не изменилось.

— И поэтому ты не сказал.

— Саруман не хотел, чтобы... чтобы кто-нибудь об этом знал, — едва слышно произнёс

Гэдж. — Вот и все.

Эльф и волшебник быстро переглянулись. Гэндальф прикрыл ладонью глаза, плечи его чуть заметно подрагивали — то ли он пытался перетерпеть внезапную судорогу, то ли изо всех сил сдерживал припадок непрошенного смеха. Келеборн со вздохом протянул руку и плеснул в чашу вина из ополовиненного кожаного меха.

— Наш юный друг, как обычно, полон неожиданностей, — с едва заметной усмешкой промолвил он. — Скрытен и всегда себе на уме — так же, как и его учитель... Ты по-прежнему так уверен, что знаешь об этом орке всё, Гэндальф? По-прежнему уверен, что можешь ему доверять?

Волшебник благополучно пропустил фразу эльфа мимо ушей. Подняв голову, посмотрел на Гэджа.

— Расскажи-ка обо всем поподробнее, друг мой. Да уж, признаться, ты меня изрядно удивил... в очередной раз.

— А меня, напротив — не удивляет уже ничего, что связано с Саруманом, — проворчал эльф. — Так значит, он сейчас тоже в Дол Гулдуре? И что ещё тебе обо всем этом известно, орк?

От необходимости отвечать Гэджа избавило появление одного из стражей, Леарнаса: откинув полог шатра, эльф вошел бесшумно, как призрак.

— Все готово, Владыка. Лошади поданы.

— Хорошо. Трупы орков убраны?

— Да. Мы постарались уничтожить все следы. Пусть в Крепости поломают голову над тем, куда запропастился посланный в обход сторожевой дозор.

— Что ж, отлично... будем надеяться, что в произошедшем они разберутся далеко не сразу. — Келеборн кивнул Гэндальфу. — Поедьте в Росгобел, друзья мои, там вы сможете отдохнуть и прийти в себя. Полагаю, нам следует многое обсудить.

***

Лошади по едва приметной лесной тропе шли медленно, шагом, и Гэдж был этому рад: эльфы раздобыли для него самую смирную и унылую конягу, какую только могли найти, и все равно она относилась к седоку с истинно эльфийским недоверием, тревожно фыркала и прядала ушами, подозрительно кося на орка глазом. Гэдж сидел, судорожно вцепившись в поводья и ожидая, что лошадь вот-вот взбрыкнет и вышвырнет его в ближайший куст терновника; эльфы неприметно посмеивались; наконец кто-то из стражей, что-то негромко приговаривая, взял кобылу под уздцы, и она успокоилась. А Гэдж — нет.

Он неожиданно сумел разглядеть серебристый медальон, спрятанный на груди Владыки, — увидел его вблизи, когда подошёл к эльфу поклониться в знак благодарности за спасение. На крышечке медальона была вычеканена многолучевая звезда, и руна, помещенная в её центр, изображала «сит-эстель» — ту самую руну «мира и надежды», половинка которой когда-то принадлежала Гэджу и которую Келеборн присвоил себе таким подлым и бесцеремонным образом. И притом, видимо, ничуть этого не стеснялся.

Вот так, да. Впрочем, орк был даже не особенно этому удивлен.

Все остатки признательности к Владыке и эльфам улетучились из сердца Гэджа в одно мгновение.

Если «сит-эстель» изображён на крышке медальона, то значит ли это, что тот,

подлинный «эстель» находится сейчас внутри? — трясаясь на угловатой лошадиной спине, беспрестанно спрашивал себя орк. И если так — то что мне теперь с этим неудобным открытием делать? Ну вот что? Засунуть его подальше? Безмолвно проглотить обиду, все забыть и отпустить? Постараться вернуть былую собственность назад? Саруман говорил, что с помощью амулета можно снять ошейник... или хотя бы попытаться это сделать... и что? Разве этот лживый эльф его вернет, выпустит соколовище из своих цепких лапок? Отзовется на просьбу какого-то вшивого орка? Гэдж мысленно застонал; в животе его туго свернулся ком томительной тревоги, он вертел назойливые мысли и так и этак, перебирал их в уме, точно кусочки мозаики, но они никак не складывались, не составляли правильный и нужный узор — рассыпались, как горсть бестолковых разноцветных камешков. Не желали вставать на свои места...

К счастью, от лагеря эльфов, разбитого в глубине леса, до Росгобела было недалеко, вряд ли более полумили. Впереди, в просвете между деревьями алой кляксой разбрызгалось клонящееся к закату солнце — яростное, горячее, жалящее отвыкшие от ярких красок глаза. Это было странно и удивительно — вновь видеть солнце... после многих дней сырой ватной мглы, висящей над Замком. Показалась опушка леса, холм и на нем — домик Радагаста; на воротном столбе, распластав крылья, сидела большая черная птица и, склонив голову к плечу, внимательно разглядывала подъезжающих гостей. Не узнать эту нахохлившуюся и мрачную, как могильное изваяние, траурную фигуру было невозможно.

Сердце у Гэджа ёкнуло. Он отвлекся от унылого самокопания; желудок его радостно подпрыгнул к горлу, словно у сорванца, который, презрев запреты, стрелой мчится на салазках по крутому горному склону.

— Гарх! — крикнул он. Ворон вытянул шею, точно прислушиваясь; покрутил головой, с хриплым криком взлетел с ворот, описал круг над приближающимися всадниками и тяжело плюхнулся орку на плечо.

— Гарх! Старый валенок! Жив-здоров, а? — Губы Гэджа сами собой расплылись в улыбку: все-таки это и впрямь было замечательно — вновь увидеть бывшего друга, которого орк считал давно погибшим и сгинувшим где-то в неизвестности. — И, похоже, несколько не изменился... Все такой же кислый, черствый и навязший в зубах старый сухарь?

— А ты — все такой же упрямый и пустоголовый болван? — в тон ему прокаркал Гарх; «вороний выговор» Гарха действительно усилился многократно, но его черные, круглые, как бусинки, глазки посверкивали радостно и с нескрываемым удовольствием. Ворота распахнулись, и гости въехали во двор — и куда-то под сарай порскнула испуганная лисица, и недовольно заворчал сидящий у крыльца Смоки — настоящая мохнатая глыба! — и суетливо затрещали с ближайшей яблони сороки, и спешил от дома Радагаст — встрепанный и растерянный от радостного изумления. И ничего этого не было — ни проклятого Замка, ни орков, ни подземелий, ни зловещей Хозяйки; пахло лесом и сосновой смолой, душистыми травами и яблочными пирогами, а все произошедшее было лишь сном, жутким, полубредовым видением, затерявшимся в ночи, кошмаром, о котором Гэдж постарался бы как можно быстрее забыть, если бы не одно досадное обстоятельство...

Там, позади, за рубежом леса и непроглядным туманом болот, в этом липком тяжелом сне остался незадачливый Белый маг.

«Ушел собирать немейник», — гласила записка, прикрепленная к двери кусочком смолы.

Замок оказался заперт, и Саруману пришлось искать в загашнике второй ключ.

Он вошёл в каморку, скрипя суставами, как старая телега — дорожная тряска сказывалась на здоровье не лучшим образом. Следом за ним семенил *снага*, тащивший сундучок с кое-какой утварью, записями и барахлишком.

— Шарки, куда вещички нести?

— Поставь возле двери, — небрежно отозвался Саруман через плечо. — Только поаккуратнее, там склянки со снадобьями.

Раздался грохот: орк не то опрокинул в сених сундук, не то опрокинулся с ним сам. И, приглушенно ругаясь, поспешил улизнуть, заметив, что Шарки схватился за кочергу. Впрочем, Саруман только поворошил ею головешки в печке — под верхним серым слоем золы угли еще едва заметно тлели, значит, еще утром Гэдж был дома. Нет, он что, и вправду «ушел собирать немейник»? На болота? Но уже вечерет, пора бы ему, пожалуй, и вернуться.

Саруман огляделся. Бросил на лавку грязный, напитавшийся влагой дорожный плащ. Некоторое время возился, разжигая огонь в печи — кроме него, заняться этим было некому. Угли, раздуваемые заплатанными мехами, наконец разгорелись, огонь весело затрещал, глoday сухие поленья, осветил каморку, чан с водой в углу, столы и лавки со всякой всячиной, стоящие на полках склянки и сосуды, отполированный до блеска инструментарий — все было в относительном порядке, аккуратно уложенное, чистое и готовое к употреблению, только верстак оказался замусорен обрезками очиненных перьев, чернильными кляксами, свечными потеками и обрывками бумаги. Не узнать каракулей Гэджа было невозможно, но записи радовали своей краткостью и ёмкостью:

«Жар. Гл. красн. Шейные узлы! Пров».

«Грыжу вправ».

«Сыпь. Мелк. Розов. После употр. медовухи. Отм».

Что бы значило это «отм»? Отмыть бедолагу после употребления медовухи? Отметелить? Или отменить ему медовуху? Или просто отметить в дневнике этот досадный факт?

«Красн. глотка восп. Левая щека опухл. Шейные узлы не прощуп. Свинка? Др. случаев нет. Сух. во рту, слюни вязк. Слюнная железа? Камень».

«Зуд. Там! Чесотка?»

Ну если и впрямь «там», то это точно чесотка, вот прямо зуб даю. Чесоточный клещ.

«Жар, суст. боль, отеки. Узелки на стоп. и кист. рук. Подагра».

Слово «подагра» было зачеркнуто. Ниже стояла приписка: «Шум в сердце! Обр. вним. Локоть. Острая суст. лихорд».

Саруман невольно улыбнулся. Ну, по крайней мере, парень сумел отличить суставную лихорадку от подагры, а это уже хорошо. Пожалуй, из него действительно выйдет толк... Толк выйдет, а дурь останется, как гласит всезнающая народная мудрость.

«Не забыть! Отр. тролля. В ухо стрел!»

А это, интересно, о чем? Не забыть отравить какого-то тролля? Отрезвить? Отрезать ему ухо, в которое «стрел»? Или у горемыки просто стрела в ухе, которую теперь (хорошо бы без уха, но если не получится, то вместе с ним) следует отрубить? Однако.

Негромко скрипнула дверь, кто-то вошел в каморку и нерешительно затоптался возле дверей. Растерянно засопел. Это был Эотар — всё такой же коренастый, кудрявый и

светловолосый, но еще более чумазый и закопченный, нежели раньше.

— А, Шарки! Ты вернулся?

— Вернулся, как видишь, — суховаго отозвался Саруман. Он был сейчас не особенно расположен к долгим задушевым разговорам.

— Ну и славненько. — Эотар искательно осмотрелся. — А где этот твой мальчишка?

— Хотел бы я сам это узнать... А что?

Эотар закричал.

— Да брюхо у меня побаливать стало, желудок расстроился, кашель по вечерам донимает, я к нему. Дай, говорю, чего от брюха-то. Ну, он посмотрел на меня, поспрашивал про то, да про сё, а потом мне эту штуку всучил...

— Какую штуку?

— Да вот эту, — Эотар вынул из заглазника пустую склянку. — Вот же морготова смесь! Колбасило меня с этого пошла целые сутки изо всех дыр! Я уж думал, там, в нужнике, навек и останусь, весь на пену и нутряные жидкости изойду.

Шарки искоса смотрел на него.

— Так брюхо-то перестало болеть?

— Ну, перестало... почти. Я скляницу обратно принес, он велел отдать.

Саруман взглянул на протянутую склянку, откупорил её, осторожно понюхал остатки содержимого. Посмотрел на визитера.

— А что, друг мой Эотар, воду так сырую из колодца и пьете? Велено же было кипятить.

Эотар замялся.

— Ну, мы и кипятим... иногда. Если время есть. Кто ж там с кипячением каждый день заморачиваться-то будет?

«Действительно, некому», — мрачно подумал Саруман.

— Он, друг мой, протраву от червей тебе дал, лишь с дозой, как всегда, переборщил малость. Ничего, жить будешь... Только ты сырую воду-то из колодца хлестать завязывай, а то ведь через неё, кроме червей, и какую-нибудь другую хворь подхватить можно, куда похуже. Или парень тебе об этом не говорил?

— Ну, говорил, — насупившись, пробормотал Эотар, спрятав грязные руки под грубый, заскорузлый от копоты фартук. Углубляться в подробности ему явно не хотелось.

— Так ты прислушивайся к его словам, старина Эотар... хотя бы иногда, — мягко произнес Саруман; о том, о чем чумазый кузнец предпочел умолчать, догадаться было несложно. — Даже несмотря на то, что он — орк.

***

— Дурень ты! — устало сказал Гэндальф Гэджу. — Надо было бежать прочь от болот, к чему было геройствовать попусту? Ты бы все равно с ними не справился, шестеро против одного...

Гэдж молчал. Сейчас все и впрямь представлялось несусветной глупостью. Но там, на гати, в нем какой-то неведомой силой проснулся воин Анориэль, и воспротивиться ему Гэдж отчего-то не сумел. Очень упрямый он оказался, этот воин Анориэль, очень напористый, живущий какими-то своими убеждениями и собственным, не особенно далёким умом.

— Ну, извини, — буркнул он. — Ты прав, следовало просто бросить тебя там на

растерзание этим тварям... В следующий раз буду умнее.

Волшебник молча сжал пальцами его плечо. Осуждение это было или одобрение — Гэдж так и не понял. Он так устал, что ему вообще не хотелось ни о чем думать. Простенький ужин — постная капустная похлебка, рыбник и пироги с яблоками — был закончен, и Гэджу хотелось просто сидеть здесь, в закуте за печной трубой, и в полудремоте наблюдать за тем, как паучок трудолюбиво плетет в уголке ловчую сеть да пляшут по стенам горницы неугомонные черные тени. Если бы можно было сидеть так вечно — в сытости, тепле и неподвижности, ни о чем не беспокоясь, ничего не решая, ни о чем не думая...

— Значит, в Крепости действительно окопался Саурон...

— Я видел его так же, как вижу сейчас тебя, Келеборн.

Эльф задумчиво пощипывал пальцами нижнюю губу. Был уже вечер, за окнами стемнело, и Гэджа мягким уютным одеялом окутывала сонливость. Долгий это был для него день, долгий и трудный... В горнице стоял полумрак, потрескивали в подпечке угли, помаргивали на столе огарки свечей. Гарх, втянув голову в плечи, неподвижно восседал на подоконнике с видом важным и глубокомысленным и, казалось, внимательно прислушивался к разговору; впрочем, Гэдж не поручился бы, что на самом деле он не спит крепким и безмятежным сном.

— Дурные вести... Самые дурные за последние годы, Митрандир. Впрочем, хороших новостей от тебя и не услышишь...

Тихо шуршала где-то в подполе мышь. Радагаст возился во дворе, кормил своих питомцев — это дело занимало его куда больше всех и всяческих премудрых бесед и явно казалось важнее эпохальных скорбей и спасения мира. Гэндалф, полуприкрыв глаза, сидел возле стола, закутавшись, как в плащ, в клубы табачного дыма, и на лице мага было написано блаженство человека, чья давняя и казавшаяся неосуществимой мечта наконец стала былью. Голос его звучал слегка хриловато:

— Теперь просто опасно прятать голову в кусты, Келеборн. Да, до сих пор было принято считать, что Дол Гулдур — досадное, причиняющее неудобства, но вполне невинное пятно на карте Средиземья, такая безвредная опухоль, которую нет необходимости немедля искоренять... но на деле, боюсь, безобидная опухоль давным-давно обернулась гноеродным нарывом, готовым вот-вот прорваться. Я говорил об этом тогда и повторю сейчас... мои опасения просто в очередной раз подтвердились — только и всего.

— Что еще тебе известно... по существу?

— В Дол Гулдуре около восьми тысяч уруков, тысяч двенадцать орков помельче, сотни полторы троллей, людей... полагаю, тоже около восьми тысяч, в основном южане и вастаки, а также рабы... Это общее население.

— А численность войска?

— Тысячи три уруков, примерно столько же — «козьявок» и людей... при острой необходимости «крысюков», конечно, тоже поставят в строй, хотя, на мой взгляд, Саурону сподручнее использовать их в тылу и держать в резерве. Что касается орков, то особую опасность представляют именно уруки, ибо их, как бойцовых псов, с малых лет натаскивают свирепости и искусству убивать, прочие же вряд ли будут особенно рады о боевых свершениях и воинской славе — лишь о том, как бы чем по мелочи поживиться и унести ноги...

Келеборн покосился в сторону Гэджа:

— Уруки, говоришь? Гм. Не пора ли твоему юному другу наконец осчастливить нас

своим отсутствием и отправиться на боковую?

Гэндальф как будто замялся.

— Ну... мне кажется, он имеет право присутствовать. Мне нечего от него скрывать, Келеборн.

— Тебе, может, и нечего, — сердито проворчал эльф. — Но я предпочел бы, чтобы наша беседа все-таки носила более приватный характер. Я отправлю гонцов к Элронду, Гэндальф. Нам в ближайшее время нужно собраться в Лориэне и обсудить создавшееся положение.

— А как же Саруман? — спросил Гэдж негромко.

— Расскажи все, что ты знаешь, — не выпуская трубку изо рта, попросил Гэндальф. — Что там с ним за беда приключилась?

И Гэдж заговорил — о том, как Саруман оказался в Замке, об ошейниках, о «крысюках» и визгунах, о рутинных лекарских буднях, о том, как в конце лета Шарки вынужден был уехать куда-то на юг. Гэндальф выколотил пепел из трубки на стол перед собой и задумчиво выводил в нем пальцем какие-то узоры. Келеборн сидел, опустив голову, скрестив руки на груди и вытянув перед собой ноги, и, хмуря тонкие брови, сосредоточенно разглядывал изящные мыски своих мягких кожаных сапог. Небрежно хмыкнул, когда Гэдж, охрипнув и исчерпав весь запас своего невеликого орочьего красноречия, наконец замолчал.

— Что ж, хорошо. Мы... примем все это к сведению, орк.

— Видимо, мне придется вернуться в Замок, — после недолгой паузы пробормотал Гэндальф, — и найти Сарумана. В конце концов, он мой друг...

Гэдж перевел дух. Кажется, самое время было ковать железо.

— Есть способ проще, — сказал он сиплым, плохо повинующимся голосом. — Материал, из которого изготовлены ошейники, содержит некоторую часть «небесного железа»... как и «сит-эстель». Тот амулет, который вы подменили, господин Келеборн.

В лице Владыки не дрогнул ни единый мускул.

— И что? — помолчав, спросил он.

— Саруман сказал мне, что обе эти вещи обладают сходными магическими свойствами... и, если изучить свойства амулета и понять, как «работает» запирающее заклятие, можно будет попытаться снять ошейник.

Эльф устало улыбнулся.

— И ты в это поверил?

Гэдж опешил.

— А почему я должен был не верить?

Келеборн и Гэндальф быстро переглянулись.

— Ладно, — проворчал эльф. — Насколько я понял из твоих же слов, Саруман покуда не бедствует... Он и в Дол Гулдуре пришелся ко двору, что меня, впрочем, не удивляет... при его-то, гм, завидном умении приспособиться к чему угодно. Хорошо, мы подумаем, как его вытащить. Дело это, похоже, не из простых.

— Но...

— Не тревожься за своего учителя, Гэдж, — негромко сказал Гэндальф, — Саруман — хитрый и умный... поверь, он не пропадет. Мы созовем Совет и решим, что можно сделать, чтобы ему помочь.

— Да. Сейчас, признаться, меня куда больше волнует новость о том, что Саурон вновь поднимает голову, — со вздохом пробормотал Келеборн, — и что нынешнее его логово находится так близко от Лориэна... — Он резко поднялся, взволнованно прошелся по

горнице туда и сюда, с неудовольствием покосился в сторону Гэджа. — Оставь нас, орк. И, будь любезен, поплотнее прикрой за собой дверь.

***

— Я знал, что он в Замке, — хрипло прокаркал Гарх. — Как только все вспомнил...

На чердаке было темно. Пятно света дрожало лишь вокруг пламени свечи, которую Гэдж принес с собой, бледной краской размазывалось в сумраке; впрочем, сумрак был неопасный и не таящий в себе никаких неожиданностей, кроме шорохов, скрипов и натканных там и сям неожиданных углов — обычный, ничем не примечательный пыльный сумрак, живущий на чердаке старого дома.

— Я пытался найти его и дать ему о себе знать, — виновато добавил Гарх, — но как-то... не случилось.

— Струсил? — презрительно спросил Гэдж.

Ворон нахохлился.

— Радагаст говорил, будто орки развлекаются тем, что стреляют из луков по пролетающим птицам. Это что, правда?

— Не знаю, я не слышал, — сказал Гэдж. — Но Саруман сейчас не в Замке, где-то у южной границы. Можешь попробовать поискать его там, только держись над землёй повыше, раз уж боишься орочьих стрел.

— Не боюсь! Просто, знаешь ли, ратую за разумную осторожность. — Ворон деловито встряхнулся и почесал лапой клюв. — Кстати, я рассказывал тебе, как мне удалось спастись?

— Четыре раза, — пробурчал Гэдж. — За последние полчаса.

Увы! Гарх считал, что этого явно недостаточно, чтобы осознание совершенного им подвига внедрилось в разум орка в должной степени. Он вообще невероятно гордился собой и (с того момента, как к нему, к ужасу всех остальных, вернулась память) готов был пересказывать свои злоключения любому, кто хотел (и не хотел) его слушать. Днями напролет он высматривал в поле зрения подходящую жертву, пикировал ей на плечо и, впиваясь в плоть бедолаги длинными острыми когтями, выпячивая грудь и взмахивая крыльями, с упоением вещал о том, как, выполняя ответственное поручение Белого мага, раненный и простреленный от хвоста до макушки, летел вдоль долины Келебрант, презрев опасность, теряя перья и последние силы, как ловкими маневрами уходил от погони, как, кувыркаясь, падал в воду, как, прощаясь с жизнью, барахтался в реке и мужественно боролся с течением, разбивая грудью волны и речные валуны — и с каждым разом его повествование обрастало все более душераздирающими подробностями, рана его становилась все серьёзнее, напавший на него орлан — все крупнее и свирепее, река — глубже, а речные камни — твёрже. Кажется, даже Смоки и енот были поставлены в известность о выдающихся гарховых приключениях и шарахались от него, как от зачумленного, стоило только ворону показаться во дворе; впрочем, Гарх не унывал. Он и сейчас надулся и набрал в грудь воздуха, готовый пуститься — по пятому кругу — в воспоминания о своих богатырских свершениях, но орка куда больше интересовало другое — то, что происходило внизу, в горнице.

— Да помолчи ты наконец! — Он нашарил смотровую щель в полу, вытащил из неё кусок пакли и прислушался. Голос Келеборна звучал приглушенно, но доносился ясно и отчетливо:

— ...просто невысказано! Признаться, это худшее из того, что я ожидал от тебя

услышать... Значит, ты действительно полагаешь, что Саурон... опасен? И что он... может вновь обрести былую силу?

Гэндальф сидел, задумчиво посасывая пустую — или уже угасшую — трубку, медленно пропуская сквозь пальцы встрепанную бороду.

— Да. Хотя Дол Гулдуур еще полностью не готов к войне. Припасов и вооружения заготовлено недостаточно... Нельзя медлить, Келеборн — нужно прижать его сейчас, пока он еще не набрал достаточно сил. Он ищет свое Кольцо — то, которое сгнуло в Андуне... Нельзя допустить, чтобы он его нашел.

— Будем смотреть правде в глаза — на все эти тысячи орков и троллей у меня и двух тысяч воинов не наберется...

— Победу в войне может обеспечить не только численное превосходство, друг мой. Тем более послать гонцов в Ривенделл и Серые Гавани действительно еще не поздно.

Эльф чуть помолчал. Видимо, осознание того, что отныне безмятежная тишь и неизменное бездвижное спокойствие Лориэна будут нарушены, давалось ему непросто.

— А что ты думаешь об этой ситуации с Саруманом? — как-то неохотно, точно преодолевая нудную зубную боль, спросил он. — Выходит, он действительно в Замке?

— Выходит, так.

— Мне это не нравится.

— Мне это тоже не нравится, Келеборн. Еще эти ошейники...

Эльф раздраженно щелкнул пальцами.

— Ты слышал, что говорил этот мальчишка? И на самом деле веришь, что их можно снять с помощью, э-э... «сит-эстеля»?

Гэндальф чуть помедлил с ответом:

— Ну, трудно сказать... Но если магические свойства этих вещей действительно сходны...

Келеборн, расхаживающий по комнате, резко остановился.

— Гэндальф! Своему бестолковому найденьшу Саруман волен внушить что угодно... Но мы-то с тобой — не тупоголовые орки! Саруман нашел обломок амулета пятнадцать лет назад — и за все это время не удосужился даже сообщить мне о такой важной для меня находке!

— И что из этого следует?

— По крайней мере то, что этот амулет его давно интересовал. Поэтому теперь, когда ему представилась отличная возможность воссоединить «сит-эстель», он ухватился за неё обеими руками.

— Для чего ему это, Келеборн?

— Амулет действительно изготовлен из галворна, из «небесного железа», и может обладать довольно... странными свойствами. Не сомневаюсь, что Саруману это интересно... Он что-то почуял в этом амулете, потому и тщится завладеть им всеми возможными и невозможными способами. Вот только... я ему не доверяю, Гэндальф. Для достижения своих целей Белый маг не гнушается и никогда не гнушался никакими средствами.

— Это твое мнение, Келеборн.

— Но не твое? Ты опять уходишь от ответа, Гэндальф!

Волшебник молчал, ссутулившись, опустив плечи, что-то внимательно разглядывая у себя на ладони.

— Я просто слишком устал, чтобы затевать очередной бесполезный спор...

— В спорах рождается истина, — процедил эльф. — А твоя беда в том, что ты слишком сдержан в своих суждениях. Да, я вправе не доверять Саруману... особенно сейчас, когда он оказался в Замке. И, между нами говоря, тебе тоже следовало бы относиться с бóльшим вниманием к его сомнительным делишкам.

Гэндальф по-прежнему не поднимал глаз.

— Что-то дает тебе основания считать эти, как ты их называешь, «делишки» сомнительными?

— А что-то дает тебе основания не считать их таковыми, Митрандир? Я думал, мне не придется тебе этого объяснять...

— И все же не сочти за труд.

— Изволь. И, в таком случае, обрати наконец внимание на необъяснимую саруманову скрытность. На его глухое затворничество в Ортханке. На эти его бесконечные алхимические опыты в желании создать нечто поистине разрушительное! На увлечение рычагами, шестернями, колесами и прочей мерзкой машинерией. На откровенное небрежение устоявшимися традициями и осмеяние древнейших канонов... В конце концов, на всю его бессовестность и бесцеремонность, на неукротимое вольнодумие, на желание нарушить все священные заповеди и запреты и нагло попать их грязным сапогом! Как, достаточно? На беззастенчивую самонадеянность, которая заставляет его совать нос в самые сокровенные тайны Эа! На отвратительные хирургические опыты... не над крысами — над людьми! На весь этот нездоровый интерес к оркам, который подвигает его на совершенно невыносимые и противоестественные... «изыскания»! Ну, убедил я тебя? Что ты улыбаешься, Серый?

— Вижу, ты очень не хочешь отдавать ему «эстель», Келеборн...

Эльф секунду помолчал. Отрывисто усмехнулся, откинул голову назад, провел тыльной стороной ладони по лбу.

— Да. Не хочу. Знаешь, почему? Потому что больше я этот амулет никогда не увижу. Курунир придумает сотню причин не возвращать его моему народу, недаром пятнадцать лет назад он прибрал его к рукам безо всяких стеснений и угрызений.

— Ну, возможно, он просто не ведал, что это за вещица и насколько она для тебя важна...

— Не ведал? И за пятнадцать лет не удосужился выяснить? Да не смейся... Он скрыл — не только от меня, но и от кого бы то ни было! — сам факт этой находки, и мне довелось узнать обо всем совершенно случайно, только из-за того, что «эстель» выкрал из Ортханка какой-то паршивый орк! Ну, спасибо ему за это. Я наконец обрёл давнюю реликвию моего народа и память о дочери и не хочу вновь её потерять. Для меня «эстель» — тоже в некотором роде талисман, символ вновь обретенной надежды и торжества восстановленной справедливости... настоящее сердце Звезды Эарендила. Надеюсь, ты это понимаешь? — эльф нервно вскинул руку к груди и сквозь ткань блузы тронул заветную Звезду кончиками пальцев, крепко сжал медальон в кулаке, спрятал в ладони, укрыл от всего мира. — И — да, — добавил он тише, — я бы предпочел оставить его себе, как бы на твой взгляд странно, неуместно и вызывающе это ни звучало, слышишь?

— Я слышу тебя, Келеборн, — мягко отозвался Гэндальф. — Но неужели мы теперь начнем грызться из-за этой странной вещицы, как свора злобных псов?

— Нет. Не начнем! Я, по крайней мере, совершенно спокоен! — эльф яростно скрипнул зубами. — Но все же полагаю, что можно найти и другой способ вытащить Сарумана из Замка.

— Только сделать это нужно поскорее, — заметил Гэндальф. — Если он действительно настолько бесчестный и сомнительный тип, каким ты его сейчас живописал, то, чем дальше он находится в Дол Гулдуре, тем больше у него будет возможностей натворить там своих «сомнительных дел».

На какую-то секунду Келеборн изменился в лице.

— Ты полагаешь его предателем?

— Нет, что ты. Я просто продолжаю твою собственную мысль... Впрочем, пока Саруману удастся оставаться в Замке неузнанным, я думаю, опасаться нам нечего. По собственному почину он вряд ли рискнет открыться Саурону... хотя бы по одной простой причине.

— Какой? — голос эльфа был едва слышен.

— Он все еще надеется снять ошейник... с нашей помощью, Келеборн! Но, если он лишится этой надежды... отчаяние и безысходность могут толкнуть его на, скажем так, крайние меры.

— Этого нельзя допустить.

— Да.

— Что ты предлагаешь, Гэндальф? Каковы твои варианты развития событий?

— По-моему, их — достаточно значимых — всего два. Первый — Саруман сумеет снять ошейник самостоятельно. Для этого, по утверждению Гэджа, ему необходим «сит-эстель».

— Скажу откровенно: подобное объяснение годится разве что для пустоголовых... юнцов.

— Ну... оно мне тоже представляется довольно сомнительным, но тут ничего нельзя утверждать наверняка.

— А второй вариант?

— С Сарумана снимет ошейник кто-то другой.

— Например, кто?

— Например, я.

— Но для этого тебе придется вернуться в Крепость!

Гэндальф чуть помолчал.

— Да. Но я сделаю это, Келеборн... если иного выбора не останется.

Эльф нервно потёр ладони.

— После того, как ты едва выбрался оттуда живым? Я, конечно, знаю твою склонность ко всякого рода несусветным затеям, но на этот раз это будет не просто опасной и отчаянной блажью, а чистой воды безумием. Кроме того, ты нужен мне здесь.

— Позволь мне все-таки самому решать, где я нужен, а где — нет... Что именно ты предлагаешь?

— Пока не знаю. Нужно обдумать ситуацию. Посоветоваться с Элрондом и Галадриэль. Я завтра же отправлю гонцов в Ривенделл и Серые Гавани. Если придется идти на Дол Гулдур войной, я, по крайней мере, хочу сделать это не в одиночку.

— Сколько времени займут все эти телодвижения?

— Месяц — в лучшем случае... пару месяцев... Нужно собрать Светлый Совет, все обсудить, разработать план нападения и подготовиться к наступлению. Все это, знаешь ли, далеко не просто... Тем более что Дол Гулдур хорошо защищен и с запада, и с севера, спрятан за кольцом этих проклятых болот...

— Если дело дойдет до открытого нападения, то атаковать лучше с юга, со стороны

Андуина — там тоже болота, но их куда меньше, а проезжих дорог — больше, с той стороны к Замку подвозят обозы с продовольствием. Впрочем, это следует обговорить обстоятельнее... У меня имеются карты местности.

— Карты? — Эльф прерывисто вздохнул. — Ну, хоть что-то...

Месяц — в лучшем случае... Или пару месяцев... Или полгода... У Гэджа мурашки ползли по коже от всего услышанного. Весь его сон как рукой сняло. Вспомнился Саруман — его дрожащие руки, опустившиеся плечи, поникшая голова... *«Не обращай внимания, у всех бывают минуты слабости...»* Сколько времени пройдет, пока эльфы раскачаются и созовут Совет, пока соберут войско и подойдут к Дол Гулдуру? Вытаскивать из плена Сарумана никто особо не собирается, ну да, он и там прекрасно устроился и восхитительно себя чувствует, с его-то шакальей приспособляемостью, перетопчется как-нибудь... Гэндальфу в Замок возвращаться опасно, да и нечего ему там делать. А амулет здесь, совсем рядом! Меньшее из всех возможных зол! Но Келеборн вцепился в него руками и ногами и по доброй воле «эстель», видимо, не отдаст... уверен, что обратно он его не получит... *«Отныне это мой талисман...»* Нет, это *мой* талисман, в ярости подумал Гэдж, это у меня ты его украл самым подлым образом! Орк судорожно грыз коготь, вертя сумбурные мысли в голове так и этак, дрожа, точно в лихорадке, но так ни к какому выводу прийти не мог, как и не мог решить, что же ему сейчас делать. Какая-то неопределенная дума назойливо витала в воздухе, напрашиваясь в руки, но никак не даваясь, увертливая и неуловимая, словно ночной мотылек...

Он, конечно, пропустил что-то, происходящее в горнице, потому что его привел в себя стук захлопнувшейся двери. Гэндальф и Келеборн вышли во двор и о чем-то говорили возле ворот, Гэдж видел их в чердачное оконце. Над Росгобелом висели сумерки; было еще не совсем темно, внизу, под холмом, алой лентой поблескивал Андуин, на запад, за зубцы Хитаэглира, утекала кровавая полоска заката. Выглянул из сарая Радагаст, тоже о чем-то заговорил, взмахивая руками — и широкие разлетающиеся рукава его бурого балахона делали его похожим на огромную, потерявшую способность оторваться от земли птицу. Вынырнул из сумрака эльф-слуга, что-то негромко сказал Владыке, за забором тоненько заржала лошадь.

Гэдж судорожно кусал костяшки пальцев. Надо что-то делать, говорил он себе. Сейчас, немедленно, как можно быстрее! Нельзя сидеть в бездействии, кроме меня радеть за Сарумана, похоже, и некому. Но делать — что? Как? Каким образом?

Прощание у ворот было закончено. Келеборну подвели коня, и он легко поднялся в седло. Мягко затоптали тонконогие эльфийские лошади; эльфы везли с собой освещавшие дорогу голубоватые фонари, и вот цепочка сияющих огоньков потянулась в сторону леса, отдалилась, замелькала среди деревьев. Ещё несколько секунд из темноты доносился удаляющийся перестук копыт, потом и он стих...

В голове у Гэджа словно лопнул стеклянный шар. Решение — внезапное, но ясное, как день, — было принято. Орк вскочил — рывком, точно кто-то подтолкнул его шилом в спину. Охватившее его болезненное волнение требовало немедленных действий, даже тупая нудная боль в раздавленной ноге не могла помешать ему сейчас осуществить задуманное. Впрочем, можно было пошарить на чердачных полках и шкафчике со снадобьями в поисках мази из немейника, наверняка Радагаст все-таки сумел пополнить запас...

На краю подоконника восседал задремавший Гарх — он испуганно всполошился, когда орк подскочил к чердачному оконцу. Никаких резких движений ворон от Гэджа явно не

ожидал — по крайней мере, сегодня.

— Ты куда?

— Я ненадолго, — торопливо сказал орк. — Мне надо кое-что сделать.

Тёмные глазки Гарха засветились подозрительно.

— Что сделать?

— Вернуть себе свою собственность, — пробормотал Гэдж. Он выглянул наружу и осмотрелся: вылезти на крышу, перебраться на ветку ближайшей яблони, а оттуда спрыгнуть на землю не составляло никакого труда. — Жди меня здесь, — небрежно бросил он Гарху через плечо. — Возможно, ты мне вскоре понадобишься.

— Я? — испуганно прохрипел ворон. Это известие его в восторг явно не привело. — Что ты там опять задумал, дуралей окаянный?

Гэдж отмахнулся.

— Неважно. Жди, я скоро буду. — Он даже не кривил душой, и в самом деле рассчитывая вернуться достаточно быстро. До эльфийского лагеря, разбитого чуть поодаль, в глубине леса, было недалеко — вряд ли более полумили.

49. Сломанная Звезда

— Орк! Стой на месте!

— У меня послание от Гэндальфа, — хрипло сказал Гэдж. — Срочное.

Но страж не торопился освободить дорогу.

— Отдай его мне. Я передам Владыке.

— Оно... на словах. Мне нужно сказать... с глазу на глаз.

Эльф-страж секунду помедлил. Гэдж стоял, переводя дыхание после быстрого бега, в волнении сжимая и разжимая ладони. Ночная чаща, шелестевшая за его спиной, казалась наполненной плотной толпой теней — любопытных таких лесных теней, собравшихся поглазеть на занятное представление. Впрочем, немногочисленные голубоватые фонари, освещавшие эльфийский лагерь, не позволяли им проникнуть за невидимую границу.

— Иди вперед, — сказал эльф — и кивком указал на один из шатров, стоявший в центре лагеря: над ним висел синий стяг с изображением золотистого древа-мэллорна. Гэдж послушно потопал по тропке, провожатый двинулся за ним, и лесные тени потянулись следом, неприметные и бесшумно скользящие, как вражеские лазутчики. Эльф сказал пару слов стоявшим у входа стражам, вошел в шатер и пробыл там с полминуты. Вернулся, посмотрел на Гэджа: — Оружие есть?

Орк отдал стражам кинжал и покорно позволил себя обыскать. Эльф-провожатый откинул полог шатра:

— Заходи.

Гэдж шагнул в палатку — опять-таки в сопровождении одного из стражей, остановился на пороге. Воздух внутри шатра был напоен ароматом роз: изящная курильница, заправленная благовониями, старалась вовсю, и Гэджу разом захотелось чихнуть. В жаровне, выкованной в форме пузатого дракона, мягко помаргивали угли, и казалось, будто в глазах и чуть приоткрытой драконьей пасти то и дело вспыхивает зловещий красноватый огонь.

Келеборн стоял, прислонившись бедром к невысокому столику, и при свете фонаря небрежно проглядывал какие-то свитки. Без интереса повернул голову навстречу вошедшему.

— Что у тебя, орк?

— Мы не одни, — глухо сказал Гэдж. — Это... важно.

Келеборн как будто удивился. Приподнял брови.

— Выйди, Эллоир.

Но страж медлил.

— Будет ли целесообразным...

— Вы мне не доверяете? — перебил Гэдж.

— У нас нет особых оснований доверять... таким, как ты, орк, — сухо отозвался Келеборн. — Но Митрандир поручился за тебя... Выйди, Эллоир. Я вооружен.

Эльф молча поклонился и вышел. И, несомненно, остановился где-то снаружи, возле входа — ну да ладно, пес с ним!

— Ну, — отрывисто спросил Келеборн, — в чем дело? Гэндальф действительно просил что-то мне передать?

— Нет, — сказал Гэдж.

Владыка даже бровью не повёл.

— Тогда что тебе нужно?

— Мне нужно с вами потолковать, — пробормотал Гэдж.

— Потолковать? — Эльф смотрел на него не то чтобы высокомерно, скорее со сдержанным изумлением — как будто с ним, встав на задние лапы, внезапно заговорила обитающая в зверинце лохматая зверюшка. — Ну хорошо, я слушаю. Так мы наконец доберемся до сути дела?

Гэдж молчал... Нет, он действительно не намеревался ни нападать на Келеборна, ни пырять его кинжалом, ни вязать по рукам и ногам, ни нагло, по-разбойничьи воровать амулет. Он хотел всего-навсего достучаться до хваленной эльфийской мудрости и великодушия... Только сейчас, секунду назад, он твердо знал, что и как будет говорить эльфу, как объяснит, каково это — жить под тяжелой пятой Черного Замка, денно и ночью ощущая, как твое тело, твои мысли, твоя душа пропитывается тлетворными эманациями недоброго колдовства; каково это — быть *водой* и принимать форму ненавистного сосуда; каково это — носить ошейник, быть подневольным рабом, каждую минуту помнить о том, кто ты есть — и заживо хоронить в себе ставшую бременем опасную Силу; каково это — каждый день, каждый час балансировать на грани, следить за каждым шагом, боясь оступиться, корчиться от вынимающих душу воплей проклятых визгунов, каждую секунду ожидая, что за тобой *придут*... Он нес через лес эти слова и эту решимость, как полную чашу, боясь её расплескать; он давно хотел высказать, выкрикнуть всё это в лицо надменному Владыке — и вот: Келеборн стоял перед ним, готовый его выслушать. Но...

В глазах эльфа не было *ничего*: ни участия, ни простого интереса, ни даже раздражения, взгляд его проходил сквозь Гэджа, ни на чем не задерживаясь, как будто орк был стеклянным, — и весь пыл Гэджа, все его страстное красноречие, подпитанное волнением и тревогой — все это враз иссякло, как иссякает родник под палящими солнечными лучами, затерялось где-то под тяжелыми барханами непреодолимого безучастия. Он нервно, с усилием плотнул, точно пытаясь протолкнуть в горло ком мокрых опилок и дать выход застрявшим на полдороге словам; два, три раза облизнул пересохшие губы... Тщетно — слова не явились.

Владыка терпеливо ждал.

Гэдж чувствовал себя полным дурнем. Он был уверен, что вот сейчас, так и не услышав ничего вразумительного, эльф с недоумением пожмет плечами и позовет стражу.

— Итак? — с плохо скрытым раздражением поторопил наконец Келеборн.

Орк смотрел в пол. Пробормотал, заикаясь:

— В-в... верните мне мой амулет. Он мне нужен... Для Сарумана.

Эльф даже не попытался скрыть усмешку.

— И это всё?

— Д-да...

Владыка печально вздохнул.

— Зачем ты пришел, орк? Ты что, действительно думал, что я *верну* тебе амулет? Ты полагаешь себя его законным владельцем?

— Я полагаю, что могу рассчитывать на ваше понимание и участие, господин Келеборн, — беспомощно выдавил Гэдж: все его наивные чаяния холодно-равнодушный взгляд эльфа замораживал на корню.

Владыка секунду помолчал, поглаживая в пальцах длинное гусиное перо. Гэджу казалось, что эльф борется с желанием вымученно закатыть глаза.

— Ну, предположим, я это сделаю — и что? Ты пойдешь с ним обратно в Замок? По-твоему, я могу это допустить?

— Гарх может отнести амулет, — сказал Гэдж, — и передать Саруману. Я об этом думал...

— О том, что амулет может попасть в лапы врага, ты не думал?

— Ну почему сразу...

Келеборн устало прикрыл глаза.

— Послушай, орк, мне, право, недосуг тут разводить с тобою турусы, у меня все-таки есть дела поважнее... Возвращайся в Росгобел. — Он шагнул к столу, что-то небрежно черкнул на листке бумаги, обмакнул в чернила и приложил к записке перстень-печатку. Протянул бумагу Гэджу. — Это пропуск, отдай его стражу на рубеже, чтобы тебе позволили беспрепятственно выйти из лагеря. И, если уж тебя так всё это волнует, поговори с Гэндальфом, мы с ним буквально час назад всё подробно обсудили.

Гэдж растерянно стиснул бумагу в руке. Намек на то, что ему пора откланяться и убраться восвояси, был более чем прозрачен.

— А почему вы не хотите подробно обсудить всё со мной? — спросил он, злясь на себя за свое неисправимое орочье косноязычие. «Или я для вас слишком уж тупоголовый, господин Келеборн?» — хотел он добавить, но, по счастью, вовремя удержался.

Эльф поморщился — как будто надкусил кислое яблоко.

— Потому что, во-первых, я просто не хочу говорить с орком, мне это не доставляет ни малейшего удовольствия. Во-вторых, я не хочу говорить об этом амулете. И, в-третьих, я не желаю говорить с тобой о Сарумане — это все равно что обсуждать с фанатиком-дикарем его обожаемого, слепленного из глины пополам со слюнями уродливого идола. Твой учитель для тебя — больше, чем просто учитель, это понятно даже, гм... гному. Ты настолько уверен в его вездесущей правоте, моральной чистоте и непогрешимости, что готов верить ему целиком, полностью и безоговорочно. Глупый мальчишка... мне тебя жаль, право. — Он действительно улыбнулся Гэджу: не насмешливо, не обидно, скорее печально — с сожалением, как улыбаются, глядя на безобидного, беззаботно лепечущего, но, увы, совершенно безнадежного дурачка. — Ведь ты думаешь, будто что-то для Сарумана значишь, что он ценит тебя, может быть, тобой дорожит... даже, вероятно, любит. Но — нет. Ты ошибаешься, орк. Знай одно: ты для него — не друг, даже не ученик, всего лишь занятная игрушка... верный пес, выдрессированный зверь, готовый лизать руку хозяина и перегрызть глотку любому, кто скажет о нем недоброе слово. Да, сейчас ты важен для Сарумана, ты ценен для него, как ценен для исследователя объект незавершенного изыскания, но, как только Белый маг сочтет, что его опыт, начатый пятнадцать лет назад, исчерпал себя, он о тебе забудет... швырнет тебя, как полено, в топку какой-нибудь очередной безумной идеи, и от тебя не останется даже горстки пепла. Вот и всё. — Чуть помолчав, он устало вздохнул и на секунду прикрыл глаза, точно вид Гэджа стал ему окончательно невыносим. — Ты волен сомневаться в моих словах, орк, но я, к сожалению, слишком хорошо знаю Белого мага, чтобы иметь наивность уповать на его доброту, чуткость и мягкосердечие.

В жаровне с громким треском лопнул шальной уголек. Пламя взметнулось; металлический дракон плюнул огнём, глаза его полыхнули недобрый багровым светом.

— Вы... всё сказали? — прохрипел Гэдж. Он стоял, испытывая странное желание утереться, точно в него плеснули помоями.

— А ты хочешь, чтобы я еще что-нибудь добавил?

— В-вы... просто ненавидите Сарумана, господин Келеборн!

— Лучше бы тебе помолчать, мальчишка, — холодно произнёс эльф. — Уходи. Я не желаю обсуждать свои отношения с Белым магом с каким-то... орком.

Гэдж и рад был бы замолчать, но не мог — слова лились из его сердца помимо воли:

— Вы ненавидите его за то, что он вас не слушает и не смотрит вам в рот. За то, что не разделяет ваши взгляды. За то, что идет своим путем и не пляшет под вашу дудку! За то, что он не считает, будто эльфы — пуп земли и владыки этого мира! И вас это бесит, господин Келеборн!

Бледное лицо Келеборна передернулось, как спокойная поверхность пруда, в который швырнули камнем.

— Ну, давай, расскажи мне, за что еще я ненавижу Сарумана, орк, и что ещё меня «бесит». Брехливый щенок! Ты, конечно, ни на грош мне не веришь, да и пес с тобой... я, наверно, даже буду рад, если ты останешься при своих заблуждениях до конца твоих дней. А сейчас — будь любезен, оставь меня наконец в покое, ты меня вконец утомил своим присутствием. «Эстель» ты от меня все равно не получишь.

Он на мгновение отвёл взгляд и протянул руку к стоявшему на столе колокольчику, чтобы позвать слугу.

— Получу, — негромко рыкнул Гэдж. Слова эльфа хлестали его больно и обжигающе, как там, в подземелье, когда-то хлестал кнут Каграта, и, как и тогда, в нем вдруг проснулось и заворочалось что-то страшное, истинно орочьё, что-то темное и неуправляемое, свирепое, как медведь, жаждущее боли и крови...

— Что?

Келеборн едва успел обернуться; Гэдж бесшумно шагнул вперед, схватил со стола тяжелый деревянный кубок и резким прямым ударом без замаха опустил его на среброволосую голову Владыки.

***

— А! Шарки, старый сыч, — безо всякого выражения сказал Каграт. — Вернулся?

В камерке Каграта стоял крепкий запах винной кислятины — въевшийся в кирпичи, в грязную утварь, в шмотье, валявшееся на полатах. Сам орк пребывал в том мрачном подавленном расположении духа, какое обычно наступает в конце весело и содержательно проведенного вечера. Он сидел на лежанке, завернувшись в побитую молью волчью шкуру, и смотрел на нежданного визитера угрюмо, исподлобья, словно раздумывая, с какой стороны будет удобнее дать ему пинка.

— Все пьешь, гуляешь и с ветерком катишься по наклонной? — небрежно спросил Шарки. — Экое у тебя лошадиное здоровье.

Каграт глухо зарычал.

— Завидуй молча, старая сволочь. Нечего мне тут морали читать, воздержание и трезвость в уставе не прописаны, нет такой буквы в этом слове... Лучше бы вместо дурацких нравоучений опохмелиться принёс. Где этот твой ленивый мальчишка запропастился, он еще вчера поутру обещал мне зелья сварганить, да так и не сварганил...

— Ты его видел? — быстро спросил Саруман. — Он ещё что-нибудь тебе говорил?

— Нет. А что? Мне с ним особо разговаривать не в охотку. — Каграт покосился на Шарки подозрительно. — Почему ты спрашиваешь?

— Он оставил записку, что ушел на болота, — помолчав, сказал Саруман. — Но так и не вернулся... Уже ночь на дворе! Я надеялся, тебе что-нибудь об этом известно.

Каграт сердито всхрапнул.

— Я ему что, нянька? — проворчал он и, завернувшись в ободранную шкуру, тяжело повалился на лежанку. — Ну, отправим завтра с утра патруль по болотам пошарить, ночью там все одно ловить нечего. — Выпростав из-под тряпья взлохмаченную голову, он хитро прищурил зеленоватые глазки. — Ты только про зелье-то давай не забудь... А то у меня, знаешь ли, память тоже короткая, обещания иногда из головы напрочь вылетают.

***

Гэджу показалось, что он ударил эльфа совсем легонько, без малейшего усилия — тем не менее Келеборн беззвучно, мешком осел на пол, Гэдж едва успел его подхватить. На какую-то секунду орк испугался, что убил его... но нет: Владыка определенно был жив, разве что слегка оглушен — из горла его вырвался тихий хрип, веки едва заметно подрагивали... Гэдж осторожно опустил его наземь. Княжий венец упал с головы эльфа, и дивные серебристые волосы рассыпались по тёмному ковру, которым был устлан пол, нежная белая кожа в голубоватом свете фонаря казалась светящейся, словно тонкий фарфор... Гэдж судорожно глотнул; сейчас, странное дело, стоило ему увидеть Келеборна поверженным, беспомощным и жалко распростертым у его ног, как вся обуревавшая орка жгучая ненависть как-то притупилась, приугасла, точно головешка, накрытая металлической ложкой — еще багровеющая и дымящаяся, но уже совершенно безвредная. И что я наделал? — в тоскливом ужасе спросил он себя.

Снаружи, за пологом шатра, послышались приближающиеся шаги.

Гэдж застыл. Сердце его остановилось, пропустило удар, позвоночник разом превратился в сосульку. Сейчас, ещё секунда — и рывком откинется полог, ворвутся в шатер вооруженные стражи, прижмут Гэджа к стене остриями копий... Но нет, шаги отдалились и утихли — кто-то, безмятежно посвистывая, прошел мимо, и вновь настала тишина, только мирно и буднично потрескивали в жаровне угли.

Гэдж стоял, замерев, как восковая фигура, и едва смея вздохнуть. Ему казалось, будто в животе его копошится клубок холодных червей.

Эльфы, находящиеся снаружи, никак не давали о себе знать. Неужели они и в самом деле ничего не слышали? Не почувствовали? Не заподозрили? Или — что?

Как бы то ни было, отступать было поздно, в недобрый час содеянное чёрное дело следовало довести до конца. Орк перевёл дух.

По-прежнему ничего не происходило. Келеборн едва слышно хрипел, рот его был чуть приоткрыт, в уголке рта поблескивала капелька слюны. Гэдж огляделся в поисках какой-нибудь веревки, но ничего не нашел, снял с пояса Владыки расшитый цветными узорами кушак и надежно стянул им руки пленника у него перед грудью. Завязал эльфу рот носовым платком. Некоторое время возился с крохотным замком на цепочке, на котором висел медальон, — вещица так и норовила выскользнуть из его вспотевших от волнения, отчего-то дрожащих пальцев, — но наконец справился и с этой задачей. Крепко сжал трофей в кулаке...

На крышечке медальона была вычеканена многолучевая звезда с руной «сит-эстель», изображенной в центре. Как Келеборн её называл — Звезда Эарендила? Ладно, неважно.

Сейчас я открою крышку, совершенно безо всяких чувств подумал Гэдж, и выяснится, что никакого «эстеля» внутри на самом деле нет...

Он поддел когтем крохотную застежку, и она негромко шелкнула в его руках. «Эстель» был на месте — маленький, какой-то серый и невзрачный, тускловато поблескивающий... Что ж, хорошо.

Гэдж сунул медальон за пазуху, оглянулся на Келеборна — тот все ещё был без сознания, — глубоко вздохнул, собрался с духом и, стиснув зубы, решительно вышел из шатра навстречу неизбежности...

Стражи, негромко переговариваясь, стояли чуть поодаль, опираясь на копья, древками воткнутые в землю, — и при появлении Гэджа оглянулись на него без малейшего интереса. Эллоир покосился на орка мрачно и неприязненно.

— Владыка просил его не беспокоить, — хрипло сказал Гэдж. — Он занят.

Никто не ответил, ничего не спросил, не потребовал ни пропуск, ни подорожную; Эллоир молчаливым кивком указал орку на тропу, и Гэдж, повернувшись, быстро зашагал меж ряда шатров обратно, к выходу из лагеря, сопровождаемый по пятам неизменным стражем. На границе лагеря Эллоир остановился и — по-прежнему без единого слова — отдал Гэджу кинжал. Орк всунул его за пояс и торопливо нырнул под тёмный полог деревьев, в лес, где его уже ждали такие родные и спасительные лесные тени. Времени у него оставалось совсем немного.

***

Всю дорогу до Росгобела — она была не долгой — Гэдж миновал бегом, в ночном лесу он видел отлично, и неширокая, петляющая между стволами деревьев тропа ложилась ему под ноги шелковой лентой. Росгобел был погружен в темноту, хотя в окне мерцал красноватый свет — не то лучина, не то отблеск углей. Все... спали? При приближении орка кто-то сердито заворчал в темноте — это Смоки доламывал под забором плохо закрепленную доску и появлению орка был явно не рад. Гэдж чуть приостановился, чтобы выровнять дыхание, потом осторожно закрыл за собой калитку и прокрался вдоль стены — и едва не вздрогнул: на крыльце внезапно обнаружилась знакомая, пахнувшая табачным дымом фигура Гэндальфа.

Волшебник сидел на верхней ступеньке, сжимая в зубах неизменную трубку, а в руках — перочинный нож и горбатое, наполовину обструганное поленце. Услыхав шаги орка, он поднял голову.

— Гэдж! Это ты? Ты не спишь?

подавив дурацкое желание сказать: «Сплю», — Гэдж коротко мотнул головой.

— Нет... как видишь.

— Где ты был?

— Нигде. Просто... выходил посмотреть на звезды.

Он даже не совсем кривил душой: звездного неба — бездонного, бескрайнего, раскинувшегося над землей роскошным пологом — он действительно не видел с тех самых пор, как очутился в Замке, и сейчас, в общем, был рад вновь ощутить над головой эти необъятные, исполненные ледяного величия просторы Эа. Они давали странное чувство свободы, заманчивой и недостижимой, холодно-обжигающей и одновременно пьянящей, как глоток вынутой из погреба крыжовенной браги.

Гэндалф, опустив свою поделку на колени, смотрел подозрительно: наверно, у орка был слишком уж смятенный и взъерошенный вид для простого зеваки, вышедшего поглазеть на ночное небо. Гэдж вяло попытался проскочить мимо волшебника к двери, но маг не сделал ни малейшей попытки уступить ему дорогу.

— Гэдж... с тобой всё в порядке?

— Д-да...

— И ты совсем не собираешься натворить никаких глупостей?

— Нет, — сказал Гэдж. И вновь почти не солгал: все глупости, какие можно было натворить, он, кажется, уже натворил. — Почему ты спрашиваешь?

— Да что-то мне показалось... — Волшебник все ещё пытливо всматривался в лицо Гэджа, и, чем дальше, тем больше орку хотелось отвести взгляд. Ему оставалось только порадоваться, что во дворе темно. — Послушай...

— Что?

— Я хотел кое-что у тебя спросить. Помнишь... ту баночку со шмыровой мазью, которую я тебе давал на болотах, там оставалось ещё немного... Она у тебя?

Гэдж растерянно моргнул. Вопрос не то чтобы застал его врасплох, но был как-то неприятен. По правде говоря, планы на остатки этой мази у него были свои, да орк и не думал, что волшебник станет долго держать в голове такую мелочь.

— Я... не знаю. Я положил её в карман, а потом... Не помню. Наверное, она осталась на чердаке... А что?

— Отдай её мне.

— Зачем она тебе?

— Незачем, — спокойно сказал волшебник, — так же, как и тебе. Ведь ты, конечно, не мыслишь о том, чтобы вернуться в Замок?

Где-то в лесу утробно захохотал филин, и Гэдж невольно вздрогнул... Интересно, Келеборна уже обнаружили? Если да, то сколько времени понадобится эльфам на то, чтобы протрубить тревогу, вскочить на коней и добраться до Росгобела?

— А с чего ты, ну... взял, что я собираюсь вернуться в Замок? — едва слышно пробормотал он.

Гэндалф устало улыбнулся.

— Гэдж, я даже не сомневаюсь, что ты слышал все, о чем говорили мы с Келеборном. И тебе это могло... не слишком понравиться. Я знаю, как ты переживаешь за Сарумана, и это волнение может толкнуть тебя на... ну, скажем, необдуманные поступки.

— Даже если так... загвоздка не в этом. Просто... ты не думал, что... я там нужнее, — хрипло заметил Гэдж.

— В Замке?

— Да. У меня там, ну... дело.

— А ты боишься, что *здесь* дела у тебя не будет? — после небольшой паузы мягко спросил Гэндалф.

Гэдж нервно усмехнулся. Почему-то этот разговор давался ему невероятно трудно. Слова были какие-то неудобные, клейкие и вязкие, и прилипали к языку, будто куски смолы.

— Я здесь — никто. Орк. Мальчишка, с которым даже говорить никому не охота. А там — лекарь. Ну, пусть пока ученик, но я... стараюсь быть хорошим лекарем. И научиться лечить тех, кто в этом нуждается.

— Твоих... сородичей?

— В Замке не только орки. Там есть и люди... Пленники. Им тоже нужна помощь целителя.

Гэндальф, опустив взгляд, рассеянно смотрел на сжатый в руке нож и кусок деревяшки, из которого рождалось нечто невнятное — видимо, мельком подумал Гэдж, маг и не собирався вырезать что-то определённое, просто сидел и строгал поленце, желая то ли успокоиться, то ли привести в порядок сумбурные мысли. Трубка волшебника почти погасла, он вынул её изо рта, зачем-то рассмотрел со всех сторон, выколотил о нижнюю ступеньку, задумчиво поковырял пальцем в чаше.

— Что ж, это... благородное намерение. И всё же, я думаю, тебе не стоит очень уж спешить с выводами касательно твоей будущей жизни. Как ни крути, но в Замке ты всегда будешь чужаком, Гэдж... Ты всегда будешь там на подозрении, и всегда — днем и ночью — над тобой будет тяготеть темная длань Башни, готовая в любой момент протянуться и схватить тебя за горло. И тебе придется окончательно стать орком — таким, как все, — хотя бы просто для того, чтобы выжить... — Чуть помолчав, он сунул трубку за пояс и аккуратно стряхнул с колен древесную стружку, выпутал из бороды особенно цепкую жёлтую спиральку. Посмотрел на Гэджа чуть исподлобья. — И в Крепости ты никогда не увидишь звезд.

— Ничего, я это переживу, — глядя в землю, пробурчал Гэдж. — Звезды — не главное в жизни. Им все равно, увижу я их или нет.

— А тебе — все равно?

Гэдж молчал. Разговор уходил куда-то не туда, в темноту и бурелом, как узкая, неуверенно блуждающая по дремучему лесу тропка.

— Мне, к примеру, не все равно, — негромко заметил Гэндальф. — Я бы, знаешь ли, все-таки хотел иметь тебя в числе друзей, а не врагов.

— Но я не стану тебе врагом. Ни тебе, ни себе... Напротив: оказавшись в Замке, я даже могу оказаться тебе... и этим твоим эльфам чем-то полезным. — Эта идея пришла Гэджу в голову неожиданно, и он даже не успел её толком обдумать. — Например, мимоходом поглядывать по сторонам, прислушиваться к разговорам, добывать кое-какие сведения... Если я вернусь туда сейчас, пока меня не хватились, никто ничего не заподозрит.

Волшебник пристально смотрел на него.

— Я боялся, что у тебя возникнет такая мысль.

— По-твоему, это глупо, да? — хрипло спросил Гэдж.

— Да.

— Ты думаешь, что я буду вести себя недостаточно осторожно?

— Я думаю, что ты будешь вести себя достаточно неосторожно, мой друг, уж не обессудь. Это плохая идея, Гэдж, и я не могу её поддержать. Ты не до конца понимаешь, с чем имеешь дело... Да и я вряд ли буду спокоен за твою судьбу, зная, что ты находишься в этом недобром месте. — Он как-то неловко кашлянул. — Поэтому, будь добр, верни мне шмырову мазь... Ты сказал, она на чердаке?

— Ну да, — пробормотал Гэдж. — Наверное, где-то там.

— Хорошо, я подожду.

Он посторонился, и Гэдж проскользнул мимо него в дом, взбежал по лестнице на чердак, запер за собой дверцу. Как невовремя Гэндальф вспомнил об этой мази! Что за смутные подозрения его одолели? Или даже не подозрения — предчувствия? И он действительно так уверен, что Гэджу нельзя, совершенно никак нельзя возвращаться в

Крепость?

Но у Гэджа сейчас нет другого пути. Вот попросту — нет! После того, что произошло... Как он теперь посмеет остаться в Росгобеле, вновь встретиться с Келеборном, да просто посмотреть Гэндальфу в глаза, как?

В груди у него заболело. Нет, волшебник, этот верный «Друг эльфов», никогда не поймёт...

Что-то изменилось в ночи, сгустилось в воздухе сухим звенящим напряжением. Орк прислушался — и ему показалось, что он различает разносящееся далеко в ночной тиши конское ржание, побряцывание оружия, топот копыт. Что это — погоня? Или просто плод его распаленного воображения? Надо было торопиться...

А правда — где эта злосчастная шмырова баночка? Гэдж выложил её из кармана, когда, скрючившись на полу, подслушивал разговор Келеборна и Гэндальфа — она больно впивалась ему в бок — и положил... куда? Кажется, на постель... Она должна быть где-то здесь...

— Гарх! — позвал он негромко.

Молчание.

Топот копыт стал ближе — да, теперь орк слышал его отчетливо. Лошади мчались через лес во весь опор — ну, насколько быстро эльфийские кони вообще могли передвигаться в ночном мраке. Через какое время они здесь будут — через пять, три, две минуты?

— Гарх! — прошептал Гэдж. На чердаке стояла тьма, будто в глубоком колодце, и найти черного ворона в черной комнате было непросто. Если он вообще здесь был. — Где ты?

В глубине помещения, в плотном чернильном мраке кто-то закричал и слабо заворочался.

— Гарх! — яростно прохрипел Гэдж.

Ворон, разбуженный, испуганно всполошился, ничего не видя и не соображая спросонья, захлопал крыльями.

— А? Что?.. Кто?.. Кто это? Кто здесь?..

— Тише! — Гэдж сгреб его в охапку. — Прекрати кудахтать! Ты мне нужен.

Гарх испуганно крутил головой туда и сюда. Он никак не мог взять в толк, что происходит.

— К-кто? Ч-чего?..

— Ты должен немедленно лететь в Дол Гулдуур.

— К-х-худа?

Всадники были уже совсем близко, возле Росгобела, в темноте топотали и храпели кони. Кто-то яростно загрохотал железным кольцом по воротам.

— Открывайте! Радагаст! Гэндальф! Тревога!

Гарх слабо трепыхался в руке орка.

— Да что тут за суматоха? — Он все еще ничего не понимал. — Кто там, внизу?

— Это за мной, — сказал Гэдж сквозь зубы. — Я кое-что... взял у Келеборна.

Гарх издал звук, похожий на отрывку.

— Взял у Келеборна?! Украл, ты хочешь сказать? Совсем умом тронулся, проклятый звереныш?

— Это важно, — Гэдж достал из-за пазухи медальон, сунул несчастного ворона подмышку головой вниз и, невзирая на растерянное гархово сопротивление, обмотал

цепочку медальона вокруг его лапы. — Ты же слышал, я говорил Келеборну, что эта вещьца может помочь снять ошейник... Ты должен немедленно лететь в Замок.

— Ты... Т-ты... Что-о?.. — глаза ворона все еще лезли на лоб. — Лететь в Замок? Зачем? Как? Сейчас? Ночью?

— Ну, если хочешь, можешь ждать до утра... Не бойся, я все продумал. Я возвращаюсь в Дол Гулдур. Ты найдешь меня там, в лекарской каморке, это за главными воротами во внутреннем дворе. Спрячься где-нибудь поблизости... Если я не появлюсь в ближайшее время, дождись Сарумана, уж когда-нибудь он должен туда вернуться. И непременно отдай ему эту шпуку, она его спасёт, слышишь! Другого такого шанса может и не случиться...

— Т-ты... с-с ума сошел, глупый звереныш...

— Нет. Все сладится, если ты не будешь трусить. Сейчас главное — улети из Росгобела. Куда хочешь, только не попадайся эльфам на глаза... Ну же, лети! Спрячься! Не подведи меня, Гарх! — Он подтащил Гарха к подоконнику и неуклюже вышвырнул в окно. Ворон, хлопая крыльями, со сдавленным хрипом канул куда-то в темноту... За углом, во дворе, метались сполохи голубоватого света, ржали лошади, доносились чьи-то раздраженные голоса; что-то хрипловато говорил Гэндальф, что-то встревоженно спрашивал Радагаст, что-то звонко возражал эльф; хлопнула дверь, множество торопливых ног ворвались в дом и затопали вверх по лестнице на чердак. Гэдж судорожно шарил по постели в поисках деревянной баночки со шмыровой мазью, но она как сквозь землю провалилась — под руку ему, точно ластиющиеся кошки, лезли шерстяное одеяло, травяной тюфячок, набитая шуршащей соломой подушка... Да где же эта проклятая посуда, где? Где?!

Дверца чердака сотряслась под яростными ударами.

— Орк! Открывай!

Гэдж вскочил — и тут же споткнулся о банку, валявшуюся под ногами.

— Сноси дверь! — выкрикнул кто-то, и дверца затрещала, поддаваясь...

Гэдж подхватил баночку и метнулся к окну. Дом наверняка окружен, но еще можно попытаться выбраться на крышу, а оттуда перепрыгнуть на скат соседнего сарая. А потом...

Действительно — что потом? Удастся ли ему удрать, спрятаться в лесу? Удастся ли добраться до болот? Ведь на подходе к гати наверняка стоит эльфийская застава...

А вдруг этот трусливый болтун Гарх не полетит на поиски Сарумана, а найдёт Келеборна или Гэндальфа и отдаст амулет ему?

И тогда все будет напрасно! Гэдж мысленно застонал. Нет, этого не случится, старый валенок Гарх не струсит, не отступит, не подведёт...

Он выкарабкался на крышу и пару секунд лежал, прижимаясь к шершавой дранке, стараясь слиться с нею и остаться невидимым; выждав благоприятный, как ему показалось, момент, ящерицей скользнул к краю, чтобы перебраться через забор, а оттуда сигануть в спасительный лес... Поздно! Его уже заметили.

— Вон он! На крыше!

Эльфы были и во дворе, и в доме, и вокруг дома. Но Гэдж уже перепрыгнул на крышу сарая, а сарай одной стеной граничил с лесом, и с этой стороны стражей, кажется, не было... Не успели они ещё добраться сюда, перескочить через заборы и изгороди, полностью оцепить радагастовы владения...

Гэдж перевалился через конек, скатился с крыши по другую сторону сарая, ухнул в какие-то кусты. Вскочил. Откуда-то из темноты раздавались треск, голоса, топот бегущих ног, над ухом Гэджа свистнула стрела.

— Не стреляйте! — хрипло выкрикнул кто-то. Кажется, это был Гэндальф; кажется, волшебник был растерян и застигнут всем происходящим врасплох... или нет? Интересно, что он вообще сейчас обо всем этом думает?..

Нет. Совершенно не интересно.

— Стой! — орали в спину.

Гэдж юркнул в лес, в ночь, он ломился сквозь переплетение травы и ветвей, рубя особенно цепкие заросли кинжалом, и кто-то ломился следом за ним, и все вокруг было мокрым от ночной росы, черным, колючим, мятущимся, прыгали по земле пятна света от голубоватых фонарей, прыгали вокруг темные стволы деревьев, прыгали чьи-то смутные, неразличимые во тьме силуэты. Где Гарх? Удалось ли ему улететь, спрятаться? Гэдж ничего не видел и не слышал; в какой-то миг его раненная нога подвернулась, предательски швырнула его на землю — и он ухнул в какую-то яму, выронил кинжал, который тотчас канул во тьму. Орк тут же вскочил, но искать во мраке потерянное оружие не было времени — преследователи наступали ему на пятки, — и он рванулся вперед, в темноту, перебегая от куста к кусту, стараясь затеряться во мраке и слиться с живущими здесь лесными тенями, и они принимали его, как родного брата, укутывали и укрывали, сулили спасение, сбивали преследователей со следа...

***

В лесу было жутко и темно. И в этой жуткой темноте происходила невнятная колготня: кто-то куда-то бежал, кто-то что-то кричал, кто-то кого-то ловил. Метались меж стволами деревьев голубоватые огни фонарей, перепархивали с места на место, будто испуганные заблудившиеся светлячки.

Гарх сидел на ветке осины, с тревогой прислушиваясь и присматриваясь к происходящему, и голова у него шла кругом. Да что тут вообще происходит, леший возьми? *«Я же говорил Келеборну, что эта вещица может помочь снять ошейник...»* Правда? И поэтому ты её украл, глупый звереныш? И что теперь?

Злосчастный амулет был не слишком тяжел, но оттягивал лапу ворона, как чугунная гиря.

«Ты должен немедленно лететь в Дол Гулдур... Спрячься там и дождись меня...»

Дурной орк! А если тебя сейчас поймают и без суда и следствия вздернут на первом попавшемся суку? Что тогда?

«Если я не появлюсь в ближайшее время, дождись Сарумана, уж когда-нибудь он должен туда вернуться...»

Гарх мысленно застонал. И почему ему всегда так не везет в жизни? Сидел бы сейчас на чердаке, в тепле и уюте, и видел десятый сон, а не дрожал во мраке от тревоги, страха и неизвестности, не зная, куда лететь и что делать.

Впрочем, еще не поздно вернуться, отыскать Гэндальфа и отдать проклятый медальон ему, все рассказать, спросить совета, в конце концов... А потом со спокойной душой забраться в закут за печкой и предаться так некстати прерванным сладким снам, пускай все эти волшебники/эльфы/орки сами там разбираются со своими непонятными бедами и печальями... Или — что? Сны уже не будут такими спокойными и сладкими?

Что, если Гэдж прав, и эта странная цацка действительно может оказаться Саруману полезной? Не зря же вокруг неё поднялась такая суета. Вдруг с её помощью действительно

удастся снять проклятый ошейник?

И почему бы, собственно говоря, не спросить об этом у самого Шарки? В конце концов, вернуть медальон Келеборну никогда не поздно...

Это была какая-то очень неожиданная мысль, Гарх даже присел от её беспощадной внезапности. Перья у него на затылке стали дыбом.

Но лететь в Дол Гулдур сейчас, ночью? Через болота? Или подождать до утра? *«Ночью безопаснее, ночью орки не стреляют по летающим целям...»* Э-э... правда?

Он притаился на ветке: неподалеку под деревом друг за другом рысцой пробежали с полдюжины эльфов, исчезли в тёмном лесу. Интересно, что они сделают с глупым зверенышем, если поймают? Посадят под замок? Высекут розгами? А если прямо сейчас отдать Келеборну медальон, это спасет мальчишку от наказания? Хотя бы частично?

Или они его не поймают? Где его сейчас искать, этого обормота?

«Не подведи меня, Гарх! Другого такого шанса может и не случиться...»

Я всего лишь старый и слабый ворон, в отчаянии подумал Гарх, ну почему я всё и всегда должен за всех решать? Ну почему именно на меня всегда падает какая-то несусветная вселенская ответственность? Ну чем я это заслужил, а?

Он дождался, пока эльфы проскользнут мимо и скроются под пологом ночи, потом бесшумно расправил крылья и вдоль опушки леса полетел прочь — на юг, в сторону Дол Гулдура.

***

— Я с ним только что говорил, — пробормотал Гэндальф. — Буквально пару минут назад.

— И что он тебе сказал? — с раздражением поинтересовался Келеборн. — Наверно, то, как напал на меня исподтишка и огрел деревянным кубком по голове?

Радагаст не принимал участия в разговоре — неприкаянно бродил по двору, спотыкаясь о крутившегося под ногами енота, мыкаясь туда и сюда, словно в поисках потерянных где-то спокойствия, тишины и устойчивости мира. Гэндальф стоял возле крыльца, перекатывая в ладони маленький камешек, опустив глаза, как будто избегая встречаться взглядом с рассерженным эльфом. Волшебнику явно было не по себе.

— Честно тебе скажу, Келеборн: я видел, что с ним творится что-то неладное, но списывал это на усталость, волнение и пережитые страхи... Я и подумать не мог, что он решится на что-то подобное...

Келеборн невольно тронул наливающуюся на бледном лбу лиловую шишку. Он уже даже не особенно гневался — скорее досадовал на собственную неосмотрительность.

— Ну, разумеется, а чего ещё можно было ждать от орка? Честности? Смирения? Понимания? Что ж, и я, признаться, тоже знатно сглупил. Я до сих пор полагал его обычной очередной причудой Сарумана, недалеким беззубым щенком, пытающимся в слепом безумии ухватить собственный хвост, но, как и следовало ожидать, дело оказалось намного хуже. Видимо, он уже давно замыслил проникнуть в наш лагерь и похитить «эстель»...

— Мы оба знаем, зачем он это сделал, Келеборн.

— Пусть так. По-твоему, это может служить ему оправданием?

Подбежал встревоженный Эллоир.

— Он ушел, Владыка. В лес. Нас слишком мало, чтобы мы могли его перехватить.

Келеборн нервно передернул плечами.

— Ну, что ты на это скажешь, Гэндальф? Прочесывать эти заросли ночью бессмысленно, надо ждать утра... А ведь мальчишка наверняка задумал вернуться в Замок!

— Если так, он пойдет по гати, — сказал волшебник глухо, точно обращаясь к камешку на ладони и надеясь, что никто другой его не услышит. — Ему неведомы другие пути.

Келеборн обернулся к Эллоиру.

— Отправьте гонца к Линдолу, чтобы задержали на заставе орка, если он там появится. Немедленно!

— Да, Владыка, — Эллоир коротко поклонился.

— Нам придется сняться с лагеря и отойти чуть дальше в лес, — со вздохом заметил Келеборн, — а также удвоить бдительность и осторожность. Этому орку, увы, теперь слишком многое известно...

50. Трясина

Прежде, чем выйти из леса, Гэдж достал баночку со шмыровой мазью и тщательно растер остатки снадобья по одежде.

В висках его тяжело стучала кровь. Но иных звуков слышно не было, как Гэдж ни напрягал слух — погоня то ли отстала, то ли эльфы намеренно прекратили её, зная, что в ночном лесу им орка не обнаружить. Перед Гэджем лежала лесная дорога, освещенная лунным светом, и некоторое время орк рысцой бежал вдоль неё, держась в тени деревьев, потом, когда впереди обозначился просвет — болота были близко, — вышел на дорожную насыпь и потрусил по краю, каждую секунду ожидая получить стрелу меж лопаток...

Стрела действительно прилетела и вонзилась — но не в спину Гэджа, а в полотно дороги прямо у его ног. Орк тотчас остановился — он этого ждал. Эльфийские стражи зорко следили за подходами к гати... Знают ли они о том, что случилось в лагере?

Смутная фигура с луком в руках скрывалась в тени ближайшего дерева. Это был, кажется, Леарнас.

— Это ты, орк? Что ты здесь делаешь?

— Мне нужно вернуться в Замок, — хрипло сказал Гэдж. — Как можно быстрее, до рассвета.

Эльф подошел ближе, по-прежнему держа Гэджа на прицеле. Он, конечно, был тут не один, но его товарищи предпочитали скрываться за кулисами.

— Чье это решение?

— Митрандира. И... и Владыки. У меня есть кое-какое задание... в Замке. Но мне необходимо оказаться там прежде, чем меня хватятся.

Леарнас смотрел с сомнением. Гэджу казалось, что он с трудом удерживается от того, чтобы не поморщиться — очень уж убийственно от Гэджа разило ядреным шмыровым снадобьем.

— Мы ничего об этом не знаем. Почему тебе не дали сопровождающего?

— Зато дали пропуск, — Гэдж вынул из-за пазухи бумагу, которую там, в шатре, вручил ему Келеборн, протянул её Леарнасу. Тот негромко свистнул — тотчас из темноты выскочил другой эльф с фонарем в руке, чуть приоткрыл металлическую створку, чтобы свет узким лучом падал на документ.

Стражи внимательно осмотрели бумагу, прочитали, ощупали, чуть ли не обнюхали, потом о чем-то негромко посоветовались на своем языке. Леарнас скатал пропуск в тонкий свиточек и спрятал его в сумку, висевшую у пояса.

— Владыка приказывает не чинить тебе препятствий и не задерживать на рубеже, — бесстрастно сообщил он Гэджу. — Это его печать, и почерк — тоже. Что ж... коли так, мы ставить тебе препоны, конечно, не будем. — Он по-прежнему смотрел на орка с неясным подозрением. — Но как ты собираешься идти через болота, они же кишмя кишат этими тварями...

— Митрандир об этом позаботился, — торопливо пояснил Гэдж. — У меня есть средство против гуулов.

— Да уж, вижу, — Леарнас все-таки не удержался и сморщил нос. — Ладно, иди. Удачи. — Он посторонился, пропуская Гэджа вперед, и орк не стал расшаркиваться на прощание, припустил по дороге с утроенной прытью. Лес распахнулся перед ним,

разбежался далеко в обе стороны — и впереди открылись Болота: безмолвные, бескрайние, затянутые серой колышущейся мглой. Туман был осязаемо плотный, густой и липкий, как взбитый желток, и, пронизанный лунным светом, слабо опалесцировал, наполняясь белесоватыми прожилками, точно проросший плесенью несвежий сыр; слоился над серотравьем, медленно кружился, перемешивая себя самоё, тянул, тянул к лесу сизые лапы, захлестывал петлями стволы деревьев, словно пытаюсь закрепиться над новыми территориями — и бессильно откатывался, не в силах преодолеть невидимую черту, расползался клочьями, клубился и завивался, принимая самые причудливые очертания, рождая, как сон воспаленного разума, самых невообразимых чудовищ...

Гать уходила вперед, в темноту, широкая и прямая, точно оглобля.

Медлитель было некогда; Гэдж промчался вперед — мимо кустов раkitника, торчащих на обочине, мимо тинистых луж и выглядывающего из трясины лысого черепа, — нырнул в стелющуюся над настилом мерцающую пелену. Слуха его коснулся донесшийся сзади невнятный шум — топот копыт, бряцанье сбруи, чьи-то взволнованные голоса. Келеборн, конечно, не мог не отправить на заставу посланника с приказом перехватить беглого орка, но, на счастье Гэджа, гонец запоздал — всего на пару минут. Орк мысленно усмехнулся: рыбке удалось извернуться и выскользнуть из садка в последний момент...

В следующую секунду ему стало не до смеха.

Гать тяжело всколыхнулась, подалась вверх и вниз, тяжело закачалась под копытами ступивших на настил эльфийских лошадей. Значит, Келеборн выслал по пятам орка не только гонца, но и преследователей... Гэджа бросило в пот. Здесь, на узкой полоске дороги, деваться ему было некуда, а от Леарнаса, с которым орк только что разговаривал, эльфы, конечно, знают, что беглец не мог далеко уйти...

Погоня быстро приближалась. Мчатся по гати галопом эльфы не рисковали, лошади шли крупной рысью, но догнать беглеца им, в общем-то, ничего не стоило — свернуть Гэджу было некуда... Пелена тумана обволакивала его и пока еще скрывала от глаз эльфов, но побряцывание сбруи и приглушенный топот копыт звучали все ближе, нарастая с каждой секундой — преследователей было трое или четверо...

Орк судорожно огляделся. Справа за краем гати топорщился жидкий пучок высохшей осоки, слева поблескивало озерцо черной, подернутой патиной воды и над ним как будто курился прозрачный парок. Раздумывать было некогда — и Гэдж сиганул в это озерцо, бездонное, как колодец; вода была густая и вязкая, но, к удивлению Гэджа, ничуть не холодная — по крайней мере, совсем не настолько холодная, как ему представлялось. Но разбираться в своих ощущениях ему было некогда; он поднырнул под гать, ухватился за бревна кладки — и почти тут же над его головой с храпом прошли кони, тяжело попрали мшистые бревна, канули куда-то вперед, в туман, скрылись, размазанные в ночи.

Чавкнул край настила, от него одна за другой потекли в стороны волны, покачивая ковер болотного мха и лохмотьев ряски. Топот начал медленно отдаляться...

Гэдж перевел дух. И что теперь?

Его одолевала мелкая неуправляемая дрожь. Густая вода мягко сдавливала со всех сторон — чуть тепловатая, как парное молоко; от неё поднимался странный сладковатомускусный запах, точно от большого животного, и мир, наполненный этим запахом, начинал неторопливо расплываться, вращаться и покачиваться перед глазами. Орк осторожно высунул голову из-под настила, чтобы отдышаться. Как долго ему придется мокнуть в этой вонючей луже, прежде чем эльфы поймут, что упустили беглеца, и вернуться обратно? Пусть

вода в озере отнюдь не студеная, даже приятно-тепловатая, как нагретая солнцем грязь (где-то на дне есть теплый источник?), но осенние ночи долги и зябки...

Он вздрогнул.

Что-то случилось — там, впереди.

Раздались в ночи громкие яростные крики, резкой нотой разорвали туманную болотную тишь. Негромкий, уже слышанный Гэджем шелест донесся из мглы... Испуганно заржали и суматошно заметались по настилу лошади. Что-то коротко свистнуло — выпущенная стрела? Эльфы встревоженно перекликались на своем языке. Гать затряслась — что-то происходило там, недалеко, скрытое покровом тумана, какая-то невнятная сумятица; болото проснулось и ожило, где-то в его недрах родилось унылое шипение, поднялось к поверхности, надвинулось со всех сторон разом, стелясь над топью. Зазвенело оружие, что-то тяжелое шлепнулось в воду, кто-то яростно захрипел и что-то отрывисто выкрикнул по-эльфийски. Из тумана — Гэдж поспешно нырнул обратно под настил — вырвался всадник на гнедом, роняющем пену из пасти коне (глаза у жеребца были совершенно белые, бешеные от страха), за ним поспешали двое других, один брезгливо стряхивал с копыта нечто, что издали можно было принять за обвившую древко серую змею. Эльфы вновь промчались мимо Гэджа, но теперь — обратно, по направлению к лесу, едва справляясь с обезумевшими от ужаса лошадьми; где-то позади еще что-то шипело, свистело, плескалось и чавкало, перемешивая болотную слякоть, наконец все стихло...

Гэджа пробрал невольный озноб.

Он выждал еще пару минут, потом, цепляясь за скользкие, поросшие мхом и грязью бревна настила, кое-как выкарабкался обратно на гать. Напряженно прислушался, вглядываясь в туман, но все было спокойно — эльфы не возвращались, мгла висела безжизненно, лишь где-то недалеко что-то едва слышно ухало и побулькивало — с таким отвратительным мокрым хрипом, что Гэджа передернуло... Гуулы? Где они?

После купания в теплой яме воздух показался орку настолько обжигающе-ледяным, что ему немедленно захотелось забраться обратно в воду и свернуться там калачиком, точно под мягким уютным одеялом. Но он решительно отогнал это желание, торопливо скинул и сильно, как только мог, отжал промокшую насквозь одежду, вытряхнул воду из наглотавшихся до горла сапог, потом натянул мерзкое, стылое, липнущее к телу шмотье обратно. Его трясло — но, наверно, не столько от холода, сколько от нервного напряжения...

Прихрамывая, он пошел дальше по гати, надеясь согреться хотя бы ходьбой, на ходу достал баночку со шмыровой мазью, выскреб со дна последние остатки и размазал их по влажной одежде — неизвестно, сохранился ли на ней хоть какой-то спасительный аромат после невольного омовения в смрадном озере. Что ж, сказал он себе, всё к лучшему... верхом эльфы в погоню больше не пустятся, пощадят испуганных, не привычных к ужасам болот лошадей, а пешими... А от пеших он вполне благополучно сумеет удрать. Да и рискнут ли они идти за беглым орком пешим отрядом — или все же отступят?

Он остановился.

Туман, слоющийся под ногами, слегка расползся, открыл на дороге лужицу темной крови и распластаный в ней морщинистый кожистый мешок с пучком тонких серых щупалец — трупик гуула, которого, видимо, затоптали копытами эльфийские кони. Должно быть, тут и произошла недолгая стычка: покров тины и мха по обеим сторонам гати был разорван и изуродован, точно в грязи кувыркалось стадо кабанов, там и сям в неровных

прорехах ряски поблескивала вода и какие-то невнятные тёмные пятна. Рядом с кладкой, наполовину погруженное в воду, лежало еще одно гуулово тельце, насаженное на копьё, его серые щупальца крепко обвивали глубоко ушедшее в плоть гладкое древко. Гэдж, секунду поколебавшись, подошел ближе и потянул на себя копьё, торчащее из разорванного трупа, из серо-черного невнятного месива, и топь протестующе захлюпала, не желая отдавать уже заглоченную добычу. По щупальцам гуула пробежала видимая судорога, и они конвульсивно сжались — даже мертвый, он не выпускал копьё из отчаянной хватки, и Гэджу отчего-то вспомнилась Хозяйка: как она опрокинула его, Гэджа, на землю, и волочила за собой, и давила, и сжимала, и жадно впивалась в кожу присосками, цепкими и уродливыми, похожими на разъявленные рты...

Он всхлипнул. Его пострадавшая нога вновь отозвалась вялой и нудной болью.

Он навалился на копьё сильнее, наконечник с хрустом отломился — видимо, древко треснуло под напором гууловых щупалец, — и в руках орка осталась длинная, вымазанная болотной грязью и серой зловонной кровью палка. Ну, хоть какое-то оружие... Надо же было быть таким дурнем, чтобы потерять в лесу единственный кинжал!

Он стиснул зубы.

Он был один, совершенно один посреди мрачных пустынных болот — жалкий, замерзший, вымокший с головы до ног и заляпанный грязью, как упавший в корыто неоперившийся цыпленок. Испуганный, слабый и беззащитный, барахтающийся в сбывшемся кошмаре, оставшийся за краем знакомого и привычного мира...

Ладно, сказал он себе, хватит ныть. Что толку теперь сожалеть о потере? Обратного пути нет... А до южной окраины топей не так уж и далеко, не больше шести-семи миль; если повезет, я сумею добраться туда аккуратно к рассвету... Если повезет, то я не замерзну, и не сотру ноги в кровь, и не провалюсь в болото, и меня не пристрелят орки, и не найдут эльфы, и не сожрут гуулы... Если повезет...

Но отступить было поздно.

***

Отсюда, со стены Крепости, было видно окрест на несколько миль.

Саруман стоял возле одного из каменных зубцов, обхватив плечи руками и закутавшись в плащ, мрачно вглядываясь в темную даль. Полоска заката еще виднелась на западе, за Андуином, но с востока на Дол Гулдур надвигалась ночь, бескрайняя и непреодолимая, словно разливающееся по земле море густой черноты. Мерцали внизу многочисленные огни на территории Крепости, дальше тянулась полоса леса, за лесом начинались болота — над ними поднималось странное голубовато-серое свечение, слегка мерцающее в густеющих сумерках, бледными пятнами проступающее сквозь медленно наплывающую кромешную тьму.

Гэдж так и не вернулся.

Шарки сам не знал, что надеется высмотреть там, в холодной ночной пустоте, на дальней границе видимости.

Он смотрел на дорогу, уходящую к лесу, словно уповал выцепить на ней взглядом одиноко бредущую фигурку — но дорога была пуста, только пара волов тащила по ней накренившуюся под неведомым грузом телегу. Вот уже и окончательно смерклось, и натекла темнота, съела подножие Замка и окружающие земли, лишь там и сям еще горели редкие

сторожевые огни, да где-то чуть в отдалении полыхало красным — работа в кузнях часто не заканчивалась и с заходом солнца. Ночь нависала над Замком плотно, как крышка погребца, и обещала быть долгой, удушливой, безнадежной...

Почему он не вернулся? Что с ним случилось? Где его искать?

Заблудился в лесу? Оступился и провалился в топь? Угодил на зубок гуулам? Попал под подозрения какого-нибудь особо бдительного патруля и сидит под стражей в приграничной крепостице? Мало ли опасностей может подстергать в этих гиблых местах глупого самонадеянного мальчишку! Какого лешего он вообще туда сунулся, на эти проклятые болота — в одиночку? «Ушёл собирать немейник...» Или дело не в немейнике? Тогда — в чем?

Шарки не знал, что и подумать. Голова у него гудела...

Дрожал, поддуваемый ветром, светильник на стене, огненным мотыльком трепыхалось над ним пламя. Тянулась ввысь черная струйка дыма, словно пытаясь внести в сгущающийся мрак свой крохотный вклад. За спиной Сарумана деловито пробряцал снаряжением вышедший на обход ночной патруль.

— Шарки! Что ты здесь делаешь?

Орков было двое — коренастых рыжеватых уруков с Восточного двора.

— Ничего, — хрипло сказал Саруман. — Вышел... подышать воздухом. Что-то мне нынче неможется.

— Иди вниз, — буркнул один из дозорных: это был бравый Бардр, разжалованный из капитанов в рядовые столь же внезапно, как и получил повышение. — Нечего тут на стене торчать, не украшение, чай.

Саруман и сам знал, что нужно уходить, глупо стоять тут на ветру — но какая-то неведомая сила удерживала его на месте, странное предчувствие, что вот сейчас что-то должно случиться. Да он и не мог сегодня спать, несмотря на усталость и головную боль, слишком уж муторно и тревожно было у него на душе.

Уруки потопали дальше, волоча за собой каждый — по две тени, трепыхающиеся на камнях в такт мерцанию факелов. Но ещё одна неведомая тень — сгусток темноты — вдруг вывалилась с ночного неба, промчалась над головой Сарумана, уронила на парапет черное перо. Орки, ушедшие чуть вперед, всполошились.

— Кто тут? Сова, что ли?

Какая-то ночная птица, видимо, опустилась на карниз ближайшей дозорной башни, Саруман услышал, как её когти царапнули по камням. Наверху что-то едва слышно звякнуло.

Один из орков поднял подвернувшийся обломок кирпича и швырнул его в птицу. Та захлопала крыльями и, отскочив, издала отрывистое, похожее на ругательство карканье. Это, оказывается, была не сова, а ворон.

Ворон?

Откуда он тут взялся? — спросил себя Саруман. Вороны не летают ночью... и уж тем более они не летают ночью над Дол Гулдуrom. Если их не отправляют сюда намеренно... Эх, да если бы Гарх не сгинул где-то в долине реки Келебрант, я бы вполне мог нечаянно подумать, что... Да нет, это такая глупость... Просто показалось...

Орки, потеряв цель, искательно оглядывались.

— Где он?

— Вон, на карнизе.

— Ну, щас... спорим, попаду?

Мимо Сарумана просвистел еще один камень. Ворон тяжело сорвался с карниза и, хлопая крыльями, исчез где-то в темноте. Бардр со своей пронырливой клыкастой физиономией подсунулся ближе.

— Эй, Шарки, птичка мимо не пролетала? Не видел, куда девалась?

— Упала, кажется, вниз, к подножию башни, — с прохладцей откликнулся Саруман. — А зачем она тебе? Жарить её будешь, что ли?

Бардр недовольно заворчал.

— Да показалось, будто цапка какая-то у неё... а, ладно! — он прикусил язык. — Леший с ней, пусть проваливает в Удун!

Впрочем, его красноватые глазки засветились хитро — видно, он уже прикидывал, как бы половчее изыскать предлог спуститься к подножию башни и пошарить там в поисках сбитого трофея. Его напарник что-то сердито буркнул, Бардр, фальшиво насвистывая под нос, обернулся к нему — и орки неторопливо потопали дальше по куртине, постукивая древками копий по камням, и наконец скрылись за поворотом...

Делать здесь, наверху, было совершенно нечего. Саруман повернулся и тоже зашагал вниз, в лекарскую каморку. Лестница, пронизывающая дозорную башню сверху донизу, оказалась неожиданно длинной, извилистой, с неровными щербатыми ступенями, Шарки спускался по ней торопливо, придерживая рукой полу плаща, боясь и одновременно не боясь споткнуться и полететь кувырком — и под конец чуть ли не пустился бегом через две ступеньки.

Голова его шла кругом под вихрем беспокойных и неожиданных дум.

Откуда взялся этот ворон — здесь, ночью? Каким ветром его сюда занесло? Он что-то искал? Или... кого-то? Кто он — посланник Саурана, вестник несчастья, просто какой-нибудь шальной птах, заблудившийся над болотами? Кто?

Что было у него в лапе?

Шарки стоял посреди темного помещения лекарской, втянув руки в рукава, судорожно напрягая слух, и никак не мог собрать разбегающиеся мысли. Его томили какие-то неясные и необъяснимые предчувствия. Он ждал... чего ждал? Зачем? Почему? Ему совершенно нечего было ждать... Совершенно ни к чему было стоять вот так, прислушиваясь, вздрагивая от каждого шороха, кусая губы, бросаясь от неверия к полубезумной надежде. Ведь не может же быть, что... Нет, нет, никогда!

Он схватил фонарь и трясущимися руками зажег торчащий внутри куцый огарок свечи. Зачем — он и сам не знал... Чтобы выйти и искать в ночи этого явившегося из ниоткуда и так же пропавшего в никуда ворона? Но где его сейчас можно найти? Кругом темень, неизвестность, вездесущие ороczy патрули, и...

Что-то едва слышно скрипнуло за стеной, над наружной дверью — как будто качнулась висевшая над входом резная табличка. Саруман подпрыгнул, точно его ошпарили кипятком; схватил фонарь и выскочил на крыльцо.

Давешнего ворона искать не потребовалось: он сидел на деревянной перекладине над порогом и, склонив голову, внимательно разглядывал видившуюся ему кверху ногами табличку с изображением змеи и чаши. Услыхав скрип открывшейся двери, он испуганно вздрогнул — и взмахнул крыльями, качнувшись и отчаянно цепляясь когтями за потемневшее от дождей и непогоды старое дерево.

Нет, Саруману даже не показалось.

Он тяжело привалился плечом к дверному косяку. Земля на мгновение ушла у него из-

под ног, и фонарь, вдруг ставший тяжелым, как гиря, дрогнул в ослабевшей руке. Горло горячо царапнула странно тёплая и мягкая лапа — явившаяся откуда-то изнутри, из-под рёбер, от самого сердца.

— Гарх...

Ворон смотрел на мага, вытянув шею и под невыносимым углом вывернув голову, подслеповато щурясь — и огонек свечи золотистой искрой отражался в его черных круглых глазах.

***

Над болотами безнадежно, как одиночество, висела стылая тишина.

В тумане там и сям мелькали голубоватые болотные огоньки, мгла наполнилась невнятными шорохами и обманчивыми видениями. Пахло как из открытой могилы: сырой землей, прелым листом, болотом и лежалым илом. Где-то там, над головой Гэджа, царила глубокая ночь, небо лоснилось от звезд, и иногда, когда туман странным образом редел, лунные лучи высвечивали перед орком нечто вроде узкого коридора, в который уходила дорога. Гэдж бежал той ровной, размеренной, берегущей силы орочьей рысцой, которая позволяла его соплеменникам в сжатые сроки преодолевать весьма значительные расстояния и оказываться, к ужасу врагов и супостатов, в самых неожиданных местах...

Ночное болото лежало перед ним, залитое киселём ватной мглы, затканное паутиной тумана. С наступлением ночи жизнь здесь отнюдь не замирала. Топкое месиво по сторонам гати непрерывно двигалось, взбухало и опадало, колыхалось, точно поверхность томящейся на огне каши, давая выход множеству скопившихся внутри пузырьков воздуха — казалось, будто там, под тонким слоем ила и водорослей, в зловонной бездне ворочается исполинское многорукое существо. Там и сям над трясинной разливалось слабое белесоватое мерцание, испускаемое лепестками могильников — бледных неприметных растений, зацветающих лишь лунными ночами; целая охапка таких светящихся венчиков проросла в глазницах валявшегося невдалеке от дороги лошадиного черепа, придавая этому и без того безрадостному предмету поистине колдовское своеобразие. Сквозь бульканье, клокотанье, утробную отрыжку — обычные звуки жизнедеятельности огромного болотного организма — порой прорывались смутные, достаточно неожиданные звуки: едва различимые ухом шорохи и шепот, хлюпанье и хихиканье, влажные сосущие причмокивания, и звуки, похожие на шлепки, и звуки осторожных шагов, и шелест, и шипение, и посвистывание, и долгие тоскливые вздохи, и... Гуулы? Возможно; впрочем, на глаза они не показывались — шмырова «защита», видимо, пока не поветрилась, и твари, к счастью, орком не интересовались. Тем не менее Гэджу постоянно мнилось, что в тумане невдалеке от него что-то движется вдоль дороги, не опережая беглеца, но и не отставая: орк отчетливо различал маслянистый плеск воды при каждом «шаге» странного существа и вслед за ним — внятный чавкающий звук, словно из трясины извлекали какую-то великанскую ногу. Хотя, вероятно, то было лишь странной причудой его разыгравшегося воображения...

Он был уже ни в чем не уверен. Все вокруг представлялось бредовым, призрачным, нереальным, пришедшим из невнятного кошмарного сна.

Вновь начала побаливать раздавленная голень — несильной, но нудной и изматывающей болью: долгий безостановочный бег не очень-то шел ей на пользу. Ладно, доберусь до Замка, сказал себе Гэдж, устрою ей теплую солевую ванну... Он

приостановился, чтобы перевести дух и дать себе небольшой отдых; по его расчетам, до границы топей оставалось недалеко — вряд ли более пары миль. Его невидимый спутник, чавкающий по болоту, приостановился тоже; Гэджу казалось, что его внимательно и настороженно разглядывают из мглы.

Он покрепче перехватил в руке древко копья.

Кто-то длинно, печально вздохнул из завесы тумана — и, чуть помедлив, неторопливо почавкал дальше в глубину топей; во всяком случае, шаги неведомой твари начали отдаляться. Ну и слава Творцу... Гэдж слегка расслабился; он стоял, прислушиваясь, до боли в глазах вглядываясь в мутную темноту, но вокруг всё было по-прежнему тихо, безжизненно, мертво...

Нет. Не всё.

Знакомое Гэджу шипение раздалось за его спиной — и орк, отскочив, едва успел отшвырнуть палкой небольшого гуула, выпрыгнувшего на него из мглы. Тварь издала странный свистящий звук, дребезжащий и жалобный — такой издает бычий пузырь, если его надуть воздухом, а после проткнуть иголкой, — и грузно шмякнулась куда-то в трясины. Откуда он взялся, почему напал, неужели шмырова мазь начала выветриваться? Впрочем, её изначально было не так уж много...

Да. Стараясь не обращать внимания на боль в ноге, Гэдж рысцой побежал дальше — но вскоре почувствовал что-то неладное... Его как будто пытались взять в кольцо. Как-то незаметно, под покровом тумана к гати подтянулось, должно быть, десятка полтора гуулов — орк не мог счесть их «по головам», но, судя по непрекращающейся суете за краями настила, по скрипу и посвистыванию, по смутным шевелениям в тумане, тварюшки всерьез имели виды на сытный обед. То один, то другой гуул выпрыгивал на дорогу, жаждая свести знакомство с орком поближе, и Гэдж, не останавливаясь — останавливаться сейчас было смерти подобно, — отбрасывал смельчаков пинками и палкой: они шлепались в воду и корчились там, подминаемые и разрываемые щупальцами собственных собратьев, не слишком-то обремененных любовью к ближнему. Но гуулов было слишком много — наглых, расшвирипевших от голода и оттого потерявших всякую осторожность, и вместо выбывших из игры тварюшек вперёд тут же выскакивали другие, более крупные и сильные. Гэджу оставалось только надеяться, что ему удастся добраться до границы болот прежде, чем гуулы окончательно сплотятся в своих стремлениях и догадаются броситься на него всем скопом...

Увы! Надежды его были напрасны.

Внезапно впереди блеснула вода.

Орк похолодел.

Дорога закончилась перед ним — резко, точно обрезанная прямо посреди болота. Перед Гэджем лежала промоина, огромная прореха в бревенчатой кладке, и за краем так некстати оборвавшейся гати равнодушно пузырилась зеленоватая топь...

Видимо, здесь шли ремонтные работы, и бревенчатый настил оказался снят; кладка отсутствовала на протяжении нескольких ярдов, и продвигаться дальше можно было лишь по узким мосткам, протянутым через трясины обочь основного тракта. Ах ты ж, пёс! Вот почему вчера по гати не проходили обозы: пеший или верховой мог бы при известной осторожности и аккуратности миновать узкие мостки, но телега или прочий гужевой транспорт здесь явно не проехали бы.

Но останавливаться было нельзя, и Гэдж, не раздумывая, ступил на мостки. Ему казалось, что туман по сторонам колышется — столько вокруг собралось гуулов... Они

подстерегали его здесь, зная, что на этом узком участке дороги добыча окажется в куда большей досягаемости. Гэдж собрал все силы; он бежал по мосткам большими прыжками, надеясь миновать опасное место как можно скорее, и какие-то несколько секунд ему представлялось, что он успеет проскочить разлом прежде, чем гуулы до него доберутся. Противоположный край гати был совсем близко, не далее десятка ярдов, сквозь пелену тумана Гэдж уже видел груды заготовленных для ремонта жердей и бревен; должно быть, работы прервала наступившая ночь, но завтра поутру они должны были возобновиться. Осталось недалеко... Ну же...

Но Гэдж не успел.

Что-то подсунулось ему под ногу, какая-то скользкая упругая масса, и, споткнувшись о неё на бегу, орк на секунду потерял равновесие. Нелепо взмахнув руками, он боком рухнул за край мостков — в мягкую и податливую, туго лопнувшую под ним зловонную жижу.

Его тут же ухватили за ногу и куда-то поволокли — дальше, в глубину болот. *«В лапы им не попадайся — узлом завяжут, руки-ноги пообломают, и всё: продукт готов к употреблению...»* Да уж, в истинности папашиных слов сомневаться не приходилось! Гэдж изо всех сил ударил изловившего его гуула палкой, действуя ею, как копьем — и тварь, с булькающим свистом втянув щупальца, отвалилась тяжелым сдувшимся мешком. Но на Гэджа уже наседали и слева, и справа, и спереди, и сзади, и орк едва успевал отбиваться; он пытался подняться, выпрямиться, встать на ноги, но топкая почва расплывалась, подавалась под ним, уходила куда-то в бездну, и он никак не мог нащупать рядом достаточно верную твердь.

Да что за дурацкое невезение!

Спасительные мостки остались где-то позади, совсем рядом, в полудюжине ярдов, и смутной полосой виделись Гэджу сквозь то расплывающееся, то вновь густеющее рубище тумана. Между ним и мостками пролежала мягкая мшистая лужайка, казавшаяся вполне надежной и безобидной, и в отчаянии, гонимый гуулами, потеряв всякую осторожность, Гэдж рванулся вперед через эту лужайку, надеясь в быстром броске преодолеть отделявшие его от спасения несколько шагов.

Он тут же почувствовал, что под ногами его нет дна... Но гуулы поджимали со всех сторон, а мостки были так близко, рукой подать! Сгоряча, как раненный, Гэдж рванулся вперед — и еще раз, и еще, надеясь перескочить через прорву — и тут же провалился по пояс и почувствовал себя плотно охваченным со всех сторон: ноги его беспомощно повисли в жадной густой глубине, не находя опоры, сапоги, разом наглотавшиеся грязи, потянули его вниз, как привязанные к ногам чугунные чушки. Впрочем, в первую секунду, разгоряченный бегством и битвой, он даже не особенно испугался — мостки были совсем рядом, и дотянуться до них орку не казалось особенно трудным делом. Он положил древко копья плашмя перед собой и лёг на него грудью, не смея шелохнуться, стараясь выровнять дыхание — малейшее движение, даже слишком глубокий вздох усугубляли дело, выводя трясину из равновесия. Вся отчаянность создавшегося положения дошла до него как-то сразу, рывком, когда он понял, что из разверзшейся под ногами ловушки ему не выбраться...

Мостки действительно были совсем рядом от него, буквально в паре ярдов, в нескольких шагах — но сделать эти несколько шагов Гэдж не мог. Ухватиться ему было не за что. Рассчитывать, кроме как на себя самого, посреди ночных трясин не на кого. Болото жадно вцепилось в пойманную добычу и расставаться с ней не собиралось, хотя пару-тройку часов Гэдж еще мог бы продержаться: топь нетороплива и убивает неспешно, до конца

сохраняя пойманную жертву в сознании, позволяя ей в полной мере прочувствовать все детали происходящего...

Сколько осталось до рассвета? Когда на гать вернутся люди и *снаги*, чтобы закончить не доделанный накануне ремонт? Да и вернутся ли вообще?!

Гэджа охватил липкий неуправляемый ужас.

Гуулы собрались вокруг топкого места кольцом, пыхтели, шипели и клокотали; куда ни повернись, орк видел кишачие в тумане бородавчатые тела, извивающиеся щупальца, жуткие безглазые морды — однообразные уменьшенные копии Хозяйки. И все же, несмотря на странную способность беспрепятственно шнырять по болоту, первым сунуться в прорву никто не решался, а одного из тех, кто отважился подобраться чересчур близко, Гэдж огрел древком копья — о чем тут же и пожалел, провалившись в трясину почти по грудь. Он вновь опустил палку на поверхность топи и судорожно вцепился в неё — единственную свою опору, — а гуулы, ободренные беспомощностью жертвы, продолжали напирать, и Гэдж, не зная, что делать, яростно зарычал на них, закричал, заорал что было сил, вкладывая в этот мучительный полустон-полувоплъ все свое отчаяние и бессилие, всю злость на такое гнусное, никак не преодолимое стечение обстоятельств. Но, видимо, слишком уж он был жалок и испуган, и слишком слабым и надрывным вышел его крик, чтобы произвести на тварей какое-то впечатление, и, нехотя отступив, они тут же вернулись. В серенькой рассветной мгле, разгоравшейся где-то над болотами и пронизавшей туман мерцающим серебристым свечением, их паскудные паучьи рыльца выглядели особенно омерзительно.

И что теперь, со стоном спросил себя Гэдж. Что?

Неужели вот так оно всё и закончится? Неужели ему так и не суждено добраться до Замка? Вот так и останется он здесь навеки — между Росгобелом и Крепостью, между светом и тьмой, затерянный в тумане, повисший сгустком плоти в слое вонючей болотной грязи. Неужели подошли к концу пятнадцать лет его неудавшейся жизни, и всё, чего он в итоге оказался достоин — это бесславно захлебнуться в дерьме?.. Он чувствовал, как трясина медленно, но верно заглывает его, сжимая ребра мягкими неумолимыми тисками — и рванулся, уже бестолково, ни о чем не думая, глотая слезы, впустую разгребая руками топь...

— Помогите! На помощь! Помогите!..

Глупо — кто мог его услышать? Равнодушная чёрная трясина молчала, лишь выпучился неподалёку мутный болотный глаз... злобно пересвистывались в полумраке упустившие добычу гуулы, шелестела сухая трава, да далекий вороний грай донесся едва слышно на самом пределе восприятия... А жизнь — где-то там, за пределами болот, уже без Гэджа — по-прежнему продолжалась, и заканчивалась ночь, и наступал рассвет, и в проталине тумана над головой орка внезапно блеснули звезды — странно яркие на спокойном, синевато-посветлевшем предутреннем небе.

Звезды сверху видели всё — и смотрели бесстрастно.

***

— Значит, в последний раз ты видел Гэджа в Росгобеле?

— Ну да. И Гэндальфа тоже. И Келеборна...

Саруман задумчиво пощипывал бороду.

— Любопытнейшие новости, Гарх! Конечно, ждать себя с ними ты заставил изрядно,

но, кажется, оно того стоило. Везучий ты, однако, старый валенок! — он хрипло усмехнулся. И, чуть помолчав, добавил негромко и даже как будто с неохотой, глядя в сторону: — Впрочем, я всегда верил... вернее, хотел верить, что ты не погиб.

Это было сказано так небрежно, отрывисто и между прочим, что Гарх, восседавший на краю стола, разом неопишимо возгордился и — одновременно — растроганно сомлел. Слишком хорошо он знал Сарумана, чтобы эта небрежность и невозмутимость могли его обмануть... О, да, да! Переживал ведь за пропавшего посланника, старый сыч, хоть и не желает сейчас в этом признаваться! Всё разом было забыто — и сомнения, и страхи, и полный опасностей ночной перелет через болота; вóрона распирало от счастья и осознания собственной значимости, и, как он ни старался напустить на себя вид чинный и равнодушный, грудь его выпячивалась колесом как-то сама собой, а перья на горле топорщились веером, совершенно дурашливо и по-мальчишески несолидно.

Отчаянным усилием воли он заставил себя укротить неподобающее волнение, придал голосу побольше холодноватой сдержанности и степенно пояснил:

— Ну, я, собственно говоря, тоже вовсе не ожидал тебя тут увидеть... Орчоныш сказал, что ты где-то на юге.

— А что ещё он говорил?

— Что намерен вернуться в Замок и что я должен ждать его — или тебя — здесь... Впрочем, потом за ним по лесу гонялось с дюжину эльфов, так что я не уверен, что ему действительно удалось сбежать.

Саруман приоткрыл ставню и выглянул во двор, где расползались по углам ночные тени, крался вдоль стены серый облезлый кот, и растрепанной метлой размазывал по мостовой грязную лужу какой-то тощий заспанный *снага*.

— Уже светает. Если бы ему удалось уйти от погони и благополучно миновать болота, он бы сейчас был в Замке.

Гарх дёрнул головой.

— Думаешь, его поймали?

— Девяносто шансов из ста, что поймали. Вопрос — кто и где? Если эльфы — то это еще не самое худшее. Они его, конечно, накажут и запрут в чулане, но до серьёзной расправы дело, надеюсь, не дойдёт... А идти ночью через болота — не самая замечательная идея.

— По-твоему, я мог его переубедить? — уныло прокаркал Гарх. — Он мне и клюва не дал раскрыть, всунул эту проклятую штуку в лапы и был таков.

Саруман взглянул на «эстель», который мирно возлежал на столе, серебристо поблескивая, точно первая, взошедшая на ночном небе ясная звездочка.

— Ладно, как бы там ни было, «эстель» теперь у меня. Осталось заполучить «сит»... — Он решительно подошел к столу, распахнул дверцы настенного шкафчика, забулькал там какими-то снадобьями. — Чтобы вытащить из неприятностей этого глупого орчоныша, мне нужно сначала выбраться из Замка... или хотя бы попытаться это сделать. К счастью, у Каграта весьма кстати закончилось болеутоляющее.

— Ты отравить его хочешь, что ли? — пробормотал ворон.

— Что за кровожадность, Гарх? Всё гораздо проще. — Посмеиваясь, Саруман достал из загашника поддельный «эстель» — тот, который отдал ему Гэдж, — и, показав ворону, небрежно подкинул на ладони. — Дам ему сонных капель, пусть вздремнет полчаса, а я тем временем заменю «сит» вот на эту эльфийскую цацку, должна же она наконец хоть на что-то сгодиться. Не слишком остроумная мысль, но все же лучше, чем совсем ничего.

— Угу. Потрясающая идея. Каграт, конечно, совершенно ничего не заметит и не обнаружит подмены.

— Если и обнаружит, то, надеюсь, не сразу. Эта вещица, конечно, дорога ему, как память, но вряд ли он любит её по пять раз на дню. Ладно, не каркай, — он вздохнул, — лучше пожелай мне удачи.

***

Рассвет мало-помалу разгорался, и Крепость просыпалась: где-то на задворках уже гоготали гуси в ожидании утренней кормежки, скрипел во дворе колодезный ворот, тянуло с поварен запахом хлебов и ячменной каши, там и сям вяло переругивались полусонные орки. В казармах кашляли, чихали, храпели, шаркали, хлопали дверьми, плескали водой и гремели умывальными ковшами. Кагратова каморка, против ожиданий мага, оказалась заперта, но сам Каграт, мрачный, как ночь, топал откуда-то со стороны подвалов, Саруман столкнулся с ним в коридоре.

— Ну что, — хрипло спросил орк, — этот гаденыш так и не воротился?

— Нет. Ты, кажется, обещал отправить своих ребят на поиски.

— Маурхар и еще парочка бездельников с рассветом ушли, — буркнул Каграт. — А ты какого лешего тут таскаешься? Зелье принес?

Саруман многозначительно побулькал склянкой.

Каграт щёлкнул ключом в замке своей конуры, пинком распахнул дверь, вошел, зубами вытянул пробку из бутылки, жадно глотнул, запрокинув голову, поперхнулся, закашлялся. Недовольно сморщил нос.

— Ну и дрянь! Что ты туда влил, старая сволочь, крысиный яд?

— Крысиный яд — лучшее средство от крыс, — вскользь заметил Саруман. — Сильнодействующее.

— За крысу меня держишь, м-м? — Каграт хмыкнул, впрочем, довольно добродушно. — Так мы тут все такие, в крысятнике-то. И я... и ты. Или ты себя не крысой считаешь, а кем-то другим? Котом, например?

— Так ли уж важно то, кем я сам себя считаю? — заметил Саруман. — Гораздо важнее то, кем меня считают другие.

— Другие считают тебя крысой. Доволен? — Каграт коротко зевнул, прикрывая рот лапой.

— «Другие» — это ты?

— А хоть бы и так! Ну ладно, я считаю тебя *большой* крысой, гордись! Это почти похвала, в нашей-то паршивой норе! — Он хрипло хохотнул, потом вновь смачно, с подвыванием зевнул и, опустившись на полати, встряхнул головой. — Леший! Что-то сморило меня з́араз...

— Нечистая совесть ночью спать не давала? — полюбопытствовал Саруман.

Орк смотрел осоловело.

— Нет, визгуны с их дурацкими поручениями. Ходы-выходы им внезапно потребовалось проверить, м-мать! А совесть у меня в печенке сидит, сам не знаешь? — Он потёр кулаками глаза, отчего стал похож на огромного неуклюжего младенца. — Слушай, я, пожалуй, и впрямь малость всхрапну... а ты давай дверь прикрой оттуда, снаружи, слышишь? Маурхар явится, пусть разбудит. Понял?

Он лениво стянул с ноги один сапог, упираясь в его пятку носком другого, начал было стягивать второй, но бросил это трудное дело на полпути; так, в одном сапоге, снопом повалился на лежанку и почти тотчас захрапел, приоткрыв рот и пустив с выпяченной губы капельку слюны. Надо же, сказал себе Саруман, как всё оказалось просто... ну, спасибо тому визгуну, по чьей милости Каграту пришлось провести бессонную ночь.

— Ладно, сладких грёз, спящий красавец, — пробормотал он вслух. — А большая крыса возьмётся за свои маленькие крысиные дела.

Каграт яростно всхрапнул во сне и, что-то пробормотав, перекатился на бок. Рука его, зарывшаяся в ободранную волчью шкуру, дрогнула, и сильные пальцы сжались, сгребая мех, точно чуяли под собой чье-то податливое горло.

Саруман огляделся. Кругом стояла тишина. Только во дворе под окном злобно рокотал на подвернувшегося *снагу* раздраженный урук: «Это ш-што такое? Это ш-што такое, я спрашиваю? Ты куда парашу выплескиваешь, с-сволочь, к-крысоед вшивый? Не заметил меня, значит, да, незаметный я такой, по-твоему? Хочешь, чтобы я тебе это ведро щас на башку надел, с-сука?»

Выждав ещё пару минут, Шарки склонился над Кагратом, нашарил на шее орка плотный кожаный шнурок и осторожно вытянул его из-под гамбезона. Ножом, найденным на столе, маг аккуратно отогнул край жестяного крючочка, на котором висел «сит», снял амулет, потом нацепил на крючок поддельный «эстель» и всунул фальшивку орку за пазуху. Дело было сделано... Спрятав добычу в загашник, волшебник взял бутылочку со снадобьем, брошенную Кагратом на столе, и поставил на её место другую, похожую, склянку — в ней было точно такое же болеутоляющее зелье, только без снотворного. Потом бесшумно вышел из каморки и плотно прикрыл за собой дверь.

51. Закрытая дверь

Туман всколыхнулся. Что-то негромко скрипело в белесой мгле, слышался неторопливый топот копыт, какие-то невнятные погромыживания и смутные голоса. Наверно, возвращались рабочие, призванные завершить не законченный накануне ремонт... Гэдж не прислушивался, не было у него сил прислушиваться, в ушах у него тоненько и противно звенело, точно в голове поселился злобный и очень назойливый комар.

— Эй, ты!

Убедившись, что до добычи им никак не добраться, гуулы рассосались вместе с ночной тьмой, но прорва к этому времени заглотила Гэджа почти до плеч. Он был едва жив: горло его саднило, лицо горело от укусов болотного гнуса, ног своих, повисших в вязкой стылой глубине, он и вовсе не чувствовал... Он еще не утонул только благодаря крепкой палке, которая якорьком цепляла его за переплетение болотных трав и не позволяла погрузиться в топь окончательно. Но долго так продолжаться не могло, Гэдж знал, что еще четверть часа или чуть больше — и трясина всосет его выше плеч, и тогда он, измученный и ослабевший, не продержится на поверхности и пяти минут.

— Чегой-то он молчит? — спросил над ухом чей-то писклявый голос. — Дохлый, что ли?

Гэдж с усилием заставил себя разлепить опухшие губы. Перед глазами его стоял туман — и вряд ли только болотный.

— Я не д-дохлый... В-вытащите меня...

— Надо же, — удивился писклявый, — не дохлый! Разговаривает.

— Ну и пусть разговаривает, — пробурчал другой голос, поглубже. — Чего это мы его вытаскивать должны? Ещё поговорит малость — и перестанет...

— Эй, вы! — раздался начальственный рык. — Чего встали? Работку бережем? Кто бревна за вас таскать будет — я?

— Да тут вон, — засуетился писклявый, — голова в болоте торчит.

— Ну и что? — пробурчал начальник.

«Действительно — ну и что? — вяло подумал Гэдж. — Мало ли в болоте торчит чьих-то голов...»

— Дак она того... разговаривает, — с сомнением произнёс писклявый. — И глазками лупает.

— Чё, может, шпиён?

Повисла тишина. Урук-десятник несколько секунд молчал — видимо, приглядывался, пытаясь рассмотреть Гэджа под слоем покрывавшей его болотной грязи. Что-то раздражённо проворчал под нос.

— Не, не шпиён... я, кажись, его знаю — это мальчишка Шарки. С-сучонок вшивый... Ты как сюда попал? — спросил он у Гэджа. Скорее брезгливо, чем с настоящим интересом.

Гэдж с трудом стряхивал какое-то нездоровое, овладевшее им сонное оцепенение.

— Я... заблудился, — прохрипел он. — Собирал немейник на болотах и... провалился... нечаянно...

— И давно ты тут торчишь?

— С... с вечера.

Он надеялся, что это звучит достаточно правдоподобно. Десятник, впрочем, не был

расположен выяснять, что́ в словах Гэджа правда, а что́ — ложь, и сколько в целом частей того и другого.

— Ну, чего стали? — прорычал он на двоих писклявых *снаг*. — Несите жердь, да подлиннее, вытащим, так и быть, этого паршивца... Наше дело маленькое. А в Крепости, небось, с ним потом сами разберутся.

***

Вернувшись в лекарскую каморку, Саруман запер дверь на засов и плотно прикрыл ставни на окнах. Положил на стол обе половинки амулета — они сошлись, как две части хитроумной головоломки, приладились друг к другу, точно шестеренки сложного механизма.

— Ты сумеешь их воссоединить? — прокаркал Гарх.

— Думаю, да. Если амулет подлинный, это будет несложно... хватит даже простенького заклятия. Это не труднее, чем создать волшебный огонек.

Ворон, вытянув шею, смотрел с тревогой.

— А это не опасно? Ошейнику, кажется, не очень нравятся заклятия, даже простенькие.

— Еще опаснее медлить, Гарх. Каграт может заметить подмену, да и неизвестно, что там случилось с Гэджем...

— Этот паршивец так и не появился!

— Будем надеяться, что его все-таки перехватили эльфы... Что ж, это ещё один повод побыстрее выбираться отсюда. Нет времени ждать!

— А в Башне не почувствуют это... проявление магии?

— Да помолчи уже... маленький мой пернатый голос разума! — процедил Саруман. — Дай дорогу безумству. — Он взял обе половинки «сит-эстеля» в ладонь и накрыл их другой ладонью. Опустил веки, чтобы сосредоточиться...

Раньше на подобное заклятие ему хватило бы и пары секунд. Теперь же приходилось продирается к цели, точно сквозь густой терновник, ломая колючие ветви и оставляя на шипах клочья истерзанной плоти — но Белый маг был полон решимости довести начатое дело до конца...

Отступать ему было некуда.

На осторожное касание магии амулет отозвался почти сразу — и о́жил. Чуть потеплел, согрел ладонь волшебника, точно свернувшийся в горсти маленький зверек, Саруман ясно ощущал исходящее от каждой из половинок едва заметное колдовское веяние. «Эстель» казался чуть теплее, а «сит» щекотал ладонь, будто лапки крошечного насекомого. Но вместе с амулетом пробудился и ошейник, потяжелел, набряк недоброй силой, нагрелся, грозя оставить на коже ожог... Впрочем, несколько недель, проведенных вдали от Замка, позволили Саруману значительно продвинуться в его магических упражнениях, и он не то чтобы научился не обращать внимания на протесты ошейника, но как-то свыкся, притерпелся к ним, как привыкают к нудному, но неизбежному нытью старых ран. Да и глупо было пенять на неминуемую боль, раз уж взялся отгрызть застрявшую в капкане лапу...

Он бросил короткое заклятие, и магическая сущность «сит-эстеля» подалась, как раскаленный металл, готовый принять любую форму; ладонь мага, державшая амулет, онемела, точно набитая песком перчатка. Связующие чары плотно охватили, оплели «сит-эстель», он рассыпался на тысячу осколков и тут же собрался снова, вспыхнул голубоватым

свечением... и тошнотворной ржаво-желтоватой болью, рожденной ошейником. Раскаленная игла, предсказуемо вонзившаяся магу в затылок, оказалась даже острее, чем он предполагал — и согнула его дугой, и швырнула боком на край стола, полуослепшего и уверенного, что череп его сейчас хрустнет изнутри, как гнилая луковица...

Гарх в ужасе бросился к нему.

— Что? Ну что?.. Я же говорил!..

— Тише! Прекрати... квохтать! — Шарки медленно переводил дух. Он подождал, пока уляжется тошнота, перед глазами прояснится, а сердце перестанет метаться в груди, как перепуганная курица. Голова волшебника, против всех ожиданий, осталась на плечах, а мысли были ясны и холодны, как морозное утро. Он осторожно, стараясь не делать резких движений, чтобы не побеспокоить Господина Ошейника, сполз в кресло и дрожащим пальцем указал на отброшенный в сторону амулет. — Дай... сюда.

Ворон, неодобрительно ворча про себя, с опаской, точно боясь обжечься, поддел закатившийся под стол «сит-эстель» когтем, сжал в лапе и передал Саруману. Белый маг положил воссоединенный амулет перед собой, медленно провел пальцем по переплетению рун.

— Надо... взглянуть, что там.

Гарх мрачно молчал. Но не вмешивался — знал, что это бесполезно... Нахохлившись, сердито следил за Саруманом — тот сидел, нагнувшись над столом, накрыв амулет ладонями, чуть подавшись вперед и склонив голову к плечу, точно прислушиваясь к чему-то, для слуха Гарха неслышимому и недоступному. «Сит-эстель» тускло посверкивал сквозь его пальцы.

Да, амулет действительно изготовлен был из галворна и имел едва уловимый магический венец, видевшийся Саруману словно бы многоцветным радужным ореолом. Этот ореол дрожал и менял очертания, точно язычок пламени, то разгораясь ярче, то чуть меняя цвет, то свиваясь нитью — странной бесконечной нитью, за чьими извилами было трудно уследить: они переливались друг в друга, переплетались сложно и причудливо, создавая путаную волшебную вязь, не имея ни начала, ни конца. Как он тогда говорил Гэджу: *«Вот и с заклятием, скрепляющим ошейник, примерно то же самое, оно кажется незатейливым и простым, но... вывернуто на сто восемьдесят градусов, и оттого таит в себе много неожиданностей и причудливых казусов»*. Такая вот выкрученная магия в выкрученном мире... Впрочем, если бы удалось найти место «сцепки» и «вывернуть» эту ленту назад...

Саруман досадливо смахнул рукой стекающий по лицу пот. Ошейник жег его, как докрасна раскаленный, но Шарки отчаянно пробивался сквозь боль, словно через пылающее горнило, и ему казалось, что вот-вот он нащупает в заклятии слабое место. Радужная нить мерцала перед ним, указывая «дорогу», главное было — не потеряться, не заплутать в хитросплетениях заклятья, не сбиться с пути... Возможно ли создать «отражение», «зеркало», ухватить эту радугу в фокус и направить чары ошейника против него самого... или, скажем, просто использовать заклятие ошейника в качестве «линзы»? Прогнать через неё этот многоцветный спектр, собрать радугу в единый белый и ясный луч, а потом...

А потом в Башне, конечно, совершенно не обратят внимания на этот творящийся буквально под носом магический произвол... Ладно, леший с ними!

Сарумана обуял нездоровый азарт. Интересно, кто окажется быстрее — он, или вездесущие саурановы приспешники?

Всё равно дело уже зашло слишком далеко...

Маг обеими руками взялся за ошейник.

Когда-то давно, там, в ущелье Туманных гор, он пытался нащупать ключевые точки запирающего заклятия и взломать их — но в тот момент ему совершенно не на что было опереться в своих попытках, не понять было сущность коварной магии, а сейчас структура сторожевых чар прояснялась, медленно проступала в глубине радужного свечения — так под лучом света сквозь тёмную толщу воды проступает то, что до сих пор было надёжно ухоронено и скрыто на дне. Колдовской ореол «сит-эстеля» был этим светлым лучом — он обнажал и проявлял остов заклятия, подсказывал магу верное направление, точно стрелка компаса, не давал свернуть с правильного пути, не позволял рассеять Силу впустую, неодолимо увлекал за собой...

И все же чего-то не хватало. Медленно, но верно Саруман распутывал нити заклятия, подбираясь к его сердцу — к основе; вот уже опали, как сухие листья, затейливые извивы, и лег перед магом упорядоченной системой срединный «узел», и показался сам «замок», к которому надлежало подобрать последний, самый важный, самый необходимый «ключик»...

Саруман вдруг понял, что не сможет этого сделать. Чего-то не имелось.

Чего? Белый маг не знал.

Он был уверен, что прошел магический путь, указанный амулетом, до конца — но что-то упустил, не заметил, какую-то крохотную деталь. Покровы были сняты, нити распутаны, и открылся защитный слой, зеленоватым светом вспыхнули проступающие сквозь металл ошейника сторожевые руны, и «замок», самое ядро заклятия предстало перед магом во всей своей первозданной красоте — вот только к этому «замку» не было ключа. Ни ключа, ни отмычки, совершенно ничего...

Саруман заскрипел зубами. С трудом укротил рвущийся из груди истерический смех.

Что он упустил?

«Эта штука задушит тебя, если вздумаешь улизнуть...» Не то.

«Дальше ста ярдов от орков не отойдешь...» Нет, нет, не то!

«...образует ленту, у которой только одна сторона...» Уже было. Не то.

Что?

Он вздрогнул и вдруг очнулся — от того, что кто-то яростно долбанул его молотком по плечу. Нет, не молотком, а клювом — перед ним на столе внезапно оказался Гарх, взъерошенный и испуганный; ворон так отчаянно щипал мага за плечо, царапал когтями за руку и тянул за бороду, точно от результатов этих усилий зависела его жизнь.

— Очнись... Да очнись ты! Саруман! Слышишь? Стучат. Стучат!

В голосе ворона был даже не ужас — настоящая паника...

Где-то под окном длинно всхрапнул конь. В дверь действительно кто-то властно загрохотал кулаком, — видимо, не в первый раз, — с такой силой, что крепкая створа заходила ходуном. Хворые и страждущие обычно так не стучат... Саруман вдруг заметил, что в камерке стоит мертвый холод — вероятно, от того, что погас огонь в очаге, а от стен словно бы исходила стужа, зимняя, гибельная, и поднимался от пола холодный удушливый страх, обволакивал все вокруг, как въедливый болотный туман.

— Открывай, или я вышибу дверь, — сказал голос с порога. Негромкий и шелестящий, но отчетливо слышимый в зависшей вокруг тягостной тишине. Слишком причудливо звучащий, слишком всепроникающий, слишком *нечеловеческий*.

Шарки сразу его узнал.

***

Телега, скрипя деревянными суставами, остановилась у стены приграничной крепостицы. Здесь все так же сновали в открытые ворота люди и орки, все так же сидел под навесом безучастный тролль (разве что фартук на нем стал еще более грязным и заскорузлым, нежели раньше), а начальником караула был все тот же невысокий желтолицый вастак. Он хмуро разглядывал Гэджа, который сидел в повозке, сгорбившись, спрятав руки на груди и бездумно уставившись в раскиданное по днищу телеги грязное сено.

— Это еще что?

— Из болота выволокли, — проворчал сопровождающий телегу *снага*. — Не видно, что ли? Вылезай, приехали, — буркнул он Гэджу. — Мне еще обратно тащиться...

Вастак брезгливо покривил губы. Гэдж с трудом — шевелиться ему отчаянно не хотелось — сбросил вялое безволие, поднял руки, справляясь с головокружением, ухватился за высокую ребристую боковину телеги, неуклюже перекинул через неё колени и вывалился на землю. Кое-как утвердился, пошатываясь, на ногах, выпрямился, держась за деревянный бортик. Перед глазами у него все плыло, покачивалось и двоилось, и вастак казался расплывчатым и двухговым, словно диковинный зверь из рассказов о похождениях воина Анориэля.

— Мне н-надо... умыться, — прохрипел Гэдж. При каждом его движении подсохшая грязь отваливалась от него пластами, как струпья от заживающих ран.

Начальник кивнул куда-то в сторону. Сказал сердито:

— Иди в умывальню. Там найдешь кадушку с водой.

Гэдж молча повернулся и поплелся в указанном направлении. Его пошатывало, но опереться ему было не на что: *снага*, выделенный ему в сопровождающие, уже куда-то улизнул, а палку, которая служила Гэджу опорой на протяжении всего пути через болота, он благополучно потерял — выронил там, в трясине, когда схватился за протянутую ему жердь — и, в общем, был этому только рад. Он шел, и ему все время казалось, что земля уходит у него из-под ног, расплывается, подобно наполненной хлябью яме, и надо все время быть начеку, чтобы не оступиться, не провалиться, не утонуть... Прихрамывая, он добрался до маленького сарайчика-умывальни, вошел, держась за стену, плеснул в лицо водой из большой, пахнувшей мокрым деревом кадушки. Опустился на стоящую рядом лавку.

Вот и всё.

Он почти у цели. Он почти *дома*.

Он прошел через подземелье, логово Хозяйки, через Болота — туда и обратно — одолел гуулов и Келеборна, солгал Гэндальфу, обманул эльфов, совершил еще множество славных подвигов, с ног до головы извозился в дерьме в прямом и переносном смысле и вновь вернулся туда, откуда и начал долгий путь и где, как выяснилось, ему и есть самое место — в Крепость. Собрал на себя всю грязь, которую не отмоешь мылом и не ототрешь мочалкой, грязь, которая будет лежать теперь у него на душе вонючим неизбывным пятном, и долго придется ждать, когда она наконец засохнет, отвалится и рассыпется в пыль... а, да и пес с ним! Надо отряхнуться и идти дальше, вернуться в Замок, в лекарскую каморку, встретить там Гарха, дожидаться Сарумана... подняться и идти... да-да, идти, вот прямо сейчас...

Гэдж закрыл глаза.

В умывальне было тихо и темно, пахло щёлоком и мокрым дубовым листом, только откуда-то со двора смутно доносились голоса обитателей крепостицы, унылое ворчание тролля, скрип вóрота, шаги караульных и негромкое пофыркивание мулов. Гэдж сидел на лавке и не мог подняться, ноги у него отнялись от усталости, тело налилось свинцом, сил не

осталось ровным счетом ни на что. Голова казалась пустой, гулкой и бездумной, как жестяной котёл, он тяжело уронил её на грудь и уже даже не пытался поднять.

Утомление, пережитое волнение и бессонная ночь наконец дали себя знать, и бесконечно долгий для Гэджа день подошел к концу — не в силах бороться с одолевающей его вязкой дремотой, он повалился на лавку, сунул под щеку попавшее под руку мочало и уснул прежде, чем голова его успела коснуться этой колючей неудобной «подушки».

***

Гарх испуганно захрипел. Перья его стояли дыбом от ужаса. Ну да, встречаться с неприветливыми порождениями местной тьмы ему до сих пор не доводилось.

— Спрячься, — прошептал Саруман. Он поднялся, пошатываясь, и смёл «сит-эстель» в ящик стола. Что ж, этого следовало ожидать... Или один из назгулов завернул сюда просто так, скуки ради, поздороваться с доселе отсутствующим лекарем и получить письменный отчет о поездке?

Открывать не хотелось — мучительно не хотелось, отчаянно, до судороги в животе. Но хлипкая преграда не могла надолго задержать того, кто стоял на пороге и желал войти, никак не могла помешать свершиться неизбежному. Чувствуя себя будто с похмелья — разохшимся и разбитым, как старое корыто, — Саруман медленно подошел к двери, поднял руку — заставил себя себя поднять — и рывком отодвинул засов.

— Доброе утро, господин Кхамул...

Кхамул примчался откуда-то верхом, во дворе стоял его вороной конь, и поводья были небрежно обмотаны вокруг столбика крыльца. Назгул решительно шагнул в каморку — мрачная, зловещая, закутанная в черный плащ фигура, излучающая страх и тьму так же, как зажженная лампа излучает тепло и свет.

— Что здесь происходит? — Не дожидаясь ответа, он, ведомый безошибочным чутьем, направился к столу, рывком выдернул верхний ящик и, вышвырнув вон ворох каких-то бумаг, добыл «сит-эстель». Секунду подержал его на ладони.

— Что это?

Шарки отступил в угол — и стоял, прижимаясь спиной к шершавому, еще теплому боку угасшей печки. Его правая рука — совершенно неожиданно для него самого — вдруг скользнула вниз, пальцы нащупали и крепко обхватили рукоять кочерги, прислоненной к печной стенке. Как будто с назгулом можно было справиться ржавой кочергой...

— Эта вещичка нашлась на теле одного из пленников... там, на юге, — пояснил он смиренно, презирая себя за тихий и постыдно дрогнувший голос. — Он был из Харада и умер от гнилой лихорадки. Мне показалось, безделушка слишком красива и ценна для того, чтобы зарывать её в землю.

Кхамул, повернув голову, пристально смотрел на него. Под темным капюшоном вспыхивали и гасли красноватые призрачные искорки.

— Балуешься с магией, старик? Кто ты такой?

— Всего лишь скромный лекарь, с вашего позволения... Я не знал, что в этом амулете заключена какая-то магия.

Кхамул безмолвствовал, источая тьму. Шагнул вперед, навис над волшебником мрачно и угрожающе; взгляд его пришилил мага к стене, словно мертвую бабочку. Старик лжет? Или, скорее — не говорит всей правды... Назгул поднял черную длань — и Шарки вжался в

угол, захрипел, схватился обеими руками за ошейник. Скорчился, точно от удара ногой в живот, и медленно сполз по стене на пол, к ногам Кхамула — раздавленный неодолимой силой, приведённый к повиновению непокорный раб.

Кхамул наступил носком сапога на бледную до синевы, вцепившуюся в половицу ладонь пленника, надавил так, что хрустнули под подошвой тонкие пальцы.

— Когда ты вернулся, старик? Вчера?

— Д-да... — Шарки, задыхаясь, издал сквозь зубы короткий стон. — С хозяйственным обозом...

— В какое время? — голос Кхамула был бесстрастен.

— После... полудня. — Саруман трудно, с присвистом дышал — ошейник, стиснувший его горло мертвой хваткой, оставлял ровно столько воздуха, чтобы можно было не потерять сознания и с усилием цедить застревающие в глотке полубессвязные ответы.

— Где ты находился после приезда?

— Здесь, в лекарской... Приводил... дела в порядок...

— Кто это может подтвердить?

— Все... кто меня видел.

— А кто тебя видел?

От боли и дурноты у старика мутился взгляд.

— Я не знаю... Грауш, снага, сопровождающий... Эотар, кузнец... Он... вчера заходил.

Кхамул молчал. Что ж. Если Шарки не лжет, то к странному всплеску Силы, вчера явившей себя в подземельях и погубившей Хозяйку, он пожалуй что действительно непричастен. Или он все-таки лжет? Если да — то в чем?

Назгул неторопливо убрал ногу с размазанных по полу стариковских пальцев.

— Вставай. Ты пойдешь со мной.

Хватка ошейника слегка ослабла, и Саруман наконец сумел отдышаться, жадно глотнул ртом воздух, как утопающий, выброшенный волной на берег. Преодолевая головокружение, медленно приподнялся и сел, привалившись плечом к стене — ему требовалось время, чтобы прийти в себя. В глазах у него темнело от боли в полураздавленной пясти, но другая рука, непослушная, оставленная без присмотра, вдруг вновь скользнула за спину и обхватила валяющуюся под стеной кочергу. Единственное доступное ему оружие...

— Пошевеливайся, — процедил Кхамул. Что-то едва слышно царапнулось и словно бы пискнуло за его спиной, под лавкой, и назгул на секунду отвёл взгляд: полузадушенный Шарки, невнятной кучей копошащийся на полу, явно не стоил его внимания.

А зря.

Терять магу было нечего.

Превозмогая страдание, Саруман в мгновение ока подался вперед. Зацепил кочергой черный назгульский сапог и рванул пойманную добычу на себя — резко, изо всех сил.

Всё случилось меньше, чем за секунду.

Кхамул даже не вскрикнул — уж чего-чего, но такой прыти от измочаленного старика он явно не ожидал. Он рухнул навзничь беззвучно, как подрубленный столб, и головой (или что у него там было вместо головы) приложился о край стола. Раздался такой звук, будто треснула яичная скорлупа... или истлевшая насквозь назгульская черепушка? Расколосась разом, будто гнилой орех...

Саруман вскочил — с проворством, удивившим его самого. Занес над упавшим врагом кочергу, точно копье — на конце её вспыхнул пронзительный серебристый свет — и с

размаху вогнал орудие противнику в горло, в рыхлую гнилую плоть, круша и ломая, обращая в прах хрупкие шейные позвонки. Заклятие, в которое Шарки вложил все собранные по крупицам силы, ударило в назгула и пронзило его насквозь, как раскаленное шило пронзает кусок масла — и тело Кхамула задергалось, точно его трясли и тянули за невидимые ниточки. Брызнуло в стороны не кровью — но тьмой, выгнулось дугой, забилося, скрючилось, как паук, попавший в пламя свечи, издало бессильный хрип — и опало, придавленное разрушительными чарами, съёжилось на полу тёмной бесформенной грудой... Сарумана, полумертвого от боли, отшвырнуло к стене, но некогда было корчиться в углу, хвататься за ошейник, глотать хлынувшую из горла кровь и лишаться чувств, надо было довести начатое до конца...

— Амулет... Гарх... где амулет...

«Сит-эстель» выпал из чёрной, точно обугленной клешни назгула и, откатившись, посверкивал на полу; обмирая от ужаса, ворон осторожно подцепил его лапой. Кхамул (или то, что от него осталось) лежал неподвижно — там, где его настигла кочерга — и не делал ни малейших попыток восстать из тлена, вынести бунтарю суровый приговор и немедленно привести его в исполнение. Был скручен и побежден не то исполненным отчаяния сарумановым заклятием, не то простым и честным железным прутом...

Вот так-то, друг мой. Против старой доброй кочерги нет приёма... перед ней равен и эльф, и орк, и назгул, и простой смертный, и непростой.

— Он... мертв? — испуганно, пятясь, прошептал Гарх.

Саруман утер лицо рукавом. Губы его прыгали, точно пустившись в дурацкий пляс.

— Вряд ли можно убить того, кто и так наполовину бесплотен. Но я, кажется, понял, какого «ключика» не хватает в «замочке». — Он сжал амулет в ладони и, придерживаясь рукой за стену, кое-как поднялся, шагнул, нетвердо переставляя ноги, вперед, подошел к поверженному врагу. — Ошейники не терпят мертвечины... А назгулы — нежить, развоплотившиеся твари, не-мертвецы, но и не-живые. Вот почему их прикосновения способны разомкнуть ошейник...

— Ты думаешь?

— Надеюсь. Готов спорить, что назгульское Кольцо дополняет заклятие... Это и есть «ключ»!

Ворон с опаской наблюдал за распростертой на полу мрачной безмолвной фигурой, не решаясь к ней приближаться. Даже недвижимый, опутанный заклятием, обращенный в груды костей и с расколотым черепом, назгул внушал ему глубокий безотчетный ужас.

— Но у него нет никаких колец!..

— Просто их не каждый может увидеть. Смотри! — «Сит-эстель» вновь вспыхнул в руке Сарумана зеленоватым свечением, как и руны, смутно проступившие сквозь поверхность ошейника, — и, пробужденный магией, робко обрисовался и созвучно замерцал бледным светом тонкий ободок на пальце назгула, сверкнул холодной искрой оправленного в золото аметиста. Шарки собрался с духом — и, стиснув зубы, с размаху опустил кочергу на черную недвижимую руку.

Давно истлевшая кость хрустнула, как старый пергамент.

Гарх предостерегающе каркнул. Воздух над телом назгула задрожал, собираясь сгустком тьмы, закручиваясь крохотной воронкой, то вытягивающейся, то съёживающейся, меняющей очертания, будто уродливый, разинутый в немом крике рот.

— Н-не сссмей...

Точно беззвучный гром промчался по горнице. Взметнулись занавески на окне, со скрипом распахнулась дверца настенного шкафика, оттуда выпала и со звоном убилась об пол какая-то пустая склянка.

Но Кольцо было уже у Сарумана в руке. Затаив дыхание, он поднял металлический ободок, держа его перед собой с брезгливой осторожностью, двумя пальцами, как опасное насекомое, и, чуть помедлив, прикоснулся аметистом к ошейнику, к одной из светящихся рун. И долгую секунду был уверен, что ничего не произойдет...

Но оно произошло.

Без звука, без щелчка ошейник раскрылся — и упал перед волшебником... Лопнул обруч, истаяли кандалы, в прах рассыпались оковы... Белый маг покачнулся и оперся рукой на край стола — слишком долго он пробыл Шарки, чтобы вот так в одно мгновение вновь стать Саруманом и справиться с нахлынувшим вихрем полузабытых ощущений, мыслей и чувств...

Гарх испуганно вскрикнул.

Тёмная груда на полу неуверенно шевельнулась.

Вздымаясь, медленно приподнялась, точно втягивая, всасывая в себя копившуюся в углах помещения густую Тьму, обрастая ей, как обрастает плотью голый костяк скелета. Подняла, протянула к магу подергивающуюся призрачную «руку» в жесте нетерпеливом и жадном, не то требовательном, не то возмущенно-умоляющем.

— Верни Кольцо, с-сволочь... Верни-и!.. Ты... пожалееешьшшь...

Шелестящий голос назгула был страшен — начавшись с неслышного шепота, он поднялся почти до пронзительного, невыносимого человеческого ухом визга, и вновь упал до неразборчивого сдавленного шипения — но слышались в этом ужасающем полувопле-полустоне не столько ярость и угроза, сколько страдание и тоска... Саруман не дрогнул и не отступил, он был пьян от осознания вновь обретенной Силы — так горький выпивоха после вынужденного воздержания хмелеет от одного только запаха вожделенного зелья, — и голова у него шла поистине кругом, тело было лёгким, как будто налитым горячими парами, даже боль в раздавленных пальцах притупилась до степени совершенно ничтожной и не стоящей никакого внимания.

— Пожалей, да ну? Ты думаешь, я боюсь тебя и твоего хозяина, мерзкая ты тварь? На, подавись! — Кольцо потяжелело в его руке, оплетенное нитями развоплощающих чар. Саруман швырнул его в Кхамула, точно тяжёлый камень, и назгул взвыл еще ужаснее, чем раньше, если только это было возможно; вопль его поднялся до самого высокого замкового шпиля и, должно быть, заставил содрогнуться до основания всю Крепость. Назгульское кольцо вспыхнуло, всосалось в поднявшийся перед Саруманом сгусток Тьмы, черный, как дыра в ткани мироздания; он секунду-другую висел в воздухе, распространяя вокруг холод и страх — но какие-то для Белого мага зыбкие и малоубедительные, — потом поднялся выше и исчез, бесследно истаял под потолком, рассеялся бесцветным призрачным дымом. Траурное одеяние назгула упало на пол, пустое, как сброшенная змеиная кожа, негромко звякнул о камне стальной меч в тёмных ножнах.

Белый маг тяжело перевел дух. Вот и все... Все было кончено. Поле боя в этой недолгой схватке осталось за ним.

Но почивать на лаврах было некогда.

— Надо убираться! — подал голос из-под стола благоразумный Гарх. — Сейчас здесь будут другие...

С этим спорить не приходилось.

— Ты прав. Кочерги на всех не хватит. — Саруман, секунду поразмыслив, поднял оставшийся на память от Кхамула тяжелый плащ с капюшоном и набросил его на плечи, привесил к поясу меч — пренебрегать оружием определённо не следовало. Окинул взглядом тёмную каморку, торопливо пошарил по полкам и ящикам стола, пряча в поясную сумку и рассовывая по карманам какие-то заметки и записи.

— Быстрее! — Гарх с тревогой оглядывался, нетерпеливо подсакивая на краю стола. Ему казалось, будто он уже слышит воинственные клики, бряцанье оружия и топот приближающихся врагов... доносящийся, впрочем, не столько из недр Крепости, сколько из дремучих уголков его не на шутку разыгравшегося воображения. Обитатели Замка были слишком привычны к жутким назгульским воплям и слишком старались держаться от визгунов подальше, чтобы без прямого приказа, на свой страх и риск заинтересоваться происходящим.

— Успеем, — процедил Саруман. И отрывисто усмехнулся: — Пусть-ка попробуют меня сейчас задержать, я им за все хорошее уплачу с процентами. А господин Кхамул нас в ближайшее время не побеспокоит... кстати, он любезно предоставил нам в пользование не только свое снаряжение, но и коня.

***

Черный, как смоль, жеребец назгула действительно все так же стоял, привязанный к столбику крыльца — он был ладный и крепкий, самый что ни на есть живой и настоящий, из плоти и крови. Он покосился на мага безо всякой приязни, ударил копытом и тревожно всхрапнул, когда Саруман сделал попытку к нему приблизиться.

— Спокойнее, дружище, — пробормотал Шарки. — Здесь все свои. Или от меня в недостаточной мере разит мертвечиной?

Кутаясь в назгульский плащ, он поднял руку, успокаивая коня — тот, приплясывая, шарахнулся в сторону, но все же, кося глазом, позволил Саруману подойти ближе. Бормоча что-то бессмысленно-убаюкивающее, маг ласково коснулся жёсткой чёрной гривы, провел по ней рукой раз и другой. Жеребец как будто призадумался; во всяком случае, перестал свирепо сверкать глазами, скалить зубы и выбивать копытом искры из булыжной мостовой. Белый маг отвязал поводья, всунул свои пожитки в седельную сумку и, вдев ногу в стремя, поднялся в седло. В следующий миг он чуть не вылетел на дорогу — жеребец яростно взбрыкнул и взвился на дыбы, чуя чужака; какие-то проходящие мимо орки (леший бы их побрал!) в панике шарахнулись к стене, уверенные, что шальному назгулу ни с того ни с сего пришло в голову затоптать их конем. Саруман взвыл, как истинный призрак; он держался в седле крепко, натянув поводья, показывая, что с ним шутки плохи, и мало-помалу ему удалось совладать со строптивой скотиной и даже, кажется, внушить ей некоторое доверие. Жеребец, храпя, присмирел, наконец встал на все четыре ноги и, закусив удила, пустился с места в галоп — прочь со двора, к воротам.

Подковы звонко застучали по мостовой.

Орки и «козявки» испуганно шарахались к стенам, освобождая дорогу закутанной в плащ фигуре на вороном коне, следом за которой летел мрачный черный ворон. Расплескалась брызгами попавшаяся на пути лужа, грохот копыт эхом прокатился под сводами подвратного тоннеля; конь назгула вихрем промчался в открытые — пока еще

открытые! — ворота, миновал подъемный мост и во весь опор поскакал по дороге, ведущей на север, к лесу.

— Мы вырвались! — захлебываясь не то от восторга, не то от плещущего через край волнения прокаркал Гарх.

— Рано радуешься, — оборвал Саруман. — Это не последний рубеж.

Интересно, спросил он себя, когда весть о том, что произошло, дойдет до Башни? Как быстро Саурон вышлет погоню?

Придерживая рукой край капюшона, он украдкой огляделся. Ему показалось, что чуть в отдалении мелькнула фигурка всадника на таком же черном коне, но он не приглядывался — некогда ему было приглядываться, жеребец Кхамула оказался горяч и норовист, и Саруману приходилось направлять все усилия на то, чтобы только удержаться в седле. Дорога стремительно уносилась назад, конь мчался, обгоняя запряженные мулами и волами телеги и повозки, справа мелькнула длинная череда барачков, впереди показался рубеж Дол Гулдура и стена приграничной крепостицы, в тени возле неё сустились люди — там уже получили приказ закрыть ворота? Или — что?

— Прочь с дороги!

«Крысюки», орки, *снаги*, встречающиеся на пути, в ужасе бросались в стороны — они принимали мага за назгула, и преградить ему путь никто не осмеливался. Но вот сбоку накатила волна холода, из улицы, тянущейся вдоль барачков, выскочил всадник на вороном коне, за ним — еще один, они мчались быстро, целенаправленно, Саруману наперерез... Значит, в Башне уже подняли тревогу...

Пряча лицо под капюшоном, Белый маг приподнялся на стременах и воздел руку, указывая влево, вдоль стены, словно сам гнался за кем-то, только что улизнувшим в том направлении. Он сомневался, что эта наивная уловка сработает, но назгулы как будто пришли в замешательство, не зная, то ли продолжать гнать коней по дороге, то ли повернуть налево, как призывала их приметная фигура одного из «своих», — и на несколько секунд придержали скакунов...

Вот только этот странный имярек, отдающий странные приказы, не был «своим». Они не чуяли у этой темной, закутанной в плащ фигуры Кольца.

В какой-то момент Шарки пожалел, что оставил Кхамулу его Кольцо — будь эта приметная цацка у Сарумана, сейчас остальные назгулы в нем бы не сомневались. Но, с другой стороны, Шарки и избавился от Кольца именно для того, чтобы Саурон не мог отследить его передвижения, да и сокрушаться о содеянном было поздно...

Пару мгновений ему всё же удалось выиграть — он промчался перед самым носом преследователей, беспощадно гоня коня к границе. Ворота в порубежной стене медленно закрывались, тролль-привратник, понукаемый бранью «козьявок» и ударами бичей, с унылым ревом крутил барабан воротного механизма, тяжело наваливаясь грудью на рукояти, и между смыкающимися створами оставалась лишь неширокая щель, становящаяся уже и непроходимей с каждой секундой.

— Ты не успеешь! — сдавленно прохрипел Гарх.

— Еще немного!

Конь яростно захрапел, земля комьями летела из-под его копыт. Рубеж приближался... слишком медленно! Саруман понял, что не успеет, что ворота хлопнутся у него перед носом, что тролль, яростно толкающий ворот механизма, замкнет выход прежде, чем беглец успеет до него добраться...

Он уже готов был изловчиться и попытаться отшвырнуть тролля наспех состряпанным заклятием, но тут бедолага издал раздраженный рев и, бросив ворот, неистово закрутил головой и замахал руками, точно пытаясь прихлопнуть назойливую муху. Это Гарх, маленький отважный Гарх, набросился на привратника сверху, хлопая крыльями, крича и целя когтями в глаза, и, защищаясь, тролль волчком закрутился на месте, жалобно воя и пытаясь избавиться от неожиданной напасти. Узкая щель между створами осталась незапертой, конь Сарумана промчался в неё, топча не успевших броситься врассыпную орков, и вихрем вылетел на лесную дорогу. Вслед ему неслись вопли и проклятия, приказы немедленно закрыть ворота, открыть ворота, убраться с дороги, провалиться в Удун и всё это сделать одновременно...

— Гарх!..

Ворон догнал Сарумана и тяжело плюхнулся ему на плечо, пыжась от гордости и самодовольства; когти его остро впивались в кожу даже сквозь плотную ткань плаща, но маг не обращал на это внимания... Над ухом его свистнула стрела, ещё одна... остальные, летящие в спину со стороны крепостицы, Саруман смёл воздушным щитом. Стреляют в коня, понял он, хотят меня спешить... К счастью, тракт почти тотчас нырнул в лес: справа и слева потянулась серая чаща, грязные обочины, штабеля неубранных брёвен, застрявшая в луже телега, вокруг которой возилось с полдюжины «крысюков»... Они проводили Сарумана удивленно-угрюмыми взглядами — и испуганно метнулись по канавам, когда вслед за беглецом по дороге верхом на вороных лошадях промчались четверо всадников в чёрном одеянии. Отказываться от погони визгуны были не намерены, тем более что расстояние между ними и беглецом было не таким уж большим — и сокращалось с каждым мгновением. Лошади у назгулов были сильные и свежие, а скакуну Кхамула, видимо, предыдущую ночь пришлось провести без отдыха.

— Сзади! — оглядываясь, прохрипел Гарх. — Они приближаются!

— Плевать. Лишь бы не начали швырять ножи в спину... Нельзя подпустить их на расстояние броска...

Бешеная скачка продолжалась — вперед и вперед, по осенней, раскисшей, разбитой тележными колесами дороге. Чавкала под копытами грязь и слякоть, летели в стороны тяжелые брызги, Саруману оставалось только надеяться, что конь не оступится и не захромает в самый неподходящий момент — не то чтобы он очень уж опасался назгулов, но сражаться пешим с четырьмя всадниками было бы не слишком весело...

— Ну же, дружище, ещё немного...

Впереди открылись Болота — исходящие туманом, пузырящиеся, пахнущие сыростью, прелью, гнилью, сладковато-мускусным запахом большого, грязного и бестолкового животного. Наконец-то!

Разрывая ключья белесого марева, конь, не сбавляя хода, выскочил на гать и проскакал по ней пару десятков ярдов. Саруман резко натянул поводья, осаживая жеребца, и, остановленный на полном скаку, конь взвился на дыбы, яростно заплясал на месте, зафыркал, тяжело поводя боками.

— Что... такое? — прохрипел Гарх. — Зачем?..

Саруман не ответил. Голова у него была ясная, как никогда.

Преследователи вывернулись из-за поворота дороги — один... другой... Четверо. Неизменно вооруженные Кольцами, обессиливающим страхом и длинными прямыми мечами. А остальные, значит, в Минас-Моргуле? — безо всякого интереса спросил себя маг.

Или где-то еще? Ну и ладно, леший с ними... четверо, шестеро, девятеро — разница, в сущности, невелика.

Приподнявшись на стременах, он предостерегающе воздел руку. И яркий золотистый свет вспыхнул в его ладони, ровный, теплый и ослепительный, будто маленькое солнце.

— Стоять! Не приближайтесь, или вам не поздоровится.

И такой уверенной и спокойной мощью веяло от его фигуры и поднятой руки, что назгулы как будто призадумались, придержали коней на «берегу» перед въездом на гать. Шарки, этот вшивый неприметный старик, вдруг как-то неуловимо изменился, выпрямился в седле и расправил плечи, и фигура его чуть ли не светилась в тумане, и от неё исходила незримая, но ощутимая сила, невероятная мощь, — казалась, вот-вот волна этой силы вырвется на свободу, и прокатится по лесу, и вырвет с корнем вековые деревья, и ударится о стену Крепости, и расколется её, разобьёт, разметет по кирпичику, как хрупкий, сложенный из речных камушков игрушечный домик...

И всадники отступили.

Издав невнятный союзный стон, они скорчились в седлах, прикрываясь от света капюшонами, кони их испуганно зафыркали и попятнулись. Тот из четверых, что держался впереди остальных, медленно, неуверенно вытянул из ножен черный меч, опустил его лезвием вниз.

— Кто ты? — Голос его звучал глухо и одновременно гулко, будто отраженный неведомым эхом.

— Тот, кто вам не по зубам, — спокойно произнес Саруман. — Хотите в этом убедиться?

Назгулы медлили. Ясно было, что старик просто так не сдастся и станет для них опасным противником. Интересно, спросил себя Белый маг, им известно о том, что случилось с Кхамулом, или они просто получили приказ во что бы то ни стало задержать старого беглого «крысюка» Шарки?

— Хозяину вашему я за гостеприимство не благодарен, так что счастья и успехов во всех начинаниях желать ему на прощание не буду, — добавил Саруман, беззвучно посмеиваясь в бороду. — И привет ему от меня можете тоже не передавать, если нам с ним доведется когда-нибудь встретиться, я сам ему скажу... пару ласковых.

Назгулы по-прежнему пребывали в замешательстве — секунду, другую... Потом тот, что стоял впереди, поднял меч. Без особенного рвения — но, видимо, страх перед Сауроном и неизбежным наказанием за провал был в нем чуточку сильнее, чем страх перед этим странным, явившимся из ниоткуда неизвестным магом. Тускло блеснуло Кольцо на его пальце — тёмное, наливающееся недоброй силой...

Саруман не стал дожидаться атаки, вскинул ладони вверх — и взлетели в воздух вывороченные бревна настила, точно подброшенные снизу сильной рукой, всплеснулась грязь, разверзлось болото, распахнуло перед преследователями свою зловонную пасть. Лошади назгулов испуганно шарахнулись, как и сами назгулы — лезть очертя голову в трясину и подставляться под удар никому из них не хотелось.

Саруман захохотал. Смех был злорадный и нездоровый, какой-то омерзительно торжествующий, он выплескивался из груди мага неуправляемо, точно лава из жерла вулкана, и даже при желании Шарки не мог его обуздать — то, как всадники растерянно мечутся и топчутся у кромки воды, пытаясь справиться с испуганными лошадьми, почему-то представлялось ему до крайности забавным. Вновь обретенная Сила ударила ему в голову,

точно хмель, и толкала на подвиги и безумства; он поворотил коня и, ударив его пятками по бокам, опять пустил вскачь, вперед по гати, в колышущуюся мглу — туда, где, приглушенное туманом, слышалось тюканье топоров, визг пил, натужные скрипы ручных лебедок, гортанные голоса орков и людей — там все ещё продолжались работы по укладыванию настила...

В какую-то секунду Саруман с неудовольствием решил, что ему придётся спешиться... Но нет.

— Поберегись!

Рабочие отхлынули в стороны. Ремонт, начатый ранним утром, подходил к концу, кладка была почти уложена, лишь несколько футов отделяли один край бревенчатого настила от другого. Эти бедолаги еще не знают, что там, позади, Саруман подбросил им новой работенки... Мелькнули обочь подъёмные механизмы в переплетении канатов, бревна, доски, ошеломленные орочи рожи, впереди открылась зеленоватая гладь подернутой ряской воды... Черный конь Сарумана сделал могучий прыжок, единым махом перескочил промоину в гати — и, галопом пустившись дальше, на север, вскоре исчез в наплывающем тумане.

***

Гэдж открыл глаза — медленно вынырнул из вязкого, как трясина, тягостного сна. В этом сне был «сит-эстель», и Саруман, и зловещие визгуны, и какая-то погоня — но кто за кем гнался, что произошло, и чем всё закончилось, орк не запомнил — слишком все было размыто, отрывисто, непонятно, подернуто болотной мглой...

Кто-то яростно тряс его за плечо — с такой силой, что у Гэджа клацали зубы.

Над ним склонилась тёмная физиономия какого-то урука — уже не раз виденного и смутно знакомого, хотя Гэдж никак не мог припомнить, где и при каких обстоятельствах встречал его раньше.

— А, вот ты где, щенок! С утра по болотам рыскаю, его ищу, язык высунув, а он тут целый день дрыхнет, как пьяный возчик!

Гэдж все так же лежал на лавке в тихой темной умывальне. Снаружи, за стеной, раздавались голоса, звуки шагов, храп лошадей, какой-то невнятный гул. Или это гудит у меня в ушах? — спросил он себя. Он медленно приподнялся и сел, дергая головой, пытаясь вытрясти этот перекатывающийся в голове ненужный шум.

Сколько же я проспал? — с неприятным холодком в груди спросил он себя. Неужто и впрямь — «целый день»?

— Сейчас что — вечер? — тупо пробормотал он.

Урук широко осклабился.

— Почти, — буркнул он. — Идём. — Гэдж наконец припомнил его имя — Маурхар.

— Куда?

Маурхар как будто удивился вопросу.

— В Замок.

Гэдж не стал спорить.

Чтобы окончательно проснуться, он вылил на себя ковш холодной воды. Потом поднялся и побрел из умывальни следом за провожатым...

Они вышли из крепостицы — Маурхар сказал пару слов унылому стражу у ворот — и

зашагали по направлению к Крепости, возвышавшейся на холме чуть в отдалении. Всё вокруг было по-прежнему: над серой землёй нависало серое небо, в кузницах стучали молоты, на дороге суетились «козявки», тащили груженные повозки волю, вяло переругивались орки, — и все же что-то было не так, что-то странно изменилось, какое-то неприятное напряжение или беспокойство прямо-таки висели в воздухе, стесняя грудь и смущая ум. Что-то произошло здесь, в Замке, что-то внезапное, из ряда вон выходящее, нарушившее заведенный порядок, — так крохотная песчинка вносит разлад в действие отлаженного часового механизма, — но что именно — Гэдж не знал. Впрочем, Маурхар ничего ему не говорил, а расспрашивать Гэдж не решился: вполне возможно, что все это было лишь забавой его переутомленного за последние сутки и потому склонного всё остро воспринимать воображения.

Ворота Замка были закрыты.

Маурхар ругнулся вполголоса. Миновав мост, он постучал в какую-то неприметную калитку обочь основного входа, и хмурый привратник впустил их во внутренний двор. Маурхар, не сбавляя хода, потопал дальше, к казармам, но Гэдж на секунду остановился: дверь лекарской каморки была распахнута настежь, и что-то происходило там, внутри, кто-то ходил по помещению, стучал, гремел, выдвигал ящики стола, распахивал дверцы шкафов, выламывал половицы, шелестел бумагой... Что это такое — обыск?

— Что... произошло? — пробормотал Гэдж. Сердце его сжалось от какого-то неясного и недоброго предчувствия.

— Идём, — буркнул Маурхар. — Нечего тут глазеть...

— А... разве мне не сюда?

Внезапно кто-то цепко схватил Гэджа за плечо, и он чуть не вздрогнул.

Это был Каграт — угрюмый и злой. Его зеленые глазки-буравчики смотрели на Гэджа остро и свирепо, не то с каким-то смутным, неясным ему самому подозрением, не то с хитрым потаенным злорадством.

— Нашлась пропажа! Гаденьш вшивый... Ну, давай, наври мне чего-нибудь поправдоподобнее, пока я окончательно не потерял человеческий облик, не взял дубинку поувесистее и не наделал каких-нибудь чудовищных глупостей. Где тебя леший носил целую ночь?

— Н-на болотах, — пробормотал Гэдж. — Я чуть не утоп... — Он покосился в сторону лекарской каморки. — Что... тут произошло?

— Шарки вернулся, — процедил Каграт, глядя в сторону.

— Вернулся?

— Только ненадолго. Проваландался тут ночку — и тю-тю!

— Что значит — «тю-тю»? — не понял Гэдж.

— А то и значит. Сбежал он, понял?

— К-куда... сбежал?

— Сбежал из Замка. А куда — то мне не ведомо, он мне не докладывал... У визгуно спрашивай, они за ним все утро по Дол Гулдуру гонялись. Ну, у тебя ещё много глупых вопросов?

«Много», — подумал Гэдж. Но говорить он не мог, горло его сжалось до размеров игольного ушка.

Земля перед ним разверзлась.

Он смотрел на черный провал распахнутой двери — и чувствовал, как почва медленно

уходит у него из-под ног, расплзается, как зыбкая болотная топь, распахивается перед ним тёмной жадной бездной. Саруман был здесь... был! И вновь ушел — пока Гэдж, как последний дурак, дрых в пустой темной умывальне. Исчез, как призрачное болотное видение — и на этот раз уже безвозвратно.

Вот так. Вот так. Ну что за гнусная насмешка судьбы? Неужели он, Гэдж, опять остался один? Опять — один! Он-то думал, что учитель до сих пор далеко на юге, что они с Гархом будут ждать его здесь, бережно храня «эстель», что он, Гэдж, станет жить, как прежде — пусть не счастливо, но деятельно: будет лечить и исцелять, варить снадобья и учиться мастерству, осваивать непростое врачевательское искусство, а оказалось... оказалось, что всего этого уже не будет.

Никогда. Не будет. Никогда.

И... что теперь?

Гэдж до боли стиснул пальцы. В глазах у него потемнело... Он одернул себя: да что с ним такое творится? Ведь, если подумать, всё сложилось как нельзя лучше, так, как он не смел и надеяться. Ведь он намеренно оправил сюда Гарха с амулетом, чтобы «эстель» попал в руки Сарумана! Ведь он так желал, чтобы учитель избавился от ошейника! Отчего же сейчас так паршиво у него на душе? Отчего потяжелело в груди, отчего стало холодно и пусто внутри, как будто сердце провалилось в бездонную чёрную дыру? Ведь он действительно хотел, чтобы Белый маг наконец вырвался из Замка и обрёл свободу, или... не очень-то и хотел? Вернее, почему-то думал, что это произойдёт не сразу — совсем не так и совсем не сейчас... Не сейчас, когда Саруман был Гэджу так нужен! Как учитель, как опора, как надёжный защитник, как последний друг, в конце-то концов!

— Ну чего стал столбом, идем отсюда! — глухо рыкнул Каграт и потянул Гэджа за рукав, но было уже поздно: их заметили.

Из темного нутра комнаты выступила безликая фигура, замерла на пороге. Гэджа обдало волной холода; взгляд назгула был невидим, но осязатим, точно прикосновение ледяной ладони к лицу.

— Ты... — голос фигуры звучал шелестящим шёпотом, — мальчишка! Ты давно знаешь Шарки?

Гэдж сглотнул. Во рту его появился мерзкий металлический привкус.

— Н-недавно, — через силу пробормотал он. Под взглядом назгула ему хотелось стать плоским и полуразмытым, как рисунок на мостовой.

— Всего несколько недель, — хрипло сказал Каграт. — Он ничего не знает... со вчерашнего дня собирал травы и заблудился на болотах... Я сам его накажу, — добавил он, помолчав. Рука его крепко стиснула плечо Гэджа и даже как будто слегка оттолкнула, оттянула от назгула, точно желая — и в то же время страшась — увести подальше.

Назгул не ответил — только стоял и смотрел, стоял и смотрел, и взгляд его размазывал и плющил, выворачивал наизнанку, наполнял тело слабостью и одуряющей покорностью; Гэдж с трудом удерживался от того, чтобы не упасть на колени. Надо было немедленно что-то придумать, какую-то уловку, какие-то пусть даже самые дурацкие слова, чтобы темная фигура хоть на мгновение отвела взгляд и перестала таращиться — но в голове Гэджа было пусто, как в пересохшем колодце... Он молчал, опустив глаза долу, — и тот, кто стоял перед ним, молчал тоже; наконец едва слышно хмыкнул и издал не то странный, долгий всасывающий всхлип, не то сдавленный скрежещущий смешок. Потом отвернулся и вновь ушёл в глубину темного помещения, скрылся там, как рыба скрывается в мутной воде, и

дверь медленно, словно бы сама собой повернулась на петлях, закрылась за ним, отсекая то, что было внутри, от всего, находящегося снаружи: от дневного света, улицы, мостовой, легкого ветерка...

И Гэдж вновь остался один.

Перед наглухо закрытой тяжёлой дверью.

52. Одиночество

Что-то раздражённо шипя под нос, Каграт приволок Гэджа в свою каморку, темную, холодную и сырую (по совести говоря, уютным домашним уголком эта берлога никогда прикинуться и не пыталась). Толкнул Гэджа через порог и глухо рыкнул сквозь зубы:

— Сиди тут и не высовывайся! Оглоблю в ребро этому твоему Шарки! Подвёл нас всех под раздачу, с-сука... Сволочи-визгуны нас в покое теперь не оставят, душу из нас из всех рыболовным крючком выдернут, гады, а потом затолкают обратно как попало...

В голосе папаши звучала сдавленная ярость, растерянность и даже что-то похожее на страх — что-то, настолько не вяжущееся с его всегдашней самоуверенностью и небрежной бравадой, что Гэдж окончательно пал духом. Если уж даже несокрушимый Каграт чего-то боится, дело, должно быть, и в самом деле неважно... Впрочем, Гэдж был сейчас слишком поглощён собственными думами и переживаниями, чтобы вникать в невнятные папашины опасения; жизнь его, Гэджа, кажется, и так была закончена, надежды — разбиты и растоптаны в пыль, и на то, чтобы страшиться каких бы то ни было взысканий и наказаний, у него попросту не осталось сил.

Запертый в кагратовой берлоге, оставленный в одиночестве, он долго сидел, глядя в пол, ни о чем не думая. Мысли в его голове висели, будто рыбы в толще воды — апатично, бездвижно, вяло шевеля плавниками. Что теперь будет? — уныло спрашивал он себя. — Допросы? пытки? Заключение в темнице? Плаха? Ещё что-нибудь похуже? Какие-нибудь мерзкие магические опыты, подобные тем, которым был подвергнут несчастный Траин... или те жуткие *искаженные* твари, живущие в подвалах — твари, которым никто из орков не смеет заглянуть в глаза? Шмыр умер только вчерашним утром, напомнил он себе, а у меня такое чувство, словно с этого момента прошел уже целый год...

Тоска и отчаяние сжимали его горло тугой петлей. Удушающей, как ошейник — тяжёлый, холодный, налитанный недоброй магией...

«Когда Белый маг сочтет, что его опыт, начатый пятнадцать лет назад, исчерпал себя, он о тебе забудет... Бросит тебя, как полено, в топку какой-нибудь очередной безумной идеи, и от тебя не останется даже горстки пепла».

Это не так, изо всех сил думал Гэдж. Он меня не бросил. Как полено. Просто... ну, так получилось.

Почему он меня не дождался? Решил, что я остался в Росгобеле? Что меня перехватили по дороге? Счёл меня погибшим? Ведь я сам был не уверен, что дойду... Поэтому и отправил в Дол Гулдур Гарха, чтобы Шарки получил «сит-эстель» *в любом случае*, ведь этот амулет действительно был Саруману необходим, как воздух, и уже давненько по-настоящему его интересовал...

Да. Вот именно это всегда и интересовало его во мне по-настоящему — мой амулет, сказал Гэдж себе с неожиданной злостью. Только это.

Он зажмурил глаза — так крепко, что у него заболели веки. Может быть, Саруман действительно счёл свой затянувшийся «опыт» законченным и решил, что пришла пора предоставить ученика самому себе? А я слишком привык во всем на него полагаться, чтобы сейчас принять это решение как должное? Слишком привык быть сопливым папенькиным сыночком и всегда действовать с оглядкой, рассчитывая на поддержку сильного и прячась за надёжную саруманову спину? Ведь когда-то там, в Изенгарде, я так мечтал стать свободным

в выборе и не зависимым ни от чьего мнения, так хотел получить возможность испытать себя и побыстрее повзрослеть... Или только *думал, что хотел*, обманывая в первую очередь самого себя? И поэтому сейчас, когда наконец незримая пуповина окончательно порвалась, все дороги назад закрыты и мосты сожжены, ощущаю себя брошенным и несчастным — хотя на самом-то деле всего лишь воплотились в жизнь мои дурацкие детские мечты...

...Громко скрежетнул ключ в замке.

Гэдж поднял голову. Он не знал, сколько прошло времени — но, судя по тому, что серый свет за закрытыми ставнями почти померк, приближался вечер; пленник сидел в унынии и одиночестве несколько часов. Дверь распахнулась, но на пороге обнаружился не Каграт, а двое вооруженных, незнакомых Гэджу орков из Восточного племени.

— Выходи.

Тон их не предвещал ничего хорошего.

Интересно, а где папаша? — мрачно спросил себя Гэдж. Отослан из Замка с очередным поручением? Сидит на допросе в пыточной? Или — чем назгулы не шутят? — уже без долгого суда и следствия повис на перекладине ворот? За своевременное «недонесение сведений» о мутной сарумановой персоне, ага?

Он молча повиновался. Орки захлопнули за ним дверь и повели по коридору — в сторону подвалов, но не вниз, в подземелье, а в какой-то ответвляющийся от лестничной площадки боковой коридор, такой же узкий, с низкими сводами, забитый чадом горящих факелов, тьмой, тенями, страхом...

— Куда мы идем? — хрипло спросил Гэдж.

Один из конвоиров подтолкнул его в спину.

— Узнаешь, когда дойдем, — он отвратительно ухмыльнулся. — Глоб!

***

— В лесу орки, — сказал Гэндальф.

— Я знаю, — сухо отозвался Келеборн. — Связной от Линдола мне уже доложил. В сущности, ничего удивительного в этом нет — должно же было их заинтересовать столь внезапное исчезновение сторожевого патруля. Они рыскали тут с утра... впрочем, особенно не таились — то ли действительно не знали о нашем присутствии...

— То ли тот, кто их послал, надеялся, что вы каким-либо образом себя выдадите.

Владыка вздохнул.

— То-то и оно. Поэтому без особой нужды ни тебе, ни Радагасту лучше не покидать Росгобел. В лесу неспокойно.

Время приближалось к полудню: солнечные лучи, проникающие в отверстие на крыше шатра, падали почти отвесно, и оттого казалось, будто в полотняный купол упирается набитый посверкивающими пылинками световой столб. Огонь в жаровне едва теплился — чёрный пузатый дракон дремал, и пламя в его брюхе почти угасло, переварив содержимое — хворост и щепу — в горячую седую горку золы и пепла.

— Я хотел взглянуть на болота... и поговорить с Линдолом, — помолчав, сказал Гэндальф. Он сидел, сгорбившись и опустив плечи, прихлебывая из деревянной кружки теплый травяной чай. — Насчёт того, что случилось ночью.

Келеборн с раздражением щёлкнул пальцами.

— Не о чем говорить! Этот мальчишка прошёл через пост, предъявив стражам мой же

пропуск. А потом исчез на болотах... как в воду канул! Никаких следов...

— Совсем никаких?

Келеборн, чуть помедлив, поднялся и взял с ближайшей лавки завернутый в тряпицу продолговатый сверток. Положил его на стол: внутри оказался короткий кинжал без ножен — из красивой голубоватой стали, украшенный вдоль лезвия тонким узором из птиц, цветов и виноградных лоз.

— Мы нашли только это — в лесу неподалёку от Росгобела. Должно быть, он выронил его при бегстве. Гэндальф!

— Что?

— У него было при себе это отвратительное снадобье, которое отпугивает болотных тварей.

Гэндальф, не глядя ни на эльфа, ни на кинжал, медленно перекатывал в ладонях круглую пузатую кружку.

— Было... Совсем немного. Я не успел его отобрать.

— Немного — это сколько? Достаточно для того, чтобы он сумел добраться до Замка?

— Ты очень не хочешь, чтобы ему это удалось, Келеборн.

— И тебя это удивляет?

— Совсем нет. Но ты зря полагаешь его шпионом Дол Гулдур и прознатчиком Саурана.

— А ты его таковым, значит, не полагаешь?

Волшебник пожал плечами.

— Видимо, я лишён твоей завидной способности всюду прозревать предательство и коварные умыслы.

Келеборн поджал губы:

— Ну, умишка и выдержки ему для подобной тонкой игры маловато, конечно. Но чем леший не шутит...

Гэндальф задумчиво разглядывал щербинку на боку деревянной кружки — будто кто-то неумело пытался нацарапать там «птичку» тупым гвоздем.

— Нет, Келеборн. Я изучил Гэджа все-таки получше тебя. Он — не шпион и не лазутчик Саурана... просто глупый мальчишка, запутавшийся в собственных чувствах и опасениях, и оттого потерявший твердую почву под ногами. И я, и ты — мы оба знаем, чем он руководствовался, когда решил похитить «эстель»... хотя тебе причины его поведения, конечно, не интересны, тебя куда больше волнуют следствия.

Келеборн криво улыбнулся.

— Именно. Следствия... вернее, *последствия* его поступков мне действительно очень небезразличны. Этому орку, видишь ли, слишком многое известно. До сих пор нам вполне успешно удавалось скрывать от саурановых соглядатаев свое присутствие на восточном берегу Андуина, но теперь...

— По собственной воле он этих сведений не выдаст.

— А не по собственной? Не смейся... Если этот несчастный звереныш и в самом деле не заведомый предатель и перебежчик, то в таком случае ему лучше и впрямь сгинуть в болоте, чем попасть в лапы дол-гулдурских палачей. Ладно, в конце концов, мне не составит труда свернуть лагерь и отвести стражей на западный берег Андуина, но ведь Росгобел-то с собой не заберешь. А Радагаст вряд ли согласится его оставить.

Гэндальф мрачно нахохлился.

— Ты прав, Келеборн. Он очень привязан к этому месту. Но Росгобел хорошо скрыт от

посторонних глаз защитными чарами...

— Что ты имеешь в виду?

Волшебник как будто замялся.

— От незваных гостей Росгобел спрятан заклятием, отчасти сродным Завесе Мелиан... Оркам не под силу обнаружить его просто так, бродя по берегу Андуина, сюда может прийти лишь тот, кого сочтет нужным пропустить сам Радагаст...

— Или тот, чья магия окажется сильнее радагастовых заклятий, — с раздражением заметил Келеборн. — А этот твой беглый орк хорошо знает сюда дорогу... ты же не будешь с этим спорить?

Откинув полог, в шатер стремительным шагом вошел Эллоир. Коротко поклонился, протянул Келеборну тоненький свиток:

— Владыка! Срочная весть от Бурого мага.

Келеборн вздрогнул.

— Что ещё такое? — он взял записку, второпях нацарапанную Радагастом на клочке бумаги, быстро прочёл её, поднял глаза на Гэндальфа. Губы его шевельнулись беззвучно... Волшебнику стало не по себе: тревога, изумление и замешательство, отразившиеся во взгляде эльфа, вряд ли сулили добрые вести и обещали хорошее продолжение дня.

— Что случилось?

Келеборн был скуп на объяснения. Ему, казалось, требовалось изрядное усилие, чтобы справиться с чувствами:

— Саруман здесь.

— Что?

— Полчаса назад он приехал в Росгобел. Ни о чем не спрашивай, я знаю не больше твоего. — Он отрывисто бросил Эллоиру: — Коней — мне и Митрандиру. Выясним все на месте, — добавил он Гэндальфу. — Не нравится мне все это...

***

В очаге негромко потрескивали угли, и в их красноватом свете чернильница-крысиный череп, стоящая на столе, казалась залитой кровью.

Мёрд сидел возле очага, ссутулившись, разглядывая сквозь выпуклое стекло какой-то желтоватый пергамент и время от времени потирая длинные паучьи пальцы. Гомба, опустившись на корточки, массивной темной фигурой глыбился в углу помещения; у тролля, видимо, подошло время ужина — на полу меж его ног стояла большая плетеная корзина с какой-то снедью. Время от времени Гомба запускал туда лапу, выуживал небольшой капустный кочан, вареную свёклину или какой-нибудь ещё менее аппетитный трофей и, облизываясь, с урчанием, чавканьем и похрюкиванием отправлял его в рот. По его скошенному подбородку текла слюна, щеки были вымазаны свекольным соком, маленькие глазки лоснились, будто кусочки масла, и на чумазой роже, состоящей, казалось, из одних только раздувающихся ноздрей и клыкастой пасти, было написано такое откровенное поросячье удовольствие, что Гэджа передернуло от отвращения.

Ни Каграта, ни кого-либо из пленников в пыточной не имелось. По крайней мере, папаша закован в колодки не был и на дыбе не висел, но Гэдж был так растерян и выбит происходящим из колеи, что никак не мог решить, что это может значить, и как ему, Гэджу, сейчас сто́ит к этому относиться.

Усаженный на крепкую, привинченную к полу деревянную лавку, он смотрел в стол прямо перед собой, не слишком-то желая встречаться взглядом с дознавателем, которым (предсказуемо) оказался не Кхамул — какой-то другой субъект в темном одеянии и темном плаще. Гэдж не знал его имени, а представиться назгул не удосужился. К тому же дознавателю отчего-то не сиделось на месте — он медленно ходил по помещению от стены к стене, опустив голову на грудь, заложив руки за спину и ступая так твердо и тяжело, точно при каждом шаге вколачивал в пол по гвоздю. Наконец, словно припомнив о существовании Гэджа, остановился напротив него:

— Что ты можешь рассказать о Шарки, мальчишка?

Орк по-прежнему не поднимал глаз от тёмной, испятнанной кляксами поверхности стола. Шелестящий голос назгула так неприятно скреб слух, что у Гэджа щемило зубы, будто от глотка студёной воды. Внезапно вспомнилась тесная каморка Шмыра, страх, холод, жуткий, раздирающий темноту и самую ткань мироздания нечеловеческий вопль, горячий и лихорадочный шёпот Гэндальфа: «Не поддавайся ему! Не поддавайся, ради Творца!»

Если бы это было так просто — не поддаваться...

— А что вы... хотите услышать? — спросил Гэдж, с трудом заставляя себя ворочать вялым, как тряпочка, языком.

Дознаватель внимательно смотрел на него. Как и у Кхамула, у назгула не было лица — то, что имелось под капюшоном, было закрыто металлической маской, — и это внушало страх, сковывающий, обессиливающий трепет, болезнетворной волной разливающийся по телу. Всё внутри Гэджа стыло под этим взглядом — и в то же время окружающее воспринималось как-то опосредованно, отстранённо, точно происходило не с ним, а с кем-то другим, каким-то не особенно умным, не слишком везучим и не вызывающим никакого сочувствия персонажем дурацкой сказки с предсказуемым и несчастливым финалом.

— Вопросы здесь задаю я, — наконец сказал дознаватель — очень веско и подчёркнуто спокойно. — Но у тебя весьма интересный... ход мыслей. Ты всегда говоришь собеседнику то, что он хочет услышать?

— Не всегда, — пробормотал Гэдж.

Мёрд едва слышно хмыкнул из своего угла.

Назгул молчал. Отступил в дальний угол, к полочке со всяким пыточным инструментом, взял орудие, похожее на когтистую лапу, ловко крутанул его в руке, задумчиво тронул пальцем острие одного из «когтей». Вновь перевёл взгляд на Гэджа:

— Шарки говорил тебе что-нибудь о себе? О своем прошлом? О своих планах?

Гэдж сглотнул наполнившую рот вязкую слюну.

— Нет. Он мне... ничего не говорил.

— Совсем ничего?

— Он просто поручал мне варить снадобья и делать... всякую необходимую работу. Больше ничего... А что с ним случилось?

Глупо улыбаясь, он поднял глаза на собеседника — и вновь поспешно устремил их в стол, напорвшись на взгляд назгула, будто на острый нож. Дознаватель несколько секунд молчал, потом бросил крюк обратно на полку, рывком шагнул вперед и положил на стол перед Гэджем несколько исписанных бумажных листов.

— Чья это работа?

Гэдж поперхнулся.

Он сразу опознал свою руку: обрывочные врачебные записи и вчерашний унылый опус

про Прекрасную Деву и Странствующего Менестреля. Видимо, спрятанные под соломенный тюфяк бумаги нашли при обыске... И что теперь было делать? Честно признать содеянное? Или уйти в отказ: ничего не знаю? Попытаться соврать, соорудить дурачка? Сказать, что это принадлежит Шарки? Но образец саруманового почерка у назгулов наверняка есть, а попытка солгать может быть расценена не в его, Гэджа, пользу...

— Моя, — прошептал он едва слышно. — Это... мои записи.

Назгул не удивился. Металлическая маска надежно скрывала от мира все его чувства — которых, возможно, у него и вовсе не имелось.

— Кто научил тебя грамоте?

Гэдж попытался припомнить, что он говорил Каграту — тогда, еще при первом знакомстве, на дороге через болота. То, что известно папаше — наверняка известно и визгунам... Требовалось собраться с мыслями и быть откровенным с назгулом до такой степени, до какой это только было возможно.

— Тот... человек, у которого я жил до того, как попал в Крепость.

— Какой человек? — Маска говорила, не разжимая губ. От этого становилось холодно в животе, и Гэдж старался на собеседника не смотреть.

— Старик, что живёт в лесу. Тут, неподалёку.

— Как его зовут?

— Он велел называть себя Радагастом.

— Как давно ты у него жил?

— Давно... С тех пор, как себя помню.

— Как ты оказался в Дол Гулдуре?

— Случайно... Я вышел к краю болот и попался на глаза оркам... Они привели меня сюда.

— В качестве пленника?

— Получается, так.

— Каграт о тебе не доложил.

Гэдж по-прежнему изучал трещинки на поверхности стола.

— Он признал во мне... родича. Может быть, поэтому...

Назгул медленно наклонился, протянул руку и, пальцем взяв Гэджа под подбородок, рывком вздернул его голову, чтобы заставить смотреть себе в лицо — в бесстрастную, как щит, металлическую маску.

— И ты никогда не хотел вернуться? Туда, в лес?

Гэдж замер. Глотнул. Палец дознавателя упирался в его подбородок, как железный штырь. Орк с трудом удержался от того, чтобы не зажмуриться — взгляд назгула, пристальный, исходящий из прорезей маски, леденил и одновременно обжигал, точно прикосновение к коже выстуженного клейма.

— Хотел, — сказал он хрипло — и, кажется, почти равнодушно. — Поначалу.

— А потом?

— Потом Шарки взял меня в ученики.

— Почему именно тебя?

— Не знаю... Тот старик, Радагаст, немного учил меня врачевательству... на животных. Наверно, поэтому.

В очаге с треском лопнула еловая шишка. Гомба с чавканьем пожирал свой обед, хрустя не то капустными кочерыжками, не то чьими-то костями.

Дознаватель шумно вздохнул... или, скорее, втянул в себя воздух — с хрипом, сипом и присвистом, словно испорченная волюнка. Неторопливо выпустил Гэджа и отстранился — то ли высмотрев в скудной душонке орка все, что ему было нужно, то ли решив, что там и высматривать-то, в сущности, особенно нечего.

— Ты замечал за Радагастом какие-нибудь... странности? Способности к магии? — он небрежно пропускал сквозь пальцы длинное гусиное перо. В горле его по-прежнему что-то едва слышно хлюпало и клокотало, как будто там, внутри назгула, открывался и закрывался неведомый механический клапан.

Гэдж осторожно перевёл дух. Он ощущал себя подвешенным на ниточке бумажным человечком, трепещущим на ветру — того и гляди ниточка оборвется, и ураган унесёт его, рваного и скомканного, в ближайшую помойную канаву на радость лягушкам.

— Ну, он умел успокаивать испуганных животных и как-то их понимать, если вы об этом. И они его слушались...

— А, скажем, зажечь щелчком пальцев огонь он мог?

Гэдж запнулся.

— Я... не видел. Но, наверное, мог. А что в этом удивительного?

— По-твоему — ничего?

— Трудно чему-то удивляться, живя на краю болот, — пробормотал Гэдж. — Здесь всё вокруг кажется... странным. И то, что вы называете «волшебством», тут вообще повсюду. А Радагаст и не скрывал, что не чужд магии... что он умеет ладить с птицами и зверями и радеет за их судьбу...

— Вот как?

— Ну да. Он часто бродил по лесу и находил там питомцев — хворых и покалеченных... приносил их в дом, лечил, кормил, разговаривал... Наверно, поэтому он взял к себе и меня.

— Ты тоже казался ему животным?

Гэдж счел за лучшее пропустить насмешку мимо ушей:

— Ну, наверное. Ему нужен был помощник по хозяйству.

— Тем не менее он обучил тебя грамоте.

— Я был смышленным животным. А долгими зимними вечерами просто особо и нечем заняться.

Гэджу казалось, что это не он, а кто-то другой говорит его голосом — ровно, безучастно, временами даже вызывающе. Его даже не особенно интересовало то, насколько правдоподобно все это звучит.

Тем не менее назгул, кажется, был доволен.

— Ты хочешь казаться тупее, чем ты есть, орк. Но у тебя это не слишком хорошо получается.

— Я стараюсь, — хрипло сказал Гэдж.

— И совсем ничего не боишься?

— Мне нечего бояться, — пробормотал Гэдж. Это было правдой: всё, чего он действительно мог бы бояться, уже, кажется, произошло.

— Всегда есть то, чего можно бояться, орк, — медленно произнёс дознаватель. — Страдания, смерти, боли... утраты. А вот если мы тебя сейчас сунем в колодки и запытаем до свинячьего визга — ты будешь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды?

В горле Гэджа пересохло. Он разом, без малейших усилий представил себя распятым на дыбе — и смыкающиеся на рукоятях поворотного круга крепкие волосатые пальцы Гомбы.

— Вы думаете, что в таком случае мои... признания... будут сильно отличаться от того, что я вам только что рассказал?

— Не думаю, что «сильно», — спокойно проговорил назгул. — Но кое в чем, пожалуй, будут. Скажи: этот твой Радагаст поддерживал отношения с эльфами?

— С какими эльфами?

— С теми, что живут на западном берегу реки.

— Я не знаю... Он мне ничего не говорил про эльфов. Он иногда уезжал на несколько дней, но не объяснял, куда... Мне было запрещено выходить со двора. Он говорил, что меня убьют, если я сунусь в лес в одиночку.

— Но ты все-таки вышел на болота.

— Мне было... любопытно. Когда он надолго пропадал, то запирали меня в доме. Но я прокопал лазейку в подполе... и, когда он уехал в очередной раз, сбежал...

— Не боясь ни наказания, ни того, что твой воспитатель может оказаться прав?

— Ну... я сделал вид, будто собираю травы... чтобы Радагаст не очень ругался, если я не успею вернуться до его возвращения. А потом я попал сюда.

У Гомбы вдруг что-то произошло; с коротким взрыком он привскочил, пинком отшвырнул корзину и принялся лихорадочно шарить и шлепать руками по полу рядом с собой, точно ловил кого-то юркого и увертливого. Раздался испуганный писк; тролль, кровожадно щерясь, выудил из темного угла огромную извивающуюся крысу, и, потрясая добычей в воздухе, торжествующе взревел, ухая, топая, подпрыгивая на месте и издавая резкие и отрывистые, похожие на чайчий крик хриплые вопли.

— А ну уймись! — тихо, сквозь зубы, приказал троллю Мёрд. Протянул руку и поднял лежавшую рядом длинную палку с пикой и крюком на конце, измазанном чем-то темным и засохшим. Гомба при виде этого орудия присмирел, прекратил прыгать, ухать и топать, с ворчанием отступил в свой угол, шмякнулся на пол и всунул крысу в пасть. Крыса, полузадушенная, была еще жива, еще протестующе пищала и дергала задними лапками; но тут же раздался отвратительный хруст, и тельце её обмякло, а по подбородку Гомбы потекла кровавая струйка. Тролль, плотоядно урча, пожирал несчастную крысу целиком, чавкая, причмокивая и хрустя костями, пальцем всунул в рот безжизненно свисавший хвост, смачно перемолол его мощными челюстями. Потом с сожалением хрюкнул, оглядел свои лапы, разочарованный тем, что лакомство так быстро закончилось — и принялся обсасывать и вылизывать измазанные кровью лопатообразные ладони.

Гэддж с трудом подавил невольную дрожь. Это несчастное слабоумное создание, радующееся чужой боли и смерти, пугало его больше любого визгуна. Назгул, по крайней мере, казался Гэджу существом, с которым при желании можно договориться... или, во всяком случае, *попытаться договориться*.

— Тебе нравится заниматься врачеванием? — негромко спросил дознаватель.

Это было так неожиданно, что Гэддж поднял голову.

— Ч-что?

— Ты мог бы быть лекарем. Здесь, в Крепости. Вместо Шарки. Ты ведь этого хочешь?

Гэддж молчал, все слова куда-то пропали — разом высыпались из головы, как песок из дырявого ведра. Но, кажется, его молчание было выразительнее любых слов.

— У нас не так много знающих в лекарском деле людей и орков, чтобы ими разбрасываться, — спокойно пояснил дознаватель. — Гарбра и старейшины твоего племени просили за тебя. Что ж, не вижу препятствий для того, чтобы не выполнить их просьбу. —

Он повернул голову и что-то негромко сказал стражам, стоявшим у дверей. Орки на минуту вышли — и тут же вернулись снова, втолкнув в тесную каморку какого-то испуганного пленника — тощего, веснушчатого и белобрысого, возрастом едва ли чуть старше Гэджа. Он брел, едва переставляя ноги, спотыкаясь на каждом шагу и втянув голову в плечи, непрерывно шмыгая покрасневшим носом.

— Как тебя зовут? — спросил дознаватель.

Пленник совсем скукожился под его взглядом. Голос плохо ему повиновался:

— Эр-р... Эор... Эорлим.

Мёрд услужливо подсунул дознавателю какой-то список. Тот взглянул на бумагу мельком.

— Ты, значит, из кузнечных подмастерьев?

— Д-да...

— Что ты делал возле лекарской?

Эорлим всхлипнул:

— Ни... ничего...

— Крутился там поблизости, господин, вынюхивал чего-то, — с готовностью пояснил один из орков. — Пытался спрятаться за бочкой с водой. Подозрительный тип!

«Подозрительный тип» уныло понурился. Его трясло мелкой дрожью, зубы так клацали, что слова превращались в невнятное, рывками выдавливающееся из побледневших губ бормотание:

— Я не п-прятался... я только хотел... Мне н-нужен был лекарь! Мне с-сказали, что Шарки вернулся, и я тотчас пошел... Д-думал его увидеть...

— Зачем?

— Да вот зачем! — визгливо заорал доведенный до отчаяния Эорлим и сунул под нос назгулу вспухший палец на левой руке. — Заноза у меня... нарывает! Палец мозжит, силушки никакой нет!

Дознаватель оставался невозмутим, как скала, маска его по-прежнему смотрела холодно и бесстрастно. Но Гэджу казалось, что он едва удерживается от того, чтобы не расхохотаться несчастному Эорлиму в лицо.

— Посмотри, что у него с пальцем, — велел он Гэджу.

Гэдж смотрел: кисть пленника казалась раздувшейся, как перчатка, на распухшем, принявшем нездоровый синеватый оттенок пальце зияла воспаленная ранка. Судя по посиневшему кончику фаланги и глянцевице лоснящейся, словно бы туго натянутой коже, дело пахло не просто застрявшей занозой.

— Почему раньше не приходил? — спросил он хрипло. — Воспаление явно не вчера началось.

— Шарки не было, потому и не приходил, — сердито буркнул Эорлим. «Не к тебе же было идти, орк», — выразительно говорил его взгляд.

Дознаватель посмотрел на Гэджа:

— Сможешь спасти ему руку?

— Я... попытаюсь, — сказал Гэдж. — Надо вскрыть гнойник.

— Попытайся, — сказал дознаватель. — От безруких кузнецов... как и от безруких лекарей толку, как правило, немного. — Он достал откуда-то из складок своего одеяния тускло поблескивающий медный ключ и положил его на стол перед Гэджем: — Это ключ от лекарской. Возьми... и знай — он будет твоим. Если...

В груди Гэджа что-то тоненько ёкнуло. Если — что?

— Если я заслужу? — спросил он тихо.

Назгул не ответил. Гэджу казалось, что он беззвучно ухмыляется — там, под маской.

***

— Он здесь, — сказал Радагаст, едва Гэндальф и Келеборн спешили во дворе Росгобела. — В доме. Объявился... час назад.

— Один?

— Как перст. Вот на нем приехал, — Бурый маг кивнул на черного, рослого, породистых статей жеребца, который, расседланный и вычищенный, стоял в углу двора и жадно тянул воду из деревянного корыта.

— Занятная лошадка, — пробормотал Келеборн. — Наводит на размышления.

Радагаст наполовину озадаченно, наполовину испуганно морщил нос.

— Ну да. Кто-то из назгулов явно недосчитался своего скакуна...

— Он что-нибудь говорил?

— Сказал только, что ему подвернулся случай покинуть Крепость... Спрашивал насчёт своего орка. Мне показалось... — Радагаст как будто смутился на секунду, — показалось, что он, э-э... в общем, немного не в себе.

— Тебе только *сейчас* это показалось? — проворчал Келеборн. Он сделал знак двум сопровождающим эльфам оставаться на месте и — вслед за Гэндальфом — поднялся на крыльцо.

Горница в доме Радагаста была залита ярким светом: солнечным лучам позволено было входить в распахнутые окна, как дорогим гостям — и они посверкивали на выпяченных боках глиняных горшков, пятная солнечными зайчиками противоположные стены, лежали золотистыми покрывалами на лавках, ковровой дорожкой расстилались по полу. Тем не менее Гэндальф слышал голос Сарумана прежде, чем увидел его самого — Белый маг явно предпочитал скрываться в полумраке и держаться в тени, слишком привык *не отвечать* в последнее время:

— ...боюсь, другого выхода нет. По совести говоря, я не смею настаивать на своей просьбе, но...

— Разве твоя совесть тебя когда-нибудь останавливала? — уныло прокаркал Гарх, сидевший на выступе печки. — Чтоб ему провалиться по ту сторону Арды, твоему пустоголовому орчоньшу! — Он первым заметил входящего Гэндальфа; склонив голову к плечу, хрипло прокаркал: «Пр-риветствую!» — потом боком вспрыгнул на подоконник и, расправив крылья, исчез в открытом окне.

Белый маг стоял в закуте возле печи; опираясь локтем на печную полку, он перебинтовывал чистой тряпичей раздавленные пальцы на левой руке. Тут же, рядом, на лавке, лежал черный назгульский плащ, небрежно сброшенный и наполовину стекший на пол тяжелыми, заляпанymi дорожной грязью складками.

Гэндальф порывисто шагнул на середину горницы.

— Ну, здравствуй, Саруман... Рад видеть тебя в добром здравии.

Белый маг наконец повернул голову навстречу вошедшим. Лицо его по-прежнему оставалось в полутьме, но казалось расслабленным и спокойным, лишь в темных глазах еще посверкивали отблески недавней битвы.

— Привет и тебе, Серый. Вижу, я врасплох тебя не застал.

— А хотел застать?

— Мелькнула такая мысль. Ты меня ждал?

— Обстоятельства заставляли... ждать. Хотя и не настолько быстро.

— Понимаю. — Саруман перевел взгляд на Келеборна, который стоял на пороге горницы, несколько бледноватый, но сохраняющий по-эльфийски неизменную маску прохладной и в то же время осторожной любезности. — Приветствую, о Владыка. Звезда, кажется, все-таки соизволила осиять час нашей встречи.

Эльф сдержанно поклонился.

— Что ж, здоровья и тебе, Курунир.

Саруман едва заметно посмеивался в бороду:

— Что за постное лицо, друг мой? Бери пример с Гэндальфа... Ты мог хотя бы изобразить дружелюбие, сказать, как ты по мне скучал, и как счастлив меня сейчас видеть, хотя совсем этого не ждал и полагал, что наша встреча случится ещё нескоро... В сущности, это то же самое, что послать незваного гостя в Удун, но звучит несравнимо приятнее и располагает к себе.

Келеборн вздохнул. Медленно прошёл вперёд, в глубину комнаты, аккуратно присел на лавку, стараясь не касаться брошенного рядом назгульского одеяния. Внимательно рассмотрел лежащий на столе меч в черных, с серебряным тиснением ножнах, даже взял его в руки — с такой тщательной и брезгливой осторожностью, точно боялся, что этот коварный предмет может сей момент обратиться в ядовитую змею.

— Как ни странно, но я действительно рад тебя видеть, Саруман... По крайней мере, это избавляет меня от необходимости торопить события и идти на нежелательный риск в попытках каким-либо образом высвободить тебя из Крепости. Как тебе удалось вырваться?

— Хотелось бы сказать, что путем подлой измены, припадания к ногам Саурона и бессовестного предательства нашего бесконечно Правого Дела, но, боюсь, это будет слишком тяжёлым испытанием для твоих и без того расстроенных чувств.

Келеборн натянуто усмехнулся.

— Это говорит мне волшебник, который приехал на лошади назгула, одет в одеяние назгула, вооружен мечом назгула и выглядит, как назгул?

— Не стоит судить о вещах по тому, как они выглядят, Келеборн. Форма, знаешь ли, не всегда соответствует содержанию. — Саруман наконец вышел из темного угла, подсел к столу: как всегда непроницаемый, собранный, прямой и строгий, точно хлыст. Если бы не след от ошейника на его горле, и не серое, изношенное, подпоясанное пеньковым шнурком простецкое одеяние, можно было бы подумать, что он явился сюда прямоком из Ортханка, а не из тёмных неведомых закоулков враждебной Крепости. — И, право, неужто ты действительно созрел для того, чтобы наконец попытаться меня «высвободить»? Собственно говоря, я уже и не ждал от тебя никаких поползновений в этом направлении.

Эльф положил меч на стол и тщательно вытер пальцы льняным платком.

— Не обессудь. Смею заметить, — пояснил он, — до недавнего времени нам вообще не было известно, что ты находишься в столь бедственном и отчаянном положении. Мы узнали об этом буквально несколько дней назад.

Саруман устало улыбался.

— Ну, отчего же сразу в «бедственном и отчаянном»? Ты опять судишь о вещах по тому, как они выглядят?

— В данном случае мне кажется затруднительным судить как-то по-иному, — заметил эльф. — Или истинное положение дел вновь вовсе не таково, каким настойчиво представляется?

— Почему бы тебе не предположить, что я мог побывать в Дол Гулдуре с теми же целями, что и Митрандир? Только, скажем прямо, достиг их с куда меньшими потерями и большим успехом.

Келеборн изумленно пошевелил бровями.

— Эге. Нам, видимо, ныне следует полагать, что вся эта история... плен, ошейники, прозябание в застенках Замка... была всего лишь частью твоего дерзкого и досконально продуманного плана?

— У каждого свои методы собирать сведения о Враге.

— Вон оно что. А твой орк был уверен, что твоё существование в Дол Гулдуре сродни постылому рабству, и потому невыносимо тяжело, скорбно, мрачно и беспросветно.

Белый маг все ещё улыбался — но тусклая, серовато-прозрачная бледность неумолимо проступала на его лице поверх чуть застывшей невозмутимости, как рисунок сквозь промасленную бумагу. Лишь на скулах играл слабый румянец, что придавало волшебнику вид нездоровый и лихорадочный, словно пораженному тяжёлой горячкой.

— Келеборн, друг мой, я тебя не узнаю. Ты позволил себе поверить словам какого-то орка?

— Он показался мне весьма искренним в своих убеждениях, — серьёзно сказал эльф. — Кстати, почему он сейчас не с тобой? Он так из кожи вон лез, пытаясь заполучить для тебя «эстель», что мы были уверены — удирая из Крепости, ты потрудишься прихватить его с собой хотя бы в знак благодарности.

— Я... поспешил. Мне не удалось с ним встретиться, — помолчав, сказал Саруман. — В последний раз я видел его несколько недель назад. — Его рука, до сих пор расслабленно лежавшая на столе, вдруг сжалась в кулак — с такой силой, что ногти с отчетливым звуком скребнули по дереву. — Какого лешего вы позволили ему уйти? — в холодном бешенстве спросил он. — Почему не задержали, не посадили под замок? Я надеялся, что уж на подобное усилие, Келеборн, я могу от тебя рассчитывать!

Келеборн окаменел лицом.

— Мы сделали все, что могли, полагаю, Радагаст тебе это уже объяснил. Может быть, мы вообще должны были твоего орка пристрелить?

— Ты бы перед этим не остановился, Владыка!

— Ну, будет вам, будет, друзья мои, — поспешно вмешался Гэндальф, тем временем тоже с интересом разглядывавший сарумановы трофеи. — Давайте не будем обсуждать то, что *могло бы* случиться... или нам не достаточно того, что уже произошло? Раз уж в Крепости Гэдж так и не появился, следует полагать...

— Следует полагать все, что угодно, — яростно оборвал Саруман. — Я даже не знаю, жив ли он сейчас!

Гэндальф и Келеборн быстро переглянулись.

— Значит, есть надежда... — эльф запнулся.

— На что? — с вызовом спросил Белый маг. — На то, что он сгинул где-то на болотах?

— В сложившихся обстоятельствах это было бы для него лучшим выходом, я думаю, ты сам это осознаешь, — чуть помедлив, отозвался Келеборн. — Да и для нас — тоже... И я, конечно, понимаю, Саруман, что длительное пребывание среди орков ни для кого не

проходит бесследно, но ты нас весьма обяжешь, если впредь все же будешь сохранять хладнокровие и держать себя в руках. Мне жаль, что с твоим мальчишкой... так получилось, но вряд ли мы сейчас можем что-то с этим поделать. Нам теперь стоило бы подумать не о том, что с ним стряслось, а о том, что́ предпринять в случае, если развитие событий пойдёт по худшему варианту.

Саруман молчал. Сидел, поставив локти на стол и уперевшись лбом в сцепленные «замочком» пальцы, подпирая голову руками, словно боясь вот-вот уронить её на столешницу.

— Ладно, ты прав. Мне нужно прийти в себя. Мне слишком долго пришлось... чувствовать себя водой. — Он рывком поднялся и отступил, отвернулся к окну, то ли наблюдая за тем, что происходит во дворе, где Смоки с невинным видом гонял по загону испуганных кур, то ли просто не желая встречаться с собеседниками взглядом. — Ты отправил гонцов в Ривенделл и Серые Гавани? — спросил он через плечо.

— Да, — сказал Келеборн, — Элронд будет здесь на следующей неделе. Нам нужно собраться в Лориэне и обсудить... все произошедшее.

— Хорошо. К этому времени, полагаю, удастся выяснить, что там все-таки случилось на болотах и чего нам ждать в ближайшее время.

— Ты что, беднягу Гарха вновь отправил на разведку? Туда, в Замок? — негромко спросил Гэндальф. — Чтобы, гм, узнать ответы на насущные вопросы?

Белый маг быстро обернулся:

— А ты склонен полагать это очередным безрассудством?

— Н-нет... Я склонен верить, что твой ворон во всяком случае будет достаточно осторожен.

Саруман по-прежнему стоял возле окна, и в луче света, падающем со двора, не видно было его лица.

— Я уже не знаю, на что надеяться, Гэндальф, и во что верить... и существуют ли ответы на те вопросы, которые я себе задаю. А Гарх... будет осторожен, да. Этот старый валенок — кажется, единственный из тех, на кого я сейчас действительно могу полностью положиться.

***

Обыск оставил на внутренностях лекарской каморки явственный след. Дверцы шкафчиков были распахнуты, занавеси сорваны, лавки опрокинуты и брошены как попало, даже вода из чана оказалась вылита — искали, что ли, улики на дне посуды? — только рядом на полу темнела одинокая лужица. В столешницу был воткнут зубчатый хирургический крючок — так глубоко и основательно, что Гэдж с трудом сумел его выдернуть.

Эорлим смотрел недоверчиво. Ничего хорошего он уже давно и ни от кого не ждал.

Гэдж нашёл на полке остатки мази из цикуты — лекарства и снадобья, к счастью, при обыске не пострадали, по крайней мере, бóльшая их часть, — и обильно смазал ею распухшую эорлимову пясть. Осторожно прощупал воспаленный палец.

— Болит?

— А ты как думаешь? — нервно огрызнулся Эорлим. — Конечно, болит!

— Было бы хуже, если бы не болело, — сухо сказал Гэдж. — Омертвление тканей, по

крайней мере, ещё не началось. — Он взял ланцет, прокалил его над огнём свечи, вскрыл гнойник — аккуратно, как по-писаному, — вычистил рану и присыпал её порошком из зелёной плесени. Эорлим терпеливо сносил все манипуляции, лишь всхлипывал временами и тоненько подвывал сквозь сжатые зубы. Мазь из цикуты слегка «заморозила» его раздувшуюся кисть, но, как ни старался Гэдж действовать осторожно, чуть ли не ласково, воспаленная плоть отзывалась на любое прикосновение ланцета и рук лекаря дергающей болью.

— Ты из Рохана? — спросил Гэдж. Не то чтобы его сильно интересовал ответ — белобрысая масть бедолаги говорила сама за себя, — но надо было чем-то отвлечь парня от упоения собственной ролью безвинного мученика.

Перекошенное лицо Эорлима болезненно передернулось.

— Ну, из Рохана, — пробурчал он. — А тебе какое дело?

— Просто спросил, — пробормотал Гэдж, — спросить нельзя? Придешь завтра на перевязку, — добавил он, закрыв рану корпией, завернутой в льняной лоскут и пропитанной коричневым раствором. — И смотри не отлынивай! От этого твоё будущее зависит, понял?

«И моё тоже», — добавил он про себя. Интересно, что именно визгун имел в виду под намёками на «если заслужишь»? Чем вообще можно было «заслужить» милость Башни, уж не успешной же попыткой оставить вшивого кузнечного подмастерья при полном наборе конечностей?

— Будущее? — Эорлим горько скривил губы. — Оно тут вообще есть хоть у кого-то, это «будущее»? У того, кто не орк?

— Каким бы ни был завтрашний день, всё равно лучше оказаться в нем с рукой, чем без руки, — резонно возразил Гэдж. — Или хочешь, чтобы я её тебе и вовсе отрезал?

— Ну конечно, тебе бы лишь что-нибудь отрезать... мясник! — процедил Эорлим — и во взгляде его было всё, что он думает о самом Гэдже, всем орочьем роде в целом и предках/родичах Гэджа до седьмого колена в частности. — Дорвался, да?

Дорвался... Словечко было вроде ожидаемое и не обидное, но колкое, вонзившееся под кожу, как кусочек стекла.

— Ага, — бесцветным голосом сказал Гэдж. — Дорвался. Буду резать, буду бить, буду ножичком пилить.

Эорлим взглянул на него мрачно — и ушёл, побряхтывая, прижимая искромсанную руку к груди, наверное, ненавидя Гэджа до глубины души. Ну и пёс с ним, сказал себе орк, пусть ненавидит, лишь бы не забыл завтра явиться на перевязку... Впрочем, говоря по совести, деваться-то ему особо и некуда...

...Был уже поздний вечер, преддверие ночи. Гэдж хотел выгрести золу из печки, но оказалось, что в этом нет надобности, печка была пуста — должно быть, там искали сожженные бумаги. Гэдж затеплил огонь, собрал в кованую подставку разбросанные поленья, расставил по местам зелья и разложил инструмент, выброшенный из ящиков. Смел мусор венником в старое ведро...

Кто-то едва слышно поскребся в углу под окном. Наверное, мышь.

Гэдж взял лучину и зажег свечи. Завтра нужно будет разобрать снадобья и зелья, определить, что осталось в сохранности, пополнить запас кипяченой воды и злосчастливого немейника... рассортировать инструмент... и дальше жить так, как будто ничего не случилось, не было ни этого полубезумного дня, ни такой же бредовой ночи, Шарки не появлялся в Крепости, и ничего из ряда вон выходящего не произошло... вот совершенно

ничего...

Если оно для Гэджа наступит, это «завтра».

Оно тут вообще есть хоть у кого-то, это «будущее»? У того, кто не орк?

Я вот, например, орк, сказал он себе, а оно у меня имеется, это будущее? И — какое? Если уж и не совсем мрачное, то все равно начисто лишённое ярких красок, грубое и серое, точно кусок мешковины...

Вновь от окна послышался едва слышный шорох и осторожный стук, словно кто-то тихонько постучал по карнизу крохотным молоточком. Нет, это явно была не мышь... Гэдж, секунду помедлив, подошел к окну и чуть приоткрыл деревянную ставню.

Ворон, черный, как ночь, втиснулся в открывшуюся щель и опасно покрутил головой туда-сюда, оценивая обстановку. Тяжело перелетел с подоконника на край стола.

— Ты с ума сошел! — прохрипел Гэдж. — Тебе... нельзя тут! За мной могут следить... — он беспомощно умолк. Просто дыхание у него перехватило и воздух в груди закончился — разом, будто в горло орка кто-то внезапно вбил невидимый клин.

Гарх покосился на него исподлобья, потом вытянул шею и осторожно заглянул под лавку, точно ожидал увидеть прячущегося там назгула с мечом наперевес.

— Ну-ну, за кого ты меня принимаешь, за желторотого птенца? — Убедившись, что в каморке, кроме них, никого нет, он самодовольно выпятил грудь. Энергично встряхнулся — он был весь покрыт серыми клочьями пыли, паутины и частицами какой-то трухи, которая тотчас веером разлетелась в разные стороны. — Будь уверен, меня никто не видел. Двор пуст... Я несколько часов поджидал подходящего момента. Прятался в какой-то дыре — там, под карнизом дозорной башни — и ждал, пока стемнеет. В темноте меня трудно заметить.

Гарх явно полагал себя прожженным ловкачом и опытейшим лазутчиком, умеющим при случае процедиться в игольное ушко, и посматривал на Гэджа слегка свысока — орк вместилищем сообразительности и шпионской сноровки ему определённо не представлялся.

— Шарки прислал меня узнать, что с тобой стряслось. — Глазки его посверкивали хитрыми серебристыми искорками. — Ну, ты, по крайней мере, жив и на свободе — уже кое-что.

— Ну да, на свободе... пока, — без особых чувств признал Гэдж. И неохотно добавил: — Визгуны хотят, чтобы я остался тут лекарем...

Ворон как будто пришел в замешательство.

— Э-э... правда? Это хорошо или плохо?

— Не знаю... Наверное, лучше, чем могло бы быть.

— Ладно, не дрейфь, — Гарх, к чему-то прислушиваясь, настороженно оглянулся. Торопливо добавил: — Он... Шарки... что-нибудь обязательно придумает, чтобы тебя отсюда вытащить.

Гэдж опустился на лавку — колени у него внезапно ослабли.

— Да зачем? — спросил он почти равнодушно — и сам подивился своему безучастному голосу. — Разве меня там ждут?

— В Росгобеле? Ждут.

— Кто? Келеборн, которому я едва не проломил голову? Радагаст с его зверьем? Эльфы? Гэндальф, их разлюбезный дружок?

— Не говори глупостей. Кому надо, тот и ждет.

— Брось... Что теперь можно сделать? Во-первых, это опасно. А во-вторых... — он запнулся.

— Во-вторых? — Гарх смотрел подозрительно.

Гэдж молчал. Вспомнился Эорлим с его воспаленной рукой, которую завтра нужно будет вновь обязательно обработать и перевязать. Рябой мужичок из «дровяной артели», страдающий опоясывающим лишаем. Другой мужичок — с приступами удушья, облегчение которому приносило лишь вдыхание паров отвара определённых трав. Возчик-вастак с отеками и водянкой непонятного происхождения, парень-красильщик с опухолью под подбородком, живущий на снадобье из немейника; «козявки» из подвалов с неизменными болями в суставах и желудочными коликами от дурной еды; уруки с их вечными паразитами и боевыми ранами; «крысюки» с невнятными лихорадками, «чёрной немочью» и грудной жабой — все эти недужные, болезненные и скорбные духом, слабые, больные и бесправные, измученные, истощенные, зачастую здесь, в Замке, лишённые всякого ухода, задвинутые в дальний угол и брошенные на произвол судьбы...

...Постарайся быть в этом «худе» хотя бы крохотным добром, пусть никто и не скажет тебе за это спасибо...

Гэдж проглотил горький ком в горле.

— Я... не могу.

— Что — не могу?

— Не могу вот просто так отсюда уйти. У меня тут... хворые.

— И что? — с раздражением прокаркал Гарх. — Не будь совсем уж непроходимым болваном! Незаменимых не существует. Тем более здесь.

Гэдж пожал плечами. Со двора послышался какой-то шум, топот торопливых шагов, кто-то взбежал на крыльцо и яростно забарабанил кулаком в дверь — с такой силой и грохотом, что орк едва не вздрогнул.

— Исчезни, — шепнул он Гарху. — Быстрее!

Кто там? Орки? Стража? Соглядатаи? Что, если за Гэджем и его каморкой действительно следят?

Но на пороге обнаружился лишь какой-то встрепанный мужичонка в грязном фартуке из дерюги, на котором поблескивали мокрые потеки — к счастью, не крови. У мужичка было бледное лицо, над которым сосульками нависали всклокоченные волосы, и красные, словно бы разбухшие руки — верный признак того, что ему часто приходится иметь дело со щелоком и водой.

— Тут кто-нибудь есть? Чего не открываешь? — Он сердито уставился на ошеломленного Гэджа. — Я из прачечной, Вирен, напарник мой, чан с кипятком опрокинул, ногу обварил... — В глазах его при виде бледного остолбеневшего мальчишки мелькнуло мимолетное сомнение. — Ведь ты тут теперь лекарь... так, что ли? Тебя звать-то надо?

Гэдж молчал. Почему-то мужичок своим яростным напором застал его врасплох, хотя, если подумать, ничего ни удивительного, ни тем более неожиданного в его появлении не было.

— Да, — пробормотал он. — Я... да. Лекарь. Меня надо звать. — Он попятился, спотыкаясь, стараясь не вспоминать про растворившегося где-то в темноте Гарха, дрожащей рукой взял со стола сумку с бинтами и лекарским инструментом, презирая себя за этот неуместный испуг, за смятение, растерянность и неумение мигом собраться с мыслями. — Я... сейчас. Иду.

53. Крысятник

...Когда-то давно, там, в Изенгарде, в другой жизни, когда Гэджу было лет восемь или девять, у него случилась очередная стычка с верзилой (да, он уже в одиннадцатилетнем возрасте был верзилой) Лутом, сыном медника, и парой его дружков. К позору Гэджа, выйти из той давней драки победителем ему не удалось; поверженный и разбитый, он долго сидел на берегу Изена, размазывая по щекам кровь из расквашенного носа, пытаясь промыть боевые раны и привести в порядок изорванную одежду. Но неуголенная обида и злоба требовали отмщения — и тогда Гэдж вернулся к дому Лута, подкараулил за углом его младшую пятилетнюю сестру, отобрал у соплюхи любимую, привезенную с ярмарки куклу, оторвал этой кукле расшитую цветными нитками голову и, упиваясь сладостью мести, зашвырнул тряпичный труп далеко в заросли крапивы. Девчонка убежала в слезах...

— Ты тотчас же пойдешь назад и отыщешь в крапиве эту несчастную куклу, — спокойно сказал ему Саруман, когда Гэдж наконец вернулся в Ортханк, и голос мага был холодным, бесстрастным, каким-то совершенно чужим. — Приладишь ей голову на место — сам, своими руками — и вернешь куклу хозяйке. С извинениями. Сестра Лута не в ответе за деяния своего брата. — И, чуть помолчав, добавил негромко, глядя сквозь ученика так, словно тот был прозрачным и состоял из воздуха: — Твой поступок меня очень разочаровал, Гэдж. Я не ожидал от тебя такого.

Твой поступок меня очень разочаровал...

Лучше бы он надрал мне уши, оставил без ужина или велел высечь розгами на конюшне, думал Гэдж, чем смотреть на меня, как на пустое место, и бичевать этими вот ужасными словами: «Твой поступок меня очень разочаровал...» Он шмыгнул мимо учителя, не поднимая глаз, метнулся в свою каморку, бросился на постель и накрыл голову подушкой, но спрятаться от этой фразы было невозможно, она колокольным звоном гремела у него в голове и жгла куда больнее крапивы. Она горела в нем, как ожог — и тогда, когда он, как неприкаянный, мыкался по своей комнате из угла в угол, переживая случившееся, и тогда, когда тенью брел по улице, стараясь не попадаться никому на глаза, и потом — когда рыскал в траве за сараем, ища проклятую куклу, и когда негнушными, исколотыми в кровь пальцами пришивал на место бессмысленно улыбающуюся голову, и когда — самое унижительное! — ходил в дом медника и, не отрывая взгляда от пола, лепетал перед всей семьей едва слышные извинения. Раздирающие всё его существо стыд, смущение и раскаяние были невыносимы — и запомнились навеки, запеклись в душе плотной коркой, точно глубокий и уродливый шрам. Надо признать, Луту тоже изрядно досталось от отца, и он стоял в углу горницы, полусогнувшись и не пытаясь присесть на лавку — но его деяния никого не разочаровали, и потому он посматривал на Гэджа торжествующе, злорадно и даже чуть-чуть свысока.

Впрочем, перед ним Гэджу извиняться было не за что, и, уходя, Гэдж исподтишка показал ему кулак.

Вечером он сидел в библиотеке, корпя над тетрадкой, полной цифр, букв и нечаянных клякс, выполняя — или, скорее, пытаясь выполнить, ибо мысли его были далеки от счёта и письма — заданный к завтрашнему дню урок. Помаргивали на столе свечи, потрескивал в углу сверчок, едва заметно колыхалась занавесь в глубине помещения — башня всегда была полна неведомых сквозняков... Гэдж не удивился, когда распахнулась дверь, и в библиотеку

вошёл Саруман, — маг нередко приходил по вечерам позаниматься с воспитанником, — но, наверно, никогда ещё Гэдж не ждал его появления с замиранием сердца, холодком в желудке и трепетом прочих живущих своей жизнью потрошков, и вовсе не из-за того, что сегодня ему не довелось преуспеть ни в учении, ни в бою.

— Я извинился, — буркнул он, глядя в пол, на стык между плитами, по которому бежал заблудившийся древесный жучок. Поднять глаза на мага по-прежнему было выше его сил. Как и вновь услышать его ровный, бесцветный и отчужденный голос: *«Твой поступок меня очень разочаровал...»*

Но в голосе Сарумана, когда он заговорил, не было холода:

— Я знаю, Гэдж. И рад, что ты нашёл в себе силы самостоятельно разрешить эту неприятность.

Гэдж молчал. Вроде бы он всё сделал правильно и свою дурацкую выходку если уж и не искупил, то, по крайней мере, загладил... и все же какое-то неудобное, томительное чувство царапало его изнутри, точно свернувшийся в груди беспокойный зверёк. *«Я не ожидал от тебя такого...»* Ну да, разумеется. *«Я не ожидал, что ты так подорвешь моё доверие и окажешься настолько орком...»*

Саруман положил руку ему на плечо:

— Я хотел, чтобы ты усвоил: вымещать злобу на том, кто не может тебе ответить — недостойно уважающего себя существа. Ни человека, ни эльфа, ни гнома, ни кого бы то ни было.

— Я усвоил, — сказал Гэдж. Древесный жучок тем временем добрался до конца каменной дорожки и принялся шгурмовать ножку стола. — В следующий раз я врежу Луту.

Маг как будто удивился:

— Зачем? Это его чему-то научит?

Гэдж перевёл дух.

— Например, держать язык за зубами?

— Признаться, я порадовался бы куда больше, если бы следующего раза не случилось.

Гэдж пожал плечами. Зная Лута (да и себя), он подозревал, что такое развитие событий весьма маловероятно.

Саруман присел рядом на лавку.

— Из-за чего вы с ним повздорили?

— Так... — пробормотал Гэдж. — Из-за ерунды. — Не мог же он сказать, что Лут в очередной раз назначил Гэджа тупым пещерным чудовищем (в совместных играх с изенгардской детворой орку чаще всего приходилось пребывать в ипостаси отнюдь не доблестных рыцарей) и мимоходом назвал Сарумана «любителем вонючих зверушек», причина звучала как-то совсем уж глупо, необидительно и по-детски. — Пусть иногда думает, что говорит!

— Вижу, его слова тебя сильно задели, — заметил маг. — Мнение Лута для тебя так важно?

— Ну... — Гэдж отчего-то растерялся.

— Даже если он не всегда думает, что говорит?

Орк смешался, раньше такая мысль ему в голову не приходила.

— Дело не в этом.

— А в чем?

Гэдж съежился и сунул ладони подмышки:

— Просто они... все... видят во мне чудовище. И заставляют меня им быть!

Он всего лишь имел в виду прицепившиеся к нему роли страшилищ и супостатов, которые был вынужден исполнять в мальчишеских играх раз за разом, но Саруман явно услышал в двух коротеньких фразах что-то другое, куда более веское и значительное. Лицо мага, и без того бледное и задумчивое, стало совсем уж неподвижно-мрачным.

— Не видят, а *хотят* видеть, Гэдж, людям это свойственно, — мягко поправил он. — Всегда проще увидеть чудовище в ком-то другом, нежели разглядеть его в самом себе.

— А ты сегодня тоже... увидел во мне чудовище? — пробормотал Гэдж едва слышно.

— Я увидел, что ты все-таки сумел его победить, это твоё внутреннее «чудовище», — помолчав, негромко сказал Саруман. — И это очень ценно, мой мальчик. И для тебя, и для меня.

Гэдж искоса бросил взгляд на волшебника — ему казалось, что Саруман над ним сдержанно посмеивается, но нет — учитель по-прежнему был совершенно серьёзен. Даже как-то пугающе серьёзен, подумал орк.

— Впрочем, если для тебя это так важно, — помолчав, осторожно добавил маг, — и если тебя это утешит, то могу сказать, что в ролях злодеев и чудовищ тоже есть своя прелесть и даже некоторый смак. Если, конечно, как следует в них вжиться и исполнять, так сказать, с душой и с азартом... но при этом не забывать, что это всё-таки лишь игра, которой не стоит очень уж увлекаться.

— Луту и его дружкам совершенно не интересно, с душой я там играю роль тупого пещерного чудовища или без души, — возразил Гэдж. — Они просто изображают из себя благородных доблестных воинов и хотят это мерзкое чудовище как-нибудь позаковыристее убить.

— Гм. А пещерное чудовище не может — там, в игре — явить свою чудовищную силу и подло расшвырять доблестных воинов по кустам?

— Если чудовище одно, а воинов — пятеро?

— Воины не слишком благородные и доблестные, однако... Может быть, тебе стоит поменьше, э-э... водиться с Лутом и его компанией?

— А с кем мне тогда водиться? — проворчал Гэдж. — С Гархом?

Саруман как будто пришёл в замешательство.

— Да, это явное затруднение... — пробормотал он.

— Да ладно, — сказал Гэдж. — Это всё ерунда. Подумаешь, дурацкие игры, Лут и его дружки... Просто...

— Что?

Опустив голову, орк рассеянно мял и перебирал между пальцами растрепанный кончик и без того изломанного пера.

— Просто, ну... Ты сегодня правда во мне разочаровался?

Саруман, не моргая, пристально смотрел на пляшущий в полумраке огонек свечи.

— Не в тебе. Совсем не в тебе, Гэдж. А что касается Лута... Что ж, я поговорю с его матерью и отцом. Будем надеяться, что это возымеет в ближайшее время какое-либо заметное действие.

— Отец его просто избьет, вот и все, — пробормотал Гэдж. — В очередной раз.

— Я не имею права вмешиваться в отношения между Лутом и его родителями, но все же постараюсь, чтобы до этого не дошло. — Саруман вздохнул. — И ещё одно, Гэдж.

— Что?

— Боюсь, тебе на твоём жизненном пути и впредь встретится немало не слишком доблестных воинов, мелких пакостников, да и просто не особенно умных людей, это обыденно и практически неизбежно, как... как осенняя простуда. Так же малоприятно, вызывает озноб, головную боль и осиплость голоса, но в подавляющем большинстве случаев все-таки не смертельно.

— Угу, — пробормотал Гэдж. — И как этого избежать? Реже выходить из дома, ни с кем не встречаться, закалять тело и держать ноги в тепле?

— Лучше — голову в холоде, это главное, — спокойно заметил Саруман. — Но уж если случаются ситуации, когда справедливость требуется восстанавливать кулаками... а такие ситуации, увы, все же случаются, несмотря на все меры, направленные на то, чтобы их избежать... в общем, старайся в таких случаях все-таки не начинать драку первым — это не послужит на пользу ни твоей репутации, ни моей. Репутация — отнюдь не та вещь, которую всегда стоит ставить во главу угла, но тем не менее — та, которую, раз потеряв, довольно трудно восстановить.

— Ладно, — сказал Гэдж. — Я понял.

Он сидел на краю лавки, нахохлившись, точно потрепанный воробей, поджав ноги, маленький и несчастный, и на скуле его темнел синяк, а на кончике носа — размазанное чернильное пятно. Саруман поднялся, но не уходил; Гэдж почувствовал, как рука волшебника легла ему на затылок — и провела по голове мягко, почти ласково, желая то ли утешить, то ли приободрить, то ли просто обозначить свое участие...

— Извини, если я был с тобой излишне суров... Но я действительно был расстроен твоим поступком, и в какой-то момент решил, что воспитатель из меня никудышный. Я не в тебе... я в самом себе в ту секунду здорово разочаровался, вот оно что.

Гэдж открыл рот — но так и не нашёлся, что на это ответить, да Саруман и не ждал ответа: порывисто стиснул на прощание его плечо — и вышел, оставив Гэджа наедине с пером, чернильницей, кривыми цифрами в тетрадке и сумбурными чувствами, такими же смазанными, малопонятными и неудобочитаемыми, как неуверенные загогулины на листе бумаги.

***

Почему сейчас ему вспомнились дела давно минувших дней — он не знал. Или, наоборот — знал слишком хорошо...

Что ж, сказал он себе.

Сейчас я тебя не разочарую — ни поступками, ни свершениями, ни намерениями, ни мыслями. Не разочарую — несмотря ни на что. Я буду достойным твоего одобрения... и уважения. Я постараюсь быть хорошим лекарем. Я буду в этом «худе» тем маленьким добром, о котором ты мне говорил... пусть при этом и не слишком-то придётся рассчитывать на чью-либо благодарность. Это слишком глубоко во мне, слишком неискоренимо, как доставшаяся при рождении отметина... или как крепкая нить, плотно вшитая в ткань — прочная канва, основа, выдрать которую можно только «с мясом», разорвав при этом добротное полотно в клочья...

...Видимо, пытаться уснуть уже не имело смысла: занимался рассвет, крепость оживала, *снаги* гремели во дворе колодезной цепью, и за стеной, под окном, неторопливо прокатила к воротам деревянная телега, нагруженная, судя по раздававшемуся грохоту и дребезгу, горой

пустых жестяных вёдер. Утро наступало медленно и неохотно, и, поднявшись, Гэдж распахнул ставень, впуская в каморку новый осенний день. Дрожа от холода, разжег огонь в печурке, поставил на плиту чайник, протер тряпкой подоконники и смел веником наросшую в углу паутину. За пару прошедших дней он кое-что успел привести в порядок, но работа по-прежнему не заканчивалась: в перерывах между осмотром недужных, обходом территории и приготовлением зелий следовало перебирать лекарственное сырьё, кипятить и протирать инструмент, мыть склянки, вести учёт снадобий, поддерживать огонь в печке, ругаться с интедантом по поводу корпии и мыла, сушить травы, запаривать их, растирать, делать выжимки, вытяжки и настои и выполнять ещё множество рутинных, но необходимых в его нелёгком и нескончаемом труде дел...

Мне нужен помощник, мрачно сказал он себе, хотя бы для самой простой работы, иначе мне самому вскорости понадобится лекарь. Хотя, если визгуны пришлют мне в напарники какого-нибудь Уштура с протекающей крышей (а кого, собственно, они ещё могут мне прислать?), вряд ли это сильно облегчит мне существование...

Он уже почти закончил перетирать в кашицу мясистые листья водохлебки для согревающей мази, принесенные на рассвете расторопными «козьявками», когда входная дверь за его спиной распахнулась с едва слышным поскрипыванием. Гэдж решил, что это явился кто-то из «крысюков», скорее всего — Эорлим (который, к счастью, приходил исправно), неизменно готовый предъявить лекарю как истерзанный палец для очередной перевязки, так и новую, выстраданную за ночь порцию нытья, обидок, опасений и презрения ко всему окружающему.

— Погоди, — бросил орк через плечо, — я сейчас...

— Цветочки перебираешь, сучёныш?

Гэдж стремительно обернулся.

На пороге стоял Каграт — угрюмый, торжествующе-свирепый, разящий терпким запахом болота и осеннего леса. Гэдж втайне надеялся, что в ближайшее время (а, может быть, и вообще никогда) папашу больше не увидит, но, по-видимому, чаяниям его сбыться было не суждено.

Он едва удержался от того, чтобы не попятиться.

Каграт широко ухмылялся, приподнимая верхнюю губу над крепкими жёлтыми клыками. Орк выглядел усталым и осунувшимся, резкие, словно выветренные на базальте черты его лица заострились еще больше, а кожа приобрела тусклый желтовато-серый оттенок, но усмешка по-прежнему была людоедской, а глазки посверкивали неунывающе и злорадно, он явно упивался тем, что так ловко сумел застать Гэджа врасплох.

— Боишься меня, цыпленочек? Правильно, бойся — клушка твоя улетела, под крылышко тебя больше не спрячет. — Он медленно подступал к Гэджу, мощный, опасный и неумолимый, как осадная башня, широко раскинув руки — хотя, подозревал Гэдж, вряд ли для того, чтобы заключить сына в объятия, скорее затем, чтобы не позволить улизнуть растерявшейся жертве. — Что ты так съезился, крысеныш, не рад видеть папочку? Не хочешь в ножки мне поклониться, пяточки облобызать и хлеба-соли щедро отсыпать, а?

Гэдж прижался спиной к дверце шкафчика.

— Не подходи, — сказал он так спокойно, как только мог.

Каграт ослабил.

— Это почему? Кто мне запретит — ты? Я не просто пинка тебе дать пришел... Старая коряга Гарбра тебя, похоже, за девчонку держит, только ты не думай, что это тебя от

испытаний освободит, Посвящение по весне будешь проходить по всем правилам, как и остальные. Так что мой неукоснительный отцовский долг — тебя должным образом к этому подготовить... — Вдруг, совершенно неожиданно для Гэджа, он схватил стоявшую возле печи короткую метлу и, резко подавшись вперед, с яростным «хаканьем» нанес черенком удар снизу вверх, Гэдж едва успел отскочить и парировать неожиданный выпад деревянной скалкой, которую держал в руке. Каграт захохотал и замахнулся вновь; он наступал на Гэджа, орудуя метлой, точно пикой, ловко нападая то справа, то слева, пытаясь подловить противника, и Гэдж едва успевал отбиваться; скалка в его руках отзывалась на удары дрожью и глухим стуком, и он всерьёз начал опасаться, что она вот-вот во всю длину пойдёт трещинами... В какой-то момент он не успел вовремя увернуться, и Каграт достал его черенком метлы в бок — несильно, но ощутимо, до продолговатого синяка.

— Ты мертв, сучонок!

Гэдж отшатнулся, тяжело дыша, утирая рукавом мокрое лицо, стараясь при этом не выпускать папашу, небрежно поигрывающего метлой, из вида — а ну как Каграту сейчас придёт мысль метнуть это орудие Гэджу в голову? Методы обучения у бати всегда отличались исключительной суровостью, забывать об этом было смерти подобно.

— Ладно, не ссы, — добавил Каграт более миролюбиво, хотя в глазах его всё так же поблескивал злобный нездоровый азарт, — нужные задатки, гляжу, у тебя есть, железкой махать научишься, дело нехитрое. — Он издал горлом низкий звериный рык. — Погоняю тебя метлой по плацу, гаденыш, поучу уму-разуму согласно правилам, предписаниям и субординации, вот будет потеха...

— Оставь меня в покое, — буркнул Гэдж. Он, может, был бы и не прочь научиться кое-каким премудростям фехтования и навыкам владения оружием, но видеть своим наставником именно Каграта желал бы при этом меньше всего.

Каграт весело всхрапнул.

— С чего бы? Кто, с тобой, неумехой, будет возиться, кроме родного папочки? Ведь ты совсем не умеешь держать удар! И толково обращаться с мечом! — Он вновь подался вперёд и взмахнул метлой, готовый продолжить «урок», хорошенько взгреть Гэджа дубинкой так, и так, и еще вот так, загнать его в угол, сломить жалкую оборону и наглядно показать, кто тут главный...

Гэдж живо отскочил и схватил со стола лежавший на краю хирургический нож.

— Зато умею обращаться с ланцетом! — Он решительно выставил свое орудие острием вперед. — Ты в этом сомневаешься?

Каграт замер — с занесенной наперевес метлой. Глухо заворчал — не испуганно, а скорее удивленно.

— Эвон как ты заговорил, щенок! Ножичком, значит, не стесняешься единственного родителя порезать? Метлы испугался? — Он насмешливо фыркнул. — Ладно, — то ли зрелище тонкого, остро заточенного лезвия, то ли отчаянная решимость, написанная на лице Гэджа, заставила его отказаться от своих намерений, но пыл он поумерил и несчастную метлу все-таки опустил. — Оставим до поры эти коленца. Давай-ка лучше расскажи с толком и расстановкой рецепт зелья, которое Шарки для меня бадяжил... Он мне, с-сука, перед тем, как съехать без адреса, этого пошла нацедил с гулькин нос, лишь на доньшке и осталось...

Вот оно что. С этого и надо было начинать, мрачно сказал себе Гэдж. Впрочем, ничего иного от папаша ждать и не приходилось, не на свиданку же с любимым сыном он сюда

заявился.

Расставаться с ланцетом он отнюдь не спешил.

— А зачем тебе рецепт? Да ещё «с толком и расстановкой»? Сам, что ли, это снадобье варить собираешься?

— Может, и собираюсь, — процедил Каграт.

Гэдж невольно усмехнулся:

— Ну, попробуй. Только ты всех тонкостей приготовления не ведаешь и точную дозировку выдержать не сумеешь. А снадобье из болотного гриба небрежения не любит... несколько лишних капель вытяжки или недостаточное время томления на огне — и получится уже не лекарство, а яд.

— Вон оно что... Гладко брешешь, сволочь. — Каграт, глядя исподлобья, раздраженно заворчал, глазки его засветились мрачной подозрительностью. — Славным учителем был этот прохиндей Шарки, его заветы ты, гнида малая, гляжу, крепко усвоил... и все эти хитрости и «тонкости» хорошо изучил, да?

— Ага, — сказал Гэдж, — хорошо. И заветы усвоил, и «тонкости» запомнил, и уроки не забыл... Всему, чему мог, Шарки меня как следует научил, а за практикой, похоже, тут дело не станет... Так что ты ко мне особо-то не цепляйся и рецепт не выпытывай, а то перепутаю с перепугу какие-нибудь важные ингредиенты или чего не надо лишку добавлю, что с меня, дурака, возьмёшь...

Каграт раскатисто взрыкнул.

— А с чего мне быть уверенным, что ты вообще отравить меня не вздумаешь, сученьш?

Гэдж пожал плечами:

— Всегда можно действие снадобья на ком-нибудь проверить, прежде чем самому пить...

Каграт заржал:

— На тебе, например? Ладно, валяй, готовь свое варево, да поживее. — Он отбросил метлу, огляделся, протянул лапу и проворно сцапал лежавшую на лавке лекарскую сумку, с которой Гэдж обходил недужных и в которой держал зелья и инструменты первой необходимости. — А это барахлишко пока побудет у меня... в качестве залога, понял?

— Отдай сумку! — сказал Гэдж сквозь зубы. — Она мне нужна...

— Я знаю, — Каграт ухмыльнулся. — Принесёшь снадобье — получишь её назад. Так что давай, не зли меня, крысеньш, делом займись, тебе мой дурной норов известен... И смотри, чтобы шняга твоя действенная получилась, не мутная и без побочек, а то, обещаю, моё желание убивать возрастёт многократно — и тогда никакие твои хитрые выкрутасы тебе не помогут... Усек?

***

К счастью, немного вытяжки из пещерного гриба осталось у Гэджа в наследство от Сарумана, и состряпать для папаши нужное снадобье труда не составляло. Подавив мимолетное желание добавить в зелье основательную порцию слабительного, Гэдж справился с делом за полчаса — сумку ему хотелось вернуть как можно скорее, — и, спрятав склянку за пазуху, отправился отнести зелье в Кагратово логовище.

Дверь папашинной каморки была не заперта, но самого Каграта дома не оказалось, чему Гэдж, впрочем, нисколько не удивился и вообще мог только порадоваться. Тем не менее

было ясно, что батя ушёл недавно и обретается где-то неподалеку — в очаге потрескивали угли, а в котелке закипало щедро сдобренное салом и исходящее чечевичным духом густое варево. Гэдж огляделся, но свою сумку не увидел — ни на лавке, ни на столе, ни в изголовье папашинной лежанки... Куда Каграт её дел? Неужели утащил с собой?

Гэдж торопливо — встретаться с батей ещё раз ему не хотелось совершенно — пошарил под тряпьем на полатах, посмотрел на полке, заглянул под лежанку... Пусто! В углу каморки рядом с очагом находилась ниша, где стоял большой, чуть приоткрытый ларь для угля; уже ни на что особенно не надеясь, Гэдж шагнул за занавесь, которой ниша была отделена от остального помещения и заглянул за громоздкий деревянный сундук. И не ошибся: его сумка, смятая в бесформенный ком, была втиснута в узкую, набитую пылью и лохмотьями паутины щель между стеной и угольным ларем.

Слабо надеясь, что все бинты, склянки и инструменты сохранились в целости (ничего особенно ценного внутри не имелось, но обнаружить трещину в деревянной трубке для прослушивания сердечных шумов или в пузырьке с зельем из морских водорослей было бы некстати), Гэдж лёг животом на сундук и осторожно извлёк сумку на свет. И почти тотчас услышал, как позади, в комнате, отворилась — и вновь захлопнулась — тяжелая входная дверь. От мимолетного сквозняка чуть взметнулась занавесь, отделявшая угольную нишу от жилого помещения, по полу увесисто затопали крепкие сапоги — вошедших было двое: папаша вернулся домой не один... Гэдж уже хотел отдернуть занавеску, выйти Каграту навстречу, всунуть ему в лапу снадобье и убраться подобру-поздорову, но первая же услышанная им фраза накрепко пригвоздила его к месту, точно вбитый в позвоночник железный штырь:

— ...ничего удивительного. В Башне не уверены, что мальчишка — не засланный, — сказал очень знакомый Гэджу голос — голос Радбуга. — Хотя чего ещё можно было ожидать?

Каграт отозвался раздраженно:

— Ты что, всерьез думаешь, что этот лесной старик-бормотун стакнулся с эльфами?

— Не я думаю, а визгуны... Мне, знаешь ли, думать уставом не предписано. В общем, как бы там ни было, парня пока на дыбе не распяли и на воротах не вздернули... Визгун полагает, он может быть нам полезен.

У Гэджа пересохло во рту.

Он стоял, прислонившись бедром к деревянному сундуку, не смея вздохнуть, благодаря небеса за то, что скрыт от зорких глаз орков пусть изношенной, но зато длинной, в пол, плотной занавесочкой. Ниша, в которой он затаился, была тупиком, ловушкой, и отступать Гэджу оказалось некуда: слева высилась стена, справа — тоже, комнату впереди заняли орки, позади щерился приоткрытой пастью большой угольный ларь...

Послышались негромкое шипение и стук: Каграт, видимо, снял с огня котелок с похлебкой и поставил его на стол. Зазвякала о край посуды оловянная ложка — папаша, дуя на варево, обжигаясь и приглушенно ворча сквозь зубы, принялся торопливо хлебать горячий чечевичный супец.

— Глупо думать, что мальчишка выведет нас на эльфов...

— Но ему известно, где находится жилище этого старикана в буром... В Башне считают, что на его берлоге лежит какое-то заклятие, поэтому его до сих пор не удалось обнаружить. А сейчас наконец подвернулся шанс... если мальчишка жил там долгое время, заклятие не распознает в нем чужака.

— Вряд ли старик, когда мальчишка исчез, об этом не подумал и никаких мер предосторожности не принял.

— Неважно. Даже если парень укажет лишь приблизительное место, этого будет достаточно... Визгуны, видимо, рассчитывают на силы своих Колец, которые способны развеять защитные чары.

— На наши задницы они рассчитывают, вот на что, — злобно, с набитым ртом проворчал Каграт. — То-то вдруг всполошились, уроды... ну да, сторожевые дозоры просто так на болотах не исчезают. И теперь визгуны жить спокойно не могут, уверенные, что остроухие по лесу разгуливают, как по собственной спальне. Только и видят, как бы выжечь этот эльфятник напрочь и путь на восточный берег вражинам заказать!

Радбуг хмыкнул.

— Хэлкар* на днях посылал в лес с дюжину снаг якобы грибов набрать да ловушки проверить... птичек там пострелять, кусты пообламывать, прочих дровишек наломать... надеялся, наверно, что эльфы не удержатся и каким-нибудь образом себя выдадут.

— Ну, не такие уж они дураки... Мы с Марбагом два дня в лесу сидели, разнюхивали, что там, да как, пропитались сыростью по самые маковки. Один дозор у остроухих на границе болот стоит, и есть мнение, что лагерем они у истока Кривого ручья окопались, лес там эльфятиной так и смердит... Мы с Марбагом покрутились по окрестностям, поглазели... ближе подходить не рискнули, поди угадай, где там ловчих ям понарыто, и с какого дерева стрела прилетит в загривок.

— Кривой ручей? Это здесь? — в комнате что-то зашелестело: наверно, Радбуг разворачивал на столе полевою карту. Гэдж осторожно шевельнулся, пользуясь шуршанием бумаги как звуковым прикрытием, едва дыша, приподнял крышку угольного ларя: огромный сундук, к счастью, был почти пуст, лишь на дне оставалось с полфута мелкого угольного мусора. — Наверняка и жилище Бормотуна где-то поблизости.

— Ну, если они и впрямь одного поля ягодки, это уж как пить дать.

— И сколько их там, этих ягодок, удалось узнать?

— Немного. В дозоре — морды три-четыре. В лагере — вряд ли больше двух десятков.

— Королевские лучники?

Голос Каграта звучал уныло:

— То-то и оно. Эти ребята не остановятся перед тем, чтобы понатыкать в штурмовой отряд тисовых стрел... во все места в алфавитном порядке. Я бы, во всяком случае, на лёгкую победу не рассчитывал.

— Если они не подозревают о том, что нам известно об их присутствии, есть неплохая вероятность застать их врасплох. Достаточно захватить одного-двух пленных, чтобы считать, что вылазка увенчалась успехом.

— Угу. А потом кишочки им ножичком размотать, вызнать, какого лешего им тут понадобилось, кто такой Бормотун и в каком овраге у него берлога... Только живьём остроухие в руки не очень-то даются, вот ведь какая закавыка. А для спроса у визгунов мальчишка есть.

— Ему тоже кишочки ножичком разматаешь? — спросил Радбуг. — Если Визгун прикажет?

Каграт засопел.

— Если размотаю, кто мне зелье будет варить?

Послышался грохот отодвигаемой скамьи: Радбуг поднялся и принялся взволнованно

расхаживать из угла в угол — его шаги то приближались, то удалялись в другой, противоположный угол комнаты, куда уплывал, становясь на время менее звучным, и его голос:

— Чтобы остроухих отвлечь и дезориентировать, Визгун направит большой отряд *снаг* к Каменному Мосту, а мы тем временем проберемся в лес тайно, по восточной дороге, и подойдем к истоку Кривого ручья. Надо там все как следует осмотреть, может, и удастся обнаружить их лежбище... Эльфы — лучники завидные, это верно, но, если сумеем застичь их врасплох и навязать рукопашную, полдела будет сделано. То есть основная наша задача — найти лагерь остроухих, напасть внезапно и со всех сторон разом, вызвать в эльфятнике панику, повязать живыми тех, кто подвернется, и отступить прежде, чем они вообще поймут, что, собственно, произошло.

— Излагаешь, как по грамотке, — хмуро буркнул Каграт. — Только не надо равнять остроухих со вшивыми дикарями-козопасами с Туманных гор. Эльфов будет не так-то просто на перепуг взять, они ребята бывалые... Может, пущенный по лесу пал их немного смутит, и то не факт.

— Пал-то, может быть, и смутит, только гореть в лесу сейчас особенно нечему... Но, в конце концов, всегда существуют и другие способы вызвать в курятнике переполох.

— Например, запустить туда лису?

— Именно. Даром, что ли, Сам выращивает в подземелье своих... домашних зверюшек?

— Вот оно что... Шаваргам работенка нашлась... — Каграт задумчиво, обстоятельно, с чавканьем и причмокиваниями обсасывал пустую оловянную ложку. — Дельце все же рискованное... Эти твари боятся света... Да и кто с уверенностью скажет, порвав остроухих, они не сделают крутой разворот и не накинутся зараз и на нас?

— А по-твоему, — спокойно возразил Радбуг, — сдерживающие ошейники можно надевать только на крысюков?

— Ошейники... вот же леший! — пробормотал Каграт. — И чья это мутная идея?

— Откуда я знаю? Наверно, кого-то из визгунов...

— И она тебе по нраву, выходит? — Каграт, по-видимому, сплюнул в камин — Гэдж услышал шипение раскаленных углей. — Вообще всё это паршивое дельце — по нраву? Выгорит оно или не выгорит — бабушка надвое сказала, а риск попортить шкурку об эльфийские стрелы все-таки большой...

Радбуг втянул воздух сквозь зубы.

— По-твоему, нашим мнением кто-то станет интересоваться? Скажи спасибо, что Визгун тебя самого ещё в дренажной канаве не утопил — за то, что про мальчишку не доложил вовремя... Лучше уж рискнуть и с эльфами в лесу замеситься, чем жмуриком в петле болтаться, язык вывалив, или в крепостном рву пузыри пускать.

— Разумеешь, шансы на успех есть?

— Шансы всегда есть, пока у тебя голова цела и руки-ноги на месте. А, если дельце сладится и куш окажется славный, глядишь, визгуны и подobreют, и подкинут своим верным псам по паре сладеньких косточек... Ведь ты, кажется, давно хотел примерить на плечо перевязь полутысячника? У начальства-то, знамо дело, и житуха полегче, и харчи пожирнее, и конурка поуютнее...

— Угм. А каким куском пирога Визгун обещал наделить тебя?

Радбуг по-прежнему неустанно расхаживал по комнате:

— Надеюсь, достаточно сочным. Но об этом поговорим, когда ягодки будут в лукошке...

Видишь ли, Каграт, — он секунду помолчал, — если уж мне, как вшивому полукровке, в которого не зазорно лишний раз плюнуть, отродясь выпала судьба прозябать в дерьме, я бы все-таки предпочел, чтобы дерьмо это было не из казарменной парашаи.

— А откуда? Из княжьих палат? Разве есть разница? Оно что, меньше воняет? — Каграт, хлопнув ладонью по столу, оглушительно захохотал. — Плохо ты, при твоих-то талантах, разбираешься в дерьме, Радбуг! Ждешь, значит, что визгуны тебя наконец-то заметят, оценят по достоинству, припасут для тебя чистенькое местечко вдали от «казарменного дерьма»... где-нибудь в Канцелярии, ага? В доверенные советники к Самому, что ли, метишь? Увы, увы! Окстись, дружище! Не светит тебе «уютная конурка» под крылышком Главной Башни, ой не светит. Для этого ты слишком редко пишешь доносы и слишком неохотно, без воодушевления, лижешь нужные задницы...

— Если бы я хотел влезть на эту навозную кучу путем доносов, лизоблюдства и махровой подлости, я бы, поверь, уже давно это сделал... возможностей для этого у меня предостаточно, — холодно откликнулся Радбуг, уже, видимо, пеняя себе за излишний порыв неуместной откровенности. — Но, может, мы все-таки потолкуем о деле? — Его шаги замерли возле стенной ниши. Гэдж, скорчившийся в угольном ларе и следивший за происходящим в крохотную щель между бортом и приоткрытой крышкой, едва успел её, крышку, полностью опустить (к счастью, она легла совершенно бесшумно, без малейшего звука), как Радбуг резко подался вперед и отдернул закрывавшую нишу захватанную занавесь.

Гэдж замер; кишки в его животе слиплись, точно ком глины. Радбуг что-то услышал или просто принимает меры предосторожности? Сделает он еще один шаг, приподнимет крышку сундука или нет? Та пара секунд, в течение которых Радбуг стоял рядом с угольным ларем, окидывая взором грязный тараканий закуток, показали Гэджу кошмаром ожидания приговоренного на плахе, над которым висит острый топор: вот-вот раздастся резкая команда палача, и смертоносное орудие обрушится с коротким свистом...

К счастью, Радбуг, видимо, все же ничего подозрительного не заметил и, чуть помедлив, вернул занавесь на место. Отошел вглубь комнаты, к столу. Тон его звучал сухо, сдержанно, сугубо по-деловому:

— Кто из наших парней достаточно надежен и ловок, чтобы принять участие в этом дельце? Слаженная команда — уже половина успеха... Визгун велел отобрать самых проверенных воинов и опытных следопытов — тех, кто не теряется в непредвиденных обстоятельствах, хорошо знаком с лесом и умеет ходить по нему бесшумно и незаметно.

Каграт задумчиво выскребал со дна котелка остатки чечевичного варева.

— Опытных следопытов, говоришь? Ладно, потолкую на эту тему с Гаурром, нарежу ему ломтиками боевую задачу, — он сыто рыгнул и с дребезгом забросил пустой котелок в ведро с мыльной водой. — Он, ежели не брешет, жил одно время на севере Лихолесья, у подножия Серых гор, так что лес должен знать как свои пять пальцев. — Он от души потянулся, заставив скамью страдальчески скрипнуть, и длинно, с выразительным подвыванием зевнул. — Эх, соснуть бы сейчас... на нарах-то в вонючей землянке какой сон?

— На том свете отоспишься, — проворчал Радбуг. — Надо ковать железо, пока горячо...

— Что насчет оружия и снаряжения?

— Визгун сказал, что нам будет позволено выбрать всё необходимое на оружейном складе. Кстати, надо черкнуть пару слов интенданту. Найдется у тебя в этой крысиной дыре капля чернил и листок бумаги?

— А леший его знает, пошарь на полке. — Каграт, по-видимому, поднялся: лавка, на которой он сидел, закрипела с явным облегчением. — Пойду поищу Гаурра, выволоку его из теплой норки да за уши, да в холодную лесную грязь... — Он злорадно хохотнул. Его сапоги тяжело протопали до порога, потом отворилась и вновь захлопнулась крепкая деревянная дверь... Но Радбуг по-прежнему был где-то в комнате, Гэдж слышал, как он возится в противоположном углу, чем-то позвякивает, передвигает на навесной полке какую-то утварь — неужто и впрямь надеется отыскать там чернила и бумагу, которых у Каграта отродясь не водилось? — затем на несколько секунд наступила тишина... Гэдж изнывал; спина у него онемела от долгого неподвижного сидения крючком, угловатые куски угля впивались в колени, мелкая угольная пыль забивалась в горло и щекотала в носу, и ему уже не просто хотелось чихнуть — ему ничего в жизни так ни хотелось, как чихнуть: эдак шумно и раскатисто, со всхлипом, отяжкой, присвистом и поросычьим всхрапом!.. Но тут — внезапно — все закончилось: занавесь отдернулась, и крышка ларя распахнулась, явив в светлом прямоугольнике сосредоточенную физиономию Радбуга — и Гэдж не почувствовал ни удивления, ни замешательства, ни испуга, одну лишь стылую и постную немую тоску...

Некоторое время они молча смотрели друг другу в глаза. Потом Радбуг медленно разжал пальцы, сомкнутые на рукояти висевшего на поясе длинного ножа. Отвёл взгляд:

— Вылезай... Шпион из тебя, надо признать, так себе.

Гэдж, хоть убей, не мог понять, чем же и в какой момент себя выдал... Неужели — тогда, несколько минут назад — Радбуг все-таки заметил приоткрытую крышку сундука, только не подал вида? Или учуял неистребимо исходящий от Гэджа и его лекарского снаряжения запах снадобий и сушёных трав? Во всяком случае, Каграту он ничего говорить не захотел, сам решил проверить свои подозрения и выяснить, кто и зачем прячется, как крыса, в пыльном угольном ларе... Ну, спасибо ему и на этом.

Облизнув губы, Гэдж хрипло пробормотал:

— Я не шпион. — Интересно, кто ему теперь поверит, если ему не верит *даже Радбуг*? — Я не шпион, я случайно тут оказался... Зашёл принести снадобье... и искал свою сумку, а потом... — он умолк, понимая, насколько все это глупо и нелепо звучит — и впрямь будто жалкие, только что придуманные оправдания. Медленно выпрямился, держа одной рукой злосчастную сумку, а другой опираясь на борт сундука — то ли от долгого пребывания в скрюченном положении, то ли ещё от чего ноги держали его с трудом. Спросил, запинаясь, едва слышно: — Значит, визгуны и в самом деле думают, что я... приведу их к порогу своего... бывшего дома?

— Если хочешь жить — приведешь, — ровным голосом, совершенно безо всякого выражения отозвался Радбуг. — А на что ты, собственно говоря, рассчитывал? На то, что тебе перепадёт казенный харч и тёплая норка за просто так — и ни платить, ни *расплачиваться* за это ничем не придется?.. С волками жить — по-волчьи выть, не слышал про такое?

Действительно — на что тут можно было рассчитывать? «*Ключ от лекарской будет твоим. Если... — Если я заслужу?*» Вот теперь Гэджу и предлагалось действительно заслужить — предательством тех, кого он мог назвать ну пусть не друзьями, но людьми, которые принимали какое-то, не самое дурное участие в его судьбе.

— А если я не хочу, — пробормотал он, — жить по-волчьи?

Радбуг натянуто усмехнулся.

— А как же ты хочешь жить — по-овечьи? И при этом не позволить волкам тебя съесть?

Так не получится, парень... не в этот раз и не в этом месте. — Он не улыбался, лицо его оставалось хмурым и настороженным, непроницаемые серые глаза — серьезными и внимательными. — Я, конечно, ничего не знаю наверняка, — медленно произнёс он, — да и не хочу знать, но все же сдаётся мне, что у тебя была возможность раз и навсегда выкарабкаться из этой выгребной ямы и наконец убраться отсюда подобру-поздорову... Но ты вернулся. Зачем? — Он издал сквозь зубы короткий полурык-полустон. — Ну зачем ты вернулся, дурень? Если ты даже не шпион?

— На то... была причина, — пробормотал Гэдж. Он выбрался из сундука и стоял перед Радбугом — неловкий, растрепанный, вымазанный угольной пылью, — и под взглядом собеседника чувствовал себя не просто наивным тюфяком, живущим в мире молочно-кисельных рек и розовой радуги — чистой пробы воином Анориэлем.

Радбуг прикрыл лицо ладонью. Наверное, чтобы скрыть одолевающий его нервный смех.

— Да неужели? Надо действительно быть круглым болваном, чтобы влезть в змеиное гнездо и надеяться не наступить при этом на рассерженную гадюку. Я не желаю тебе зла, парень, но и себе зла я не желаю тоже... Раз уж ты слышал наш разговор, так знай: ты у визгунов на подозрении, и схватить тебя лапой за горло они могут в любой момент. Как и использовать... по своему усмотрению. И, если это произойдёт, я не стану вмешиваться, дружище, уж не обессудь, я от плахи и от дыбы не заговорен... визгуны на нас тоже косо посматривают в последнее время. А ты сам сделал свой выбор, и твоя дальнейшая жизнь будет теперь зависеть только от тебя самого.

— Я не смогу, — тихо, одними губами сказал Гэдж. Он не пытался вдаваться в объяснения, но Радбуг как-то сразу понял, что именно он имеет в виду:

— Сможешь.

— Я не помню... обратную дорогу.

— Придётся вспомнить.

— По-твоему, это легко — вспомнить? И... и предать? Предать человека, который тебя вырастил и с которым ты делил кров долгие годы?

— Смотря кому... Тебе, я думаю — не легко. Сейчас.

— А потом — будет проще?

— Надеюсь. Раз уж ты сам решил так свою судьбу. — Радбуг помолчал. Взгляд его по-прежнему был устремлен на Гэджа, но глаза были темными, отрешенными, как будто он пытался заглянуть внутрь себя, разглядеть там что-то смутное, неуловимое, доселе сокрытое даже от него самого. — Ничего, это всё только поначалу сложно... А потом поваришься как следует в местном котле, обкатаешься, наберешься уму-разуму — и выучишь «волчьи законы» так, что они у тебя от зубов станут отскакивать. Первое время, может, и будет до тошноты, до зубовного скрежета с души воротить, а потом, глядишь, и привыкнешь... И предавать привыкнешь, и убивать не глядя, и слабого сапогом топтать, и перед сильным на брюхе ползать, и лежачих бить — всему жизнь научит. И когда сердце твое порастет мхом, а душа ороговеет, как черепаший панцирь, когда ты научишься жить с волками... ладно, не станем обижать волков... когда ты научишься жить с крысами по-крысиному — вот тогда и сможешь с полным правом считать, что путь твой жизненный пройден успешно, и в племени ты стал настоящим... пасюком. От меня всё это порой требует усилий, но ты... — Он искоса бросил на Гэджа быстрый, странно оценивающий взгляд и отрывисто договорил: — Тебе, я думаю, будет проще. Ты почти чистокровный...

— И что? Ты этому завидуешь, что ли? — прохрипел Гэдж; эта неожиданная мысль поразила и оглушила его, как удар пыльным мешком из-за угла. — Завидуешь тому, что я — бóльший орк, нежели ты? Думаешь, что поэтому мне здесь «будет проще»? Проще научиться быть в крысятнике крысой и дальше «жить по-крысиному»? Но это... глупо! Это просто глупо, Радбуг! И... — он перевёл дух, — и если все, здесь происходящее, тебя так гложет... вот до тошноты прямо воротит... почему ты сам не уйдешь? Не бросишь все и не уйдешь из этого «крысятника»... туда, где нет никаких «крыс» и можно не стараться каждый день быть пасюком? Ведь тебя здесь ничто не держит!

Радбуг смотрел мрачно.

— Держит. Я слишком многим здесь повязан, чтобы уйти... Да и куда? Такую недокрысу, как я, кто-то где-то ждёт? Кроме... Навахи? — Он хрипло усмехнулся. Потом дёрнул головой — как-то резко и коротко, словно пронзенный болезненной судорогой, — быстро повернулся и вышел из комнаты.

---

* Хэлкар — прозвище, неканонично данное Ангмарцу.

54. На перепутье

— Здесь, в Замке, каждый должен приносить пользу, — сказал назгул. — Надеюсь, тебе об этом известно?

— Известно, — пробормотал Гэдж. Несмотря на огонь, горящий в печке, его тряс озноб, внутри него с недавнего времени как будто стыл кусок льда — острый, угловатый, больно колющий под ребра. — Я... тоже стараюсь приносить пользу, господин.

— Этого недостаточно. — Назгул — сгусток Тьмы, бесследно поглощающий свет — лениво развалился в деревянном креслице возле очага, вытянув ноги и перебросив плащ через подлокотник, и Гэдж стоял перед ним, опутив голову, избегая прямого взгляда, чувствуя себя глупым провинившимся школяром. В этом уютном резном креслице когда-то по вечерам сидел Шарки, и видеть на его месте мрачную, излучающую страх назгульскую фигуру было для Гэджа невыносимо вдвойне. — Доверие Замка нужно заслужить.

— Чем, господин?

Назгул по-прежнему отгораживал себя от мира (или мир — от себя) поблескивающей под капюшоном металлической маской.

— Ты говорил, что перед тем, как попасть в Дол Гулдур, долгое время жил у волшебника. Где находится его обиталище?

— В лесу.

— Где именно? — назгул добыл из своих темных одежд подробную карту Рованиона и развернул её перед собеседником. — Укажи точное место.

Гэдж молчал, тупо глядя на карту — она расплывалась у него перед глазами. Что было делать? Молчать? Лгать? Запираться? *«Ты у визгунов на подозрении, и они могут схватить тебя за горло в любой момент...»*

— Я не прошу тебя сделать ничего запредельного, — спокойно, чуть ли не мягко произнёс назгул. — Я не велю тебе никого убить или искалечить, полоснуть кинжалом по горлу или запытать до смерти... Я всего лишь хочу, чтобы ты поднял руку и указал место на карте. Мы намерены познакомиться поближе с твоим бывшим учителем, это тебя так пугает? Дол Гулдур всегда стремится наладить с ближайшими соседями добрые и доверительные отношения, это, как правило, бывает выгодно обеим сторонам.

Гэдж провел пальцем по линии вдоль побережья Андуина, охватывающей на местности миль двадцать. Всё равно оркам известно про Кривой ручей.

— Где-то здесь...

— А точнее?

— Я не помню, — сказал Гэдж шёпотом. — Я не знаю, где это. Я вышел из дома всего один раз и больше туда не вернулся. Я не помню обратного пути!

— Прежде ты утверждал, что впервые вышел из дома *в одиночку*, — заметил назгул. — То есть вместе с учителем тебе в лесу бывать доводилось.

— Это было... нечасто.

— И при этом ты не запомнил никаких особенностей местности, никаких примет, никаких тайных тропинок?

— Я просто тупой орк, — пробормотал Гэдж.

Он ощущал взгляд собеседника на своём лице, как прикосновение холодного щупальца. Гибкой такой и всепроникающей конечности с присоской на конце, которая, цепко

впившись в Гэджа, медленно вытягивала из него последние остатки мужества, присутствия духа и вообще хоть какого-то желания сопротивляться.

— Что ж... человеческая — да и орочья — память порой выкидывает странные штуки, — медленно, по-прежнему не отрывая от Гэджа въедливого взгляда, произнёс назгул. — Здесь, в Крепости, мы не раз имели случай в этом убедиться. Человеку, бывает, начисто отшибает воспоминания, но, стоит ему получить десяток ударов кнутом и посидеть несколько дней в темнице по соседству с шаваргами, как память к нему странным образом возвращается, и он частенько готов горячо поведать не только о том, что было, но даже о том, чего не было. Может, нам стоит опробовать подобный метод и на тебе?

— Воля... ваша, господин, — прохрипел Гэдж. Обессиливающая, сковывающая по рукам и ногам вязкая усталость вдруг навалилась на него, точно тюфяк, набитый мокрыми тряпками.

Назгул неторопливо свернул карту в свиток и задумчиво постукивал ею по запястью. Его взгляд-присоска наконец-то отлип от Гэджа и даже как будто слегка смягчился.

— Ну-ну, мне бы, признаться, не хотелось доводить дело до подобных крайностей. Всегда можно прийти к соглашению более мирным путем... Кстати, как поживает тот парень с занозой... кузнечный подмастерье, если не ошибаюсь? Его рана больше не гноит?

— Нет, господин. Он пошёл на поправку. С ним все будет хорошо.

— А тот работник из прачечной? Который обварил ногу? Он жив?

— Д-да... Его состояние без изменений. Но ему нужны каждодневные перевязки.

— Что ж, вижу, ты неплохо справляешься со своими лекарскими обязанностями, и нам не доставило бы никакой радости пресекать твои, гм, успехи на этом поприще. Поэтому будем надеяться, что до кнута и темницы дело все-таки не дойдёт. Тем не менее я бы не советовал тебе без нужды покидать лекарскую и выходить за ворота Крепости, хотя бы в целях твоей собственной безопасности... на всякий случай мы найдём для тебя надёжного сопровождающего. И будь готов к тому, что ты можешь понадобится нам в любой момент — возможно, в ближайшее время нам придётся предпринять, э-э, небольшую прогулку по лесу... Думается мне, что на местности ты все же сумеешь сориентироваться куда лучше, и отыскать к бывшему дому какую-нибудь неприметную тропинку.

Гэдж молчал. Лыдина у него внутри выросла и заполнила собой всё закоулки его существа — твёрдая и непробиваемая, как огромный алмаз.

Назгул резко поднялся и стоял перед ним — высокий, черный, безликий, истинный страж и столп темноты, воплощение неминуемой кары за прошлые, настоящие и будущие грехи.

— И запомни: полное и точное выполнение приказов и предписаний — верный залог здоровья и долгой благополучной жизни под покровительством сурового, но справедливого владыки, — произнес он жестко и холодно, и в голосе его захлопнувшимся капканом лязгнул металл. — Мы всегда поощряем и щедро награждаем тех, кто служит Крепости верой и правдой. Но не пытайся бузить, нарушать заведенные порядки или выказывать непочтение местным законам, иначе тебя будет ждать даже не ужасный конец — сущий ужас без конца... участь неминуемая и более худшая, нежели смерть. Я полагаю, ты это понимаешь?

Он не утруждал себя ожиданием ответа — молча повернулся и вышел, оставив Гэджа в бессильном оцепенении смотреть на огонь в печке. Огонь, который не в силах был Гэджа ни согреть, ни окутать теплом, ни растопить чудовищную ледяную глыбу, с недавнего времени образовавшуюся в его смятенной душе.

***

— Что ж... Если подумать... Быть может, всё не так уж и плохо, и Гэдж на самом деле сделал правильный выбор. В Крепости он, по крайней мере, действительно будет востребован и при деле. Нет, он не пропадёт... У него достаточно знаний и умений, чтобы стать неплохим лекарем... А опыт придёт со временем. Только... — Саруман замолчал.

— Только что? — спросил Гэндальф негромко.

Белый маг медлил с ответом. Он мрачно расхаживал по горнице, опустив голову на грудь и рассеянно потирая здоровой рукой перебинтованные пальцы. Остановился, будто натолкнувшись на невидимую стену, посмотрел на ошейник, лежащий на печной полке, — тот, который прихватил при бегстве из Крепости, — взгляделся в него так сосредоточенно и пытливо, словно пытался прочесть на его гладком сером боку ответы на невысказанные вопросы.

— В Замке Гэдж не сумеет остаться прежним... тем, кем мы его знали. И таким, каким я хотел бы его видеть.

— И это станет большой потерей?

— Для Гэджа — вероятно, нет... хочу на это надеяться, по крайней мере. Для меня — да.

Гэндальф, сидевший на лавке в глубине горницы, задумчиво посасывал пустую трубку. Запасы курительного зелья в закромах Росгобела, увы, оказались не безграничны.

— И что теперь? Ты предлагаешь поставить точку и обо всем этом просто забыть?

Саруман метнул на него быстрый взгляд.

— О чем «этом»?

— О когда-то начатом тобой «изыскании». В сущности, раз уж судьба Гэджа окончательно решена, ничто тебе не мешает сейчас вернуться в Изенгард и записать в своём дневнике... или где ты там ведёшь записи... что твой в недобрый час затеянный «любопытный опыт» по не зависящим от тебя причинам пришлось оборвать, так толком и не окончив. Что пятнадцать лет кропотливых трудов вылепить из орка человека ни к чему, в общем, не привели — испытуемый предпочёл вернуться в более подходящую для него среду. Что на исход предпринятой попытки оказало непредвиденное влияние неучтенное, неблагоприятное стечение обстоятельств. Что, гм, исходный материал оказался подобран неудачно. Что твой подопытный...

— Прекрати! — Белый маг едва слышно скрипнул зубами.

Где-то за окном, во дворе, требовательно мекала коза и уютно, как овсяная каша, кипящая на огне, клохтали куры. «Плин-нк!» — доносилось из дальнего угла. «Блин-нк!» «Плин-нк!» Это Смоки нашёл плохо закрепленную лозу в плетне и теперь развлекался тем, что оттягивал прут лапой, а потом резко отпускал, прислушиваясь к производимым звукам и удовлетворённо урча в унисон. Что-то уныло-назидательным тоном прокаркал восседавший на плетне Гарх, но Смоки продолжал музицировать как ни в чем не бывало: «Блинк!» «Блин-нк!»

— Поразительное у тебя умение влезать в чужую душу, Серый, — вполголоса, не глядя на собеседника, процедил Саруман. — Топтаться там грязными сапогами, заглядывать во все углы... оценивать, так сказать, богатство убранства и вид из окон... проверять, не слишком ли тонки стены, не течёт ли крыша... Пусть душа моя — отнюдь не сияющий дворец

добродетели и нравственной чистоты, но ведь и не грязный же постоянный двор для случайных бродяг!

Гэндальф, опустив глаза, соскребал грязноватым ногтем невидимое пятнышко на и без того отполированном до блеска деревянном чубуке.

— Извини. Я вовсе не хотел тебя задеть...

— Хотел. Но дело не в этом. Ты ошибаешься, Серый. Строго говоря, проведенный опыт завершён, и завершён успешно. Если верить Гарху, Гэдж остался в Крепости не столько ради себя, сколько ради других... хворых, сирых, убогих и обездоленных... — Саруман хрипло засмеялся. — Это ли не есть высшее проявление отзывчивости, способности к состраданию и *человечности* — того, чего другие орки в большинстве своём лишены? Это не просто победа — это, можно сказать, триумф...

— Но он тебя не особенно радует.

— Я не для того растил и учил Гэджа пятнадцать лет, чтобы он похоронил себя в этом проклятом Замке. И...

— И?

Белый маг безо всякого выражения смотрел в стену. Глаза его были сухими и чёрными, как прогоревшие угли.

— Ладно, неважно. Я не хочу об этом говорить. И вряд ли могу сейчас что-то сделать. Каково бы ни было решение Гэджа, мне нужно... стараться его уважать.

— Ты сам прекрасно понимаешь, что Гэджу, буде ему вообще посчастливится выжить, в Крепости в конечном счёте будет уготовано только две кривые дорожки — стать либо жертвой, либо палачом. Думается мне, он все же не заслужил ни того, ни другого.

— Без лишних слов — что ты предлагаешь? Здесь и сейчас?

«Хр-рясь!» — раздалось со двора: должно быть, несчастный прут все-таки не устоял под натиском мощных медвежьих лап и постыдно переломился... Возмущенно закаркал Гарх, ему визгливыми голосами вторили сороки, что-то с негодованием выкрикнул Радагаст, истошно завопили куры и загремело ведро, опрокинутое Смоки при бегстве, и гвалт этот сменился скрипом распахнувшихся ворот, топотом копыт, позвякиванием сбруи и звонкими голосами эльфов, видимо, вновь пожаловавших в Росгобел с визитом...

Дверь распахнулась, в горницу пружинистым шагом вошёл Келеборн. Чело его, как обычно в последние дни, хранило печать мрачной озабоченности, но, несмотря ни на что, он был неизменно свеж, собран, подтянут и с головы до ног безукоризненно аккуратен.

— Добрый день, друзья.

— Приветствуем и тебя, Владыка, — учтиво отозвался Гэндальф. — Есть что-нибудь новенькое?

Келеборн прошёл в глубину горницы — его серебристые волосы мягко поблескивали в полумраке, — поправил фибулу, которой был заколот на плече его темно-зелёный плащ, и опустился на ближайшую лавку.

— В сущности, ничего особенно важного и примечательного. На рассвете из Дол Гулдура прокатил обоз к Каменному Мосту — телеги, нагруженные какими-то мешками и бочками, в сопровождении пары десятков орков. В остальном лес будто вымер: второй день никого — ни птица не летит, ни зверь нейдет, ни вихрь чёрный...

— Что в мешках и бочках, не удалось узнать? — любопытствовал Гэндальф. — Рыбу, что ли, они там у Каменного Моста собрались ловить, сети на перекате ставить? Или хотят переправиться на западный берег, к Золотому лесу?

— Пока не знаю, — проворчал Владыка. — Но это меня немного настораживает... Я подумываю вернуться с дружиной в Лориэн — в сущности, не вижу для себя особых причин и впредь задерживаться в Лихолесье. Здесь достаточно будет оставить десятку Линдола. Тем более нужно встретить в Карас-Галадхэне Элронда с сопровождающими, они должны прибыть через несколько дней.

— За Кирданом тоже послано? — спросил Саруман. — Когда ты думаешь собирать Совет? Если будем ждать Корабела, то никак не управимся раньше следующего месяца.

Келеборн пожал плечами.

— По-твоему, время не терпит? Саурон готов двинуть войска немедленно?

— Ни в коем случае. Саурон не поднимет свои разбойничьи знамена, пока не обеспечит себе надежный тыл, а до этого еще далеко... Уж что-что, а время у нас определено есть.

— Рад слышать. Но тем не менее...

— Тем не менее что?

Келеборн обеспокоенно хмурил брови:

— Не кажется ли тебе, что лучший способ упредить нападение — это атаковать первыми? Не то чтобы я слишком уж хотел развязывать войну с Замком, но рассадник Зла должен быть уничтожен раз и навсегда.

Саруман задумчиво хмыкнул. Шагнув вперёд, сел за стол, на котором были разбросаны бумаги и записи, вместе с ошейником прихваченные из Замка — Белый маг на досуге пытался привести их в порядок, — неторопливо скатал одну из записок в тоненький свиточек.

— Звучит весьма решительно. Но как ты себе это представляешь? Мы героическими усилиями возьмем Дол Гулдур в осаду, а потом туда явится твоя дражайшая супруга, вооруженная добротой и Кольцом, и взмахом руки обрушит мрачные замшелые стены? Ну, допустим, несмотря на всю невероятность этого замысла, он чудесным образом воплотится... а что, собственно, дальше? Если у Саурона достаточно сил для того, чтобы придать себе зримый облик, у него достанет силы и на то, чтобы просто отступить в Мордор... изобразив поражение и даже развоплощение, к примеру.

Келеборн поморщился.

— И что, по-твоему, мы должны делать? Сидеть и выжидать?

— Выжидать нельзя. Саурон ищет Единое, — негромко напомнил Гэндальф. — Он сам мне в этом признался. Потому и торчит тут, а не в Мордоре — Исильдур погиб здесь, на берегу Андуина. Вероятно, Саурон возлагает большие надежды на поиски в Ирисной Низине.

— Возлагать надежды он с не меньшим успехом мог бы и в Мордоре, — возразил Саруман, — а «торчит» он тут, полагаю, из-за того, что здесь сама местность подпитывает его тёмной мощью. Ты же сам видел, что творится в подземельях под Замком, и какая древняя Тьма свила там себе уютное гнездышко. Кроме того, здесь у него налаженное хозяйство, быт, торговые связи, золотая жила, в конце концов... в речках, что впадают в Андуин южнее Дол Гулдур, моют золото, и даже не в смешных количествах. Ну и из Дол Гулдур, конечно, сподручнее держать под наблюдением и временами поддразнивать наш чистенький и погрязший в благомудрости Лориэн. А что касается Кольца... Оно почти три тысячи лет назад сгнуло в Великой Реке.

— И что? Только не говори, что его давным-давно подхватило шальной волной и благополучно унесло в море, — проворчал Гэндальф. — Это просто нелепо... и уже даже не

смешно.

— Кто бóльший дурак — сам дурак, или тот, кто верит в его нелепые бредни? — буркнул Саруман. — Забудь ты уже про это Кольцо. Оно много веков назад погрузилось в пучину вод и в лучшем случае лежит сейчас глубоко на дне под пластами грязи и андуинского ила.

— Увы. Такие вещи, как Единое, не пропадают бесследно, — со вздохом заметил Келеборн. — Набрав достаточно сил, Саурон может его... призвать, и тогда, почувствовав зов хозяина, оно вновь проявит себя и найдёт способ дать ему о себе знать. Поэтому тем более нельзя медлить... Пусть даже Саурон всего лишь отступит в Мордор — это уже можно считать успехом... чем дальше он будет находиться от Андуина, тем лучше.

Саруман угрюмо улыбнулся.

— Ну, допустим. Не будем считать собственные потери и неминуемый урон, который нанесёт нам война — как говорится, лес рубят, щепки летят. Но как быть с тем, что в Замке, кроме Зла и богопротивных орков, есть и другие — люди, гномы... пленники? Многие из них носят ошейники, которые, если стены Твердыни падут, могут повести себя неизвестным образом... Или, напротив — хорошо известным. Ты тоже возьмёшь гибель этих несчастных рабов на свою совесть?

Келеборн скорбно опустил глаза.

— Мне, конечно, хотелось бы этого избежать, — помолчав, негромко произнёс он, — но люди — смертны. Это неминуемо.

Саруман задумчиво вертел в руке грязноватое гусиное перо.

— Ты прав. Как же я сам-то об этом позабыл... Им все равно так и так помирать... на десяток лет раньше или позже — в сущности, не такая уж великая разница. В конце концов, беды и печали бабочек-однодневок — это только беды и печали бабочек-однодневок, и ничего больше.

Келеборн вздохнул, явно раздумывая, оскорбиться ему на саруманову шпильку или все же не стоит.

— Не передергивай, Курунир. Можно подумать, будто тебя сильно волнуют скорби и несчастья каких-то смертных... По сравнению с существованием в Замке гибель хрóa может быть для этих бедолаг действительно лучшим выходом. Мы не знаем, куда Пути Людей уводят покидающие пределы Арды человеческие души... возможно, к жизни иной, куда более светлой и деятельной, нежели та, которую им довелось прожить в этом искаженном мире. Иногда смерть — единственный способ освободить фэа эдайн из ставших бессмысленными оков брeнных тел. Увы.

— Чтобы победить дракона, надо самому стать драконом? — заметил Саруман.

— Я этого не говорил.

— Но подразумевал. Странное дело: почему-то все рвутся побеждать каких-то посторонних драконов, забывая, что для начала надо победить хотя бы своего собственного...

— А ты, выходит, ещё не победил своего дракона, Саруман? — спросил Гэндальф.

— Я, по крайней мере, признаю его существование, а это уже половина победы.

— Что ж... мы тоже, — вскользь обронил Гэндальф, — признаем существование твоего дракона.

— Лучше бы вы обратили внимание на раздутое самомнение тех, которые прячутся в вас самих...

— Ты вновь мудрствуешь лукаво, Курунир, и пытаешься увести разговор в сторону, — холодно заметил Келеборн. — Но я, собственно, не о драконах пришел сюда говорить и даже не о людях... Обсудим все это на Совете, в конце концов, Элронд, Кирдан и Галадриэль тоже должны узнать о происходящем и высказать свои соображения... Сейчас, признаться, меня волнует дело куда более, э-э... личного характера.

— Какое? — безразличным тоном спросил Саруман.

— Я все-таки хотел бы выяснить судьбу «эстеля»... того амулета, который украл у меня твой злосчастный орк. Ведь амулет сейчас находится у тебя, если я правильно понимаю?

Саруман медленно кивнул.

— Скажу больше — мне даже удалось воссоединить «эстель» с руной «сит».

Эльф приподнял брови.

— Даже так? Что ж, отрадно слышать.

— Должен признать, это был весьма щедрый дар с твоей стороны... друг мой, — небрежно добавил Белый маг.

— Дар? Какой дар? — Келеборн как будто удивился. — Постой, постой. Ты, кажется, обманываться рад... Никаких даров я тебе не преподносил и не собираюсь. То, что «сит-эстель» временно оказался в твоих руках, вовсе не делает его твоей собственностью.

— Как не делает и твоей, — спокойно заметил Саруман. — По правде говоря, у тебя столько же прав на этот амулет, сколько и у меня.

— «Сит-эстель» принадлежит моему народу.

— Принадлежал. Несколько сотен лет назад. С тех пор у него сменилось множество владельцев, и не все из них заполучили амулет законным путем... включая тебя.

— К чему ты клонишь? — спросил эльф не без раздражения. Он уже отлично понимал — к чему.

Саруман внимательно разглядывал растрепанный кончик пера.

— Дорогой Келеборн! Когда-то амулет принадлежал твоей дочери, но впоследствии, в результате череды трагичных обстоятельств, оказался утерян и разбит на две половинки. К счастью, он был вновь обретен — благодаря мне, сохранен — благодаря мне, и воссоединен — также, как ни удивительно, благодаря мне. Поэтому, я полагаю, ничто не мешает нам сейчас просто счесть «сит-эстель» ценным даром, который ты преподнес мне в знак дружелюбия, почтения и признания моих успехов на неблагоприятной ниве борьбы с Врагом, а также прочих важных и несомненных заслуг. Конечно, это было весьма неожиданно с твоей стороны, но, так и быть, я готов великодушно принять твое пожертвование — не только как свидетельство твоей личной приязни, но и как залог нынешних и будущих добрососедских отношений между Изенгардом и Лориэном... ведь ты, кажется, утверждал, что амулет принадлежит народу эльфов? Что ж, в свете грядущих в Средиземье событий ни к чему портить налаженные меж нами узы склоками и интригами из-за кусочка металла... даже худой мир между тобой и мной будет лучше доброй ссоры, не так ли?

В горнице на секунду-другую воцарилась тишина — Келеборн на мгновение онемел от такой неприкрытой наглости: кажется, подобного он не ожидал даже от Сарумана... Впрочем, надо отдать Владыке должное — он тут же подавил справедливое негодование и постарался придать лицу самое что ни на есть бесстрастное и невозмутимое выражение. Усмехнулся слегка натянуто:

— Меня всегда поражало, Курунир, как ловко ты умеешь играть суждениями и обстоятельствами и, тасуя их так и этак, в итоге обращать себе на пользу, да еще и

приплетать к этому некие общественные интересы. Сейчас, конечно, не время ссориться из-за древнего амулета...

— Посему мы и не станем этого делать.

— ...но «сит-эстель» — не простой «кусочек металла», тебе самому об этом прекрасно известно. Он обладает определёнными магическими свойствами, раз уж тебе с его помощью удалось снять ошейник.

— Вот именно, — подтвердил Саруман. — Так кому же, как не мне, Белому магу и посланнику премудрых Валар, взять на сохранение эту удивительную и в первую очередь несомненно *магическую* вещь? И если я, нескромно пользуясь положением главы Совета, заявлю, что амулет необходим нам для того, чтобы успешно завершить наше Общее и бесконечно Правое дело, ты тоже будешь тянуть к нему руки и прятать в заглашник?

Келеборн поджал губы.

— Это всего лишь семейная реликвия, Саруман, вряд ли она может принести какую-то пользу в реальной войне.

— Не ты ли сам только что утверждал, что «сит-эстель» — не простой «кусочек металла» и обладает неведомой магией?

— Вряд ли с его помощью возможно сокрушить полчища Саурана.

— Но, вероятно, возможно создать заклятие, которое позволит нам освободить от постылого ига прочих пленников. Как-никак, мне действительно удалось с его помощью избавиться от ошейника, ты же не станешь этого отрицать.

Келеборн понимающе улыбнулся.

— Вон оно что... магия в ход пошла. Когда у волшебника заканчиваются разумные доводы, он начинает уповать на чары и чудеса. — Он язвительно хмыкнул. — То, о чем ты говоришь, звучит довольно сомнительно.

— Ты не уверен в моих словах?

— При общении с тобой, Курунир, вообще довольно трудно быть в чем-то уверенным... Особенно... — эльф запнулся.

— Особенно *сейчас*? — негромко, но с вызовом спросил Саруман. — Когда я... не сумел победить своего дракона?

— Шутки шутками, но ты слишком многое начинаешь себе позволять, — проворчал Келеборн. — Длительное пребывание в Замке явно не пошло тебе на пользу.

— Ну будет вам, будет, друзья мои, — решительно вмешался Гэндальф, до сих пор благоразумно предпочитающий в разгорающийся спор не ввязываться, — не стыдно ли нам, давним товарищам и соратникам, лаяться меж собой из-за какого-то древнего, пусть и овеянного занимательной историей эльфийского талисмана? Зачем тебе «сит-эстель», Саруман, если у тебя имеется непосредственно сам ошейник? — Он взглядом указал на печную полку. — Уж он-то, сдаётся мне, подойдёт для изучения запирающих чар и создания того заклятия, о котором ты говоришь, куда вернее и лучше всех на свете амулетов и иже с ними.

Белый маг сердито протягивал между пальцами растрепанное перо.

— Ну... возможно, и подойдёт. Но заклятие ошейника уже малость потеряло свою целостность. Тем более у меня с этой вещицей связано слишком много... воспоминаний.

— Что ж, у всех нас есть какие-то вещицы, с которыми связано слишком много воспоминаний... — Гэндальф с отсутствующим видом крошил в ладони кусочек оставшейся от завтрака ячменной лепешки. — Вещицы, несущие память о хороших или плохих днях, о

событиях, которые нам хотелось бы сохранить в душе, о тех людях, кто был или есть нам дорог... или просто милые сердцу безделки, которые нам неизменно хотелось бы иметь при себе, — рассеянно улыбаясь каким-то своим мыслям, он бросил крошки хлеба в окно для синиц, прятавшихся в ветвях растущей под стеной вишни. — Мне, например, очень тяжело расставаться со своей верной трубкой... Келеборн хотел бы носить возле сердца «сит-эстель», а Гэдж, помнится, очень дорожил своим кинжалом — тем, с птицами и цветами на лезвии, полученным на пятнадцатилетие...

Келеборн звонко щёлкнул пальцами.

— Ах да, верно, я совсем забыл. — Он выразительно посмотрел на Белого мага. — Твой орк оставил эту вещицу нам. Тоже, видимо, в дар. Или, скорее — в качестве моральной оплаты нанесенного мне физического вреда... Я думал вернуть этот кинжал тебе, Саруман, но сейчас больше склоняюсь к мысли, что, пожалуй, это будет излишне. Пусть лучше он послужит для меня некой наградой и утешением... В конце концов, твой орк все равно выбрал Крепость, и мы его больше не увидим. А ты, судя по всему, вряд ли вообще хочешь помнить о его существовании.

Несчастное перо хрупнуло в руке Сарумана.

— Мой орк! Что ты вообще можешь знать о «моем орке», Келеборн!

Чуть слышно скрипнула дверь: вошёл Радагаст, бодрый и неунывающий, пахнувший кислыми яблоками, мёдом и козьим сыром, вытирающий красные от холода руки кончиком заправленного за пояс застиранного полотенца. Обвел собравшихся добродушно-лукавым взглядом бывалого дедушки, желающего ненавязчиво призвать к порядку расшалившихся внуков:

— Что за шум, а драки нету? Пахнет, я бы сказал, жареным... Обстановка немногo накалилась? — он чуть приметно посмеивался во встрепанную рыжеватую бороду. — Ну, будет вам спорить, друзья мои, право, давайте сделаем перерыв в обсуждении вселенских печалей и судеб мира. Выпейте по чашке тёплого молока, это успокаивает. — Он действительно выудил из печи кувшин с горячим козьим молоком, покрытым сморщенной желтоватой пенкой, и, разлив молоко по глиняным кружкам, придвинул угощение гостям. — Я прошёлся утром по окрестностям, — серьёзно добавил он, присаживаясь на лавку, — хотел обновить кое-какие разбросанные по лесу заклятия. И заметил, что возле Кривого ручья кто-то был... Они постарались не оставлять следов, но чужое присутствие не так-то просто скрыть... от меня, по крайней мере.

— Орки, — с отвращением заметил Келеборн. — Крутятся там поблизости. Возможно, они случайно туда забрели, но не удивлюсь, если их кто-то навёл... Что ж, благодарю за угощение, Радагаст. — Он решительно отодвинул пустую кружку. — Я возвращаюсь в лагерь. Снимемся с места сразу же, как только вернутся связные с заставы.

— Но ты оставишь на этом берегу Линдола с его воинами? — спросил Гэндальф. — Пусть они в таком случае перебираются в Росгобел, здесь, по крайней мере, безопаснее... Ты ведь не будешь возражать, Радагаст?

— В Росгобеле для всех найдется место, — миролюбиво отозвался Радагаст.

— Хорошо. Они расположатся в саду, так что, полагаю, докучать никому не станут. — Келеборн поднялся и учтиво поклонился присутствующим. — До свидания, друзья мои, надеюсь вскоре увидеть вас на Совете... Или, может, кто-то из вас решит поехать со мной в Лориэн уже сейчас?

— Нет, я, пожалуй, останусь, — помолчав, сказал Гэндальф. — Не нравится мне все

этот кипиш в лесу... Хочу убедиться, что дело ничем дурным не закончится.

— Я тем более никуда не поеду, — Радагаст со слегка виноватым видом развёл руками. — Не люблю, знаете ли, срываться с места с бухты-барахты... да и Белогрудка у меня вот-вот должна объгниться...

— Что ж, дело ваше, не смею настаивать. — Эльф ещё раз сдержанно поклонился и шагнул к двери.

— Келеборн! — негромко сказал Саруман ему вслед.

Владыка, уже взявшись за дверное кольцо, обернулся — так медленно и неохотно, точно его против воли тянули сзади за ниточки.

— Верни мне кинжал Гэджа, и я, так и быть, отдам тебе амулет, — деревянным голосом, не глядя на эльфа, произнес Белый маг. — Гэндальф прав, у меня в любом случае останется ошейник, а ругаться и ссориться нам сейчас ни к чему... Мы всегда успеем сделать это и на Совете.

***

Тебя ждёт участь более худшая, нежели смерть.

Интересно, какая? — спрашивал себя Гэдж. Стать шаваргом? При одной мысли о том, что эти твари, пугающие своей мерзкой *искаженностью*, могут выползти из своих подвалов на свет, Гэджа бросало в холодный пот. А ведь Радбуг упоминал о том, что этих гнусных созданий могут натравить и на эльфов, и на Росгобел... А впрочем, тут же уныло говорил он себе, какое мне теперь вообще дело до этих эльфов? Я ведь сейчас не в лесу, не в лагере Келеборна, даже не в Росгобеле — а здесь, в Замке, изо всех сил пытаюсь стать крысой...

Ах, если бы Гарх прилетел вновь! Можно было бы передать с ним короткое предостережение, предупредить и Радагаста, и даже надменного сноба Келеборна о вероятном нападении... Но Гарх не появлялся, и удивляться этому не приходилось: Гэдж сам дал ему понять, что больше не желает возвращаться к прошлому. Да и кто может утверждать наверняка, что и Саруман, и Гарх надолго задержались в Росгобеле, а не находятся сейчас за тридевять земель где-нибудь на пути в Изенгард? *«Он... Шарки... что-нибудь обязательно придумает, чтобы вытащить тебя отсюда...»* Да ну, правда придумает? И зачем, собственно? Чтобы дать Гэндальфу возможность при виде Гэджа осуждающе-снисходительно покачать головой, а Келеборну — презрительно сложить губы утиной гузкой? А Белого мага ничто, в сущности, в радагастовом зверинце не держит, у него и без Гэджа всегда хватает забот, неотложных дел, ценных замыслов и очередных «безумных затей»...

Серые осенние дни меж тем шли своим чередом: на следующее утро в лекарской каморке вместо Гарха объявился снага по имени Хурыг — медлительный, ленивый, с маленькими опухшими глазками, неизменно выглядящий так, словно его только что разбудили. Он объяснил, что его прислали Гэджу в помощь — но всё его участие в деле заключалось в том, что он днями напролёт сидел возле печки, кутаясь в рваное одеяло, зевая и шумно сморкаясь на пол, щипая корпию или делая вид, будто перетирает в порошок сухие травы. Он постоянно хотел спать, у него всегда что-то болело — спина/голова/зубы/ноги/руки/пятая точка, — и он поистине упивался своими страданиями, так выразительно охая, корчась, потирая больные места и с такой необычайной красочностью описывая вслух то, как у него ноет сердце, крутит желудок, ломит поясницу и

стреляет в пятку, что у Гэджа от этих горестных стонов и воплей немедленно начинало сводить зубы. Он не мог сбежать от Хурыга даже на обходе: повинувшись строгому распоряжению визгуна, *снага* тенью сопровождал своего подопечного по всей территории Крепости, крихтя и сгибаясь под тяжестью холщовой сумки (в которой лежали самое большее повязки и корпия, все склянки со снадобьями и инструмент Гэдж таскал при себе), с видом мученика закатывая глаза, постоянно хромя, вздыхая, стеная, как привидение, и разваливаясь на ходу каждую минуту. В конце концов Гэдж взял молоток и заявил, что он более не в силах взирать на нестерпимые страдания бедолаги и готов сей момент прервать их решительной трепанацией его, хурыгова, черепа — и лишь после этого *снага* наконец заткнулся, и поток его нытья и жалоб иссяк... Впрочем, глазки Хурыга из-под набрякших век стали поблескивать ещё более внимательно и злобно, а его пронырливый взгляд будто прилип к Гэджу и преследовал неотрывно, как кусок глины, припечатавшийся к подошве, так что, даже выходя за водой к колодцу, Гэдж не был уверен, что Хурыг не подсматривает за ним в щель между неплотно закрытыми ставнями. Появление Гарха в таких условиях становилось не только нежелательным, но даже опасным, и предупредить Радагаста о грозящих Росгобелу неприятностях никак не представлялось возможным.

Ну и ладно, с раздражением говорил себе Гэдж, какого лешего я все время об этом думаю? Может, оно и вовсе того не стоит? Я уже хочу перевернуть эту надоевшую жизненную страницу... Для меня отныне начинается совсем иное бытие — здесь, в Дол Гулдуре, в среде своих соплеменников, где я, кажется, делаю успехи в «служении Крепости верой и правдой», где впредь буду иметь интересное и важное дело, которому готов посвятить жизнь, возможность помогать тем, кто в этом нуждается, и несомненно чувствовать себя полезным и даже необходимым... а цена этому благоденствию — всего-навсего небольшое предательство... в сущности, вполне невысокая и приемлемая цена — для крысы-то.

Но отчего-то Гэдж все равно чувствовал себя препаршиво.

Перепуганной мышью, угодившей в настороженную ловушку.

...За ним пришли ночью.

Он не ложился — ждал. Очень уж хитрым и беспокойным был днем взгляд Хурыга, в очень уж злорадной усмешечке он кривил уголки рта, чтобы Гэдж мог не исполниться самых дурных предчувствий. И ничуть не удивился, когда после полуночи в дверь загрохотали тяжёлые кулаки.

На пороге стояли двое уруков. Но это были не Радбуг и не Каграт, а кто именно — Гэдж так и не распознал. Орки прятали физиономии под натянутыми на головы капюшонами дорожных плащей.

— Идём. Тебя ждут.

Во дворах Замка было темно и тихо, только в пыточном подвале мерцал красноватый огонь — то ли вечно голодный Гомба запекал на углях коренья, то ли Мёрд был занят отправлением своих непосредственных палаческих обязанностей. Поправляя на плече сумку и скатку с одеялом, Гэдж тащился сквозь ночь меж двумя спутниками-конвоирами, и на душе его было так же темно и промозгло, как в закоулках Крепости, лишь где-то на краю сознания, в глубоком подвале теплился жидкий трепетный огонек — неверный и красноватый, как свет жаровни в пыточном застенке.

Они шли к Восточным воротам. В подвратном тоннеле, озаренном трепещущим светом факелов, толпились орки — дюжина тёмных фигур в плащах и добротном кожаном

облачении; здесь же стояла повозка, запряженная парой мулов. Груз её был накрыт плотной рогожей. Хэлкар — Гэдж узнал его по поблескивающей маске — восседал на огромном вороном коне, который нетерпеливо пофыркивал, приплясывая; с ног до головы закутанный в чёрное одеяние всадник порой протягивал руку и ласково похлопывал скакуна по крутой шее.

— На Северном тракте стоит эльфийская застава, — сказал он негромко. — А попадаться эльфам на глаза нам сейчас не след, поэтому идём к восточным холмам — минуем болота, потом по лесу двинемся к северу. Не подходи близко к коню, — бросил он Гэджу, — голову откусит.

Орки дружно заржали.

— Вперёд! — Назгул тронул поводья, и жеребец потрусил к воротам, помахивая хвостом и цокая подковами по бульжникам. Орки двинулись следом, за ними покатила повозка, за спиной загрохотала, опускаясь, решетка ворот — словно гигантский рот сомкнул челюсти, исторгнув из чрева всё лишнее и неудобоваримое; во всяком случае, Гэдж ещё никогда не чувствовал себя настолько пережеванным и полупереваренным...

***

По стволу павшего дерева вереницей ходили муравьи: огромные, черные, блестящие, будто одетые в доспехи, деловито волокли на своих муравьиных плечах рыжие хвоинки и дохлых гусениц.

Больше ничего примечательного в этой укромной лесной ложбинке не имелось: ни отпечатков ног, ни примятой травы, ни обломанных веток. Если остроухие здесь и были, то постарались исчезнуть, не оставляя следов. Каграт досадливо тёр кулаком подбородок: они рыскали по этому участку леса с утра, но так ничего и не нашли, хотя Баухур клялся, что именно здесь давеча при лунном свете видел эльфа в плаще и доспехе... Впрочем, Баухур видел много чего интересного при лунном свете; ладно, раздраженно сказал себе Каграт, если я сейчас вернусь в лагерь и с изумлением обнаружу, что во фляге Баухура вновь булькает отнюдь не вода...

— Смотри-ка, — прошептал Радбуг беззвучно, одними губами.

Каграт сначала не понял, куда он показывает, потом пригляделся пристальнее: один из черных муравьев тащил на хребте не травинку и не дохлую бабочку — хлебную крошку. И хлеб этот был не плотная и серая, как замазка, пресная галета из Дол Гулдура — рассыпчатый золотисто-желтый эльфийский *лембас*. Каграт яростно раздавил муравья в черный комочек и потёр добытую крошку между пальцами — она ещё даже не зачерствела.

— Свеженькая, — пробормотал Радбуг. Значит, Баухур не лгал...

«Виу-у-вью», — негромко послышалось чуть в отдалении. «Тью-ви-ти-и». Это, посвистывая в птичий манок, подавал сигнал Гаурр, ушедший чуть дальше в сторону леса. Каграт и Радбуг, прячась за полуосыпавшимися кустами, подобрались ближе: Гаурр, крепкий жилистый орк с широким лягушачьим ртом и кривыми, как покосившийся частокол, гнилыми зубами, осторожно указал на едва заметный отпечаток сапога на берегу неглубокого ручейка — его можно было бы и вовсе не заметить, приняв за естественную неровность почвы, если не искать целенаправленно: видимо, тот, кто подходил к ручью, нечаянно оступился или соскользнул с коряги, и его остроносый сапожок оставил в мягкой влажной земле крохотную лунку.

Каграт поспешил палец, приложил его к отпечатку: земля почти не липла. След был недавний.

— Не больше суток, — заметил Радбуг.

— Связные, вестимо, шастают тут... у остроухих дозор где-то на дороге, — прохрипел Гаурр. Одна ноздря у него была разорвана, и из носа периодически что-то текло; он то и дело утирал физиономию рукавом грязной куртки. — В лес ушёл, гад.

— Осмотримся. Может, удастся напасть на след. — Каграт смахнул с лица невидимую паутинку и яростно сплюнул. — Ненавижу лес!

Они отошли от ручья чуть дальше в заросли дружинника и теперь, таясь и осматриваясь, пробирались через подлесок на некотором расстоянии друг от друга: Каграт — ближе к берегу ручья, Радбуг — в двух десятках ярдов левее, Гаурр — подавшись дальше в лес. Каграт обратился в самую наблюдательность и внимание: если эльфы действительно ходили здесь по некой им одной ведомой тропе, то какие-то следы на берегу ручья вполне могли бы и отыскаться...

Орку повезло: чуть поодаль он заметил пару надломанных былинки метлицы. Растения еще не настолько высохли, чтобы можно было считать, что пушистые венчики не выдержали легкого ветерка или собственной тяжести. Возможно, их зацепил олень или кабан, спускавшийся к водопою... но звериных следов поблизости не имелось, и Каграт внутренне подобрался. Дальше он продвигался чуть ли не на четвереньках, останавливаясь на каждом шагу, внимательно оглядывая окрестности и втягивая носом воздух, впитывая всем телом этот сырой лес, терпкий аромат хвои и прелых листьев, стараясь уловить едва заметный, отличный от лесных запахов *эльфийский дух* — и чуть дальше обнаружил камешек, сместившийся со своего крохотного ложа, а, спустившись к берегу ручья, нашел еще один едва заметный след — потертость на боку мшистого валуна: кто-то здесь прыгал через ручей, и чья-то нога неосторожно соскользнула с прибрежного камня.

«Ви-у-вью-у», — донеслось из чащи.

Каграт замер. По лесу кто-то шел. Вернее — шли. Двое. Бежали легкой быстрой рысцой — в полутьме под деревьями угадывалось смутное движение. Это были эльфы в коричневато-зеленой, сливающейся с цветом палой листвы одежде, они, казалось, не бежали — легко скользили по лесу, едва ли касаясь ногами земли, движения их были практически неуловимы для глаза. Они быстро приближались — в этом месте ручей оказался узок, а берега его были каменисты, и эльфы, видимо, намеревались перебраться через русло именно здесь.

Связные? Разведчики? Или просто обходящий окрестности эльфийский дозор?

Из-под куста неподалеку выглянул Радбуг, спросил коротким жестом: ловим? Каграт отрицательно качнул головой. Если бы эльф был один... Но остроухие, видимо, не ходили поодиночке, а двое — это слишком много, чтобы с ними связываться, чересчур большой риск из охотников стать добычей. Да и кто знает, действительно ли их тут *только* двое?

Где Гаурр? Не вздумает ли он полезть на рожон?

«Вии-у», — просвистел чуть в отдалении манок.

Каграт похолодел. Этот болван ничего не видит?

Эльфы насторожились. Приостановились на секунду — и исчезли, разом будто рассосались в лесном тумане. Каграт беззвучно выругался. Искать эльфа в лесу — безнадежное занятие, хуже, чем песчинку в мешке с зерном...

Орк прижался к земле. Радбуг вновь осторожно высунулся из-под куста и изобразил

пальцами какую-то пантомиму. За время их долгой и странной дружбы (которая началась с того давнего случая на охоте, когда Радбуг спас молодого и зеленого еще дурня Каграта от нападения раненного каменного быка: не испугался, не убежал, как прочие соплеменники, спасая шкуру, оставив Каграта в жертву взбеленившейся от боли скотине, а как-то сумел подобраться к бычаре сзади и всадить ему в холку увесистый метательный топорик), — в общем, за время их давнего товарищества Каграт научился понимать приятеля с полуслова и зачастую даже вовсе без слов. Радбуг подозревал, что эльфы обнаружили присутствие Гаурра и теперь решали — то ли по-тихому убраться восвояси, то ли попробовать взять его в оборот. Этого последнего допускать было очень нежелательно... Каграт ответил в том смысле, что надо бы выяснить, что там приключилось с Гаурром; Радбуг едва заметно кивнул и исчез.

Каграт выждал ещё полминуты, потом выскользнул из-под куста и осторожно двинулся в ту сторону, откуда в последний раз доносилось свиристение манка.

Вокруг стояла странная тишина. Лес молчал — будто затаил дыхание, наблюдая за происходящим, не желая упустить ни мгновения разворачивающегося под его пологом занятного представления. Но Каграту неизменно чудилось поблизости чье-то присутствие; хоронясь в поредевшей к середине осени, но ещё достаточно густой листве дружинника, орк нырнул под шатер опущенных к земле длинных плетей плакучей ивы, замер, прислушался, прижимаясь всем телом к мшистому шершавому стволу... Какая-то холодная мокрая ветка осторожно коснулась его лица, но он заставил себя не вздрогнуть...

Кто-то крался через подлесок чуть в стороне от Каграта — и это был не Радбуг... Но Гаурр — там, где-то в полутьме за деревьями, — видимо, тоже заподозрил неладное и притих. Потом Каграт внезапно увидел эльфа (только потому, что тот шевельнулся) — остроухий стоял под крепкой осиной неподалёку, почти сливаясь цветом одеяния с зеленовато-серой корой, и медленно поднимал в руках натянутый лук, целясь куда-то в отдалённые кусты.

В кого? Кого он там увидел — Гаурра или Радбуга? Не зайца же в рябиннике он вдруг решил подстрелить!

Интересно, где второй эльф?

Каграт нащупал один из метательных ножей, висевших на поясе. Ну, сейчас...

Остроухий не успел выстрелить. Прежде, чем стрела сорвалась с тетивы, из полутьмы леса прилетел короткий нож без гарды и вонзился стрелку в плечо: рука эльфа дрогнула, и стрела ушла в пустоту...

Каграт прыгнул на противника безмолвно, как ночная тень. Тот мгновенно отбросил лук, отскочил, разворачиваясь в прыжке и чуть ли не одновременно вытягивая из ножен меч. Он (эльф, а не меч) был высокий, светловолосый, с надменной самоуверенностью во взгляде, с мимолетным отвращением, при виде Каграта мелькнувшем на красивом бледном лице. Другой рукой он рванул с пояса сигнальный рожок, но Каграт был к этому готов: уже давно жаждущий действия кнут свистнул в воздухе и стеганул эльфа по руке. Рог полетел наземь; Каграт живо наступил на него сапогом, на ходу выхватывая палаш.

Эльф отшатнулся, что-то невнятно процедив сквозь зубы.

Самоуверенности, кажется, в его взоре поубавилось, но настроен он был весьма решительно и отступить не намеревался. Оружие скрестилось с тонким звоном — раз, и второй, и третий; меч эльфа был длиннее короткого орочьего палаша, а сам остроухий — увертливее и подвижнее орка, острое лезвие его клинка с посвистом рассекало воздух, плясало перед Кагратом, пыталось достать и клюнуть, Каграт едва успевал отражать

сыплющиеся со всех сторон удары. Он уворачивался, нападал, отбивался, крутился на месте юлой — и опять нападал и ловил палашом смертоносный вражий клинок, но один удар все-таки пропустил, позволил длинному эльфийскому мечу до себя дотянуться, царапнуть кожу на боку, испить орочьей крови... Эльф тут же отскочил, проворный, гибкий и, казалось, несколько не утомленный схваткой; лицо его чуть покраснелось, и волосы, заплетенные в косицы, слегка растрепались надо лбом, по плечу тянулась кровавая струйка, но взор оставался ясен и тверд, дыхание едва ли отяжелело, а тонкие губы по-прежнему кривились презрительно:

— Сдохни, животное!

Каграт глухо зарычал от боли и ярости. Неужели он не в силах совладать с каким-то поганим остроухим?.. Где-то чуть поодаль, за кустами, тоже звенел металл, слышался топот, хруст веток и какие-то нечленораздельные выкрики, но у Каграта не было времени во все это вникать: эльф вновь хладнокровно и расчетливо ринулся в атаку. Он орудовал клинком стремительно, с непринуждённой смертоносной грацией искусного фехтовальщика — казалось, в руке его сверкает серебристая молния, — но Каграт ухитрился отбить один выпад, и другой, уклониться и юркнуть за куст, поймал очередной удар шлеей кнута, отвёл клинок противника в сторону и тут же нырнул вперед, в образовавшуюся на долю секунды брешь, резким движением выбросил вперед палаш. Увы, вертлявый эльф успел отскочить — и острие клинка, нацеленное ему под ребра, впустую рассекло воздух. Каграт потерял равновесие и растянулся на земле — но, прежде чем эльфийский меч успел вонзиться ему в горло, резко катнулся в сторону и весом своего тела сбил противника с ног. Эльф, не ожидавший такого подлого маневра, упал; Каграт навалился на него и, схватив за волосы, с яростным рычанием шарахнул виском о корень очень кстати взявшейся рядом осины — крепко, изо всех сил... Эльф захрипел и обмяк; несколько секунд прошло, прежде чем Каграт заставил себя разжать окровавленные пальцы.

— С-сука...

Эльф был жив, но без сознания: челюсть его отвисла, из уголка губ свесилась нитка кровавой слюны. Каграт поднялся, переводя дыхание, искал, чем можно его скрутить, заткнул эльфу рот сломанной веткой и закрепил кляп оторванной от рубахи тряпицей. Потом перекатил пленника на живот и ремнем связал ему руки за спиной, притянув к узлу согнутую в колене правую ногу. Из такого положения не убежишь, господин Сдохни.

Где-то за спиной раздался осторожный шорох палой листвы, и Каграт вскочил, сжимая палаш. Но это был всего лишь Радбуг, явившийся из леса с коротким мечом в руке, потный и взъерошенный. Он с тревогой скользнул взглядом по дружку, по кровавому пятну у него на боку и скрюченному в баранку пленнику.

— Ты ранен?

— Ерунда, просто ссадина, — просипел Каграт. — Где второй?

Радбуг неопределенно мотнул головой.

— Там.

— А Гаурр?

— Тоже...

Второй эльф лежал под кустом — бездыханный, как камень, залитый кровью, глаза его невидяще смотрели на верхушку ближайшего дуба. Вытоптанные проплешины на земле, взрытые листья, смятая трава, сбитые верхушки кустов — все говорило о случившейся в лесной ложбинке короткой, но жаркой схватке... Гаурр скорчился тут же рядом на травяной

кочке; впрочем, он выглядел едва ли лучше мертвеца — такой же осунувшийся и серовато-бледный; сидел, тяжело дыша, зажимая руками живот, на его грязной клыкастой морде были написаны страх и страдание.

— Ловкий остроух попался, гад, — пояснил Радбуг, переворачивая убитого и разглядывая рану у него на спине: удар меча, поразивший эльфа, прошёл сквозь его тело насквозь, оставив под левой лопаткой кровавое пятнышко. — Мы его вдвоём едва завалили.

Гаурр коротко застонал. При виде Каграта он попытался подняться, но тут же вновь повалился на землю. Брюхо его было распорото от бока до бока, и из дыры под ребрами вываливались кишки, скользкие, блестящие и черновато-красные, будто клубок шевелящихся змей.

— Я... сейчас... — он судорожно цедил воздух сквозь сжатые зубы, — посижу немного... и встану... на ноги... встану... ведь правда, парни? Встану...

— Конечно, встанешь, — уверенно сказал Каграт, наклоняясь к раненому и одновременно сделав Радбугу незаметный знак. С первого взгляда было ясно, что дела Гаурра — швах; вылечить подобную рану не представлялось возможным, всё, что Гаурру теперь оставалось — это гнить еще пару дней заживо, корчась в муках, беспомощно хрипя пересохшей глоткой и запихивая в брюхо ком разлагающихся кишок. — Это ерунда, царапина, подумаешь, и не с такими дырками выживали... мы, уруки, живучие, ты же знаешь...

На слове «живучие» Радбуг, неслышно подошедший к Гаурру со спины, с силой опустил ему на затылок обух метательного топорика, снятого с пояса убитого эльфа. Гаурр умер мгновенно, даже не успев ничего понять, горло его издало звук, похожий на икоту, по телу пробежала судорога, и оно, раскинув руки, осело и бессильно повалилось вперед и вбок, как огромная уродливая кукла.

Радбуга передернуло, и он брезгливо отбросил топорик в сторону.

— П-пёс... До чего же мерзко чувствовать себя палачом...

— Он бы все равно помер через денёк-другой, так что мы ему, можно сказать, услугу оказали, — проворчал Каграт, поднимаясь; впрочем, ему тоже было не по себе. — Ладно, подбирай оружие и идем, надо с тем, другим, разобраться. И следы замести, чтобы уж сходу-то в глаза не бросались.

Они стащили тела эльфа и орка в ближайший овражек и, положив рядышком, как влюбленных, присыпали палой листвой — не бог весть какое прикрытие, но на несколько часов могло бы сгодиться. Потом вернулись под осину к скрученному Кагратом пленнику. Тот уже пришел в себя и, кажется, пытался освободиться, и развязать узел, и ползти, и не преуспел в этом, и смотрел на орков снизу вверх — с зелёной и жгучей, как крапива, подсердечной ненавистью.

— Это тебе за мою рану, с-сука! — прохрипел Каграт — и пнул эльфа ногой в бок. Бледная, измазанная грязью и кровью физиономия пленника приводила его в бешенство — трудно сохранять вид презрительный и надменный, лёжа на земле связанным, как куль, и с кляпом во рту, но эльфу это каким-то непостижимым образом удавалось. — А это за Гаурра! — Он пнул эльфа еще раз — и тот, не сдержавшись, глухо захрипел сквозь сжатые зубы. Радбуг схватил Каграта за плечо.

— Хватит. Лежачего не бьют.

— Верно. Лежачего — закапывают! — прорычал Каграт. — И закопал бы, если бы Визгуну «языки» не нужны были. Вставай! — он рванул узел, освобождая пленнику ногу, и

схватил его за волосы, заставляя подняться. — И без фокусов мне тут, а то эту ветку тебе живо в глотку до самой задницы затолкаю, как гусаку на вертеле... Пшел!

55. Пленник

Шли всю ночь и часть дня: визгун ехал на своём чудовищном коне, уруки бежали рысцой, Гэдж частью бежал, частью ехал на повозке, в которой что-то мягко побрякивало. Дорога шла на восток — мимо сараев, барачков и кузниц, вяло огнедышащих в ночи, как спящие драконы, мимо длинных, овечьих ароматом гнилого лука каменных складов и вытопанных до окаменения глинистых площадок, где «крысюки» проходили утренние и вечерние поверки, мимо чавкающих трясин, слякотных, исполосованных тележными колесами луж и зияющих в темноте по обочинам торфяных ям. К рассвету мрачный и грязный тракт, тянувшийся под таким же мрачным и грязным небом, выполз к внешней границе болот.

На опушке леса, под огромным, почти осыпавшимся вязом — лишь кое-где на ветру трепетали одинокие листочки, из последних сил цепляясь за скрюченные ветви, точно страшась уготованной им участи, — Хэлкар скомандовал короткий привал. Дорога тянулась дальше на восток, но отряд должен был повернуть к северу, в лес — и, пожевав сала и ржаных сухарей, уруки взвалили на плечи поклажу с телеги. Гэдж почему-то думал, что там окажется оружие, но в тюках были лопаты, топоры, гвозди, одеяла, галеты, солонина, сушеные овощи и еще какие-то припасы. Ему тоже достался мешок, набитый, судя по запаху, то ли головками перезревшего сыра, то ли чьими-то разлагающимися останками; он вскинул его на плечи вместе с собственным одеялом и висящей на ремне лекарской сумкой и почувствовал себя нагруженным до ушей вьючным мулом...

Лес стоял вокруг — полураздетый, выстуженный, пронизанный красноватым рассветным светом, не то чтобы мертвый и безжизненный, но тихий и пустынный, как покинутая комната; лишь резким, пронзительным криком взгаркивала где-то в чаще шальная галка. Нарушать эту хрустальную тишину казалось не только неуместным, но и опасным, да и силы следовало беречь; шли быстро, молча, вереницей друг за другом, сначала — к северу по едва заметной тропе, потом — забирая все больше к западу. После полудня перекусили на ходу, передавая по цепочке мешочек с сухарями; Гэдж жевал, глотал, передвигал ноги совершенно механически, не поднимая головы, не глядя по сторонам, придавленный унынием и тяжелой поклажей, от веса которой немели плечи и тупой неизбежной болью тянуло спину.

Он старался ни о чем не думать.

Неяркое осеннее солнце, весь день красноватой кляксой путавшееся в ветвях деревьев, начало клониться к краю земли, когда пересекли Северный тракт — в нескольких милях дальше предполагаемого места эльфийской заставы. Вновь углубились в лес. Хэлкар остановился посреди небольшой лоцины, на краю которой торчал огромный, похожий на бородатую голову одеревеневшего энта замшелый пенёк. Видимо, их тут ждали: откуда-то из-под пня вылез чумазый *снага* в странном одеянии, состоящем, казалось, из хитро связанных меж собой пучков сухой травы и палых листьев (под которыми, правда, поблескивала металлическими пластинками доспешная рубаха). Он что-то негромко проскрипел назгулу, и Хэлкар так же коротко ответил, обернулся к остальным:

— Идём за проводником след в след. Всем глядеть в оба и утроить осторожность. Лагерь близко.

Поправляя до костей впивавшиеся в тело наплечные ремни, Гэдж огляделся. Он внезапно

узнал это место — эту лощину, пень, кривую и лохматую, как старуха, седую от древности ветлу на противоположной стороне... Росгобел был совсем рядом, надо было от пня повернуть на запад, спуститься в небольшой овражек и пройти по нему, следуя течению бегущего по дну ручья, мили полторы... полчаса пешего хода, не более...

Ну да. Дом Радагаста — приземистый, бревенчатый, залитый вечерним солнцем — явился перед мысленным взором Гэджа с неожиданной яркостью и отчётливостью, будто внезапно приотворилась в стене закрытая дверь. Орк замер; что-то странное, загадочно неуловимое было в этой лощинке, какое-то разлитое под деревьями смутное волшебство; казалось, будто сам воздух здесь серебристо звенит, тоненько, на самом пределе слышимости, точно натянутая до предела струна, отзывающаяся на воздействие странных неведомых чар...

Назгул перехватил его взгляд.

— Что-то вспомнил? — спросил он небрежно.

Гэдж поспешно устремил взор себе под ноги.

— Нет, господин.

Он был уверен — Хэлкар не поверил ему ни на грош: должно быть, назгул тоже чувствовал нечто особенное в этом месте, какой-то неясный флёр волшебства; он как будто приноживался, шумно втягивая невидимыми ноздрями осенний лесной дух. Его тяжёлый взгляд ввинчивался в Гэджа, как бурав препаратора — и к горлу орка подкатил ком. Ему вдруг стало не по себе...

Звучащий в воздухе серебристый звон лопнул, разлетелся осколками, как стеклянный шар. Вернулось знакомое ощущение цепкой, безжалостной, холодной руки, хватающей за горло и напролом тянущейся дальше — в грудь, под ребра, к самому сердцу. Снова подползли откуда-то одуряющие бессилие и покорность, желание пасть перед Хэлкаром на колени и свернуться в клубочек. В голове на мгновение стало пусто и гулко, точно в колоколе, а затем — против воли Гэджа — из ниоткуда вновь выступила картинка: мохнатый пень, уходящая от него в лес едва заметная тропка, ныряющая в овраг, обочь — канавка, поросшая тростником, торчащее к небу сухое бревно с расщепленной верхушкой... а там, дальше, за поворотом — небольшая поляна, опушка, и холм... потом все заволочло туманом, серым, липким, густым, как кисель, но в этом тумане по-прежнему угадывался чей-то взгляд — он давил и душил, толкал вперёд, заставлял Гэджа повернуться и идти по тропе, мимо пня, вдоль канавки, к расщепленному гнилому бревну и дальше... дальше... во мглу...

«Ты не должен позволять себе быть жертвой, — ясно, совершенно отчётливо сказал вдруг в его голове голос Гэндальфа. — Старайся думать о хорошем... О золотистом рассвете над вершинами гор. О теплом летнем дожде. О капле росы в чашечке цветка...»

Гэдж стиснул зубы.

Он изо всех сил попытался освободиться, сбросить чужую волю и вырваться из-под гнетущей, прогибающей его под себя власти, вызвать в памяти хоть какую-нибудь отвлеченную картинку — горы, лес... алое небо заката над рекой... вереницу волн, набегающих на песчаный берег... ползущего по травинке крапчатого жучка... Но вся эта ерунда не держалась перед его мысленным взором, расплывалась, как зыбкое отражение на воде... и тогда он представил себе простую глиняную плоскую, большую и круглую, как она падает и с сухим треском разбивается о мраморный, в голубоватых прожилочках пол — почему-то именно мраморный и именно в голубоватых прожилочках: трес-сь... И снова

падает — тррес-сь... И ещё раз — трресссь... Если визгун сейчас *закричит*, мелькнуло у Гэджа в голове, если только издаст один из своих жутких, выворачивающих наизнанку воплей, я не выдержу...

Но назгул молчал — видимо, не желал выдавать миру свое присутствие. Вместо этого он вдруг исторг странный квакающе-скрежещущий звук, откинул голову назад и затрясся все телом, точно в припадке падучей; Гэдж не сразу сообразил, что он всего-навсего смеётся. На руке Хэлкара, на безымянном пальце внезапно блеснуло кольцо — золотое, с ярко сверкнувшим алым камнем; впрочем, оно тут же потускнело и как будто истаяло, неведомым образом слилось с черной назгульской перчаткой.

— А ты, однако, любопытный персонаж... — всё ещё посмеиваясь, заметил Хэлкар. — Кто тебя этому научил, а? *Сопротивляться?* Твой волшебник? — Он насмешливо фыркнул. — Жаль, что магия Кольца плохо на тебя повлияет, а то мы могли бы прямо сейчас попытаться решить кое-какие насущные вопросы... Но ничего, мы продолжим позже. Вижу, ты действительно помнишь куда больше, чем хочешь это показать.

Гэдж молчал, съежившись и по-прежнему не поднимая головы. В ушах у него звенело, словно там все ещё бились, падая на мраморный пол, обреченные на смерть глиняные плошки.

***

Келеборн был бледен, но спокоен:

— Дурные вести. В лесу на двоих гонцов, идущих с заставы, напали орки... Один из гонцов убит.

— А другой? — спросил Гэндальф.

Владыка яростно потёр двумя пальцами переносицу.

— Не знаю. Возможно, его взяли в плен. Я выслал следопытов на поиски, но новостей пока нет... Да, кстати, — добавил он, обращаясь к Саруману, — я возвращаю тебе кинжал твоего орка, как мы и договаривались, — он небрежным кивком подозвал сопровождающего эльфа (это, как обычно, был Эллоир), и тот, шагнув вперед, выложил на стол завернутый в тряпицу продолговатый предмет. — Сдержи и ты свое обещание.

Белый маг медленно кивнул.

— Хорошо. — Он вынул из поясной сумки и положил рядом с кинжалом многострадальный «сит-эстель». — Куда орки могли увести пленного? В Крепость?

— Вряд ли. След ведет на восток-северо-восток, потом теряется в лесу... Должно быть, у орков логово где-то в тех местах. Но приближается ночь, а в темноте трудно что-либо разыскивать, да и опасно... придётся, видимо, ждать рассвета.

— К рассвету твой эльф, если он до этого времени доживет, будет уже находиться в Замке, — заметил Саруман. — Вероятно, закованным в ошейник.

— Если орки вздумают вернуться в Крепость, мы сумеем перехватить их возле гати. Я отправил отряду Линдола подкрепление. С заставы есть какие-нибудь вести? — спросил Келеборн у Эллоира.

Тот отрицательно качнул головой:

— Последнее донесение было час назад: все спокойно, мимо никто не проходил.

— Глупости. Орки не пойдут по тракту, — возразил Саруман. — Думаете, им не известно о том, что Северная дорога под наблюдением?

Келеборн раздражённо потёр лоб.

— Здесь есть другие пути?

— Наверняка есть — где-нибудь восточнее, просто мы о них ничего не знаем. Орки могут пользоваться одной из этих тайных троп, хоть это и означает для них изрядный крюк по лесу.

— Кстати... ты говорил, утром к Каменному Мосту прокатил какой-то обоз, — задумчиво, пощипывая бороду, напомнил Гэндальф. — Телеги с мешками и бочками в сопровождении пары десятков орков... Возможно, как раз эти орки и имеют отношение к нападению?

Келеборн пожал плечами:

— С обозом шли снаги, рабочие, всякая плюговая мелкота... Те, кто напали на гонцов, были повыше ростом и обращаться с оружием умели.

— Уруки?

— Видимо.

— Вполне возможно, что они прятались на телегах под мешками, — заметил Саруман, — как раз чтобы не попадаться на глаза твоим дозорным. И выбрались оттуда, оказавшись за ближайшим поворотом.

— По-твоему, мы имеем дело со скрывающимся в лесу хорошо вооружённым отрядом?

— Более чем вероятно.

— И что ты в таком случае предлагаешь?

— Отведи своих воинов из леса, — негромко произнёс Гэндальф, — всех, кого сможешь. Пусть они отойдут если уж не на западный берег, то хотя бы в Росгобел — и чем скорее, тем лучше. Что-то мне подсказывает, что грядущую ночь лучше встретить за стенами... А стены Росгобела куда более крепкие и надёжные, чем может показаться на первый взгляд.

— Гэндальф прав, — неохотно подтвердил Саруман. — Если орки вздумают напасть в ночи на ваш лагерь, ничем хорошим для вас это не закончится.

— Для них, смею думать, — тоже, — с неудовольствием заметил Келеборн, — лагерь хорошо укрыт и укреплен. Но, возможно, вы и правы, не буду спорить... лишние потери нам действительно ни к чему. Прошу прощения, друзья, я должен откланяться, время не терпит — следует со всем управиться до наступления полной темноты.

Он повернулся, щёлкнув каблуками, и вышел в сопровождении неизменного и бесшумного, как тень, Эллоира. Со двора раздался топот копыт, надрывно заскрипели, открываясь, а потом — закрываясь, ворота, сомкнулись со стуком; от привратного столба отвалился кусок накладной резьбы и с чавканьем упал в лужицу под забором.

— Крепкие надёжные стены... — передернув плечами, точно от внезапного озноба, пробормотал Саруман. — Ты разговаривал с Радагастом? — бросил он Гэндальфу через плечо. — Как у него дела с защитной Завесой? Не удивлюсь, если вдруг выяснится, что она у него дырявая, как старая рыболовная сеть...

Серый маг, щипцами вытащив уголек из загнетки, сосредоточенно раздувал его, собираясь зажечь свечи: в горнице с наступлением вечера тоже начинала сгущаться мгла.

— Почему бы тебе самому с ним не поговорить?

— Непременно сделаю это, как только он перестанет шарахаться от меня, точно от зачумленного, и днями напролёт прятаться от встречи в конюшне.

— Что ты болтаешь? — рассердился Гэндальф. — Радагаст ни от кого прячется, просто,

как тебе ни трудно такое представить, у него есть важные дела...

— В конюшне? — проворчал Саруман. — Ты заставляешь меня почувствовать себя поистине счастливым от того, что у меня нет никаких важных дел именно там.

— Это ещё что? — раздалось из сумеречного полумрака резкое, изумленно-подозрительное карканье Гарха.

Ворон, до сих пор с глубокомысленным видом расхаживающий по подоконнику, перелетел на стол и разглядывал кинжал, принесенный Келеборном: сквозь плотную ткань, в которую вещь была завернута в несколько слоев, пробивалось призрачное голубовато-белое свечение. Саруман откинул край свертка: клинок мягко светился в полумраке комнаты, отчётливо проступал на лезвии голубоватый узор из цветов и птиц. Белый маг осторожно взял кинжал в руку.

— Тёплый? — хрипло спросил Гэндальф из темноты.

— Немного. — Саруман медленно провел пальцем по лезвию, оно на секунду вспыхнуло ярче при его прикосновении. — Тебе приходилось видеть подобное раньше, Серый?

— Да. Один раз. В жилище Шмыра. — Гэндальф, чуть помолчав, болезненно поморщился. — Когда назгул пытался «прощупать» Гэджа и пробудить тёмную сторону его фэа... Кинжал в тот момент настолько раскалился, что на ладони парня остался ожог. — Он бросил на Белого мага быстрый взгляд: — Что это может значить *теперь*?

Саруман неохотно разжал губы:

— Очевидно, Гэдж вновь подвергается магическому воздействию. Это во-первых.

— А во-вторых?

— Должно быть, он где-то недалеко от Росгобела. Иначе бы защитные чары, наложенные на клинок, не отвечали на опасность настолько остро.

— Недалеко... — пробормотал Гэндальф. — Где именно, ты можешь узнать?

Саруман досадливо хрустнул пальцами.

— Нет. Но Гарх, я думаю, может... если захочет. Хотя бы попытаться это выяснить.

Ворон уныло втянул голову в плечи:

— Ты полагаешь, Гарху это надо?

— Гарху — вряд ли. Но это нужно мне, — мягко сказал Саруман. — И, возможно, Гэджу. Хотя насчёт последнего я могу и ошибаться.

***

Наконец добрались до места.

Орочий лагерь представлял собой несколько землянок, прорытых под пологом рощицы: глубоких квадратных ям, накрытых бревенчатым накатом и слоем дерна. При беглом взгляде полянка казалась необитаемой: даже пара торчащих из-под земли жестяных труб была выведена в ямы и прикрыта сырым валежником, — лишь кое-где скорее угадывались, чем были отчётливо видны беспорядочно протоптанные на палой листве тропинки и проплешины.

— От Каграта есть что-нибудь? — спросил Хэлкар у встречавшего отряд орка.

— Каграт сотоварищи утром ушли к Кривому ручью, — просипел тот в ответ простуженным голосом. — До сих пор ждем...

Визгун не удивился и ничего не ответил. Он что-то коротко приказал оркам,

оставшимся на месте, и те принялись обустроиваться, сооружая очередную землянку. Не успел Гэдж скинуть с плеч свою ношу, как в руки ему всунули лопату и велели снимать дерн под склоном неглубокого, поросшего пожухлой травой овражка, потом — рубить жерди для лежней и обшивки, затем — вкапывать в землю стойки и растягивать на них полог из плотной рогожи. Наконец — к этому времени начинало смеркаться, — откуда-то появились Каграт и Радбуг; Гэдж упустил, как и с какой стороны они пришли, лишь по возникшей в лагере суете узнал об их появлении. Орки, на зависть сородичам, были нагружены трофеями, снятыми с убитых: Каграт нёс поясные сумки и мечи, Радбуг тащил ремни, кинжалы и колчан с белооперенными стрелами. С орками был кто-то третий.

Эльф.

Облаченный в коричневато-зелёное пятнистое одеяние, залитое тёмными потеками, он шёл, связанный, глядя прямо перед собой, иногда спотыкался и сбивался с ноги — тогда его подталкивали пинками, и он вздрагивал всем телом, и лицо его было бледным и неподвижным, а взгляд — отстраненным и невидяще устремленным в пространство.

Гэджу показалось, что он узнал пленника — это был тот эльф с заставы, что подскочил к Леарнасу с фонарем... Но, может быть, и не он — для Гэджа все остроухие представлялись на одно лицо.

Эльф тоже узнал его — заметил прежде, чем Гэдж успел отступить и затеряться за чужими спинами. На секунду на застывшем лице пленника мелькнуло удивление — кажется, он не ожидал увидеть здесь беглого мальчишку-урука, — но почти тут же на смену ему пришло *понимание*, усталое и тоскливое... Губы пленника шевельнулись почти немо, но Гэдж расслышал сорвавшееся с них слово — расслышал, хотя их с эльфом разделяло несколько ярдов, явственно понял, хотя пленник говорил по-эльфийски, угадал по движению губ, по выражению лица. «Предатель!» — беззвучно сказал эльф, и Гэджу разом захотелось провалиться сквозь землю.

Хэлкар встретил пленника с обычной чуть насмешливой невозмутимостью:

— Какая неожиданность! Не скажу, что приятная, но весьма своевременная. Сколько их было? — спросил он у поспешающего следом Каграта.

— Двое, — хрипло ответил орк.

— Второй?

— Мёртв.

— Опрометчиво было ввязываться в драку...

— Нас вынудили. Остроухие пытались напасть первыми, — пояснил Каграт. — И за это поплатились! — добавил он не без потаенной гордости, злорадно скаля желтые зубы.

— Так будет с каждым, кто осмелится сунуть нос на этот берег. Какого лешего вам не сиделось в вашей паршивой странишке? — с раздражением спросил Хэлкар у пленника. — Сколько вас здесь?

Эльф, пошатываясь, тем не менее выпрямился во весь рост и смерил его презрительным взглядом.

— Вполне достаточно, — выплюнул он, — чтобы заставить вас вздрагивать от каждого лесного шороха и испуганно поджимать хвосты.

— Кто из нас поджимает хвосты, это ещё вопрос, — возразил назгул. — Но одного вы своим присутствием добились точно — навязли у нас в зубах, точно кусок смолы... Так и хочется выместить вас вон и выпнуть с порога, как притащившуюся на сапогах кучу грязи!

— Лес на восточном берегу вам не принадлежит, чтобы вы могли устанавливать здесь

свои порядки, — сквозь зубы заметил эльф.

— Мы станем устанавливать свои порядки там, где сумеем их установить, — любезно откликнулся Хэлкар. — И зря вы тешите себя надеждой, что сможете как-то нам в этом помешать.

Эльф молчал. Его лицо — грязное, исцарапанное, покрытое засохшей кровью — сохраняло вид надменный и равнодушный. Все, что он думает о Дол Гулдуре, Сауроне, назгулах и иже с ними, было ясно без всяких слов, а собственная участь, казалось, не волновала его ни в малейшей степени.

— Как твое имя? — спросил Хэлкар.

— Какая тебе разница, отродье Тьмы? — процедил эльф.

— Никакой. Но как-то же я должен тебя называть.

— Ну, можешь называть меня Хеледиром*, если уж для тебя это так важно...

— Кто такой Шарки?

Если назгул рассчитывал застать эльфа врасплох, то зря — в лице пленника не дрогнули ни единый мускул:

— Какой Шарки?

— Какое отношение к вам имеет тот старик, что живёт в лесу? Кто он?

— Зачем вам это знать? — спросил эльф устало. — Старик — сумасшедший...

— Действительно сумасшедший, раз с вами связался... А раз спрашиваю, значит, нужно — не слишком-то полезно иметь эльфийских приспешников чуть ли не у стен Замка. Нам надо знать, как пройти через сеть заклятий, ограждающих его жилище.

— В этом я вам помочь не могу, — хрипло заметил эльф. — Я не волшебник.

— Для этого не обязательно быть волшебником, — небрежно возразил Хэлкар. — Просто дорогу должен указать кто-то, кого Сеть не распознает как чужака. Впрочем, леший с ним, с этим старым хрычом... Ответ — какие сведения ты и твой напарник должны были передать вашему воеводе? Этого-то ты не можешь не знать.

Эльф растянул в усмешке разбитые губы. Казалось, этот затянувшийся полу-допрос начал его забавлять:

— Сведения? Разумеется, о том, насколько тупы и неповоротливы твои подчинённые, позволяющие помыкать собой такой гнусной твари, как ты.

Из темноты кто-то что-то негодуяще выкрикнул на Чёрном Наречии, вслед за ругательством из-за дерева прилетел камень и припечатал эльфа в правую скулу. Пленник пошатнулся, но устоял, наклонив голову пострадавшей щекой к плечу и щерясь, будто загнанный волк.

— Будь они действительно тупы и неповоротливы, я бы вряд ли имел удовольствие сейчас с тобой разговаривать, — ласково заметил назгул. — Ты неуместно дерзок, и я не могу оставить подобное оскорбление без внимания. Надеюсь, ты это понимаешь?

Пленник молчал. Обвел собравшихся глазами, словно кого-то искал — но Гэдж держался в тени дерева, плотно прижавшись к нему спиной, и эльф не мог его увидеть.

Хэлкар что-то негромко сказал оркам и небрежным кивком указал в сторону. Пленника увели в одну из землянок. Гэдж стоял, упираясь затылком в ствол старого тополя, вцепившись обеими руками в шероховатый черенок лопаты, прокусив до крови губу, но не чувствуя боли. Внутри него все горело — не то от волнения, не то от стыда, в ушах все ещё отдавалось болезненным эхом оброненное эльфом слово — предатель...

Нет. Я не предатель, в отчаянии сказал он себе. И не хочу, не хочу им быть! Но

обстоятельства складываются так, что...

Он облизнул губы.

Ведь до Росгобела недалеко, рукой подать, вдруг подумалось ему — до приметной лужайки с замшелым пнем, вдоль оврага и дальше, до опушки леса... не более пары миль... Я мог бы добраться туда и обратно за час, самое большее — за полтора... если бы захотел...

Он глотнул. Это была какая-то очень неожиданная мысль... очень дерзкая и отчаянная, очень *далеко заходящая*, но, вероятно, даже имеющая некоторые шансы на успех...

Он незаметно огляделся. В лесу темнело быстро, по-осеннему; солнце уже зашло, и под деревьями споро копилась седая мгла. Где-то негромко переговаривались орки, вяло тюкал топорик, откуда-то тянуло запахом чуть пригоревшей ячменной каши — приближалось время ужина. Рядом никого не было, и никто на Гэджа внимания не обращал. Я могу уйти — прямо сейчас, торопливо, точно украдкой, подумал он, — и вернуться до того, как меня хватятся... и никто ничего не заметит, никто про меня не вспомнит...

Он бросил лопату. Ещё раз осторожно осмотрелся. Сделал вперёд один шаг, другой... нырнул под сумрачный полог леса, прячась за кустами, прокрался по границе между светом и тьмой, стараясь раствориться в толпе обступающих со всех сторон старых знакомых — лесных теней, слиться с ними, самому стать незримой тенью... Пропустил, притаившись в зарослях дружинника, двух прошедших мимо чумазных *снаг*, выждал ещё с полминуты, осторожно, замирая от каждого шороха, поднял голову, чтобы осмотреться...

Чья-то твёрдая рука спокойно легла ему на плечо.

— Куда-то собрался, парень?

Гэдж вздрогнул.

— Что? — пролепетал он. — Я тут... просто, того... до ветру вышел...

Он с некоторым облегчением опознал в схватившей его тёмной фигуре Радбуга. Орк смотрел на Гэджа так, словно у него болели зубы.

— Не делай глупостей, а? Вокруг лагеря ловушки расставлены и волчьи ямы нарыты... Надо знать верную тропу, чтобы отсюда выйти.

У Гэджа пересохло в горле:

— А... ясно. Понятно. А зачем ты мне... про тропу?

— Да так, для пущей ясности. Но если незачем, то и ладненько. Я тут в дозоре стою вообще-то, — добавил он, помолчав, — и приказ имею никого не впускать и не выпускать, так что имей в виду — в случае чего стрелять буду без предупреждения. Куда придётся.

— В спину? — спросил Гэдж хрипло.

— И в спину — тоже, — невозмутимо сказал Радбуг, — если нужда заставит.

— И рука не дрогнет? И ты... не сумеешь промахнуться?

— А оно того стоит? — после небольшой паузы спросил орк.

— А если я скажу, что да? — едва слышно пробормотал Гэдж.

Радбуг качнул головой. Он стоял под деревом, и тень, падающая от ветки, рассекала его лицо на две части, будто разбойничья маска; глаза его оставались в полумраке.

— Я-то, положим, могу и промахнуться... А другие — нет.

— Они не узнают.

— В лесу могут быть не только орки... Это во-первых.

— А во-вторых?

— Никто не должен покидать лагерь без особого распоряжения Визгуна. Это приказ.

— «Приказы не обсуждаются», да? В особенности — приказы Визгуна?

— Не думаю, что найдётся много охотников их нарушать... и я — в том числе.

— Ну да, ты же всегда хотел выслужиться... и быть *настоящим орком*, — проворчал Гэдж. Он злился на Радбуга, сам толком не зная, за что: за то, что тот перехватил его в двух шагах от рубежа, за то, что не позволил выйти из лагеря, даже за то, что предупредил о ловушках...

Голос Радбуга по-прежнему звучал ровно и сдержанно:

— Да, хотел. Чтобы голова, знаешь ли, лишний раз не болела... — Он внимательно посмотрел на Гэджа. — А ты разве не для этого вернулся в Крепость? Чтобы стать орком?

— Нет, — сказал Гэдж сквозь зубы. — Я просто хотел быть самим собой.

— В Крепости этого не получится, парень... мы, кажется, об этом уже говорили.

— Здесь, чтобы выжить, обязательно надо стать кем-то другим?

— Чтобы сохранить лад с самим собой — да. Внешне ты можешь быть кем угодно — человеком, гномом... даже эльфом. Но в душе ты все равно должен быть орком, иначе жизнь твоя не будет стоить здесь ни гроша, и для обитателей Замка ты никогда не станешь «своим».

— Разве нельзя внешне быть орком, а внутри, ну... все-таки оставаться человеком? — едва слышно пробормотал Гэдж. «Как ты», — хотел он добавить, но все-таки в последний миг удержался.

— Вряд ли это пойдёт тебе на пользу, — Радбуг натянуто усмехнулся. — Любой человек, если он по духу — человек, а не орк, для Крепости инороден, я полагал, ты это уже усвоил... Или ты хочешь всю жизнь быть тут чужаком?

— Нет, я просто...

Под взглядом собеседника он умолк. Радбуг смотрел не то с сочувствием, не то с сожалением:

— Но и там, в том мире, в котором ты жил до Крепости, ты теперь тоже чужак, вот ведь какое дело... Для Замка ты слишком человек, а для тех, кто вне — слишком орк. И избежать выбора тебе не удастся, все равно придётся решиться на что-то одно... и кого-то предать — либо нас, либо тех, твоих... бывших. И никто, кроме тебя, не сумеет рассудить, что из этого будет менее худшим... Хотя бы — для тебя самого.

Гэдж не ответил: из темноты зашелестели торопливые шаги. Из мрака живо выскочил лысый орк — он был довольно приземист для урука, но в то же время по-гномьи кряжист и широкоплеч, — схватил Гэджа за плечо:

— Вот ты где, ш-шучонок. — Он нещадно шепелявил при разговоре — изо рта его с левой стороны высывался огромный кривой клык, но, был ли именно он причиной шепелявости хозяина, либо сказывалось отсутствие прочих, не столь вызывающе торчащих зубов, оставалось загадкой: — Иди в шемлянку, ш-шиво, тебя Вишгун требует.

— Зачем? — пробормотал Гэдж.

— Пошём я знаю, он шам тебе небошь объяснит, — орк осклабился. — Ну, топай!

***

Вход в землянку был закрыт грубой, сколоченной из горбыля дверцей. Внутри было душно и сыро, горела коптилка, пахло землей, дымом, горелым маслом, потом и почему-то — кровью... На дощатой лавке, крытой каким-то тряпьем, Гэдж увидел пленного эльфа — тот лежал, распятый на нарах, нагой по пояс, ноги его были связаны, руки — заведены за

голову и веревками, обмотанными вокруг запястий, прикручены к брускам у изголовья. Вся правая половина его лица представляла собой яркой багровой сизоты синяк, особенно жуткий на бледной, без кровинки, коже — след прилетевшего из темноты увесистого камня. На теле также пестрели синяки, ссадины и кровоподтеки, плечо было покрыто запекшимися алыми струйками, светлые волосы слиплись на разможенном виске неряшливым колтуном...

Гэдж остановился на пороге. В какое-то мгновение ему перехватило горло. Всплыло в памяти темное подземелье, навязчивый запах гнили и мокрого камня, ослизлый череп в большой смрадной луже и восседающая на нем крыса, беспечно чистящая усы...

Ему захотелось немедленно исчезнуть отсюда и никогда больше здесь не появляться. Никогда, никогда.

— Нюхательная соль у тебя есть? — глухо спросил Хэлкар. Он прятался от света коптилки в темном углу, и Гэдж не сразу его заметил. Зато увидел Каграта — тот сидел у грубого деревянного стола в глубине землянки и поигрывал кнутом, скручивая кожаную шлею петлями, заворачивая её замысловатыми узлами так и этак. В какую-то секунду Гэдж подумал, что папаша пьян всмятку, но нет — Каграт был трезв, как стекло, лишь злобная взъерошенность в его облике придавала ему вид мрачный и тоскливо-угрожающий, точно пьянчуге, внезапно обнаружившему, что ему нечем опохмелиться.

— Не знаю, — пробормотал Гэдж. — Надо посмотреть... в сумке.

— Принеси, — велел Хэлкар.

Едва не столкнувшись с шепелявым орком, который скользнул в землянку, держа в руках ковш с тлеющими углями, Гэдж выбрался наружу. Двигаясь, как во сне, нашел свое одеяло и лекарскую сумку, валявшуюся под тем же деревом, где он их и бросил. Вернулся — заставил себя силком переставлять ноги — в душную земляную яму, поставил пузырек с нюхательной солью на стол, стараясь не смотреть ни на назгула, ни по сторонам — только строго прямо перед собой, — и по-прежнему ни о чем не думать...

— Приведи его в чувства, — Хэлкар кивнул в сторону эльфа.

Гэдж с усилием вытянул из пузырька на совесть пригнанную пробку, склонился к пленнику и осторожно поднёс флакончик к его лицу. Эльф вздрогнул и захрипел, открыл глаза; мутный его взгляд задержался на Гэдже — всего на секунду... Он тут же отвернулся и вновь сомкнул веки, точно не желая видеть окружающее в целом и орка в частности, но брезгливость и ненависть, на миг скользнувшие в его взоре, обожгли Гэджа будто раскаленной иглой.

Хэлкар, видимо, тоже это заметил. Он выступил из своего угла и шагнул ближе — Гэдж почувствовал его приближение по накатившей волне мертвенного холода и сжался, точно испуганный кролик. Взгляд назгула лежал на его затылке неподвижно, как точка прицела.

— Мне... можно уйти? — пролепетал орк, не поднимая головы.

— Оставайся, глоб, — пробурчал из-за стола Каграт. — Тебе это будет полезно.

— Нет, нельзя, — Хэлкар был непреклонен. — Так мы не закончили наш разговор, господин Хеледир, — обратился он к эльфу. Подался вперед, взял Гэджа за плечо и подтолкнул его к пленнику, так, чтобы свет коптилки падал на его лицо. — Знаешь этого парня, а?

Эльф медленно повернул голову и, щуря глаза, искоса взглянул на Гэджа. Но тотчас же опустил веки, точно вид орка причинял ему чисто физическую боль.

— Первый раз вижу, — процедил он устало. — С чего вы взяли, что я должен его знать?

— А он тебя знает, — заметил Хэлкар. — Верно, орк? — он пристально посмотрел на Гэджа.

— Я? Нет. Откуда? — пробормотал Гэдж. Под цепенящим взглядом назгула он задышался. — Мы... никогда не встречались.

— Да ну?

— Если вы думаете, что мальчишка-орк запросто водит знакомство с эльфами, может быть, спросите его и обо всем остальном? — хрипло спросил эльф. — Он, возможно, знает куда больше меня.

— Знает, — согласился назгул, — только предпочитает прикидываться дурачком и играть в молчанку, так же, как и ты. Какие-то вы оба одинаково предсказуемые... Все готово? — спросил он у шепелявого.

Тот вытащил откуда-то жаровню и теперь возился с ней, раздувая угли, принесенные от костра, на котором орки варили ужин. В ответ на вопрос назгула он поспешно закивал.

— Нам совершенно без разницы, кто из вас согласится посодействовать нам в наших начинаниях, — спокойно заметил Хэлкар. — Но кто-то из вас непременно это сделает — и сегодня же. Право, у меня достаточно дел и в Крепости, чтобы долго тут с вами нянчиться.

Эльф, полуприкрыв глаза, смотрел с презрением.

— Ты зря теряешь время, — голос его звучал едва слышно, но твёрдо.

— Ничуть, — с усмешкой заметил Хэлкар. — Фэа эльфов бессмертно и всегда имеет возможность влеститься в новое хроа и с триумфом вернуться в мир, но в наших силах сделать расставание твоей души с телом как можно более долгим, тягостным и болезненным, не так ли? А меня всегда интересовало, до каких пределов способна доходить человеческая... а тем более — эльфийская выносливость, и, раз уж подвернулся такой подходящий случай, я готов это незамедлительно проверить. Из чисто отвлеченного интереса, так сказать.

— Господин Хэлкар, вы обещали! — торопливо, с нажимом, даже как будто встревоженно сказал из угла Каграт. Назгул небрежно отмахнулся.

— Я держу свои обещания. Мальчишка не пострадает. Пока. — Он сделал знак шепелявому.

Тот с отвратительной готовностью засуетился, облизывая серым, будто вареным, языком вкось торчащий изо рта клык. Осторожно, рукой, завернутой в тряпицу, взялся за лежащий на углях прут — длинный, подковообразно изогнутый на конце, раскаленный докрасна.

Гэдж закрыл глаза. Ну да, следовало ожидать, что этим все и закончится... ничего удивительного... Назгулы кого угодно могут схватить за горло в любой момент...

— Ну, — произнес Хэлкар, — кто-нибудь из вас хочет что-нибудь мне сказать? Взмолиться о пощаде, выдать соратников, предать родину, извиниться за оскорбление, наконец? — он секунду-другую помолчал, словно и в самом деле ожидал ответа. Покосился на шепелявого. — Что ж, приступим.

Палач поднял из жаровни чудовищное орудие.

Покачиваясь, раскаленное железо медленно плыло по воздуху к Гэджу, и Гэдж видел его приближение даже не открывая глаз. Все его мышцы напряглись до предела, он дёрнул головой, чтобы отстраниться, отвернуться, но не тут-то было: назгул вдруг крепко схватил его за волосы на затылке и развернул лицом к пленному эльфу.

— Смотри сюда!

Прут проплыл перед Гэджем — он ощущал исходящий от него жар — и склонился к пленнику, на секунду завис перед ним. Грудь эльфа тяжело вздымалась, на лбу выступил пот; пленник явно старался сохранять вид бесстрастный, даже безразличный, хотя, надо признать, удавалось ему это не слишком хорошо.

— Ну? — сказал Хэлкар.

Эльф молчал. Желудок Гэджа сжался в горошину; он видел, как проклятый прут опускается к обнажённой груди эльфа все ниже, ниже, ещё секунда — и он коснётся бледной, покрытой мелкими мурашками кожи...

В последний момент Гэдж все-таки зажмурился — отчаянно, до боли в веках.

Потом эльф закричал.

Не закричал — взвыл, страшно, по-звериному, выгнулся дугой, забился в своих путах, заколотился затылком о доски настила: «Нет, нет, нет, нет, нет!...» Что-то странно зашипело, точно кусок масла на сковороде, отвратительно запахло горелым мясом, ужасом, отчаянием, нестерпимой болью...

Гэджа будто обдало изнутри кипятком. Он отпрянул, готовый сорваться с места и бежать прочь, без оглядки, куда глаза глядят — лишь бы далеко и безвозвратно.

— Смотри, я сказал! — гаркнул Хэлкар. Его стальная рука по-прежнему стискивала затылок Гэджа, пригибая вперёд его голову, заставляя *смотреть*...

Гэдж отчаянно заметался, как попавший в ловушку зверь, судорожно рванулся, его скрутило, точно жгут мокрого тряпья... Эльф захрипел, его жуткий вопль на мгновение прервался, и Гэдж успел подумать, что несчастный наконец потерял сознание, но нет — у пленника просто кончилось дыхание. Раскаленное орудие, припечатавшееся к его телу, наконец — спустя целую вечность! — оторвалось, оставив на груди подковообразный след спекшейся кожи, ярко-багровый, с бурными вкраплениями внутри, вздувающийся по краям прозрачными пузырями.

— Ну как, достаточно? — холодно осведомился Хэлкар. — Или, может, продолжим?

Эльф беззвучно рыдал и хватал ртом воздух, глаза его вылезли из орбит, взгляд, мутный от боли и ненависти, бездумно блуждал по сторонам, прокушенные в неопикуемой муке губы окрасились кровью.

— Здесь... никого нет... — выдохнул он. — На этом берегу... Эльфов — нет...

— Где же они?

— Вернулись... на западный берег...

— Полчаса назад ты утверждал, что твоих сородичей здесь больше, чем листьев в лесу.

Пленник беспомощно захрипел. По лбу его скатилась прозрачная капля.

— Провались... в Удун... тварь...

— Кто таков старик-лесовик? Как миновать заклятия, ограждающие его жилище?

Сквозь зубы эльфа порвался короткий стон.

— Я... не знаю... Он... сам по себе...

— Ты пытаешься лгать. И будешь за это наказан.

— Если ты... мне не веришь... к чему тогда вообще... это всё?

— Возможно, и ни к чему, — совершенно серьёзно заметил назгул. — А возможно, к тому, чтобы позабавить нашего красавца Клыка — смотри, как ему всё это в охотку. — Он покосился на исподтишка следящего за эльфом, жадно роняющего слюни шепелявого палача, небрежно бросил ему через плечо: — Еще раз!

Шепелявый с мерзкой радостью подхватился, облизнул клык, вновь потянул из жаровни

пышущее жаром железо... Прут криво багровел в полумраке землянки нарисованным в воздухе светящимся знаком.

— Не надо, — беззвучно прошептал Гэдж.

Его никто не слышал. Прут вновь неторопливо миновал Гэджа, склонился к жертве, готовый клюнуть — ниже, ниже... Эльф дрогнул в путах; лицо его, перекошенное страданием, блестело от пота, губы тряслись, из уголка рта потекла розоватая пена...

— Стойте! — крикнул Гэдж. — Хватит! — Он больше не мог этого видеть, слышать, выносить, с каждым биением сердца пропускать через себя. — Прекратите это, сейчас же!.. — голос его постыдно сорвался.

Клешня назгула впивалась в его затылок, точно когтистая лапа.

— С какой стати? — отрывисто спросил Хэлкар. — Или ты что-то имеешь нам сообщить?

Гэджа мутило и трясло, все слова как-то слиплись и лежали под языком тяжёлой, кислой и вязкой массой, он с трудом выдавил их из себя — обрывочных, непослушных, застревающих между зубами:

— Я... я, по-моему, вспомнил... Вспомнил... дорогу. Я проведу вас... куда вам надо... Только... прекратите...

Он судорожно перевёл дыхание. Происходящее ударило его поддых тяжёлым тараном и раздробило в хлам, и вновь собрать себя по кусочкам в единое целое было для него сейчас делом не из легких.

Тем не менее хватка назгула слегка ослабла. Шепелявый палач, разочарованно сопя, отступил, а проклятый прут убрался обратно в жаровню.

— Что ж, я знал, что рано или поздно в тебе заговорит голос разума. — Хэлкар, кажется, довольно ухмылялся — там, под маской. — Ну, не будем терять время.

Эльф, медленно повернув голову, смотрел на Гэджа тускнеющим взором — но во взгляде его не было ни облегчения, ни благодарности. Скорее — стылая ярость, усталая обреченность и глухая бессильная тоска.

— Как ты слаб...

Гэдж старался не поднимать глаз. Пленник был прав — ни стойка, ни героя, ни даже так себе воина Аноризэля из Гэджа не получилось. «Как ты слаб...» И жалок со своим неуместным состраданием, да. Ну что ж. Раз уж эльфы всё равно считают меня предателем и перебежчиком, сказал он себе, так тому и быть... и пусть у них, по крайней мере, будут для этого основания.

---

* Heledir (синд.) — зимородок

56. Ночь темна

«Тебе все равно придётся кого-то предать...»

Гэджу по-прежнему хотелось исчезнуть — здесь и сейчас. Испариться бесследно, как капле воды с поверхности листа. Но вокруг подкарауливала ночь, темнота, орки, ловушки, а он не был каплей воды и не обладал счастливой способностью на ровном месте пропадать в никуда.

— Каграт! Собирай своих. Выступаем через час, — вполголоса приказал Хэлкар. Он по-прежнему не отпускал Гэджа, крепко держа за волосы, и рука назгула, лежащая у орка на затылке, была холодна, как лёд. Под её тяжестью у Гэджа немела шея, и он был готов к тому, что она вот-вот переломится, как сухая тростинка...

— Ты меня радуешь. Но ничего иного я от тебя, в общем-то, и не ждал, — со странной усмешечкой в тоне произнёс Хэлкар, и Гэдж так и не сумел понять, издевается он или говорит серьезно. — Сделаешь всё, как должно, и закончим дело благополучно — по возвращении в Крепость получишь награду... вздумаешь бузить — запытаем до смерти сначала этого вонючего эльфа, а потом и тебя. — Он за волосы оттащил Гэджа в глубину помещения и силой усадил на лавку возле стола. — Оставайся здесь, пока я не позову... С мальчишки глаз не спускать, ясно? — велел он шепелявому Клыкку. Потом повернулся и быстро вышел из землянки — наверх, в лагерь, во мрак, где тем временем поднялась недобрая суэта, деловито сновали под деревьями темные силуэты и отдавал какие-то приказы Каграт — свирепо, коротко, отрывисто, не терпящим неповиновения тоном...

Клык, довольный поручением, заложил дверцу засовом (снаружи она не запиралась) и, держа палаш наголо, расположился возле порога, исполненный намерения никого не впускать и не выпускать. Интересно, вяло подумал Гэдж, а снаружи, у входа в землянку, тоже стоит охрана? И кем мне отныне следует себя считать — пленником?

Он обречённо закрыл глаза. Он был рад и такой сомнительной передышке.

Что я могу сейчас сделать? — в отчаянии думал он. — Завести орков куда-нибудь подальше в лес? Протянуть время, пока... пока что? Пока эльфы не явятся выручать пропавшего товарища... если вообще явятся, а не посчитают его погибшим. Но тогда, получается, я предаю собственных сородичей, подставив их под эльфийские стрелы... Да и как долго мне удастся водить орков за нос? Рано или поздно Хэлкару это надоест, и он прибегнет к магии своего Кольца, влезет мне в мозги, чтобы покопаться в воспоминаниях, и заставит меня показать дорогу, хочу я этого или нет. «Жаль, что магия Кольца плохо на тебя повлияет...» Интересно, что назгул под этими словами имел в виду? То, что магия Кольца меня убьёт? Сломит моё хрупкое фэа и превратит в такого мерзкого калеку, как Шмыр... или такого слабоумного уroda, как Гомба? Лишать Дол Гулдур хоть какого-то, самого захудалого лекаря визгунам, конечно, не с руки, но в крайнем случае это соображение Хэлкара вряд ли остановит... А я сейчас не смогу, никак не смогу сопротивляться...

Его трясло, точно в ознобе.

Он сидел, съежившись, обхватив плечи руками. Ни малейшего озарения на него по-прежнему не снисходило. В голове его перекачивался, гремя и подпрыгивая, чугунный шар, бился о кости черепа, с грохотом перемалывал в щепки последние остатки связных мыслей, и Гэдж не в состоянии был сосредоточиться ни на одной. Я — не человек, с леденящей кровью

отчетливостью понял он. И даже не орк — увы! — и вряд ли когда-нибудь сумею им стать, я просто — крыса... и лучше бы меня, такой крысы, вообще не было на свете. И разом одной печалью для всех стало бы меньше, и никому бы не потребовалось никого предавать...

Он не боялся смерти — быстрой и не слишком болезненной. А вот раскаленного железа — пожалуй, боялся... Пусть оно касалось даже не его тела — но чёрные и обугленные, мозжащие нестерпимой болью ожоги оставались при этом в его душе. Кажется, именно сейчас он понимал Радбуга как никогда: *Я хотел бы быть настоящим орком — чтобы голова, знаешь ли, лишний раз не болела...*» Чтобы иметь способность без ужаса и содроганий взирать на чужие страдания и не желать прекратить их — любой ценой. Даже смертью. Или предательством.

Он втянул воздух сквозь зубы — трудно, с усилием, точно сопротивляющийся шмат киселя.

Клык покосился на него исподлобья. Шепелявый палач всё так же сидел у порога на перевернутом ведре, правя оселком свой и без того острый клинок и время от времени недобро поглядывая на пленников. Тишину нарушало только шварканье точила по металлу, потрескивание углей в жаровне, да тяжёлое дыхание истерзанного, по-прежнему привязанного к деревянным нарам эльфа. Он лежал неподвижно, бледный до полупрозрачности, полузакрыв глаза, отсутствующе глядя в стену; жуткий ожог на его груди зиял багрово-черным спекшимся струпом. Какое-то время Гэджу казалось, что эльф попросту обеспамятел от перенесенных пыток, но нет — пленник вдруг шевельнулся и медленно, с видимым трудом повернул голову. Прошептал срывающимся голосом:

— Воды...

Гэдж вздрогнул: настолько неожиданным показался ему этот полустон-полухрип. Огляделся, взял со стола полупустой чайник со щербатым носиком, стоявший в окружении грязных деревянных кружек, поднялся...

— Шыдеть, — не глядя на него, вполголоса приказал Клык.

— Что? — Гэдж так удивился, что даже не сразу понял, что это коротенькое слово обращено к нему.

— Шыди на меште, — сумрачно повторил Клык. — Прикажа не было на вшаких крыш воду тратить.

И тут с Гэджем вновь что-то произошло — как там, в подземелье, во время стычки с рыжим Шаграхом... Сердце его пропустило один удар, кровь бросилась в лицо, и от внезапной ярости болезненно свело скулы. Он схватил изогнутый прут, тяжёлый, горячий, всё ещё лежащий в жаровне, и шагнул вперёд, прямо на шепелявого, глядя на него бешено, в упор, белыми от едва сдерживаемого гнева глазами.

— Заткнись, — сказал он Клыку, как ему показалось, очень негромко и ровно, но поистине кагратовским тоном, — или я сейчас сверну тебе челюсть!

Клык опешил. Он был куда крепче Гэджа и шире в плечах, но, то ли прут в руках Гэджа его впечатлил, то ли зверское выражение перекошенной физиономии, то ли ещё что, — шепелявый явно решил не связываться и, злобно ворча, отступил. Гэдж отбросил прут — руки у него отчего-то тряслись, — вновь взял чайничек, вернулся к эльфу, приподнял его голову, поднёс к губам носик посуды. Пленник сделал несколько долгих, жадных глотков, вода струйками потекла по его подбородку...

Гэдж огляделся. Нашёл свою лекарскую сумку, валявшуюся под столом, поднял её, стараясь не обращать внимания на ввинчивающийся ему в затылок неприязненно-

подозрительный взгляд Клыка, порывшись внутри и достал баночку с немейником. Взял немного мази на палец и, секунду помедлив — эльф смотрел безучастно, — осторожно нанёс целительное зелье на синяки и ссадины пленника, на края раны на его виске, на рыхлую кожу вокруг ожога, не трогая пузыри и чёрный струп. Хэлкар его действия вряд ли одобрил бы, но Гэджу было наплевать; я — лекарь, сказал он себе, моё дело если уж не исцелить, то хоть притупить страдания... Эльф мучительно задрожал всем телом, прерывисто вздохнул, пережидая приступ боли, потом перевёл взгляд на Гэджа. Кажется, впервые в его безжизненных, тусклых, точно подернутых патиной светло-голубых глазах мелькнуло что-то вроде осторожного интереса.

Покрытые кровавыми струпьями, потрескавшиеся губы пленника шевельнулись почти беззвучно:

— Ослабь путы. — Он говорил по-эльфийски. — Руки затекли...

Гэдж разобрал только «ослабь» и «руки». По спине его пробежал холодок. Как это понимать — у бедолаги действительно просто затекли руки или... что? Может, он лелеет мысль освободиться? Удрать? Отсюда? Из вонючей земляной ямы, окруженной орками, темнотой и ловушками? Раненный и измученный? Или он на самом деле вовсе не настолько слаб, как хочет это показать? Может быть, он *всерьёз* подумывает вырваться из плена? Хотя бы *попытаться* вырваться, в конце-то концов, терять ему явно особо нечего...

Бред? Или пусть полубезумный, но все же имеющий некоторые шансы на успех замысел?

Гэдж закусил губу.

А ведь если бы эльфу действительно удалось сбежать, внезапно подумал он, то в Росгобеле узнали бы обо всем происходящем и без его, Гэджа, участия. И тогда не надо было бы никого предавать, не надо было бы бояться указать назгулам дорогу и терзаться угрызениями совести, ничего этого было бы не надо...

Внутри него сжалась какая-то тугая пружина.

Продолжая одной рукой придерживать чайничек, он незаметно для Клыка опустил другую руку в сумку и нащупал ланцет — узкую, остро заточенную полоску стали. Осторожно, пряча ланцет в кулаке, вынул его, подался чуть вперёд и поскреб лезвием верёвку, которой одно из запястий пленника было привязано к настилу, стараясь не столько перерезать её, сколько растрепать, истончить до последней нитки, создать впечатление, будто верёвка перетерлась о край деревянного бруса сама...

И тут же в глазах его потемнело от обрушившегося на затылок удара — это Клык подкрался сзади и врезал Гэджу поленом по голове, видимо, желая ненадолго обездвижить мальчишку во избежание нарушений приказа в целом и прочих творимых им глупостей в частности. Гэдж пошатнулся: он был застигнут врасплох, но полностью не оглушен, хоть в голове у него на какой-то миг и помутилось; он выронил ланцет, неуклюже отступил и упал... Клык кинулся на него, замахиваясь поленом, и Гэдж едва успел откатиться в сторону. Между ним и Клыком оказалась жаровня, и Гэдж пнул её — отчаянно, изо всех сил. Жестяное корытце опрокинулось, угли посыпались раскаленной грудой — на пол, на Клыка, на валявшийся под столом ветхий тюфяк... Шепелявый с проклятием отскочил и метнул полено в Гэджа — Гэдж едва успел закрыться руками, и тяжёлый обрубок дерева больно ударил его по локтю. Вдохновленный мимолетным успехом, Клык схватил злосчастный прут — уже почти остывший, но по-прежнему устрашающий, — и угрожающе надвинулся на Гэджа, щерясь, облизывая кончиком языка мерзкий, торчащий изо рта зуб. Замахнулся,

готовый опустить прут Гэджу на голову, видимо, полагая (не без оснований), что спокойный, не доставляющий неприятностей мальчишка — это бесчувственный мальчишка... и тут же захрипел, застыл, странно изогнулся всем телом. На роже его застыло выражение крайнего изумления, глаза вылезли из орбит, из кривого рта выплеснулся фонтанчик крови; он медленно, точно подрубленное дерево, повалился вперёд... Меж его лопаток торчала рукоять его собственного, только что наточенного до тончайшей остроты палаша.

Эльф. Он, значит, действительно сумел справиться с силами, разорвать почти перетертую веревку и освободиться, пока Клык отвлекался на Гэджа, а потом схватил брошенный охранником клинок...

Гэдж замер.

Брезгливо наступив ногой на труп, эльф с усилием выдернул из чавкнувшей плоти лезвие палаша. Перевёл взгляд на Гэджа — и орку стало не по себе... Он сидел, скорчившись в углу землянки, подтянув колени к животу, и эльф стоял над ним — бледный, страшный, с зияющей раной на груди, с диковатым блеском в глазах, с обнаженным, залитым кровью мечом наперевес... Презрительно кривил уголки губ:

— Ты в самом деле дурень или просто прикидываешься?

Гэдж оторопел. Что эльф имел в виду? То, что получасом ранее Гэдж поддался неуместной жалости, будь она неладна, и «вспомнил» дорогу? Или то, что освободил пленника? Или и то, и другое, и ещё что-нибудь третье вместе взятые? Он судорожно глотнул:

— А ты в самом деле хочешь отсюда удрать или просто прикидываешься?

Эльф смотрел подозрительно. Кивнул в сторону выхода:

— Снаружи — охрана?

— Откуда мне знать? — пробормотал Гэдж. — Наверное.

Глаза эльфа превратились в узкие щелочки:

— Ты действительно укажешь этим гнидам дорогу?

Гэдж был уверен: скажи он «Да», — и эльф снесёт ему голову палашом без всяких сомнений и сожалений. Но и говорить «Нет» было, пожалуй, бессмысленно.

— Я... постараюсь их задержать. Предупреди... своих, — прохрипел он. — Только... осторожнее. Вокруг лагеря ловушки...

— Это мне ведомо, — процедил эльф. Ещё секунду он стоял над Гэджем, точно раздумывая, не лучше ли будет от мальчишки избавиться, потом попятился к дверце, по-прежнему не выпуская орка из вида и, сняв засов, осторожно толкнул створу. Дверца не поддавалась — верно, снаружи она была для надёжности подперта крепкой жердью.

Но это значило, что охраны, скорее всего, возле выхода нет. Эльф процедил сквозь зубы несколько непонятных Гэджу слов. Секунду о чем-то поразмыслил и пнул горсть углей на и без того вяло тлеющий соломенный тюфяк.

— Если не хочешь, чтобы мы оба тут подвялились, как гуси в коптильне, кричи «Пожар!» изо всех сил, — бросил он Гэджу. — Ты слишком для них ценен, чтобы они не попытались тебя вытащить.

Ветхий тюфяк и впрямь чадил, как коптильная печь. Прелая солома лениво дымилась — она не горела, а курилась, испуская клубы едкого дыма, и землянку неторопливо заволакивало мутным угаром, от которого начинало щипать глаза и першить в горле. Гэдж неуверенно стукнул в дверь кулаком.

— Пожар!

— Громче! — шёпотом приказал эльф.

Гэдж забарабанил по двери ногами и кулаками.

— Пожа-ар! — заорал он во всю силу легких. — Гори-им! Выпустите нас!

Тонкие струйки дыма уже просачивались в отдушину на потолке и щели между досками двери. Если их не заметят в темноте, если не учуют запаха дыма, если нас сейчас не услышат — мы задохнемся тут куда раньше, чем орки поймут, что вообще происходит, в мимолетной панике подумал Гэдж. Эльф исподлобья наблюдал за ним; он стоял возле двери, мрачный и сосредоточенный, тяжело дыша, прижавшись спиной к стене, держа наготове острый клинок.

— Гори-им! — прохрипел Гэдж. Горло его сжималось от едкой дымной горечи, хотелось кашлять: в груди будто застрял кусок скрученной узлом раскаленной проволоки. Он вновь заколотил в дверь — сильно, отчаянно, кулаками, ногами, плечом, всем телом...

Внезапно дверь распахнулась, и Гэдж чуть не вывалился на стоявшего за порогом встрепанного *снагу*. «Козьявка» был взъерошен и зол, и явно готов обрушить на голову тупого мальчишки поток отнюдь не изящных словес, но брань замерла у него на устах — в мгновение ока из-за угла, оттолкнув Гэджа, выскочил эльф. Коротким взблеском сверкнул палаш — и *снага*, пронзенный насквозь и, должно быть, так и не успевший ничего толком понять, безмолвным снопом повалился через порог.

Дорога была свободна.

Впрочем, к землянке со всех концов лагеря уже бежали другие орки — такие же злые, растерянные и недоумевающие. Эльф метнулся куда-то в сторону, в росшие обочь кусты — и исчез; Гэдж с трудом перевел дух. Ну, сказал он себе, теперь, кажется, от меня не зависит ровным счетом ничего. Если эльф и в самом деле сумеет отсюда вырваться...

А если — не сумеет? Куда он делся?

Чья-то крепкая лапища схватила его за шиворот.

К счастью, это был не Хэлкар, как Гэдж в первую секунду в ужасе вообразил — всего лишь какой-то рослый урук из тех, которые пришли с отрядом из Крепости. Он тряс Гэджа, как грушу:

— Что тут, пес возьми, происходит?

Гэдж хрипел и сипел, хватая ртом воздух, делая вид, будто пытается справиться с неодолимым приступом кашля. Надо было выиграть время и придумать, как отвечать.

— Эльф... сбежал... — выдавил он. — Сумел как-то... освободиться...

— Что?!

— Он зарезал Клыка! И меня чуть не убил! — плаксивым голосом выкрикнул Гэдж и в качестве подтверждения схватился рукой за голову — за ссадину, которую ему нанес поленом шепелявый. — Я сопротивлялся, а потом... жаровня опрокинулась... тюфяк загорелся... Эльф сказал, что убьет меня, если я не стану кричать! — Он испуганно всхлипнул. — Я не хотел... Я боюсь!.. Я не...

— Глоб! — в ярости прорычал урук. — Куда делся остроухий? Куда, ты видел?

— Туда! — Гэдж ткнул пальцем в сторону, противоположную той, в которой он в последний раз видел эльфа. — Он побежал туда! К рубежу!

— Пхут! — ругнулся урук. Гэдж надеялся, что орк его выпустит, но куда там; урук яростно засопел и потащил Гэджа за собой, как мешок, куда-то во тьму под деревья, во всю глотку скликая сородичей: — Сюда! Сюда! Эльф сбежал!.. Сдам тебя визгуну, пусть сам с тобой разбирается! — рывкнул он Гэджу. — Да шевели копытами наконец! — Но, не

отбежали они от землянки и на пару десятков ярдов, как позади раздались чьи-то крики, взвизги, звон оружия... Урук остановился и обернулся.

Гэдж похолодел.

Видимо, несмотря на талант эльфа прятаться в темноте, его обнаружили — там, с другой стороны землянки. Что-то там происходило, какая-то колготня: эльф сцепился в схватке с тремя наседавшими на него *снагами*. Урук с проклятием бросил Гэджа под ближайшим деревом и устремился к месту стычки, где под палашом эльфа один за другим падали орки — не противники они были опытному, закаленному в каждодневных упражнениях эльфийскому воину, ловким и отточенным движениям которого не мешали ни слабость, ни увечья, ни боль от ран. Один «козявка» уже корчился на земле, другой лежал неподвижно, третий, ещё оставшийся в живых, попытался отступить, ускользнуть, но не тут-то было — беспощадный клинок тотчас настиг и его... Эльф развернулся к подбегающему уруку — резко, всем корпусом — и метнул в него короткий дротик, который, видимо, приволок с собой кто-то из несчастных *снаг*.

Всё произошло за считанные мгновения.

Урук захрипел и рухнул с пробитым горлом: голова его как-то неестественно запрокинулась, ноги дергались в траве, точно все ещё пытаюсь бежать, лапы сжимали меч, но никого догнать и зарубить он уже не мог... Эльф резко выпрямился — в одной руке у него был палаш, в другой — короткий кинжал, изъятый у кого-то из поверженных противников, — секунду стоял на месте, видимо, оценивая обстановку, потом тенью метнулся прочь, во мглу, под деревья, избегая открытого пространства...

Но его отчаянный рывок был уже замечен. В лагере протрубили тревогу.

Орки уже всполошились и там и сям, уже кричали и улюлюкали, уже тащили факелы, бежали наперехват и стягивали кольцо, уже держали наготове оружие, рогатины и верёвки. Уже кто-то выдергивал стрелу из колчана, натягивал лук и, прищурившись, брал беглеца на прицел...

«Вокруг лагеря ловушки... — Это мне ведомо...»

Каким образом эльф надеялся их избежать? На что он вообще рассчитывал? Скрыться в лесу, в ночной тьме? Затеряться в зарослях? Или, может быть, уйти поверху, по деревьям, взобравшись на «второй ярус» и пустив в ход всю свою эльфийскую сноровку и ловкость? От отчаявшегося, загнанного в угол беглеца, которому терять было уже нечего, приходилось ждать всего что угодно...

Гэдж стоял, обмирая от волнения, прижимаясь всем телом к крепкому морщинистому стволу старого дуба. На пару секунд он потерял эльфа из вида, но потом тот, окружаемый преследователями, выскочил из-за деревьев — невядалеке, в паре десятков ярдов от Гэджа. Он мчался вперёд неудержимо и целеустремлённо, как выпущенный из арбалета болт, направляясь напрямиком к дереву, за которым прятался Гэдж, и должен был пробежать совсем рядом, в нескольких шагах...

Это было жутко и — почему-то — неожиданно.

Впрочем, почему «неожиданно»? Дуб стоял на краю лесной чащи, и аккурат за ним начинался настоящий, сумрачный и густой лес, в котором можно было спрятаться, раствориться, исчезнуть, провалиться сквозь землю или, наоборот, взобраться на дерево и продолжить путь «по верхам». Наверно, эльф надеялся именно на это...

Или — на что?

Гэдж до боли закусил губу.

Беглец был уже близко. Над ухом Гэджа свистнула стрела — мимо! Другая вонзилась в ствол дерева чуть выше... Гэдж вжался в шероховатую кору; сердце у него колотилось так, словно это он бежал сейчас, преследуемый, под стрелами, пригнувшись, стараясь слиться с теньями, выверяя каждый шаг, глядя на приближающуюся границу леса, ну же, осталось немного, еще чуть-чуть...

Кто-то выпрыгнул из темноты эльфу наперерез.

Радбуг! Гэдж узнал его по светлым волосам, бледным пятном мелькнувшим в полумраке. *«Я вообще-то стою здесь в дозоре...»*

О, нет!

Со звоном скрестилось оружие. Эльф был к этому готов: он ни на секунду не сбился с ноги, клинки в его руках взметнулись серебристым вихрем, он был сама ярость и отчаяние, само нечеловеческое стремление к свободе, которая была — рядом, рукой подать! — и какой-то тупой орк не мог его остановить...

— Радбуг, уступи! — крикнул Гэдж.

Радбуг не слышал — или не желал слышать. Он отбил один удар палаша, увернулся от другого, но выпада кинжалом избежать уже не мог, и этот нанесенный снизу удар должен был стать для него — последним.

— Нет! — прошептал Гэдж.

Звякнула сталь. Невероятным усилием Радбуг сумел поймать лезвие клинка металлическим наручем, но не удержался на ногах — упал, подставляясь под удар, и эльф вскинул над ним палаш...

Дело решали доли секунды.

Гэдж действовал бездумно.

Время загустело вокруг него, как смола. В ладони его невесть откуда оказался не то камень, не то твёрдый ком земли. Он видел меч, сжатый в руке эльфа, видел, как эльф заносит клинок над головой Радбуга, готовый одним взмахом добить поверженного противника — и швырнул камень в эту сжимающую оружие руку, чтобы задержать, отклонить, отвести в сторону смертоносный удар...

Это, кажется, возымело успех: рука эльфа дрогнула, он покачнулся... Радбуг судорожным нырком ушёл в сторону, катнулся вбок, пнул противника под колено...

Эльф сумел не потерять равновесия, выпрямился и отпрыгнул в сторону, но тут же прилетела из темноты орочья стрела, клюнула его в спину, за ней — другая, в бедро...

Секундная задержка оказалась для беглеца роковой.

Эльф пошатнулся.

Подоспевшие орки окружали его — слева, справа, сзади. Гэдж тоже выскочил из-за дерева — и на мгновение встретился с бегльцом глазами... Эльф стоял, покачиваясь, пронзенный стрелами, бледный, как призрак, и отчаяние стыло в его взоре — страшное и безнадежное, как вселенская пустота. Он уже все понял, уже знал, что игра проиграна, что уйти не удастся... вскинул руку — в ней всё ещё был зажат короткий кинжал... и стремительным коротким броском метнул сверкающее орудие — прямиком в Гэджа.

«Ты действительно укажешь этим гнидам дорогу?»

Нет, теперь не укажешь, предатель, вонючий орк.

От острой боли в глазах Гэджа помутилось.

Кинжал вонзился ему в грудь, глубоко под ребра.

Дыхание в его лёгких кончилось разом, как перерубленное. Что-то выкрикнул — по-

эльфийски — беглец, что-то хрипло прорычал Радбуг, вновь яростно зазвенело, зазвучало оружие. Перед взором Гэджа все поплыло, мир покачнулся и повернулся вокруг, будто огромный ушат...

Со всех сторон набежали орки, обступили, окружили; откуда-то тёмной угрожающей фигурой надвинулся Хэлкар. Пленник всё ещё держался на ногах, стоял, залитый рваным светом факелов, в центре круга — тяжело дыша и скалясь, словно загнанный, обезумевший от отчаяния зверь. Потом вскинул палаш и, вызывающе глядя на назгула, перерезал себе горло — резко и мгновенно, одним решительным, точно выверенным движением. Никто не успел его остановить.

Алые брызги крови окропили палую листву, тело эльфа безвольно рухнуло, корчась и содрогаясь в короткой агонии, разметывая бурую лесную подстилку, наконец замерло в неподвижности. Беглец был отныне свободен — мертвый.

Гэдж ничего этого не видел. Он задыхался — воздуха в его пробитой груди как будто совсем не осталось. Ощущение застрявшего в теле острого железа было поистине невыносимым, но выдержать клинок орк не решался, знал — станет только хуже. Впрочем... какая теперь разница? Из раны выбивалась тёплая струйка, и руки Гэджа, судорожно сжимавшие кинжал, стали липкими от крови, но, странное дело, орк ощущал не столько боль и ужас, сколько облегчение — так или иначе всё скоро должно было закончиться.

— Парень! Эй, парень! — Это, кажется, был Радбуг. Живой... и, наверное, невредимый... или нет? Гэдж не знал и не мог разглядеть: вокруг него суетливо топтались, переругиваясь, орки, выясняли, как эльф смог сбежать, и какого лешего задержать его никто не сумел, кроме глупого мальчишки и вшивого полукровки...

Кто-то склонился над Гэджем, отчаянно затряс за плечи.

— Эй, ты чего это? Ты чего? Не вздумай подыхать! Не вздумай, слышишь! Кто мне зелье будет варить, а?

Каграт. Злой, взлохмаченный, посеревший от потрясения — но вряд ли из-за переживаний по поводу постигшей Гэджа участи. В его зеленоватых глазах стоял мутный недоуменный ужас.

— Найди... в лекарской... протраву от червей... — немеющими губами прохрипел Гэдж; судя по тому, как ему не хватало дыхания, и с какой скоростью пропитывалась кровью прилипшая к телу рубаха, он вдруг отчетливо осознал, что варить кому-либо какие-то там зелья ему уже вряд ли придется. — И пей... по унции в день в течение недели... поможет...

— Что? — Каграт явно решил, что Гэдж либо бредит, либо издевается. — Что ты несешь?

Папашу оттеснили в сторону, Гэджа обдало волной холода: над ним склонился Хэлкар. Гэдж физически ощущал исходящие от назгула волны ледяной ярости. Вновь тускло блеснуло на его пальце Кольцо — Хэлкар ввинчивался в сознание Гэджа грубо, бесцеремонно, ничего уже не стесняясь; и вновь Гэдж проваливался в тёмный, лишённый дна ледяной колодец, наполненный смутным ужасом и бесформенными видениями...

В висок его вонзилась пульсирующая игла; Гэдж чувствовал, что его сейчас стошнит. Он был слишком слаб даже для того, чтобы перевести дух, не говоря уж о том, чтобы пытаться сопротивляться. Закончились в его воображении и живописные закаты, и красочные рассветы, и спасительные глиняные плошки...

Наконец Хэлкар отстранился. Кому-то отрывисто бросил через плечо:

— Мальчишка безнадежен, но, по крайней мере, это развязывает мне руки... еще около

часа, думаю, у нас есть. Поспешим.

***

— Что-нибудь нашёл? — спросил Саруман.

Гарх с отвращением выплюнул на стол металлическую бляшку.

— Вот эта штука тебя устроит? Она там... поблескивала в траве.

— Я не настолько падок на все блестящее, как ты, но вещь занятная, — пробормотал Белый маг. Он поскреб металлическую пластинку ногтем: это была одна из тех блях, которые орки нашивали на кожаные нагрудники. — Где ты её нашёл?

— Там... на полянке в лесу, — туманно пояснил ворон.

— На какой полянке?

Гарх как будто стусевался. Он не слишком хорошо запоминал в темноте дорогу.

— Ну, тут, недалеко... Если лететь на северо-восток... А потом... В общем, дерево там кряжистое на краю... и пенёк такой замшелый... как будто бородой поросший...

— Похоже на Змеиную лощину, — заметил Радагаст, который как раз вошёл в горницу с охапкой поленьев подмышкой. С грохотом опустил свою ношу на пол, чтобы уложить в подпечек, из которого сердито зафыркал недовольный ёж. — Там как раз имеется такой пенек в виде бородатой головы, под ним семейство ужей живет. И ещё...

— Что?

Радагаст как будто замялся.

— Ну, «якорек» там у меня... Одно из заклятий, на которых Завеса завязана...

Саруман в волнении расхаживал по горнице из угла в угол.

— «Якорек», говоришь, вон оно что... Ты уверен, что он на месте, этот твой «якорек»? Как попасть в эту лощину?

— Надо идти от Росгобела по тропе на северо-восток, а потом подняться по оврагу против течения ручья. Но я не думаю, что...

— Смотрите! — скрипуче прокаркал Гарх.

Голубоватый кинжал, лежавший на столе, вновь ярко, ослепительно вспыхнул в полумраке, — на секунду рисунок, украшавший лезвие, отчётливо проступил даже сквозь плотную ткань покрова. И тут же погас — разом, будто его задули, точно свечу, потемнел, как безжизненная обугленная деревяшка...

Лицо Сарумана в медленно тающем голубоватом отсвете сделалось застывшим и гипсово-белым, точно неудачная посмертная маска.

— Гэндальф не появлялся? — отрывисто спросил он. Пару часов назад Гэндальф отправился в лагерь Келеборна, то ли надеясь оказать на месте какую-то помощь, то ли полагая, что присутствие волшебника в любом случае может оказаться для эльфов бесполезным. «Даже такого волшебника, как ты?» — с раздражением спросил тогда Белый маг, настроение которого в последние несколько часов ухудшалось с каждой минутой.

Радагаст пожал плечами.

— Вероятнее всего, он теперь появится вместе с эльфами. Они должны вот-вот подойти.

— Весьма типично для Гэндальфа — исчезать в тот момент, когда он наконец мог бы хоть как-то пригодиться. Ладно. — Саруман решительно взял в руки угаснувший кинжал. — Мне нужно взглянуть на эту Змеиную лощину.

Радагаст смотрел с сомнением:

— Сейчас? Зачем? Опасно соваться в лес на ночь глядя, тем более если в Змеиной лощине действительно что-то неладно... Не лучше ли подождать до утра?

— Не лучше. Я всего лишь хочу узнать, цел ли он там, этот твой «якорек» и не разметало ли его по кустам шальным ветерком. Да и любопытно увидеть, как поведет себя в этом неладном месте зачарованный кинжал... Полагаю, это не займёт много времени.

Радагаст насупился. Как ни мало он одобрял сарумановы замыслы в целом и желание соваться ночью в лес в частности, но все же чувствовал своим долгом как-то обозначить свое участие:

— Я пойду с тобой.

Белый маг отрицательно качнул головой.

— Нет. Не стоит оставлять Росгобел совсем без защиты. Будь здесь и жди Келеборна и Гэндальфа, эльфы должны появиться в течение ближайшего часа... лучше обойди вокруг дома да проверь, все ли из заклятий, поддерживающих Завесу, на своих местах, целы и работают как должно. А уж я постараюсь надолго не пропадать... Обещаю.

57. Змеиная лощина

Сквозь боль и дурноту Гэдж смутно осознавал всё окружающее. Кто-то из орков все-таки выдернул клинок из его раны — наверно, жаль было терять в неизвестности хороший кинжал. Дыру под ребром Гэджу заткнули пучком корпии, и даже попытались перевязать прямо поверх рубахи; потом куда-то волокли, потом подняли и усадили на холку лошади, и холодная лапа Хэлкара, угнездившегося позади, в седле, крепко обхватила его за плечи. Конь, фыркая, шёл быстрой тряской рысью, и при каждом его шаге в бок Гэджа как будто снова всаживали нож, и выбивалась из раны кровь, и повязка медленно, но верно пропитывалась насквозь, вязко набухала и сползала, сползала, становясь тяжёлой и мокрой. Впрочем, это продолжалось недолго, не больше нескольких минут; потом Гэджа сбросили на землю, и он пришёл в себя от резкого, шибанувшего ему в нос едкого запаха.

Это Хэлкар прежде, чем выехать из лагеря, предусмотрительно запасся пузырьком с нюхательной солью.

— Ну-ну, давай, окстись, орк... ты мне ещё нужен... Ненадолго.

Гэдж с трудом проморгался. Поднял голову — и упёрся во взгляд назгула, будто в глухую стену: тёмную, непробиваемую, заполняющую собой все обозримое пространство... И всё же сквозь кровавый туман, стоящий перед взором, Гэдж узнал приметное место — ту самую лощинку, на краю которой росла древняя седая ветла. Почему Хэлкар привёз его именно сюда? Может, потому, что именно здесь, в силу каких-то неведомых причин, воспоминания Гэджа были особенно яркими и отчетливыми, потому, что именно здесь находилась «дверца», приоткрывающая лазейку в Мир-Гэджа-до-Крепости, и назгул хотел подобрать к этой «дверце» ключик? Орк не знал — и не имел никаких сил этого выяснять.

Он полусидел, привалившись спиной к огромному замшелому пню, и Хэлкар мрачной холодной глыбой нависал над ним, пытаясь привести в чувства.

— Очухался? Смотри сюда.

Перед глазами Гэджа возникло кольцо — тонкий золотой ободок с алым камнем. Назгул что-то зашептал — не то на Черном Наречии, не то на каком-то другом, незнакомом Гэджу языке, избобилующем шипящими и лязгающими звукосочетаниями; колючие уродливые слова вбуравливались в сознание, как стальные клинья вбуравливаются в камень, заставляя его крошиться и трескаться, принимать нужную каменотесу форму. Красный минерал в перстне, маячивший перед взором Гэджа, представлялся ему огоньком, блуждающим в буром, как засохшая кровь, мокрому тумане, облепляющем с головы до ног, рождающем в голове смутные видения: отблеск пламени в подвале... замшелые стены Крепости... внутренний двор... подземелье... Комната-с-колодцем... приземистая, заплесканная кровью плаха...

— Не то, вернись в лес... В лес, — приказал назгул. Алый камень в его перстне был уже не огоньком — кровавым глазом, заглядывающим, казалось Гэджу, в самую его душу, выворачивающим её наизнанку — так вязальный крючок выворачивает старый драный носок, — пытающимся проникнуть взором в самые сокровенные уголки. Багровое мерцание то начинало угасать, то разгоралось с новой нестерпимой силой, рождая ужас и боль, а в этой боли — тени, образы, смутные очертания вещей, людей и ландшафтов, вереницу знакомых и незнакомых лиц, предметов, картинок: осенний лес, полянка с замшелым пнем... старая ветла на краю... тропа, уходящая в овраг, вдоль ручья и дальше — на юго-

запад, к холму на опушке Лихолесья... к старому бревенчатому дому за плетенной из тальника изгородью... с поросшим зеленоватым мхом порогом, потемневшим от времени высоким коньком на крыше и увитыми плющом столбиками крыльца...

— Овраг, ручей, холм... — бормотал назгул. — Дальше, что дальше?

Дальше не было ничего, только туман — сверху, снизу, по сторонам. Что-то не пускало Гэджа вперёд, какая-то упругая невидимая сеть. Туман кружился — и только; не было в этом тумане ни видений, ни образов, ни продолжения пути... Была неумная багровая боль, всеобъемлющая, пронизывающая и раздирающая, как крюк палача.

Назгул приглушенно цедил не то заклинания, не то ругательства.

— Дом... дом на холме... Кто там живет?

Кто живёт... Радагаст... Отшельник в буром балахоне... держащий на ладони зеленогрудую пичужку... деревянным гребнем вычесывающий репы из шерсти озорника-медвежонка... прислушивающийся к фырканию ежа... разговаривающий со зверями и птицами... старый волшебник и ворожей... такой же, как Шарки...

— Шарки... Что ты знаешь о Шарки, орк?

Гэдж захрипел; ему не хватало воздуха, кровавая взвесь поднималась, закручивалась перед глазами тошнотворным вихрем, он терялся в нем, захлебывался, стремительно шёл ко дну — в густой холодный мрак, из которого нет возврата, вечную ночь, пропасть, бездну, стылое небытие.

— Ну? — наседали назгул. — Отвечай, орк. Быстрее. Кто такой Шарки?

— Ты хочешь знать, кто такой Шарки? — спросил вдруг голос из темноты, негромкий, но очень внятный, раскатившийся по лесу, точно беззвучный гром. — Шарки здесь. И он сам готов тебе это объяснить.

Хэлкар медленно выпрямился.

Из лесного сумрака на краю поляны выступила фигура всадника: Саруман восседал на чёрном, как ночь, коне Кхамула, и в поднятой руке мага сверкал голубоватый кинжал. Свечение пробежало по клинку снизу вверх, озарило птиц и виноградные лозы, засияло на острие ослепительно-белой звездой; пустив коня вскачь, напрямик на назгула, Саруман метнул кинжал в тёмную фигуру. Хэлкар вскинул руку, будто защищаясь, и лощину на секунду озарило багровой вспышкой; сорвались с клинка ожившие птицы, закружились вокруг назгула серебристым вихрем. Кинжал прошёл сквозь тело Хэлкара, как игла проходит сквозь лоскут ткани, и упал в траву. Назгул пошатнулся, но устоял; края пробитой клинком дыры изошли сизым дымом, и темная фигура окуталась чёрным, расползающимся бесформенными лоскутами туманом.

— С-сволоч-чь, — прошипел он. Левая его рука полностью обратилась в черный дым, но правой он вытянул из ножен меч, багровеющий густым тусклым свечением; Кольцо на его пальце налилось мощью, потемнело, окуталось грязновато-алым ореолом — неярким, но отчего-то вызывающим неприятную резь в глазах.

Саруман развернул коня в дальнем конце лощины, вынул из воздуха пылающий серебристый шар.

— Не будь дурнем, проваливай к своему хозяину, или я сейчас развоплю тебя, как твоего дружка Кхамула. С особой жестокостью — за мальчишку!

Хэлкар — сгусток кольшащейся под плащом чёрной мглы — захохотал.

— Мальчишка мертв! Ты доволен?

Саруман метнул в него серебристый шар. Хэлкар поймал его острием меча, но зря —

шар лопнул, серебристый свет змейками побегал по лезвию, оплел руку назгула, Хэлкар не взвыл — взревел, вскрежетал, возопил так, что задрожала на деревьях еще цеплявшаяся за ветви листва. Упала на землю металлическая маска, Тьма, до сих пор скрытая под плащом, сбросила личину, загустела, набрякла недоброй силой, закрутилась воронкой, внутри которой наливалась багровая искра, сродни алому мерцанию в Кольце. Бесшумно соскользнуло на траву темное одеяние. Поднялся ветер, промчался вихрем вокруг лощины, рванул ветви деревьев, обрёл форму тонкого смерча; темная воронка поднялась над землёй, всасывая, втягивая в себя окружающее — палую листву, сухие сучья, хвою, лесной сор. Струи разлитой под деревьями сумеречной тьмы втягивались в неё, как нитки втягиваются в клубок, и сгусток мрака впитывал их в себя, чёрный и опасный, точно грозовая ночь, он рос и ширился, поднимался над землёй, и в нем мчались скукоженные, сорванные с ветвей обрывки листьев, и вырванные из земли камни, песок и пыль, и проскальзывали коленчатые багровые молнии, и угадывался странный взгляд — исполненный ярости, досады и холодной, надменной ненависти, чистой и острой, как обнажённый клинок.

— Ты пожалееш-шь... с-старый хрыч...

Саруман поднял руку, и в ней был меч, сотканный из серебристого свечения. Лицо мага блестело в темноте, напряженное и прозрачно-бледное, будто нарисованное мелом на тёмном стекле.

— После тебя, тварь. — Он ударил пятками вороного коня. — Вперед.

Конь захрапел. Сгусток тьмы поднялся — воронка завернулась туже, набрала силу, изогнулась и подалась вперёд, разеваясь, точно огромный рот, навалилась на всадника мощью, и холодом, и дыханием тлена, стремясь раздавить, расплющить, развеять в пыль — и напоролась на лезвие серебристого меча...

Темнота лопнула. Лощинка осветилась вся, целиком — от верхушек деревьев до самых потаенных мышинных нор — и содрогнулась земля... Всю свою Силу вложил Саруман в этот удар, всю пережитую боль, ярость и ненависть, всю жажду возмездия — и не дано было назгулу противустать этому сокрушительному напору... Хэлкар был зол — но Белый маг, к несчастью назгула, был ещё злее.

Жуткий, душераздирающий полувизг-полувоплъ сотряс мир. Воронка держалась ещё мгновение, нависала, выла, грозила смертью и Тьмой — и вдруг рассыпалась, разорвалась, разбрасывая клочья мрака и жгучие багровые искры; взметнулись в воздух листва и комья земли, камни, сучья, градом посыпались с небес, рвущихся, гремящих, озаряемых серебристыми зарницами. Ещё секунду-другую вокруг было светло, как днём, и беззвучно гремела ночь, и сотрясалось небо, и дрожала земля, и рассыпались вокруг, забивались обратно в поры почвы и под корни деревьев клочья выползшей из нор тьмы...

А потом настала тишина. Плотная и глухая, будто разом забившая уши мохом. Истинно мертвая, безжизненная, как безмолвие древнего заброшенного склепа...

Застыла ночь.

Замерло время.

Но звуки — упрямые, неубиваемые — всё же, пусть и не сразу, вернулись.

Родился в высоких кронах робкий ветерок, тронул листву, зашелестел сухостоем; с тихим шорохом спорхнул с ветки опавший лист. Далеко, на пределе слышимости, хрипло крикнула в лесу ночная птица. Что-то шевелилось и похрустывало на земле: догорала подожженная багровыми искрами сухая трава, лопались мокрые сучья, деликатно потрескивала хвоя, дымилась, оставляя вместо себя чёрные обугленные проплешины.

Пахло гарью — какой-то особенно едкой и мерзкой, болезненно царапающей горло.

Саруман с трудом перевёл дух.

Усилием воли заставил себя опустить руку и разжать пальцы — судорожно стиснутые, сведенные судорогой, точно все ещё сжимающие невидимый меч. Рука его, от кисти до локтя, горела, будто трухлявое, охваченное огнём деревянное полено. Вот и всё, сказал он себе — всё закончилось... Впрочем, всё ли?

Еще подъезжая к полянке, Белый маг понял, что радагастов «якорек» здесь сорвался, и защитная Сеть оказалась «прорвана», приоткрылась прорехой — крохотной такой лазейкой; — но встречи с назгулом лицом к лицу все же не ожидал... и сейчас чувствовал себя выжженной и истоптанной, оставшейся после яростного сражения землёй — израненной, безжизненной, пустой, залитой кровью и присыпанной седым пеплом. Отсутствие посоха все-таки давало себя знать: короткая схватка вытянула из мага сил куда более, чем ему бы хотелось, и приходиться в себя оказалось нелегко, гораздо сложнее, чем представлялось поначалу, требовалось усилие, чтобы отогнать стоявшую перед глазами дурнотную тьму и унять постыдную, дурацкую какую-то дрожь в одеревеневших руках...

Вороной конь тоже беспокойно всхрапывал, подрагивал крупом, трудно поводит боками, хотя, казалось бы, ему, возвращенному в Чёрном Замке, к подобным магическим поединкам было не привыкать... Скрюченной, как клешня, ладонью Саруман погладил скакуна по шее, чтобы кое-как успокоить, потом намотал на луку поводья и неуклюже сполз с седла. Постоял, ожидая, пока всё окружающее придёт в состояние более-менее устойчивого равновесия, огляделся, заставляя себя не вздрагивать от каждого шороха, шагнул вперед, пошатываясь, держа перед собой вытянутые руки, точно слепой.

— Гэдж.

Мир плыл перед его взором.

Он склонился над мальчишкой, схватил его за запястье, пытаясь нащупать пульс, злясь на непослушные, потерявшие почти всякую чувствительность пальцы. Успел нащупать набухшую от крови повязку — тёплую и мокрую... Но тотчас откуда-то прилетел дротик — чёрный, орочий — воткнулся в землю у самого основания пня. За ним последовало короткое копье... Должно быть, это подоспели орки, бежавшие на некотором расстоянии следом за Хэлкаром. Они не видели того, что минуту назад здесь произошло? Или, напротив — видели слишком хорошо, и теперь надеялись взять тепленьким обессиленного противника? Ах ты ж!.. Саруман беззвучно выругался. Выпрямившись во весь рост, он смел камни и дротики, вяло сыплющиеся из мрака, воздушным щитом, потом живо отступил в тень, под защиту пня. Поднял безжизненное тело Гэджа, укрывая его плащом, оттащил в ямку меж узловатых, выперших из земли древесных корней, уложил в неглубокой земляной выемке, будто в колыбели.

— Не стрелять! — гаркнул он. Орки прятались в лесном мраке, и маг не знал, сколько их здесь, но подозревал, что не меньше пары десятков. — Первого, кто высунется из-под деревьев, развею на месте! Приказы вашего ненаглядного Визгуна сошли на нет вместе с ним, так почему бы вам тоже не убраться восвояси, пока ничто не мешает?

Лес не отвечал; смотрел настороженно, пытался осознать произошедшее, полнился шелестящим, стелющимся вокруг лощины неуверенным шёпотом. Наконец негромкий хрипловатый голос сказал:

— Шарки. Давно не виделись, старый хрыч... Что же ты свалил из Замка, не попрощавшись и не пожелав мне ни здоровья, ни долгих лет жизни?

Саруман настороженно вглядывался в обступающий мрак.

— Каграт, казарменная скотина... Отведи своих разбойников в лес, если не хочешь неприятностей. Дальше вам хода нет... и не будет.

Но орк выполнять настоятельную просьбу не торопился:

— Ты под прицелом десятка стрел, Шарки. Я дам приказ — и тебя утыкают ими, как подушечку для иглоков.

Саруман даже не усмехнулся:

— Ну, утыкают — и что дальше? Вступать со мной в бой тебе резона нет, живьем тебе меня не взять... а труп тебе мой ни к чему, иначе ты бы сейчас со мной турусы не разводил.

— Мальчишка... жив?

— Жив или нет — он останется со мной.

— Он мне нужен.

— Мертвый?

Каграт секунду помолчал — потерял дар речи от расстройства? Или просто соображал, что теперь делать? Орк по-прежнему не показывался, но, видимо, был где-то совсем близко — должно быть, по другую сторону пня: подкрался в ночи, под прикрытием кустов и лесных теней бесшумно, как рысь. Голос его звучал зловещим свистящим полусшепотом:

— На Визгуна и его приказы мне наплевать... Но ты знаешь, почему я всё ещё здесь.

— Нетрудно догадаться, — буркнул маг. — Но ты зря думаешь, что тебе и твоей своре удастся взять меня тепленьким.

— Ничего я не думаю, — возразил Каграт, — я отродясь дурень и, если буду много думать, у меня башка по шву лопнет. Но учти — я тебя не боюсь, старый, даже если на тебе теперь нет ошейника.

— Визгун тоже не боялся, — небрежно заметил маг.

— Мальчишка ляпнул, что мою хворь можно вылечить... объясни — как?

Собравшись с силами, Саруман призвал магию: заклятие пробежало по жилам, защипало кончики пальцев, соткалось на ладони жгучей серебристой искрой. Ну, пусть только орк покажется из-под пня...

— Если он тебе сказал — зачем ты спрашиваешь меня?

— Хочу узнать, насколько ваши мнения совпадают.

— У тебя мало времени. — В отличие от Каграта Саруман говорил не таясь, в полный голос, зная, что говорит *убедительно*, и что там, в лесной тьме, его хорошо слышат. — Эльфы близко. Я уже подал им условный знак, и они будут тут с минуты на минуту. Без назгула и силы его Кольца в схватке с ними у вас шансов немного.

Где-то в темноте вновь возник, пронесся над лощинкой смутный ропот, в котором угадывались слова «эльфы», «окружают» и «пёс бы их побрал». Видимо, после развоплощения Визгуна боевой дух орков и впрямь малость поугас.

— Молчать! — приказал Каграт: сквозь зубы, но как-то особенно слышно и выразительно. — Никого здесь нет... кроме нас и этого старого сыча под пнем. Если бы он действительно рассчитывал на появление каких-то там эльфов, то вряд ли стал бы нас об этом оповещать... Ну? — обратился он к Саруману.

Белый маг прятал за спиной руку с заклятием.

— Я мог бы сказать, что тебе надо побриться налысо, и каждое полнолуние бегать нагим по крепостной стене, засунув по еловой шишке во все телесные отверстия и кукарекая на Луну... и ты бы побрился и бегал. Но, к сожалению, мальчишка вряд ли дал тебе такие

советы.

— Какие же советы он мне дал?

— Подозреваю, что он велел тебе выпить протраву от червей.

— Это поможет? — голос орка звучал подозрительно.

— Если причина твоей хвори в паразитах, которыми заражена печень — поможет.

— А если причина — не в этом?

— Тут уж я бессилен, не обессудь. Ты умрёшь.

— Все умрут, — помолчав, сказал Каграт. — Вопрос — когда?

— Не знаю, — спокойно произнес Шарки. — Возможно, прямо сейчас.

В мгновение ока он выскочил из-под пня и метнул в Каграта заклятие, зреющее у него на ладони. Но орк был к этому готов: он прикрывался деревянным щитом, который, приняв на себя основной удар, разлетелся в щепки. Каграт живо отпрянул, пригнулся, взмахнул кнутом — снизу вверх, по широкой дуге. Замешкайся Саруман на мгновение, и кожаная шлея крепко хлестнула бы его аккуратно под колени. Но в последний миг волшебник успел отпрянуть, споткнуться о корявый корень и даже упасть; чудом он отбил летящую ему в голову дубинку. Мага спасало только то, что Каграту действительно ни к чему был его труп, орк намеревался взять Шарки живьём, потому и орудовал не мечом, а кнутом и дубинкой — и орудовал, как обычно, весьма сноровисто... В отчаянном рывке Саруман ухитрился сбить Каграта с ног воздушным сгустком и закатиться в ямку под пнем. Орк упал — но тут же вскочил и отрывисто свистнул, подзывая из леса свое воинство: в лапе его поблескивал голубоватый кинжал, найденный в траве неподалеку (впрочем, кинжал был сейчас не голубоватый, а вновь коричнево-бурый, точно обугленный). Саруман вскинул руку — кинжал серебристо вспыхнул, и Каграт с проклятием выронил его, схватившись за обожженную лапу. Но из леса уже бежали орки, горланя и улюлюкая, на ходу выхватывая оружие, размахивая палашами и дубинками, в общем и целом дело складывалось как будто не в пользу Сарумана...

В широкий бок пня внезапно вонзилась стрела — и тоненько зазвенела, подрагивая. Стрела оказалась длинная, тисовая, её белое оперение было отлично различимо в ночи, оно словно светилось в полумраке длинным бледным пятном.

Кагратова кодла невольно отпрянула.

— С-сука! — прохрипел кто-то. — Остроухие!

— В укрытие! — рявкнул Каграт. — В лес, живо.

Орки вновь отступили, откатились, попрятались в зарослях. Каграт тоже куда-то исчез — но, подозревал Саруман, вряд ли отошёл далеко, просто затаился по другую сторону пня. Наверно, прислушивался и приглядывался, пытаясь понять, что происходит, где скрывается осторожный враг, и с какой стороны ждать нападения.

Но ничего не происходило — минуту, другую, третью... Эльфы, если они и в самом деле были где-то поблизости, почему-то никак не давали о себе знать. Над полянкой повисла тишина, напряжённая и пронзительная, до звона в ушах — только где-то на рубеже слышимости тоненько зудел осмелевший комар... Каграт яростно прошипел:

— Нет тут никого... По-вашему, остроухие стали бы предупреждать нас о своём появлении? Это всё твои фокусы, старый!

— Если эльфы не перестреляли вас сию минуту, как цыплят, вовсе не значит, что их тут нет, — возразил Саруман. Пользуясь короткой передышкой, он подался вперёд, щелчком пальцев сотворил с полдюжины волшебных огоньков — только на это ему, в сущности,

сейчас и хватало сил. Огоньки роем повисли в воздухе на высоте нескольких футов от земли, подрагивая и лениво перемещаясь с места на место; они были безобиднее стайки светлячков, но маг надеялся, что эта светящаяся завеса все же выглядит для непосвящённых достаточно угрожающе. — Того, кто осмелится подступить к огням, распылит на месте, — самым своим выразительным голосом добавил он, — Визгун тому свидетель... Ну что, посидим, подождём, пока вас возьмут в окружение? У меня время есть.

Он по-прежнему прятался в ложбине под корнями пня: стоял на коленях, склонившись над Гэджем, зажимая рукой рану у него под сердцем, и знал — времени и у него, и у Гэджа куда меньше, чем ему бы хотелось. Да и Каграта было не так-то легко сбить с панталыку:

— Брехня! Где они, твои эльфы? Их слишком мало, чтобы напасть и уж тем более чтобы нас окружить...

— Зато стрел у них много, — вполголоса заметил Саруман. — И они не любят терять своих — ни убитыми, ни пленными... — И, точно подтверждая его слова, где-то чуть в отдалении прозвучал звук эльфийского рожка — звонкий и чистый, далеко разнесшийся в ночи над дремлющей пущей, ему ответил второй — с другой стороны, и еще один... Каграт приглушенно выругался.

В лесу поднялся негромкий ропот.

— Не будь дурнем, Каграт! — просипели из темноты. — Нужен тебе этот вшивый старик — уж выковыривай его как-нибудь сам. Прикажешь нам тут с эльфами меситься, что ли? Их слишком много...

— Может, и прикажу, — негромко процедил Каграт в ответ. — Бузить вздумал, Уррыш?

В хрипловатом голосе Уррыша зазвучали раздражение и горечь:

— Ну, давай, приказывай. Только за ради чего меситься-то? За ради десятка трупов с обеих сторон? Визгун сгинул вместе со своими цацками, с тыла нас не прикроет... А ведь раньше тебе на своих парней, кажется, было не наплевать.

Каграт — там, по другую сторону пня — молчал. С присвистом тянул воздух сквозь зубы. Наверное, прикидывал вероятные потери в случае стычки, возможный куш и шансы на победу, яростно играл желваками, сжимал кулаки и беззвучно скрипел зубами. Наконец рыкнул коротко:

— Ладно, сиди в лесу, Уррыш, не высовывайся, я эту старую крысу без тебя достану. Кто со мной, кто смелый? Кто...

Его вновь прервал звук рожка — резкий, вызывающе-яростный, раздавшийся совсем близко, по другую сторону лощины.

Над поляной промчался серебристый сполох — высветил, озарил все вокруг, на пару секунд прогнал ночь и ослепил, как попавший в глаза солнечный зайчик.

И тут же — наконец! — дружно запели стрелы: тиунн... тиуннн...

Каграт с бранью отпрянул.

Сполох поднялся над лощиной, стянулся узлом, засиял белым, чуть неправильной формы шаром, будто не особенно удачная рукотворная луна. Интересно, чья это корявая магическая поделка — Гэндальфа? Радагаста? Обоих сразу? Ладно, какая, в сущности, разница... Как бы там ни было, и Гэндальф, и эльфы явились как нельзя более кстати, этого было трудно не признавать...

В ночи метались смутные тени. Кучно завистели эльфийские стрелы, в ответ защелкали орочьи арбалеты, тишина осенней ночи кончилась, умерла, наполнилась звоном оружия, хрустом валежника, топотом, руганью, отрывистыми командами, воплями и криками. Кто-то

наступал, кто-то оборонялся, кто-то ломился сквозь кусты, спасался бегством, прикрывал своих и вступал в неравный бой с превосходящими силами противника; Саруман не обращал внимания на всю эту суету. Он все так же сидел, склонившись над Гэджем: мальчишка был еще жив, но бледен и беспамятен — повязка вновь пропиталась кровью, нож вонзился глубоко под ребра, разорвал сосуды и жилы, наверняка повредил легкое. Белый маг оторвал пару длинных лоскутов от рубахи и плаща, сложил их в несколько слоев, плотно, как только было возможно, прижал к ране, перетянул полосой ткани...

Кто-то заполошно захлопал крыльями у него за спиной.

— Сар-руман! Вот ты где...

Гарх! Старый верный комок перьев... Хриплое взволнованное карканье никогда ещё не звучало для мага большей музыкой, чем сейчас, но он не мог позволить себе оглядываться и искать ворона взглядом, только отрывисто бросил через плечо:

— Ты, как ни странно, вовремя, старый валенок... Гэндальф, я вижу, тоже здесь?

Гарх опустился рядышком на траву, слегка взъерошенный и потрепанный, но гордый и довольный собой, точно могучекрылый орёл Манвэ, явившийся для спасения утопающих в последний момент. Над его головой вился какой-то особенно назойливый магический «светлячок».

— Ну да. Радагаст сказал эльфам, что тебя следует искать в Змеиной лощине, а я вызвался указать дорогу... — Склонив голову, он посмотрел через плечо мага и подслеповато сощурился. Боком, опасливо вытянув шею, подскочил ближе: — Кто это с тобой? Мальчишка? Живой? Мертвый? Откуда?.. Как он сюда попал?

— Слишком много вопросов, Гарх, на которые у меня пока слишком мало ответов, — с раздражением отозвался Саруман. — Скажу только, что здесь был Ангмарец... и он пытался шарить в воспоминаниях Гэджа с помощью Кольца.

— Вот ур-род. И что, ему много удалось выведать?

— Не знаю. Да это и не имеет особого значения, потому что Ангмарца больше нет... по крайней мере, в телесном воплощении. Но мне нужна помощь. И поживее.

Ворон испуганно дёрнул головой.

— Ладно, я найду Гэндальфа... Он тут где-то неподалеку.

Он взмахнул крыльями и исчез — так же внезапно, как и появился. Звуки схватки между тем тоже отдалились, откатились куда-то дальше в лес. Саруман не прислушивался, некогда ему было в это вникать; он стоял на коленях, возложив правую руку мальчишке на лоб, а в левой крепко сжимая его безвольную, липкую от пота ладонь. Осторожно призвал Силу — не ту холодную, убийственную, которой грозил Каграту, а тёплую и живительную, мягкую, как кошачья лапка; ну же, Шарки, старая сволочь, сказал он себе, давай, не отступай, покажи, на что способен...

— Гэдж, слышишь меня? Не уходи. Не уходи, мальчик...

Гэдж молчал, блуждал где-то в безвременье, в небытии, повергнутый в могильный мрак магией назгульского Кольца — колючей, неподступной, хаотично переплетенной, как скрученная узлами проволока. С исчезновением Визгуна узлы ослабли, но полностью не пропали, и Саруман заставил себя на этом сосредоточиться; он продирался сквозь путанное магическое вервие, точно сквозь липкую паутину, и нащупывал слабые места, и распутывал, и развязывал, и, если не выходило — рубил... Но не мог не признавать — Гэдж зашёл по тёмной дороге уже слишком далеко, и с каждым мгновением ускользал все дальше и дальше.

И жизнь в нем уходила тоже, неумолимо угасала, пульс — мелкий и сбивчивый —

тянулся тоненькой ниточкой, почти прозрачным волоском... тянулся... тянулся... и каждый удар сердца был слабее предыдущего, и промежутки между толчками крови становились все дольше... и Белый маг знал — рано или поздно следующий удар не случится. Но почему-то думал, что ещё не сейчас, что время есть, пусть и немного, что надо только продержаться, ещё минуту, секунду, совсем чуть-чуть...

Он сжимал жилу на запястье Гэджа с такой неистовой силой, точно был убежден: ослабь он хватку хоть на короткий миг — и биение жизни угаснет тотчас, как свеча на ветру.

И всё же мгновение, когда пульс на руке мальчишки пропал окончательно, почему-то застало его врасплох. Как удар кулаком в лицо. Безжалостный такой удар, сбивающий с ног...

Последний волосок лопнул. Ниточка оборвалась.

И уже не могла восстановиться.

Но какое-то долгое мгновение Саруман ещё надеялся на чудо.

Он схватил Гэджа за грудки, судорожно сжал в горсти ворот грязной, пропитанной кровью рубахи. Глухо сказал сквозь зубы — не прося, требуя:

— Вернись.

И не услышал собственного голоса.

— Вернись! Ну же!

Это было глупо. Но это было то, с чем Белый маг не мог заставить себя смириться.

И он ударил Гэджа ребром ладони в грудь — отчаянно, яростно, словно это могло помочь, заставить заработать лёгкие, вновь запустить сердце, побудить кровь бежать по жилам, словно могло случиться невозможное... Ударил ещё раз, и ещё, и ещё — слепо, без мыслей, без чувств, как деревянная кукла, глотая спазм в горле, ни на что уже не надеясь...

Но невозможное вдруг — случилось.

В первую секунду Саруман не поверил.

Тем не менее пульс вновь родился — слабый, прерывистый... но он *был*, пусть неуверенный, но устойчивый, сердце билось, Гэдж опять дышал — единственным здоровым лёгким. Шагнул каким-то образом назад, из-за порога смерти, вытянутый, вырванный из-за завесы, из-за которой не возвращаются... Чем вырванный? Кем? Какой неведомой силой? Саруман не ведал, да и не особенно желал ведасть, по крайней мере, сейчас — важно было вновь не отпустить Гэджа, не позволить уйти, не отдать тьме...

Спина у мага затекла вусмерть, колени болели от долгого стояния на твёрдой земле, но он этого не замечал — и ещё несколько секунд не двигался, застыв, скорчившись над Гэджем, боясь дышать, чтобы не спугнуть вернувшуюся, такую уязвимую, такую хрупкую жизнь, потом, убедившись, что пульс сохраняется, пусть малозаметный, но более-менее постоянный, медленно отстранился... сел на пятки, чувствуя себя странно дряхлым, дряблым, совершенно опустошенным, как выпитый до дна старый бурдюк. Провел руками — трясущимися, испачканными землёй и кровью — по лицу, оставляя на щеках грязные разводы...

И внезапно ощутил за спиной чужое присутствие.

Но это был вовсе не Гарх. И даже не Гэндальф.

Кто?

Белый маг замер.

Незванный визитер подошёл, ступая мягко, почти неслышно. И стоял теперь в

нескольких шагах позади волшебника, то ли не желая, то ли не решаясь заявить о себе. Враг? Друг? Враг не стал бы вот так стоять за плечом, безмолвно наблюдая за происходящим и сдержанно дыша в затылок, но и другом явившегося из ночи, пожалуй, трудно было назвать.

Впрочем, то ли неясным наитием, то ли неведомым чутьем Саруман тотчас понял, кто это. И даже не особенно удивился — слишком устал, чтобы сейчас чему-либо удивляться.

— Это ты выпустил стрелу? — спросил он, не оборачиваясь. — Ту, первую? С белым оперением?

Подошедший как-то неловко переступил с ноги на ногу.

— Да. Трофейную. — Он подался вперёд и с некоторым трудом выдернул из вязкой древесины эльфийскую стрелу, до сих пор торчавшую в грубой шкуре пня. Пояснил неохотно: — Она принадлежала тому эльфу... вчерашнему пленнику...

— Понимаю. Что с ним стало?

— Он мёртв. А я просто не хотел, чтобы вы с Кагротом поубивали друг друга.

— Ты рисковал, — негромко заметил маг. — Но за попытку помешать нападению — спасибо. Это было... кстати.

— Меня никто не видел... я надеюсь. — Радбуг секунду помолчал. Зачем-то потрогал острие стрелы, уколол палец, с раздраженным шипением слизнул выступившую на коже капельку крови. Глядя в сторону, спросил без всякого интереса: — Парень... жив?

Саруман по-прежнему не оборачивался. Цеплялся взглядом за Гэджа, как будто только — и именно — это могло сейчас удержать мальчишку на краю.

— Зачем тебе это знать?

— Час назад он спас мне жизнь.

— Он спасёт жизнь ещё многим, — проворчал Белый маг, — если, конечно, сам до рассвета не шагнет за грань. Такая вот закавыка.

— Ясно. — Радбуг мрачно сжал губы. Украдкой огляделся: эльфы были где-то рядом, в лесу, и получить стрелу в спину орку совсем не улыбалось. — Ну... это все, что я хотел узнать. Удачи — вам обоим. Прощай, — он повернулся, собираясь уйти.

Откуда-то из ночной чащи — справа, слева, — ещё временами доносился суматошный хруст веток и звон оружия. В потерявших листву ветвях ближайшего дерева путался месяц, будто рыба, попавшая в невод, заливал поляну призрачным блеклым светом. Саруман вдруг увидел себя со стороны — сгорбленный седой старик, усталый, растерянный, с диким полубезумным взором, бросающийся от надежды к отчаянию — и наоборот...

— Радбуг, — сказал он негромко.

Орк, уже отступив, секунду помедлил — но все же неохотно обернулся.

— Ты можешь остаться, — медленно произнес Белый маг. — Если... считаешь нужным. Под моей защитой. Эльфы не причинят тебе вреда, даю слово.

Радбуг не улыбнулся.

— Но не причинят и добра. Мне не место среди эльфов, Шарки, я достаточно долго прожил на свете, чтобы это понимать. И, как бы там ни было, сейчас я все же предпочитаю оставаться со своими... соратниками.

— Не смею спорить. Но знай — в случае чего тебе есть, куда идти. В Изенгарде... там, на юге Туманных гор... тебе всегда будут рады.

— Хорошо. Я это запомню, — после короткой паузы сказал Радбуг. — Запомни и ты. И... сделай все, что от тебя зависит.

Он отступил — в чашу, следом за рассеявшимся где-то в зарослях отрядом Каграта — и исчез, бесследно растворился в беспокойном предрассветном лесу.

58. Рассвет

— Значит, Ангмарец развоплощен...

— «Якорек» в Змеиной лощине «сорвался»... Завеса разорвана...

— Вот почему назгул оказался именно там...

— Митрандир, как быстро можно восстановить Сеть?

— Радагаст, кипяченую воду, корпию, повязки, снадобья, инструмент, все, что найдёшь

— живо! Келеборн, лекари в твоём стане имеются?

Владыка, в волнении меривший шагами росгобельский двор, сердито хмурил брови. Вести в целом были не слишком радостны — но, с другой стороны, все могло обернуться и намного хуже.

— Один лекарь и помощник, и оба сейчас заняты.

— Много раненых? — спросил Гэндальф.

— Около полудюжины.

— Убитые есть?

— У орков по меньшей мере два трупа. С нашей стороны, слава Эру, обошлось без жертв. Орки отступили на северо-восток, к своему лагерю, у них хорошо укрепленная берлога в лесу, штурмовать которую малыми силами опасно, да и бессмысленно. Первым делом следует направить усилия на восстановление Завесы, тут вы правы... Курунир!

— Без меня, — кратко отозвался Белый маг. — Пусть Гэндальф этим займётся, с меня было достаточно Ангмарца. И будь добр, пришли мне все-таки своего врачевателя на пару минут, мне нужно с ним посоветоваться...

***

Эймендил, эльфийский лекарь, небрежно отбросил уголок покрывала, окинул беглым взглядом бесчувственного, неподвижно лежавшего на лавке орка. Осторожно отогнул пальцем край полотняной повязки, осмотрел рану у мальчишки на груди.

— Чего ты от меня хочешь, Курунир?

— Металлическую трубку.

Гэджа, обнажённого по пояс, уложили на правый бок, заведя левую руку за голову — мальчишка по-прежнему был беспмятный, осунувшийся, серовато-бледный, зависший в безвременье между жизнью и смертью. Саруман мрачно пояснил:

— У него легкое пробито, в оболочке скопился воздух. Поэтому необходимо сделать прокол, вот здесь, чуть ниже подмышки, и удалить лишний воздух через трубку. Тогда легкое расправится.

Эймендил задумчиво кивнул.

— Смело. Но вряд ли обречено на успех. — «Хотя, если уж тебе так хочется кромсать ланцетом своего орка, я, конечно, возражать не возьмусь», — выразительно говорил его взгляд. — Подобное рукодействие, даже в случае удачного завершения, может вызвать воспаление и в дальнейшем — гниение лёгкого.

— Зелье из морских водорослей, применяемое для обработки ран, способно в какой-то мере этому воспрепятствовать, — возразил Саруман. — Но я был бы рад, если бы такой опытный лекарь, как ты, оказал мне содействие в этом нелёгком деле.

Эймендил поджал губы.

— Прошу извинить, у меня сейчас нет времени. Мой помощник не справляется.

— Много «тяжелых»?

— Сколько бы ни было, их не стоит оставлять без внимания.

— Конечно, они же не орки.

Эймендил был бесстрастен, как камень:

— Они не безнадежны, по крайней мере. Впрочем, трубку и все необходимое, что найду, я, так и быть, пришлю. Но не будем лукавить, — он вновь бросил на Гэджа оценивающий взгляд, — говоря откровенно, не думаю, что во всем этом есть хоть какой-то смысл.

— Сколько времени, — спокойно спросил Саруман, — ты ему ещё отведешь?

— Пару часов, в лучшем случае. Дело даже не в ране... Он потерял много крови и, подозреваю, до сих пор продолжает терять.

— Кровотечение есть... небольшое. Когда легкое расправится, оно остановится.

— Вряд ли это поможет. Ты знаешь об этом не хуже меня.

Белый маг отвёл взгляд.

— Будь добр, поторопись с инструментом.

Отодвинув занавесь, которой этот уголок горницы был отгорожен от остального помещения, вошёл Радагаст, поставил на стол небольшой резной сундучок, откинул крышку.

— Вот, здесь корпия, повязки, немейник, порошок коры осины... это от хвори желудка... пятилистник — от бессонницы... волчий след...

Саруман разглядывал принесенные Радагастом вещицы отсутствующим взором. Мысли его, судя по всему, были далеки от содержимого сундучка.

— Мне понадобится много кипяченой воды, бычий пузырь и пара ощипанных птичьих перьев... лучше гусиных, но и любые другие подойдут. Сможешь обеспечить?

Радагаст рассеянно подергал бороду.

— У меня, кажется, был припасен пучок перьев на чердаке, в шкафчике, где я храню бутыл с чернилами. Возможно, там удастся найти пару подходящих.

— Неси. Посмотрим, что тут можно сделать.

Эймендил, уже собиравшийся выйти и задернуть за собой занавес (но почему-то с этим не спешивший), на секунду обернулся:

— Позволь спросить, что именно ты намерен предпринять, Курунир?

— Не думаю, — мягко отозвался Белый маг, — что тебе стоит этим интересоваться.

Но Эймендил не отступал:

— Один из твоих... «любопытных опытов», полагаю?

— Тебя, кажется, ждут раненые, — бесцветным голосом напомнил Саруман. — Или ты, гм... всё же, несмотря ни на что, хочешь поучаствовать?

Лекарь покачал головой — скорее осуждающе, чем сочувственно.

— Творец упаси, нет! Напротив — я бы хотел тебя предостеречь от... необдуманных поступков. Владыка, боюсь, подобное деяние не одобрит.

— Владыка вправе одобрять или не одобрять что угодно, — в голосе Сарумана скользнуло плохо скрытое раздражение: докучливость собеседника, по его мнению, явно начала переходить допустимые границы. — Но вряд ли это заставит меня изменить принятое решение.

— Не сомневаюсь. — Эймендил внимательно посмотрел на мага. Потом вновь качнул

головой, что-то едва слышно бормотнул под нос и вышел — не прощаясь.

***

— Если это то, о чем я подумал, то... ты и впрямь полагаешь, что это хорошая мысль? — хрипло прокаркал Гарх.

— А ты можешь предложить что-то иное? — эхом отозвался Саруман.

На столе горели свечи, бросая сполохи света на лежавший рядом кинжал Гэджа — по-прежнему тёмный, потухший, бурый, точно покрытый слоем ржавчины. В плоске, стоявшей на решётке жаровни, кипела вода — и ворон, склонив голову к плечу, задумчиво следил за непрерывным круговращением в ней беспокойных пузырьков воздуха.

— Я только хотел сказать, что тот парень, Бран... там, в Изенгарде... от этого умер, ты помнишь?

Выбрав одно из принесенных Радагастом перьев, Саруман крепкой нитью прилаживал к нему вываренный в кипятке бычий пузырь.

— Я знаю, в чем причина. Кровь Эстора не подошла Брану по каким-то своим свойствам... оказалась несовместимой, если можно так выразиться, и попросту свернулась в его жилах. — Он секунду помолчал. — С Гэджем этого не случится.

— Ты уверен?

— Да. Мне как-то выпал подходящий случай проверить... Впрочем, искать других желающих поделиться кровушкой с орком у меня все равно нет сейчас ни времени, ни охоты. К тому же — Эймендил прав! — вряд ли кто-то из местной публики согласится добровольно в этом участвовать... А если я этого не сделаю, Гэдж умрет.

Гарх нахохлился, точно его знобило.

— Кровь волшебника, влитая в жилы орка... невиданное дело. Келеборну это и впрямь вряд ли понравится.

— Надеюсь, он даже сочтёт это оскорблением. Но довольно болтовни, время не терпит. — Белый маг закатал рукав, решительно резанул ланцетом жилу на левой руке, ввёл в вену острый кончик пера. Осторожно разжал стиснутые пальцы: алая струйка побежала по прозрачному стержню в бычий пузырь, скользнула на дно, закрутилась змейкой, будто устраиваясь поудобнее...

Бесшумно откинулась занавесь, вошёл эльф с белой повязкой на рукаве — помощник лекаря — и небольшим ларцом, в котором что-то металлически позвякивало. Поклонился Белому магу.

— Здесь ткани, корпия и инструмент. Эймендил прислал меня передать.

— Хорошо, — бросил Саруман через плечо. — Поставь на стол. А ещё лучше — не сочти за труд, достань ланцет и трубки и положи в плоску с кипятком.

— Как скажешь, Курунир. — Эльф щёлкнул замочком ларца, ловко опустил в кипящую воду ланцет, тонкие серебряные трубки и длинные металлические щипцы. На секунду остановился, подозрительно косясь на мага и странное приспособление в его руках. Саруман перехватил его взгляд.

— Что-то ещё? — спросил он резко. Он старался держаться к посланнику спиной, но, видимо, скрыть от острого эльфийского взора закатанный рукав, струйку крови на коже и сомнительного предназначения пузырь с алой жидкостью ему все-таки не особенно удалось.

— Нет, Курунир, — эльф, стусевавшись, отвёл глаза. Вновь коротко поклонился,

бесшумно повернулся на пятках и вышел — так поспешно и без оглядки, точно опасался стать соучастником гнусного преступления.

***

Рассвет близился. Небо на востоке посветлело, но лес за изгородью шумел недобро, зловеще; суровые молчаливые сосны стояли, точно стражи в одинаковом зелёном облачении, и под пологом их высоких крон клубилась серая предрассветная мгла.

— Лес сегодня неспокоен, — вполголоса заметил Келеборн. — Слышишь?

— Но Завеса, по крайней мере, восстановлена. В том числе и моими стараниями — не в последнюю очередь, — скромно отозвался Гэндальф. Он только что вернулся из Змеиной лощины, где напару с Радагастом воссоздавал сеть защитных заклятий, и, сидя на колоде для колки дров, теперь внимательно разглядывал ладони: кончики его пальцев ещё слегка пощипывало от «остаточных чар», словно их кололи невидимые иголки. — Так что, полагаю, нападения в ближайшее время ожидать не придётся.

— Это радует, — со вздохом заметил Келеборн. — Мне хотелось бы быть спокойным за Росгобел — по крайней мере, сейчас... На рассвете я с дружиной возвращаюсь в Лориэн.

— Вот как?

— Да. Галадриэль прислала сообщение с голубем: Элронд со свитой сегодня прибывает в Карас-Галадхэн, и его визит требует моего непосредственного присутствия. А на этом берегу, полагаю, ситуация вряд ли изменится в ближайшие дни. В Росгобеле во всяком случае останется десятка Линдола. — Келеборн по-прежнему смотрел в лес. Рассеянно поглаживал медальон, висевший на груди и хранивший в себе воссоединенный «сит-эстель». — Хеледир погиб, тебе об этом известно? — спросил он отрывисто. — Его замучили в плену.

Где-то в лесу за забором протяжно скрипнула старая сосна — точно издала долгий скорбный стон.

— Я сожалею, Келеборн. — Гэндальф сочувственно склонил голову. — Хеледир был отважным воином.

— Да. Проклятая Крепость забирает лучших! Но он будет отомщен, его мученическая смерть не сойдёт оркам с рук. Эти твари получают по заслугам, как получали во все времена и во все Эпохи от сотворения Арды. — Владыка чеканил слова холодно и размеренно, как чеканят по плацу тяжёлую поступь. Секунду помолчал, справляясь с чувствами, провел рукой по лицу. Добавил глухо, словно бы с неохотой: — Кстати, об орках. Этот подранок-мальчишка, которого Саруман притащил в Росгобел... Что ты вообще о нем думаешь?

Волшебник как будто слегка удивился.

— С каких пор тебя это интересует?

— С тех самых, как мне о нем поведал Эймендил.

— Эм?

Лицо Келеборна, настолько бледное и усталое, насколько вообще может быть бледным и усталым лицо эльфа, не на шутку обеспокоенного происходящим, стало ещё сумрачнее.

— У мальчишки пробито легкое, и он потерял много крови. Эймендил уверен, что он долго не протянет.

— И что тебя тогда так тревожит?

— Если верить Эймендилу и его помощнику — а у меня нет причин им не верить,

Гэндальф — Саруман исполнился решимости во что бы то ни стало эту критическую потерю крови восполнить. Грубо говоря, влить в жилы орчоныша недостающую кровь... извне.

Гэндальф с преувеличенным интересом разглядывал зудящие и — временами — неприятно немеющие кончики пальцев. Волшебник был по-настоящему измотан волнениями и событиями прошедшей ночи, и ввязываться в очередные споры или, тем паче, пререкания с Владыкой ему сейчас не слишком-то и хотелось.

— И... что? По-твоему, Саруман окончательно сошёл с ума? И ты непременно желаешь это обсудить?

— А по-твоему, это... деяние... не достойно обсуждения?

— Сдаётся мне, ты хочешь от меня не столько обсуждения, сколько *осуждения*, Келеборн.

Эльф сурово сжал губы.

— Саруман не только задался подобными сомнительными намерениями, но и, насколько мне известно, их осуществил. Восполнил эту потерю *собственной кровью*. И что ты на это скажешь, Гэндальф?

Гэндальф по-прежнему внимательно рассматривал пятнышки грязи на ладонях. Встряхнул кистями рук, пошевелил пальцами в воздухе. Рассеянно потёр между ладонями кончик бороды, и без того растрепанной, как старое мочало.

— А что я должен говорить, Келеборн? Вернее, что ты хочешь от меня услышать?

— Тебя это совсем не, гм... не удивляет? Подобная выходка и впрямь похожа на безумство, ты не находишь?

— Подобная выходка похожа на безумство человека, цепляющегося за соломинку в попытке спасти умирающего.

Эльф хмыкнул.

— Правда? Я так не думаю. Сам факт подобного вмешательства в естество, созданное Творцом, представляется, мягко говоря... нездоровым. Даже непозволительным. И, возможно, ты будешь удивлён, но меня это по-настоящему возмущает, Митрандир. И даже, в некоторой степени, ужасает.

— Ну, — пробормотал Гэндальф, — я не сомневаюсь, что ты бы не стал столь неосмотрительно разбрасываться собственной кровью... или, по крайней мере, нашел бы ей куда лучшее применение.

— Разумеется. Что же это, по-твоему, начнется в мире, Серый, если каждый начнет с этакой щедростью разбрасываться собственной кровью, этим бесценным даром Творца... смешивать орочью кровь с гномьей, гномью с человеческой, человеческую... может быть, с кровью высокородных эльфов? Это... неслыханно, невообразимо. Даже хуже — вопиюще! — Келеборн на секунду умолк — не то в самом деле потеряв дар речи от благородного негодования, не то подыскивая достаточно хлесткие и разящие наповал слова. — Ответь: не чем-либо подобным занимается в своем гнусном логове и Саурон, создавая этих мерзких, порченных магией «шаваргов», а? Страшно представить, до какой степени бесстыдства и вседозволенности нужно дойти, чтобы решиться на подобное «смешивание»... на подобное, не побоюсь этого слова, *искажение*... на поистине безнравственный опыт, попирающий не только все устои человеческого — или пусть даже орочьего! — естества, но и саму его сущность!

Голос Гэндальфа звучал хрипло и надтреснуто:

— То есть ты действительно полагаешь, что речь идет о всего-навсего очередном

«опыте», Келеборн?

Владыка смотрел на собеседника с привычным уже снисходительным сожалением.

— Зная Сарумана, трудно предполагать что-либо другое. Неужели ты в самом деле веришь в то, что мальчишка может выжить? Вернее, так: неужели ты в самом деле веришь в то, что Саруману это *надо*?

— То есть, по-твоему, он всего-навсего воспользовался удобным случаем, чтобы на практике проверить одну из своих бредовых идей?

Келеборн печально улыбался уголком губ.

— А по-твоему — нет? О, Митрандир, насколько все же трогательна и наивна (чуть было не сказал — неуместна) твоя вера в людей... Не знаю уж, что это за очередной нелепый кунштюк с переливанием крови, и чем он грозит обернуться для нас в будущем, ясно одно: орчоныш подвернулся очень удачно, чтобы вновь стать жертвой очередного бесчеловечного опыта и позволить своему наставнику над собой надругаться, прежде чем окончательно этот мир покинуть...

Гэндальф по-прежнему не поднимал глаз. Слушал, как поскрипывает за забором сосна — негромко и сонно, точно в легкой полудреме.

— А если бы на месте Гэджа оказался... ну, допустим, Эллоир? Или Линдол? И подобное, гм... сомнительное деяние представлялось бы единственным способом его спасти и сохранить ему жизнь? Или в таком случае подобный «вопиющий опыт» уже не показался бы тебе столь бесчеловечным и «вопиющим»?

Келеборн поморщился.

— Не передергивай, Митрандир. Ты пытаешься перейти от общего к частному. Но вряд ли стоит ставить на одну чашу весов жизнь бессмертного эльфа и... — Он запнулся.

— И жизнь какого-то паршивого орка?

— Я этого не говорил.

— Но хотел сказать, уж не отпирайся.

Келеборн вздернул подбородок.

— Гэндальф! Ты хочешь меня оскорбить? Ничего подобного я не имел в виду. Просто, видишь ли, с точки зрения эльфа...

— Ты когда-нибудь пробовал судить не с точки зрения эльфа, Келеборн? — перебил волшебник.

— Вижу, — с прохладцей заметил эльф, — ты начинаешь считать мою точку зрения недостаточно беспристрастной и здравомыслящей?

Гэндальф наконец-то отлип взглядом от линий на ладонях. Поднял голову и в упор посмотрел на Владыку.

— Я начинаю считать — уж извини — что другие точки зрения, отличные от твоей, для тебя не только несущественны, но зачастую и вовсе не существуют.

Бледный лик Келеборна одеревенел, и покровительственно-понимающая усмешка медленно сползла с него, будто старое пробитое забрало. Эльф стоял, остолбенев, вскинув руку к щеке, точно получив внезапную пощёчину — или с трудом заставляя себя верить в услышанное.

— Ты, кажется, не в себе, Митрандир. Я не хочу с тобой спорить.

— Почему же? В спорах рождается истина, — с горечью напомнил маг. — Будь она неладна...

— Я не хочу с тобой спорить, — сухо пояснил эльф, — лишь потому, что, в отличие от

тебя, все-таки склонен ценить нашу давнюю дружбу, в последнее время с каждым днем подвергающуюся все более серьезным испытаниям. Хотя, конечно, никто не запрещает тебе иметь и собственное мнение на этот счёт, отличное от моих скудных, узких и старомодных воззрений.

Гэндальф первым опустил взгляд.

— Хорошо. Давай забудем этот разговор. Я, знаешь ли, не хочу Сарумана оправдывать, но и осуждать тоже, прости, не стану. Гэдж для него — больше, чем просто ученик и объект странного «изыскания», я, увы, все-таки верю в это, как ни трудно тебе такое принять. И... ещё одно.

— Что?

— Не нужно заставлять меня делать выбор между дружбой и убеждениями, Келеборн. А то ведь я, чего доброго, могу выбрать и убеждения.

— Иного от тебя всегда было трудно ожидать, Серый. — Келеборн помолчал, точно пытаюсь решить для себя, стоит ли продолжать неприятные, да и бессмысленные, по сути, препирательства. Сдержанно вздохнул, видимо, все же полагая разумным на этот раз уступить. — Ну ладно, забудем... и пусть это останется между нами. Все мы сегодня устали и взвинчены, и не всегда можем отдавать себе отчет в собственных словах, мыслях и чувствах. Обещаю не держать на тебя обиды... Хотя, — добавил он с примирительным полушутливо-полусерьезным негодованием, — иногда твоё необъяснимое упрямство способно вывести из себя даже замшелый пень. Впрочем, не сомневаюсь, что рано или поздно твой здравый смысл все-таки возьмёт верх над всеми причудами, и наши досадные разногласия сменятся полезным для нас всех пониманием и надежным товариществом.

— Что ж, добре. Я тоже не хочу в этом сомневаться, — чуть помедлив, произнес Гэндальф. Сосна за забором вновь проснулась и отрывисто, громко скрипнула, точно пытаюсь поставить последнюю точку в разговоре...

Из темноты бесшумно выступил эльф в сером одеянии — Эллоир, — что-то негромко произнес, обращаясь к Владыке. Келеборн коротко кивнул.

— Уже? Ну, хорошо. Найди Гвиниона. Через час дружина должна быть готова к переправе. Из Лориэна вышли несколько «лебедей», — пояснил он Гэндальфу, — и нам лучше не медлить. Постараемся переправиться через Андуин на рассвете, пока над рекой стоит туман. Можешь спуститься на берег, к Ивовой заводи, если хочешь проститься.

— Хорошо. Я непременно приду, — сказал волшебник. И надолго умолк — слов у него больше не имелось, да ему и не хотелось сейчас ни о чем говорить. Ни с кем бы то ни было: ни с эльфами, ни с Келеборном, ни даже с самим собой.

***

Рассвет — там, за лесом — медленно разгорался. Саруман стоял возле окна, наблюдая за тем, как проступает из предутренних сумерек, точно нежный акварельный рисунок, новый день, как светлеет на востоке небо, как за изгородью медленно, точно появляясь из мутной воды, обозначаются верхушки окружающих Ростобел сосен...

По-прежнему горели свечи — вернее, огрызки свечей, пятная кляксами света побуревший кинжал. Гарх дремал на печной полке, иногда вздрагивая во сне. Белый маг откинул край занавески, чтобы взглянуть на мальчишку: Гэдж лежал на спине, из подмышки его торчала дренажная трубка, рука у локтя была перебинтована чистой тряпицей. Все

«рукодействия» были закончены меньше получаса назад — и порой магу начинало казаться, что дыхание орка выровнялось, и из него исчезла тревожная клокочущая нотка, что кожа мальчишки уже не такая прозрачно-серая, как раньше, что он не в глубоком беспамятстве — просто спит...

«Кровь Эстора по каким-то причинам не подошла Брану, оказалась несовместимой... И поэтому он умер».

Что, если Саруман ошибся в предположениях? Что, если «проверка», проведённая там, в Крепости, была основана на ложных предпосылках и оказалась в корне неверной? Что, если соваться в тайны крови и человеческого естества изначально было слишком глупой и самонадеянной затеей, и постичь их не дано ни ограниченному человеческому уму, ни дерзкому и пытливому — порой даже чересчур пытливому! — разумению волшебника?

Белый маг держал в руках тонкий кожаный шнурок. Пальцы его ни на секунду не оставляли полоску кожи в покое: перебирали, крутили, завязывали на шнурке узелки; один узелок — миновала особенно тягостная минута, второй — другая...

Ещё ничего не известно, слишком мало времени прошло, говорил он себе. Слишком мало, чтобы ждать каких-то изменений и делать какие-то выводы. Надежда ещё есть... по крайней мере — до рассвета. Ещё полчаса, час... Надо подождать... Надежда есть — не может не быть...

Чуть скрипнув, приоткрылась дверь, вошёл Радагаст — тихо, почти неслышно. Сообщил вполголоса:

— Дружина Келеборна покидает Ростобел. Эльфы ждут переправы в Ивовой заводи на берегу Андуина.

Саруман медленно обернулся. Сжал в руке злосчастный шнурок — и с некоторым удивлением обнаружил, что узелков на нем откуда-то взялось не меньше полудюжины.

— Ну что ж, я выйду проститься... Я все равно больше не в силах ничего здесь сделать.

Радагаст моргнул:

— Не тревожься, я побуду с мальчишкой, если для тебя это важно.

— Хорошо.

За окном стало ещё светлей, и огоньки свечей совсем приуныли, поблекли в сероватом предутреннем свете, точно чувствуя свою приближающуюся ненужность. Саруман задул те, что лепились к печной полке, и в воздухе остро запахло расплавленным воском, но даже этот едкий всепроникающий аромат не мог рассеять наглухо стоявший в горнице спертый дух — дух тревоги, уныния, растерянности, томительного ожидания чего-то непоправимого...

Рассвет неумолимо приближался.

Но кинжал на столе по-прежнему оставался бурым, угасшим, точно подернутым ржавой патиной, — и Белый маг, чуть помедлив, накрыл его тряпицей.

Молча, как накрывают мёртвое тело.

***

Над рекой, свиваясь и распадаясь, висели белесые ленты тумана, расслаивались и вновь слипались мутными комьями, медленно плыли вниз по течению — словно где-то там, в верховьях Андуина, некий великан со смаком и знанием дела попыхивал своей великанской трубочкой. Гэндальфу оставалось ему только позавидовать... Увы, заменить успокаивающее,

проясняющее мысли и придающее жизни смысла трубочное зелье волшебнику по-прежнему было совершенно нечем, кроме разве что высушенного мха.

Над западным берегом ещё копились, редая с каждой минутой, предрассветные сумерки, над водой нависали тени — но на востоке, над краем леса небо, подернутое легкими перышками облаков, нежно порозовело. Несколько изящных эльфийских ладей бесшумно скользили по реке от противоположного берега; они то скрывались в пелене тумана, то вновь появлялись из неё неясными сероватыми силуэтами, и на носу каждой из них был вырезан белоснежный, грациозно изогнувший шею лебедь, широкой грудью рассекающий темную андуинскую волну.

Келеборн, склонив голову, задумчиво наблюдал за приближением «лебедей», прохаживаясь по узкой полосе мелкого песка вдоль кромки воды. Под жидковатой сенью ивняка собрались воины королевской дружины; верный Эллоир неприметно таился где-то неподалеку, готовый в первый же момент по мановению руки Владыки соткаться из рассветной тени. Гэндальф нашёл местечко на большом камне возле воды — и сидел, глядя, как мягко набегают на песок шепчущая волна, как колышутся в прозрачной воде водоросли, похожие на зеленые щупальца, и ползет по шероховатой поверхности валуна ранняя улитка, одетая в хрупкую полосатую раковинку.

— Значит, Элронд сегодня будет в Лориэне... И когда ты намерен собирать Совет, Келеборн?

Владыка пожал плечами:

— Думаю, на будущей неделе. Голубь принесёт сообщение в Росгобел. Или, быть может, — добавил он, помолчав, — ты предпочтешь отправиться в Лориэн сейчас, вместе с нами? Для тебя во всяком случае найдётся местечко в одной из ладей.

Гэндальф вяло улыбнулся. Всё его тело вконец одеревенело от не слишком удобной позы и пронизывающей речной прохлады, и ему хотелось устало скрипнуть всеми суставами, как той неведомой сосне у опушки леса.

— Нет, друг мой. Я, пожалуй, останусь... хочу убедиться, что с Завесой и вообще с Росгобелом в ближайшие дни все будет в порядке.

Послышались тихие шаги: по земляной лесенке, взбирающейся по крутому откосу холма наверх, к Росгобелу, спустился Белый маг. Остановился чуть поодаль, кутаясь в бурый радагастов плащ. Когда-то он стоял точно так же, заворачиваясь в бирюзовую накидку, вдруг вспомнилось Гэндальфу — стоял там, на ступенях Ортханка, и лицо его было серым и безжизненным, как старый каменный барельеф. *«Бран умер два часа назад...»*

— Что... такое? Есть новости? — быстро спросил Гэндальф.

Келеборн как будто удивился:

— Курунир! Признаться, не ожидал тебя здесь увидеть... Пришёл сказать мне пару напутственных слов?

Саруман не удостоил его взглядом — задумчиво смотрел куда-то вдаль, на противоположный берег реки, на край земли, ограниченный далекой полоской Туманных гор. Глаза мага были непроницаемы и темны, как ночь — мрачная ноябрьская ночь, лишённая звёзд.

— А они тебе нужны, Келеборн? Мои напутственные слова?

Келеборн поднял брови.

— Ну, следовало хотя бы соблюсти приличия... раз уж нам с тобой предстоит расстаться, пусть и ненадолго. Должен тебе напомнить, что Совет состоится через

несколько дней, и мы все непременно хотим тебя там увидеть.

— Право, я порадовался бы куда больше, если бы вы все непременно хотели меня не только увидеть, но и *услышать*. Ты, насколько я понимаю, по-прежнему намерен настаивать на немедленной войне с Сауроном?

Келеборна внезапный вопрос врасплох не застал:

— А ты по-прежнему полагаешь, что этой войны можно избежать?

— Избежать? Нет... Но сейчас — не самое подходящее для неё время. Запад слаб и разобщен. Кроме того, не будем забывать об ошейниках... отсрочка, вероятно, позволила бы нам создать заклятие, способное разомкнуть эти мерзкие саурановы орудия без помощи назгульских колец.

— А ты действительно уверен, что такое заклятие возможно создать? — помолчав, спросил эльф. — Без применения тёмных сил?

— Честно — не уверен, — после небольшой паузы откликнулся Саруман. — Но попытаться, во всяком случае, стоило бы, разве нет?

Келеборн вздохнул. Прощёл несколько шагов по берегу туда и сюда.

— Да, но... Если мы будем медлить, Саурон соберется с куда большей мощью. Об этом уже было сказано не раз.

— Значит, надо не позволить ему этого сделать.

— Каким образом?

— Об этом я и предлагаю подумать на Совете. Посмотрим правде в глаза: на открытый штурм нам сейчас просто не хватит сил.

«Лебеди» были уже недалеко. Легкий, неприметный для глаза бег ладей был бесшумен и плавен, ни единым звуком — ни всплескиванием весел, ни скрипом уключин, ни голосом кормчего — не тревожа чуткую речную тишину, так что невозможно было в очередной раз не восхититься искусством эльфийских гребцов, опускающих весла в воду так умело и неслышно, что, казалось, белогрудые «лебеди» не плывут — парят над водой, легко и бесшумно, подобно чудесным видениям из прекрасного далёка.

— Увы, Курунир прав. Даже взять Дол Гулдур измором нам сейчас будет непросто, — со вздохом заметил Гэндальф. Он посадил полосатую улитку на палец и смотрел, как она, явно не ожидавшая увидеть мир под таким углом, с осторожным изумлением вытягивает шею и шевелит рожками.

Келеборн задумчиво попинывал мыском сапога белый камешек речной гальки.

— Это стоит обдумать. К примеру, насчёт осады... На западе Дол-Гулдур ограничен Андуйном, на севере — болотами...

— Но на юге почти до самых границ Мордора простираются безлюдные пустоши, вряд ли мы соберём достаточно сил, чтобы держать все эти обширные земли под пристальным надзором. А вастаки, живущие на востоке и северо-востоке от Дол Гулдур, ведут с Крепостью торговые дела и являются практически союзниками Саурана.

— Да, это явное затруднение, — с неохотой признал Келеборн. — Но вастаки — дикари по своей сути, вряд ли они могут представлять собой какую-то достаточно опасную и внушительную силу.

Гэндальф покачал головой.

— Зря ты так думаешь. Вастаки — храбрый и воинственный народ, они не испугаются наших мечей и стрел и даже, боюсь, могут найти, чем ответить.

— Мечей они не испугаются, это верно, — негромко заметил Саруман, по-прежнему

разглядывающий что-то на противоположном берегу реки, — но зато могут испугаться того, чего боятся все — и люди, и орки, и стар, и млад.

— Что ты имеешь в виду?

— Голод, холод... мор, в конце-то концов. Судя по тому, что я видел в Дол Гулдуре, в случае пришествия в Крепость какой-либо серьёзной хвори там все будет, гм-м... не особенно хорошо.

Келеборн и Гэндальф переглянулись.

— Э-э... ты это к чему?

Саруман задумчиво перебирал в пальцах тоненький кожаный ремешок с завязанными на нем узелками, видимо, размышляя, стоит ли продолжать:

— Я был в Крепости, когда на юг Дол Гулдур пригнали с востока партию рабов, у которых обнаружили признаки гнилой лихорадки. Распространение хвори удалось остановить только потому, что назгулы вовремя спохватились и успели установить кордоны... да и орки к этой болячке практически невосприимчивы. Но в другой раз Дол Гулдур может так и не повезти, особенно если туда нагрянет недуг, который долго не проявляет себя и плохо поддаётся лечению... Какая-нибудь пустынная чесотка, к примеру. Она не смертельна, но способна доставить много неприятностей и надолго вывести из строя — как людей, так и орков.

— Любопытно, — заметил Келеборн. — Только вряд ли существует магия, способная вызвать в Дол-Гулдуре подобное поветрие по щелчку пальцев.

— В пустынях Востока эту хворь разносят мыши и крысы. Так что задача... если мы вдруг решим её перед собой поставить... может оказаться вовсе не настолько невыполнимой, какой представляется на первый взгляд.

Келеборн нахмурился — и даже, пожалуй, встревожился. Уголки его губ опустились книзу, отчего рот стал похож на скорбную опрокинутую скобку.

— Но это... опасно. Такие игры с огнём никого ещё до добра не доводили... Кто может утверждать, что подобная хворь, вызванная намеренно, не вырвется за пределы Дол-Гулдура и не распространится по восточному берегу?

— Болота надёжно ограждают не только Дол-Гулдур от леса, но и лес — от Дол-Гулдура.

— А на юге и востоке?

— А на юге и востоке безлюдье и пустоши, да и подобные болячки — дело обычное... Но я пока не призываю ни отлавливать в пустынях заражённых мышей, ни запускать их в дол-гулдурские амбары, я просто, гм... привожу пример, как можно ослабить противника, не прибегая при этом к открытой войне. Ну, чисто умозрительно. — Саруман бросил на эльфа быстрый взгляд из-под полуопущенных век. — Ведь ты, помнится, сам хотел стать драконом, чтобы смести другого дракона.

Владыка не дрогнул. Смотрел на Белого мага прямо и пристально, и во взоре его в равной степени мешались изумление, негодование и холодное отвращение.

— Ты безумец, Курунир. Бессовестный и опасный безумец, я всегда это подозревал, а теперь в очередной раз имею возможность в этом убедиться. И, если я *хотел стать* драконом, то для тебя, похоже, это и впрямь давно пройденная ступень. Намеренное разжигание опасного мора... Это не просто низко и немислимо, это, я сказал бы — чудовищно. Подло. Одним словом... — морщась, он потер лоб кончиками пальцев, точно надеясь отыскать в памяти это, одно-единственное выразительное и точное слово.

— Не по-эльфийски? — подсказал Саруман.

— Скорее — по-орочьи, — вполголоса заметил Гэндальф.

— Зато действительно и доступно, — возразил Белый маг. — По-орочьи? Ну что ж, почему бы и нет? Орки порой отличаются исключительным здравомыслием и практичностью, направленной в первую очередь на достижение результата, а не витающего в облаках обманчивого идеала.

Келеборн зябко поежился — должно быть, речная прохлада давала о себе знать.

— Сдаётся мне, ты слишком много думаешь об орках в последнее время, — проворчал он. — Даже хуже — ты сам начинаешь думать, как орк. И предлагаешь нам тоже заняться этим?

— Если мы не будем думать об орках, — безмятежно возразил Саруман, — то кто будет? Саурон, надо полагать? Он уже весьма успешно продвинулся в этом направлении.

— По-твоему, мы должны уподобиться Саурону?

— Нет. Но мысль о том, что люди могут жить пусть не в мире, но в тесном соседстве и даже сотрудничестве с орками, тебе, вижу, просто претит.

— Зато ты, по-видимому, только об этом и мечтаешь, — процедил Владыка. — Орки занимают все твои помыслы...

— Как один из народов Средиземья — да. Я этого и не скрываю... Скажу даже больше — чем дальше, тем искреннее я ими, орками, восхищаюсь, Келеборн. Их жизненной силой, выносливостью, плодовитостью, приспособляемостью к любым тяготам существования и способностью крепко стоять обеими ногами на земле... Сколько тысячелетий их уже все гнобят, пытаются изгнать за край видимого мира или вообще стереть с лица Арды, извести под корень любыми возможными способами? А они здравствуют себе как ни в чем не бывало, отстаивают своё право на жизнь и место под небом, пьют, едят, веселятся, живут настоящим и не страдают невнятной хандрой по прошлому. Такой непотопляемости и стойкости духа и впрямь впору позавидовать, разве нет?

Призрачная флотилия белоснежных эльфийских ладей была на расстоянии полусотни ярдов от берега, и в их плавном бесшумном продвижении начало чудиться что-то жутковатое, чересчур неземное — скрипни уключина, или вполголоса выругайся прищемивший палец гребец, и, кажется, неприятное наваждение разом рассеялось бы. Но над рекой царила тишина — только волны, накатываясь на берег, шелестели тихо и словно бы виновато, точно стесняясь производимых звуков и вообще собственного существования.

Келеборн стоял неподвижно, как гранитная статуя.

— Что ж... меня не удивляют твои слова, — холодно произнес он. — Ты всегда видел в орках родственную душу.

— Не всегда, — помолчав, сказал Саруман. — Но я слишком долго пробыл среди орков, чтобы не рассмотреть их поближе и не научиться видеть, так сказать, «изнутри».

— В этом и есть твоя беда, — сухо заметил Келеборн, — и я уже начинаю опасаться, как бы она вконец не превратилась в нашу общую. Сначала ты начинаешь воспринимать орков как «народ», потом задумываешь странные «опыты» и берёшь на воспитание какого-то мальчишку, затем произносишь пламенные речи в защиту орков и высказываешься за «сотрудничество» с этими морготовыми тварями... что дальше? Начнешь зазывать этих отродий к себе на службу?

— Вижу, это окончательно сделает меня в ваших глазах отрицательным персонажем.

— И тебя это не пугает?

— Лучше быть отрицательным, Келеборн, — негромко сказал Саруман, — чем совсем никаким. Да, я твёрдо убежден: дальнейшее отношение к оркам, как к плесени на теле Арды, заслуживающей поголовного уничтожения, ведёт к тупику.

— А по-твоему, эти подлые и свирепые твари могут заслуживать иного отношения?

— Да. Хотите увидеть других орков, не подлых и не свирепых? Дайте им повод уважать вас, а не ненавидеть, сделайте шаг навстречу с колосом, а не с мечом в руке.

Эльф отрывисто усмехнулся.

— Орки не способны ни на признательность, ни на уважение — просто потому, что они орки, и их природа бесповоротно искажена Морготом. Поэтому все нелепые затеи «перевоспитать» орков, посыпать их сахарком и представить лучше, чем они есть, заведомо ложны и обречены на провал.

— Вы не хотите даже попытаться, — спокойно заметил Белый маг.

— Такие попытки могут слишком дорого обойтись. Это во-первых.

— А во-вторых?

— Само допущение подобных не то что деяний — мыслей подрывает устои нашего мира.

Саруман, опустив глаза, разглядывал беспорядочные стихийные узелки на кожаном шнурке.

— Я знал, что ты так заговоришь. Но мир меняется, хочешь ты этого или нет, Келеборн, и глупо прятать голову в песок в стараниях этого не замечать. Поэтому — либо мы изменимся вместе с миром, либо уже в обозримом будущем для нас здесь не найдётся места. И твоя беда, — твоя, да и всех эльфов, — в том, что вы слишком боитесь всего нового, и слишком цепляетесь за вещи, уже отживающие своё — как ни отвратительно для вас это признавать. Нельзя бесконечно застрять в настоящем и страдать по прошлому, дружище, мир без развития — это неизменно душный и неживой мир. Такой же затхлый и мертвый, как заросший мхом старый склеп на заброшенном кладбище.

— Это, к счастью, только твоё мнение, — бесстрастно заметил Келеборн, — и я имею полное право его не разделять. И, по мне, уж лучше мир совсем без развития, чем мир, неуклонно меняющийся в худшую сторону.

Один из «лебедей» был уже совсем близко — в бок валуна, на котором сидел Гэндальф, мягко ударила набегающая волна, рассыпалась крупными брызгами. Волшебник аккуратно подтянул подол плаща и вернул сидевшую на пальце улитку на камень — повыше, туда, куда не могли добраться длинные мокрые лапы реки.

— Невозможно навечно ухоронить мир в стеклянной банке, — помолчав, вполголоса произнес он. — А все новое всегда рождается через боль и кровь.

Белый маг оглянулся на него с удивлением.

— Надо же. Довольно странно слышать от тебя подобные высказывания, Серый.

— Это не мои слова. Это сказал мне Саурон.

Взгляд Сарумана, устремленный на Гэндальфа, стал каким-то особенно внимательным.

— Вон оно как. И, по-твоему, он был неправ?

— А по-твоему, выходит — прав?

— Если ты согласен с Сауроном, то о чем нам с тобой вообще говорить, Саруман? — с брезгливой укоризной заметил Келеборн. — Хотя я все ещё надеюсь, что подобные мысли — всего лишь печальное следствие твоего пребывания в Дол Гулдуре, и ты вскоре сумеешь от них, гм... излечиться. Иначе, боюсь, нам с тобой будет трудно отыскать общий язык...

особенно если ты и впредь продолжить говорить речами Саурона.

Саруман не ответил — нос подплывающего первым «лебедя» мягко ткнулся в песок. Вслед за ним подоспели и другие; шумно набежали на берег волны, звонко выкрикнул команду кормчий, союзно поднялись весла, роняя в тёмную воду тяжёлые капли. Келеборн вскинул ладонь к груди и приветствовал гребцов коротким возгласом. Эльфы засуетились, спуская с бортиков на берег деревянные мостки. Перед Владыкой нарисовался Эллоир, почтительно подал руку — и, легко взойдя по мосткам, Келеборн шагнул в лодку, слегка качнувшуюся под его весом.

Справа и слева на другие ладьи, избегая друг за другом по деревянным лесенкам, грузились воины королевской дружины — быстро, споро и слаженно; на всё про всё должно было уйти не больше нескольких минут. Эллоир поднялся следом за Владыкой, перекинулся несколькими словами с кормчим; мостки убрали, и молчаливые гребцы вновь взялись за весла. Пара воинов оттолкнули лодку от берега, ловко впрыгнули в неё сами, и белый «лебедь» медленно подался назад, готовый пуститься в обратный путь, к погруженному в розоватую рассветную дымку лориэнскому берегу.

— Что ж, до скорой встречи, друзья мои, — произнес на прощание Келеборн — он стоял на корме, выпрямившись во весь рост, по-королевски статный, величественный, среброволосый — и княжий венец мягко поблескивал на его высоком бледном челе. — Надеюсь через несколько дней увидеть вас в Лориэне — в добром здравии и, гм, несмотря ни на что — трезвом уме.

— До скорой встречи, Келеборн, — невозмутимо отозвался Гэндальф.

Владыка отсалютовал открытой ладонью. «Лебедь», покачиваясь с бока на бок, развернулся грудью к середине реки — и устремился прочь, оставляя за собой на волнах неглубокий, расходящийся треугольником след. За королевской ладьей потянулись другие — все в такой же пронзительной тишине, кутаясь в полупрозрачную дымку, по мере удаления от берега превращаясь в парящие над водой эфемерные причудливые видения. Стаей белых лебедей уплывая в свою тайную, скрытую за завесой не только тумана полусказочную страну...

— Саруман!

Белый маг заставил себя не вздрогнуть.

К подножию холма скатились несколько струек песка — кто-то торопливо спускался по вырезанным в косогоре земляным ступеням. Это был Радагаст — бледный, запыхавшийся, мрачно-встревоженный, спотыкающийся чуть ли не на каждом шагу.

В руке он нёс продолговатый свёрток из серой ткани.

***

Радагаст не произносил ни слова. Но слова были и не нужны.

Всё было понятно без слов.

Саруман молчал — молчанием тяжёлым, как надгробная плита. Гэндальф медленно выпрямился, держась за верхушку валуна — и внезапно почувствовал себя ужасно старым, старше этого прибрежного камня, старше Андуина, старше маячивших на краю земли Туманных гор, старше всего и вся — просто ожившим куском невероятно замшелой древности, грозящим расколоться на части и рассыпаться в прах от одного только неосторожного слова...

Радагаст переводил взгляд с Сарумана на Гэндальфа и обратно. Станный взгляд — растерянный, болезненно-взволнованный, как будто даже слегка удивлённый.

— Вот, — сказал он хрипло.

И откинул край серой ткани. В свертке лежал кинжал Гэджа.

Не темный, не ржавый — голубоватый. Чистые небесные тона проступали на клинке, и осыпалась пылью на ткань коричневая окалина, и виднелись сквозь бурю патину бледные, но уже отчётливо угадываемые узоры из цветов и виноградных лоз...

Саруман вдруг пошатнулся и прикрыл глаза ладонью. Губы мага шевельнулись беззвучно, точно шептали не то заклинание, не то неведомую молитву...

— Он очнулся, — негромко пояснил Радагаст. — Несколько минут назад. Кажется, ему лучше... хотя я не уверен... Думаю, тебе надо самому на него взглянуть. Там Гарх с ним остался... ну, на всякий случай... — Он умолк и как-то смущенно улыбнулся, точно не зная, что бы ещё сказать, да и надо ли вообще хоть что-нибудь говорить. Любые слова казались сейчас странно тяжёлыми, неуклюжими и неуместными, как булыжники в пуховой перине.

Натянутая струной тишина лопнула — с хрустальным звоном, словно разбилось тонкое стекло. Над Андуином как будто стало светлее — наверно, туман рассеялся, мимоходом подумал Гэндальф. Эльфийские «лебеди» были где-то на середине реки; интересно, спросил себя волшебник, успеют они добраться до противоположного берега прежде, чем окончательно рассветет, или нет?

— Что ж, ещё одной жертвы, кажется, удалось избежать... слава Творцу. Или Творец тут ни при чем? — Неприметно посмеиваясь в бороду, он оглянулся на Белого мага, который стоял чуть поодаль, по-прежнему сохраняя молчание, отвернувшись, пряча от собеседников лицо. Но ладони его были стиснуты в кулаки с такой силой, что побелевшие костяшки пальцев отчётливо выделялись на и без того бледной коже. — Скажи, — чуть помолчав, добавил Гэндальф, — так это все-таки правда? Насчёт... опасений Келеборна?

Саруман долго не отвечал и кажется, вовсе хотел не услышать; тем не менее после паузы сдержанно отозвался сквозь зубы:

— Келеборна в последнее время одолевает столько опасений, что я, право слово, теряюсь в догадках, какие именно ты имеешь в виду.

— Я об этом рукодействии... с переливанием крови. Ведь оно имело место быть?

Белый маг медленно разжал — заставил себя разжать — стиснутые ладони. Посмотрел на обнаружившийся в руке кожаный шнурок так, точно раздумывал, не стоит ли затянуть его у Гэндальфа на горле.

— Я не мог позволить себе потерять Гэджа, Серый.

— Слишком много душевных сил было в него вложено?

— Да. Но, если это лишает тебя почвы под ногами и внутреннего покоя, можешь считать, что таков действительно был замысел Творца. Иначе он, конечно, не допустил бы подобного кощунства.

— Что ж, пусть так. И...

— Что?

— Отныне в жилах Гэджа — твоя кровь, Саруман.

— По-твоему, это налагает на меня определенные обязательства?

Гэндальф промолчал — достаточно выразительно, чтобы его молчание не требовало облечения в слова. Белый маг коротко усмехнулся.

— Бедняга Келеборн! Готов поспорить, он уверен, что в своём преступном

умопомрачении я теперь готов породниться с орками... Боюсь, это добавит в мое и без того далеко не безупречное досье ещё несколько пикантных страниц.

— В худшем случае это может стоить тебе титула Главы Совета и права Последнего Слова.

— Что ж... смею заметить, для Совета это в конечном итоге станет куда большей потерей, нежели для меня.

Он вновь крепко сжал в кулаке изломанный узлами многострадальный шнурок и посмотрел наверх, на вершину холма.

Небо на востоке сделалось ярко-красным. Рождался в белой пене облаков новый день. Туман над рекой действительно поредел, пронизанный лучами рассвета, распадаясь отдельными фестонами, поднимаясь и рассеиваясь в прохладном воздухе. В тихом затоне возле берега отражалось небо — светло-алое, спокойное, лишь изредка колышимое едва заметной, пробегающей по поверхности воды рябью.

За лесом поднималось солнце, но в самой чаще было ещё темно и мглисто — где-то там, наполняя овраги и обнимая коряги, ещё плескалась ночная тьма, скрывая от всепроникающих солнечных лучей свои лесные тайны. Где-то там пряталось отступившее в глубину леса орочье воинство: зализывали раны в лагере раздраженные неудачей уруки, и, скрипя зубами, метался по землянке раздосадованный Каграт, и украдкой пересчитывал трофейные эльфийские стрелы осторожный Радбуг. А южнее, до границы Дол Гулдура простиралась сумрачная чащоба, и тянулся по-осеннему пустынный тракт, и мокрыми топями лежали болота, и густо чавкала трясина, и шныряли под покровом серого марева неугомонные гуулы. А ещё дальше молчаливо возвышались стены Чёрного Замка, и бродил по крепостной стене позевывающий Бардр, и размеренно похрапывал в душном тепле барака невозмутимый Эотар, и метался во сне на соломенном тюфяке Эорлим. Мучимый бессонницей Мёрд сидел у очага в пыточной, перебирая какие-то полуистлевшие от сырости старые описи; жевал очередную пойманную крысу вечно голодный Гомба, и прихорашивалась, глядя в начищенное медное блюдо, вертихвостка Вараха. Выли, жалуясь на несправедливую долю, запертые в подземельях шаварги, и тёмной незримой тенью метался под сводами дух развоплощенного Ангмарца, и — там, в своих высоких покоях под сводами Главной Башни — исходил желчью и холодной яростью Тёмный Властелин, методично полируя пилкой ногти на узкой четырехпалой руке.

— Да будет так. Идемте, — глухо сказал Саруман, и голос его чуть дрогнул. Белый маг по-прежнему смотрел наверх, на вершину холма, где стоял Росгобел — на конёк его крыши упал розоватый рассветный луч. — Меня ждут... там.

Гэндальф и Радагаст молча переглянулись. Кинжал в руке Белого мага сиял ровным серебристо-голубым светом — ясным и глубоким, как безоблачное небо.

Несмотря на туманное осеннее утро, день обещал быть солнечным.

Больше книг на сайте - Knigoed.net